АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

Р Е Д А К Ц И Я
А. М. ЕГОЛИН (ГЛАВ. РЕД.), Н. Ф. БЕЛЬЧИКОВ,
И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН и С. А. МАКАШИН

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1 · 9 · М О С К В А · 5 · 1

ХРАНИТЬ НАСЛЕДСТВО – ВОВСЕ НЕ ЗНАЧИТ
ЕЩЕ ОГРАНИЧИВАТЬСЯ НАСЛЕДСТВОМ
ЛЕНИН

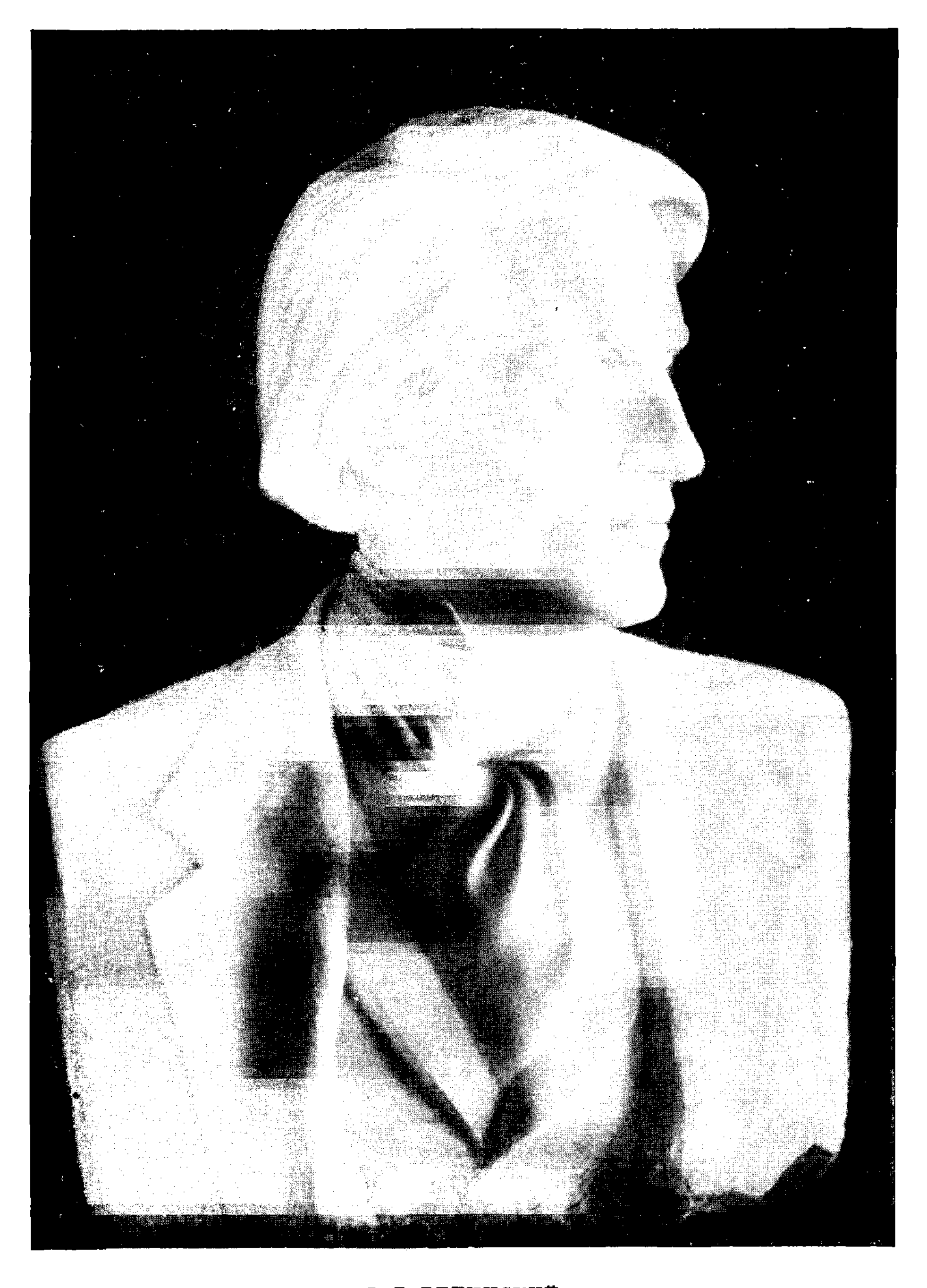
ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

57

В. Г. БЕЛИНСКИЙ

III

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1 · 9 · МОСКВА · 5 · 1

В. Г. БЕЛИНСКИЙ

Бюст (мрамор) работы П. Ф. Мовчуна

Художественная выставка 1950 г. Третьяковская галлерея, Москва

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ТРАДИЦИИ БЕЛИНСКОГО

«ВОСКРЕСШИЙ БЕЛИНСКИЙ»

ИЗ НЕИЗДАННОГО ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ Н. А. ДОБРОЛЮБОВА

Публикация Б. Козьмина

В конце декабря 1854 г. действительный статский советник Николай Иванович Греч, редактор-издатель газеты «Северная пчела», являвшейся, как всем в то время хорошо было известно, как бы рупором III Отделения— высшего органа политической полиции самодержавия, праздновал пятидесятилетний юбилей своей позорной «литературной» деятельности. С этим юбилеем Греч связывал много надежд и ожиданий. К его огорчению, они оправдались в очень скромной мере.

Прежде всего юбиляра огорчило то, что правительство не пожаловало ему к юбилею никакого ордена, который, как ему казалось, он вполне заслужил многолетней работой и не раз доказанной преданностью существовавшему порядку. Очевидно, высшими сферами его заслуги не были оценены в достаточной степени, и это, конечно, не могло не нанести весьма чувствительной раны его самолюбию.

Огорчило юбиляра и то, что среди лиц, почтивших своим присутствием его юбилей, оказалось гораздо больше чиновников различных ведомств и категорий, чем литераторов. Если не считать близких сотрудников «Северной пчелы» во главе со всеми презираемым Фаддеем Булгариным, литература была представлена только известным писателем В. Ф. Одоевским, присутствовавшим на юбилее, так сказать, по должности (он состоял помощником директора Публичной библиотеки, почетным членом которой являлся Греч), и несколькими литераторами, занимавшими весьма скромное место в литературе. Отсутствие более видных писателей, конечно, не было случайностью: в этом сказалось презрение, с которым относились к юбиляру тогдашние литературные круги. Юбилей и насмешливые отклики на него большинства органов прессы не оставляли никакого сомнения в том, что Греч стоит уже вне литературы.

В довершение всех неприятностей Греч в самый день юбилея получил анонимное письмо с весьма оскорбительным для него стихотворением. Неизвестный автор его именовал Греча «поборником лжи и мрака», «генералом подлецов», литературным «мошенником» и т. д. Автор утверждал, что «судьба презренью предала» как самого Греча, так и его сотрудников. С негодованием он писал:

Весь брак литературы нашей,
Все, что в ней пòшло и подлò,
Все к вам сошлось в газете вашей...

Кем было написано это стихотворение, Греч не знал и потому не мог донести на его автора своим друзьям из III Отделения. Правда, позднее до Греча дошли слухи, будто автор возмутительного стихотворения обнаружен: говорили, что им оказался какой-то студент Главного

педагогического института по фамилии Добролюбов. Передавали, что у этого Добролюбова институтское начальство произвело обыск и обнаружило запрещенные издания и выписки из них, что директор института намеревался исключить его из числа студентов, но по настоянию некоторых из профессоров, высоко ценивших этого студента и предсказывавших ему блестящую научную будущность, отказался от своего намерения, ограничившись строгим выговором и предупреждением.

Вскоре после юбилея Греча окончил свое существование Николай I. По этому случаю Греч напечатал в своей газете раболепный и лживый панегирик, в котором без зазрения совести превозносил умершего как великого человека и монарха, облагодетельствовавшего своих подданных [1].

Через несколько дней после напечатания статьи Греч вновь получил письмо, содержание которого поразило его еще более, чем полученное в день юбилея стихотворение.

Письмо было написано в исключительно резком тоне. Автор писал об умершем царе с жгучей ненавистью, как о деспоте, нисколько не дорожившем интересами русского народа. Автор письма презирал Николая как мелкого человека с непомерными претензиями, как самовлюбленное ничтожество, не принесшее своей стране ничего, кроме страданий, горя и унижения. С презрением отзывался он и о православной церкви, обвиняя ее в том, что она сделалась слепым орудием в руках самодержца, а ее служителей — в лицемерии, низости, раболепстве и холопстве перед предержащими властями. Не возлагал он никаких надежд и на преемника Николая. Наоборот, он высказывал убеждение, что от самодержца, каким бы он ни был, нельзя ждать ничего хорошего для народа именно потому, что он самодержец.

Приводим текст письма, полученного Гречем [2]:

Милостивый государь!

Вы, конечно, не стоите того, чтобы порядочный человек стал отвечать вам. Но мое негодование при чтении вашей статьи в «Северной пчеле» о смерти Николая Павловича было так сильно, что я решаюсь позабыть на несколько минут то глубокое презрение, какое всегда питал к вам, и унизиться до того, чтобы писать к вам, имея, впрочем, в виду не столько вас, сколько самое правительство, возбуждающее появление подобных статеек.

Неужели вы думаете, что Русь до сих пор так простодушна и глупа, как была за пятьдесят лет тому назад, когда вы только что начинали еще свою позорную деятельность? Тогда вы могли спокойно уверять и уверить всех в вашем руссизме, могли увлечь квасным патриотизмом, могли безбоязненно проповедовать рабское подчинение деспотическим условиям Российской монархии и иметь успех так же, как имеет успех на церковной кафедре скучный проповедник, которого благочестивые слушатели слушают, зевая, и думают: правда, правда,— да ведь уж это все известно давным давно. Иная старуха, пожалуй, заплачет даже от скуки и умиления, а потом и пойдут слушатели кто в должность—брать взятки, кто в кабак—выпить, кто в гости — посплетничать. В доброе старое время все точно так же согласились бы с вами в законности тирании, безмолвно и безусловно, а между тем стали бы надувать начальство, воровать казен-

ные деньги и всеми мерами подличать пред первым временщиком. Теперь другое дело: Русь не освободилась еще от подобных злоупотреблений, потому что они неразлучны с неограниченным правлением одного; но она по крайней мере имеет слабость не считать всего этого законным, и уже много найдется в ней голов, готовых осудить всякое мошенничество,

ПЕРВЫЙ ЛИСТ ПИСЬМА «АНАСТАСИЯ БЕЛИНСКОГО» ‹Н. А. ДОБРОЛЮБОВА› к Н. И. ГРЕЧУ ОТ 21 ФЕВРАЛЯ 1855 г.
Центральный исторический архив, Москва

хотя бы оно нашлось в самом обожаемом идоле российских монархистов, имеющем весьма мало отличия от древних египетских богов.

«Плачь, русская земля! Не стало у тебя отца»,— говорите вы. Досталось бы вам за подобную дерзость при покойном Николае Павловиче. Как же не стало отца? А новый император? Разве он не отец? Или вы думаете, что он еще слишком молод для этого? Не бойтесь! Окруженный

подобными вам пестунами, и он преждевременно состарится, отстанет от века и будет сечь плетьми и ставить на колени (с завязанными глазами) своих детей за то, что они не веруют более той святой истине, что рыбки пляшут на сковороде от радости при мысли, что царь будет их кушать.

Во всей вашей статье, с начала до конца, преобладает реторика. Напрасно не сделали вы ссылок на Кошанского или Ломоносова, как он сам делал это в одном из своих похвальных слов. Это было бы по крайней мере честнее. А то ведь, пожалуй, русский немец подумает (настоящий русский и настоящий немец не подумает), что покойник и в самом деле был и великий, и мудрый, и правосудный, и благочестивый. Что велик-то он был, это правда; но за то, кажется, достаточно вознагражден он уже тем, что гроб для него сделали в три аршина с половиной длины. Нечего было и толковать об этом. Мудрость его выразилась, может быть, в том, что он целый век позволял водить себя за нос иностранным дворам и потом за свои дипломатические неудачи отдувался боками русских солдат, которых для этого насильно исторгал из объятий жен и матерей. Правосудие его достаточно знает каждый правый человек, получавший из какой-нибудь палаты, суда или департамента указ его императорского величества императора и самодержца всероссийского о том, что его процесс проигран, что просьба его не исполнена, что с него требуют штраф, что он присужден к лишению таких-то и таких-то прав. Подобных людей наберется пол-России. Другая половина тоже знает его правосудие, потому что тоже указом его императорского величества императора и самодержца всероссийского утверждалось подделанное завещание, подложный вексель, оправдывалось намеренное банкротство, награждалось чинами и орденами самое отвратительное подличание, возвышались казнокрады и люди, торгующие самыми священными чувствами человека. Знают это правосудие и те многие благородные мученики, которые за святое увлечение благом России, за дерзновенное обнаружение в себе сознания человеческого достоинства терзаются теперь в рудниках или изнывают на поселении в пустынной Сибири.

Что касается его прославленного благочестия, оно не подлежит сомнению. Известно, что православная церковь и деспотизм взаимно поддерживают друг друга; эта круговая порука очень понятна. Я бы мог вам указать на то, что существует, кроме благочестия церковного, благочестие христианское, состоящее в братстве и любви, но вы этого не поймете, и я скажу вам только, что у нас благочестие подделывалось под царя, а не он следовал правилам благочестия. Какой-нибудь солдат Протасов [3] управлял всей церковью русской, и в нем выражалась всегда воля святого духа, который вечно пребывает в церкви. Известно, что монах, и особенно русский монах, готов за орден продать Христа и отложиться от самых святых своих убеждений (если таковые имеются); покойник очень хорошо понял это и управлял архиереями точно так же, как ротой солдат. Ставили в митрополиты молчаливых, давали ордена за то, что архиерей представил из своего округа больше солдат из духовенства; давали им в епархиях право притеснять и терзать несчастных попов, которые в простоте души

своей виноваты во всех нелепостях православия ровно столько же, сколько ослы и овцы виноваты в том, что они ослы и овцы. По благочестии же эти две главы церкви подкупили Семашко [4], который из-за чести быть подручником Протасова не усомнился подвергнуть ужасам раздоров, беспорядков и мерзости запустения целых два миллиона униатов, вовсе не приготовленных к соединению с православием. Говорят, Клейнмихель [5] дал оплеуху какому-то архиерею. Не думаю, чтобы он забылся до такой степени; но уверен, что из всех существующих на Руси архиереев разве пяти-шести нельзя сделать этого, пользуясь покровительством царя!.. Царь у нас, как богдыхан,— и первый жрец, и первый сановник. Он, правда, не служит сам обедни; но это только потому, что не хочет. Зато что хочет, то он беспрепятственно делает в духовных делах; захотел, чтобы обедню для него сократили,— и сократили. Захотел, чтобы многие из праздников были уничтожены,— и послушный синод уничтожил их. Не захотел пускать детей дьячков в гражданскую службу,— и поневоле должны были, бедные, итти в мужики или прямо в солдаты. Не захотел он праздновать в великую пятницу именины своей супруги,— и св. Александра по его воле переехала на два дня вперед со своим праздником. И за все это русская церковь так уверила покойного в его святости, что, умирая, он уже не сомневался в себе, даже не просил ⟨о⟩ себе молить православных, а, напротив, сам обещал России свое высокое покровительство, с важностью утверждая, что он будет за нас молиться, хотя об этом никто и не просил его.

Вы говорите, что «он был народолюбив и народом любим». Не совсем удачная игра слов и совсем несправедливая игра мыслей! Пожалуй, можно сказать, что он любил народ, как паук любит муху, попавшуюся к нему в паутину, потому что он высасывал из него кровь,— как чиновник уголовной палаты любит преступление и преступников, без которых он не мог бы служить, брать взятки и жалованье,— как тюремщик любит арестантов, без которых ему самому некуда было бы деваться, потому что к другой должности он уже большею частью неспособен. В русском царе соединились все эти побуждения в высшей степени: как паук сосал кровь своих подданных, как уголовный чиновник находил пищу для своей деятельности в наказании преступлений и даже издал собственное уложение о наказаниях уголовных и исправительных, где, кроме того, что прежде считалось преступным, также объявил преступлением всякое проявление самосознания, всякую светлую мысль о благе и справедливости, всякое покушение защищать собственную честь против подавляющего тиранства и насилия,— а исправлением (держась пословицы, что горбатого исправит только могила) назначил смерть физическую или политическую. Как тюремщик, наконец, сторожил он свой народ, крепкие кандалы надел на русский ум, не выпускал путешествовать на свежий европейский воздух, как бывало прежде дозволено, не дозволял даже узникам размениваться мыслями и понятиями с их родными братьями по мысли, установивши иностранную цензуру, которая, как высокий забор, отделила Россию от всех успехов мысли и науки европейской.

Не знаю, может быть, по-вашему, он достоин за все это венца небесного, но земной-то венец он носил тридцать лет совершенно недостойно, единственно благодаря тому, что крепка тюрьма русского народа и что в последнее время этот народ совсем отстал от людей и ничего не знает, что делается на свете.

Любил ли его народ, любил ли наш народ кого-либо из царей, любил ли какой-нибудь народ тиранов своих — это еще вопрос, который, не думаю, что бы мог быть решен в вашу пользу. Не воображаете ли вы, что вы с братиею составляете русский народ? В таком случае вы жестоко ошибаетесь. Знайте же, что для русского мужика царь есть отвлеченное понятие, самодовольное и всеблаженное, потому что имеет возможность «одно сало есть». Для среднего сословия — это всевозможное великолепие, роскошь, золотой мундир, драгоценная порфира, семиверстный дворец — что за личность во всем этом открывается, до этого дела нет. Для аристократов — это опора, на которой утверждаются их собственные притязания и права, дающие им удобство делать всевозможные мерзости. В ком же можно подозревать любовь к царю? Не в вас ли? Поверьте, что вы любите не его, а разве чины и награды, которые он вам давал. Вспомните ваши чувства, когда Востоков [6] получил Станислава, а вы остались со своим комическим, осмеянным юбилеем. Разве не в том ли, может быть, видите вы любовь русского народа к царю, что солдаты прокричат: «рады стараться», проходя мимо царя церемониальным маршем: да ведь это форма, солдат стал бы кричать, если бы ему было приказано командиром: à bas Nicolaus!*, совсем не понимая смысла этих слов. Или то удостоверяет в царелюбии, что около царя собираются многолюдные толпы, особенно в провинциях; да ведь толпы народа собирались около человека, который наблюдал с площади беззубую муху на Адмиралтейском шпице.

Вы утверждаете, что «Николай Павлович был любимым сыном неба». Не находясь в таких коротких сношениях с небом, как вы, не могу сказать, верно ли ваше замечание. Нам, земным людям, известно только, что он был любимым сыном Марии Федоровны, которая и постаралась отнять для него престол у Константина. Деятельное участие его в этих интригах доказывает, между прочим, его непоколебимую честность и правдивость, о которой вы отзываетесь с таким восторгом. Последующие события доказывают еще более его неустрашимость: в самом деле человек, который своего брата не устрашился отравить[7] в благодарность за то, что он уступил ему царство,— такой человек имел много мужества и уж никогда, конечно, не мог остановиться на пути к цели из сожаления пролить невинную кровь нескольких десятков тысяч русских рабов.

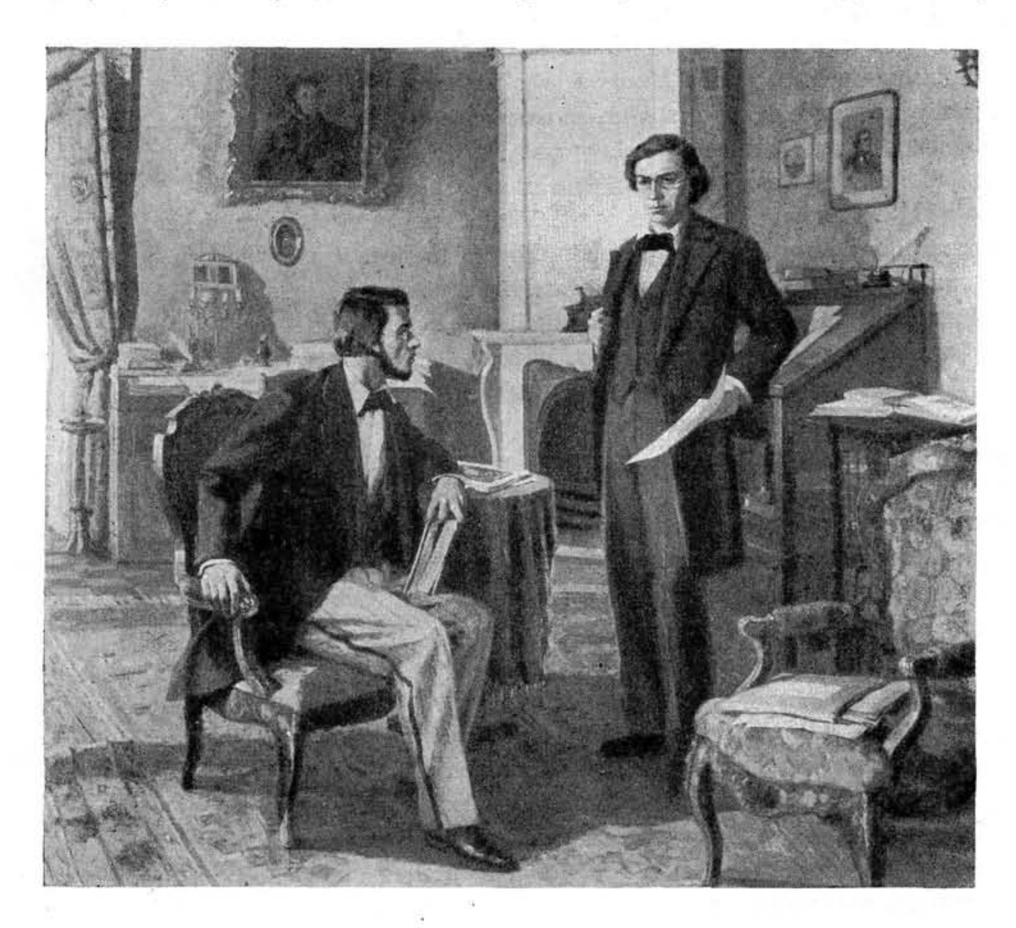
Что «он не лишился веры в человечество», как говорите вы,— это, кажется, нисколько не удивительно: имея под руками такой простодушный народ, как русский, трудно не веровать в человечество, разумеется, понимая его в вашем смысле. Человечества в собственном

---

* Долой Николая! — *Ред.*

смысле он не признавал; иначе он понял бы, что человек не может быть рабом человека, не может отступиться от своей воли, чести, рассудка для того, чтобы повергнуть их к стопам барина, который сознательно или бессознательно мучит его, совсем не по-человечески.

Соображая все, чему я был свидетелем в большую половину царствования Николая, я нахожу, что в самом деле в нем сильно развит был фатализм, который вам угодно называть верою и преданностью к богу. К этому

Н. А. ДОБРОЛЮБОВ и Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ В РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «СОВРЕМЕННИК»

Картина маслом А. С. Гугеля

Художественная выставка 1950 г. Третьяковская галлерея, Москва

фатализму отношу я и его поездку в Москву во время холеры. Если же и нет, то, как хотите, одно из двух: или он считал болезнь заразительною, и тогда его предприятие — глупое дон-кишотство, или не считал, и тогда... тогда эта поездка замечательна не более, как и ваша поездка за границу.

Грустно и совестно говорить мне о строках, в которых, конечно, против вашей воли, отразилась, как в зеркале, ваша подленькая натура. Вы не находите для частного человека других побуждений к исполнению долга, кроме желания наград и отличий и опасения ответственности. Вот истинно-монархическое рассуждение настоящего русского подданного! Вот на

чем утверждается сила и благополучие России! Хорошо было бы, если бы все мы руководствовались такими правилами в наших служебных отношениях! До чего может опошлеть и измельчиться человек с этими царственными началами! Ваше превосходительство! замолчите, пожалуйста, на всю жизнь, вы не подвергнетесь ответственности за это, и даю вам слово, что положу на ваш гроб Андреевскую цепь; пусть ваша душа запрыгает от радости на том свете.

«Как кстати умел он награждать!» — восклицаете вы... Да, нельзя не согласиться: кстати отказался он от выгод частных акций, чтобы дать Клейнмихелю построить Московскую железную дорогу[8]; кстати дал Бибикову неограниченную власть в киевском округе[9]; кстати посылал сыновей на Кавказ и в Крым за Георгием[10]; кстати посылал Паскевича против неприятелей в прошлом году [11]; кстати Орлову дал графство и посадил его в III Отделение [12]; кстати разрешил юбилей темному грамотею Гречу...; кстати поставил Антония митрополитом в Петербург; кстати и Панин попал в юстицию [13]; кстати все эти Адлерберги, Пушкины, Назимовы[14] поставлены на своих местах! Величайший остроумец в мире не придумал бы такого затейливого маскарада, какой представляют все эти сановники, так сказать, помещенные на верхних ступенях государственной иерархии. Впрочем, с другой стороны, нельзя не вспомнить и того, как сослан был на Кавказ генерал, дважды взявший царя в плен на маневрах; нельзя не вспомнить о благоволении, какое оказано было Ермолову, о награде гениальному Дибичу[15]. Нельзя не вспомнить ссылки Пушкина и Лермонтова, смерти повешенного после прощения Рылеева [16], высланного Искандера, да мало ли кого можно вспомнить. Дело в том, что это сделалось очень кстати, и уж именно на удивление и позор своим и чужим.

Помню и рыцарское его великодушие в восстании декабристов, в польских делах 1831 г. [17], в заговоре 48 года [18]. В самом деле, сколько великодушия! Там его величество державным словом обещает забыть все и возвратить имущество изгнанникам: только жаль, что его слову уже не верят, и славный Чарторижский и доселе не посмел воспользоваться правом, обеспеченным надежным ручательством русского царя [19]. В другом случае он всемилостивейше повелевает сослать бедных молодых людей на всю жизнь в каторжную работу, лишая их даже счастья славно умереть за святое, правое дело. В отношениях к другим державам он выказал не только великодушие, но и любовь к своему собственному народу. В самом деле, вспомните египетские дела. Не великодушно ли, не благородно ли было, только что кончивши кровавую войну с султаном,— вдруг грудью стать за него, обрекать вновь на жертву смерти свои изнуренные войска, употреблять все средства своей топорной политики для того, чтобы поддержать его против Магомеда-Али, этой великой личности, так много обещавшей для цивилизации Востока? [20] Не великодушно ли было поддержать австрийского царя против движения свободной мысли и губить тысячи из своего народа, чтобы только не дать восторжествовать правому делу? Не благородно ли, не чисто ли по-христиански было содействовать восшествию на престол Луи Наполеона и поддерживать его против той

фамилии, которой столько покровительствовал в прежнее время русский же царь? Не показывает ли все это невиннейшее, баранье незлобие, забвение обид, любовь к врагам — только не своим, а своего народа и человеческих прав?.. Настоящий средневековый рыцарь или, еще лучше, пламенный юноша, спасающий лоретку Невского проспекта от преследований хорошенького офицера.

А твердость-то в убеждениях!.. О, это деревянная, каменная твердость!!.. Неподвижность истинно китайская!!!.. Да, впрочем, я подозреваю, что в этой голове нечему было и двигаться. Единственное возможное в его понятиях движение, это было движение и передвижение войск. Ему он посвятил всю свою жизнь и думал, что чем более он будет казаться солдатом, тем счастливее будет его народ; чем более будет терзать несчастные семейства земледельцев рекрутскими наборами, тем прочнее будет благосостояние России, тем непоколебимее стоит ее могущество. Солдат по призванию, солдат по образованию, по наружности и по внутренности,— он ничего не знал и не хотел знать, кроме военной дисциплины. И будто этот человек мог наблюдать за строгим исполнением долга каждым членом государства!!! Что вы? Да как он мог знать и понимать, хорошо ли идут дела государственные, знают ли свое дело чиновники, учители, духовные и проч.??? Неужели вы настолько близоруки, что не видите даже того, что у него шил сапоги непременно пирожник, а сапожник в свою очередь обращен был в пирожника? Не видите ли вы, что солдат управлял у него русской церковью; солдаты управляли народным просвещением; солдаты служили дипломатами; солдаты наблюдали за внутренним спокойствием и благосостоянием? В последние минуты жизни он вспоминал о своих солдатах и просил у них прощения, что не успел сделать для них всего, что хотел. О России он забыл или, может быть, думал, что она вся заключается в его войске. Интересно было бы видеть, что еще хотел он сделать. Вероятно, поставил бы унтер-офицеров митрополитами и попами служить ему обедню, по барабану, да посадил бы их на профессорские кафедры в университетах! И то ведь уж заставил маршировать студентов; желал бы я посмотреть еще марширующих монахов!!!

Да еще куда бы ни шло, если бы солдат-то был, по крайней мере, хороший! Карл XII тоже был солдат; но в нем как-то уважаешь эту львиную отвагу, этот военный гений, который осмыслял несколько его пристрастие и увлечение войной. Фридрих тоже был солдат; но за то прусская армия была при нем первой армией в мире. Не говорю уже о Наполеоне, который был велик и на войне, и в мире,— и как полководец, и как законодатель. А наш покойник только и ограничивался тем, что каждый год требовал новых рекрут из святой Руси, посылал их умирать за немецких королей, делал смотры, на которых отличался высоким ростом да громким голосом — и больше ничего!.. Целое царствование не мог он управиться с черкесами и в тридцать лет не мог привести свое войско в такое положение, чтобы оно могло с успехом встретиться в чистом поле с солдатами образованных европейских наций. Величается тем, что бьет турок и персиан, а явился английский флот, и ни один корабль русский не смел выйти

из своей гавани. Высадились союзники, и вот полгода губит наш к а п р а л свое войско в Крыму; подвергает невозможным бедствиям несчастных жителей, и до сих пор дожидался, кажется, очень жестокой зимы, чтобы заморозить, как в 12 году, своих врагов, да потом и возвеличить свою мудрую распорядительность. Покойный воображал в этом деле выигрыш себе несколько миллионов славянского населения, находящегося под чужеземною властью. Недоставало только сметки у его величества, что славянские народы довольно хорошо знают его, что, если даже придется им менять турецкое подданство на русское рабство, так и тут они еще подумают.

Вы заканчиваете свою статью испрошением благословения сыну царя и всей в е л и к о й семье его. Вероятно, ненамеренно, но вы жестоко сострили над ним. Дело в том, что царская семья действительно, говорят, не ограничивается теми членами, которые перечисляются в календарях. Маленькие графы Клейнмихели, говорят, правильнее могут быть названы Kleinnikolaus. Говорят еще, что благочестивому царю святейший синод дал вечную индульгенцию на все подобные обстоятельства. За то и он сам, с примерным великодушием прикрывая грешки своей дочки, дал свою фамилию незаконным детям Марии Николаевны.

Немудрено, что он надеется повалиться прямо в объятия божии на том свете. Он и здесь считает себя чем-то очень близким к божеству. Но ведь известно, что божества бывают разного рода — superioris et inferioris ordinis * — притом небесные, водные и подземные. Мне кажется, что ему подстать будет сидеть на престоле с каким-нибудь Плутоном из черного древа.

Русские надеялись на его сына, но эта надежда очень шаткая. Трудно сыну отрешиться от прежних отеческих правил. Для этого нужно много ума и силы воли. А еще не известно, в какой степени он наделен ими: если и захочет показать их, так, пожалуй, опозорит себя, доказавши только свои претензии и бессовестное упрямство. Да при том статейки, подобные вашей (разумеется, в тысячу раз умнее), не замедлят появиться и окончательно собьют его с толку, заставят забыть, что есть суд истории, что он обязан отчетом перед самим собою и перед целым народом, если осмеливается принимать управление над ним, что он должен угождать народу, а не народ ему,— все это он забудет.

И что за страшная, непостижимая связь, что за отношение между народом и царем!!.. Должен быть царь,— уж это так, как должен быть конек на крыше у крестьянина! А зачем?!.. Да хоть бы царь-то хороший! А то — и не избранный, и не русский, и не отличный ничем, а так, какой попался!!.. Странно, как столько времени люди не могут подняться из грязи предрассудков. А впрочем, что ж такое? Считали же, бывало, кита царем рыб, да и теперь еще некоторые считают; а между тем он вовсе даже и не рыба.

Анастасий Б е л и н с к и й

21 февраля 1855 года

---

* По римской мифологии боги делились на два ранга: высший и низший.— *Ред.*

С ужасом читал Греч это послание. Он понимал, что не случайно оно подписано фамилией Белинского: автор письма, несомненно, хотел показать, что он принадлежит к числу людей, политические убеждения которых складывались под влиянием сочинений знаменитого критика и публициста. Было совершенно ясно, что он смотрел на себя как на продолжателя дела, начатого Белинским. Это подтверждало и имя, избранное им для себя. Филологу по специальности, Гречу нетрудно было догадаться, что автор письма подписался Анастасием потому, что по-гречески это имя обозначало: *воскресший*. Итак, *воскресшим Белинским* именовал себя автор и притом с полным основанием. Недаром его письмо по своей революционной страстности и ненависти к произволу невольно заставляло вспомнить знаменитое письмо Белинского к Гоголю, которое, хотя в то время и не могло быть напечатано, но получило в русском обществе широкое распространение в бесчисленных рукописных копиях.

Греч решил немедленно сообщить о полученном им письме управляющему III Отделением Дубельту. Зная, что в утренние часы Дубельт обычно бывает на дому у своего начальника гр. А. Ф. Орлова для доклада, Греч решил, чтобы не терять времени, направить письмо Дубельту прямо в дом Орлова. Вот что писал Греч:

Милостивый государь
Леонтий Васильевич.

Получив сейчас, по городской почте, не знаю от кого, ужаснейшую якобинскую статью, должен почтительно препроводить ее к вашему превосходительству, и чтобы она дошла скорее, посылаю ее в дом его сиятельства графа Алексея Федоровича. Могу только прибавить, что почерк руки, которой написана она, мне вовсе не известен.

4 марта 1855, девять часов до полудни.

О впечатлении, произведенном на Дубельта посланием Анастасия Белинского, можно судить по надписи, сделанной им на изготовленной в III Отделении копии этого послания. Надпись эта не отличалась грамотностью: «при мерзкое письмо».

Надо ли говорить о том, как страстно хотелось Дубельту добраться до автора ужасного документа? Сохранились две собственноручные записки Дубельта, показывающие, в какую сторону были направлены им розыски и какие меры распорядился он принять, чтобы воспрепятствовать распространению послания Анастасия Белинского в обществе.

Первая из этих записок, написанная карандашом и местами не поддающаяся прочтению, гласила:

«Кто писатели?

Какие нам известны писатели? Каких мы призывали?

Перлюстрировать всех Гр. 〈? — *Б. К.*〉. Обязать Греча... 〈одно слово не разобрано〉.

Греч.

Должен быть участник „Отечественных записок“.

Пройдет все журналы и уведомит».

Как видим, Дубельт подозревал, что письмо, полученное Гречем, написано кем-то из писателей. Вот почему он поручил своим подчиненным выяснить, какие писатели известны III Отделению и какие вызывались на допрос в это учреждение. Вместе с этим Дубельт пригласил к себе Греча и имел с ним разговор по поводу злонамеренного письма. Греч

высказал Дубельту предположение, что автором письма должен быть кто-нибудь из сотрудников «Отечественных записок». Не ограничиваясь этим, Греч обещал обойти все журналы и выяснить, не известно ли в их редакциях чего-либо о полученном им письме и его авторе.

Дубельт стремился в самом письме найти какие-нибудь указания относительно его автора. Его соображения по этому вопросу были зафиксированы им во второй из его собственноручных записок.

Вот ее содержание:

«1. Остервенение сочинителя злостной статьи дает сомнение, что он из здешних журналистов и враг Гречу,

2. что он из поповичей, в этом я почти не сомневаюсь, и что он ученик Московского или Петербургского университета, первое потому, что он ударил сильно на Протасова и на все высшее духовенство, а другое, что он ни к селу, ни к городу упоминает о Пушкине и о Назимове,

3. что ему 35 или 40, не больше, ибо он сам упоминает в своих бреднях, что он сам был свидетелем большую половину царствования покойного государя,

4. что он должен быть не из дюжинных писателей, пишет резко и, по моему мнению, человек бессовестный, но по дерзости и правилам человек весьма опасный, и не удивлюсь, если он свою статью пошлет для напечатания в Лондон в типографию Герцена,

5. подписав Белинский, он ясно доказывает, к каким он принадлежит».

Все эти соображения и размышления Дубельта, свидетельствующие о том, как сильно он был заинтересован письмом Анастасия Белинского и с какой настойчивостью пытался разгадать, кем это письмо было написано, не привели к желательным для Дубельта результатам: автора письма обнаружить не удавалось.

Безрезультатными оказались и меры, принятые III Отделением по распоряжению Дубельта. Две докладные записки, сохранившиеся в деле III Отделения, знакомят нас с этими мерами.

Чтобы зловредное письмо не проникло в Лондон к Герцену, все письма, адресованные за границу, стали подвергаться перлюстрации. Но эта мера ни к чему не привела. «Корреспонденция эта,— констатировало III Отделение,— обнаруживает только скорбь и хорошее расположение к нашему правительству».

Агентам III Отделения удалось установить, что письмо, полученное Гречем, было подано в мелочной лавочке на Выборгской стороне (в то время почтовых ящиков не существовало, и отправляемые по почте письма сдавались в установленных местах: магазинах, конторах и т. п.). Хозяину лавочки было предложено внимательно следить за подателями писем. Ввиду того что, по его объяснению, в его лавочку подают письма только из госпиталя и Медико-хирургической академии, от начальства академии были затребованы в III Отделение образцы почерков всех студентов академии. Поступило около 800 образцов. Но среди них не нашлось ни одного похожего на почерк, каким было написано письмо, полученное Гречем.

Чиновниками III Отделения был составлен список живущих в Петербурге лиц, «более или менее известных своими литературными трудами». В этом списке значились фамилии: Краевского, Никитенко, Некрасова, Панаева, Кони, Сенковского, Старчевского, редактора «С.-Петербургских ведомостей» Очкина, редактора «Полицейских ведомостей» Фурмана, Анненкова, Кукольника и Тургенева. Кроме того, в списке было указано, что в журналах и газетах встречаются имена: Ордынского, Стасюлевича, Введенского, Кавелина, Крестовского, Лазаревского, Гаевского и многих

12 Октября

1855 г.

Среда

№ 8.

СЛУХИ.

газета литературная, анекдотическая и только отчасти политическая.

Слухом земля полнится.

Николай I

(продолжение)

РУКОПИСНАЯ ГАЗЕТА Н. А. ДОБРОЛЮБОВА «СЛУХИ» (№ 8 ОТ 12 ОКТЯБРЯ 1855 г.). В ПОМЕЩЕННОЙ ЗДЕСЬ СТАТЬЕ «НИКОЛАЙ I» ДОБРОЛЮБОВ ЦИТИРУЕТ ПИСЬМО «АНАСТАСИЯ БЕЛИНСКОГО» К ГРЕЧУ

Первый лист газеты и лист с цитатой (правый столбец)

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

других. Помимо этого списка, Дубельту были представлены дела III Отделения, касавшиеся литераторов, заподозренных в политической неблагонадежности: Краевского, Никитенко, Некрасова, Панаева и Кони. В делах этих имелись образцы почерков этих литераторов, но среди них также не нашлось похожего на тот, каким было написано письмо, подписанное Анастасием Белинским.

Дубельт должен был сознаться в своей неудаче и отказаться от надежды обнаружить виновного и покарать его. Дело пришлось прекратить.

* * *

Как мы видели, анализируя письмо, полученное Гречем, Дубельт пришел к заключению, что оно было написано, вероятно, каким-либо литератором «не из дюжинных». Перебирая писателей, пользовавшихся в то время известностью, Дубельт не мог найти в числе их ни одного, кого можно было бы заподозрить в авторстве злонамеренного письма. Возможно, конечно, было предположить, что оно написано человеком, обладающим недюжинным литературным дарованием, но не имеющим пока еще имени в литературе. Однако такое предположение, если даже оно и приходило в голову Дубельту, не могло помочь ему в розысках виновного. Но оно может помочь нам.

Революционные убеждения автора письма дают основание искать его среди тех людей, которым в ближайшее же время предстояло выдвинуться как ведущим писателям революционно-демократического лагеря.

Среди этих же людей, в качестве наиболее вероятного автора интересующего нас письма, приходится назвать Н. А. Добролюбова. При чтении этого письма невольно вспоминается стихотворение, написанное Добролюбовым на юбилей Греча. И то и другое произведение проникнуты безмерным презрением к редактору «Северной пчелы». Объясняя, почему он решил написать стихотворение на юбилей Греча, Добролюбов писал: «Подлости старичков, подвизающихся в „Северной пчеле“, раздражали меня как нельзя более»[21]. В студенческие годы Добролюбов внимательно следил за деятельностью презираемых им «старичков». В том же 1855 г., когда было написано письмо Анастасия Белинского, Добролюбов вел записи под названием «Закулисные тайны русской литературы и жизни». Среди таких «тайн» он отвел большое место различным эпизодам, связанным с Гречем [22]. Имя Греча не раз встречалось и в рукописном журнале «Слухи», который, также в 1855 г., Добролюбов выпускал в Педагогическом институте. Все это дает основание думать, что он мог заинтересоваться статьей Греча о Николае I и решиться ответить на нее. Характерно и одно бросающееся в глаза совпадение: Анастасий Белинский называет Греча «русским немцем». «Немцем обруселым» назвал его Добролюбов в стихотворении на его юбилей.

Автор письма, полученного Гречем, с ненавистью относился к Николаю I, видя в нем гнуснейший образец деспота и опаснейшего врага русского народа. Так именно смотрел на Николая и Добролюбов. Он называл его «ужаснейшим тираном», «неумолимым и ненасытным, скажем больше, — воплощенным деспотом». В упомянутой выше рукописной газете «Слухи» он обвинял Николая I в «мелочном самолюбии», в «жестокости, невежестве, эгоизме». «Не лист и не два, а несколько томов можно наполнить рассказами его ужасных, отвратительных деяний», — писал Добролюбов [23]. В «Оде на смерть Николая I» Добролюбов обвинял царя в том, что он сосал «по каплям кровь» России, в том, что «всю жизнь стремился он, чтоб сделать Русь машиной», в том, что он «возвеличил лишь военный деспотизм», в том, наконец, что он «грабил нашу Русь» и «немцам продавал на жертву наш народ»[24].

Добролюбов придавал громадное политическое значение разоблачению Николая I и его деспотизма и опровержению тех славословий по адресу умершего царя, которые раздавались в тогдашней русской прессе. В рукописной газете «Слухи» Добролюбов почти в каждом номере говорил о произволе Николая I. Помимо того, он поместил в этой газете две статьи, специально посвященные умершему императору: одна из них, занявшая два номера «Слухов» (№№ 6 и 8), содержала общую характеристику его царствования, другая же, помещенная в № 15, носила название «Разврат Николая Павловича и его приближенных любимцев». «Всякому известно,— писал в этой статье Добролюбов,— что Николай пользовался репутацией неистового рушителя девических невинностей»[25]. Мы знаем уже, что этой темы коснулся и автор письма, полученного Гречем.

Он, как мы видели, указывал, в частности, на то, что маленьких Клейнмихелей правильнее было бы именовать Kleinnikolaus. В только что названной статье Добролюбова мы находим комментарий к этому указанию автора письма. Вот что рассказывает здесь Добролюбов:

«Известно возвышение Клейнмихеля сначала за сестру, а потом за воспитание незаконных детей Николая Павлыча. Говорят, что графиня Клейнмихель надевала на себя особенное подвязное брюхо, чтобы показать, что она беременна. Потом, когда наступало время родить для maîtresse императора, графиня делалась больна, потом приносили к ней новорожденного, брюхо сбрасывалось и миру являлся новый маленький quasi-Клейнмихель» [26].

Автор письма упоминал о том, что дочь Николая Марья Николаевна не уступала отцу по своему безнравственному поведению. В статье Добролюбова можно найти описание ряда эпизодов, подтверждающих сказанное в письме [27]. Автор письма обвинял Николая в том, что он «не устрашился отравить» своего брата Константина «в благодарность за то, что он уступил ему царство». В «Оде на смерть Николая I» Добролюбов называл умершего царя «братоубийцей».

Да, тридцать лет почти терзал братоубийца
Родную нашу Русь [28]...

Иронизируя над Гречем, назвавшим Николая великим, автор письма писал: «Что велик-то он был, это правда; но за то, кажется, достаточно вознагражден он уже тем, что гроб для него сделали в три аршина с половиной длины». В статье о Николае, помещенной в № 6 «Слухов», Добролюбов называл Николая «трехаршинной колонной с <...> львиным рычаньем и звериной физиономией» [29].

Автор письма упоминал о генерале, отправленном на Кавказ в наказание за то, что он во время маневров взял в плен императора. В дневнике Добролюбова мы находим такую запись: «Муравьев послан был на Кавказ за то, что разбил на маневрах Николая Павловича» [30].

Дубельт обратил, как мы видели, внимание на то, что автор письма упомянул — «ни к селу, ни к городу», по мнению Дубельта,— про попечителей учебных округов московского Назимова и петербургского Мусина-Пушкина. Дубельт почему-то усмотрел в этом доказательство того, что письмо написано «учеником» Московского или Петербургского университета. Добролюбов не был учеником ни Московского, ни Петербургского университета. Это не мешало ему, однако, проявлять большой интерес к Назимову и Мусину-Пушкину. Описанию их деятельности он посвятил №№ 13 и 14 «Слухов» [31]. В дневнике его мы находим запись некоторых эпизодов, характеризующих мракобесие Мусина-Пушкина [32].

Мы уже указывали, что автор письма, полученного Гречем, не питал никаких надежд в связи с восшествием на престол нового императора.

В этом отношении он резко расходился с громадным большинством русских людей того времени, не исключая даже Герцена. Расчеты на то, что перемена царя приведет к коренному изменению правительственной политики, были весьма широко распространены. Автор же письма не строил на этот счет никаких иллюзий. «Русские надеялись на его сына,— писал он, имея в виду преемника Николая Александра II,— но эта надежда очень шаткая. Трудно сыну отрешиться от прежних отеческих правил. Для этого нужно много ума и силы воли. А еще не известно, в какой степени он наделен ими».

Добролюбов был одним из немногих людей того времени, придерживавшихся именно такого взгляда. Его товарищ по Педагогическому институту М. Шемановский в воспоминаниях рассказывает про день смерти Николая I: «Вечером Добролюбов, встретившись со мной в рекреационной комнате, сказал: „Не хочешь ли прочесть стишки?“—„Твои?“—„Мои“.— Я взял и стал читать». Это была «Ода на смерть Николая I». Она начиналась так:

По неизменному природному закону,
События идут обычной чередой:
Один тиран исчез, другой надел корону,
И тяготеет вновь тиранство над страной.[33]

Приведя эти строки, Шемановский продолжает свой рассказ:

«„Ну, что?“ — спросил он, когда я кончил.

„Ничего, хорошо. Только зачем ты предрекаешь страдания при сыне⟨...⟩ Ведь, по слухам, он, хоть и пьяница, а с хорошим сердцем?“

„Дело тут не в человеке, а в царе...“» [34].

Как видим, молодой студент Добролюбов прекрасно разбирался в сложившейся в то время в нашей стране политической обстановке и умел проницательно предугадывать будущее. К событиям того времени он подходил как убежденный революционер, непоколебимо уверенный в том, что от деспотизма не приходится ждать ничего доброго для народа.

Совокупность приведенных нами соображений и сопоставлений дает основание высказать весьма обоснованное предположение, что автором письма, подписанного Анастасий Белинский, был Добролюбов. Надо, однако, добавить, что существует одно обстоятельство, превращающее догадку, высказанную нами, в полную уверенность.

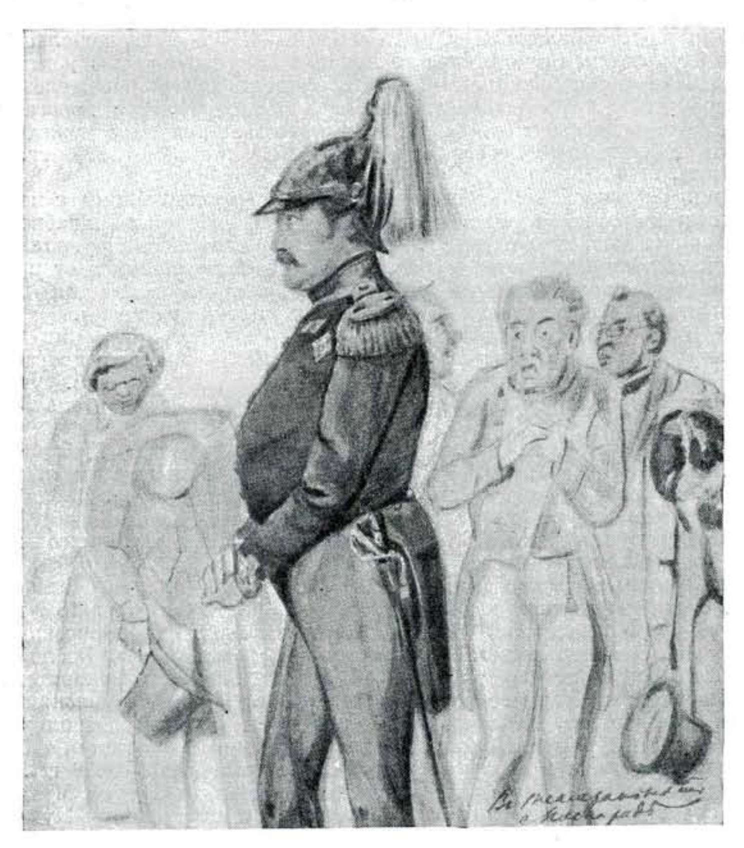
В статье «Николай I», помещенной в № 8 «Слухов», Добролюбов рассказывал между прочим о поездке Николая I в Москву во время холеры. «Многие, в том числе и Греч,— писал Добролюбов,— восхваляли нашего рыцаря за неустрашимость, с которой он решился для ободрения народа броситься в объятия опасной и неизвестной тогда повальной болезни. На этот счет вот что сказано было в одном апокрифическом письме к Н. И. Гречу».

И далее Добролюбов приводил следующую цитату из этого «апокрифического письма»: «как хотите, одно из двух: или Николай Павлович, действуя таким образом, считал холеру заразительной, и тогда его предприятие есть не что иное, как глупое донкихотство, оправдываемое только разве русским „авось“, или он знал, что болезнь эта незаразительна, и тогда... тогда поездка его в Москву ничуть не более замечательна, как и ваша поездка за границу» [35].

Эта цитата, с некоторыми малосущественными изменениями, повторяет то, что мы уже читали по поводу поездки царя в Москву в письме к Гречу. Из этого ясно, что письмо, подписанное Анастасием Белинским, было хорошо известно Добролюбову; именно этот документ он и назвал «апокрифическим письмом».

Каким же образом Добролюбов мог знать это письмо? В отличие от стихотворения на юбилей Греча, разошедшегося тогда в большом количестве

списков, письмо Анастасия Белинского не получило распространения. Копий этого письма до сих пор не было найдено ни в одном из наших архивов и хранилищ рукописей. Именно поэтому оно и не было до настоящего времени никому известно. При таких условиях и принимая во внимание все соображения, приведенные выше, можно утверждать, что письмо, полученное Гречем, было написано Добролюбовым. Несомненно, что Добролюбов намеревался распространить его так же широко, как он распространил свое стихотворение на юбилей Греча. Однако что-то помешало ему привести в исполнение это намерение. Можно выразить догадку,

КАРИКАТУРА НА НИКОЛАЯ I
Акварель В. В. Самойлова, 1840-е гг.
Литературный музей, Москва

что обыск, произведенный у него по распоряжению директора Педагогического института, побудил его соблюдать максимальную осторожность. Добролюбов не мог не понимать, что обнаружение его авторства неминуемо грозило ему осуждением на каторгу.

Письмо Анастасия Белинского к Гречу является весьма ценным и интересным пополнением ранее известного нам литературного наследия Добролюбова. Оно крайне важно в том отношении, что, в сопоставлении с другими произведениями Добролюбова того же времени, показывает, как рано сложились его революционно-демократические убеждения. Оно, наконец, является новым и замечательным подтверждением той выдающейся роли, которую играли в выработке этих убеждений великие революционные традиции Белинского.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Статья «18 февраля 1855 года» (за подписью: *Н. Гр.*), начинающаяся словами: «Плачь, русская земля! Не стало у тебя отца».— «Северная пчела», 1855, № 59, от 21 февраля.

[2] Письмо это, как и другие приводимые документы, заимствовано из дела III Отд., 1 эксп., 1855 г., № 75. «По письму действительного статского советника Греча с представлением безымянного письма преступного содержания» (ЦГИА).

[3] Николай Александрович Протасов (1799—1855) — обер-прокурор синода.

[4] Иосиф Семашко (1798—1868) — архиепископ литовский, главный деятель по присоединению к православной церкви униатов.

[5] Петр Андреевич Клейнмихель (1793—1868) — министр путей сообщения в 1842—1855 гг., прославившийся неимоверным казнокрадством.

[6] Александр Христофорович Востоков (1781—1864) — филолог-славист.

[7] Слух об отравлении Константина не находит документального подтверждения.

[8] Николай I отклонил предложения о поручении постройки железной дороги между Петербургом и Москвой акционерным обществам. Эта дорога обошлась правительству очень дорого и открыла Клейнмихелю возможность нажиться.

[9] Дмитрий Гаврилович Бибиков (1792—1876), в 1852—1855 гг.— министр внутренних дел.

[10] Во время Крымской войны сыновьям царя, не принимавшим в ней участия, были пожалованы ордена Георгия, дававшиеся за выдающуюся храбрость.

[11] Фельдмаршал Паскевич в 1854 г. был назначен главнокомандующим русскими войсками, действовавшими против турок, но фактически уклонился от руководства.

[12] Алексей Федорович Орлов (1786—1862) во время восстания декабристов принимал участие в его подавлении и за это получил титул графа.

[13] Виктор Никифорович Панин (1801—1874) — министр юстиции с 1841 г.

[14] Владимир Федорович Адлерберг (1790—1884) — министр двора.— Михаил Николаевич Мусин-Пушкин (1795—1862) — попечитель Петерб. учеб. округа с 1845 г.— Владимир Иванович Назимов (1802 — 1874) — попечитель Моск. учеб. округа с 1849 г.

[15] О «благоволении» Николая I к Ермолову и «гениальности» Дибича говорится иронически. Алексей Петрович Ермолов был уволен Николаем в отставку из-за популярности, которой он пользовался в войсках, пугавшей царя. Дибич же был у Николая в большом почете хотя и не отличался особыми военными талантами.

[16] Николай I поручил передать Рылееву, что он прощает его, но это не помешало царю подписать Рылееву смертный приговор.

[17] Имеется в виду польское восстание 1830—1831 гг.

[18] Повидимому, речь идет о деле петрашевцев, осужденных в 1849 г.

[19] Адам Чарторижский (1770—1861) — польский политический деятель, ближайший советник Александра I и министр иностранных дел. После революции 1830 г. в Польше Чарторижский стал во главе польского правительства как представитель умеренной аристократической партии. После подавления восстания эмигрировал во Францию, где прожил до смерти, не пожелав воспользоваться амнистией, объявленной русским правительством участникам восстания 1830—1831 гг.

[20] Автор письма имеет в виду русско-турецкую войну 1828—1829 гг., закончившуюся победой России, а затем выступление наместника Египта Мухаммеда-Али против султана в 1833 г. Николай I, усмотревший в выступлении Мухаммеда-Али проявление революционного духа, послал русские войска на помощь султану. Высокая оценка Мухаммеда-Али со стороны автора письма объясняется тем, что Мухаммед-Али провел в Египте ряд реформ по западноевропейскому образцу.

[21] «Материалы для биографии Н. А. Добролюбова», т. I, М., 1890, стр. 230.

[22] Н. А. Добролюбов, Полн. собр. соч., т. VI, М., 1939, стр. 399—402.

[23] Там же, т. IV, М., 1937, стр. 439—440, 442—443.

[24] Там же, т. VI, стр. 227—228.

[25] Там же, т. IV, стр. 451.

[26] Там же.

[27] Там же, стр. 452.

[28] Там же, т. VI, стр. 227.

[29] Там же, т. IV, стр. 439.

[30] Там же, т. VI, стр. 406.

[31] Там же, т. IV, стр. 448—451.

[32] Там же, т. VI, стр. 416—417.

[33] Там же, стр. 227. Шемановский приводит это четверостишие в несколько измененном виде, но основная мысль и в его варианте остается та же самая.

[34] М. И. Шемановский. Воспоминания о жизни в Главном педагогическом институте 1853—1857 годов.— «Лит. наследство», т. 25-26, 1936, стр. 288.

[35] Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. IV, М., 1937, стр. 442.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БИОГРАФИИ МОЛОДОГО БЕЛИНСКОГО

ПЕРЕПИСКА БЕЛИНСКОГО С РОДНЫМИ

СОРОК ОДНО ПИСЬМО БЕЛИНСКОГО (1829—1835 гг.) И СТО ДВАДЦАТЬ СЕМЬ ПИСЕМ К БЕЛИНСКОМУ (1829—1848 гг.)

Публикация А. Аскарянц, Л. Ланского и Н. Мордовченко

Предисловие и примечания Н. Мордовченко

Публикуемая переписка Белинского с родными представляет собой органический цикл, характеризующий с большой яркостью общественную среду, в которой вырос великий русский мыслитель и просветитель-революционер.

...О, верьте мне: не весела
Картина — русская семья...
Семья для нас всегда была
Лихая мачеха, не мать...

Этими стихами А. Григорьева начал Белинский свою статью «О жизни и сочинениях Кольцова» (1845). «Всем известно, — писал он, — какова вообще наша семейственная жизнь и какова она в особенности в среднем классе, где мужицкая грубость лишена добродушной простоты, а соединена с мещанскою спесью, ломаньем и кривляньем. По счастию, к благодатной натуре Кольцова не приставала грязь, среди которой он родился и на лоне которой он был воспитан. С детства он жил в своем особенном мире — и ясное небо, леса, поля, степь, цветы производили на него гораздо сильнейшее впечатление, нежели грубая и удушливая атмосфера его домашней жизни» (X, 251).

Эта характеристика среды, окружавшей Кольцова, применима и к среде, из которой вышел сам Белинский. В родительском доме он тоже наблюдал «мещанскую спесь, ломанье и кривлянье», был окружен «грубой и удушливой атмосферой».

Публикуемые письма во многом уточняют и дополняют недостаточно изученную биографию критика и дают исключительно ясное представление о моральном и духовном облике людей, с которыми Белинский был так тесно связан. Особенный интерес представляет группа писем, относящихся к 1835—1848 гг. Письма Белинского к родным за этот период почти не сохранились, и поэтому чрезвычайную важность приобретают встречающиеся в переписке родных многочисленные отклики, а временами и детальное изложение не дошедших до нас писем Белинского. Все это придает публикации значение первостепенного биографического источника, относящегося как ко времени юности, так и к периоду полной зрелости критика.

Наиболее богата содержанием переписка Белинского с Ивановыми. Семья Ивановых была в родстве с Белинским: Федосья Степановна, жена Петра Петровича Иванова, секретаря Чембарского уездного суда (позднее он служил в Керенске), доводилась родной племянницей Григорию Никифоровичу Белинскому. У Федосьи Степановны и Петра Петровича Ивановых было шестеро детей: Екатерина, Алексей, Николай, Дмитрий (с последними двумя Белинский учился в уездном училище) и младшие — Петр и Вера. С Екатериной Петровной Ивановой (впоследствии она была замужем за А. П. Лопатиным и переехала на жительство в Сибирь) в течение 1829—1835 гг. Белинский поддерживал дружескую переписку. В квартире Алексея Петровича Иванова, когда тот

переселился в Москву, Белинский одно время жил (после исключения из университета) и принимал участие в воспитании его младшего брата, Петра. Особенно же близкая дружба, продолжавшаяся всю жизнь, связывала Белинского с Дмитрием Петровичем Ивановым, его сверстником и товарищем по Чембарскому училищу и Пензенской гимназии. Окончив гимназию, Д. П. Иванов поступил в Московский университет, а впоследствии был преподавателем русского языка и словесности в Московском межевом и Дворянском институтах и в Практической академии коммерческих наук. В 1870-х годах Д. П. Иванов, по просьбе А. Н. Пыпина, подготовлявшего свою книгу о великом критике, составил две биографические записки о Белинском (1873 и 1875 гг.), которые были отдельно опубликованы в приложениях к третьему тому «Писем Белинского» под редакцией Е. А. Ляцкого (П., 1914).

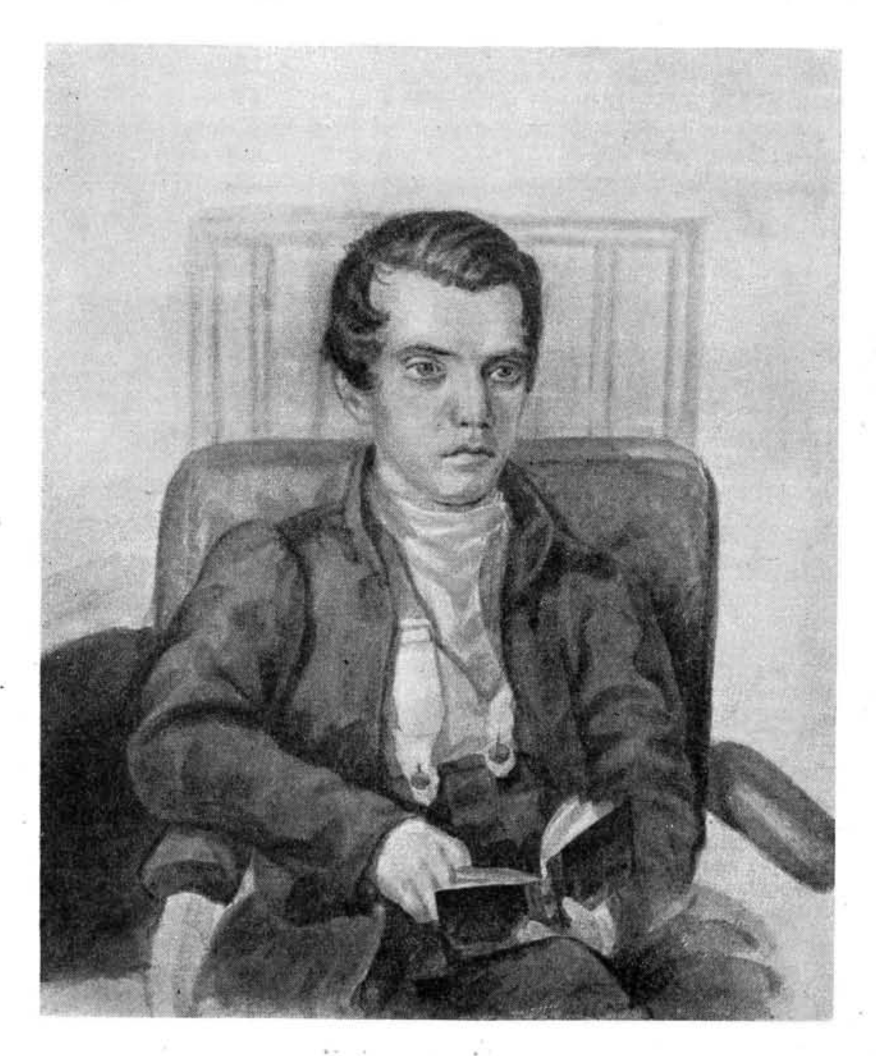
Из всех писем Белинского к родным за 1829—1835 гг. до сих пор мы знали полностью только пять (к А. П. и Е. П. Ивановым от 20 декабря 1829 г.; к П. П. и Ф. С. Ивановым от 13 января 1831 г.; им же от 10 сентября 1832 г.; к К. Г. Белинскому от 21 мая 1833 г. и к П. П. и Ф. С. Ивановым от 5 февраля 1835 г. — см. «Письма», I, 6—10, 24—28, 41—43, 51—53, 60—61). К указанным пяти письмам присоединяется теперь еще 41 письмо, печатающееся полностью по подлинникам, хранящимся в Рукописном отделении Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР (архив «Русской старины»). До настоящего времени эти письма были известны лишь в выдержках и извлечениях, вошедших в статью «Виссарион Григорьевич Белинский. Новые данные для его биографии», опубликованную в «Русской старине» 1876 г., №№ 1 и 2.

При включении в названную статью тексты писем беспощадно сокращались, выдержки из разных писем произвольно контаминировались, причем на датировку писем не обращалось никакого внимания. Так, например, в тексте писем были отброшены многие подробности быта Белинского в Москве; опущен список профессоров, на лекции которых записался Белинский, поступив в университет (письмо № 6); устранено сочувственное упоминание о знаменитой Маловской истории, свидетелем которой, как оказывается, был Белинский (письмо № 29); опущены наиболее резкие места и выражения, в которых сообщалось о запрещении «Дмитрия Калинина» (письмо № 25); опущены упоминания о книгах, которые Белинский посылал брату, и отзывы о «Деннице» М. А. Максимовича и повести Н. Полевого «Сохатый» (письмо № 39); устранены подробности пребывания Белинского в больнице и описание его болезни (письма №№ 48 и 52 были вовсе не напечатаны); опущено сообщение о пребывании в Москве С. С. Уварова (письмо № 61); опущены резкие места и разные подробности в письме, где Белинский сообщает о исключении его из университета (письмо № 73) и многое другое.

В 1914 г., когда Е. А. Ляцкий подготовлял свое трехтомное издание «Писем» Белинского, подлинники писем, напечатанных в выдержках и извлечениях на страницах «Русской старины», считались утраченными. Поэтому Е. А. Ляцкий вынужден был публиковать в своем издании эти письма в тех отрывках и выдержках, которые известны были по тексту «Русской старины». Свыше шестидесяти лет подлинники писем Белинского к родным были погребены в громадном архиве «Русской старины», поступившем после революции в Рукописное отделение Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР, и были обнаружены только в 1943 г., при разборке архива. Само собой разумеется, что летопись жизни Белинского, после появления настоящей публикации, должна быть заново пересмотрена и уточнена.

Кроме 41 письма самого Белинского, в состав настоящей публикации входит еще 127 писем к нему: 10 писем отца (№№ 1, 5, 9, 18, 19, 24, 26, 34, 63, 109); 6 писем сестры — А. Г. Белинской, в замужестве Кузьминой (№№ 123, 124, 126, 136, 163, 168); 8 писем матери (№№ 37, 41, 60, 65, 71, 76, 87, 94); 46 писем брата — Константина Григорьевича (№№ 30, 31, 35, 40, 44, 47, 49, 50, 51, 53, 55, 58, 59, 66, 67, 68, 72, 75, 82, 84, 86, 89, 90, 92, 94а, 95, 99, 102, 105, 107, 108, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 125, 127, 128, 129, 142); 16 писем брата — Никанора Григорьевича (№№ 100, 132, 138, 141, 144, 145, 147, 149, 154, 155, 156, 157, 158, 160, 162, 164); 3 письма А. П. Иванова (№№ 130, 135, 140); 7 писем П. П. Иванова (№№ 12, 13, 62, 64, 137, 152, 166); 2 письма Ф. С. Ивановой (№№ 78, 93); 10 писем Е. П. Ивановой (№№ 11, 21, 22, 28, 36,

45, 81, 85, 110, 111); 20 писем Д. П. Иванова (№№ 14, 32, 97, 103, 106, 122, 131, 133, 134, 139, 143, 146, 148, 150, 151, 153, 159, 161, 165, 167). Указанные письма к Белинскому, известные до сих пор в печати лишь по немногим цитатам, приведенным в работах А. Н. Пыпина, Е. А. Ляцкого, М. Я. Полякова и В. С. Нечаевой, публикуются по подлинникам, хранящимся в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина в Москве.

БЕЛИНСКИЙ
Акварель Н. Мартынова, 1838 г.
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

В отличие от писем самого Белинского, публикуемых полностью, адресованные ему письма его родных приводятся в несколько сокращенном виде. Опущены те места текста, которые заполнены бытовыми подробностями, не имеющими прямого отношения к Белинскому и не представляющими интереса для его биографии. Содержание исключенных мест кратко излагается в аннотациях, вслед за публикацией текста письма. Там же дается перечень собственных имен, встречающихся в опускаемых местах.

При переводе текста писем на новую орфографию характерные для писем Белинского фонетические и этимологические особенности начертания тех или иных слов

всюду сохранены. Тексты писем родных, особенно тексты писем М. И. Белинской, отличающиеся полным нарушением законов орфографии и пунктуации, пришлось привести в соответствие с элементарными нормами современного правописания.

Начертание фамилии родителей, братьев и сестры Белинского — Белынские, сохранено лишь в текстах их писем; в заголовках и примечаниях всюду дается транскрипция Белинские.

* * *

Тексты писем Белинского подготовлены к печати Н. И. Мордовченко, тексты писем к Белинскому — А. В. Аскарянц (за 1829—1834 гг.) и Л. Р. Ланским (за 1835—1848 гг.).

В примечаниях использованы некоторые материалы, сообщенные редакции В. С. Нечаевой.

1. Г. Н. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

⟨Чембар, 30 августа 1829 г.⟩[1]

Виссарион Григорьевич!

Не ленись подробно описать затруднения на определение в университет, с своей стороны старайся [как] преодолеть к тому препятствия, в случае остановки в каких-нибудь документах, чтобы не потерять тебе года, ходи на лекции тех предметов, по какой части ты желаешь учиться. Впрочем, пожелав тебе всякого благополучия, остаюсь твой доброжелательный отец

Григорий Белынский

При сем посылается тебе от дворян свидетельство.

Августа 30 дня
1829 года

[1] Публикуемое письмо написано на обороте следующего письма Г. Н. Белинского, адресованного И. Н. Владыкину:

30 августа 1829 г.

Милостивый государь,
Иван Николаевич!

Присланное свидетельство на ваше имя для Виссариона прошу вас доставить ему, скажите чтобы он о последующем не умедлил уведомить. Постарайтесь с помощию ваших родственников об определении его в университет похлопотать, чем много обяжете нас стариков.

С почтением остаюсь,
милостивый государь,
покорный слуга Белынский

2. БЕЛИНСКИЙ — Г. Н. и М. И. БЕЛИНСКИМ

⟨Москва, 1 сентября 1829 г.⟩

Милостивые Государи
Папинька Григорий Никифорович
и Маминька Марья Ивановна!

Что Вы со мною сделали? По какой причине Вы по сию пору не прислали мне свидетельства о рождении, от дворянства взятого? Послушайте: приехал я в Москву 22 числа, экзамены уже начались, я жду исполнения Вашего обещания прислать свидетельство, наконец приходит 30 число, и я теряю терпение. Пензенской гимназии учитель М. М. Попов [1] дал мне рекомендательное письмо к бывшему директору П⟨ензенской⟩ гимназии и в сем письме просил его, чтобы он обо мне постарался. Лукерья Савельев-

на дала мне письмо к генералу Дурасову; он очень ласково меня принял и обещался покровительствовать. 31 Августа иду в Правление Императорского Московского Университета. В этот день в числе экзаменующих профессоров были Победоносцев и Снегирев [2], которых обо мне просил г-н Лажечников [3]. Пишу просьбу, подаю ректору Двигубскому. Он прочел и спрашивает свидетельство о рождении; я говорю, что оного, по такой-то причине, не имею; он, не говоря ни слова, отдает мою просьбу назад и говорит, что без свидетельства никаким образом не возможно никого принять. Я спрашиваю его, когда еще можно будет подать просьбу; он говорит, что 2 число будет последний день, в который будут приниматься просьбы. Теперь я не знаю, что мне и делать. Завтра опять хочу просить

СВЕАБОРГ – МЕСТО РОЖДЕНИЯ БЕЛИНСКОГО (ОБЩИЙ ВИД)
Литография из «Панорамы Гельсингфорса», 1850-е гг.
Военно-морской музей, Ленинград

Его превосходительство Андрея Зиновьича Дурасова; если он откажется помочь, то я лишусь всякой надежды поступить нынешним годом в М⟨осковский⟩ Унив⟨ерситет⟩ и всему этому причиною Вы. Без свидетельства, которое мне так нужно, как мужику пачпорт, и самое мое пребывание в Москве опасно. Еслиб на заставе я не сказался лакеем Ивана Николаевича, меня бы остановили. Остановился я сперва с Иван⟨ом⟩ Ник⟨олаевичем⟩ у Владимира Федоровича и Надежды Матвеевны Анисимовых [4]. От них перешел к Ольге Матвеевне Осинской. Как та, так и другая суть сестрицы Парасковьи Матвеевны Маматовой. Я очень доволен ласками и неоставлением Надежды Матвеевны и ее мужа: это предобрейшие люди. С Капитолиною Степановною[5] я виделся. Бога самого ради прошу Вас: пришлите как наивозможно поскорее свидетельство. Я без него погиб. Кланяйтесь от меня всем нашим родным и знакомым. Когда получу от Вас свидетельство, то уведомлю обо всем подробнейшим образом. Прощайте, будьте здоровы и счастливы.

Остаюсь сын Ваш

Виссарион Белинский

На обороте листа: Извините, что я так гнусно писал. Сперва хотел без

конверта, но изгадил. Торопился ужасно. Иван Николаевич сие письмо с своими взялся отправить.

Рукою матери: Получено письмо сентября 22 числа 1829 года людями Лукерьи Савельевны.

Рукою Белинского: Его Высокоблагородию
Милостивому Государю Григорию Никифоровичу
Чембарскому Штаб-Лекарю
Г-ну Белинскому
В г. Чембаре
Москва 1829 года, сентября 1 дня.

[1] Михаил Максимович Попов (1801—1871) — преподаватель естественной истории в Пензенской гимназии. См. о нем в кн. В. С. Нечаевой «В. Г. Белинский. Начало жизненного пути и литературной деятельности», М. 1949, стр. 173—177, 217—219 и др., а также данные о Попове в т. 56 «Лит. наследства», стр. 229—230 и 249.

[2] Подробные сведения о перечисленных здесь профессорах Московского университета см. в т. 56 «Лит. наследства», в статье М. Полякова «Белинский в Московском университете».

[3] В 1829 г., перед отъездом в Москву для поступления в университет, Белинский получил от Попова рекомендательное письмо к известному писателю Ивану Ивановичу Лажечникову (1792—1869). В письме к М. М. Попову от 30 апреля 1830 г. Белинский сообщал о своей встрече с Лажечниковым в Москве: «Он принял меня очень ласково и, исполняя ваше желание, просил обо мне некоторых из гг. профессоров, но просьбы его и намерение оказать мне одолжение не имели успеха, ибо я по стечению некоторых неблагоприятных для меня обстоятельств не мог ими пользоваться» («Письма», I, 22—23).

От Лукерьи Савельевны Владыкиной Белинский имел рекомендательное письмо к генерал-майору Андрею Зиновьевичу Дурасову (1755—1837).

[4] Владимир Федорович и Надежда Матвеевна Анисимовы — вероятно, знакомые Владыкиных. В. Ф. Анисимов умер в 1845 г. в Москве, будучи титулярным советником и занимая должность частного пристава. Н. М. Анисимова была из рода кн. Маматовых, дворян Чембарского уезда. О знакомстве с Анисимовыми Белинский рассказал в «журнале» своей поездки в Москву. На первое время Белинский поселился в Москве у родной сестры Н. М. Анисимовой — Ольги Матвеевны Осинской, в «маленькой светелке» ее дома («Письма», I, 16—17).

[5] Капитолина Степановна Мосолова — знакомая Белинских, жена чембарского судьи П. А. Мосолова.

3. БЕЛИНСКИЙ — Г. Н. и М. И. БЕЛИНСКИМ

⟨Москва, начало сентября 1829 г.⟩

Милостивые Государи
Папинька Григорий Никифорович
и Маминька Марья Ивановна!

Мои обстоятельства в самом худом положении. Я подавал просьбу о принятии меня в Университет, но как я не имею свидетельства о рождении ни от Консистории, ни от дворянства, то ее и возвратили назад. Вы хотели мое свидетельство послать вслед за мною и вместо того и теперь посылаете. Я, с моей стороны, ничем не виноват, и совесть моя чиста. Прием просьб и экзамены кончились и уже выдали табели. Надежда потеряна совершенно. Но я в Чембар не поеду по следующим причинам: меня, яко не имеющего никакого вида и свидетельства, задержут на заставе. Во-вторых, я не хочу быть предметом посмеяния и насмешек всего города и посему лучше соглашусь умереть с холода и голода среди московских улиц или просить милостыню под окнами, нежели ехать к Вам в Чембар. Опять, если я приеду в Чембар, то не буду иметь случая вторично ехать в Москву, ибо и сей раз с большим грехом удалось мне съехать. Я могу приискать квартиру рублей по пятнадцати в месяц на хозяйском содержании у какого-нибудь дьячка или пономаря, которые в Москве живут не хуже наших

попов. Буду заниматься языками, науками. Постараюсь найти кондиции и другие средства к содержанию буду испытывать. Между тем надеюсь, что и Вы меня не совсем оставите. На будущий год я всех прежде подам просьбу и наверное буду принят. Бога ради, пришлите мне, как наивозможно поскорее свидетельство о рождении: мне все-таки без него невозможно обойтись. Да еще возьмите от полиции свидетельство, что я поехал в Москву для определения себя в Императорский Московский Университет. Хотя я и не определился, однако с сим свидетельством мне год и более жить безопасно. Без сего свидетельства меня никто и на квартиру не пустит, ибо надобно заявить в части. Теперь я все равно, как беглый, и нахожусь в великой опасности, ибо Москва не Чембар. Если можно, то сшейте мне байковую шинель, с стоячим воротником и длинным капишоном; более касательно одежды во весь год ничем Вас не буду беспокоить. Еще раз повторяю пришлите поскорее помянутые два свидетельства: без них я погиб. Теперь я за квартиру плачу $25^{\text{ть}}$ в месяц. На первой случай дешевле невозможно было и найти. В ожидании от Вас обоих свидетельств желаю Вам всех благ и остаюсь Ваш покорный сын

Виссарион Белинский

P. S. Пишите на имя Ивана Николаевича Владыкина в Университетский Пансион.

Рукою матери: Получено письмо 1829 года сентября 14 числа.

4. БЕЛИНСКИЙ—Г. Н. и М. И. БЕЛИНСКИМ

Москва 1829 года, сентября ⟨около 10⟩ дня

Милостивые Государи
Папинька Григорий Никифорович
и Маминька Марья Ивановна!

Свидетельствую Вам мое всенижайшее почтение и уведомляю Вас, что я здоров. Вам известно по какой причине я не принят в Императорский Московский Университет. Мне соврали, что я не могу быть, по прошествии экзамена, вольным слушателем. Вольным слушателем можно быть не только в начале, середине, но и в конце года. Вольными слушателями по большей части определяются те, которые не выдержали экзамена; или которые не надеются выдержать оного; или которые не поспели ко времени экзамена. Вольному слушателю дается, как и студенту, печатный табель и вол⟨ьный⟩ сл⟨ушатель⟩ числится в списках профессоров, которых слушает. Он не числится, как студент, в 14 классе и по сему не имеет права носить шпагу. По окончании академического года, ежели он желает быть студентом, то должен подавать просьбу и держать экзамен. Если экзаминующие профессора положат ему 18 балов, то он должен слушать предуготовительные лекции и быть в Университете еще три года; если же ему положат 24 бала, то он будет иметь право слушать ординарные лекции, и он должен пробыть в Университете только 2 года, ибо в таком случае зачитается и тот год, в котором был вольным слушателем. Присылайте поскорее мне свидетельство о рождении: без оного и вольным слушателем нельзя определиться, и я должен безо всяких обязанностей сидеть дома. Бездействие мне крайне наскучило. Так же для всякого случая и от полиции возьмите свидетельство, что я точно Ваш сын и что я поехал для определения себя в Императорский Московский Университет: это мне будет служить пачпортом, без которого меня никто и на квартире держать не будет.

Я уже Вам писал, что я квартиру нанял по 25ть в месяц. На первый случай дешевле найти было невозможно. Впрочем, пища очень хорошая. Ольга Матвеевна меня спрашивала, буду ли я у ней стоять и в будущие месяцы. Я ей сказал, что стоять по 25ть мне никак не возможно и что я надеюсь найти по 15ть. Она согласилась на сию цену с тем, чтобы я приискал себе еще двух или трех товарищей. Только уже пища будет не та. По будням будут щи с говядиною, каша с маслом, а в праздники пирог. Свечи ее. Это по-московски чрезвычайно дешево, и дешевле этого найти невозможно. Ольга Матвеевна — предобрейшая женщина и так как я себя очень хорошо веду, тих, ласков, вежлив и услужлив, то ей и не хочется, чтобы я сошел. Мне самому так же не хочется сойти: ибо она со мною крайне хорошо обходится. Мужа ее дома нет: он в Бессарабии, и я его не видал. Я так же очень доволен ласками Надежды Матвеевны и ее супруга Владимира Федоровича. Это предобрейшие люди.

Я очень истратился деньгами. По приезде тотчас купил чемодан, заплатил 10 р. ас.; купил тюфяк и одеяло, заплатил 10 р. ас.; хозяйке отдал за месяц вперед 25 р. ас. Сапоги, которые мне сшил Осип, от московских мостовых в два дня разорвались, и я должен был сапоги заказать. Сапоги в Москве очень дороги: хорошие опойковые стоят не менее 12 р. ас. Мне сапожника привел Ефим, человек Ивана Николаевича, и я за сапоги заплатил 12 р. ас. Сшил себе демикотоновые панталоны: они мне стали в 8 р. ас. Купил себе бритвенный ларчик с зеркалом, с жестяною мыльницею, чернилицею, песочницею, ящичками для денег, бумаг. За сей ларчик я заплатил 4 р. ас. Купил бритву, заплатил 4 р. ас.; купил ножичик, заплатил 2 р. ас.; купил картуз, заплатил 3 р. ас.

Вы не можете себе представить, что вышло на разные мелочи; например: я купил пару ваксенных щеток, ваксы, помады, гребень, гребенку, рейсфедер, бумаги, перьев, чернил и прочих необходимых мелочей, на которые довольно вышло денег. Притом же, приехавши в Москву, надобно было нанимать ямщиков до тех пор, пока не узнал хорошо улиц. Бывало когда пойду пешком, то плутаю до тех пор, что зайду от цели версты за три. При том же я купил себе довольно необходимых книг, например, Арифметику Войтяховского, за которую заплатил 2 р. ас., и несколько других учебных и французских нужных книг. За Никанорочкину книгу я заплатил 4 р. ас. Рублей с пять издержал дорогой. Притом же вы знаете, что Москва — не Чембар, а я не монах, отчужденный от мира. По всем сим причинам у меня очень немного осталось денег, и я прошу Вас всепокорнейше, сколько будет можно, прислать мне. По необходимости мне должно целой год жить на своем коште. Что ж делать: не я в этом виноват, а Вы. Ежели по 15 р. ас. в месяц, то это в год составит 180 р. ас. да рублей 20 на сапоги. Меньше никак не возможно по московской дороговизне. Впрочем, я буду изыскивать все средства доставать деньги: буду искать кондицию, что по великому множеству студентов не весьма легко. Пожалуста, пришлите поскорее помянутые мною два свидетельства: без них мне хоть умирать. Прощайте. Будьте здоровы и счастливы.

Остаюсь покорный сын Ваш

Виссарион Белинский

Любезный Братец

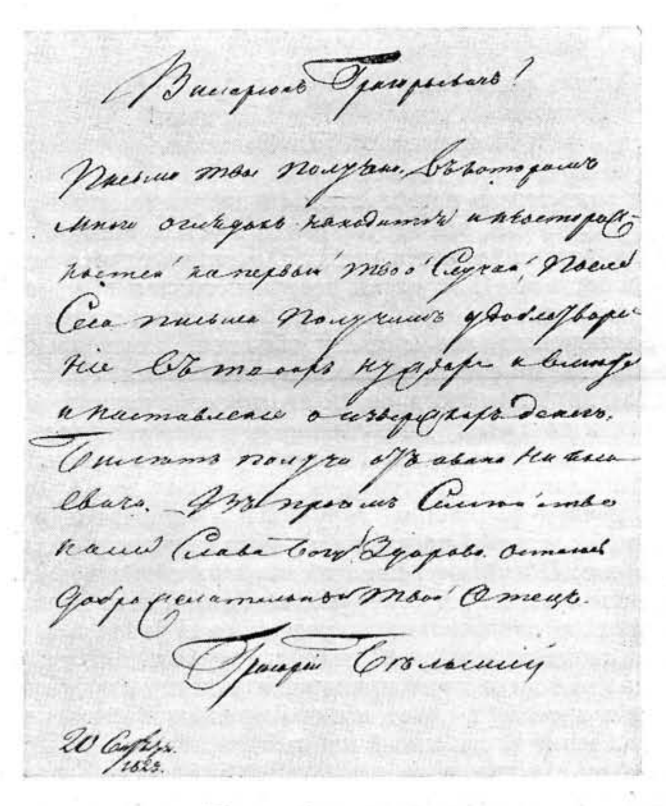
Константин Григорьевич!

При всяком случае пиши ко мне, как можно больше: описывай все чембарские новости, свои занятия и словом все. Скажи Никанорочке, чтобы он учился и не шалил, а то я возьму его в Москву и отдам в школьники, где его будут больно сечь. Если будет хорошо учиться, то буду посылать

книги и другие гостинцы. Кланяйся от меня всем нашим. Смотри пиши же, да больше: ты мне этим много доставишь удовольствия. Прощай! Любящий тебя брат твой

В. Белинский

Надпись о получении: Получено октября 5 дня ⟨1829 г.⟩

АВТОГРАФ ПИСЬМА К БЕЛИНСКОМУ ЕГО ОТЦА, Г. Н. БЕЛИНСКОГО, ОТ 20 СЕНТЯБРЯ 1829 г.
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

5. Г. Н. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

⟨Чембар, 20 сентября 1829 г.⟩[1]

Виссарион Григорьевич!

Письмо твое получено, в котором много оглядок находится и неосторожностей на первый твой случай. После сего письма получишь удовлетворение в твоих нуждах и вместе и наставление о издержках денег. Билет получи от Ивана Николаевича.— В прочем семейство наше, слава богу! здорово. Остаюсь доброжелательный твой отец

Григорий Белынский

20 сентября
1829

[1] Письмо написано на обороте следующего письма Г. Н. Белинского И. Н. Владыкину:

«Милостивый государь Иван Николаевич! Потрудитесь доставить Виссариону билет на свободный проезд в Москву из Чембарского городнического правления.

В прочем, пожелав вам всякого благополучия и большого здоровья, остаюсь, милостивый государь, вашим покорным слугою Григорий Белынский. Сентября 20 дня 1829 года».

«Билет на свободный проезд в Москву», посланный Белинскому, до нас не дошел.

6. БЕЛИНСКИЙ — Г. Н. и М. И. БЕЛИНСКИМ

⟨Москва, не ранее 26 сентября 1829 г.⟩

Любезные родители:
Папинька Григорий Никифорович!
и Маминька Марья Ивановна!

С живейшею радостию и нетерпением спешу уведомить Вас, что я принят в число студентов императорского Московского Университета [1]. Меня не столько радует то, что я студент, сколько то, что сим могу доставить Вам удовольствие. Я, с своей стороны, сделал все, что только мог сделать: я перед Вами оправдался. Тем более меня радует и восхищает принятие в Университет, что я оному обязан не покровительству и стараниям кого-нибудь, но собственно самому себе. Хотя Лажечников и просил обо мне двух Профессоров, но его просьба потому осталась недействительна, что в то время, когда я держал экзамен, вместо их другие были назначены экзаминаторами. Генерал Дурасов тоже в сем случае мне нимало не помог. Впрочем, он тем сделал мне большую пользу, что собственноручною распискою поручился в том, что я буду всегда ходить в форменной одежде и поведением своим не нанесу никакого начальству беспокойства. По уставу, каждый студент должен найти себе поручителя; поручаться же может отец, родственник и всякой чиновный человек. Я получил от Вас свидетельство о рождении 11 числа, в Середу; просьбу подал 12 числа, экзамен держал 19, табель получил 21. И так я теперь студент и состоюсь в 14 классе, имею право носить шпагу и треугольную шляпу. 25 числа подал я просьбу в Совет императорского Московского Университета о принятии меня на казенный кошт. Решение на мою просьбу выйдет около Р. Х., а не прежде, а до тех пор я должен жить на своем коште. Мне необходимо нужно сшить студенческий виц-мундир с форменными панталонами и черным жилетом. Когда Капитолина Степановна поедет в Чембар, то с ее людьми пришлю Вам фрак с панталонами, обе жилетки, тюфяк, одеяло, тулуп, картуз и проч. Так как меня определят на казенный кошт не ближе трех месяцев, а в партикулярной одежде ходить на лекции невозможно, то сделайте одолжение пришлите мне денег на виц-мундир, панталоны, форменную черную жилетку и форменную шинель. На виц-мундир я куплю такого сукна по 5 руб. аршин, какова у Вас в Чембаре или Пензе за 10 нельзя купить. На шинель я куплю серого сукна рубля по 4 за аршин. Сверх того надобно не менее полуаршина купить малинового сукна на воротник и отвороты к виц-мундиру, на воротник к шинели, на выпушку и на околош картуза и на выпушку на панталоны. Сверх того надобно купить желтых пуговиц и проч. Это письмо заключает в себе последние просьбы, которыми я Вас обеспокоиваю. Скоро уже я перестану быть Вам в тягость. Если к сему удастся найти хорошую кондицию, то я не только ничего от Вас не буду требовать, но еще стану помогать братьям. Я сошел от Ольги Матвеевны и теперь стою вместе с Максимовым и Слепцовым, братом того Слепцова, который был у Вас помощником, на своих хлебах, в доме Колесникова, у портнова Козакова, в двух шагах от Университета[2]. Мы платим за комнату по 20 р. ас., и у нас на содержание в день выходит у всех троих не более рубля. Сверх то⟨го⟩ с нами живет Слепцова мальчик для услуг. Я начал ходить на лекции и

записался на первой Академический год у следующих профессоров Словесного отделения: у

Каченовского,	который читает	историю Русскую и Статистику.
Победоносцева,	кот. чит.	Словесность
Терновского,	— —	Богословию
Ульрихса,	— —	Всеобщую Историю
Кубарева,	— —	Латинскую Словесность
Еннекеня,	— —	Франц⟨узскую⟩ Словесность
Кистера	— —	Немец⟨кую⟩ —
Оболенского	— —	Греческую —

Больше писать некогда, ибо тороплюсь на лекции. В следующем письме буду писать пространнее. Пожалуста, не оставьте меня присылкой денег на вышеописанную форменную одежду и на содержание. Без форменной одежды мне запретят ходить на лекции. Прощайте. Остаю⟨сь⟩ любящий и почитающий Вас сын Ваш студент И. М. У.

Виссарион *Белинский*

Вот мой адрес: Его благородию М⟨илостивому⟩ Г⟨осударю⟩ В⟨иссариону⟩ Г⟨ригорьевичу Белинскому⟩ Своекоштному Студенту императорского Московского Университета, живущему в 4м квартале Тверской части, на Тверской улице, в доме купца Колесникова, у портнова Козакова.

[1] Об обстоятельствах поступления Белинского в университет см. в «Лит. наследстве», т. 56, стр. 308 и след.

[2] После кратковременного пребывания в доме О. М. Осинской Белинский поселился вместе со своими земляками — А. Ф. Максимовым и А. Л. Слепцовым, одноклассниками по Пензенской гимназии. См. о них в «Лит. наследстве», т. 56, стр. 430 и 434.

7. БЕЛИНСКИЙ — Г. Н. и М. И. БЕЛИНСКИМ

⟨Москва, 2 октября 1829 г.⟩

Любезные родители:
Папинька Григорий Никифорович
и Маминька Марья Ивановна!

Папинька, я получил Ваше письмо 30 сентября. Сделанные Вами мимоходом в сем кратком письме упреки, сколько для меня горестны, столько к несчастью и справедливы. Так, запираться не для чего. Я во всем признаюсь: признание есть исправление половины вины. Я издержал все деньги до копейки. Впрочем, сие мотовство произошло не от беспорядочного поведения или чего-нибудь подобного, но единственно от ветрености и неосторожности, от незнания цен и бесстыдства московских продавцов. Например, еще дорогою наслышался я от Ивана Николаевича и его *честных* служителей, что сапоги в Москве чрезвычайно дороги. По приезде в оную, чрез два дня, сапоги, шитые Осипом, отказались мне служить, и нашелся принужденным заказать новые. Прошу Евфима, чтобы он привел ко мне сапожника и с ним при мне сладился о цене. Он говорит, что у него есть знакомый сапожник, которой целый год шил сапоги на Ивана Николаевича и на него и что он берет *крайне дешево.* На другой день приводит ко мне *дешевого* сапожника. Спрашиваю, что сто̀ят хорошие опойковые полусапожки?— «Не дорого, сударь, только 18 руб.». Я изумился, смешался и не знал, что и подать. Честный Евфим с сапожником взапуски уверяют меня, что дешевле невозможно нигде заказать; и я, уверенный или лучше сказать, обманутый сими плутами, согласился за 14 р. ас. Правда, он сшил по наружности прекрасные полусапожки, но они не более двух дней были крепки. Шельма, взявши с меня такую цену,

не постыдился употребить на мои сапоги товару с изъяном. Искусно затертые, замазанные и зачищенные дыры скоро открылись. Я после узнал, что в Москве за очень хорошие опойковые полусапожки не более 6 или 8 р. ас. берут. Теперь человек моего товарища Слепцова мне обсоюзил обе пары, и я в рассуждении обуви обеспечен, только за работу остался ему должен. Таким же образом, по рекомендаци Евфима, я купил прекрасной желтый, опойковый чемодан, за который заплатил 10 р. ас. Правда, в Пензе за него не менее бы взяли 20 р. ас., но в Москве он стоит не более 6 р. ас. Вот видите ли, по неопытности и незнанию я за две покупки передал 10 руб. Таким образом я промахивался и в других покупках. Впрочем, много истратил денег на книги и, что всего самому досадней, на разные пустяки. Приехавши в такой город, где все роды обольщений как бы стараются выманивать деньги у неопытных провинциалов. Иногда случались издержки непредвиденные: например, у меня еще в Чембаре болел ужасно зуб, и я принужден был выдернуть оный, за что заплатил 2 руб. Впрочем, я все почти мелочные нужды удовлетворил. Прошу Вас на первой случай с родительским великодушием простить мои проступки, от неопытности и неосторожности происшедшие.

Я уже писал к Вам, что я принят в имп⟨ераторский⟩ М⟨осковский⟩ У⟨ниверситет⟩ студентом и что подал прошение о включении меня в число казеннокоштных студентов. Решение на сию просьбу последует не ближе, как около праздника Р. Х. У нас наистрожайшим образом студентам запрещается ходить на лекции в партикулярной одежде. Однажды пришел в нашу аудиторию профессор Математ⟨ического⟩ отд⟨еления⟩, инспектор своекоштных студентов Чумаков [1]. Самым грубым образом погнал всех *фрачников* и *сюртучников* на задние лавки и сказал: «Ежели кто-нибудь через неделю не будет иметь форменной одежды, то я выключу из Университета». Конечно, он выключить не может, ибо в сем случае один не имеет никакой силы; однако может запретить ходить на лекции, а чрез опущение очень много можно потерять. Притом не имеющий форменной одежды может быть замечен и навлечь негодование начальства. Посему мне непременно должно иметь на первый случай хотя виц-мундир, панталоны, форменную жилетку и картуз. На виц-мундир и на панталоны я куплю по 5 р. ас. аршин; всего пойдет $4^1/_2$ аршина. На воротник, отвороты, канты виц-мундира, на канты панталон, на околош и канты картуза нужно будет малинового сукна $^1/_4$ аршина, что будет стоить 5 р. ас. 18 пуговиц — 3 р. ас. Что касается до жилета, то или сами купите черного пике или пришлите на оный 5 р. ас. Только ежели сами купите, то не шейте. Форменные жилеты совсем другим манером шьются: с простым воротником, застегивающимися крючками, без пуговиц и назади с завязками. Для подкладки на спинку виц-мунд⟨ира⟩ аршина нанки, под рукава и панталоны холста 8 аршин — 250 коп. Портному — 16 р. ас. Всего — 54. А из сей суммы выгадаю на картуз. Конечно, 54 р. ас. сумма для Вас немаловажная, но делать нечего: нужда не знает законов.

Когда Капитол⟨ина⟩ Степ⟨ановна⟩ Мосолова поедет в Чембар, пришлю Вам тюфяк, одеяло, тулуп, сибирку, сертук, фрак, две жилеты, картуз, 4 манишки, подушку.

Сделайте милость, не оставьте меня в сей нужде, может быть, в последний раз. Кроме вышеупомянутой одежды, мне нужно на содержание. Мы стоим трое, платим за комнату по 20 р. ас. в месяц. На содержание себя в месяц выйдет с человека не менее 8 р. ас. в месяц. Я и так уже должен немного своему товарищу Максимову.

Папинька, сделайте одолжение, давайте Конст⟨антину⟩ Гр⟨игорьевичу⟩ денег на пересылку по почте его писем. Для меня весьма приятно и утешительно будет получать от него письма. Когда я жил в Пензе, то и тогда дорожил всякою строкою, полученною из дома, то кольми паче в Москве.

АВТОГРАФ ПИСЬМА БЕЛИНСКОГО К РОДИТЕЛЯМ, НЕ РАНЕЕ 26 СЕНТЯБРЯ 1829 г.

Страницы первая, третья и последняя

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Отдайте Никанора Даниилу Осиповичу [2] учиться. Свидетельствую мое всенижайшее почтение всем Вам, бабушке Дарье Евсеевне [3], всему дому Петра Петровича [4], Даниилу Осиповичу и всем, которые меня знают. Остаюсь любящий и почитающий Вас сын Ваш

Виссарион Белинский

Рукою матери: Получено письмо 1829 года октября 12 числа.

На обороте листа: Его Высокоблагородию
Милостивому Государю Григорию Никифоровичу
Чембарскому Штаб-Лекарю Г-ну Белинскому
В город Чембар
Москва, 1829 года октября 2 дня

Почт. штемп.: 4 окт. 1829, Москва

[1] Федор Иванович Чумаков (1782—1837) — профессор прикладной математики в Московском университете; с 1826 г.—инспектор казенных, а с 1827 г. и своекоштных студентов.

[2] Даниил Осипович Каменский — чембарский священник; брат И. О. Каменского, лекаря в Зубриловке Чембарского уезда. И. О. Каменский был женат на Варваре Савельевне, племяннице Г. Н. Белинского, сестре Л. С. Владыкиной.

[3] Дарья Евсеевна (ум. 31 января 1838 г.), рожденная Дорофеева, по мужу Иванова — мать М. И. Белинской.

[4] Петр Петрович Иванов. См. о нем во вступлении к настоящей публикации.

8. БЕЛИНСКИЙ — Г. Н. и М. И. БЕЛИНСКИМ

⟨Москва, 1829 года, октября 9 дня⟩

Любезные родители:
Папинька Григорий Никифорович
и Маминька Мария Ивановна!

Вот уже третье письмо сряду пишу я к Вам и ни на одно из них не получил ответа. В первом я уведомлял Вас о принятии меня в императорской Московской Университет студентом; во втором описывал Вам мои издержки и ошибки в употреблении денег и просил у Вас прощения в рассуждении оных ошибок; писал о необходимости иметь хотя часть форменной одежды; вычислил самую крайнюю, самую необходимую и самую умеренную сумму денег на сшитие оной. Теперь уведомляю Вас, что я подал просьбу о принятии меня на казенный кошт. Вследствие сего прошения был свидетельствован университетским доктором П. А. Страховым и включен в список поступающих на казенный кошт. Разрешение на сию просьбу последует не прежде, как около праздника рожд⟨ества⟩ христ⟨ова⟩. Одежду казенную выдадут месяца через два после принятия. Теперь Вы сами видите, что виц-мундир, форменные панталоны, жилетку и картуз мне непременно надобно иметь: без того запретят ходить на лекции, а это разве безделка. Сверх того я терплю крайнюю нужду в деньгах: когда я вошел с своими товарищами к Козакову, то у меня не было ни копейки денег. Мой товарищ, студент Максимов, заплатил за меня хозяину за месяц 6 р. ас. с лишком и вкладывал за меня свои деньги в общую сумму, определенную для издержек на вседневное содержание. Еще я должен за обсоюживание и подкладку подметок под две пары сапогов. Сверх того нужно еще и на содержание вперед. Сделайте милость, не оставьте меня в сих нуждах, удовлетворение которых есть, может быть, последнее. Вы прислали мне билет от чембарской Полиции: но он уже почти не нужен; ибо я взял от Университетского Правления Билет, за подписью Ректора, с приложением Университетской печати, для проживания в Москве на целой год. Впрочем и Ваш билет не бесполезен и в случае очень может при-

годиться. В письме своем Вы обещали прислать мне на следующей почте денег; но сладостная надежда сия, к живейшему огорчению моему, не исполнилась. Не знаю чему приписать сие неисполнение Вашего обещания, которое я почитал священным и непременным потому, что я слишком много на оное надеялся, сильно огорчился неисполнением. Впрочем, я надеюсь непременно получить обещанные Вами деньги вскоре, ибо я думаю, что Вы, несмотря на мои ошибки, все еще мне отец и не допустите, чтобы сын [Ваш] умер с голоду. Еще раз повторяю Вам, что я истратил деньги не от распутства, а по неопытности и еще раз прошу у Вас в сем прощения и сознаю себя виноватым.

Я думаю, что в Вашем пресловутом Чембаре очень удивляются, что я принят в императ⟨орский⟩ Моск⟨овский⟩ Университет студентом. Впрочем, я очень мало дорожу мнением чембарцев. Ежели меня не умели оценить в Чембаре, то оценили в Москве. Я думаю, всем вестимо, что между Чембаром и Москвою есть небольшая разница и что между чембарскими жителями и московскими профессорами есть маленькое расстояньице. О, Чембар, пресловутый Чембар!!! Но довольно: замолчу...

Я был четыре раза в театре; он сооружен в 1824 году и есть красивейшее и огромнейшее здание, одно из единственнейших произведений зодчества и один из первейших театров Европы. Видел в ролях Отелло и Карла Моора знаменитого Мочалова, первого, лучшего, трагического московского актера, единственного соперника Каратыгина. Гений мой слишком слаб, слишком ничтожен, недостаточен, чтобы достойно описать игру сего неподражаемого актера, сего необыкновенного гения, сего великого артиста драматического искусства. Впрочем, другие трагические актеры, за исключением двух или трех, очень худо играют; например: роль Едельмоны и Амалии играла Рыкалова по-пензенскому худо, а по-московскому скверно [1]. Вообще многие актеры подгаживают, и вообще представление трагедий восхищает в частях, а не в целом. Что же касается до комедий и опер, то я не знаю, может ли что-нибудь быть во всей нравственной и физической природе совершенней представлений оных. Лучший комический актер здесь Щепкин: это не человек, а дьявол; вот лучшая и справедливейшая похвала его. Красота декораций, сходство их с натурою неописанны; мне кажется, что в сем случае искусство превзошло природу. Но довольно о театре. Если Вам будет приятно сие слабое описание Московского театра, то я буду Вам писать о сем подробнее.

Не знаю, какова у Вас погода. У нас во весь сентябрь была прекраснейшая погода, казалось, что природа хотела вознаградить ⟨...⟩* весны, которая была очень дождлива и скучна. Наш сентябрь бы ⟨...⟩* мая.

Я был в Музеуме имп⟨ераторского⟩ М⟨осковского⟩ У⟨ниверситета⟩. Что сказать о нем? Это есть небольшое царство очарований. Почти все, что есть удивительного и достойного внимания в природе, все там находится. Всех же богатее собрание минералов и птиц. Видел университетскую библиотеку; она занимает четыре пространные комнаты; там стоят алебастровые бюсты великих гениев: Ломоносова, Державина, Карамзина. Там же стоят бюсты императора Александра I и Шувалова. Жалко, что между помянутыми бюстами великих писателей стоят бюсты — площадного Сумарокова, холодного, напыщенного и сухого Хераскова. Зала публичных экзаменов прекрасна. Красота, убранство и великолепие оной неописанны. Был в анатомическом кабинете: множество уродов, скелетов и отдельных частей человеческого

* В подлиннике вырвано.

тела находятся в оной. В кабинете физико-математического отделения много оптических зеркал, электрических машин и других математических инструментов.

Более писать нечего: прощайте. Желаю Вам всех благ и остаюсь любящий и почитающий сын Ваш

Виссарион Белинский

Вот мой адрес:

Его благородию Виссар⟨иону⟩ Григорьевичу Г-ну Белинскому Студенту император⟨ского⟩ Московского Университета, живущему на Тверской улице, 2 квартала, в доме купца Колесникова, у портнова Козакова в Москве

На обороте листа: Его Высокоблагородию
Милостивому Государю Григорию Никифоровичу
Г-ну Белинскому
Чембарскому Штаб-Лекарю
В город Чембар

Почт. штемпель: 11 окт. 1829, Москва

[1] Аграфена Гавриловна Рыкалова (ум. в 1840 г.) дебютировала в 1821 г. в роли Эдельмоны (Дездемоны) в «Отелло». По словам биографа семьи Рыкаловых, «как актриса А. Г. Рыкалова не выдавалась ничем. В 1820-х годах, когда в Москве не было выдающихся актрис, она играла часто роли очень важные и очень разнообразные — комические: княгиню Ветрову (Доримена) в „Мещанине во дворянстве“, Леонору в „Школе мужей“ и трагические: Амалию в „Разбойниках“ и Эдельмону в „Отелло“» (см. статью А. Сиротинина «Артистическая семья», «Русский архив», 1887, VII, стр. 385—386).

9. Г. Н. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

⟨Чембар, 11 октября 1829 г.⟩

Виссарион Григорьевич!

Письмо твое мы получили 5-го октября, которое нас много утешило. Теперь не теряй напрасно время, при получении открытого шага, учиться не ленись, после тебе слюбится, и не будешь об оном жалеть. Между прочим, не забывай необходимого правила хорошего или, лучше сказать, благородного образа жизни, только стоит помнить первый псалом Давидов, и если от оного не уклонишься, то будешь человек, и тем сверх сего оправдаешь поручителя. Я не успел написать к его превос⟨ходительству⟩ господину Дурасову благодарное письмо, ходи к нему, если он благосклонен к тебе и тем более если нет, то заслуживай его покровительство о тебе.

При сем посылаю тебе денег ассигнациями сто рублей; употреби их на необходимые надобности и остаток береги, ты знаешь семейственные нужды мои. Пиши скорее о получении оных д⟨енег⟩ и обо всем нужном.

В прочем, пожелав тебе доброго здоровья, остаюсь доброжелательный твой отец

Григорий Белынский

11 октября
1829 года

Семейство наше, слава богу. Никанор тебе просил написать поклон, а сам поленился или, лучше сказать, проспал. Константин подал просьбу в Земский суд [1].

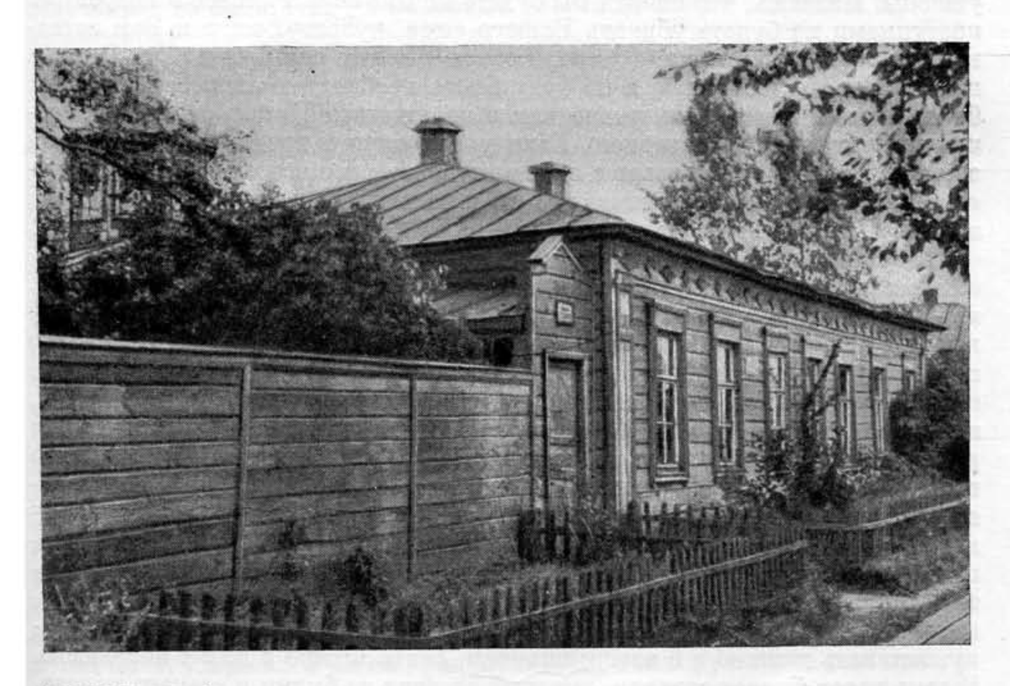
[1] К. Г. Белинский поступил на службу в Чембарский земский суд копиистом. См. сб. «В. Г. Белинский. 1848—1948», Пенза, 1948, стр. 145.

10. БЕЛИНСКИЙ — Г. Н. и М. И. БЕЛИНСКИМ

〈Москва, начало января 1830 г.〉

Любезные родители
Папинька Григорий Никифорович
и Маминька Марья Ивановна!

Весьма удивило меня то, что Вы не получили моего письма [1]. Я в нем, движимый чувством благодарности за присылку мне 100 руб. денег, со всем жаром сердца, тронутого Вашим благодеянием, со всею сыновнею почтительностию, благодарил Вас за Ваше одолжение. Потом извещал Вас, что я принят на казенный кошт и что уже живу в самом Университете. Как больно мне, что это письмо не дошло до Вас! Я долгое время бесплодно ожидал от Вас на оное ответа.

ДОМ РОДИТЕЛЕЙ БЕЛИНСКОГО В ЧЕМБАРЕ (г. БЕЛИНСКОМ)—ТЕПЕРЬ ДОМ-МУЗЕЙ
Фотография Н. Н. Павлова (Пенза), 1946 г.

Вы спрашиваете меня, почему я не сшил себе форменной одежды?— Получив от Вас деньги, я за первый долг поставил себе уплатить свои долги, купить черную жилетку и две черные косынки, купить некоторые необходимые и касающиеся до литературы книги, на что вышло больше половины присланных Вами мне денег. Потом, по прошествии недели, я хотел уже покупать сукно, как вдруг к величайшему моему удовольствию и радости узнаю, что я принят на казенный кошт, и в тот же самый день перешел в Университет. Я для того хотел себе сшить форменную одежду, что своекоштному студенту необходимо должно иметь оную, ибо в противном случае могут выдти самые худые следствия. С казенного же студента сего требовать никак не могут, ибо он может ответить: если мне выдадут казенное платье, то я буду оное носить. Теперь для чего же мне было напрасно терять деньги? Беспокоил же я Вас своими в рассуждении сего просьбами потому, что никаким образом не мог быть уверенным в том, что буду непременно принят на казенный кошт; или, по крайней мере, не надеялся быть принятым так скоро. Меня

уверяли, что решение на просьбу о принятии на казенный кошт бывает не прежде, как пред самым р⟨ождеством⟩ х⟨ристовым⟩. Впрочем, оставшиеся деньги могли мне быть полезными, и я отдал в долги верным и надежным людям, у которых и беру понемногу, когда мне они понадобятся. Теперь Вы видите, что в рассуждении меня Вы должны быть совершенно спокойны и что присланная Вами мне сумма хотя не маловажна, однако уже последняя. Я сам знаю Ваши недостатки и тем более чувствую цену Вашего одолжения и тем живейшую ощущаю к Вам благодарность.

Папинька, Вы на меня очень сердитесь и браните меня; это для меня чрезвычайно прискорбно. Признаюсь: я этого никак не ожидал. Часто случалось, в бытность мою в Пензе, переносить мне подобные с Вашей стороны со мною поступки; они раздирали мою душу, приводили меня в отчаяние. Я молчал, был спокоен; но это молчание, это спокойствие были ужасны. Надеюсь, что вперед Вы будете ко мне справедливее и подобными поступками не будете убивать Вашего сына, чувствующего к Вам истинную любовь и почтение,— сына, который почти один умеет понимать и ценить Вас. Может быть, я не буду иметь необходимости беспокоить Вас более своими просьбами, равно как и одолжаться Николаем Михайловичем и Лукерьею Савельевною. Если успех одного предприятия, которым занимается Н. Л. Григорьев с одним студентом и в котором и я имею участие, не обманет нашего ожидания, то я надеюсь получить около 500 руб., а может быть, и втрое больше [2].

Теперь я опишу Вам наше казенное житье-бытье.

Комнаты, занимаемые студентами, называются номерами, которых 16, из них в двух живут два суб-инспектора. Всех казенных студентов 150 человек. В каждом номере находится от восьми до 12 студ⟨ентов⟩. У каждого студента своя кровать, свой стол и своя табуретка. Кровати все железные, очень аккуратно сделанные. Мягкие, довольно высокие тюфяки, подушки, простыня, желтое байковое одеяло, к которому пришита другая простыня и полосатый чахол составляют постель. Наволочки, простыни и одеяла всегда бывают белы, как снег, и переменяются еженедельно. Столы состоят из довольно большого выдвижного ящика и шкапчика с двумя полками. Номера наши, можно сказать, отлично хороши: карнизы стен украшены алебастровыми барельефами, полы крашеные, окна большие, чистота и опрятность необыкновенные. Для каждого номера определен солдат, которой метет пол, прибирает постели и прислуживает студентам. По уставу, вставать должно в 6 часов; впрочем, спать можно и до 8 с половиною. В семь часов бывает завтрак, который состоит из булки и стакана молока. Час вставания, завтрака, обеда, ужина и сна возве⟨ща⟩ется звоном колокольчика. По будням обед бывает в 2, а по праздникам — в 12. Стол по будням состоит из трех блюд: горячего, холодного и каши. Горячее бывает следующее: щи капустные, огуречные, суп картофельный, суп с перловыми крупами, лапша и борщ; все это бывает попеременно. Из горячего говядина вынимается и приготовляется на холодное или жаркое. Хлеб всегда бывает ситный и вкусный и кушанья вообще приготовлены весьма хорошо. По воскресеньям и прочим праздникам, сверх обыкновенного, бывают пироги, жаркое и какое-нибудь пирожное. Столы всегда накрываются скатертями, и для всякого студента особенный прибор, состоящий, как обыкновенно бывает, из тарелки, покрытой сложенной салфеткой, серебряной ложки, ножа и вилки. У каждого стола, коих всех 14, прислуживает солдат. За всякой стол садится по одиннадцати человек. Порядок в столовой чрезвычайно хорош. Увидя столы, накрытые снеговыми скатертями, на которых поставлены миски, блюда, графины с квасом, приборы в величайшем порядке, можно подумать, что это приготовлен обед для гостей какого-нибудь богача по случаю праздника, бала или чего-нибудь подобного. Миски у нас оловянные на поддонниках, блюда такие же, тарелки

каменные. Миски и блюда блестят, как серебряные. Такая чистота во всех отношениях наблюдается.

Теперь скажу Вам что-нибудь о начальстве Университета. Главное лицо оного есть попечитель [3], потом ректор и два инспектора — один казенных, а другой своекоштных студентов.

Наш инспектор Дмитрий Матвеевич Перевощиков [4] — человек весьма известный в ученом свете. Он строг, любит порядок и мы спокойствием, порядком и устройством нашего казенного быта большею частию одолжены ему. Помощники его в должности называются суб-инспекторами; их четверо. Один доктор медицины, два лекаря, готовящихся быть докторами, и один кандидат словесности. Должность их состоит в том, чтобы присутствовать в столовой ⟨при⟩ завтраке, обеде и ужине студентов и в 10 часов вечера обойти все номера, посмотреть все ли студенты, велеть погасить свечи и поутру донести инспектору о тех, которые самовольно отлучались на ночь. Они ни малейшей власти не имеют над нами: если кто им нагрубит или сделает что-нибудь слишком молодецкое, то они должны только донести инспектору. В рассуждении свободы у нас очень хорошо. По будням от 2 до 10 часов ночи я имею право без всякого спроса быть вне университета. Ежели хочу ночевать вне оного, то должен для проформы спроситься у дежурного суб-инспектора. Перед праздниками носят по номерам лист бумаги, в который записываются желающие отлучиться на ночь. Праздник без всякого спроса можно проводить вне Унив⟨ерситета⟩, только к 10 часам должно явиться, ибо в 10 часов гасят свечи и ложатся спать. Вот Вам краткое описание казенного быта. Покуда все хорошо. Впрочем, эти постановления, а особливо в рассуждении свободы нашей, зависят от воли инспектора, и потому, если инспектор хорош, то и казенное житье хорошо.

Маминька, Вы уже в другом письме увещеваете меня ходить по церквам; право, подобные увещания для меня не всегда приятны и могут мне наскучить. Если бы Вы советовали мне быть добрым человеком, не изменять правилам доброго поведения, то бы, хотя и сам все сие очень хорошо знаю, принял бы с благодарностию подобные советы. Я почел бы их за опасение матери, которая любит своего сына и страшится потерять его. И в таком случае, если бы я пошел по пути порока, увлекаемый пылкостию характера и огнем страстей, то, взглянув на Ваши строки, вспомнил бы, что я имею отца и мать, что я своим поведением могу причинить им много горестей и заставить стыдиться, что они имеют такого сына — вспомнил бы — и, может быть, удержался бы на краю пропасти, в которую готов был низвергнуться. Но Вы хотите из меня сделать благочестивого, странствующего пилигрима и заставить меня предпринять благопохвальное путешествие по московским церквам, которым и счета нет. Шататься мне по оным некогда, ибо чрезвычайно много других, гораздо важнейших дел, которыми должно заниматься. Вы меня еще в прежнем письме по этому поводу упрекали в том, что я был в театре, а не был во всех соборных и приходских церквах. Театр мне необходимо должно посещать для образования своего вкуса и для того, чтобы, видя игру великих артистов, иметь толк в этом божественном искусстве. Я пошел по такому отделению, которое требует, что⟨бы⟩ иметь познание и толк во всех изящных искусствах. И потому я прошу Вас уволить меня от нравоучений такого рода: уверяю Вас, что они будут бесполезны.

Вы меня спрашиваете, любят ⟨ли⟩ меня студенты? С удовольствием отвечаю на сие, что я успел снискать любовь и даже уважение многих из них. Впрочем, на всех угодить невозможно. Некоторые из воспитанников семинарской премудрости не очень ко мне благосклонны, потому что я вслух ⟨*дальше недостает листа*⟩.

Рукою матери: Получено письмо генваря 16 числа с Норовым.

[1] Ответное письмо Белинского на письмо отца от 11 октября 1829 г. до нас не дошло, так же как не дошли до нас письма к Белинскому отца и матери с «увещеваниями ходить по церквам».

[2] О сущности этого «предприятия» точных данных не имеется. «Один студент» — вероятно, приятель Н. Л. Григорьева и Белинского — П. Я. Петров. О Н. Л. Григорьеве и П. Я. Петрове см. в «Биографическом словаре университетских товарищей Белинского» («Лит. наследство», т. 56, стр. 426 и 432). А. В. Храбровицкий, автор заметки «Белинский и роман итальянского революционера» («Огонек», 1948, № 31, стр. 24), предполагает, что «предприятие», в котором участвовал Белинский совместно с Григорьевым и Петровым, заключалось в работе над переводом с итальянского языка книги Уго Фосколо «Последние письма Якова Ортиса».

[3] Попечителем Московского учебного округа с 1825 по 1830 г. был генерал-лейтенант А. А. Писарев (1780—1848). В 1830 г. попечителем назначен был кн. С. М. Голицын (1774—1859), занимавший этот пост до 1835 г.

[4] О профессоре Д. М. Перевощикове (1788—1880) см. в «Лит. наследстве», т. 56, стр. 400.

11. Е. П. ИВАНОВА — БЕЛИНСКОМУ

〈Чембар, начало января 1830 г.〉

Любезный
Виссарион Григорьевич[1].

Несказанную радость доставили мне ваши письма! Я с восхищением читала и перечитывала оные несколько раз и, кажется, не перестану читать их до получения от вас новых писем. Скажите, отчего вы так приятно пишете и почему я не могу так же; посоветуйте мне, любезный наставник мой, как приобрести способность писать так легко, [так приятно] так красноречиво, так — как вы пишете? Пожалуйста, продолжайте попрежнему сообщать мне через письма некоторые познания и не оставляйте меня своими полезными советами, которые я много ценю. Как мне совестно, что я так редко к вам пишу, но причиной этому не лень, но то, что нахожу большое затруднение сочинять письма. Не за новость сочла вашу связь с Петровым, ибо я и прежде предполагала, что у вас составится короткое знакомство, потому что склонности ваши к полезным занятиям одинаковы, и я также с большим удовольствием поздравляю с дружбой [такою] человека с такими достоинствами, желаю, чтоб и весь круг ваших друзей состоял из людей подобных ему. Вы пишете, что Петр〈ов〉 знает многие языки и еще хочет учиться по-санскритски; скажите, пожалуйста, где этим языком говорят или говорили; я спрашивала многих здешних, но никто не удовлетворил моего любопытства.

Напишу вам что-нибудь о нашем чембарском житье-бытье. Святки мы проводили не скучно, но и не весело, как прежде бывало. Мы часто вспоминали прошедший год и о вас — душе наших удовольствий. Папенька очень желал, чтоб у нас был театр, но никого не могли согласить, и все затеи наши святочные расстраивались, всегда чего-то недоставало главного, этого главного — вас! Алексей отправляет вам преизобильное письмо, в котором много насмешничает над нами с маменькой, и я, в свою очередь, хочу об нем с вами поговорить: ему пришла благая мысль оставить Чембар и поискать местечка где-нибудь в Москве[2], и для того хочет учиться по-французски и повторить латынь и российскую грамматику, но известна вам медлительность во всем и привычка откладывать все до завтра и до будущей недели, то посоветуйте ему, чтоб не медлил начать учебные занятия, да попеняйте ему за то, что он не отстает от любимой своей компании.

Много благодарны мы с Авдотьей Александровной[3] за табакерочки, мы с удовольствием понюхиваем табачок из оных; еще А〈вдотья〉 Алек〈сандровна〉 посылает вам глубочайшее почтение и нижайший поклон.

СВИДЕТЕЛЬСТВО О РОЖДЕНИИ БЕЛИНСКОГО

Выдано 10 августа 1829 г.

Областной архив, Пенза

Вы очень заинтересовали нас своим журналом, мы с нетерпением ожидаем продолжения оного; пожалуйста, не медлите удовлетворить наше желание. Просьбой заключу свое письмо писать к нам как можно чаще; для меня ничего нет приятнее, как получать письма ваши.

Катерина Иванова

[1] Это письмо Е. П. Ивановой является ответом на письмо Белинского от 20 декабря 1829 г., в котором он писал, между прочим, о своей дружбе с П. Я. Петровым, а также на «Журнал моей поездки в Москву и пребывание в оной» («Письма», I, 6—19).

[2] Письмо Алексея Петровича Иванова к Белинскому до нас не дошло; «благую мысль оставить Чембар» А. П. Иванов вскоре же осуществил: с осени 1830 г. он поселился в Москве.

[3] Авдотья Александровна — дальняя родственница Ивановых, жившая у них в доме. Как сообщал впоследствии Д. П. Иванов, это была «девица лет 19 или 20, очень красивая, но от природы или несчастного падения хромая, с сведенною левою ногою и ходившая поэтому на костыле. Виссарион особенно любил забавлять и потешать ее, когда она сидела за пяльцами у окна» («Письма», III, 436).

12. П. П. ИВАНОВ — БЕЛИНСКОМУ

⟨Чембар, 18 января 1830 г.⟩

Милостивый государь
и любезный друг Виссарион Григорьевич.

Чувствительнейше благодарю за доставление сведений касательно моего Дмитрия, которые тотчас отправил к нему в Пензу с крепким подтверждением, чтоб он следовал всему вашему наставлению, а вас прошу покорнейше снабдить меня адресом, который и ему доставлю, как писать к вам, о котором я от безмолвного Алексея и от исправной архивы Григорья Никифоровича никак не добился.

Мы вчерась с родителем вашим читали и перечитывали ваши письма, но лучше всех нас читает их Катерина, и я, признаюсь, с душевным вниманием выронил несколько слез от чистоты вашего и приятного слога [1].

Катерина с меня взяла подписку отпустить Алексея в Москву, как кончит курс в Пензе Дмитрий и если к тому соблаговолит бог, и я подписал.

Волтера я из Камынина [2] привез, и он теперь безмолвно глядит в кабинете Алексея, который на него почасту смотрит и отвечает тем же. Избави бог, кроме ума, ему быть подражателем в религии. Я сужу по старине, а в даль судить не умею.

У нас все попрежнему, и нового ничего. Константин Григорьевич сочиняет стихи. Фединька⟨?⟩ Дьячков тем же и у нас в суде копиистом.

Кугушевы [3] всё смотрят сентябрем на наших. Желая душевно всего от бога, с истинным почитанием и преданностью остался, милостивый государь, ваш засуженный ⟨!⟩ секретарь покорнейший слуга

Петр Иванов

18 генваря 1830 года
Чембар

[1] Письмо Белинского к П. П. Иванову, на которое последний и отвечает, до нас не дошло. «Сведения», доставленные Белинским, — о предстоящем поступлении Д. П. Иванова в Московский университет.

[2] Камынино — село Чембарского уезда помещиков Щетининых.

[3] Кугушевы — семья капитан-исправника Чембара. Княгиня Кугушева (мать) — бывшая крепостная своего мужа, стала сама злейшей крепостницей. С сыновьями Кугушева Белинский учился вместе в уездном училище. От сближения с Кугушевыми, семьей крепостников, Белинский предостерегал Е. П. Иванову в письме от 20 декабря 1829 г. («Письма», I, 8).

13. П. П. ИВАНОВ — БЕЛИНСКОМУ

⟨Чембар, 25 января 1830 г.⟩

Почтеннейший и любезный друг
Виссарион Григорьевич.

Возблагодарив достойно вас за доставление наставления для моего Дмитрия письмом чрез Ивана Николаевича Владыкина [1], я вам скажу происшествие сегодня в моем доме. Приходя из суда к обеду, вижу всех домашних по разным комнатам занимающихся письмом. Спрашиваю, что у вас за канцелярия, отвечают — готовят письма в Москву к Виссариону Григорьевичу. Катерина, не усидев на месте, перебегает из комнаты в комнату, ищет гения, который бы дал способ изъяснить хорошенько чувства изречения, наконец, садится в гостиной и, повеся голову, думает. Алексей становит противу ее после гостей бутылку белого и графин сладкой водки, предлагает все осушить, и тогда родится мысль. Она оставляет гостиную, входит в ⟨1 нрзб.⟩ к столу обеденному, утверждаясь, что после обеда писать лучше. Старуха моя в большом чепчике, с очками пишет и почасту на меня взглядывает, просит, как лучше написать, в то время проклятые девки мешают своими докладами; она бранит, шумит, бормочет: эти проклятые мешают. Насилу села обедать, и после опять принялись за сочинения. Авдотья Александровна также с своим костылем старается писать, и ей, бедной, не дают ни пера ни бумаги, огорчается до слез, просит моего пособия. Как настал вечер, опять принялись за письма. А Алексей связал целую книгу и писал прилежно, и скоро бы мог кончить, но трубка проклятая с ума не идет, то и дело в избу, где одноокая Аграфена готовит ему солдатские корешки, и раскуривает. Оставя сию скучную материю, прошу вас покорнейше не забывать меня, престарелого, своими письмами, что для меня будет утешением, особенно насчет университетских обстоятельств, не будет ли каких еще прибавлений. Посоветуйтесь насчет сироты Александра Ефремовича [2], каким образом мне должно поступить на помещение его на казенное содержание, скоро ли возьмет свое действие новое положение по училищной части. Разведайте потом, что служащие в сенатах канцелярские служители за 15-летнюю беспорочную службу получили пряжки или знаки отличия и после кресты с⟨в⟩. Анны. Я решился Алексея отпустить на службу в Москву, если будет можно поместиться в оной, о чем для точного узнания буду писать и к Федору Петровичу Андрееву, а если вам доведется случай познакомиться с сенатскими, то поразведайте и уведомьте. Желая вам душевно доброго здоровья, совершенного приобретения в науках, с истинным почтением остался навсегда ваш покорнейший слуга

Петр Иванов

25 генваря 1830 года
г. Чембар

[1] Письмо Белинского с «наставлением» для Д. П. Иванова до нас не дошло.

[2] Александр Ефремович—вероятно, родственник Ивановых. См. о нем упоминания в последующих письмах и особенно его приписку к письму Д. П. Иванова Белинскому от 14 августа 1831 г. (письмо № 32).

14. Д. П. ИВАНОВ — БЕЛИНСКОМУ

Пенза, 9 марта 1830 года

Милостивый государь и любезный друг
Виссарион Григорьевич!

Я думаю, что вам будет приятно одно обстоятельство, об котором честь имею объяснить (пишу, как самый вымереченный ⟨!⟩ подьячий).

Михаил Максимович ⟨Попов⟩, которого достоинства я вам уже довольно описал в прошлом письме [1], велел мне как можно скорее написать к вам,

чтобы прислали к нему стихов своего сочинения, мелких или крупных, только отличных; они будут с каким-то еще московским издавать Альманах, и ⟨М⟨ихаилу⟩ М⟨аксимовичу⟩⟩ хочется, чтобы ваши стихи были помещены там. Сделайте милость, пришлите как можно поскорее, я не буду вас просить так, как просил меня о сем М⟨ихаил⟩ Максимович, потому что не найду слов к выражению просьбы его [2]. Пишите к нам, странствующим в юдоли плачевной, об университете. Греческого языка мы проехали довольно много... до глаголов. Желал бы больше вам написать, но время не позволяет и попутчик чембарский ждет меня. Прощайте, желаю вам всего не как Зоил, но как друг... от искреннего сердца. Все изящное да почиет над главою вашею,

Милостивый государь,
ваш друг и покорный слуга
Дмитрий Иванов

P. S. К нам пришлют скоро французского учителя. Все друзья вам кланяются, и от меня также московским. Покровский семинарист, который теперь прозывается Востоков, послал к вам письмо![3]

Приписка П. П. Иванова:

Любезный друг
Виссарион Григорьевич.

Полученные мною с почтою из Пензы письма спешу к вам доставить. Прошу покорно написать к Алексею, чтоб он впредь таких глупостей к вам не писал, и пожурите его хорошенько, чтоб он, оставив впредь свою леность и проклятую трубку, принялся хорошенько за дело. Представьте ему пример служащих в сенатах малолетних, которые занимаются делом, и рассудите после, может ли он быть на службе.

С почтением остался преданнейший слуга

П. Иванов

На первой странице надпись рукою Белинского: Получено 4 апреля.

[1] «Прошлое письмо» Д. П. Иванова, в котором он говорил о М. М. Попове (см. о нем прим. к письму № 2), до нас не дошло.

[2] Белинский ответил письмом к М. М. Попову от 30 апреля 1830 г., опубликованным И. И. Лажечниковым в его «Заметках для биографии Белинского»; ср. «В. Г. Белинский в воспоминаниях современников», Л., 1929, стр. 27—30 и «Письма», I, 21—23.

[3] Письмо к Белинскому «Покровского семинариста» В. Ф. Востокова от 4 марта 1830 г.— в сб. «В. Г. Белинский и его корреспонденты», М., 1948, стр. 41—44. Письмо к Белинскому А. П. Иванова, которое вместе с письмом Д. П. Иванова (и, возможно, В. Ф. Востокова) было послано из Пензы в Чембар и оттуда переслано П. П. Ивановым в Москву, до нас не дошло.

15. БЕЛИНСКИЙ — Г. Н. и М. И. БЕЛИНСКИМ

⟨Москва, 1830, года мая 7 дня⟩

Милостивые Государи
Папинька Григорий Никифорович
и Маминька Марья Ивановна!

Я думаю, что Вы получили мое письмо от 30 Апреля [1]. Из больницы я вышел. Целую неделю меня лечили и не могли избавить от кашля, который теперь почти прошел сам собою. Учебный академический год у нас оканчивается, и к первому Июня или еще и гораздо прежде мы будем свободны

от всех забот, сопряженных с учением. Полугодичные репетиции кончились, скоро начнется годовой экзамен; по прошествии трех или четырех дней первогодичные студенты все могут разъезжаться по домам. Так как наших пензенцев — прежних моих товарищей по учению — очень много, то я думаю, что мне с ними придется ехать домой. Наймем себе несколько кибиток и поедем обозом; Ломов будет местом наших разъездов: некоторые останутся в оном, другие поворотят на Пензу, а я — на благословенный Чембар. В сем случае прошу Вас не оставить меня своим вспоможением. Вы, может быть, желаете, чтобы я ехал с Иваном Николаевичем Владыкиным. Что касается до сего, то я Вам решительно говорю, что я лучше соглашусь целый век не видаться с людьми, в которых я вижу предметы самые для меня священные и самые любезные, нежели свиданием с оными быть обязанным Владыкиным. Ежели для Вас приятно будет видеть меня возвращенным на некоторое время в родной круг, то дайте средства к исполнению сего. Ежели же Вы ко мне напишите, чтобы я непременно ехал с И. Н. Владыкиным, то я почту это за приказание остаться в Москве для препровождения в оной почти четырех месяцев, которые бы я мог провести дома. Но не в одном этом я имею нужду. Виц-мундиры нам выдали к 12 Генваря. Сшиты они из сукна на вид довольно изрядного, но в самом деле полугнилого (а особливо на панталонах) и не более как рублей по 6 аршин. На мой грех случись, что панталоны мои были очень узки. Имея большую нужду в новом платье и потому поторопясь взять оное, я не возвратил их назад к портному для переправки. Сюртук же был так узок, что портной с большим усилием мог застегнуть оный на мне, и от этого усилия нижняя пуговица оторвалась совсем с сукном. Инспектор два раза отдавал его назад, два раза переправляли его, и, наконец, я принял. Через неделю все петли обсеклись, оборвались, а через месяц панталоны сделались совершенно никуда негодными. Не с одним со мною случилось так: это сделалось со всеми, кроме тех, которые имели другие платья, и посему не носили новых. Впрочем, я в своем сюртуке могу ходить на лекции, к знакомым студентам — и более никуда. Следовательно, по приезде домой на вакацию я принужден бы был ходить в одном мундире. Для сего я купил у одного из товарищей виц-мундир и новую пару казенного платья за 30 рублей ассигнациями, недели через две или три после пасхи. Так как у него много своей одежды, то он ни разу не надевал казенной и как лишнюю и ненужную для него продал мне. Сам портной предлагал ему на выбор или 30 р. ас. или эту пару, посему Вы можете судить, что моя покупка очень дешева. Новое платье у меня лежит, а старое покудова таскаю. Еще мне очень хочется к казенному мундиру пришить свой воротник с шитыми петлицами: он стоит 10 р. ас. Я еще прежде писал к Вам, что сшил себе черную жилетку; она еще крепка и цела, но мне хочется к мундиру сшить другую получше. На форменную жилетку материи идет аршин: мне хочется купить рублей в восемь. Сапогов у нас столько, что некуда девать, к отъезду моему я получу четвертую пару. Ничто не может быть живучее этих сапог: кажется, им веку нет, и при всех этих похвальных качествах все 4 пары не стоят одной хорошенькой по чистоте работы. Казна платила за пару по 6 р. ас., сапожнику пара приходится рублей по 4. Сами судите, каковы должны быть сапоги в 4 р. ас. и где же — в Москве. Итак, если бы к удовлетворению вышеупомянутых нужд, удовлетворена была и необходимость иметь пару хороших сапог, то бы я был одет очень недурно. Вы сами знаете, как я ходил до сего времени; пора уже одеться хотя мало-мальски получше, чтобы не стыдно было показаться добрым людям. Если бы я не имел в сем необходимой нужды, то бы не осмелился беспокоить Вас сими просьбами. Еще в октябре дал я одному детине взаймы 15 р. ас. и теперь еще не могу получить, да думаю, что и никогда не получу. Я его знал в Пензе с хорошей стороны и потому поверил ему без

опасения; вышло напротив. И. Н. Владыкин с сентября должен мне 6 р. ас. и все обманывает и проманивает обещаниями отдать; да я уже у него и не прошу: что обижать бедного, пусть воспользуется моими деньгами. Еще один студент мне должен был 25 р. ас., но я у него уже много перебрал по мелочам, и за ним осталось только 12 р. ас., не знаю, скоро ли отдаст их. Вот каково давать взаймы.

Белье нам выдали к великому посту, равно как и подтяжки, перчатки, подгалстушники и косынки; все это носилось по неделе, но в сем я не имею нужды, ибо прежде запасся сим. Мундира еще не получил и получу на сих днях. С вторичною просьбою не оставить меня в моих нуждах остаюсь пребывающий с любовию и почтением сын Ваш

Виссарион Белинский

Надпись о получении: Получено 16 мая 1830 года в пяток.

[1] Письмо Белинского к родителям от 30 апреля 1830 г. до нас не дошло.

16. БЕЛИНСКИЙ — Г. Н. и М. И. БЕЛИНСКИМ

1830 года, июня 4 дня. Москва

Милостивые Государи,
Папинька Григорий Никифорович
и Маминька Марья Ивановна!

Я писал к Вам два письма [1] и ни на которое из них не получил ответа. Не знаю чему приписать Ваше молчание, которое меня жестоко беспокоит. Кажется, что Вы совсем не почитаете за нужное помнить, что у Вас есть сын, разлученный с Вами обстоятельствами и живущий от Вас за 500 верст. Впрочем, это не худо: к чему обременять свою память такими пустяками. Притом же для посылки ко мне писем надобно за каждое платить по 36 копеек, а эта сумма, хоть побожиться, не маловажна. Извините меня, что я пишу к Вам в таком тоне. Войдите в мое положение и Вы увидите, что я имею причину так писать. С самой масленицы я не получаю от Вас писем и не знаю все ли Вы живы, все ли здоровы. Неужели Вы думаете, что это меня не мало не беспокоит; поверьте, что я гораздо более о Вас думаю, нежели Вы обо мне.

13 числа сего месяца я буду совершенно свободен и могу ехать домой; теперь же по причинам, описанным мною Вам в последнем моем письме, не могу. Товарищи все уедут, и я принужден буду остаться в Москве и лишиться, не говорю удовольствия, этого мало, лишиться счастия видеться с Вами, с родными и знакомыми; слишком три месяца проводить в несноснейшей тоске, тогда как бы я мог провести сие время в радости. Если Вам неприятно меня видеть в своем доме, то напишите ко мне об этом; по крайней мере, я не буду напрасно надеяться. Ваше молчание для меня несноснее всего на свете. Бога ради, напишите ко мне что-нибудь; если же я не стою этого, то велите написать ответ Ваш моему брату. Впрочем, Вы, может быть, не получали от меня писем и потому не пишете. Все-таки и в сем случае Вам не мешало бы что-нибудь написать ко мне и спросить о причине моего молчания. У меня иногда не случится денег для почты, иногда некогда послать, а самому поутру отлучиться нельзя да и почтамт от Университета отстоит, по крайней мере, версты на две. Теперь я не знаю, что мне и делать и на что решиться. Бога ради, напишите поскорее ответ на сие письмо. С живейшим нетерпением буду ожидать оного. Остаюсь Ваш сын

Виссарион Белинский

[1] «Два письма» — не дошедшее до нас письмо Белинского к родителям от 30 апреля и письмо от 7 мая 1830 г.

ПЛОЩАДЬ В МОСКОВСКОМ КРЕМЛЕ С ВИДОМ НА ЗАМОСКВОРЕЧЬЕ

Рисунок М. Н. Воробьева, конец 1810-х гг.

Местонахождение оригинала неизвестно

17. БЕЛИНСКИЙ — М. И. БЕЛИНСКОЙ

〈Москва, конец июня 1830 г.〉

Милостивая Государыня
Маминька Марья Ивановна!

К величайшему моему прискорбию я имел несчастие получить от Вас письмо, столь нетерпеливо ожидаемое [1]. Вы пишете, что можно бы было дома исправить все мои нужды. Это превосходно! Я должен 30 руб. за виц-мундирную пару, которую уже с месяц ношу, мне нужно купить шитой воротник к мундиру: это все можно бы было сделать в Чембаре, которого лавочки наполнены студенческими воротниками! Я вижу, что оставлен, брошен, презрен, что обо мне не хотят и знать. Не подумайте, чтобы я это говорил на Ваш счет. Если бы мне прислали за неделю пред сим денег, то я бы уже был в дороге. Трое моих товарищей с двумя лакеями за 70 рублей до Ломова наняли лихую тройку; следовательно, с кажд〈ого〉 приходится по 12 рублей, ибо господа и за слуг своих платят долю, а так как у одного из них нет человека, так он за двенадцать рублей съездит до Ломова. Если бы у меня были деньги,— то двое из сих моих товарищей, из коих один только имеет человека, поехал 〈и〉, следовательно мне пришлось бы заплатить 18 рублей! Но теперь все кончено: я осужден проводить в Москве слишком три месяца! Одному ехать невозможно, товарищей нет. Недели через три поедет Григорьев с сыном домой и если бы у меня были деньги, то можно бы с ними; но они уже дали слово одному студенту. Больше писать нечего. Прощайте! Желаю Вам проводить время веселей и счастливее моего.

Ваш сын В. Белинский

P. S. Письмо это я писал в комнате Михаила Николаевича 〈Кугушева〉: если бы я опоздал хотя получасом придти к нему, то не застал бы его и потому не мог послать с ним моего старого платья, которое лежит у меня без всякого употребления.

[1] Письмо матери, на которое отвечал Белинский, до нас не дошло.

18. Г. Н. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

〈Чембар, 27 июня 1830 г.〉

Виссарион Григорьевич!

Всякая скорость приводит в недоумение каждого, особенно тех, которые за оною не могут успевать, хотя зависит оная от тебя, тебе бы и надлежало одному с нею управиться. Послать денег — они, может быть, не застанут тебя в Москве, с такою безделицею или случаем таким только привел в затруднение удовлетворить твое необходимое, которые легко бы мог принять на себя одного, с тем, что ты мог бы по приезде в дом исправить необходимое или в Москве до приезда из отпуска мог бы расплатиться. Неужели ты еще до такой цены кредита не обратил ничьего внимания? На лошадей 20 р. ас. всегда можно дать до Чембара, где получишь всякое удовлетворение.

Посылаю денег [5000] 3500 копеек. Приезжай скорее [1].

Приписка П. П. Иванова:

Любезный друг Виссарион Григорьевич.

Неприбытие ваше в Чембар в доме у меня столько наделало шуму, что насилу строгая наша полиция прекратила, потому, 1-е, старуха моя, беспрестанно поправляя очки и чепчик, досадует на дядюшку; 2-е, Катерина,

оставя все свои рукоделья и фортепьяны, бегает из комнаты в комнату, в огорчении и слезах повторяет: «Что наделал дедушка!» 3-е, Авдотья Александровна, бросив свои кружева и взявши костыль, стучит о пол: «Как не совестно Григорию Никифоровичу!» А, смотря на них, и я с огорчения, что лишаемся доброго собеседника. Приезжай, бога ради, поскорее успокоить наше семейство, а иначе и полиция не справится, и меня, как хозяина, отдадут под суд, и тем спасите меня от беды и наказаний. Итак, с нетерпеливым ожиданием остался с почтением всегда преданный

Петр Иванов

27 июня

[1] Неизвестно, дождался ли Белинский от отца денег, но он выехал в Чембар и пробыл там с начала июля до сентября 1830 г.

19. Г. Н. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

〈Чембар, 5 сентября 1830 г.〉

Виссарион Григорьевич!

Посылаю тебе при сем тридцать пять рублей ассигнациями, распорядись, сколько нужно дать на дорогу для лошадей, опиши, сколько стало туда. Если денег сих мало будет, пиши, я пришлю еще. С семейством своим остаюсь благополучным.

Твой отец Григорий Белынский

Сентября 5 дня 1830 года

На четвертой странице рукой Белинского записи денежных расчетов.

20. БЕЛИНСКИЙ — Г. Н. и М. И. БЕЛИНСКИМ

Москва, 1830 года, сентября 24 дня

Любезные Родители
Папинька Григорий Никифорович
и Маминька Марья Ивановна!

Посланные Вами мне деньги я получил, за которые чувствительно благодарю Вас, тем более, что имел в оных большую нужду, ибо бо̀льшую часть данных Вами истратил на дорогу. Брата и А. Е. определить не мог, потому, что в гимназии на казенный кошт принимаются только дети учителей, а прочие должны платить за содержание по 250 рублей в год. Так как Вы приказывали, в случае непринятия Константина на казенный кошт, непременно прислать его домой, то по сей причине он и воротился назад. Александр же остался в Москве на отчете А〈лексея〉 Петровича, с тем чтобы нынешний академический год приготовляться ко вступлению в Университет [1]. Очень жалею, что из пустого дела было много хлопот и издержек, но делать нечего: я не виноват. Я сам теперь нахожусь в таких обстоятельствах, что лучше бы согласился быть подьячим в Чембарском Земском суде, нежели жить на этом каторжном проклятом казенном коште. Если бы я прежде знал каков он, то лучше бы согласился наняться кому-нибудь в лакеи и чищением сапог и платья содержать себя, нежели жить на нем. У нас в Москве появилась госпожа Холера [2]; предосторожности приняты ужасные. Нас далее ворот Университета не пускают никуда, и мы совершенно ни с кем не имеем сообщения. Москва опустела: из нее и выходят и выезжают. Вот Вам новость, а вот и другая: ожидают в Москву государя императора.

Денег более покудова не нужно, да и впредь Вы не услышите от меня ни одной просьбы в рассуждении оных, какую бы жестокую нужду не имел в них. Впрочем, с благодарностию буду принимать редкие и небольшие суммы, если Вы от избытка будете изредка присылать оные.

Извините меня, что я так долго не писал к Вам. С лошадьми я потому не послал письма, что, по причине тесноты комнаты, в которой жили, у нас была ужасная толкотня и нельзя было ничего делать. Я хотел было послать на прошлой почте; отнес письмо к Алексею Петровичу с тем, чтобы он его отправил; застал у них одного Александра и так как, по причине неимения мелких денег, не оставил у них оных, то они по сей же причине и не отослали на почту. Алексей Петрович и брат его свидетельствуют Вам свое почтение. Писать больше не о чем. Желаю, чтобы Вы спаслись от проклятой колдуньи холеры. Прощайте! Ваш сын

Виссарион Белинский

Надпись о получении: Получено Октября 4 дня 1830 года, в Субботу поутру.

На обороте: Его Высокоблагородию
Милостивому Государю Григорию Никифоровичу
Белинскому
Г-ну Чембарскому Штаб-Лекарю
В г. Чембаре

[1] Пробыв в Чембаре июль и август 1830 г., Белинский возвратился в Москву вместе с братом Константином и одним из чембарских земляков, Александром Ефремовичем (см. о нем письмо № 13). Белинский подробнее сообщает об А. Е. в своем письме к П. П. и Ф. С. Ивановым от 13 января 1831 г. («Письма», I, 26) и упоминает в письме к матери от 22 января 1831 г. (см. ниже). Из Чембара в Москву вместе с Белинским приехали, вероятно, также Алексей Петрович Иванов, определившийся на службу в Московский сенат, и его брат Дмитрий Петрович Иванов, поступивший в Московский университет.

[2] Холера началась в Москве между 16 и 22 числами сентября 1830 г. Закончилась эпидемия в конце ноября — начале декабря 1830 г. С 27 сентября Московский университет был закрыт, и занятия возобновились лишь после университетского акта 12 января 1831 г. В разгар эпидемии Николай I приезжал в Москву и пробыл здесь свыше недели, выехав из Москвы 7 октября.

21. Е. П. ИВАНОВА — БЕЛИНСКОМУ

⟨Чембар, начало января 1831 г.⟩

Вы, верно, перестали ожидать от меня писем, любезный Виссарион Григорьевич, ибо довольно уже время прошло, как мы расстались, а еще ни строки к вам не написала [1]; не подумайте, чтоб я без внимания оставила свое обещание или поленилась, нет! Лень никогда не вмешивается в занятия, для меня приятные, а исполнять данное слово я считаю обязанностью. Вот, по какой причине не удавалось написать вам письмо, что мы к своим пишем через почту и всегда такие тяжеловесные письма, что никак невозможно мне было помещать что-нибудь для вас, и хотя довольно часто случались оказии, но мы об них узнавали за несколько минут до отправления *этих оказий*; вот вам мое оправдание. Теперь прошу вас приготовить извинения против нижеследующего: как вам не стыдно не писать ничего к своим-то! Ведь вы этим восстановите их против себя, они и так довольно сердились за Константина Григорьевича, и молчанием вашим еще прибавляете себе неудовольствия их. Да как не уведомлять о себе в такое время, когда жизнь и здоровье ваше подвергалось таким опасностям? Они много сокрушались о вас, а папенька ваш особенно много негодует на вас; на сих днях он у нас был, много мы говорили насчет вас всех, и дедушка между прочим сказал: «наш молодец и не думает к нам

АВТОГРАФ ПИСЬМА БЕЛИНСКОГО К МАТЕРИ ОТ КОНЦА ИЮНЯ 1830 г.

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

писать; ведь ему не мы, а деньги нужны, а ежели бы я послал десяток, другой, то верно бы он нас вспомнил». Ведь вы не солдат, В⟨иссарион⟩ Г⟨ригорьевич⟩, ведь это одни только солдаты тогда только пишут к родителям, когда деньги им понадобятся. Не прогневайтесь, Смиренная беседушка, что я так вас побраниваю: ⟨1 сл. нрзб.⟩ я уполномочилась в этом от лица всего вашего семейства. Но довольно, не стану уж больше об этом: я знаю, что постараетесь ласковым письмом помириться с вашими родителями.

Что бы вам сказать о себе, право, не знаю. Я все такая же монотонная, как и прежде, и ничего не переменяюсь в свою пользу; здоровье мое в совершенном благополучии; иногда бывает мне весело, а особенно веселюсь тогда, как получим письма от моих любезных братцев. Митенька мне недавно прислал письмо, очень меня утешил, как он мило описал Москву и свое житье-бытье, что зачиталась совершенно этим письмом. Я очень счастлива к книгам, они почти не переводятся у меня, и все очень хорошие, по большей части все Вальтер-Скотта. Наконец, и я читала Юрия Милославского! Как пленили меня эти книги, я изъяснить вам не могу! Я плакала, читавши в них о Минине: как все в них благородно, приятно, просто, как что-то близкое к сердцу русскому. Как умел этот г. Загоскин приноровиться так к старине! Как мил Кирша, какое благочестие внушает этот юродивый Митя! Я уж не знаю как сказать, что мне больше нравится в сих книгах; кажется, все очень хорошо, да нет! забыла, вот что мне не нравится, что конец очень неудовлетворителен, что-то так мало сказано напоследок о Милославском, что надобно самим читателям воображеньем дополнить. Димитрия Самозванца я прочитала. Хотя и скучненьки эти книги, однако мне очень нравятся. За что вы нападаете так на Ивана Выжигина, даже и читать не хотели, а, право, дурно сделали: молодому, неопытному человеку очень полезно прочитать их, потому что в них открывают глаза насчет этих московских обществ и усердных приятелей, которые вовлекают в гибель; нет, пожалуйста, прочитайте эти книги вместе с моими братьями.

Ко мне Митенька пишет, что нынешний ⟨год⟩ будет издаваться новый журнал Надеждиным Телескоп и Молва [2]; я и в газетах читала объявление об оном и так пленилась, что из головы не выходило несколько времени, чтобы его выписывать, да денег-то не дают; вы уж мне хотя подробнее описывайте об этом журнале.

Наш Чембар не по дням, а по часам образовывается, так что сочинители посещают его и находят в нем лучи. Нынешние святки приезжал к нам доктор Красовский [3]; вы, я думаю, об нем что-нибудь слышали; он сотрудник Полевого и, как сказывают, помещает свои переводы и сочинения в его журнале. Он посещал наше собрание (вот каково у нас собрание в Чембаре!) и описал его и издал свое сочинение под названием Персидского бала и некоторым девицам очень лестно написал. Я вам помещу стих к А. П. М.[4]:

Она стройна, как пальма молодая,
Она легка, как серна гор,
Ее улыбка отблеск мая,
Как Алии прелестный взор.

Прощайте, больше писать некогда, уж вечер давно, а мне еще надобно к братьям написать. Пишите, пожалуйста, ко мне побольше, об ваших письмах скучаюсь. Скажите мне, что ваша трагедия?[5] Напишите еще чего-нибудь.

Возвращаю вам письмо, очень благодарна вам за оное.

[1] Это письмо является ответом на не дошедшее до нас письмо Белинского, отправленное, вероятно, в декабре 1830 г.

[2] «Телескоп, журнал современного просвещения» с приложением «Молвы, газеты мод и новостей», начал издаваться Н. И. Надеждиным с 1831 г.

[3] Авенир Иванович Красовский — литератор и переводчик, сотрудник «Московского телеграфа», по образованию медик. См. его характеристику в «Записках» Кс. Полевого (СПб., 1888, стр. 129). Сочувственный отзыв Белинского о Красовском см. ниже, в письме к брату от 21 мая 1833 г.

[4] Анна Петровна Мосолова — дочь чембарского судьи, о которой Белинский очень доброжелательно отзывался в письме к Е. П. Ивановой от 20 декабря 1829 г. и хвалил за дружбу с ней («Письма», I, 9).

[5] О «трагедии», т. е. о пьесе Белинского «Дмитрий Калинин», см. упоминания в последующих письмах.

22. Е. П. ИВАНОВА — БЕЛИНСКОМУ

〈Чембар, вторая половина января 1831 г.〉

Как не вскричать: слава богу! Получили письмо ваше, г. Белинский! Ведь письма ваши, право, в диковинку нам; вы в продолжение четырех месяцев ни строчки не прислали в Чембар, и мы не шутя начали думать, что холера взяла вас из здешнего мира, и если б не прислали письма, то мы бы и Александру Ефремовичу не поверили, что вы еще существуете на белом свете. Вы с своей беспечностью, сударь, попадете заживо в покойники, вы хотя нашим заказывайте уведомлять о себе. Я отправила вам письмо с большими выговорами как от себя, так от родителей ваших, за то, что вы совсем забыли; пишите им почаще, а то они ужасно на вас вознегодуют.

С удовольствием поздравляю вас с окончанием вашей трагедии, от всей души желаю ей блистательного успеха в свете просвещенном и достигнуть равной славы с трагедиями Шиллера и Шекспира. Дай бог, чтоб таланты ваши получили все возможное совершенство и чтоб отечество почтило назвать вас своим Шиллером! А больше всего желаю вам не приходить в отчаяние от неудачи вашей трагедии, которая произойти может не от недостатков оной, а от необдуманности какой-нибудь или торопливости вашей. Советую вам, Виссарион Григорьевич, не спешить издавать оную, а отдать на рассмотрение людям опытным, каким-нибудь ученым старичкам, а не молодым вашим товарищам; а пуще всего не полагайтесь на свое собственное об ней мнение, ведь говорят, что сам сочинитель есть самый плохой судья своего произведения. Не подосадуйте на меня за глупые мои советы, но примите их в знак моего искреннего к вам расположения [1].

Вы очень порадовали меня насчет моих братцев — я в большом восхищении от их успехов! И больше всего меня утешает то, что они занимаются французским языком, и я буду готовиться, господа, говорить с вами по-французски, усердно буду заниматься сим языком, а то боюсь, как бы меня не перещеголяли в знании оного.

Как бы желала я вас всех видеть поскорее, а особливо Алексея Петровича в своем перерождении! Я никак не думала, чтоб он так скоро снял с себя кору застенчивости, которая так затмевала его достоинства. О Митеньке и говорить нечего, он у нас всегда был молодец (как я простодушно расхваливаю своих братцев-то!), ему только недоставало пристрастия к наукам, и так как он теперь полюбил их от всего сердца, то немногого недостает ему, чтоб совсем усовершенствоваться! Много благодарна вам, что познакомили их с г. Петровым, какое полезное и приятное знакомство для них.

Вы в письме своем от 17-го сентября [2] напрасно так сокрушаетесь об Константине Григорьевиче; право, это послужило ему к лучшему, что он не был в такое пагубное время в Москве, и вам бы очень несносно было с ним няньчиться, ведь он у вас такой робкий, и он всегда счастливее будет,

ежели не оставит круг своего семейства. Мы с ним очень часто видимся и сделались большими друзьями, читаем вместе, он много списывает для меня стихов и по доброте души своей никогда не отказывается мне услужить. Право, он очень хороший человек, как все его любят. Много неприятностей перенесли вы прошедшим годом; но, слава богу, они кончились и об них нечего вспоминать, и вы довольнее и счастливее нынче; желаю, чтоб продолжалось и никогда не кончилось для вас счастье. Очень хвалю вас за благоразумную вашу решительность уменьшить число ваших друзей, я сама испытала, что чем ни больше их, тем хуже и пагубнее. Не в количестве друзей заключается счастье, а в качестве, а в большом количестве всегда бывает труднее узнать качества их, и от этого-то человек с доброй душой много потерпит от этих связей.

Об Никанорочке скажу вам, что он учится у М. С. по-латыни и учится довольно хорошо, сам учитель его хвалит. Этот мальчик предорогой бы был, если б его не баловали; он очень забавляет нас своей остротой, я было много готовила анекдотов рассказать об нем, но теперь не припомню; он беспрестанно толкует, что будет знать двенадцать языков отлично и что превзойдет своего братца В⟨иссариона⟩ Г⟨ригорьевича⟩. Прощайте, Смиренная беседушка; пишите ко мне почаще, ваши письма несказанное удовольствие доставляют искренно уважающей вас

Катерине Ивановой

Приписка на полях: Папенька и маменька мои вам усердно кланяются.

[1] Это письмо является ответом на письмо Белинского от 13 января 1831 г., адресованное родителям Е. П. Ивановой («Письма», I, 24—28). Белинский, между прочим, сообщал в нем об окончании своей «трагедии» (т. е. «Дмитрия Калинина») и о том, что «в продолжение холеры», когда университет был закрыт, он и «еще человек с пять затворников составило маленькое литературное общество». См. подробнее об этом в «Лит. наследстве», т. 56, в статье «Студенческие годы Белинского».

[2] Письмо Белинского от 17 сентября 1830 г. до нас не дошло.

23. БЕЛИНСКИЙ — Г. Н. и М. И. БЕЛИНСКИМ

Москва, 1831 года, января 22 дня

Любезный Папинька
Григорий Никифорович!

С искреннею радостию спешу поздравить Вас с получением отличия не схваченного, а заслуженного Вами. Желаю, чтобы Вы с такою же честию носили его, с какою и заслужили [1]. Извините меня за мое долгое молчание и порадуйте меня хотя одною строчкою.

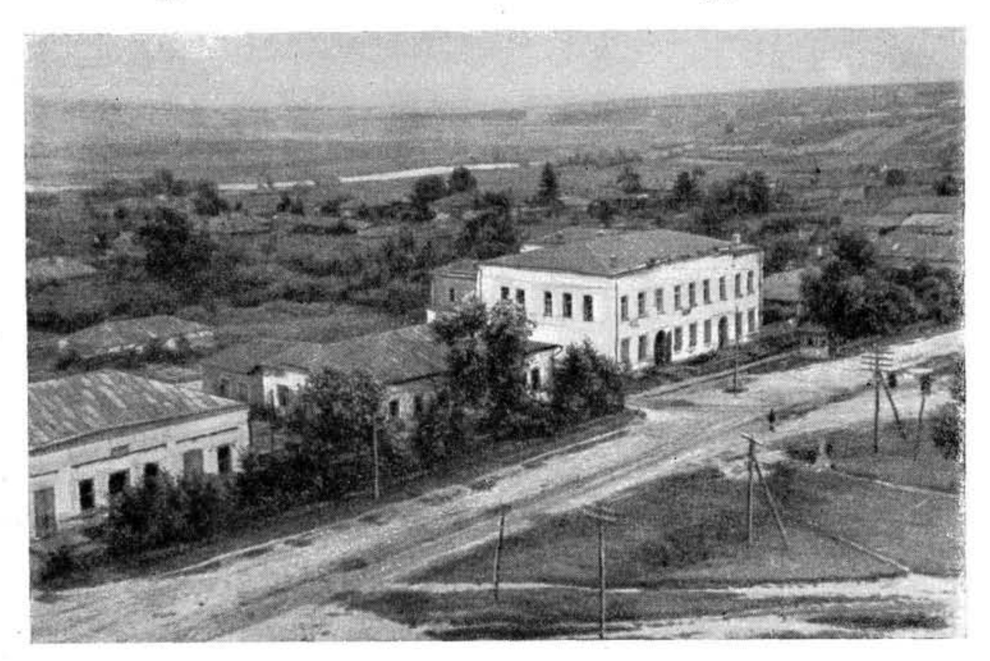
Скажу Вам о себе, что я пускаюсь в море треволненное, в море великое и пространное, в нем же гади несть числа![2] Может быть, Вы скоро увидите имя мое в печати и будете читать обо мне разные толки и суждения, как в худую, так и в хорошую сторону. Не могу решительно определить достоинство моего сочинения, но скажу, что оно много наделает шуму. Вы в нем увидите многие лица, довольно Вам известные! Но вперед говорить нечего: когда напечатается, тогда имеющие уши слышать, да слышат!..

Холера в Москве еще не совсем прекратилась: в казенных и частных заведениях еще находится около 60 человек больных. Впрочем, о ней как-то уже почти и не слышно. Москва опять воскресла. Говорят, что неутомимая посетительница находится в Германии и начинает в ней распоряжаться по-свойски. Писать больше не о чем и так до следующего случая прощайте!

Ваш сын
Виссарион Белинский

Любезная Маминька
Марья Ивановна!

Не знаю о чем и писать к Вам. Поздравлять с новым годом и желать нового щастия — что-то уже старо и, признаться, нелепо. Ежели я люблю Вас — то каждую минуту желаю Вам всех благ и всякого счастия, а не один раз в году. К Вам, я думаю, уже приехал инвалид Иванов (А. Е.), за храбрость и заслуги, а более всего за леность отставленный в чистую [3]. *Скажите, пожалуста, что за черный год напал на наш* любезный Чембар: в нем повальный мор. Право, я нынче чембарские письма распечатываю с большим страхом: в них все такие ужасные новости: тот умер, другой скончался. Уведомьте меня, бога ради, как поживает Никанор, довольны ли Вы им хотя сколько-нибудь.

ЧЕМБАР, ТЕПЕРЬ г. БЕЛИНСКИЙ
Фотография Н. Н. Павлова (Пенза), 1946 г.

Прошу Вас засвидетельствовать мое почтение милостивой государыне бабушке Дарье Евсеевне; кланяйтесь от меня всему семейству Никиты Александровича [4] и скажите им, что я очень соболезную их нещастию. Кланяйтесь Федосье Степановне [5] и скажите ей от меня, чтобы они теряли свои слезы и *зрение только на* мертвых, а не на живых.

Свидетельствую как Вам, так и Сашеньке [6] мое почтение и прошу Вас писать ко мне почаще. Я живу далеко от Чембара, *так всякий лоскуток* бумаги дорог. Прощайте! Будьте здоровы и щастливы!

Ваш сын
Виссарион Белинский

[1] Белинский поздравляет отца с получением чина коллежского асессора — см. формулярный список о службе Г. Н. Белинского в сб. «В. Г. Белинский. 1848—1948», Пенза, 1948, стр. 138—139 (получение чина датировано 7 августа 1830 г.). Ср. также письмо к Белинскому Д. П. Иванова от 14 августа 1831 г. из Чембара с *замечаниями* о «тщеславии дворянства» в доме Белинских (письмо № 32).

[2] «Море... в нем же гади несть числа» — неточная цитата последней строки 14 строфы послания И. М. Долгорукова «Парфену».

[3] Об Александре Ефремовиче Иванове см. в прим. к письмам №№ 13 и 19.
[4] Никита Александрович Дьячков — служащий Чембарского уездного суда.
[5] Федосья Степановна — Иванова. См. о ней во вступлении к настоящей публикации.
[6] Сашенька — сестра Белинского, Александра Григорьевна, в замужестве Кузьмина. См. ниже ее письма к Белинскому.

24. Г. Н. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

〈Чембар, 6 февраля 1831 г.〉

Виссарион Григорьевич!

По приезде моем из Ломова в Чембар, как в первом, так и последнем, не имел свободного дня распорядиться надлежащим образом. Теперь начинаю дышать свободнее и спешу тебя потешить 20 р. ассигнациями с тем, чтоб ты и эту сумму умел ценить чрез необходимое употребление. Я много хотел тебе писать кое о чем, но подожду до свободного времени.

Опиши мне обстоятельнее и вернее о несовершенно еще оконченной холере в Москве; нынешнюю зиму с наших городов отправили много съестного, и нам ничего не оставили. Nostra dulcamara Vladikin отправила оного довольно и вслед [за оным] свое тело на придачу повезла... и не побоялась холеры. Ты ходи к ней, если будет можно, и чаще, и ешь пирог с грибами, а язык держи за зубами.

Мне хотелось увериться о расположении и полном удовлетворительном смысле твоего сочинения собственными глазами, ты сам пишешь, что пустился в пространное море, а о глубине ни слова не сказал.

В пространно ты пустился море,
в котором гадов несть числа,
Смотри — чтоб не случилось горе
тебе от сего ремесла.[1]

При сем прилагается Никанорово письмо [2], которое он недели три сочинял и недаром — читай! — и удивляйся позднему литературному сему гению! Вот, что значит, учение свет, а неучение тьма. Нельзя ли его письмо [выпечатать] отдать в Цензурный комитет и напечатать в журнале для образцового подражания [всем писателям такого рода].

Мать твоя стоит в одном 〈2 сл. нрзб.〉 и здорова. Сестра и весь дом, слава богу. Остаюсь твой доброжелательный отец

Григорий Белынский

6 февраля
1831 года

[1] В своем четверостишии Г. Н. Белинский использовал строки из четырнадцатой строфы послания И. М. Долгорукова «Парфену», из которого Белинский уже цитировал строку в письме от 22 января 1831 г. (№ 23).
[2] Письмо брата Никанора, приложенное Григорием Никифоровичем Белинским, до нас не дошло.

25. БЕЛИНСКИЙ — Г. Н. и М. И. БЕЛИНСКИМ

Москва, 1831 года, февраля 17 дня

Милостивые Государи
Папинька Григорий Никифорович
и Маминька Марья Ивановна!

Из письма Катерины Петровны, а более чрез Лукерью Савельевну я узнал, что Вы сильно на меня негодуете; эти неприятные известия сколько опечалили меня, столько и привели в большое недоумение, тем более, что

я их совсем не ожидал. Правда, я давно не писал к Вам; но позвольте спросить Вас: о чем и как мне было писать к Вам? Уверять Вас в своей почтительности, любви, преданности, осыпать Вас нежными названиями я не могу, ибо почитаю это не чем иным, как подлым ласкательством, как низким средством выманивать у Вас деньги. Я не умею нежничать, но умею чувствовать и думаю, что священное чувство любви и уважения к родителям состоит не в словах, а в поступках; заключается не в мертвой бумаге, но в душе пламенной, доступной для благородных и возвышенных впечатлений. Писать же к Вам таким образом: при сей верной оказии я не мог проминовать, чтобы не засвидетельствовать Вам моего всенижайшего почтения и уведомить Вас, что я, слава богу, жив и здоров, чего и Вам желаю, а, впрочем, уповаю на благость всевышнего — я не могу и не смею, ибо это значило бы надсмехаться над Вами. Не подумайте, что это я для ⟨того⟩ пишу, чтобы загладить мой проступок, вымолить у Вас прощение, подластиться к Вам и заставить Вас этим прислать мне денег — нет! Я слишком горд, слишком благороден, чтобы извиваться перед Вами ужом и жабою из такого низкого и подлого намерения. Цель моего письма есть — оправдаться перед Вами не как перед людьми, от которых я могу получить несколько денег, но как перед людьми, которым я обязан моим существованием. К моему величайшему прискорбию, я вижу, что Вы почитаете меня мальчишкою, который потому только забывает Вас, что не зависит от Вас в рассуждении содержания и свободен от Вашего влияния тем расстоянием, которое разделяет его с Вами. Одним словом: Вы почитаете меня мальчишкой, который вышел из Училища и, встретившись на улице с прежним своим учителем, дразнит его языком, зная, что он не может уже высечь его розгами. Поверьте, что сын Ваш заслуживает лучшего о себе мнения, нежели какое Вы о нем имеете. Где бы я ни жил, чем бы я ни был — я всегда буду почитать священнейшею обязанностию быть добрым сыном, любить и уважать своих родителей и признавать над собою их власть, которая есть важнее, законнее и священнее всех властей в мире. Я не хочу философски исследовать, есть ли любовь и уважение к родителям чувство, внушенное природою, или оно есть следствие внушенных с младенчества правил, или что-нибудь другое; я способен питать это чувство, почитаю его святым, возвышенным; этого для меня довольно. Если бы я и точно сделал худо, не писавши к Вам так долго, то Вы могли бы слегка заметить мне неприличность такой с моей стороны в рассуждении Вас невнимательности и не подозревать меня в низости чувств и подлости образа мыслей. Опять повторяю Вам, что я не мальчишка, которого должно сечь, чтобы заставить хорошо вести себя, не грубый мужик, которого должно бить дубиною, чтобы заставить что-нибудь почувствовать. Вы, маминька, просили Лукерью Савельевну обругать меня вашим именем; радуйтесь и веселитесь! Она с дипломатическою точностию повторила мне Ваши ласковые и благородные слова. Я не хочу говорить Вам о неприличности этих слов, о крайнем неблагородстве и низости выражений; замечу только мимоходом, что это уже слишком, слишком... Но мне уже не привыкать к подобным поступкам со стороны моих родителей... не хочу договаривать: может быть, и сами поймете...

Сообразивши все обстоятельства моей жизни, я вправе назвать себя нещастнейшим человеком... В моей груди сильно пылает пламя тех чувств высоких и благородных, которые бывают уделом немногих избранных — и при все том меня очень редкие могут ценить и понимать... Все мои желания, намерения и предприятия, самые благородные как в рассуждении самого себя, так и других оканчивались или неудачами или ко

вреду мне же и, что всего хуже, навлекали на меня нарекание и подозрение в дурных умыслах; доказательства перед глазами. Вы сами знаете, как сладки были лета моего младенчества... Учась в Гимназии, я жил в бедности, скитался ⟨не⟩ по своей воле по скверным квартиришкам, находился в кругу людей презренных, имел право лениться и проч.... Поехал в Москву с пламенным желанием определиться в Университет; мое желание сбылось. По ветренности, а более по неопытности, истратил данную мне сумму денег, которая в моих глазах казалась огромною, неистощимою. Потом поступил на казенный кошт... О, да будет проклят этот нещастный день!.. Любя своего брата, видя, что он в дому своих родителей живет на казенном коште, сострадая его слишком жалкому состоянию и вместе желая облегчить участь А⟨лександра⟩ Ефремовича, я убедил Вас отправить их обоих в Москву. Цель благородная, бескорыстная, ибо я, для того, чтобы способствовать сколько-нибудь, по мере моих сил и возможности, их счастию, брал на себя большую обузу и большую ответственность — и что же вышло?.. Чрез это я ввел Вас в излишние издержки и хлопоты, чрез это напрасно измучены лошади, оставлена на дороге бричка и, что всего важнее, чрез это я навлек на себя ваше неудовольствие! Осужденный страдать на казенном коште, я вознамерился избавиться от него и для этого написал книгу, которая могла скоро разойтись и доставить мне немалые выгоды. В этом сочинении, со всем жаром сердца, пламенеющего любовью к истине, со всем негодованием души, ненавидящей несправедливость, — я в картине довольно живой и верной представил тиранство людей, присвоивших себе гибельное и несправедливое право мучить себе подобных. Герой моей драмы есть человек пылкий, с страстями дикими и необузданными; его мысли вольны, поступки бешены — и следствием их была его гибель. Вообще скажу, что мое сочинение не может оскорбить чувства чистейшей нравственности, и что цель его есть самая нравственная. Подаю его в цензуру — и что же вышло?.. Прихожу через неделю в цензурный комитет и узнаю, что мое сочинение цензоровал Л. А. Цветаев (заслуженный профессор, статский советник и кавалер). Прошу секретаря, чтобы он выдал мне мою тетрадь, и секретарь, вместо ответа, подбежал к ректору, сидевшему на другом конце стола и вскричал: «Иван Алексеевич! Вот он! Вот г. Белинский!» Не буду много распространяться; скажу только, что, несмотря на то, что мой цензор, в присутствии всех членов комитета, расхвалил мое сочинение и мои таланты как нельзя лучше, оно признано было безнравственным, бесчестящим Университет, и о нем составили журнал!.. Но после — это дело уничтожено, и ректор сказал мне, что обо мне ежемесячно будут ему подаваться особенные донесения...[1]

Каково это?.. Я надеялся на вырученную сумму откупиться от казны, жить на квартире и хорошенько окипироваться — и все мои блестящие мечты обратились в противную действительность, горькую и бедственную. Я мог бы найти кондицию, завести хорошие и полезные для меня знакомства; но в форменной одежде, кроме аудитории, нигде нельзя показаться, ибо она в Москве в крайнем пренебрежении; а я не только не имею необходимой для всякого молодого человека хорошей фрачной или сюртучной пары, но даже и хорошей форменной одежды; теперь третьи п...... совершенно отказываются служить, а нового платья, по случаю холеры, и не думают шить. Лестная, сладостная мечта о приобретении известности, об освобождении от казенного кошта для того только ласкала и тешила меня, доверчивого к ее детскому, легкомысленному лепету, чтобы только усугубить мои горести... Кстати, опишу Вам поподробнее мое казенное житье-бытье.

Вам уже известно, что у нас с июня 1830 года воцарился новый инспектор [2]; до окончания вакации и до начала открытия лекций он не делал никаких распоряжений: оные последовали через несколько дней после моего приезда в Москву. У нас прежде столы и кровати были вместе, и мы в одном и том же номере и занимались, и спали. Это имело для нас ту выгоду, что мы могли иногда и полежать, если надоест сидеть, и каждый из нас имел свой особенный уголок. Щепкин уничтожил эти выгоды, перенесши кровати в другую половину этажа, занимаемого нами. Бывало, в номере жило не более, как по десяти, или много-много по одиннадцати человек, а теперь по пятнадцати, семнадцати и девятнадцати. Сами посудите: можно ли при таком многолюдстве заниматься делом? Столики стоят в таком близком один от другого расстоянии, что каждому даже можно читать книгу, лежащую на столе своего соседа, а не только видеть, чем он занимается. Теснота, толкотня, крик, шум, споры; один ходит, другой играет на гитаре, третий на скрипке, четвертый читает вслух — словом, кто во что горазд. Извольте тут заниматься! Сидя часов пять сряду на лекциях, должно и остальное время вертеться на стуле. Бывало, я и понятия не имел о боли в спине и пояснице, а теперь хожу весь, как разломанный. Часы ударят десять — должно итти спать через четыре длинных коридора и несколько площадок; поутру, если забудешь взять с собою полотенце, мыло, или что-нибудь подобное, надобно опять два раза пройтить бесконечную цепь корридоров. Пища в столовой так мерзка, так гнусна, что невозможно есть. Я удивляюсь, каким образом мы уцелели от холеры, питаясь пакостною падалью, стервятиной и супом с червями. Обращаются с нами, как нельзя хуже. Невозможно исчислить всех неудобств казенного кошта. Какая разница между жизнию казенного и жизнию своекоштного студента! Первый всегда находится в глазах начальства; самые ничтожные проступки его берутся на замечание; второй же почти не знает своего начальства, которое имеет на него самое слабое влияние. Живет он один или много с двумя товарищами на квартире; ему никто не мешает в его занятиях; он может сидеть целую ночь и спать целый день; никто не потребует у него отчета в образе его жизни. Сердце обливается кровью, как поглядишь — как живут своекоштные! Как только я приехал, то ректор призвал меня в Правление и начал бранить за то, что я поздно приехал. Этим я обязан Перевощикову, которой тогда очень помнил меня и отрекомендовал ректору и Щепкину. Когда ректор говорил со мною, то он (Перевощиков) беспрестанно кричал, что меня надобно выгнать из Университета. Наконец, ректор в заключение спектакля сказал: «Заметьте этого молодца; при первом случае его надобно выгнать». Многие казенные же приезжали гораздо после меня, и им за это ни слова не сказали. Перед окончанием холеры я не ночевал ночи две или три дома; прихожу к Щепкину за одним делом, и он начинает меня ругать: говорит, что меня за это он отдаст, как какого-нибудь каналью, в солдаты и наконец с презрением начал выгонять из своих комнат. Разумеется, что подлец не может за такой пустой проступок ничего не может сделать, как только наказать выговором или у себя в доме, или в номере, или в Правлении, и много-много посадить в карцер, и что его нелепые угрозы не могут никогда выполниться; но каково терпеть-то?! Надеясь сорваться с казенного кошта, я дал себе клятву все терпеть и сносить, и потому ничего ему не сказал; случись же это ныне, то я разругаю его, как подлеца, нахаркаю ему в рожу, а если он еще стал бы забываться, то и разобью ее — и тогда уже меня отдадут в солдаты — но прежде выступления из Москвы зайду проститься с своими благодетелями — и (клянусь богом и честью!) это прощание будет для них ужасно!.. Я в таком случае на сие решусь!.. Покуда этого еще нет; а если еще поживу с годок на казенном коште, то, я думаю, что дождусь!..

Вот каков казенный кошт! Вот каково мое житье-бытье, мои обстоятельства и вот каковы мои надежды!..

Теперь, лишившись всех надежд моих, я совершенно опустился. Все равно — вот девиз мой. Но довольно: я думаю, что и так уже надоел Вам моим длинным письмом. Прощайте, будьте здоровы и щастливы — и не забывайте своего нещастного сына.

Виссарион Белинский

P. S. Свидетельствую мое почтение милостивой государыне бабушке Дарье Евсеевне и цалую всех, составляющих наше семейство.

[1] О цензурной судьбе и запрещении «Дмитрия Калинина» см. в «Лит. наследстве», т. 56, стр. 368 и след.

[2] Павел Степанович Щепкин (1793—1836) — профессор чистой математики в Московском университете; с 2 июня 1830 г.— инспектор казенных студентов, по представлению которого Белинский был исключен из университета. См. в «Лит. наследстве», т. 56, стр. 400.

26. Г. Н. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

⟨Чембар, 3 марта 1831 г.⟩

Виссарион Григорьевич!

От 6 февраля при письме моем послано тебе 20 р. ассигнациями, а от 17 получено от тебя ⟨письмо⟩, в котором не видно получения оных. Полагаю, что после отправления твоего письма ты уже успел остаться опять без денег. Такого рода неограничения и неумения пользоваться видами без меры,— ты не найдешь никогда спокойного места, где бы ты мог отдохнуть сколько-нибудь, так, как пузыри... которые скоро лопаются и исчезают. Я сокращаю все сравнения, а скажу только тебе, чтобы ты не выпадал из правил установленного порядка, ты скучаешь казенным содержанием и желаешь быть свободным по всем возможным [и зависящим] [по необузданным твоим страстям] направлениям и потом блуждать по горам заблуждения... Я не хочу более пояснять, а скажу тебе, что ты будешь причиною многих зол на имеющих в тебе участие. Ты во всем виноват и будешь несчастен с сопряжением к тебе пишущим, когда не будешь познавать над собою власти, ты посмотри на время — которое с разными бывает переменами, когда горько и когда сладко... ты не достиг еще этой цели и воображаешь или, лучше сказать, исповедуешь отчаяние. В письме твоем в одной причине ты прав, что по 15 и 19 живут в одной камере. Что ж делать — когда угодно тесноте места. Главнейшее дело состоит в том, чтобы ты повиновался начальству, а без сего ты не будешь тем, чем желаешь быть, если забудешь и не выполнишь сего прямого признания, то прощай!.. Сохрани тебя боже! верь твоему отцу доброжелательному

Григорию Белынскому

Марта 3 дня
1831 года

На первой странице надпись рукою Белинского: Получено 21 марта.

27. БЕЛИНСКИЙ — Г. Н. и М. И. БЕЛИНСКИМ

Москва, 1831 года Марта 3 дня

Милостивые Государи
Папинька Григорий Никифорович
и Маминька Марья Ивановна!

Во вторник 18 февраля я отнес в почтамт свое письмо, а в середу получил Ваше и почитаю за непременную обязанность ответить Вам на оное. Бла-

годарю Вас за присланные Вами мне деньги: этот знак Вашего внимания оживил и воскресил на время меня, убитого тоскою и отчаянием.

Вы уже знаете, каким горестным событием ознаменовалась моя попытка напечатать первое произведение пера моего. Это событие для меня тем горестнее, тем убийственнее, что я через него слишком, слишком многого лишился. Смело могу сказать, что мое произведение было бы расхвачено в месяц и доставило бы мне, по крайней мере, тысяч шесть. Сами посудите, чего бы в таком случае стоило мне пожертвовать каких-нибудь триста или много-много шестьсот рублей на то, чтобы вырваться из пакостной, проклятой бурсы. Из моего первого письма Вы увидите, какова эта бурса и чего я должен ожидать, живя в оной. В надежде вырваться из нее, я полагал все щастие моей жизни, на ней основывал все

МУЗЕЙ В. Г. БЕЛИНСКОГО В ГОРОДЕ БЕЛИНСКОМ (РАНЕЕ ЧЕМБАР)
Здание бывшего уездного училища (1830-е гг.)
Фотография Н. Н. Павлова (Пенза), 1946 г.

здание моего настоящего и будущего благополучия. Уже эта сладостная надежда исполнялась, но судьба улыбнулась насмешливо — и ее не стало! Если бы за свою трагедию выручить не более трехсот рублей, то и тогда бы мог исполнить свое желание: я бы внес эти деньги за первый год, а за второй представил бы за себя какого-нибудь своекоштного студента, желающего занять мое место, что очень легко можно бы было сделать. Со стороны же содержания я был бы совершенно обеспечен: двое коротко знакомых мне и имеющих со мною самую дружественную связь студентов усильно просят меня к себе на квартиру, что я давно бы сделал, если бы Щепкин позволил. Я мог бы у них прожить хотя три года, не истратив ни копейки и не бывши им в тягость. Но денег нет, а время летит, и мечты мои не сбываются, и мне остается в удел одно — отчаяние!.. Холера в Москве еще продолжается и действует, но так слабо, что о ней ничего не слышно. Каким же образом она геройствовала в Москве — Вы можете узнать из Московских Ведомостей.

С большим бы удовольствием послал я к Вам свою трагедию, но у меня остался один только экземпляр оной, а другой остался навсегда

в Цензурном Комитете. За непременную обязанность и за большое удовольствие поставлю в скорейшем времени прислать Вам список с оной. Прощайте! Остаюсь любящий и почитающий Вас сын Ваш

Виссарион Белинский

Я очень часто ходил к Лукерье Савельевне, и она очень ласково принимала меня, равно как и других... своих... близких!

28. Е. П. ИВАНОВА — БЕЛИНСКОМУ

〈Чембар, середина марта 1831 г.〉

Сколько огорчило нас письмо ваше, Виссарион Григорьевич, изъяснить вам не могу! Вы в таком отчаянии, что не оставили никакой надежды вашим родным видеть вас когда-нибудь благополучными, которое, как нам кажется, зависимо, собственно, от вас, ежели бы вы захотели сколько-нибудь равнодушнее снести теперешние ваши неприятности. Вы пишете, что терпели казенный кошт или подкрепляла вас надежда на вашу трагедию сносить все неприятности казенной зависимости, а теперь потерпите для своих родителей. Вы сами знаете, что вы должны быть опорой вашего семейства и знаете их надежду на вас; они ожидали от 〈вас〉 (и не без основательности) всего превосходного, всего лучшего, а теперь чем должны утешиться? Маменька ваша глаз не осушала целый день по получении письма; мы не знали, как ее утешить. Теперь, кажется, нечего больше вам делать, как стараться заслужить выгодное мнение начальства, от которого, как мы думаем, и неудача вашей трагедии зависела, ибо вы восстановили оное против себя. Вы, конечно, в презрении оставите эти слова! Да что делать, муха слона не одолеет,— вы знаете справедливость этой пословицы; видно свет так создан, чтоб равно терпеть всем как хорошее, так и худое. Простите меня, В. Г., за все, что я вам сказала; меня, право, так огорчает ваше положение, что я, право, не знаю, что и придумать, что бы могло вас сколько-нибудь вас утешить. Я в письме этом нагородила такой вздор, что сама краснею от этого. Я думаю, не без удовольствия увидите вы доставительницу этого письма — Анну Петровну! [1] Ей препоручено от вашей маменьки многое сказать вам, упрекнуть вас, наставить вас на путь благоразумия. Не знаю, равнодушно ли вы вытерпите слова такой милой наставницы? А я, с своей стороны, отрекомендовала вас к ее услугам, вы ей очень понадобитесь в Москве, ибо она хочет купить себе книг и быть в Музеуме; вы непременно проводите ее туда сами. Прощайте, я очень нездорова и едва могла написать вам этот вздор, а хорошенькое чего-нибудь мне теперь и в голову не приходит. Да, забыла вам сказать, что, несмотря на все неприятности, заключающиеся в вашем письме, оно очень понравилось вашему батюшке; он даже сердился на вашу маменьку, что Лукерье Савельевне препоручили вам выговор сделать, и да и мне немножко досталось, я вперед не буду браться не за свое дело.

Желаю вам всего лучшего, да подкрепит вас бог в вашем несчастии. Пишите ко мне, я очень рада бываю вашим письмам и очень их люблю. Об Чембаре вам нечего говорить: вы, думаю, много наслушались об нем от наших чембарцев, коих очень много отправилось в Москву. Извините мое письмо, право, некогда писать многоуважающей вас

Катерине Ивановой

На первой странице надпись рукою Белинского: Получено 21 марта.

[1] Анна Петровна Мосолова. См. о ней прим. к письму № 21.

29. БЕЛИНСКИЙ — Г. Н. и М. И. БЕЛИНСКИМ

Москва, 1831 года, маия 24 дня

Милостивые Государи,
Папинька и Маминька!

Начинаю письмо мое к Вам форменным уведомлением, что здоров, и свидетельствую Вам мое сыновнее почтение. Невзгода на меня, кажется, проходит, и я начинаю дышать свободнее. Начальство обо мне забыло и думать; правда, при первом случае оно не умедлит напомнить мне, что знает меня. Но и этого я скоро не буду опасаться: ректор и Щепкин подали в отставку. Да правду, я их очень мало боялся и боюсь; только одна мысль, что я не один, удерживала меня поговорить с ними пообстоятельнее.

В Университете нашем произошли важные перемены, о которых Вас поподробнее уведомит носастый студент [1]. Скажу только, что дуракам-профессорам житья нет, да и только. Одного скота недавно освистали и охлопали на лекции, и за это его же приказано выгнать из Университета [2]. Теперь в Москве открыта выставка произведений русских фабрик и мануфактур. Зрелище великолепное и сладостно для всякого русского! Я слышал, что Лубяновский [3], Никифоров и некоторые получили кресты за пособия, оказанные русской промышленности. Странно, что пензенских изделий на выставке нет [4].

Папинька, я на Ваше имя буду пересылать брату журнал Листок [5]. От скуки и Вы прочтете; в нем и я буду выставлять свои изделия. Больше писать, кажется, нечего, и так остаюсь с чувствами глубочайшего уважения и сыновней любви

Ваш сын
Виссарион Белинский

P. S. Прошу Вас покорнейше не оставлять меня своими письмами.

[1] «Носастый студент» — вероятно, Д. П. Иванов, который рассказывает в своих воспоминаниях, что в семье Белинских его шутливо называли «долгоносым куликом, носаком (большеносым)» — см. «Письма», III, 443.

[2] В своем письме Белинский имеет в виду знаменитую «маловскую историю», т. е. студенческую демонстрацию против профессора по кафедре юридических наук — М. Я. Малова (1790—1849), состоявшуюся 16 марта. См. об этом подробнее в статье «Студенческие годы Белинского»—«Лит. наследство», т . 56, стр. 362.

[3] Федор Петрович Лубяновский (1775—1869) был пензенским губернатором с 1819 до осени 1830 г. Он владел большими поместьями в Пензенской губернии.

[4] Открытие промышленной выставки в Москве в мае 1831 г. явилось большим событием. Выставке была посвящена специальная статья М. П. Погодина, напечатанная в «Молве» 1831 г. № 20 (ц. р. 19 мая) и осмеянная Н. А. Полевым в «Московском телеграфе». Эта нашумевшая полемика, развернувшаяся по поводу московской промышленной выставки, несомненно, была в поле зрения Белинского. Утверждение Белинского, что пензенские изделия не были представлены на выставке, — не совсем точно. См. изданный в это время указатель произведений отечественной промышленности на 1-й Московской выставке.

[5] О журнале «Листок», в котором дебютировал Белинский, см. в настоящем томе сообщение В. Владимирова.

30. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар, 1831 года, июня 12 дня

Любезнейший братец
Виссарион Григорьевич!

Посланные тобою журналы, как то: Галатею 16 №, но у 38, 34, 33, 32, 29, 27 не имеется картинок мод, но Листок, которого я получил 20 №, весь цел, равно и 9 картинок и портреты:

Фон-Визина и Альбиносца получены и Красное яичко для детей, которая и доставлена по надлежащему Никанору, которого я нашел в сие время смирным и занимающимся учением. Галатеи лишние № также отданы сестре, которых ей досталось 3 №, но 40 № я оставил у себя в надежде иметь последние сего декабря и первые №, за которые и приношу мою чувствительную благодарность, которая вовек не забудется. Ты пишешь папеньке и мне, что будешь присылать Листок через почту на имя папеньки мне, и в котором ты участвуешь и помещаешь свои произведения. Папенька помещенную в 40 и 41 № Листка читал с большим удовольствием твою пиесу Русская быль и, может быть, мысленно благодарил небо; равно маменька и я очень сему радуемся и не верим глазам своим. Я каждый день прочитываю твою пиесу с удовольствием, происходящим от любви. За сие также очень, очень благодарю. ты сим доставишь неизменное мне удовольствие читать сей журнал и в оном твои произведения. Да! почти было и позабыл уведомить также, что к нам приехал знакомый нам с тобой Степан Макарович Котельников, который служит в конторе по питейной части и ходит ко мне нередко или как позволит досуг, и я с ним толкую о том и сем, как известный литератор, и беру у него книги, равно и он у меня. Он желает с тобою видеться и поэтому часто спрашивает о твоем к нам приезде. Признаюсь, хотелось бы мне видеться с тобою. Вот прекрасно! о Мнемозине и забыл сказать, что ее получил, так же как и прочие. Твое письмо с посылками получено 10 июня, в среду поутру. Кажется, писать больше нечего и место не позволяет, после писать буду поболее, но теперь прощай! Желаю всего, что ты себе пожелаешь иметь.

К. Белинский

На первой странице надпись рукою Белинского: Получено июня 23 дня.

31. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар, 1831 года, июля 16 дня

Любезнейший братец
Виссарион Григорьевич!

По обещанию твоему присылать мне каждую почту издаваемого Артемовым журнала Листок, в котором ты участвуешь, я, к сожалению, не имел счастия его получать; ждавши каждую почту и ходив сам на оную, но все возвращался без ничего и без того удовольствия читать в нем твои произведения. Я сперва думал, что не почтмейстер ли оставляет его у себя, но ныне как маменька помирилась с его супругою и ходит к ней, поэтому сие невероятно. Любезнейший братец! прошу тебя наипокорнейше, если нельзя тебе присылать всего года сего журнала, то хотя первые № января, февраля и последние мая месяцев, потому что в мае месяце есть продолжение и окончание повести Фельдфебель потсдамской гвардии, чем буду чувствительно благодарен; да еще нельзя ли будет прислать тебе и Галатеи первые №, то-есть января, февраля, марта, апреля, июня и сентября, ноября и декабря месяцев; мне очень хочется иметь весь год сего журнала, которого достать тебе, я думаю, не трудно, которым доставишь большое мне удовольствие и вместе радость, как молодому любителю всего изящного и высокого. Я разыгрываю свои басни Ивана Крылова и положил оные в 10 рублей. Когда разыграю и соберу все деньги, то с первой оказией пришлю тебе оные для покупки мне крыловых басен таковой же книги и бритвы, которую мне также нужно, потому что хотя у меня и есть, но она уже стала тупа; еще на оставшиеся

№ 40 и 41.

ЛИСТОКЪ.

Среда, 27-го Мая 1831 года.

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ

Потсдамской гвардiи.

(Продолженiе)

2.

73

П. А. Б — вой.

Русская быль.

72

ТЕАТРЪ.

ЖУРНАЛ «ЛИСТОК», № 40—41 ОТ 27 МАЯ 1831 г.

Здесь опубликовано первое, появившееся в печати произведение Белинского — стихотворение «Русская быль»

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

деньги какую сам найдешь получше и подешевле купишь мне книгу, но только стихотворений или как тебе вздумается, потому что ты в сем лучше моего знаешь.

Уведомляю тебя, что я получил чин канцеляриста июня 13 дня 〈...〉

Ты пишешь, чтоб я тебе прислал книгу Покоющийся трудолюбец[1], которую ты видел валявшеюся в пренебрежении в доме Петра Петровича, которая, ты говоришь, принадлежит Николаше[2], но нет, она у меня находится почти с тех самых пор, когда ты отправлялся в Москву, которую и посылаю тебе, а взамену оной прошу прислать мне в дополнение, как ты писал, моей библиотеки, чем очень много меня одолжишь и заставишь себя еще тем более тебя любить и почитать. О Никаноре скажу тебе, что он хотя и учится у Дмитрия Петровича хорошо, но в нравственности своей нимало не исправляется и так же попрежнему нередко меня с сестрой ругает, но как, тебе уже то, я думаю, известно.

Итак, пожелав тебе всего того, чего могу желать тебе, остался, равно и все, кроме папеньки, слава богу! здоровы.

К. Белинский

P. S. Но ныне и все.

В опускаемой части письма К. Г. Белинский излагает чембарские новости; сообщает о болезни отца и выздоровлении бабушки.

Упоминаются: Г. Н. Белинский, М. Н. Брычева, К. В. и О. В. Великопольские, Д. Е. Иванова, М. В. Кварцов, Пимих, И. М. Поспелов, И. М. Сокольский и П. Цыпровский.

[1] «Покоющийся трудолюбец» — журнал, издававшийся в 1784—1785 гг. Н. И. Новиковым и служивший продолжением его же журнала «Вечерняя заря» (1782).

[2] Николаша — Николай Петрович Иванов, брат Алексея и Дмитрия, находившийся на военной службе.

32. Д. П. ИВАНОВ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар, 14 августа 1831 г.

Любезный друг
Виссарион Григорьевич!

Не получая от меня ни одной строки со времени моего отъезда, тебе простительно ожидать от меня письма подробнейшего, исполненного или испещренного новостями. Жалею, что очень мало нахожу предметов, достойных твоего любопытства, и потому буду писать более о тех, которые имеют близкое отношение с тобою.

Обыкновенное, бренное существование Чембара нимало не изменилось: все те же дома сельской архитектуры, все те же жители с растрепанными чувствами, заклейменные едкою печатью нигилизма, и для того Чембар слишком однообразен для наблюдателя!

Матушки наши попрежнему, с твердым упованием на заступницу, равнодушно смотрят на будущее, и никакие перевороты в домашней жизни, никакие обстоятельства, грозящие целому отечеству, не заставят их изменить чашке чая.

Дочки, в ожидании будущего счастья, стараются наряжаться одна перед другой лучше и чуть было не передрались из-за привезенных мною модных картинок. Эти запоздалые красавицы, отжившие век наслаждения, все идут еще во сретение жениху своему. Кстати о Катерине Петровне; она старается выписать себе Копрева 〈?〉 для того, чтобы поднести ему в сюрприз: свое сердце. Чембарский гений волокитства, Мария Егоровна, удалилась в сонме амуров в Симбирск. Лизета

Скопина живет опять в Кирсанове и пленяет глазками глаза и, наконец, все предметы твоего любовного похождения в разгоне. Унылый Чембар не оживляется, и моя деятельность в рассуждении этого замерла совершенно. Анна Петровна [1] в деревне, и Катенька томится, что не удается ей произнести в день ни одной французской фразы, и нынче более, по примеру Жанлис, морит нас сухими нравственно-сатирическими наставлениями. О себе скажу только, что у меня завелся обширный круг знакомства, приезжали известные тебе студенты Казанского университета [2], достойные жрецы Вакховы, и с ними позабыты мои новые обязанности; они воскресли в моей памяти, как друзья старозаветные.

О мелкопоместных новостях я не стану писать: они надоедят тебе, и ты вернее услышишь о них из уст моих, нежели из письма. Итак, это окончено в мале; теперь позволь спросить тебя: куда девался этот Листок? Каким грозным ураганом занесен он в страну неизвестности? O tempora, o mores! Honores mutant mores! Как времена переходчивы! Как неоснователен ты в своих расчетах!.. Постараюсь приехать поскорее с моими новостями и услышать о твоих похождениях. Домашние твои все живы и здоровы; в вашем доме обуяла всех одна только болезнь, похожая на холеру, и более всех стражден твой папенька; она известна мне под именем тщеславие дворянства [3]: с чином коллежского асессора она водворилась у вас в доме. Вот все, что только могу написать тебе; извини меня в моей неискусственности, скоро сам приеду; а теперь буду хлопотать о ниспослании тебе денежного блага. Прощай, будь здоров и не сердись на меня, что такое малое и пустозвонное письмо встретит твое ожидание. Надеюсь, что по философии будешь доволен малым, принесенным тебе мною. Я, по крайней мере, спокоен теперь тем, что хотя мало искуплю грехов и беззакония моего против моего искреннего друга.

Дмитрий Иванов

Приписка Е. П. Ивановой:

Я столько виновата против вас, любезный Виссарион Григорьевич, что даже не имею оправданий никак, а прошу извинения, прощения; пожалуйста, не сердитесь на меня и не переменяйте своего расположения ко мне. Я хотела писать к вам больше, но нонешний раз ни время, ни место не позволяют сего, а вперед буду стараться доказать частыми своими письмами, что ничто не переменит уважения моего и расположения к вам Катерины Ивановой.

Я от дедушки услышала теперь очень для ⟨меня⟩ горестную новость, он подал бумагу о переводе себя в Элатьм, вы не поверите, как это меня огорчает, теперь бог знает как мы с вами увидимся [4].

Приписка А. Е. Иванова:

Я и моя трубка, наложенная фалером, свидетельствуем Вам глубочайшее почтение, из которой я так сильно затянулся за Ваше здоровье, едва не до слез.

Ал⟨ександр⟩ Иванов

Вторая приписка Е. П. Ивановой:

Папенька мой признает себя несправедливым против вас, и он приписывает вам свой поклон в письме А⟨лексею⟩. Я буду вам писать с Митею.

На первой странице надпись рукою Белинского: Получено 25 августа, во вторник.

[1] Анна Петровна Мосолова — см. прим. к письму № 21. Деревня Мосоловых — Поляны, вблизи Чембар.

[2] «Известные тебе студенты Казанского университета» — бывшие семинаристы, с которыми Белинский жил в Пензе: чембарцы А. С. Голубинский (Свищенский) и М. С. Меридианов; оба — медики. См. о них в сб. «В. Г. Белинский и его корреспонденты», М., 1948, стр. 47.

[3] Чин коллежского асессора, которым приобреталось потомственное дворянство, Г. Н. Белинский получил 7 августа 1830 г.; см. примеч. к письму № 23.

[4] Перевод Г. Н. Белинского в Елатьму не состоялся.

33. БЕЛИНСКИЙ — Г. Н. и М. И. БЕЛИНСКИМ

Москва, 1831 года, августа 19 дня

Милостивые Государи
Папинька Григорий Никифорович
и Маминька Марья Ивановна!

Не получая от Вас столь долгое время писем, я нахожусь в мучительной неизвестности обо всем, касающемся до нашего дома. Кажется, что Вы совсем меня забыли. Уж не сердитесь ли Вы на меня за мое молчание? Если так, то напрасно: причиною оного есть и то, что нечего и не о чем было писать, и то, что не с кем писем пересылать, а за пересылку по почте, по неимению денег, нечем платить; притом же я один: в случае моего молчания Вы не знаете о состоянии одного меня; я же, в случае вашего, не знаю ничего о состоянии целого нашего семейства; следовательно, Ваши письма для меня должны быть гораздо интереснее, чем мои для Вас. Впрочем, меня с А‹лексеем› Петровичем все забыли, и для нас нет ни слуху ни духу о любезном Чембаре. От нас уехали к Вам некоторые москвичи; они обещались к нам писать как можно чаще и подробнее; мы им поверили и жестоко обманулись в своих ожиданиях: москвичи обманули нас самым неблагородным образом, вероятно, по неимению свободного времени, которое они употребляют на то, чтобы блистать малиновыми лоскуточками и тому подобное [1]. Но довольно об этом; скажу Вам что-нибудь о себе.

Вакацию я проводил самым скучнейшим образом. Вспоминая время, проведенное мною прошлого года дома, и удовольствия, которыми я наслаждался в обществе моих родных и знакомых, сравнивая тогдашнее мое положение с настоящим, я подчас грустил и тосковал не на шутку. Душа рвалась к Вам: но, как говорит русская пословица, и рад бы в рай, да грехи не пускают... Насилу, насилу я дождался конца этой несносной вакации; она кончилась, и скоро начнутся лекции. К нам приехало довольно большое число пензенцев; некоторые из них были моими товарищами по гимназии и сидели со мною на одной скамье; большая часть из них уже сделана студентами.

Я недавно вышел из больницы, в которой пролежал около двух недель. Что за щастливый год для меня нынче! Три раза был в больнице и, может быть, скоро буду в четвертый! У меня открылась в правом боку жестокая колика, которую еще более усугублял сильной кашель, к этому еще присовокупилась ужасная боль в груди. Желая избегнуть больницы, я просил рецепта у одного из наших суб-инспекторов, лекаря Зайковского. Он сказал, что у меня, должно быть, воспаление в легких, происшедшее от простуды, и что мне надобно или поставить пиявок, или пустить кровь, а к груди приложить мушку, почему и посоветовал мне идти в больницу, что я и исполнил. Но Страхов, ординатор нашей больницы, вместо всего этого прописал мне какой-то мази, да какого-то лекарства, похожего цветом и вкусом на аршад; от кашля я избавился, грудь тоже перестала болеть, но колика не только не унимается, но еще усиливается более; итак, я получил только облегчение, а не вылечился. Страхов смеялся над моею болезнию и называл ее пустою; но жестокая боль

АВТОГРАФ ПИСЬМА Д. П. ИВАНОВА К БЕЛИНСКОМУ ОТ 14 АВГУСТА 1831 г. С ПРИПИСКАМИ Е. П. и А. Е. ИВАНОВЫХ

Листы первый и последний. На первом листе сверху рукою Белинского отмечена дата получения письма

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

и ночи, проведенные без сна, уверяют меня в противном. Один раз и он было призадумался; но после решил, что если бы у меня было воспаление, то это бы видно было из лица, а лицо мое было в обыкновенном положении. Зайковский опять-таки советует мне пустить кровь, ежели болезнь усилится.

Так как Страхов прописывает мне на целый день только один фунт белого хлеба, да порцию ухи из 4-х мелких рыбок, то я принужден был покупать себе сам от себя булки и сливочное масло; да сверх того я пил сушеную малину с сахаром, вместо чаю; она, производя во мне пот, доставляла мне большую пользу. Необходимость иметь эти вещи и другие, как-то: чайник, чашку и проч.— заставила меня войти в небольшой долг, почему я и нахожусь принужденным побеспокоить Вас покорнейшею просьбою оказать мне небольшое вспоможение, тем более для меня нужное, что я и прежде сего немного был должен по мелочи, и сверх того непременно решился сам по себе пустить себе кровь, чего без денег сделать нельзя. Я ужасно боюсь, чтобы болезнь моя не обратилась в чахотку. Надеюсь, что Вы не откажете мне в моей просьбе.

У нас произошла большая перемена в столе. Попечитель взял в уважение неотступные просьбы студентов и сменил эконома. Теперь стол хоть куда! Особенно по праздникам он бывает так хорош, что лучшего желать не должно и не можно. Теперь каждый день на кухне дежурят по двое студентов. Они смотрят за поварами, принимают и выдают припасы, ключ от которых держат при себе. Ежели припасы по каким-либо причинам им не понравятся, то они имеют право отослать их назад и требовать других. Они же отвечают за стол, записывают расходы; обедают и ужинают после всех студентов.

Маминька, сделайте милость, пришлите мне с кем-нибудь теплый, стеганый нагрудник и, если можно, какую-нибудь суконную жилетку, которая застегивалась ⟨бы⟩ наглухо и с воротником, чем премного меня обяжете. Я теперь так опасаюсь простуды, что даже и в жаркие дни застегиваю наглухо виц-мундир и хожу в шинели.

Что за странное у нас в Москве лето! Дожди беспрестанные, дни всегда холодные, пасмурные, солнце видим редко, бурь не бывает, и я не более как раза два слышал небольшой гром. Зато грибов, грибов! Ешь — не хочу! Возами возят.

Свидетельствую мое почтение Бабушке Дарье Евсеевне и всем нашим родным и знакомым, исключая, однакоже, тех, которые меня позабыли и на мои частые письма не хотят отвечать ни одною строчкою. Бог с ними! Прощайте! Будьте здоровы и счастливы! Ваш сын

Виссарион Белинский

Приписка А. П. Иванова:

Милостивые государи дедушка и бабушка!

При сем и я свидетельствую Вам мое всенижайшее почтение, с каковым остаюсь Ваш, милостивые государи, внук и покорный слуга

Алексей Иванов

Приписка Белинского:

Любезный братец,
Константин Григорьевич!

И ты, по примеру всех чембарцев, забыл о своем бедном брате и не хочешь его знать! Что за немилость такая? Пиши бога ради! Для меня очень интересно знать, как ты поживаешь и как живут все наши домашние. Пожалуста, не ленись писать. Кланяйся от меня Федосье Степановне; она

никогда не забывает меня и любит, как своего родного сына. Уведомляй меня о шалуне Никаноре, который, я думаю, ужасно исповесничался. Кланяйся также всем знакомым, которые меня помнят. Прощай.

Твой брат Виссарион Белинский

Надпись о получении: Получено 29 августа 1831 года, в субботу.

[1] Под «некоторыми москвичами» Белинский имеет в виду Д. П. Иванова. «Малиновые лоскуточки» — малиновый воротник студенческого мундира, в котором щеголял Д. П. Иванов, впервые приехавший в Чембар студентом.

34. Г. Н. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар, 1831 года, сентября 4 числа *

Виссарион Григорьевич!

О болезни твоей имел я суждение и нашел, что оная происходит от твоей неосторожности. От чистого сердца желаю тебе посланные при сем двадцать пять рублей ассигнациями употребить в пользу облегчения твоей болезни.

Я слышал, что ты табак покуриваешь без всякой причины или надобности. В твоих летах предаваться никакому излишеству, подобному табаку, невозможно; умеренное и необходимое, для твоего нынешнего состояния и возраста, желаю поберечь себя. Я хотел объяснить тебе подробно, но надеюсь, что ты и сам можешь понять.

Приписка М. И. Белинской:

Милый друг Виссарион Григорьевич.

И я свидетельствую тебе мое почтение. С Митенькой посылаю тебе две манишки теплые: одна тафтяная, а другая демикотоновая черная, и надеюся,что твоей груди будет тепло.Меня твоя болезнь очень расстроила. А жилетку мне не из чего шить, то и советую тебе на присланные деньги купить фланелю белого и шить фуфайку и носить под рубашкой на голом теле. В противном случае, не найдешь фланелю или очень дорог, то купи белой бумазеи на фуфайку и носи и береги свое здоровье.

Желаю тебе быть здоровым, остаюсь мать твоя

Марья Белынская

1831 года, сентября 4 числа

Приписка К. Г. Белинского:

Любезнейший братец
Виссарион Григорьевич!

Как уже первый час, то и спешу на почту с сим письмом, в котором посланы тебе деньги—25-ти рублевая ассигнация, которая пригодится очень на твои нужды; итак, до следующего случая, прощай! Поклонись Алексею Петровичу.

Брат твой
Константин Белинский

На первой странице надпись рукою Белинского: Получено сентября 16 дня.

* Датировка проставлена рукою К. Г. Белинского.

35. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар, 1831 года, сентября 4 дня

Любезнейший братец
Виссарион Григорьевич!

Письмо твое от 19 августа мы получили 29-го августа, чрез которое узнали мы, что ты нездоров; это нас довольно огорчило и заставило еще более о тебе думать и вспоминать о твоих обстоятельствах, которые иногда невольно вырывают вздох из груди, тебя любящей. Ты пишешь, что я, по примеру чембарцев, к тебе не пишу; причиною сему есть то: неимение денег, занятия по должности 〈...〉

Ныне как папенька подал на имя государя императора просьбу 14 августа о перемещении его в город Елатьму, то ежели не заместят ее, а пришлется папеньке, чтоб он туда ехал, то посему я и не знаю, куда мне переходить — туда в Уездный суд, или в Тамбов в Казенную палату, или в Саратов, где служит Константин Васильевич Великопольский по Контрольному отделению, куда он меня и звал и хотел постараться о сем, чтоб меня перевести. Он меня полюбил, и я надеюсь найти в нем себе друга, к тому ж содержание в Саратове дешевое, равно и квартира. То и прошу у тебя совета, как у истинно родного мне брата, куда мне переходить, которое место найдешь мне выгодным и приличным моему характеру, чем много одолжишь оным. О Никаноре скажу тебе, что он нынче уже ходит в училище, я его свел вместе с Петенькой, которого также свел Дмитрий Петрович в один день, и сидят в первом классе на первом столе. В первом классе ныне новый прислан учитель из Казани на место Рубашевского, который, вышедши в отставку, просил себе места учителя такого же класса, но вместо учителя первого класса он сделался смотрителем Балашевского уездного училища, где теперь и находится. О сем учителе тебе скажу, что его фамилия Удинцов (Иван Андреевич), человек довольно умный и ученый, знает хорошо по-латыни, по-французски, по-немецки изрядно, он уроженец Пермской губернии, один у отца и матери сын; он с нами знаком, я к нему хожу нередко, но об этом в сторону, ты верней можешь узнать о характере и достоинствах сего учителя от Дмитрия Петровича, который также с ним знаком и имел суждение о предметах довольно важных в своем роде. Любезнейший братец! Как я разыграл свои Басни Крылова в 10 рублей и две другие книги, которые и не обращают на себя внимание своим достоинством, а именно: Эмма, стихотворение Литвинова, и переводы Буниной, которые ты мне привез из Москвы, приезжавши на вакацию; с оными составляет 12 руб., то и покорнейше прошу на означенные деньги купить мне Басни Крылова в переплете и нельзя ли достать с портретом; Басни и сказки И. И. Хемницера в трех частях, шестое издание, вновь исправленное, с описанием его жизни и искусно гравированным портретом, картинами и виньетами. Москва, в тип. Н. Степ. 1830 года, цена полагается самая умеренная, в бум. 3 руб., в переп. 4 рубли. В лавке Глазунова. То ты и купи мне оную в переплете; да еще бритву, которая мне очень нужна, то докажет тебе Дмитрий Петрович, который, я думаю, помнит бывший у меня на щеке рубец. Любезнейший братец, прошу тебя вторично сию мою просьбу исполнить и прислать с возвращающимися домой лошадьми князя Кугушева, которые повезут Раису Николаевну Кугушеву домой, чем очень много одолжишь мне. Писать более нечего, а ежели хочешь знать подробно, то Studiosus Dmitrius[1] все расскажет. Итак, прощай, любезнейший братец! Желаю тебе здравия и всего, чего сам желаешь.

Брат твой Кон〈стантин〉 Белинский

В опускаемой части письма К. Г. Белинский сообщает о своих служебных делах.

Упоминаются: П. П. Иванов, Щеглов и Яков Иванович.

[1] «Studiosus Dmitrius» — Д. П. Иванов.

36. Е. П. ИВАНОВА — БЕЛИНСКОМУ

⟨Чембар, начало сентября 1831 г.⟩

Никогда так трудно не было для меня писать к вам, любезный Виссарион Григорьевич, как теперь: я по своей лености и беспечности отучила себя от этого многоприятного для меня занятия. От всего сердца вам признаюсь, что причиною моего молчания было мое нерадение, а как такое признание есть половина исправления, то, поверьте, и я буду стараться не быть вперед столько виноватой против вас. Вы не можете себе представить, как тревожит меня упрек, сделанный вами в письме к вашим родителям насчет нас с Д⟨митрием⟩, но он уже исправил свою вину, и я теперь одна чувствую всю силу этого упрека и не прежде совершенно буду покойна, покуда вы со мною помиритесь. Я во зло себе сделала то, что не писала к вам, и тем лишила себя радости получать ваши письма так

Д. П. ИВАНОВ

Фотография 1860-х гг.

Литературный музей, Москва

часто, как желаю. Я мало сказала, что письма ваши доставляют мне радость, но они просвещают, наставляют меня, так вы можете представить, как я много их ценю, и потому, верно, не будете мне мстить и не лишите радости пользоваться вашими письмами.

Нас очень беспокоит ваша болезнь, а при вашем несколько нетерпеливом характере она может быть для вас очень опасною. Вы, верно, не послушаетесь, ежели вас попросят не курить табак и не пить уксус, который вы до смерти любите и который вам может сделать смертельной вред, а не отказавшись от этого, вам никакое лекарство не поможет.

Ваши задумали совсем оставить наш Чембар и переселиться в Элатьм. Может быть, они получат от этого большие выгоды, но сколько ни желаю я добра вашему семейству, признаюсь, готова молиться, чтоб желание их не исполнилось. Я без огорчения не могу подумать об этой разлуке, да мы не раз и оплакивали оную.

Давно я собиралась поговорить с вами об моем *papa*; я знаю, вы на него негодуете, и точно, он оскорбил вас; но не считайте, чтоб сделал он со злым намерением, но это произошло от некоторых его предрассудков и его пристрастия ко всем правам и уложениям гражданским и уголовным, вы ведь знаете его конек? Теперь хотя он и раскаивается, что оскорбил вас, однако все говорит, что он должен был так поступить в предостережение своих сыновей, и, поверьте, ежели бы и сын его был на вашем месте или в подобных обстоятельствах, он сам бы побоялся писать к нему и запретил бы брату с братом иметь сношения, но, впрочем, вы знаете, что он добрейший человек и нежный и почтительный отец и только одну имеет странность: судить и располагать все по установлениям юриспруденции.

Нас постигла довольно значительная неприятность. Получено предписание от губернатора, чтоб папеньку за неисправность по службе перевесть в Керенск. Представьте себе, каково старику, служившему с таким усердием и ревностью сорок лет [1], понести такое оскорбление и переносить это по клевете мерзавцев, опять каково получать наказание за неисполнение по службе тому, который прежними губер⟨наторами⟩, даже самим Сперанским, ставился в пример по деятельности [2]. Посудите, не явные ли это козни? В указе пишут, что по представлениям нашего стряпчего в суде большое запущение по делам, и за это наказывается секретарь. Чем же он один виноват? Кабы вы взглянули на него теперь! Я никогда не видала его так расстроенным: он даже плачет иногда; и легко ли — честному человеку понести оскорбление своей чести мне кажется великим несчастьем. Прощайте, желаю вам облегчения в вашей болезни, искренно любящая и уважающая вас

Катерина Иванова

[1] П. П. Иванов поступил на службу в 1788 г., девяти лет.
[2] М. М. Сперанский был пензенским губернатором в 1816—1819 гг.

37. М. И. БЕЛИНСКАЯ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар, 1831 года, 6 сентября, воскресенье *

Милый Виссарион Григорьевич!

Отец тебе послал денег 25 руб. 4 сентября через почту, я настояла в этом, чтобы ты скорее получил деньги. Я тебе посылаю с Митенькой две ватошные манишки, одну коричневой тафты, а другую — черного демикотону, и желаю тебе, носивши оные, получить совершенное облегчение в болезни. Еще посылаю горшечек чухонского масла и окорок ветчины и желаю тебе

* Датировка проставлена рукою К. Г. Белинского.

скушать на здоровье; еще, мой друг, посылаю тебе корни, называемые дивисил, мне советовали почтенные люди, чтобы ты их пил, которые тебе сделают большую пользу ⟨...⟩ А во время употребления сего декохту соблюдение диеты — рыбы не есть, ни соленой ни свежей, не есть капусты кислой, уксусу и хрену, теплее одеваться. Отец твой недели с три пьет в мертвую голову и меня поносит и ругает всячески, а Никанор учится в училище, и хвалят, что очень хорошо, но в нравственности нисколько не исправляется, мне делает ужасные грубости инеприятности, особливо тогда, когда отец дома; с людями воюет попрежнему ⟨...⟩ Книги Константин у его все обобрал, присланные тобою из Москвы, но он не в претензии по той причине, что он в них никогда не заглядывает.

Теперь прощай, мой друг, желаю тебе быть здоровому, остаюсь мать твоя

Марья Белынская

1831 года, сентября 6 числа

Приписка А. Г. Белинской:

Милый братец Виссарион Григорич, посылаю тебе кошелек моей работы. Извини, что без замочка, здесь нельзя купить ни за какую цену, сам купи в Москве и отдай кому-нибудь пришить. Прощай, остаюсь сестра твоя

А. Б.

Приписка К. Г. Белинского:

Любезнейший братец
Виссарион Григорьевич!

Письмо мое от 16 июля, которое я хотел послать с Мещериновым, но опоздавши оно осталось; но теперь по совету Дмитрия Петровича посылаю, хотя некоторое и не принадлежит к нынешнему времени в рассуждении папенькиной болезни и о Никаноре, который ныне в училище учится, но в нравственности своей нимало не исправляется. Письмо сие считай присланным в июле месяце. Прошу тебя покорно прислать своего сочинения Трагедию, которую я давно горю желанием прочесть, как хорошее произведение моего брата, показавшего на ней свой первый опыт по сему роду поэзии ⟨...⟩ Пишу тебе о себе, что я тогда буду спокоен в расположении своего духа и мыслей, когда буду в состоянии сам себя содержать. Меня это часто так тревожит и беспокоит, что иногда невольно выпадают из глаз моих капли слез на стесненную вздохами и положением грудь. Ты не поверишь, меня часто твое долгое молчание очень беспокоит и приводит в большое раздумье. Кажется, писать более нечего и не о чем, как пожелать тебе здравия и благополучия. Прощай! Остался брат твой

Константин Белинский

В опускаемой части письма М. И. Белинская подробно описывает, как пользоваться посылаемым ею лекарством; К. Г. Белинский в своей приписке поздравляет А. П. Иванова с получением чина титулярного советника и определением в Московский сенат.

Упоминаются: Н. Г. Белинский и А. П. Иванов.

38. БЕЛИНСКИЙ — Г. Н. и М. И. БЕЛИНСКИМ

Москва 1831 года, сентября 29 дня

Милостивые Государи
Папинька Григорий Никифорович
и Маминька Марья Ивановна!

С чего начать мне письмо мое к Вам? О чем говорить прежде всего? Начну с благодарности, а кончу... просьбою. Итак, благодарю Вас чув-

ствительно за Ваше неоставление, а более всего за Ваше внимание к моей болезни, внимание, о котором свидетельствует поспешная присылка денег,— и прошу Вас, ради самого бога, еще прислать мне... по крайней мере столько же денег. На что? спросите Вы. Я мог бы исчислить Вам тысячи нужд, и справедливых и несправедливых, но теперь скажу только то, что они мне крайне нужны: я весь обносился; шинелишка развалилась, и мне нечем защититься от холода, а новой никогда не дадут,— да и кроме того, у меня очень многого недостает. Присланные Вами деньги я истратил на уплату долгов, на покупку лекарств и на разные необходимые мелочи. Мне непременно нужно запастись каким-нибудь сюртучишком и прочим принадлежащим к нему платьем. Одним словом, если бы я не имел крайней нужды, то никогда бы не стал тревожить Вас моими просьбами. Вы не можете представить себе, каких ужасных усилий стоило мне преодолеть мою нерешимость и написать эти строки! Для меня нет ничего ужаснее, убийственнее, как быть кому-нибудь в тягость. Итак, прошу Вас: или исполните мою просьбу без укоризн, ежели она покажется Вам слишком неприятною, или... мне ничего не нужно!..

Мне стало легче; боль в боку и в груди прошла совершенно, но кашель мучает еще жесточее прежнего. Ни грудной чай, который я каждый день пил, ни порошки не помогли. Вот уже несколько ночей сряду я не могу спать без того, чтобы кашель ежеминутно не прерывал моего сна. Одно слабительное немного помогло: посредством его уменьшилась мокрота, которая почти задушила меня; однако же некоторого рода одышка и теперь еще не оставляет меня.

Для меня очень приятно, что Вы переезжаете в Елатом; дай бог, чтобы вместе с переменою места переменилось и состояние нашего семейства, чтобы мир и согласие водворились в нем и чтобы семейственное счастие, это верховное блаженство, которое должно быть целию человеческой жизни, ее наслаждением и радостию, приосенило крылами своими наш дом! Ах! Для исполнения этого желания я готов пожертвовать своим собственным личным счастием, если бы от этого оно зависело!..

Папинька, прошу Вас именем самого бога: обратите свое внимание на Никанора — исправьте его нравственность. Семена, брошенные на землю мягкую и нежную, принимаются скоро, и ежели от них вырастут плевелы, то трудно будет вырвать их: они принесут плоды горькие, колючие и терниями своими будут колоть того, кто мог, но не хотел их вырвать тогда, когда это еще можно было сделать. Что если эти тернии впоследствии будут колоть самого его, и он, не имея столько душевной твердости, чтобы подавить боль, самому себе причиняемую, затаить ото всех свои страдания, будет некогда громко обвинять Вас — каково Вам тогда будет? Да не покажутся Вам слова мои слишком смелыми: источник их моя горячая любовь к Никанору; надеюсь, что эта вина в глазах Ваших будет простительна. Я день и ночь об нем думаю; всякий раз жду с нетерпением об нем известий и почти никогда не получаю ни одного радостного, утешительного.

Вы, Папинька, говоря о моей болезни, намекаете мне о некоторого рода неумеренности, как причине оной; я на это скажу Вам, что скорее можно упрекнуть меня уже в слишком излишней умеренности, нежели... Что же касается до трубки, то она, как мне кажется, не только не виновата в болезни, но еще облегчает оную, способствуя отделяться мокроте. Отстать от нее я никак не могу, ибо эта привычка обратилась мне в страсть, эта страсть есть общая между всеми студентами. Я слышал от Дмитрия Петровича, что Лукерья Савельевна говорила Вам что-то будто бы о моем пьянстве. Почитаю лишним и ненужным делом оправдываться перед Вами в сем доносе: его сделала Лукерья Савельевна, и я никак не думаю, чтобы Вы могли ей поверить в чем-нибудь.

АВТОГРАФ СОВМЕСТНОГО ПИСЬМА К БЕЛИНСКОМУ ЕГО МАТЕРИ, СЕСТРЫ И БРАТА КОНСТАНТИНА ОТ 6 СЕНТЯБРЯ 1831 г.

Разворот четвертой и первой страниц

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

АВТОГРАФ СОВМЕСТНОГО ПИСЬМА К БЕЛИНСКОМУ ЕГО МАТЕРИ, СЕСТРЫ И БРАТА КОНСТАНТИНА ОТ 6 СЕНТЯБРЯ 1831 г.

Разворот второй и третьей страниц

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Благодарю Вас, Маминька, за присланные Вами теплые манишки; в моих обстоятельствах такой подарок драгоценен. За масло также благодарю Вас; только для меня было бы приятнее получить что-нибудь другое, например, окорок ветчины или что-нибудь подобное, ибо не успел я и трех раз полакомиться этим маслом, как принужден был отдать его перетопить, потому что оно уже стало желтеть и горькнуть. Писать больше нечего и потому прощайте! Желаю Вам быть здоровыми и щастливыми, желаю от искреннего сердца, чтобы сбылись все Ваши намерения! В ожидании ответа остаюсь любящий и почитающий Вас сын Ваш

Виссарион Белинский

P. S. Прошу Вас засвидетельствовать мое почтение Бабушке Дарье Евсеевне.

Надпись о получении: Получено 15 Октября 1831 года, в четверток ночью.

39. БЕЛИНСКИЙ — К. Г., А. Г. и Н. Г. БЕЛИНСКИМ

Москва 1831 года, 29 дня <сентября>

Любезный братец
Константин Григорьевич!

Письма твои я получил; ты на этот раз таки не поленился писать — и за это я тебе особенно благодарен. «Пиши пока пишется, говори пока говорится, и все это от души, от сердца» — вот одна из примечательнейших черт физиономии добрых истинно русских людей, у которых, по пословице, что на уме, то и на языке. Комиссию твою я исполнил — не знаю только хорошо ли: боюсь, чтобы ты не остался мною недоволен. Я тогда только вспомнил о бритве, когда уже истратил все деньги на книги. Это меня довольно пообеспокоило, но как бы то ни было дело уже сделано и поправить его было нельзя; при том же на порядочную бритву надобно плохо, плохо синицу, а так как ты непременно велел купить тебе Крылова и Хемницера Басни (а на покупку их потребно было боле пяти рублей) — то на остальные деньги и нельзя было найти сносной бритвишки. Итак, я купил тебе: I) Новое, самое последнее Смирдинское издание Басен Крылова в восьми частях, в маленьком формате, вышедшее в 1830 году. При нем нет портрета автора; но восьмая часть (заключающая в себе новые и, верно, тобою нечитанные Басни) я думаю стоит портрета. II) То самое издание Басен Хемницера, с портретом автора и с картинками, о котором ты писал. За обе эти книги я заплатил 6 рублей. III) Денницу, Альманах, изданный Максимовичем на 1830 год. Этот Альманах наделал при своем появлении очень много шуму; особенно Обозрение было долгое время предметом бесчисленных журнальных споров, похвал, браней и нападок; в нем все статьи (за исключением уродливого, нелепого и бессмысленного Сохатого[1]) очень хороши. IV) Невский Альманах на 1827 год— довольно недурной сборник стихов и прозы. Купленный мною довольно поношен и в нем недостает, кажется, трех картинок. За оба Альманаха я заплатил 4 рубля. Не забудь, что они и теперь у Ширяева продаются по 10 рублей! Вот какими книгами обогатится теперь твоя библиотека! Сверх сего я посылаю тебе собственную мою книгу, народный русский водевиль: Мельник, несколько № разрозненных журналов, в числе коих три № почившего в бозе Листка, и картину, стоющую 5 копеек серебром, Восточную Лютню, Лалла Рук; сию последнюю отдай сестре.

Кстати о Листке: ты пишешь, что ты его все дожидаешься — не беспокойся об нем: многострадальный юноша кончил свою жизнь; великий муж помре в мае! Увы! как весенний цветок, он едва начал расцветать — и завял! Вот уже больше двух месяцев, как о нем нет ни слуху ни духу. Ты просишь у меня всех № Галатеи за 1830 год: у меня их нет и не бывало; я прислал к тебе только те, которые изданы самим Артемовым (под именем Раича); я только их и имел у себя.

Ты просишь у меня совета, где тебе служить. Советую продолжать твою службу, до получения офицерского чина, в Чембаре, а там, где бог велит. Тебе всего необходимее такой человек, которой был бы твоим начальником и вместе покровителем; кроме Петра Петровича, ты нигде не найдешь себе такого человека. В Чембаре тебя все знают, и ты всех знаешь; в другом же месте ты должен будешь привыкать к людям чужим и незнакомым: вспомни Пензу! В Чембаре для твоих успехов по службе нужно одно прилежание и хорошее поведение; в других же местах нужно иметь ту особенную гибкость характера, а особливо спины, то хитрое искусство подделываться под тон всех и каждого, ту проницательность, ловкость, смелость, сметливость, догадливость, то проворство, которых ты не имеешь и без которых нельзя ни в чем успеть. Чужие люди о тебе никогда не станут так стараться, как свои. Нет, брат, служи-ка в Чембаре; будь прилежен, веди себя хорошенько, да помни русскую пословицу: не сули журавля в небе, давай синицу в руки. Уважай своих начальников, но не унижайся пред ними, исполняй их приказания ревностно, не рассуждая, хороши ли, худы ли они: это не твое дело — старайся в точности исполнять возложенные на тебя обязанности, и больше ни о чем не думай. Плохой тот солдат, который рассуждает, вместо того, чтобы слепо повиноваться. Ежели всякий подчиненный будет только судить, да рядить и делать только то, что ему кажется нужным, а не то, что велят, тогда не будет никакого порядка, и все превратится в хаос. Конечно, способность мыслить есть первая принадлежность и достоинство разумных существ; мысли, рассуждай, вникай в начала и причины всего, испытывай, сравнивай, взвешивай все на весах рассудка, но только тихонько, про себя, чтобы никто не слышал; где не поймешь — спроси, кто больше тебя знает—а сам делай, что велят! Старайся вникать в порядок, в сущность службы, чтобы некогда быть способным занять должности, высшие той, которую теперь занимаешь. Больше думай, меньше говори; ни о ком не отзывайся в худую сторону; ежели совесть запрещает тебе хвалить человека, то и не хули; знай про себя, кто худ и кто хорош. Чрез это ты избегнешь многих неудовольствий. Помни, что Петр Петрович — твой родственник, но не забывай, что он также и начальник твой, и что он по всем отношениям имеет право на твое уважение.

Дома старайся избегать всеми мерами неудовольствий; где смолчи, как будто не расслушал, где отойди, как будто нужно итти куда, а когда не избегнешь, то терпи, помня, что все к лучшему! Вот тебе сколько наставлений! Прими их с тем же чувством, с каким я писал их...

Ты опять принялся за стихи — это мне не нравится. Ты просишь разобрать их; скажу тебе просто (не прогневайся на мою откровенность), что они так плохи, что ниже всякой критики. Что за метромания такая напала на тебя? Какая в этом польза? К чему зря время терять? Чтобы быть поэтом, надобно иметь отличные дарования, творческое воображение, творческую душу, чувства пламенные, темперамент горячий, характер раздражительный, пылкий; надобно уметь и мыслить и чувствовать особенным образом, видеть там много, где другие ничего не видят. Спроси себя: узнал ли ты себя в этом портрете? Ежели нет, то разбей свой

нестройный гудок, изорви скрипучие струны и забудь писать стихи. Ежели в иные минуты тебе захочется покинуть скучный мир действительности и устремиться в очаровательную страну воображения, чтобы созерцать там вечную, бескровную красоту идеального изящества, то разверни какое-нибудь творение какого-нибудь Художника и наслаждайся чистым, святым и безмятежным восторгом. А сам лучше учись писать прозой и для того упражняйся в прозаических сочинениях: я охотно берусь поправлять их. Уменье писать прозою необходимо в действительной жизни. Жалок и вместе достоин презрения тот, кто не умеет нескольких строк написать правильно и с толком. И для того учись грамматике, читай хорошие прозаические сочинения, вникай в их дух и, руководствуясь сими образцами, учись сам писать так же легко, свободно и приятно.

Учиться нет стыда — невеждой стыдно быть!

О чем еще писать к тебе? Кажется, что не о чем. И так — прощай! Будь здоров, счастлив, не забывай моих дружеских советов и люби попрежнему твоего брата

Виссариона Белинского

Любезная Сестрица
Александра Григорьевна!

Благодарю тебя за твой подарок — он доставил мне большое удовольствие как знак твоего ко мне родственного расположения. В благодарность за оный умоляю тебя: люби менее рассеянность, старайся образовывать твою душу и сердце и украшать их теми прекрасными, истинными нарядами, без которых человек не есть человек! Читай книги, будь всегда в обществе благородном, образованном и люби более удовольствия чистые, наслаждения изящные и предпочитай их ложному светскому блеску. Учись — учиться никогда не поздно. В Катерине Петровне ты найдешь для себя и друга, и наставника, и учителя — ежели только предубеждение и зависть или легкомыслие не попрепятствуют тебе воспользоваться ее уроками. Ныне времена не прежние: ныне люди неученые еще сноснее, но необразованных везде презирают. Подумай о моих советах. Имеющие уши — да слышат!

Остаюсь любящий тебя твой брат

В. Белинский

Любезный братишко Никанорочка!

Ко мне пишет Константин Григорьевич, что ты прилежно учишься в училище, то же самое я слышал и от Дмитрия Петровича. Благодарю тебя за это, мой маленькой дружище; это меня очень радует. Все хорошо, да вот беда: говорят, что ты нимало не исправляешься в своей нравственности, не уважаешь Маминьку, не слушаешься ее; также и старшего твоего брата, которого даже и я люблю и уважаю, нимало не почитаешь, и даже осмеливаешься ругать его. Тоже и сестру свою. Смотри, брат! Исправься, а не то, по моем приезде, быть худу! Я ни на кого не посмотрю: отдеру при Папиньке. Прошу тебя: не доводи себя до беды. Я скоро добьюсь хороших книг с картинками и отдам их Константину в полное распоряжение; ежели будешь вести себя так же хорошо, как учиться, то он подарит тебе их, а если нет, то как хочешь. Такому маленькому мальчику, как ты, и чужих людей стыдно не только обижать, но и обходиться с ними невежливо; а каково же не уважать и не слушаться родной матери, брата и сестры. За это тебя и бог накажет. Пожалуста, друг мой, исправься. Пиши ко мне письма и живи со мною в ладу во избежание всякого зла.

Приписка Д. П. Иванова — К. Г. Белинскому:

Наконец, из Москвы скажу тебе последнее прощай, любезный дружище! Вспомни вакации! Обрисуй в твоей памяти все наши деяния и пожалей, что так рано оставил я шумные наши беседы в пустынном Чембаре. Пиши ко мне, что случилось после меня. Кланяйся Декартову и Асновину.

Истинно преданный тебе

Дмитрий Иванов

Надпись о получении: Получено 16 Октября, 1831 года, в пяток по утру.

[1] «Сохатый (сибирское предание)» — повесть Н. А. Полевого, напечатанная в «Деннице» на 1830 г., стр. 172—249.

40. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар, 1831 года, ноября 17 дня, вторник

Любезнейший братец
Виссарион Григорьевич!

Письмо твое к папеньке и маменьке от 29 сентября мы получили 15 октября от князя Кугушева, в который день маменька была у его супруги, уже ночью при огнях; а я свое и с посылками получил от владыкинского человека 16 октября поутру с следующими книгами: Баснями Крылова и Хемницера, альманахами: Денницею и Невским, журналами: Листком 42, 43 и 45 №, но других, как видно из письма твоего, разрозненных № журналов и картинки не получил — Восточною Лютнею, Мельником оперою и Лалла Рук, сию, по просьбе твоей, отдал сестре; за означенные последние книги приношу мою чувствительную благодарность.

Ты пишешь, понравятся ли мне купленные тобою книги, на сие отвечаю и начну с басен: Крыловых формат мне нравится, но только их хотелось иметь с портретом и переплетом, Хемницеровы всем нравятся, Денница также и Невский, которыми мне довольно угодил; но только в последнем, как видно из оглавления, нет 4 картинок и с начала много уже изорван, но стихи в нем все хороши, как в Деннице проза.

Любезнейший братец! Опять приступаю с моею покорнейшею просьбою, хотя я этим тебе и надоел, но делать нечего, я думаю, ты на это не будешь много сердиться, прислать последние номера Листка, где есть продолжение и окончание повести Фельдфебель потсдамской гвардии, а может быть и твои произведения, чем очень много буду благодарен.

Я читал в 45 № Листка Библиографию о Борисе Годунове (трагедии А. С. Пушкина) твоего сочинения. Это для меня очень много приятно: дай бог, чтобы ты с таким удовольствием и со всем жаром пламенеющего сердца ко всему изящному и высокому и к родному столько много любимому мною брату еще сочинял, как я оную читал, и присылал бы мне и тем бы доставлял большое мне удовольствие; как уже я о трагедии писал, которую ты сочинил, но на просьбу мою нет ничего, и потому прошу наипокорнейше оную с первой будущей оказией прислать, чем очень много... одолжишь...*

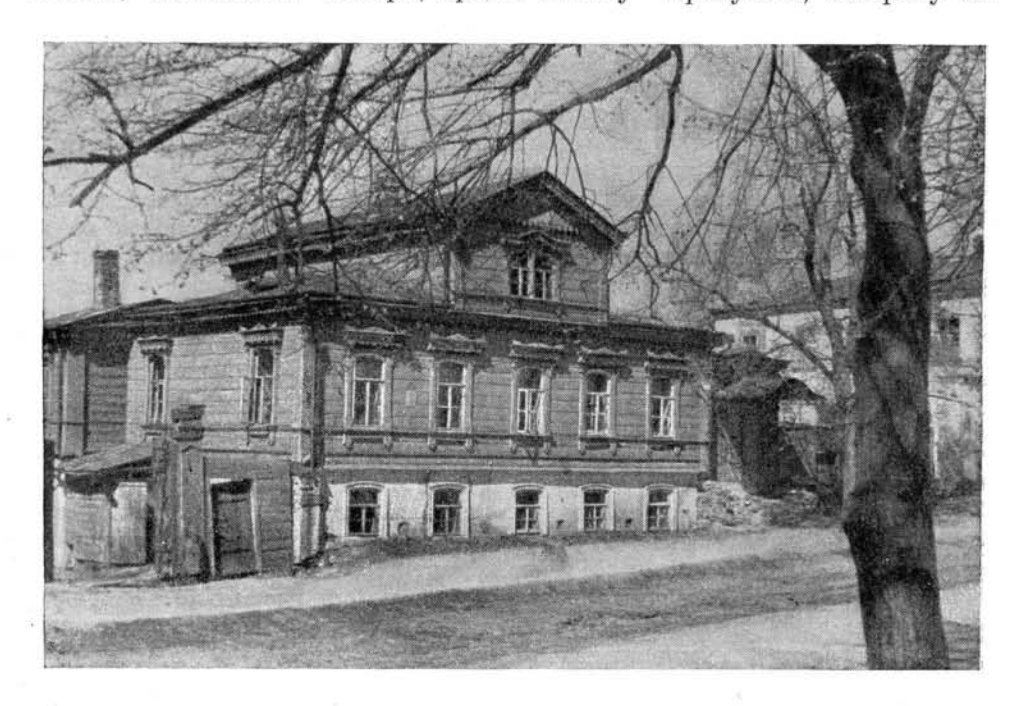
Любезнейший братец! Твои советы в рассуждении моей службы довольно справедливы и основательны, я их принял с большим удовольствием,

* Многоточия в рукописи.

равно как и читал; они все нашим домашним понравились и даже бабушке, которая, когда я ей читал, была в удовольствии и тебя хвалила, как и наши все ⟨...⟩

О Никаноре скажу тебе одним словом, что он ныне в училище совсем не ходит и только дома повесничает... Уведомляю тебя, что я с К⟨атериной⟩ П⟨етровной⟩ занимаюсь грамматикой в свободное мне от должности время и рад тому, что ты мне об оном написал ⟨...⟩

Я читал Анекдоты Петра I, Жизнь и деяния Емельяна Пугачева, сего умнейшего и [образован] ученого человека[1], Жизнь Ермака, завоевателя Сибири, братые мною у Черноусова, которому по

ДОМ, ПРИНАДЛЕЖАВШИЙ Я. А. ПЕТРОВУ, НА ВЕРХНЕЙ ПЕШЕЙ УЛИЦЕ (ТЕПЕРЬ КУЙБЫШЕВСКАЯ, № 16) В ПЕНЗЕ. ВО ФЛИГЕЛЕ ЭТОГО ДОМА, ВО ДВОРЕ ЖИЛ В ГИМНАЗИЧЕСКИЕ ГОДЫ БЕЛИНСКИЙ

Фотография П. П. Вершигоры, 1948 г.

Литературный музей, Москва

наследству досталось от умершего его брата довольное количество книг, которые он продает и отдал для сего Бычкову, между которыми есть сочинения: Богдановича с портретом и описанием жизни, И. Дмитриева 1 и 2 части, где есть сатира Чужой толк, Овидиевы превращения I часть, с портретом, Переписка Екатерины II с г. Волтером, с портретами обоих, Россиада поэма Хераскова, Жизнь Наполеона Бонапарте с портретом, которые теперь у меня находятся*. Итак, писать больше нечего. Прощай! Остаюсь любящий тебя брат твой

Константин Белинский

Далее на том же листе публикуемое ниже письмо М. И. Белинской с датой: 18 ноября.

На л. 1, вверху, помета В. Г. Белинского: Получено декабря 1 дня.

* Но 18 числа ноября поутру сам С. Б. Бычков за ними приходил. — Прим. К. Г. Белинского.

В опускаемой части письма К. Г. Белинский передает чембарские новости и мелкие подробности из своей жизни.

Упоминаются: Г. Н. Белинский, Д. Е. Иванова, В. Кулагин и П. Д. Юрьев.

[1] О Пугачеве как об «ученом человеке» К. Г. Белинский, вероятно, читал в редкой и по тому времени книге, переведенной с французского: «Ложный Петр III, или жизнь, характер и злодеяния бунтовщика Емельки Пугачева», М., 1809, два тома.

41. М. И. БЕЛИНСКАЯ — БЕЛИНСКОМУ

⟨Чембар, 18 ноября 1831 г.⟩

Милый мой Виссарион Григорьевич, и я благодарю тебя за присланные письма, а более благодарю за данные нравоучения нашему семейству; я выслушиваю ⟨их⟩ не иначе, как вместо проповеди, но, кажется, они не послужат в пользу: колючие тернии были и есть и, кажется, вперед будут. Наш Никанор нисколько не исправляется, но еще хуже делается, а особенно против меня, я часто от него плачу, такие делает мне обиды, что несносно переносить от сына. Если я когда ударю без отца раза два или три чем-нибудь, то когда отец придет, он начнет жаловаться, что я его прибила, а отец начнет мне грозить двуххвостной; людей ругает, как хочет, а Авдотье довольно и достается кулаков ⟨...⟩*, а рос⟨том ст⟩ал ⟨Никанор⟩ очень высок, теперь играют с отцом в тентере⟨!⟩, а я в кабинете пишу. Жаль мальчишку, дарования имеет прекрасные, но во зло употребляет. Когда учился в училище, то взял новую географию, но я рада, что он ею занимается, и многие губернии затвердил наизусть, и еще читает медицинский список, только и хорошего тебе скажу о нашем буяне и повесе. Еще я забыла тебе сказать, Дмитрий Петрович говорил, что вы все трое имеете намерение после следующей вакации взять в Москву нашего повесу и Петю. Представь себе мою радость, я не знаю, как дождаться сего времени, чтобы избавиться неприятеля, если ты, мой друг, не вступишься в его положение, то отец его совсем испортит. Отец слегка проговаривал послать тебе денег, но у него теперь нет, то и погоди несколько. Костеньку исправник очень хвалит за его послушание и за исполнение приказаний. Бабушка, сестра тебе кланяются; мы все, слава богу, здоровы, живем попрежнему, попиваем, шумим, бранимся, срамимся. Прощай, мой друг, желаю тебе быть здоровому, береги свое здоровье, оно для меня драгоценно. Остаюсь мать твоя

Марья Белынская

Ноября 18 числа, середа.

42. БЕЛИНСКИЙ — К. Г. БЕЛИНСКОМУ

Москва 1831 года, ноября 21 дня

Любезный друг и брат
Константин Григорьевич!

Что за диковина такая? Кажется уже довольно много времени прошло после отправления моих писем, а ответа нет, как нет ни от кого! За что такая невнимательность ко мне, который и без того уже убит враждебными обстоятельствами? Уж не сердятся ли на меня Папинька и Маминька за то, что я, стесненный крайностию моих обстоятельств, осмелился обеспокоить их покорнейшею просьбою, в рассуждении присылки денег? Если так, то они могли бы или сами, или через тебя, изъявить мне письменно свое

---

* В этом месте письмо повреждено.

неудовольствие: в данном случае я, по крайней мере, знал ⟨бы⟩ о их ко мне нерасположении и не мучил бы себя пустой надеждою, которая каждый понедельник жестоко меня обманывает. Уж не случилось ли в нашем доме какого-нибудь несчастия, о котором вы медлите меня уведомить из опасения огорчить меня? Сохрани боже! Эта мысль тем более беспокоит меня, что и г-да Ивановы не получают так же ни одной строчки. Кажется, что все жители Чембара умерли; никто не показывает ни признака жизни! Не стыдно ли тебе последовать их примеру? Право, я не ожидал от тебя этого! Получил ли ты мои письма, книги, посланные тебе? Нравятся ли тебе последние, доволен ли ты ими? Здоров ли ты, счастлив ли ты, как проводишь ты свое время? Все ли благополучно в нашем доме, здоровы ли все наши родные и знакомые, что обо мне думают, как расположены ко мне? Что Чембар, какие в нем новости, какие перемены?— Вот вопросы, на которые я тщетно ожидал и ожидаю от тебя ответов! Меня все забывают, несмотря на то, что я всегда о них думаю, всегда их помню! Я много раз жаловался на такую, со стороны их, незаслуженную мною, холодность — и эта жалоба последняя!.. Пусть все оставят меня, забудут меня! Пусть я останусь один в этом мире!..

Теперь в Москве гостит государь император с государынею императрицею. Недавно уехал отсюда наследник. Государь был везде, кроме Университета!.. Даже Гимназия удостоилась его высокого посещения, а мы его уже и не ждем. У нас есть некто граф Панин, служащий при Университете в качестве помощника попечителя. Эта глупая и долговязая орясина (он ростом выше трех аршин) вздумала насильственным образом стричь на солдатский манер своекоштных студентов. Русаки все дались! Немцы, обругав и одурачив его, вышли из Университета! К довершению этих глупостей министр выдумал поселить своекоштных студентов в один дом, на таком основании, чтоб каждый из них внес единовременно 50 р. ас. и вносил бы каждую треть по 100 р. ас. и сверх того имел бы полную студенческую одежду, сшитую на свой кошт. Каково! Разумеется все отказались; иные потому, что не хотят добровольно идти на подобную каторгу, другие — по бедности. Теперь не знаем, чем это всё кончится. По всему видно, что Московскому Университету настает кончина!.. Вот тебе наши московские новости! Об себе до времени ничего не хочу писать, хотя и имею очень много кое-чего сказать... Заключаю мое письмо просьбою писать ко мне почаще; в противном случае — прощай! Не увидишь от меня ни строки! Кланяйся всем нашим. Прощай! Будь здоров и счастлив!

Твой брат
Виссарион Белинский

P. S. Посылаю тебе картину, позабыл отослать вместе с книгами; прилепи ее в избе для утешения и наслаждения эстетического вкуса ее обитателей. Еще прилагаю при сем Стихотворение А. Пушкина, написанное им к его жене, когда еще та была его невестою![1] Приложенные же при сем два стихотворения отдай Катерине Петровне; они примечательны тем, что написаны рукою сами⟨х⟩ сочинительниц: Тепловой и Лисицыной[2].

Надпись о получении: Получено 1831 года, декабря 25 дня в пяток по утру.

[1] Стихотворение Пушкина, приложенное к письму Белинского, не сохранилось. Очевидно это «Мадонна» («Не множеством картин старинных мастеров...»), напечатанная в «Сиротке», альманахе на 1831 г. (М., 1831, стр. 19—20) и перепечатанная в «Лит. газете», 1831, т. III, № 15, стр. 122.

[2] Серафима Теплова и Мария Лисицына — поэтессы 1830-х годов.

43. БЕЛИНСКИЙ — М. И. БЕЛИНСКОЙ

Москва, 1831 года, декабря 25 дня

Милостивая государыня
Маминька Марья Ивановна!

Пишу письмо сие на первый день праздника, с которым и поздравляю Вас и желаю Вам провести его в полном удовольствии. Вы пишете, чтобы я ходил к Марье Александровне Горн[1]; благодарю за совет; я бы не оставил его без должного внимания, если бы не препятствовало тому одно небольшое обстоятельство, а именно: неимение платья, не только приличного, но и никакого. Мундир мой за долговременную беспорочную службу я уволил почти в чистую; виц-мундир же едва держится на плечах, того и гляжу, что развалится. Может быть, через неделю или через две выдадут новый, но и в нем неприлично и даже невозможно явиться в порядочный дом. Я не знаю, что мне и делать. Деньги нужны, и идти за ними страх как не хочется. Станут выговаривать, почему я отстал прежде от их дома, в котором был только один раз. Если теперь пойти, то надобно будет и вперед ходить, а на всякий раз не напросишься у товарищей фраков. По причине неимения одежды я оставил дом Дурасова, где меня всегда принимали с лаской и приглашали несколько раз обедать. По этой же причине я оставил ходить к Анисимовым, которые предобрые и преласковые люди и которым я, сверх того, премного обязан. По этой же причине я не имею кондиций, которые бы мог достать. Так как папинька в Ломове, то я покуда и не пишу к нему. Вас благодарю за присланные деньги и покорнейше прошу попросить папиньку об исполнении моей просьбы, которою я его уже давно беспокоил. В деньгах мне крайняя, смертельная надобность и в самом скорейшем времени. Что же касается до Никанора, то об нем я теперь ничего не хочу ни писать, ни говорить, ибо вижу, что мой голос тщетно вопиет в пустыне; скажу только, и в последний раз, что посеянное взойдет, и плоды будут горьки для Сеятеля. Если я буду у вас на вакации, то возьму его в Москву, если это будет угодно папиньке. Там, без всяких строгостей и побой, я сделаю его совсем другим во всех отношениях. Прощайте.

Любящий Вас сын Ваш
Виссарион Белинский

Надпись о получении: Получено 1832 года, января 4 дня по полудни в 3 часу.

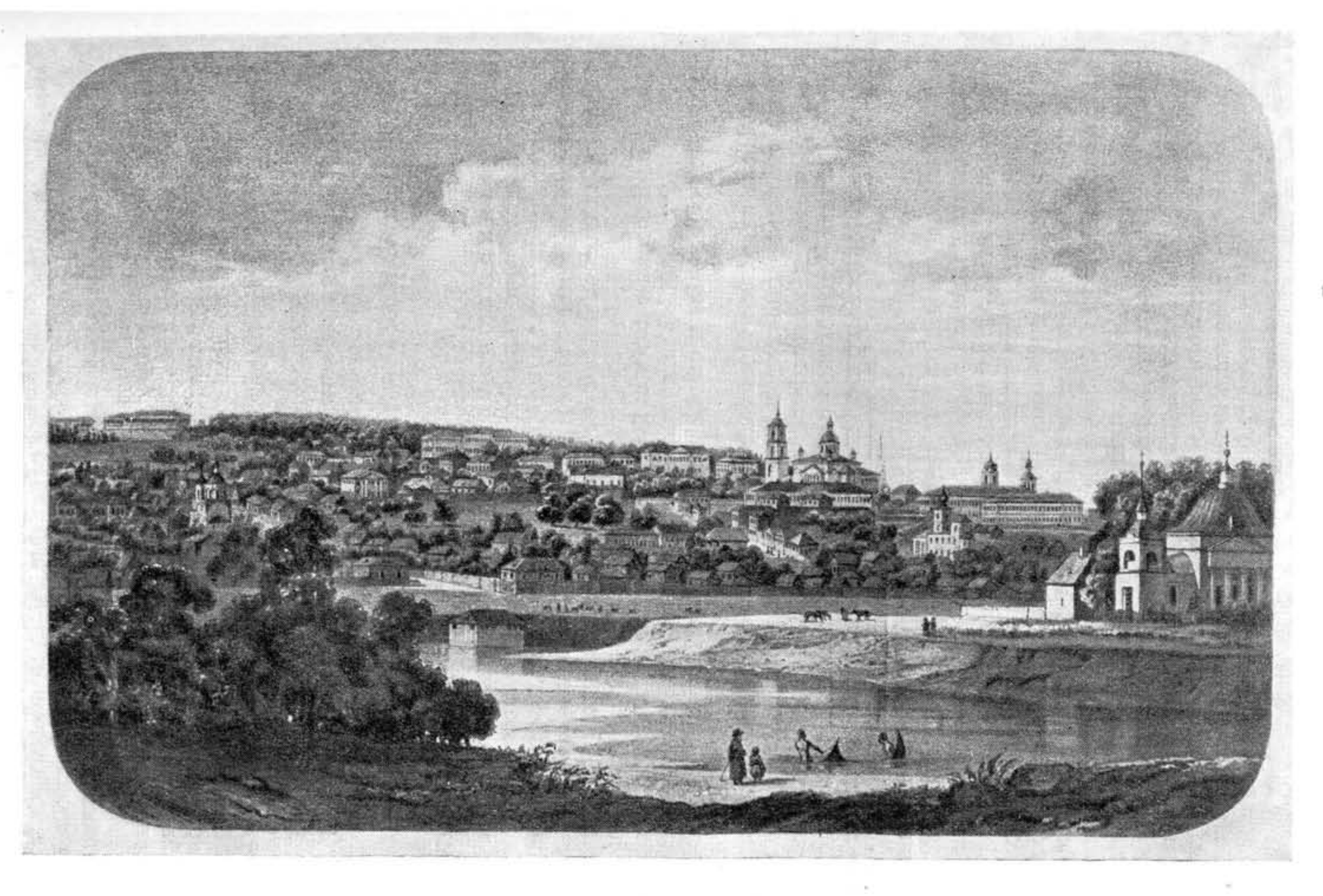
[1] Мария Александровна Горн — знакомая семьи Белинских.

44. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар, 1832 года, января 15 дня. Пяток. Утро.

Любезнейший братец
Виссарион Григорьевич!

Во-первых, поздравляю тебя с наступившим новым годом и желаю оный провесть благополучно и счастливо; во-вторых, уведомляю, что письмо твое от 21 ноября я получил вместе с картинкою и стихами 25 декабря в доме Петра Петровича, куда я ходил поздравлять с праздником р⟨ождества⟩ х⟨ристова⟩; второе письмо от 25 декабря я получил 4 января, в который день у нас был вечер, на котором были семейства гг. Мещериновых, Великопольских, секретарских Порфирия Дементьевича, Анфельца. Ты спрашиваешь, отчего ты получил письмо мое 24 декабря, когда оно

ПЕНЗА
Литография Шультца с рисунка И. Веркмейстера, 1850-е гг.
Русский музей, Ленинград

писано было 13 сентября; на сие отвечаю, что оное было приготовлено с Марьею Александровною Горн, но как немного опоздавши оно осталось; а почему я не написал еще с богдановскими людьми [1], причиною сему то, что я о том не знал, что они едут в Москву. Маменька просит тебя сходить к Горн и получить от оной 4 р. ас., которые даны были ей для выручения повозки; но как оную не выручили, то оные и остались у ней, которые получи и употреби себе в пользу. Папенька посылает тебе 15 р. ас. и просит, чтобы оных не терять зря, потому что у него мало осталось денег и сверх оного еще должен Лебедеву и Ляминцову.

Уведомляю тебя, что я получил жалованья 14 р. ас., из которого и посылаю тебе 5 р. ас., которые вместе с папенькиными тебе пригодятся ⟨...⟩

К нам в Чембар приезжал губернатор, который посетил все места и нагонял порядком стряпчего Васильева; к счастью его, что папеньки не было дома! Секретаря Семенова также, что он знаком с Бахусом, и велел выходить в отставку; Земским судом (может быть) остался бы доволен, если бы не холод, который согнал его с места из присутствия; вышедши из оного и ставши в дверях, говорил: «Ах, как я озяб; они, кажется, нарочно не топили, чтобы скорее я ушел».

За присланные стихи и картинку благодарю тебя чувствительно и прошу при оказии еще присылать стихов и своего сочинения и нельзя ли прислать свою трагедию, которую я горю нетерпением прочесть, равно и Листок, в котором есть продолжение и окончание повести: Фельдфебель потсдамской гвардии, чем много одолжишь мне; если нельзя прислать и достать, то напиши мне о том.

Новостей в Чембаре почти никаких нет, равно и перемен, о которых ты писал, чтобы я уведомил, как то, что святки были скучны ⟨...⟩

О себе тебе скажу, что я время провожу покуда с книгами не скучно, в свободное мне от должности время ⟨...⟩

Маменька, бабушка и сестра и все наши домашние кланяются тебе и желают тебе здравия и благополучия. Уведоми меня о всех вышедших журналах на 1832-й год и новостях, о которых ты никогда мне не пишешь. Еще уведоми, твоего ли сочинения библиография, напечатанная в 39 № Листка, а именно: Наложница, соч. Боратынского.

Итак, до следующего случая. Прощай! Желаю тебе всего того, чего могу желать, остаюсь любящий тебя брат твой

Константин Белинский

P. S. Прошу тебя при оказии присылать писанных стихов, которых, я думаю, у тебя довольно, чем много одолжишь твоего брата Константина Белинского.

По твоим справедливым советам я оставил сочинять стихи, которых у меня большое количество и которые все хранятся для твоего приезда к нам, которого я жду с нетерпением. О домашних обстоятельствах уведомляю тебя, что они все попрежнему, только то, что наняли кучера, анфельцова человека, которому платим 60 р. ас. в год на его одежде, кроме сапог.

Папенька очень удивляется, что ты, живя на казенном коште, не имеешь одежды и часто просишь денег. «Зачем (говорит он) ему деньги, когда он на казенном содержании». О Никаноре скажу тебе, что последние твои о нем слова на него подействовали, а особливо, что ты хочешь взять его в Москву, что ему очень приятно; в 11 день января я отвел его в училище, куда он с удовольствием ходит и рано; не знаю, что будет вперед, а теперь покуда хорошо! Он собирает себе библиотеку, для которой и сделан ему большой сундук, в который может поместиться книг 70-т ⟨...⟩

В опускаемой части письма К. Г. Белинский рассказывает о своем праздничном времяпрепровождении и сообщает подробности чембарской жизни.

Упоминаются: Анфельц, Г. Н. Белинский, А. Берх, Великопольские, Кугушевы, В. Л. Лазовская, Мещеринов, А. И. Красовский, П. Д. Юрьев и Яворский.

[1] «Богдановские люди» — крестьяне помещиков Богдановых, родственников Мосоловых, владельцев села Балкашино.

45. Е. П. ИВАНОВА — БЕЛИНСКОМУ

Чембар, 19 января ‹1832 г.›

Я всегда в долгу у вас, Виссарион Григорьевич, и потому почти каждое письмо начинаю извинениями. И сие следовало бы начать тем же, ежели бы я не имела во все это время таких неприятностей, которые совершенно лишали меня способности заняться особливо чем-нибудь приятным. В первую поездку богдановых людей я непременно хотела и собиралась вам отправить письмо, такое длинное как женский волос; но неожиданно собрались ехать в Керенск, что и расстроило мои планы. И теперь едва успеваю вам сказать что-нибудь. Кажется, вам писал Константин Григ‹орьевич›, что мы предположили с ним заниматься вместе и изучать правила нашего языка. Я знаю, что вы похвалите наше намерение. Но, к несчастью нашему, теперь столько препятствий к исполнению этого, что я даже не надеюсь, чтоб удалось удовлетворить наше желание. Я выполнила одно по вашему письму: бранила, уговаривала Никанорочку. Он теперь, кажется, исправляется, ваши советы подействовали на него, он начал ходить в училище, и Петенька наш уверяет, что он занимается хорошо. Что касается до А‹лександры› Г‹ригорьевны›, я желала бы многого для нее, но сделать какую пользу ей я не умею, и прошу вас, не пишите вперед к ней подобных наставлений насчет меня, она уж не маленькая, и я боюсь, как бы не навлечь на себя неудовольствие через это. Простите мне это маранье, в скором времени я напишу к вам больше и разборчивее. Искренно любящая и уважающая вас

Катерина Иванова

46. БЕЛИНСКИЙ — К. Г. БЕЛИНСКОМУ

Рукою Д. П. Иванова:

Москва, генваря 27 дня 1832 года

Любезный братец
Константин Григорьевич.

Во-первых, прошу тебя засвидетельствовать Папиньке и Маминьке мое почтение ‹и› искреннейшую благодарность за присланные ими мне деньги 15 р. ас.; во-вторых, и тебя благодарю за это же. Вы с маминькой, с своею госпожею Горн и с 4 руб. ввели меня в величайшие хлопоты и неудовольствия. Итти мне никак не хотелось, ибо для этого мне нужно было со всего мира сбирать одежду; но нужда в деньгах заставила меня решиться на это. Итак, я взял у г. Ишутина панталоны и жилет, а у Дмитрия Петровича фрак и проч., да еще калоши, а у Алексея Петровича шинель и картуз. Это было на второй день праздника Р. Х., день был морозный, холодный до крайности. Я хотел занять денег на извозчика, ибо итти мне нужно было, по крайней мере, версты три. К счастию, что ни у кого не было их, и мне никто не дал. Являюсь к Горн, и хотя чужое платье было и не совсем по мне, однакоже я не уронил себя. Сын ее расцеловался со мною, как со старинным знакомым, и повел меня в гостиную к своей матери, которая сначала меня не узнала. Я говорил с нею и о том, и о сем, а об деньгах не решался упомянуть, ибо ждал, чтобы она сама мне их вручила. Наконец,

я увидел, что уже пора убираться во-свояси, вручил ей письма, простился и ушел. Она оставляла меня обедать, но я не остался, ибо мне нужны были деньги, а не обед ее. Вышедши, позабыл калоши. На другой день я пишу записку к ее сыну, в которой прошу его напомнить своей маминьке о моих деньгах и чтобы он велел отдать калоши, и записку сию послал с сапожником, который стоит на квартире у Алексея Петровича. Какой же я ответ получил? Сына ее не было дома и потому записку прочла она сама и сказала, что целковый она возвратила моей маминьке и что если бы деньги были у ней, то она бы и без записки сама отдала бы мне. Потом стали искать калоши, но они сплыли, и след пропал. Не прикажете ли теперь еще сходить к г-же Горн за целковым?

Ты пишешь, что папинька удивляется, что я, живя на казенном коште, нуждаюсь в одежде, и говорит зачем ему деньги, когда он на казенном содержании? Теперь я об этом кое-что хочу сказать. Папинька, я думаю, видел мою казенную шинель, сквозь которую можно сеять ржаную муку: она дается на целой курс, ее должно носить и летом и зимою, иногда в морозы градусов тридцать с лишком. Как это полезно для здоровья! Хвала и честь казенному кошту! Сюртуки форменные даются каждый год; но так как они обыкновенно шьются из гнилого сукна, то месяца за два до выдачи новых, все щеголяют с разодранными локтями и лифами, с изорванными в куски панталонами, в которых, как в Критском лабиринте, сперва по получасу блуждают, а потом уже находят настоящую дорогу. Срамоту штанов своих едва-едва прикрывают порыжелыми полами сюртука. Сапоги иногда попадутся такие, что становятся чуть не на полгода; а иногда такие, что на другой же день прорываются, и тут-то пойдут починки; а ты сиди дома босиком, да жди, когда починят. Например, у меня теперь осталась одна рубашка и подштанники, нельзя сходить в баню, а белье обыкновенно выдается в великом посту. Одним словом: хвала и честь казенному житью! Настоящая каторга! Пообедаешь в два часа, изволь ужинать в 8. Если пойдешь поужинаешь, то целую ночь не поспишь от желудка, а не пойдешь, так часов в десять в брюхе забурчит: ура! Будь надобность самая крайняя, нужно сделать что-нибудь необходимое, ударит 10 часов вечера, ложись спать, а коли остался, так таковой поступок внесут в черную книгу и причислят к числу государственных бунтовщиков. Можно безо всякой вины, иногда за проступок другого, улететь в солдаты. Прелесть да и только!

Уведомляю тебя еще, что я 5 числа сего месяца захворал, почувствовал вдруг сильный лихорадочный озноб, ночью же метался от жару; на крещенье опять меня трясло, а ночью был жар; на другой же день лихорадка отстала и сделался сильнейший жар в голове и шее и маленький кашель. Чуть немного кашляну, а в голову словно кто обухом ударит; наконец, и это прошло, а сделался сильнейший кашель, особенно мучивший меня ночью и сильная боль в груди, что и заставило меня 10 числа поступить в больницу, в которой и поныне нахожусь и, может быть, еще столько же или и более пробуду. Название моей болезни: Catarrus pulmonalis chronicus cum febri irregulari. Мне приставляли к груди, около самой шеи, 10 пиявок; клали на спину emplastrum diaforeticum; он в скором времени покрыл мою спину волдырями, гнойными угрями и прочими прелестями; теперь я ношу на спине уже другой животный ⟨?⟩ пластырь; а на грудь положили опять emplastrum diaforeticum. Он уже порядочно нарвал мне грудь. Теперь поправляют мой желудок; ибо язык у меня похож на скверную размоченную в лохани подошву. Более нежели полторы недели я в день съедал иногда по четверти, а иногда по полуфунту хлеба, теперь аппетит поправился, и я каждый день съедаю по фунту пеклеванного хлеба, а иногда сверх этого съедаю свою порцию супа с курицей. Один раз аппетит был так худ, что мне выписывали печеные яблоки, но и тех не мог есть.

Теперь в больнице большие перемены: вместо покойника и ханжи Мудрова [1], директором больницы сделан Дядьковский [2], человек с большими по своей части познаниями и превосходнейший лекарь; а вместо буйвола грубого Страхова, ординатором сделан доктор Армфильд [3]. Оба они со мною обходятся прекрасно. Как жаль, что мало места, описать еще много остается. Да делать нечего. Замечу на конце, что ты много пишешь вздору, а мало дела. Например: В. Л. Лазовская у тебя как с неба свалилась; пишешь, что ты ходил в дом П⟨етра⟩ Петровича поздравлять с праздником, а не пишешь кого. Остаюсь любящий тебя брат твой

Виссарион Белинский

И забыл было сказать, что я чрезвычайно ослаб и редко схожу с постели, на которой отлежал себе и бока, и бедры, и спину ⟨...⟩

Кляняйся бабушке Дарье Евсеевне и всем знакомым, родным и домашним.

Приписка Д. П. Иванова:

Не ожидал от друга моего Константина Григорьевича такой забывчивости: в письме своем ты не упоминаешь ни слова о наших домашних ⟨?⟩ и нам ничего. Не осердись, что ежели напомню тебе стих Пушкина до черного дня... Засвидетельствуй мое искреннейшее почтенье твоим домашним.

Дмитрий Иванов

Надпись о получении: Получено 6 февраля, 1832 года, в субботу с почтой.

[1] Матвей Яковлевич Мудров (1772—1831) — профессор патологии, терапии и клиники в Московском университете; умер от холеры.

[2] Иустин Евдокимович Дядьковский (1784—1841) — профессор терапии, с 9 октября 1831 г. директор Терапевтической клиники Московского университета; выдающийся врач-практик, автор научных трудов, в которых дана оригинальная разработка важнейших вопросов медицины. О знакомстве его с Белинским см. в «Лит. наследстве», т. 56, стр. 274—277.

[3] Александр Осипович Армфельд (1806—1868) — ординатор в университетской больнице, впоследствии доктор медицины и профессор Московского университета.

47. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар, 1832 года, января 28 дня, четверток

Любезнейший братец
Виссарион Григорьевич!

Причина, что не послал с богдановскими людьми письма, есть та, что они нечаянно выехали ночью и заезжали в дом Петра Петровича, где все уже спали. Я прихожу на другой день, то есть поутру, и узнаю оное и весьма сожалел о сем случае, чрез который даже и Катерина Петровна не успела написать большого письма. Уведомляю тебя, что я купил себе книгу: сочинения И. Ф. Богдановича в двух частях; в первой помещена статья о Богдановиче и его сочинениях, написанная Николаем Михайловичем Карамзиным, и повесть Душенька с примечаниями на конце, во второй — сначала поэмы: Сугубое блаженство, в трех песнях, Блаженство народов, На разрушение Лиссабона, сочиненная Волтером, Добромысл, старинная повесть в стих⟨ах⟩, потом разные стихотворения, в числе которых есть две пиэсы: Волтера и Мармонтеля, на конце загадки и басни; сверх сего с портретом автора, виньетами и в самом лучшем, кожаном переплете, заплачено 4 р. ас. Теперь посуди сам хорошенько о достоинстве и цене сей книги, у которой только очень плоха бумага и печать.

Я справлялся с реестром, чрез который узнал, что оная в четырех частях без Душеньки стоит 34 р. ас. Папенька сперва не верил, чтобы я заплатил 4 р. ас. «Он (говорил он) отдал все свое жалованье, она стоит 20 р. ас.». Теперь, описавши все подробно, прошу у тебя совета, разыграть мне на лотерее или оставить у себя, потому что оная не нравится мне бумагою, которая прескверная и в некоторых местах, как флер, и есть дыры, чрез которые нельзя понять материи, печать же очень не чиста и не видна, во многих местах нельзя ничего разобрать. Если же я разыграю и возьму за билет 1 р. ас., которых я могу сделать хотя 10, то составит мне барыша 6 р. ас., а то, смотря по числу подписчиков, можно сделать и более, из которых я могу купить себе две и три хорошие книги, а остальные 5 р. ас. на одежду. Вот видишь, какую пользу может принести мне лотерея! Теперь прошу мне о сем написать, что ты мне присоветуешь делать, я так и буду ⟨...⟩

Степан Макарович Котельников находится ныне в Поиме, куда его перевел управляющий Карташев в подвальные. Я собираюсь к нему съездить и взять у него мои книги: Мальчик у ручья Коцебу и стихотворение г. Жуковского Двенадцать спящих дев, а ему отдать его Московский журнал, изданный Карамзиным на 1791-й год, 4-я часть, в которой есть Письма русского путешественника, то-есть издателя. С каким удовольствием я их читал, перечитывал и несколько отрывков списывал! Чрез его письма я имею большое понятие о Иоанне Каспаре Лафатере, о сем знаменитом писателе швейцарском. У меня есть твоего сочинения Рассуждение под заглавием: П. Л. Доброе воспитание всего нужнее для молодых людей, которое написано тобою в 1829 году, 12 декабря, и написано прекрасно [1]. Я несколько раз читал, перечитывал и поныне читаю с большим удовольствием. Как бы я желал, чтобы оно было напечатано в Телескопе!! который я имел честь читать и списывать стихи. Ах! и забыл было! Я писал тебе, что купил сочинения Богдановича за 4 р. ас., но сверх оных вприбавок 3 № журналов: 2 Сына Отечества, в которых есть литература: Изображение санскритской литературы, жаль, что не все! Записки о Франции и словесность: О действии словесности и искусств на характер народа. Изданный Гречем и Булгариным, на 1827-й год; 3-й № Вестник Европы, 1811 года, где есть седьмая песнь Илиады, перевод Кострова. Вот видишь ли, что у меня ныне есть хорошего! Ежели бы получал хотя 5 р. ас. в месяц жалованья, то было бы и более. Что еще писать тебе и о чем уведомить? Никак то, что М. Е. Синенкова из Симбирска с матерью своею Анною Степановною приехала в Чембар и живут теперь в доме Федорова, за которым акушерка Дарья Петровна.

Любезнейший братец! Нельзя ли тебе будет достать реестр книгам 1830 года или 1831, чем много одолжишь мне. Мне хочется при случае имения деньжонок покупать новые по оному книги, чрез тебя. Пожалуйста, о всем мною просимом меня удовлетвори; я, с своей стороны, не оставлю оное без благодарности, а при случае докажу по силе моего состояния и на деле.

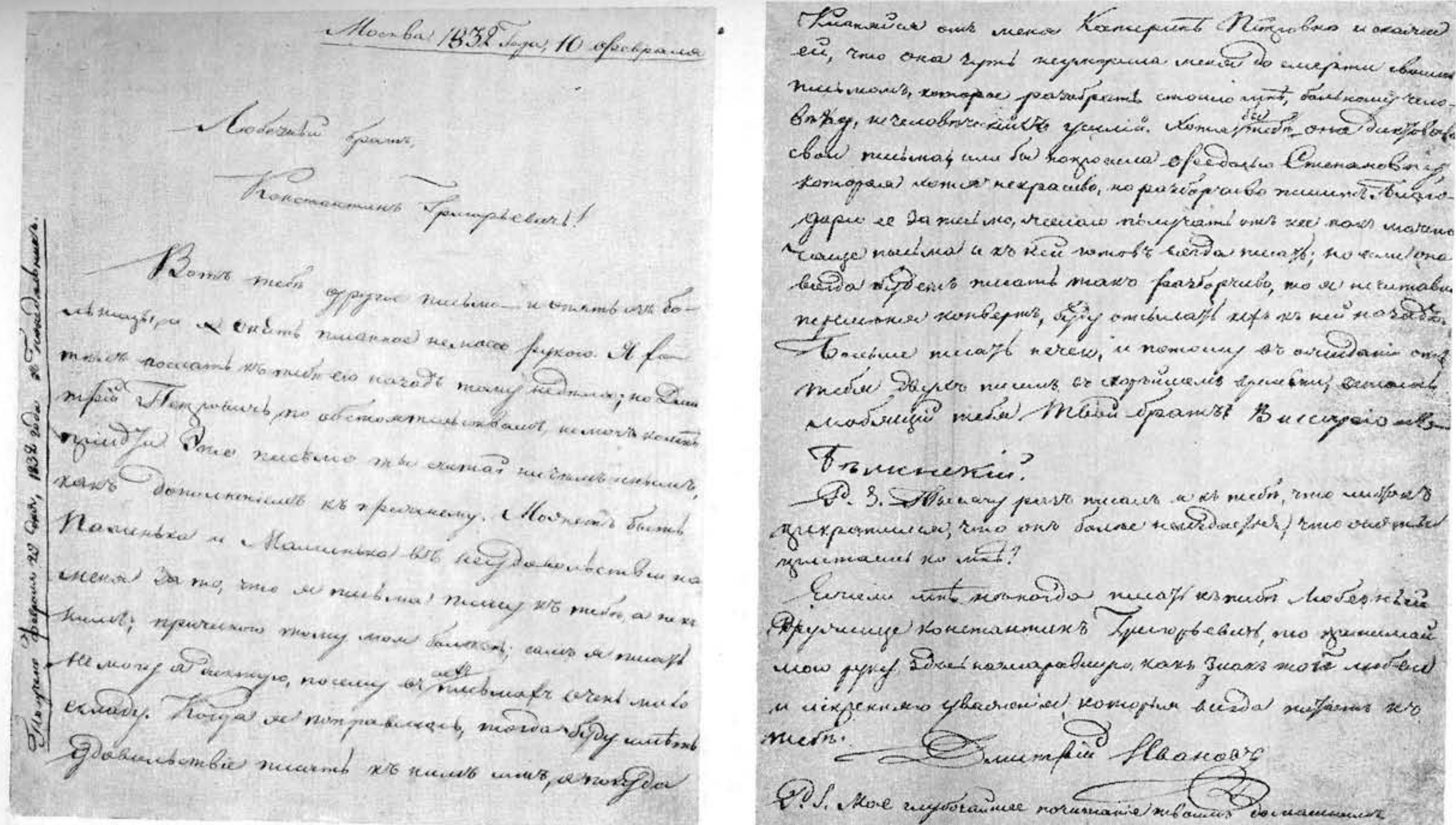
Итак, писать больше нечего. Остаюсь любящий тебя брат твой

Константин Белинский

P. S. Домашние наши все тебе кланяются и желают благополучия, и еще, что я тебя часто вижу во сне дома, приехавшим. Дай бог, чтобы все сбылось!

В опускаемой части письма К. Г. Белинский извещает о женитьбе П. Екимова; передает подробности о поведении брата Никанора.

Упоминаются: А. Данильевна, Н. Г. Белинский, П. Екимов, П. Е. Максютов и П. Д. Юрьев.

Москва 1832 года, 10 февраля

Любезный братъ,

Константинъ Григорьевичъ!

Дмитрий Иванов

ПИСЬМО БЕЛИНСКОГО К БРАТУ КОНСТАНТИНУ ОТ 10 ФЕВРАЛЯ 1832 г.
Написано рукою Д. П. Иванова. Белинскому принадлежит только подпись
Страницы первая и последняя
Институт русской литературы АН СССР. Ленинград

[1] «Рассуждение» о воспитании впервые опубликовано в «Лит. наследстве», т. 55, 1948, стр. 291—296. Об этом сочинении Белинского см. в книге В. С. Нечаевой «В. Г. Белинский. Начало жизненного пути и литературной деятельности», М., 1949, стр. 298 — 306.

48. БЕЛИНСКИЙ — К. Г. БЕЛИНСКОМУ

Рукою Д. П. Иванова:

Москва, 1832 года, 10 февраля

Любезный брат,
Константин Григорьевич!

Вот тебе другое письмо — и опять из больницы, и опять писанное не моею рукою. Я хотел послать к тебе его назад тому неделю; но Дмитрий Петрович, по обстоятельствам, не мог ко мне придти. Это письмо ты считай не чем иным, как дополнением к прежнему. Может быть Папинька и Маминька в неудовольствии на меня за то, что я письма пишу к тебе, а не к ним; причиною тому моя болезнь; сам я писать не могу, а диктую, посему в сих письмах очень мало складу. Когда я поправлюсь, тогда буду иметь удовольствие писать к ним сам, а покуда они могут узнать о моих обстоятельствах (ежели они для них любопытны) из твоих писем. Болезнь моя ни мало не уменьшается. Дядьковский называет ее ж е л у д о ч н о - ж ё л ч н о ю, ибо у меня болит печень, от чего и происходит неправильное отделение желчи и по этому самому по сию пору, при всех стараниях, не могут поправить моего желудка. Боль в груди также продолжается, равно как и небольшой кашель ⟨...⟩ Не подумай, чтобы я много ел; стол мой состоит из фунта пеклеванного хлеба и порции коклет, сделанных из телятины, тогда как прочие больные каждый выписывает по две порции разного кушанья и полтора фунта хлеба. Хотя боль в печени и не велика, однако чувствительна. В августе прошедшего года у меня была жестокая колика в правом боку, где оканчиваются ребра; это значит, что в печени было воспаление. Студентов казенных в больнице довольно; по большей части страждут простудными болезнями, как то: ревматизмом, кашлем и грудью. И всё это от казенных шинелей. Честь и слава казенному кошту!

Кроме описанных болезней, меня посещает иногда легкая лихорадочка. Пароксизмы самые сносные; озноб состоит в подирании по коже морозом, а жар бывает только в голове и лице. Вечером же я аккуратно каждый день бываю в жару, который не слишком силен и не слишком слаб и довольно порядочно меня мучает.

Я намекнул тебе в прошедший раз, что в твоем письме много вздору и мало дела; например, почему бы тебе не уведомить меня, по какой причине Папинька ездил в Ломов, и когда он туда отправился, и когда домой воротился, и хорошо ли ему там было и проч.? Ты пишешь, что на рождество ты ходил в дом Петра Петровича поздравлять с праздником — кого же? Из семейства никого не было дома, следовательно дворню. Пожалуйста пиши пообстоятельнее. Кланяйся от меня Катерине Петровне и скажи ей, что она чуть не уморила меня до смерти своим письмом, которое разобрать стоило мне, больному человеку, нечеловеческих усилий[1]. Хотя бы тебе она диктовала свои письма или бы попросила Федосью Степановну, которая хотя некрасиво, но разборчиво пишет. Благодарю ее за письмо, желаю получать от нее как можно чаще письма и к ней готов всегда писать, но если она всегда будет писать так разборчиво, то я, не читавши, переменя конверт, буду отсылать их к ней назад. Больше писать нечего и потому, в ожидании от тебя двух писем в скорейшем времени, остаюсь любящий тебя твой брат

Виссарион Белинский

P. S. Тысячу раз писал я к тебе, что Листок прекратился, что он более не издается, что же ты пристаешь ко мне?

Приписка Д. П. Иванова:

Ежели мне некогда писать к тебе, любезный дружище Константин Григорьевич, то принимай мою руку, здесь намаравшую, как знак той любви и искреннего уважения, которые всегда питает к тебе

Дмитрий Иванов.

P. S. Мое глубочайшее почитание твоим домашним.

Надпись о получении письма: Получено февраля 29 дня, 1832 года, в понедельник.

[1] Письмо Е. П. Ивановой к Белинскому от 19 января 1832 г. (письмо № 45).

49. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар, 1832 года, февраля 11 дня

Любезнейший братец
Виссарион Григорьевич!

Письмо твое от 27 января я получил 6 февраля, которым ты уведомляешь меня о полученных тобою деньгах и о том, что ты ныне по причине болезни находишься в больнице, что меня много огорчило и заставило о тебе день и ночь соболезновать; я даже не рад был и письму, полученному мною с почты.

Когда оное было получено, маменьки не было дома, она поехала в Зубриловку к Ивану Осиповичу[1], г-ну Штерну и Варваре Савельевне, где и теперь находится. Я с Ляминцовым послал тебе письмо, в котором уведомил тебя о купленной мною у Черноусова книге: сочинения Богдановича, заплаченной 4 р. ас. Ежели оное получил, то уведоми, пожалуйста.

Так как богдановские люди едут скоро, то я и спешу скорее письмо сие окончить, чтоб и оно, по примеру прежних, не осталось. Поклонись от меня Алексею Петровичу. Итак, пожелав тебе благополучного выздоровления и после писать ко мне. Прощай! Брат твой

Константин Белинский

⟨...⟩

В опускаемой части письма сообщение о замужестве М. Е. Синенковой.

[1] Иван Осипович Каменский, см. прим. к письму № 7.

50. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар, Марта 3 дня 1832 года

Любезнейший братец
Виссарион Григорьевич!

Письма твои от 10 февраля я получил 29 оного месяца в доме Петра Петровича, куда я приходил из Суда, и вижу, что Катерина Петровна читает письма Дмитрия Петровича, очень обрадовался и, взявши твои письма ко мне, пошел домой. Первым ты уведомляешь, что все еще находишься в больнице и что болезнь твоя нимало не уменьшается, что меня огорчило и всех наших домашних ⟨...⟩

Вторым уведомляешь о полученном тобою от меня письме от 28 января и о разыгрании мне на лотерее Богдановича сочинения, что я 1 марта и написал лотерейный лист, но еще никому не давал подписывать, и о том, что

книги покупать выгоднее на Толкуне, около Кремлевского сада, и в трактирах, нежели по каталогам из лавок, что я сам узнал бывши в Москве и покупавши ⟨...⟩

Я ⟨...⟩ читал газеты и Альманах Булгарина драматический, в котором имел удовольствие видеть портрет нашего знаменитого драматического писателя* ⟨...⟩

О Никаноре скажу, что он понемногу продолжает свои науки, в числе оных и латинским языком.

Итак прощай! Будь здоров и счастлив, твой брат

К. Белинский

В опускаемой части письма К. Г. Белинский сообщает о поездке отца в Ломово, о прибытии в Поим нового управляющего; описывает свое времяпрепровождение и поездку семьи Белинских в Поим.

Упоминаются: Г. Н. Белинский, Н. Д. Брычев, Дельсаль, Дьяконов, В. Ф. и К. И. Емельяновы, Д. П., П. П. и Ф. С. Ивановы, В. С. и И. О. Каменские и Кезе.

51. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар, 1832 года, 3 марта

Любезнейший братец
Виссарион Григорьевич!

Вот тебе и другое письмо, которым уведомляю тебя, что у нас в суде учреждено секретарем Юрьевым повытье ⟨...⟩

О Никаноре еще скажу, что он ныне так же буянит и ругается...

Прощай! Желаю выздоровления и писать ко мне письма, которых буду ожидать. Брат твой

Константин Белинский

Приписка М. И. Белинской:

Милый мой Виссарион Григорьевич, слишком для меня чувствительна твоя болезнь, я молю бога, чтобы он тебя облегчил; я буду отца просить, чтобы он тебе послал к пасхе рублей 10. Желаю, мой друг, тебе настоящего здоровья, более недосуг писать, четверг, народу пропасть. Остаюсь многолюбящая мать твоя

Марья Белынская

В опускаемой части письма перечисляются повытчики Чембарского уездного суда и их обязанности.

Упоминаются: Архангельский, Асновин, И. М. Декартов, Иванов, Ионов, Мухины, Надеждин, Рацул, Теселнин, Тюменев, А. А. Чембулатов и Щеглов.

52. БЕЛИНСКИЙ — Г. Н., М. И. и К. Г. БЕЛИНСКИМ

Москва 1832 года. Марта 30 дня

Милостивые Государи
Папинька Григорий Никифорович
и Маминька Марья Ивановна!

Поздравляю Вас с наступающим праздником воскресения христова; желаю душевно, чтобы Вы провели его в веселии, мире и согласии. Я нахожусь еще в больнице и по странному ходу моей застарелой, упорной болезни не надеюсь выздороветь прежде июня. Теперь, повидимому, мне несколько лучше; но я и прежде чувствовал по временам облегчение. Довольно помогла мне молочная сыворотка (serum lactis); но не знаю, почему-то ее оставили; потом я принимал в воде содовые порошки ⟨...⟩ Нако-

* к⟨н⟩. А. А. Шаховского. — Прим. К. Белинского.

нец мне прописали пилюли с каломелем и чай, составленный из коневьего щавеля, солодкового корня и разных слабящих средств. Пилюли и чай помогли, но вдруг у меня сделалась жестокая резь в животе, почему мне и велели оставить пилюли и положили на живот какой-то пластырь; теперь я не принимаю никаких лекарств, кроме мази, которую втираю в живот. Теперь язык мой начинает очищаться; аппетит еще плох; пульс слаб, и вообще я чувствую во всем теле расслабление; не только не могу вслух читать, но даже и говорить много: тотчас возьмет одышка; лихорадка давно

Ф. С. ИВАНОВА
Раскрашенная фотография 1850-х гг. с утраченного акварельного портрета К. А. Горбунова 1840-х гг.
Литературный музей, Москва

уже распрощалась со мною; в груди не чувствую прежней боли; только проклятый кашель не отстает. За неделю до масленой сделался у меня в паху левой руки нарыв. То-то помучился я с ним! Бывало целую ночь не даст уснуть. Его нарывали разными ароматическими припарками, и он недели через три сделался величиною в куриное яйцо, потом прорвался; я вставлял в отверстие турунды с спуском и, наконец, он прошел. Вот как я живу! Выздороветь не отчаиваюсь; только видно еще месяца два придется подежурить в больнице. Так ⟨как⟩ более нечего и не о чем писать, то и имею честь остаться почитающим и любящим Вас Вашим сыном.

Виссарион Белинский

Любезный братец
Константин Григорьевич!

Последнее письмо твое от 3 марта я получил. Странное дело: почему ты не хочешь растолковать мне истории целкового, якобы посланного мне с г-жею Горн? Я, кажется, довольно настоятельно требовал от тебя объяснения, касательного этого предмета. Или пиши ко мне о том, о чем я прошу тебя, или совсем не пиши ко мне. Благодарю тебя — ты знаешь за что. Когда буду в состоянии, постараюсь отблагодарить делом, а не пустыми словами. Ты пишешь, что Управляющим в Поиме сделан К. И. Емельянов, Папинькин старинный приятель и кум, а между тем не говоришь К. И. крестил у Папиньки кого-нибудь из нас, или Папинька крестил у К. И. Ты пишешь, что Маминька ездила в гости к И⟨вану⟩ Осиповичу и Варваре Савельевне в Зубриловку, а между тем не объясняешь, каким образом, по какому случаю и давно ли Иван Осипович находится в Зубриловке. Посуди сам: можно ли писать письма с бо́льшею неосновательностию, неясностью и пустотою? На каждую страницу письма твоего нужен целый лист комментарий. На что это похоже? Я, кажется, просил тебя писать пообстоятельнее. Я совсем не интересуюсь знать, что коллежский регистратор Павел Екимов женился на чьей-то свояченице, ибо я ни Павла Екимова, ни Порфирия Дементьевича, ни А. Даниловны совсем не имею чести знать. Я просил тебя писать мне об людях мною знаемых; а ты пишешь обо всяких вздорах, а об деле уведомить не хочешь.

Вот тебе вместо красного яйца целая проповедь; прочти ее повнимательнее и исправься.

Твой брат Виссарион Белинский

P. S. При оказии пришлю тебе целую книгу стихов (писанных) ⟨...⟩* и новых и старых.

Приписки Д. П. Иванова:

⟨1⟩ Извините, что на таком малом пространстве бумаги досталось засвидетельствовать свое обширнейшее и глубочайшее почтение Вашему усердному внуку.

Дмитрий Иванов

⟨2⟩ ⟨Хочу⟩ хотя вкратце, любезный друг Константин Григорьевич, пожелать тебе доброго здоровья и поблагодарить за твои письма, исполненные истинно важными для ⟨...⟩*. Чембарский суд в письме друга ⟨?⟩ je ne sais comment répondre à tant de ⟨...⟩*

Дмитрий Иванов

53. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар. 1832 года, апреля 1 дня. Весна

Любезнейший братец
Виссарион Григорьевич!

Твое положение, в котором ты находишься, заставляет меня с маменькой более о тебе думать и вместе сожалеть. Чрез письмо Дмитрия Петровича к своим я узнал, что ты все еще находишься в больнице и надеешься или так полагаешь, что из оной выйдешь не ранее мая месяца. Известие сие много меня с маменькой огорчило, которая во весь тот день пропла-

* В подлиннике оборван угол.

кала. Тщетно я ожидал от тебя письма, чрез которое надеялся получить радостное известие о твоем выздоровлении, которое для нас драгоценно. Я послал тебе два письма марта 3 дня, в которых уведомил и сделал удовлетворительный ответ на твой вопрос о папенькиной поездке в Ломов и о новостях чембарских. Папенька по просьбе маменькиной посылает тебе 5 р. ас., также я и бабушка, всего 15 р. ас., которые тебе к пасхе пригодятся и будут полезны в твоем положении. Уведомляю тебя, что Богдановича я разыграл, к которому прибавил еще две книги: драму Ложный друг и Географию Российской империи, за все оные книги получил 14 р. ас. Еще уведомляю, что с нами познакомился Иван Алексеевич Дьяконов, которому и достались Богдановича сочинения и драма, а География — Варваре Федоровне Емельяновой. Я у него беру читать книги, а ему давал Листок, который ему понравился, как и твои произведения. Более о сем писать теперь не стану, надеюсь увидеть тебя в мае месяце самого, тогда лично тебе все расскажу, а теперь уведомлю тебя, что папенька хочет тебя взять домой, где ты скорей можешь выздороветь, то ты и уведоми нас поподробнее, пустят ли тебя прежде назначенного времени к отпуску на вакацию домой и как будет выгоднее, там ли тебе приискать посредством Дмитрия Петровича попутчика или мне ехать с Васильем на своих лошадях по просухе; то я бы мог и повозку возвратить, которая, к сожалению, должна пропасть. А то нельзя ли попросить Богданова, который теперь в Москве, не возьмет ли он тебя с собою. Папенька вылечил его девку, за которую не получил в благодарность ничего, и потому он, может быть, и вспомнит сие и возьмет, чтоб тем загладить свою к папеньке неблагодарность за его труды. Пожалуйста, уведоми о вышепрописанном подробнее, что клонится к твоей же пользе. Ежели ты найдешь там себе попутчика или возьмет Богданов, то папенька пришлет тебе денег, равно и я не оставлю, ежели случатся любезные финансы.

Подивись и вместе порадуйся: сестра учится на гитаре у Терентия Матвеевича Соколова, которому папенька платит 10 р. ас. в месяц. Она довольно выучилась играть песен.

Ты объясни своим начальникам, что так как у тебя родитель сам штаблекарь, то он и желает лечить тебя дома, где к тому способнее, тем более, что ты можешь удовлетворять всякому твоему желанию в рассуждении пищи и питья, идущие к твоей болезни, и что ты будешь находиться в кругу своего семейства, так много тебя любящего, где один свободный воздух может иметь влияние на твою болезнь. Поклонись от меня Алексею Петровичу и Дмитрию Петровичу и попроси их от моего имени, чтоб они постарались о приискании тебе попутчика, за что не премину благодарить их сам лично. Прощай! Тебе домашние наши все кланяются и желают выздоровления. Остаюсь твой брат

Константин Белинский

Приписка М. И. Белинской:

Милый мой Виссарион Григорьевич! Твоя болезнь меня очень огорчает. Я, узнавши из Митенькиного письма, что ты еще не выписался из больницы, проплакала целые сутки. В воскресенье 28 числа в заутрене отслужила молебен скорбящей божьей матери о твоем здравии. Если бы бог услышал молитву, и ты бы приехал в Чембар в мае месяце. Старайся, мой друг, изыскивать средства, то-то бы я на тебя нагляделася, то-то бы наговорилася. Как получишь наше письмо, то как можно скорее отвечай; между тем узнай, отпустят ли тебя прежде вакации, у меня коптится ветчина, а ты охотник до оной. Более писать нечего, желаю тебе, мой друг, выздороветь; в ожидании остаюсь тебя к себе, прощай, мать твоя

Марья Белынская

1832 года, марта 30<!>

Приписка К. Г. Белинского:

Любезнейший братец Виссарион Григорьевич! Ежели случится, что ты поедешь к нам, то не забудь взять книг, какие у тебя есть, хоть несколько, в числе оных и свою трагедию, которую я жажду прочесть, как произведение твоего прекрасного пера, в котором виден твой характер; да еще как найдешь попутчика и уведомишь нас, то я пошлю по почте тебе 5 р. ас. на книги, которые с собой и привезешь. Деньги сии я оставил от лотерей, которые для книг и берегу. Приезжай! Тебя ожидает семейство наше с радостною улыбкою на устах. Еще мы слыхали, что едет в Чембар Мещеринов, то ты и попроси Алексея Петровича, чтоб он ему поговорил о сем, чтобы он тебя взял с собою. Итак! До свидания. Прощай!

К. Б—й

54. БЕЛИНСКИЙ — Г. Н. и М. И. БЕЛИНСКИМ

Москва. 1832 года, апреля 20

Милостивейшие Государи
Папинька Григорий Никифорович
и Маминька Марья Ивановна!

Свидетельствую Вам мое всенижайшее почтение и благодарю Вас чувствительно за Ваше неоставление меня в нужде и болезни. Равным образом свидетельствую мое почтение и благодарность и бабушке Дарье Евсеевне за ее обо мне попечение. Уведомляю Вас, что моя болезнь на отходе; она слабо сопротивляется одолевающему ее здоровью. В пятницу, на шестой неделе прошедшего поста, мне открыли фантанель на левом боку желудка над самою оконечною кишкою, в которой я чувствовал порядочную боль. Фантанель, которую я носил ровно шестнадцать дней (я закрыл ее 18 числа сего месяца, а теперь на растравленное мушкою и epispassicum кладу теперь только один спуск), совершенно оттянула боль от печени и уничтожила боль в самом левом боку. Теперь вся болезнь моя состоит в небольшом и очень редко беспокоющем меня кашле ⟨...⟩ Если и скоро восстановится мое здоровье я все-таки выйду из больницы не прежде 9 или 10 мая, когда уже установится совершенно теплая погода, ибо в теперешнем моем положении весенний, свежий воздух нужнее для меня всех лекарств; что же касается до худой погоды, то оная как раз может воротить меня в больницу.

Вы приглашаете меня домой на вакацию; благодарю Вас за это или, лучше сказать, не умею и не знаю, как благодарить Вас; я мучаюсь, истаеваю от пламенного желания увидеться с Вами, да и самый воздух тамошний мог бы иметь на меня благодетельное влияние, тогда как московский вреден и для самых здоровых,— одним словом — тысячу и тысячу раз благодарю Вас за ваше предложение — но никоим образом не могу им воспользоваться, несмотря на влечение собственного сердца и порывы души, жаждущей отдохнуть в кругу от беспокойств, болезней и разных неудовольствий, сопряженных с московской жизнью. Во-первых, продолжительная поездка измучает и стрясет меня, едва оправившегося от болезни; на ночлегах я могу простудиться, ибо в избах мужицких спать невозможно. Во-вторых, находясь целые четыре месяца в больнице, я сделал столько упущений по части лекций, а особливо языков, что, для вознаграждения потерянного, должен заниматься день и ночь в продолжении целой вакации. Мои обстоятельства по этой части и прежде были в весьма незавидном состоянии, что происходило то от огорчений казенной каторжной жизни, то от собственного нерадения. Когда опасность от нас далека, мы не стараемся взять свои меры к отвращению оной; а уже тогда боремся с нею, когда остается самая малая надежда победить ее. Теперь рассудите

сами: могу ли я дома так заняться, как в Москве? На проезд к Вам и обратно я должен буду потерять целых 20 дней; а в 20 дней и при посредственном прилежании много, много, очень много можно сделать. В Москве я имею знакомых и приятелей, которые и снабдят меня книгами, тетрадями и покажут мне то, чего я сам собою узнать не смогу. Этих выгод необходимых и драгоценных я буду лишен в Чембаре, где, кроме сего, беспрестанные удовольствия и рассеяние не дадут присесть за дело. Университет наш переворотился вверх дном: князь Голицын уезжает заграницу, государь император дал его помощнику Голохвастову [1] (т. е. помощнику

«РУКОВОДСТВО К МЕХАНИКЕ» — КНИГА, ПОЛУЧЕННАЯ ГИМНАЗИСТОМ БЕЛИНСКИМ 26 ИЮНЯ 1827 г. В НАГРАДУ ЗА УСПЕШНОЕ УЧЕНИЕ, ПРИ ПЕРЕХОДЕ ИЗ 2-го в 3-ий КЛАСС

Внутренняя сторона переплета с дарственной надписью и печатью Пензенской гимназии и титульный лист книги

Литературный музей, Москва

князя) неограниченную власть; устав покойного императора также успокоивается [2]; за одно слово, за один малейший поступок Голохвастов выключает из Университета и казенных и своекоштных студентов; казенных же имеет право без всякого суда отдавать в солдаты за всякий сколько-нибудь предосудительный поступок, за который прежде посадили бы дня на три в карцер. Уже многие из казенных выключены; одного он принудил поступить в полк. Куплен дом для своекоштных; так как этот дом находится против Университета, то его и соединят с оным посредством арки. Все ворота будут заперты, ни казенному ни своекоштному нельзя будет выйти из Университета. Своекоштные будут поступать в купленный для них казною дом на следующих основаниях: всякий своекоштный, не имеющий в Москве родственников, у которых бы он мог жить на квартире, должен внести единовременно 50 р. ас. и каждый год вносить за квартиру и

стол по 300 руб. Сверх того одежду, белье и учебные книги иметь свои. Все же, не могущие по бедности внести помянутой суммы, будут немедленно выключаемы. Теперь рассудите: не варварство ли это? У нас большая часть студентов кормятся и одеваются кондициями; другие живут в тех домах, где имеют кондицию; многие не только содержатся сами оными, но даже помогают своим семействам. Лишенные единственного способа на пропитание, где возьмут эти несчастные денег для взноса в казну? Их без всякого сожаления выключат из Университета, не позволят окончить курса и впредь будут принимать только таких, которые в состоянии внести деньги. Будут принимать молоденьких, которых бы можно было сечь розгами, и потому всех старых и взрослых вытесняют. Одним словом Московский Университет скоро уподобится Казанскому. Чтобы жить безопасно, надобно даже уряднику унтеру льстить, надеть на себя постную харю, скорчиться в три погибели, беспрестанно творить молитвы и всем и каждому кланяться и перед каждым подличать. Нет ничего грубее, подлее обхождения Голохвастова с студентами; ругается, как извозчик, обходится с ними хуже, нежели с своими лакеями. Беда да и только. Если выключат меня, что очень может случиться, ибо выключение для него составляет приятнейшее наслаждение, что тогда делать? Куда сунуться? В военную я не гожусь по слабости здоровья и по ненависти к сей службе, о приказной части и говорить нечего. Остается тогда одна дорога: в Сибирь, на Кавказ или в Северо-американские Российские владения. За Сибирскую и Кавказскую службу дается чин вперед, двойное жалованье и каждый год службы считается за два; за Северо-американскую же — тройное жалованье и каждый год считается за три. Всем хорошо, только далеко: 12 000 верст; надобно проехать часть Европы, всю северную Азию и, наконец, очутиться в третьей части света.

Письмо и деньги я получил 18 апреля; очень им обрадовался, но, прочтя письмо, не рад был и самым деньгам. Ну не стыдно ли только Вам, Маминька, плакать по пустякам? Что за важность такая, что я болен? Это дело очень обыкновенное: все люди подвергаются болезням. Моя болезнь продолжительна не потому, чтобы она была опасна и неизлечима, но потому, что она есть застарелая; я собирал ее почти три года, благодаря казенной одежде. Видно Вы свои слезы считаете за воду, иначе Вы бы дорожили ими. Видно Вам хочется поскорее ослепнуть; вы помните, что зрение дороже жизни. Только одним детям прилично плакать по пустякам. Если бы я был болен чахоткою или какою-нибудь жестокою горячкою или другою острою болезнию, тогда бы Вы имели причину печалиться. Мне моя болезнь чувствительнее, однако я ни разу не плакал. ⟨Ради⟩ бога не сокрушайте себя по пустякам. Уход за мной хороший, лечут тоже хорошо, обходятся благородно. Будьте насчет моей болезни совершенно спокойны.

Прощайте. Остаюсь любящий и почитающий Вас сын Ваш

Виссарион Белинский

Любезный братец Константин Григорьевич! Благодарю тебя за твое ко мне усердие и любовь и вместе с тем скажу тебе, что в твоем письме, как и во всех твоих письмах, твои ⟨...⟩*

[1] В связи с отъездом за границу попечителя Московского учебного округа кн. С. М. Голицына до его отставки в 1835 г. и последовавшего затем назначения на пост попечителя гр. С. Г. Строганова округом управлял Дмитрий Павлович Голохвастов (1796—1849), назначенный в 1832 г. помощником попечителя. См. о нем подробнее в «Лит. наследстве», т. 55, стр. 401—402 и т. 56, стр. 178—179, 184, 396—402.

[2] «Устав покойного императора» — университетский устав 1804 г., согласно которому университетам была предоставлена автономия во всех вопросах, касающихся учебной и научной деятельности.

* Конец письма утрачен.

55. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар. 1832 года, мая 16 дня

Любезнейший братец
Виссарион Григорьевич.

Письмо твое от 20 апреля мы получили 30 оного месяца, которым уведомляешь о своем выздоровлении, для нас очень радостном, и что по описанным тобою справедливым причинам не можешь приехать домой, что меня много, очень много огорчило и заставило невольно выронить две слезы сердечной горести, за которые хоть брани, не брани, но делать нечего. Я прочитавши маменьке письмо твое, она очень была встревожена и почти весь тот день проплакала, хотя я и уговаривал, что слезами помочь нельзя, но все было тщетно. Теперь ты сам можешь судить, каково нам не видаться столь долгое время с тобою; хотя ты и пишешь в кратком своем ко мне письме, что я увижусь с тобою на будущий год, но это мало меня утешает, опять надобно и то вспомнить, что еще может случиться.

Я и маменька дожидались тебя как торжественного для христиан праздника пасхи, в который бывают, по словам народа, отворены двери рая *. Маменька было много приготовила в уме своем разговоров с тобою, относящихся до семейственного благополучия и С⟨ашеньки⟩. Порасспроси Дмитрия Петровича, каких он мыслей об новом учителе, Иване Андреевиче Удинцове; он его знает и имел суждения о предметах хороших и относящихся литературы. Что же касается до моего об нем мнения, скажу, что он довольно умен, учен, судит об учености и других предметах умно, что я слыхал из разговора его с папенькой, когда он у нас обедал. Одним словом, я его почитаю лучше сентиментального модника Тукальского, который помолвлен за Ольгу Мещеринову ⟨...⟩

Я познакомился с Иваном Алексеевичем Дьяконовым, у которого беру читать книги, из которых брал *Рославлева* и *Юрия Милославского* и другие, а ему давал читать *Листок*, который он хвалит, равно и твои в оном библиографии и песню Русскую и тебя, что ты хороший литератор. Ты намекаешь мне, что ты у меня в долгу, что я тебе переслал 10 р. ас., за которые и не стоит того, чтобы благодарить, и опять, что это такое значит, что ты у меня в долгу? Не почитаешь ли ты меня за такого человека, который, посылая в подарок тебе деньги, имел подлые мысли, что это не пропадет, что ты ему отблагодаришь чем? Напротив, я совсем сего и в мыслях не имел, и не сие меня заставило послать тебе деньги, а истинно-братская к тебе любовь и расположение, и потому сказанные тобою слова: *я у тебя в долгу* — ни мало ко мне не относятся, а только меня оными привел в большое смущение и досаду... Я по просьбе своей переведен к повытчику Надеждину** в помощники, у которого мне будет лучше как в рассуждении узнания службы Земского суда, так и получения любезных финансов. Надеждин обходится со мною хорошо, сам он довольно неглупый и знающий свою обязанность хорошо и старателен к ней. У него есть маленькая библиотека книг.

Я имел удовольствие читать журнал сего года, издаваемый Иваном Киреевским, *Европеец* и читал в нем хорошие литературные статьи и стихи любезного нашего поэта В. А. Жуковского и других; также и *Гирланду*, журнал сего же года, из которой списывал стихи, как и из первого. Нынешние обстоятельства в университете доказывают, что его сущест-

---

* Прости, заболтался, говоря по простому наречию. — *Прим. К. Г. Белинского.*

** Он пишет Надежин по причине, что у него есть крепости на землю, в которых написано так; ежели ему писать Надеждин, то он должен оной лишиться. — *Прим. К. Г. Белинского.*

вование должно скоро кончиться, а описанный тобою помощник Голохвастов много меня взбесил своими гнусными с гг. студентами поступками, за которые его благородномыслящий человек должен просто выгнать. Я опасаюсь, чтобы он тебя не выключил из университета, ибо это для него, как ты писал, составляет удовольствие, и не диво такому молодцу, каков он по своим поступкам; такой человек и у нас, подьячих, не был бы терпим, а особливо до меня, ибо я терпеть не могу с такими гнусными поступками людей, за то и сам обхожусь со всеми благородно, потому что благородный по чувствам человек сам должен обходиться со всяким благородно, но это оставим, а лучше скажу тебе, что я ныне по твоему желанию пишу прозаические сочинения, из которых и посылаю тебе мои мысли и замечания, вот они:

1. Чем более рассматриваем мы природу, тем более познаем премудрость создателя и его о нас попечение, которое он нам во всем являет, тем более открывается для нас завеса неизвестности его созданий.

2. Нет ничего отвратительнее в человеке, как тиранство себе подобных.

3. Критика на хорошее сочинение подобна искре огня, упавшей в воду, в которую, коль скоро попадет, то и потухает.

4. Благородство человека должно основываться не в суетном имении высокого чина, но в чувствованиях и поступках, которыми он стремится ко всему прекрасному и высокому.

5. Кто истинно верует в бога, тот имеет и надежду на получение конца своим несчастьям, а особливо добродетельный человек.

6. Что может быть похвальнее в девице, как не скромность, сопряженная с благородными поступками, но еще более, когда оные украшаются добротою ее сердца, которая затмевает и самую красоту лица и воспитания.

7. Сколь часто одежда человека имеет влияние на чернь, несмотря на то, что и под самою богатою одеждою часто скрывается самый порочный и не имеющий благородных чувств, без которых ничто и высокий чин.

О сих мыслях, которые я, сидя с трубкою табаку, приготовлял в голове моей, после написал на бумаге, сочинял уже как они теперь здесь написаны, то прошу написать о них свое мнение в рассуждении их достоинства; что касается до хорошего, то ничего нет, и я их почитаю за самый пустой вздор. Ежели ты несколько оные мысли одобришь (чего я и не ожидаю), то я буду продолжать и буду стараться как о предмете мыслей и замечаний, так и о слоге. Я очень сожалею, что я не нахожу себе такого человека, с которым бы мог заниматься русским языком, которого знание для прозы необходимо нужно. Я купил себе Послание к слугам, соч. Фон-Визина, и басню Лисицу-Коснодея и Радостный глас Московитянина на прибытие государя императора в Москву, соч. Гурьянова, заплатил за обе книжки 60 коп. Еще я заказал рамку для портрета Фон-Визина.

Ах! Любезнейший братец! Если бы ты был теперь дома, как бы мне было весело сие время: я старался каждую с тобою минуту употребить в пользу, чтобы научиться от тебя всему хорошему; твои мне советы всегда были приятны, а особливо последние в письме 1831 года, сентября месяца, касающиеся до моей службы, которые я часто вспоминаю и прочитываю, как благороднейшие твои чувства, и стараюсь употребить их в пользу. Утешь меня хотя присылкою своего какого-нибудь нового произведения, уже напечатанного в каком-нибудь журнале, чем много доставишь мне удовольствия. Маменька за недосугом по хозяйству не успела тебе написать, она хотела послать окорок ветчины, но постыдилась о сем просить А. Красовскую, к тому ж ветчина, в глазах чембарцев, еще не много значит. Маменька и все домашние тебе кланяются и желают тебе здравия и благополучия, равно и я. Прощай. Остаюсь брат твой

Константин Белинский

В опускаемой части письма К. Г. Белинский подробнейшим образом описывает погоду в Чембаре во время пасхи.

56. БЕЛИНСКИЙ — Г. Н. и М. И. БЕЛИНСКИМ

Москва, 1832 года, Июня 21 дня

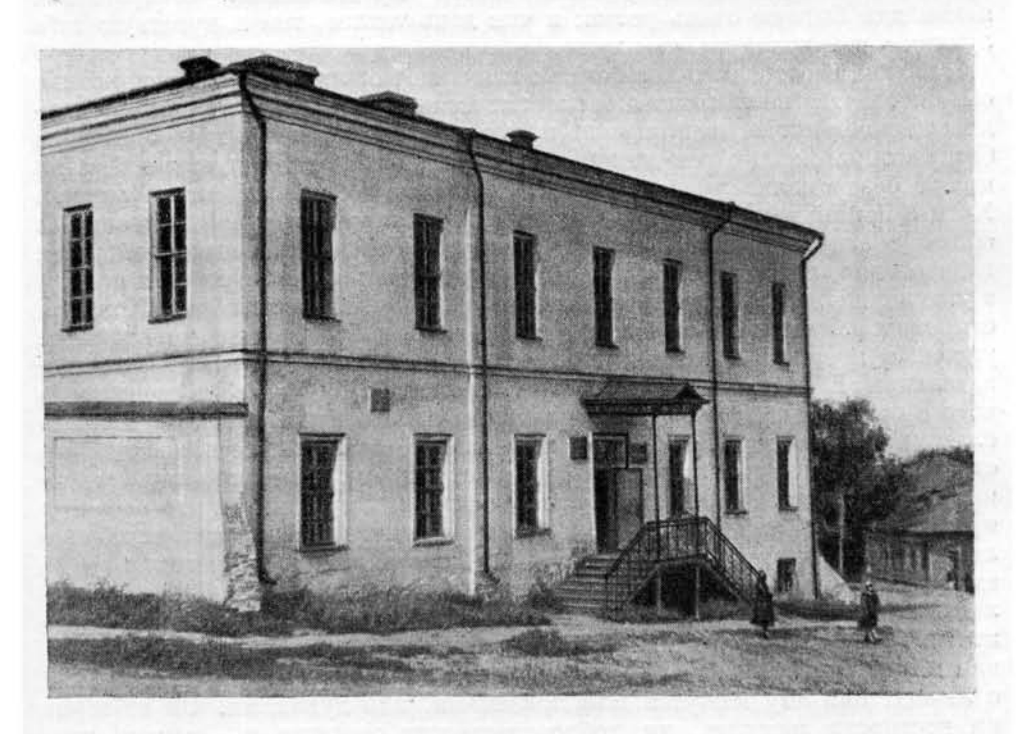
Милостивые Государи
Папинька Григорий Никифорович
и Маминька Марья Ивановна!

Свидетельствую Вам мое всенижайшее почтение, уведомляю Вас, что я вышел из больницы 6 мая. Хотя и не могу сказать, чтобы я выздоровел, однако чувствую себя лучше, нежели прежде, и только одно худое состояние погоды препятствует мне значительно поправиться. Писать к Вам больше совершенно не о чем, ибо Дм⟨итрий⟩ П⟨етрович⟩ может служить для Вас живым письмом[1]. Уведомляю Вас, что я теперь разбогател форменною одеждою: вышедши из больницы, я получил виц-мундир с панталонами, мундир с панталонами, панталоны нанковые, панталоны белые демискутоновые, сапоги новые, тогда как старые, по причине моего нахождения в больнице, еще новы. Скоро получу жилет драдедамовый, не говорю о белье и прочих мелочах. Теперь у меня к зиме недостает только теплой шинели. Старая совершенно развалилась и в дождливую погоду мне не в чем выйти.

С искренним желанием всех возможных Вам благ и в надежде будущего свидания остаюсь любящий и почитающий Вас сын Ваш

Виссарион Белинский

[1] Это письмо было, очевидно, отправлено с Д. П. Ивановым, уезжавшим в Чембар на летние каникулы.

ЗДАНИЕ БЫВШЕЙ ПЕНЗЕНСКОЙ ГИМНАЗИИ, ГДЕ УЧИЛСЯ БЕЛИНСКИЙ
Сейчас начальная школа № 30
Фотография Н. Н. Павлова (Пенза), 1945 г.

57. БЕЛИНСКИЙ — К. Г. БЕЛИНСКОМУ

Москва, 1832 года, Июня 21

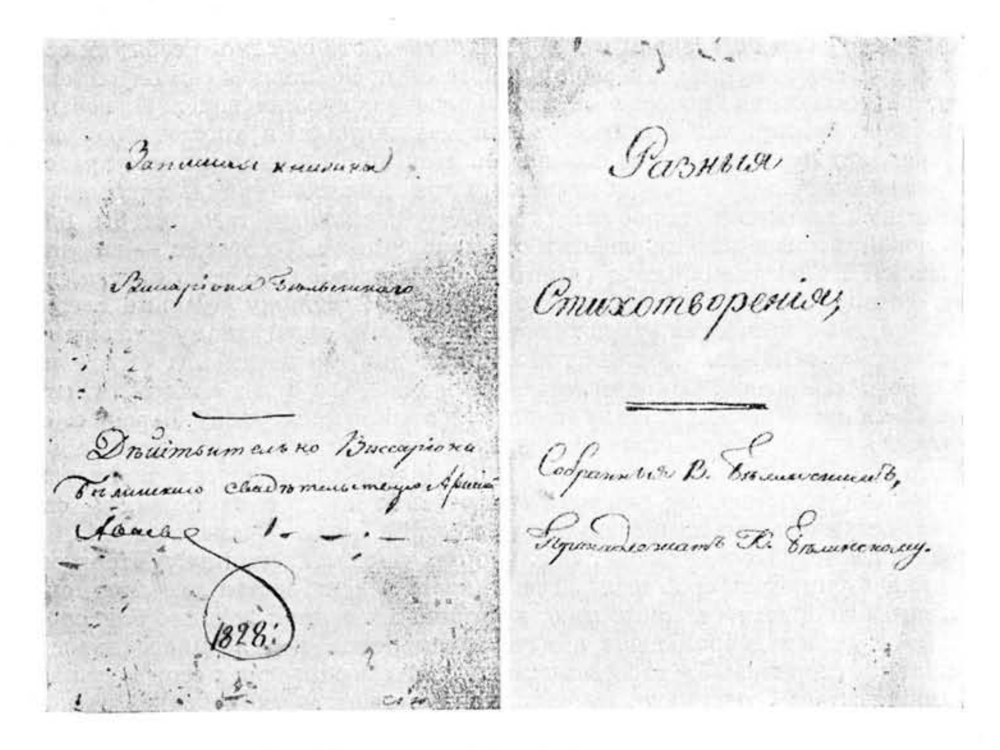
Любезный Брат
Константин Григорьевич!

Уведомляю тебя, что я давно уже вышел из больницы (6 мая), и имел удовольствие получить все твои письма, за которые благодарю тебя душевно. Что же касается до моего здоровья, то о нем я не могу тебе сказать ничего радостного и утешительного: оно почти невозвратно потеряно. Беспрерывный сухой кашель, вероятно, происходящий от отсутствия влаг или слизей в горле, колики в обоих боках и особенно в печени от сиденья, жестокая одышка от каждого всхода на лестницу — как будто бы сговорились мучить меня каждый день попеременно. Я вышел из больницы почти с тем же, с чем и пошел в нее. «Для чего ты не остался в ней до совершенного твоего выздоровления?» — спросишь ты меня. Для того, отвечаю я, что дожидаться моего выздоровления было бы слишком долго; для этого мне нужно бы было пролежать в больнице еще месяца четыре, в продолжении которых меня бы выключили из Университета, как такого человека, которого расстроенное здоровье не подавало никакой надежды на успехи. При том же болезнь моя остановилась на одной степени и не двигалась более ни взад ни вперед, почему сам ординатор присоветовал мне выйти и лечиться более беспрестанною ходьбою и хорошим воздухом, которого, разумеется, в Москве негде взять. Впрочем, я от ходьбы и движения немного поправился, и если бы стояла хорошая погода, то и очень бы значительно могло восстановиться мое здоровье; но нынешний год, кажется, еще хуже прошлого: дожди, облака, холод, ветер продолжаются беспрерывно; ясные дни бывают очень редки; и чем день теплее, тем я чувствую себя лучше, а чем холоднее, тем хуже.

Впрочем, собственная моя болезнь и вообще мои не совсем благоприятные обстоятельства не так много беспокоят меня, как ваши домашние. С каждым письмом твоим ты вливаешь в мою душу по капельке яду. Маминька беспрестанно плачет сама не зная о чем и не думая, что она этими слезами может безвременно убить себя и лишить несчастное семейство матери. Хотя о папиньке ты ничего не пишешь (что весьма странно), но я слышал об нем ужасную историю, которая чрезвычайно неприятное сделала на меня впечатление, хотя и не удивила. Я давно предвидел, что рано или поздно, а уже должно было случиться с папинькой что-нибудь подобное. При всей откровенности и благородстве характера, при добром сердце, он страждет ужасным недугом — подозрительностию, разумеется... пустою и неосновательною. Ему кажется, что его жена, его дети, его родные все стоят около него с поднятыми ножами, готовые пронзить его вдруг и только ждущие благоприятного мгновения. Сколько раз обижал он несправедливыми своими подозрениями людей добрых, благородных, искренно ему преданных и желающих ему от души всякого добра. Ему мнится, что весь мир против него в заговоре, тогда как мир и не думает делать ему зло; ибо все люди заняты самими собой и делают зло другим людям из выгод, а что за выгоды и за пользы делать зло папиньке? Другое дело, если бы он был человек важный, занимающий большую должность, тогда бы он мог иметь врагов, завистников и недоброжелателей! Отчего происходит такая ужасная недоверчивость к людям? Оттого, что он имеет самое дурное мнение о людях; они ему кажутся или подлецами, или дураками. Он не верит ни честности женщин, ни добросовестности мужчин и — между тем, о себе, верно, самого лучшего понятия, как будто бы на целом земном шаре он один истинно благородный человек. Подозрительными людей делают обыкновенно великие несчастия; а какие несчастия претерпел от людей

папинька? Если он страдал и теперь страдает, это от самого себя; он есть лютейший враг, мучитель и тиран самого себя; не люди, а сам он виноват в своих несчастиях, которые он еще более усугубляет нелепою, неосновательною подозрительностию, которая, как лютая змея, гложет его сердце и отравляет лучшие минуты его жизни. Конечно, он имел и имеет врагов, но каких врагов! Да и кто их не имеет? Стоит ли какой-нибудь подлый безграмотный подьячий, подобный стряпчему Васильеву, того, чтобы благородный человек занимался им и его ненавистию? Презрение — вот чего он стоит! Папинька обижает самого себя, унижает свое достоинство, думая о таких людях и трогаясь их обидами. Я предвижу ужасные следствия, ужасные несчастия, угрожающие и без того несчастному нашему семейству, если папинька, вняв голосу рассудка, не переменит своего несчастного характера! Сохрани господи, ежели... что будет с вами!.. О себе я не беспокоюсь; я живу, живу, сношу терпеливо мою судьбу, берегу себя, удаляюсь от всего, что может сделать меня несчастным, не для себя, а для своего семейства; для него только желаю я себе и долголетия, и счастия, и здоровья, и богатства; для него единственно я сохраняю бодрость, стараюсь не упасть духом и выпутаться из оков, меня обременяющих! Для чего вы все того же не делаете? Сколько раз просил я маминьку, чтобы она старалась укрощать свой пылкий до дикости и неистовства характер, сносила бы с терпением и кротостию, приличными всякой истинно благородной женщине и доброй жене и матери семейства, все несправедливости папиньки, старалась бы избегать с ним всяких бесполезных ссор и тушить пламя в самом его начале, старалась бы сохранять спокойствие духа и твердость характера, от которых зависит и телесное и душевное здоровье, а следовательно, и счастие; берегла бы себя для своих детей, для своего семейства, исполняла бы все обязанности, предписываемые женам божественными и человеческими законами! И все тщетно! Мое усердие и мои благие советы она назвала грубостию и непочтением к матери. Сколько раз, так же тщетно, я просил и говорил папиньке... Так, люби и почитай родителей, я это всегда тебе советую; но, несмотря на то, я имею право сказать, что наши несчастия зависят от них, что они и себя, и нас губят. Они не знают своих обязанностей, они не знают, что они принадлежат не самим себе, а отечеству и детям, что они должны дышать для детей своих, стараться образовать из них добрых граждан для отечества,— это закон природы, закон бога и самих людей. Они нимало не щадят самих себя, гонят друг друга к гробу, расстраивают свое здоровье и душевное спокойствие. Более всего я недоволен маминькою, и именно ее слезами, происходящими от слабости характера и неумения сносить с твердостию горестей жизни. Что, например, за беда такая, что я ныне не могу провести в Чембаре вакацию? Стоит ли это слез? Конечно, оно неприятно, да что же делать-то? Разве слезами можно помочь себе? Опять, неужели она потеряла всю надежду когда-нибудь увидеть меня? Как же должна теперь плакать Федосья Степановна, которая не видится с ее вторым сыном четыре уже года [1] и, может быть, и совсем не увидит? Как должны плакать матери, которых дети уезжают служить в Север⟨ную⟩ Америку, за 12 000 верст, в Сибирь, на Кавказ? Притом же, чем долее разлука, тем сладостнее свидание. Бог даст увидимся, зачем безвременно убивать себя отчаянием?

Последнее письмо твое от 16 мая наполнено, как и все прежние, по большей части — вздором. Я просил тебя тысячу раз, чтобы ты растолковал мне странную историю целкового, якобы врученного маминькою г-же Горн для отдачи мне. Дождусь ли я этого, или нет? Вместо того, чтобы просто сказать мне, какова была у вас на пасху погода вообще, ты преподробно описываешь мне в каком часу шел снег, в каком дождь. Что касается до твоих мыслей, то скажу тебе, что их нечего разбирать, ибо они суть мысли

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА БЕЛИНСКОГО 1828 г.
Обложка с автографической надписью Белинского и пометой А. Аваева и лист первый книжки с надписью К. Г. Белинского
Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

старые, места общие, которые можно найти во всякой азбуке. Старайся более о чистоте и правильности слога, а не о мыслях. Если ты еще хотя раз напишешь мне о Листке и будешь восхищаться моими произведениями, то я рассержусь на тебя не на шутку. Посылаю тебе стихотворения, между коими много новых, спиши их и пришли обратно с Д⟨митрием⟩ П⟨етровичем⟩.

Что за диковинные вещи делает семейство П⟨етра⟩ Петровича? Право все наши чембарские что-то не так, как были прежде. Представь себе: мучают своих детей, не уведомляя их о себе ни строчкою. Обещались прислать денег и обманули; понадеясь на их обещание, А⟨лексей⟩ П⟨етрович⟩ сделал покупки таких вещей, которые сами по себе необходимы, но еще могли бы быть купленными после, и теперь терпит крайнюю нужду. Хорошо ли это? При всем своем холоднокровии А⟨лексей⟩ П⟨етрович⟩ несколько раз чуть не плачет от такого со стороны его родителей над ним наругательства, тем более жестокого, что он никогда не ожидал его.

Засвидетельствуй от меня мое почтение Бабушке Дарье Евсеевне и всем, которые меня знают и помнят. Прощай! Будь здоров и счастлив и люби попрежнему своего брата

Виссариона Белинского

Надпись о получении: Получено 30 июня, 1832 года, в четверток пополудни.

[1] Второй сын Ф. С. Ивановой — Николай Петрович Иванов, был офицером.

58. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

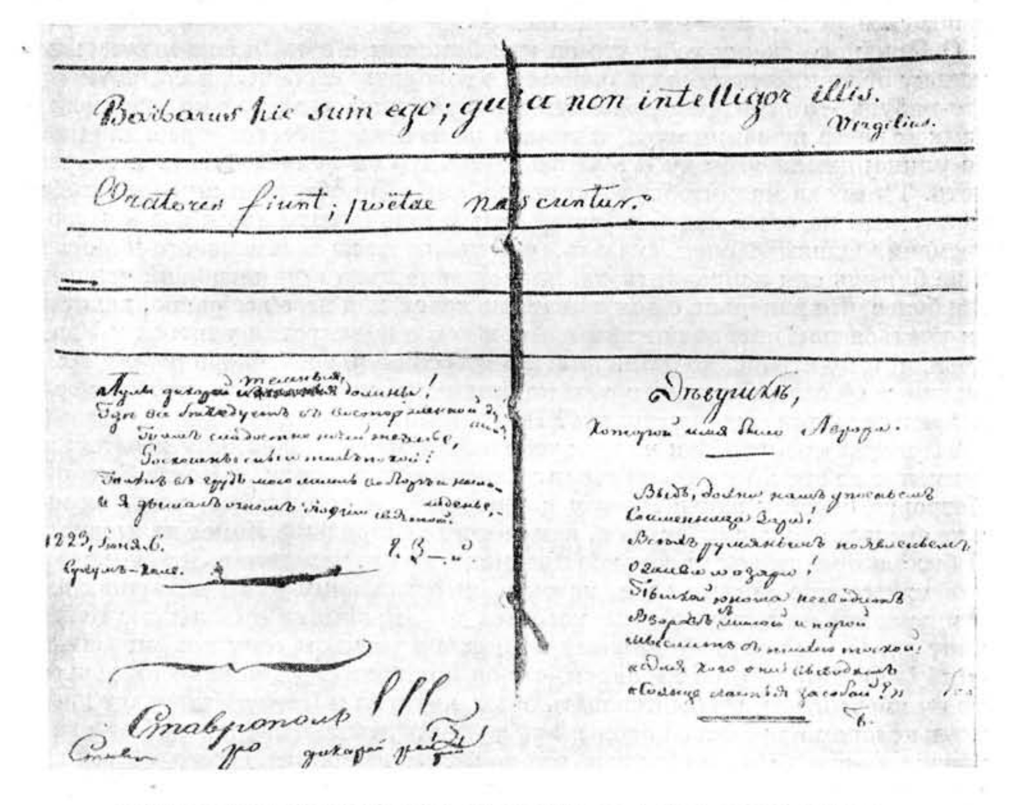
Чембар, 1832 года, августа 16 дня

Любезнейший брат и друг
Виссарион Григорьевич!

На письмо твое от 21 июня скажу тебе, что наши семейственные обстоятельства ныне немного поправились против прежних. Папенька с масленицы самой вина никакого не пьет, кроме полпива и то редко, от которого иногда, пришедши вечером, бранится с маменькою, которая, слушавши твое письмо, была тронута справедливостью твоих слов, касающихся до нее и нашего семейства. Папенька со мною хотя и обходится против прежнего довольно не худо, но уже насчет одежды и не поминаю, и сию-то перемену в обхождении я почитаю за необыкновенную перемену папенькиного характера. Прежде он мне слова не хотел сказать, чтобы не закричать, но ныне говорит, как и следует отцу, а особливо с его характером.

Я, находясь в нужде в рассуждении одежды, нашел себя вынужденным ехать служить в Саратов, о чем и писал к И⟨вану⟩ Максимовичу Сокольскому, которого просил о приискании мне места, но ответа еще не получил; о чем уведомляя тебя, прошу сделать свое о сем определение, которое бы служило к моей пользе и выгоде ⟨...⟩

Ты писал мне, чтобы я растолковал тебе историю целкового, с охотою, мой друг. Когда г. Горн сбиралась в Москву, то маменька и просила ее (так как ее люди поедут из Москвы порожние), чтобы она велела им на

ЛИСТЫ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ БЕЛИНСКОГО С ЕГО ВЫПИСКАМИ ИЗ ЛАТИНСКИХ И РУССКИХ ПОЭТОВ, 1828 г.

Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

обратном пути из Москвы заехать в Старую Рязань, где по данной ею записке отыскать дом, в котором оставлена повозка, для чего и дала целковый для отдачи того дома хозяину, у которого и ныне она находится, за сбережение оной; но так как повозки не привезли и целковой не возвращен, то маменька и я писали тебе, чтобы ты оный получил от г-жи Горн. Понятно ли?

Приезд Дмитрия Петровича столь много меня обрадовал, что я забыл и Чембар с его веселостями, которые мне уже и не по сердцу. Я его почитал заменою вместо тебя, любезнейшего, и так ему рад, так рад, что готов был с ним дневать и ночевать вместе; но он что-то, как мне казалось, был не слишком внимателен к моим словам, которые я говорил о тебе, чтобы узнать о твоем состоянии, в котором ты остался по отъезде его, хотя ты и писал мне в своем ко мне письме, но оное не могло так удовлетворить моему любопытству, как рассказ очевидца твоего состояния в рассуждении здоровья, которое столь много дорого для тебя и для нашего семейства.

Я несказанно рад тому, что тебя оставил несносный кашель, столь долго тебя мучивший, и что ты ныне довольно поправился здоровьем и оставил не скучное табакокурение, которое по твоей комплекции вредно, а особливо затягивание, от которого, как ты писал, происходил и кашель. Я было хотел о сем тебе и писать, чтоб ты при слабости твоего здоровья оставил курить табак, но, к величайшей моей радости, я получаю от тебя письмо, чрез которое и узнаю о возвращающемся к тебе здоровье и оставленном тобою курении табака, который и я хочу оставить, хотя я и редко курю, но все-таки довольно выходит на него любезных денег, которыми я и то не богат, а ежели еще употреблять на табак 50 коп. в неделю, то в год выйдет 26 р. ас., а это не безделица <...>

О Никаноре скажу тебе, что он как был, так и есть, а еще и хуже: маменьку не слушается; ежели она станет говорить, чтоб он снял сюртук или что-нибудь, то он начнет дразнить ее; в училище ходит редко, латинским языком вовсе не занимается, а только повесничает, бегает с ребятишками по улице; ежели я стану его усовещевать, то он начнет ругаться и дразнить. Ты писал мне, чтобы я вел подробный его поведения журнал, на сие скажу, что на оный надобно употребить в день бумаги листа два и часов 6 времени. Одним словом сказать, что ежели ты не возьмешь его в Москву и не будешь сам исправлять его нравственность, то он погибший человек, тем более, что папенька о нем и знать не хочет, для него все равно, ходит ли он учиться или нет; латинским языком сам ему запретил учиться у Удинцова, потому что жалко стало платить в месяц 5 р. ас. Теперь рассуди сам, лишаясь сего необходимого для медицинской части языка, что̀ он после должен делать и куда поступить? Не туда ли, куда я?

Ты писал мне, чтобы я чаще к тебе писал, что̀ мне и самому хочется; но неимение на отсылку письма денег заставило отлагать оное. Когда Дмитрий Петрович писал к вам в Москву первое из Чембара письмо, тогда он мне и не сказал, что посылает оное, как он тогда сбирался в Ломов на ярмарку. Я было и приготовил маленькое письмецо, но он, уехавши в Ломов, не сказал ничего про письмо свое, которое он отдал кому-то из домашних для отправления на почту. Но что касается до неприсылки им Алексею Петровичу денег, он почти не виноват в оном, а причиною сему подлец Симанский [1], на которого он надеялся, что он пришлет ему должные им деньги; но он вместо того, чтобы прислать оные, написал к Петру Петровичу письмо, в котором и просил о подождании к уплате денег. Дмитрий же Петрович, узнавши оное, был встревожен, что не может исполнить своего обещания, и с самого приезда из Москвы был он им озабочен много. Итак — прощай! Остаюсь любящий тебя брат твой

К. Белинский

<...>

В опускаемой части письма К. Г. Белинский подробно излагает свои соображения о целесообразности переезда в Саратов; сообщает о знакомстве с Н. Е. Синенковым; жалуется на поведение брата Никанора; посылает деньги для покупки бритвы или книг.

Упоминаются: Г. Н., М. И. и Н. Г. Белинские, А. П. Иванов, Надеждин, М. Е. и Н. Е. Синенковы и П. Д. Юрьев.

[1] Симанский — дворянский заседатель в Чембаре; см. о нем в сб. «В. Г. Белинский. 1848—1948», Пенза, 1948, стр. 153.

59. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар, 1832 года, августа 17 дня

Любезнейший брат и друг
Виссарион Григорьевич!

С присланных тобою тетрадок стихотворения я списал, за что благодарю тебя и, возвращая оные, прошу еще с людьми к⟨н⟩. Кугушева прислать мне новых тетрадок стихотворений, а ежели хочешь доставить мне второе удовольствие, то и трагедию своего сочинения, которую мне хочется прочесть и списать, которую, как и тетрадки стихов, возвращу в целости и с благодарностию.

Уведомляю тебя, что на место бывшего секретаря Ратуши С. Агринского прислан секретарь П. И. Колмогоров, человек умный и образованный, с которым я знаком.

Вторично прошу тебя, чтобы ты прислал книгу: Походные записки русского офицера [1], которую я забыл у тебя взять, бывши в любезной Москве, чем очень много и премного меня одолжишь; она мне тем более нужна, что я только половину и успел прочесть, а в Чембаре достать не у кого. Еще прошу тебя, чтобы ты не оставлял без внимания мои просьбы (как то всегда делаешь), а всегда бы объяснял мне причину, отчего не можешь исполнить то-то, например: я тебя несколько раз просил, чтобы ты мне прислал своего произведения трагедию, которой и заглавия, к сожалению, не знаю; но ты не только чтобы сказать что-нибудь на оное, но и не поминаешь ничего. Право, это меня много огорчало...

Что еще писать тебе и о чем бы тебя не забыть уведомить? Новостей в Чембаре никаких нет, да им и нельзя быть, а в Москве могут и даже всякий день, о коих я тебя уже прошу, чтобы ты уведомил хотя о тех, кои заслуживают твое внимание, а особливо что касается до литературы, о которой мне приятно слышать что-нибудь новое. Скажу тебе про себя, что я ныне духом своим неспокоен. Семейственные обстоятельства, нужда в одежде и прочее часто меня тревожат и голову мою, воображением о будущем состоянии наполненную, расслабляют; твой приезд может все поправить и привести все в прежний порядок, и для того прошу тебя, чтобы ты старался о нашем свидании, как о деле весьма нужном. Акулина [2] свидетельствует тебе до земли свое почтение, которое от меня засвидетельствуй моему любезному племянничку Алексею Петровичу. Еще повторяю, удовлетвори мои просьбы и тем меня обрадуй. Итак, прощай! Целую тебя несчетно раз.

Брат твой К. Белинский

[1] «Походные записки русского офицера» И. И. Лажечникова, СПб., 1820.

[2] Акулина Данилова — дворовая Белинских, купленная в 1818 г.; в 1832 г. ей было 58 лет.

60. М. И. БЕЛИНСКАЯ — БЕЛИНСКОМУ

⟨Чембар, 18 августа 1832 г.⟩

Милый мой друг и сын Виссарион Григорьевич. Очень рада, что ты избавился от столь долго продолжавшей⟨ся⟩ болезни. Я всегда молила бога и молю о твоем здоровье, облегчи тебя бог и подкрепи для меня,

несчастной. На моем сердце лежит тяжелый камень, и печаль стесняет мою душу ‹...›

Посылаю тебе, мой милый, целковый на яблоки; не прогневайся, что мало, только имею, и то полтинник заняла. Еще посылаю два окорока копченой ветчины, двадцать сдобных булочек, в кажной по яйцу, скушай на здоровье, мой друг, и будь здоров.

Ты сердишься на меня, что я плачу. Слезы облегчают печаль мою. Если я не буду плакать, то кровь застывает в жилах моих и делается трясение во всех членах, пралич или удар угрожает на жизнь мою. Еще нахожу отраду в церкви божьей, молюся со слезами и с рыданием, и в сии то приятно провождаемые минуты отдыхает душа моя.

Прошу тебя, мой друг, не огорчайся моим извещением и домашним расстройством, и прошу тебя, не укоряй отца в его поведении, чтобы он не догадался, что я тебе писала ‹...›

Бабушка тебе кланяется, сестра кланяется, Акулина кланяется. Бабушка очень жалеет, что у ей не случилося денег тебе послать ‹...›

Прощай, мой друг, желаю тебе быть здоровому.

Остаюсь мать твоя

Марья Белинская

1832 г. августа 18 числа. Четверток

На первой странице надпись рукою Белинского: Получено 28 августа, в воскресенье.

В опускаемой части письма М. И. Белинская подробно описывает семейные неурядицы, ссоры с мужем и дурное поведение сына Никанора.

Упоминаются: А. Г., Г. Н. и Н. Г. Белинские, Великопольские, Ф. С. Иванова, Селезневы и И. А. Удинцев.

61. БЕЛИНСКИЙ — К. Г. БЕЛИНСКОМУ

Москва 1832 года, октября 15 дня

Любезный брат
Константин Григорьевич!

Письмо твое от 16 августа показалось мне столь важным, что я не решился отвечать на оное тот же час, а почел за необходимое поговорить с тобою поосновательнее [1]. Ты меня привел в чрезвычайное удивление, открыв мне свое необдуманное и безрассудное намерение оставить Чембар и ехать в Саратов для службы. Правда, это намерение с первого взгляда кажется довольно основательным, происходящим от существенных причин и потому необходимо долженствующим исполниться; но, по зрелом рассуждении, оно окажется очень вредным. Его одобряют и маминька и папинька; конечно, маминька никогда не посоветует тебе, как своему сыну, ничего бесполезного или опасного для твоего счастия, дорогого для ее материнского чувства; но она, как женщина, обо многих вещах не может иметь надлежащих сведений, и потому ей извинительно судить неосновательно об оных; что же касается до папиньки, то если бы ты вздумал ехать в Камчатку или Китай, то и тогда бы, поверь, он не стал тебя удерживать. Коротко знакомый с его характером и горестными обстоятельствами нашего несчастного семейства, ты, без сомнения, поймешь, почему я так говорю и на каких причинах основываю мое мнение, хотя и неприятное для меня самого столько же, как и для тебя, но, тем не менее, справедливое. Что же касается до тебя самого, то я не сомневаюсь, что тебе очень бы хотелось исполнить свое намерение; я и не удивляюсь сему, ибо я знаю, что ты не последний Рыцарь печального образа, и любишь подонкихотствовать.

Но обязанность старшего брата, по собственному твоему признанию, заслуживающего твою доверенность, заставляет меня вывести тебя из твоего приятного заблуждения и рассеять волшебный туман мечтаний, в котором так сладостно, так раздольно разгуливать твоему шаловливому воображению. Ценою многих жестоких и горестных опытов, имеющих самое неблагоприятное влияние как на мою настоящую, так и последующую жизнь, я приобрел некоторую опытность и покороче познакомился со скользким путем жизни, а потому и могу лучше тебя понимать многие вещи. Дорого бы заплатил я за возможность воротить, по крайней мере, т р и года моей

ЗАПИСНАЯ ТЕТРАДЬ БЕЛИНСКОГО С ВЫПИСАННЫМИ ИЗ ЖУРНАЛОВ СТИХОТВОРЕНИЯМИ

Обложка и первый лист тетради. Заголовок рукою К. Г. Белинского. Им же сделана 2 февраля 1831 г. надпись, свидетельствующая, что тетрадь была подарена ему Белинским

Институт русской литературы АН СССР. Ленинград

прошедшей жизни, чтобы снова начать их, испытанному судьбою и наученному опытом! Есть в жизни такие случаи, от коих зависит счастие или несчастие целой нашей жизни; люди замышляют иногда такие намерения, которые, несмотря на их наружную незначительность, требуют крайней осторожности. Я знаю, что мои слова покажутся тебе закускою не совсем вкусною, но как бы то ни было, я все-таки почитаю за священнейший долг с моей стороны сказать тебе, что твое намерение нелепо и безрассудно — и вот почему:

1) Ты совсем несправедливо жалуешься на недостаток в одежде; Дмитрий Петрович уверял меня, что ты в этом отношении никакой нужды не имеешь, что у тебя есть форменный сюртук, фрак, несколько панталон не нуждаешься ни в сапогах, ни в другом чем. Чего же ты хочешь? Это странно!

2) Неужели ты думаешь, что Сокольский охотно возьмет тебя на свое попечение или захочет обременить себя такою обузою без всяких для себя выгод? Взявши тебя под свое покровительство, он должен будет отвечать за все твои неудачи и неуспехи, причина коих, как обыкновенно водится, будет со стороны твоих же родителей приписываться его о тебе нерадению, хотя бы в оных виноват был ты, а не он. Притом же он должен будет беспрестанно о тебе беспокоиться, предстательствовать за тебя пред начальством, учить тебя, выручать из бед и тому подобное; из каких выгод, повторяю, будет он так тобою заниматься? От нашего папиньки ему надеяться нечего, а от тебя и еще меньше. Если же он, обещавши тебе свое покровительство и помогши тебе перелезть из Чембара в Саратов, предоставит тебя самому себе, то ты человек пропащий. Ибо с своим характером кротким и робким, с твоими не слишком блестящими дарованиями, а более всего с твоим неуменьем вглядываться в обстоятельства и применяться к ним, смотря по нужде, ты никоим образом не можешь обойтись без подпоры; служа же в Чембаре, ты всегда можешь находить эту опору в твоем отце, который тебе может быть полезен, без всяких особенных с твоей стороны стараний, местом, занимаемым им по службе, если не по общественному мнению.

3) Ты говоришь, что в родительском доме ты пользуешься только столом и квартирою — а разве это мало? Ты думаешь, что легко содержать себя на своем отчете, то-есть иметь порядочную комнатку с порядочным столом? Посмотрел бы ты, как живет Алексей Петрович, который за одну комнату с небольшою прихожею, служащею ему вместе и кухнею, платит 16 рублей в месяц, да сверх того ежемесячно издерживает 8 р. ас. на дрова, а жалованья-то всего получает 30 р. ас. в месяц, и этим жалованьем он должен и за квартиру заплатить, и дров купить, и стол иметь, и одеваться. Если бы еще Дмитрий Петрович не выхлопотал себе Алексеевского кошта от Университета, то и до сих пор они принуждены бы были жить в собачьей конуре с разными бродягами и нищими. Если бы ты знал, как строго выполняет Алексей Петрович все посты даже по середам и пятницам, и как он, в продолжение больших постов, по причине чахоточного состояния своих карманов, иногда по нескольку дней даже постных щей не видит, а пробавляется хлебом и квасом, тогда бы ты узнал, как легко содержаться самому, и вполне бы оценил счастие жить в родительском доме на всем готовом.

4) Ты жалуешься на ничтожность получаемого тобою за службу жалованья и называешь его нищенским. Что ж делать? Деньги никому не даются даром, и достаточное, независимое содержание приобретается пóтом и кровью. Твоя же служба очень не важна и не трудна. Алексей Петрович каждый день с 9 часов находится в Сенате, из которого возвращается в $2^1/_2$ часа и приносит с собою кипы бумаг, за коими иногда просиживает не только праздничные и табельные дни, но иногда и целые ночи; а жалованье-то, получаемое им, тебе известно. Ты думаешь, что в Саратове будешь получать тысячи; не горячись, брат: и там, как и во всех губернских городах, для таких служивых, как ты, 120 р. ас. составляют самое большое жалованье. На эти 120 рублей ты должен будешь и нанимать квартиру, и иметь стол, и одеваться; а на доходы, при нынешних обстоятельствах, надежда плохая, особенно тебе. Правда, в Саратове содержание гораздо дешевле, нежели где-либо в другом месте, ибо Саратовская губерния принадлежит к числу богатейших и изобильнейших естественными произведениями русских губерний; это я все знаю, но где дешево все, там дороги деньги. Притом же, в таких местах выгодно служить семейным чиновникам, занимающим должности поважнее должностей канцелярских писак; ибо если они мало получают доходов деньгами, то, взамен того, много берут естественными произведениями, как-то: хлебом, ско-

том, рыбою, икрою, медом, овощами и тому подобным, чем они обеспечивают содержание своих семейств, а деньги, которые бы должны были употребить на сии необходимости, кладут в сундук,— и таким образом не остаются в накладе. Тебе же, как молодому бессемейному человеку, нужны будут одни деньги, а их-то ты и не будешь иметь.

5) Наконец, главнейшее препятствие состоит в том, что ты не имеешь офицерского чина; а без него служить не так-то выгодно, ибо ежели ты по какому-нибудь случаю потеряешь свое место, то другое найтить тебе будет трудно. Между же тем, покуда ты будешь приискивать себе другое место, ты не будешь иметь средств к своему содержанию, и этим совершенно расстроишь свои обстоятельства, потеряешь много драгоценного времени и тем самым отдалишь от себя получение чина. К тому же, в Саратов изо всех близких окрестных губерний приезжает премножество молодых людей всякого звания, а особливо из духовного, для приискания в оном себе мест,— почему ты будешь иметь соперников, а особливо когда потеряешь свое место и будешь искать другого. В Чембаре же хотя не так хлебно, зато надежно, а это важнее. Не сули журавля в небе, а давай синицу в руки — говорит мудрая русская пословица.

«Так неужели же мне целую жизнь служить в Чембарском земском суде?»—скажешь ты с огорчением. Нет: я первый против этого. По моему мнению, молодому человеку стыдно и даже бесчестно проводить всю жизнь свою на отцовском содержании и служить в каком-нибудь мелком городишке. Всякий должен помыкать по белому свету, понатерпеться нужды и горя и понасмотреться добра и худа и, уже обогатившись опытами жизни, помышлять об основании себе постоянного местопребывания, о приобретении порядочного места по службе, хотя и в уездном городке, ибо не всем же жить в столицах и губернских городах. Итак, вот тебе мой последний, искренний совет, которому ты непременно должен последовать, если ты любишь меня и дорожишь моим мнением столько же, как и собственным своим счастием.

Прежде получения офицерского чина ты ни под каким видом не должен оставлять Чембара. Когда же получишь оный, то можешь, если есть охота, перейтить и в Саратов на некоторое время, чтобы попривыкнуть жить на чужой стороне своею собственною головою, а не чужим умом. Между же тем временем Алексей Петрович, который уже успел своим прилежанием по службе и хорошим поведением успел обратить на себя некоторое внимание от своего начальства, будет непременно столоначальником; и тогда ты можешь перейтить в Сенат и служить в его столе под его надзором и покровительством и даже жить с ним на одной квартире. Он для тебя будет уже не то, что Сокольский; он будет радеть о твоих пользах и о твоем счастии, как о своем собственном. Ибо, кроме того, что он связан с нашим домом родством, он очень любит тебя за твою доброту и чистосердечие. Дожидаться же тебе этого не слишком долго, ибо года через полтора или через два ты получишь офицерский чин, а Алексей Петрович к этому времени как раз будет столоначальником. Ты же между тем старайся приобресть необходимые по статской службе сведения, вникай в ход и производство судебных дел, читай уложения, законы, указы, учись сочинять просьбы, узнавай формы судебных бумаг всякого рода, обязанности и преимущества всех сословий и государственных чиновников, будь прилежен и не упустителен в исполнении собственных своих обязанностей по службе; заботься также и о чистописании, и о грамматике, чтобы сколько-нибудь сделаться достойным служить в таком месте, как Сенат; а о большом жалованьи, о доходах, щегольстве и вообще приобретении денег забудь до времени и думать, как о деле несбыточном и смешном. Итак, вот тебе мой совет; в твоей воле последовать ему или нет; по крайней мере, я свое дело сделал и потому в рассуждении этого остаюсь спокоен.

Ты, может быть, удивишься, что я говорю о твоем поступлении в Сенат, как о деле совершенно возможном; об этом не беспокойся, помни пословицу: не боги горшки обжигают. Притом же я ныне ничего не хочу ни делать, ни говорить наобум и решился во всех поступках быть рассудительным и основательным. Об этом деле я советовался с Алексеем Петровичем, и он уверил меня, что тебе очень не трудно будет, по получении офицерского чина, поступить в Сенат, и в этом случае на его слова можно совершенно положиться. Ты же, с своей стороны, никому о сем не говори, ибо обстоятельства могут перемениться, и надежды твои не исполниться. Помнишь ли ты, как я писал к вам, что я печатаю свою трагедию, и с восторгом высчитывал тысячи, которые я от нее получить надеялся...

Что же вышло? Вместо славы и денег я получил от нее неудовольствия и горести, и после каялся, что прежде времени объявил вам об этом. Я теперь смеюсь над своими прошедшими глупостями: такими-то горестными уроками, такою-то дорогою ценою получается опытность!.. Итак, учись, служи, веди себя хорошенько и потихоньку, не торопясь, готовься к своему тайному назначению, а о прочем предоставь пещись богу; что будет, то будет, а чему не должно быть, того не будет. Сноси терпеливо свои горести и помни, что когда-нибудь они должны окончиться. Я очень рад, что Папинька переменил с тобою свое прежнее обращение, и ты им теперь доволен; умей этим пользоваться, будь к нему почтителен, вежлив, услужлив, старайся предупреждать все его желания; ежели он обидит тебя словом или делом, не ропщи, не жалуйся, не помни зла и сноси терпеливо и помни, что он твой отец и что ему судья один бог и собственная его совесть. Об одежде его проси только в самой неизбежной крайности и то осторожнее; примечай, что ему нравится и чего он особенно не любит, и сообразно с этим располагай своими поступками в отношении к нему.

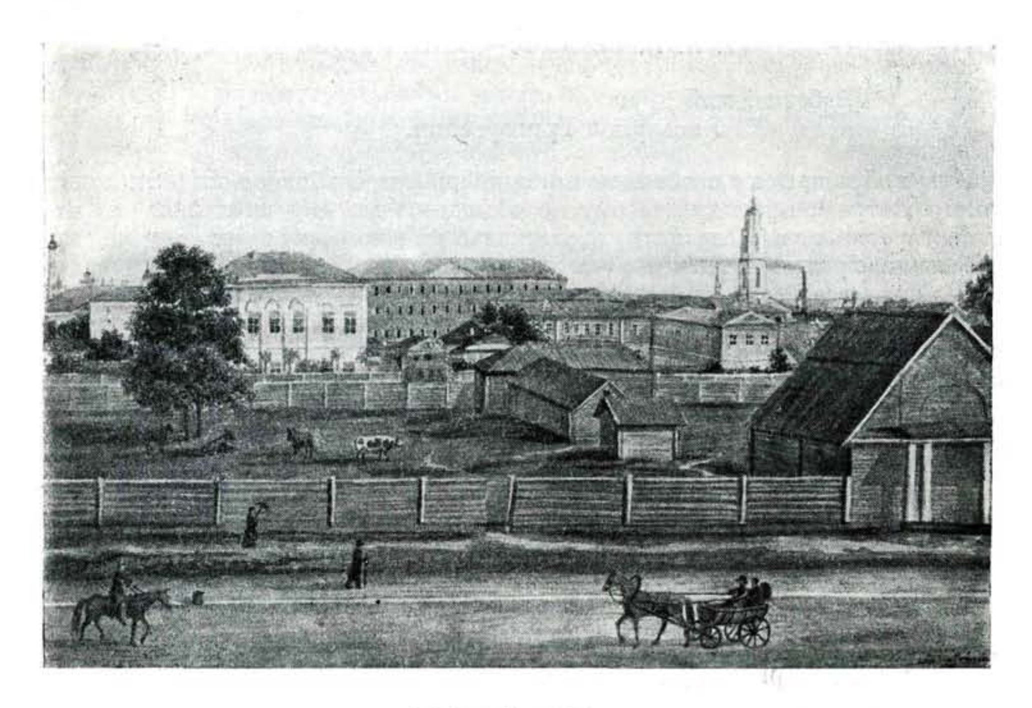
О Никаноре я с сего времени ничего говорить не буду, ибо мне уже наскучило тысячу раз твердить без пользы одно и то же. Это решено: он малый погибший... Бог судья тем, которые его губят!..

Ты пишешь, что для тебя очень приятно, что я оставил курение. Советую и тебе последовать моему примеру, потому что ⟨...⟩* и не может быть вредна для твоего здоровья, как для моего; но зато, она иссушает, как ты сам говоришь, твой карман и приводит его в самое чахоточное состояние; а он у тебя и без того тощ.

Что же касается до твоей просьбы купить тебе бритву, то на это я скажу тебе, что и на 5 р. ас. нельзя купить порядочной бритвы, а двухрублевою можно не бриться, а только резать палки, ибо и порядочный перочинный ножик стоит не менее двух рублей. Что касается до книги, которую ты просил меня купить на деньги, присланные на бритву, то потерпи: со временем я могу исполнить твою просьбу с большою для тебя пользою; теперь я чрезвычайно занят и не имею ни минуты свободного времени. Иногда случается, что за безделицу можно достать хорошую книгу, только не надобно торопиться.

Ты просишь меня прислать тебе мою трагедию; на это отвечаю тебе в последний раз и наотрез: не пришлю. Тебе известно, что экземпляр, переписанный набело, остался навсегда в цензуре, у меня же теперь только и есть один черновый, и я лучше соглашусь отрубить себе руку и послать ее тебе в подарок, нежели расстаться с ним на какое бы то ни было время. Она может пропасть во время пересылки или по листочкам растеряться у тебя самого. При том же я непременно намерен в свободное время понемногу переделывать ее так, чтобы ее можно было пустить на белый свет. Так как я теперь стал поопытнее и потому на многие предметы начинаю смотреть

* В рукописи оторван угол.

ОКРАИНЫ МОСКВЫ
Акварель Софи Эверин, 1848 г.
Музей истории и реконструкции Москвы

с другой точки зрения, нежели прежде, то и надеюсь успеть в своем предприятии. По этим причинам мне никак не возможно с нею расстаться, и я прошу тебя об этом более не только не говорить, но и не думать. Когда увижусь с тобою, тогда можешь читать ее сколько тебе угодно.

Новостей у нас так много, что недостало бы ни времени, ни бумаги, ни терпения описывать тебе их; когда увидимся, то все узнаешь от меня подробно. Недавно был в Москве государь император, и великий князь Михаил Павлович, кажется, и теперь еще в ней. Теперь живет в Москве товарищ министра народного просвещения, тайный советник Уваров; он часто присутствует на лекциях и, по просьбе государя императора, навсегда остается в Москве, для личного надзора над Московским Университетом [2].

Ты просишь у меня еще стихов, а между тем не прислал старых: я не получал их от Михаила Николаевича. Очень радуюсь, что ты познакомился с г. Сиценковым; я об нем слышал очень много хорошего, и сам желал бы с ним быть знакомым. Старайся ⟨...⟩* все свои хорошие знакомства и извлекать из них пользу для твоего образования. Прощай! Будь здоров и счастлив! Твой брат

Виссарион Белинский

[1] Запоздание, с которым Белинский отвечал на письмо брата, объяснялось, вероятно, тем, что 27 сентября 1832 г. он был исключен из университета. Ничего не сообщая об этом в своем письме, Белинский продолжал хранить это событие в тайне от родных в течение нескольких месяцев. См. письмо его к матери от 21 мая 1833 г. и прим. к нему.

[2] Николай I прибыл в Москву 20 сентября 1832 г. по пути из Воронежа в Петербург. С. С. Уваров (1786—1855), назначенный 21 апреля 1832 г. товарищем министра народного просвещения, в это время находился в Москве: в августе того же года он был командирован «на обозрение Московского университета и части учебного округа».

* В рукописи оторван угол.

62. П. П. ИВАНОВ — БЕЛИНСКОМУ

〈21 октября 1832 г.〉

Любезнейший друг
Виссарион Григорьевич.

К вам обращаюсь с особенною покорнейшею просьбою не оставить моего юного Петра [1], преподавать ему по обещанию вашему из языков, за что я постараюсь вам заслужить, и напишите ко мне беспристрастно, не скучает ли он о родине, охотно ли учится, и чтобы он писал как можно почаще. Я без шуток думаю быть во Владимире, а оттуда и на вас взглянуть.

Извините, что пишу на такой бумаге, так случилось наскоро, а в квартире бумаги нет. Свидетельствуя вам истинное и усерднейшее почитание, остался покорнейший слуга

Петр Иванов

21 октября

[1] Младший сын П. П. Иванова — Петя — был отправлен родителями в Москву.

63. Г. Н. и К. Г. БЕЛИНСКИЕ — БЕЛИНСКОМУ

〈Чембар, 25 ноября 1832 г.〉

Г. Н. Белинский:

Виссарион Григорьевич!

Нашелся мне случай к тебе писать, который я и ты должны почесть за надобность даже полезную, тебе только достается выполнить следующее: хорошенько описать положение Московского лицея, из какого звания принимают детей, каких лет, курс [окончательного] учения. Ты знаешь, что наш Никанор при хороших дарованиях, и если его пустить по твоим следам, то как бы не увяз и при таких дарованиях в Пензенской гимназии, в которой иностранные языки, особенно латинский, преподаются скупо, а без сего последнего далее шагнуть нельзя. Отвечай скорее.

Мы весьма теперь успокоены твоим избавлением от болезни и благодарными остаемся за старания г. медика NN.

Пиши, сколько тебе денжонок прислать. Затем остаюсь доброжелательный твой отец

Григорий Белынский

Ноября 25 дня 1832 г.

К. Г. Белинский:

Любезнейший братец и друг
Виссарион Григорьевич!

Письма твои от 15 октября и 12 ноября [1] мы получили 24 оного месяца, за которые и приношу мою чувствительную благодарность, а особливо за решительное твое мнение о моей службе в Саратове, которое я нашел основательным; ежели бы ты и советовал мне туда ехать, то я и сам уже раздумал еще прежде твоего письма. Но что касается ехать мне по получении офицерского чина и занятия Алексеем Петровичем в Сенате должности столоначальника в Москву и служить вместе с ним и у него в столе и под покровительством, то оным ты меня много оживил и рассеял туман мыслей моих о будущей службе. Мое первое теперь будет правило: стараться как можно о приобретении познаний по службе, чтение законов, уложений и проч., чтобы можно было удобнее служить в Сенате. Что же касается до офицерского чина, то я к оному уже и представлен. Ежели бы все сие испол-

нилось, то я не нашел бы слов изъявить мою благодарность тому, кто будет оного виною, а всегдашняя моя была благодарность: уважение, почтительность и откровенность во всяких случаях.

У нас в Чембаре такая идет кутерьма, что и говорить нельзя: члены и секретарь Земского суда отданы под суд по дошедшим до губернатора слухам за разные дела, и бедный Сурин невинно страдает за дело, в котором он не был участником, а именно: по делу отставного солдата Марковина. Рацул переведен в Пензенский земский суд, а на место его столоначальник Губернского правления Очкин, место коего заместил помощник его Засухин; исправник вышел в отставку, на место которого определяют В. Григорьева; заседатель А. Крынский вышел в отставку, на место которого определили И. Григорьева; протопоп Студенский по своему желанию перешел в Краснослободск, а на место его из Пензы пришлется; Даниил Осипович Каменский переведен в село Каменку благочинным. Вот сколько новостей! Ежели писать подробнее, то не столько найдется. Мнение твое о Николае Егоровиче Синенкове очень справедливо: он человек ученый, образованный и умный; меня полюбил, равно как и я его. Не знаю, что и писать, било одиннадцать часов, я еще и не печатал письма и в суд не ходил. Итак — прощай! Кланяйся Алексею Петровичу и Дмитрию Петровичу, а Петеньку поцелуй, да получше. Остаюсь твой брат

Константин Белинский

P. S. Папеньке мы писем твоих не показали.

На первой странице надпись рукою Белинского: Получено декабря 5 дня, в понедельник.

[1] Письмо Белинского к брату от 12 ноября 1832 г. до нас не дошло.

64. П. П. ИВАНОВ — БЕЛИНСКОМУ

⟨Керенск, 28 ноября 1832 г.⟩

Милостивый государь и любезнейший друг
Виссарион Григорьевич.

Вчерашний день старуха моя приехала из Чембара и привезла с собою письмо ваше к ней, писанное от 12 ноября[1], из которого вижу точное исполнение вашего попечения о Петеньке, за что приношу мою наичувствительнейшую благодарность и усерднейше прошу продолжать оное и, следуя вашему письму, книги, какие привезены из Чембара, при сем препровождаю. Вы будьте ему и профессор наставник и благодетель и отец наук, а я, как старый пономарь, не могу ничего дать в научение, кроме как покудова жив просить благотворителей о попечении о нем. Если не в тягость будет вам приказать связать ему тетрадку и отмечать успехи в занятиях и к концу года мне переслать при оказии, и прошу вас покорнейше еще, чтоб он писал как можно чище, посылаю несколько строк руки Ивана Ивановича Заикина к его руководству. Прощай, мой любезный друг. Желая вам доброго здоровья, с истинным почтением и преданностью остался, милостивый государь, ваш покорнейший слуга

Петр Иванов

28 ноября 1832 г.

Маменька посылает ⟨*дальше приписка Федосьи Степановны Ивановой:*⟩
Любезный друг Виссарион Григорьевич, благодарю тебя за письма и за ученье Петеньки. Я надеюсь на тебя, как на ближнего родственника и

многолюбящего нас, что ты будешь продолжать занимать его оным. Попутчик скорый, перо у троих одно, писать больше некогда, как сказать тебе, что родители и домашние твои все здоровы, тетушка [2] посылает тебе две теплые манишки. Прощай, желаю тебе от бога всех благ, остаюсь многолюбящая тебя

сестра твоя
Федосья Иванова

На первой странице надпись рукою Белинского: Получено 7 дек. в середу.

[1] Это письмо Белинского к Ф. С. Ивановой до нас не дошло.
[2] Мать Белинского — Марья Ивановна.

65. М. И. БЕЛИНСКАЯ — БЕЛИНСКОМУ

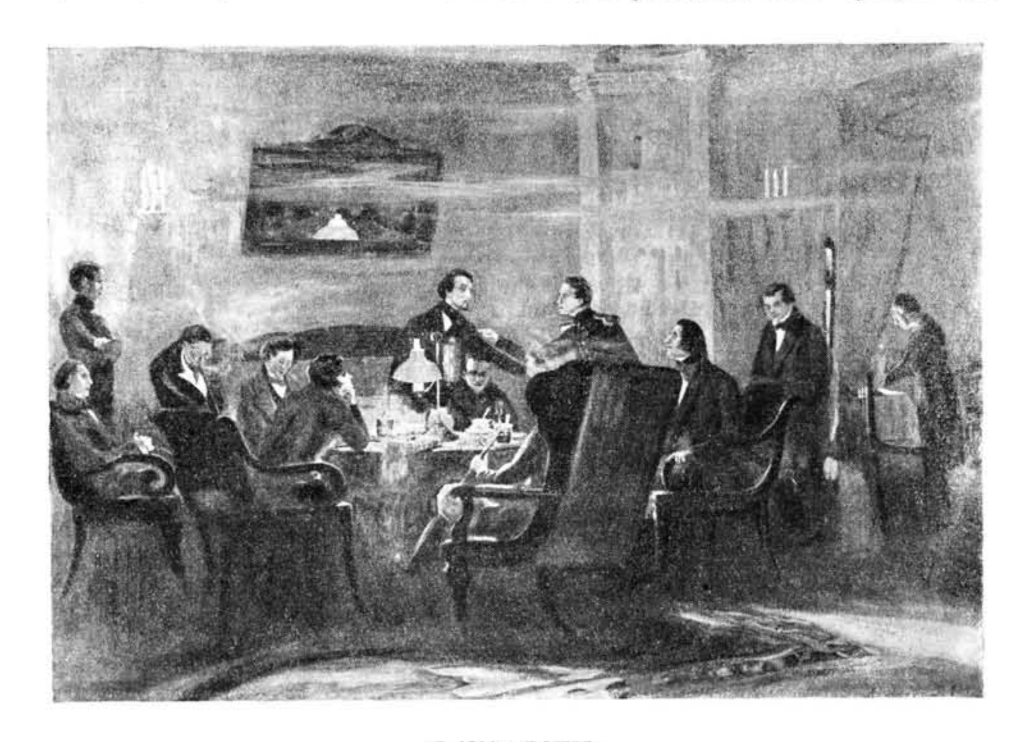
Чембар, 1832 года, декабря 10 дня

12-й час полдня. Отец сбирается в округу и пошел, не знаю куды, с любезным Селезневым, а Константин на целую лепешку намазал масла и уписывает, а другой рукой сбивает в графине сливочное масло, а Никанор сидит в детской и читает с восхищением книги Рославлев или Русские ⟨в⟩ 1812 году, ему вчерась вечером отец принес от откупщика Павлова; а Василий в кухне щиплет гуся, а Авдотья в кухне шьет, а Акулина обыкновенно с ухватами округ печки. А я с отцом не говорю уже другой день, потому что он дня с три сряду буянил, ругал и поносил меня и маменьку [1] тож. Я хотела ночи на две уйтить к маменьке, что со мною и случалося прежде*, но за разными домашними недосугами раздумала, приехала домой 8 числа ⟨...⟩

Теперь будет вздор писать. Мы получили твои приятные письма, милый мой сын и друг Виссарион Григорьевич. Письма твои я все от отца скрыла, он отвернулся, когда я разбирала узел, а я схватила конверт подмышку и удрала с ним в кабинет, отец пробурчал «писем нет», я промолчала, и тем кончилось. Благодарю тебя, мой друг, за твои письма и наставления, я твои письма слушаю вместо проповеди. Отец тебе послал письмо декабря 25, а от тебя получили 24 числа. Он тебя просил об какой-то лицее узнать, узнай, бога ради, хорошенько, чтобы сбыть с рук нашего воителя. Ах, друг мой! Какие он дарования имеет, какую память острую. Иногда отец с ним разговорится об царях, об войнах, он точно большой слушает и судит, но зато как и зол, какой драчун, всех бьет и ругает. Я, Саша и с нами Анна Васильевна, мы ездили в Поим [2] к куму и куме [3], к управляющему. Поехали первого числа, а приехали домой ⟨?⟩, а за Костей посылали лошадей 3 числа, а 4 числа кума была именинница, Варвара Федоровна, а домой приехали 5 числа вечером. Отец с нами не ездил, он с нами никуда не ездит, от помещиков ото всех отстал с этих пор как с ним случилось у Евреинова. Не знаю, они думают, что он о сю пору сумасшедший, или они его презирают, все ездят лечиться в Пензу и в Сердобск. Петра Александровича отдали в уголовную по ершовскому делу [4], а он был до этого немножко нездоров, а как услышал, то и более его поразило. Его требуют для ответа в Пензу, он сказался больным, нашего отца наряжают свидетельствовать, поехал, написал свидетельство; они хотели прислать за ним лечить вскоре, но что-то замешкались или, кажется, больной не решался лечиться. Приехала Анна Петровна[5] и уговорила отца лечиться, пишут письмо, присылают за нашим лошадей, нет, не тут-то было, отговорился, не поехал; исправник узнал, уговаривал ехать, ничто не подействовало. Посылают в Сердобск за лекарем, того не застали дома. Наконец, Анна Петровна при-

* *Слово* «прежде» *надписано над строкой К. Г. Белинским.*

ехала сама за нашим батюшкой, на помощь взяла Катерину Петровну. Ты не можешь представить, как они его уговаривали и упрашивали со слезами. Анна Петровна хотела встать на коленки. Не думаешь ли ты, что он поехал? — ничего не бывало, он хладнокровно отказался. Теперь посуди о своем отце и подумай, кто после этого за ним пришлет. Что же он после говорил: «А они узнали, что я им свидетельство дал не в их пользу, они меня хотят заманить к себе в дом и убить или прибить до полусмерти». У нашего сокровища только и в уме, что убьют или прибьют, а бедный Петр Александрович дён через пять и отправился в вечное жилище. Его хоронили в Екатеринин день; в этот день мы были на именинах у Поспеловой барышни, танцовали, гостей было очень много, и угощенье было прекрасное.

«В 1830-е ГОДЫ»
Акварель А. Ф. Максимова, 1902 г.
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Костенька был и танцовал, и отец был, и Никанор, люди всегда меня просят, чтобы я его взяла, чтобы он всех без нас не перебил и не разругал.

Отец сочиняет новые планы, Никанора хочет определить в лицею, кажется, это должно сделаться летом, а он хочет нынешнюю зиму ехать в Пензу и просить губернатора, чтобы позволили ему перейтить в армию или в какие-нибудь дальние города, меня хочет бросить, и не знаю, чем кончатся наши ссоры и неудовольствия. Я тебе, мой друг, посылаю гостинец — домашнего гуська, жарь, мой друг, хотя у Алексея Петровича, и скушай на здоровье.

Поклонись от меня Алексею Петровичу, Дмитрию Петровичу, Петеньку поцелуй. Митенька нынешний год был гораздо погордее прошлого года и, кажется, меньше расположен к нам, и реже у нас был. Ты, мой друг, приедешь ли в следующую вакацию, я тебя жду как праздника, то-то бы с тобой наговорилась. Поздравляю тебя, мой друг, с праздником рождеством

христовым, я знаю, что ты получишь письмо перед самым рождеством. Желаю тебе быть здоровым и благополучным, многолюбящая твоя мать

Марья Белинская

Представь себе, Никанор часу с осьмого и теперь осьмой час вечера, он не умолкал ни на минуту читать Рославлева, только уделил несколько слов поссориться с Терентием Матвеевичем, он у нас часу в шестом был и пьяненек, не разобрал, что Никанор читает хорошую книгу, говорит ему: «Полно,—говорит,—врать-то». И пошла у них потеха, насилу я их развела. Отец уехал в округу часу в четвертом, купил сладкой водки, выпил, пообедал, его разобрало, и как же меня разругал. Ты пишешь, мой друг, чтобы в горести не унывать, я не слишком унываю; если бы унывала, то бы давно была бы в земле. Прощай, мой друг. 8-й час вечера, сейчас иду в кабинет печатать письмо.

Написала редко, да метко, а если не понравится тебе, то и никогда не дождешься. Ты говоришь, что тебе приятно слышать о домашних обстоятельствах.

Это писала ко мне поимская кума Емельянова, вот и читай без досады[6].

На первой странице надпись рукою Белинского: 3 Г⟨енваря⟩ 1833 г. Втор⟨ник⟩.

В опускаемой части письма М. И. Белинская описывает семейные неурядицы, поведение мужа и сына Никанора; передает чембарские новости.

Упоминаются: А. Г., Г. Н., К. Г. и Н. Г. Белинские, Брычев, Великопольские, А. Данилова, В. Жилинский, Д. Е. Иванова, Павлов, Селезневы, Щетинины.

[1] «Маменька» — Дарья Евсеевна Иванова.

[2] Поим — село Чембарского уезда.

[3] «Кум и кума» — К. И. и В. Ф. Емельяновы.

[4] Петр Александрович Мосолов — бывший чембарский судья. «Ершовское дело» — о взятии в опеку села Ершово графов Разумовских. См. об этом в указанной выше книге В. С. Нечаевой, стр. 126—127.

[5] Анна Петровна — дочь П. А. Мосолова (см. прим. к письму № 21).

[6] Часть письма написана на чистых страницах совершенно безграмотного письма Варвары Федоровны Емельяновой к Марии Ивановне Белинской. Там же приписка Константина Белинского:

Любезнейший Виссарион Григорьевич!

При чтении сего письма я вместе с маменькою смеялся над складом оного. Вот образцовый-то склад!

К. Белинский

P. S. Маменька просит, чтобы с сим подателем, мужиком Кугушевой, написал нам письма, но не укорял бы папеньку.

66. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар, 1832 года, декабря 10 дня

Любезнейший брат и друг
Виссарион Григорьевич!

В прошедшем письме моем, посланном по почте от 25 ноября, я писал тебе о чембарских новостях, о которых за недостатком бумаги и времени не мог тебе сообщить подробнее, но теперь, хотя я и пишу сие письмо 9 декабря в девятом часу ночи, потому что оно пошлется завтрашний день с мужиком княгини Кугушевой, но могу написать побольше, нежели чрез почту; теперь приступлю и к описанию.— Я тебе писал, что члены Земского суда и секретарь отданы под суд, по дошедшим до губернатора слухам, по разным делам, и что Рацул переведен в Пензенский земский суд, место которого заступил столоначальник Губернского правления титулярный советник Павел Очкин, должность коего отдана помощ-

нику его Засухину, и проч. Теперь скажу тебе новые: в Пензенском уездном суде судья и заседатель отрещены от должностей, на место коих, заседателя — из Пензенского земского суда Ермолов, а судьи — Трубников (помещик). Никита Александрович Дьячков отдан под суд по делу о запечатанной купца Ляминцова сладкой водке. Вот бедняк-то невинно страдает! Ныне видно, кто больше трудится, тот и виноват... Придешь когда в правление, он только что announceписывает, с утра до темной ночи и с места иногда не сходит, а другой только взятки берет. Недаром русская пословица говорит: Кто рано встал, палку взял, тот и капрал стал ⟨...⟩ 4 декабря я был в Поиме у Кирилла Ивановича и Варвары Федоровны, потому что последняя тогда была именинница ⟨...⟩ Я оттуда привез 3 № Телескопа сего года и 5 № Молвы. Кирилл Иванович их не получает, а они ему достались от Дьяконова, который уехал в С. Петербург.— Г-н Емельянов с будущего 1833 года будет получать Инвалид или Военные ведомости, издаваемые господином Воейковым в С. Петербурге; он их более для сына будет получать, который служит в полку и находится в Польше, чтобы иметь о нем подробное сведение ⟨...⟩

У меня ныне одно только удовольствие: приятное с тобою свидание на вакацию, разговоры, которые по причине долгой разлуки будут неистощимы, показывание тебе моей библиотеки и портретов двух российских поэтов: Фон-Визина и партизана Давыдова, которыми украшается мой приют мечтания, столько меня в часы свободы занимающего, что я часто воображаю себя находящимся вместе с тобою в первопрестольной столице Москве, и часто, очень часто я до того размечтаюсь, что не верю сам себе — в Москве или здесь нахожусь, отчего и вижу часто во сне тебя, любезнейший, с твоими неоцененными родственниками и друзьями, что я с вами в Москве, а иногда и тебя вижу приехавшим в Чембар, и будто бы я с тобою стреляю птиц. Вот до чего может простираться братская любовь! ⟨...⟩ Я часто, находясь в сладостном мечтании, говорю следующие г-на Гнедича стихи:

Счастлив, счастлив еще несчастный,
С которым хоть мечта живет,
Во мрачных днях один он ясный,
Хотя в мечтании найдет![1]

Ежели так случится (от чего сохрани, боже!), что тебе по каким-нибудь обстоятельствам нельзя будет приехать на вакацию домой, то я решаюсь итти пешком в Москву, или с кем-нибудь христа ради съехать; а ежели в деньгах нужда, то я жалованье все жертвую тебе или продать из одежды решусь, только бы с тобою, моим единственным любимцем моей души и сердца, увидеться, ибо ты занимаешь все мои мысли, и, говоря словами А. Петрова: воспоминание о тебе есть одно из лучших моих удовольствий. По приезде твоем к нам я бы все забыл: и судьбу негодную мою и свет с его подлою завистью и проч. Ты так много меня обрадовал, что по получении офицерского чина поступлением мне в Сенат, что я ныне стал гораздо повеселее, нежели прежде, и так это меня много утешает, что я буду со временем жить в Москве и служить с Алексеем Петровичем, что я ныне ни о чем почти более так не думаю, как об этом, и, сколько позволят обстоятельства, стараться хотя несколько быть достойным служить в Сенате. Извини, что так мерзко написал: перо гадкое, свеча горит плохо, глаза смыкаются. Прощай! Целую тебя несчетно раз. Брат твой

К. Белинский

На первой странице надпись рукою Белинского: Получено 3 генваря 1833 года, во вторник.

В опускаемой части письма К. Г. Белинский излагает служебные и чембарские новости и подробности своей жизни.

Упоминаются: Баранова, М. И. Белинская, А. и М. Брычевы, Давыдов, Дюжины, В. Жилинский, А. П., Е. П. и П. П. Ивановы, А. Кугушева, Максимов, М. и П. Мачинские, Москвин, Надеждин, Д. Небольсин, Норов, А. Поспелова, Г. Семенов, А. С. и Н. Е. Синенковы, Субочев, Н. Субочева и Черноусов.

[1] Неточно цитируемая строфа послания «К К. Н. Батюшкову» Н. И. Гнедича.

67. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

〈Чембар, середина декабря 1832 г.〉

Любезнейший брат и друг,
Виссарион Григорьевич!

В письме своем от 15 октября ты писал мне, что бритву за 2 р. ас. нельзя найти в Москве, а надобно 5 р. 50 коп., которая могла бы брить, а не резать палки, как ты говоришь, что двухрублевою можно только резать палки, а не бриться. Я не могу понять, отчего мы в Чембаре купили у разносчика бритву за 250 коп., которая порядочно бреет. Неужели же в Москве нельзя найти за два рубля порядочной бритвы? Там на Толкучем рынке и не одну найдешь, что я своими глазами видел, бывши в Москве. А как я тебе писал, что ежели не найдешь наскоро бритвы, то книгу какую-нибудь получше; а как ты сам писал, что спешить не надобно: иногда за самую безделицу можно купить хорошую книгу, то и прошу вторично, не оставь моей просьбы, а ежели можно, то нельзя ли купить Грамматику Греча, мне оную хочется иметь для того, чтобы учиться русскому языку, столь богатому своим наречием, которым я иногда восхищаюсь. Ах! Друг мой, пожалуйста, старайся, чтобы на вакацию приехать домой: тебя многие желают видеть, особливо слыхавши о сочиненной тобою превосходной по благороднейшим мыслям трагедии. Я всеми силами буду стараться о твоем приезде и жду не дождусь того время, когда я буду наслаждаться тем счастьем, что тебя увижу*.

Никанор собирает на Рославлева и Юрия Милославского деньги и уже собрал 3 р. ас., а между тем свои книги, которые ты ему прислал из Москвы, все размытарил, и что еще он было затеял: начал продавать перочинные ножички, грифеля, аспидную доску и проч., которые вещи продал за самую безделицу, а именно: за доску аспидную 40 коп., за ножички по 8 и 20 коп., за грифеля по 4 и 2 коп. Вот строгость отца до чего доводит! Папенька его нимало не исправляет, даже ни о чем не хочет и знать...

Ты писал мне, что ты стихов от меня не получил, которые ты мне послал для списания; на сие скажу, что я их тогда забыл послать, а теперь посылаю только две тетрадки, которые по половине белые, а 4 оставил: когда приедешь, то возьмешь, они останутся в задаток [1]. Прошу тебя и на будущее время не оставлять присылкою новых стихов, а особливо нового поэта крестьянина Егора Алипанова, которого у меня есть две басни: Тревога и Скворец. Итак прощай, мой милый друг! Остаюсь

брат твой К. Белинский

На первой странице надпись о получении рукою Белинского: 3 Г〈енваря〉 в Вт〈орник〉 1833 〈г.〉.

[1] Из тетрадок с переписанными Белинским стихотворениями до нас дошли две, хранящиеся ныне — одна в Рукописном отделении Института русской литературы АН СССР (шифр 3370, XVII б) и другая в Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. См. их воспроизведение на стр. 114—115 и 119.

---

* По сему можешь судить, как дорог ты для меня и для маменьки. — Прим. К. Г. Белинского.

68. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар, 1833 года, февраля 16 дня

Любезнейший братец и друг
Виссарион Григорьевич!

Не знаю, чем и начинать письмо: новостей много, а времени на описание оных мало. Ляминцов дал знать о своей поездке в Москву тогда, когда он совсем собрался ехать ⟨...⟩

Папенька сказывал нам, что Владимир Жилинский хочет ехать в Москву на второй или третьей неделе великого поста, то маменька и хочет с ним послать тебе два окорока ветчины, а я большое письмо.

Сделай милость, уведоми нетерпеливых нас, намерен ли ты приехать на вакацию домой или нет. Ежели ты не намерен, потому что не надеешься на папеньку в рассуждении присылки на дорогу тебе денег, то о сем прошу тебя не беспокоиться, ибо я тебе и прежде сего писал, что я все силы употреблю, а достану денег и перетащу на вакацию домой, хотя бы мне оно стоило и много; но я почитаю все за ничто, когда жертвую для своего единственного брата, каков ты, мой любезнейший. Маменька тоже постарается о сем и даже несколько раз напоминала мне, чтобы я о сем написал тебе.

Бабушка тебе кланяется, равно и все наши домашние, а особливо маменька с Акулиною, которая часто повторяет сии слова: «Когда-то, господи, принесет нам его. Посмотрела бы на него, милого». Потом начнет накладывать на грудь кресты ⟨...⟩

Приезжайте, мои любезные, для вас каждого у меня все родится и как говорится: одна копейка, и та ребром ⟨...⟩.

Прощай, мой неоцененный; твой брат

К. Белинский

На первой странице надпись рукою Белинского: Получено Февраля 24 дня в пятн⟨ицу⟩.

В опускаемой части письма К. Г. Белинский излагает чембарские новости и передает привет родным.

Упоминаются: М. И. Белинская, А. Брычева, кн. В. Енгалычев, В. Жилинский, А. П., Д. П. и Ф. С. Ивановы, В. Ильин, А. Кугушева, Кулагин, А. И. Поспелова (Ильина), М. Е. и Н. Е. Синенковы, З. Д. Френева, Френевы и П. Д. Юрьев.

69. БЕЛИНСКИЙ — М. И. БЕЛИНСКОЙ

Москва, 1833 года, февраля 20 дня

Милостивая государыня,
Маминька Марья Ивановна!

Давно уже не писал я к Вам; Вы, я полагаю, думаете, что я или болел отчаянно, или умер, или попал в плен к Киргисцам. Но не беспокойтесь: ничего не бывало! Здоровье мое находится в самом лучшем положении, и если бы меня не беспокоила мысль о горестном состоянии нашего семейства, то я бы мог назвать себя даже совершенно счастливым. Не писал же я так долго к Вам потому, что никогда не люблю писать, когда не о чем и нечего писать: это мое неизменное правило. И потому, к слову, я прошу Вас никогда не беспокоить себя пустыми сомнениями насчет моего здоровья или обстоятельств, если я долгое время не отвечаю на Ваши письма.

Письмо Ваше, от декабря 10 прошедшего года, я получил, равно как и приложенный при оном гостинец, за который и благодарю Вас; он показался мне гораздо вкуснее и приятнее Вашего письма, которое я никак

не мог проглотить, ибо оно остановилось у меня в самом горле, да и теперь еще стоит в нем. Ну, маминька, подлинно, что лакомый кус! Впрочем, я уже привык к подобным домашним гостинцам; только мне кажется, что они, что ни далее, все становятся солонее, а это не к добру. Мною не на шутку начинают овладевать какие-то зловещие предчувствия. Папинька с некоторого времени начал разыгрывать драму, которой развязка меня ужасает. Я уверен, что он или находится на высочайшей точке отчаяния, похожего на какое-то сатанинское ожесточение против всего существующего, или уже близок к совершенному сумасшествию. Я не знал, что мне делать: смеяться или плакать, когда узнал о его прекрасном намерении бросить, на старости лет, дом, жену, детей и определиться в армию, чтобы, подобно известному герою Дон-Кихоту, пуститься в свет для отыскивания рыцарских приключений. Вы догадаетесь, что подобная уверенность в помешательстве ума моего отца нимало меня не радует. Будущее представляется мне в какой-то ужасной перспективе, а в настоящем я также не слишком много нахожу для себя утешительного... Но, несмотря на все это, я скорее соглашусь приклеить себе ослиные уши и написать на своем лбу, что я дурак, нежели предаваться безвременному отчаянию. Если бы все мои старания дать благоприятный оборот своим худым обстоятельствам оказались тщетными, то и тогда бы я не стал ни плакать, ни жаловаться, но, напротив, скрепив свое обливающееся кровию сердце, с насильственною на лице улыбкою, принимал бы удары судьбы. Советую и Вам поступать так же. Смейтесь, хохочите, когда сердце Ваше разрывается на миллионы частей; пойте, когда душа Ваша желала бы вылиться рыданиями и воплями; пляшите, когда судороги отчаяния начали бы сводить Ваши члены. Поступайте так, и я буду гордиться тем, что я Ваш сын. Вы молитесь богу, оказываете самое ревностное усердие к религии; но религия не в постах и молитвах: она в душе, в сердце, в делах человека. Вы питаете надежду, что Ваши горести, Ваши страдания вспомнятся у бога; но, маменька, ведь мученический-то венец достается ценою т е р п е н и я покорного, безропотного. Эти святые отцы, эти мученики, Вами почитаемые, Вами обожаемые, т е р п е л и, и как же еще терпели-то! Под ударами бичей, мучимые раскаленными щипцами, разрывавшими их тело, в огне, в железах, в пытках, они молили бога за своих палачей и благодарили его за то, что он удостоил их вкусить мучения за его славу. Вы, может быть, удивитесь, что с некоторого времени я пишу к Вам в своих письмах проповеди, все на один и тот же лад. Я потому это делаю, что, по моему мнению, с каждым днем вы имеете бо́льшую и бо́льшую нужду в той добродетели, которой я советую Вам придерживаться, т. е. в т е р п е н и и. Если слова мои будут доступны душе Вашей, если она откликнется на них ответным звуком, тогда труды мои и желания не останутся тщетными. Если же слова мои будут г л а с в о п и ю щ е г о в п у с т ы н е, то — бог с Вами! По крайней мере, я буду утешать себя тою мыслию, что я выполнил свой долг, сделавши с своей стороны все, что только мог сделать. Обращусь опять к прежней материи и скажу Вам, что есть еще другая причина, побуждающая нас к терпению: это — н а д е ж д а. Кто может знать будущее, кто в состоянии видеть сквозь этот таинственный покров, столь недоступный для глаз смертных, которым судьба скрыла от нас будущность. Разве из самого зла не может образоваться для нас зерна, из которого некогда разовьется целое дерево счастия и принесет богатые плоды. Так для чего же нам, самовольно лишая себя надежды, безвременно убивать себя отчаянием. Было время, когда Вы неутешно сокрушались о моей болезни и в горьких слезах выливали свое здоровье и укорачивали тем нить своей жизни, но болезнь моя миновалась, я стал еще здоровее прежнего и даже совершенно забыл о тех страданиях, на которые имел неблагоразумие Вам жаловаться в своих письмах; Ваша же горесть, может быть, некогда отзовется дурными

последствиями. Но я теперь буду умнее: какое бы ни постигло меня несчастие, Вы никогда не узнаете об оном от меня прежде, нежели мои обстоятельства не примут лучшего оборота [1].

Из наших же семейных обстоятельств меня более всего беспокоит участь бедной Александры: и днем и ночью я только о том и думаю, чтобы поскорее увидеть ее замужем. Каково бы ни было тогда ее счастие по крайней

33

Выходитъ при Телескопѣ, по Вторникамъ, Четвергамъ и Суботамъ.

Цѣна въ Москвѣ 45 руб. съ пересылкою 50 руб. ассигнаціями.

МОЛВА

1833. СУБОТА. МАРТА 18.

ЛЕЙПЦИГСКАЯ БИТВА.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СТАРАГО СОЛДАТА.

Я люблю, сидя у камина, вспоминать о Лейпцигской битвѣ! И между тѣмъ небо 16 Октября 1813 года было сырое, мрачное и холодное небо!

Но если бы вы знали, какія прекрасныя сцены тамъ происходили!

Земля была покрыта разбросанными обломками сбитыхъ съ лафетовъ пушекъ, фуръ, пороховыхъ ящиковъ, мертвыми и умирающими, оторванными кровавыми членами, валявшимися около своихъ туловищъ.

Присовокупите къ тому огромные пожары замковъ, загородныхъ домовъ и, что всего горестнѣе, *пожары бѣдныхъ хижинъ*! Какое другое смятеніе можетъ съ симъ сравниться? Возьмите любое, на примѣръ, смятеніе Сен-Жерменъ д'Оксерруа; однакожъ мыслію и воображеніемъ, какъ можно лучше; украсьте багровыми и лоснящимися скулами Парижской черни, обставьте выпятнутыми, истинными, мѣднощекими и зеленоватыми фигурами, на коихъ проступаетъ горькая нищета... Все это розы... Но Лейпцигъ!! — Писатель мелодрамъ сошелъ бы съ ума отъ радости при видѣ сихъ ужасовъ.... Какой источникъ вдохновенія нашелъ бы онъ, если бъ съ самаго жаркаго, но совершенно безопаснаго пункта, развлекаемый только сладостною гармоніею бивуачнаго вертепа, могъ созерцать сію грозную драму убійства, опустошенія, кровопролитія!

Теперь будете ли спрашивать, почему я люблю, сидя у камина, вспоминать о Лейпцигской битвѣ?...

И почему тѣ минуты жизни, которыя были

РУССКАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

178. *Руководство къ обученію Повивальному Искусству, съ тридцатью литографированными фигурами. Штабъ-Лекаря и Акушера Вермана. Москва, въ Типографіи Лазаревыхъ Института Восточныхъ Языковъ. 1832. (8).*

Лучше когда нибудь, нежели никогда. Этому правилу преимущественно должны слѣдовать журналисты, коихъ слишкомъ разнообразныя занятія уклоняютъ иногда отъ своевременнаго сообщенія публикѣ извѣстія о всѣхъ вышедшихъ въ свѣтъ полезныхъ сочиненіяхъ. Объявляемое нами теперь принадлежитъ къ числу не только полезныхъ, но даже необходимыхъ, если всмотримся въ семейную жизнь всѣхъ классовъ нашихъ гражданъ. Не говоря объ уѣздныхъ и губернскихъ городахъ, въ которыхъ званіе акушера или акушерки, [illegible] при постели беременной женщины, по большой части производитъ судороги въ больной и ужасъ въ окружающихъ, сколько есть семействъ въ Москвѣ и [illegible] [illegible], въ коихъ принимаютъ младенцевъ такъ называемыя простыя бабки! У насъ пре-

«МОЛВА» № 33 ОТ 18 МАРТА 1833 г.

С этого номера, переводом «Лейпцигской битвы. Из записок старого *солдата*», *началось сотрудничество Белинского в газете*

мере, она бы навсегда была пристроена. В этом отношении, я имею и Вас кое за что упрекнуть. Я слышал от Дмитрия Петровича, что служащий у Вас в З⟨емском⟩ Суде г. Н а д е ж д и н имел на Сашиньку виды, но что Вы сами отклонили его предложение вследствие какого-то странного предубеждения. Я и от других имел случай слышать, что этот г. Н а д е ж д и н очень порядочный человек, не пьяница, не мот, хорошо ведет свои дела,

не входит в подлые сообщества с Вашими подьячими и вообще ничуть не похож на честную приказную Чембарскую братию. Сверх того, хотя он еще и не офицер, зато, как слышал я, дворянин. По моему же суждению, канцелярист да дворянин гораздо более стоит титулярного советника не-дворянина [2], и если он к тому добрый и честных правил человек, то я не советовал Вам презирать таким случаем навсегда устроить судьбу Вашей дочери. В этом отношении Вам не должно ни слишком медлить, ни быть слишком разборчивою. Вы забываете, за кого вышла Ольга Васильевна [3]; однако, говорят, она очень счастлива; а мне кажется, что в супружестве счастие есть первое дело. И потому прошу Вас в рассуждении сего как можно менее придерживаться своих обыкновенных предрассудков. Не ищите суженова чиновного, богатого, многоумного, ученого франта, щеголя, танцора; но если он добр сердцем, честен правилами, благороден чувствами, не глуп и не совсем без образованности светской, то-есть умеет раскланяться в порядочном обществе, спросить и ответить, не возбуждая смеха, — тогда думать много нечего — по рукам да и в церкву.

Вот Вам, маминька, все, что почитал нужным писать к Вам. Больше, кажется, нечего. Свидетельствую при сем мое почтение бабушке Дарье Евсеевне и желаю ей быть здоровой, счастливой и успевать во всех своих желаниях. Мое желание искренно: лучшего я не знаю. В заключение же сего письма почитаю необходимым сказать Вам, что я очень доволен доставителями сего письма: Авениром Ивановичем, Александрою Николавною ⟨Красовскими⟩ и Раисою Николавною [4]. Я часто посещал их и всегда был принимаем и ласкаем ими как их родной. Часы же, проведенные мною собственно с Авениром Ивановичем, причисляю к лучшим в моей жизни. Этот человек хотя и медик, но имеет душу и сердце естетически образованные и не чужд ничего, что почитается достоянием только одних избранных. Итак, прощайте, любезная маминька, желаю Вам здоровья, счастия, а более всего драгоценного терпения и происходящего из оного невозмущаемого спокойствия духа, и остаюсь с чувствами сыновней любви и уважения Ваш сын

Виссарион Белинский

Надпись о получении: Получено 1833 года, марта 2 дня, в четверток.

[1] В этих словах Белинского — намек на скрываемое им исключение из университета.

[2] Выраженное здесь предпочтение «канцеляристу из дворян» объясняется тем, что дворянское происхождение давало шансы на образование детей; кроме того, дворянство изымалось из податного сословия.

[3] Ольга Васильевна Великопольская — чембарская знакомая Белинских.

[4] Раиса Николаевна — сестра А. Н. Красовской, в замужестве Кругликова.

70. БЕЛИНСКИЙ — Г. Н. БЕЛИНСКОМУ

Москва, 1833 года, февраля 20 дня

Милостивейший Государь Папинька
Григорий Никифорович!

Я был очень приятно изумлен письмом Вашим от Ноября 25 дня, ибо давно уже не имел счастия получать от Вас писем. Более же всего обрадовало меня это письмо тем, что я собственными глазами имел случай удостовериться из оного, что попечение о детях есть предмет еще не совсем для Вас чуждый. Вы не хотите отдавать Никанора в Пензенскую гимназию

по причине худого преподавания в оной языков; в этом случае я совершенно согласен с Вами. Сверх того, если бы и все предметы были преподаваемы в оной наилучшим образом, то и тогда бы я не посоветовал Вам определять его туда. Другое дело, если бы могли отдать его в Пензе на надежные руки в какой-нибудь хороший дом, где могли бы иметь самый попечительный надзор за его поведением и успехами и часто уведомлять Вас об оных—тогда бы не должно было упускать такого прекрасного случая. Касательно же Лицея, о котором Вы приказываете мне известить Вас подробно, я не могу сообщить Вам никаких сведений, ибо я не знаю, есть ли в Москве какое-нибудь учебное заведение под сим именем, и тщетно спрашивал об оном у всех моих знакомых [1]. В первую же московскую гимназию принимают только дворянских детей и с ежегодным взносом значительной суммы. Поэтому я бы советовал Вам отложить это дело хотя до вакации; я же между тем буду разведывать, нет ли подобного учебного заведения и что узнаю, о том немедленно Вас уведомлю. Между тем Вам необходимо нужно приготовить его сколько-нибудь в главных основаниях латинского, немецкого и французского языков, как самой важнейшей и труднейшей части его будущего учения. Вам это очень легко сделать, ибо я слышал, что Ваши бедные чембарские учителя берут за целый месяц по скромной синичке, уча мальчика за сию ничтожную цену каждый день в неделю. В Москве же трудно сыскать учителя, который бы за один час брал менее пяти рублей. Я надеюсь, что Вы не пожалеете для пользы Вашего особенно любимого Вами сына платы и втрое больше пяти рублей в месяц.

Не мешало бы Вам также обратить свое особенное внимание и на нравственность Никанора:—она у него находится в самом расстроенном состоянии. Если бы Вы и успели отдать его в какое-нибудь хорошее учебное заведение на казенный кошт с такою нравственностью, то Вы бы совершенно его погубили. В таких заведениях для исправления испорченной нравственности прибегают иногда и к таким мерам, к которым Никанор совсем не привык, и которые потому должны будут показаться ему ужасными. В самом деле, привыкши не иметь над собою старшего, привыкши в таких летах повелевать, а не повиноваться, не имея ни малейшего уважения даже к матери,— каково ему будет увидеть себя в необходимости слушаться и уважать иногда даже какого-нибудь сторожа-солдата и видеть над собою бесконечный ряд начальников, а под собою ни одного подчиненного? При его счастливых дарованиях он мог бы льститься на прекрасную будущность; но я вижу с горестию, что эти небесные дары от небрежного за ними ухода начинают заростать и заглушаться крапивою и чертополохом низких привычек и худых склонностей...

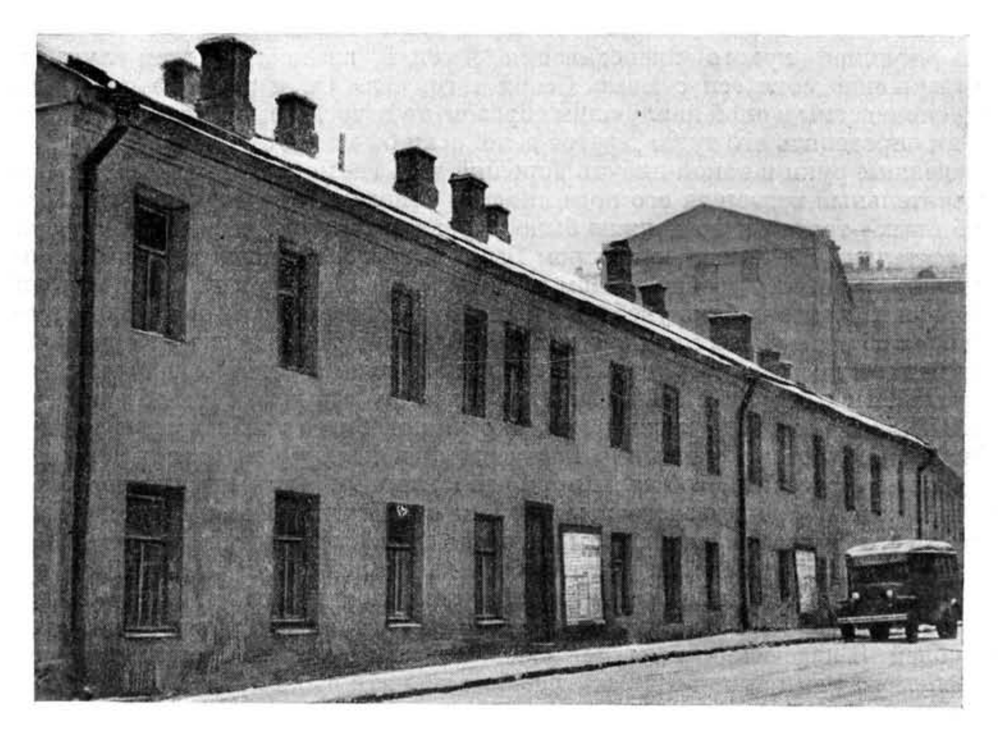
Ради бога, папинька, обратите на Никанора все свое внимание. Из этого мальчика, право, можно сделать все, что угодно: и ангела, и дьявола. Я очень хорошо понимаю, к какому разряду людей он принадлежит. В его характере не может быть середины: или все или ничего, или слишком хорош или совсем негодяй; а с этакими людьми шутить не должно, а то недолго до греха.

Более писать к Вам ничего не имею; поговорить с Вами лично желал бы очень; ибо много, много есть у меня сказать Вам, много, много лежит на душе моей такого, что хотел бы я одним Вам высказать... В ожидании же этого вожделенного времени, имею честь остаться Вам преданный Ваш и готовый с покорностию исполнять все Ваши желания сын

Виссарион Белинский

Надпись о получении: Получено 1833 года, марта 2 дня, в четверг.

[1] Лицея в то время в Москве не было.

ДОМ № 4 В РАХМАНОВСКОМ ПЕРЕУЛКЕ В МОСКВЕ (БЫВШИЙ ДОМ КН. КАСАТКИНА-РОСТОВСКОГО). ЗДЕСЬ в 1832—1834, 1835 и 1837 гг. ЖИЛ БЕЛИНСКИЙ

Вид с Рахмановского переулка

«Мой адрес: ...на Петровке в Рахмановском переулке в доме князя Касаткина-Ростовского № 22» (из письма Белинского к А. А. Краевскому от 14 января 1837 г.)

Фотография А. А. Сергеева, 1949 г.

71. М. И. БЕЛИНСКАЯ — БЕЛИНСКОМУ

〈Чембар, 6 марта 1833 г.〉

Милый мой друг Виссарион Григорьевич! Мы получили от Авенира Ивановича письма [1], они приехали первого марта, в день Авдотьи Николаевниных [2] именин, где и мы с Сашей были. Ты не можешь представить этого радостного свидания, какой был восторг, и у меня выкатилась слеза радости. Через час пришел туды и наш отец, где ему и вручила Александра Николаевна твое письмо. Он так как коллежский асессор и толстый штаблекарь садится на диван за столик, вынимает из кармана серебряные очки, начинает читать твое письмо; прочитавши я взяла у него, с Катериной Петровной пошли на мезонин и там прочитали содержание оного. В этот же день и Федосья Степановна с дочерями приехала из Керенска к Авдотье Николаевне на именины к обеду. По окончании именинного вечера и ужина мы взяли Верочку [3] к себе на целую неделю или и на две. На другой день я посылала Верочку и Сашу за нашими письмами, которые и прочитаны, особенно моей особе, я плакала, целовала письмо. Ты скажешь, о чем плакать. Нет, я много в это время чувствовала и восхищалася, что я имею такого сына, на которого вся моя надежда. Я, мой друг, не унываю, надеюсь на всевышнего творца и все чего-то ожидаю хорошего; имевши таких детей, каких я имею, я не должна отчаиваться. Ты пишешь насчет Саши; таких женихов будет много, каков Надежин 〈...〉

А ты, мой друг, старайся как можно приехать нынешнюю вакацию к нам и избавить нас нашего буяна [4]. Ах, какой злодей! Несчастный

до тех пор озлится, что побледнеет, как смерть. Саше только и имени — широконосый дьявол, а Константину — глухарь, косой дурак, тридцатилетний чорт. Про отца тебе скажу, что он с пятого или седьмого чисел генваря пил запоем и до исхода оного месяца и пропил рублей 40 или 50. Он нынче не пьет простого вина и ерофеичу, а пьет сладкую водку, но в начале февраля совершенно остепенился и о сю пору в добром здоровье, и тихо лето в нашем доме ⟨...⟩

Посылаю, мой друг Висинька, тебе талер на твои депансы и пару окороков, кушай их на здоровье. Об этой посылке я прежде думала, с кем бы послать, и батюшка соблаговолил сказать мне о сем ветчинном послании. Мы с Ляминцевым послали тебе письмо на первой неделе великого поста. Бабушка свидетельствует тебе свое нижайшее почтение; Костенька читал ей твои письма, она несколько раз поцеловала оные. Она, бедная, нынче все нездорова и больше все кашлем ⟨...⟩ Пьяная Владыкина[5] совсем нас оставила, уже не посылает к рождеству заморенной туши и к Петрову дню кривого барана. И мы ее зато оставили, не бывали у нее уже года 4 ⟨...⟩ Прощай, мой друг! Желаю тебе совершенно быть здоровым. Остаюсь многолюбящая твоя мать

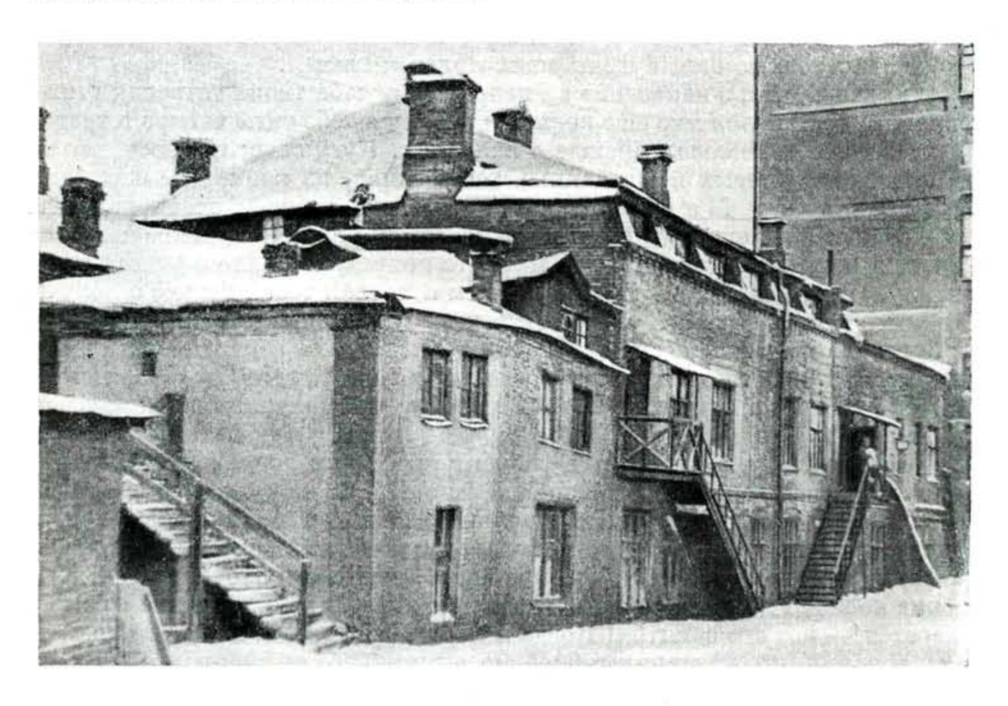
Марья Белынская

1833 года, марта 6 числа

Приписка К. Г. Белинского: Что думают, то и пишут; вот как добрые-то люди делают, не то, что мы!

На первой странице помета рукою Белинского: Получено Марта 18, в субботу.

В опускаемой части письма М. Г. Белинская перечисляет претендентов на руку дочери; передает чембарские новости; сообщает о предстоящей поездке с сыном Константином на богомолье в Вороеж.н

ДОМ № 4 В РАХМАНОВСКОМ ПЕРЕУЛКЕ В МОСКВЕ (БЫВШИЙ ДОМ КН. КАСАТКИНА-РОСТОВСКОГО). ЗДЕСЬ в 1832–1834, 1835 и 1837 гг. ЖИЛ БЕЛИНСКИЙ

Вид со двора

Фотография А. А. Сергеева, 1949 г.

Упоминаются: А. Г., Г. Н. и К. Г. Белинские, Е. В. Великопольская, И. М. Декартов, В. П. Иванова, П. И. Колмогоров, Надеждин и Сергавский.

[1] Письма Белинского от 20 февраля 1833 г. к отцу и матери были доставлены в Чембар приехавшими туда из Москвы А. И. и А. Н. Красовскими (см. письмо № 69).
[2] Авдотья Николаевна Кугушева — см. прим. 1 к письму № 68.
[3] Вера Петровна Иванова — младшая сестра Алексея и Дмитрия Ивановых, сверстница Александры Григорьевны Белинской («Саши»). См. ниже ее приписку к письму отца (№ 137).
[4] «Наш буян» — младший брат Белинского, Никанор.
[5] Лукерья Савельевна Владыкина — см. прим. 3 к письму № 2.

72. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар, 1833 года, марта 6 дня

Любезнейший брат и друг
Виссарион Григорьевич!

В письме своем от 20 февраля [1] ты пишешь, что тебе вовсе не о чем ко мне писать и ежели бы ты не боялся, что за молчание я стал сердиться на тебя, то ты бы и не написал ничего. На это я скажу тебе, что в Москве есть очень ⟨много⟩ достойного внимания, описанием коего ты мог бы мне доставить немалое удовольствие, а особливо описанием своего времяпровождения: твоих занятий после лекций, шумных праздников столицы и о знакомстве с заслуживающими внимания людьми. Дмитрий Петрович в письме своем от 13 февраля описывает своим приятным слогом русскую масленицу в Москве, чем он мне доставил на несколько минут удовольствия, а особливо воспоминанием о молчании Александра Ефремовича [2]; посему и ты бы мог так же писать ко мне, ибо нет еще у меня такого письма, в котором бы описал мне что-нибудь поинтереснее, а не то «что тебе писать, право, не знаю; попутчик дожидается, а я грызу с досады непослушное перо». Но я теперь надеюсь, что ты, прочитавши сии строки, будешь внимателен к оным...

Ты пишешь, что, в наказание за неприсылку тебе твоих тетрадок стихотворений, не прислал мне еще новых; и потому я тебе оные четыре тетрадки и посылаю, а две послал прежде с людьми г. Кугушева; надеюсь, что ты пришлешь еще новых и обещанных тобою книг, из коих, как я слышал от маменьки, что Магдалина переведена тобою*; очень радуюсь, но не совершенно еще, ибо не знаю, напечатается ли как и прекрасная твоя трагедия, которую, как ты писал мне, что поправляешь, то о успехе оной, пожалуйста, уведоми [3].— С Ляминцовым я послал тебе письмо, о получении коего также не забудь уведомить и прислать обещанные книги и стихи, а о бритве и поминать не смею. Уведомляю тебя, что я веду дневной ⟨о⟩ моих действи⟨я⟩х и проч. журнал с 16 декабря 1832 года. Что скажешь ты о сем? Пожалуйста, напиши ⟨...⟩ Ты пишешь, что увидимся ли мы с тобою на вакацию или нет, ибо сие еще неизвестно. Ах, как много меня сим огорчил!.. Не видавшись с тобою почти три года, я должен буду еще дожидаться год. Нет, любезнейший друг, как хочешь, а я употреблю все, что только могу и что только может от меня зависеть; твое присутствие в семействе очень, очень нужно как для благополучия маменьки и сестры, так Никанора и меня. Кстати, о Никаноре: он с октября месяца не ходит в училище, дома же только повесничает, ругается со всеми и дерется,— вот его занятия! Когда я ему прочел твое к папеньке письмо, то он говорил, что учителя чембарские сами ничего не знают, а я ему сказал: «видно, знают, когда берутся учить». После сего он начинает, кажется,

---

* Пожалуйста, не сердись: маменьке сказано сие по секрету, равно и мне. Больше никто о сем не знает. — Прим. К. Г. Белинского.

быть немного поскромнее и приготавливает крупного письма прописи для отсылки к тебе, ибо письмо Петеньки к нему потревожило его самолюбие ⟨...⟩

Что нам делать с Никанором? Мы пишем с маменькою к тебе письма, а он пришел в кабинет и начал заглядывать в оные, а особливо в маменькино, которая начала говорить, чтобы он не мешал ей писать, а он пуще; наконец, дело дошло до драки: маменька хочет вывести его из кабинета, а он не идет, и начал с нею драться и называть рыжею, а меня ругать. Наконец, я начал писать тебе о сем, а он, посмотревши, что я пишу про него, подтолкнул мне, к счастию еще, что ничего не сделал; я, не стерпевши оного, начал вытаскивать его силою из кабинета, он бить меня; однако удалось мне его вытащить и запереть на крючок дверь и докончить сии его чудеса, происходящие от испорченной нравственности, которая происходит от виновника дней его.

Я с Николаем Егоровичем [4] на сей (четвертой) неделе начал говеть и, пришедши от часов, увидел, что папенька читает Ведомости, взяв один №, в котором прочел известие о смерти статского советника Николая Ивановича Г н е д и ч а, сего любителя изящного и благородного и переводчика эпической поэмы Илиады Гомера.

Папенька нанял мальчика Ивана, отпущенника г. Барановой, которому платит 2 руб. за месяц, на его одежде.

Не знаю, что и писать еще: Марья пришла и говорит, что человек г. Щетинина скоро едет и чтобы скорее готовили письма. Авенир Иванович приходил к нам в пятницу (3 марта), а Александра Николаевна с сестрами приезжала 5 марта после обедни.

Еще раз повторяю: пожалуйста, пиши с Ляминцовым, а ежели с ним не успеешь, то с сим доставителем сих писем и пришли обещанное тобою, за что моя благодарность навсегда тебе. Прощай, мой друг; я надеюсь с тобою увидеться на вакацию и кое о чем поговорить лично. Тебя домашние все желают видеть, как Эмилия г. Р а д к л и ф Валанкура. Целую тебя заочно и остаюсь с нелицемерною к тебе любовью твой до гроба брат и друг

Константин Б е л и н с к и й

На первой странице помета рукою Белинского: Получено марта 18 в субботу.

В опускаемой части письма К. Г. Белинский сообщает о своей поездке в Поим и чембарские новости.

Упоминаются: Е. В. и О. В. Великопольские, И. М. Декартов, К. И. Емельянов, Надеждин, Д. Небольсин, Н. Е. Синенков и А. А. Чембулатов.

[1] Письмо Белинского от 20 февраля 1833 г. до нас не дошло.

[2] Александр Ефремович И в а н о в — см. о нем прим. к письму № 13.

[3] О своей работе над переводом романа Поль-де-Кока «Магдалина» Белинский известил мать только в письме от 21 мая 1833 г. (см. ниже); однако об этом М. И. Белинская узнала, вероятно, от приехавших из Москвы А. И. и А. Н. Красовских.

[4] Николай Егорович С и н е н к о в — см. прим. к письму № 68.

73. БЕЛИНСКИЙ — М. И. БЕЛИНСКОЙ

Москва, 1833 года, мая 21 дня

Любезная Маминька!

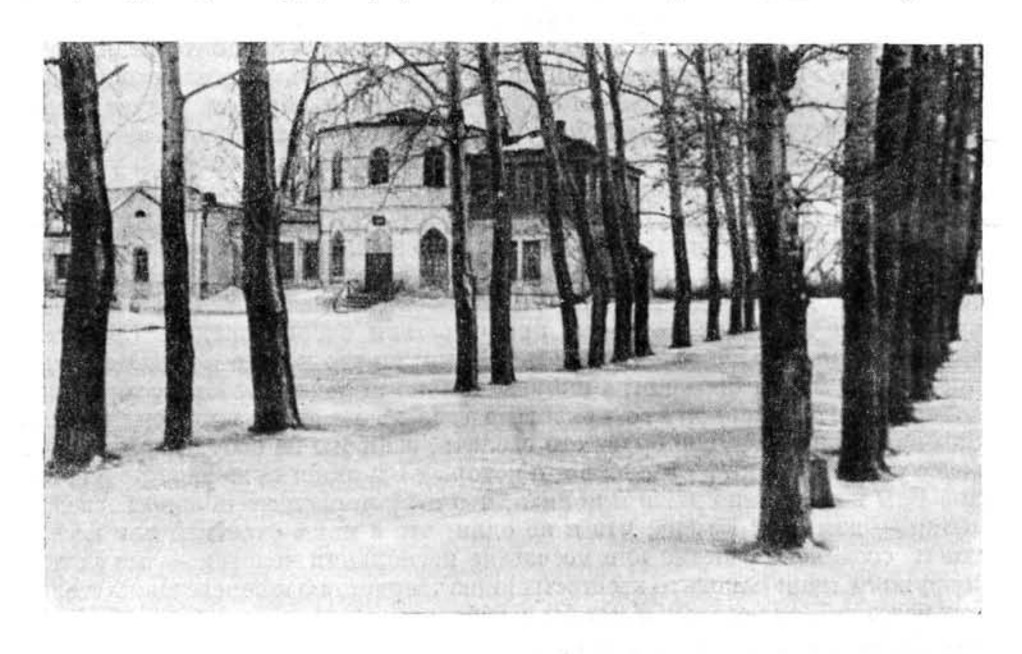
Давно уже не писал я к Вам; не знаю, в хорошую ли или в дурную сторону толкуете Вы мое молчание. Как бы то ни было, но на этот раз я желал бы не уметь ни читать, ни писать, ни даже чувствовать, понимать и жить! Каковым кажется Вам это вступление? Но погодите, не торопитесь:

это еще цветики, а вот скоро попотчую Вас и плодами... Не радостны были все мои письма с самого проклятого холерного года; но теперь я не могу без ужаса и подумать о том ударе, которым готовлюсь поразить Вас, мою мать... Девять месяцев таил я от Вас свое несчастие, обманывал всех чембарских, бывших в Москве, лгал и лицемерил, скрепя сердце... но теперь не могу более. Ведь когда-нибудь надобно же узнать Вам. Может даже быть, что Вы уже знаете, может быть, Вам сообщено это с преувеличениями, а Вы женщина и мать... Чего не надумаетесь Вы? При одной мысли об этом сердце мое обливается кровию. Я потому так долго молчал, что еще надеялся хотя сколько-нибудь поправить свои обстоятельства, чтобы Вы могли узнать об этом хладнокровнее... Я не щадил себя, употреблял все усилия к достижению своей цели, ничего не упускал, хватался за каждую соломинку и, претерпевая неудачи, не унывал и не приходил в отчаяние — для Вас, только для Вас: я всегда живо помнил и хорошо понимал мои к Вам отношения и обязанности, терпел все, боролся с обстоятельствами сколько доставало сил, трудился — и, кажется, не без успеха. Вот в чем дело. Вы знаете, что проходит уже четвертый год, как я поступил в университет; вы, может быть, считаете по пальцам месяцы, недели, дни, часы, минуты, нас разделяющие, думаете с восхищением о том времени, о той блаженной минуте, когда, нежданный и незванный, я, как снег на голову, упаду в объятия семейства кандидатом или, по крайней мере, действительным студентом!.. Мечта очаровательная! И меня обольщала она некогда! Но, увы! В сентябре исполнится год, как я выключен из университета!!![1] Вы также, может быть, воображаете, что я скоро получу место учителя в гимназии, и что приду в состояние быть опорою для Вас, и братьев, и сестры — и я, точно, может быть, скоро буду учителем — но не в гимназии, а в уездном училище и еще в Белоруссии, даже, может быть, в самой Вильне, тысячи на две верст от Вас, на 700 рублей жалованья, и, может быть, через неделю после отправления сего письма, уеду туда, не повидавшись с Вами ни на минуту. Предчувствую, что это будет Вам стоить больших слез, тоски и даже отчаяния,— и это-то самое меня и сокрушает, а на все прочее я смотрю хладнокровно и нимало не печалюсь. Но, маминька, все-таки умоляю Вас не отчаиваться и не убивать себя бесплодною горестию. Есть счастие и в несчастии, есть утешение и в горести, есть благо и в самом зле. Я видел людей в тысячу-тысяч раз несчастнее себя и потому смеюсь над своим несчастием. Назад тому месяца два отдали в солдаты без выслуги одного казенного студента, за такой проступок, за который и трехдневное заключение в карцер было бы достаточным наказанием [2]. Его в цепях посадили в яму вместе с ворами и убийцами и в цепях представили к коменданту для отправления в Грузию, но он заболел и теперь в Лефортовской больнице, может быть, с минуты на минуту, как небесного дара, ждет себе смерти. А сколько выключено за ничто с худыми аттестатами, лишенных права служить!.. Что же я?.. Я буду служить учителем, получать 700 в год жалованья, а если попаду в самую Вильну, то 1000 рублей; поступя в службу буду состоять в 12 классе, а через три или 4 года получу прямо 9 класс с годом старшинства. Дальнейшее же мое повышение будет зависеть от моего поведения, усердия в службе и расположения ко мне попечителя. В этом отношении неимение ученой степени не будет иметь никакого влияния, ибо эта служба почти загранич⟨ная⟩, и попечитель имеет неограниченную власть: что захочет, то и сделает. К тому же он очень добрый и благородный человек. Я и без того был же бы учителем поневоле на 6 лет, а теперь могу служить, сколь мне заблагорассудится [3].

Теперь в коротких словах расскажу Вам мою печальную историю. Вышедши из больницы, я просил Голохвастова, чтобы он, из уважения к моей долговременной болезни, позволил мне в конце августа или в начале сентября держать особенный экзамен. Он, хотя и не обещал исполнить моей

просьбы, но не отказал, а сказал: хорошо, посмотрим. Я остался в надежде, и с половины мая до самого сентября, несмотря на чрезвычайно худое состояние моего здоровья, работал и трудился, как чорт, готовясь к экзамену. Но экзамена не дали, а вместо него уведомили меня о всемилостивейшем увольнении от университета.

Я перешел к А⟨лексею⟩ П⟨етровичу⟩, купил один франц⟨узский⟩ роман в 4 част⟨ях⟩, к рождеству с великими трудами, просиживая иногда напролет целые ночи, а во время дня не слезая с места перевел его, с надеждою приобрести рублей 300 [4]; но фортуна и тут прежестоко подшутила надо мною: в газетах было объявлено о другом переводе сего самого сочинения и потому я едва, едва могу получить 100 руб. ассигн. Я купил себе коекакую фрачную пару, сюртук и прочие необходимости. Потом чуть не

ДОМ В БЫВШЕМ ИМЕНИИ ПОМЕЩИКОВ ВЛАДЫКИНЫХ (СЕЛО ВЛАДЫКИНО, КАМЕНСКОГО РАЙОНА, ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ). ЗДЕСЬ В ДЕТСКИЕ И ЮНОШЕСКИЕ ГОДЫ БЫВАЛ БЕЛИНСКИЙ

Фотография Н. Н. Павлова (Пенза), 1948 г.

уехал на кондицию в Вологду в дом к одному помещику за 600 руб., а потом в Орловскую губернию — за 1200 руб.[5] К счастию моему все это не состоялось. А. Ф. Мосолов [6] предлагал мне свое посредничество чрез своего родственника, но и сие не состоялось по причине внезапного отъезда из Москвы Аркадия Федоровича. Наконец, в половине в⟨еликого⟩ поста я познакомился с профессором Надеждиным и начал переводить в его журнал [7].

На страстной неделе приехал в Москву попечитель Белорусского учебного округа, действи⟨тельный⟩ ст⟨атский⟩ советник и кавалер Григорий Иванович Карташевский [8], и издатель Телескопа попросил его, чтобы он дал мне место учителя в Белоруссии. Я представлялся ему и, по его назначению, подал ему рассуждение, и он, наконец, сказал мне, что так как все белорусские училища состоят на правах гимназий, то прямо принять меня в какое-нибудь из них нельзя, но что он в скором времени должен открыть несколько уездных училищ; а что до сего времени я должен пробыть в каком-нибудь из приходских на 400 р. жалованья, но что по приезде в Белоруссию он оставит меня на несколько месяцев в каком-нибудь гим-

назияльном на 1200 рублях жалованья до прибытия туда настоящего учителя из кандидатов и что в это время откроются и уездные. Итак, 27 апреля я подал ему просьбу, и он хотел было через два дня отправить меня в Белоруссию с одним кандидатом, туда же едущим. Этою поспешностию он хотел доставить мне рублей 40 денег на дорогу, ибо в таком случае мы бы оба платили прогоны за одну пару, след⟨овательно⟩ у каждого из нас половина прогонных денег осталась бы в кармане. Но после, увидев, что у меня нет ни копейки своих денег для того, чтобы запастись одеждою и другими необходимыми вещами, он сказал мне, что едет в Петербург и там постарается выхлопотать мне рублей полтораста награждения и уже оттуда пришлет мне свое решение, которого я дожидаюсь и теперь. Вот вам моя история; она неполна, ибо я умалчиваю здесь о многом, многом, перенесенном мною в продолжение этого года. Теперь же только одна мысль, что все это может сильно огорчить Вас, убивает меня, а особенно то, что я перед отъездом не могу повидаться с Вами. О прочем же нимало не беспокоюсь; исключение же из университета даже некоторым образом радует меня, ибо я теперь уверен, что не попаду без всякого суда в солдаты за какую-нибудь безделицу. Притом же, если я с год прослужу хорошо в уездном училище, то непременно буду в гимназияльном, а на эти места много охотников даже и из своекоштных кандидатов.

Я не буду говорить Вам о причинах моего выключения из университета: отчасти собственные промахи и нерадение, а более всего долговременная болезнь и подлость одного толстого Превосходительства [9]. Ныне времена мудреные и тяжелые: подобные происшествия очень нередки. Обо всем этом я желал бы лично потолковать с Вами; но что делать... видно покуда так и быть; может быть когда-нибудь, только не теперь... Итак, терпение!

Терпение! Терпение! Его призовите себе на помощь, им вооружитесь! Вам не слишком трудно будет это сделать, если Вы не забудете, что я перенес ужасные муки и страдания, о которых Вы никогда не узнаете и которые Вам невозможно даже и понять, что я претерпел несколько казней и пыток — для Вас! Мысль, что я не один, что с моим счастием или несчастием соединено счастие или несчастие нескольких человек,— эта мысль вооружила меня какою-то неестественною твердостию к перенесению стольких бедствий, от которых я мог бы освободиться легким и скорым образом; а сладостная надежда в скором времени придти в состояние быть подпорою, утешением столь близких моему сердцу существ делала то, что я даже с каким-то наслаждением выдерживал эти напоры столь яростных бурь, со всех сторон устремившихся на мой утлый чёлн! Итак, маминька, я жду от Вас за это награды: не печальтесь, но надейтесь! Вы знаете мой характер — я на все могу решиться, и горе мне, горе Вам, горе всему нашему семейству, если я узнаю, что я буду причиною Ваших страданий, что еще боле расстрою Ваше здоровье и сокращу Вашу жизнь... Горе... больше ничего не скажу. Но если Вы хладнокровно перенесете эту неприятность, то, клянусь Вам Вашим богом, все дни, все минуты моей жизни до последнего издыхания будут посвящены Вам и Вашим детям, мне единокровным; что все мои действия, все усилия будут стремиться к их и Вашему счастию. Пока я здоров, до тех пор, верьте мне в этом, до тех пор, повторяю Вам, моя мать не будет иметь нужды ни в чем, я сам скорее откажу себе в последнем, но исполню даже малейшие ее прихоти. Итак, маменька, в последний раз повторяю Вам: мое счастие, моя жизнь, сохранение чувства моей нравственности, все, наконец, все зависит теперь от Вас; умейте понять это. Жлу от Вас в самом скором времени собственноручного письма; адресуйте его на имя Алексея или Дмитрия Петровича; если оно не застанет меня в Москве, то они перешлют его ко мне в Белоруссию. Буду считать минуты: не медлите ответом! За сим — простите! Ваш сын

Виссарион Белинский

P. S. Ваши письма, талер и два окорока, посланные с человеком Н. Н. Щетинина, получил. Насчет Вашего препоручения скажу Вам решительно, что я ни в чем этом толку не знаю ни на грош, и потому прошу Вас обратиться с своими просьбами на этот раз к Вашему внучку Алексею Петровичу: он во всех экономных делах собаку съел и может надуть всю Москву, когда дело идет о том, чтобы из гроша сделать рубль. А я, право, не умею отличать золото от хорошей меди или бронзы, а серебро — от олова. Пришлите к нему Вашу табакерку и положитесь на него совершенно: Вы останетесь им довольны. Об деле Бабушки не справлялся, ибо у меня и по сю пору голова ходит кругом, и я не могу опомниться; в иной день придется обегать по Москве верст двадцать; дел пропасть. Беспрестанно пишу, перевожу, держу корректуру Магдалины — словом, не знаю куда и сунуться. Только нынче, снова перечтя Ваши письма, обо всем вспомнил. Алексей Петрович берет на себя исправить все эти комиссии.

В. Б.

Надпись о получении: Получено 6 июня, во вторник ночью.

[1] Подробности об исключении Белинского из университета см. в статье «Студенческие годы Белинского» — «Лит. наследство», т. 56, стр. 394—405.

[2] Студент, отданный в солдаты, о котором пишет Белинский, — Алексей Никольский, направленный к коменданту г. Москвы для отдачи в военное ведомство «за неблагопристойные поступки».

[3] В случае окончания Белинским университета ему пришлось бы как бывшему казеннокоштному студенту отслуживать шесть лет по назначению. Отсюда замечание Белинского, что он был бы «учителем поневоле на 6 лет».

[4] «Французский роман в 4 частях» — «Магдалина» Поль-де-Кока (см. упоминание о романе в конце письма), который и был издан в 1833 г. с обозначением имени переводчика инициалами В. Б. См. воспроизведение его титульного листа в наст. томе, стр. 145. Ср. заметку Ю. Г. Оксмана «Из разысканий в области биографии Белинского». — «Ученые записки Саратовского гос. ун-та», т. XX, вып. филолог. Саратов, 1948, стр. 310—315.

[5] К кому именно предполагал ехать Белинский, сначала в Вологду, затем в Орловскую губ., остается неизвестным.

[6] Аркадий Федорович Мосолов — помещик Чембарского уезда, с. Тархова. В 1841 г. был задушен дворовыми за жестокое обращение с крепостными.

[7] Т. е. в «Телескоп».

[8] Григорий Иванович Карташевский (1777—1840) — попечитель Белорусского учебного округа; впоследствии — сенатор. О неудавшейся попытке Белинского получить место учителя в Белоруссии см. в последующих его письмах.

[9] Белинский имеет в виду помощника попечителя Московского учебного округа — Д. П. Голохвастова (см. о нем прим. 1 к письму № 54).

74. БЕЛИНСКИЙ — Г. Н. БЕЛИНСКОМУ

Москва, 1833 года, мая 21 дня[1]

Милостивый Государь
Папинька, Григорий Никифорович!

Писать к Вам всегда было для меня приятнейшим долгом; но теперь эта обязанность кажется мне самою ужасною необходимостию. Это начало ничуть не покажется Вам ни странным, ни удивительным, когда Вы прочтете мое письмо к маминьке. Если это Вас огорчит, то одна моя мольба к Вам: ни слова в упрек. Если я, более или менее, был сам причиною сего моего несчастия, то, поверьте, я с лихвою наказан за это самим собою. Надеюсь, что Вы поймете меня. Я уже не мальчик, и свой собственный суд для меня всего страшнее. Но счастлив тот, кто еще может остановиться во-время и употребить себе в пользу собственные ошибки и суровые уроки судьбы! Я еще только выехал на своем челне в это открытое море

света, а до сего времени держался у берегов; следовательно, еще не все потеряно. Конец венчает дело, говорят умные люди; только тогда при плесках вызывают или освистывают актера, когда совсем разыграет свою роль; только тогда можно произнести суд человеку, когда он совсем окончил свое поприще. Впрочем, какие бы ни были обстоятельства, навлекшие на меня мое несчастие,— Вы можете быть всегда твердо уверенными, что ничем предосудительным не обесчестил имени своего отца. Я живу не для себя, помню, что я крепкими узами связан с кровными — и вот только поэтому-то и огорчаюсь. Итак,— простите!..

Моя последняя к Вам мольба, мой единственный к Вам завет: водворите мир и тишину в своем семействе, прекратите эти вечные и ни к чему не ведущие несогласия. Прошедшего воротить нельзя, и Вам уже поздно теперь считаться между собою. Ваша жена — нам мать, а это слово не пустой, бессмысленный звук! Смерть каждого из Вас будет равно гибельна для Ваших детей: так берегите же себя взаимно, если не для самих себя, то для нас. И так на земле много горя, много бедствий, для чего же усугублять их по своему произволу? У Вас дочь — невеста; кто захочет избавить Вас от этого бремени, если общественное мнение изречет неблагоприятный приговор Вашему семейству? Я никогда не поверю, чтобы Вы, по своей душе и сердцу, желали быть виновником вечного несчастия своей дочери; да и не дай боже когда-нибудь увериться мне в подобной мысли! А бедный, несчастный Никанор!.. Как жаль, что я не могу его взять с собою, что я не могу сделать для него всего того, что бы мог для него сделать! А от этого парня, право, был бы прок. Кровь стынет в моих жилах, когда я только подумаю о том, что́ мне пишут об нем и говорят все чембарские! Итак, прощайте! Не сердитесь на меня за то, что, говоря с Вами, я люблю пускаться в мораль: у кого что болит, тот о том и твердит. Не сомневайтесь, что истинная любовь и усердие как к благу всего нашего семейства, так и Вашего собственного,— водит пером моим. С чувством глубочайшего почтения и искренней сыновней любви и с душевным желанием Вам всех благ и всякого счастия, остаюсь Ваш сын

Виссарион Белинский

Надпись о получении: Получено 6 июня во вторник ночью.

[1] В подлиннике очевидная описка в дате: вместо 1833 г. обозначен 1832 г.

75. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар, 1833 года, июля 7 дня [1]

Любезнейший брат и друг
Виссарион Григорьевич!

Известие о твоем выключении из университета очень меня огорчило, так что я нередко бываю меланхоликом и подобным тому человеку, который, трудившись день и ночь над улучшением своего дома и хозяйства, но вдруг от нечаянного случая видит его добычею пламени всеистребляющего огня. Так, друг мой, горестно, очень горестно, и теперь, когда я пишу сии строки, невольным образом вырвался из стесненной груди моей вздох о твоей несчастной доле; видно, нам с тобою так назначено самим небом, чтобы носить на себе бремя тяжестей, неудач и, видя надежды свои тщетными, терпеть. Ты пишешь, что познакомился с профессором Надеждиным и переводишь из французских журналов разные в прозе статьи в Молву и Телескоп. Очень сему радуюсь и желаю от чистого братского сердца, чтобы тебе в оном был хороший успех. Письмо твое от 20 мая я получил, равно и корректурные листки Магдалины, которую покорно прошу тебя мне прислать все 4 части, совсем отпечатанные; равным образом

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ РУССКОГО ИЗДАНИЯ РОМАНА ПОЛЬ-ДЕ КОКА «МАГДАЛИНА» В ПЕРЕВОДЕ БЕЛИНСКОГО, 1833 г.

Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

МАГДАЛИНА,

сочиненіе

Поль де Кока.

»Une fièvre brûlante
»Un jour me terrassait,
»Et de mon corps chassait
»Mon ame languissante.«
(Sedain. — *Richard.*)

Перевелъ съ французскаго

В. Б.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА.

Въ типографіи Лазаревыхъ
Института восточныхъ языковъ.
1833

нельзя ли тебе прислать еще и те №№ Молвы и Телескопа, где напечатаны твои переводы, потому что в Чембаре никак нельзя достать оных, хотя М. Павлов и получает, но он, подлец, низкая душа — не дает и тогда только добр, когда бывает щедро угощен напитком г-на Бахуса, и потому-то г-н Синенко, мой товарищ, и говорит, что он только тогда бывает добр, когда пьян, а как проспится, то все пропало. Я слышал от Сергея Васильевича [2], что ты переводишь еще книгу с французского языка под названием Телемак [3]. Помоги тебе бог, окончивши благополучно и выгодно продавши, прислать мне... экземпляр оной. Чувствительно благодарю Алексея Петровича и Дмитрия Петровича за принятие тебя к себе на квартиру: они истинно доказали тем свое родство, дружбу и любовь. Теперь скажу тебе о Чембаре: он, как и прежде, есть тот же по наружности; 3 июня ночью был пожар, от коего сгорело 30 дворов, через два дома от г. Мещеринова ‹...›

Уведоми меня, ради самого бога, когда я избавлюсь проклятой моей службы в Земском суде и несносной для меня жизни в доме у родителей и буду служить в Сенате или где-нибудь. Право, мне уже надоело слышать частые упреки папеньки и Никанора, что я все живу на его отчете. Ох, друг мой, тяжко, очень тяжко для благородно мыслящего человека и чувствительного сердца, каково мое, быть обязанным каждым куском... Меня каждая безделица может тронуть и заставить невольно выронить две слезы; когда папенька за обедом или ужином начнет упрекать меня, то я тогда

подобен бываю приговоренному к смерти невинному человеку и от большой горести не могу есть, а от сильного в груди стеснения дыхания — говорить.

Еще уведоми, нельзя ли будет нынешний год ехать Никанору в Москву и определиться в гимназию и жить на квартире с Алексеем Петровичем, которого спросить, что он возьмет за год за содержание Никанора, который уже ныне начал сам проситься, чтобы его отпустили с Петенькой в Москву.

Наши домашние тебе кланяются и желают всего лучшего. Итак, прощай, друг мой, желаю тебе всего того, что может составить счастие благоразумного человека.

Твой брат К. Белинский

Алексею Петровичу и Дмитрию Петровичу от меня поклонись и пожелай им всего лучшего.

Приписка М. И. Белинской:

Милый мой Виссарион Григорьевич, ты просил меня, чтобы я хладнокровно пережила выключение тебя из университета; послушалась тебя, поплакала, погрустила, в день твоего ангела получила это несчастное известие. Теперь я тебе вот что скажу. Это происходит все оттого, что ты не имеешь истинной веры на бога и надежды на создателя и не просишь божию матерь; обратись-ка лучше к богу и имей веру, молись, больше ходи в церковь, оставь эти модные фортуны и провидения, а призывай бога на помощь, не начинай без молитвы ничего и призывай бога в помощь, лучше дело-то будет. Я беспрестанно прошу бога: господи, устрой ты его и не дашь ты погибнути. Теперь как хочешь: хочешь — слушайся, а не хочешь, так смейся над дурой-матерью, а я в том буду стоять крепко, что я имею истинную и крепкую веру на бога и не погибну до смерти; пережила злодеев много — дуняшек, аришек и тому подобных, а я все-таки барыня.

Теперь прошу тебя, уговори Алексея Петровича и Дмитрия Петровича, не возьмут ли они к себе на содержание Никанора, что положат в год с тем, чтобы определить в гимназию; он мне покою не дает, постарайся устроить хотя на год или на два. Я тебе пришлю с Красовским что-нибудь из белья, что могу приготовить. Прощай, мой друг, желаю тебе всякого успеха и счастья и благополучия, мать твоя

Марья Белынская

Еще тебе скажу, ты, говорят, очень худ, я полагаю, от сиденья; пожалуйста, больше прохаживайся и не изнуряй себя.

1833 года июля 7 числа.

Тороплюсь на почту письмо нести.

На первой странице надпись рукою Белинского: Получено 17 июля, в понедельник.

В опускаемой части письма — описание поездки А. Г., К. Г. и М. И. Белинских на богомолье в Воронеж.

Упоминаются: Арсений, Бегичев, А. Г. и М. И. Белинские, А. Никифорова, Питирим, Придорогин, Н. Е. Синенков и И. Федоров.

[1] Это письмо является ответом на письмо Белинского от 21 мая 1833 г. См. «Письма», I, 51—53.

[2] Сергей Васильевич Великопольский, с которым Белинский, как сообщал он брату Константину в своем письме, «недавно познакомился».

[3] «Телемак» — нравоучительный роман Фенелона; слух о том, что Белинский занялся переводом «Телемака», оказался ложным. См. ниже письмо № 77.

76. М. И. БЕЛИНСКАЯ — БЕЛИНСКОМУ

〈Чембар, 17 июля 1833 г.〉

Милый мой Виссарион Григорьевич! Я еще тебе пишу с Александрой Николаевной и еще буду просить, если можно, постарайся устроить Никанора. Авенир Иванович говорит, что в гимназию всех принимают на казенный счет, то и нельзя ли тебе подать просьбу для определения в гимназию на казенный счет Никанора. Малый покою не дает мне— отправьте меня в Москву, да и только. А отцу не смеет и слова сказать. Я начну говорить, отправим-де его к Алексею Петровичу и станем платить за стол, что они положат в год, они люди свои, авось, дорого не возьмут, а в гимназию будет ходить учиться. А мой старый чорт и на подлад не дается, примется меня ругать, лает, лает, тем и кончится отъезд Никанора в Москву. «Я его,— говорит,— сукина сына в подьячие упеку». А Никанор говорит: «А я бегство сделаю от его. не будет этого, чтобы я был подьячим»,—«Или к Тукальскому сволоку учиться»; а я постараюся выхлопотать свидетельство о рождении и прислать с Мещериновым. Еще теперь тебе посылаю ткацкую рубашку, полотенце, носовой платок и окорок ветчины, больше, не прогневайся, не в силах ничего послать, денег нет ни копейки. Не знаю, получил ли ты от меня подушку, посланную через Федосью Степановну. Пиши о своих, уведомляй меня и брата. Что твоя Белоруссия замолкла? Худо без денег, худо без друзей, худо без протекции, хуже того, кто и бога забыл, того и бог забывает. Свидетельствую мое искреннее почтение Алексею Петровичу и Дмитрию Петровичу и благодарю вас, мои милые дети, за неоставление нашего изгнанника, оставленного отцом. Отец утопает в роскоши Бахуса, а детей оставил без помощи. Его господь будет судить, а вас, мои друзья, господь вознаградит и здесь и в будущем мире — добрые дела господь без награждения не оставляет. Прощайте, мои милые. Остаюсь мать твоя

Марья Белынская

1833 года июля 17 числа

77. БЕЛИНСКИЙ — К. Г. БЕЛИНСКОМУ

Москва, 1833 года, июля 19 дня[1]

Благодарю тебя, любезный брат, что ты поторопился написать ко мне; но признаюсь тебе, что твое, а особенно маменькино, письмо ничуть не удовлетворило моему желанию. От тебя я получил изъявления твоего сожаления о моей невзгоде, что меня очень трогает, как доказательство твоей братской ко мне любви; потом описание собственных твоих горестей, что прибавило еще несколько капель ядовитой горечи в чашу, которую я давно уже пью; за сим несколько официальных известий, впрочем, не совсем удовлетворительных: не того ожидал я с таким нетерпением. Мне хотелось поскорее узнать, какое впечатление произвело на папиньку и маминьку мое письмо, в коем я наконец решился уведомить их о своем несчастии; но этого-то именно я и не вижу в твоем письме. Равным образом, мне и то крайне досадно, что ты ни слова не сказал о том, когда едет в Москву Авенир Иванович. Прошу тебя, будь обстоятельнее в своих письмах ко мне; ты не можешь себе представить, как неприятно получать такие неудовлетворительные известия.

Ты просишь меня, чтобы я, ради самого бога, уведомил тебя, когда ты избавишься от проклятой службы в Земском суде и несносной жизни в родительском доме и будешь служить в Сенате, или где-нибудь? Я уже сказал тебе, чтобы без офицерского чина ты и во сне не бредил о выезде из

Чембара. Ты знаешь, что Дмитрию Петровичу остается пробыть в Университете только один год, по выходе из коего ему непременно должно будет вступить в службу, которую он и намерен начать и продолжать в Москве. После окончания своего курса он, может быть, проживет с полгода дома; тогда-то и с ним-то поедешь ты в Москву, ибо я уверен, что к тому времени ты будешь офицером. Ехать же в Москву без толку не для чего. Поспешишь и людей насмешишь — эта роковая пословица уже не раз сбывалась над тобою: надобно уметь пользоваться уроками опыта и делать все с оглядкою. В Сенат скоро попасть никак нельзя; теперь в Департамент подано целых пять просьб на одно или два места, и податели оных без всякого жалованья ходят туда и трудятся; лучше выдержавших искус оставят, а прочим откажут. Если таким образом тебя будут водить полгода или и более, то чем ты станешь жить? На Папиньку, как тебе самому известно, надежда зело плохая. Ты знаешь, что я еду в Белоруссию, и если попаду, как обещал мне Попечитель, в Вильно, то буду получать 1000 руб. жалованья, что составит для меня очень значительную сумму. Если же я и не попаду в Вильно, то через год непременно надеюсь попасть в какое-нибудь гимназияльное училище на 1200 руб. жалованья; сверх того, вероятно, я буду иметь и другие источники для получения денег; после этого мне не большого будет стоить уделить тебе 25 р. ас. в месяц на содержание, хотя бы тебе и больше года пришлось прожить без жалованья. Когда же поступишь в Сенат, то на первый раз будешь получать 420 р. ассигн., что в Москве на серебро составляет слишком 460 рублей⟨!⟩, а это не шутка! Тогда ты и без всякой посторонней помощи будешь в состоянии жить. Ежели же и не поступишь в Сенат, то и то не беда. Дмитрий Петрович думает поступить в Почтамт, где чрезвычайно много дела, но зато и хорошее жалованье, скорое производство в чины и частые денежные награждения; ты можешь и туда поступить с ним, и это было бы еще лучше, ибо Д⟨митрий⟩ П⟨етрович⟩ есть лучший и более расположенный к нам родственник, нежели другие. Итак, мой друг, терпение! Год или полтора года — не вечность! И не увидишь как пройдут. Я очень знаю, как горько тебе жить в родительском доме,— да что же делать-то? Я и сам пью горькую чашу, которая с каждым днем переполняется через края новыми ядовитейшими зельями,— однакож терплю, ибо надежда в будущее подкрепляет меня. Кто знает? Может быть, все настоящие несчастия есть не что иное, как зерна, из коих должны некогда вырасти и расцвести благоухающие цветы счастия? Все к лучшему!— думаю я, и не тужу. Советую и тебе последовать моему примеру. Конечно, горестно, убийственно слышать от своего отца попреки за каждый его кусок... и где же? — в Чембаре, где эти куски так дешево обходятся даже и самому последнему мещанину, а не только что штаб-лекарю, да еще к тому же и коллежскому асессору!.. После этого толкуй себе о каких-то будто бы священных, неразрывных узах природы!.. Но... на здешнем свете часто совершаются большие чудеса, часто людей постигает такая участь, какой они совсем не ожидали: какой-нибудь ничтожный бедняк иногда дает кусок и угол человеку, который некогда думал о нем хуже, нежели о какой-нибудь собаке... Смотри, не считай же и ты своих кусков, если судьба когда-нибудь доведет твоего отца до необходимости питаться ими!..

Теперь о Никаноре. Алексей Петрович наотрез сказал, что не возьмет его к себе и за 300 руб., будто бы опасаясь того, что он большой озорник и может своим поведением вводить его в хлопоты и наносить беспрестанно беспокойство. Как ни много претерпел я ударов судьбы, но еще ни одна слеза не выкатывалась из моих глаз; в этот же раз несколько горьких слезинок украдкою скатились в кулак с моих ресниц, нимало не облегчив ни стесненной груди, ни растерзанного сердца... Бедный мой брат!.. Какая участь ожидает его!.. Д⟨митрию⟩ П⟨етровичу⟩ очень этого хотелось, как

по его расположению к нашему семейству, так и потому, что Петинька [2] нашел бы в Никаноре товарища по учению и что это произвело бы между ними взаимное соревнование. Так было думал и я... но если не хотят, то кланяться нечего, тем более сердиться или оскорбляться этим; всякий волен в своих поступках; насильно же любить себя нельзя заставить. Просить же Алексея Петровича еще об этом я не советую ни под каким видом; упрекать его или обнаруживать ему каким бы то ни было образом свое неудовольствие тоже.

Я бы мог взять Никанора с собою в Белоруссию, если бы только Папинька на это согласился. Я бы очень мог до времени быть надежным и полезным руководителем своего брата и надолго еще заменить ему собою отца и мать во всех отношениях. Но если бы Папинька и согласился на это, то все-таки как это сделать? Как быть тогда, если он, приехав в Москву, не застанет меня в ней! Я лучше соглашусь видеть его в гробе или зарезать собственными руками, нежели насильно заставить его жить у А⟨лексея⟩ П⟨етровича⟩. Для меня всегда лучше умереть, нежели одолжаться кем-нибудь насильно. Если же и делал это, то потому только, что в будущем предвидел для себя возможность свергнуть для себя тяжкое иго ужасной обязанности, в которую закабалили меня жестокие обстоятельства. Итак, вот мой совет: если Папинька согласится препоручить мне Никанора, то пусть пришлет его в самом скорейшем времени и притом с такими попутчиками, которые бы доставили бы его назад в Чембар, если бы он не застал меня в Москве. Я, может быть, пробуду в ней еще и долго, а может быть, и через три дня после отправления сего письма: все зависит от решения попечителя. Даже может случиться и то, что он и откажет мне в обещанном месте и возвратит мои бумаги, которые он увез с собою

Е. П. ЛОПАТИНА
(РОЖДЕННАЯ ИВАНОВА)
Фотография 1860-х гг.
Собрание М. С. Куликовской, Москва

в Белоруссию вместе с моею просьбою; но в таком случае покровительствующий мне профессор Надеждин обещал мне доставить мне ⟨!⟩ учительское место в каком-нибудь уездном училище Московской губернии, что ему тем легче сделать, что он член Училищного комитета.

Магдалину доставлю тебе при первом случае; она совсем отпечатана. Телемака я и не думал переводить, ибо это есть детская книжка, по коей учатся фр⟨анцузскому⟩ языку. Несколько №№ Молвы я послал к тебе с Сергием Васильевичем на имя Федосьи Степановны, ибо я думал, что ты в Воронеже. Телескопа послать не могу, ибо сам не имею его, а буду получать по приезде в Белоруссию, ибо Издатель обещался подарить мне за год. В 7 № сего журнала помещена статья моего перевода о Богемской эпопее[3]. В след⟨ующую⟩ середу пошлю письмо к маменьке в ответ на ее. Из белья, если можно, пусть пришлет пару рубах... Я потому решаюсь просить этого,что не ожидаю большого награждения,но на какие-нибудь 150, дай бог, сколько-нибудь в благопристойном виде явиться в Белоруссию и проехать дорогу. За сим прощай, мой друг, не слишком и не всем огорчайся, веди себя, как должно честному и благородному человеку и надейся на бога: может быть и мы с тобою когда-нибудь будем счастливы. В ожидании же сего — прощай! Твой брат

Виссарион Белинский

Надпись о получении: Получено 29 июля 1833 года, в субботу через почту.

[1] Это письмо является ответом на письмо К. Г. Белинского от 7 июля 1833 г. (см. письмо № 75).

[2] «Петинька» — младший брат А. П. и Д. П. Ивановых, который уже год жил в Москве.

[3] Статья Эдгара Кине «О Богемской эпопее», переведенная Белинским и напечатанная в «Телескопе», 1833, № 7, стр. 273—287 (ц. р. 26 мая 1833 г.).

78. Ф. С. ИВАНОВА — БЕЛИНСКОМУ

⟨Керенск, 3 сентября 1833 г.⟩

Любезный друг
Виссарион Григорьевич.

Извини меня, что вскорости не отвечала на письмо твое[1]; занята была шитьем для детей, а теперь по скорости отправки Пети. Скажу только, что тетушка по возвращении своем из Воронежа была у нас с Сашенькой и Никанором; погостили недели две. Мы с ней провели время очень приятно, были в Спасске. Ей очень хочется Никанора отправить для ученья в Москву, а дядюшка хочет его по совершении лет определить в военную службу. Право, им надо отдать его хорошему ментору на руки, он очень избалован, никого в грош не считает. Тетушка недовольна, что дети мои много полагают на содержание, а как иначе? Ты знаешь своего отца, у него без сапог насидится. Жалею, что я не имею Владыкина состояния, я б всем родным могла быть полезна, а при нынешних обстоятельствах, ты правду говоришь, рад будешь смерти. Ныне только подлецы и у кого есть деньги, те могут жить на свете, а добрый человек гоним. Отчего Петр Петрович, служа 45 лет, не получил пряжки и креста? Потому что не имеет денег. Надо все переносить в кротости духа; может, в будущем за то наградится.

Посылаю тебе рубаху и полотенце;уведомь меня,не скрывай,какой тебе дан аттестат, нельзя ли тебе где-нибудь в Москве определиться? Я думаю, что тебе в Белоруссию не удалось, потому что получили от детей два пись-

ма, а о тебе ни слова; они б нас уведомили об оном. Старайся где-нибудь устроить себя. Желаю тебе всего лучшего в мире. Остаюсь любящая тебя сестра

Федосья Иванова

Не оставь Петю в свободное время занимать науками. Приезжай к нам побывать, ты теперь свободен.

3 сентября 1833 года

На первой странице надпись рукою Белинского: Получено сент‹ября› 13 дня, в середу.

[1] Письмо Белинского, на которое отвечает Ф. С. Иванова, до нас не дошло.

79. БЕЛИНСКИЙ — М. И. БЕЛИНСКОЙ

Москва, 1833 года, сентября 20 дня

Любезная Маминька!

Извините меня, что я, обещавши писать к Вам по почте, в письме к брату, не исполнил моего обещания. Разные обстоятельства помешали мне поступить сообразно с моим обещанием и желанием. Впрочем, я думаю, что с Вашей стороны гораздо неизвинительнее оставлять меня в неведении касательно нашего семейства. Я один, а вас много. Сверх того, в рассуждении меня я не советовал и теперь не советую Вам беспокоить себя разными сомнениями и страхами. Я нигде и никогда не пропаду. Несмотря на все гонения жестокой судьбы, чистая совесть, уверенность в незаслуженности несчастий, несколько ума, порядочный запас опытности, а более всего некоторая твердость в характере — не дадут мне погибнуть. Не только не жалуюсь на мои несчастия, но еще радуюсь им: собственным опытом узнал я, что школа несчастия есть самая лучшая школа. Будущее не страшит меня. Перебираю мысленно всю жизнь мою и хотя с каким-то горестным чувством вижу, что я ничего не сделал хорошего, замечательного, зато не могу упрекнуть себя ни в какой низости, ни в какой подлости, ни в каком поступке, клонящемся ко вреду ближнего. Вижу, что только моя мать есть единственный человек в мире, которого заставил я плакать. Эта мысль убивает меня; но надежда, сладостная надежда в скором времени быть в состоянии деятельною помощию, всем счастием моей жизни, всем бытием моим жертвовать моей матери и тем сколько-нибудь вознаградить ее за все жертвы, за все слезы, за всю любовь ко мне подкрепляет меня. Для этого только и желаю я себе счастия и богатства.

Дела мои ни на шаг вперед. С Карташевским случилось что-то важное: в Москве у него есть близкие родственники, с которыми он вел постоянную переписку [1]; но с самого того времени, как он был в последний раз в Москве, когда я подал ему просьбу, он не писал к ним ни строки; так как из Белоруссии составляется особенный учебный округ, вследствие чего из Кременца переведен в Оршу лицей, то туда просится один из ординарных профессоров, Максимович [2]; и он не получает никакого решения. Завтра я посылаю от себя самое настоятельное письмо к Его Превосходительству, в коем решительно прошу его или прислать свое решение в самом скором времени или прислать мне назад мои документы. Теперь так много мест учительских даже в Московской губернии, что мне при посредстве профессора Надеждина не стоило бы никакого труда занять одно из них; почему мне очень хочется, чтобы Карташевский прислал назад мои документы. Во всем Московском округе учительское жалованье выдается по новому окладу, и самое последнее состоит из 700 рублей. Эта проклятая остановка заставляет меня претерпевать ужаснейшую нужду во всем.

Всего же более тяготит и мучает меня то, что я по сю пору принужден обременять собою Алексея Петровича, тем более, что, по причине необычайной дороговизны во всех жизненных потребностях, содержание в Москве стоит чрезвычайно дорого. Вы, слышал я, сердитесь за то, что Алексей положил было большую цену за содержание Никанора. Я, кажется, толком сказал Вам, что он не согласен принять его ни за какую цену. А если бы он положил 200 рублей, то это была бы самая умеренная цена. Вы можете поверить мне в этом. Бедный Никанор, бедный Никанор!..

Бога ради, пишите ко мне. Ваше молчание убивает меня. Будьте здоровы и, если можете, счастливы, а всего более терпеливы. Старайтесь отстранять все случаи, могущие подавать повод к семейным неудовольствиям; пустые ссоры не ведут ни к чему: где нельзя помочь делом, там должно молчать. Прощайте! Остаюсь сын Ваш

В. Белинский

Надпись о получении: Получено 13 октября, 1833 года.

[1] Родственники Г. И. Карташевского (см. о нем прим. к письму № 73) — Аксаковы.
[2] Михаил Александрович Максимович (1804—1873) — профессор ботаники Московского университета, сотрудник «Телескопа»; впоследствии этнограф и историк.

80. БЕЛИНСКИЙ — К. Г. БЕЛИНСКОМУ

Москва, 1833 года, сентября 20 дня

Любезный Брат!

Стыдно забывать брата! Больше ничего не скажу тебе. Получил ли ты Молву и письма мои? Что делается у нас? Что Папинька? Все ли в том же нравственном положении? Что говорил он о моем предложении касательно Никанора, что говорит обо мне? Бога ради, уведомь. Хотя он и забыл, что я ему сын, однакож я помню, что он мне отец.

Магдалины от меня не жди. Я взял ее все три экземпляра и, по крайней моей нужде, продал все, даже и французский подлинник, и потому сам не имею ни одного экземпляра. В замену же ее посылаю тебе несколько картинок мод, прибей их на стенку хоть в нужнике на память обо мне. О себе скажу тебе, что я живу довольно хорошо для своих обстоятельств. Связь с моим любезным Петровым и многими другими, можно сказать, отборными по уму, образованности, талантам и благородству чувств молодыми людьми заставляет меня иногда забывать о моих несчастиях. В семействе Петрова я принят, как родной. Его мать, добрая, умная и любезная старушка, для меня истинно вторая мать. Также я знаком с одною из его сестер (которые все очень воспитанные девицы): она недавно уехала в Тулу, в гувернантки в один дом [1]. Через Петровых я познакомился с домом одного помещика Зыкова, где тоже очень хорошо принят и обласкан. В этом доме много барышен; ты догадаешься, что по этой причине я с большим удовольствием провожу там время. 17 сент⟨ября⟩ я был у них на имянинах, немного танцовал, немного был пьян, ужинал, волочился, куртизанил... и был счастлив. Скажу тебе, что московский свет резко отличается от чембарского простотою, большею свободою в обращении и отсутствием глупых церемоний, как-то подхождения к руке и прочего. Вообще, там менее можно конфузиться, нежели у вас. Там лучше умеют ценить достоинства и лучше вашего умеют наслаждаться удовольствиями. А барышни? О! какая разница с вашими! Мне казалось, что я был перенесен в какой-то другой, доселе безвестный мне мир. Сверх сего, я еще имею хороших знакомых в том доме, где живет Григорьев (Н⟨иколай⟩ Львович)[2]. Хозяин оного управляет имением Зыкова Жена его и дети — предобрейшие люди и принимают меня совершенно, как родного. Часто хожу к Авениру Ивановичу и

Денной Спектакль

1835

№ 123

ВЪ БОЛЬШОМЪ ТЕАТРѢ.

НЕ ВЪ СЧЕТЪ АБОНЕМЕНТА.

Въ Субботу 16 Февраля ИМПЕРАТОРСКИМИ Россійскими Актерами представлена будетъ

РАЗБОЙНИКИ,

Трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, соч. *Шиллера*, сокращенный переводъ съ Нѣмецкаго.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

Максимиліанъ Мооръ, Владѣтельный Графъ,	Г. *Волковъ.*
Карлъ, } сыновья его,	Г. *Мочаловъ.*
Францъ, }	Г. *Усачевъ.*
Амалія, его племянница,	Г-жа *Львова-Синецкая.*
Германъ, небогатый дворянинъ,	Г. *Щепинъ.*
Шпигельбергъ, } разбойники,	Г. *Потанчиковъ.*
Швейцеръ,	Г. *Орловъ.*
Гриммъ,	Г. *Максинъ 1-й.*
Роллеръ,	Восп. *Сахаровъ.*
Рацманъ,	Г. *Калининъ.*
Шуфтерле,	Г. *Соколовъ.*
Косинскій,	Г. *Виноградскій.*
Судья,	Г. *Никифоровъ.*
Даніилъ, старый слуга,	Восп. *Зеленинъ.*
Слуга,	Г. *Смольяниновъ.*
Трактирщикъ,	Восп. *Шуберинъ.*
Слуги и разбойники.	

Въ заключеніе спектакля дано будетъ:

ПЕРЕХОДЪ РОССІЙСКИХЪ ВОЙСКЪ

ЧРЕЗЪ

БАЛКАНСКІЯ ГОРЫ,

Современное Россійское представленіе въ 1 дѣйствіи, съ принадлежащими къ оному пѣніемъ, хорами, плясками и сраженіями. Въ оном представленіи будутъ танцовать: Восп. *Ярцевъ*, Г-жи *Гольтерманъ 1-я*, *Воробьева* и Восп. *Самарина 2-я* по Цыгански.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

Славскій, Россійскій Генералъ,	Г. *Соколовъ.*
Мустафа Санджакъ,	Г. *Максинъ 1-й.*
Ирена, Гречанка, невольница его,	Восп. *Алексѣева.*
Георгій, молодой Грекъ,	Г. *Калининъ.*
Ибрагимъ, Кади,	Г. *Живокини.*
Гирей, Цыганъ,	Г. *Н. Степановъ.*
Селимъ, } Турецкіе воины,	Г. *Виноградскій.*
Гассанъ, }	Восп. *Зеленинъ.*
Офицеръ,	Г. *Анслинъ.*
Буркинъ,	Г. *Строгоновъ.*
Болгаръ,	Восп. *Максинъ 2-й.*
Башкиръ,	Восп. *Самаринъ 2-й.*
Начальникъ Болгаръ,	Восп. *Сахаровъ.*

Русское войско, Казаки, Греки, Армяне, Башкиры, Турки, Болгары и Цыгане.

НАЧАЛО ВЪ 12½ ЧАСОВЪ.

ВЪ БОЛЬШОМЪ ТЕАТРѢ.

Денной спектакль не въ счетъ абонемента.

Въ Воскресенье 17 Февраля. *Русалки, часть 4-я,* опера въ 3 дѣйствіяхъ. Начало спектакля въ 12 часовъ по полудни.

Въ оный же день *Жоко, Бразильская обезьяна,* мелодрама въ 3 дѣйствіяхъ. *Часъ въ тюрьмѣ, или еще въ тужелкъ пару похмелье,* водевиль въ 2 дѣйствіяхъ. *Праздникъ жатвы,* дивертисементъ. Начало спектакля въ 6½ часовъ.

ВЪ МАЛОМЪ ТЕАТРѢ

Вечерной спектакль не въ счетъ абонемента.

Въ оный же день *Недоросль,* комедія въ 5 дѣйствіяхъ. *Жена какихъ много, или мужъ какихъ мало,* водевиль въ 1 дѣйствіи. *Филатка и Мирошка соперники, или четыре жениха и одна невѣста,* водевиль въ 1 дѣйствіи. Начало спектакля 7 часовъ.

На Масляницѣ раздача билетовъ будетъ производиться слѣдующимъ порядкомъ: на всѣ Русскіе вечеровые спектакли въ день представленія въ 8 часовъ утра снаружи на большомъ подъѣздѣ; на всѣ Русскіе денные на канунѣ представленія въ 10 часовъ утра въ парадныхъ сѣняхъ; на всѣ Французскіе въ 12 часовъ утра въ Маломъ Театрѣ.

На вечерній же Русскій спектакль въ Воскресенье 17 Февраля, въ Маломъ Театрѣ продажа билетовъ будетъ производиться въ день представленія въ 10 часовъ утра въ Большомъ Театрѣ.

АФИША ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ТРАГЕДИИ ШИЛЛЕРА «РАЗБОЙНИКИ» НА СЦЕНЕ МОСКОВСКОГО БОЛЬШОГО ТЕАТРА 16 ФЕВРАЛЯ 1835 г. С УЧАСТИЕМ П. С. МОЧАЛОВА

«...Видел в ролях Отелло и Карла Моора знаменитого Мочалова... Гений мой слишком слаб, слишком ничтожен, недостаточен, чтобы достойно описать игру сего... великого артиста драматического искусства» (из письма Белинского к родителям)

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Александре Николаевне, которые расположены ко мне попрежнему. Видишь ли, сколько у меня в Москве знакомств и связей? О, Москва, Москва! жить и умереть в тебе, белокаменная, есть верх моих желаний. Признаться, брат,— расстаться с Москвою для меня все равно, что расстаться с раем. Если я и попаду в проклятую Белоруссию, то прослужу в ней год, много, много два — а там в Москву, в любезную Москву!

Я забываю уведомить маминьку, что я получил подушку, за которую и благодарю, равно как и за рубашку, полотенце и платок. Странное дело! мне все присылают то, чего не надо: рубашек у меня довольно, полотенцев пропасть, а Федосья Степановна прислала мне еще рубашку да полотенце...

За всем сим — прощай!

Твой брат В. Белинский

Доставителя сего письма прошу обласкать: он парень умный, расторопный, и оказывал мне некоторые послуги.

Надпись о получении: Получено 13 октября, 1833 года, в пятницу в 1 часу.

[1] О П. Я. Петрове см. в «Биографическом словаре университетских товарищей Белинского» — «Лит. наследство», т. 56, стр. 432. Мать П. Я. Петрова—Анна Максимовна; его сестры — Надежда Яковлевна и Александра Яковлевна, поступившая в гувернантки. См. письма А. М. и Н. Я. Петровых к Белинскому в сб. «В. Г. Белинский и его корреспонденты», М., 1948, стр. 251—253.

[2] О Н. Л. Григорьеве см. в «Биографическом словаре университетских товарищей Белинского» — «Лит. наследство», т. 56, стр. 426.

81. Е. П. ИВАНОВА — БЕЛИНСКОМУ

Керенск, 7-е октября 1833 г.

Любезный Виссарион Григорьевич.

Давно собиралась писать к вам и все день ото дня откладывала, и вот сколько времени провела, не написав вам ни строки. Если бы я слушалась своего желания писать к вам, то вы бы очень часто получали от меня письма и самые бы огромные. Но ко мне привязалась или почти околдовала такая лень, что я даже не знаю, что с ней делать. Не сумеете ли вы отворожить меня от этой лени; пожалуйста, постарайтесь, я вам буду много благодарна за это.

Я вам сообщу приятную новость: Константин Григорьевич получил чин офицера; он, верно, не успеет прежде меня уведомить вас об этом, и я считаю за удовольствие предупредить его. Вы в письме вашем просите меня успокаивать маменьку вашу; поверьте, что я с равным участием принимаю как свои горести и радости, так и семейства вашего, из всего нашего родства оно первое в моем сердце. Маменька ваша поуспокоилась немного, оттого что она теперь надеется, что вы стараетесь устроить себя, но тревожится часто об здоровье вашем, и для того не худо бы вам уведомлять ее об этом почаще. Вы что-то опять замолчали об себе?— скажите, пожалуйста, что, как ваши дела идут? где живете и чем занимаетесь? не обманули ли вас обещаниями покровители ваши? Если вам нельзя или не хотите написать об этом обо всем откровенно своим домашним, то уведомьте хотя меня по секрету, поверьте, я не нарушу его.

Прощайте! много бы хотела говорить вам, но теперь не соображусь ни с чем: у нас гости, и это отвлекает меня от письма. Ничего я вам теперь так не желаю, как пристроиться скорее к месту и быть здоровым!

Катерина Иванова

82. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар, октября 19 дня 1833 года

Любезнейший брат
Виссарион Григорьевич!

Во-первых, уведомляю тебя, что я 23 сентября получил чин коллежского регистратора со старшинством с 31 декабря 1832 года; также вместе со мною и Асновин получил коллежского секретаря. Папенька хочет меня отправить в Пензу, где и определить в Удельную контору, а мне хотелось было в Москву, чтобы в оной служить вместе с Алексеем Петровичем. Приятно ли для тебя это известие, что я получил офицерский чин, то напиши что-нибудь в ответ.

Письмо твое от 19 июля я получил 29 числа оного месяца, равно и Молву, а от 20 сентября я получил 13 октября вместе и с картинками мод, за что тебя и благодарю и отвечаю тебе, что я тебя никогда и не думал забывать, а, напротив, всегда о тебе помнил и соболезновал о твоей участи; а ежели я так долго не писал к тебе, то я ожидал от тебя письма, ибо ты обещался в письме ко мне писать маменьке, которая каждую почту надеялась получить оное.

В доме у нас все попрежнему. Папенька, как и прежде, пьет сладкую водку, а ныне перцовку, от коих, получив действие слабости членов, бранится с маменькою, ругая бабушку и придираясь ко всем. Вот тебе верный отпечаток папенькиной нравственности. О тебе он говорил со мною, когда я сказал ему о получении офицерского чина, что сожалеет о тебе и что ты только один заставляешь думать его о своей участи, и ежели бы ты написал к нему письмо и уведомил бы его о своих нуждах, то бы он послал тебе денег.

В сентябре месяце я с маменькою и Федосьею Степановною был во Владыкине у Лукерьи Савельевны, которая в день моего ангела (19 числа) подарила два талера, а маменьке — холста для тебя, и хотела послать тебе денег, но, не зная настоящего твоего местопребывания, не может теперь посылать, и потому не худо бы тебе было писать к ней и уведомить под политикою о своих нуждах...

23 сентября приезжала к нам Марфа Андреевна Владыкина [1] с г. Хисинским ⟨?⟩ и ночевала; она подарила мне 4 рубля, что я ей переписал письма мичмана Кропотова к министрам. Степан Михайлович в августе месяце помер холерою во Владыкине, когда оная гуляла по оному селу и которую папенька силою медицины скоро проводил во-свояси.

Стряпчий Васильев и Петр Брычев уволены министром юстиции от своих должностей за неправильное произведение следствия об убитой деревни Топорихи крестьянской женке Фроловой своим мужем, ибо они, не пригласив медицинского чиновника для освидетельствования женки, показали в следствии, что она убита лошадью, а между тем Васильев взял 500 руб. с подсудимого. На место коего прислан из Мокшана стряпчий А. Воскресенский, а на место Брычева — столоначальник Губернского правления Белоруков, а на место ж Воскресенского — столоначальник же Таптуков. Вот тебе сколько чембарских новостей! Я очень рад, что ты имеешь хорошие знакомства, которыми при твоих худых обстоятельствах надобно дорожить.

Очень жалко то, что ты по сие время находишься без должности, что меня с маменькою много огорчает ⟨...⟩

В рассуждении твоего предложения о Никаноре папенька был согласен, но теперь, кажется, мысли его переменились, ибо он хочет Никанора посвятить военной службе, и потому наш Никанор с каждым днем преуспевает в своих поступках... Засвидетельствуй мое искреннее

почтение Алексею Петровичу и поцелуй Петеньку, а Дмитрию Петровичу поклон в пояс и три поцелуя в уста. Я пред ним много виноват в моем молчании. Остаюсь твой брат

Константин Белинский

Приписка М. И. Белинской:

Милый мой друг Виссарион Григорьевич, много надо к тебе писать, но в теперешнем моем положении ничего не могу, сбираюся к Анне Францевне [2] и к Лукерье Савельевне. Отец как можно больше пьян, бурлит, ругается скверными словами, Саша плачет, у меня рука дрожит*.

Приписка К. Г. Белинского:

Папенька, пришедши к кабинету, стучит в дверь, чем и помешал писать маменьке, которая, прощаясь со мною, говорила мне, чтобы я дописал сию страницу.

Ты не можешь себе представить, как мне хочется служить в Москве, а особливо вместе с Алексеем Петровичем, ибо я в нем нашел бы себе достойного руководителя по службе, наставителя в делах и примерного человека в поведении. Неужели ты это не примешь в уважение?.. Не думаю я! Пожалуйста, уведомляй нас с маменькою о своих обстоятельствах подробнее, ибо незнание нас много тревожит... Прощай, друг мой, пиши скорее ко мне о себе и мне.

В опускаемой части письма К. Г. Белинский сообщает о своих встречах с Н. Е. Синенковым и А. П. Воскресенским.

Упоминаются: М. И. Белинская, А. П. Воскресенский и Н. Е. Синенков.

[1] Марфа Андреевна Владыкина — жена Степана Михайловича, брата Н. М. Владыкина. С М. А. Владыкиной и ее сыном Алексеем Степановичем были близки Ф. И. Буслаев и его мать. См. «Мои воспоминания» Ф. И. Буслаева, 1897, стр. 46—47. Белинский бывал у М. А. Владыкиной в Москве.

[2] Анна Францевна — жена Д. Ф. Мосолова, рожд. Туркер.

83. БЕЛИНСКИЙ — К. Г. БЕЛИНСКОМУ

Москва, 1833 года, ноября 8 дня

От всей души и всего сердца моего поздравляю тебя, любезный брат, с получением чина. Ты меня очень много обрадовал сим известием; я забыл о себе на некоторое время и вкусил несколько самых сладостных минут. Дай бог, чтобы счастие по службе и впредь тебя не оставляло: ты достоин этого по доброте своего сердца и благородству чувствований. Касательно твоего отъезда в Пензу не знаю, что и сказать тебе. Чтобы ехать в Москву нужно столько денег, чтобы можно было прожить без нужды по крайней мере год. В Сенате ваканций мало, а кандидатов на место много. Притом же если бы я остался в Москве, а то бог весть. Покуда не мешает пожить и в Пензе годок, другой: и не увидишь как пройдет это время; мы не старики, нам нечего скупиться на года. Мне и самому весьма бы хотелось, чтобы ты служил в Москве, да что делать,— не всё сбывается по-нашему. Повторяю: нужно 500 рублей, а где их нам с тобою взять?

Ты пишешь, что Папинька ждет от меня письма, чтобы прислать мне денег, что и Лукерья Савельевна то же. Благодарен им, только писем не будет. Кто меня любит, тот и без писем поспешит мне помочь, зная мою, можно сказать, кровную отчаянную нужду, и не доведет меня до необходимости п р о с и т ь; в противном же случае я ничего не требую и не прошу: я сумею умереть с голоду, не плача и не жалуясь ни на людей, ни

* Последнее слово дописано К. Г. Белинским.

на судьбу; скорей переломлюсь, но не погнусь. Лучше под окошками просить милостыни у чужих людей, нежели докучать просьбами своих. Я знаю, что у маминьки нет денег; она прислала мне, может быть, последний свой талер и отказала себе в чашке кофею, единственном удовольствии и единственной роскоши, которая для нее возможна, хотя я не только не просил у нее ни копейки, но даже уверял ее, что ни в чем не нуждаюсь: это мать! Такое вспоможение умиляет душу и врезывается в памяти сердца неизгладимыми буквами...

БЕЛИНСКИЙ
Рисунок Б. И. Лебедева, 1947 г.
Собрание художника, Пенза

Мое дело стоит. Карташевский — подлец, каких мало; если ты брат мне, моли бога, чтобы мне не пришлось служить под таким милым начальником. Писал к подлецу, чтобы возвратил мне мои бумаги; полтора месяца — и нет ничего. Теперь посылаю форменную просьбу, чтобы возвратил документы. Не знаю, долго ли мне еще мучиться.

О намерении Папиньки лишить Никанора всякого образования, всякого просвещения и сделать из него нечто похожее... скажу тебе, что сему не бывать, пока я дышу. Я знаю, что все это значит. Мне не удалось получить ученого диплома, так зачем и Никанору учиться, тем более, что оставить его невеждою и негодяем гораздо дешевле, ибо деньги, которые бы нужно было употребить на его воспитание, можно отложить на сладкую водку, на перцовку, да еще кое на что...

Маминьке писать мне нечего, да притом же мне и скучно и грустно ввергать ее в новые горести каждым новым письмом. Прошу ее только о том, чтобы она берегла себя: может быть для нас еще и блеснут красные дни...

Никогда не чувствовал я так живо неудобности моего положения. О! если бы я остался в милой, родимой Москве, тогда бы все пошло иначе! И ты и Никанор были бы со мною, а, может быть, и прочие... ты понимаешь?.. Но теперь!..

Засвидетельствуй от меня почтение Бабушке, семейству Петра Петровича. Катерине Петровне скажи, что я получил ее письмо, но писать к ней не могу: дел чортова пропасть. Кланяйся также Ивану Осиповичу и Варваре Савельевне [1]. Нашим домашним тоже поклон. Прости!

P. S. Если имеешь случай доставать Телескоп, то гляди в оба: скоро будет там помещена моя оригинальная статья: Тоска [2]. Также мои переводы в 5, 13 и 14 № под рубрикою В. Б.

Твой брат
Виссарион Белинский

Надпись о получении: Получено 1833 года, ноября 18 дня в субботу.

[1] Иван Осипович и Варвара Савельевна Каменские. См. о них прим. к письму № 7.

[2] «Оригинальная статья» Белинского под названием «Тоска» в «Телескопе» 1833 г. не появлялась. Ср. о ней в наст. томе в разделе «Трибуна». В № 5 «Телескопа» 1833 г. переводов Белинского также не обнаружено. В №№ 13 и 14 была напечатана переведенная Белинским статья «Нынешнее состояние музыки в Италии (Письмо Энтузиаста)» (I, 96—102).

84. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар, 1833 года, ноября 23 дня

Письмо твое, любезный брат Виссарион Григорьевич, от 8 ноября я имел удовольствие получить 18 числа оного месяца, за которое и благодарю тебя и скажу, что сколько я сперва обрадовался ему, столько, напротив, был огорчен тем, что ты по сию пору еще не определился никуда и претерпеваешь большую нужду в деньгах, коих, к величайшему моему несчастию, у меня нет, а хотя и были известные тебе два талера и целковый, но они издержаны на необходимые мои нужды, и потому я не могу тебя ссудить оными. Жалованья я за прошедшую треть получил 8 рублей, из коих 4 р. ас. вычтены в казну за пачпорт. За офицерский чин должен внести в Казначейство 35 р. ас. $34^1/_4$ коп. Хотя и будут вычитать из жалованья, но это все должно продолжиться с год, а потому я теперь и не могу переходить в Пензу.

Маменька также бедна деньгами, а к тому ж еще много и задолжала кое-кому, а у папеньки хотя и есть всегда деньги, ибо он одних прогонов получает иногда вдруг по 15 и 20 рублей, но он нам отец только по рождению... Ах! Это слишком горестно для нежного сердца. Однажды он сказал маменьке, что не будет писать тебе до тех пор, когда не услышит от тебя... что ты определился к должности. Бабушка, тронутая твоею участию, посылает тебе 5 рублей ассигнациею. Маменька дала торговке продавать кое-какие мелочи, но из коих ничто еще не продалось, и потому ей нечего тебе послать; я тоже дал продавать кое-какие ненужные мне книги и две старые, плохие бритвы; ежели они продадутся, то вырученные за оные деньги пришлю тебе.

В письме своем ты поздравляешь меня с получением офицерского чина и желаешь, чтобы счастие по службе и впредь меня не оставляло, за что чувствительно тебя благодарю. Ах, друг мой! Много ты меня огорчил тем, что я не могу теперь служить в Сенате, а должен ехать в Пензу. Увы! Прости, любезная Москва, мне не видать тебя, белокаменная! Ах! Недаром я, выезжая из тебя, плакал неутешно, как младенец, которого лишают матери. Ничто не может быть справедливее сих слов, сказанных почтеннейшим нашим поэтом: что сердце в нас — вещун;

я сам то испытал, когда мои стихи в журналы посылал. Меня одно то много утешало, что я увижусь с тобою, мой любезный, буду жить вместе с Алексеем Петровичем и Дмитрием Петровичем и служить в Сенате или где уже нибудь, только бы жить в любезной Москве. В августе месяце я писал к А. Е. Иванову и просил его постараться приискать мне в Пензе для служения место, жалованья которого достаточно бы было для содержания себя умеренным образом; он два месяца молчал, наконец, прислал с Декартовым ответ или, лучше сказать, отказ, сказанный под личиною дружбы. Вот каково надеяться на друзей, которые по одному приличию употребляют священные слова: любезный друг,— а между тем не имеют понятия о дружбе.

Именно подлец Карташевский. Как! Взявши просьбу и бумаги и обнадежив местом и до сих пор не присылает никакого решения, несмотря и на письмо твое. Он, как начальник Белорусского учебного округа, мог бы и без всяких просьб и бумаг дать тебе место учителя. Это от него зависит. Ах, люди! Люди! Кто постигнет вас! Раиса Николаевна едет скоро в Москву, и с нею-то маменька пришлет тебе ⟨...⟩ чайку, сахарку, да еще кое-что. — Когда уж ты определишься к должности? Твое положение много нас огорчает; проси хоть профессора Надеждина, чтобы он постарался определить тебя в Московской губернии, в городах коей много вакансий учительских, что я знаю чрез Московские Ведомости.

Очень желал бы прочесть твою оригинальную статью Тоску, равно и переводы, помещенные в Телескопе, которого в Чембаре нигде не достанешь. И потому прошу тебя покорно прислать с оказией означенную статью, ежели ты желаешь доставить мне удовольствие. Трагедия, Магдалина и переводы, простите! Мне вас не читать.

Я не понимаю, что тому за причина, что я не слышу ничего об Алексее Петровиче и Петеньке и не вижу ни строки от Дмитрия Петровича. Уж не сердятся ли они на меня за что-нибудь? Кажется бы, не за что. Я, с своей стороны, всегда их помню, люблю и даже уважаю, и сделанного ими тебе благодеяния я никогда не забуду, а при случае сам постараюсь оказать им услугу. Хотя они и забыли меня, но ты все ⟨же⟩ им поклонись от меня. Что сделалось с нашим папенькой: он и видеть никого нас равнодушно не может. Никанору дал такую волю, что хочет, то и делает, маменьку ругает дьяволом, сестру бьет, меня ругает. Ежели бы тебе удалось быть у нас в доме, то ты бы посмеялся, потужил, пожалел и с сердцем вышел бы из дома.

Я сижу вечером в кабинете и пишу к тебе письмо; вдруг приходит маменька с Никанором, который, помирившись с нею, пришел мириться со мною и спросил у меня Басни Крылова, которые я ему и дал. Помирился, да, кажется, не надолго: он и прошлого года осенью так же было помирился, но после вскоре за прежнее принялся. Пожалуйста, пиши с почтой и уведоми о себе: получил ли ты от Карташевского бумаги или он выхлопотал тебе место. А лучше бы всего было, когда бы ты остался служить в Москве. Я часто прошу бога об этом. Лучшая самая надежда на него. Остаюсь твой брат

Константин Белинский

Домашние наши все тебе кланяются. О получении сих денег уведоми скорее.

Приписка М. И. Белинской:

Милый мой Виссарион Григорьевич, жалею и сострадаю о тебе, мой милый друг души моей, и что ты о сю пору не получил места; это я грешная, за мои грехи господь наказывает и вас; молюсь и прошу, но господь не услышит моей молитвы. У меня нет ни копейки, рада бы тебе помочь. должна слишком шестьдесят рублей, а дохода получила в сентябре от жалованья

отец дал 11 рублей, да нынче свиней продала за 12 рублей, немножко заплатила, а еще 40 рублей осталась должна. Сашенька вышила бисерный кисет для жениха и вздумала продать Лукерье Савельевне, а деньги еще не получили, и не знаем, сколько соблаговолит прислать; надеемся, что не обидит, но сестра твоя жалеет тебя в теперешнем положении и заняла 5 рублей насчет будущего благополучия и посылает тебе, мой друг, не обижайся малою жертвою. Прощай, остаюсь мать твоя

М. Белинская

1833 года 23 ⟨ноября⟩

На первой странице надпись рукою Белинского: Получено декабря 12 дня.

85. Е. П. ИВАНОВА — БЕЛИНСКОМУ

Керенск, 14-е декабря ⟨1833 г.⟩

Вы что так замолкли, любезный Виссарион Григорьевич! Что с вами делается? Не случилось ли чего-нибудь новенького? Пожалуйста, уведомьте. Вы давным-давно ничего ко мне об себе не пишете, вы для меня такая загадка, которой я никак не понимаю. Я воображаю большую перемену в характере вашем, в мнениях, в суждениях, в положении жизни вашей — одним словом, я думаю, что вы совсем для меня новы, и потому прошу вас меня познакомить с собой, прошу вас описать мне все: где вы намерены жить, где служить, надеетесь ли вы, что прежнее намерение ваше ехать в Белоруссию исполнится? Или почему столько времени оно не исполняется? К чему вы нынче равнодушны и что вас теперь особенно занимает? Все, все пишите откровенно, подробно; пожалуйста, исполните мое желание, не лишите меня этого удовольствия.

Нас много удивило, что наш знакомый Б ⟨нрзб⟩ ⟨ни⟩ разу вас не видал. Мы знаем, что вы в Москве, но неужели не вместе с нашими? Это для нас очень странно.

Что вам сказать еще, право, не знаю? Об себе нечего, я все та же, в о мне не видно перемены. Чтением я нынче так бедна, что даже принялась от скуки за старинные романы госпожи Жанлис. А журналов нынешнего года ни одного и в глаза не видала, кроме Литературных прибавлений к Русскому Инвалиду. А вы, я думаю, зачитались книг и новостей.

Об семействе вашем ничего не могу сказать, потому что вот месяца два не получаю ни одной строчки от К⟨онстантина⟩ Г⟨ригорьевича⟩, да о Чембаре ничего нам давно не слышно. Красовские в Москве и, вероятно, вы с ними нередко видитесь; пожалуйста, поклонитесь от меня Александре Николаевне.

Прощайте, желаю вам скорее устроиться к хорошенькому местечку и, оканчивая мое письмо, я вас прошу о том же, о чем просила в начале оного, искренно уважающая вас

Катерина Иванова

86. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар, 1834 года, января 4 дня

Письмо твое от 15 декабря, любезный брат Виссарион Григорьевич, я имел удовольствие получить 23 числа того месяца, за которое и благодарю тебя, что ты не замедлил уведомить о получении письма и денег [1]. Все бы хорошо, только то, что ты по сие время никуда не определился, это-то самое и огорчает меня... Скоро ли уж ты определишься к должности-то? Когда уж ты напишешь нам, что ты определен к месту, что ты доволен им, что ты счастлив, спокоен духом... То-то бы порадовался я! ⟨...⟩

ДОМ ВАРГИНА НА ТВЕРСКОЙ УЛИЦЕ В МОСКВЕ. ЗДЕСЬ в 1834 г. ЖИЛ БЕЛИНСКИЙ
Реконструкция Б. С. Земенкова. Акварель, 1948 г.
Собрание художника, Москва

Уведомляю тебя, что 6 сентября ночью был пожар в Покровской улице, в коей сгорело 10 дворов, хлеба тысячи на три. Вот сцена-то была! Я не знаю, чье бы сердце было столь нечувствительно, чтобы при виде сего плачевного зрелища не содрогнулось, как всепожирающий огонь, миновав дома тех хозяев, у коих сгорел хлеб, пожирал последнее достояние земледельца, а особливо при нынешней дороговизне жизненных потребностей.

Ты не поверишь, любезный брат, у нас мука ржаная пуд 270 коп., пшено 4 р. ас. мера, гречневая крупа 3 р. ас., овес 120 коп. мера, сена пуд 1 р. ас. Вот года-то пришли! Бывало, рожь четверть продавалась по 3 и 4 р. ас., а ныне 25 р. ас. Вот какая стала противоположность во всем против прежних цен. У нас в Чембаре ныне только и говорят о дороговизне хлеба...

Еще 28 октября ночью в 12 часу случился пожар у мещанина Бодрова, у коего загорелся сарай; к счастию нашему, что ветер подул на площадь и был пред этим дни за два сильный дождь, отчего добычею огня сделался упомянутый сарай, лошадь и некоторые вещи хозяина. Мы все вытаскивали из дома. Маменька до того испугалась, что получила сильный кашель, бегая по улицам с образом. Когда я ездил в Воронеж, то дорогою часто видел в стороне пожары. Одно село расстоянием от Тамбова на 20 верст, под названием Малая Липовица, почти все выгорело, и когда я подъезжал к оному, то жители его толпами попадались на дороге к Тамбову, и по спросу моему узнал, что они ходили к губернатору для испрошения себе от него помощи, ибо они лишились всего достояния. Каково положение!..

Что ты, любезный братец, не уведомляешь нас никогда, в какое именно число получил ты письмо и деньги, также почему ты не написал побольше

письма и уведомил бы подробнее о себе. В письмах своих ко мне ты требуешь всегда, чтобы я писал к тебе обстоятельнее, а сам сего не исполняешь. Например, что бы тебе было не ответить мне на мою просьбу о присылке мне твоих сочинений и переводов, а сам пишешь, отчего я о мордовском словаре [2] ни слова не упомянул в письме моем к тебе, и, во-вторых, что не уведомил тебя, когда именно поедет в Москву Раиса Николаевна. На это тебе скажу, что ни я, ни она и маменька не можем этого знать, ибо человек не может располагать будущностию, а ему дано только право пользоваться настоящим. Так и г. Кругликова не знает наверное, когда она может ехать, ибо она хотела еще до рождества христова отправиться в путь, но вдруг сделалась больна сестра ее, г. Жилинская, и потому она не могла ехать.

Маменька не может даже и дождаться того вожделенного времени, когда ты определишься в Москве учителем,ибо она... избавилась бы баловня Никанора, который каждодневно ее огорчает, особливо когда папенька бывает в округе; сестру ругает, а иногда и бьет, меня как можно хуже поносит, не стыдясь никого; книги, которые ты ему прислал, отдал, как я узнал, Ивану Чембулатову за голубей. Из сего можно заключить, что̀ он будет впоследствии. Утешительная надежда!.. Вот слабость родителей до чего доводит детей своих.

Уведомь меня, пожалуйста, как ты провел праздник: у кого обедал в первый день рождества христова, где был во второй и весел ли был, получил ли ты от г. Карташевского свои бумаги или поедешь в постылую Белоруссию. Ах, друг мой, как бы я был доволен тем, ежели бы я определился служить в Сенат или куда уже нибудь, только бы жить в любезной Москве и с тобою. Ах! Это одно доставляет мне тысячу наслаждений, когда я мечтаю об этом... Извини, друг мой, что я по сих пор не присылаю тебе мордовского словаря: праздники, дела по суду и проч. не дают мне время съездить в Мордву. В нынешнем месяце непременно постараюсь прислать тебе с первой оказией.

Н. Л. Григорьев был у нас в доме по приезде своем из Москвы в 7-й день, в среду поутру, и рассказал о твоем житье-бытье в белокаменной Москве, много утешил и обрадовал маменьку и меня, а особливо тем, что тебе господин Н а д е ж д и н обещал дать место учителя; а известием о твоем отъезде в С. Петербург удивил нас несколько и тоже порадовал[3]. Одним словом, г. Григорьев то о тебе говорил, что бы то все, дай бог, была сущая правда и сбылось. Уведоми, пожалуйста, подробнее о твоих делах, о месте службы.

Папенька послал о себе во Врачебную управу формулярный список о представлении его куда следует, о награждении за 20-тилетнюю беспорочную службу в офицерском чине пряжкою. Гороховский, К. Исаев, Субочев, Холопов и Очкин (заседатель) получили пряжки.

Уведоми меня, не читал ли ты нового произведения г-на З а г о с к и н а, а именно: повесть А с к о л ь д о в а м о г и л а и лучше ли оно прежних его двух романов.— Нельзя ли тебе будет, любезнейший брат, достать в Москве шпагу и прислать мне с И. А. Ляминцовым, ибо у меня есть форменный сюртук, который ныне запрещено имеющим классные чины носить без шпаги и шляпы, а не имеющим и подавно. Я это потому осмелился просить у тебя, в надежде, что в Москве за бесценок можно купить порядочную шпагу, и потому это тебе не составит большого счета. Я при случае сам постараюсь услужить тебе по силе возможности.

У нас в Чембаре учреждена при Городническом правлении по предписанию пензенского гражданского губернатора и кавалера Панчулидзева временная комиссия продовольствия о снабжении казенных поселян хлебом, нуждающихся в оном, но только заимообразно, то-есть: каждый при взносе податей за первую половину сего года должен внести четвертую

часть за хлеб. Впрочем, о сем подробнее можешь знать из изданных Министерством внутренних дел правил.

О Дьячковых скажу тебе следующее: вздумали они сочинить небылицу, что будто бы я буду играть домашним театром комедию князя Шаховского: Не любо — не слушай, а лгать не мешай, и по ей роль графа я будто бы хотел представлять, а проч. семейство Великопольских, Поспеловых и Анфельцовых, и о сем везде болтают длинными своими языками, которые бы давным-давно надо бы обрезать... Вот каковы гг. Дьячковы, ай-да молодцы, ребята; пословица русская говорит: от безделья и то рукоделья ⟨...⟩

В заключение сего поздравляю тебя с Новым годом и желаю, чтобы ты определился к должности и был бы спокоен, и прошу, чтобы ты с Ляминцовым писал ко мне и папеньке больше и уведомил бы подробнее о себе. Итак, прощай! друг мой, желаю тебе всего лучшего. Остаюсь брат твой

Константин Белинский

P. S. Поклонись от меня Павлу Яковлевичу ⟨Петрову⟩, да пожалуйста же.

На первой странице надпись рукою Белинского: Получено 14 дня Генваря.

В опускаемой части письма К. Г. Белинский сообщает о своей поездке к Л. С. Владыкиной и чембарские новости.

Упоминаются: Анфельцовы, Г. Н. Белинский, Брычевы, Л. С. Владыкина, Кутьнов, А. П. Кутьнова (Мосолова) и Синенковы.

[1] Письмо Белинского к брату от 15 декабря 1833 г. до нас не дошло.

[2] Мордовский словарь, составлявшийся К. Г. Белинским и высланный при письме от 20 января 1834 г.

[3] Поездка Белинского в Петербург в 1834 г. не состоялась (см. ниже письмо Белинского № 88).

87. М. И. БЕЛИНСКАЯ — БЕЛИНСКОМУ

⟨Чембар, 7—15 января 1834 г.⟩

Милый мой Виссарион Григорьевич. Поздравляю тебя с новым годом, с новым счастьем, дай бог, чтобы ты устроил себя к должности и был бы счастлив, то-то я бы порадовалась ⟨...⟩ Меня совершенно успокоил Николай Львович ⟨Григорьев⟩ насчет тебя, я и поплакала и порадовалась ⟨...⟩ Маменька, бедная, нездорова кашлем четвертый месяц, поговори пожалуйста, мой друг, с каким-нибудь лекарем об ее болезни, у ей кашель не сухой, с мокротою, но мокрота худо отделяется и в горле хрипит; я слыхала, для очищения мокроты хорошо принимать золотую серу; попроси рецептик и купи в аптеке и пришли с Ляминцовым, удружи бабушке-то, сделай милость, мой голубчик, она не забудет твоей добродетели и, верно, вознаградит; или не порошков ли выписать от кашлю, еще раз тебе повторяю, выполни мою просьбу. Ты знаешь, что в Чембаре нет лекаря для нее. Еще тебя прошу, мой друг, потрудись сходить в серебряные лавки и справиться или прицениться об образе в серебряной ризе, мерою в пять вершков, а шириною в четыре вершка, или длиною в четыре с половиною, а ширины в три вершка. Отбери последнюю цену и уведомь меня непременно, прошу тебя, приказываю и повелеваю так, как мать, выполнить мои просьбы. Ну, пожалуйста же, узнай и напиши. Прощай, мой друг, желаю тебе быть здоровым, благополучным и получить, чего ты желаешь. Остаюсь мать твоя

Марья Белинская

В опускаемой части письма М. И. Белинская сообщает Белинскому об отправлении ему посылки; жалуется на поведение сына Никанора.

Упоминаются: А. Г., Г. Н., К. Г. и Н. Г. Белинские, А. Данилова, Ляминцев, А. Никифорова и И. Федоров.

88. БЕЛИНСКИЙ — К. Г. БЕЛИНСКОМУ

Москва, 1834 Генваря 19 дня[1]

Любезный брат, Константин Григорьевич, пишу к тебе, чтобы отвязаться от докучных просьб Ляминцева; а право не хотелось бы. Просьбы маменькиной касательно бабушки при всем моем желании теперь исполнить не могу: нет ни копейки денег; а имею в предмете. Если бы Ляминцев поехал в понедельник или вторник, как и говорил он прежде, то я непременно прислал бы с ним 24 порошка, которых прекрасное действие над кашлем я несколько раз испытал над самим собою, и рецепт коих уже прописан Авениром Ивановичем. За небольшим дело стало: нет денег. И потому оставляю себе это приятное удовольствие услужить бабушке до приезда Раисы Николаевны. Я думаю, что она приедет с чембарскими извозчиками; с ними-то я пришлю письмо пообстоятельнее, равно как и лекарство, которое непременно достану. А теперь прошу не погневаться: чем богат, тем и рад. Белье получил. Как жаль, что оно шито не по тебе, а поэтому и ужасно изуродовано, ибо много не в пору; ноги по колена, а верхняя часть до шеи! Впрочем благодарю и за это; ценю усердие, а не исполнение. Бога ради Мордовский Словарь: как тебе не стыдно! Пожалуста, поскорее! Благодарю тебя за письма. О Никаноре, бога ради, не пиши ничего: мне и без него тошно... Сам ты не выходи из Чембара до времени: через месяц, много-много через два участь моя решится; я надеюсь остаться в Москве. Как скоро устроюсь мало-мальски, тогда катай ко мне с мерзавцом Никанором: мне не трудно будет определить тебя в Москве. В Петербург не еду. Прощай!

Твой брат В. Белинский

Надпись о получении: Получено 1834 года, февраля 17 дня, в субботу.

[1] Это письмо является ответом на письма брата от 4 января 1834 г. и матери начала января 1834 г., №№ 86 и 87.

89. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар, 1834 года, января 20 дня

Любезнейший брат
Виссарион Григорьевич!

Посылая тебе с сотню мордовских слов, прошу у тебя в том извинения, что я до сих пор не мог исполнить твою просьбу и что я и теперь посылаю тебе толь мало оных, причину сему я объясню тебе следующим: 8 января я собрался ехать в Донщино, в которое и приехал и остановился в доме оспенника[1] Ивана Нефедова, который по-русски говорит плохо, а читать и писать и подавно не знает; а потому он, сказывая мне мордовские слова, много ошибался в произнесении, по чему са́мому хотя и написал было сотни 4 с лишком слов, но в прошедший четверг приезжал на базар и приходил к нам известный тебе Карсаевский Никита, который учился у меня писать, которому я, показав означенные слова, просил его по прочтении поправить ошибки, коих он хотя несколько и исправил, но всех не мог по той причине, что его дожидался отец на базаре. Вот мое оправдание самое справедливое, и ежели я хотя в одном слове солгал, то не будь я твой брат. Довольно ли этого? Мне и самому много огорчительно то, что я до сих пор не могу исполнить твоей просьбы со всею аккуратностию, как ты мне писал. Я непременно постараюсь исполнить в скором времени.

Посылаю тебе копию с указа Пензенского губернского правления, коим дано знать о награждении меня чином коллежского регистратора ⟨...⟩

Маменька, упавши в сенях на бок, отчего оный болит, и она лежит в кабинете; она посылает тебе две манишки, чаю немного да гуся, которого на здоровье с своими друзьями-благодетелями и скушай. Пожалуйста,

пиши с Ляминцовым к нам о себе подробнее, а особливо о службе в Москве, то-есть: в ней ли ты будешь служить или в Белоруссии и надеяться ли мне, что я буду служить в Москве и жить с тобою... Пожалуйста, уведоми подробнее: право, твое молчание слишком неприятно для нас. Засвидетельствуй мое искреннее почтение Алексею и Дмитрию Петровичам и поцелуй милого Петеньку. За сим, пожелав тебе доброго здоровья, остаюсь с истинным братским расположением

твой брат К. Белинский

В опускаемой части письма К. Г. Белинский подробно описывает обстоятельства, при которых он узнал о получении им чина коллежского регистратора; сообщает *об издании указа о пособии* канцелярским чиновникам по случаю неурожая.

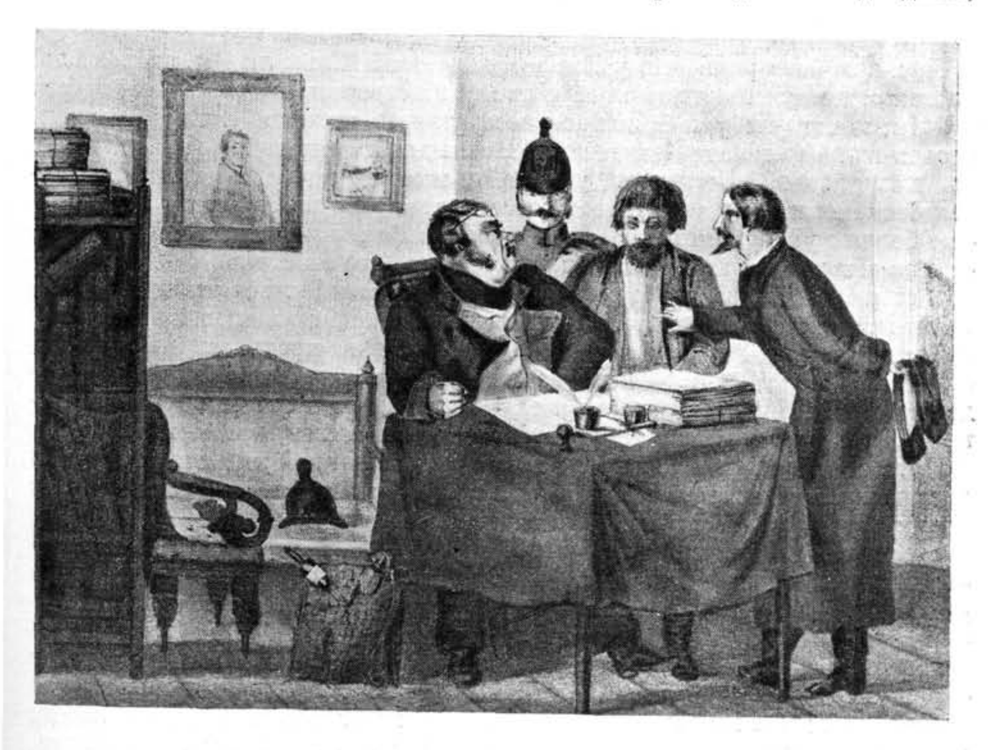
Упоминаются: Г. Н. и М. И. Белинские, К. Великопольский и П. Д. Юрьев.

[1] «Оспенниками», по свидетельству Д. П. Иванова, «назывались мальчики, присылавшиеся попеременно от казенных крестьян и помещиков для обучения оспоприviванию» («Письма», III, 400).

90. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

⟨*Чембар.*⟩ *22 января* ⟨*1834 г.*⟩, утро, 9-й час

Лишь только 21 числа я лег спать и толь было заснул, как сказали, что горит Казначейство; поспешно вставши, оделся и побежал опрометью в Земский суд, в коем нашел все благополучным, а в Уездном суде (но не в Казначействе) от топившейся в присутствии печи загорелись близлежащие дела и сундук с оными и деньгами, отчего весь оный суд наполнился дымом, и ежели бы скоро не подошел сторож того суда, то бы не миновать половину городу сгореть. Начали бить в набат, народ бежал толпами, городничий пришел, и начали досками выбивать рамы для выхода дыма,

СЦЕНА ИЗ СУДЕБНОГО БЫТА
Литография 1850-х гг., изд. А. П. Руднева, Москва
Исторический музей, Москва

который затруднял дыхание. К счастью, скоро затушили, но деньги сгорели, коих было 300 р. ас., из коих нашли только 26 коп., ищут их и искали, но не знаю, найдут ли. Городничий сказал расходчику Покровскому, что заплатит свои. Вот несчастье-то! Весь Уездный суд должен будет ответствовать за неосторожность, а секретарь за то, что не завел дежурных и дневальных, из коих последний должен бы ночевать в суде.

Маменька пеняет тебе за то, что ты обещался писать на праздник и не писал, а она и я каждую почту ждем писем. Это худо!..

Впрочем, маменька все-таки свидетельствует тебе почтение, равно как и домашние наши, кроме папеньки и мерзавца Никанорки, который только буянит и тебя уже не боится, а папенька занимается делами Бахуса: попивает сивушку, ворчит, бродит и не дает по ночам маменьке покоя, который ей столь при болезни нужен. Вот тебе домашние наши дела. Скоро ли я избавлюсь казенного кошта? Ах! Кто бы знал, как много иногда переношу я, а особливо от щенка Никанорки, который меня и нахлебником-то величает, и трутнем, и кос..., и, и всего не вспомнишь. Каково это! Друг мой, ради самого бога, прошу тебя, определяйся скорее куда-нибудь, только утешь маменьку и порадуй меня... Докудова мне еще жить у отца и сносить обиды... Кланяйся всем, кто меня знает и помнит за что-нибудь, а друзьям нашим особенное мое почтение. Прощай. Пиши ко мне... с Ляминцовым как можно больше ⟨...⟩

Твой К. Белинский

В опускаемой части письма К. Г. Белинский просит сообщить о получении посылки.

91. БЕЛИНСКИЙ — М. И. БЕЛИНСКОЙ

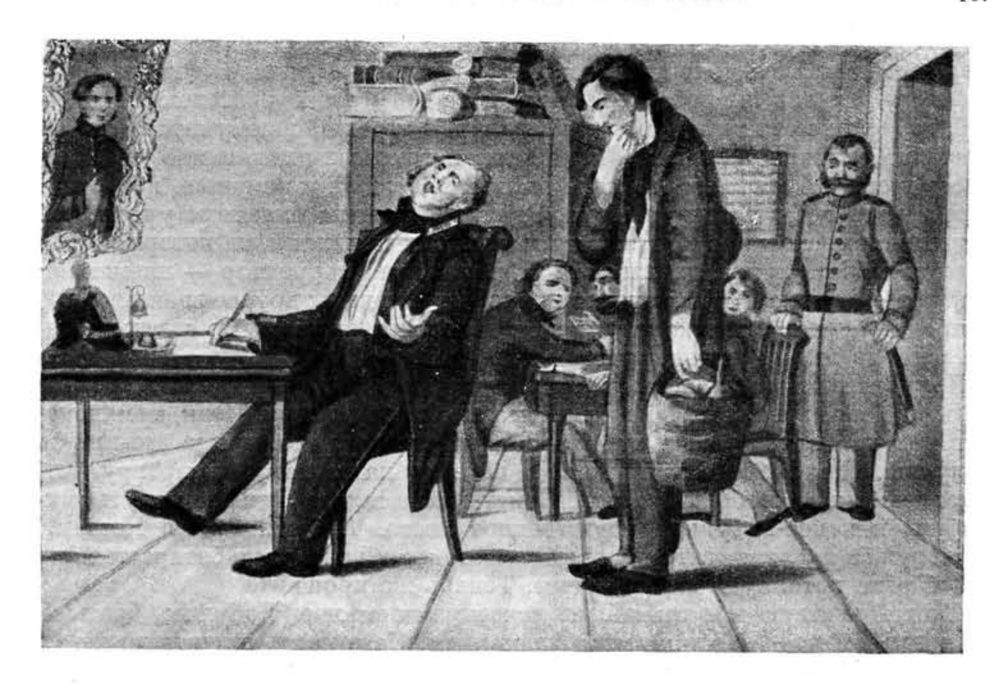
Москва, 1834 года, мая 25 дня

Любезная Маминька!

Скажите, бога ради, что у Вас там делается? Живы ли Вы, здоровы ли? Слишком три месяца я не получаю от Вас ни строчки; уж не случилось ⟨ли⟩ с Вами какого-нибудь большого несчастия, о котором Вы боитесь меня уведомить? Что делает Константин? Не стыдно ли ему не писать ко мне хотя раз в три недели? Бога ради, успокойте меня поскорее: я не на шутку начал беспокоиться; у меня и своего горя довольно, а Вы своим молчанием еще больше усугубляете его. Я не писал к Вам так долго потому, что все от Вас ожидал письма; наконец, терпенья моего не стало.

О себе скажу Вам, что я получил, наконец, мои бумаги от подлеца Карташевского; они были у него затеряны; наконец, он нашел их и прислал к Надеждину на Фоминой неделе. За мое терпение предлагал мне чрез родственника своего ⟨С. Т.⟩ Аксакова место лучшее того, какое я просил прежде; но сами посудите, можно ли служить под таким любезным начальником? К тому же я не расстанусь с Москвою ни за все блага в мире.

Потом скажу Вам, что я живу на своей собственной квартире и занимаю прекрасную отдельную комнатку, за которую вместе со столом и чаем плачу сорок рублей ассигнациями. Я имею две кондиции: приготовляю из словесности к поступлению в Университет двух молодых людей [1]. С первой кондиции получаю 40 р. ас., в месяц, а со второй по 3 р. ассигн. за урок и даю два урока в неделю. Эти-то кондиции и дали мне возможность нанять квартиру. Живу я теперь на Тверской улице, почти против дома генерал-губернатора, в мезонине, который составляет собою третий этаж огромного дома Варыгина. Полученные мною за перевод недавно около 200 рублей дали мне средства обзавестись необходимою мебелью, как-то: кроватью, столом, постелей, ширмами, стульями и проч., кое-каким бельем, платьем, необходимыми книгами и прочими вещами. Однако, несмотря на то, все-таки сижу без денег, несмотря на крайнюю расчетливость, уме-

СЦЕНА ИЗ СУДЕБНОГО БЫТА
Литография 1850-х гг., изд. А. П. Руднева, Москва
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

ренность и экономию, и терплю недостаток во многих вещах. Теперь подумываю, как бы еще достать месяца на полтора работки ста на три; тогда бы совсем поправился и зажил бы паном. Я вне себя от восхищения, что нанял квартиру, где тишина и уединение дают мне совершенную возможность заниматься науками. Вы не можете представить, чего мне стоило обременять собою А⟨лексея⟩ Петровича, который, как Вам известно, и сам живет с нуждою пополам и кое-как сводит концы с концами. Притом же теснота и многолюдство совершенно лишали меня средств заниматься. Теперь я начинаю дышать посвободнее, начинаю отдыхать от тяжелой ноши горестей и беспрерывных бед, под тяжестию которых чуть было не утратил совершенно и душевного и телесного здоровья.

Вы, может быть, спросите: а что ты не определишься к месту? В Москве нельзя занять учительского места, а куда-нибудь, не только в уезд, но даже и в губернский город, я ни за что не поеду; скорей умру. Теперь же дожидаюсь ваканции на место одного корректора в Университетской типографии, который едет в Петербург определяться по гражданской части. Я было чуть не попал в корректоры, да покуда ждал бумаг от Карташевского, места заняли перед самою пасхою [2]. Если бы я получил мои бумаги на 2-й или 3-й неделе поста, то был бы теперь при месте. Должность корректора состоит в том, чтобы выправлять корректуру печатаемых в Университетской типографии книг; жалованья — 700, квартира, дрова, да сверх того, так как за каждый выправленный лист полагается корректору 30 коп., то в конце года иные, которые поприлежнее занимаются своею должностию, получают рублей по 300, по 400, по 500 и более в виде награждения; а чины — чинами. Всех корректоров 7; есть действительные студенты, двое кандидатов, из коих один племянник ректора Университета Болдырева. Я с ним нахожусь в приятельских отношениях, и он-то доставил мне работу, за которую я получил слишком 200 руб. Когда я определюсь на это место, то кроме верных 1200 руб. (полагая сюда квартиру, дрова, свечи и плату за поправку) я могу продолжать мои кондиции, занять другие и

сверх того заниматься переводами, ибо свободного времени от должности — пропасть. Теперь вы поймете, отчего я не могу ехать учителем в какой-нибудь город, хотя теперь могу это сделать в неделю, почему я так дорожу Москвою. У меня теперь две кондиции, и то самые плохонькие, но я надеюсь в скором времени добиться других побольше и получше, ибо в Москве трудно достать одну первую. Здесь так хорошо платят за уроки, что кандидаты московские отказываются от таких кондиций, за которые предлагают по 5 р. ассигн. за час. ⟨В. С.⟩ Межевич (корректор — племянник ректора) получает с своих уроков рублей по 40 в день; другие знакомые мне кандидаты тоже. Я не кандидат и не действительный студент, так не побрезгую не только пятью рублями, но 4-мя.

Получение места зависит от Надеждина, он обещает мне его. Он очень ласкает меня, и я надеюсь на него, как на каменную гору. Итак, маминька, вот Вам на первой раз; в следующий надеюсь написать еще что-нибудь получше. Как скоро получу место и перейду на казенную квартиру, тотчас возьму к себе обоих братьев. Константина можно будет впихнуть как-нибудь в какое-нибудь присутственное место. Я бы желал в Почтамт: там служба трудная, зато хорошее жалованье и наградные беспрестанные; но об этом потолкуем в свое время. Теперь же прощайте.

Свидетельствую мое нижайшее почтение папиньке, Бабушке, братьям, сестре, всем родным, домашним и знакомым. Бога ради, пишите поскорее. Погода в Москве гадкая: дождь беспрестанный, солнца видим мало и холод, словно как в октябре. Уведомьте, какова у Вас, каковы хлеба и пр. Остаюсь искренно любящий Вас сын Ваш

Виссарион Белинский

Письма попрежнему адресуйте на имя Алексея Петровича прямо в Сенат или на квартиру его.

[1] Одним из этих молодых людей был, вероятно, К. Д. Кавелин.

[2] О попытках Белинского получить место корректора см. ниже в его письме от 17 августа 1834 г., № 101. Ср. в настоящем томе публикацию «Эпизод из биографии Белинского».

92. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар, 1834 года, июня 3 дня

Любезный брат и друг
Виссарион Григорьевич!

Письмо твое к маменьке от 25 мая я получил с почты 2 июня, которое в тот же час прочел ей и Федосье Степановне, которая находится теперь у нас.— Мы очень обрадовались тому, что ты, благодаря бога, здоров, хотя и не определился еще к должности, но живешь на своей квартире и имеешь хорошие кондиции, которые доставляют тебе свой кусок хлеба... Чрез подлеца Карташевского ты лишен должности корректора, которая, по моему мнению, выгодна, и потому старайся, как говорят, всеми силами к оной определиться и перетащить меня в родимую Москву, которая меня всем занимает... Я об этом только и прошу бога. Ты пишешь, что ты ожидал письма от нас и начал даже беспокоиться, не случилось ли у нас какого-либо несчастия, о котором мы боялись тебя уведомить. На это тебе скажу, что, в свою очередь, мы ожидали от тебя письма, коим бы ты нас уведомил о своем поступлении к должности; но, к несчастию, ожидание наше осталось тщетным, хотя я с самого великого поста первой недели ходил в почтовую контору справляться о письме; но ныне, к неожидаемому моему благополучию, получил от тебя письмо к маменьке, но ко мне ничего не пишешь ⟨...⟩ Прошу тебя, друг мой, постараться как больше

для тебя, маменьки и меня хлопотать о месте должности, без которой плохо жить, хотя ты и имеешь две кондиции, но они не могут быть так прочны, как служба царю.

Для чего ты, уведомляя нас, что ты перешел на квартиру, не пишешь, когда ты сошел от Алексея Петровича, и того, за какой именно перевод статьи или книги получил 200 рублей и кто такой твоей квартиры хозяин.— Вообще ты в письмах своих не обстоятелен, как ты мне писал о моих письмах ⟨...⟩

Папенька читал сам письмо и рад, что ты достаешь деньги и живешь сам собою, равно и тому, что ты намерен, по устроении себя к месту, перетащить меня в Москву, и велел написать о нем, что он тебя помнит, как сына, попрежнему.

Нельзя ли будет переслать мне твои переводы, хотя перечень их.— Ах, друг мой! Как мне хочется тебя видеть и жить с тобою, только бог один знает.— Я читаю теперь журнал Христианское Чтение, взятый мною у протопопа Студенского.

Бабушка тебе кланяется и желает определиться к месту. Домашние наши тоже свидетельствуют свое почтение и очень желают видеть. Пожалуйста, пиши обо всем подробнее, а особливо о себе, чем много мне удружишь... За сим, пожелав тебе скорейшего определения к должности, драгоценного здоровья и душевного спокойствия, остаюсь навсегда твоим преданнейшим братом

Константин Белинский

В опускаемой части письма К. Г. Белинский сообщает о получении им правительственного пособия по случаю неурожая; жалуется на трудное материальное положение; передает чембарские новости.

Упоминаются: А. Г. и М. И. Белинские, М. Е. Вишневский, Н. Б. Дихеус, Егор, Д. Е. Иванова, А. А. Мещеринова, А. А. Панчулидзев, Н. Е. Синенков и Д. П. Тужилина (Федорова).

93. Ф. С. ИВАНОВА — БЕЛИНСКОМУ

⟨Чембар. 4 июня 1834 г.⟩

Любезный друг
Виссарион Григорьевич.

И я очень радуюсь, что ты понемножку себя устраиваешь в своих делах, и повторяю тетушкины слова, что надейся на бога, а не на людей и себя. Если что будешь начинать к своему благу, то положи в мыслях своих, господи, помози мне, и он тебе поможет. Константин наш правда, что благочестив, который дал мне слово соблюдать седьмую заповедь до женитьбы, а ты квартиру имеешь в магазине, там красоток много, от которых старайся как можно удаляться.

Я живу в Чембаре три недели, с тоски пропала, дожидаясь окончания своего дела с Норовым, и не знаю, когда кончится, все натяжки и плутни присутствующих держат меня. Желаю тебе всех благ от бога.

Остаюсь любящая тебя сестра твоя

Федосья Иванова

4 июня
1834 года

94. М. И. БЕЛИНСКАЯ — БЕЛИНСКОМУ

⟨Чембар, 5 июня 1834 г.⟩

Милый мой друг Виссарион Григорьевич. Мы получили твое письмо 2 июня, которым ты меня несколько успокоил, но еще не совсем. Тогда я совершенно успокоюся, когда определишься к должности, но я благода-

рила бога и за то, что тебе бог послал кондиции, через которые ты можешь содержать себя; но, милый мой, не сердись, что я тебе посоветую, дороröнько ты нанимаешь квартиру — 40 рублей; ты бы нанял рублей в 25, а чаи можно держать свои, тебе в месяц не более надобно четверти, а много полфунта, да сахару фунта 2; на наше семейство выходит цветочного чаю фунт в полтора месяца, но у нас редкий день нет чужого человека. Деньги, мой друг, надобно беречь, сохрани бог, по какому-нибудь случаю кондиции кончатся, тогда-то припасенные денжонки и годятся; ты знаешь старинную пословицу: береги денежку на черный день. Еще ты говоришь, что надеешься на Надеждина, как на каменную гору. Не надейся ни на князя, ни на барина, ни на сына человеческого, в них же нет спасения, а надейся на спасителя нашего господа и божию матерь и на угодников его. Оттого ты о сю пору не можешь и места получить, что не просишь бога; советую тебе молиться создателю и просить его, он тебе помощник и покровитель во всех твоих делах. Конечно, и добрые люди надобны, но главная-то надежда на бога. Мой Константин христианин истинный, жизнь ведет девственную, не просыпает ни одной воскресной и праздничной заутрени; не просиживает обедни, не пьет вина, эконом, расчетистый, бережливый, тихий, в кротости духа переносит гонения меньшего своего брата и говорит, если бог мне приведет определиться в Москве, то схожу пешком к Сергию Радонежскому чудотворцу возблагодарить угодника божия за определение. Он не надеется на провидение и на природу, а надеется на бога; я на него любуюся и восхищаюся и благодарю бога за ниспослание добродетели моему рождению. Живет между сварливым и буйным родителем и не сбивается с пути добродетели; как отец ругаться ⟨...⟩, то он сейчас уходит, не может слышать никакой мерзости; меня уговаривает, чтобы я не говорила ничего и отходила прочь.

Ты, мой милый, спрашиваешь, не случилось ли у нас в доме чего-нибудь необыкновенного. Нет, ничего не случилось, все по-старому; отец пьет с месяц умеренно, после этого опять запьет запоем; тут-то мучение наше, хоть все со двора беги ⟨...⟩ А от Никанорки совершенно нет никому житья, всех бьет и ругает ⟨...⟩

Теперь я тебе о себе скажу. Я с самой осени чувствовала себя нездоровой разными женскими болезнями, но перемогалась. Перед рождеством, за две недели, упала в нужном месте и ушибла бок правый, чувствовала небольшую боль дён с пять; наконец, боль прошла; с рождества стало меня отбивать от скоромной пищи, а с крещенья я себя стала более чувст⟨во⟩вать нездоровой, вскоре после этого простудилася сильно, бок мой поднялся снова болеть, и захворала настоящим манером, наконец, слегла, лежала 3 недели и в продолжение болезни разные открывалися болезни, и весь великий пост была больна; к страстной неделе стало мне получше, бог мне привел поговеть, а в светлое христово воскресенье приобщиться; дня с четыре походила, да опять слегла с четверга святой недели, лежала полторы недели и была отчаянно больна; маменька плакала день и ночь обо мне, но сама имеет характер отцова — в глазах моих не плакала, а прочие видели ее плачущую, зато так похудела, что ни одно платье не годится, все перешивает, и половины ее не стало. Наконец, собрались барыни навещать меня и стали уговаривать и просить Григория Никифоровича, чтобы он меня начал лечить, с этих-то пор и началося лечение, и мне вскоре стало лучше. Но ты не можешь представить, как я была слаба, как желта, как похудела, меня никто не может узнать, теперь немножко стала поправляться.

Федосья Степановна у нас в Чембаре и в нашем доме уже двадцатый день, хлопочет о земле да с пьяным дядюшкой возится, разнимает бунты, вчерась Дуньку чуть не убил, а он ее начинает поругивать. Прощай,

мой друг, господь тебя да благословит, остаюсь многолюбящая мать твоя

Марья Белынская

1834 года, июня 5 числа

Приписка К. Г. Белинского на полях: От маменьки засвидетельствуй почтение Раисе Николаевне и Александре Николаевне, а от меня Авениру Ивановичу.

В опускаемой части письма М. И. Белинская жалуется на поведение мужа и сына Никанора.
Упоминаются: А. Г., Г. Н. и Н. Г. Белинские и А. Никифорова.

водою 89

Таковъ обыкновенно былъ печальный конецъ тѣхъ обвиненныхъ, которые не принадлежали къ привиллегированному классу; а число первыхъ было гораздо значительнѣе числа послѣднихъ! Если бы мужественная Клодзинда была благородною и могущественною принцессою, то чудо совершилось бы, и ея невинность была бы провозглашена съ торжествомъ; но, часто говорятъ, человѣческіе законы всѣхъ вѣковъ похожи на работу паука: мѣлкіе мухи въ нее попадаются, а большія свободно ~~сквозь~~ пролетаютъ нее . . .

с Франц. В. Б.

V.

ЛѢТОПИСИ

ОТЕЧЕСТВЕННАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

[illegible]

Die Schöne vom Schlosse, Muhammed Nisameddin dem Gendscher nachgebildet, von Franz von Erdmann dem [illegible]

а) Получено при слѣдующей запискѣ: *Я хотѣлъ было, какъ* Сидъ Гамедъ Бененжели, въ el ingenioso Don Quixote de la *Mancha, сказать перу моему: „Любезное перо мое, я тебя* „оставляю и прикованаю мѣдною цѣпью, чтобы какой ни-„будь бумагомаратель, взявъ тебя опять, не помрачилъ мо-„ей славы. . .“ Но появленіе книги, по части восточной словесности, въ Казани, и упрямое молчаніе объ оной

ПОСЛЕДНЯЯ СТРАНИЦА ВЕРСТКИ СТАТЬИ «ИСПЫТАНИЕ КИПЯЩЕЙ ВОДОЙ», В ПЕРЕВОДЕ БЕЛИНСКОГО («ТЕЛЕСКОП» № 21, 1834 г.)

Библиотека при Московском университете им. М. В. Ломоносова

94а. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

〈Чембар. 6—10 июня 1834 г.〉

Маменька, за недосугом, препоручила мне написать тебе, любезный брат, нельзя ли будет, когда будешь иметь денег ста два или три, прислать маменьке 50 рублей, которые нужны ей для отпущения Авдотьи на волю,

ибо папенька гонит ее каждый день и мучает, как преступницу какую, отчего она плачет и просит маменьку или кому продать ее, или чтоб откупиться самой ей на волю, и потому оные деньги и нужны, как Авдотья более ста рублей не в состоянии заплатить, а маменьке на сто рублей купить другой девки нельзя, а папенька и гроша не даст, потому что Авдотья записана на имя маменьки.

Итак, любезный брат! Сжалься над несчастной Авдотьей и постарайся присылкою денег 50 р. ас. сделать ее счастливою, а маменьку спокойною, чем очень много одолжишь маменьку.

Брат твой К. Белинский

P. S. Маменька боится, чтобы Авдотья не сбежала от нас или не решилась на что-нибудь ужасное для себя. Папенька с утра до ночи пьян: ругается, кричит и дерется. Как беги из дому, да и только. Не знаю, когда меня бог вынесет из Чембара!

Кварцов с женою едет служить в Вятку, кто в Пензу, а я все в Чембаре у родимого батюшки, как будто мне и ходу нет никуда, да что я такой за несчастный родился.

Никанор наш нимало не исправляется в нравственности, которая очень худа, тоща и нездорова.— А лекарства где? Умный наставник!

Сестру, бедную, очень жалко: от папеньки житья нет — ко всякому вздору, как репейник, придирается, а она плачет...

Маменька хотела было послать тебе пару копченых окороков, да Ляминцов не взялся доставить. Письмо на имя Раисы Николаевны прошу доставить скорее; оно от сестры и с 2 рублями.

95. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар, 1834 года, июня 29 дня

Любезный брат и друг
Виссарион Григорьевич!

В последнюю поездку Ляминцова в Москву я послал тебе с ним письмо, равно как маменька, так сестра и Феодосия Степановна, но на оное я не получил от тебя ответа, что такую с твоей стороны невнимательность я не знаю чему и применить; ждавши возврата Ляминцова в Чембар, льстил себя пустою надеждою, что получу от тебя огромное письмо, удовлетворяющее моим замечаниям насчет твоего к маменьке письма от 25 мая, но все осталось тщетным, и я — сижу у моря, да жду погоды.

Теперь оставляю мое на тебя неудовольствие за твое молчание, а прошу тебя как родного мне брата именем священного союза родства постараться приисканием мне в Москве должности в каком-нибудь присутственном месте, только бы получать рублей 20 в месяц жалованья и перетащить меня поскорее туда, ибо я не чаю, как и вырваться из дома родителей по причине худого житья в оном и самой несносной службы в Земском суде. Ты писал маменьке, что коль скоро ты определишься к должности и перейдешь на казенную квартиру, тотчас возьмешь к себе меня с мерзавцем Никанором и определишь в Москве в какое-нибудь присутственное место; на это я тебе скажу, что как ты уже другой год все ищешь себе места и по сию пору не можешь определиться, то меня и сокрушает то, что я должен буду еще год влачить мою несносную службу в Земском суде и терпеть большую нужду в нужных вещах по причине неимения денег, то я и вздумал ускорить мою поездку в Москву следующим образом: так как ты писал, что тебе хочется определить меня в Почтамт по причине хорошего в оном жалованья, то ты постарайся разведать в Почтамте от служа-

щих: сколько положено у них по штату человек, полон ли оный, сколько получают они жалованья в месяц, можно ли будет меня переместить, ежели и штат весь 〈...〉

Ежели же, любезный братец, не удастся в Почтамт, то можешь в другом месте попросить по вышеписанным строкам. Мне очень бы хотелось в Удельную контору, там служба нетрудна, хорошее жалованье и благородная.

Пожалуйста, постарайся, друг мой! Долго ли еще мне жить чужим умом, пора уже своим начинать; хотя и трудно покажется мне сперва, но пословица русская недаром говорит, что не испытавши горького, не увидишь и сладкого. Нет уж, любезный брат, писать попусту одно и то же два года полно, а надобно за дело приниматься, то-есть хлопотать как тебе, так и мне о скорой моей поездке в Москву; как я только подумаю, что мне придется остаться на зиму в Чембаре, то сам не свой бываю, потому что в суде служащие низкие люди, которые не умеют ценить и понимать достоинства человека, отличного от них благородством чувствований, поступками и имеющего обо многом понятие и рассудок разумного существа и отличать дурное от хорошего, вредное от полезного, к тому ж не с кем будет в свободное время поговорить о хорошем, нет книг, а к оному ж и самое года время наводит уныние и домашние неудовольствия с виновником дней моих; все сие слишком будет тяготить душу и трогать чувствительное сердце.

Нет, любезный брат, как хочешь, а хлопочи о мне: терпенья моего не стало слышать от папеньки ругательства и нападки на меня.— Ах! как несносно быть обязанным кому-нибудь за последний кусок хлеба! Я спокойнее буду в Москве, когда буду иметь свой, хотя бедный, кусок, нежели жить в доме отца и слышать его попреки и ругательства...

Имевши у себя хотя ломоть хлеба лишний, я буду тем доволен, что его достал своими трудами, и потому он вкуснее покажется блюда жареной баранины или гуся, которые я ем иногда дома.

Умоляю тебя именем любви нашей, небесной добродетели и тем, что есть для тебя священного в сем мире: тотчас по получении письма сего заняться тем, о чем я в оном писал и просил тебя, и поскорее отвечать мне с тем, чтоб я готовил уже и посылал бы прошение туда, где найдешь мне место или через почту или чрез тебя с объяснением моим, что я тебе доверяю подать оное 〈...〉

Повторяю тебе, что как ты не хочешь ехать в какой-нибудь уездный город учителем и скорее умрешь, нежели расстанешься с Москвою, так и я говорю, что ни за что в свете не соглашусь служить в Пензе.

В заключение умоляю тебя, исполни мою просьбу и отвечай скорее. С нетерпением буду ожидать через две недели по получении тобою сего письма от тебя удовлетворяющего моей просьбе письма 〈...〉

Папенька намерен подавать прошение о перемещении его из Чембара в Московский военный госпиталь по причине притеснений Яворского и губернатора и для Никанора, тебя, сестры и меня. Маменька тебе кланяется.

За сим, пожелав тебе скорейшего определения к должности и драгоценного здоровья, остаюсь твой истинно любящий тебя брат

К. Белинский

В опускаемой части письма К. Г. Белинский просит хлопотать о его переводе на службу в Московский почтамт; сообщает о возможности переехать в Казань; излагает свои нужды; жалуется на дурное обращение с ним отца; посылает привет родным.

Упоминаются: Г. Н. Белинский, Л. С. Владыкина, А. П., Д. Е., Д. П. и П. П. Ивановы, А. И. Красовский и Н. Е. Синенков.

96. БЕЛИНСКИЙ — М. И. БЕЛИНСКОЙ

⟨Москва, 10—15 июля 1834 г.⟩

Любезная Маминька!

Очень радуюсь, что болезнь Ваша прошла. Бога ради, берегите себя: Ваше здоровье и жизнь принадлежат не Вам, а Вашим детям. Берегите себя и физически и нравственно, т. е. старайтесь отдалять от себя все случаи, могущие Вас расстроить. Очень рад, что мое письмо несколько утешило Вас. Надеюсь, что теперь Вы будете получать от меня письма лучшего содержания, так как до сего времени получали одно хуже другого; небосклон...*

...терплю и горя; но сношу его с твердостию, не огорчаюсь неудачами и все надеюсь — для Вас. Без Вас я действовал бы иначе; но я помню, что я не один в мире. Касательно квартиры скажу Вам, что по нынешнему времени она совсем не так дорога, как кажется Вам. Я мог бы найти даже рублей в 25, но в таком случае я не имел бы особенной комнаты и принужден бы был жить с товарищами. На это я никак не соглашусь; мне хочется отдохнуть душою: я устал, очень устал. К тому же мне надобно заниматься, учиться, ибо от этого зависит будущее счастие всей моей жизни. Да и кроме того, наука есть мое счастие, которого я не найду ни в чинах, ни в крестах, а этих детских игрушек я добиваться не намерен. Чтобы заниматься ученьем, нужно иметь спокойный дух, простор и тишину. Если бы я стал держать свой стол, то это вышло бы вдвое дороже. У меня иногда случается в кармане и сотня, а иногда нет ни полушки; отдавши же хозяевам за месяц деньги, я спокоен: ем и пью готовое и хорошее, а там хоть волк траву не ешь. Одно уже то, что у меня никогда не бывает постного стола, для меня выгода неоцененная, ибо от постной пищи мое здоровье страждет жестоко. Живя у Алексея Петровича, я каждый пост был истинным мучеником и много утратил драгоценного здоровья; также не мало и денег на трактиры, в коих ни разу не был с самого переезда на квартиру (22 мая). Я, слава богу, не страдаю никакими болезнями, но организм мой так ослаблен, что может расстраиваться не только от постной пищи, но и от всякой скоромной, которая дурно приготовлена. Согласитесь, что здоровье и спокойствие духа дороже денег. Насчет Авдотьи, по моему мнению, Вы можете распорядиться сами: ведь она записана на Ваше имя. Бога ради, постарайтесь отпустить ее на волю, иначе на Вашей душе будет тяжкий грех. Можно ли сосать кровь из живого человека? Это прилично одним вампирам. Скажите папеньке, что месяца через три или четыре я уплачу ему за Авдотью не только 50, пожалуй и 100 рублей и, если хочет, пришлю ему вексель во 100 рублях. Теперь у меня у самого денег рублей 60, и те завтра же роздам в уплату долгов. Зимой на Р. Х. побываю у Вас непременно. Мог бы и ныне, да боюсь упустить место, которое недели через три опростается для меня. Если я получу его пока еще Дмитрий Петрович будет у Вас, то сию же минуту уведомлю, и тогда постарайтесь отправить ко мне Никанора. Вы пишете, что Бабушка скрывала от Вас свои слезы. ⟨Вот⟩ истинно благородно и великодушно. После это⟨го⟩ я за честь ⟨пос⟩тавляю называться ее внуком. Не люблю — бабства. За сим остаюсь любящий и почитающий Вас сын Ваш

В. Белинский

Надпись о получении: Получено июля 20 дня 1834 года, в четверток.

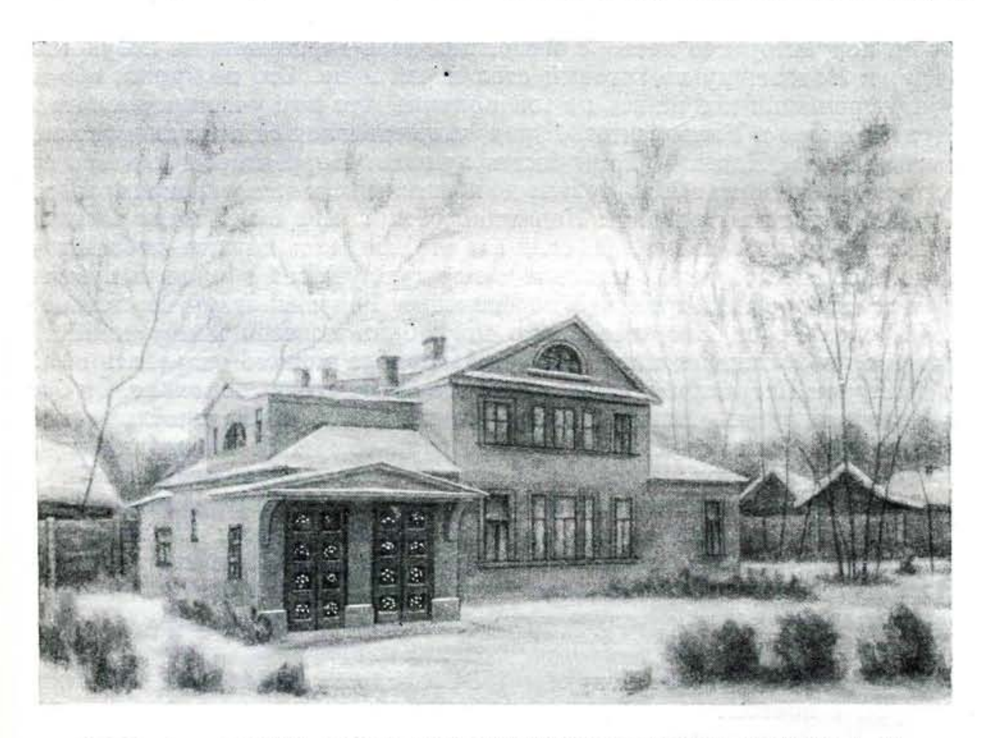
* В подлиннике вырезан кусок, содержащий шесть строк.

97. Д. П. ИВАНОВ — БЕЛИНСКОМУ

Керенск, 20 июля ⟨1834 г.⟩[1]

Любезный друг
Виссарион Григорьевич!

На первый раз мой поклон тебе и больше ничего, ибо не успел еще съездить в Чембар и выполнить ни одного из твоих поручений. Из Чембара жди от меня письма подробного и удовлетворительного. Измученный в Москве и в дороге, я весь вдался в гастрономию. Третий день живу в Керенске и ни шагу не сделал за ворота. В Чембар поеду не раньше, как получу

ДОМ М. С. ЩЕПКИНА В БОЛЬШОМ КАРЕТНОМ ПЕРЕУЛКЕ (ТЕПЕРЬ № 16) В МОСКВЕ. ЗДЕСЬ в 1830-х гг. БЫВАЛИ БЕЛИНСКИЙ, ПУШКИН, ГОГОЛЬ И МНОГИЕ ДРУГИЕ ПИСАТЕЛИ

Реконструкция Б. С. Земенкова. Акварель, 1948 г.

Собрание художника, Москва

письмо и просимое мною сукно от брата Алексея, а прежде мне нет возможности ехать, разве по какому-нибудь экстраординарному случаю. О дальнейших поручениях твоих прошу писать прямо ко мне, и будь уверен, что все в точности будут исполнены. Домашние наши все здоровы и тебе кланяются. Ради бога, хлопочи об Пете. Папенька хочет, в свою очередь, писать письмо к тебе насчет его определения. От меня скажи Пете, что домашние жалеют, что он не приехал, но радуются его определению и с следующею же почтою мы пришлем ему денег 5 р. ас. на его мелочные расходы, а может быть и более на экипировку. Приемка писем скоро кончится, я спешу на почту, и вот от чего трагический беспорядок в моих письмах. Прощай, будет больше время и больше обстоятельств для письма, тогда удовлетворю твоему любопытству.

Д. Иванов

[1] По окончании университета Д. П. Иванов уехал к семье в Керенск, куда по службе был переведен его отец — П. П. Иванов.

98. БЕЛИНСКИЙ — К. Г. БЕЛИНСКОМУ

Москва, 1834 года. Августа 3 дня [1]

Любезный брат!

Я послал с Дмитрием Петровичем целую кипу писем к Вам: к Папиньке, Маминьке, Бабушке, тебе,— и с досадою узнал из его письма, что он еще в Керенске и что, следовательно, Ваши письма у него [2]. А Маминька между тем, может быть, думает, что я забыл свое семейство. Это досадно. С Ляминцовым я потому ничего не писал, что он не зашел ко мне перед своим отъездом, хотя и обещался. Пишу тебе наскоро эти строки: боюсь опоздать на почту. Хлопот бездна: в понедельник (9 числа), может быть, подаю просьбу на корректорское место, а нынешний день переезжаю на новую квартиру, к Надеждину на готовый стол и чай и пр. Это не дурно, ибо мои г〈...〉 урочишки кончились по той причине, что мои ученики должны поступать скоро в Университет. Я рад, что отделался от них: хлопот много, выгоды мало. Надеюсь скоро иметь лучшие. Корректором надеюсь пробыть не долго, может быть, только до нового года, к этому времени в Москве откроется третья гимназия: Надеждин обещал мне в ней место младшего учителя русского языка. О, если бы это сбылось: царства небесного не надо. Вообще мои дела с каждым днем идут лучше: будущность представляется мне в самой приятной перспективе. Радуюсь этому не столько за себя, сколько за Вас, ибо скоро могу быть полезен моему семейству. Эта мысль восхищает меня. Теперь Никанора можете отправить ко мне с Дмитрием Петровичем, если только это будет угодно папиньке. Он будет в хороших руках. Алексей Петрович хлопочет, чтобы прослышать 〈?〉 где-нибудь об местечке тебе, которое дало 〈бы〉 тебе на первый случай рублишков 350 в год жалованья. Если такое место обрящем, то я тебя уведомлю и ты тоже можешь в таком случае приехать с Дмитрием Петровичем. До меня все доходят слухи, что Маминька нездорова: это меня очень беспокоит; если она совершенно выздоровеет, то уведомь тотчас же. Кланяйся от меня бабушке. За сим прощай! Твой брат

В. Белинский

Надпись о получении: Получено 1834 года, августа 10 дня в пятницу вечером с почтою.

[1] В подлиннике стоит дата «6 августа», но в действительности письмо написано 3 августа. В следующем своем письме (см. № 101) Белинский спрашивал брата: «Получил ли ты мое письмо от 3-го (кажется, я выставил в торопях 6) августа?»

[2] Ни одно из этих писем до нас не дошло.

99. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар, 1834 года, августа 11 дня

Любезный брат и друг
Виссарион Григорьевич!

Письма твои от 8 июля мы получили 26 числа оного месяца [1] при письме Дмитрия Петровича от 24 июля, кроме одного только письма к папеньке, которое он, по просьбе твоей, хочет доставить ему лично сам, когда приедет к нам в Чембар, в который мы его ждем каждый день и по сию пору, к досаде нашей, не можем дождаться.

За уведомление меня письмом своим о твоих занятиях, знакомствах и надеждах на скорое определение себя к должности я благодарю тебя и прошу, чтоб ты и впредь не оставлял меня подобными письмами.

Письмо твое от 6 августа я имел удовольствие получить 10 числа оного месяца, на которое и уведомляю тебя, что маменька начинает, благодаря милосердного бога, понемногу в здоровье поправляться, и ежели бы не папенька, который часто ее ругает пьяный и пугает разными вещами, то она и очень была бы лучше в своем здоровье.

Ты уведомляешь меня, что Алексей Петрович хлопочет о местечке для меня, которое бы доставило мне на первый случай 350 р. ас. Я с сим же к тебе письмом посылаю ему небольшое письмецо о сем и прошу еще тебя, чтоб ты постарался вместе с ним о скором сыскании мне для службы в Москве места и тотчас бы писал подробно об оном, как мне посылать прошение на перемещение меня в оное. Мне очень хочется ехать вместе с Дмитрием Петровичем, и потому прошу еще тебя, как можно постарайся к тому времени сыскать место мне и писать об оном с первою же почтою, чтоб я мог заранее послать прошение и уже, с божьей помощью, готовиться к отъезду в Москву, то-есть: шить, переправлять и починять одежду, доставать денег поездкою за оными к Лукерье Савельевне, на которую у меня в рассуждении оных только и надежда; на дорогу даст немного и папенька, но на одежду и не жди.

В рассуждении поездки Никанора, как папенька будет трезв, то прочту ему письмо твое ко мне и вместе с ним буду просить его о отправлении в Москву с Дмитрием Петровичем и чтоб он дал денег маменьке для покупки для Никанора холстины на рубашки и проч.

Скажу тебе о Никаноре, что он ныне живет со всеми домашними дружно, а особливо со мною: отбою не дает, скоро ли, да скоро ли, говорит он, мы поедем в Москву; из сего ты видишь, что сам он уже старается о поездке в Москву, а не так, как прежде и слышать, бывало, не хотел; он ходит в училище. Сделай милость, друг мой, постарайся о нас, чтоб нам приехать в Москву вместе с Дмитрием Петровичем, с которым нам удобнее и веселее будет ехать, а к тому ж и меньше хлопот о лошадях ⟨...⟩

Уведоми меня, по какой причине ты не надеешься долго прослужить корректором?

У нас в Чембаре дождя нет с месяц, отчего трава посохла, овощ вянет и угрожает ему падением от истощения соков; хотя ныне и пасмурно и бродят тучки, но дождя все нет как нет. Мука ржаная пуд 1 р. 50 коп., овес мера 40 коп., огурцы прежде были и 30 коп. мера, но ныне 80 и 90 коп.

Оканчивая письмо сие, я прошу тебя еще убедительно, чтоб ты постарался о месте для меня и писал бы тотчас ко мне со всеми о нем подробностями, чтоб я посылал тебе прошение о перемещении меня, ибо мне хочется ехать с Дмитрием Петровичем и Никанором, который без меня и ехать не хочет. Маменька и сестра, Никанор и домашние тебе кланяются. За сим прощай.

Твой брат
Константин Белинский

P. S. Маменька и поныне все нездорова, хотя и ходит, но очень худа и слаба; папенька делает часто ей неудовольствия, испуги, отчего она и не может выздороветь: все охает и нередко от боли кричит ⟨...⟩

Повторяю еще о себе, что я готов даже итти пешком в Москву и сам искать себе места. Поверь, любезный брат, ежели бы хорошо было служить в Чембаре и жить в доме родителей, я бы не стал так спешить выходом из оного. Только один милосердный бог знает бурю, происходящую в моем сердце, и состояние души моей.

Под текстом рукой В. Г. Белинского: Василий Осипович.

В опускаемой части письма К. Г. Белинский сообщает чембарские новости. Упоминаются: Кварцовы, Колпашниковы, Надеждин, Н. Е. Синенков и И. П. Тукальский.

[1] См. прим. к предыдущему письму.

100. Н. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар, 1834 года, августа 17 дня

Милостивый государь
и любезный братец
Виссарион Григорьевич.

По прочтении письма Вашего к брату от 6 августа, на которое в рассуждении моей поездки в Москву с Дмитрием Петровичем скажу Вам, что папенька сперва было рассердился и сказал, что отдаст меня к учителю Удинцову, а после в Пензенскую гимназию, но я и брат начали говорить, что будет гораздо лучше жить в Москве и, приготовившись у Вас в науках, поступить в гимназию, на что он после и начал понемногу соглашаться на нашу просьбу; а когда приехала Федосья Степановна с Дмитрием Петровичем, то и совсем уже согласился и сказал, что надобно меня отправить, и потому, уведомя о сем Вас, прошу покорно о взятии меня к себе в Москву на свое содержание, чем и заменить собою второго родителя, которого уверить, что Вы не потребуете на содержание меня ни копейки денег, иначе он и не согласится отправить меня с Дмитрием Петровичем.

Засим, пожелав Вам драгоценного здоровья и скорого определения к должности, имею честь быть Ваш покорнейший слуга и брат

Никанор Белинский

P. S. Прошу Вас поклониться от меня любезному Петеньке.

101. БЕЛИНСКИЙ — К. Г. БЕЛИНСКОМУ

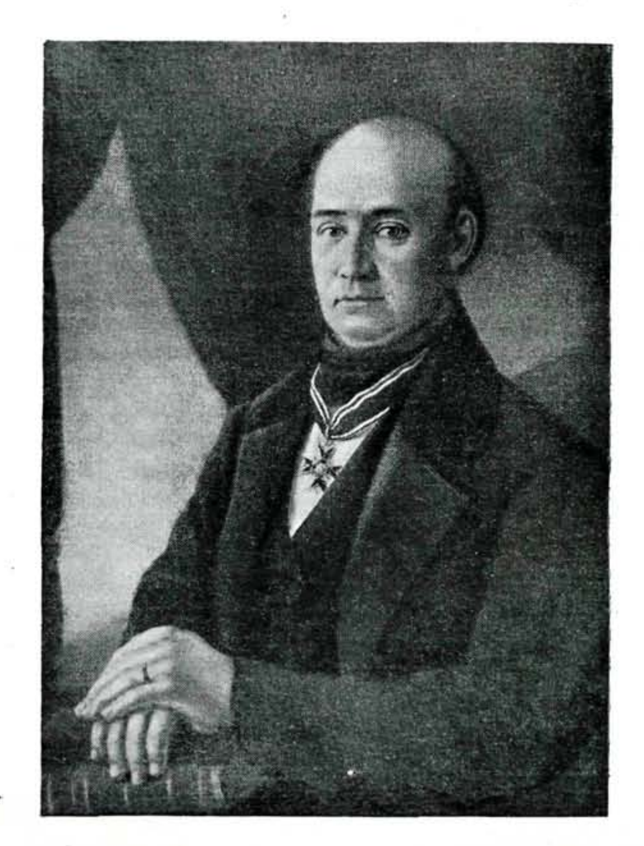
Москва, 1834. Августа 17 дня

Брат Константин! Что Вы все замолкли? Я опять начинаю праздновать труса: что Маминька? Я слышал, что она опять больна? А от Вас ни слуху, ни духу, словно все перемерли. Кажется холеры нет нигде, а 40 коп. никого не разорят. По пустому я не люблю сердиться, писать писем тоже; но наконец становится боязно. Ты всегда так делаешь со мною. Я, право, как будто за три тысячи верст от Вас. Пора бы мне и перестать начинать мои письма такими скучными вступлениями; право, мне это надоедает.

Получил ли ты мое письмо от 3-го (кажется, я выставил в торопях 6) августа? Я перебрался к Надеждину и живу у него уже две недели. Жить мне очень недурно; у меня особенная комната, а так как он сам никогда дома не обедает, то для меня одного готовили постом скоромный стол; поутру всегда чай с белым хлебом, что тем более для меня приятно, что я уже месяца с два совсем бросил ужин, найдя его для себя крайне вредным. Итак, я совершенно обеспечен со стороны содержания. 9-го числа нынешнего месяца (в четверток) подал я просьбу о поступлении в службу на корректорское место. Ректор ее принял, и по всему видно, что дело недели через три-четыре кончится в мою пользу, и я буду пользоваться казенною квартирою, 1000 рублями жалованья (о чинах не хлопочу: это в моих глазах сущий вздор, деньги лучше). Вот видишь ли, и на моей улице настает праздник; терпел, терпел, да и вытерпел. Теперь Надеждин уехал (14-го числа) ревизовать Тульскую и Рязанскую губернии и поручил мне журнал и дом, где я теперь полный хозяин: держу расход, то-есть выдаю кухарке деньги на стол и прочее, пользуюсь его библиотекою и живу припеваючи. Если только папинька согласится, то непременно шлите ко мне Никанора. О тебе еще надобно подумать. Скажи папиньке, нельзя ли ему попросить Невешкинского [1], чтобы он похлопотал о доставлении тебе ме-

стишка в Московском почтамте, где служба трудновата и хлопотна, зато не мудрена и выгодна (разумею хорошее жалованье и частые награды деньгами). Ему это можно сделать, ибо у него в здешнем почтамте есть знакомые.

Надеждин, тотчас по возвращении из своего вояжа, переедет в дом Сухово-Кобылина[2], а если к тому времени я не получу казенной квартиры, то и я с ним. Этот дом известен в Москве своею образованностию, и мне очень бы хотелось пожить там немножко, чтобы приглядеться на beau-monde. Теперь я, по рекомендации Надеждина, приготовляю к университету из истории князя Волконского; у него отца нету, а мать предобрая старушка и очень ласкает меня. Я дал уж ему 5 уроков, может быть и еще десяток придется. О цене и сам не знаю, знаю только, что 5 за урок будет самою низкою ценою. Если не удастся мне попасть к новому году учителем в гимназию, то буду держать экзамены на приватного учителя, по новому положению, а через год или два на кандидата, ибо приватный учитель имеет право через год по получении учительского аттестата держать экзамен на какую угодно степень, не ходя на университетские лекции. Я могу приготовиться сидя дома в халате. Мне не трудно будет успеть в обоих экзаменах, ибо я приобретаю между университетскими некоторую известность. Ныне иду к адъюнкту Морошкину[3] по делам Телескопа и, разумеется, познакомлюсь с ним. Никанора ко мне непременно доставьте с Дмитрием Петровичем; если я буду жить и у Сухово-Кобылина, то и это не помеха, я помещу его с Петею у Алексея Петровича, которому буду платить хотя по 10 р. ас. в месяц, если же перейду на казенную квартиру, то и говорить нечего: тогда возьму к себе и Петю, если Петр Петрович захочет. Месяца через два или через три надеюсь совершенно поправить мои денежные обстоятельства, разумеется, не жалованьем, которого

Ф. Л. МОРОШКИН

Портрет маслом неизвестного художника, 1840-е гг.

Музей при Московском университете им. М. В. Ломоносова

на это очень не достаточно, а кое-чем другим, о чем узнаешь в свое время. Бога самого ради пиши ко мне, успокой меня; если же дела плохи, то, делать нечего, не скрывай: мне не учиться терпеть и страдать; я так долго находился в этой школе, что... Прощай! Остаюсь искренно любящий тебя

брат твой В. Б.

Надпись о получении: Получено 25 Августа в Субботу.

[1] Андрей Яковлевич Невешкинский — родственник Белинских и Ивановых, сын дьякона села Невешкина вблизи Чембара; по выходе из семинарии служил почтальоном в Москве. С 1820-х годов — помощник пензенского губернского почтмейстера.

[2] Н. И. Надеждин был домашним учителем старшей дочери В. А. и М. И. Сухово-Кобылиных — Елизаветы Васильевны (1815—1892) — впоследствии известной писательницы гр. Салиас де Турнемир. По возвращении из служебной поездки в конце сентября или начале октября 1834 г. Надеждин поселился в доме Сухово-Кобылиных, однако переехал ли вместе с ним и Белинский — неизвестно. Можно лишь предполагать, что нет. О трагических перипетиях романа Надеждина с Е. В. Сухово-Кобылиной, свидетелем которых был Белинский, оказавший, по словам С. Т. Аксакова, «большую преданность» Надеждину, см. в книге Н. К. Козмина «Н. И. Надеждин», СПб., 1912, стр. 457—506; ср. Л. П. Гроссман, «Преступление Сухово-Кобылина», Л., 1928 (гл. «Роман Надеждина»).

[3] Федор Лукич Морошкин (1804—1857) — адъюнкт по кафедре права, а впоследствии профессор Московского университета, один из ближайших сотрудников «Телескопа».

102. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар, 1834 года, августа 17 дня

Любезный брат и друг
Виссарион Григорьевич!

С Михаилом Николаевичем Кугушевым я послал тебе и Алексею Петровичу письма, содержание коих относится до моей службы в Москве, и с ним же еще пишу тебе и прошу как можно постарайся о скорейшем приискании мне места, чтобы я мог вместе с Дмитрием Петровичем ехать к тебе; и потому прошу тебя, коль скоро найдешь место или определишься сам, то тотчас и пиши ко мне со всеми подробностями, а я поеду скоро к Ивану Осиповичу и Лукерье Савельевне, у коих и буду просить деньжонок, и готовиться к путешествию в Москву. Никанора папенька, после убедительных просьб маменьки и меня, решился отправить к тебе, и потому не худо бы было написать к нему письмо о Никаноре и просить, чтоб он его приготовил надлежащим образом в рассуждении одежды.

Положение мое становится час от часу хуже и, как пишет Дмитрий, папенька подозревает меня в жалобе на него о притеснениях Авдотьи, и эти сказанные тобою слова: мстить рабе не выходят у него из памяти, что самое его и сердит ⟨...⟩

В заключение письма повторяю и прошу тебя, как можно постарайся о мне, чтоб ехать с Дмитрием, который хорошо сам увидел и узнал мое бедное положение. Повторяю, что старание твое о мне и определение меня в Москве будет доказательством твоим о любви братской ко мне и священной дружбы. Сестра и Вера Петровна тебе кланяются. Прощай!*

Брат твой
Константин Белинский

* Дай боже! чтоб до скорого свидания. — Прим. К. Г. Белинского.

P. S. Алексею Петровичу моя чувствительная благодарность за его о мне попечение своим старанием о службе моей в Москве и почтение, а Петеньке посылаю поцелуй.

Маменька и все кланяются тебе домашние.

В опускаемой части письма К. Г. Белинский сообщает о некотором улучшении здоровья матери после продолжительной болезни и чембарские новости.

Упоминаются: М. И. Белинская, М. С. Меридианов и А. С. Свищевский.

103. Д. П. ИВАНОВ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар $18\frac{VIII}{17}34$

Любезный друг
Виссарион Григорьевич!

Письмо твое доставлено по принадлежности [1]. Вот что могу сказать тебе на первый раз; отвечать же на твои бесконечные вопросы о его приеме, чтении и обо всем я буду из Керенска. Так должно быть по недостатку времени, места и обстоятельств. Сижу в углу залы, окруженный твоими и моими домашними, которые беспрестанно подходят ко мне и с любопытством заглядывают в письмо мое; Pater familii расхаживает тут же — сам посуди, можно ли мне с подробностию писать о таких вещах, которые должны быть для меня сокровенною тайною. После обеда я еду во Владыкино, и там сама скука заставит меня написать письмо более удовлетворительное, более достойное твоего нетерпеливого внимания. Итак, с следующею почтою я исполню мое обещание, а сии два письма пусть будут вздорными предисловиями к настоящему моему к тебе посланию.

Теперь я намерен поговорить с тобою о деле, не менее важном и, мне кажется, более для тебя занимательном потому, что с ним сопряжена участь двух братьев твоих — Константина и Никанора. Скажи, пожалуй⟨ста⟩, каким образом мне исполнить их безотвязные просьбы, как я должен отвечать бабушке, которая беспрестанно напоминает мне о их поездке в Москву, и эта мысль, мне кажется, еще более расстраивает ее здоровье, и без того уже сильно истощенное. Я не знаю настоящей причины ее болезни, но думаю, что она должна относиться к роду обыкновенных женских болезней и может быть излечима только стараниями опытного и искусного акушера.

В Москву я отправлюсь не ранее сентября и то в последних числах, следовательно, тебе будет еще время написать ко мне о своих делах и о том, можно ли будет ехать со мною хотя Константину. Признаюсь, брат, его положение час от часу становится хуже и, я думаю, еще будет ужаснее, если мы помедлим его избавлением, ибо дедушка, сверх обыкновенных упреков в тунеядстве, подозревает его в тайных с тобою сношениях, в особенной переписке, целию которой служат домашние обстоятельства и он сам как главное действующее лицо. Положение Константина тронуло меня за живое, и я с своей стороны убеждаю, прошу тебя постараться вместе об определении его где-нибудь в Москве; с моей стороны я уже обещался даже тайком его увезти, только, ради бога, не плошай ты и с следующею же почтою уведоми меня о твоем непреложном намерении в рассуждении его дела.

Затем прощай до следующей почты.

Пиши ко мне положительно обо всем и заранее уведомляй о своих поручениях, чтобы было время исполнить все твои требования и тебе не пенять на преданного тебе

Дмитрия Иванова

Дедушка хочет к тебе писать с Павлом Гавриловичем Давыдовым, который едет в Москву 20 августа [2]. Не знаю, какое будет содержание письма сего, только скажу тебе, что выражение письма твоего:— Мстить рабе сильно занимает его мысли, и мне кажется, что это одно сильно раздражило его, все прочее он называет правдою, а это одно обидою.

[1] Письмо (от 8 июля 1834 г.), доставленное Д. П. Ивановым отцу Белинского, до нас не дошло.

[2] Павел Гаврилович Давыдов — отставной штабс-капитан, заседатель Чембарского уездного суда. См. о нем в настоящем томе в публикации А. В. Храбровицкого «Дело помещицы Давыдовой».

Поездка П. Г. Давыдова из Чембара в Москву состоялась несколько позднее, вероятно, в первых числах сентября 1834 г., поскольку именно от него Белинский узнал о смерти матери, скончавшейся 29 августа 1834 г.; ср. письмо Белинского к П. П. и Ф. С. Ивановым от 5 февраля 1835 г. («Письма», I, 60—61).

104. БЕЛИНСКИЙ — К. Г. БЕЛИНСКОМУ

Москва, 1834. Августа 31 дня

Любезный брат,
Константин Григорьевич!

Толковать много нечего: я вижу сам, что пора положить конец твоим страданиям. Ты мне брат, и брат достойный моей любви по своему доброму и благородному сердцу: хочу доказать тебе на деле, а не на словах, что люблю тебя. Приискивать должности тебе не могу, ибо в Москве на каждое место десять кандидатов, и если бы я и нашел тебе местишко, то тебя не стали бы дожидаться, места у нас надо ловить на лету. Вот у меня уже один раз перебили место; кажется, в другой-то буду посчастливее. Со дня на день ожидаю решения. Так сделай ты вот что: подай в отставку, возьми пачпорт и копию с послужного списка, да и катай с Дмитрием Петровичем в Белокаменную. Книги и всю одежду возьми с собой; мы все это распродадим, а вырученные деньги тебе пригодятся. В Москве всякую дрянь можно сбыть. Может быть Лукерья Савельевна и Папинька дадут тебе столько деньжонок, что, вместе с вырученными на твою провинциальную одежду, книги и другие вещишки, можно будет сшить тебе столичную фрачную и сертучную пару, что в Москве первое дело. Если купить на фрак черного сукна рублей по 15 или даже и по 12, то выйдет лихая пара, на сертук можно купить знатного сукна рублей по 8. У меня есть портной, мальчик Межевича, оканчивающий свое ученье, который шьет не хуже всякого модного портного, и за фрачную пару, вместо 30 (это в Москве самая умеренная цена), возьмет с меня 15. Бери все, что ни даст или ни подарит тебе кто-нибудь из родственников: если это для тебя будет излишним, то можно сбыть на сходную цену. В отставку тебе выйдти советую и я и Алексей Петрович; так как ты еще недавно получил офицерский чин, то для тебя это не большая потеря. А между тем перевод будет сопряжен с большими хлопотами и неудобствами. Об месте не отчаявайся: ты пробудешь без него много что месяца два-три. В Москве не трудно будет найдти местишко с 300 р. ас. жалованья, у меня бездна знакомых, которые могут при случае помочь; А⟨лексей⟩ Петрович еще более может это сделать по своим связям с крапивным семенем. Бога ради, ничего не заказывай себе на дорогу, особенно из одежи; в Чембарском сертуке нельзя будет выйдти на улицу: сочтут за лакея. Опытность многому научила меня. Когда я приехал в Москву, то заплатил 14 р. ас. за сапоги, которые носил неделю, а когда ты приедешь, то куплю тебе за 6 р. ас. прекрасные, чисто сшитые сапоги, которые тебе станут, по крайней мере, на 4 месяца. У сапожника, поставляющего

1 8 3 6

№ 72.

ВЪ БОЛЬШОМЪ ТЕАТРѢ.

НЕ ВЪ СЧЕТЪ АБОНЕМЕНТА.

Во Вторникъ, 3 Ноября, ИМПЕРАТОРСКИМИ Россійскими Актерами представлена будетъ:

ГОРЕ ОТЪ УМА,

Комедія въ 4 дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. *Грибоѣдова.*

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

Павелъ Афанасьевичъ Фамусовъ, управляющій казеннымъ мѣстомъ, - - - -	Г. *Щепкинъ.*
Софья Павловна, дочь его, - - - -	Г-жа *Панова.*
Лизанька, служанка, - - - -	Г-жа *Нагаева.*
Алексѣй Степановичъ Молчалинъ, Секретарь Фамусова, живущій у него въ домѣ, - -	Г. *Ленскій.*
Александръ Андрѣевичъ Чацкій, - - -	Восп. *Самаринъ* 2-й.
Сергѣй Сергѣевичъ Скалозубъ, Полковникъ, -	Г. *Орловъ.*
Наталья Дмитріевна, молодая дама, } Горичевы, -	Г-жа *Рыкалова.*
Платонъ Михайловичъ, мужъ ея, } Горичевы, -	Г. *Соколовъ.*
Антонъ Антоновичъ Загорѣцкій, - - -	Г. *В. Степановъ.*
Репетиловъ, - - - - -	Восп. *Максинъ* 2-й.
Хлестова, свояченица Фамусова, - - -	Г-жа *Сабурова.*
Графиня Хрюмина, - - - -	Г-жа *Божановская.*
Графиня, ея внучка, - - - -	Г-жа *Юрьева.*
Князь Тугоуховскій, - - - -	Г. *П. Степановъ.*
Княгиня, жена его, - - - -	Г-жа *Кошина.*
1. } дочери ихъ, - - - - - -	Восп. *Смирнова.*
2. } дочери ихъ, - - - - - -	Г-жа *Златопольская* 1-я.
3. } дочери ихъ, - - - - - -	Г-жа *Гольтерманъ.*
4. } дочери ихъ, - - - - -	Г-жа *Степанова.*
5. } дочери ихъ, - - - - - -	Г-жа *Акимова* 1-я.
6. } дочери ихъ, - - - - - -	Г-жа *Гартманъ.*
Слуга Фамусова, - - - - -	Восп. *Шубертъ.*
Г. N. - - - - - -	Г. *Богдановъ* 2-й.
Г. D. - - - - - -	Г. *Никифоровъ.*
Лакеи.	

Въ заключеніе спектакля данъ будетъ:

ДИВЕРТИСЕМЕНТЪ,

Въ коемъ будутъ пасапы: Г-жи *Гартманъ, Семенова* и *Гольтерманъ* по Русски; Г. *Д. Ивановъ* и Г-жа *Ильина* по Русски; Восп. *Курбатовъ* и Г-жа *Акимова* 2-я по Казацки.

НАЧАЛО ВЪ 7 ЧАСОВЪ.

Билеты для сего спектакля можно получать въ день представленія съ 10 часовъ утра въ Большомъ Театрѣ.

ВЪ БОЛЬШОМЪ ТЕАТРѢ.

Въ Четвергъ, 5 Ноября, *въ абонементъ: Урокъ холостымъ, или Наслѣдники*, комедія въ 1 дѣйствіи, въ стихахъ. *Фенелла*, балетъ въ 4 дѣйствіяхъ.

Въ непродолжительномъ времени представлена будетъ *въ первый разъ: Влюбленная Баядерка*, большая опера въ 2 дѣйствіяхъ, соч. Г. *Скриба*, переведенная съ Французскаго; Музыка соч. Г. *Обера*; Танцы и пантомима Г-жи *Гюлленъ*. Декораціи Г. *Броуна*, машины устроены Г. *Пино*, костюмы по Парижскимъ рисункамъ.

При входѣ въ Театръ въ нижнемъ корридорѣ въ устроенной лавкѣ для продажи Театральныхъ піесъ, продаются:

НЕ ВЛЮБЛЯЙСЯ БЕЗЪ ПАМЯТИ, НЕ ЖЕНИСЬ БЕЗЪ РАСЧЕТА, Шутка-водевиль въ 1 дѣйствіи. *Ѳ. Кони.* Москва 1834 г. въ Т. Н. Степанова. Цѣна 3. руб.

МУЖЪ ВЪ КАМИНѢ, А ЖЕНА ВЪ ГОСТЯХЪ, Анекдотическій водевиль въ 1 дѣйствіи. *Ѳ. Кони.* Москва 1834 г. въ Т. Н. Степанова. Цѣна 3 руб.

АФИША ПРЕДСТАВЛЕНИЯ КОМЕДИИ «ГОРЕ ОТ УМА» НА СЦЕНЕ МОСКОВСКОГО БОЛЬШОГО ТЕАТРА 3 НОЯБРЯ 1836 г., С УЧАСТИЕМ М. С. ЩЕПКИНА

«...Лучший комический актер здесь Щепкин» (из письма Белинского к родителям)

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

сапоги на казенных студентов, ты можешь выбрать себе любую пару из 200 пар. То же и о других вещах, как то: картузе, шляпе, перчатках, жилете, галстуке, воротничках, носках (носки славные по 40 коп. пара) и других мелочах — все лучше и дешевле вашего. Толкучий рынок и город мне известны лучше, чем тебе наш огород. Бывало дивились, что я слишком дорого за все плачу, а теперь не надивятся, что слишком дешево. Не дал ли тебе Папинька, кроме денег, чего-нибудь из старого платья: смотри в оба и не разевай слишком широко рта. Помни, что тебе, может быть, придется прожить без места месяца три, а мои животы-то покуда еще не велики, да сверх того на моей шее будет Никанор. Я богат покуда одними надеждами. Денежки-то отдай на руки Дмитрию Петровичу, а дорогой-то нельзя ли будет пробавляться тем из съестного, что отпустит с тобою маменька. Дорожи каждою копейкою, и помни, что из копеек составляются рубли. Ехать не слишком торопись — и с терпением дожидайся Дмитрия Петровича, не ускоряя его отъезда ни минутою. Неделя или две не счет — еще успеешь. А вместо этого постарайся получше сообразиться, все обдумать и ничего не забыть. Никанора в дороге береги пуще своего глазу и помни, что ты дашь мне ответ за каждый волос головы его. На ночлегах клади его с собою, во время езды не давай ему дурачиться, чтоб он не попал под колесо, словом не отпускай его от себя ни на шаг, Алексей Петрович принимает в твоей судьбе такое живое участие, какого я, право, и не ожидал от него: видишь, что твоя доброта и честность не остаются без награды и тебя все любят за них все, кроме... твоего отца. Но ты не смотри на это и все-таки помни, что он твой отец: авось когда-нибудь и образумится. Больше писать нечего, да и некогда, прощай — до свидания.

Твой брат В. Б.

Д. П. Иванову:

Любезный друг,
Дмитрий Петрович!

Благодарю тебя тысячу раз за твою ко мне искреннюю любовь, которую ты доказываешь не словами, а делами, и молю судьбу, чтоб она позволила мне с своей стороны доказать тебе свою таким же образом. Не оставь Константина, хлопочи о снабжении его деньгами и всем нужным, и употреби все свое влияние, какое ты можешь иметь над Папинькою в рассуждении его. Я надеюсь на тебя, как на каменную гору. Извини, мой милый, что так мало пишу к тебе; ей богу, с ног до головы завален делами, разумеется, больше своими, чем Надеждина, которых не слишком много. Да, брат, надо подумать о будущем: ведь в моих руках будет участь людей милых мне.

Остаюсь в полной уверенности в твоем благоразумии и усердии ко мне. Tes maîtresses te font leurs compliments, et elles désirent te revoire avec impatience.

Прости — до свидания — и пиши ко мне. Попов [1] уже приехал в Москву 27 Авг. ночью. Судьба столкнула меня немножко с Морошкиным, и я теперь нахожусь с ним в некоторых сношениях по Телескопу. Adieu.

В. Б.

Надпись о получении: 1834 года, сентября 8 дня в субботу поутру.

[1] Вероятно, Михаил Максимович Попов. См. о нем примечание к письму № 2.

105. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар, 1834 года, сентября 6 дня

Любезный брат,
Виссарион Григорьевич!

В письме своем от 17 августа я уведомлял тебя о маменькиной болезни, что она, кроме тогда мучившего ее геморроя, не чувствовала никаких болезней, но после отъезда Федосьи Степановны в Владыкино ей стало хуже, и она уже легла на постель и лежала. 21 августа я поехал тихонько от папеньки, который собирался тогда в округу, в село Зубриловку за Иваном Осиповичем, с которым я приехал домой 25 числа, в субботу поутру, когда я получил от тебя письмо, которое и прочел маменьке. Иван Осипович по роду болезней давал ей лекарства, но они не имели никакого действия, потому что желудок маменькин их не принимал. По отъезде его в Зубриловку маменьке с каждым днем становилось хуже, а 28 числа ее соборовали маслом и причастили святым тайнам, после чего она нас благословила, равно и простилась с предстоящими и папенькою, которого даже и перекрестила. На другой день, то есть в середу, часу во втором, к общему всех нас бедствию, она спокойно и тихо переселилась из сего суетного в мир лучший, светлый и уму человека непостижимый. В пятницу было погребение тела ее земле [1]. Уведомляя тебя о горестнейшем и неожиданном для нас несчастии, я прошу тебя именем всего священного в сем мире не предаваться отчаянию и беречь здоровье свое, которое нужно еще для тебя, твоей сестры, братьев и отца. Что делать! Видно, так угодно богу, на которого нам должно во всем надеяться и его просить, чтоб он помог перенести тебе сей горестнейший случай.

Теперь прошу тебя, нельзя ли тебе купить для сестры черного ситца на платье, которого здесь нигде не найдешь.

Я по уверению и совету Дмитрия Петровича нынешнего числа послал рапорт от Суда о присылке мне на 28 дней на проезд в Москву паспорта, надеясь на тебя, что ты нашел уже мне место и то, что теперь предстоит прекрасный случай к моему отъезду в Москву: Лукерья Савельевна отправляет в оную 12 мальчиков, с коими едет и Д⟨митрий⟩ Петр⟨ович⟩, с коим я поеду к г. Владыкиной, у коей и буду просить денег [2]. Прощай! Пиши к нам. Сам же не крушись. Твой брат

К. Белинский

[1] О смерти матери Белинский узнал еще до получения письма брата; это известие он получил от заседателя Чембарского уездного суда П. Г. Давыдова, приехавшего в Москву в начале сентября 1834 г. (см. прим. к письму № 103).

[2] Вероятно, 12 крепостных мальчиков, отправляемых для ученья в Москву. Возможно, что среди этих мальчиков находился и будущий художник К. А. Горбунов (1822—1893), крепостной Владыкиных, в судьбе которого близкое участие впоследствии принимал Белинский.

106. Д. П. ИВАНОВ — БЕЛИНСКОМУ

Керенск, $18\frac{IX}{11}34$

Любезный друг
Виссарион Григорьевич!

Исполняю свое обещание и пишу к тебе письмо, которое хотя и не вполне, но во многом должно удовлетворить любопытству. Помню, что ты просил меня уведомить о положении твоих домашних и приеме твоего письма, которое должно было, как мы думали, произвесть сильное и конечное влияние на дедушку.— Оставляя все это до времени, я постараюсь в письме

своем представить тебе краткий обзор происшествий, случившихся со мною в Чембаре, или, лучше сказать, мой краткий дневник.— Слушай!

Двенадцатого августа, в воскресенье, в 11 часов утра я, маменька и Верочка приехали в Чембар. На крыльце дома встретили нас Александра Григорьевна и Никанор, они обрадовались нам, как гостям давно ожидаемым. В передней нам представилась встреча совсем другая и более плачевная и горестная, нежели радостная: из кабинета вышла бабушка Мария Ивановна. Я думаю, тебе случалось видеть желтые, безжизненные лица несчастных страдальцев, которые, целый год не вставая с больничной постели, но вдруг почувствовав облегчение своего недуга и пользуясь позволением доктора, в прогулках машинально двигаются по коридору. Это портрет бабушки; признаюсь, я не узнал ее с первого раза и тогда только опомнился от удивления, когда она с воплем и рыданиями бросилась ко мне на шею; она плакала и целовала меня с чувством живейшего восторга, думая видеть тебя в своих руках, и после долго укоряла за твой неприезд, вероятно, предчувствуя вечную с тобой разлуку. Константин подоспел тут же к минуте нашего свидания, радость его была невыразима, и все домашние твои встречали меня как твоего представителя. Дедушки в это время не было, он спал, и я увидел его уже после обеда и довольно долго прогуливаясь с Константином по городу. С первого свидания нашего он почтил меня названием действительного статского советника и довольно ласково обошелся со мною. Теперь я перейду к сцене более занимательной и любопытной, именно к чтению письма твоего.

С чувством какого-то смутного ожидания я отдал тут же письмо твое. Чтение происходило в гостиной, которая на этот раз, и притом по приглашению самого дедушки, наполнена была всеми домашними, не исключая бабушки Дарьи Евсеевны. Жалею, что не имею теперь копии с письма твоего, чтобы в точности и с подробностью указать тебе те места в оном, где дедушка останавливался и делал свои замечания и рассуждения. Помню, что в первый раз он нашел какую-то этимологическую ошибку и тут подозвал меня: спрашивал моего мнения. Далее, перевертывая на другую страницу, он отдал письмо Верочке, говоря, что сам ничего не разберет. Она начала чтение с начала, он слушал хладнокровно: на лице его написано было одно только внимание, смешанное с каким-то презрением, и только при слове: мстить рабе, он прервал чтение и сказал: «Вот этого я что-то не понимаю, что это значит: мстить рабе? Тут я подразумеваю особенную тайную от меня переписку, особенные на меня наговоры». И, наконец, спокойно дослушав окончание письма, принялся разбирать выражение: мстить рабе. «Все в письме правда и хорошо,— сказал он,— но этим выражением Виссарион обижает меня: мстить рабе! я не полагал, чтобы он низко обо мне думал: может ли человек мстить скоту? и за что мстить?» и т. д.

Наконец, начал говорить, что это произошло вследствие жалоб бабушки, и так как она по болезни не могла писать к тебе, то вся вина сложена на Константина, и после всего сказал, что будет писать особенное письмо к тебе, где хотел оправдаться против твоих обвинений.— Вот тебе краткое описание того, что происходило при чтении письма. Разумеется, тут вмешивалась и бабушка и моя маменька с своими замечаниями и наставлениями дедушке.

Пять дней мы пробыли в Чембаре, и в продолжение этого времени одинакие сцены представлялись глазам нашим, т. е. дедушка с раннего утра выпьет приемов пять простяку, прохаживаясь взад и вперед по комнатам, разговаривая с кем-нибудь из присутствующих и чаще всего со мною. Разговор его, всегда полный шуток и острот, не терпела бабушка и отвечала

В. П. КЕЙПИНА
(РОЖДЕННАЯ ИВАНОВА)
Фотография, 1863 г.
Литературный музей, Москва

на него продолжительною бранью. После сего он уходил со двора или ложился отдыхать. После обеда, за которым он редко присутствовал, мы с Константином, маменька с Верочкою и Александрою Григорьевною расходились по гостям и поздно уже, возвратясь с гуляния, находили дедушку в большом похмелье. Он, рассказывают домашние, ходит после обеда в больницу и там на просторе потопляет свою скуку.— За ужином у него обыкновенно продолжались остроты над Константином, впрочем, невинные, жертвою которых бывал часто и я, но раздражительность Константина и брань бабушки делали из этого довольно шумные разговоры. Шутки и остроты дедушки и раздражительность бабушки и всех семейных всегда были побудительною причиною неудовольствий. Но при всей своей недеятельности и невнимательности к жизни дедушка никогда не отказывал в нужных пособиях больной бабушке.

В пятницу мы и еще Александра Григорьевна отправились во Владыкино, где, к счастию, застали всемогущую обладательницу оного в вожделенном здравии и с трезвыми чувствами. Маменька, пробыв два дня, уехала оттуда в Пачелму[1], а мы остались во Владыкине и уже спустя неделю отправились в Чембар. На дороге встретились с нарочным приказным, который был послан за нами с известием и с запискою от маменьки, что бабушка отчаянна в своей болезни.

В продолжение недельного пребывания моего в Чембаре я был свидетелем событий самых горестнейших, церемоний самых плачевных, о которых время и место не позволяют мне распространяться. Все это узнаешь ты при свидании, когда будешь в силах слушать меня, а я в силах рассказывать.

В последнее время в Чембаре я часто беседовал с дедушкой, был почти неотлучно при нем и, признаюсь, во многом разгадал этого человека. Его беседы со мною отчасти можно назвать исповедью души его, и между

шутками я много для меня тайного разведал в его характере. На первый раз скажу тебе, что дедушка человек благороднейший в высшей степени, с чувствами высокими, рожденный с отличными способностями, но убитый мелочною жизнью в Чембаре, заброшенный в дикий бурьян, в круг людей, между которыми тщетно ты будешь искать следов истинного человечества. Я часто был свидетелем благороднейших поступков его, которые восхищали меня и в минуту рассеивали все мои против него предубеждения.— По приезде в Москву побольше поговорю с тобою о всех домашних обстоятельствах, а теперь потребую твоих ответов на два самые важные для меня вопроса:

Во 1-х, определен ли Петя в гимназию и какие препятствия к этому? Ради бога, уведомь меня об этом обстоятельстве, утешь меня, а всего более наших стариков, которые весьма сокрушаются об его неопределении.

Второй вопрос: почему ты не пишешь об участи бедного Константина; твоя молчаливость убивает его, он пристает ко мне с своими просьбами, и я, не зная твоих намерений, ничем не могу утешить его. При отъезде из Чембара я говорил дедушке, чтобы отпустил Никанора и его со мною в Москву, брал на себя все их путевые издержки. Но он согласился отпустить только Никанора и сказал, что будет приготовлять его к моему отъезду, а насчет Константина просил меня, чтобы я не советовал ему так скоро ехать в Москву, и что теперь он не имеет средств отправить их обоих, но после по справке согласен отпустить и его.

Мне кажется, к безденежности дедушки еще надобно присовокупить ту причину несогласия на отпуск Константина, потому что он боится соскучить своею одинокостию, тогда должна была бы остаться с ним одна Александра Григорьевна. Да и ее наши старики думают взять к себе, если согласится дедушка, или, как он хочет, уедет в Москву. Теперь он не будет служить в Чембаре и, наверно, чрез полгода переедет жить в другое место.

Теперь прощай до свидания. Пиши ко мне, если можешь. Не приедешь ли ты в Чембар? Мне и всем нашим домашним часто чудится во сне твой приезд. Остаюсь любящий и уважающий тебя

Дмитрий Иванов

Домашние тебе кланяются.

[1] Пачелма — большое село в Чембарском уезде, где Ивановы имели крепостных крестьян и где с 1828 г. священником был брат Григория Никифоровича Белинского — Андрей Никифорович.

107. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар, 1834 года, октября 18 дня

Любезный брат и друг
Виссарион Григорьевич!

Письма твои от 31 августа и 28 сентября[1] мною получены, первое 8 сентября, а последнее 6 сего октября, из коих на первое скажу тебе, что ты оным очень много меня утешил в моем горестнейшем положении в рассуждении смерти неоцененной нашей маменьки. Дмитрий, по неотступной моей просьбе насчет поездки в Москву, уверил меня, что он раздерет пополам сюртук и разделит со мною, а возьмет с собою; и по тому уверению я 6 числа сентября (как я писал уже тебе) просил земский суд о исходатайствовании мне на проезд в Москву пашпорта на 28 дней <...>

В рассуждении лошадей не знаю, что и сказать тебе: Лукерья Савельевна отправляет в Москву 10 человек мальчиков, до Спасска на своих, а там хотела нанять, с коими и меня с Дмитрием хотела отправить, но только все еще этого наверно знать нельзя; а Дмитрий говорил мне, чтоб я съездил к ней и попросил бы ее об этом. Марфа Андреевна едет в Москву со всем своим семейством жить для воспитывания сына своего, но она, хотя я, бывши у нее, и заговаривал стороною про поездку мне с нею, ничего не сказала, а только приглашала меня, когда она будет жить в Москве, чтоб я ходил к ней. Не знаю, скоро ли ты определишься к должности, хотя бы к приезду нашему к тебе, о чем я прошу каждодневно милосердного бога ⟨...⟩

Папенька очень сожалеет о смерти маменьки, и когда он читал твои письма, то не мог дочитать оных от появившихся на глазах слез; он прежде все пил вино и был недолго нездоров, а ныне сам старается отстать от пагубного сего питья. Лошадь вороную продал за 35 р. ас., а рессорные дрожки за 170 рублей. Надобно тебе сказать, что все это он продал для нас с Никанором, хотя на меня и копейки не употреблено; из сей суммы осталось только 105 р. ас., которые хранятся у сестры и которые, мне кажется, не уцелеют до нашей поездки, потому что папенька, как понадобятся ему деньги, то берет из оных.

У нас в доме ныне стало все не так, как было при любезной маменьке, без коей у нас чего-то недостает, что меня часто приводит в сердечную грусть о воспоминании ее материнской со мною... беседы о моей службе.

Как бабушка у нас, так и мы у нее бываем часто: у нас теперь только и отрады, а особливо у бедной сестры, у коей живет со дня смерти маменьки А. В. Сташевская (сестра Е. В. Анфельц), да часто бывает А. В. Великопольская, истинно приятельница... Бабушка, Авдотья и все домашние тебе кланяются и желают неоцененного здоровья. Тысячу раз благодарю и целую тебя заочно за твою ко мне любовь и расположение, которое доказываешь на деле приглашением в Москву на службу. Алексею Петровичу моя чувствительная благодарность за принимаемое им во мне участие: я горжусь, имея такого родственника, каков он.

Прощай, но до скорого свидания. Твой брат

Константин Белинский

Приписка А. Г. Белинской:

Любезный братец Виссарион Григорьевич. Ты пишешь, чтоб папенька пригласил бабушку к нам жить, так это все невозможно, у нас ни одна крестьянка не согласится жить, не то что благородная женщина; а я хочу ехать в Керенск к нашим родным, которые очень зовут, я только дожидаюсь отъезда братьев в Москву, поживу сколько-нибудь у них, а там, милый братец, надеюсь на вас, что вы меня не бросите.

А. Б.

Приписка К. Г. Белинского на полях: Папенька теперь в Поиме, он хотел к тебе писать.

В опускаемой части письма К. Г. Белинский сообщает о хлопотах, связанных с увольнением его со службы; о сборах к отъезду; о материальной помощи, оказанной ему Владыкиными; о поминках по матери; жалуется на поведение брата Никанора.

Упоминаются: Г. Н., М. И. и Н. Г. Белинские, А. В. и Е. В. Великопольские, А. С., Л. С. и М. А. Владыкины, Гороховская, А. Данилова, Л. А., Л. Н. и Н. Н. Дьячковы, К. И. Емельянов, Д. П. и Е. П. Ивановы, Д. О. Каменский, А. Кугушева, М. С. Меридианов, Ниротморцев, И. А. Пономарев и П. Д. Юрьев.

[1] Письмо Белинского к брату от 28 сентября 1834 г., написанное под впечатлением смерти матери, до нас не дошло.

108. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар, 1834 года, ноября 22 дня

Любезнейший брат и друг
Виссарион Григорьевич!

Письмом своим от 31 августа ты, по желанию моему, приглашал меня в Москву для службы и советовал для того подать в отставку и взять паспорт и копию с послужного списка, что я и сделал, но только последней не получил, найдя оную ненужною, а вместо оной, по совету секретаря Юрьева, взял от суда аттестат о моей службе, довольно хорошего мнения начальников, на трехрублевом листе и за подписом всех членов суда, а 5 ноября ездил к сестрице Лукерье Савельевне, которая, по обещанию своему, подарила мне 100 рублей ассигнациями. Кажется, все бы готово к поездке, но оная остановилась за лошадями, за неполучением Дмитрием Петровичем письма от Алексея Петровича, без которого он и ехать не хочет, хотя и готов к отъезду, и, в-третьих, затем, что у нас в Чембаре носится слух, что Алексей Петрович уехал из Москвы неизвестно куда, а некоторые говорят, что его вместе с студентами университета, сделавшими какую-то шалость, с коими он тогда был, взяла полиция [1], каковое известие привезла О. П. Москвина, бывшая недавно в Москве, и писал к Москвину Д. Ф. Рацул, который служит в Москве квартальным, а Дмитрий Петрович письмом своим от 2 ноября между прочим пишет следующее: «Недавно я писал к Виссариону Григорьевичу, адресуя свое письмо на имя Надеждина, чтобы он уведомил меня о делах Алексея и где он находится, ибо приехавший в Керенск недавно из Москвы бывший исправник Кистерн говорил, что Алексей уехал в Рязань по казенному поручению». Этому верить нельзя потому, что из Сената поручений канцелярским чиновникам не бывает никаких, как говорил мне г. Юрьев. По этому-то самому папенька и не пускает меня теперь в Москву из опасения, что я без помощи Алексея Петровича не могу определиться к должности, а хочет, если разнесшийся о нем слух будет, к несчастию, справедлив, написать к Яворскому письмо, чтоб он попросил пензенского губернатора о даче мне в его канцелярии или где-нибудь должности, а ежели, напротив, к нашему счастию, несправедлив, то отправить в Москву, не отсылая еще в Пензу*. Папенька боится того, что я, не определившись к должности, принужден буду терпеть большую во всем нужду, или просить под окнами милостыню, что самое и меня заставляет опасаться потому более, что в Москве дороги квартиры и жизненные потребности, а к тому же ты еще и сам не у места, а живешь у профессора Надеждина на готовом содержании, а получая с кондиций деньги, на оные одеваешься; а ежели приеду я с Никанором, то не знаю, куда и взъехать остановиться; как ты писал мне, что место достанется не без хлопот и неудовольствий, но я все-таки получу его; но прожить месяца три, четыре без места, это жалко. По новому положению о гражданских чинах, ежели в отставке или в отпуску время проведенное не свыше четырех месяцев, из срока выслуги к получению чина не исключается; а ежели придется прожить без места 4 месяца, то я потеряю год службы, а если меньше, то ничего.

Мне, признаться, очень хочется жить с тобою в Москве, но опасение о неполучении должности устрашает меня.

Итак, любезнейший брат! Объяснив тебе папенькино и мое опасение о неполучении должности, я именем любви нашей прошу тебя покорно уве-

---

* В которую мне не хочется ехать. — Прим. К. Г. Белинского.

домить как можно скорее и справедливее, точно ли пропал Алексей Петрович, как говорила О. П. Москвина и как пишет г. Рацул, каким образом, когда, куда, отчего и зачем? Ежели это все (от чего, боже сохрани!) справедливо, то надеешься ли ты, что я без помощи Алексея Петровича могу определиться в продолжение четырех месяцев, но не больше, и в состоянии ли ты будешь до поступления моего на службу содержать меня, и не буду ли я тебе собою в тягость; хотя у меня и 140 рублей на серебро, но эти деньги должно мне будет употребить на шитие приличной и необходимой по Москве одежды, которая у меня и по Чембару плоха и мала; обо всем этом ты должен написать к папеньке и ко мне как можно скорее, и ежели ты справедливым находишь опасения наши, то уведоми меня, где мне служить: в Чембаре ли, в Пензе ли. Как с нового года будут штаты, тогда и в Чембаре можно будет с расчетом одному жить, получая по 150 р. ас. в год жалованья.

Пелагея Савельевна скоропостижно умерла от апоплексического удара.

Бабушка, сестра и все домашние тебе кланяются. Повторяю: обдумай хорошенько о мне в последний раз и пиши скорее как можно, чтоб не было за мною остановки в отъезде. У меня все готово, у Никанора тоже.

За сим прощай! Любезнейший друг! До свидания или нет — известно богу и тебе[2].

Твой брат

К. Белинский

[1] Противоречивые слухи об Алексее Петровиче Иванове, взволновавшие К. Г. Белинского, не были лишены основания: А. П. Иванов в это время «попался под арест», о чем несколько времени спустя Белинский сообщал в письме к П. П. и Ф. С. Ивановым от 5 февраля 1835 г. («Письма», I, 60—61).

[2] К. Г. Белинский отправился в Москву и пробыл там с января по 18 июля 1835 г. Не устроившись в Москве, возвратился в Чембар. 13 сентября 1835 г. К. Г. Белинский был определен в число канцелярских служителей Чембарского уездного суда. Умер, находясь в отставке, 16 января 1863 г. См. сб. «В. Г. Белинский. 1848—1948», Пенза, 1948, стр. 146—147.

109. Г. Н. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

〈Чембар, 21 января 1835 г.〉

Виссарион Григорьевич.

Предоставляю при сем тебе последнего моего сына, а тебе меньшого брата, по требованию твоему взять на свое коего содержание, не оставь его; я ныне нездоров, когда время подкрепит ослабшие мои силы, тебя не забуду.

И к тебе написал сию записку с дрожащею рукою, происшедшей в правлении в Елисейские поля, ты не подумай, чтоб сия смертность происходила от возбуждающих средств [1].

Остаюсь твой доброжелательный отец

Григорий Белынский

21 генваря 1835 года

P. S. Попроси Алексея Петровича о неоставлении Константина.

[1] Это письмо, посланное Г. Н. Белинским при отправлении к Белинскому его брата — Никанора, было, вероятно, одним из последних писем отца; Г. Н. Белинский скончался в ночь с 3 на 4 июля 1835 г., не пережив и годом своей жены. См. сб. «В. Г. Белинский. 1848—1948», Пенза, 1948, стр. 159.

110. Е. П. ИВАНОВА — БЕЛИНСКОМУ

Керенск, 1835 года, января 25

Я опять собралась написать вам коротенькое, маленькое письмецо, любезный Виссарион Григорьевич. Что делать! Не могу писать письма, как только в миниатюре — в миниатюре во всех отношениях. Не прогневайтесь на меня за это. Чем богата — тем и рада. Но, впрочем, по-моему, лучше писать маленькие письма, нежели не писать никаких. Вот, например, я вот в миниатюре, да пишу вам изредка, а вы и вовсе никогда. Я бы весьма была довольна и тем, чтобы писали ко мне в таком же количестве, как я вам пишу, а вы, monsieur le savant*, так загневались против нас, провинциалов, что даже нас малейшим вниманием не удостаиваете.

Вы желаете иметь мою французскую библию; посылаю вам, пользуйтесь ею сколько вам угодно, и когда она вам будет не нужна, то прошу мне ее возвратить. Я много дорожу этой книгой, как по ее достоинству, так и потому больше, что она мне подарена Иваном Осиповичем в знак памяти.

Что вы не побываете в наших местах, уж как бы хотелось повидаться с вами! Неужели вам нет возможности приехать сюда? Какой бы отрадой был приезд ваш для Александры Григорьевны и Дарьи Евсеевны! ⟨...⟩

Приписка П. П. Иванова (отца):

При сем и я, милостивый государь Виссарион Григорьевич, свидетельствую усерднейшее мое почтение и благодарю покорнейше за неоставление Пети. Прошу вас особенно продолжать ему ваши наставления и уведомить, почему он остался не помещенным в гимназию ⟨...⟩

В опускаемой части приписки П. П. Иванов запрашивает о мерах, принятых для определения в гимназию его сына Петра.

111. Е. П. ИВАНОВА — БЕЛИНСКОМУ

Керенск, апреля 25 ⟨1834—1835 г.⟩

Милостивый государь
Виссарион Григорьевич!

Я чрезвычайно сожалею, что переписка моя с вами так давно прекратилась. Совершенно обвиняю себя в этом и от всей души прошу вас извинить меня и не лишать того дружественного расположения, которым я прежде пользовалась и которое для меня всегда неоцененно. Я полагаю, что вы совсем меня забыли или имеете какое-нибудь особенное на меня неудовольствие, потому что вы на письмах своих ни с кем и нигде обо мне не вспоминаете; пожалуйста, объясните мне причину этого, а то меня очень огорчает такое забвение ваше.

Я не в состоянии выразить, как мы все вам благодарны за ваше старание об Петеньке, а особливо папенька не знает, ⟨как⟩ оценить ваше одолжение. За обязанность сочла бы я отплатить вам сколько-нибудь, заняться французским языком с Никанорочкой, но он такой стал лютой зверь, что к нему страшно приступиться; как жаль, что мальчик с такими дарованиями испорчен так, что едва ли его можно будет исправить. Но простите меня, что я вам напоминаю о таком предмете, который, может быть, вас много огорчает ⟨...⟩

В заключение моего письма еще прошу вас простить за мое молчание, не мстить мне; пожалуйста, Виссарион Григорьевич, не откажите мне в удовольствии получать приятные для меня ваши письма, вы этим совершенно обяжете искренно почитающую и уважающую вас

Катерину Иванову

---

* Господин ученый (фр.).

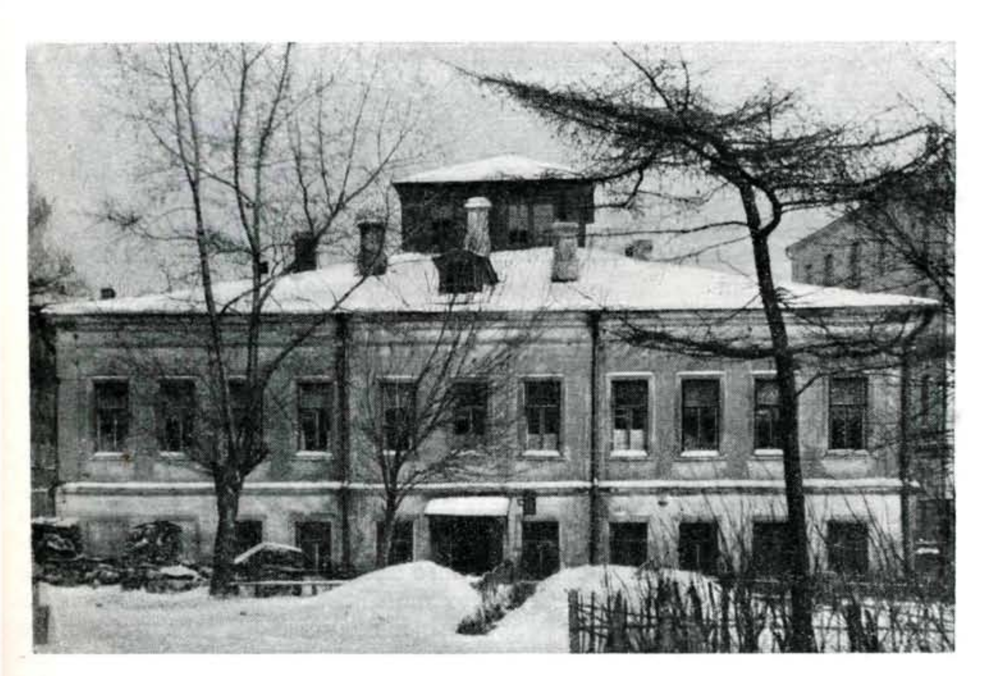
В опускаемой части письма Е. П. Иванова сообщает подробности о своей жизни.
Упоминаются: В. П. и Ф. С. Ивановы.

112. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар, 1835 года. Августа 1 дня.

Любезный брат,
Виссарион Григорьевич!

Наконец, к радости сестры, бабушки и всех домашних приехал я в Чембар 26 числа июля, в пятницу, часу в 1-м утра, пробыв в дороге восемь дней[1] ⟨...⟩ Вечером того дня получили твои письма, кои я и прочел, кому следует[2] ⟨...⟩ Спроси Алексея Петровича, чтобы он сказал тебе, можно ли будет прямо от тебя послать в Пензу прошение в Консисторию о выдаче свидетельства ⟨о рождении и крещении Никанора Белинского⟩, и ежели можно, то и пошли, а ежели почему-либо невозможно, то пришли ко мне рублей 25 денег, чтобы мне выхлопотать, без коих с нашим братом, подьячим, и не сладишь ⟨...⟩ Данные тобою деньги, 25 ассиг⟨нациями⟩, мною отданы сестре, но только не все, а четыре талера, ибо я в Рязани разменял бывшую ассигнацию, потому что недостало денег на дорогу, а потому и прошу тебя, именем сестры, прислать ей сколько будет можно денег, без коих ей плохо, ибо все купить надобно, а нас пять человек теперь (бабушку с Анною не включаю в число сие потому, что она особенно имеет стол). Я же прошу тебя, или напоминаю, чтобы ты прислал мне обещанный экземпляр книги: Стихотворений Кольцова и о «Телескопе» с «Молвою» (мод картинок) ⟨...⟩ Бабушка, сестра и все домашние тебе кланяются. Алексею Петровичу, Дмитрию, Никанорочке, Петеньке кланяюсь и всех вас заочно целую.

БЫВШИЙ «РЕКТОРСКИЙ ДОМИК» ВО ДВОРЕ СТАРОГО ЗДАНИЯ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. ЗДЕСЬ В 1836 г. ЖИЛ (У Н. И. НАДЕЖДИНА) БЕЛИНСКИЙ

Комната Белинского находилась во 2-м этаже

Фотография А. А. Сергеева, 1950 г.

Елизавете И. Шрейдер и Елеоноре Яковлевне тоже кланяюсь, равно и всем знакомым. Затем прощай, мой любезный. Помни и пиши ко мне ⟨...⟩

Бабушка благодарит тебя за письмо. Сестру папинька благословил.

В опускаемой части письма К. Г. сообщает о своем поступлении на службу; о хлопотах по назначению пенсии сестре и брату Никанору; подробности о смерти Г. Н. Белинского.

Упоминаются: Анна, А. Г., Г. Н. и Н. Г. Белинские, Н. Д. Брычев, Д. В. Гаврилов, Дмитриев, А. П., Д. Е., Е. П. и Ф. С. Ивановы, К. П. Исаев и П. Д. Юрьев.

[1] См. примеч. 2 к письму № 108.

[2] Эти письма Белинского неизвестны.

113. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар, 1835 года, августа 20 дня

Любезный брат
Виссарион Григорьевич!

2 числа августа я послал к тебе письмо, адресованное мною на имя Алексея Петровича, с передачею тебе, которое, я думаю, уже тобою и получено⟨...⟩ 24, 25 и 26 № «Молвы» я получил 17 числа, чему был очень рад и за что тысячу раз благодарю тебя, мой любезный,— в рассуждении просимого тобою мальчика скажу, что отец оного на отправление его согласен, равно и тот, но остановилось дело в том, что не с кем его отправить в Москву[1] ⟨...⟩ Бабушка, сестра и все домашние кланяются тебе и ждут на будущую весну в Чембар, как и я ⟨...⟩

В опускаемой части письма К. Г. Белинский сообщает о своем житье-бытье; о хлопотах, связанных с назначением пенсии сестре; просит о высылке доверенности и «деньжонок» («право, нужны»). Посылает поклон А. П., Д. П. и П. П. Ивановым, брату Никанору, Черкасовым, Владыкиным, П. Я. Петрову, А. М. Сахарову. Приветы родственникам повторяются в каждом письме К. Г. Белинского и в дальнейшем нами не оговариваются.

Упоминаются: А. Г. и Н. Г. Белинские, Владыкины, Д. В. Гаврилов, О. П. Говрзжецкий, А. П., В. П., Д. Е., Д. П., Е. П. и П. П. Ивановы, Д. К. и К. А. Исаевы, Кобце, Кугушев, А. Н. Лопатин, А. А. Панчулидзев, П. Я. Петров, А. М. Сахаров и Черкасовы.

[1] О крепостном мальчике Иване Федорове, выписанном Белинским в Москву, см. упоминания в «Письмах», I, 76, 82, 101; II, 21, 52, 55 и в №№ 114, 122 и 151 настоящей публикации.

114. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар, 1835 года. Сентября 26 дня

С особенным удовольствием берусь за перо и спешу уведомить тебя, любезный брат, что я, благодаря милосердого бога, определен, наконец, в Чембарский земский суд ⟨...⟩ Письмо твое от 29 августа я получил 6 сего сентября[1], на которое и скажу тебе, что я получил «Молвы» 12 №№, а «Телескопа» 6 №№ и 10 листов «Живописного обозрения», за присылку коего приношу тебе, брат, чувствительную мою благодарность; ты оным доставил мне тысячу удовольствий, тем более, что я получил его неожиданно. Ты доказал мне, что меня любишь и стараешься доставить приятное и полезное чтение, присылая «Телескоп» с «Молвою» и «Живописное обозрение». В Чембаре книг хороших достать негде, а особливо таких; здесь не заботятся о образовании ума и сердца, а о желудке имеют лишь печение. Ты пишешь, что по временам будешь присылать и другие мне книги, очень

рад и благодарю тебя, мой друг, за такое твое о моей пользе старание; я во всю мою жизнь не в состоянии тебя отблагодарить за то, что ты для меня делал и делаешь; по крайней мере я чувствовать буду в сердце и молить за тебя милосердого бога, который ко мне столько милостив, что я узнал теперь ⟨...⟩

В Чембаре останавливались недавно проезжие из Москвы[2], тебе хорошо знакомые, как говорили они Ионовым, у коих останавливались они в доме, что ты к ним часто ходишь и поминаешь все о сестре и что будто бы ты получишь скоро 7000 тысяч ⟨!⟩ Напиши, пожалуйста, кто они такие, а я скажу, что они родня помещику Пензенского уезда З о л о т а р е в у, у коего наш Н. Г. Спицын взял жену себе.

Напиши еще, пожалуйста, присылать ли тебе того мальчика, о коем ты писал прежде, ибо отец оного то и дело докучает мне насчет сего, потому что он его отдает в услужение по разным местам ⟨...⟩ Нельзя ли тебе прислать согласие на бумаге, что мы дом сестре отдаем, для переделания крепости на ее имя, без чего и продать ей нельзя будет, ибо дом по закону принадлежит сыну или сыновьям.— Доволен, очень доволен тобою, любезный брат, за твою ко мне любовь и попечение о мне; ибо ты один только любишь меня и печешься о моей пользе, как о своей собственной: я счастлив тобою!.. ⟨...⟩

Бабушка и все домашние тебе кланяются ⟨...⟩ Сестра просит, нельзя ли будет с попутчиком прислать ей замши для башмаков.

Приписка А. Г. Белинской: И я, милый братец, уведомляю тебя о себе ⟨...⟩ Прошу тебя, не откажи прислать доверенность ⟨...⟩

В опускаемой части письма К. Г. Белинский сообщает подробности о своем поступлении на службу; передает семейные новости и поручения братьям Ивановым. А. Г. Белинская сообщает о своем намерении продать старый дом и купить новый.

Упоминаются: А. Г. и Н. Г. Белинские, А. В. Великопольская, Л. С. и М. А. Владыкины, В. Данилов, Н. А. Дьячков, Дьячковы, Золотарев, А. П., Д. Е., Д. П., П. П. и Э. Я. Ивановы, Ионовы, Е. П. Лопатина (Иванова), Н. Пулин, А. М. Сахаров, Цвернер, Черкасовы и Яков Андреевич.

[1] Это письмо Белинского неизвестно.

[2] Кто были эти проезжавшие через Чембар знакомые Белинского, не установлено. Судя по тому, что К. Г. Белинский, говоря о них, употребил местоимение «онѣ»,— речь идет о женщинах.

115. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар, 1835 года, 17 октября

Любезный брат!

В последнем письме моем от 26 сентября уведомлял я тебя, что я по милости бога определен, наконец, в земский суд и о прочем ⟨...⟩ 7 № «Телескопа» и 14 листов «Живописного обозрения» и 35, 36, 37, 38 №№ «Молвы» получил, за что и благодарю ⟨...⟩ Домашние все тебе кланяются. Пожалуйста, пиши подробнее обо всем ⟨...⟩ До будущего свидания*⟨...⟩

В опускаемой части письма К. Г. Белинский сообщает о переезде семьи в новый дом и передает чембарские новости.

Упоминаются: А. Г. и Н. Г. Белинские, Васильев, Л. С. Владыкина, И. М. Декартов, А. П., Д. Е., Д. П. и П. П. Ивановы и Козицын.

* В июне 1836 года. Понимаешь? — П р и м. К. Г. Б е л и н с к о г о.

116. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар, 1835 года, ноября 28 дня. № 7-й

Любезный брат!

Не знаю, чему и приписать твое молчание; обвинять тебя или нет — не могу и придумать. Три письма послал к тебе и ни на одно из них не получал от тебя ответа ‹...› Что такая за немилость ко мне? Скажи, бога ради; кажется мы с тобою живем ладно. Точно, ты теперь занят изданием «Телескопа» и другими делами, я это знаю; но все-таки можно уделить двадцать минут на то, чтобы написать ко мне... хоть несколько строк и уведомить о себе, своих делах, надеждах, о брате Никанорочке, его успехах в учении и поведении, также и приятеле его Петиньке и друзьях моих Алексее и Дмитрии Петровичах; ведь они мне родные. «Телескоп» с «Молвою» и «Живописное обозрение» получаю я своевременно, как ты и писал мне о сем. «Телескопа» получено мною четыре №№, «Молвы» до 44 №, «Живописного обозрения» всего 18 листов. О последнем скажу тебе, что я читаю оное с жадностию и великим удовольствием, равным образом и «Телескоп», в коем мне нравится статья твоя: «О русской повести и повестях г. Гоголя». Ты, может быть, подумаешь, прочтя сии строки, что я потому хвалю, что она писана тобою, как моим братом [почему так и хвалю я]. На это скажу тебе, что твоими сочинениями не я один восхищаюсь, а многие из московских литераторов и читающих, как г. Башилов, в письме своем к Надеждину хвалил твои «Литературные мечтания», что тебе известно, и даже сам читал то письмо ‹...›

В свободное ‹...› от должности время читаю «Телескоп» с «Молвою» и «Живописное обозрение» ‹...› Из полученного мною 23 ноября 44 № «Молвы» узнал я о вышедших в свет Стихотворениях А. Кольцова, почему и прошу тебя, брат, как ты мне и обещал, прислать оные чрез газетную экспедицию Московского почтамта ‹...›

Умоляю и прошу тебя писать ко мне скорее и подробнее обо всем ‹...›

В опускаемой части письма К. Г. Белинский сообщает о своих успехах по службе, о смерти нескольких земляков. Просит выслать 25 рублей для получения консисторского свидетельства о рождении брата Никанора («Скажу тебе, ежели хочешь, чтоб Никанор был в университете, то присылай деньги, хоть займи, а то после хуже будет...»).

Упоминаются: Андреев, Анна, Антюшин, Н. Г. Белинский, А. и Н. А. Васильевы, Владыкины, Д. В. Гаврилов, Гриероссова, П. Г. Давыдов, И. М. Декартов, Дмитриев, А. Я., П. Я. и Я. Е. Дорофеевы, Егоров, В. Жилинский, А. П., Д. П. и П. П. Ивановы, А. Я. Невешкинский, Я. Теплов и Черкасовы.

117. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар, 1836 года, июня 12 дня. № 12

Любезный брат,
Виссарион Григорьевич!

Приятнейшею почел обязанностию уведомить тебя, что сестре Александре, вследствие просьбы ее, выдано из Чембарского уездного казначейства 630 р. ас. единовременного пособия ‹...› Благодарю тебя, любезный брат, тысячу раз за получаемый мною «Телескоп» с «Молвою» сего года, коим доставляешь мне очень много приятного чтения; в числе прочих статей есть в оном и твои, из коих понравилась мне очень: «Отчет г. Надеждину за прошлое полугодие (1835) русской литературы». В рассуждении дома нашего, скажу тебе, что на поправку его надобно употребить рублей 300,

и тогда он будет довольно покоен зимою 〈...〉 Ежели бы приехал ты, любезный брат, *тогда бы устроил все сам!!! как знаешь в доме нашем!!!* а теперь у нас никакого, как говорится, толку нет — все разноголосица; меня ж сестра не слушает и не хочет ни в чем со мною посоветоваться, *хотя и могу ей всегда дать во всем хороший совет, ибо, благодаря бога, имею рассудок разумного существа!!! и кое-что получив от чтения книг, скорее ее могу видеть добро и худо!!!* Что ж делать! Не хотят, то бог с ними! Вольному воля, а спасенному рай, как говорится.

Не получая от тебя столь долгое время письма в ответ на мое о согласии или несогласии приехать к нам, в Чембар, я не знаю, что об этом и подумать, но только знаю, что сердиться тебе на меня не за что и даже грех, ибо я чувствую себя, что совесть моя ни в чем и ни за что не упрекает мне. Обиды никакой тебе не сделал, да и за что, спрашиваю, буду на тебя сердиться? тогда как я люблю тебя по-братски и очень хорошо умею

ОСНОВАНІЯ РУССКОЙ ГРАММАТИКИ,

для первоначальнаго обученія,

составленныя

Виссаріономъ Бѣлинскимъ.

М. 1837 г. (8) въ т. Н. Степ. цѣна 4 р. 20 к., *за пересылку прилагается за 1 ф. — для желающихъ взять сей Грамматики не менѣе ста экз., дѣлается 50 руб. УСТУПКИ.* **пересылка же оной остается на щетъ покупщика.**

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ВЫХОДЕ В СВЕТ И ПОСТУПЛЕНИИ В ПРОДАЖУ КНИГИ БЕЛИНСКОГО «ОСНОВАНИЯ РУССКОЙ ГРАММАТИКИ»

Объявление было помещено в «Прибавлениях» к газете «Московские ведомости» № 46 от 9 июня 1837 г.

ценить то, что ты для меня делал и делаешь; повторяю: *я еще не совсем по форме провинциял, а сколько-нибудь похожу на образованного человека*; следовательно, умею понимать и ценить все, как человек с чувствами и понятиями!!! Но довольно! Что твердить одно и то же тому, кто все это знает[1].

Сделай милость, брат, приезжай к нам скорее: все тебя ждут с нетерпением, а ты и писать к нам не хочешь 〈...〉 Нет! видно ты не любишь и забыл нас. По крайней мере скажи, за что и на кого больше.

Бабушка, слава богу, здорова, она тебе и Никанорочке кланяется, равно и все домашние. Анна Васильевна Великопольская тоже кланяется тебе 〈...〉

В опускаемой части письма подробности о пенсии и единовременном пособии, выданном сестре; о ремонте дома; чембарские новости.

Упоминаются: А. Г. и Н. Г. Белинские, М. А. Владыкина, А. П., Д. Е., Д. П. и П. П. Ивановы, Козицын, М. Н. Кузьмин, С. И. Рейтаров, Е. Ф. Черкасова и И. И. Югов.

[1] Строки, выделенные нами *курсивом*, подчеркнуты в рукописи Белинским Ему же принадлежат иронические восклицательные знаки.

118. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар, Июля 3 дня, 1836 года. № 13

Любезный брат,
Виссарион Григорьевич!

Начинаю письмо мое уведомлением, что ездивши я недавно в Пензу для получения на 28 дней отпуска на проезд к тебе в Москву с сестрою, получил из консистории столь нужное о рождении и крещении Никанорочки свидетельство ⟨...⟩ «Телескопа» на 1836 год я получил 8 №, прошлого года 16 №, «Молву» всю, а «Ж⟨ивописного⟩ обозрения» 44 листа. За все благодарю тысячу раз тебя, любезный брат. В Чембаре в свободное от должности время одна для меня отрада — книги, любезные книги, и потому мне нужно — хлеба, чтоб не умереть физически, а книг, чтоб нравственно не умереть. Присылай их, прошу тебя, чаще. Прощай ⟨...⟩

В опускаемой части письма просьба к А. П. Иванову ходатайствовать перед П. Д. Юрьевым о назначении К. Г. Белинского столоначальником и чембарские новости.

Упоминаются: А. Г. и Н. Г. Белинские, Великопольские, Е. В. Декартова, А. П., Д. Е., Д. П. и П. П. Ивановы, М. Н. Кузьмин и П. Д. Юрьев.

119. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар, 11 сентября 1836 года. № 14-й.

Любезный брат,
Виссарион Григорьевич!

Вздумал я жениться и уже нашел себе по сердцу невесту, Александру Капитоновну Исаеву ⟨...⟩ Объяснив тебе о сем, я прошу теперь твоего, брат, совета, что мне делать: жениться или нет; на первое, я думаю, ты скорее будешь согласен ⟨...⟩ Пиши, пожалуйста, с первою же по получении письма сего почтою, что и как ты о сем думаешь, ибо я люблю тебя и не хочу без твоего согла⟨си⟩я жениться, хотя мне 18 сентября и стукнет 24 года, а я сирота!.. Книги от тебя получил, за что и благодарю от души ⟨...⟩ «Телескопа» 1836 года получил 11 №№, а 1835 — 20 №№ ⟨...⟩

В опускаемой части письма К. Г. Белинский сообщает о своих служебных делах и о пребывании Николая I в Чембаре.

Упоминаются: А. Г. и Н. Г. Белинские, Великопольские, А. П., Д. Е., Д. П. и П. П. Ивановы, А. К., Д. К. и К. А. Исаевы, Николай I, Черкасовы и П. Д. Юрьев.

120. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар. Октября 1 дня 1836 года. № 15.

Любезный брат,
Виссарион Григорьевич!

Письмом моим от 11 сентября я уведомлял тебя, что я сватаю себе у Капитона Андреевича Исаева дочь ⟨...⟩ Как теперь, по милости и соизволению бога, я имею невесту, а сестра жениха, то и прошу тебя именем священного союза родства и любви не оставить нас своим драгоценным для нас присутствием при церемонии наших свадеб. Ах! друг мой! Как редко это бывает, чтобы сестра с братом в одно почти время имели у себя жениха и невесту ⟨...⟩ Брат! Сделай милость, приезжай к нам и замени собою нам отца в сей важный час торжества наших обетов пред престолом спасителя — быть добрыми, мне мужем, а сестре женою ⟨...⟩

Приписка А. Г. Белинской:

И я, милый братец, уведомляю тебя о помолвке моей, не знаю, будешь ты этому доволен; милый братец, приезжай к нам, если можно, ты нас очень утешишь, теперича буду беспокоить моею просьбою, купи мне часы подарить жениха, деньги я пришлю как возьму с Пономарева, сделай одолжение, исполни мою просьбу, деньги пришлю.

А. Б.

В опускаемой части письма К. Г. Белинский сообщает подробности о своем сватовстве; описывает семью невесты; извещает о помолвке сестры с М. Н. Кузьминым.
Упоминаются: Е. В. Анфельц, А. Г. и Н. Г. Белинские, Гороховские, А. П., Д. П. и Ф. С. Ивановы, А. К., В. К. и Д. К. Исаевы, В. А. Керский, М. Н. Кузьмин, П. И. Перлатов, С. И. Рейтаров и И. И. Югов.

121. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар, 9 октября 1836 года

Любезный брат,
Виссарион Григорьевич!

Как помешанный хожу взад и вперед по комнатам с выступившими на глазах слезами, думая о том, что родная бабушка и крестная мать отказала в крайней моей нужде, снабжением денег для отдачи портному ⟨...⟩ Ежели ты мне брат не по одному звуку слова, а любишь меня за что-нибудь, то ради самого милосердого бога приезжай ко мне на свадьбу — я буду ждать тебя с нетерпением, как моего утешителя. Родные невесты моей тоже очень желают видеть тебя у нас в сей торжественный для меня ...* час моей женитьбы ⟨...⟩

Приезд твой ко мне будет для меня большою радостию ⟨...⟩ Теперь, ежели ты мне брат, то приезжай ко мне, а в противном случае я забуду сам тебя. Довольно! Прощай, душа моя! Желаю тебе благополучного пути до Чембара ⟨...⟩

В опускаемой части письма К. Г. Белинский жалуется на бабушку и сестру («О люди, люди, кто постигнет вас! О времена! о нравы!» и т. п.).
Упоминаются: А. Г. и Н. Г. Белинские, А. П., Д. Е., Д. П. и П. П. Ивановы.

122. Д. П. ИВАНОВ — БЕЛИНСКОМУ

Москва, 1837 года, июня 18-го

Любезный Виссарион!

За болезнию Николая, я принял на себя обязанность отправить к тебе книги. Посылаю тебе Грамматику Греча и Востокова и два экземпляра твоей Грамматики. Извини, что не мог выслать их с первою почтою, по получении письма твоего; мы едва могли отыскать книги, а Логику Кизеветтера совершенно не нашли ни на немецком, ни на русском языке. На русском есть у Николая; но та, как говорит он, принадлежит ему и нужна для него самого; на немецком я просил чрез детей у ⟨М. А.⟩ Бакунина; но он сказал, что будет писать скоро свою и ему нужна тоже. Приискивая книги, я пропустил почту и рад душевно, что хоть теперь могу отчасти исполнить твое желанье.

Продажа твоей Грамматики идет чрезвычайно медленно, несмотря на то, что об ней объявлено от Глазунова и Полевого в одном из нумеров газет прошедшей недели; экземпляра три я продал на своих уроках.

* Многоточие в подлиннике.

К Глазунову и Полевому отнесено по 25 экз⟨емпляров⟩ давно уже, а денег за них не получали ни копейки, сам Глазунов уехал в Петербург, и относиться не к кому. ⟨К. С.⟩ Аксаков приходил к Николаю и говорил, что он напишет свое объявление о продаже и напечатает его; между тем сказывал, что Степанов просит денег за напечатание. Со всех сторон нужны уплаты, а дохода от продажи получено только 12 р. ас. и то с моих уроков; в дом решительно не приходит никто, и в 3 недели у Глазунова продано только 3 экземпляра; мы с братом тоже обедняли деньгами, лето лишает меня уроков — и теперь нет никакой возможности подвинуть дело вперед ⟨...⟩ Дети живут в твоем кабинете и ходят туда через кухню. Занимаются они прилежно и много успевают — Никанор в немецком, а Петя в французском языке; часто ходят к Станкевичу, к меньшему брату, который еще остался в Москве для минеральных вод[1], также к ⟨М. А.⟩ Бакунину, который обещался учить их логике, истории и наставлять в занятиях языками; в свободное время я занимаюсь с Никанором русской грамматикой.—Когда будут деньги у меня и от твоей Грамматики, я постараюсь заняться их экипированием, достану лексиконов и книг, нужных для занятий. Вот тебе все подробности, какие только мог я припомнить для тебя второпях.

Пиши к нам о твоем здоровье, как оно? Помогают ли тебе воды и как живешь ты? Напиши, не нужно ли что предпринять для Грамматики, для детей. О квартире, содержании не беспокойся: мы устроим так, чтобы источник денежный для расходов не пресекался; в случае нужды, я и брат поможем своими деньгами, и все твои просьбы, желания, распоряжения в точности будут исполнены. Я это говорю с уверенностию, с надеждою, происходящею от любви и уважения к тебе, которые сохраняются в глубине пустоты моей и сохранятся вечно, при всех возможных переменах в наших с тобою отношениях,— при всех представлениях твоих об нас. Кланяюсь и желаю здоровья всем вам.— Лечись прилежнее и не налагай худой славы на Кавказ; не беспокойся ни о чем и употребляй все средства для того, чтобы твое здоровье было совершенным перерождением, чтобы мы увидели в тебе человека, нового во всех отношениях, увидели юного, прекрасного; чтобы при встрече не ты должен был назвать меня своим племянником, но я тебя правнуком.— Нет на Кавказе Белинского, кроме Виссариона, а в Москве Дмитрия, как усердного слуги его, кроме Иванова.

Мой поклон Ваничке, скажи, чтобы он писал к отцу. Береги его, пожалуйста. Пришли хоть кусочек снежку с Эльбруса, чтобы прохладить уста, запекшиеся от жара и пыли! Ты оживаешь, мы умираем постепенно в нашем проклятом климате.

Пиши на имя брата в Сенат, если будешь писать к нам, и пришли свой адрес, о котором, я не знаю почему, ты забыл написать.

Книг из Петербурга я не получал, частно достать негде, хочу при первых деньгах хоть втридорога купить у Эльцнера. Заниматься решительно не по чему: особенно книг нет таких, каких мне нужно.

Бакунин сказывал, что Н. А. Полевой будет писать в «Библиотеке для чтения» об твоей Грамматике.

Бакунин обещал помогать в деньгах для твоей квартиры; достал для детей учителя латинского языка, и они скоро будут ходить к нему учиться, даже хотел Петю сводить к Лангеру учиться на фортепьянах[2].

В опускаемой части письма Д. П. Иванов сообщает о своих домашних делах. Упоминаются: Дарья Титовна, Н. П. Иванов и А. И. Красовский.

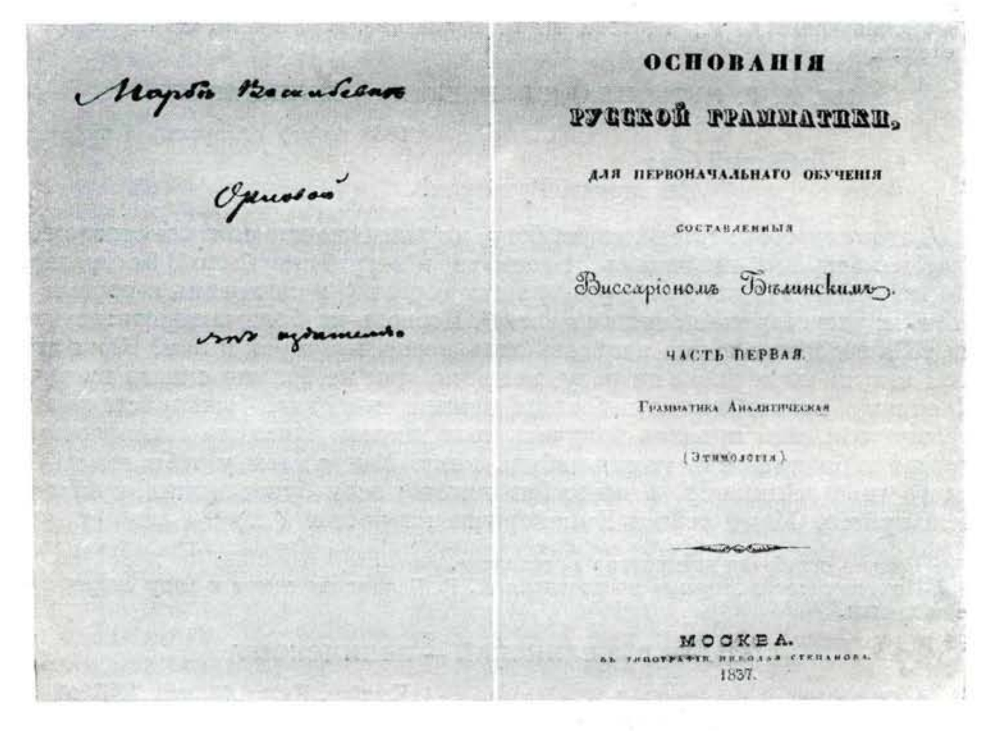
[1] «Меньший брат» Н. В. Станкевича — Александр Владимирович Станкевич (1821 — 1912), о котором см. в «Лит. наследстве», т. 56, стр. 104—106 и 282—290. В письме от 21 июня 1837 г. Белинский писал брату Никанору и П. П. Иванову: «К Станкевичу можно ходить чаще, раза два или три в неделю. Постарайтесь с ним сблизиться, это знакомство будет вам полезно, потому что он умный и образованный малый; вы дети в сравнении с ним» («Письма», I, 77).

[2] Ответное письмо Белинского — от 3 июля 1837 г. — см. «Письма», I, 81—82.

123. А. Г. КУЗЬМИНА (БЕЛИНСКАЯ) — БЕЛИНСКОМУ

1837 году, декабря 16 чи⟨сла⟩

Любезный брат Виссарион Григорич, по письму Петра Петровича я узнала, что ты возвратился с Кавказа, теперь надежда наша кончилась когда-нибудь тебя увидеть, так как ты писал, что заедешь к нам в августе или в сентябре, мы считали все дни и часы, чтобы тебя увидеть, но не знаю, по какому случаю ты этого не исполнил, даже не хотел уведомить о приезде своем ⟨...⟩ Петр Петрович пишет, чтоб прислать тебе грамоту или копию грамоты выхлопотать очень нетрудно и недолго, но на это надо деньги, и грамоту надо взять для всех, тебе, мне и Никанору, а как говорят, что это будет стоить рублей 50, потому я себе не беру грамоты,

ОСНОВАНІЯ
РУССКОЙ ГРАММАТИКИ,
ДЛЯ ПЕРВОНАЧАЛЬНАГО ОБУЧЕНІЯ
СОСТАВЛЕННЫЯ
Виссаріономъ Бѣлинскимъ.
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.
Грамматика Аналитическая
(Этимологія).
МОСКВА.
Въ типографіи Николая Степанова.
1837.

ЭКЗЕМПЛЯР КНИГИ БЕЛИНСКОГО «ОСНОВАНИЯ РУССКОЙ ГРАММАТИКИ» С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ КРИТИКА М. В. ОРЛОВОЙ (ЕГО БУДУЩЕЙ ЖЕНЕ)

Музей при Московском университете им. М. В. Ломоносова

что не имею денег. С братом я помирилась и крестила у них сына. Акулина просится на волю, пришли, брат, пожалуйста, что нужно с твоей стороны. Спроси у Петра Петровича, как это сделать ⟨...⟩

Приписка М. Н. Кузьмина:

Любезный брат,
Виссарион Григорьевич!

Рекомендую Вам себя, как ближайшего Вам родственника, и прошу Вас не лишить меня Вашего расположения и Вашей любви. Лично видеть и познакомиться с Вами надежда моя, с возвращением Вашим из Кавказа прямо в Москву, не исполнилась ⟨...⟩

Брат Ваш
Михаил Кузьмин

Приписка К. Г. Белинского:

Любезный брат! После продолжительной ссоры с сестрою, а от того происшедшей и с тобою, я наконец по доброте своего сердца забываю все неудовольствия и ссоры, но хоть и не причисляю лично к себе, считая себя правым; ибо я неспособен и ненавижу вообще всяких неудовольствий ⟨!⟩, а особливо с родными по сердцу. Ты еще и не поздравил меня с женитьбою, а у меня уже родился сын Михаил 8 ноября, поздравления с рождением его я жду теперь от тебя, надеясь, что ты вспомнишь своего брата, которой на тебя никогда не имел причины бранить ⟨!⟩, а напротив часто, очень часто вспоминаю о тебе... и ето-то воспоминание отгоняет от меня в часы грусти земную грусть души ⟨...⟩

В опускаемой части письма — сообщение о серьезной болезни бабушки—Дарьи Евсеевны Ивановой; семейные новости.

Упоминаются: А. Г., К. Г. и Н. Г. Белинские, Владыкины, П. П. Иванов и Щетинин.

124. А. Г. КУЗЬМИНА (БЕЛИНСКАЯ) — БЕЛИНСКОМУ

1838 го⟨да⟩ ⟨февраля⟩ 4 чи⟨сла⟩[1]

Любезный брат
Виссарион Григорич!

Уведомляю тебя, что мы, слава богу, здоровы, но нас опять постигло несчастие: бабушка скончалась 31 генваря, а погребение было 2 фе⟨враля⟩. Но, впрочем, это несчастие уже не так горестно в сравнении с первым и вторым: уже старуха пожила на свете[2]. Позволь-ка, брат, попенять: неужели тебе недостает время написать хоть несколько строк к нам? Как я вышла замуж, ты не писал ни разу, кажется, или не больше одного письма. Как видно, мы о тебе помним больше, нежели ты об нас. Пожалуйста пиши, прошу тебя, нам приятно получать твои письма. Михайла Никифорович просит тебя прислать каких-нибудь книг. Мы думаем, у тебя их очень много даже и лишних, а он любит читать; если будет оказия, пришли, пожалуйста. Миша тебе и Никанорочке кланяется ⟨...⟩

[1] Письмо ошибочно датировано «4 генваря».

[2] Под «первым и вторым» несчастьями А. Г. Белинская имеет в виду смерть матери и отца.

125. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар. Июня 13 дня, 1838 года[1]

Любезный брат,
Виссарион Григорьевич!

В письме своем, мною полученном сего же числа, ты пишешь насчет присылки тебе копии с формулярного о службе покойного батюшки согласия цесаревича Константина Павловича на крещение тебя и копии с грамоты о дворянстве, выданной мне; на что скажу тебе о первой, что оную можно получить скоро, а второй, что она уже еще в 1838⟨!⟩ году отдана мною сестрице Федосье Степановне для пересылки тебе в Москву, а о последней, что оную тоже можно скоро исхлопотать, ежели поехать самому в Пензу, и с деньгами, но как я ныне да и никогда почти в руках не имею, а без них, проклятых, ничего сделать нельзя ⟨...⟩ Ежели желаешь скоро получить означенные копии, то немедленно присылай денег. Я со своей стороны готов для тебя хлопотать. Очень рад, что ты нашел себе должность, с чем и поздравляю тебя; желаю получить желаемый тобою успех[2].

Благодарю тебя, друг мой, за присылку мне книжки «М⟨осковского⟩ наблюдателя». Уведомь меня, буду ли я получать и следующие оного книжки. Сын мой, а твой племянник заочно целует тебя... Да! Ах! извини, брат, за грамматику благодарю тебя: я получил оной 3 экземпляра ⟨...⟩

В опускаемой части письма К. Г. Белинский перечисляет расходы, связанные с получением документов.

[1] Это письмо является ответом на опубликованное в отрывке («Письма», I, 188) письмо Белинского и несколько уточняет его датировку.

[2] Белинский сообщил брату о своем поступлении в качестве учителя в Константиновский межевой институт.

126. А. Г. КУЗЬМИНА (БЕЛИНСКАЯ) — БЕЛИНСКОМУ

1838 года, ноября 1 число

Любезный брат
Виссарион Григорич!

Я виновата, что так долго не писала к тебе — с нами был довольно неприятный случай по службе моего мужа ⟨...⟩ Прошу, брат, уведоми меня насчет грамоты — получили или нет — я подавала, но мне сказали, чтобы я представила все документы покойного отца и свидетельства о рождении. Проси, пожалуйста, на всех — тебе все равно одни хлопоты и издержки ⟨...⟩

В опускаемой части письма А. Г. Кузьмина сообщает подробности о служебных неприятностях своего мужа и семейные новости.

Упоминаются: Н. Г. Белинский, А. и В. Даниловы, А. Н. Красовская, М. Н. Кузьмин, А. Никифорова, С. И. Рейтаров и Ухменцев.

127. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар, 1838 года, ноября 15 дня

Любезный брат,
Виссарион Григорьевич!

Покойная наша мать, умирая, завещала нам отпустить на волю Авдотью, которая была записана и по сказкам 8 ревизии за нею; следовательно, нам, как оставшимся после ее наследникам, должно было исполнить волю той, которой мы обязаны жизнию ⟨...⟩ Сестра же наша ⟨...⟩, решившись отпустить ее на волю, просит с нее 100 рублей, которые деньги она хоть дать ей и согласна, но для нее эти деньги стоят дорого, и она каждый рубль должна оплакать. Я, как тоже наследник и имея право в получении следующей от оных денег четвертой части, начал ей о том говорить, а она сперва было и соглашалась, а напоследок изъявила несогласие и хотела писать к тебе, как к старшему брату. Узнав о том, я тоже вздумал писать к тебе, в предупреждение ее письма, зная ее несправедливость в жалобах на меня, что̀ уже было в 1836 году во время моей женитьбы. Она тебе то насказала на меня, чего я и во сне не говорил, тем самым расстроила меня с тобою и с родными, хоть я и не был перед ними виноват ⟨...⟩ Брат! Если ты попрежнему любишь меня, то прошу тебя, немедленно отвечай на письмо мое и научи, что мне делать в рассуждении Авдотьи, которая за претерпенные ею горести и заслуги сто̀ит чтоб отпустить на волю, не брав с нее ни копейки, которые для нее дороже всего[1]. Сделай милость, уведомь меня, что̀ твоя грамота. Дмитрий Капитонович ⟨Исаев⟩, бывши с губернатором в Чембаре, говорил мне, что он постарается помочь в скорейшем получении грамоты.

«Наблюдателя» я получил 8 книжек, за что вторично от души тебя благодарю — им доставляешь мне тысячу удовольствий ⟨...⟩

В опускаемой части письма К. Г. Белинский сообщает семейные новости.

Упоминаются: А. Г., А. К. и Н. Г. Белинские, А. и В. Даниловы и А. П., Д. П. и П. П. Ивановы.

[1] См. выше письма №№ 94-а и 96.

128. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

⟨1838 г.?⟩

Любезный брат,
Виссарион Григорьевич!

Посылаем тебе копию с формулярного списка о службе покойного батюшки и копию с выданной мне грамоты о дворянстве и согласие великого князя Константина Павловича; формы же просьбы о выдаче из собрания грамоты не посылаю, ибо затерял; о ней ты можешь справиться в Двор⟨янском⟩ собрании. О дальнейшем действии о выдаче тебе... грамоты я буду стараться чрез посредство Исаевых ⟨...⟩

В опускаемой части письма К. Г. Белинский, ссылаясь на свою занятость, обещает писать позднее более обстоятельно.

129. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар, 16 июня 1839 года

Любезный брат,
Виссарион Григорьевич!

Доставитель сего письма, брат жены моей, Дмитрий Капитонович, с коим я от души желаю тебе познакомиться не как с чужим, но уже близким тебе по мне[1]. Благодарю тебя за доставляемый тобою «Наблюдатель» — им доставляешь мне тысячи удовольствий. «Пятидесятилетнего дядюшку» я прочел и восхищаюсь им не потому, что он писан тобою, как близким мне по сердцу, но по хорошему взгляду на жизнь провинциала. Прекрасная драма! ⟨...⟩

В опускаемой части письма К. Г. Белинский извещает о своих служебных успехах. Просит сообщить о свидании с Исаевым.

Упоминаются: А. К. Белинская и Д. К. Исаев.

[1] В письме к брату Константину от 9 апреля 1840 г. Белинский отзывается о Д. К. Исаеве как о «славном человеке», «бодрой и здоровой душе» («Письма», II, 99).

130. А. П. ИВАНОВ — БЕЛИНСКОМУ

Москва 23 декабря 1839.

Любезный друг Виссарион!

Все мы нижайше кланяемся тебе и желаем доброго здоровья и всякого благополучия. Лучше этого начала я никак не мог придумать, хотя и желал, чтобы не оскорбить твой изнеженный слух. Наша искренность к тебе может выра⟨жа⟩ться только такими словами ⟨...⟩ Прошу тебя, любезный друг, написать ко мне поскорее, в каком расположении ко мне Дмитрий Капитонович ⟨Исаев⟩. Если же подозрения мои несправедливы, то попроси его от себя похлопотать разведать о решении известного ему дела, о котором мы получили слишком неблагоприятные известия ⟨...⟩ Уверь его в нашей способности быть ему благодарными.— Как жаль, что мы с тобою не могли встретиться в Питере. Сделай одолжение, напиши к нам о твоем житье-бытье и надеждишках. Мы часто вспоминаем об тебе, и эти воспоминания трогают сердце.— Нам скучно без тебя. Прощай! Будь здоров и пиши к нам ⟨...⟩

Аг⟨аша⟩ тебе кланяется и целует ⟨...⟩[1]

В опускаемой части письма подробно излагается поручение А. П. Иванова и дается петербургский адрес Д. К. Исаева.

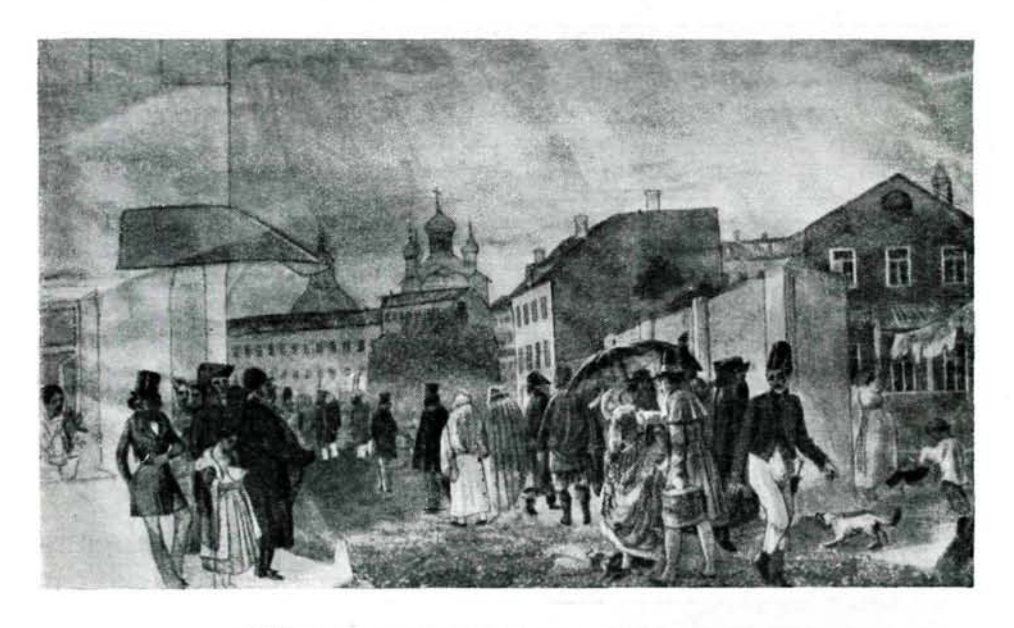
Упоминаются: Д. К. Исаев и Сарьяни.

[1] Отклик Белинского на это письмо — см. «Письма», II, 21.

131. Д. П. ИВАНОВ — БЕЛИНСКОМУ

Москва. 1840 г. Генваря 1-го.

Угадывая причину твоего продолжительного молчания, любезный Виссарион, я понял, наконец, что ты ожидаешь сперва от нас писем, вопреки обыкновению отъезжающих — уведомлять прежде самим о своем приезде[1]. Я давно предупредил бы тебя письмом моим, но Никанор неверно списал адрес твоей квартиры, и я до сих пор не знал, как писать к тебе.— День твоего отъезда, кроме грустного, тяжелого впечатления от разлуки с тобою, был ознаменован для меня еще домашнею бедою: в этот день я спохватился моих денег 50 р. ас., украденных накануне девчонкою, которую величали у нас барышнею Акулины. Крайняя нужда в деньгах для моих именин принудила меня ехать через несколько дней на свидание с Ксенофонтом Полевым, который сам давно желал видеться со мною. Он очень

МОСКВА. УЛИЧНАЯ СЦЕНА ВО ВРЕМЯ ДОЖДЯ
Акварель П. А. Федотова, 1837 г.
Третьяковская галлерея, Москва

радушно принял меня и, к счастию, рассчитывая томы Деяний Петра В⟨еликого⟩, сам предложил мне деньги за 10-й том оконченной корректуры, без всяких просьб и намеков с моей стороны. Узнав от меня о твоем отъезде в Петербург, он жалел, что не простился с тобою, и говорил, что не понимает причины, почему ты разошелся с ним и оставил посещать его.— Споры за литературные мнения с моим братом (так выразился он) не должны были мешать моему знакомству с Белинским; я не литератор, и это до меня не касается; я всегда любил и уважал Виссариона Григорьевича, всегда считал его благородным человеком. В разговоре о твоих будущих журнальных трудах он выразил несколько сомнений насчет денежных средств Краевского и, следовательно, о невозможности получить тебе скорых выгод от участия в его журнале. При расставании он приглашал меня на середные вечера свои, но я до праздника не был у него, думая, что буду лишним, страдательным лицом на этих вечерах. Дня три назад тому я был в другой раз у Полевого, по поручению Ржевского, насчет продажи Истории средних веков Лео. Когда разговор коснулся до тебя, то

он довольно сухо отозвался о том, что будто ты недобросовестно поступил с Степановым, взяв у него вперед денег 1000 р. ас., и уехал, не заработав и не возвратив этой суммы. Я опровергнул эту клевету ясными доводами— и он поверил мне.— Степанов, повидимому, везде так отзывается о тебе 〈...〉

Оканчивая письмо мое, прошу тебя уделить для нас несколько минут, написать нам о твоих делах, успехах в Петербурге, если веришь, что мы принимаем в них живейшее участие. Леонора тебе кланяется, за внучку я сам 〈...〉 Старушка Дарья Титовна просила также написать к тебе ее поклон[2]. Она изредка навещает нас и сокрушается от сомнений насчет твоего здоровья, когда мы скажем, что не получали еще от тебя ни строчки. Поздравляя тебя с новым годом и с новою жизнию, я думаю, что в Петербурге ты много переменишься, там люди живут в совершенном примирении с действительностию, совершенно занятые настоящим днем, без соболезнований о прошедшем и без веры в будущее. Прощай! В сладкой надежде получить от тебя хоть несколько строчек остаюсь с чувством всегдашней неизменной любви и уважения к тебе

Дмитрий Иванов

В опускаемой части письма Д. П. Иванов подробно описывает свои семейные и служебные дела.

Упоминаются: Н. Г. Белинский, А. П., В. П., Н. П., П. П., Ф. С. и Э. Я. Ивановы, И. Ф. Краузе, Павлов и Шарлотта.

[1] 21 февраля 1840 г., получив публикуемое письмо, Белинский сообщал Иванову: «Еще задолго до получения твоего письма ко мне от 1-го января я писал к тебе, любезный Дмитрий, и в этом письме на коленях просил у тебя прощения за мое молчание. Но ты переменил квартиру, не уведомив меня об этом, как это делают все порядочные люди, и потому мое письмо не дошло до тебя» («Письма», II, 51).

[2] Дарья Титовна — старушка, ведшая хозяйство Белинского; он ей сильно задолжал перед отъездом из Москвы. См. многочисленные упоминания о ней в «Письмах» в настоящей публикации. См. о ней также в наст. томе в сообщении Н. Розенблюма «Материалы о Белинском в архиве „Русской старины“».

132. Н. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Москва 1 января 1840.

Любезный брат
Виссарион!

Вот уже почти три месяца, как ты уехал из Москвы, но я с Дмитрием Петровичем не получил от тебя ни одного письма и поэтому не решался писать к тебе. После твоего отъезда я начал ходить ко всем тем, с кем ты меня познакомил: был у Грановского, он меня очень хорошо принял и теперь руководствует в изучении латинского языка, дает свои книги на этом языке и вообще советует, что̀ мне делать и как заниматься. К Аксакову я хожу довольно часто: он взялся поправлять мой русский перевод Вильгельма Мейстера. Он велел тебе сказать, что он познакомился с Лажечниковым и что тот ему очень понравился. Александра Яковлевна Петрова тебе кланяется и хочет знать, как ты поживаешь в Петербурге и каково идут твои дела. К Бакуниным я хожу очень часто, и они помогают мне в моих занятиях; я нашел в них умных и добрых молодых людей. Остаюсь любящий тебя брат твой

Никанор

P. S. Грановский тебе кланяется. Если твои обстоятельства позволяют тебе уделить что-нибудь от твоих расходов, то пришли мне сколько можно, потому что я обносился, а сверх того надобны некоторые книги.

Приписка Д. П. Иванова:

Уведомь меня, что̀ стоит в петербургских немецких лавках полное собрание сочинений Гете, не дешевле ли московского. Здесь продают 75 р. асс-

133. Д. П. ИВАНОВ — БЕЛИНСКОМУ

Москва. Февраля 15-го дня 1840

В большой радости были мы, любезный Виссарион, получив письмо твое[1]. Воображая всю многосложность твоих занятий, по приезде в Петербург, мы не надеялись от тебя ранних известий — и потому-то я особенно должен благодарить тебя за присылку письма ⟨...⟩ Никанор занимается и очень прилежно, судя по тому, что я редко вижу его без книги ⟨...⟩ К русскому языку и математике он чувствует, кажется, ожесточенную ненависть ⟨...⟩ Я бы желал, чтобы ты написал к нему письмо, сначала без выговоров, но просто потребовал бы у него отчета в успехах против каждой науки, какая только нужна для поступления в Университет ⟨...⟩ Много бы желал я писать к тебе, но добрый попутчик дожидается, и я тороплюсь отправить письмо. Посылаю тебе образок. Медленность в отправлении его произошла оттого, что я не знал, отправлен ли он, или нет, думая, что Ваня просил об этом Боткина. Еще посылаю тебе письмо ⟨А.В.⟩ Кольцова, которое при переезде на квартиру было затеряно мною и теперь отыскалось ⟨...⟩

Еще я вспомнил одну просьбу к тебе, любезный Виссарион. У тебя в Петербурге, с письмом от братца Алексея, был некто Николай Зотович Зотов. Недосуги помешали тебе побеседовать с ним.— Он живописец, не по мастерству, а по любви к искусству. Думая сделать для себя живопись и средством для внешней жизни, он упал в своих делах и не приобрел никакой выгоды от продажи своих произведений. Теперь ему хочется определиться к какому-нибудь купцу в качестве приказчика или конторщика. Алексей просил написать к тебе, с тем, что⟨б⟩ убедить тебя прислать нам рекомендательное письмо об нем к Василию Петровичу Боткину и просить его помочь в определении Ник⟨олая⟩ Зот⟨овича⟩ к месту. Пожалуйста, не откажи нам в этом и пришли письмо к Боткину при первой возможности. Ник⟨олай⟩ Зотович человек честный, любит труд и работу и оправдает вполне доверенность хозяина, у которого будет жить.— Исполнением просьбы много обяжешь нас, в особенности Алексея, который любит этого живописца без памяти[2].

Ты негодовал на меня за искажение адреса твоего.— Уверяю тебя, что я писал его всегда со слов письма твоего, как ты велел сам; притом ты никогда не уведомлял нас об твоей настоящей квартире, и я писал в контору «Отеч. зап.» только для передачи тебе. Алексей мог в этом ошибиться второпях, мог написать адрес по памяти, и притом же он не имеет от тебя писем.— Прошу тебя, во избежание будущих недоразумений, подробнее и обстоятельнее уведомить меня, как мы должны писать к тебе.— В Москве вышла брошюрка: «Деревенский телеграф днем и ночью», некоего помещика Чихачева, который имеет сына в Дворянском институте, а потому и посвятил книжечку воспитанникам Дв⟨орянского⟩ института. Я держал корректурку по просьбе автора, но он до того торопил меня с нею на 6-й неделе поста, что книга вышла кое-как. Будешь разбирать, не брани ⟨...⟩

Дарья Титовна живет теперь на даче и нередко посещает нас. Хорошо бы было, если бы ты поспешил послать ей деньжонок: она их не просит, но у нее нет ни копейки, и она говорит, что масленицу будет без блинов, если ты не пришлешь ей. Никанору тоже сколько-нибудь ⟨...⟩[3]

В опускаемой части письма Д. П. Иванов подробно сообщает о своих домашних и служебных делах, о бедственном своем материальном положении, о порядках в Дворянском и Межевом институтах. Из последнего его намерен уволить новый директор, и Д. П. просит Белинского через его «знатных знакомых» оказать влияние на директора Межевого корпуса — Пейкера. Подробно характеризует занятия и поведение Н. Г. Белинского.

Упоминаются: К. С. и С. Т. Аксаковы, М. Е. Архидиаконский, Бакунины, Н. Г. Белинский, И. В. Белов, Т. Н. Грановский, А. П., З. Д. и П. П. Ивановы, М. Н. Катков,

А. Н. Красовская, И. Ф. Краузе, Кусаков, В. И. Ланге, А. Мосолов, И. У. Пейкер, Петровы, В. К. Ржевский, П. Д. Савельев, А. М. Сахаров, Щетинин и П. Д. Юрьев.

[1] Речь идет о письме Белинского к Д. П. Иванову от 30 декабря 1839 г. («Письма», II, 20—22).

[2] В письме от 17 июня 1840 г. Белинский сообщил Иванову, что не может ничего сделать для Н. З. Зотова, так как В. П. Боткин в дела подобного рода не вмешивается («Письма», II, 140).

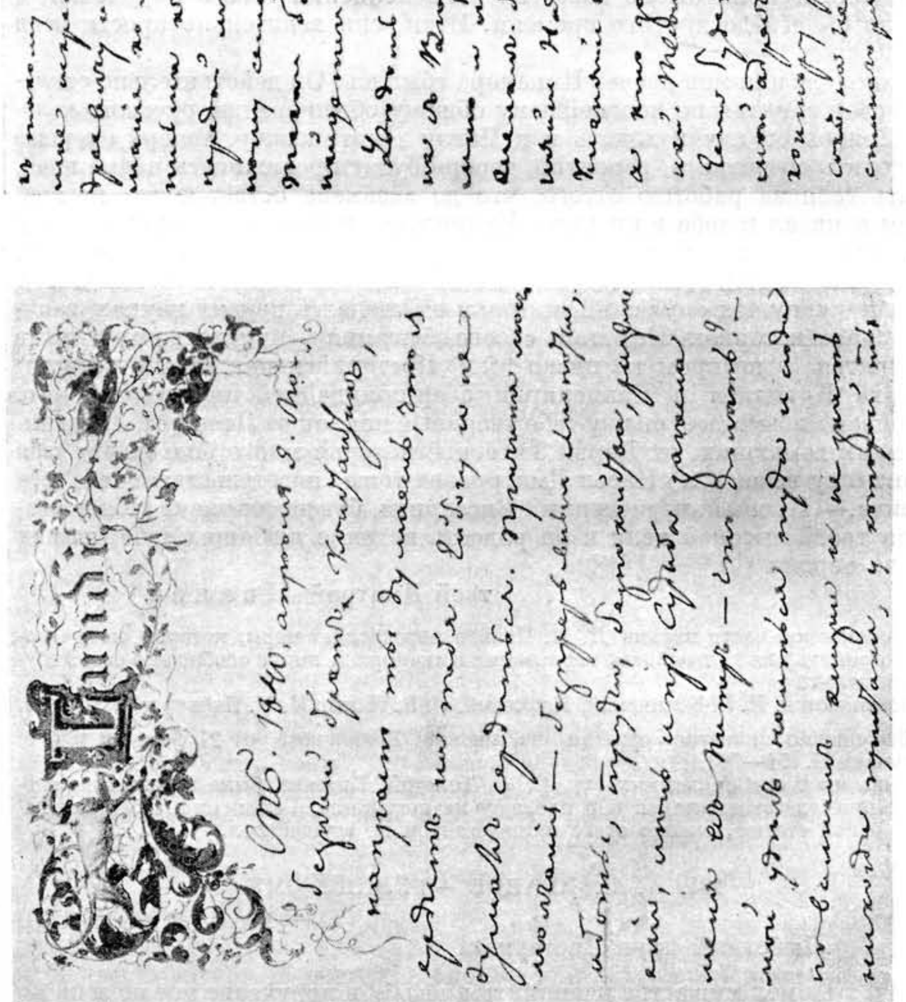
[3] Ответное письмо Белинского от 26 февраля 1840 г. см. «Письма», II, 73—74.

134. Д. П. ИВАНОВ — БЕЛИНСКОМУ

Москва. 1840 года, марта 3-го

Обвинения твои очень справедливы, любезный Виссарион[1]. Но я не столько виноват перед тобою в том, что не уведомил о перемене квартиры, как в том, что не известил тебя о получении первого твоего письма.— Неприятности по Межевому институту, о которых я писал к тебе, недостаток денег и кое-какие хлопоты домашние не позволяли мне и думать о письме. Ты сам переменил квартиру и живешь теперь в доме Лукина, а не Голландской церкви, и я, не зная об этом, послал к тебе, по старому адресу, очень нужное письмо, запечатав в нем и крестик Петровых. Все это было отправлено с попутчиком, Андреем Степановичем Крамалеем, бывшим моим учеником в Межевом институте. Крамалей поехал в Петербург на службу и дал честное слово доставить тебе посылку тотчас по приезде. Крайне прискорбно будет для меня, если он не исполнил своего обещания; в таком случае прошу тебя обратиться к отцу его, правителю Канцелярии Петербургского обер-полицеймейстера, в доме его найдешь моего сомнительного попутчика. Наверное предполагая, что это письмо попадет к тебе, я не буду повторять его содержания.

Поручения твои исполнены в точности. Больной Ширяев тут же выслал мне в лавку деньги, как только принесли ему письмо от Краевского, и я отдал их всем, по твоему назначению: Боткину 700 р. ас., Нащокину 200, Дарье Титовне 50 и Вологжанинову 300 р. ас. С этим последним кредитором твоим я разделывался с крайнею неприятностию. Получив деньги и не имея возможности и желания ехать к Вологжанинову, я послал к нему на другой день Никанора с тем, чтобы просить его приехать ко мне в Дворянский институт или на квартиру для получения денег. Ивана Ива⟨нови⟩ча не было дома, и поручение мое передано было его сестре. Вдруг слышу я от Петеньки, что Вол⟨огжанино⟩в, встретив его у Кусакова, начал упрекать меня в том, что я давно получил от тебя деньги и не хочу отдать их ему, что я ссорю тебя с ним, и потом от людей слышу, что он приезжал на другой день ко мне точно с такими же выговорами, называя мои поступки с ним бессовестными, глупыми проделками, что я промотал твои деньги и потому не отдаю их. Не понимая такого странного ожесточения против меня человека, которому я не сделал ни добра, ни зла, к которому послал известие о получении денег с искренним желанием отдать их как можно скорее, я душевно оскорбился этими выходками. Было ли это местию за то, что я прервал мои отношения с ним, мое знакомство, которое основывалось на связях моих с покойным Николаем, или он сошел с ума при мысли о деньгах — я, право, не понимаю, и что всего страннее, он отперся от своих слов, когда на третий день получал от меня деньги. Расписку твою посылаю и вместе с тем передаю тебе претензии Вологжанинова на проценты, об которых он спросил с первого слова: присланы ли они или нет. Он полагает с тебя 30 рублей за просрочку и просил меня написать к тебе об этих деньгах; но я, с своей стороны, не советывал бы тебе высылать их. То же советует и В. П. Боткин. Будет с него и того, что он за 300 р. ас. долга получил 400 р. ас. процентов, как я узнал от Вани и Никанора,

АВТОГРАФ ПИСЬМА БЕЛИНСКОГО К БРАТУ КОНСТАНТИНУ ОТ 9 АПРЕЛЯ 1840 г.

Страницы первая и последняя

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

которых ты посылывал к нему с деньгами. Я думаю, самый безжалостный ростовщик содрогнется, услышав о таком вознаграждении.— А с бедняка Кусакова он дерет за 200 р. ас.— 800 р. ас., терзает его беспрестанными напоминаниями, приедет к нему, угрозит взысканием и принудит его переписать вексель, обратив проценты в капитал, и таким образом умножает ежемесячно и долговую сумму и процент. Может быть, ты сам обвинишь меня в том, что я не послал к нему денег; но посуди: мог ли я довериться Никанору или Ване, и еще более: мог ли я поверить Вологжанинову в том, что он пришлет мне твою расписку! Из твоих мелких долгов я не знаю никаких, кроме долгов портному, банщику и булочнику, все это составляет сумму в 25 р. ас.; а об других ты потрудись уведомить меня.

Сочинения графини Толстой переданы Нащокиным Константину С⟨ергеевичу⟩ Аксакову, следовательно, ты от него должен получить их[2]. Нащокин на твои извинения о просрочке отзывался обыкновенно, что деньги эти не стоят твоих беспокойств и извинений, и благодарит тебя за присылку. Чрезвычайный беспорядок письма моего в почерке и содержании удостоверит тебя, что я писал его летучим пером, второпях, отправляясь к должности. Если бы не известия об исполнении твоего поручения, я отложил бы его до другого времени. Итак, снисходительно прости меня в этом.

Предположения мои насчет Никанора сбылись. Он действительно откладывал свои занятия по нелепейшему общему обыкновению русского человека. Теперь он начал ходить и к Павлу Дмитриевичу, теперь он реже стал ходить со двора и, вероятно, теперь будет просиживать целые ночи, убивать себя за работою оттого, что до экзамена остается три месяца. Об нем я писал к тебе в письме с Крамалеем, и теперь вторично прошу тебя, прежде всех упреков, потребовать от него отчет во всех предметах, какие нужны только для поступления в Университет, с тем, чтобы ты мог видеть причину тех опущений, которые он сделал в других науках, занимаясь одною историею. Не оставь своего обещания — прислать ему к пасхе того платья, о котором ты писал ⟨...⟩ Постарайся как можно ⟨скорее⟩ отыскать Крамалея в Канцелярии обер-полицеймейстера у отца его. Оканчивая письмо мое, скажу тебе усердный поклон от Леоноры, Зинаиды, всех моих домашних, от Дарьи Титовны, которая много благодарит тебя за присылку денег ⟨...⟩ Павел Дмитриевич тоже свидетельствует тебе свое почтение.— Прощай, неоцененный Виссарион, бог да сохранит тебя в жизни для твоей высокой цели и на радость истинно любящих тебя, из них в числе первых

твой Дмитрий Иванов

В опускаемой части письма Д. П. Иванов перечисляет меры, которые он предполагает принять для дальнейшего воспитания Никанора, а также сообщает о своих служебных делах.

Упоминаются: Н. Г. Белинский, Крамалей, И. В. Ланге, И. У. Пейкер и И. Федоров.

[1] Это письмо является ответом на письмо Белинского от 21 февраля 1840 г. («Письма», II, 51—56).

[2] Речь идет о «Сочинениях» гр. С. Ф. Толстой. Книжка была издана в небольшом количестве экземпляров и в продажу не поступила. Белинский собирался написать о ней статью, однако этого намерения он не осуществил.

135. А. П. ИВАНОВ — БЕЛИНСКОМУ

Москва, 2 апреля 1840.

Любезный друг Виссарион!

Если ты имел мужество исполнить просьбу и поручение мое по записке от 30 марта, то, бога ради, имей терпение выполнить еще поручение, менее трудное. Это делишко состоит в том только, что тебе надобно придти часу в 12-м в Канцелярию Лонгинова, попросить дежурного, чтобы он

попросил к тебе того чиновника или члена, который принимает прошения, и подать этому члену запечатанный пакет. Этот пакет распечатается при тебе, и когда чиновник просмотрит бумаги, то ты можешь и уйти ⟨...⟩ Знаю, что ты для нас готов делать все возможное, но так же твердо знаю, что подобные поручения для тебя новы. Это в последний раз. Если тебе некогда будет подать пакет вскоре по получении этой депеши, то попроси исполнить просьбишку нашу кого-либо из твоих знакомых, только поскорее, и чтобы пакет был подан непременно, а на другой день напиши к нам о подаче пакета. Не сердись за посылку на извозчика и письмо. Легко может быть, что у тебя в этот час нет лишнего полтинника и чрез то затруднишься исполнением. Кланяемся тебе и целуем ⟨...⟩

В опускаемой части письма — подробный адрес канцелярии. На обороте полуоторванного л. 2—рукою Белинского цифровые выкладки и записи: «Carolus Magnus, Carl, 1800, Б. Баку. Б.».

136. А. Г. КУЗЬМИНА (БЕЛИНСКАЯ) — БЕЛИНСКОМУ

⟨1840 год, мая 18 числа⟩

Любезный брат
Виссарион Григорич.

Я недавно узнала от Петра Петровича, что ты в Петербурге, и очень рада, что имею случай к тебе писать, уведомить о себе ⟨...⟩ Прошу тебя, брат, уведоми нас хоть одним письмом, давно ли ты уехал из Москвы и на долго ли и зачем, да не нашел ли ты в Петербурге или Кронштадте кого из родных, пожалуйста, обо всем напиши, я от тебя и Никанора не получаю писем почти два года, право не знаю почему, исхлопотал ли себе свидетельство о рождении и грамоту на дворянство? Знакомые наши все спрашивают, получаю ли от тебя письма и где ты, ответ мой всем, что ничего не знаю, ведь, право, это досадно, как будто бы забыл, что я есть на свете ⟨..⟩[1]

В опускаемой части письма — подробности о семейной жизни А. Г. Кузьминой. Упоминаются: Е. А. Дьячкова и М. Н. Кузьмин.

[1] Отклик на получение этого письма — «Письма», II, 140.

137. П. П. ИВАНОВ — БЕЛИНСКОМУ

18 майя 1840 года. С⟨ело⟩ Пачелма

Любезный друг
Виссарион Григорьевич!

По окончании владимирских дел доверителей моих Владыкиных возвратился в Пачелму перед сырною неделею. К удовольствию старухи, твоей любимицы, привез в целости портрет ваш, которому она столько обрадовалась, как лично с вами увиделась, и носилась, как курица с яйцом, не знала, где поставить, наконец согласилась утвердить мое назначение противу ее места, где сидит за домашними поделками и обедает[1]. Мы всегда готовы писать к вам, но не знаем как адресовать. По получении сего напишите к нам обо всем вашем житье-бытье, что для нас будет утешением ⟨...⟩

Приписка Ф. С. Ивановой:

Любезной друг Виссарион Григорьевич! Нечаянный случай обрадовал меня писать к тебе. Хорошая знакомая нам и приятельница Верочки из Петербургского повивального института акушерка Настасья Николаевна Симичева, жившая близко к нам в имении графа Вильегорского, которая теперь отъезжает в Петербург на службу по должности своей. Я желала, чтоб ты познакомился с ней, она девушка хорошая, и мы ее очень любим,

которая тебе расскажет все наше житье и бытье. Лично я недавно была в Чембаре, Константин Григорьевич читал мне письмо твое к нему, в котором ты пишешь, что гоняешься в житье твоем, как охотник за зайцами, но я желаю, чтоб ты имел постоянную жизнь, определился б где поближе к нам на службу, разумеется ближе нельзя как в Москве. За любовь твою и память об нас благодарю тебя: сердце сердцу весть подает. Я всех моих родных люблю, а тебя больше всех и помню о тебе в всякий день. Константин Григорьевич с сестрой своей живет ныне в дружбе. Наконец, старик наш возвращением своим из Владимира нас много обрадовал. Он пишет к тебе правду, что я много обрадовалась твоему портрету, но лучше б желала б при жизни моей еще видеть тебя. При нынешних обстоятельствах наших, не доживя века, кажется, умрешь ⟨...⟩ Скажи от меня почтение Дмитрию Капитоновичу, пиши к нам, как ты живешь и чем занимаешься и как тебе кажется Петербург ⟨...⟩ Я забыла сказать тебе, что старик наш сердится очень на Митиньку за женитьбу и не прощает его, да и он дурно сделал, что не сказавши нам женился. Напиши к старику, чтоб он простил его.

Приписка В. П. Ивановой:

Свидетельствую вам, любезнейший Виссарион Григорьевич, мое искреннее родственное расположение и уверяю вас, что помню и люблю вас попрежнему и помню так же и ваши ласки ко мне. Если желаете узнать об нас что-нибудь, то повидайтесь с моей приятельницей Настасьей Николаевной ⟨...⟩ Я надеюсь, что вы пожалеете о моей жалкой, безотрадной жизни в Пачелме; главное мое единственное желание жить в Москве, но не думаю, чтоб оно когда-нибудь сбылось, так, верно, и будем терпеть горе до конца ⟨...⟩ Прощайте, желаю вам здоровья и счастия, если его можно найти здесь. Не забывайте всей душой вам преданную

В⟨еру⟩ И⟨ванову⟩

В опускаемой части приписки Ф. С. Иванова сообщает о неурожае в Пачелме; В. П. Иванова — подробности об А. Н. Симичевой.

Упоминаются: А. П., Д. П., Н. П. и П. П. Ивановы, Д. К. Исаев, А. Н. Симичева и И. О. Штерн.

[1] Портрет, о котором здесь идет речь, неизвестен. См. о нем в настоящем томе в статье Н. Эфрос: «Горбунов — портретист Белинского».

138. Н. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Москва, мая 29 дня, 1840 г.

Любезный брат
Виссарион!

Много я виноват перед тобою в том, что во зло употребил твое доброе ко мне расположение и снисхождение. Ты дал мне целый год для приготовления к университету, а я провел его большею частию в непростительном и гадком бездействии. Причиною этого [я почитаю], как ты писал и в чем я убежден, мой отвратительный порок, который делает из человека хуже нежели животное [но рождает наклонность к неумеренности в пище, продолжительность сна]. Так, вместо того, чтобы сидеть дома и заниматься, я беспрестанно шлялся или по улицам, или сидел у знакомых, которым часто надоедал явно, занятие многими предметами откладывал со дня на день и в тех предметах, которыми и занимался, не оказывал больших успехов, потому что голова моя была сильно расстроена. К несчастию, по получении твоего письма я не исполнил все твои полезные советы, и вследствие этого хотя занимался и больше, но все не так, как надобно. Теперь остается только два месяца до экзамена, и я употреблю все усилия приготовиться получше. Меня ужасает одна мысль, что я должен буду вступить в воен-

ную службу или приказные[1] ⟨...⟩ Все твои знакомые, к которым я хожу, кланяются тебе. Прощай, остаюсь любящий и почитающий тебя брат твой

Никанор Белинский

⟨...⟩ P. S. Анна Максимовна Петрова и Марья Яковлевна благодарят тебя за твою прекрасную статью о воспитании; я им ее читал.

В опускаемой части письма Н. Г. Белинский сообщает о своем переезде на дачу и получении письма и посылки от сестры.

Упоминаются: А. Г. и К. Г. Белинские и Э. Я. Иванова.

[1] Отклик Белинского на это письмо — «Письма», II, 139 («Письмо Никанора меня порадовало: оно грустно и искренно. Есть надежда, что он очнется. Тогда кончится и мое к нему равнодушие...»).

139. Д. П. ИВАНОВ — БЕЛИНСКОМУ

Москва. 1840 года, мая 30-го

Ты сердит на меня, любезный Виссарион, за мое продолжительное молчание и, вероятно, по этому самому не пишешь ко мне. Но если вспомнишь, что теперь настало время экзаменов, смотров, этой обыкновенной, ежегодной учительской тревоги, то снисходительно простишь вине моей ⟨...⟩ Между тем, я имел крайнюю нужду писать к тебе. Занятия Никанора, его нужды, бедственное положение Дарьи Титовны, тщетно ожидающей от тебя помощи, мои собственные обстоятельства требовали скорого и подробного описания. Никанор, убежденный дельною, умною речью письма твоего, сгоряча принялся за дело; но от недостатка внутреннего убеждения, внутренней самодеятельности напал было опять на прежнюю дорогу. Поводом к этому была весна, благорастворенность воздуха, вследствие этого прогулка 4 раза в день, так неосмотрительно, так безрассудно дозволенная тобою, вместо визитов по знакомым.— Никанор по твоему наставлению, как больной по рецепту медика, строго принялся ходить утром, перед обедом, после обеда и вечером, прогулки продолжались всегда более часа; промежутки между ними посвящались занятиям, но какие это были занятия?— просто жалкие попытки показаться занимающимся, самообман ⟨...⟩ Вот тебе подробный отчет о положении Никанора, резкий тон письма моего должен убедить тебя в моей искренности и в моем

Э. Я. ИВАНОВА
Фотография 1860-х гг.
Собрание М. С. Куликовской, Москва

участии к нему и вместе с тем возбудить твое участие, в котором, скажу по правде, ты холодно отказываешь ему, не входя в его нужды, прежде всякого предварительного со стороны нашей объяснения.— Я все делаю для него, что только могу и что по моим силам; я никогда не обратился бы к тебе ни с каким требованием, если бы имел малейшую возможность предупреждать его нужды; но непомерная, неслыханная дороговизна в Москве всех предметов, необходимых к содержанию, похищает все мои доходы, так что я отказываю и себе иногда в необходимом для того, чтобы удовлетворить повседневным нуждам. Теперь как ты хочешь, а я торжественно налагаю на тебя оброк в пользу Никанора; ты должен ежемесячно присылать ему 15 или, по крайней мере, 10 р. ас. на его мелочные нужды; не исполнишь, мы отдадим тебя под суд, и тогда прощай твоя литературная слава!

Теперь вторая жалоба на тебя. Ты забыл Дарью Титовну, обещавшись к лету заплатить долг ее. Твой проступок здесь состоит [более] не в том больше, что ты не шлешь ей денег, а в том, как можно обещать, не надеясь выполнить своего обещания, не имея к этому средств. Она с этой надеждой живет теперь на даче и бедствует. Твои 50 р. ас. разлетелись у ней в один день на уплату долгов, сделанных, может быть, для тебя. Ей хочется, получив от тебя деньги, жить на квартире с Павлом Дм⟨итриевичем⟩ Савельевым, держать нахлебников, одним словом, употребить деньги так, чтобы они стали ей на целую жизнь и между тем нимало не истратились.— Ухватившись за эту мысль, она терпит все в жертву ей, с нетерпением ожидая от тебя избавления. Я немного поддерживаю ее в нуждах, дозволяя брать в лавочке на мой счет необходимые для нее товары... На беду недавно посетило ее несчастие: Николай Миронович вдруг опасно занемог, нужна была скорейшая помощь, доктор, лекарства, чтобы спасти жизнь его. Дарья Тит⟨овна⟩ в слезах, в испуге прибегает ко мне; ей нужны были деньги, а у меня не было ни гроша; к счастию нянька моя убедила мать свою дать взаймы Д⟨арье⟩ Т⟨итовне⟩ 15 р. ас. с клятвенным обещанием возвратить эти деньги через месяц. Это обещание сделано было в надежде скорого получения от тебя денег, но вот уже три месяца прошло в тщетных ожиданиях. Ради бога, Виссарион, не оставь старухи и помоги ей деньгами, сколько можешь.— Лучше бы ты отказал мошеннику Вологжанинову в его долге и поспешил спасти женщину, которая так много делала добра тебе.— Вологжанинов, несмотря на уплату твоего долга с тройным вознаграждением процентами, бессовестно относится ко мне и просит написать о присылке 30 р. ас. за просрочку. Я отказался писать к тебе об этом и просил его избавить меня от этого посредничества; теперь, вероятно, ты получишь от него письмо с требованием 30 рублей и неблагоразумно поступишь, если исполнишь это требование; неужели ему мало 600 р. ас. за долг в 200 или в 300 рублей, а ты, кажется, по моему расчету, переплатил ему 600 р. ас., если не больше. Если ты не можешь вдруг отдать всех денег Дарье Титовне, то присылай ей понемногу, хотя 25 р. ас. в месяц; это будет легче и для тебя и поддержит ее; впрочем, гораздо бы лучше было зараз удовлетворить ее и дать ей возможность поправить свое состоянье ⟨...⟩[1]

В опускаемой части письма Д. П. Иванов сообщает о своих служебных и домашних хлопотах; подробно описывает поведение и нужды Никанора; рассказывает о новых порядках в Межевом институте, о бедственном положении стариков-родителей. Подробности о них советует узнать у акушерки, доставившей Белинскому это письмо (очевидно, А. Н. Симичевой).

Упоминаются: С. Т. Аксаков, А. Г. и Н. Г. Белинские, Дарья Титовна, А. П., Н. П., П. П. и Ф. С. Ивановы, кн. П. Д. Козловский, И. В. Ланге, А. Н. Мамонтов, И. У. Пейкер, Сметский и И. Федоров.

[1] Ответное письмо Белинского от 17 июня 1840 г. — «Письма», II, 138—140.

140. А. П. ИВАНОВ — БЕЛИНСКОМУ

〈Москва,〉 29 июня 1840

Любезный друг Виссарион!

С этою верною оказиею вздумал написать к тебе несколько строк и сказать, что мы благодаря бога здоровы. Вчерашний день был я у Мити в Шелепихе. Они все здоровы и тебе кланяются. Никанор и Петя подали просьбы о допущении к экзамену и между страхом и надеждою готовятся. Очень было бы не худо, если бы ты попросил за них хотя одного из знакомых тебе профессоров. Беда будет, если ребята наши останутся непринятыми.

Я до сих пор не знаю, подал ли Дмитрий Капитонович в Комиссию прошений пакет, который ты передал ему. Бога ради, постарайся увидеться с ним поскорее и спроси, исполнил ли он это поручение; если исполнил, то когда, т. е. которого числа и месяца? Посрамите вы свои и мою головы, если не сделали такого пустяшного дела! Об ответе Дмитрия Капитоновича не оставь написать к Мите 〈...〉

Аг〈аша〉 тебя целует и нижайше кланяется 〈...〉

В опускаемой части письма А. П. Иванов представляет Белинскому свою московскую знакомую, Василису Ермолаевну, доставившую это письмо, и просит рекомендовать В. П. Боткину Н. З. Зотова.

141. Н. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Москва, июля 17 дня, 1840 год

Любезный брат
Виссарион!

Письмо твое несказанно обрадовало и ободрило меня[1]. Я ждал от тебя упреки и даже отступление от меня. Ты был прежде так снисходителен и добр ко мне, что, несмотря на все проступки против тебя, ты постоянно старался об моем исправлении и на этот раз ты вникнул в мое жалкое положение и простил меня 〈...〉 Прошение в университет подано, но вступить в него в нынешний год нет никакой возможности, между тем университет я считаю своею непременною целью, без которой я не жду для себя ничего. Поэтому прошу и умоляю тебя дать мне средства вступить через год если не в Московский, то, по крайней мере, в Петербургский университет 〈...〉

P. S. Аксаков тебе кланяется, а Анна Максимовна пишет особенно. Извини меня за ошибки в правописании.

В опускаемой части письма Н. Г. Белинский жалуется на отчаянное состояние своего гардероба и сообщает о мерах, принятых им для излечения от болезни.
Упоминается М. А. Языков.

[1] Это письмо Белинского неизвестно.

142. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар, 13 августа 1840 года

Любезный брат,
Виссарион Григорьевич!

11 сего августа дошел до нас слух, что будто помер брат мой Дмитрий Капитонович 〈...〉 Посему, любезный брат, по получении сего письма, немедленно напиши ко мне письмо о Дмитрии Капитоновиче — жив ли он или нет 〈...〉 Сделай милость, напиши мне обстоятельное письмо о нем, очень тебя просит и батюшка Капитон Андреевич. Если всемогущий творец сохранил драгоценные дни нашего Дмитрия Капитоновича, то кланяйся ему и скажи, чтобы он хоть в твоем письме написал строки четыре и тем уверил бы нас в его существовании, столь для нас драгоценном 〈...〉

P. S. Ради бога, поскорее уведоми нас как о себе, так и о Дмитрии Капитоновиче[1] 〈...〉

В опускаемой части письма К. Г. Белинский сообщает подробности о себе и своей семье.

Упоминаются: П. П. и Ф. С. Ивановы, Д. К. и К. А. Исаевы и Цвернер.

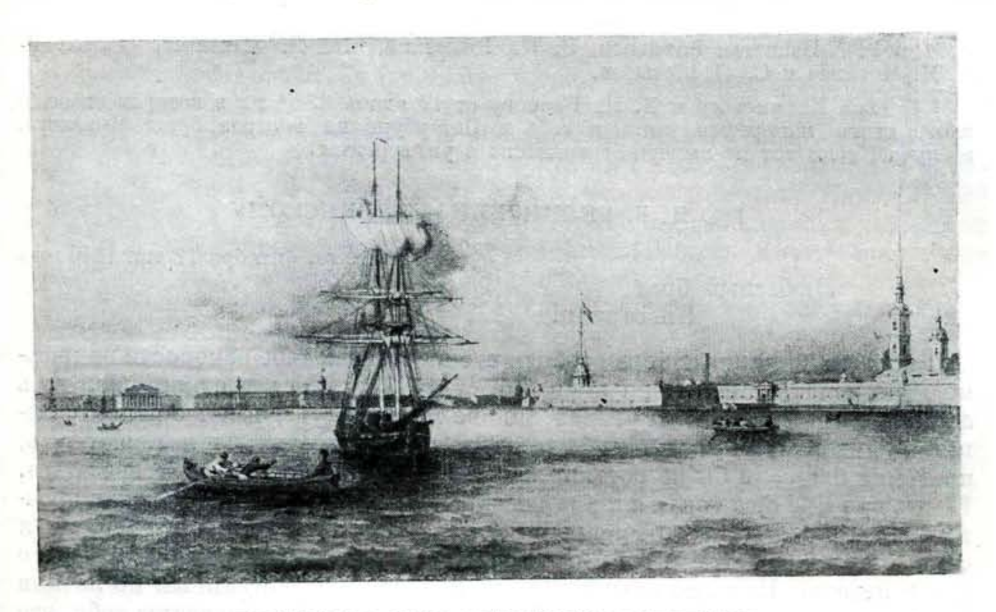
[1] Известие о смерти Д. К. Исаева оказалось ложным: он умер лишь полтора года спустя — в марте 1842 г. См. ниже письмо № 151, а также отклики на его смерть в письмах Белинского («Письма», II, 312, 319).

143. Д. П. ИВАНОВ — БЕЛИНСКОМУ

Москва. Октября 3-го, 1840 г.

Много воды утекло, много переменилось с тех пор, как я отправил последнее письмо мое к тебе, любезный Виссарион ⟨...⟩ Никанор опять не поступил ⟨в университет⟩ ⟨...⟩ Экзамены нынешнего года были легки, Никанор не был хорошо приготовлен ⟨...⟩, но все-таки попытка его могла удасться, если б он не отчаивался и имел терпение довести ее до конца ⟨...⟩

Следуя твоим советам, я утешил его, показал твое письмо[1] — и он успокоился и теперь начал свои занятия снова; ходит куда-то учиться латинскому и математике и сидит дома за немецким языком. Предполагая, что мое вступательство и распоряжения в его занятиях будут для него тягостны, что̀ даже он и обнаружил, я обязанностию почел уведомить тебя об этом и просить, чтобы ты в этом отношении не требовал уже от меня известий, а прямо от него ⟨...⟩ Что ни делай, а он не поступит в Университет, а если и вступит, то не кончит курса. Прими мои слова за чистое пророчество и при случае вспомни об них ⟨...⟩ Резкий тон письма моего об нуждах Никанора несколько огорчил тебя и навел на тебя сомнение в искренности моих упреков.— Ты подумал, что я начинаю тяготиться им, хлопочу о своих выгодах, не понял простой заботливости, которую я исполнял вследствие данного тебе слова писать тебе обо всех его нуждах. Я не имел средств удовлетворить их, а потому и написал к тебе, а в последнем письме сильно напоминал тебе для того, что ты забыл мою просьбу. Я просил у тебя денег на одежду и белье для Никанора, а не за квартиру, следовательно, не нужно тебе предполагать никакой расплаты со мною. Если ты не веришь, что я могу из одной любви и уважения моего к тебе делать ничтожные послуги для Никанора, то предположи во мне хотя инстинктуальное, оживотненное чувство благодарности. Животное ласкается к тому, кто его ласкает и любит, а ты довольно поласкал меня, довольно оказал любви и снисхождения ко мне, стараясь об определении меня в Университет, доставив мне урок у Горчаковых, два выгодных места по службе и советом и делом касаясь моей нравственной жизни, моего образования. Выводом этого и у тебя будет целая служба для меня, и мне-то надобно кричать: Когда-то я расплачусь с тобою! Все это я высказываю теперь по твоему вызову считаться с тобою, ты начал прежде счет, я только подражаю тебе. Чувство благодарности, истинное, глубокое, должно таиться в душе, вместе с другими высокими помыслами, оно может высказываться только на деле, а не на словах и фразах — и ты бы никогда не услыхал от меня этих фраз, если бы сам не вызвал меня.— Кроме всего этого, о Никаноре счеты у нас ясны: Петя жил у тебя почти три года, хотя и добровольно; итак, не ставь мне в большую заслугу пребывание у меня Никанора и не беспокойся о вознаграждении меня, особливо денежном. Между нами в этом отношении должно быть таким образом: есть у тебя средства помочь мне в моих нуждах, помогай; если я владею ими, то требуй от меня.— Натуральное твое положение выгоднее моего: ты один, моя же семья состоит теперь из 10 человек; следовательно, жестоко было бы требовать, ожидать от меня пожертвований, от моих постоянных доходов, на экипировку Никанора;

ПЕТЕРБУРГ. ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ КРЕПОСТЬ
Литография И. Перро. 1840-е гг.
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

я вполне уверен, что как бы ни были малы твои доходы, но 15, 20 р. ас. в месяц, пожертвованные на одежду Никанору, должны составить для тебя ничтожную сумму, а для него этих денег будет слишком довольно. Доказательством этому служит то, что на твои 50 р. ас. с прибавкою от Боткина 25 р. ас. мы сшили для Никанора новую сюртучную пару; купили новый галстух, фуражку, перчатки, рубаху, так что он, кроме белья, почти ни в чем не должен иметь теперь крайней нужды. Я для того распространился обо всем этом, чтобы навсегда установить наши отношения по части Никанора и не говорить об них более ни слова, во всяком случае, останется он у меня или уедет в Петербург, по твоему п⟨риказу?⟩*. Теперь обращаюсь к другому, не менее важному делу. Я снова хочу убеждать, молить тебя помочь бедной Дарье Титовне. Чрез одни мои руки она задолжала с лишком 60 р. ас., и если ты не выручишь ее скорою присылкою денег, то я должен буду, как поручитель, разориться для уплаты ее долгов. С Вологжаниновым я не хочу иметь никакого дела, не советую и тебе этого; лучше попросить В. П. Боткина помочь и занять для Д⟨арьи⟩ Т⟨итовны⟩ где-нибудь. Ради бога постарайся об ней — поверишь ли, она лишена лучшего своего удовольствия — пить чай, для которого она готова сидеть без куска хлеба ⟨...⟩

Приписка:

У меня есть просьба к тебе: я составляю маленький каталожец книг для чтения воспитанников Двор⟨янского⟩ инст⟨итута⟩, в моих классах. Ради бога, помоги и если можно следующей почтою уведомь и поименуй те книги, которые я могу назначить для чтения 1-го, 2 и 3 класса для мальчиков от 10 до 16-летнего возраста; тебе доводилось много перечитать детских книг, и ты верно знаешь все хорошие из них. Книги с английского, кажется, лучше всех.

В опускаемой части письма — подробная характеристика Н. Г. Белинского и отчет о его поведении; служебные и семейные новости Д. П. Иванова.

Упоминаются: Н. Г. Белинский, Горчаковы, Дарья Титовна, А. П., Л. Д., Н. П.,

---

* Письмо повреждено.

П. П. и Ф. С. Ивановы, Рахманов, В. К. Ржевский, П. Д. Савельев, Сметский, А. И. Чивилев и С. П. Шевырев.

[1] Письмо Белинского к Д. П. Иванову от 17 июня 1840 г., в котором он сообщал о своем намерении взять к себе в Петербург на полгода брата Никанора, в случае, если тот не выдержит экзамена в университет.

144. Н. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Москва, октября 12 дня 1840 года

Любезный брат
Виссарион!

Я несколько виноват перед тобою, что не отвечал тебе вскорости на письмо[1]. Что делать: проклятая лень; все сбирался писать и откладывал день за день, а притом, как ты угадал, мне не хотелось уведомить о непоступлении в университет. Экзамены были очень снисходительны, и я, может быть, поступил бы, если бы не оставил их при самом начале. Боялся срезаться. Но ты дал мне еще год, и я постараюсь, сколько возможно, положить прочные начала в необходимых предметах. Теперь я продолжаю заниматься с Аксаковым переводами из «Вильгельма Мейстера» и хожу к нему для этого раз в неделю. Недавно стал заниматься с Павлом Бакуниным по латыни два раза в неделю и с ним же займусь математикой. Благодарю тебя, что ты познакомил меня с ним. Славный молодой человек, как много я ему обязан. Другие предметы, как-то: священную историю, физику, историю, логику и риторику я еще не начинал, но вскоре начну. Впрочем, только бы узнать получше главные предметы, а другие можно и после. На деньги, присланные тобою, и те, которые дал мне Боткин, я теперь почти экипировался, и, кроме шинели, сапогов и калош, у меня все есть. Белья тоже нет; я писал об этом к сестре, авось не пришлет ли. Петровы кланяются тебе и благодарят за письмо. Они теперь все в Москве и ожидают Павла Яковлевича. Ты писал к ним, чтобы они уведомили тебя, скоро ли он воротится, они просили меня написать к тебе, чтобы ты справлялся о прибывших в Петербург на последних пароходах из Любека, и просит также уведомить их письмом, как скоро ты встретишь Павла Яковлевича. У Грановского я не был с страстной недели, сбираюсь вскоре сходить к нему. Однажды я встретился с Артемовым[2]; он спрашивал о тебе и просил кланяться ⟨...⟩

Приписка Н. П. Иванова:

Виссарион Григорьевич! при сем я вам изъявляю свое душевное расположение и желаю вам всех истинных благ, какие только могут быть для человека в свете.

Николай Иванов

[1] Письмо Белинского от 4 октября 1840 г. («Письма», II, 167—168).
[2] Петр Иванович Артемов. См. о нем в настоящем томе, в публикации «Белинский и „Листок“».

145. Н. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Москва, 4 января, 1841 года

Любезный брат
Виссарион!

Извини меня, что так долго не писал к тебе; все сбирался, откладывал день за день, часто не было денег для отправления, а когда были, то издерживал их на другие нужды ⟨...⟩ С некоторого времени во мне пробудилась охота к греческому языку, и я очень жалею, что не занимался им прежде, поэтому я колеблюсь насчет приготовления. Не вступить ли в словесное

отделение? Прошу твоего совета. Если ты одобришь это, то пришли греческий лексикон Пассова на немецком языке и греческую грамматику Бутмана.

Нужду я имею в сапогах, калошах, белье всякого рода и в небольших деньгах для закупки некоторых нужных мелочей, как-то: бумаги, перьев, чернил и проч. Пред рождеством приехал в Москву Павел Яковлевич Петров и недели через две едет в Петербург, где надеется увидеться с тобою. Семейство его почти все разъезжается. Надежда Яковлевна уехала в Тамбовскую губернию, Марья Яковлевна тоже скоро отправляется в Тверскую, дома остается одна Александра Яковлевна. Они все тебе кланяются. После отправления этого письма я с Алексеем Васильевичем[1] отправляюсь к ним, они желали его видеть. Василий Петрович[2] подарил мне довольно хорошую шинель ⟨...⟩

В опускаемой части письма Н. Г. Белинский подробно сообщает о состоянии своего здоровья и занятиях.

[1] Поэт Алексей Васильевич Кольцов.
[2] Василий Петрович Боткин.

146. Д. П. ИВАНОВ — БЕЛИНСКОМУ

Москва. 1841 года, апреля 22

Ты угадал причину моего молчания, любезный Виссарион![1] Положившись на обещание первого письма твоего, я ожидал исполнения его, нуждаясь в средствах для Никанора и огорчаясь положением Дарьи Титовны ⟨...⟩ Деньги семьсот рублей под расписку на письме Краевского получены мною 18 апреля и розданы по принадлежности. Из них Дарье Титовне, за исключением прежних 50 р. ас. и полученных от В. П. Боткина 25 р. ас., пришлось 305 р. ас., а с покупкою чаю и сахару 325 р. ас. Не сумею описать тебе радости ее и благодарности: ты просто воскресил ее! Ивану Петровичу отдано 200 р. ас., в получении прилагаю его записку. Остальные 145 р. ас. пойдут на Никанора ⟨...⟩ Последнее ⟨твое⟩ письмо произвело на Никанора более впечатления, нежели первое, и это служит лучшим доказательством того, что резкость тона действует на него сильнее продолжительных и кротких увещаний ⟨...⟩ До получения твоих денег у него никогда не переводились свои. Он постоянно занимал их, выпрашивал, как я после узнал, у всех своих знакомых: Анны Максимовны, Боткина, Бакунина, Кольцова, Аксакова, Ивана Яковлевича, Алексея, Павла Дмитриевича ⟨...⟩ Были у него счастливые минуты сознания и исправления: он прилежно занимался делом, особливо когда получал твои письма, но это продолжалось недолго: он скоро находит на прежнюю стать. В занятиях его много времени отнимало во 1-х изучение английского языка, предпринятое им, не знаю по чьему совету — Бакуниных ли или Аксакова, от которого он получал английские книги; и во 2-х ему мешало чтение журналов, особенно «Отечественных записок», которые он читает сряду по трое суток одну книгу от доски до доски. Первое занятие он бросил по совету Кетчера, а чтение журналов и до сих пор продолжается точно таким же образом ⟨...⟩ Он начал прилежнее заниматься, а письмо твое еще более утвердило его в этой решимости ⟨...⟩ С твоей стороны кое в чем прошу помочь мне: напиши ко всем знакомым, чтобы реже принимали его, не давали вовсе денег, книг, бесполезных для его занятий, и помогали мне, действуя на Никанора советами и убеждениями. Далее, исправь и пришли, как можно скорее, все книги по Никаноровой росписи, чтоб не было остановки ни в чем ⟨...⟩ Из всех предметов остается только математика и физика, с которыми я не знаю, как мы сладим. Никанор решительно не жалует их и чувствует к ним отвращение и поэтому не способен понимать. Павла Дмитриевича я не

решусь просить об этом. Он занят уроками и, кроме того, не может успеть в такое короткое время. Тебе самому следовало бы попросить его особенным письмом, чтобы он познакомил Никанора хоть с арифметикою ⟨...⟩

Я обрадовался твоему намерению побывать у нас летом. Исполни его непременно: твой приезд будет для нас большим праздником. Кроме того, без тебя нельзя будет устроить поступление в Университет. Необходимо надобно будет просить помощи у Грановского и других профессоров, без этого, я наперед скажу, что Никанор не поступит. Итак, в конце июля ты должен быть в Москве непременно. Все писанное о Никаноре составляет сотую долю его подвигов, но, предавая их забвению, как дело прошлое, и помирившись с ним в последнем письме, ты не должен огорчаться этими известиями. Этой подробности ты сам требуешь, а правдоподобность и верность каждой буквы письма моего подтвердят тебе все мои домашние ⟨...⟩

Скажи мое искреннее, усердное почтенье Владимиру Константиновичу Ржевскому. Благодарю его за лестный отзыв обо мне ⟨...⟩ Князю Павлу Дмитриевичу Козловскому тоже мое усердное почтение, если помнит меня [2] ⟨...⟩ Не жди от меня писем: буду возиться с экзаменами и нуждою; а там, бог даст, буду чаще уведомлять тебя обо всем. Итак, будь здоров и счастлив ⟨...⟩

Расписку Дарьи Титовны по громадности ее оставляю у себя, иначе надобно посылать страховое письмо, итти самому на почту, а теперь, ей-ей, не время. Пришлю после или сам возьмешь по приезде.

В опускаемой части письма Д. П. Иванов сообщает подробности о своих служебных занятиях, домашних делах, о покупках, произведенных им для Н. Г. Белинского, о болезни последнего и его поведении.

Упоминаются: Бакунины, Н. Г. Белинский, Григорьевна, Дарья Титовна, А. П., В. П., Н. П., П. П. и Э. Я. Ивановы, Н. Х. Кетчер, П. Д. Козловский, Е. Ф. Корш, А. Г. Кузьмина (Белинская), Е. П. Лопатина (Иванова), А. Пако, Погорельский, В. К. Ржевский, П. Д. Савельев и А. И. Чивилев.

[1] Это письмо является ответом на письмо Белинского от 11 апреля 1841 г. («Письма», II, 239—242).

[2] В своем письме Белинский сообщал, что у него гостит кн. П. Д. Козловский.

147. Н. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Москва, 23 апреля 1841 года

Любезный брат Виссарион!

Сердечно благодарю тебя за письмо[1]. Оно доказывает, что ты никогда не перестаешь обо мне думать и заботиться даже и тогда, когда я забываю исполнять самые легкие обязанности в отношении тебя. Верь, что это происходило не от неблагодарности, не от несознания того, чем я тебе обязан, но от моего расстроенного состояния. Я оттого редко писал к тебе, что, право, не хотелось говорить ни о самом себе, ни о своих делах. Ты справедливо заключил о моем молчании, потому что по получении твоего последнего письма я решился предоставить все на произвол судьбы и ничем не напоминать тебе о себе. Я понимаю все твое негодование против меня и дивлюсь твоему редкому терпению. Теперь мое нравственное и физическое здоровье восстановляется с каждым днем, и я чувствую в себе довольно силы трудиться с успехом. С моей стороны будет первою обязанностию оправдаться перед тобою своею будущею жизнию. В университет я надеюсь поступить, а если как-нибудь не посчастливится, то делать нечего, по крайней мере это будет последний год, и я не буду более обременять тебя. Меня сильно тяготит настоящее положение, но я решился его кончить⟨...⟩ Анна Максимовна Петрова кланяется тебе и просит повидаться

с Павлом Яковлевичем и написать после ей или в моем письме, в каком положении ты его застанешь, потому что он был недавно сильно болен, и она не знает, что с ним делается. Вот адрес его квартиры: у Большого театра, в доме Немкова, на квартире у Федора Ивановича Пенкина, в 3-м этаже. Семейство ее теперь все в разъезде, и она живет одна. П. Н. Кудрявцев тебе кланяется, я бываю у него довольно часто.

Благодарю тебя за присылку денег на белье и прочие нужды, в последнее время у меня недоставало очень многого. Прощай, остаюсь любящий и уважающий тебя брат твой

Никанор Белинский

P. S. Ты велел написать реестр книгам, нужным для приготовления. Вот он: Церковная история Филарета, Церковная история Иннокентия, Всеобщая история Кайданова, последнее издание, Курс чистой математики Беллявена, Физика Щеглова, Livii opera и География Арсеньева.

В опускаемой части письма Н. Г. Белинский сообщает подробности о своей болезни. На обороте л. 2 рукою Белинского цифровые выкладки (карандашом) и слово «Минос» (чернилами). Неустановленным почерком: «1841 года, Н. Куко...»

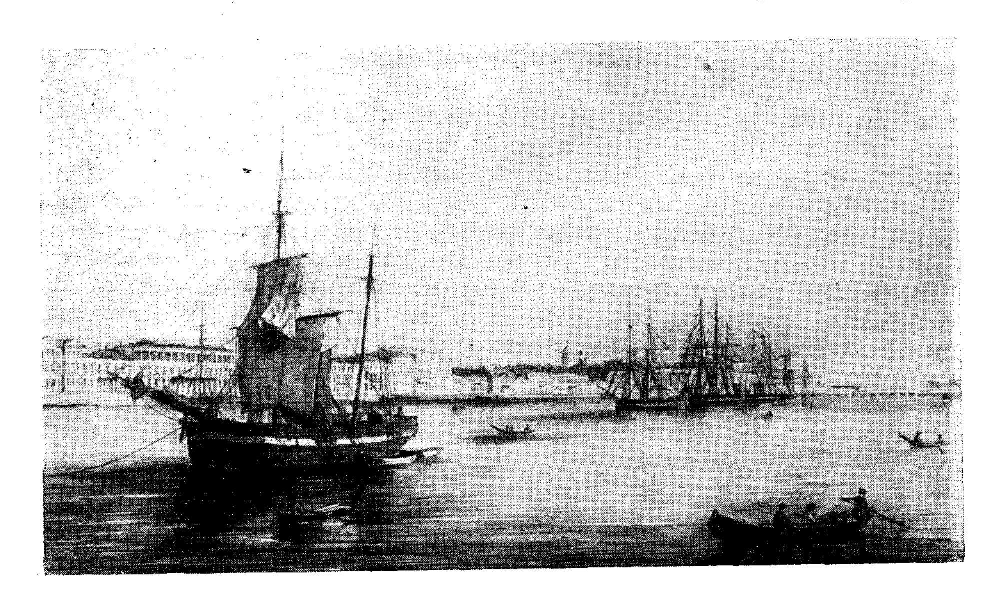
Упоминаются: Д. П. Иванов и Н. Х. Кетчер.

[1] Письмо Белинского к брату Никанору, которое было приложено к письму, адресованному Д. П. Иванову, не сохранилось.

148. Д. П. ИВАНОВ — БЕЛИНСКОМУ

Москва. Августа 18 дня 1841 г.

Мне как будто суждено писать к тебе всегда зловещие письма, любезный Виссарион! Опять неудача по Университету — Никанор опять не принят.— Начало экзамена было очень хорошо: он получил хорошие баллы из латинского и закона божия; дурной успех в математике не мог бы задержать, но сочинение, поданное Шевыреву, погубило Никанора, несмотря на удовлетворительные ответы его из теории словесности.— Помочь ему не было никакой возможности: двери аудитории были охраняемы стражей

ПЕТЕРБУРГ. ДВОРЦОВАЯ НАБЕРЕЖНАЯ
Литография И. Перро, 1840-е гг.
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

в то время, когда задано было сочинение; вход для посторонних был запрещен, и я не мог узнать даже темы заданного сочинения — не только передать Никанору своей работы. Кроме того, судя по жесткости вопросов Шевырева, я предполагаю наверно, что он хотел взять зло свое на тебе,— просто этот рыцарь чести, как ты называл его, не мог подавить [в себе] чувства вражды к тебе. Иначе к чему отнести эти намеки, эти речи на язык статей твоих в разговоре с Никанором во время экзамена — в деле, совершенно чуждом посторонних отношений. Как хочешь думай, но твои литературные отношения к некоторым лицам Университета могут вредить Никанору[1].— При самой подаче прошения встретилось препятствие: Каченовский потребовал от Никанора полицейского удостоверения в том, что свидет⟨ельство⟩ о рождении и крещ⟨ении⟩ действительно принадлежит ему. Наш квартальный отказался от этого удостоверения, и я принужден был дать его от себя с полицейским свидетельством подписи руки моей. Я не слыхал, чтобы это когда-нибудь водилось,— и разве приписать это строгости и аккуратности, с какою исправляет Качен⟨овский⟩ свою должность. Эти обстоятельства навели меня на мысль предложить тебе другие распоряжения касательно Никанора. Пусть он приготовляется в Москве к четвертому экзамену, но держит его в Петербурге, а после уже студентом [может] переходит в Университет московский. Хотя это будет многосложно и трудно, но что ж делать, если иначе нельзя усторонить всех препятствий.— Твои отношения к Плетневу могут много помочь ему.— Сверх того, Грановский говорил Никанору, что четвертого экзамена нельзя держать в одном Университете. Эту мысль ⟨...⟩ высказал мне и Никанор, желая еще попытать счастия и обещаясь сурьезнее готовиться к Университету. Я согласился с его мыслию и с этою целию пишу к тебе, желая знать твое мнение.— Может быть, исполнение этого плана будет обременительно для тебя при твоих нуждах, при твоем теперешнем житье, о котором рассказывал мне князь П. Д. Козловский, но бо́льшую часть трудностей я беру на себя и решусь на всякое пожертвование в угоду тебе.

Не скрою от тебя того, что, при умножении моей семьи, мне становится тесненько и тяжелее во внешней жизни.

В надежде славы и добра
Гляжу вперед я без боязни,—

лишь бы это добро было действительно. Меня не огорчают грубые выходки Никанора против меня и Леоноры Яковлевны; но прискорбно то, что мои послуги не приносят ему ничего доброго, он ничего не подвинулся вперед. Его нерасположение ко мне очень естественно: ты поставил меня невольно в неприятные отношения к нему. Он смотрит на меня, как на доносчика, который за удовольствие считает ссорить его с братом ⟨...⟩ Получая письмо твое, он делался лучше, но не более как на неделю, а после того опять принимался за прежнее; следовательно, это был ребяческий страх при виде розги; впечатление страха миновалось, и обычное пошло своим чередом. Вот почему вслед за примирением возникают снова неудовольствия.— Мне кажется, не убеждения, не угрозы, не ласки должны переработать эту кривую, уродливую натуру, а просто жизнь ⟨...⟩ Поверь, что, познакомившись со внешнею жизнию, с ее бедами и лишениями, от которых у нас так часто болела голова, болит и теперь, он воскреснет для жизни внутренней, тогда пробудится в нем и любовь, и вера, и счастие в самом себе. Тогда он даст цену и тебе и мне, полюбит нас в своих воспоминаниях; а до тех пор всегда будет обитать в нем вражда ко всему окружающему, потому что без примирения с самим собою невозможно никакое примирение. Вот почему я прошу тебя успокоиться, не отравлять этим своей жизни

и предоставить все времени, не допуская его вдаться только в крайности ⟨...⟩ Ты помнишь мои детские капризы, мои неудовольствия на Алексея — и где они теперь? — с слезами благодарности вспоминаю и смотрю на него, как своего воспитателя, на человека, так много для меня жертвовавшего.— Итак, решай поскорее, что делать нам с этим годом ⟨...⟩ С удовольствием сообщаю тебе, что он ⟨Никанор⟩ вел себя во время экзаменов и даже с полученья денежного письма твоего благоразумно и умеренно, и я в своем письме описывал тебе прошлые его подвиги и в одном обстоятельстве оклеветал его, именно в подозрении, что он ходит по трактирам ⟨...⟩ Между тем, вышло, что он бывал в трактире Бубнова с А. В. Кольцовым, к которому приходил, вероятно, во время обедов ⟨...⟩ Буду ждать письма твоего и разрешения наших недоразумений, а до тех пор прощай [1]. Молю бога да сохранит тебя от всех бед и напастей ко благу и удовольствию любящих тебя, в числе которых и твой

Д. Иванов

В опускаемой части письма — подробная характеристика Н. Г. Белинского. Упоминаются: В. П. Иванова, Е. Н. Малинина и П. Д. Савельев.

[1] Ответное письмо Белинского от 25 августа 1841 г. — «Письма», II, 259—261.

149. Н. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Москва, сентября 4 дня 1841 года

Не знаю, как и благодарить тебя за твое обо мне попечение, любезный брат![1] С опасением и беспокойством ожидал я твоего ответа на письмо Дмитрия Петровича, а сам ничего не мог написать. И почти сверх чаяния исполнится то, о чем я едва смел думать. Теперь я не буду страшиться за свою будущность, и для меня могут настать счастливые дни. Хотя я очень жалею, что мне не удалось быть в Московском университете, но что делать! поступлю в Петербургский, и это очень много значит ⟨...⟩ Твое наставление касательно занятий очень хорошо, потому что русская грамматика, латинский, немецкий, французский языки и математика требуют времени более, нежели история, география и физика, и притом хорошее знание языков нужно и без университета, сверх того меньше будет предметов, удобнее и успешнее можно заниматься. Что касается до употребления времени, то я горьким опытом убедился, что надеяться на него ничего нет хуже, а должно работать каждый час, и с этим только можно успеть. Вследствие этого до января оно будет употреблено на дело. Только прошу тебя прислать несколько книг, а именно: латинскую грамматику Белюстина, Тита Ливия на латинском, Историю Филарета, Историю Иннокентия и математику Беллявена.

В отношении к Дмитрию Петровичу и Леоноре Яковлевне моим искренним желанием будет более всего стараться быть с ними в хороших отношениях и не быть им в тягость. Надеюсь, что теперь ты не получишь обо мне худых вестей и не будешь принужден писать писем, похожих на некоторые из прежних. Анна Максимовна, Александра Яковлевна, Марья Яковлевна тебе кланяются; живут они кое-как, беспрестанно хворают и ждут определения Павла Яковлевича. Прощай, остаюсь любящий и уважающий тебя брат твой

Никанор Белинский

В опускаемой части письма — рассуждения о целесообразности переезда Н. Г. Белинского в Петербург.

[1] Это письмо является откликом на письмо Белинского к Д. П. Иванову от 25 августа 1841 г. («Письма», II, 259—261).

150. Д. П. ИВАНОВ — БЕЛИНСКОМУ

Москва. 1842 года, генваря 20

Рекомендую тебе, любезный Виссарион, Александра Никаноровича Щетинина — супруга Надежды Николаевны, бывшей Владыкиной. Он желает поместить своих племянников в какое-нибудь военно-учебное заведение в Петербурге и предварительно приготовить их. Зная, что в числе твоих знакомых есть люди, служащие в корпусах и военных школах, я убедительно прошу тебя не оставить Александра Никаноровича своими советами, и, если можно, рекомендациею к лицам, от которых это будет зависеть ⟨...⟩ Вырвав этих мальчиков из рук пьяной матери, подлых мамушек и дядек, удалив от сообщества дикарей-братьев, погрязших в самом грубом, скотском разврате, Александр Никанорович увез их в Петербург с тем, чтобы очеловечить их, спасти от явной гибели, дать им воспитание, жизнь, и в этой-то благородной цели я прошу тебя помочь ему делом и советами.

Не зная ничего о обстоятельствах твоего выезда и приезда в Петербург, особливо о счастливом окончании дел Никанора Григорьевича, я прошу хоть его написать нам обо всем этом и вместе с тем прислать подробный адрес твоей квартиры, чтобы в случае можно было вернее адресовать свои письма ⟨...⟩[1]

В опускаемой части письма Д. П. Иванов дает характеристику обоим мальчикам Владыкиным; просит выслать ему портрет Лермонтова.

Упоминаются: Н. Г. Белинский, Владыкины и А. Н. Щетинин.

[1] Ответ Белинского на это письмо — «Письма», II, 288.

151. Д. П. ИВАНОВ — БЕЛИНСКОМУ

Москва. Июня 8 дня 1842 года

Я невольно виноват пред тобою, любезный Виссарион, в медленной присылке свидетельства. Три раза я посылал Ваню к Антонову, но он, бог знает почему, не отдавал свидетельства, обещаясь сам принести его; сам я два раза не заставал его в канцелярии и только вчера Николай Зотович (живописец), убежденный моими просьбами, рано утром отправился к Антонову, взял и принес ко мне свидетельство,— вместе с моим удостоверением, которое я писал для Каченовского. Намерение твое — определить Никанора Григорьевича в военную службу кажется мне так странным и удивительным, что я до сих пор с трудом верю твоему известию. Право, если бы мои обстоятельства хоть на волос были получше, я убедительно просил бы тебя прислать ко мне Н⟨иканора⟩ Г⟨ригорьевича⟩ с тем, чтобы спасти его от явной гибели ⟨...⟩ Мы все с прискорбием услышали от тебя эту весть и желали бы употребить все силы и средства, чтобы отклонить тебя и Никанора Григорьевича от этого крайне необдуманного намерения ⟨...⟩ Ради бога, прошу тебя поговорить со мною об этом аккуратнее: жизнь молодого человека, одаренного от природы хорошими способностями, умом, человека с добрым сердцем, благородными правилами много значит!.. Надобно устроить его не так, как придется, а так, как будет возможно лучше и надежнее, чтобы не было поздних оглядок и на него и на себя за него. Бог да поможет тебе к лучшему[1] ⟨...⟩ Прощай! ⟨...⟩ Кончу дела, еще буду писать к тебе о том же, если ты удостоишь меня своим ответом и поверишь искренности моих убеждений ⟨...⟩ У меня гостит батюшка, и он хочет писать к тебе. Навсегда твой

Дмитрий Иванов

УЛИЧНЫЕ ЗАРИСОВКИ: «БЛАГОРОДНЫЙ НИЩИЙ» И ВОДОНОС
Рисунок В. Ф. Тимма, 1840-е гг.
Собрание Н. В. Власова, Москва

Наверное ты уже знаешь, что Дмитрий Капитонович Исаев умер в Чембаре, в марте месяце, вскоре по приезде,— чахоткою.

В опускаемой части письма Д. П. Иванов подробно излагает свое мнение об отсутствии у Н. Г. Белинского данных для военной службы; советует определить его в Лазаревский институт восточных языков или на должность учителя.
Упоминаются: Н. Г. Белинский, М. Н. Кузьмин и П. Д. Савельев.

[1] В письме к Д. П. Иванову от 6—7 ноября 1842 г. Белинский подробно изложил причины, побудившие его отдать Никанора на военную службу.

152. П. П. ИВАНОВ (ОТЕЦ) — В. Г. и Н. Г. БЕЛИНСКИМ

〈Москва. Лето 1842 г.〉[1]

Любезные друзья
Виссарион Григорьевич
и Никанор Григорьевич!

Вот и я в третий раз посещаю Москву, крайне жалею, что не мог никого из вас застать. Старуха моя при отъезде моем 29 мая прошлого года приказывала напомнить вам, что вы ее одну только оставшуюся в чембарской маятности забыли и ни разу в утешение ее не напишете, да и я писал к вам, но вы не удостоили вашим ответом, вы не мстительны на прежние мои к вам, по нынешнему сказать, невежливости? Сие происходило от душевного расположения. Напишите, когда будет досуг, к нам, что придумаете 〈...〉

Приписка П. П. Иванова (сына):

С удовольствием пользуюсь случаем свидетельствовать вам, любезный Виссарион Григорьевич, мое глубочайшее почтение и пожелать вам успеха во всех ваших намерениях, кроме намерения определить в военную службу Никанора Григорьевича 〈...〉

В опускаемой части письма П. П. Иванова (отца) — известия о К. Г. Белинском; просьба выслать книжки духовно-нравственного содержания.

Упоминаются: К. Г. и Н. Г. Белинские и Ф. С. Иванова.

[1] Приблизительная датировка определяется содержанием письма.

153. Д. П. ИВАНОВ — БЕЛИНСКОМУ

Москва 1842 г. Ноября 13[1]

Как досадно, любезный Виссарион, что ты не получил письма моего, посланного с одним московским чиновником. Никанор был у нас сентября 9 числа 〈...〉 Он обещал из Ставрополя писать к тебе и к нам; говорил, что в этом городе он должен получить от тебя деньги и уже один продолжать путь свой до Тифлиса. С 9 сентября прошло уже более двух месяцев, но от него мы не получили никакого известия. Не остался ли он в Ставрополе ожидать твоих денег, но в таком случае он мог бы написать и тебе или ко мне об этом 〈...〉 Итак, участь его решена. Поразмыслив хорошенько, я увидел, что нельзя было поступить с ним иначе. Дать ему другое направление, надобно было ждать от него приготовлений, а это бесконечная песня. Военная служба, с беспрерывными невзгодами, тревогами, лишеньями, будет для него самою лучшею школою в жизни. В этом убедился я из рассказов брата Николая. Ошибка твоя в этом деле, самая непростительная, состоит в том, что ты определил его в такую даль, а более всего на свой счет. Определившись на казенный, он более успокоил бы тебя, доехал до Тифлиса скорее, надежнее и благополучнее, на почтовых, с казенными прогонами и на суточном содержании, а деньги, данные тобою, пригодились бы на обмундировку, на разные издержки частные, которые смягчили бы для него суровость нового положения, сохранили здоровье.— А теперь бог знает, как это кончится, молчание его не предвещает ничего доброго! Впрочем, может быть этого невозможно было сделать, и я не думаю, чтобы ты упустил из виду это обстоятельство без всякой видимой причины. В письме своем ты упоминаешь о каком-то свидетельстве в бедности для Никанора; уж не для того ли оно было нужно тебе? Как получишь письмо от Никанора, потрудись и меня уведомить об этом и пришли его адрес; я обещал послать ему деньжонок. Все поручения твои касательно Депутатского собрания и всех бумаг, необходимых для тебя, я передал батюшке; он еще здесь в Москве и сам будет писать к тебе в моем письме. Что будет зависеть собственно от, меня, то, будь уверен, исполнится: для тебя рад душевно в огонь и в воду! 〈...〉 Ты обещаешься приехать к нам на праздник; приезжай, ради бога; так много ты обрадуешь нас этим. Старики горят нетерпением видеть тебя.— Прощай! будь здоров, благополучен и счастлив. Об малейшем успехе по делу бумаг твоих я буду писать беспрестанно. Не забывай, хоть изредка, совершенно преданного тебе

Дмитрия Иванова

Приписка П. П. Иванова (отца):

Любезный друг и брат — Виссарион Григорьевич! Вот и я в третий раз в Москве. С 25 марта живу добро, и хозяин не пускает, хотя несколько раз собирался. Но два года из дому, не знаю, что сделано покойным Исаевым по вашим к нему и брату Константину поручениям, теперь путь настал, и я вскоре отправлюсь в Чембар, когда бог донесет, и за первое примусь за ваше дело и буду писать к вам, для чего оставил у себя и адрес к вам, я вам сперва обещал этим услужить, но причиною отлучки мои по делам гг. Владыкиных, во Владимирскую губернию, а теперь от них свободен.

Книги от Никанора Григорьевича я исправно получил и отправил с оказиею к старухе, теперь она их грызет без пощады и благодарит вас за них — я не успел прежде, в намерении исполнить сие по приезде домой

обще с старухою, но и от нее еще не получил известия. Вы купили дорогих, у вас в библейском обществе продаются дешево, потому и в Москве они по 15 коп. медью, то если случится вперед, не оставьте присылкою, они небольшие, да очень хороши, не называйте их хламом — знаете Священное писание, что Г. С. П. С. С. Д. ⟨?⟩, беда, коль скоро догадаетесь, куда мне деваться, но я уеду домой и от вас далеко, ничто сделаете, но в утешение старухи напишите хотя одно письмецо[2]. Она старая ваша любовница и вас всегда не забывает в молитвах, правду сказать, что у нас только и родни, что вы одни. Письмо ваше к ней много принесет удовольствия.

Мы теперь с нетерпением ожидаем обещанной присылки ящика с картинами, за которыми я, как вы заметить могли, большой волокита, не упустил бы взять, если найду по себе, домой. Кирюша владыкинской[3], я полагаю, имеет препропасть излишних. Если когда к вам придет, скажите ему о присылке из духовных, а всего бы лучше свои работы, я в Чембаре хлопотал о усовершенствовании ему отпускной, прощайте, любезный друг, желаю вам от души доброго здоровья и всякого благополучия ⟨...⟩

P. S. Алексей читал ваше письмо и ждет с нетерпением обещанной картины, приписать к вам не мог потому, что Дмитрий продолжал к вам письмо, но поручил также приписать к вам почтение. Посылку вашу поручить можно верному кондуктору, которые отправляются в Москву— записавши его имя, адрес или записку ему дать, вам известна квартира Дмитрия в Драчевском переулке в доме купца Кондратья Смирнова, а мы дадим расписку в получении.

В опускаемой части письма Д. П. Иванов подробно описывает пребывание в Москве Н. Г. Белинского, отправлявшегося на Кавказ, и свои служебные и семейные дела. Опускаются короткие дружеские приписки Н. П. и П. П. (сына) Ивановых.

Упоминаются: Н. Г. Белинский, А. П., Н. П., П. П., Ф. С. и Э. Я. Ивановы, Е. П. Лопатина (Иванова), Петровы и В. К. Ржевский.

[1] Это письмо является ответом на письмо Белинского от 6 — 7 ноября 1842 г. («Письма», II, 312—315).

[2] Отправляя для Ф. С. Ивановой, по ее просьбе, какую-то книгу духовного содержания, купленную им по дешевке, Белинский выразил свое презрение к книгам подобного рода, назвав их «хламом» («Письма», II, 314). Этим вызвана ответная реплика П. П. Иванова.

[3] Имеется в виду художник Кирилл Антонович Горбунов.

154. Н. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Тифлис, ноября 16 дня 1842 г.

Наконец, после долгой и неимоверно трудной для меня дороги я приехал, любезный брат, в Тифлис. То, что я вытерпел в продолжение своего путешествия, можно понять из того, что к концу его я пришел почти в отчаяние, не зная, когда оно кончится ⟨...⟩ По приезде в Тифлис я прежде всего отправился в главный штаб узнать о письме с деньгами, которые ты обещался мне выслать две недели после моего отъезда из Петербурга, но, к прискорбию и отчаянию своему, узнал, что письма не было; поэтому, чтобы расплатиться с извозчиком, я должен был заложить свои вещи за 50 рублей и то едва умолил одного человека найти мне того, кто бы дал эти деньги. Теперь я нахожусь в самом крайнем положении ⟨...⟩ Любезный брат, молю тебя всем, чем только может молить человек, употреби все возможные усилия для достания денег, если их у тебя нет, и выслать мне с первою почтою рублей 70 или 80, иначе все мои вещи должны достаться тому, кто дал мне 50 рублей, если я их не заплачу через месяц в силу расписки, которую ему дал ⟨...⟩ Опять повторяю свою просьбу, выведи меня из мучительного положения и не доведи до совершенного отчаяния. Кланяйся от меня А. В. Кольцову и К. С. Милановскому[1], также А. В. Кульчицкому и Марфе Максимовне[2] ⟨...⟩

В опускаемой части письма Н. Г. Белинский подробно излагает свои злоключения в пути и в Тифлисе. «Теперь только стал я узнавать, что такое жизнь, и кровавыми слезами должен оплакивать невозвратно ушедшее время», — восклицает он в отдельной приписке.

[1] Константин Соломонович Милановский. См. о нем в «Лит. наследстве», т. 56, стр. 216 и 244 и «Письмах», II, 316; III, 111.
[2] Марфа Максимовна — вероятно квартирная хозяйка Белинского. См. упоминание о ней в «Письмах», II, 290.

155. Н. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Тифлис, Генваря 12 дня 1843 года

От души благодарю тебя, любезный брат, за память и попечение обо мне. Деньги, присланные тобою, помогли мне как нельзя больше, я теперь выкупил свои вещи и снова с бельем, с книгами и необходимыми вещами, так нужными в общежитии 〈...〉 Очень поразило меня твое известие о смерти Кольцова, этого я не ожидал. В Воронеже я его не видал, по приезде туда тотчас отправился в его дом и услышал, что он накануне уехал, следовательно, я не застал его одним днем. Где он умер, у тебя ли в Петербурге? или в Москве? или в другом месте и какою болезнию? 〈...〉 Не обременяя тебя и не докучая тебе, я прошу тебя прислать мне, если будет возможность, французский словарь и два или три сочинения на французском; не назначаю какие, полагаясь на твой выбор и возможность достать их. Мне не хочется забывать этого языка, а времени достанет и 〈на〉 большие занятия, была бы охота и возможность. Также не худо иметь и французскую грамматику.

Еще прошу тебя написать брату Константину насчет послужного списка, я писал к нему два письма из Петербурга и просил его убедительно, но он не только не хотел выхлопотать списка, но даже и написать что-нибудь об этом, а у меня требуют его. Марфе Максимовне свидетельствую мое почтение и благодарю ее за память обо мне. Константину Соломоновичу 〈Милановскому〉 также кланяюсь. Адрес пиши: в г. Гори юнкеру Грузинского гренадерского полка 〈...〉

В опускаемой части письма Н. Г. Белинский описывает свое пребывание в Тифлисе и тяготы военной службы.
Упоминается Огниевский.

156. Н. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

г. Гори. Мая 1 дня 1843 года

Любезный брат Виссарион, семь месяцев прошло с тех пор когда мы расстались, и вот уже пять месяцев, как я живу в Грузии, но во все это время написал тебе два письма, в которых не писал ничего, кроме своих худых обстоятельств и жалоб на скуку. Это можно извинить, зная, в каком я был положении 〈...〉 Прошу тебя, брат, не забывай меня хотя редкими письмами и по возможности присылай книги, которые при здешней жизни составляют единственное развлечение.

При первой возможности буду писать к Дмитрию Петровичу и к сестре. Кланяйся от меня Марфе Максимовне, если еще живешь на прежней квартире, также 〈К. А.〉 Горбунову, 〈К. С.〉 Милановскому и 〈В. И.〉 Кречетову[1] 〈...〉

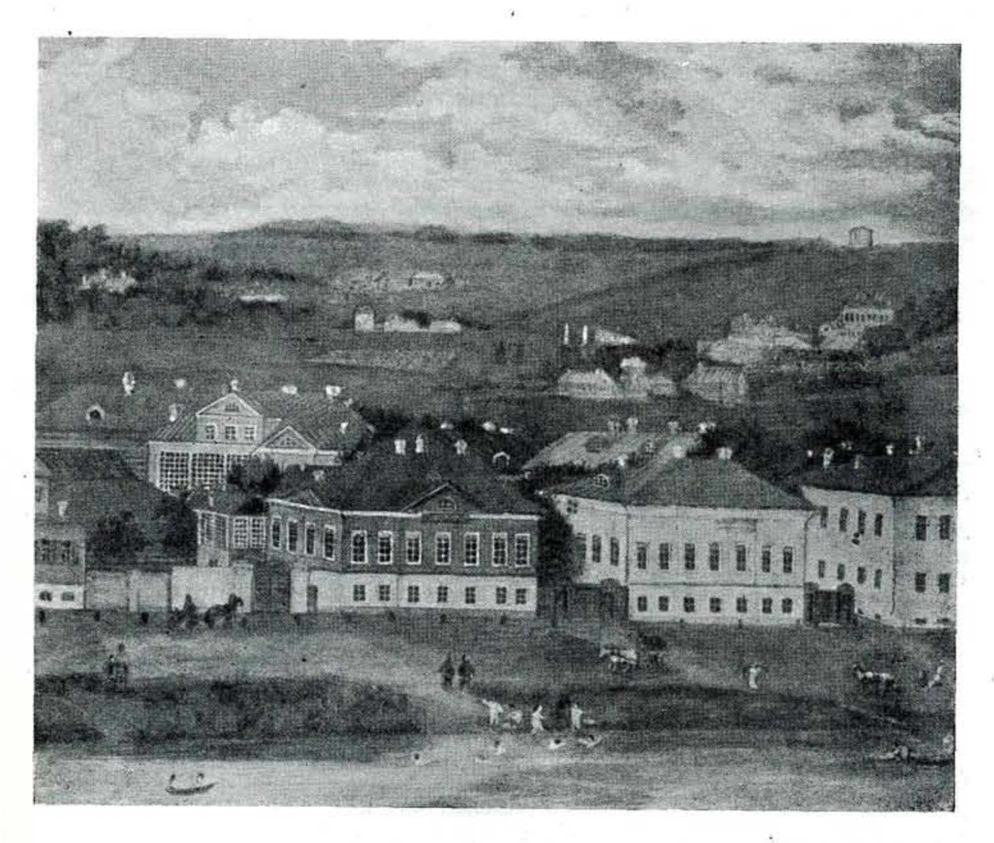
В опускаемой части письма Н. Г. Белинский сообщает о своем болезненном состоянии; дает описание г. Гори и полковой жизни.
Упоминается К. Г. Белинский.

[1] Василий Иванович Кречетов — учитель русской словесности. См. частые упоминания о нем в «Литературных воспоминаниях» И. И. Панаева. См. также «Письма», II, 291, 360, 369.

157. Н. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

г. Гори. Июля 9 дня 1843 года

Письмо твое от 1 июня, любезный брат Виссарион, я получил 6 июля[1]. Не получая ответа на мои письма шесть месяцев, я не знал, чем это объяснить. Прибытие каждой почты обманывало мою надежду получить письмо. Я думал, что ты или умер, или совершенно забыл обо мне. Но это письмо самым приятным образом рассеяло мой страх и опасения. Из него я увидел всю твою доброту и заботливость обо мне. Не могу выразить тебе чувств признательности, но слова ничего не значат, и я почту себя вполне

ПЕНЗА
Акварель неизвестного художника, 1840-е гг.
Исторический музей, Москва

счастливым, когда буду в состоянии показать тебе делом то, что я чувствую теперь. Благословен будет тот день, в который могу сделаться чем-нибудь полезным для тебя. Одна мысль, что я имею такого брата, должна облегчать мои горести, лишения и бедность. Ты жалеешь, что я попал на Кавказ. Это справедливо, что здесь мне нельзя ждать ничего для себя хорошего, но ошибка в расчете принесла большую пользу, потому что определение в службу в здешней стороне и жизнь в Грузии научили той истине, что никогда не должно надеяться на будущее, если это будущее ни на чем не основано. Я думал по своему малодушию и неведению найти здесь рай, а между тем нашел ад. Жестокий опыт и страдания в короткое время многому научают человека. Во всяком случае эту ошибку можно исправить. Существует положение, что родственники имеют право просить началь-

ство о переводе своих родных из одного корпуса в другой. Поэтому проси Инспекторский департамент о переводе меня в полк, который находится в корпусе, расположенном или в Петербургской и смежных с ней губерниях или в Московской, где будет удобнее и выгоднее. Предоставляю это на твое благоусмотрение и твою волю. Послужу там и как-нибудь дотяну до офицерского чина. Месяц тому я подавал перевод на линию, в Новагинский полк и недавно получил отказ 〈...〉

Больно мне было слышать о подлости и неблагодарности человека, которому ты оказывал расположение и делал добро[2]. Желаю тебе провести время в Москве как можно веселее между друзьями и знакомыми. Неделю тому как я послал тебе письмо, и оно будет лежать до твоего приезда в конторе «Отечественных записок».

Мой сердечный поклон Василию Петровичу, Дмитрию Петровичу, Алексею Петровичу, Петру младшему, Леоноре Яковлевне, Кетчеру. Желаю тебе быть здоро〈вы〉м, счастливым и веселым, остаюсь любящий тебя брат и друг

Никанор Белинский

Надеюсь, что ответ твой не замедлит, тем более, что обстоятельства этого требуют, если я проживу еще полгода в Грузии, то здоровье мое не вынесет.

Благодарю тебя за деньги, были мне дороже 200 рублей.

В опускаемой части письма Н. Г. Белинский сообщает о своей болезни и пребывании в лазарете.

[1] Это письмо Белинского к брату Никанору не сохранилось, так же как и другие адресованные ему письма. Из ответа Н. Г. Белинского можно получить некоторое представление о характере пропавшего письма.

[2] Повидимому, имеется в виду К. С. Милановский (см. выше примеч. к письму № 154), которого Белинский «выгнал из своей квартиры со скандалом», заподозрив в нем агента III Отделения (см. К. Д. Кавелин. Воспоминания о В. Г. Белинском. «Белинский в воспоминаниях современников». М., 1948, стр. 87).

158. Н. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

г. Гори. Сентября 25 дня 1843 года

Благодарю тебя, любезный брат, за письмо, оно пробудило во мне много чувств к тебе, заглушенных дурным направлением и самонадеянием[1]. Но благодаря теперешней жизни, которая каждую минуту заставляет заглядывать в себя и настоящими глазами смотреть на других и на все окружающее, во мне мало осталось прежнего, дурного, заставившего испытать эту жизнь. Познание это обошлось мне дорого, зато послужит прочным основанием моего будущего существования. Я тебя просил перевесть меня в Россию, ты советуешь подождать до весны, потому что у тебя будут тогда деньги. На это я скажу тебе, что если останусь здесь еще полгода, то не знаю, где буду до тех пор, может быть, в месте, в тысячу раз худшем этого по климату, и в обстоятельствах, несравненно худших 〈...〉 Поэтому прошу тебя, постарайся перевесть меня в скорейшем времени. Я с радостию пойду без всего необходимого, зная, что ухожу из Грузии. С каждою почтою буду ждать от тебя известия о переводе и утешать себя тем, что, наконец, придет день, в который я вздохну свободно 〈...〉 С генваря у меня не было, что называется, копейки денег; присланные тобою 100 рублей я употребил на выкуп вещей, заложенных по приезде в Тифлис. Мне много помог один товарищ, с которым я сошелся очень хорошо, и если бы не он, не знаю, что бы я стал делать 〈...〉

Прибегаю с просьбою к тебе, помоги мне присылкою 15 или 20 р., они теперь будут для меня дороги.

Это письмо я отправил, продав рубашку, совершенно не лишнюю. Прошу, исполни мою просьбу. Засвидетельствуй мое почтение Марфе Максимовне ⟨...⟩

В опускаемой части письма Н. Г. Белинский сообщает о своем болезненном состоянии и материальных нуждах.

[1] См. примеч. 1 к предыдущему письму.

159. Д. П. ИВАНОВ — БЕЛИНСКОМУ

Москва. 1843 г. Октября 8 дня[1]

Вместе с этим письмом к тебе, любезный Виссарион, отправляю третье письмо к батюшке. Деньги посланы мною 14 августа, и в письме своем от 6 сентября батюшка пишет, что получил деньги и доверенность и при первой возможности примется за твое дело. На два письма мои, посланные после этого известия, я не получал ни строчки из Чембара. Теперь написал к нему письмо, самое настойчивое и убедительное, в котором прошу так же как и в письме, посланном за две недели, написать ко мне, за чем остановилось дело, если оно не пошло в ход, и чтобы он тут же, как Депутатское собрание сделает определение об отсылке документов твоих в герольдию, тут же взял бы копию с этого определения, которую велено везде принимать, как доказательство дворянского происхождения, и которая имеет равную силу с грамотою.— Я просил его поступить таким образом в случае, если получение дворянской грамоты будет затруднительно. Для тебя же все равно — представить тот или другой документ, т. е. копию с определения или грамоту: при определении на службу они имеют равную силу. Получив эту копию, ты мог бы спокойнее дожидаться грамоты. Также писал к нему о свидетельстве о смерти дедушки, как в первом, так и в теперешнем письме. В доказательство того, что ни одно слово твоих писем, относящееся к грамоте, не было оставлено мною, я скажу, что письма твои от слова до слова были помещаемы в моих письмах к батюшке. Следовательно, и по моим убеждениям и по тону твоих писем он может догадаться, что в грамоте настоит чрезвычайная нужда ⟨...⟩ Поверь мне, что в деле твоего дворянства я принимаю деятельное участие, неослабно наблюдаю за действиями в Чембаре и по первому твоему слову передаю т⟨уда⟩* всякие твои желания. Первое полученное мною письмо от батюшки тут же перешлю к тебе в подлиннике. Жена и дети тебе кланяются, потом и сестра Катерина, от которой с месяц назад получил письмо из Сибири ⟨...⟩

В опускаемой части письма Д. П. Иванов излагает причины, вызвавшие задержку его ответа Белинскому, и свои семейные новости.

Упоминаются: П. П. и Э. Я. Ивановы.

[1] Это письмо является ответом на письмо Белинского от 1 октября 1843 г. («Письма», III, 25).

160. Н. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Город Гори. Декабря 4 дня 1843 года

Письмо твое от 29 октября, любезный Виссарион, я получил 28 ноября[1]. В нем, как и во всех твоих письмах, я увидел ту же доброту, ту же готовность облегчить мою участь всеми зависящими от тебя средствами. Я с тоскою и нетерпением ждал от тебя ответа насчет моего перевода в Россию.

* Письмо повреждено.

Мне необходимо нужно уехать из этого края, вредного по климату, скучного, дикого. Если б я определился в один из полков, стоящих на линии, то судьба моя была бы другая. Но что сделано, того не воротишь 〈...〉 Переведи меня куда будет лучше по твоему усмотрению 〈...〉 Известие о твоей женитьбе крайне меня изумило, не могу объяснить этого события в твоей жизни. Напиши мне, на ком ты женишься или уже женился[2] 〈...〉

Благодарю тебя за помощь, присланные тобою деньги помогли мне выйти из чрезвычайно затруднительного положения; но необходимость заставила вторично просить тебя о помощи. Ради бога, пришли еще рублей 25, они мне при настоящем положении необходимы, и я не стал бы тебя обременять, если бы не крайность заставляла прибегнуть к этому. Если можешь прислать сколько-нибудь, то не замедли отправлением. Не откажи в помощи. Когда будешь писать, то уведоми меня, что делают и как живут Дмитрий, Алексей и Петр Петровичи и в университете ли последний. Засвидетельствуй мое почтение всем им, также Марфе Максимовне и тем, кто принимает во мне участие. Прощай, желаю тебе быть здоровым и счастливым, остаюсь искренно любящий тебя брат твой

Никанор Белинский

В опускаемой части письма Н. Г. Белинский выражает желание перевестись из Грузии в Россию и жалуется на брата Константина, не высылающего ему необходимых документов.

[1] См. примеч. 1 к письму № 157.

[2] Белинский женился на М. В. Орловой 12 ноября 1843 г.

161. Д. П. ИВАНОВ — БЕЛИНСКОМУ

Москва. 1843 года, декабря 20-го

Наконец я получил, любезный Виссарион, письмо от батюшки с подробными известиями о твоей грамоте. Вот точные слова этого письма:

«Теперь извольте выслушать отчет в деле Виссариона Григорьевича о грамоте. Поверенный его Николинька отправлялся в Пензу подавать прошение, где пробыл недели почти две. По затруднению тому, что В〈иссарион〉 Г〈ригорьевич〉 не имеет настоящего свидетельства о крещении, по нахождении на службе его родителя, придумали поправить несколько дело: отобрать от брата Константина Г〈ригорьевича〉, что он ему родной брат, рожденный от одних родителей (смех да и только, а делать нечего). Почему Николинька, обратясь из Пензы, входил с прошением в Чембарское городническое правление об отобрании показания от Конст〈антина〉 Григор〈ьевича〉, которое взято и с него получена засвидетельствованная копия, и с этим Николинька отправился в Пензу, чтобы из всех представленных документов составить выписку с законами, а по ней определение на выдачу грамоты, и чтобы дать скорее возможность В〈иссариону〉 Г〈ригорьевичу〉 к определению на службу, получить с протокола копию, для отсылки к нему.— Виссарион Григорьевич скажет: побери вас лукавый с вашими крючками, а грамоты нет! Погоди покуда: скоро сказка сказывается и прочее. К новому году собираются депутаты, и тогда подпишется грамота. Секретарь собрания, вместо умершего Тороринa, Григорий Семенович Волков просил написать к Висс〈ариону〉 Гр〈игорьевичу〉, чтобы он попросил письмом губернского предводителя Федора Ивановича Никифорова, который его знает, об удовлетворении его в грамоте. А как секретарь собрания г. Волков имеет дар сочинять в прозе и стихах и желает, чтобы его творения помещались в «Отечественных записках» в редакции г. Краевского, у которого сотрудником В〈иссарион〉 Г〈ригорьевич〉 и что «Отечественные записки» будут продолжаться и в будущем

Крепость Владикавказъ 1844 года Апреля 2

Пишу тебѣ любезный братъ изъ штаба Навагинскаго пехотнаго полка, въ который я пришелъ изъ Грузіи три дни тому назадъ. Переводъ въ этотъ полкъ совершился, можно сказать по прихоти судьбы, потому что просилъ корпусного командира, докладною запискою, о переводѣ меня въ дѣйствующій полкъ; я не думалъ чтобъ онъ назначилъ меня сюда. Признаюсь тебѣ, что въ этой перемѣнѣ своей судьбы я вижу скорѣе худшее нежели лучшее. Меня всего больше страшитъ вопросъ о томъ, могу-ли я выдержать трудность дальняго и быстраго похода, который начнется въ наступающемъ мѣсяцѣ, и достанетъ-ли у меня мужества встрѣтить смерть лицомъ къ лицу, видѣть какъ вокругъ меня будутъ погибать тысячи людей и вынести это. Мнѣ кажется что нѣтъ,

не дождусь его еще черезъ годъ или болѣе. Засвидѣтельствуй мое искреннее почтеніе любезной Марѳѣ Васильевнѣ и передай ей мою родственную любовь и расположеніе. Прощай, благослови меня, вмѣсто отца, на предпринятое мною дѣло и пожелай успѣха. Кланяйся отъ меня Дмитрію, Алексѣю, Петру Петровичамъ, Марѳѣ Максимовнѣ и всѣмъ кто меня знаетъ. Остаюсь любящій и уважающій тебя братъ твой и другъ, въ желаніи тебѣ всѣхъ благъ и счастія. Никаноръ Бѣлинскій.

АВТОГРАФ ПИСЬМА К БЕЛИНСКОМУ ЕГО БРАТА НИКАНОРА ОТ 2 АПРЕЛЯ 1844 г.
Страницы первая и последняя
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

1844 году, что припечатано в 128 № «Московских ведомостей», то и просил (Волков) Николиньку написать об этом к В⟨иссариону⟩ Г⟨ригорьевичу⟩.— Николинька уже сказал, что послал письмо с тем, чтобы В⟨иссарион⟩ Г⟨ригорьевич⟩ написал к Волкову дозволение посылать к нему сочинения, для помещения в «Отечественных записках». Это может не понравиться Виссариону Григорьевичу, но делать нечего: малодушных утешайте! а наше дело необходимое — лишь бы получить грамоту и подешевле в расходах по объясненному затруднению. Напиши к В⟨иссариону⟩ Г⟨ригорьевичу⟩ об всем этом и что получишь в ответ также уведомь»[1].

Вот все известие, выписанное из письма батюшки с математическою точностию. Дело, кажется, состоит в том, что Дворянское собрание, приняв прошение от брата Николая и рассматривая документы твои, нашло неудовлетворительным свидетельство о крещении. Батюшка согласил секретаря заменить этот документ показанием от Константина Г⟨ригорьевича⟩, что ты действительно родной брат его. Получив это показание, Дворянское собрание, вероятно, составит уже определение, или протокол о выдаче тебе грамоты. Копия с этого определения имеет равную силу с грамотой; ее потому я прежде просил взять и с тем, чтобы не заставить тебя долго дожидаться, но батюшка справедливо рассудил подождать нового года, когда соберутся в Пензу депутаты уездных городов. Грамота непременно должна быть подписана всеми уездными депутатами, а это обстоятельство может случиться не прежде, как все они приедут в Пензу. Немного времени остается до нового года, следовательно, можно подождать. Между тем не худо было бы тебе принять совет секретаря Волкова и написать письмо к губернскому предводителю дворянства и вместе с тем и к самому Волкову. Дело будет стоить нескольких взмахов пера, а оно ускорит выдачу грамоты. Разочаровывать Волкова в его безумных авторских претензиях и поправить тем глупую ошибку брата Николая предоставляю в полную волю твою.

Батюшка пишет еще об одном подьячем Дворянского собрания, который много помогает ему в деле твоей грамоты. Это какой-то Михаил Александрович Кузнецов. Быв на службе в Нижне-Ломовском уездном суде, он получил чин коллежского регистратора. С него вычли, как следует, за чин и патент деньги, но патента не прислали. Батюшка пишет, нельзя ли Висс⟨ариону⟩ Григорьевичу похлопотать через кого-нибудь в 1-м Департаменте Сената или в Герольдии о высылке этому Кузнецову патента. В чин он произведен указом Сената июня 21 дня 1840 года. Я отказал уже батюшке в этой просьбе, представляя ему в справедливые резоны твои недосуги и невозможность хлопотать об этом деле, и теперь пишу только потому, чтобы известить тебя ⟨...⟩ Носятся слухи о скором приезде твоем в Москву. Уведомь, правда ли это? Домашние мои все усердно кланяются тебе.— При новом известии о грамоте, буду опять писать к тебе, а до тех пор прощай.

Прими изъявление искренней любви и уважения, с каковыми есть всегда твой

Дмитрий Иванов

В опускаемой части письма — сообщение о домашних делах Ивановых. Упоминается Ю. Д. Иванова.

[1] В ответном письме к Д. П. Иванову от 12 апреля 1844 г. Белинский писал: «Писать к дворянскому предводителю Никифорову—да как и по какому праву стану я писать к человеку, которого совсем не знаю? И о чем буду я просить его? ⟨...⟩ Потом, обещать Волкову помещение его сочинения в „Отечественных записках" было бы с моей стороны явным надувательством, тем более, что это помещение от меня нисколько не зависит» («Письма», III, 81).

162. Н. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Город Гори, февраля 12 дня 1844 года

Письмо твое[1], любезный брат, в котором ты высказал свое мнение о моем переводе в Россию, доказало мне ту истину, что никогда не должно намерения своего обнаруживать без подробного изъяснения всех обстоятельств дела, которое мы предпринимаем. В прежнем письме я выразился очень неудовлетворительно о выгодах служить в России, а ты вывел из этого неблагоприятное мнение о моих предположениях, отчетливо обдуманных, и называешь их ребяческими фантазиями. Нет, любезный брат, фантазии своей я не даю воли тешиться несбыточным и несуществующим, а скорее представляю предмет с трудной и худшей стороны, нежели каков он в самом деле 〈...〉

От души благодарю тебя за деньги, они поспели в самое критическое время, когда надо приготовиться к дороге. Я вполне верю, что ты не оставишь меня своим пособием и на будущее время, потому что знаю твою доброту и сострадательность. Ты пишешь, чтоб я не думал, что ты не хочешь помогать мне. Нет, я не мог этого думать, видя твою готовность исполнять мои просьбы. Из Тифлиса напишу тотчас, если мне удастся выпроситься в другой полк вместо Новагинского. Если ты захочешь вскорости написать мне ответ на это письмо, то пиши в Тифлис на имя поручика Аполлона Васильевича Лыкова с передачею мне, но уже как юнкеру Новагинского полка 〈...〉

Марфе Максимовне мое нижайшее почтение и благодарность за память обо мне.

Прощай, остаюсь любящий тебя признательный брат твой

Никанор Белинский

В опускаемой части письма Н. Г. Белинский подробно описывает тяготы солдатской жизни в Грузии, перечисляя преимущества службы в России. Сообщает, что подал прошение о переводе его в действующий полк. Опускается также приписка Н. Г. Белинского, адресованная М. В. Белинской.

[1] См. прим. 1 к письму № 157.

163. А. Г. КУЗЬМИНА (БЕЛИНСКАЯ) — БЕЛИНСКОМУ

1844 года марта 13 число

Любезный брат
Виссарион Григорич!

Кажется, пора нам вспомнить друг друга. С самого моего замужества переписка наша прекратилась совершенно, только не знаю почему ты уехал в Петербург и не уведомил, где ты и что. Брат, как больно иметь близких к сердцу и не знать о них ничего. Ты сам писал сколько раз нам, чтобы мы жили дружней, а теперь первый забыл, что у тебя есть сестра, не хочешь написать хоть несколько строк. Ну, брат, а теперь как хочешь, а отвечай непременно на это письмо. Я желаю знать о тебе, в каком ты положении находился, да скажи, брат, что наш бедный Никанор, где он служит и как,— я ничего о нем не знаю 〈...〉 О грамоте твоей Н〈иколай〉 П〈етрович〉 и не думает. Я удивляюсь, брат, почему ты не хотел написать нам. Мы живем в Пензе, могли скорей и схлопотать. С деньгами можно все сделать, ведь ты прислал 150 рублей Николаю Петровичу. В Пензе ему надо непременно быть, а он ни разу не был. Это доказывает, что заботится о твоей просьбе. Ведь чужие нужды выходят из головы скорей, чем свои. С тех пор как ты прислал деньги, он начал хлопотать себе должность.

Брат, теперь я с моей просьбой. Если ты имеешь возможность, то пришли мне 100 рублей денег ⟨...⟩

В ожидании скорого ответа остаюсь преданная тебе сестра твоя

А. Кузьмина

Муж мой тебе свидетельствует почтение.

В опускаемой части — подробности семейной жизни А. Г. Кузьминой, сообщение о долгах, в которые она якобы вошла еще до замужества, усиленная просьба выслать 100 рублей.

164. Н. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Крепость Владыкавказ, 1844 года. Апреля 2

Пишу тебе, любезный брат, из штаба Новагинского пехотного полка, в который я пришел из Грузии три дня тому назад. Перевод в этот полк совершился, можно сказать, по прихоти судьбы, потому что, прося корпусного командира докладною запискою о переводе меня в действующий полк, я не думал, чтоб он назначил меня сюда ⟨...⟩ Намереваясь итти в этот поход, я не только не имею копейки денег, но даже самой необходимой одежды, как-то: сапог, шинели, архалуха и других вещей, необходимых для сохранения здоровья. В этой крайности я опять решаюсь обратиться к тебе с просьбою о присылке мне денег рублей 50. Крайне совестно мне так часто обременять тебя, и я бы в другом случае никак не решился на это и лучше согласился бы перенесть всевозможную нужду и бедность, нежели докучать своими просьбами. Денег, присланных тобою в последний раз, давно нет ⟨...⟩ Рассуди о моем положении, и ты увидишь, как необходима теперь мне даже самая мал⟨ая⟩* помощь. Нашему полку предписано ⟨идт⟩и* с одним из главных отрядов из Владыкавказа в южный Дагестан, где, как предполагают, будут главные действия этой войны. А Дагестан отсюда верст 600. А пройти этот путь по горам и чрез горные потоки нельзя, не имея по крайней мере 3 пар сапог и в случае холода, который здесь до сих пор постоянен. Может быть, это будет последняя жертва с твоей стороны для меня. Не знаю, возвращусь ли я из похода или нет. И если ты уважишь мою просьбу, то прошу сделать это в наискорейшем времени.

Я буду ждать твоего письма во Владыкавказе и лягу для этого в лазарет. Вот мой адрес: в крепость Владыкавказ, в штаб Новагинского пехотного полка ⟨...⟩ Если ты будешь так снисходителен, что исполнишь мою просьбу, то вместе с этим я прошу тебя уведомить меня насчет послужного списка отца, будет ли он, наконец, выслан или я не дождусь его еще через год или больше.

Засвидетельствуй мое искреннее почтение любезной Марии Васильевне и передай ей мою родственную любовь и расположение. Прощай, благослови меня, вместо отца, на предпринятое мною дело и пожелай успеха. Кланяйся от меня Дмитрию, Алексею, Петру Петровичам, Марфе Максимовне и всем, кто меня знает.

Остаюсь любящий и уважающий тебя брат твой и друг в желании тебе всех благ и счастия [1].

Никанор Белинский

В опускаемой части письма Н. Г. Белинский сообщает подробности о предстоящем походе против Шамиля и свои опасения насчет того, сможет ли он выдержать тяготы похода.

[1] Дальнейшая судьба Н. Г. Белинского неизвестна. Возможно, он погиб во время этого похода.

---

* Письмо повреждено.

165. Д. П. ИВАНОВ — БЕЛИНСКОМУ

〈Москва, 26 декабря 1844 г.〉

Извини, любезный Виссарион, что я, не зная адреса твоей квартиры, пишу к тебе через редакцию, вопреки твоему запрещению.— Я недавно познакомился с одним дельным молодым человеком. Это Михаил Иванович

БЕЛИНСКИЙ

Бюст работы Е. Ф. Кочуашвили, установленный в Пензенском городском парке культуры и отдыха им. Белинского 7 июня 1948 г.

Фотография Н. Н. Павлова (Пенза)

Жихарев. Деятельные занятия литературою и желание самому действовать на ее поприще понудили его написать статейку, которую, по его просьбе, я решился препроводить к тебе. Статье дано заглавие Отрывка из романа потому, чтобы иметь право на помещение ее в отделе словесности, а не науки, хотя, по своему содержанию, она относится к последнему. Убедительно прошу тебя почтить эту статью своим вниманием и, если есть возможность, похлопотать об ее помещении в «Отечественных записках».

Мне кажется, она противоречит характеру вашего журнала, но, может быть, с немногими изменениями ее легко поместить в нем. Журнал может приобресть этим дельного сотрудника, хотя и не нуждается в этом, но главное: помещением ты премного обяжешь меня. Жихарев просил не выставлять его имени под статьею и напечатать несколько экземпляров отдельно, собственно для него. Вот его условия.— Вместе с этою статьею он предлагает редактору несколько известных тебе лекций Вильмена о Руссо, которые давно переведены Жихаревым и тоже жаждут печати. Во всяком случае: да или нет, и прошу тебя, как можно скорее, уведомить меня об этом, хотя в нескольких строках ⟨...⟩

В поездке в Петербург сестра, вероятно, не отстанет от мужа, следовательно, ты увидишься с нею. Может быть, и я присоединюсь к ним, взявши отпуск на 28 дней.

В последнем письме своем батюшка просил написать к тебе о грамоте. С Кирилою Антоновичем Горбуновым он отправил к тебе письмо об этом деле и теперь просит тебя о немедленном ответе: что ты успел сделать в герольдии? Деньги, присланные тобою, отданы на расходы секретарю Дворянского собрания и должны быть употреблены на грамоту, как скоро дело возвратится из герольдии. Неужели у тебя нет знакомых, которые могли бы, не тревожа тебя, справиться в герольдии: за чем остановилось дело и нет ли средств подвинуть его вперед, ускорить возвращение бумаг в Пензу. Если ты сам охладел к своему дворянству, то вспомни, что оно дорого для Никанора Григорьевича. Кстати, не оставь написать: где он теперь? Как служит? Хорошо ли ему на Кавказе? Чембарские наши интересуются знать об этом, а между тем не имеют к этому никаких средств. Переслали ли к нему бумаги, в которых он так нуждался и о которых я сильно хлопотал, побуждая к этому батюшку и моих чембарских знакомых? ⟨...⟩

Оканчивая письмо мое, убедительно прошу тебя не оставить меня ответом на мою просьбу о Жихареве. Если статья не может быть помещена, то не трудись возвращать ее, а просто уведоми меня. Кланяюсь тебе от имени жены и детей.

Будь здоров, прими уверения в совершенной преданности к тебе ⟨...⟩ [1]

26 декабря 1844 года. Москва

Адрес мой: В 3 Мещанской, в доме купца Волчанинова, второй дом на левой стороне от Садовой. Напиши и свой адрес.

В опускаемой части письма Д. П. Иванов сообщает о предстоящем приезде в Москву из Сибири своей сестры Екатерины и ее мужа — А. Н. Лопатина, якобы ставшего миллионером.

Упоминаются: М. И. Жихарев, А. П., Н. П., П. П. и Ф. С. Ивановы, А. Н. и Е. П. Лопатины и Смирновы.

[1] Ответ Белинского на это письмо неизвестен.

166. П. П. ИВАНОВ (ОТЕЦ) — БЕЛИНСКОМУ

С⟨ело⟩ Пачелма 18 февраля 1846 года

Любезный друг и брат,
Виссарион Григорьевич!

С тех пор как Никола был в Петербурге, мы не имеем о тебе никакого сведения, жив ли, здоров ли, право ничего не знаем. Какой скупой на письма, заехал в столицу, нас, стариков, и знать не хочешь — да, правда, некогда, надо браниться с литераторами, и у меня есть некоторые книжки,

читаешь сочинения иных, кажется — чего тут найти, а прочтешь твои возражения, увидишь правду. Что с тобою, неугомонным, делать, думаешь иногда как бы побранить, но куда с тобою состязаться! Письма твои у нас все хранятся, читают посетители, да и ну хохотать, право, пишу без лести, которой ты не любишь; оставя эту бессмыслицу мою, побеседуем о дельном.

Вы,—ох, ошибся,—ты не любишь этого, на что документом письма твои, я полагаю. Дознал, где герольдия, и, как Николай говорил, обещали поправить дело, но едва ли это последует ⟨...⟩ Я желал получить от приходского священника Андрея свидетельство о написании тебя по духовным росписям, но он отказался тем, что таковое выдано Константину Григорьевичу, но этот чудак с тестем затеряли и по всем моим домогательствам найти не могли, почему до отъезда Николая 16 декабря с зятем в Красноярск послано от имени его как твоего поверенного в собрание пензенское прошение с тем, чтоб оное чрез консисторию сделало справку о написании тебя по духовным чембарской Николаевской церкви росписям с 1816 по 1829 год, т. е. вы в последнем выбыли в Москву, и представило в герольдию. Теперь я ожидаю из Пензы уведомления, когда вновь представить в герольдию, но, может быть, не скоро получу, и собрание пошлет в герольдию, но за всем тем не мешает тебе наведываться о получении дела, но предварительно и попросить того из столоначальников, у которого это дело по губерниям или в одном столе и не присоветует ли издать просьбу герольдии, чтоб она приказала собранию немедленно исполнить по прошению поверенного Иванова и представить на рассмотрение, имея и уши слышати да слышат ⟨...⟩

В опускаемой части письма П. П. Иванов цитирует указ от 11 июля 1845 г. о порядке внесения в родословные книги дворян, родившихся до издания указа от 31 января 1831 г.; сообщает подробности о своих домашних; передает привет М. В. Белинской; просит купить ему два экземпляра книги «Сердце человеческое есть или храм божий, или жилище сатаны».

167. Д. П. ИВАНОВ — БЕЛИНСКОМУ

Москва 1848 года, февраля 12

Мне крайне совестно перед тобою, любезный Виссарион, что нездоровье и особенные недосуги лишали меня удовольствия отвечать на дорогое письмо твое ⟨...⟩ Слухи о счастливом возвращении твоем из-за границы и, наконец, письмо твое, подтвердившее их, несказанно обрадовали нас с братом Алексеем. Мы собирались еще прежде писать к тебе и умолять о переезде в Москву, но не знали твоего адреса. Я глубоко убежден в том, что лето, проведенное тобою в Пачелме, благодетельно подействует на твое здоровье, а потому желал бы выплакать у тебя согласие на поездку в наши края.— Ты не знаешь, что значит подышать несколько месяцев воздухом той страны, в которой мы выросли, подчиниться тем привычкам, под влиянием которых мы сложились. Года два с половиною назад тому я прожил в наших местах полтора месяца и воротился с силами, которых и до сих пор еще достает на изнурительную учительскую работу.

Отправляясь в Чембар, я немногим был лучше тебя; бывало я задыхался на лестнице о десяти ступенях, а пройти полверсты для меня было тяжким подвигом. Иногда находили на меня минуты такой апатии, таких пагубных предчувствий от крайнего упадка сил, что я не рассчитывал и на неделю своей жизни. Приехав в Пачелму, я принялся работать заступом на огородах, купаться, бегать по рощам; проводил целые дни на охоте, сопутствуя братьям и таская на себе тяжелые грузы охотничьих снарядов их; часто спал, в продолжение целой ночи, на росной траве, на берегу реки, погружался по пояс в болото — и между ⟨тем⟩ никакого изнурения, никакой

простуды не чувствовал я: чудовищный аппетит и богатырский сон — вот что приобреталось этими, повидимому, безрассудными средствами восстановить здоровье. Если бы ты решился на поездку в Чембар нынешним летом, мы убедили бы и брата Алексея сопутствовать нам; а он страшно упал в здоровье с тех пор, как сломал руку: изнурительный кашель и тяжелое дыхание его предвещают недоброе ⟨...⟩

Если ты не решишься ехать на лето в Чембар, то приезжай хоть в Москву с самого начала весны. Я думаю жить нынешним летом в Сокольниках и приготовил бы для тебя квартиру. Воздух этой сосновой рощи благодетелен для нас, москвитян, и для многих лето в Сокольниках оправдалось счастливыми последствиями.— В средствах для жизни умоляю тебя расположиться на меня: я готов итти в поденщики для тебя, если у меня не достанет четырехсот рублей моего месячного жалования.

Предоставляя сестре Вере Петровне все подробности рассказов обо мне, я ограничусь только тем, что продолжаю нести три казенные службы, которые вместе с частными домами обязывают меня давать ежедневно по 6 и 7 уроков ⟨...⟩

Прости беспорядку письма моего: пишу его второпях и с чувством сильной потребности написать больше, но поневоле отлагая это удовольствие до другого письма, прошу тебя принять наш искренний поклон и от жены и детей и передать его Марье Васильевне; Олиньку твою, херувимчика, как отзывается об ней сестра Вера, прошу горячо поцеловать за меня. Со слезами молит бога о твоем здоровье всею душою твой

Дмитрий Иванов

Брат Алексей целует тебя, желая здоровья.

Галахов сказывал мне, что получил письмо от тебя. Он живет в 4-й Мещанской, в доме Боголюбова. Моя квартира тоже в 3-й Мещанской, в доме Волчанинова [1].

В опускаемой части письма — сведения о состоянии здоровья А. П. Иванова и описание служебных занятий и домашних дел самого Дмитрия Петровича.

Упоминаются: Агафья, О. В. Белинская, А. Д., А. П., В. П., Л. Д., О. Д. и Э. Я. Ивановы.

[1] Ответ Белинского на это письмо неизвестен.

168. А. Г. КУЗЬМИНА (БЕЛИНСКАЯ) — БЕЛИНСКОМУ

⟨Без даты⟩

Брат Виссарион Григорич, ты ужасный торопыга, хочешь так скоро сделать, это невозможно, не говорю о деньгах: мы как-нибудь сколотимся, поверим тебе и в долг, да главное — раньше нельзя месяца прислать к тебе — надо ехать в Пензу непременно. Миша будет писать с будущей почтой, а теперь его нет дома.

А. К.

Приписка К. Г. Белинского:

P. S. Скажу тебе еще, что я получаю жалованья только 30 рублей в месяц. Доходов никаких нет, а расход большой.

ВОКРУГ БЕЛИНСКОГО

ДЕЛО ПОМЕЩИЦЫ ДАВЫДОВОЙ

К ИСТОРИИ ЮНОШЕСКИХ ДРАМ БЕЛИНСКОГО И ЛЕРМОНТОВА

Сообщение А. Храбровицкого

Совпадение антикрепостнических сцен в юношеских драмах Белинского и Лермонтова давно привлекало к себе внимание исследователей. С. А. Венгеров назвал это совпадение «удивительнейшим» и «до жуткости странным». В самом деле: «В один и тот же 1830—31 год, в одной и той же литературной форме, одно и то же крайне редко тогда встречавшееся чувство негодования и возмущения крепостным правом выразили из всей русской литературы два юных чембарца!..»[1]

Совпадение усугубляется тем, что и в «Дмитрии Калинине» Белинского и в драмах Лермонтова «Люди и страсти» и «Странный человек» фигурой, олицетворяющей крепостное тиранство, является женщина-помещица.

Это совпадение трудно объяснить общими литературными и театральными влияниями, так же как и взаимным влиянием авторов, не знавших друг друга[2]. Его корни прежде всего надо искать в реальной действительности, давшей один и тот же материал великим землякам. Высказывания Белинского и Лермонтова также подтверждают это. О своей драме Белинский писал отцу в Чембар («Письма», I, 28): «Вы 〈...〉 увидите многие лица, довольно вам известные». Лермонтов в предисловии к «Странному человеку» заявил: «Лица, изображенные мною, все взяты с природы»[3].

Венгеров, основываясь на преданиях, собранных П. К. Шугаевым и опубликованных в его статье «Из колыбели замечательных людей»[4], назвал прототипом помещицы-тиранки в драмах Белинского и Лермонтова помещицу села Поляны Чембарского уезда Мосолову[5]. Хотя доказательств знакомства Белинского и Лермонтова с Мосоловой не имеется, предположение Венгерова, как единственное, прочно вошло в обширную литературу о юношеских драмах Белинского и Лермонтова.

На основе найденных нами архивных материалов мы хотим назвать другое имя, еще не появлявшееся в литературе о Лермонтове и Белинском,— имя помещицы села Пачелмы Чембарского же уезда — М. Я. Давыдовой.

* * *

В 1828 г. администрация Пензенской губернии подверглась ревизии, возглавлявшейся сенатором Горголи. Судя по воспоминаниям губернатора Ф. П. Лубяновского, которому ревизия дала «крепкого щелчка 〈...〉 самолюбию», она была очень строгой. Лубяновский назвал ее «нещадной погоней за злодеями»[6]. Живший в Пензе Ф. И. Буслаев, которому в то время было всего десять лет, вспоминал спустя 60 лет о грозном ревизоре: «О нем много шушукалось с соблюдением строжайшей тайны, но в этой тихомолке мне не раз звучалось слово „Горголи“...»[7]

В Пензенском областном архиве хранится дело на 540 листах «Об обревизовании Пензенской губернии сенатором Горголием, по высочайшему повелению». В этом деле находится ряд жалоб, поданных ревизору на действия местных властей. Среди них мы нашли переписку о деле помещицы Давыдовой[8].

Переписка начинается отношением губернатора Лубяновского от 8 марта 1828 г. на имя чембарского земского исправника, в котором говорится:

«Села Пачелмы однодворец Петр Карпов Дураков принес г. сенатору жалобу, что родная сестра его Матрена[9], находящаяся замужем за крестьянином титулярной

советницы Давыдовой, терпела от нее во время беременности жестокие побои и от того безвременно родила дочь мертвую, имеющую знаки на голове, спине и левой руке, но вы и лекарь Белынский при следствии знаки сии сокрыли и в допросах писали не те слова, кои были говорены».

Губернатор предлагал исправнику, а также чембарскому уездному предводителю дворянства немедленно уведомить его об этом деле.

Исправник Москвин и предводитель дворянства Мосолов отрицали это обвинение. В рапорте исправника сказано: «На теле мертвого младенца никаких знаков нет, а все тело виду красноватого <...> Госпожа Давыдова Марью Карпову не била, да и в тот день в избу не входила <...> Сверх того и повальным обыском оная Карпова от обывателей в поведении не одобрена». Предводитель же сообщил губернатору: «Дознал я чрез посредство живущих в оном селе Пачелме господ дворян, что она, Давыдова, с крестьянами своими обходится хорошо, не употребляя никаких жестокостей».

Из дальнейшей переписки мы узнаем, что в результате побоев, нанесенных помещицей, Карпова умерла. В Чембарском земском суде, а затем в Пензенской уголовной палате рассматривалось дело о ее смерти, закончившееся оправданием истязательницы Давыдовой[10].

Последний документ переписки — прошение на имя губернатора, поданное в октябре 1828 г. «крестьянской женкой» Федосьей Прокофьевой, в значительной степени выясняет обстоятельства, предопределившие результат судебного разбирательства. Приводим его полностью:

«Ваше превосходительство!

Госпожа моя, живущая в Чембарском уезде в селе Пачелма (чин коей я не знаю), Марья Яковлева дочь, по мужу Давыдова. На первой неделе великого поста сего года из своих рук наказывала неизвестно за что крепостного своего человека Ефрема Абрамова жену Марью Карпову по щекам и за волосы. От каковых побой оная Карпова на другой день, не доносся до настоящего времени, родила младенца мертвого, а чрез неделю и сама скончалась, о каковом происшествии Чембарский земский суд допрашивал меня с прочими женками.

А я, убоясь госпожи своей Давыдовой показать правду, о виде оного быв, чинила два раза запирательство, а когда дело об ней, Давыдовой, сие переслано в Пензенскую уголовную палату на ревизии, которая как меня, равно и прочих женок, значущих в деле, вытребовав, с увещеванием священника допрашивала о означенном происшествии, которой я все, что видела, показала без всякой утайки, и отпущена была в то же время палатой в дом означенной госпожи Давыдовой.

По явке моей в жительство госпожа Давыдова с первого самого шага начала делать мне разные притеснения побоями с подпреком таковым: „для чего де я на нее показывала правду и что попрежнему не делала запирательства“, но избирая ко истязанию такое удобное время, когда у нее никого из сторонних людей в доме не бывает.

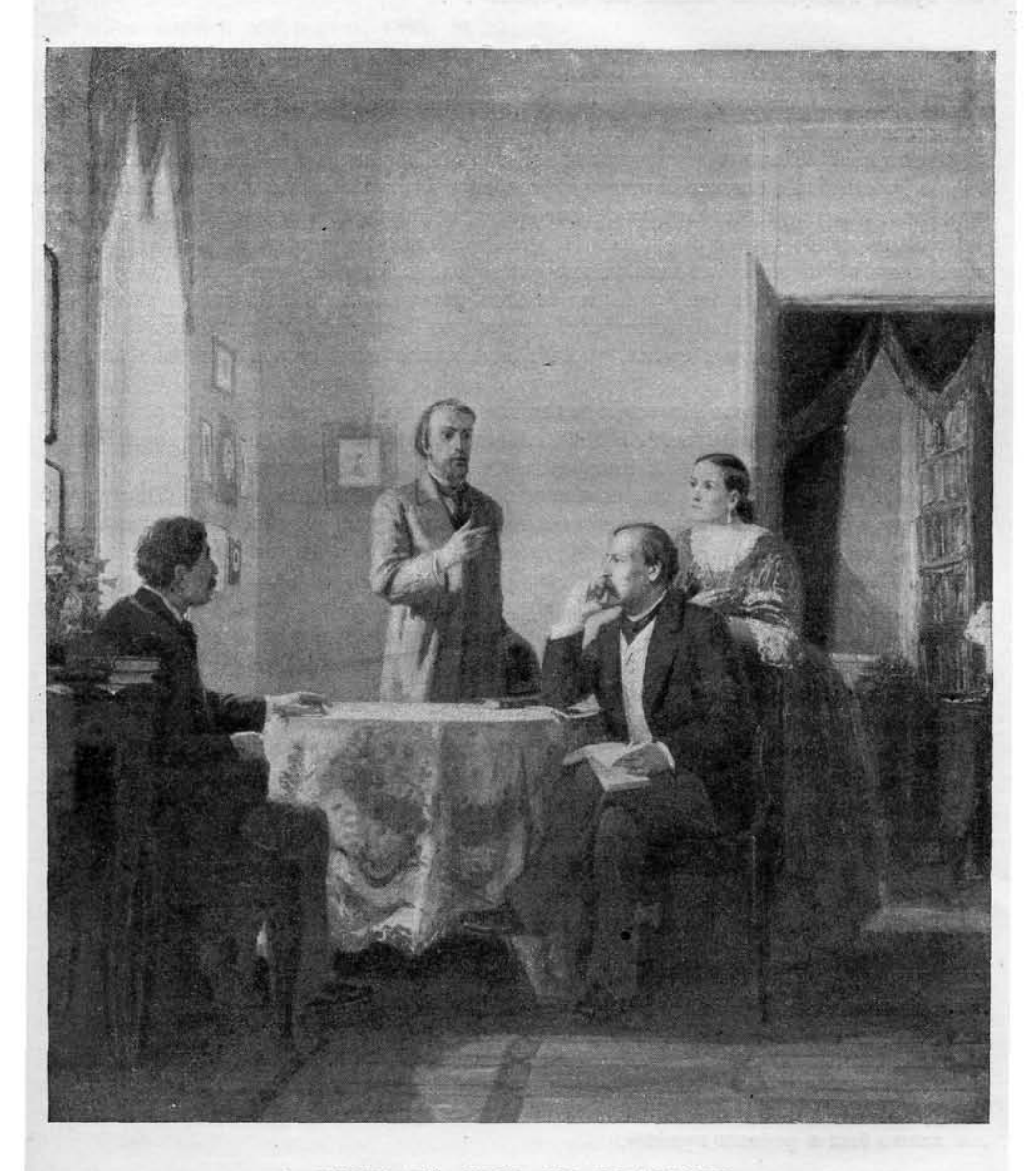
Почему осмеливаюсь пасть пред стопы вашего превосходительства и вынужденною нахожу себя всепокорнейше просить ваше превосходительство, удостойте по врожденному в душе и сердце ваших человеколюбию меня нижайшую принятием сего прошения и предпишите по вверенной вам власти предварительно, госпожу Марью Яковлевну Давыдову (у которой я имею в доме в услужении ее проживание) от делаемого ею мне под разными предлогами истязания предостановить, о чем и буду ожидать милостивейшего вашего превосходительства распоряжения».

На этом прошении рукою Лубяновского положена следующая резолюция:

«Хотя нельзя дать веры словам сей просительницы, но на всякой случай поручить чембарскому предводителю, вызвав к себе г. Давыдову, или иначе дать ей знать, чтобы по делу уже конченному она ее не стесняла».

Зловещий образ этой помещицы-соседки не мог не остановить на себе внимания гениальных юношей и не вызвать у них страстного протеста.

Слова Белинского в «Дмитрии Калинине» о «змее-женщине», которая «и била, как собак, и отдавала в солдаты, и пускала по миру, отнимала хлеб, скот...» (I, 42, 121), перечисление жестокостей и гневное восклицание Лермонтова в «Странном человеке»: «и до такой степени злодейства доходит женщина!»[11] — с полным правом можно

БЕЛИНСКИЙ, НЕКРАСОВ И ПАНАЕВЫ
Картина маслом А. С. Лепилина, 1950 г.
Художественный институт им. В. И. Сурикова, Москва

отнести к Давыдовой. А исход ее дела мы вправе поставить в прямую связь со словами мужика в «Странном человеке»: «Где защитники у бедных людей? — У барыни же все судьи подкуплены нашим же оброком»[12].

* * *

Мы располагаем следующими доказательствами того, что Белинский и Лермонтов были осведомлены о Давыдовой.

Из изложенной выше переписки видно, что отец Белинского — «лекарь Белынский» лично участвовал в следствии по делу Давыдовой и для этого выезжал в ее пачелмское поместье. Мы знаем, что он был обвинен братом Карповой в сокрытии следов побоев на теле мертворожденного ребенка. Подобное обвинение, дошедшее до сенатора, ревизовавшего губернию «по высочайшему повелению», ставшее известным губернатору и вызвавшее расследование, не могло не быть источником беспокойства и разговоров о деле Давыдовой в семье Белинских. Отметим, что Виссарион Григорьевич в это время еще находился в родных краях, учась в пензенской гимназии и проводя каникулы в Чембаре[13].

В Пачелме, где жила Давыдова, находилось также поместье близких родственников Белинского — Ивановых[14]. В 1828 г. священником в этом селе был дядя Белинского, брат его отца — Андрей Никифорович[15]. Виссарион Григорьевич, несомненно, бывал в Пачелме. Пачелму он упоминает в пятигорском письме к Д. П. Иванову от 7 августа 1837 г., иронически предлагая ему отослать университетские лекции «в Пачелмо ⟨!⟩ под сохранение в каком-нибудь старом сундуке в темном чулане» («Письма», I, 85). Мы достоверно знаем также, что Белинский был знаком со старшим сыном Давыдовой — Павлом Гавриловичем, который привез в Москву известие о смерти матери Белинского[16].

Таковы доказательства знакомства Белинского с Давыдовой, ее семьей и ее делом.

Что касается Лермонтова, то эти доказательства еще более очевидны. В воспоминаниях родственника Лермонтова — А. П. Шан-Гирея, жившего с ним в Тарханах, читаем: «Жил с нами сосед из Пачелмы (соседняя деревня) Николай Гаврилович Давыдов»[17]. Из документов, находящихся в Пензенском областном архиве, нами установлено, что помещица села Пачелмы Марья Яковлевна Давыдова имела сыновей Николая Гавриловича и Павла Гавриловича[18].

Итак, родной сын помещицы-тиранки был сверстником и товарищем детских игр Лермонтова. Из воспоминаний двоюродного брата Лермонтова — М. А. Пожогина-Отрашкевича[19], также жившего в Тарханах, мы узнаем, что Давыдов был взят в дом Е. А. Арсеньевой для совместного воспитания с Лермонтовым. Он был ровесником Лермонтова и рос вместе с ним с пятилетнего возраста. Мы вправе утверждать, что Лермонтов часто видел Давыдову в Тарханах и сам бывал с ее сыном у нее в Пачелме. Кстати, пещера, описанная в «Вадиме», напоминает пачелмскую[20].

Таким образом, Лермонтов, будучи ребенком и отроком, имел возможность в течение многих лет наблюдать быт помещицы-тиранки и ее обращение с крепостными. В 1828 г., когда одно из ее преступлений стало предметом особого разбирательства, он также был в родных краях[21].

В общем комплексе впечатлений от крепостнической действительности, послуживших источником для юношеских драм Белинского и Лермонтова, необходимо учитывать отныне и впечатления обоих писателей от зловещей фигуры пачелмской помещицы М. Я. Давыдовой.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Полн. собр. соч. В. Г. Белинского. Под ред. и с прим. С. А. Венгерова, т. 1. СПб., 1900, стр. 135.

2 По словам Н. М. Сатина, Белинский и Лермонтов познакомились в 1837 г. у него на квартире в Пятигорске. Здесь они открыли, что «оба уроженцы города Чембар (Пензенской губернии)» («Почин», М., 1895, стр. 239). См. также: «Виссарион Григорьевич

Белинский в воспоминаниях современников». Собр. и коммент. М. К. Клеман. Л., 1929, стр. 135.

[3] М. Ю. Лермонтов. Полн. собр. соч., т. IV, М.— Л., «Academia», 1935 стр. 183.

[4] «Живописное обозрение», 1898, № 22.

[5] «Судя по тому, что и у Лермонтова и у Белинского тиранкой является женщина, прототипом им служила Мосолова» (I, 136).

[6] «Воспоминания Федора Петровича Лубяновского».— «Русский архив», 1872, № 3, стб. 524.

[7] Ф. И. Буслаев. Мои воспоминания, М., 1897, стр. 79.

[8] Пенз. обл. архив, ф. Канцелярии пенз. губернатора, д. 1447. Начато 6 февраля 1828 г.; кончено 14 января 1830 г. Переписка о деле Давыдовой на лл. 131—139.

[9] Во всех других документах именуется Марьей.

[10] В Пензенском областном архиве это дело разыскать не удалось.

[11] М. Ю. Лермонтов. Полн. собр. соч., т. IV, М.—Л., 1935, стр. 210—211.

[12] Там же.

[13] Белинский уехал в Москву летом 1829 г.

[14] Это устанавливается делом «О внесении в дворянскую родословную книгу штабс-капитана Николая Петровича Иванова» (Пенз. обл. архив, ф. 196, д. 1082). См. также ф. Пенз. духовной консистории, д. 1079, «Исповедальные росписи Чембарской округи за 1825 г.».

[15] Пенз. обл. архив, ф. Пенз. духовной консистории, клировые ведомости 1828 г. с. Пачелмы Чембарской округи. Сообщено В. С. Нечаевой. Ср. «В. Г. Белинский». Сборник статей и документов к биографии великого критика. Под ред. Н. Л. Бродского. Пенза, 1948, стр. 136. (Здесь допущена опечатка — Андрей Никифорович назван Андреем Трифоновым.)

[16] В письме из Москвы к П. П. и Ф. С. Ивановым от 5 февраля 1835 г. Белинский писал: «Я узнал от П. Г. Давыдова о смерти родной» («Письма», I, 61).

Отставной штабс-капитан П. Г. Давыдов в 1833 г. был заседателем Чембарского уездного суда (Пенз. обл. архив, ф. 34, д. 437, л. 5 об.). Отец П. Г. Давыдова и муж М. Я. Давыдовой — Гавриил Петрович Давыдов в 1807 г. был чембарским уездным стряпчим (Пенз. обл. архив, ф. Канцелярии губернатора, д. 197, «Сведения о дворянах Чембарского уезда». Сообщено В. С. Нечаевой).

[17] «М. Ю. Лермонтов». Рассказ А. Шан-Гирея.— «Русское обозрение», 1890, август, стр. 726.

[18] Нами найдена копия судебной доверенности, выданной титулярной советницей Марьей Яковлевной Давыдовой (между прочим, неграмотной, как и Лесинская в «Дмитрии Калинине») старшему сыну, Павлу Гавриловичу Давыдову, и заверенной в Чембарском уездном суде 29 июля 1833 г. Этой доверенностью М. Я. Давыдова как опекунша поручает П. Г. Давыдову защиту интересов младшего сына, Николая Гавриловича, находившегося в то время в Казанском университете «для окончания наук» (Пенз. обл. архив, ф. 34, д. 463. «О недвижимом имении гг. Вышеславцевых», л. 52). У Давыдовой была также дочь Пелагея Гавриловна, по мужу Жизневская (Пенз. обл. архив, ф. 34, № 437, л. 43). Очевидно, она жила у Арсеньевой, так как в церковных книгах села Тарханы в 1820—1822 гг. значится «дворянская девица Пелагея Гавриловна» (В. Корнилов. Тарханы. М., 1948, стр. 44).

[19] А. Корсаков. Заметки о Белинском, Лермонтове, Полежаеве и графе Потемкине.— «Русский архив», 1881, кн. 3, стр. 457. Давыдов обозначен здесь буквой Д.

[20] Н. Л. Бродский. М. Ю. Лермонтов, т. I, М., 1945, стр. 40—41.

[21] 1828 годом датируется поэма Лермонтова «Черкесы», имеющая авторскую пометку: «В Чембаре. За дубом».

ЭПИЗОД ИЗ БИОГРАФИИ БЕЛИНСКОГО

О ПОПЫТКЕ БЕЛИНСКОГО ЗАНЯТЬ ДОЛЖНОСТЬ КОРРЕКТОРА В ТИПОГРАФИИ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Сообщение В. Гурьянова

17 августа 1834 г. Белинский сообщил своему младшему брату Константину: «9-го числа нынешнего месяца (в четверток) подал я просьбу о поступлении в службу на корректорское место. Ректор ее принял, и по всему видно, что дело недели через три-четыре кончится в мою пользу, и я буду пользоваться казенною квартирою, 1000 руб. жалованья» («Письма», I, 59—60).

Исключенный из университета еще в 1832 г., перебиваясь мелкими и случайными заработками, Белинский усердно искал постоянных занятий. Сотрудничество в «Телескопе», к которому его незадолго до того привлек Н. И. Надеждин, обеспечивало недостаточно, и возможность получения тысячерублевого жалования и казенной квартиры казалась Белинскому чрезвычайно привлекательной.

Цитированное выше письмо Белинского к брату было до сих пор единственным свидетельством об этом эпизоде из биографии критика. Печатаемые в настоящем томе неизданные письма Белинского к родным, а также недавно обнаруженное нами в архиве Московского университета подлинное дело, состоящее из двух прошений Белинского и двух выписок из протокола заседаний правления университета, дают возможность уточнить этот эпизод. Нет сомнения, что замаскированный отказ в приеме Белинского был обусловлен теми самыми причинами, по которым Белинский был исключен из университета (см. статью «Студенческие годы Белинского» в т. 56 «Лит. наследства»). Приводим полностью документы, относящиеся к этому делу.

ДЕЛО
ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ В УНИВЕРСИТЕТСКУЮ ТИПОГРАФИЮ КОРРЕКТОРОМ БЫВШЕГО СТУДЕНТА МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ВИССАРИОНА ГРИГОРЬЕВА СЫНА БЕЛИНСКОГО

I

Всепресветлейший, державнейший, великий государь, император Николай Павлович, самодержец всероссийский, государь всемилостивейший.

Просит штаб-лекаря коллежского асессора Григория Белинского сын Виссарион Григорьевич Белинский, а о чем мое прошение, тому следуют пункты.

1-й

1829-го года сентября 30 дня поступил я в императорский Московский университет по отделению словесных наук, где и находился на казенном коште до 1832 года сентября 14 дня [2], с которого времени был уволен от оного по слабости здоровья, и до сего времени еще ни в какой службе Вашего императорского величества не находился. Теперь же имею желание вступить в действительную Вашего императорского величества службу, на имеющееся вакантное место корректора в типографии Императорского Московского университета; почему, представляя при сем выданное мне от правления оного университета свидетельство о поведении и учении [3] и таковое же от дворян Пензенской губернии Чембарского уезда о рождении и крещении, всеподданнейше прошу,

Дабы высочайшим Вашего императорского величества указом повелено было сие мое прошение и свидетельства в правление Императорского Московского университета принять и меня на вакантное место корректора в типографии оного университета определить, и о всем учинить по законам.

Всемилостивейший государь, прошу Вашего императорского величества о сем моем прошении решение учинить. Августа 9 дня 1834 года. К поданию надлежит в правление Императорского Московского университета. Прошение сие со слов просителя писал

2

Журналъ Августа 13 дня 1834 года.

20.) Прошеніе Виссаріона Григорьева Бѣлинскаго объ опредѣленіи его на вакантное мѣсто корректора въ Университетскую Типографію. — Приказали: Объявить ему Бѣлинскому съ роспискою, что если откроется Ваканція Корректора въ Университетской Типографіи, то чтобъ съ прошеніемъ своимъ объ опредѣленіи его на оное мѣсто обратился по принадлежности къ Начальнику Университетской Типографіи, причемъ выдать ему съ роспискою и представленныя имъ Бѣлинскимъ два свидѣтельства: 1, за № 3968 = выданное ему изъ Московскаго Университета о ученіи и поведеніи и 2, о званіи его, данное отъ Дворянства Города Чембара. —

Вѣрно: Титулярный Совѣтникъ А. [illegible]

ЛИСТ ИЗ ДЕЛА «ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ В УНИВЕРСИТЕТСКУЮ ТИПОГРАФИЮ КОРРЕКТОРОМ БЫВШЕГО СТУДЕНТА... БЕЛИНСКОГО», 1834 г.

Архив Московского университета им. М. В. Ломоносова

титулярный советник Алексей Петров сын Иванов. К сему прошению обер-офицерский сын Виссарион Григорьев сын Белинский руку приложил.

II

Журнал августа 13 дня 1834 года[4]

20) Прошение Виссариона Григорьева Белинского об определении его на вакантное место корректором в Университетскую типографию.

Приказали: Объявить ему, Белинскому, с распискою, что если откроется вакансия корректора в Университетской типографии, то чтоб с прошением своим об

определении его на оное место обратился по принадлежности к начальнику Университетской типографии, причем выдать ему с распискою и представленные им, Белинским, два свидетельства: 1) за № 3968, выданное ему из Московского университета о учении и поведении, и 2) о звании его, данное от дворянства города Чембара[5].

Верно: Титулярный советник А. Чеботарев.

Сл. Авг. 13 По Д. Р. № 2401.

III

№ 974 Марта 18

В Правление Императорского Московского университета[6]

Не имея возможности, по причине болезни, явиться в Правление Императорского Московского университета для получения моих документов, представленных мною при просьбе об определении меня на корректорское место в Университетской типографии, прошлого 1834 года, августа 9 дня, и состоящих из свидетельства о рождении и крещении, данного от дворян Пензенской губернии Чембарского уезда и такового же о поведении и учении от правления Императорского Московского университета,— доверяю оные мои документы взять служащему в Совете Императорского Московского университета подканцеляристу Харлампию Орфенову[7], 1835 года, марта 15 дня. Руку приложил из Штаб-офицерских детей Виссарион Григорьев сын Белинский.

Сл. 21 марта Н. Д. Р. 862.

IV

Журнал марта 25 дня[8]

33) Прошение Виссариона Белинского о выдаче представленных им в сие правление при прошении об определении его корректором в Университетскую типографию, свидетельства о рождении и крещении и свидетельства об учении под расписку служащего в Совете университета подканцеляриста Харлампия Орфенова.

Справки: При прошении, поданном им, Белинским, в прошлом 1834 году об определении его в корректоры университета, представлены были свидетельства: 1) Об учении, данное из правления университета октября 3 дня 1832 года за № 3968, и 2а <!> о рождении, данное от Чембарского дворянства.

Приказали: Означенные в справке свидетельства, по сделанному доверию Белинского, выдать под расписку служащего в Совете университета подканцеляриста Орфенова. Верно: Столоначальник Беляев.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Архив МГУ, ф. Правление, 3-й ст., 1834 г., д. 188. Это прошение только подписано Белинским, а написано его двоюродным племянником—Алексеем Петровичем Ивановым, титулярным советником, который в 1834 г. служил в канцелярии 8-го департамента Правительствующего сената. В самые трудные дни, после исключения из университета, братья Ивановы поселили у себя Белинского; у них он и жил до переезда к Надеждину. См. в наст. томе письма А. П. Иванова к Белинскому.

[2] Белинский считал днем своего исключения 14 сентября, так как в этот день состоялось решение министра народного просвещения о его увольнении (см. ЦГИАЛ, ф. № 733, департ. нар. просв., оп. 30, л. 55 об.). Фактически же он был отчислен 27 сентября — см. статью М. Полякова «Студенческие годы Белинского»—«Лит. наследство», т. 56, стр. 309—311 и 401.

[3] Свидетельство было выдано Белинскому 3 октября 1832 г. (за № 3968).

[4] Выписка из протокола заседания правления университета от 13 августа 1834 г.

[5] Отказ был мотивирован отсутствием вакантного места в типографии. Тем не менее в октябре того же года в типографию был принят корректором, на место перешедшего в дворянский институт В. С. Межевича, кандидат словесных наук Василий Панченко, окончивший в том же году университет.

[6] Это прошение написано собственноручно Белинским.

[7] Харлампий Тихонович Орфенов (р. 1815) — не кончивший курса семинарист. Был в университетском правлении, а затем в Совете канцелярским чиновником в 1833—1836 гг. (Архив МГУ, ф. Правление, 2-й ст., 1833 г., л. 332; 1834 г., л. 169; 3-й ст., 1834 г., л. 188 «Формулярные списки чиновников Моск. университета», 1835 г., лл. 133—134). С 16 февраля по 21 марта 1838 г. жил вместе с Белинским в доме полковницы Ефремовой.

[8] Выписка из протокола заседания правления университета от 25 марта 1835 г.

БЕЛИНСКИЙ И «ЛИСТОК»

К ИСТОРИИ ЖУРНАЛЬНОГО ДЕБЮТА БЕЛИНСКОГО

Сообщение В. Владимирова

С января 1831 г. в Москве начал выходить крошечный журнал — «журналец», как называл его Белинский, — «Листок». Он просуществовал лишь полгода и прекратился 24 июня 1831 г. на сорок девятом номере. В «Листке» началась литературная деятельность Белинского, чем и обосновывается законность исследовательского интереса к этому изданию, о котором до последнего времени имелось очень мало сведений [1]. Обнаруженные нами в Московском областном архиве и Архиве Московского университета документы дают возможность несколько ближе познакомиться с этим журналом.

28 ноября 1830 г. кн. Д. В. Львов обратился в Московский цензурный комитет со следующим «прошением»:

В Московский цензурный комитет

От князя Дмитрия Владимирова
сына Львова

Покорнейшее прошение

Имея намерение издавать в следующем 1831-м году журнал два раза в неделю по вторникам и пятницам под названием: Листки, прилагаю при сем программу издания, прося покорнейше оный комитет разрешить мне сие. К сему прошению князь Дмитрий Львов руку приложил.

На документе помета: «Подано ноября 28-го дня 1830 года № 148».

Приложенный текст программы издания гласит:

ЖУРНАЛ
ПОД НАЗВАНИЕМ ЛИСТКИ,
ИЗДАВАЕМЫЙ КНЯЗЕМ ЛЬВОВЫМ

Листки эти, выходящие два раза в неделю, по вторникам и пятницам, составлять должны:

Описание Москвы: 1-е историческое, 2-е живописное, 3-е нравственное, т. е. сведения о древнем и новейшем состоянии столицы, некоторые замечания о зданиях публичных и частных; описание видов и прогулок в Москве и в окрестностях оной: образ жизни всех сословий, употребление времени, занятия и проч.

Смесь: русские анекдоты, острые слова, каламбуры, шарады, загадки и проч. В стихах и прозе.

Объявления: гастрономические, увеселительные и модные, зрелища всякого рода с замечаниями издателя или сообщенными.

Все эти статьи должны быть оригинальные, редко переводные, но нигде не печатанные. Дух журнала сего московский, т. е. терпимость, снисхождение и радушие... Не позволяя себе оскорбительных личностей, издатель будет употреблять сатиру как способ исправлять пороки, и потому эпиграф Листков: Смехом очищаются нравы.

Статьи, относящиеся к роду сих Листков, будут принимаемы во всякое время, но с большим рассмотрением.

Следственно цель нравственная, но способ достижения оной забавен. И так все, что не соответствует сему, как то: известия политические, внутренние и внешние, литературные прения и проч. не будут иметь места в сем журнале.

Сверх вышеупомянутых статей, помещены будут сведения о несчастных семействах, требующих помощи, и отчеты о пожертвованиях.

При начале каждого месяца выходить Листок будет с виньеткою [2].

Издание было разрешено. Первые номера «Листка» вышли бесцветными и пустыми. М. А. Максимович писал 9 января 1831 г. П. А. Вяземскому: «Листок, издаваемый юным князем Львовым, наполняется неважными известиями и между прочим каламбурами, из коих были удачные» [3]. Появление «Листка» отметила как московская, так и петербургская печать. «Молва» довольно пессимистически отнеслась к новому органу: «В Москве явилась новая газета Листок. По объявлению, сей Листок будет опадать два раза в неделю. С каковото дерева и каким ветром будет срываться он — неизвестно. Судя по программе, это ни литературная, ни политическая газета, а так — ни то ни се...» [4] «Литературная газета» заметила, что «Листок Московский есть в некотором смысле осколок с Петербургской Бабочки, хотя он, повидимому, ограничился одною только Москвою» [5]. Однако уже в следующем месяце программа «Листка» стала заметно меняться. В нем появился критический отдел, театральные рецензии, чаще стали печататься стихи.

Официальным издателем «Листка» являлся двадцатилетний кн. Дмитрий Владимирович Львов (1810—1875). Редактором, фактически осуществлявшим всю работу над изданием, был Петр Иванович Артемов (р. 1805), бывший студент Московского университета (1822—1826).

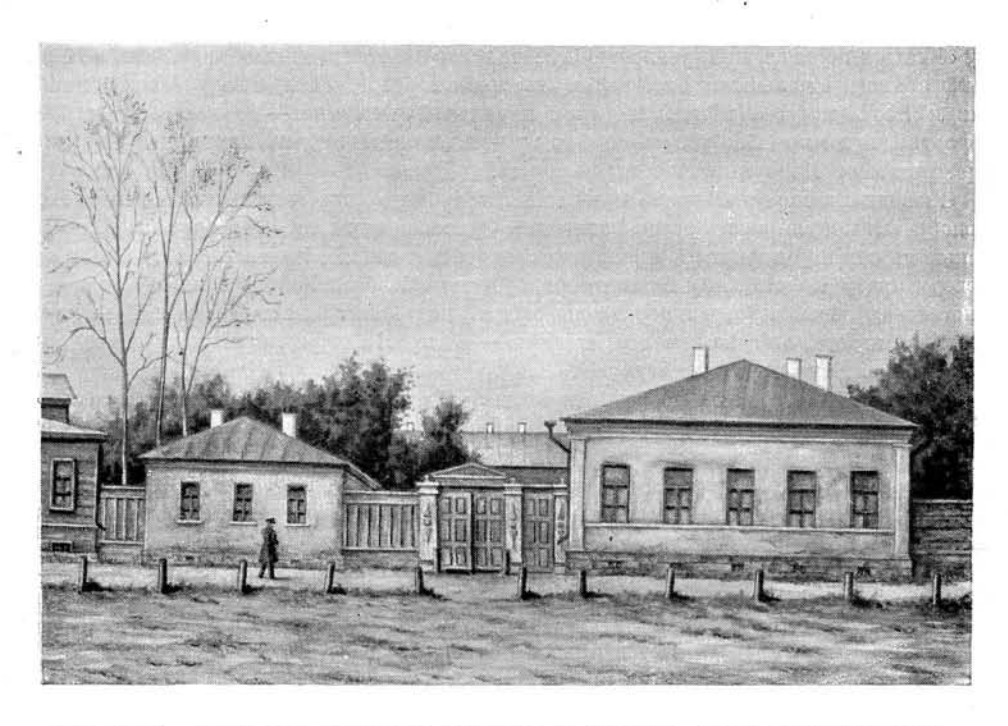
В течение непродолжительного времени Артемов был сотрудником «Московского вестника» М. П. Погодина (под криптонимом: А р — в) [6]. В конце 1829 г. он поступил на должность учителя истории и географии в Университетский благородный пансион, в котором прослужил до 1 июля 1831 г. (когда пансион был преобразован в 1-ю Московскую гимназию). [7] В пансионе Артемов сблизился с издателем «Галатеи» С. Е. Раичем и начал сотрудничать в его журнале, а с июля 1830 г. он сам стал издателем «Галатеи». Белинский в письме к брату Константину от 29 сентября 1831 г. писал, между прочим: «Ты просишь у меня всех № Г а л а т е и за 1830 год: у меня их нет и не бывало, я прислал к тебе только те, которые изданы самим А р т е м о в ы м (под именем Р а и ч а)». После прекращения «Галатеи» в 1831 г. Артемов перешел в «Листок». Об этом также сохранилось свидетельство в переписке Белинского. Отвечая на несохранившееся письмо Белинского, его брат Константин Григорьевич Белинский писал 16 июля 1831 г.: «по обещанию твоему присылать мне каждую почту издаваемого Артемовым журнала Листок, в котором ты участвуешь, я, к сожалению, не имел счастия его получать» (см. в настоящем томе «Переписку Белинского с родными»).

Недавно опубликована следующая записка Артемова к Белинскому:

«Почтеннейшего г-на Белинского покорнейше просит придти к себе Петр Артемов.

P. S. Живу я теперь: близ Ч и с т ы х п р у д о в (идучи от Мясницких ворот, в первом переулке в доме г-жи Е с а у л о в о й, в приходе Х а р и т о н и я, что в Огородниках, на углу. P. S. Вход с Г у с я т н и к о в с к о г о переулка)».

Публикатор этой записки не смог указать, в связи с чем и когда была она написана, и датировал ее приблизительно: 1830-е годы [8]. Но записка поддается более точной датировке. Сообщаемый в ней адрес Артемова является вместе с тем и адресом типографии, в которой печатался «Листок». Эта типография, находившаяся, как это явствует из газетных объявлений, «у Чистых прудов, в доме г-жи Есауловой» [9], была приобретена издателем «Листка» Львовым в мае 1831 г. До того «Листок» печатался в типографиях А. И. Семена, Лазаревых и Решетникова [10]. Таким образом, записка Артемова к Белинскому датируется маем 1831 г. Тогда же, видимо, Артемов и пригласил Белинского сотрудничать в «Листке». 24 мая Белинский писал родителям, что начнет присылать для брата этот журнал, в котором будет «выставлять свои изделия» [11]. А 27 мая в «Листке» (№ 40-41) было опубликовано стихотворение «Русская быль», явившееся первым выступлением в печати Белинского. В следующем

ДОМ ЕСАУЛОВОЙ НА ЧИСТЫХ ПРУДАХ В МОСКВЕ. ЗДЕСЬ ПОМЕЩАЛАСЬ РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «ЛИСТОК». НА СТРАНИЦАХ ЭТОГО ЖУРНАЛА БЕЛИНСКИЙ ВПЕРВЫЕ ВЫСТУПИЛ В ПЕЧАТИ

Реконструкция Б. С. Земенкова. Акварель 1949 г.

Собрание художника, Москва

месяце Белинский напечатал в «Листке» рецензию на книгу неизвестного автора «О Борисе Годунове, сочинении Александра Пушкина. Разговор»[12].

Как известно, в «Листке» начал свою литературную деятельность и А. В. Кольцов. Об этом Белинский вспоминал в своей статье «О жизни и сочинениях Кольцова»: «В 1831 году Кольцов по делам отца своего приехал в Москву и через Станкевича приобрел там несколько новых знакомств, впоследствии довольно важных для него. В это время две или три пьески его были напечатаны с его именем в одном, впрочем, довольно плохом московском журнальце. Для Кольцова, еще не смевшего верить в свой талант, это было лестно и приятно» (X, 259). Кольцов поместил в «Листке» три стихотворения: «Вздох на могиле Веневитинова», «Послание К***» (известное под заглавием «Мой друг, мой ангел милый») и «Послание к А — ой» ⟨Е. Г. Огарковой⟩ («Опять тоску, опять любовь»)[13].

Состав сотрудников «Листка» не привлекал к себе внимания исследователей. Между тем значительная часть их являлась студентами Московского университета и, вероятно, в той или иной степени была связана с Белинским. Так, например, среди материалов № 39 журнала мы находим стихотворение «Листок» В. С. Межевича (подпись М — чь), так же, как и Белинский, студента словесного отделения (1828—1832), и два перевода с польского И. С. Савинича — университетского товарища Белинского, близкого к кружку «11 нумера»[14].

Отметим еще, что в отделе поэзии было напечатано семь стихотворений за подписью «С — кий», «С. С — й» и «С. С — кий». Они принадлежат, повидимому, поэту С. Сельскому, ранее печатавшемуся под теми же криптонимами в «Галатее», а впоследствии и в «Телескопе», как раз в то время, когда этот журнал редактировался Белинским. Таким образом, Сельский был уже, в некотором роде, старым знакомым для Белинского. В «Листке» сотрудничал также Николай Петрович Киров (р. 1803 г.), бывший студент Московского университета.

«Листок» по своему направлению больше всего тяготел к «Телескопу». Так, в № 22 была помещена маленькая статья (без заголовка и без подписи) с выражением симпатии к Надеждину: «Любителям умной и дельной полемики,— говорилось в ней,— вероятно, приятно было узнать из 4-го нумера „Телескопа", что почтенный Никодим Аристархович Надоумко еще здравствует».

С каждым номером «Листок» становился все более содержательным и, вероятно, приобретал популярность среди читателей. Однако в июле 1831 г. «журналец», по не ясным до сих пор причинам, прекратил свое существование. Белинский писал по этому поводу брату Константину 29 сентября 1831 г.: «Не беспокойся об нем <«Листке»>: многострадальный юноша кончил свою жизнь; великий муж помре в маие! увы! как весенний цветок, он едва начал расцветать — и завял! Вот уже больше двух месяцев, как о нем нет ни слуху, ни духу»[15].

В июле 1831 г., то есть после прекращения «Листка», Артемов уволился из благородного пансиона и в течение многих лет занимался преподавательской деятельностью и переводами[16]. Добросовестность одного из его переводов отметил в своей рецензии Белинский (II, 118). Спустя несколько лет, в письме к Н. Х. Кетчеру от 16 августа 1840 г. Белинский снова упомянул имя Артемова. Прося передать поклон Артемову, Белинский иронически называет его здесь «прекраснейшим» человеком и затем пишет:

«Боже мой! Станкевич умер. Ты его видел, помнишь, Кетчер! Артемов жив, а Станкевич умер!

Нет великого Патрокла,
Жив презрительный Терзит!»
(«Письма», II, 150).

Эти строки раскрывают нам отношение Белинского к Артемову — человеку, не пользовавшемуся уважением и у других современников.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Белинский, т. I, стр. 143—146 (перепечатано в работе С. А. Венгерова «Великое сердце».— *Очерки по истории русской литературы*, СПб., 1907, стр. 366—369); М. Поляков. Белинский в Москве, М., 1948, стр. 122—124.

[2] Моск. обл. гос. ист. архив, ф. Моск. цензурного комитета, оп. 5, св. 386, д. 68, лл. 11—12. Программа «Листка» (в Цензурном комитете находится ее копия) заверена секретарем комитета И. А. Щедритским. Дата та же, что и на прошении Львова.

[3] «Старина и новизна», 1901, кн. IV, стр. 188—189.

[4] «Молва», 1831, № 2, стр. 5.

[5] О. Сомов. Новые русские журналы.— «Лит. газета», 1831, № 5, 21 янв., стр. 41.

[6] И. Ф. Масанов. Словарь псевдонимов русских писателей и ученых, т. I, М.— Л., 1936, стр. 43, № 2152а.

[7] Архив МГУ, ф. Формулярные списки чиновников Моск. учебн. округа, т. I, 1838, лл. 641—643.

[8] «В. Г. Белинский и его корреспонденты». Под ред. Н. Л. Бродского. М., 1948, стр. 33.

[9] «Московские ведомости», 1831, № 55 от 11 июля, стр. 2419 и № 56 от 15 июля, стр. 2461.

[10] В типографии А. И. Семена вышли №№ 1—9 «Листка»; в типографии Лазаревых — №№ 10—19; в типографии Решетникова — №№ 22—28; с № 29-30 «Листок» стал выходить в типографии кн. Львова. Именно с этого номера в Цензурный комитет «Листок» сдавался Артемовым (МОГИА, ф. 31, оп. 1, д. № 13, «Книга рукописей 1831 г.», запись от 11 мая, лл. 44—46). Место печатания №№ 20 и 21 не установлено, так как эти номера в библиотеках Москвы не сохранились.

[11] См. в настоящем томе публикацию «Переписка Белинского с родными».

[12] «Листок», № 45, стр. 95—96 (ц. р. 10 июня 1831 г.).

[13] «Листок», № 22 (ц. р. 24 марта 1831 г.); № 39 (ц. р. 21 мая 1831 г.); № 42-43 (ц. р. 1 июня 1831 г.).

[14] См. о нем в «Лит. наследстве», т. 56, стр. 433—434.

[15] См. в настоящем томе публикацию «Переписка Белинского с родными».

[16] См. в настоящем томе в «Переписке Белинского с родными» письмо к Белинскому брата Никанора от 12 октября 1840 г.

НЕИЗВЕСТНЫЕ ПЕРЕВОДЫ БЕЛИНСКОГО

Сообщение В. Гурьянова

Известные до сих пор материалы о литературной деятельности Белинского в период после исключения его из Московского университета и до начала сотрудничества в «Телескопе» и «Молве» — ограничены сведениями о его работе над переводом романа Поль-де-Кока «Магдалина».

Для выявления точных данных о переводах Белинского за это время мы предприняли розыски в делах архива Московского цензурного комитета. В книге записей рукописей, поступивших на просмотр цензора в 1832 г., нами были обнаружены отметки о подаче в Цензурный комитет перевода Белинского «Магдалина»[1]. Первая часть этого романа была отдана цензору 18 ноября 1832 г., вторая — 25 ноября, третья — 1 декабря и четвертая — 9 декабря. Части первая и вторая были разрешены для напечатания — 16 декабря, а третья и четвертая — 19 декабря того же года. Рукописи всех четырех частей были сданы в Цензурный комитет лично Белинским. По разрешении печатать они были взяты обратно самим переводчиком — 16 декабря и 20 декабря 1832 г. Эти данные уточняют датировку перевода романа Поль-де-Кока. Повидимому, Белинский начал переводить «Магдалину» сразу же по выходе из университета, то есть в октябре — первой половине ноября 1832 г.[2]

1. «ЭХО». ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ ФРИДРИХА ЛАУНА

В книге записей за 1833 г. была обнаружена нами отметка о неизвестном до сих пор переводе Белинского. 13 января 1833 г. в Цензурный комитет поступила рукопись: «Эхо. Фантастическая повесть Фридриха Лауна. Перевод с французского». Объем рукописи — 56 страниц. Указано также, что она поступила «от Виссариона Белинского из штаб-офицерских детей», отдана на просмотр цензору в тот же день; 16 января одобрена цензором Л. Цветаевым (который, кстати сказать, был цензором «Дмитрия Калинина» в январе 1831 г.) и взята обратно для напечатания самим Белинским 20 января[3].

Фридрих Лаун — псевдоним второстепенного немецкого писателя Фридриха-Августа Шульце (1770—1849). Его произведения почти никогда не переводились на русский язык[4].

Судьба перевода Белинского «Эхо» остается неизвестной[5].

2. «ПУТЕВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ» А. ДЮМА

Известны два перевода Белинского из «Путевых впечатлений» А. Дюма — «Месть» («Телескоп», 1834, № 28 и № 29) и «Гора Гемми» («Телескоп», 1834, № 32).

Нами обнаружены в «Телескопе» за 1833—1835 гг. еще два переведенных отрывка: «Сен-Бернар» (1833, ч. XVIII, № 24, стр. 449—495) и «Фрибург» (1834, ч. XXI, № 18, стр. 86—108)[6].

Вышеуказанные переводы не подписаны и следовательно формально не были причислены к переводам Белинского. Однако исследователи не придали значения тому, что к переводу «Гора Гемми» дано следующее примечание: «Г. Белинский

переводит все путевые впечатления г. Дюма и намеревается издать их в свет» («Телескоп», 1834, № 32, стр. 390). Это примечание не оставляет сомнений в том, что и два указанных выше анонимных перевода принадлежат Белинскому.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] МОГИА, ф. 31, оп. 5, д. № 79, «Книга рукописей за 1832 г.». Записи под №№ 679, 692, 708 и 709.

[2] Ср. Ю. Г. Оксман. Из разысканий в области биографии Белинского. 1. Легенда о переводе «Монфермельской молочницы».— Учен. зап. Саратов. гос. университета, т. XX, 1948, стр. 310—315.

[3] МОГИА, ф. 31, оп. 5, д. № 88, «Книга рукописей за 1833—34 гг.». Запись под № 19, лл. 3 об.—4.

[4] См. о нем «Meyers Lexikon», т. 10, Leipzig, 1929, стр. 1522.

[5] В «Телескопе», 1835, ч. XXVIII, № 16 (ценз. разр. 29 апреля 1836 г.), стр. 416—495, напечатан перевод «Эха» не с французского, а с немецкого языка — некиим К.

[6] Ценз. разр. ч. XVIII — 15 мая 1833 г.; ч. XXI — 4 мая 1834 г.

ПРОГРАММА «МОСКОВСКОГО НАБЛЮДАТЕЛЯ»

НЕИЗВЕСТНЫЙ ТЕКСТ БЕЛИНСКОГО

Сообщение Л. Ланского

Несмотря на то, что «Московский наблюдатель» 1838—1839 гг. превратился под руководством Белинского в один из лучших русских журналов, материального успеха он не имел. Для продолжения издания необходимо было иметь, по крайней мере, полторы-две тысячи подписчиков. Возможность такого распространения «Московского наблюдателя» казалась Белинскому вполне реальной, если бы подписка могла быть проведена в нормальных условиях и читатели были своевременно извещены о коренной реорганизации журнала, скомпрометированного прежней редакцией. Между тем подписка на 1838 год производилась в обстановке, более чем неблагоприятной. Об изменении состава редакции и программы «Московского наблюдателя» цензура, повидимому, объявить не разрешила. Журнал, репутацию которого, по выражению Белинского, было так же трудно воскресить, «как потерянную репутацию женщины», продолжал выходить под номинальной редакцией В. П. Андросова, как и во времена Шевырева. Имя Белинского как фактического редактора официально объявить не удалось, хотя именно оно и должно было принести значительный успех изданию. Появление первого номера журнала не в январе и даже не в марте, как было обещано, а только в мае, конечно, не способствовало упрочению его авторитета. Вдобавок статья М. А. Бакунина о Гегеле, которой открывалась первая книжка «Московского наблюдателя», отпугнула рядового читателя своей туманно-философской терминологией и, по общему мнению, разделявшемуся и Белинским, «погубила» журнал. Бесконечные цензурные репрессии (см. «Лит. наследство», т. 56, стр. 90) приводили редакцию в отчаяние. Единственная надежда, позволявшая продолжать убыточное издание, заключалась в том, что подписка на новый, 1839 год пройдет в более счастливых условиях и несколько поправит положение журнала. «Вы знаете,— писал Белинский И. И. Панаеву 10 августа 1838 г.,— что владелец „Наблюдателя“— Н. С. Степанов; у него есть все средства, сверх того — хорошая своя типография. Если бы ему позволили объявить себя издателем, как Смирдину, начать журнал с нового года и в 12 книжках, как „Библиотека для чтения“ и „Сын отечества“,— то дело бы пошло на лад. Эти три обстоятельства: объявление имени издателя, который по своим средствам может иметь право на кредит публики, новый план журнала и настоящее время для его начала — могли бы дать содержание для программы и из старого журнала сделать *новый*» («Письма», I, 211).

В середине ноября 1838 г. И. В. Станкевич, связанный с Белинским и его кружком, сообщал из Москвы своему брату Николаю: «На-днях должна быть напечатана программа „Наблюдателя“ на тот год; не знаю, пропустила ли москов⟨ская⟩ цензура, а в Петербурге позволили» (см. «Лит. наследство», т. 56, стр. 118). Повидимому, публикации программы предшествовали немалые хлопоты в цензурных инстанциях Москвы и Петербурга. Объявление о подписке на «Московский наблюдатель», включавшее в себя и программу, появилось впервые в номере «Московских ведомостей» от 3 декабря 1838 г. и было перепечатано в номерах от 7 и 17 декабря.

Публикуемая ниже программа, перепечатываемая нами из «Московских ведомостей», интересна как выражение взглядов Белинского-журналиста и издателя. Вынашивавшаяся в течение продолжительного времени и разработанная Белинским во всех деталях, программа как бы подытоживает богатый опыт, накопленный молодым критиком в трех журналах. Единство и выдержанность характера журнала, независимость мнений, строгая разборчивость в выборе материалов, значительность критико-библиографического отдела — все это уже было воплощено Белинским в «Московском наблюдателе» 1838 г.

Общий характер программы, стилистические особенности, совпадения отдельных пунктов с высказываниями критика в письмах и статьях того же периода достаточно отчетливо определяют авторство Белинского. Еще более убедительным аргументом может служить исключительная роль, которую играл Белинский в «Московском наблюдателе», фактически издававшемся им одним. Недаром каждая попытка Белинского отойти от журнала воспринималась всеми, как полное крушение издания. Столь ответственное мероприятие, как составление программы, от которой зависела будущность журнала— и самого Белинского,— не могло быть поручено какому-нибудь второстепенному сотруднику. Такие пункты программы, как обещание следить за «нравственным достоинством» произведений, исключение полемики и т. п., разумеется, были вызваны необходимостью обезопасить «Московский наблюдатель» от подозрительного ока цензуры и враждебно настроенных реакционных журналистов.

О ПОДПИСКЕ НА «МОСКОВСКИЙ НАБЛЮДАТЕЛЬ»

Журнал «Московский наблюдатель» будет издаваем и в следующем, 1839 году [1]. Не изменяя сущности программы, редакция предположила сделать с будущего года некоторые улучшения во внешнем плане и необходимые перемены в порядке издания, которые представляют возможность дать журналу большее разнообразие и полноту в статьях и постоянную своевременность и точность в выходе книжек. Изменения, признанные необходимыми, суть следующие:

1. Издание журнала начнется с Нового года; 2. Вместо двадцати книжек в год будет издано двенадцать книг, каждая не менее двадцати печатных листов; 3. Две книги составят том, а шесть томов — годовое издание, умноженное против прежнего сорока печатными листами, или целым томом; 4. Содержание книг разделится на особые отделения, имеющие каждое свою особенную нумерацию листов, что будет способствовать скорейшему выходу книжек, давая возможность заранее печатать отдельно заготовленные статьи для следующих нумеров.

Содержание каждой книжки будет состоять из следующих непременных отделений:

Изящная словесность составит первое отделение; но для ускорения печатания, необходимого для своевременного выхода книжек, это отделение разделится на два — стихотворения и прозу, из которых каждое будет иметь свою особую нумерацию. Сюда войдут:

I. Стихотворения оригинальные и переводные, цельные и отрывки из больших сочинений, как то: поэм, драм и проч. В этом отделении предположено поместить несколько переводов из Шекспира, Гёте и других английских и германских поэтов.

II. Проза. Повести оригинальные и переводные, отрывки из романов оригинальных и переводных, если случится, то и из драматических произведений, оригинальных и переводных, писанных прозою. Путешествия и отрывки из путешествий, отличающихся не ученостию, но романическою прелестию содержания и изящностию изложения. Отрывки из мемуаров, имеющие общий, легкий, литературный интерес. Вообще всякого рода сочинения, отличающиеся поэзиею содержания и слога. В каждой книжке читатели найдут одну повесть или оригинальную, или переводную, по величине своей сообразную с объемом книжки, или две повести вдруг, и в таком случае одну оригинальную, другую переводную. Но одна повесть всегда будет в этом отделении каждой книжки. Всякого рода другие статьи будут помещаться не взамен повестей.

Науки и искусства. Статьи преимущественно по части изящных искусств, истории и других наук, путешествия и отрывки из путешествий, представляющие интересные факты, биографии художников, ученых и вообще исторических и примечательных лиц.

Критика. Оригинальные и переводные разборы замечательных явлений отечественной и иностранной литератур. Это будет самое богатое отделение, и в каждой книжке читатели найдут две статьи, одну оригинальную, другую переводную, или две оригинальных, а в таком случае предметом одной будет какое-нибудь иностранное произведение искусства, науки или литературы, а другое отечественное.

Литературная хроника. Полная библиография русских новых книг, с подробным и удовлетворительным отчетом о каждой.

Иностранная библиография. Главным предметом этого отделения будет ознакомление русской публики с иностранною литературою, преимущественно немецкою и английскою. Несколько молодых русских, находящихся в Берлине и других местах Германии, изъявили желание быть корреспондентами «Московского наблюдателя» преимущественно для этого отделения.

Смесь. Разные повести, анекдоты, извлечения из больших статей, также и сокращения больших статей из иностранных журналов, почему-либо неудобных для перевода вполне, о заседаниях ученых обществ и вообще известия о явлениях ученого и литературного мира — русского и иностранного; новости и слухи литературные и ученые, известия и факты статистические и коммерческие; отчеты о спектаклях и концертах; статейки о примечательных гуляньях и вообще всех общественных увеселениях, журнальные отметки и пр. Моды и известия.

Ко всему этому редакция почитает своим долгом сделать для публики еще следующие объяснения:

1. Отделение стихотворений не будет обширно для избежания необходимости помещать не изящные стихотворения.

2. В выборе повестей и всех статей прозаического отделения изящной словесности редакция будет руководствоваться строжайшею разборчивостью. Стараясь помещать истинные произведения искусства, она тем не менее обратит свое внимание на их нравственное достоинство, имея в виду читателей обоих полов и всех возрастов. Редакция будет постоянно отдавать преимущество оригинальным произведениям перед переводными, но чтоб не быть принужденною помещать посредственное, ограничив себя одним оригинальным, она будет более заботиться об изящном. По этой же самой причине по части повестей она не будет стеснять себя и повестью. Была бы повесть изящна, нигде не напечатана и хорошо переведена — и редакция почтет свой долг совершенно выполненным.

3. В отделении критики редакция будет стараться представлять читателям «Московского наблюдателя» не произвольные и личные мнения, но рассматривание произведений искусства в его современном состоянии. При рассматривании ученых сочинений будет поставлено целию знакомить читателей с содержанием сочинения, так, чтобы они могли иметь верное понятие о сочинении, даже и не читавши его.

4. Из литературной хроники исключаются разборы таких книг, содержание которых, не имея общего интереса, сверх того не может быть предметом светского общественного разговора. Здесь особенно разумеются медицинские и хозяйственные книги, рассматривающие такие стороны своего предмета, которые по своей сущности и частности не читаются всеми.

5. Критика и библиография будут самыми полными отделениями.

6. «Московский наблюдатель», почитая себя вправе иметь и сохранять свое собственное, независимое литературное мнение, тем самым почитает себя обязанным уважать образ мыслей и направление других журналов, почему бесполезные полемические статьи совершенно исключаются из плана «Московского наблюдателя»; но по-прежнему он не отказывается от всякого благородного спора, имеющего целию исследование истины, и удерживает за собою право отвечать или делать замечания на литературные нападки, прямо на него устремленные, и тем более защищаться от несправедливых и ложных нареканий ⟨...⟩ В заключение редакция считает обязанностью довести

до сведения своих читателей, что с будущего года материальное издание журнала принимает на себя известный наш типографщик Н. С. Степанов, который, имея собственную обширную типографию, снабженную всеми родами шрифтов, приобретенных им от петербургского типографщика Адольфа Александровича Плюшара, употребит все средства к своевременному и неукоснительному выходу книжек 〈...〉

〈Далее приводятся условия подписки.〉

〈«Московские ведомости» № 97 от 3 декабря 1838 г. Повторено в №№ 98 и 101 от 7 и 17 декабря〉.[2]

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Время выхода в свет каждой из шестнадцати книжек «Московского наблюдателя» 1838—1839 гг., редактировавшихся Белинским, до сих пор не было определено, что представляло немалые затруднения для исследователей, вынужденных принимать в расчет только даты цензурных разрешений. Для выявления точных датировок нами были просмотрены комплекты «Московских ведомостей», в которых, по выходе в свет каждой книжки, печатались объявления о раздаче ее подписчикам. Сличение даты, отмечающей выход книжки в свет, с датой цензурного разрешения, зачастую выявляет значительные расхождения. Приводим здесь, параллельно с датами цензурных разрешений, установленные нами даты выхода в свет книжек «Московского наблюдателя» за время редактирования журнала Белинским:

1838 г.

Часть XVI

1. Март, кн. 1-я. Ц. р. 11 апреля 1838 г. Вых. в свет 4 мая 1838 г. («М. В.» № 36).
2. Март, кн. 2-я. Ц. р. не обозначено. Вых. в свет 28 мая 1838 г. («М. В.» № 43).
3. Апрель, кн. 1-я. Ц. р. 6 июня 1838 г. Вых. в свет 18 июня 1838 г. («М. В.» № 49).
4. Апрель, кн. 2-я. Ц. р. 22 июня 1838 г. Вых. в свет 29 июня 1838 г. («М. В.» № 52).

Часть XVII

5. Май, кн. 1-я. Ц. р. 11 июня 1838 г. Вых. в свет 27 июля 1838 г. («М. В.» № 60).
6. Май, кн. 2-я. Ц. р. 6 августа 1838 г. Вых. в свет 17 августа 1838 г. («М. В.» № 66).
7. Июнь, кн. 1-я. Ц. р. 28 августа 1838 г. Вых. в свет 7 сентября 1838 г. («М. В.» № 72).
8. Июнь, кн. 2-я. Ц. р. 22 сентября 1838 г. Вых. в свет 24 сентября 1838 г. («М. В.» № 77).

Часть XVIII

9. Июль, кн. 1-я. Ц. р. 21 сентября 1838 г. Вых. в свет 5 ноября 1838 г. («М. В.» № 89).
10. Июль, кн. 2-я. Ц. р. 16 ноября 1838 г. Вых. в свет 3 декабря 1838 г. («М. В.» № 97).
11. Август, кн. 1-я. Ц. р. 2 марта 1839 г. Вых. в свет ?
12. Август, кн. 2-я. Ц. р. 7 июня 1839 г. Вых. в свет ?

1839 г.

Часть I

13. Январь. Ц. р. 1 января 1839 г. Вых. в свет 21 января 1839 г. («М. В.» № 6).
14. Февраль. Ц. р. 1 марта 1839 г. Вых. в свет 18 марта 1839 г. («М. В.» № 22).

Часть II

15. Март. Ц. р. 1 марта 1839 г. Вых. в свет 10 мая 1839 г. («М. В.» № 37).
16. Апрель. Ц. р. 8 апреля 1839 г. Вых. в свет 17 июня 1839 г. («М. В.» № 48).

[2] Эта программа в сокращенном виде перепечатана также на обороте обложки первой книжки «Московского наблюдателя» за 1839 г.

БЕЛИНСКИЙ — РЕДАКТОР ЛЕРМОНТОВА

ИЗ ИСТОРИИ ПЕРВОПЕЧАТНОЙ ПУБЛИКАЦИИ «ДЕМОНА» В «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСКАХ» 1842 ГОДА

Сообщение А. Михайловой

1

Поэма «Демон» полностью была напечатана в России лишь спустя девятнадцать лет по смерти Лермонтова, в издании его сочинений под редакцией С. С. Дудышкина (1860 г.).

Потерпев неудачу с печатанием драмы «Маскарад», поэт ясно сознавал, насколько трудно будет провести через цензуру, особенно духовную, его вольнодумную поэму. Начатая в 1829 г. и прошедшая ряд творческих стадий, поэма получила, наконец, законченную форму в редакции 8 сентября 1838 г. (так называемая первая кавказская редакция). Однако в том же году (вероятно, по совету А. Н. Муравьева, близкого к кругам высшего духовенства) поэт подвергает ее новой переработке. Так появляется редакция 4 декабря 1838 г. В ней поэт, приспособляя поэму к цензурным условиям, делает первые попытки заменить образ своей страстной, мятежной героини образом хрупкого, нежного существа, не созданного для мира. По редакции 4 декабря 1838 г.:

На ней был светлый отпечаток
Небесной родины людей,
Величья прежнего остаток,
Отлив померкнувших лучей.
В ней было то полуземное,
Что ищет сердце молодое
В пылу затейливой мечты.[1]

Правда, несмотря на эту вставку, поэт сохранил и стихи, дававшие резко противоположный образ Тамары, у которой попрежнему

⟨...⟩ как волна,
Нескромной думою полна,
Грудь подымается высоко,
Уста бледнеют и дрожат,
И жадной страсти полон взгляд,
Как страсть палящий и глубокой!..[2] *И т. п.*

Во вторую часть поэмы введена исполненная блеска клятва Демона, которая должна была выражать стремление его к добру, к примирению с небом. Переделке подвергся образ мертвой Тамары с ее загадочной улыбкой, причем исключен смелый стих, так восхищавший Белинского: «С небом гордая вражда».

В этой редакции Тамара и после смерти остается во власти Демона:

Сквозь дымку серых облаков
Спустился ангел легкокрылый
И над покинутой могилой
Приник с усердною мольбой
За душу грешницы младой.[3]

Поэт не надеялся добиться напечатания поэмы полностью даже в новой ее редакции и хотел ограничиться опубликованием в «Отечественных записках» отрывков из нее. Это видно из письма А. А. Краевского от 10 октября 1839 г., в котором он с раздражением писал И. И. Панаеву: «Лермонтов отдал бабам читать своего „Демона“, из которого хотел напечатать отрывки, и бабы чорт знает куда дели его; а у него уж разумеется нет чернового; таков мальчик уродился»[4].

Дуэль с Барантом и последовавшая затем ссылка помешали Лермонтову осуществить свое намерение. В последний приезд поэта в Петербург в начале 1841 г. его надежды на печатание поэмы снова ожили в связи с чтением «Демона» при дворе наследника[5]. Прежде чем изготовить список для этого чтения, поэт еще раз переработал поэму. Его усилия, как и в предыдущей редакции, были обращены главным образом на приближение героини к идеалу христианской монахини и, в связи с этим, на устранение противоречий в ее образе. В сцене пляски выпускаются стихи:

⟨...⟩ Как волна,
Нескромной думою полна... *И т. д.*

В мольбах Тамары перед отцом исключено:

Молиться днем душа не может:
Мысль далеко от звука слов!
Огонь по жилам пробегает...[6] *И т. д.*

В описании томлений Тамары в монастыре выпущено:

Но Демон огненным дыханьем
Тамары душу запятнал...[7] *И т. д.*

Оказывается, ангелы давно ждали Тамару, так как

Ее душа была из тех,
Которых жизнь одно мгновенье
Невыносимого мученья,
Недосягаемых утех:
Творец из лучшего эфира
Соткал живые струны их,
Они не созданы для мира,
И мир был создан не для них![8]

Был выпущен диалог Тамары с Демоном («Зачем мне знать твои печали?..»), безусловно явившийся бы камнем преткновения для духовной цензуры. Но самое главное — введена добродетельная концовка: спасение Тамары, ставшей теперь воплощением жалости и возвышенной любви. Ангел объявляет Демону, что

Ценой жестокой искупила
Она сомнения свои...
Она страдала и любила —
И рай открылся для любви![9]

Однако образ Демона, хотя и не добившегося победы в борьбе за душу Тамары, и в редакции 4 декабря 1838 г., и в последующей редакции начала 1841 г. остался выдержанным до конца: дерзким, мятежным и надменным врагом неба.

Вследствие неблагоприятных обстоятельств, сложившихся к концу пребывания Лермонтова в Петербурге, он решил отложить печатание «Демона» до более счастливого момента. Перед отъездом на Кавказ поэт передал рукопись поэмы на хранение А. П. Шан-Гирею, сказав ему: «„Демона“ мы печатать погодим, оставь его пока у себя»[10].

2

Спустя четыре месяца по смерти Лермонтова, в № 11 «Отечественных записок» за 1841 г., А. А. Краевский сообщил читателям, что в распоряжении редакции журнала находится ряд рукописей безвременно погибшего поэта: «Мы стараемся теперь собирать все его произведения, не считая того, что̀ оставил он у нас, отъезжая на юг, откуда уже не возвращался более ⟨...⟩ Мы имеем теперь две большие его поэмы „Боярин Орша“ и „Демон“, начало третьей большой поэмы, которую он назвал „Сказка для детей“, драму в четырех актах „Маскарад“ и несколько м е л к и х стихотворений. Всем этим мы непременно поделимся с читателями „Отечественных записок“ в будущем 1842 году»[11].

Однако ни рукописи-автографа «Демона», ни авторитетного его списка, идущего от самого Лермонтова, у Краевского не было. Пришлось обращаться к любительским спискам, во множестве ходившим тогда по рукам в разных городах России. Все эти списки сильно отличались один от другого, являясь разными редакциями поэмы. Кроме того, они зачастую давали текст, искаженный невежественными переписчиками.

Сам Краевский не оставил никаких указаний на то, по какому именно списку производился набор «Демона» для «Отечественных записок». Список «Демона», пожертвованный впоследствии Краевским Лермонтовскому музею, значительно разнится от текста корректуры «Отечественных записок». Сохранившаяся корректура, подписанная Краевским 9 декабря 1841 г., дает последнюю редакцию поэмы. В ней встречаются искажения, которые свидетельствуют о неудовлетворительности списка, бывшего в распоряжении Краевского. В тексте корректуры, например, конь князя, жениха Тамары, «храпя, несется с крутизны на пену скачущей волны», вместо того, чтобы к о с и т ь с я на нее. Демон говорит Тамаре: «Что повесть частных тех лишений, трудов и бед толпы людской», вместо т я г о с т н ы х лишений, и т. д. Но самое главное, в нем отсутствуют в сцене объяснения Демона с Тамарой целых 54 стиха (от слов «Ни за добро вознагражденья» до «Недолго нравилися мне»), замененных в корректуре четырьмя строками точек и пометой Краевского: «См. в тетради».

Повидимому, Белинский был недоволен набранным текстом и обратился к Кольцову с просьбой выслать ему из Воронежа копию своего списка. 18 декабря 1841 г. Кольцов сообщал из Воронежа: «„Демона“ Лермонтова спишу и к новому году пришлю; едет наш купец в Питер и свезет его»[12]. А 27 февраля 1842 г., прочитав в январском номере «Отечественных записок» краткое, но выразительное извещение: «Поэма Лермонтова „Демон“ не будет напечатана по причинам, не зависящим от редакции»[13], Кольцов писал Белинскому: «„Демон“ Лермонтова переписан и готов, и я бы его уж послал, да в первом номере увидал, что его не напечатают, и потому теперь не пошлю,— он вам не нужен»[14].

8 февраля 1842 г. огорченный Белинский сообщил своему приятелю И. И. Ханенко: «„Демон“ Лермонтова запрещен в „Отечественных записках“, где был напечатан целиком» («Письма», II, 278). Надо думать, однако, что Кольцов все же прислал Белинскому свой список. 17 марта 1842 г. Белинский известил В. П. Боткина, что «только вчера кончил переписывать ⟨...⟩ „Демона“, с двух списков, с большими разницами...» («Письма», II, 284).

Какие же два списка «с большими разницами» были в руках Белинского в марте 1842 г.? Изучение списка «Демона», собственноручно изготовленного Белинским[15], приводит к выводу, что это была редакция 8 сентября 1838 г. и последняя редакция, начала 1841 г., и что переписывание поэмы Белинским было не простым снятием копии, а подлинно текстологической работой.

Если Лермонтов, приспособляясь к цензурным требованиям, в двух последних редакциях поэмы вынужден был прибегнуть не только к стилистической переработке,

но и к изменению самой идеи произведения, то Белинский, комбинируя текст двух редакций «Демона», стремился возвратить поэме ее бунтарское звучание, воссоздав, насколько это было возможно, первоначальный замысел Лермонтова. Спасение Тамары и образ побежденного Демона в финале — с этим никак не мог согласиться Белинский, особенно ценивший поэму за ее мятежность. «Это — сатанинская улыбка на жизнь, искривляющая младенческие еще уста, это — „с небом гордая вражда", это — презрение рока и предчувствие его неизбежности. Все это детски, но страшно сильно и в з м а ш и с т о. Львиная натура! Страшный и могучий дух!», восторженно характеризовал он поэму в уже цитировавшемся нами письме к Боткину от 17 марта 1842 г., т. е. на второй день по окончании своей работы над «Демоном» («Письма» II, 284). И дальше он говорил, что в процессе своей работы над поэмой он «еще более вник в это детское, незрелое и колоссальное создание. Трудно найти в нем и четыре стиха сряду, которых нельзя было бы окритиковать за неточность в словах и выражениях, за натянутость в образах; с этой стороны „Демон" должен уступить даже „Эдде" Баратынского; но — боже мой! — что же перед ним все антологические произведения Майкова или и самого Анакреона, да еще в подлиннике? Да, Боткин, глуп я был с моею художественностию, из-за которой не понимал, что такое содержание» («Письма», II, 284—285).

Так как в теме «Демона» Белинский ценил именно бунтарство, несколько сглаженное, завуалированное автором в двух последних редакциях, то при разночтениях он совершенно сознательно в большинстве случаев отдавал предпочтение раннему тексту (8 сентября 1838 г.) перед текстом последней редакции, начала 1841 г., и даже тогда, когда переработка была выше в художественном отношении.

К своему списку «Демона» Белинский дал в приложении варианты, предпослав им пояснение: «Так как поэма эта была автором переправляема, то в различных списках, ходящих по рукам, некоторые места в ней более или менее разнятся между собою. Здесь прилагаются все такие места поэмы».

Не давая детального анализа, остановимся на наиболее существенных моментах работы Белинского над лермонтовским текстом.

В первой части в VI строфе, в описании пляски Тамары, он дополняет текст последней редакции текстом 8 сентября 1838 г., дающим образ страстной красавицы:

И вот Тамара молодая
Берет свой бубен расписной;
В ладони мерно ударяя,
Запели все: одной рукой
Кружа его над головой,
Увлечена летучей пляской,
Она забыла мир земной;
Ее летучею повязкой
Играет ветер; как волна,
Нескромной думою полна,
Грудь подымается высоко... *И т. д.*

В VIII строфе Демон, как и в редакции 8 сентября 1838 г., называется «врагом небес и рая».

Начало XII строфы тоже дается по тексту ранней редакции:

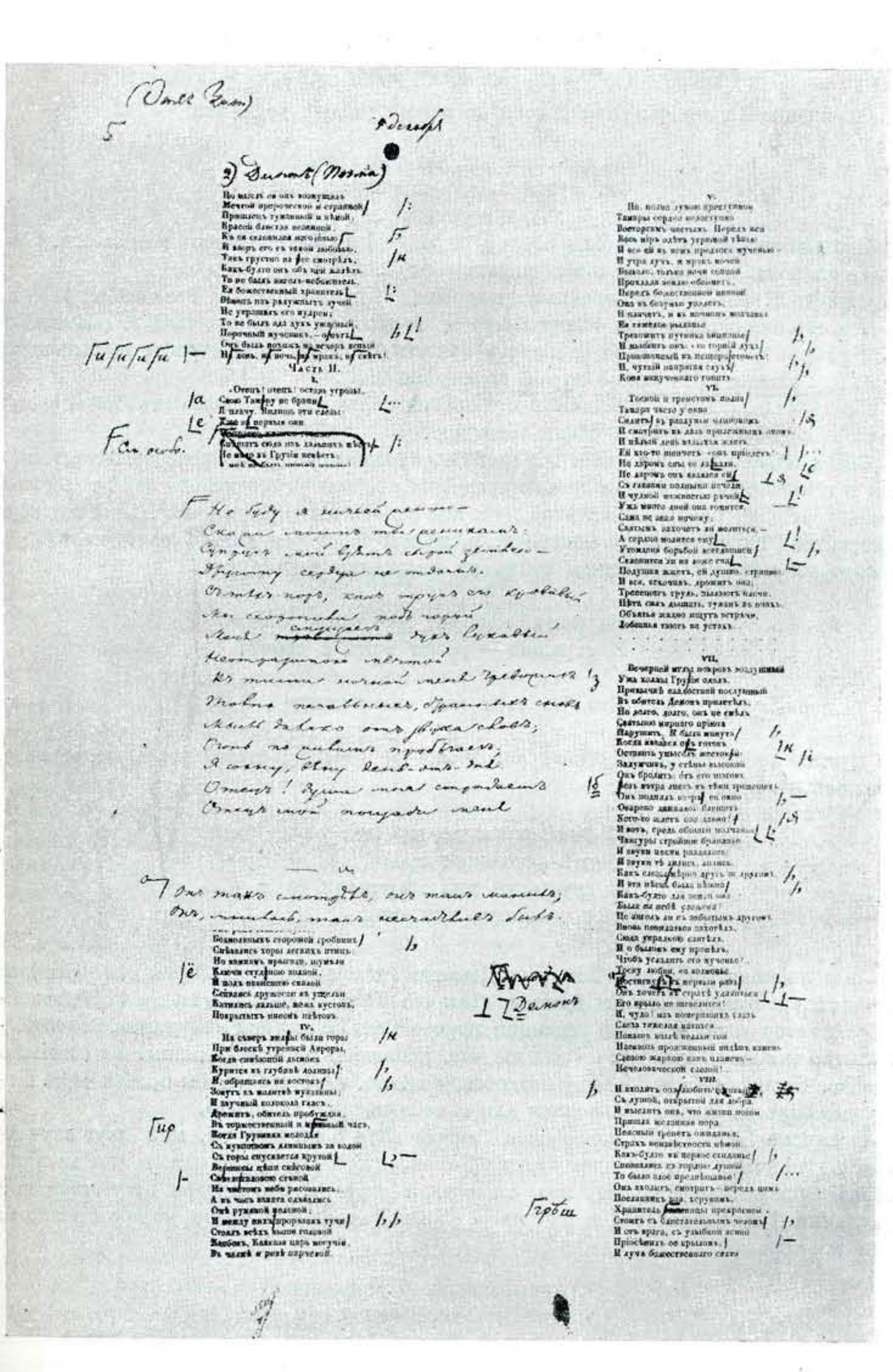
И стихло все*. Теснясь толпой,
Верблюды с ужасом смотрели
На трупы всадников; порой
Их колокольчики звенели...

Во второй части поэмы I строфа дана в редакции 8 сентября 1838 г.:

...Не буду я ничьей женою,
Скажи моим ты женихам... *И т. д.*

---

* В тексте 8 сентября 1838 г.: «Затихло все».

ГРАНКИ ПОЭМЫ ЛЕРМОНТОВА «ДЕМОН» («ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ», 1842 г., № 6) С ПРАВКОЙ И ВСТАВКАМИ А. А. КРАЕВСКОГО ПО ТЕКСТУ, ОТРЕДАКТИРОВАННОМУ БЕЛИНСКИМ

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Окончание II строфы тоже дается по тексту ранней редакции:

Он так смотрел, он так манил,
Он, мнилось, так несчастен был!

Окончание же этой строфы в последней редакции («Сиял он тихо, как звезда, | Манил и звал он, но куда?..») отнесено в варианты.

Строфа V («Но Демон огненным дыханьем...») дана по тексту 8 сентября 1838 г., за исключением последних четырех стихов, взятых из редакции 1841 г. («И мыслит он: то горный дух..»). В варианты же отнесен отрывок этой строфы из последней редакции поэмы («Но полно думою преступной...»).

Следующая, VI строфа («Тоской и трепетом полна...») представляет собой не совсем удачное соединение стихов обеих редакций.

Сцена объяснения Демона с Тамарой была весьма значительно переработана автором и в последней редакции сильно отличается от текста 8 сентября 1838 г. От слов Демона: «Я тот, которому внимала...» и кончая его же словами: «Мечтаний прежних и страстей | Несокрушимый мавзолей...», дается текст редакции 8 сентября 1838 г., в который местами вкраплены стихи из последней редакции:

Не жить, как ты, мне стало больно
И страшно — розно жить с тобой!

Или:

Что без тебя мне эта вечность...*

Чуткий к стиху Лермонтова, Белинский переносит в варианты четверостишие, искаженное переписчиком:

В бескровном сердце луч нежданный
Опять затеплила земля,
И грусть на дне старинной раны
Зашевелилась, как змея.

Зато знаменитый диалог Тамары с Демоном (от слов Тамары «Зачем мне знать твои печали?..» и кончая словами Демона: «Так что ж? ты будешь там со мной!..»), исключенный автором из последней редакции, переносится Белинским в варианты. Это обстоятельство невольно наводит на мысль, что, исключая «опасный» диалог из основного списка, Белинский имел в виду подготовку текста, который мог бы пройти через цензурные барьеры и предназначался для «Отечественных записок».

В списке Белинского после слов Тамары «Кто б ни был ты, мой друг случайный...» до конца строфы идет клятва Демона, глубже раскрывающая этот могучий образ и рисующая всю силу его пламенной страсти. Эта клятва отсутствовала в редакции 8 сентября 1838 г. Однако в слова Демона вставлено четверостишие из раннего текста:

И пусть другие б утешались
Ничтожным жребием своим;
Их думы неба не касались,
Мир лучший недоступен им.

Так как Тамара в понимании Белинского не робкая девушка, а гордая и страстная натура, достойная подруга Демона, то Белинский сознательно выпускает (по его словам, «за бессмыслицею») мольбы Тамары, обращенные к Демону, делающие ее обыкновенной, слабой женщиной, и относит их в варианты:

* Неточность списка. Нужно: «Что без тебя теперь мне вечность...». Возможно, впрочем, что это изменение внесено Белинским вполне сознательно, чтобы устранить неблагозвучное «без тебя теперь».

Нет! дай мне клятву роковую...
Скажи — ты видишь: я тоскую...
Ты видишь жалкие мечты!
Невольно страх в душе ласкаешь...
Но ты всё понял, ты всё знаешь
И сжалиться, конечно, ты!

Строфа XI (у Белинского — X) дана Белинским по тексту 8 сентября 1838 г., за исключением стиха «И лести сладкими речами», отнесенного в варианты и замененного текстом 1841 г.: «Соблазна полными речами».

Белинский особенно ценил и неоднократно цитировал стих «С небом гордая вражда» (об улыбке, застывшей на губах мертвой Тамары), считая его наиболее ярким выражением бунтарской идеи поэмы, ее мятежного духа. Отбрасывая позднейшую авторскую переработку и относя ее в варианты, Белинский дает образ умершей Тамары в редакции 8 сентября 1838 г. Он хотел только внести в этот ранний текст три стиха из списка 1841 г., подчеркивавших страстную, «земную» натуру героини поэмы:

И ничего в ее лице
Не намекало о конце
В пылу страстей и упоенья...

Об этом свидетельствует его приписка в вариантах о том, что эти «стихи были пропущены по ошибке при переписке».

Следующие строфы («Уж собрались в печальный путь» и «Едва на жесткую постель») также даны в редакции 8 сентября 1838 г. Авторская же переработка этих строф (спасение души Тамары, ее примирение с небом) помещена в вариантах.

Что касается эпилога («На склоне каменной горы...»), не имевшего принципиального значения в ткани поэмы, то Белинский предпочел дать его в более совершенной редакции 1841 г. Стихи же из редакции 8 сентября 1838 г. («И там, где кости их истлели» до «Скала угрюмого Казбека...») отнес в варианты.

Белинский попытался несколько изменить и структуру поэмы, разделив ее на три части, причем третья часть у него начиналась образом Тамары в гробу. Он сделал это, очевидно, умышленно, чтобы выделить то место поэмы, которое считал центральным, как наиболее яркое выражение идеи бунтарства, идеи восстания против «неба», против существующего порядка.

3

Итак, 16 марта 1842 г. Белинский закончил работу над текстами «Демона», названную им *переписыванием* поэмы. Тогда же Краевский возобновил хлопоты о напечатании поэмы Лермонтова, на этот раз — в отрывках. Теперь он пошел окольными путями. Сохранилось дело С.-Петербургского цензурного комитета 1842 г. «О разрешении напечатать отрывки из поэмы Лермонтова». Оно содержит письмо В. Д. Комовского, директора канцелярии министра народного просвещения, к цензору А. В. Никитенке от 9 апреля 1842 г. о том, что граф С. С. Уваров «находит возможным позволить напечатать отрывки из поэмы покойного Лермонтова в том виде в каком они представлены в прилагаемой у сего рукописи». Любопытна (хотя и не совсем ясна для понимания) вторая половина письма: «Я хотел было возвратить вместе с этой рукописью и посвятительное ⟨?⟩ письмо Г. Орлова; и ждал, пока Сергий Семенович отдаст стих⟨и⟩ Лермонтова, которые он оставил у себя, чтобы прочитать самому — но вчера явилась или, правильнее, являлась какая-то дама за нетерпеливо ожидаемым посвящением — и я отдал его ей»[16].

Н. В. Здобнов высказал предположение[17], что это была приятельница Лермонтова С. Н. Карамзина или ее сестра. Однако с тем же правом можно назвать и множество других имен и все-таки не выйти из области предположений.

Очевидно, какая-то знакомая гр. А. Ф. Орлова вручила ему отрывки «Демона» с просьбой дать благоприятный отзыв о них для представления цензорам. Этот

неофициальный отзыв[18], названный Комовским «посвятительным письмом» и «посвящением» и, вероятно, персонально ни к кому не обращенный, не подлежал приобщению к делу, и его должно было возвратить Орлову (возможно, таково было условие самого Орлова)[19]; отсюда и вытекало беспокойство дамы за судьбу письма, переданного ею вместе с отрывками поэмы Никитенке, а последним пересланного на рассмотрение Уварову.

14 апреля состоялось заседание Цензурного комитета, на котором А. В. Никитенко доложил о письме к нему Комовского, содержащем разрешение Уварова на печатание отрывков из поэмы. Комитет вынес определение: «Предоставить г. цензору Никитенке одобрить к напечатанию упомянутую рукопись, письмо же г. директора канцелярии приобщить к делу»[20]. 30 апреля цензурное разрешение было подписано цензорами Куторгой и Никитенко.

Отрывки из «Демона» были, наконец, напечатаны в июньской книжке «Отечественных записок» за 1842 г. (отд. I, стр. 187—201), без заглавия, как «Отрывки из поэмы».

4

В 1916 г. С. Н. Дурылин в статье «Академический Лермонтов и лермонтовская поэтика», упоминая о том, что Белинский собирал списки «Демона», впервые высказал предположение об участии Белинского в публикации поэмы Лермонтова: «Не было ли это в связи с желанием Краевского напечатать у себя знаменитую и уже тогда чрезвычайно популярную поэму?»[21] В 1939 г. аналогичную мысль высказал Н. В. Здобнов: «Повидимому, эти отрывки ⟨«Демона».— *А. М.*⟩ подбирал для печати Белинский»[22].

Если Дурылин ограничивал участие Белинского ролью простого собирателя текстов, то Здобнов намекал уже на редакторскую его работу. Однако решить этот вопрос можно было только путем изучения и сопоставления текстов корректуры Краевского, списка Белинского и отрывков из «Демона», напечатанных в «Отечественных записках».

Считалось, что Краевский опубликовал на страницах своего журнала отрывки из корректуры, подписанной им 9 декабря 1841 г., без каких-либо текстовых изменений. Эта корректура давно была известна исследователям. К ней обращались, например, А. И. Введенский и П. А. Висковатов, пытаясь установить степень ее авторитетности для текстологов, а Д. И. Абрамович даже принял ее текст за канонический текст «Демона», напечатав его в редактировавшемся им академическом издании сочинений Лермонтова (т. II, СПб., 1910, стр. 351—383; 2-е изд. — 1916 г.). Однако никто не обратил внимания на то, что текст, опубликованный Абрамовичем (последняя редакция поэмы), и текст «Отечественных записок» (в основном — редакция 8 сентября 1838 г.) не идентичны.

Изучение корректуры Краевского[23] убеждает в том, что она подверглась позднейшей переработке, не учтенной и не использованной Абрамовичем. О ней свидетельствуют исправления и дополнения, сделанные рукой Краевского чернилами и карандашом на полях корректуры и на вклеенных отдельных листках (Висковатов, как видно из его помет на корректуре Краевского, ошибочно приписывал бо́льшую часть этих вставок и исправлений Квисту). Сличение же переработанного текста корректуры с текстом списка Белинского и «Отечественных записок» доказывает, что Краевский, готовя для представления Уварову отрывки из «Демона», использовал текст списка Белинского, заменяя или дополняя им в случаях разночтений первоначальный текст своей корректуры, в результате чего в «Отечественных записках» фактически были напечатаны не отрывки, взятые из корректуры Краевского, а текст, подготовленный Белинским. Это следование списку Белинского было не безоговорочным, так как в отдельных (правда, не частых и не принципиальных) случаях Краевский делал мелкие поправки, отступая от текста списка Белинского (например, в строфе III первой части поэмы и в корректуре, и в списке Белинского было: «с косматой гривой на спине»; при переработке Краевский заменил слово «спине» словом «хребте»), или же отдавал предпочтение тексту своей корректуры (например, в строфе IV первой

части Краевский оставил слово «руины», у Белинского было: «раины»). Однако основные принципы Белинского в работе над текстом «Демона» были сохранены, о чем ясно свидетельствует близость первопечатного текста «Отечественных записок» с текстом списка Белинского.

В первой части поэмы начало строфы II «Давно отверженный блуждал | В пустыне мира без приюта» было заменено стихами из списка Белинского:

В пустыне мира он блуждал
Давно без цели и приюта.

В строфе VI Краевский сначала вычеркнул описание пляски Тамары в последней редакции и начал вставлять из списка Белинского текст 8 сентября 1838 г.:

И вот Тамара молодая
Берет свой бубен расписной;
В ладони мерно ударяя,
Запели все...

Но здесь он остановился, вычеркнул начатую вставку и восстановил прежний текст. Это было единственным существенным отступлением от списка Белинского.

Строфа IX исключена полностью из цензурных соображений.

В строфе XII Краевский изменяет начало, взяв его из списка Белинского (за исключением одного слова):

И стихло все. Теснясь толпой,
Верблюды с ужасом глядели*
На трупы всадников; порой
Их колокольчики звенели.

Остальные исправления в первой части «Демона» по списку Белинского незначительны и касаются отдельных слов и стихов. Так, в строфе III «горный зверь» исправлен на «хищный зверь», «горный дух» на «гордый дух», в строфе IV слово «пещеры» на «ущелья»; в строфе VII «жемчужною росой» на «алмазною росой»; в строфе X «легкий стан» на «стройный стан»; «несется» на «косится»[24]; в строфе XI «удалой жених» на «молодой жених»; в строфе XII «длинными чадрами» на «белыми чадрами»; в строфе XIII стих «Скакун лихой, ты господина» на «Скакун надежный господина».

Больше затруднений для подготовки к печати и для пропуска через цензуру представляла вторая часть «Демона».

Строфа I от слов «Напрасно женихи толпою» и до «Отдай в священную обитель» была перечеркнута Краевским, и на отдельном, вклеенном затем листке был вписан текст этой строфы из списка Белинского: «Не буду я ничьей женою...» (с опущением из цензурных соображений стиха «Молиться днем душа не может»). В строфе II два последних стиха («Сиял он тихо, как звезда, | Манил и звал он... но куда?»), отнесенные Белинским в варианты, были зачеркнуты Краевским, и на особом, тоже вклеенном листке сделана вставка из списка Белинского: «Он так смотрел, он так манил, | Он, мнилось, так несчастлив был». Впрочем, эта строфа, за исключением первого четверостишия, была затем вычеркнута Краевским, начиная от слов «Но и в монашеской одежде», как явно не соответствовавшая цензурным требованиям. Дальше, от строфы V до конца поэмы, весь текст корректуры был просто зачеркнут Краевским.

После этого текст первой части поэмы (за исключением строфы IX) и начало ее второй части (строфы I—IV) были переписаны набело с переработанной корректуры, а окончание второй части, начиная со строфы XIII**, содержавшей стихи, особенно ценимые Белинским, — очевидно, непосредственно со списка Белинского, из текста которого, однако же, были сделаны из цензурных соображений два исключения.

* У Белинского: «с м о т р е л и».

** В списке Белинского и в «Отечественных записках» строфа XIII (от слов «Как пери спящая мила» до «Уж собрались в печальный путь») соответствует строфам XIII—XIV последней редакции.

В строфе «Уж собрались в печальный путь» было выброшено четверостишие:

Как будто дальше от людей
Последний сон не возмутится!..
Напрасно: мертвым не приснится
Ни грусть, ни радость прошлых дней!..

И в строфе «Едва на жесткую постель» после стихов:

Спустился ангел легкокрылый
И над покинутой могилой
Приник с усердною мольбой...

были опущены целых 14 стихов (от слов: «За душу грешницы младой» и кончая словами: «Улыбкой горькой упрекнул»), на месте которых даны четыре строки точек.

Изготовленные таким образом отрывки поэмы и были представлены вместе с письмом графа А. Ф. Орлова министру народного просвещения графу С. С. Уварову.

Белинскому, очевидно, пришлось принять участие не только в подготовке текста «Демона», но и в хлопотах о напечатании отрывков из него, так как в самый разгар этих хлопот, 8 апреля 1842 г., у Краевского умерла жена. 13 апреля (как раз накануне заседания СПб. цензурного комитета по вопросу о публикации отрывков поэмы) Белинский сообщал Боткину: «Посылаю к нему 〈Краевскому.— *А. М.*〉 записку о разных делах по журналу и получаю в ответ: делайте, как знаете, голова ходит кругом...» («Письма», II, 298).

В Рукописном отделе Библиотеки СССР им. В. И. Ленина (Москва) хранится сделанный самим Белинским и изящно переплетенный список «Демона». Этот список Белинский переслал через Боткина будущей своей невесте, потом жене — М. В. Орловой.

В письме к ней от 4 апреля[25] 1842 г. Белинский писал, что, долго ломая голову над тем, как отблагодарить ее за подаренный ему бумажник, он, наконец, «обрадовался мысли переписать 〈...〉 „Демона“ собственною рукою» («Письма», II, 278).

Судя по этому списку, в котором Белинский вынес в варианты места, опасные в цензурном отношении (например, диалог: «К чему мне знать твои печали?..»), можно заключить, что он переписывал его без изменений с незадолго до того подготовленного им для печати и переданного Краевскому текста «Демона». Слова критика о том, что он переписал «Демона» специально для Орловой, вероятно имели в виду именно механическую, «каллиграфическую» сторону переписывания.

5

Отрывки «Демона» из «Отечественных записок» перепечатывались потом без изменений в Стихотворениях Лермонтова, изданных И. Глазуновым[26], и в Сочинениях Лермонтова, изданных А. Смирдиным[27] и Глазуновым[28]. Берлинские издания 1856 и 1857 гг., история которых до сих пор остается загадочной, при всей их неудовлетворительности, находятся в несомненном родстве со списком Белинского и с текстом «Отечественных записок». Текст первого русского полного издания «Демона» в Сочинениях Лермонтова под редакцией С. С. Дудышкина[29], в основном дающий последнюю редакцию поэмы, еще содержит строфу XIV второй части в редакции 8 сентября 1838 г. (со стихом «... с небом гордая вражда»). Последующие издания поэмы уже представляют перепечатку карлсруйских изданий 1856—1857 гг., т. е. последней редакции, начала 1841 г. Традиция Белинского была забыта.

В 1889 г. П. А. Висковатов впервые и полностью опубликовал[30] полученный им от родственников Лермонтова Лопухиных авторизованный список «Демона», датированный 8 сентября 1838 г., а два года спустя напечатал эту редакцию «Демона» в сокращении, под названием пятого очерка поэмы, вместе с другими, более ранними редакциями в подготовленном им к печати первом полном издании Сочинений Лермон-

това[31]. В 1899 г. она была дана (тоже в отрывках) в приложении к основному тексту поэмы в Сочинениях Лермонтова в художественном издании И. Н. Кушнерева и К°[32] и перепечатана без изменений в 1909 г. в отдельном издании «Демона», предпринятом тем же издательством[33]. Этим исчерпываются публикации «Демона» в редакции 8 сентября 1838 г. в дореволюционные годы.

Даже П. А. Ефремов, А. И. Введенский и И. М. Болдаков, редакторы лучших дореволюционных изданий сочинений Лермонтова, помещавшие вслед за основным текстом поэмы в последней ее редакции и незрелые юношеские наброски «Демона», не дали поэмы в редакции 8 сентября 1838 г. Введенский и Болдаков все же приводили разночтения этого текста, первый в подстрочных примечаниях, второй — в комментариях в конце тома. Д. И. Абрамович также давал их в комментариях, но среди бесчисленных вариантов из печатных изданий и различных списков, наряду со стихами, заведомо не принадлежавшими Лермонтову. Зато Ефремов в пяти редактированных им изданиях[34] просто аннулировал «Демона» в редакции 8 сентября 1838 г., в том числе даже строфу со стихом «с небом гордая вражда», особенно ярко выражавшим, по мнению Белинского, основную идею поэмы и каким-то чудом проведенным через цензуру при печатании отрывков поэмы в «Отечественных записках». Редакторы остальных изданий сочинений Лермонтова следовали за Ефремовым.

По тому же пути пошли и советские текстологи в лице К. И. Халабаева и Б. М. Эйхенбаума. В редактированном ими Полном собрании сочинений Лермонтова в одном томе, выдержавшем шесть изданий[35], где в приложении к основному тексту «Демона» даются четыре ранних его очерка, нет текста поэмы в редакции 8 сентября 1838 г. и даже в вариантах отсутствуют стихи, восхищавшие великого революционного критика-демократа, хотя заботливо приведены всевозможные другие разночтения из карлсруйских изданий, из Сочинений Лермонтова под редакцией Дудышкина, Ефремова, Введенского, Абрамовича.

В Полном собрании сочинений Лермонтова под редакцией Б. М. Эйхенбаума, изд. «Academia»[36], отрывки из «Демона» в редакции 8 сентября 1838 г. даются, но не рядом с ранними очерками поэмы и не в подстрочных примечаниях, а так же, как в академическом издании: в комментариях, среди вариантов, рассчитанных на исследователя-специалиста. Однако в последующих полных собраниях сочинений Лермонтова под редакцией Эйхенбаума[37] этих отрывков снова нет даже в комментариях, хотя опять-таки сообщается полный текст юношеских набросков поэмы 1829—1833 гг.

Различные издания избранных сочинений и поэм Лермонтова тоже не давали текстов 8 сентября 1838 г., ограничиваясь последней редакцией. Исключение представляют лишь «Избранные произведения» Лермонтова под редакцией И. Л. Андроникова[38], где, правда, в комментариях, приводится строфа, имеющая принципиальное значение для понимания поэмы Лермонтова.

Белинский говорил, что минуты, которые он посвятил переписыванию «Демона», были для него «такими прекрасными минутами», что он «не слишком торопился прекратить их» («Письма», II, 279). Его вдумчивое, любовное отношение к редактированным им лермонтовским текстам, его стремление в первую очередь раскрыть богатое идейное содержание поэмы — достойный пример для текстологов-лермонтоведов. Восстановление подлинного текста «Демона» было затруднено для Белинского отсутствием авторитетных списков и автографов Лермонтова. В наше время в распоряжении исследователей и редакторов имеются подлинные рукописи поэмы (в том числе и канонический текст последней его редакции[39]), вскрывающие весь сложный творческий процесс создания «Демона». Если Белинский в условиях своего времени вынужден был прибегнуть к контаминации текстов двух редакций поэмы, то сейчас такая необходимость отпадает, так как мы располагаем всеми возможностями подлинно научного издания текстов «Демона» и наилучшего доведения их до читателей. Для этого необходимо во всех собраниях сочинений Лермонтова вслед за основным текстом «Демона» (редакция начала 1841 г.) в приложениях давать не только ранние очерки поэмы, но и текст ее в редакции 8 сентября 1838 г. (конечно, не полностью, а только разночтения его с последней редакцией) в виде связных отрывков; в изданиях же избранных сочинений обязательно приводить этот текст в подстрочных примечаниях.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] М. Ю. Лермонтов. Полн. собр. соч., т. III, М.— Л., «Academia», 1935, стр. 638.

[2] Там же.

[3] Там же, стр. 645.

[4] И. Панаев. Литературные воспоминания, М.—Л., «Academia», 1928, стр. 310.

[5] См. нашу публикацию «Лермонтов и его родня по документам архива А. И. Философова».— «Лит. наследство», т. 45—46, 1948, стр. 681.

[6] М. Ю. Лермонтов. Цит. изд., т. III, стр. 642.

[7] Там же.

[8] Там же, стр. 485.

[9] Там же, стр. 485—486.

[10] А. П. Шан-Гирей. М. Ю. Лермонтов. Приложение к «Запискам» Е. А. Сушковой, М.— Л., «Academia», 1928, стр. 388.

[11] «Отеч. зап.», 1841, т. XIX, № 11, отд. VI, стр. 24—25.

[12] А. В. Кольцов. Полн. собр. соч., изд. Академии Наук, СПб., 1911, стр. 269.

[13] «Отеч. зап.», 1842, т. XX, № 1, отд. VI, стр. 42.

[14] А. В. Кольцов. Цит. изд., стр. 272.

[15] Хранится в Рукописном отделе Библиотеки СССР им. В. И. Ленина в Москве. Шифр: М. 3151. См. статью В. С. Любимовой-Дороватовской в сб. «Лермонтов», М., 1939, стр. 74—82.

[16] Центр. Гос. Исторический архив в Ленинграде (ЦГИАЛ), ф. 777, оп. 1, д. 208286, л. 1.

[17] Н. В. Здобнов. Новые цензурные материалы о Лермонтове. — «Красная новь», 1939, № 10—11, стр. 261.

[18] Как раз в этот период граф Орлов, незадолго до того сложивший с себя обязанности попечителя наследника престола, не занимал какой-либо определенной должности, сохраняя, однако, огромное влияние на государственные дела.

[19] Если б он был адресован Уварову или Никитенке, то не подлежал бы возврату.

[20] ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 1, д. 208286, л. 2.

[21] Сб. «Труды и дни», М., изд. «Мусагет», тетрадь 8-я, 1916, стр. 111.

[22] Н. В. Здобнов. Цит. изд., стр. 261.

[23] Корректура «Демона» хранится в Лермонтовском фонде Отдела рукописей Института русской литературы АН СССР (оп. 2, № 8).

[24] Насколько некритически относился Д. И. Абрамович к корректуре Краевского, видно хотя бы из того, что он напечатал фразу о том, что конь «...несется с крутизны | На пену скачущей волны», не обратив никакого внимания на исправление Краевского, сделанное по списку Белинского.

[25] Письмо ошибочно датировано Белинским 4 марта 1842 г. (см. прим. Е. А. Ляцкого в «Письмах», II, 414).

[26] «Стихотворения М. Ю. Лермонтова», т. II, СПб., 1842, стр. 163—197.

[27] «Сочинения М. Ю. Лермонтова», т. I, СПб., 1847, стр. 220—242.

[28] «Сочинения М. Ю. Лермонтова», изд. 3-е, т. I, СПб., 1852, и изд. 4-е, СПб., 1856, стр. 218—240.

[29] «Сочинения М. Ю. Лермонтова», т. I, СПб., 1860, и 2-е изд., т. II, СПб., 1863, стр. 7—50.

[30] «Русский вестник», 1889, III.

[31] «Сочинения М. Ю. Лермонтова», изд. В. Ф. Рихтера, т. III, 1891, стр. 94—106.

[32] «Сочинения М. Ю. Лермонтова», т. III, М., 1899, стр. 10—13.

[33] В изданиях т-ва Кушнерева приведены также варианты из списка Белинского.

[34] «Сочинения М. Ю. Лермонтова», СПб., 1873, 1880, 1882, 1887, 1889.

[35] «Сочинения М. Ю. Лермонтова», М.— Л., ГИЗ, 1926, 1928, 1929, 1930, 1931, 1934.

[36] М. Ю. Лермонтов. Полн. собр. соч., т. III, М.— Л., «Academia», 1935, стр. 641—645.

[37] М. Ю. Лермонтов. Полн. собр. соч. М.—Л., Гослитиздат, 1939—1941, 1947 и 1948.

[38] Изд. «Московский рабочий», М., 1949.

[39] Список, изготовленный самим поэтом и хранящийся в архиве А. И. Философова (ЦГИАЛ), издавшего его в Карлсруэ в 1856 г.

Л. Н. ТОЛСТОЙ О «ПИСЬМЕ БЕЛИНСКОГО К ГОГОЛЮ»

МАРГИНАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ И ЗАПИСЬ В ДНЕВНИКЕ

Сообщение С. Брейтбурга *

Дошедшие до нас суждения Толстого о Белинском свидетельствуют о глубоком знакомстве великого писателя с трудами критика. Однако в Яснополянской библиотеке Толстого среди многих тысяч книг сочинения Белинского представлены лишь тремя случайными и совершенно не авторитетными в научном отношении изданиями. Издания эти следующие:

1. Систематическое собрание сочинений В. Г. Белинского. Основания его критики и отзывы о выдающихся произведениях литературы. СПб., изд. Н. Зинченко, 1900. Выпуски: I (VIII+144 стр.); II (176 стр.); III (88 стр.) и IV (186 стр.)[1].

2. Виссарион Белинский. Литературные мечтания Элегия в прозе. Полное издание с портретом автора и предисловием. Киев, изд. «Гонг» (Библиотека «Гонга» (№ 1—2)[2].

3. В. Г. Белинский. Письмо к Гоголю. С пред. С. А. Венгерова. Второе изд. СПб., «Светоч», 1906 (Библиотека «Светоча», № 5)[3].

Первое из указанных изданий не носит никаких следов чтения, а брошюра «Литературные мечтания» осталась даже не разрезанной. Зато текст знаменитого «Письма» Белинского к Гоголю усеян многочисленными пометами Толстого. Из четырнадцати страниц указанной брошюры, занятых «Письмом», пять — испещрены толстовским карандашом.

Несомненно, Толстой неоднократно читал «Письмо» и ранее. Об этом свидетельствуют его слова, записанные одним из мемуаристов: «Когда я перечитываю Гоголя, то всегда перечитываю его „Переписку с друзьями“, далеко не оцененную Белинским»[4]. По признанию самого Толстого в 1887 г., он «перечел» «Переписку» Гоголя «3-й раз в жизни»[5]. Безусловно тогда же Толстой перечел и письмо Белинского, использованное им в незаконченном предисловии к брошюре А. И. Орлова «Н. В. Гоголь, как учитель жизни» (1888 г.)[6].

В марте 1909 г., собираясь писать статью о Гоголе для мартовского номера журнала «Жизнь для всех», Толстой снова перечел сочинения Гоголя и в том числе, по своему обыкновению, «Выбранные места из переписки с друзьями». Обращение к этому

* Рукопись настоящего сообщения была представлена автором в редакцию «Литературного наследства» еще в январе 1948 г. В редакционном предисловии к 55-му тому («В. Г. Белинский. I»), вышедшему в 1948 г., было объявлено, что во второй книге С. Брейтбургом публикуются неизданные маргиналии Л. Н. Толстого на полях принадлежавшего писателю отдельного издания «Письма Белинского к Гоголю» (стр. VII).

В сборнике «Белинский — историк и теоретик литературы» (изд. АН СССР), вышедшем в 1949 г., напечатана статья И. Успенского «Письмо Белинского к Гоголю и Л. Н. Толстой», в которой также использован, независимо от С. Брейтбурга, архивный источник, послуживший основным материалом для данного сообщения, написанного более двух лет тому назад.

Публикуемое ниже сообщение С. Брейтбурга дает несколько более исчерпывающее описание пометок Толстого. Ред.

произведению заставило его еще раз тщательно перечесть и «Письмо» Белинского. Именно к этому времени относятся пометы Толстого на издании, сохранившемся в Яснополянской библиотеке. Помимо косвенных соображений, наше предположение документально подтверждается и надписью Д. П. Маковицкого на обложке брошюры: «С отметками Льва Николаевича летом 1909». Точность датировки Маковицкого вызывает сомнение только в одном пункте: совершенно очевидно, что пометы Толстого относятся не к лету, а к ранней весне 1909 г.

Пометы Толстого на тексте «Письма» Белинского сводятся только к отчеркиванию на полях тех или иных строк «Письма» и параллельному подчеркиванию отдельных выражений; отсутствуют даже буквенные обозначения (обычные у Толстого), которые можно было бы расшифровать. Единственным «эмоциональным» проявлением читательского восприятия «Письма» Толстым остались два вопросительных знака на одной из страниц. Таким образом, смысл помет Толстого может быть раскрыт лишь гипотетически, хотя с большой долей вероятия. Отношение Толстого к «Письму» было, несомненно, противоречивым, но в то же время и закономерным. Одни толстовские пометы носят явно сочувственный характер; другие, наоборот,— резко отрицательный.

К первой из этих категорий (положительной) принадлежит помета, относящаяся ко второму абзацу «Письма». Отчеркнув на полях страницы 11-й четыре строки (начиная с третьей сверху) и подчеркнув (набранные ниже разрядкой) слова трех последующих строк, Толстой выделил этим способом следующее суждение Белинского:

«Ей ⟨России⟩ нужны не проповеди (довольно она слышала их!), не молитвы (довольно она твердила их!), а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства, столько веков потерянного в грязи и соре,— права и законы, сообразные не с учением церкви, а с здравым смыслом и справедливостью, и строгое по возможности их исполнение».

Сосредоточенное внимание Толстого к этим строкам было вызвано, разумеется, антиклерикальной тенденцией данного суждения, содержавшейся в нем критикой политического бесправия масс и стремлением к повышению морального самосознания в народе. Объективным доказательством того, что Толстой отнесся к процитированным словам Белинского сочувственно, служат его высказывания в упомянутой юбилейной статье о Гоголе. В одной из ее черновых редакций читаем: «Главное несчастье всей деятельности Гоголя—это его покорность ⟨...⟩ существующему русскому церковному учению и тогдашнему русскому государственному устройству». В другом варианте той же статьи Толстой еще резче упрекает Гоголя в «оправдании и даже восхвалении отживших даже в его время суеверий церковного и государственного»[7].

Бесспорно одобрительную оценку содержала и вторая помета Толстого, сохранившаяся на странице 12-й «Письма». Текст этой, как и предыдущей, страницы содержал гневный протест Белинского против мракобесно-крепостнической проповеди «кнута», «невежества» и «деспотизма», негодующий протест против ханжества и лицемерия этой книги, в которой автор, по словам Белинского, «во имя Христа и церкви учит варвара-помещика наживать от крестьян больше денег, учит их ругать побольше...» В этом контексте Толстой выделил отчеркиванием на полях следующие строки (10—14-я сверху):

«И после этого вы хотите, чтобы верили искренности направления вашей книги! Нет! если бы вы действительно преисполнились истиною Христовою, а не дьяволова учения — совсем не то написали бы в вашей новой книге».

Внимание Толстого привлек, таким образом, общий альтернативный вывод Белинского из его разоблачительной критики реакционной утопии Гоголя. Следует, однако, отметить, что Толстой, повидимому, мысленно сохранил для себя прямой фразеологический смысл выражений «истина Христова» и «дьяволово учение» (выражений, столь часто употреблявшихся им самим). Но Белинский заимствовал эти выражения у самого Гоголя, заимствовал с определенными полемически-разоблачительными целями

Съ отмѣтками Льва Николаевича лѣтомъ 1909

Библіотека „СВѢТОЧА“

подъ редакціей С. А. Венгерова.

№ 5.

Серія: „Избранныя произведенія политической литературы“. № 2.

В. Г. Бѣлинскій.

Письмо къ Гоголю.

Съ предисловіемъ С. А. ВЕНГЕРОВА.

2-ое изданіе.

Цѣна 10 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія А. Э. Винеке, Екатерингофскій пр., д. 15.
1906.

ужели же въ самомъ дѣлѣ вы не знаете, что наше духовенство находится во всеобщемъ презрѣніи у русскаго общества и русскаго народа? Про кого русскій народъ разсказываетъ похабную сказку? Про попа, попадью, попову дочь и попова работника. Не есть ли попъ на Руси для всѣхъ русскихъ представитель обжорства, скупости, низкопоклонничества, безстыдства? И будто всего этого вы не знаете? Странно! По вашему, русскій народъ самый религіозный въ мірѣ: ложь! Основа религіозности есть піэтизмъ, благоговѣніе, страхъ божій. А русскій человѣкъ произноситъ имя Божіе, почесывая себѣ . . . . Онъ говоритъ объ образѣ: годится—молиться, а негодится—горшки покрывать.

Приглядитесь попристальнѣе и вы увидите, что это по натурѣ глубоко-атеистическій народъ. Въ немъ еще много суевѣрія, но нѣтъ и слѣда религіозности. Суевѣріе проходитъ съ успѣхами цивилизаціи, но религіозность часто уживается съ ними; живой примѣръ Франція, гдѣ и теперь много искреннихъ католиковъ между людьми просвѣщенными и образованными и гдѣ многіе, отложившись отъ христіанства, все еще упорно стоятъ за какого-то Бога. Русскій народъ не таковъ; мистическая экзальтація не въ его натурѣ; у него слишкомъ много для этого здраваго смысла, ясности и положительности въ умѣ, и вотъ въ этомъ-то, можетъ быть, огромность историческихъ судебъ его въ будущемъ. Религіозность не прививалась въ немъ даже къ духовенству, ибо нѣсколько отдѣльныхъ, исключительныхъ личностей, отличавшихся такою холодною аскетической созерцательностью, ничего не доказываютъ. Большинство же нашего духовенства всегда отличалось только толстыми брюхами, схоластическимъ педантствомъ да дикимъ невѣжествомъ. Его грѣхъ обвинить въ

ЭКЗЕМПЛЯР ИЗДАНИЯ ПИСЬМА БЕЛИНСКОГО К ГОГОЛЮ ИЗ БИБЛИОТЕКИ Л. Н. ТОЛСТОГО С СОБСТВЕННОРУЧНЫМИ ПОМЕТАМИ ПИСАТЕЛЯ

Надпись на титульном листе сделана Д. П. Маковицким

Музей-усадьба Л. Н. Толстого, Ясная Поляна

В контексте «Письма» оба выражения приобрели новый, переносный смысл: «истина Христова» обозначала здесь противоположность фарисейству, «дьяволово учение» — идеологию крепостнической реакции и обскурантизма.

Последнее из сочувственно отмеченных Толстым мест находится на странице 16-й обозреваемой брошюры: оно обширнее предыдущих и занимает около двадцати строк (10—28-я сверху). Здесь Белинский, вопреки мнению самого Гоголя, отказывая его новой книге в оригинальности, обвиняет ее в эпигонстве идеологам казенной народности, включая сюда и таких мракобесно-юродствующих представителей этой «идеологии», как пресловутый редактор «Маяка» Бурачек. Белинский заключает:

«Конечно, в вашей книге более ума и даже таланта (хотя того и другого не очень богато в ней), чем в их сочинениях; но зато они развили общее им с вами учение с большей энергией и с большей последовательностью, смело дошли до его последних результатов, все отдали византийскому богу, ничего не оставили сатане; тогда как вы, желая поставить по свечке и тому и другому, впали в противоречие, отстаивали, например, Пушкина, литературу и театры, которые, с вашей точки зрения, если бы вы только имели добросовестность быть последовательным, нисколько не могут служить к спасению души, но много могут служить к ее погибели... Чья же голова могла переварить мысль о тождественности Гоголя с Бурачком? Вы слишком высоко поставили себя во мнении русской публики, чтобы она могла верить в вас искренности подобных убеждений».

Эта обличительная тирада критика отчеркнута Толстым — и отчеркнута по причине несомненного согласия его с Белинским. В справедливости такого предположения убеждают нас два обстоятельства. Во-первых, в приведенном отрывке противопоставление Белинским «просветительских» гоголевских писем «религиозным» соответствует их дифференциации со стороны самого Толстого — вплоть до сходства в некоторых случаях и качественных их оценок. Так, например, главы «Несколько слов о нашей церкви и духовенстве» и «О том же» были оценены Толстым низшими баллами — нулями, а глава «О театре» — пятеркой[8]. Во-вторых, Толстой также указывал на заимствованный, а не самостоятельный характер реакционных взглядов писателя, на народность и на взаимоотношения народа и самодержавной власти. «Гоголь же был даже не самобытным софистом, а усвоил все сложные и искусственные софизмы славянофилов того времени», — писал Толстой в черновой редакции статьи о Гоголе 1909 г.[9]

Две остальные пометы на яснополянском экземпляре «Письма» Белинского фиксируют отрицательное восприятие Толстым соответствующих мест текста.

Первая помета на странице 17-й. Она относится к небольшому по размеру отрывку всего в пять строк (8—12-я снизу), но он весьма энергично отмечен Толстым: не только отчеркнут на полях, но частично и подчеркнут (подчеркивание выделено ниже разрядкой). Констатируя здесь, что в условиях политической отсталости страны, скованной гнетом самодержавной власти и крепостнического рабства, единственной формой выражения передовых оппозиционных настроений общества является литература, «несмотря на татарскую цензуру», Белинский заключал:

«... ⟨вот⟩ почему у нас так легок литературный успех даже при маленьком таланте. *Титло поэта, звание литератора у нас давно уже затмило мишуру* эполет и разноцветных мундиров. И вот почему у нас в особенности награждается ⟨общим вниманием всякое так называемое либеральное направление⟩...»

Что же вызвало здесь у Толстого такую энергичную читательскую реакцию? Вряд ли можно сомневаться, что причиной ее послужила высокая оценка Белинским общественного назначения литературы и ее деятелей. У Толстого, как известно, была на этот счет совершенно противоположная точка зрения, многократно высказывавшаяся им не только в таких специальных произведениях, как трактат «Что такое искусство», но и в публицистических сочинениях. А в «Исповеди», саркастически отзываясь о моральных устоях литераторов, Толстой использует почти дословно выражение из подчеркнутого им текста «Письма»; патетические слова Белинского: «титло поэта, звание литератора» он заменяет здесь иронической перифразой: «чин художника, поэта»[10].

Вторая помета полемического характера находится на 14-й странице. Помета относится к тому месту «Письма», где Белинский, гневно и резко возражая Гоголю, отрицает утверждение последнего о религиозности русского народа. Это место привлекло, повидимому, наиболее пристальное внимание Толстого и вместе с тем вызвало его основной протест против «Письма».

Страница 14-я испещрена более чем наполовину пометами Толстого. При этом соответствующие строки были отмечены в несколько приемов. В итоге получилась прерывистая черта, выделившая следующий отрывок текста:

«И будто всего этого вы не знаете? Странно! По-вашему, русский народ самый религиозный в мире: ложь! Основа религиозности есть пиэтизм, благоговение, страх божий. А русский человек произносит имя божие, почесывая себе... Он говорит об образе: годится — молиться, а не годится — горшки покрывать.

Приглядитесь попристальнее, и вы увидите, что это по натуре глубоко атеистический народ. В нем еще много суеверия, но нет и следа религиозности. Суеверие проходит с успехами цивилизации, но религиозность часто уживается с ними; живой пример — Франция, где и теперь много искренних католиков между людьми просвещенными и образованными и где многие, отложившись от христианства, все еще упорно стоят за какого-то бога».

Сначала Толстым были отчеркнуты пять строк этого текста — начиная с восьмой строки (сверху) 14-й страницы описываемого издания. Затем он обвел последующие десять строк и поставил на полях против них вопросительный знак. Наконец, были отчеркнуты еще пять смежных строк; сверх того, внутри них были подчеркнуты слова «за какого-то бога» и отмечены на полях знаком вопроса.

Полемический характер всех этих помет не подлежит сомнению и объясняется диаметральной противоположностью взгляда Толстого на данный вопрос. Из многочисленнейших его высказываний на эту тему достаточно сослаться хотя бы на следующие утверждения в «Исповеди». Повествуя о пережитом им в 1880-х годах духовном «перевороте» и о попытках его разрешения, Толстой писал: «Простой трудовой народ вокруг меня был русский народ, и я обращался к нему и к тому смыслу, который он придает жизни... Смысл этот народ черпает из всего вероучения, переданного и передаваемого ему пастырями и преданиями... Суеверия же верующих из трудового народа были до такой степени связаны с их жизнью, что нельзя было себе представить их жизни без этих суеверий, — они были необходимым условием этой жизни... в их среде едва ли один неверующий на тысячи»[11].

Сохранились и прямые, непосредственные доказательства резко отрицательного отношения Толстого к приведенной выдержке из «Письма». Первое доказательство содержится в упомянутом выше предисловии Толстого к книге Орлова о Гоголе 1888 г. Причисляя в ней Белинского к тем современникам писателя, которые стояли «на низком нравственном уровне» (в специфически толстовском понимании нравственности), Толстой цитирует именно это же место «Письма» — но в подцензурной его редакции: «Белинский первый осудил Переписку и... сказал: „... по-вашему, русский народ самый религиозный в мире: ложь! В русском народе много суеверий, но нет и следа религиозности. Русский народ скорее можно похвалить за его образцовый индиферентизм в деле веры; у него слишком много для этого здравого смысла, ясности и положительности в уме; вот в этом-то может быть и заключается огромность исторических судеб его в мире...“»[12]

Второе доказательство — запись Толстого в дневнике, совпадающая по времени с его статьей о Гоголе 1909 г. В не изданной еще части дневника под датой 7 марта 1909 г. Толстой с недовольством говорит о «презрительном упоминании <Белинским> о каком-то боге»[13], — точно воспроизводя, таким образом, тогда же подчеркнутое им и снабженное вопросительным знаком выражение в тексте приведенного отрывка из «Письма».

Противоречивое отношение Толстого к «Письму» Белинского в конечном счете определялось контрастом между толстовской позицией «патриархального, наивного крестьянина» (по ленинскому определению)[14], с одной стороны, и революционной сущ-

ностью «одного из лучших произведений бесцензурной демократической печати...» (как назвал письмо великого критика к Гоголю Ленин же)[15] — с другой.

Вот почему, соглашаясь с некоторыми критическими высказываниями автора «Письма», Толстой, однако, предпочитал ему адресата, видя «преимущество» Гоголя перед Белинским в религиозности первого (хотя бы и клерикальной) по сравнению с атеизмом последнего.

Что именно такова была позиция Толстого по отношению к знаменитому спору Белинского с Гоголем — позиция, закономерно обусловленная общим толстовским мировоззрением последнего периода, тому есть два прямых документальных доказательства.

Доктор Д. П. Маковицкий записал 6 октября 1907 г.: «Л. Н. сказал о письме Белинского к Гоголю: „Очень неважное письмо. Разумеется, с точки зрения ума Белинский доказал, а с религиозной точки зрения...“ (дальше я не расслышал)»[16] — не решился закончить от себя пунктуальный мемуарист. Но не трудно, конечно, умозаключить, что в нерасслышанных словах содержалось резкое несогласие Толстого с материалистическими и атеистическими взглядами Белинского, столь ярко выраженными в «Письме».

Еще выразительнее и полнее свидетельствует об этом неизданная дневниковая запись самого Толстого от 7 марта 1909 г. (частично цитированная выше). Вот ее текст: «Как Гоголь прав в своем безобразии и как Белинский кругом неправ в своем блеске с своим презрительным упоминанием о каком-то боге... Гоголь ищет бога в церковн⟨ой⟩ вере, где он извращен, но ищет все-таки бога; Бел⟨инский⟩ же благодаря вере в науку столь же, если не более нелепую, чем церк⟨овная⟩ вера, стоит вспомнить Гегеля с его Alles was ist, ist vernünftig*, и несомненно, еще более вредную, не нуждается ни в каком боге»[17].

Дневниковая запись Толстого, как и его пометы на страницах яснополянского экземпляра «Письма» Белинского, дают дополнительный материал, выразительно иллюстрирующий одну из антитез знаменитой ленинской формулы о «кричащих противоречиях» Толстого: «С одной стороны, самый трезвый реализм, срыванье всех и всяческих масок; — с другой стороны, проповедь одной из самых гнусных вещей, какие только есть на свете, именно: религии, стремление поставить на место попов по казенной должности попов по нравственному убеждению...»[18]

При чтении Толстым «Письма» Белинского у него возник даже новый замысел специальной статьи. В той же неопубликованной дневниковой записи от 7 марта 1909 г. читаем: «Много думал о Гог⟨оле⟩ и Белинском. Очень интересное сопоставление... Какая тема для нужной статьи!»[19] О Гоголе Толстой, как упоминалось, написал две отдельные заметки. Но возникшую тогда в его творческом сознании тему «нужной статьи», в которой бы были сопоставлены Гоголь и Белинский, Толстому не удалось реализовать. Однако молчаливые, но выразительные пометы его на яснополянском экземпляре «Письма» Белинского дают некоторое представление об этом неосуществленном замысле Толстого.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Архив Музея-усадьбы «Ясная Поляна», шкап XIII, полка 3-я.
[2] Там же, шкап XV, полка 1-я.
[3] Там же, шкап XVII, полка 5-я.
[4] С. Спиро. Беседы с Л. Н. Толстым, М., 1911, стр. 13. Возможно, что слова Толстого переданы автором не с текстуальной точностью, но подвергать сомнению достоверность данного свидетельства нет оснований.
[5] Письмо к В. Г. Черткову и П. И. Бирюкову от 10 октября 1887 г.—Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., под общ. ред. В. Г. Черткова, т. 86, М., 1937, стр. 89.
[6] Ср. там же, т. 26, М., 1936, стр. 650—651.
[7] Там же, т. 38, М., 1936, стр. 280.
[8] Пометки при перечитывании «Выбранных мест из переписки с друзьями».— Там же, стр. 52.
[9] Там же, стр. 280.

---

* Все действительное разумно.

СТРАНИЦЫ ДНЕВНИКА Л. Н. ТОЛСТОГО ОТ 2, 3 и 4 ЯНВАРЯ 1857 г. С ЗАПИСЯМИ О БЕЛИНСКОМ]

Музей Л. Н. Толстого АН СССР, Москва

[10] Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., под ред. П. И. Бирюкова, т. XV, М., 1913, стр. 9.

[11] Там же, стр. 36—37.

[12] Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., под общ. ред. В. Г. Черткова, т. 26. М., 1936, стр. 650—651.

[13] Рукописный отдел Гос. Толстовского музея (Москва).

[14] В. И. Ленин. Л. Н. Толстой.— Соч., изд. 4-е, т. 16, М., 1948, стр. 295.

[15] В. И. Ленин. Из прошлого рабочей печати в России.— Соч., изд. 4-е, т. 20, М., 1948, стр. 224.

[16] Неопубликованная часть записок Д. П. Маковицкого (из собрания Н. Н. Гусева). За право пользования этой рукописью и некоторые справки приношу благодарность Н. Н. Гусеву.

[17] Рукописный отдел Гос. Толстовского музея (Москва).

[18] В. И. Ленин. Лев Толстой, как зеркало русской революции.— Соч., изд. 4-е, т. 15, М., 1947, стр. 180.

[19] Рукописный отдел Гос. Толстовского музея (Москва).

К КРИТИКЕ ПЕРВОПЕЧАТНЫХ ТЕКСТОВ СОЧИНЕНИЙ БЕЛИНСКОГО

Сообщение Л. Ланского

То обстоятельство, что рукописи большинства произведений Белинского не сохранились и при переизданиях приходится обращаться исключительно к прижизненным публикациям, делает совершенно необходимым критическое изучение первопечатных текстов. Особенную важность эта работа приобретает теперь, в связи с подготовкой полного академического собрания сочинений Белинского.

Изучение журналов 1830—1840-х годов приводит к выводу, что печатавшиеся в них тексты часто искажались не только в результате вмешательства цензурного ведомства, но и вследствие неудовлетворительного качества набора и корректуры. «Я в „Литературной газете“ не мог без ужаса прочесть ни одной статьи своей»,— писал как-то Белинский Н. Х. Кетчеру, приходя в отчаяние от плохой корректуры, из-за которой в журнале «черное напечатано белым, а белое черным — где говорится о дне, читатель должен подразумевать ночь,— и наоборот» («Письма», II, 150). «Сотни опечаток» в каждом номере журнала, на которые жаловался Читатель в стихотворении Лермонтова «Журналист, Читатель и Писатель» («Читаешь — сотни опечаток...»), вовсе не были преувеличением. Первые номера «Отечественных записок» 1839 г., например, далеко перещеголяли эту «скромную» цифру. Помещая в одном из номеров журнала длинный список опечаток, Краевский счел необходимым обратиться к читателям со специальным объяснением, в котором писал, между прочим: «Мы обращаем внимание наших читателей только на те опечатки, которые изменяют смысл речи. Нынешние типографские наборщики могут служить прекрасным подкреплением для людей, которые любят доказывать вред, происходящий от просвещения: ныне наборщики, к сожалению, уже понимают слова, но, разумеется, не речи; оттого они редко ставят слово, вовсе не существующее, но это не мешает им заменять одно слово другим. совсем не идущим к делу; так, они ставят галеры вместо галлерей, чернить вместо чертить и тому подобное. Этого рода опечатки всего неприятнее для издателей; но до сих пор еще не открыто искусство избегать их при поспешной работе... Что касается до тех опечаток, где измененная буква явно показывает, в чем ошибка, то о них мы и не говорим и в опечатках не упоминаем ‹...› Мы надеемся, что с распространяющимися средствами редакции и с большим навыком нашей типографии к поспешной работе все сии ошибки и опечатки будут все реже и реже, но невозможного мы не обещали и не обещаем, а что в таком деле существует невозможное, в том читатели убедятся, просмотрев со вниманием другие журналы, у нас издающиеся».

Приведенные цитаты (их можно значительно умножить) убедительно доказывают, что в первопечатных текстах Белинского содержится немало типографских ошибок и опечаток. К сожалению, большинство искажений, тем или иным образом попавших в текст, уже не устранимы; однако многие ляпсусы, явившиеся в результате недоброкачественной корректуры, могут быть исправлены при специальном обследовании текстов.

Мы приводим ниже ряд обнаруженных нами искажений в первопечатных журнальных публикациях статей Белинского: «„Гамлет“, драма Шекспира. Мочалов в роли Гамлета», «Гамлет, принц датский», «Менцель, критик Гете» и «„Горе от ума“ А. С. Грибоедова», а также рецензий на «„Уголино“. Драматическое произведение Николая Полевого», «„Краткую историю Франции...“ Мишле» и др. Предлагаемые нами исправления—бесспорны, так как они заимствованы из списков опечаток, приложенных к журналам, в которых печатались эти статьи и рецензии Белинского. Этими списками почему-то не пользовались при воспроизведении текстов Белинского даже такие авторитетные редакторы, как С. А. Венгеров. Как это ни нелепо, ошибки, исправленные еще при первых журнальных публикациях, часто бывают повторены в современных изданиях*.

Вот перечень искаженных мест и исправлений, в которых слова, требующие замены, выделены нами разрядкой.

Статья «„Гамлет“, драма Шекспира. Мочалов в роли Гамлета»:

«Мы предложили Гамлета говорящим Офелии эти стихи, для того, чтобы этим окончательно очертить характер Офелии так, как мы его понимаем».

Надо: предположили («Московский наблюдатель», 1838, ч. XVI, стр. 291. Ср. III, 232).

«В сцене с Йориком Мочалов был попрежнему превосходен и выдержал ее ровно и вполне от первого слова до последнего».

Надо: с Осриком (там же, стр. 439. Ср. III, 265).

Статья «Гамлет, принц датский»:

«Вот в чем его заслуга, и мы заранее отказываемся от всякого спора с теми людьми, которые не захотели бы видеть в этом великой заслуги и литературе, и сцене, и делу собственного образования».

Надо: общественного («Московский наблюдатель», 1838, ч. XVII, стр. 83). Эта опечатка С. А. Венгеровым исправлена.

Рецензия на «„Уголино“. Драматическое произведение Николая Полевого»:

«На Кузнецком мосту показывается микроскоп, увеличивающий предметы в миллион раз, и мы там видели крыло мухи и бабочки величиною более двух аршин».

Надо: показывался (там же, стр. 101. Ср. III, 349).

Рецензия на «„Краткую историю Франции до Французской революции“ Мишле»:

«Наша публика не приняла этой памфлеты крикуна, который ненавидит Гете за то, что он был другом Государей царей и дорожил знаками их уважения к себе».

Надо: другом царей (там же, стр. 291. Ср. III, 416).

Нельзя не отметить здесь характерную опечатку в самом списке опечаток: дана неправильная ссылка на страницу.

Статья «Менцель, критик Гете»:

«Основная идея критики Менцеля есть та, что искусство должно служить обществу. Если хотите, оно и служит обществу, выражая его же собственное создание...»

Надо: сознание («Отеч. записки», 1840, т. VIII, отд. II, стр. 39. Ср. IV, 461).

«К этим-то достопочтенным и достополезным немцам-филистерам, от которых попахивает кнастером и пивом, принадлежит и наш сердитый господин Менцель».

Надо: достолюбезным (там же, стр. 43. Ср. IV, 464).

«Когда Менцель заставляет Гете подражать Шекспиру — в этом есть еще немножко смысла...»

Надо: Шиллеру (там же, стр. 45. Ср. IV, 466).

«Но он не может быть дома и посредственным критиком, потому что ровно ничего не смыслит в искусстве, не имеет никакого органа для принятия впечатлений изящного».

Надо: даже (там же, стр. 48. Ср. IV, 496).

* Единичные опечатки устранены в первом Полном собрании сочинений Белинского, изд. Солдатенкова, 1859—1862 гг., а также в первом томе массового трехтомного издания, М., 1948.

МОСКВА. КРЕМЛЬ
Литография с рисунка А. Дюрана, 1830-е гг.
Исторический музей, Москва

«Но разум не остается только в этом объективном беспристрастии: признавая все явления духа равно необходимыми, он видит в них бесполезную лестницу, не лежащую горизонтально, а стоящую перпендикулярно, от земли к небу...»

Надо: бесконечную (там же, стр. 59. Ср. IV, 479).

«Чтобы сделать Гете образцом безнравственности, Менцель признал в Шиллере образ нравственности».

Надо: образец (там же, стр. 61. Ср. IV, 481).

Статья «„Горе от ума“ А. С. Грибоедова»:

«Борьбы не было: пылкая натура, кипящая юными *силами, отдалась без размышления* влечению сердца».

Надо: полная (там же, отд. V, стр. 22. Ср. V, 47).

«Завязка, интрига и развязка — общее место, старая объективная форма, как в комедиях Мольера».

Надо: обветшалая (там же, стр. 44. Ср. V, 74).

Статья «Стихотворения Дениса Давыдова»:

«Боже мой, какой гармонический стих, какие грациозно-пластические образы! Это стихотворение отзывается художественною оттенкою».

Надо: отделкою (там же, стр. 17. Ср. VII, 534).

Кроме того, в *«Литературной газете» за 1840 г., в № 43 от 29 мая, напечатана* следующая заметка, вероятно написанная самим Белинским:

«Поправка

В прошедшем 42 № „Лит⟨ературной⟩ газеты“ в библиографической статье о „Римских элегиях“ Гете, перев. г. Струговщиковым, вкрались некоторые недосмотры, которые просим покорнейше исправить:

В столбце 980, в строке 3-й снизу вместо „античных“ напечатано „оптичных“.

Там же, в 1-й стр. снизу вместо „период“ напечатано „перевод“.

В столбце 981, стр. 4-й сверху вместо „*я*, это несносное в устах“ должно читать: „*я*, это несносное слово в устах“.

Там же в 6-й стр. сверху перед словами „Странные люди" пропущена следующая фраза: „Только невежды могут говорить, что «Римские элегии» — шалость гения. Странные люди" и пр.».

Первые две буквенные опечатки исправлены при введении рецензии в Собрание сочинений (XIII, 51). Последние же два исправления, имеющие смысловой характер, в издание, конечно, не могли быть внесены без знакомства с приведенной «Поправкой», и только сейчас становятся известными.

Не исправленной даже в Собрании сочинений под ред. С. А. Венгерова оказалась и та опечатка, о которой Белинский писал Н. Х. Кетчеру 16 августа 1840 г. в уже цитированном нами письме: «Я в „Литературной газете" не мог без ужаса прочесть ни одной статьи своей. В одной, напр., вместо Щепкина напечатано Шекспир — как тебе это покажется?» («Письма», II, 150). Эта опечатка обнаружена нами в рецензии: «Александринский театр. Чудные приключения и удивительное морское путешествие Пьетро Дандини» («Лит. газета», 1840, № 56 от 10 июня, стр. 1267). Приводим фразу, искаженную опечаткой: «Есть роли, в которых мало смешить, а должно вместе и трогать. Этим искусством в высшей степени обладает Шекспир, и может служить высоким образцом для всякого молодого таланта». (Далее уже речь идет о М. С. Щепкине.) *Несомненно, что именно этот контекст и имел в виду Белинский.*

Отметим в заключение, что некоторые важные опечатки во 2-й статье Белинского «Сочинения Александра Пушкина», замеченные самим критиком и вынесенные им на поля лично принадлежавшего ему экземпляра «Отечественных записок», в список опечаток не попали и также продолжают повторяться во всех изданиях. См. их перечисление в нашей работе «Библиотека Белинского» («Лит. наследство», т. 55, 1948, стр. 535).

ОБ ОПИСАНИЯХ РУКОПИСЕЙ БЕЛИНСКОГО

Сообщение Р. Заборовой

В связи с подготовкой академического издания сочинений Белинского нельзя не указать на ряд ошибок и неточностей, допущенных в существующих описаниях и изданиях рукописей критика.

Так, например, в первом томе полного собрания сочинений Белинского под редакцией С. А. Венгерова перепечатано из «Исторического вестника» за 1881 г.[1] описание записной книжки Белинского 1828—1830 гг.— своеобразной антологии современных Белинскому поэтов. Описание было составлено Н. И. Рыбкиным, бывшим владельцем рукописи (I, 23)[2]. Ошибка Рыбкина, приписавшего Белинскому авторство стихотворения Баратынского «Девушке, имя которой было Аврора», перешла в собрание сочинений и, несмотря на то, что в свое время она была замечена в рецензии В. Я. Брюсова «О новом издании сочинений Белинского» [3], вошла в именной указатель к изданию и в описание рукописи, данное в «Кратком отчете Рукописного отдела за 1914—1938 гг.» [4].

Публикация другой записной книжки 1831 г.: «Стихотворения, выписанные из журналов Виссарионом Белинским» (там же, I, 6—29), также полна ошибок и неточностей [5]. Например, в одно стихотворение соединены начало «Мудрости» Шевырева и конец стихотворения Хомякова «На новый 1828 год», и все это приписано Шевыреву; неверно разобраны слова: «оскверненным» как «раздраженным», «милая» как «легкая», «лествица» как «лестница», «мгле эфирной» как «толпе эфирной», «По́пу» как «попу» и т. д.

Небрежное описание рукописи невольно повлекло за собой неверные выводы у исследователей, пользовавшихся материалами записной книжки. Так, например, в работах М. Полякова «Белинский в Московском университете» и «Белинский в Москве», для обоснования взглядов молодого Белинского, привлечены списки стихотворений «Песнь грека», «На новый (1827) год» Веневитинова, «Наставникам» Загорского, «Стансы Риму» Шевырева, на самом деле переписанные братом критика, Константином, уже после получения книжки от Виссариона Григорьевича, отославшего ее из Москвы в феврале 1831 г.[6]

Публикация лишена необходимого комментария. Между тем, существенное значение имеет определение источников, к которым восходят списки Белинского, так как это дает возможность установить круг чтения и интересов Белинского в юношеские годы. В записных книжках представлены списки стихотворений, сделанные рукою критика из следующих альманахов и журналов: «Полярная звезда» (19 ст.), «Московский вестник» (5), «Северные цветы» (2), «Галатея» (2), «Денница» (2), «Дамский журнал» (2), «Русский зритель» (1), «Календарь муз на 1826 г.» (1), «Альбом северных муз» (1), «Невский зритель» (1), «Венера, или собрание стихотворений разных авторов», М., 1831 г. (1).

Из-за смешения почерков В. Г. Белинского и его брата запись об «эпопее» и «драматической поэзии» после «Рассуждения о воспитании», сделанная К. Г. Белинским, приписана В. Г. Белинскому [7].

С неточностями опубликована в «Русской старине» 1876 г. (т. I, стр. 66—78) ранняя редакция «Дмитрия Калинина» (1830 г.) [8]: опущен текст первых трех строк, не переданы

особенности орфографии подлинника, особенности произношения действующих лиц, неверно разобраны многие слова («помела» как «пошла», «честь» как «свет», «сношения» как «отношения», «городок» как «город» и т. п.), не приведены в примечаниях зачеркнутые автором варианты.

Несколько неточностей допущено и в публикации «Пятидесятилетнего дядюшки»[9]: исправления, сделанные автором и М. С. Щепкиным, не всегда разграничены, не оговорена перемена Щепкиным слова «блаженным» на «щастливым» (л. 44 об.) и др.; не переданы особенности произношения действующих лиц.

Нуждается в пересмотре точка зрения некоторых исследователей, утверждавших, что изданное Белинским собрание стихотворений А. В. Кольцова редактировалось критиком без участия самого поэта и лишь после смерти последнего[10]. Между тем, изучение рукописи, подготовленной Белинским к печати[11], и сличение автографов Кольцова с первыми их воспроизведениями, свидетельствуют о том, что пометы Белинского относятся, главным образом, к 1840—1846 гг.— ко времени подготовки критиком издания сочинений Кольцова, начавшейся еще при жизни поэта, который деятельно переписывался с Белинским «о напечатании книги» и просил «при сборе книги выбирать вещи одни добрые, а кой-какие слабые, хотя бы они и были напечатаны, в книге не печатать»[12].

Анализ рукописи доказывает, что правка, внесенная Белинским в стихотворения Кольцова, согласовывалась с поэтом. Очень редко Белинский изменял что-либо сам; чаще всего он ставил знак NЗ против неудачного стиха или просто подчеркивал его, а затем из предложенных тут же на полях и над строками вариантов Кольцова выбирал наиболее удачные, вписывал их или, еще чаще, обводил чернилами карандашные пометки Кольцова.

Из самостоятельных поправок Белинского, внесенных в стихотворения Кольцова, укажем:

I тетр., л. 34 об. Стих. «Разуверение», ст. 22: «надутой» вм. «нарядной»; л. 37 об. Стих. «Прекрасной поселянке», 16 ст.: «лебяжая» вм. «лебяжия».

II тетр., л. 52. Стих. «Вопрос». Под названием Белинским поставлен подзаголовок: «Дума».

III тетр., л. 79. Стих. «Песня» («Говорил мне друг прощаючись»), ст. 19: «итти» вм. «итить».

V тетр., л. 122 об. Стих. «Земляку» («Что ты спишь, мужичок»), заглавие переменено на «Ленивцу»; ст. 12: «покати» вм. «покатись»; ст. 37: «А в полях» вм. «На пашне ж».

В так называемой «Тетради Краевского» со списками произведений Пушкина, не вошедшими в одиннадцатитомное собрание сочинений поэта 1838—1841 гг., сделанными Белинским и несколькими другими лицами, в начале 1842 г.[13] для помещения их на страницах «Отечественных записок», не были замечены пометы Белинского, свидетельствующие о редакторской работе критика и над текстами Пушкина.

Против стихотворения «Я говорил тебе: страшися девы милой» (л. 9 об.), выписанного переписчиком из «Соревнователя просвещения и благотворения» 1825 г., № III, стр. 295, Белинский темнокрасным карандашом написал: «NЗ. Это напечатано (ч. 4, стр. 203) <изд. стихотворений Пушкина 1829—1835 гг.>, но здесь разница в подчеркнутом полустишии: знак, что поэт потом [переменил] исправил пьесу». Указанное полустишие (в 8 ст.): «Жужжат вокруг нее», разнившееся с изданием 1829—1835 гг., Белинский подчеркнул. Против следующего стихотворения: «Мила красавица, когда свое чело» (л. 10), выписанного из того же журнала (стр. 295), снова пометка Белинского: «NЗ. Тоже напечатано (ч. 4, стр. 209), разница в первом полустишии. Оба эти стихотворения, думаю, должно напечатать, как они в этой тетради». Полустишие «Мила красавица» в 1-м стихе Белинский подчеркнул. Против выписанного из «Сириуса» (изд. М. А. Бестужева-Рюмина, 1826 г., кн. 1, стр. 154—158) стихотворения «Возвращение на родину. Элегия» (лл. 11—12) с пометой переписчика: «В Сириусе нашлись два стихотворения, подписи которых похожи на подписи Пушкина» Белинский, очевидно, введенный в заблуждение переписчиком, не отделившим звездочкой первые 14 пушкинских строк, служившие эпиграфом и в первой публикации в альманахе Бестужева-Рюмина «Майский листок» на 1824 г. подписанные буквой «П», написал:

«Это стихотворение действительно Пушкина: исправленное и совершенно измененное оно находится в 4-й части ⟨изд. 1838—1841 гг.⟩ на 154 стр. Оно начинается, так же как и это, с небольшими изменениями до 14-го стиха». Все эти «изменения» — разночтения в пушкинских строках Белинским подчеркнуты.

ЮЛІЙ ЦЕЗАРЬ,

ТРАГЕДІЯ

ВИЛЛІАМА

ШЕКЕСПИРА.

МОСКВА.

Въ Типографіи Компаніи Типографической.

съ Указнаго дозволенія.

1787.

В. Бѣлинскій

ЭКЗЕМПЛЯР РУССКОГО ПЕРЕВОДА ТРАГЕДИИ ШЕКСПИРА «ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ» (1787 г.), ПРИНАДЛЕЖАВШИЙ БЕЛИНСКОМУ С ЕГО АВТОГРАФИЧЕСКОЙ ПОДПИСЬЮ

В заметке, посвященной этому изданию («Телескоп», т. XXIX за 1835 г.), Белинский характеризовал «безвестного переводчика» как «человека, который своими понятиями об искусстве далеко обогнал свое время и поэтому заслуживает не только наше внимание, но и удивление» (III, 24–28). Переводчиком книги и автором предисловия к ней был Н. М. Карамзин. Это стало известно только после смерти Белинского

В описание личной библиотеки Белинского, помещенное в 56 томе «Лит. наследства», книга не вошла

Историческая библиотека, Москва

Переписанные Белинским осенью 1836 г. в альбом Л. А. Бакуниной, заполненный списками стихотворных и прозаических текстов, оригинальными стихотворениями и другими альбомными записями рукою Л. А. Бакуниной, И. П. Вульфа, В. А. Соллогуба и др., стихотворения Пушкина,[14] главным образом из издания 1829—1835 гг., свидетельствуют о знании Белинским запретных текстов, не вошедших в издание. К двум

случаям текстовых разночтений, указанным К. Н. Григорьяном в сообщении «Стихотворения Пушкина, переписанные Белинским в альбом Л. А. Бакуниной»[15], следует добавить весьма существенное расхождение в списке «Уединения» («Приветствую тебя, пустынный уголок»), печатавшегося без второй половины, но Белинским переписанного полностью, за исключением опущенных строк:

Здесь девы юные цветут
Для прихоти развратного злодея.

В стихотворении «Анчар» вместо печатного «князь» поставлено «царь». Полностью написано заглавие стихотворения «Д***ву» — «Давыдову». Незначительные расхождения с печатным текстом имеются в ряде стихотворений: «помнить буду» вм. «слышать буду» («Море»); «счастливое дитя» вм. «любимое дитя» («19 октября»); «нежностью томим» вм. «ревностью томим» («Я вас любил»); «зеленым долинам» вм. «веселым долинам», «немые ограды» вм. «немые громады» («Кавказ»); «печаль прошедших дней» вм. «печаль минувших дней» («Безумных лет угасшее веселье») и др.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Исторический вестник», 1881, № 10, стр. 371.

[2] В настоящее время рукопись хранится в Отделе рукописей Гос. публ. библиотеки. им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград). Шифр: Собрание автографов «Б».

[3] «Русский архив», 1900, № 10, стр. 319.

[4] Изд. ГПБ, Л., 1940, стр. 96.

[5] Хранится в Архиве Института русской литературы АН СССР. Шифр: 3370. XVII б. 13.

[6] См. М. Поляков. Белинский в Московском университете. М., 1947, стр. 30—32 и его же «Белинский в Москве», М., 1948, стр. 29—36 и 109.

[7] К. Н. Григорьян. Рукописи В. Г. Белинского в Институте русской литературы (Пушкинском Доме) АН СССР.— Бюллетени Рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинского Дома). М.—Л. 1950, стр. 25.

[8] Хранится в Архиве Института русской литературы АН СССР Шифр: ф. 265.

[9] В. Г. Белинский. Пятидесятилетний дядюшка. Неизданный текст с предисловием и примечаниями А. С. Полякова, Пг., 1924. Рукопись хранится в Театральной библиотеке в Ленинграде. Шифр: 1. XVIII. 3. 87. № 5975.

[10] Б. В. Томашевский. Белинский — редактор Кольцова. — «Жизнь искусства», 1924, № 6, стр. 20—21; А. В. Кольцов. Полн. собр. стихотворений под ред. Л. Плоткина, Л. 1939, стр. 194—196.

[11] Хранится в Архиве Института русской литературы АН СССР, ф. 93, оп. 2, №№ 118—119.

[12] А. В. Кольцов. Полн. собр. соч., под ред. А. И. Лященко. СПб., 1909, стр. 214 и след.

[13] Хранится в Архиве Института русской литературы АН СССР. Шифр: ф. 244, оп. 8, № 25.

[14] Хранится в Архиве Института русской литературы АН СССР. Шифр: ф. 16, оп. 6, № 57.

[15] Сб. «Белинский. Статьи и материалы», М.—Л., 1949, стр. 245.

ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ САМОДЕРЖАВИЯ С БЕЛИНСКИМ

ЗАПРОС ЦЕНЗУРНОГО КОМИТЕТА О БЕЛИНСКОМ 1848 г.

Сообщение С. Бабинцева

В делах С.-Петербургского цензурного комитета сохранилась переписка по поводу запроса министра народного просвещения графа С. С. Уварова об авторах ряда статей в «Отечественных записках» и «Современнике». Министр интересовался, в частности, автором обзора русской литературы за 1847 год, напечатанного в первой книжке «Современника» за 1848 г.[1] Запрос был сделан в связи с начавшейся деятельностью негласного, так называемого «меншиковского комитета», учрежденного 29 марта 1848 г. Николаем I специально для политической ревизии периодических изданий и контролировавшей их цензуры. Официальный редактор журнала А. В. Никитенко сообщил в цензурный комитет следующее:

«На спрос вашего превосходительства, кто автор статьи, напечатанной в „Современнике“: Обзор русской литературы за 1847 год, честь имею донести, что ее писал Виссарион Белинский.

19 марта 1848 г. А. Никитенко[2]».

Через месяц, 20 апреля 1848 г., С. С. Уваров предписал попечителю С.-Петербургского учебного округа, в ведении которого находился Цензурный комитет, чтобы редакторы всех журналов представили в комитет сведения о сотрудниках своих изданий для передачи этих сведений в министерство[3]. Редакторам был немедленно разослан соответствующий циркуляр Цензурного комитета, и уже с 22 апреля начали поступать ответы.

25 апреля был получен ответ из «Современника»:

«На требование С.-Петербургского цензурного комитета от 22 апреля сего года, касательно сведений о сотрудниках,— имею честь представить следующее:

В Современнике принимают постоянное участие:

1) По отделу наук — профессора Московского университета:

Д. М. Перевощиков

С. М. Соловьев

г. Рулье

Адъюнкт Петерб⟨ургского⟩ университета г. Ильенков, почетный гражданин ⟨В. П.⟩ Боткин и Н. Г. Фролов, член Географич⟨еского⟩ общества.

2) По отделу иностранной словесности и исторической критики:

Проф⟨ессор⟩ Московск⟨ого⟩ университета Т. Н. Грановский и кандидат Харьковского университета А. И. Кронеберг.

3) По отделу критики:

По части теории словесности и эстетики — проф. С.-Петерб⟨ургского⟩ университета А. В. Никитенко.

По части русской истории — профес⟨сор⟩ Московск⟨ого⟩ университета К. Д. Кавелин.

По части естественных наук — г. Ильенков, ⟨по⟩ астрономии — г. Астраков (кандидат Московск⟨ого⟩ у⟨ниверситета⟩).

По части учебных книг — г. Бабст (кандидат Московск⟨ого⟩ у⟨ниверсите⟩та).

По изящной словесности — гг. Панаев и Некрасов (издатели „Современника“) и г. Аполлон Майков.

Примеч⟨ание⟩. До 3 № включительно в отделе литературной критики участвовал иногда г. Белинский; но по тяжелой и неизлечимой болезни ныне он вовсе не участвует в „Современнике“.

Переводчики: г. Кронеберг и г. Введенский (кандидат Петербургского университета) и г-жа Муравьева.

По отделу изящной словесности в особенности принимают участие:

гг. Гончаров
Дружинин
Гребенка
Тургенев
Даль
Панаев
и г-жа Марченко

Впрочем, с точностью определения сотрудников этого отдела ⟨сделать⟩ нельзя, ибо всякая замечательная повесть принимается редакцией Современника.

Редактор „Современника“
коллежский секретарь Иван Панаев

25 апреля 1848 г.[4]»

Цензурный комитет в начале мая, после получения ответов почти изо всех редакций, составил сводку «О сотрудниках редакторов всех выходящих журналов» для С. С. Уварова и 3 мая направил ее в министерство.

Таким образом, редакция «Современника» старалась завуалировать сотрудничество Белинского в журнале, указывая, что последний участвовал в нем лишь «иногда» и что «ныне он вовсе не участвует». Известно, что Белинский не прекращал сотрудничества в журнале до конца своей жизни.

Стремление редакции скрыть руководящее участие Белинского в «Современнике» и подлинный объем его сотрудничества в журнале были вызваны, несомненно, двукратным вызовом критика в III Отделение и проявлением специфического интереса к его деятельности со стороны «меншиковского комитета». Над великим критиком нависла реальная угроза правительственных репрессий, от которых его спасла только смерть.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Имя Белинского как автора обзора русской литературы за 1847 г. было раскрыто Булгариным в «Записке о цензуре и коммунизме в России» (от 6 марта 1848 г.), представленной в III Отделение Дубельту (В. Семевский. Материалы из истории цензуры в России.—«Голос минувшего», 1913, № 3, стр. 228). С другой стороны, в «журнале» «меншиковского комитета», было приведено много выдержек «возмутительных мыслей» из статьи «Взгляд на русскую литературу 1847 года» (там же, стр. 213—214).

[2] Ср. «Летопись жизни Белинского», под ред. Н. К. Пиксанова. М., 1924, стр. 243.

[3] ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 1, ед. хр. № 20872-а, л. 9—9 об. О сотрудниках «Современника» см.: В. Е. Евгеньев-Максимов. «Современник» в 40—50-х гг. Л., 1934, стр. 159—225.

[4] Указание на эту сводку с приведением слов о Белинском, почти текстуально повторяющую ответ на запрос «Современника»,— см. в «Летописи жизни Белинского», М., 1924, стр. 243.

ЗАПРЕЩЕННАЯ СТАТЬЯ 1876 г. О БЕЛИНСКОМ

Сообщение К. Богаевской

В июле 1876 г. в С.-Петербургский цензурный комитет поступила статья С. С. Шашкова «Белинский, его жизнь и деятельность», предназначавшаяся для помещения в августовской книжке журнала «Дело».

Сама по себе статья Шашкова (1841 — 1882), постоянного сотрудника журнала «Дело», являлась, в основном, компиляцией труда А. Н. Пыпина о Белинском, беспрепятственно напечатанного в «Вестнике Европы» за 1874—1875 гг.[1] Но «Дело» — демократический, радикальный орган, возглавлявшийся Г. Е. Благосветловым и сменивший закрытый в 1866 г., по высочайшему повелению, «крамольный» журнал «Русское слово», был на особом счету и у III Отделения и у Цензурного комитета. Журнал подвергался хроническим преследованиям цензуры, выражавшимся в запрете десятков статей. Одной из жертв этого цензурного террора и оказалась статья Шашкова. Правда, от труда Пыпина ее отличала более ярко выраженная демократическая направленность, стремление подчеркнуть в деятельности Белинского его борьбу против существующего порядка и упоминание Добролюбова как преемника идей Белинского.

Статья Шашкова напугала цензора А. Н. Юферова своей «тенденциозностью», «явным сочувствием к тому периоду, когда Белинский склонился к направлению отрицательному», и изложением его отношений с Герценом, Бакуниным и Огаревым.

В деле Цензурного комитета сохранилась корректура статьи Шашкова с цензорскими пометками на полях. Пометки эти встречаются более чем в двадцати местах. Цензора смутили даже такие невинные строки в начале статьи, как: «Чуткий ко всему новому, ум Белинского еще в детстве отличался наклонностью к оригинальности и самостоятельности».

Далее цензорский карандаш отчеркивает слова о трудности жизни Белинского в университете «при тогдашних строжайших порядках, когда студенту за каждое неосторожное слово, за малейший проступок угрожали исключение или солдатство и когда ⟨...⟩ нужно было льстить всем, начиная с унтер-офицера, каждому кланяться и пред каждым подличать»; слова о кружке Станкевича: «Односторонее всего были нападения на Россию, возбужденные казенными ей похвалами»; «при такой натуре примирение ⟨с действительностью⟩ было решительно невозможно» и т. д.

Особо отмечены цензором упоминания имен Огарева, Герцена и Бакунина (последние зашифрованы под буквами «Г.» и «М. Б.»), намек на восстание 14 декабря и строки: «Действительность более и более разочаровывала его ⟨Белинского⟩, и уже в конце 1839 года он писал Боткину: „Скажи Грановскому, что чем более живу и думаю, тем больше, к р о в н е е люблю Русь, но начинаю сознавать, что это с ее субстанциональной стороны, но ее определение, ее действительность начинает приводить меня в отчаяние, — грязно, мерзко, возмутительно, нечеловечески...“»

Слова из писем Белинского:

«Мы живем в страшное время, судьба налагает на нас схиму; мы должны страдать, чтобы внукам нашим было легче жить...» и «После этого тяжелее мне всего вспомнить о „Горе от ума“, которое я осудил с художественной точки зрения ⟨...⟩, не догадываясь, что это благороднейшее, гуманическое произведение, энергический и притом еще первый

протест против гнусной российской действительности, против <...> светского общества, невежества, добровольного холопства и пр., и пр., и пр.».

Цензурный комитет полностью разделил мнение Юферова, и статья не была допущена к печати.

Ниже публикуется выписка из журнала заседания Цензурного комитета от 18 августа 1876 г., посвященного разбору статьи:

Доклад и. д. цензора Юферова о статье для журнала «Дело» под заглавием: Белинский, его жизнь и деятельность — Шашкова.

Статья эта, по мнению цензора, по своей тенденциозности не может быть дозволена к напечатанию. В ней излагается обозрение литературной деятельности Белинского с явным сочувствием к тому периоду, когда Белинский склонился к направлению отрицательному; кроме того, в статье излагаются его отношения к эмигрантам Герцену, Бакунину, Огареву, литературной деятельности и направлению которых Белинский сочувствовал. Статья с таким содержанием и направлением, по мнению цензора, совершенно невозможна к дозволению, а тем более в журнале «Дело».

Определило: согласно мнению цензурующего статью к напечатанию не дозволять[2].

Редактор-издатель «Дела» Н. И. Шульгин, получив отказ, в тот же день обратился в Цензурный комитет с просьбой дать ему объяснение, по какой причине запрещена статья Шашкова[3].

24 августа последовал ответ из канцелярии Цензурного комитета, дословно излагающий постановление Комитета[4].

Но Шульгин не собирался так легко сдавать своих позиций. 26 октября он снова обратился в Комитет с мотивированной защитой статьи Шашкова:

В С.-Петербургский цензурный комитет

Редактора-издателя
журнала «Дело» Николая Шульгина

Прошение

На отношение Цензурного комитета от 24 августа за № 919 имею честь сообщить, что я не могу согласиться с мнением Комитета о статье: «Белинский, его жизнь и деятельность» по нижеследующим основаниям:

1) Статья эта представляет биографический очерк писателя, давно уже составляющего достояние нашей истории литературы и всех учебных курсов и хрестоматий, следовательно, такого писателя, о деятельности которого написано множество статей и монографий. Вредной тенденции, усматриваемой Комитетом в означенной статье, быть не может уже потому, что статья основана на исторических фактах, изменить и перетолковать которые не зависимо от воли автора.

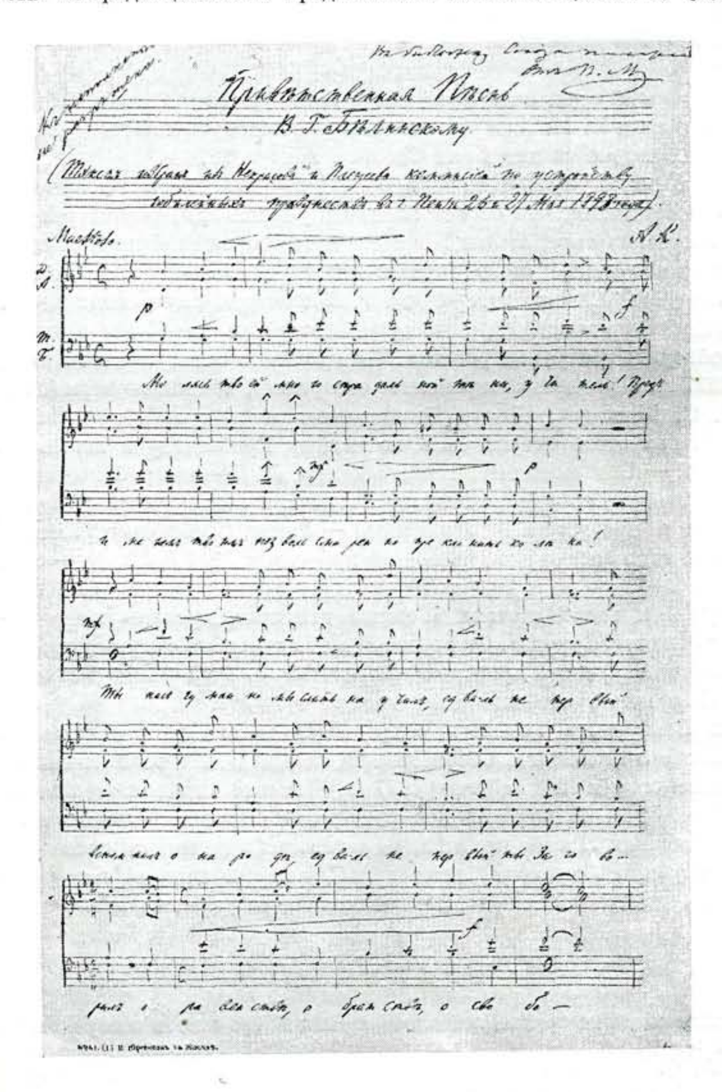
2) Отношения Белинского к Бакунину, Герцену и Огареву входят в статью отдельным эпизодом и вовсе не составляют существенной части этой статьи: автор, так долго и добросовестно трудившийся над нею, ничего бы не имел против исключения этого эпизода, лишь бы сберечь остальные части своего труда. Отношения же Белинского к отцу М. Бакунина, на которых автор останавливается с особенным вниманием, не могут, конечно, считаться недозволенными к напечатанию, потому что отец Бакунина не имеет ничего общего ни в литературном, ни в политическом отношениях с своим сыном.

Покорнейше прошу настоящее прошение мое представить на благоусмотрение Совета Главного управления по делам печати вместе с запрещенной статьей <...>

Николай Шульгин[5].

Цензурному комитету волей-неволей пришлось передать окончательное решение вопроса на рассмотрение Главного управления по делам печати. В отношении (от 1 ноября 1876 г.)[6] Комитет изложил все дело и дословно перечислил причины запрещения ста-

тьи, указанные в журнале заседаний, с добавлением нижеследующего обоснования своего запрета: «Принимая во внимание, что такое содержание и направление статьи совершенно совпадает с известным отрицательным направлением журнала „Дело“, против которого цензуре приходится постоянно бороться, и что Цензурному комитету особым конфиденциальным предписанием бывшего Г⟨лавного⟩ у⟨правления⟩

НОТЫ НЕ РАЗРЕШЕННОЙ К ИСПОЛНЕНИЮ «ПРИВЕТСТВЕННОЙ ПЕСНИ В. Г. БЕЛИНСКОМУ», СОЧИНЕННОЙ КО ДНЮ 50-ЛЕТИЯ СО ДНЯ СМЕРТИ КРИТИКА

Музыка А. В. Касторского на слова Н. А. Некрасова
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

от 31 января 1874 года поставлено было в обязанность устранять статьи, выражавшие господствующее в журнале направление,

Комитет не признал возможным появление на страницах сего журнала статьи с вышеозначенным содержанием и характером.

Доносяо сем Главному упр⟨авлению⟩ по д⟨елам⟩ п⟨ечати⟩, К⟨омите⟩т считает долгом присовокупить, что заявление г. Шульгина о том, что эпизод об отношениях

Белинского к Герцену, Бакунину и Огареву мог бы быть исключен, а остальная часть статьи могла бы быть дозволена, равным образом [едва ли уважительно] ввиду имеющегося распоряжения, последовавшего именно по журналу „Дело", чтобы тенденциозные статьи были бы запрещаемы в целости, а не подвергались [бы] только цензурным исключениям (предписание Глав⟨ного⟩ упр⟨авления⟩ по д⟨елам⟩ п⟨ечати⟩ от 11 апреля 1867 года за № 1028)».

К отношению Комитета были приложены: прошение Шульгина и корректура статьи Шашкова.

Рассматривавший заявление Цензурного комитета член Совета Главного управления по делам печати В. М. Лазаревский целиком поддержал постановление Комитета, что и было утверждено на заседании Совета 9 ноября 1876 г.[7]

2 декабря Главное управление вернуло в Цензурный комитет полученные материалы вместе с сообщением, что «Совет Главного управления, рассмотрев вышеозначенную статью, признал определение Комитета о ее запрещении правильным и ходатайство издателя об отмене этого определения не подлежащим удовлетворению и что таковое заключение Совета утверждено г. Министром внутренних дел»[8].

Но революционно-демократические традиции журнала «Дело» приучили его сотрудников обходить цензурные рогатки. Не прошло и года, как в №№ 1, 3—5, 7 и 8 «Дела» за 1877 г., в разделе «Современное обозрение», появился очерк (в пяти статьях) того же С. С. Шашкова: «Эпоха Белинского».

Первая статья этого очерка была посвящена Грибоедову и поэтам-декабристам; вторая (в № 3) — Баратынскому, Кюхельбекеру, Д. Давыдову, Бенедиктову, К. Павловой, Кукольнику, Загоскину и оценке Белинским их творчества; третья (в № 4) — славянофилам и противникам Белинского — Гречу, Булгарину, Шевыреву; самые большие и значительные статьи, четвертая и пятая (в №№ 5, 7 и 8), — самому Белинскому.

В четвертой и пятой статьях Шашков исполнил прежнее желание — «сберечь остальные части своего труда». Он включил в них дословно самую существенную часть (треть по количеству) своей прошлогодней статьи о Белинском, изъяв из нее ряд подробностей и места, особенно возмутившие цензуру.

В делах Цензурного комитета сохранилась только первая часть запрещенной статьи Шашкова о Белинском, оборвавшаяся на 1841 г. Но по окончанию его статьи «Эпоха Белинского» (в № 8 «Дела» 1877 г.)[9] можно приблизительно представить ее содержание. Здесь Шашков анализирует труды Белинского 1840-х гг. В заключение, после описания смерти критика, он приводит знаменитые слова Добролюбова: «Что бы ни случилось с русской литературой, как бы пышно ни развилась она, Белинский всегда будет ее гордостью, ее славой, ее украшением».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Отдельное издание труда Пыпина «Белинский, его жизнь и переписка» было разрешено тем же СПб. цензурным комитетом весной 1876 г.

[2] ЦГИАЛ, ф. 777 (СПб. цензурного комитета), оп. 2, 1876 г., № 76, т. VI, л. 14.

[3] Там же, № 790, л. 20. Прошение Н. И. Шульгина от 18 августа 1876 г.

[4] Там же, № 919, л. 21. Черновой отпуск.

[5] Там же. Входящий номер Комитета — 989.

[6] Там же, № 1139, л. 35—35 об. Черновой отпуск.

[7] ЦГИАЛ, ф. 776 (Главн. упр. по делам печати), оп. 2/67. Журнал заседаний за 1876 г., № 16, док. № 53 от 9 ноября, лл. 326—328 об.

[8] ЦГИАЛ, ф. 777 (СПб. цензурный комитет), оп. 2, 1876 г., № 76, т. VI, л. 37—37 об. Отношение Главн. упр. по делам печати от 2 декабря 1876 г. за № 6206.

[9] «Дело», 1877, № 8, отд. «Современное обозрение», стр. 1—23.

МАТЕРИАЛЫ О БЕЛИНСКОМ ИЗ АРХИВА «РУССКОЙ СТАРИНЫ»

Сообщение Н. *Розенблюма*

I

В 1874 г. издатель «Русской старины» М. И. Семевский обратился к читателям с просьбой предоставить редакции журнала имеющиеся у них «письма и заметки» Белинского[1].

На это обращение тотчас же откликнулся И. Н. Захарьин (Якунин)[2].

В письме от 23 февраля 1874 г. Захарьин сообщал ряд новых сведений о Белинском и указывал пути к отысканию материалов о великом критике, которые позднее были собраны М. И. Семевским и вошли в состав собрания «Русской старины» (ныне ИРЛИ АН СССР).

Захарьин писал Семевскому:

«Высылаю Вам тетрадь стихотворений[3], выписанных из журналов покойным В. Г. Белинским, и одно из его писем к брату его, К⟨онстантину⟩ Г⟨ригорьевичу⟩, в Чембар ⟨...⟩ Большая часть переписки В⟨иссариона⟩ Г⟨ригорьевича⟩ с братом была взята «на время» у последнего, в 1861 году, уездным предводителем Чембар⟨ского⟩ у⟨езда⟩ кн. Енгалычевым[4] *и не возвращена обратно*, несмотря на самые убедительные и настойчивые просьбы К⟨онстантина⟩ Г⟨ригорьевича⟩. Что сделал кн. Енгалычев с этими письмами, неизвестно. Если не ошибаюсь, это тот самый кн. Е⟨нгалычев⟩, известный в моск⟨овских⟩ театральных сферах, как автор нескольких плохих водевилей и опереток. Затем переписка В⟨иссариона⟩ Г⟨ригорьевича⟩ с первою женою К⟨онстантина⟩ Г⟨ригорьевича⟩ — Александрою Капитоновною, которой он посылает в письме „братский поцелуй“[5], была передана К⟨онстантином⟩ Г⟨ригорьевичем⟩ в 1861 году некоему г. Островидову,[6] окончившему курс в Моск⟨овском⟩ унив⟨ерситете⟩, сыну пензенского соборного протопопа, бывшему на службе в Пензе. Что сделал г. Островидов с этою перепиской и цела ли она в наст⟨оящее⟩ время — тоже неизвестно. Редакция „Русской старины“ оказала бы, несомненно, весьма большую услугу русской литературе, если бы вошла в сношения с упомянутыми мною лицами. Если позволите, я укажу Вам некоторую возможность для этого. С год назад вышел из Моск⟨овской⟩ драмат⟨ической⟩ труппы артист М. Н. Владыкин[7] (автор „Ребенка“, „Однодворца“ и др⟨угих⟩ пиэс) и, по всей вероятности, проживает в своем имении в Чембар⟨ском⟩ у⟨езде⟩, где он был прежде уездным предв⟨одителем⟩ дворянства (1857—1860). Как человек, не чуждый литературе и притом совершенно свободный и независимый, он, я полагаю, с удовольствием откликнулся бы на Ваше приглашение — войти в личные сношения с родными В⟨иссариона⟩ Г⟨ригорьевича⟩ в Чембаре, повидаться с гг. Енгалычевым и Островидовым, дабы спасти хотя то, что еще цело из памятников и материалов покойного В⟨иссариона⟩ Г⟨ригорьевича⟩. *Только на месте и при личном участии интересующегося делом* можно достигнуть каких-либо успешных результатов в этом деле»[8].

Семевский получил это письмо 7 марта 1874 г. и немедленно принял меры к разысканию документов. На первой странице письма Захарьина имеется запись: «Отвеч⟨ено⟩ 8 марта. Также писано: 1) Орловой[9], 2) кн. Енгалычеву, 3) Островидову, 4) Владыкину». Из «Описи материалов „Русской старины“» не видно, были ли получены

Семевским ответы от Орловой, Островидова и Владыкина, но от Енгалычева был получен не только ответ, но и все документы, о которых упоминал Захарьин. Енгалычев писал Семевскому 13 июля 1875 г.:

«Милостивый государь Михаил Иванович. Очень рад исполнить Ваше желание. Препровождаю при сем:

1) Письма цельные В⟨иссариона⟩ Г⟨ригорьевича⟩[10] на 89 полулистах
2) Рассуждение о воспитании[11] ⟨на⟩ 6 ⟨полулистах⟩
3) Отрывок из пиэсы[12] ⟨на⟩ 11 ⟨полулистах⟩
4) Данные для происхождения Белинского[13] ⟨на⟩ 2 ⟨полулистах⟩
5) ⟨письма⟩ Ивановых ⟨на⟩ 13 ⟨полулистах⟩
6) ⟨письма⟩ Сахарова[14] ⟨на⟩ 3 ⟨полулистах⟩
7) ⟨письма⟩ Исаева ⟨на⟩ 8 ⟨полулистах⟩

⟨на⟩ 132 ⟨полулистах⟩

Смею заметить, что посылаемые данные (№ 4) для биографии В⟨иссариона⟩ Г⟨ригорьевича⟩ совершенно верны: я тщательно собирал справки на месте, и все подтвердилось...»

На отдельном листе, на котором еще раз перечислялись посылаемые бумаги, рукой Енгалычева была сделана приписка: «Получены мною от покойного Конст⟨антина⟩ Гр⟨игорьевича⟩ Белинского ⟨...⟩ 1861 года».

Все поступившее от Н. Н. Енгалычева было занесено Семевским в «Опись материалов „Русской старины"» (т. II, № 1885 от 16 июля 1875 г.) и тут же отмечено: «Напечатано в Р⟨усской⟩ стар⟨ине⟩ 1876 г. № 1 и 2. Заплачено Востокову по 25 р⟨ублей⟩ за печ⟨атный⟩ лист компиляции». «Компиляция» эта появилась в «Русской старине» 1876 г. под названием: «Виссарион Григорьевич Белинский. Новые данные для его биографии. 1810—1840. Сообщ⟨ил⟩ князь Н. Н. Енгалычев».

Приложенные к письму Захарьина письмо В. Г. Белинского (от 9 апреля 1840 г.) к К. Г. Белинскому и тетрадь «Стихотворений» были позднее взяты Захарьиным обратно (в чем сохранилась его расписка в «Описи материалов»: «получил Ив. Захарьин. 26 марта 1876 г.»).

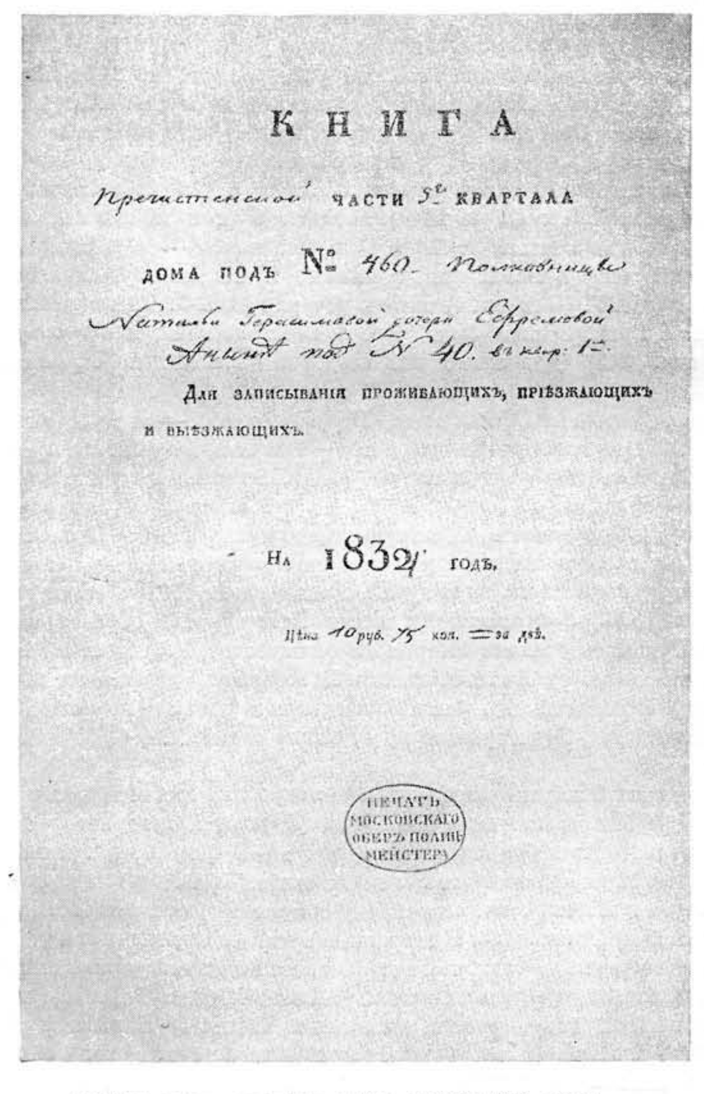
О тетради «Стихотворений» Захарьин писал Семевскому: «В тетради стихов нет первых двух страниц, вырезанных мною и отданных в виде автографов некоторым лицам. Затем, вторая половина тетради заключает в себе стих⟨отворения⟩, выписанные не В⟨иссарионом⟩ Г⟨ригорьевичем⟩, а его братом К⟨онстантином⟩ Г⟨ригорьевичем⟩. Достойно внимания еще то обстоятельство, что на тетради выставлен 1831 год, и в том же году, февраля 2-го, брат В⟨иссариона⟩ Г⟨ригорьевича⟩ получил уже эту тетрадь: из этого факта можно безошибочно предположить, что выписывание стихов было одним из любимых и постоянных занятий студента Белинского».

Касаясь письма Белинского от 9 апреля 1840 г.,[15] Захарьин добавлял: «Под буквами Д. К. следует принимать Дмитрия Капитоновича Исаева, родного брата первой жены К⟨онстантина⟩ Г⟨ригорьевича⟩.— Н. Н. Щетинина, упоминаемая в письме, пользовалась особенным уважением В⟨иссариона⟩ Г⟨ригорьевича⟩ — это была очень почтенная и образованная старушка — помещица Чембарского у⟨езда⟩, она скончалась зимою 1859/60 г. в Чембаре»[16].

Мы пропускаем часть письма Захарьина, в которой идет речь о происхождении Белинского и о его школьных годах, так как эти сведения вошли в сообщение, напечатанное в «Историческом вестнике»,[17] и переходим к студенческим годам Белинского.

«В⟨иссарион⟩ Г⟨ригорьевич⟩ поступил,— пишет Захарьин,— в Пенз⟨енскую⟩ губ⟨ернскую⟩ гимназию и, затем, в Моск⟨овский⟩ унив⟨ерситет⟩ казеннокоштным студентом. Это последнее обстоятельство и было поводом впоследствии к увольнению В⟨иссариона⟩ Г⟨ригорьевича⟩ из университета. Прискорбное событие это произошло, по словам Конст⟨антина⟩ Григ⟨орьевича⟩, следующим образом. Студентом В. Белинским была представлена в Моск⟨овский⟩ ценз⟨урный⟩ комитет для надлежа-

щего просмотра рукопись — в форме повести*. Рукопись была безусловно запрещена и, как водится, „оставлена при делах комитета". Затем неизвестно: цензурный ли ком⟨итет⟩ известил Унив⟨ерситетское⟩ правление, или же начальство университета известилось иным путем, но только профессор русской истории М. П. П⟨огод⟩ин настоятельно потребовал исключения из унив⟨ерситета⟩ студента Белинского, обнаружившего

КНИГА

Пречистенской части 5го КВАРТАЛА

ДОМА ПОДЪ № 460 Полковницы

Натальи Герасимовой дочери Ефремовой

под № 40. въ квар: 1

Для записыванія проживающихъ, пріѣзжающихъ и выѣзжающихъ.

На 1832 годъ.

Цѣна 10 руб. 75 коп. за двѣ.

ПЕЧАТЬ МОСКОВСКАГО ОБЕРЪ ПОЛИЦ МЕЙСТЕРА

КНИГА ДЛЯ РЕГИСТРАЦИИ ЖИЛЬЦОВ ДОМА Н. Г. ЕФРЕМОВОЙ, В КОТОРОМ С 1 ОКТЯБРЯ 1837 г. ПО 21 МАРТА 1838 г. ЖИЛ БЕЛИНСКИЙ

Титульный лист

Дом Ефремовой находился в Савеловском переулке на Остоженке (теперь Метростроевской улице) в Москве

Центральный литературный архив, Москва

столь вредный образ мыслей в своей повести, притом воспитывающегося на казенный счет... желание г. П⟨огод⟩ина увенчалось успехом: студент Б⟨елинский⟩ был уволен

* «Заглавие повести я слышал от К⟨онстантина⟩ Г⟨ригорьевича⟩ и записал в свою дорожную тетрадь, которая вместе с прочими моими бумагами сгорела в г. Борисове Минской губ. в 1865 году, 5 мая, в пожар, уничтоживший $^{9}/_{10}$ этого исторического города» ⟨п р и м. И. Н. З а х а р ь и н а⟩.

из университета (казеннокоштные студенты помещались в то время в самом унив⟨ерситете⟩, а не на квартирах); но так как правление унив⟨ерситета⟩ само было не чуждо страха (после Полежаевской истории) и опасения ответственности, что в самых, так сказать, стенах унив⟨ерситета⟩ казеннокоштн⟨ым⟩ студентом была написана неблагонамеренная повесть,— то увольнение студента Б⟨елинского⟩ было мотивировано его „болезненным состоянием". Рассказ этот был передан мне, как я уже упоминал, братом В⟨иссариона⟩ Г⟨ригорьевича⟩ в 1862 году. Спустя год, я посетил в Москве М. П. П⟨огод⟩ина и весьма осторожно просил его восстановить в своей памяти историю выхода Б⟨елинского⟩ из университета, но М⟨ихаил⟩ П⟨етрович⟩, ссылаясь на тридцатилетнюю давность, отозвался положительным запамятованием всего этого дела.— Понятно, что сообщаемая мною история выхода В⟨иссариона⟩ Г⟨ригорьевича⟩ из Моск⟨овского⟩ унив⟨ерситета⟩ (если только она не была уже известна Вам ранее) настолько важна и вместе с тем щепетильна для доброго имени г. П⟨огод⟩ина, что ее, по моему мнению, если и можно огласить в печати, то с крайней осторожностью (г. П⟨огод⟩ин еще жив) ⟨...⟩»[18]. Этим заканчивается сообщение Захарьина о Белинском в письме к Семевскому. Далее следуют его воспоминания о К. Г. Белинском, жене и дочери критика. Часть рассказа Захарьина о Константине Григорьевиче была уже напечатана в «Русской старине» 1876 г. (февраль, стр. 343). Дополняем эти сведения дальнейшим отрывком из письма Захарьина:

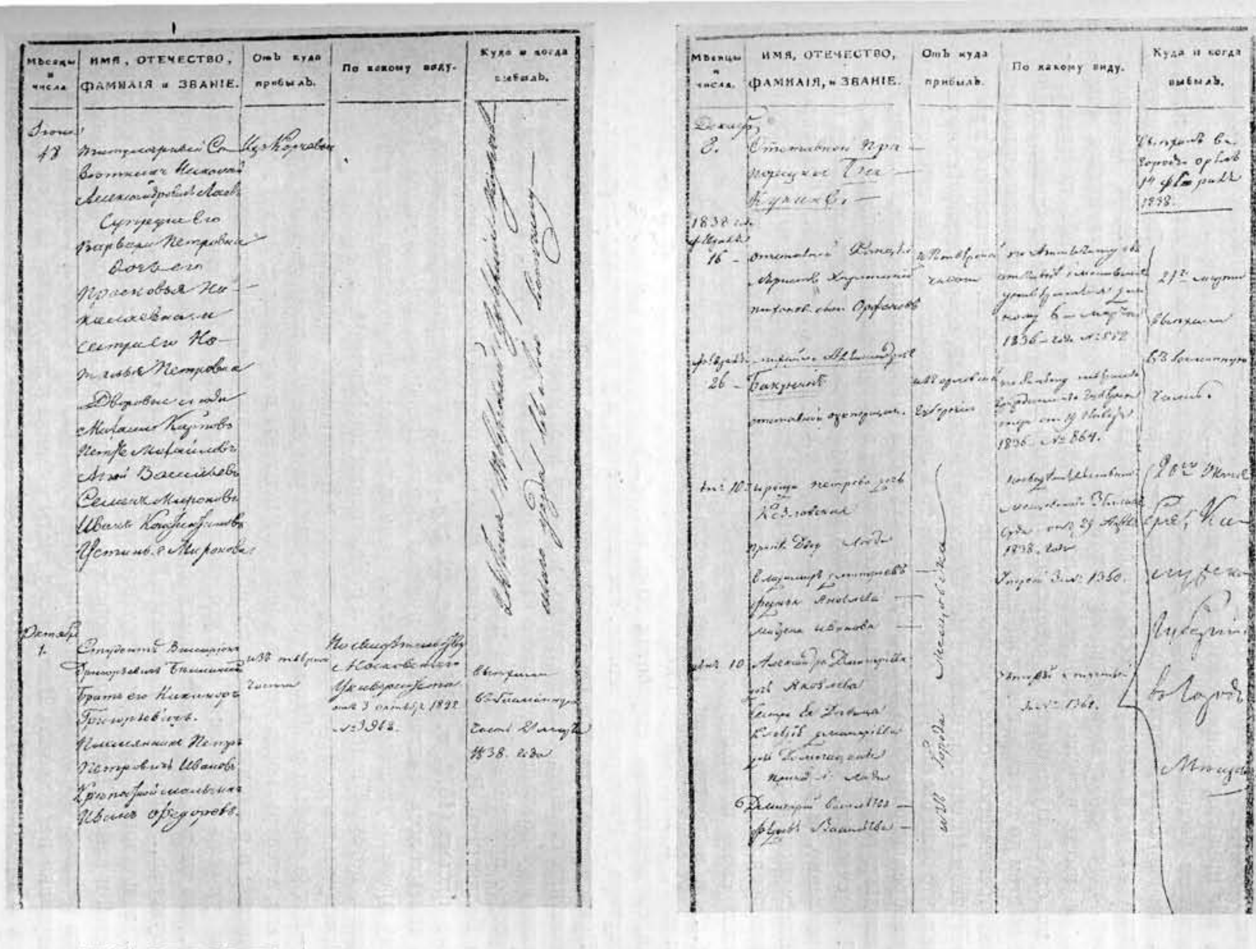
«На письма же родные В⟨иссариона⟩ Г⟨ригорьевича⟩ — люди бедные и, вдобавок, нисколько не заинтересованные в его славе — отвечать, я думаю, не будут; к тому же они были совершенно игнорированы в то, можно сказать, л у ч ш е е для покойного критика в р е м я (1860—62), когда с о б р а н и е его сочинений читала вся Россия. Так, напр⟨имер⟩, К⟨онстантин⟩ Г⟨ригорьевич⟩ при свиданиях со мною в 1862 г. горько сетовал, что ему не были высланы даже гг. издателями (Солдатенковым и Щепкиным) сочинения его брата, которые он получил лишь в конце 1862 г., после моего свидания в Москве с Мар⟨ией⟩ Вас⟨ильевной⟩, женою В⟨иссариона⟩ Г⟨ригорьевича⟩. ⟨...⟩ Из суммы, уплаченной издателями М⟨арии⟩ В⟨асильевне⟩, К⟨онстантин⟩ Г⟨ригорьевич⟩ не получил ни одного рубля, и сочинения В⟨иссариона⟩ Г⟨ригорьевича⟩, высланные ему М⟨арией⟩ В⟨асильевной⟩, были единственною данью и памятью, унаследованными К⟨онстантином⟩ Г⟨ригорьевичем⟩ от своего единственного ⟨!⟩ и многолюбимого им брата».

В конце письма Захарьин писал: «Самые подробные и самые, конечно, интересные сведения о последних годах жизни (в С.-П⟨етербурге⟩) В⟨иссариона⟩ Г⟨ригорьевича⟩ могла бы доставить его будущему биографу жена покойного критика, Марья Васильевна (состоявшая около 10-ти лет после смерти мужа кастеляншею Александровского института в Москве), но, к крайнему сожалению, она уже несколько лет назад как выбыла из России навсегда. В настоящее время она проживает в г. Корфу, вместе с дочерью В⟨иссариона⟩ Г⟨ригорьевича⟩ Ольгою Виссарионовною, вышедшею замуж за одного тамошнего грека, негоцианта. О⟨льга⟩ В⟨иссарионовна⟩, как известно, выдержала в 1862 году, самым блестящим образом, экзамен в Моск⟨овском⟩ унив⟨ерситете⟩ по программе сред⟨него⟩ уч⟨ебного⟩ завед⟨ения⟩ и затем для поступления в высшее уч⟨ебное⟩ зав⟨едение⟩ отправилась с матерью за границу, откуда уже не возвращалась».

II

Как указано выше, кн. Н. Н. Енгалычев в 1875 г. прислал в редакцию «Русской старины» среди прочих материалов также письма Ивановых и Исаевых. Эти письма адресованы в большей своей части Константину Григорьевичу Белинскому. Они принадлежат людям, с которыми В. Г. Белинский вырос и сохранил длительную близость, и датированы, в основном, 1835—1838 гг., то есть периодом, за который не сохранилось писем к родным самого Белинского.

Для биографии Белинского непосредственный интерес представляют лишь два письма Дмитрия Петровича Иванова к Константину Григорьевичу Белинскому.

КНИГА ДЛЯ РЕГИСТРАЦИИ ЖИЛЬЦОВ ДОМА Н. Г. ЕФРЕМОВОЙ, В КОТОРОМ С 1 ОКТЯБРЯ 1837 г. ПО 21 МАРТА 1838 г. ЖИЛ БЕЛИНСКИЙ

Страницы книги с отметками о въезде и выезде из дома Белинского и жившего там же М. А. Бакунина

Центральный литературный архив, Москва

Первое письмо написано из Москвы 30 декабря 1835 г. и отослано в Чембар с припиской от 6 января 1836 г.

«Любезный друг Константин Григорьевич,— пишет Дмитрий Иванов,— до сих пор не понимаю причины твоего молчания. Приехав в Чембар, ты как будто переменился и забыл все твои обещания. Женился, что ли, ты или уехал в Америку — право не знаю; только думаю, что недосуги у тебя редки, денег — гривенник в доме найдется, и тебе нет никаких препятствий писать к нам <...>

Виссарион беспрестанно занят журналом, беспрестанно ездит на уроки или на обеды, к знакомым, часто бывает болен — и вообще у него более недосугов, чем было их при тебе, у него теперь тяжела забота о больном Никаноре, который лежит другую неделю на постеле, хотя уже и выздоравливает совершенно. У этого чудака разболелся локоть, место в самом сгибе почернело — и он по своей мужицкой, деревенской привычке молчал и не сказывал никому из нас об этом до тех пор, пока уже истощились у него все силы терпения и он не начал стонать, превозмогая боль. Тут же послали за лекарем — П. П. Клюшников приехал и, осматривая Никанора, нашел в нем признаки сильнейшей, возрождающейся горячки и сказал, что если бы опоздать еще неделею, то в локте приключился бы антонов огонь и руку непременно надобно бы было отрезывать и сам он едва ли бы остался живым. Вот, брат, плоды деревенщины, мужицкого воспитания, в котором мы все вспоены и вскормлены!! К счастию, что скоро захватили, и теперь есть несомненная надежда на его выздоровление, и теперь заподлинно известно, что будет владеть своею больною рукою! Виссарион, больной каждый час, как тебе известно, стараниями Клюшникова начинает возрождаться в юношеское здоровье! Что касается до меня, то я начал вести прежнюю свою школьническую жизнь: с 9 часов до 2-х нахожусь в университете <...>, а в другие дни, прямо не евши с утра, отправляюсь на урок к княгине Горчаковой, к которой рекомендовал меня Виссарион, и детям ее я дал уже 18-ть уроков, следовательно, выработал 80 р. асс. <...>

Квартира у Виссариона теплая, светлая, чистая, а у нас темная, холодная, грязная. Причина тому та, что нас совсем застроили, по крыши. Новоотстроенный дом, и заколотили окошки, следовательно, в зале у нас, как в могиле».

Далее идет описание домашнего быта и ряд деловых поручений. Переходим прямо к вопросу о приезде из Чембара мальчика. Вопрос этот, как увидим ниже, очень волновал Белинского. В «Русской старине», где были приведены несколько строк публикуемого письма (1876, т. XV, февраль, стр. 342), почему-то недовольство Белинского связывалось с задержкой приезда брата Никанора. На самом деле Никанор к этому времени уже был в Москве. А речь шла здесь о крепостном мальчике Иване Федорове, который в 1837 г. ездил с Белинским на Кавказ[19].

«Почему ты так долго не шлешь мальчика к Виссариону? — пишет ему же Д. П. Иванов.— Когда ты был в Москве, то всем уши прожужжал о посылке денег для отправления его, а теперь, когда деньги давно уже посланы и крайняя нужда в мальчике — ты пишешь: *прислать ли его*? Этот вопрос чрезвычайно удивляет нас, а Виссарион ужасно взбесился, так что он к тебе и не пишет. В самом деле странно кажется, что ты так долго мешкаешься с этими пустяками и такой вздор приводит тебя в недоумение... Мне жалко становится Ваничку, он там, повидимому, чрезвычайно скучился, и подлинно ему пора уже отдохнуть от трудов своих праведных! К счастью его, детей и самого Виссариона, воровство и плутни Татьяны, доведенные до неимоверного бесстыдства и подлости, явно обнаружились, и ее согнали. Как ты думаешь? Эта мерзавка представила Виссариону счеты мясника и лавочника, из которых видно, что она в продолжение одного месяца задолжала одному мяснику с лишком сто рублей, как будто она кормила мясом сто человек <...> Мы чрезвычайно рады, избавившись от нее, а плутовство ее обнаружилось тем, что Виссариону самому вздумалось посмотреть на счеты, а прежде этого не было; следовательно, Татьяна всегда распоряжалась таким образом — и оттого у Виссариона не было никогда денег. На место ее поступила известная тебе добрая и честная старушка Дарья Титовна, которая прежде на нас стирала, и теперь Виссарион говорит, что расходы его видимо уменьшаются...»

Второе письмо датировано 17 февраля 1837 г. Оно интересно содержащимися в нем известиями о гибели Пушкина и о плане переезда Белинского в Петербург:

«Как любителю литературы — поэзии, я сообщу тебе,— пишет Д. П. Иванов К. Г. Белинскому,— прегорестную весть, может быть известную уже тебе, что наш камер-юнк⟨ер⟩, поэт Пушкин убит на дуэли одним полковником французской службы. Начало их ссоры неизвестно, только провозглашено уже в „Северной пчеле“, что он похоронен в Псковской губернии, в Осколе, рядом с своими предками, на Святой горе ⟨...⟩ Эта смерть разрушила на несколько месяцев поездку твоих братьев в Петербург. Виссариона приглашали участвовать в журнале Литературного прибавления к „Инвалиду“, издавать который приняли на себя лучшие из наших литераторов, в числе коих был и покойник Пушкин.— Краевский, редактор этого журнала, уведомил Виссариона, что так как подписка на журнал не вся еще окончена, поэтому не могут послать ему денег для проезда в Петербург и дать готовую квартиру. Итак, поездка братьев твоих отложена до лета...»

III

Остается упомянуть еще об одном документе, обнаруженном в архиве «Русской старины». Это черновик письма К. Г. Белинского от апреля 1857 г. на имя корректора типографии II Отделения собственной е. и. в. канцелярии титулярного советника Дементия Григорьевича Белинского. Д. Г. Белинский ни в каком родстве с В. Г. Белинским не состоял[20]. Судя по всему, он составлял генеалогию рода Белинских и обратился по этому поводу с вопросами к Константину Григорьевичу. Очевидно, это его намерение и имел в виду Константин Григорьевич, когда писал ему: «Ценя в полной мере принятое Вами намерение, я с тем вместе не излишним нахожу пожелать Вам успеха в таком благородном труде».

В своем письме (на бланке секретаря Чембарской городовой ратуши) Константин Григорьевич отвечает на вопросы о предках, дает подробные сведения об отце, о братьях, о себе, о своих жене и детях. Значительная часть письма зачеркнута, но поддается прочтению. Редакция «Русской старины» частично использовала этот документ в сообщении кн. Енгалычева (1876, т. XV, январь, стр. 48), но все же многое осталось ненапечатанным. Приводим это письмо в части представляющей интерес для биографии Белинского:

«⟨...⟩ Извините меня, что я до сих пор не мог ⟨...⟩ сообщить Вам ничего о родопроисхождении моем, что произошло не от ⟨не⟩внимания моего [к Вам], но оттого, что я не хотел сообщить Вам кое-как, на скорую руку, не собрав предварительно сведений, чего, однако же, к сожалению моему, не успел сделать и по сие время по неимению к тому средств.

Ныне же, получа от Вас вторичное отношение от 10 апреля за № 1621, я согласно желанию Вашему на первый раз спешу Вас известить

1) что я вероисповедания православного, но принадлежал ли кто из рода моего к иному исповеданию в прошлое время, мне неизвестно.

2) Отец мой Григорий Никифорович Белынский жил первоначально в городе Кронштадте, [где] и служил лекарем во флоте в 7-м учебном экипаже, а потом в Чембаре, занимая должность уездного врача и имея звание штаб-лекаря и чин коллежского асессора, а дед мой Никифор (по отчеству не знаю) [жил] в селе Белыни, Нижне-Ломовского уезда и был священник, но о прадеде, прапрадеде и так далее я сведений не имею и были ли у них братья, я ничего не знаю.

3) Родоначальника моего по имени не знаю и сообщить Вам о нем ничего не могу.

4) Недвижимого имения, роду моему принадлежащего, нигде не находится.

Братья мои Виссарион Григорьевич и Никанор Григорьевич Белынские [а родовая фамилия моя есть Белынский, а если брат и подписывал и именовал⟨ся⟩ Белинским, то только потому, как он мне лично говорил, что произношение Белинский намного приятнее для слуха], а не Белинские, как они себя именовали, [ибо коренное слово фамилии нашей произошло от села Белыни, ибо вообще в прежнее время семейству, детям, сыновьям духовного звания фамилии назначались по названию того

села, в коем жили их отцы; следовательно, и фамилия, а по русскому выражению прозванье Белынский взято от села Белыни]. Но таковую же фамилию имел дед мой или другую, сказать ничего не могу, потому что в прошлое время в духовном звании сыновьям священников и прочим [семьи] фамилии назначались в семинариях по усмотрению их начальств, а ⟨не⟩ по фамилиям отцов их ⟨...⟩».

Это последний дошедший до нас документ, написанный рукой брата Белинского.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Русская старина», 1874, т. IX, январь, стр. 144 (в заметке после публикации письма Белинского к неизвестной от 7 декабря 1833 г.).

[2] Иван Николаевич Захарьин (Якунин) (1839—1906) — поэт, драматург, мемуарист, сотрудник «Русской старины». Будучи офицером, находился со своим батальоном в Чембаре в 1859 г.

[3] См. В. Г. Белинский. Полн. собр. соч. под ред. С. А. Венгерова. Т. I. СПб., 1900, стр. 6—7.

[4] Николай Николаевич Енгалычев, князь — драматург, чембарский уездный предводитель дворянства (1862—1867).

[5] В письме к К. Г. Белинскому от 9 апреля 1840 г. («Письма», II, 98).

[6] Иван Федорович Островидов — младший чиновник особых поручений при пензенском военном губернаторе. Автор статьи о Белинском (см. «Московские ведомости», 1859, № 293).

[7] Михаил Николаевич Владыкин (1830—1887) — драматург, родственник Белинского, младший брат И. Н. Владыкина, с которым Белинский в 1829 г. отправился в Москву; чембарский уездный предводитель дворянства (1858—1861); одно время был актером Московской драматической труппы.

[8] Незначительные выдержки из письма Захарьина были опубликованы в «Русской старине» за 1876 г. (т. XV, февраль, стр. 343). Позднее оно было использовано Захарьиным в статье «Белинский и Лермонтов в Чембаре» («Исторический вестник», 1898, т. LXXI, март, стр. 918—919; повторено в его книге «Встречи и воспоминания», СПб., 1903, стр. 21). Основная часть письма публикуется впервые. (Архив «Русской старины», напечатанная часть, т. XX, лл. 279—282.)

[9] Агриппина (Аграфена) Васильевна Орлова (ум. после 1898 г.) — классная дама Александровского института, сестра жены Белинского, автор воспоминаний о семейной жизни Белинского (См. «Лепта Белинского», М., 1892).

[10] Письма Белинского к родным были изложены и частично напечатаны в «Русской старине» за 1876 г. Полностью печатаются в настоящем томе.

[11] Статья Белинского «Рассуждение П. Л. Доброе воспитание всего нужнее для молодых людей» впервые опубликована Н. И. Мордовченко в т. 55 «Лит. наследства», 1948, стр. 291—294. В «Русской старине» из нее были приведены только три цитаты (1876, т. XV, январь, стр. 64).

[12] Фрагмент «Дмитрия Калинина», опубликованный в «Русской старине» за 1876 г. (т. XV, январь, стр. 66—78).

[13] Отношение К. Г. Белинского 1857 г. на имя Д. Г. Белинского (см. ниже).

[14] Письма Сахарова в архиве «Русской старины» не обнаружены.

[15] Письмо это впоследствии передал А. Н. Пыпину Д. П. Иванов.

[16] Надежда Николаевна Щетинина (рожд. Владыкина) — дальняя родственница Белинского. Воспоминания ее о Белинском записаны и опубликованы М. П. Погодиным в 1868 г. («Русский», № 15 от 18 июля).

[17] «Белинский и Лермонтов в Чембаре».— «Исторический вестник», 1898, март, стр. 921. Вошло в кн. Захарьина «Встречи и воспоминания», СПб., 1903, стр. 19—35.

[18] Имя М. П. Погодина как виновника исключения Белинского не названо в «Русской старине». Назвал его сам Захарьин в своих воспоминаниях («Исторический вестник», 1898, т. LXXI, март, стр. 922). Об обстоятельствах исключения Белинского из университета см. в статье М. Полякова «Студенческие годы Белинского» — «Лит. наследство», т. 56.

[19] О нем см. письма Белинского 1837 г. и 1839 г. («Письма», I, 76, 82, 101; II, 21, 52, 55 и в настоящем томе, в публикации «Переписка Белинского с родными»).

[20] И. И. Лажечников в «Заметках для биографии Белинского» («Московский вестник», 1859, № 17, стр. 207) неверно назвал Д. Г. Белинского братом критика. На это возразил Гаврушкевич в письме в редакцию «Московского вестника» («Московский вестник», 1859, № 26, стр. 320). Лажечников, со своей стороны, добавил: «По сделанной вновь достоверной справке, оказывается: служивший во 2-м отделении собственной е. и. в. канцелярии, ныне отставной Дементий Григорьевич Белинский не был ни в каком родстве с писателем Виссарионом Григорьевичем Белинским» («Московский вестник», 1859, № 30, стр. 378). В «Адрес-календаре» на 1858—1859 г. (ч. I, стр. 11) действительно значится корректор типографии «II отд. с. е. и. в. канцелярии» титулярный советник Дементий Григорьевич Белинский.

МАТЕРИАЛЫ О БЕЛИНСКОМ ИЗ АРХИВА А. Н. ПЫПИНА

Сообщение Т. Ухмыловой

I

Появлению в печати известного труда А. Н. Пыпина о Белинском — первоначально в «Вестнике Европы» в 1874—1875 гг. и затем отдельной монографией 1876 г.— предшествовала, как известно, большая работа автора по собиранию источников.

В поисках документальных материалов для биографии Белинского Пыпин обращался к широкому кругу лиц, у которых, по его соображениям, должны были находиться письма критика или которые могли сообщить ценные свидетельства и воспоминания о нем. Среди этих лиц, откликнувшихся на призыв Пыпина сообщением тех или иных сведений или материалов о Белинском, находились: И. А. Гончаров, И. С. Тургенев, Н. Х. Кетчер, П. В. Анненков, К. Д. Кавелин, П. А. Ефремов, Е. И. Якушкин, М. П. Драгоманов, А. А. Бакунин, В. П. Гаевский, В. А. Крылов, И. Н. Захарьин, Е. Ф. Корш, Д. П. Иванов, Д. А. Корсаков, М. И. Семевский, Н. И. Самойлович, А. В. Станкевич, А. Д. Галахов и многие другие.

«Мне приятно сказать,— писал Пыпин в предисловии к своему труду,— что всего больше я обязан друзьям Белинского, дорожащим его памятью, и интерес которых к моей работе послужил мне существенной опорой при ее выполнении. Другие лица, владеющие некоторыми бумагами Белинского или его друзей, также сообщили мне много важного и любопытного»[1].

Таким образом, научное предприятие Пыпина вылилось в своего рода коллективный литературно-общественный труд, в результате которого была создана широкая документальная база для изучения жизни и деятельности великого критика.

При всем своем энтузиазме в отношении к Белинскому ни сам Пыпин, ни его корреспонденты, доставившие ему материалы, не были в состоянии правильно и со всей полнотой оценить историческую роль и значение Белинского, поскольку все они стояли на позициях либерально-буржуазного просветительства. Не понимая и не разделяя политической программы русской революционной демократии, Пыпин дал либеральное истолкование общественной позиции и литературно-эстетических взглядов Белинского.

Не забывая об этой либерально-буржуазной ограниченности монографии Пыпина, следует вместе с тем признать значительность роли, которую сыграла эта книга в домарксистский период изучения Белинского. Как первый этап в создании документальной биографии великого критика, как ценнейшее собрание первопечатных публикаций, источников и материалов, труд Пыпина сохраняет свое значение для исследователей и по сей день. Представляют поэтому определенный научный интерес история создания труда Пыпина и выборочные публикации некоторых документов, присланных ему, но полностью не использованных в монографии. Эти документы, являющиеся дополнительными материалами для изучения жизни и деятельности Белинского, заимствованы из личных фондов Пыпина, хранящихся в Рукописном отделе Института русской литературы АН СССР и Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ГПБ).

II

Одним из первых, кто откликнулся на призыв Пыпина сообщить сведения для задуманного им труда о Белинском, был П. В. Анненков. К сожалению, за период 1874—1875 гг. сохранились только письма Пыпина к Анненкову, а ответы последнего не дошли до нас, о содержании их приходится догадываться лишь по репликам Пыпина.

Дружеские отношения Белинского с Анненковым с весны 1840 г.[2] до последних дней великого критика, естественно, делали в глазах Пыпина очень авторитетными все сообщения Анненкова о Белинском и его окружении.

Даже Чернышевский в «Очерках гоголевского периода» писал: «в настоящей статье мы пользовались воспоминаниями, которые сообщил нам один из ближайших друзей Белинского, т. А., и потому ручаемся за совершенную точность фактов, о которых упоминаем. Мы надеемся, что интересные воспоминания г. А — а со временем сделаются известны нашей публике, и спешим предупредить читателей, что тогда наши слова окажутся не более как развитием его мыслей. За эту помощь, какую оказали нам его воспоминания при составлении настоящей статьи, мы обязаны принести здесь искреннейшую благодарность глубокоуважаемому нами г. А — у»[3].

По совету Пыпина Анненков написал наиболее интересные из своих мемуаров — воспоминания о Белинском и людях сороковых годов под заглавием «Замечательное десятилетие. 1838—1848»[4].

14 января 1874 г. Пыпин обратился о первым письмом к Анненкову. Это письмо вполне можно охарактеризовать как вступление к его труду о Белинском. Приводим его почти полностью:

«Многоуважаемый Павел Васильевич!

У меня есть к Вам большая просьба, внимание к которой с Вашей стороны я принял бы за особенное одолжение.

Я уже довольно давно возымел мысль о биографии Белинского. Скажу прежде всего, что я совершенно понимаю трудность этого дела, по многоразличным отношениям; вперед знаю и то, что труд мой и не может быть полным и законченным,— тем не менее я решился за него взяться, хотя бы для того, чтобы начать дело. Если теперь еще не мало людей, некогда более или менее тесно связанных с Белинским, и его отношения с которыми еще не могут быть рассказаны вполне,— то с другой стороны, необходимо было бы сохранить живые свидетельства, какие еще могут быть собраны, сберечь воспоминания лиц, близких с Белинским, или же вызвать их самих рассказать то, что они знают.— Прошла четверть столетия со смерти Б⟨елинского⟩, а биографии его нет, и сколько я знаю, никто о ней серьезно не думал. Я решился предпринять эту работу.— Первым делом было, конечно, собрать материал, т. е., главным образом, материал письменный (печатный — известен). В последних месяцах прошлого (т. е. 1873) года я провел, с этой целью, несколько недель в Москве и собрал из разных рук довольно значительное количество переписки Б⟨елинского⟩, в особенности обширную переписку с Боткиным. Довольно велик также и запас переписки Б⟨елинского⟩ с другими лицами,— с друзьями 30-х и 40-х годов. Некоторые современники и близкие с ним люди сообщили мне некоторые личные воспоминания, отчасти написанные ⟨...⟩

Я давно уже имел в виду обратиться и к Вашему содействию; но чтобы не обращаться к Вам с одними предложениями, я хотел сделать это, уже собравши другой запас. Теперь я отчасти владею им — и представляю Вам свою просьбу помочь мне в этом деле и тем письменным материалом, какой у Вас предполагаю, и Вашими личными воспоминаниями, и, наконец, другими указаниями и добрым советом.

Давно не видевшись с Вами, не знаю, как Вы относитесь вообще к моим работам и взглядам; но уверен в том, что каковы бы они ни были, Вы признаете за ними желание найти историческую правду, а в настоящем случае — глубоко сочувственное отношение к человеку, которого изучаю; я почти уверен и в том, что разве особенныз обстоятельства могут сделать ошибочной и напрасной мою надежду на Ваше содей-

Н. Н. ТЮТЧЕВ
Фотография 1860-х гг.
Собрание Ю. Г. Оксмана. Саратов

ствие, но что этому содействию никак не помешало бы (возможное, конечно) различие мнений, как мне пришлось отчасти испытать это последнее — со стороны славянофилов, которые не дали мне писем Б⟨елинско⟩го к К. Аксакову.

Независимо от этого, как вообще были бы для меня любопытны Ваши указания в этом случае,— личные отношения Ваши к Б⟨елинско⟩му, его теплое дружеское расположение к Вам, уважение его к Вашим мнениям (что я вижу из находящегося у меня материала), заставляют меня еще более дорожить этими указаниями» (ИРЛИ 5695. XXIXб 56).

Анненков, повидимому, сразу откликнулся на обращение Пыпина, так как 1 февраля 1874 г. Пыпин уже благодарит его за «доброе желание содействовать его работе» и отвечает на советы Анненкова:

«Письма Б⟨елинского⟩, того содержания, о котором Вы пишете, для меня были бы чрезвычайно интересны, так как именно об этой стороне его мнений я не имею до сих пор никаких данных, кроме печатных.

Вы совершенно правы, говоря о том, как важны для биографии разъяснения поводов, которые приводили Б⟨елинского⟩ к изменению его мнений — и которые все лежали позади его статей и выражений. Я именно так это и понимал; но, к сожалению, имею далеко не столько этих разъяснений, сколько бы желал, и сколько было бы нужно».

Пыпин перечисляет имеющиеся у него письма Белинского и добавляет:

«Здесь Гончаров написал для меня особую записку (о Б⟨елинском⟩ в последние годы)[5]; Кавелин пишет другую[6], Галахов писем не имеет, но обещал разные библиографические и под⟨обные⟩ указания. На этих днях буду писать к И. С. Тург⟨еневу⟩; быть может он не откажется сообщить принадлежащих ему писем Б⟨елинского⟩. Кое-что обещано.

Мне приходит мысль, которую передаю Вам только на случай, если она в какой-нибудь мере покажется Вам удобоисполнимой. Если бы случилось, что в близком времени мы не встретимся, не нашли ли бы Вы возможным сделать что-нибудь подобно

Гонч⟨арову⟩ и Кавелину, хотя бы в виде самых простых, не требующих много времени заметок — биографических и литературных; или, если бы нашлось у Вас время и охота, не нашли ли бы Вы возможным написать заметки и такого рода, которые могли бы целиком войти в биографию, в виде свидетельств очевидца ⟨...⟩ В мартовской книжке „В⟨естника⟩ Е⟨вропы⟩" появится, вероятно, первая статья (Жизнь Б⟨елинского⟩ дома, до университета)[7], по которой Вы увидите характер работы — это разработка материала. Здесь будет новое, т. е. неизвестное до сих пор в печати; но для определения внутренней биографии мне еще много недостает, и указания современников, как Ваши в особенности, были бы для меня существенно дороги».

В конце письма Пыпин просит Анненкова сообщать ему свои замечания, так как он надеется выпустить отдельное издание монографии о Белинском (там же).

21 февраля 1874 г. Пыпин отвечает на не дошедшее до нас письмо Анненкова с «образчиками указаний» «об интересующем его предмете» и сообщает о своих новых приобретениях: «виделся раза два, по поводу моей работы, с Чистяковым ⟨...⟩, которого до сих пор знал только по имени. Он оказался очень милым человеком — уже большим старцем, — и с охотой передал мне свои воспоминания о товариществе с Б⟨елински⟩м в университете и некоторые другие подробности[8].

К. Д. К⟨авели⟩н окончил свою записку, о которой я Вам упоминал в прошлом письме, и теперь ее сведения дополняет с своей стороны Н. Н. Тютчев[9]. Вскоре и эти дополнения будут готовы ⟨...⟩

Вы ожидаете встретить в моей первой статье „предчувствие серьезности и значения предмета", — но быть может статья окажется несколько иною, чем Вы предполагаете. Дело в том, что еще недавно, в „Характеристиках"[10] я имел случай изложить мое общее представление о роли Б⟨елинско⟩го. Во введении к начинаемым теперь статьям я нашел возможным сослаться на это и приступить прямо к делу, и именно к самому фактическому делу. Свою работу я считаю и называю не иначе как „опытом" биографии: действительно, я не считал возможным писать биографию так, как можно писать ее при массе всяких сведений, какими, напр., обладают европейские биографы о своих писателях; мне нужно было проделать те предварительные исследования, какие нужны для правильного освещения фактов, собрать наличные факты и проч. и изложить все это — конечно, в несколько сыром виде. Этот последний был неизбежен и потому, что в неизвестный доселе материал мне приходилось вводить и новые подробности, из моих сведений, и определить им надлежащее место. Мне приходилось поступать так, как до сих пор приходится поступать даже с биографией Пушкина.

⟨...⟩ Таким образом, я начинаю и думаю продолжать чисто фактическим изложением, не антиципируя характеристики Б⟨елинско⟩го и желая, напротив, чтобы она выростала с самым изложением.

⟨...⟩ Я просил бы Вас продолжать хоть на письмах начатую Вами беседу о Б⟨елинско⟩м, о тех временах и людях. Устраняя всякие комплименты, которые не люблю, скажу Вам, что Ваши указания для меня особенно интересны, — и вот почему: другие дают мне письма (и за это — большое спасибо), но в личных сведениях и рассказах сообщают мне — фактические, так сказать, голые подробности, или совершенно общие характеристики Бел⟨инско⟩го за последнее время, совсем образовавшегося и установившегося — но изложить ту внутреннюю связь мнений и настроений Б⟨елинско⟩го, которая в особенности и составляет цель моих исканий. Вы, напротив, именно этой стороне моих исканий и можете помочь, потому что и по Вашему мнению в ней замечается смысл и интерес подобной биографии».

Далее Пыпин спрашивает об отношениях Белинского с Бакуниным и Боткиным до 1839 г. (там же).

8/20 мая 1874 г. Пыпин благодарит Анненкова за «заметки, которые очень важны для него, как живые впечатления», и сообщает: «В настоящую минуту я вступил уже в ту часть биографии, где начинается более серьезный интерес и где начинаются трудности. В июньской книге „В⟨естника⟩ Е⟨вропы⟩" должна явиться 3-я глава[11], обнимающая приблизительно время 1834—36 гг. С этих пор я в особенности просил бы Вас быть читателем и критиком моих статей ⟨...⟩ С 4-й главы я совсем в открытом море, и для меня очень важно держаться в верном направлении. С 1837 года в переписке

идет уже довольно последовательно внутренняя история его развития (которая меня, главным образом, и занимает), но есть фатальные пробелы, и недостаток чисто фактических данных часто оставляет в недоумении.

Вашу переписку я имел в руках от Ник. Ник. Т⟨ютчева⟩ и на-днях возвратил ему ее в полной сохранности» (*там же*).

26 мая 1874 г. Пыпин снова обращается к Анненкову за разъяснениями: «Несмотря на мой довольно значительный материал писем Белинского, мне не совсем ясны некоторые личные отношения; мне хотелось бы выяснить их себе, не для того, чтобы об них писать (многого писать еще нельзя, по разным отношениям), но „биографу нужно *все знать*“». Он спрашивает Анненкова опять о роли Бакунина для развития Белинского и об их взаимоотношениях, о И. П. Клюшникове и др.

«Женитьба Бел⟨инского⟩ — пункт опять очень деликатный, и сведения нужны только для моего собственного ведома — о прежней жизни и характере М. В. ⟨Белинской⟩, пребывании в доме Лаж⟨ечникова⟩ ⟨...⟩, отношения Бел⟨инского⟩ с Катковым, которым Бел⟨инский⟩ одно время и даже долгое время (до поездки К⟨аткова⟩ за границу) чрезвычайно восхищался⟨...⟩, ссора Бел⟨инского⟩ с Кр⟨аевским⟩ и положение в „Совр⟨еменнике⟩“ — опять не для печати. В находящейся у меня переписке есть данные и для этого пункта, есть разные рассказы, есть, между прочим, самые крайние обвинения против Некр⟨асова⟩ (слышанные в Москве), — но все это мне хотелось бы точнее проверить.

⟨...⟩ Переписки Бел⟨инского⟩ у меня собралось теперь почти тома на четыре средней величины; но издание ее, я убежден в этом, еще невозможно в настоящее время — хотя и нет в ней многого, что̀ было, вероятно, еще более любопытно и характерно, чем то, что̀ уцелело» (*там же*).

23 сентября 1874 г. Пыпин писал Анненкову:

«Мне хотелось бы, во-первых, ближайших указаний о том, в чем состояло то изменение понятий у Б⟨елинского⟩ в последнее время, — вследствие которого он, по Вашим словам, как будто склонялся к славянофильству. Эта черта кажется мне чрезвычайно интересной, и если мне придется упоминать о ней (как, вероятно, и придется), мне не хотелось бы оставаться при одном общем, голословном указании. Если бы Вы могли прибавить несколько подробностей, примеров, — это было бы для меня очень важно.

Совершенной новостью для⟨меня⟩ были Ваши упоминания о роли Боткина за то же последнее время; я очень бы желал также несколько лишних подробностей об этом (т. е. о его патронстве над Б⟨елинским⟩, его отзывах о нем, как об „исписавшемся и выдохшемся“ господине)[12]. Я этого ничего не знал, и только от Вас могу теперь узнать это. — Я представлял себе эти отношения иначе. Мне казалось, что Бел⟨инский⟩ оставался с ним в дружеских отношениях, и я знал только два пункта некоторого разногласия: 1) Мне рассказывали, что Ботк⟨ин⟩, по возвращении своем из-за границы (кажется, в конце 1846 или начале 1847) произвел на Бел⟨инского⟩ не весьма приятное личное впечатление, так как (говорили мне) в Боткине уже сквозил взгляд на вещи, развившийся впоследствии известным образом, т. е. буржуазный или лавочнический консерватизм, и известное эпикурейство, для которого и обожаемое прежде искусство служило лишним дополнением. 2) Боткин после возникновения „Совр⟨еменника⟩“, продолжал писать в „Отеч⟨ественные⟩ зап⟨иски⟩“ и Бел⟨инский⟩ писал к нему известное большое письмо[13] ⟨...⟩ Затем мне казалось, что Ботк⟨ин⟩ сохранял к нему прежнее расположение — напр. помог отчасти его путешествию за границу» (*там же*).

24 октября 1874 г. Пыпин сообщает Анненкову об окончании VI главы биографии «Первые годы в Петербурге. 1839—1841 гг.», предназначавшейся для 12-й книжки «Вестника Европы», где дан «обильный материал переписки с Боткиным; она, т. е. статья, представляет первое время петербургской жизни Б⟨елинского⟩ (с конца 1839 до начала 1841), когда в его мнениях совершился переход от московского идеализма к новой точке зрения. В это время и Вы зазнали Б⟨елинского⟩, и тут в особенности мне были бы драгоценны Ваши заметки и разъяснения, потому что некоторые обстоятельства (как Вы увидите из самой статьи) были мне не совсем ясны. Если Вам не случалось иметь

в руках переписку Б⟨елинского⟩ с Боткиным, то эта статья (по выпискам) должна иметь для Вас большой интерес.

Вас напрасно смутило, как Вы пишете, мое недоумение относительно славянофильства Белинского. Я очень помню печатные выражения его мнений о славянофилах; но то сочувствие к их общим задачам, которому Вы как будто придаете это название, казалось мне только его разумным беспристрастием к тому, что было действительно ценного в славянофильских стремлениях. Это мне не казалось славянофильством, но я думал, что не появилось ли в мнениях Белинского, высказываемых между друзьями, и чего-нибудь специфически славянофильского, и сюда бросилось мое недоумение,— так как известно, что именно около этого времени Белинский полемизировал, и довольно резко, с настоящими специфическими славянофилами по поводу „Моск⟨овских⟩ сборников"[14] etc. Ваши заметки, во всяком случае, интересны для меня объяснением того, как смотрели в кружке на эти оттенки мнений Б⟨елинского⟩.

От Некр⟨асова⟩ я доселе не получил еще никакого материала, хотя он повторяет свои обещания. К сожалению, у него в Петербурге нет старых бумаг, и, между прочим, писем Б⟨елинского⟩. Как быть с этим, еще не знаю. Нынешним летом у себя дома он не был[15].

Писать, как Вы можете себе представить, очень трудно; к моему прискорбию и великому затруднению, на мои ст⟨атьи⟩ уже было обращено предостерегательное внимание ⟨...⟩ Поэтому — „чтите, исправляя бога для, а не кляните"» (там же).

12 июля 1875 г. состоялось личное свидание Пыпина с Анненковым в Петербурге, как видно из писем Анненкова к Пыпину (от 8 и 10 июля 1875 г.), с назначением дня и места встречи. После разговора с Пыпиным, под его влиянием, Анненков принялся за работу над воспоминаниями «Замечательное десятилетие».

Вот что писал он по этому поводу Пыпину 29 июня/11 июля 1876 г. из Цюриха в ответ на присланное Пыпиным отдельное издание биографии Белинского:

«Под впечатлением Ваших слов, слышанных мною в Петербурге, я вздумал на досуге рассказать, что видел в промежуток 1838—1848 годов на литературной арене. Беда состоит в том, что самые важные пункты этой истории исчерпаны Вами именно в этой книжке, которую Вы прислали: мне оставалось говорить о закулисной жизни деятелей той эпохи, их минутных настроениях, даже и не помеченных в литературе ничем (отчего они — направления — и могут показаться странными и неправдоподобными), об их тогда очень горячих пререкательствах, которые теперь остыли и могут иметь вид будничных пустяков, мало любопытных для настоящего времени, занятого своими собственными пустяками. К тому же прилив старых и дорогих воспоминаний кинулся мне в голову и сообщил некоторую восторженность и запальчивость самой речи, точно она ведется о чем-то очень важном, а не о мелочах и подробностях, ни к чему не пригодных в настоящую минуту. И таким образом, исписав уже несколько тетрадей, я начинаю опасаться, не занимаюсь ли производством скорее комического, чем серьезного дела, но будущим летом — буде господь еще потерпит по грехам моим — все-таки привезу их в Петербург на показ Вам и другим добрым приятелям» (ГПБ. Архив А. Н. Пыпина).

Пыпин ответил Анненкову 17/29 июля 1876 г. одобрительным письмом:

«Мне очень приятно было прочитать в Вашем письме, что Вы решились все-таки тряхнуть стариной, и я уверен, что Вы чересчур преувеличиваете, когда находите, что в Ваших воспоминаниях может быть много „будничного" и непригодного для настоящей минуты ⟨...⟩ Моя книга, конечно, ни мало этому не помешает: во всяком случае, я не был „очевидцем" сороковых годов, а Вы были и очевидцем и действующим лицом — лишь бы только была у Вас охота, Вы можете именно придать моему или другому книжному рассказу свежесть живого воспоминания и одушевленность картины. Я бы решился сказать еще одно: мне кажется, что теперь была бы возможность говорить о том времени и людях — менее условным языком, чем говорилось доселе, и как, напр., Вы отчасти говорили в биографии Станкевича[16]. В то время, быть может, нельзя было иначе и писать» (ИРЛИ, 5695 б. 56).

На этом письме заканчивается переписка Пыпина с Анненковым. В заключение небезинтересно привести отрывок из письма В. П. Гаевского к Пыпину от 17 марта 1887 г. о времени сближения Анненкова с кругом «Отечественных записок»:

«Я не нашел в моей библиотеке того, что Вам нужно: в сильно разрозненных томах „Отеч⟨ественных⟩ зап⟨исок⟩“ до 1846 года статей Анненкова не оказалось. Краевский сообщил мне следующее: он встречался с Анненковым у Дм. Федорова, директора театрального училища, и Крутицкого, служившего при театрах (при Гедеонове) по хозяйственной части.

Это было в конце 1830-х годов. Потом Анненков уехал за границу, откуда написал Белинскому письмо, доставленное им в редакцию „От⟨ечественных⟩ з⟨аписок⟩“. Письмо понравилось, было напечатано, и Белинский написал Анненкову в Париж, чтоб он продолжал корреспонденцию. Вот ее начало и начало сближения с кружком „От⟨ечественных⟩ зап⟨исок⟩“» (ГПБ).

III

Одним из наиболее ценных документов в архиве Пыпина является письмо к нему И. Н. Захарьина (Якунина)[17] от 20 августа 1874 г., где последний передает рассказ Д. П. Иванова о смерти великого критика: «... в последние часы жизни Б⟨елинского⟩ к нему в квартиру, ночью, явился адъютант генерала Дубельта... Умирающий Б⟨елинский⟩ был уже в бреду и без сознания; завидя гостей, он приподнялся в постели и стал говорить „речь к народу“... М⟨ария⟩ В⟨асильевна⟩, сообщавшая этот факт г. Иванову, говорила, что эта „речь“, произнесенная в бреду и почти в предсмертной агонии, была так жгуча и увлекательна, как никогда... Она и 4-хлетняя дочь стояли у кровати... Бледен и молчалив был ж⟨андармский⟩ офицер... „Маша! растолкуй им,— они не понимают!..“ п[р]огов⟨орил⟩ умирающий, указывая на жандармов...» (ИРЛИ, ф. 250, № 500).

Описание последних минут Белинского в биографии Пыпина, из-за цензурных соображений, выглядит несравненно слабее. Из него выпал самый трагический момент

О. В. БЕЛИНСКАЯ (В ЗАМУЖЕСТВЕ БЕНЗИ) — ДОЧЬ КРИТИКА

Фотография, конец 1860-х—начало 1870-х гг.

Литературный музей, Москва

появления жандармов у постели умирающего: «Присутствовавшие при его смерти рассказывали, что Белинский, за несколько минут до кончины, лежавший уже в постели без сознания, вдруг быстро поднялся, с сверкавшими глазами, сделал несколько шагов по комнате, проговорил невнятными, прерывающимися словами, но с энергией, какие-то слова, обращенные к русскому народу, говорившие о любви к нему... Его поддержали, уложили в постель, и через несколько минут он умер» (Пыпин, II, стр. 332).

В том же письме Захарьин сообщал Пыпину о судьбе семьи К. Г. Белинского:

«Согласно желанию Вашему, я был у Д. П. Иванова и узнал о семействе К. Г. Белинского следующее: сам он, К. Г., умер 3 года тому назад, в крайней нищете и бедности, оставив после себя жену и несколько человек детей, в Чембаре. Судьба его детей, от первого брака, была очень несчастна: трое молодых людей умерли, уже юношами, от чахотки — наследственной болезни в семействе Белинских; они умерли, не получив при жизни н и к а к о г о образования: 4-й сын К. Г. (от 1-го же брака) — Митрофан К⟨онстантинович⟩ в наст⟨оящее⟩ вр⟨емя⟩ студент Казанского ун⟨иверситета⟩. Об участи 2-й жены К. Г. и ее детей г. Иванов не имеет никаких сведений; но он обещал мне написать, по этому поводу, в Чембар — на имя своего род⟨ственника⟩ Сергея Ивановича Щетинина, мирового судьи, — и в Н⟨ижний⟩ Ломов на имя А. Г. Кузьминой»[18].

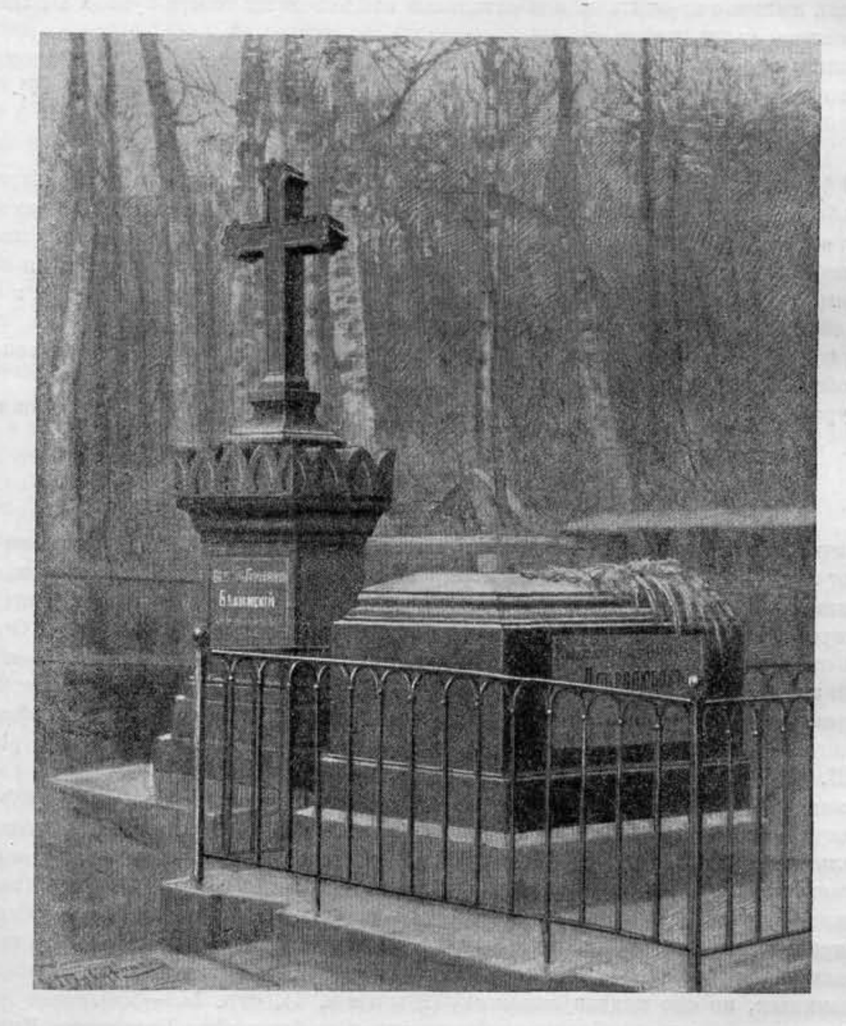
Среди корреспонденции Пыпина встречаются письма более позднего происхождения, чем его работа над биографией Белинского. Это — уже отклики на нее. Среди них не лишено известного интереса сообщение В. П. Соколова о преподавании Белинским в 1838 г. в Константиновском межевом институте[19]. Однако надо с большой осторожностью относиться к изложенным им фактам, во многом искажающим действительность. «Я читал ⟨...⟩ Вашу биографию Белинского не один раз: личность прекрасного человека, страстного проповедника истинной красоты и гуманности ярко и величественно рисовалась в моем воображении, как дивное создание природы. Я испытывал какое-то нервное возбуждение, всем и каждому рассказывал о Белинском; расспрашивал о нем у своих сослуживцев, его бывших учеников; решился поделиться с Вами тем, что узнал, хотя узнал очень мало», — так характеризовал впечатление от книги Пыпина В. П. Соколов в письме от 2 марта 1883 г. (ГПБ).

Обращаясь к этому эпизоду из жизни Белинского, Соколов пишет (в ноябре 1880 г.):

«Странно, как Белинский, имея в описываемое время некоторые средства к жизни, взялся за ненавистный ему учительский труд, взялся и не продолжил его до конца 1838/39 учебного года ⟨...⟩ Еще страннее дружба Белинского с таким человеком, как кн. Козловский[20], о котором даже официальная история Института не находит возможным сказать доброе слово. Рассказы современников—преимущественно бывших учеников Межевого института, — рисуют кн. Козловского сумасбродною и безнравственною личностью. Рассказывают, что он любил и всячески поощрял учеников-обжор, сажая их за отдельный стол и давая им по две, по три порции за-раз. В самый разгар урока он приносил в класс завернутого в сахарную бумагу вяленого зайца, — и тут же какой-нибудь патентованный обжора съедал всего зайца, а сам князь, наслаждаясь этим зрелищем, спокойно предлагал преподавателю и ученикам продолжать заниматься своим делом. Жестокие поступки кн. Козловского довели воспитанников Института до открытого бунта, и по выходе в отставку князь выезжал из Института, сопровождаемый проклятиями высунувшихся из окон учеников ⟨...⟩

Рассказы учеников Белинского о нем самом очень кратки и маловажны. Воспитанники Межевого института не знали тогда, кто был Вис⟨сарион⟩ Григ⟨орьевич⟩, и поэтому плохо его теперь помнят. Их сообщения носят весьма противоречивый характер: „Виссарион Григорьевич, — говорил мне один пожилой землемер, — заставлял нас перекладывать стихи своими словами и страсть как издевался над нашими работами. Бывало, как скажет кому: „Пожалуйте сюда! что вы это написали?“ — это значит, что он облюбовал чье-нибудь переложение для разбора пред всем классом, и тут так конфузил бедного автора, что тот рад был сквозь землю провалиться. Да, саркастический человек был В⟨иссарион⟩ Г⟨ригорьевич⟩, раздражительный“. Другой из учеников

Белинского, человек, славящийся феноменальной памятью и, повидимому, вполне достойный доверия, так рассказывал мне о нем: „Белинский учил нас очень недолго, и преподавание его шло ужасно скверно, — он даже редко ходил в классы. Раз как-то, помню я, задал он нам переложить басню Крылова, и почему-то очень остался недоволен нашими работами, всех нас обругал и с тех пор уже ровно ничего не стал делать. Воспитанник Мартынов[21], большой негодяй и жулик, сильно почему-то полюбился Белинскому; Виссарион Григорьевич часто, во время своих уроков, ходил

МОГИЛЫ БЕЛИНСКОГО И ДОБРОЛЮБОВА НА ВОЛКОВОМ КЛАДБИЩЕ В ПЕТЕРБУРГЕ

Рисунок И. Первухина, 1870-е гг.

Литературный музей, Москва

с ним по зале и вел дружелюбные разговоры. Знакомство Белинского и Мартынова кончилось тем, что последний присвоил себе тетрадку стихов поэта Красова, которую Белинский дал своему приятелю на время, почитать, — и напечатал стихи, заключавшиеся в тетрадке, в каком-то журнале[22].

Белинский был тогда некрасив собою ⟨...⟩ Он одевался в длиннейший старомодный сюртук и на шею повязывал вместо галстуха большой черный платок» (ГПБ).

Надо думать, что в детском восприятии учеников Белинского его насмешки над их неудачными «произведениями» имели сильно преувеличенный характер. Директор же

Межевого института С. Т. Аксаков дал о преподавательской деятельности Белинского 31 марта 1838 г. вполне положительный отзыв[23].

Е. Ф. Корш 25 апреля 1874 г. сообщает Пыпину: «Вчера вечером приезжает ко мне ⟨А. В.⟩ Станкевич и говорит, что хотя он действительно застал Бел⟨инского⟩ у своего брата только в 1832 г., но, судя по тому, что Бел⟨инский⟩ сблизился через него с Кольцовым еще в 1831-м, можно полагать, что знакомство Н. Станкевича с Белинским началось, пожалуй, на университетской скамье. При этом А. В. Ст⟨анкевич⟩ изъявил желание передать и все остальные найденные им теперь бумаги в Ваше распоряжение» (там же).

Пыпин в своей монографии отнес знакомство Белинского с Н. В. Станкевичем именно к 1831 г., повторив доводы А. В. Станкевича (Пыпин, I, стр. 77).

IV

20 февраля 1874 г. Пыпин обратился к И. С. Тургеневу, находившемуся в Париже, с просьбой выслать ему «хоть на короткое время» переписку с Белинским. «Отвечая мне,— писал он,— на могущие явиться у Вас сомнения в том, что̀ может быть в этих письмах или несколько интим⟨ного⟩, или треб⟨ующего⟩ некот⟨орой⟩ осторожности, я сказал бы Вам, что Вы могли бы быть ⟨сов⟩ерш⟨енно⟩ спокойны в этом отношении: я сумел бы исполнить все требования деликатного отношения к предмету, тем более, что я с самого начала своей работы положил устран⟨ить⟩ из нее все личные вопросы, для обсужд⟨ени⟩я которых еще не пришло время» (ИРЛИ, ф. 250, № 267).

Тургенев немедленно откликнулся на запрос Пыпина. 2/14 марта 1874 г. он писал ему:

«Милостивый государь
Александр Николаевич!

Начинаю с извинения, что не тотчас ответил Вам — но у меня было, как говорится, хлопот полон рот. С великой охотой передам Вам письма Белинского ко мне: их, впрочем, немного, так как во все время нашего знакомства мы почти постоянно жили в одном городе. Письма эти находятся (со всей моей корреспонденцией) в Бадене. Отправляясь отсюда в Петербург в конце апреля, я должен буду ехать через Баден — и возьму там эти письма, которые привезу с собою и отдам Вам при личном свидании.

Душевно радуюсь Вашему намерению положить первое основание биографии Белинского — для этого дела Вы есть точно the right man in the right place*» (ИРЛИ, ф. 250, № 587).

9 мая 1874 г. Пыпин сообщал Анненкову: «Вчера видел Тургенева у ⟨М. М.⟩ Стасюлевича,— он привез мне свою долю писем, что, конечно, доставило мне большое удовольствие» (ИРЛИ, 5695, XXIX б. 56). Воспоминания Тургенева о Белинском были написаны и напечатаны значительно раньше труда Пыпина — в 1869 г.[24] В заключительной главе своей книги Пыпин ответил на них, обрушившись на Тургенева за неправильную трактовку личности Белинского, а главное, за его выпады против Добролюбова и Чернышевского (имя последнего не произносилось ни Тургеневым, ни Пыпиным, но оно подразумевалось) (Пыпин, II, стр. 346—366).

Прочитав в «Вестнике Европы» первую главу из биографии Белинского Пыпина, Тургенев писал М. М. Стасюлевичу 6/18 марта 1874 г.: «Начало биографии Белинского в „В⟨естнике⟩ Е⟨вропы⟩“ прекрасно — скажите это от меня А. Н. Пыпину.— Он несомненно попал в тон»[25]. Это мнение Тургенева особенно укрепилось после выхода следующих статей Пыпина о Белинском. «Я прочел статью Пыпина и, по зрелом соображении фактов, должен сознаться, что едва ли он не вернее моего взглянул на деятельность Белинского. Стало быть, полемизировать мне с ним нельзя — а скорее нужно сделать оговорку в будущем издании моих Воспоминаний», признавался Тургенев тому же Стасюлевичу 20/8 июля 1875 г.[26] После выхода в свет книги Пыпина Тургенев ограничился только ответом на возражения своего противника по поводу его характеристики Белинского: «А. Н. Пыпин, в известной своей биографии Белин-

* Человек, подходящий для данного дела.

ского, оспаривает мое мировоззрение на то, что я назвал неполитическим в темпераменте Белинского,— и видит в его „сдержанности" одну неизбежную уступку особым условиям того времени.— Я готов согласиться с почтенным ученым: весьма вероятно, что оценка г-ном Пыпиным этой стороны характера нашего великого критика — вернее моей, о чем долгом я считаю объясниться перед читателями. Тот „огонь", о котором я упомянул, никогда не угасал в нем, хотя не всегда мог вырваться наружу. Париж.— Сентябрь, 1879»[27].

Незадолго до смерти Тургенева его поверенный, А. В. Топоров, писал Пыпину 26 июля/7 августа 1883 г. из Буживаля: «Т⟨ургенев⟩ просил меня отвезти его в Россию мертвого и похоронить на Волковом кладбище возле Белинского.

На это я возразил ему, что я готов исполнить его желание при жизни, но какое право я имею или буду иметь после смерти его распоряжаться,— он мне ответил, что у него уже все распоряжения сделаны и написаны.

Надо Вам сказать, что он очень слаб, плохо слышит, и говорить с ним довольно трудно»[28] (ГПБ. Архив Пыпина).

11 февраля 1874 г. Пыпин обратился к младшему брату М. А. Бакунина, А. А. Бакунину, с просьбой помочь ему в получении переписки Белинского с семьей Бакуниных: «Я имел случай обращаться, через г. и г-жу Петрункевич в Премухино, но, к моему большому сожалению, получил через них ответ, похожий на решит⟨ельный⟩ отказ ⟨...⟩ Мне сказали, что письма, о которых шла речь, имеют слишком личный, интимный характер» (ИРЛИ, ф. 250, № 241).

В результате обращения Пыпина А. А. Бакунин послал ему 10 марта все хранившиеся в их семье письма Белинского со словами: «От всей души желая, чтобы Вы нашли в них, что ищете, я не сомневаюсь, что Вы сумеете выделить из этого запутанного клубка нить Белинского, не задевая — по крайней мере, резко не задевая — семьи, не имеющей ни права, ни обязанности раскрывать ее взорам посторонних» (ГПБ).

Пыпин в своей работе широко использовал письма Белинского к М. А. Бакунину, давая характеристику их взаимоотношений (Пыпин, I, стр. 127—133, 161—203). Но по цензурным условиям он был принужден скрыть имя Бакунина под инициалами: «М. Б.», а семью его назвать «деревенскими друзьями» (там же, стр. VII).

Интересно также письмо к Пыпину его шурина П. П. Гурскалина от 13 ноября 1874 г. о посещении им, по поручению Пыпина, Д. П. Иванова и Н. Х. Кетчера: «Иванов — дряхлый, больной старик, доживающий остаток дней своих, не выходя, кажется, из халата. По наружности он напоминает отставного армейского офицера, но, поговорив с ним, тотчас виден человек других понятий. Он долгое время жил с Белинским, благоговеет перед ним и говорит, что ему одному обязан всем, что он есть, своими знаниями, своим развитием. Жалеет он очень, что в свое время ничего не записывал, а теперь многое перезабыл. Факты, переданные Лажечниковым, не все верны, по его словам. Об этом он Вам напишет в подробной записке, которую готовит ⟨...⟩[29]

О брате Белинского, Никаноре, он говорил иное, чем то, что напечатано, и даже обвиняет Виссариона в недобрых отношениях к брату. При этом случае он упомянул, что оба брата жили у профессора Московского университета Петрова, который и до сих пор профессорствует и может дать хорошие сведения об обоих Белинских (д⟨ействительный⟩ с⟨татский⟩ с⟨оветник⟩ Павел Яковлевич Петров — Плющиха, Тишинский переулок, д. Албаженова). Он по своим убеждениям расходился с Виссарионом Белинским, но, несмотря на то, был с ним в приятельских отношениях и часто помогал в занятиях французским языком ⟨...⟩ Во всяком случае, говорит Иванов, я считаю святым долгом сказать все, что я помню и знаю о Белинском, и собрать от прочих родных все сведения, какие только можно. Я не умру спокойно, если не исполню этого. Что касается напечатанного Вами до сих пор, то, кроме отдельных фактов, Иванов в восторге от Ваших статей и находит, что это единственная биография в русской литературе, в которой личность писателя охарактеризована так живо, что ясно и верно представляется читателю. По крайней мере для меня, говорит Иванов, Белинский в статьях Алекс⟨андра⟩ Ник⟨олаевича⟩ стоит живым перед глазами» (ГПБ).

Далее Гурскалин пишет о своем посещении «старца Кетчера»: «Писем от него не ждите, он рассчитывает передать Вам свои замечания на словах, когда Вы приедете

в Москву. Их очень немного и они так мелочны, говорит он, что писать не стоит. Когда я упомянул об Иванове, он заметил, что Иванов никогда не был знаком с Белинским, и вообще отзывается о нем немного свысока, как о лице, не заслуживающем особенного внимания для Вашего дела» (там же).

30 октября 1875 г. Д. П. Иванов сам извиняется за задержку воспоминаний и просит Пыпина обращаться к нему с вопросами.

20 ноября 1875 г. Гурскалин вновь сообщает: «Иванова я видел самого, и он отдал мне свои записки, которые теперь, вероятно, уже у Вас в руках <...> Иванов стал совсем дряхл и слаб, и сам говорит, что если Вам еще нужны от него какие-либо сведения, то торопились бы. Зато другой старец <Н. Х. Кетчер> цветущ и бодр, и его хохот попрежнему раздается на весь дом. Заметки его Вы, вероятно, также уже получили» (там же).

В начале декабря 1874 г. В. А. Крылов сообщил Пыпину о своем свидании с поэтом Фетом и об отказе последнего передать ему письма Белинского к В. П. Боткину (жена Фета — Мария Петровна — была родной сестрой Боткина): «Фет хочет продать их куда-нибудь за 25 р. и деньги послать самарцам» (письмо без даты около 5 декабря 1874 г.) (ИРЛИ, ф. 250, № 150). В ответ на это 5 декабря 1874 г. Пыпин просил Крылова купить письма. В следующем письме (без даты) Крылов передал Пыпину «смысл речи» Фета: «Я не сочувствую деятельности Пыпина и не желал бы помогать ему; а потому хочу отдать письма Каткову для напечатания в „Рус<ском> вестн<ике>" и взять 25 р. и пожертвовать их самарцам». «Я, конечно, этому не мог сочувствовать, — продолжает Крылов, — так как в печати многое не может появиться, да и вообще не знаю, можно ли дать сделать этот выбор Каткову. И потому предложил ему нейтральный путь, именно, пожертвовать письма в Публичн<ую> библиотеку, сделав их, таким образом, достоянием людей всякой окраски. Он на это согласился, но только все-таки потребовал 25 р. в пользу самарцев, которые я ему тотчас и выдал. За сим я разобрал письма по числам, прошнуровал их, и теперь пока они в моих руках с обязанностью сдать их в библиотеку.

Всех писем 11 к Боткину и одна записка маленькая к Бакунину. Относятся они к 47 году. Одно — 46 <-го>, одно — из Дрездена 47 <-го>, в июне. Некоторые довольно объемисты — листа в 3, мелко писанные. Кроме того, нашлось одно письмо к Кавелину, которое, конечно, не вошло в коллекцию, и я его обязался отдать Конст<антину> Дмитр<иевичу>, от которого, вероятно, вы его и получите» (там же).

Но Крылов не передал в Публичную библиотеку этих писем Белинского. Они все же, несмотря на нежелание Фета, попали в руки Пыпина и остались в его архиве. На письме Крылова имеется запись рукой Пыпина: «5 дек. 1874.— Был у Крылова, получил письма Белинского и взял на себя заплаченные 25 р.». О получении писем от Крылова Пыпин упомянул и в предисловии к своей книге (Пыпин, I, стр. VIII). Все эти письма были использованы им в IX и X главах его работы (Пыпин II, стр. 271—285, 296—320). Полностью они напечатаны Е. А. Ляцким («Письма», III).

В ноябре 1873 г. Е. И. Якушкин, живший в Ярославле, предложил Пыпину, через П. А. Ефремова, копии писем Кольцова к Белинскому (письмо Ефремова от 22 ноября 1873 г.). После этого предложения Пыпин переписывался с Якушкиным. 6 января 1874 г. Якушкин послал Пыпину имевшиеся у него копии с писем Кольцова к Белинскому и одновременно писал: «Письма к Грановскому должны находиться у Ал. Станкевича[30], с которым я более 15 лет уже не имею никаких сношений. Обширная переписка Белинского с В. П. Боткиным, по уверениям Грановского и Кетчера, была сожжена Боткиным в 1848 году, хотя последний никогда не сознавался в этом и впоследствии заявил, что они у него украдены»[31] (ИРЛИ, ф. 250, № 239). Через публициста Н. И. Самойловича, редактора экономического и финансового отделов «Голоса», Пыпин обратился в 1873 г. к А. А. Краевскому. Последний ответил, что, просмотрев письма Белинского, он пришел к выводу, что они без его объяснений будут непонятны «и потому требуют совместного прочтения». Он предложил заехать к Пыпину (22 октября 1873 г.) и прочесть ему письма «с необходимыми пояснениями» (Письмо Н. И. Самойловича к Пыпину от 19 октября <1873 г.> — ИРЛИ, ф. 250, № 194).

Очевидно, во время этого свидания Краевский передал письма Белинского Пыпину, который и упомянул об этом в предисловии к монографии (Пыпин, I, стр. VIII).

23 июня 1874 г. И. Н. Захарьин (Якунин) обратился к Пыпину с предложением сообщить ему о тетради с копиями *стихотворений, переписанных рукой Белинского*[32], и о письмах критика к брату Константину 1841—1842 гг.: «Письма эти, равно и тетрадь, принадлежат мне; они подарены мне в 1862 г. Конст⟨антином⟩ Гр⟨игорьевичем⟩. По всей вероятности, Вас поинтересует также и известие о пятиактной комедии В⟨иссариона⟩ Г⟨ригорьевича⟩ „Пятидесятилетний дядюшка“[33], шедшей в Москве

А. В. ОРЛОВА, СЕСТРА ЖЕНЫ БЕЛИНСКОГО, АВТОР ВОСПОМИНАНИЙ О НЕМ

Фотография

Местонахождение оригинала неизвестно

в бенефис Щепкина и не вошедшей почему-то в собрание сочинений В⟨иссариона⟩ Г⟨ригорьевича⟩. Мне говорил М. И. Семевский, что, видясь с Вами в Лит⟨ературном⟩ фонде, он сообщил уже Вам о нахождении этих материалов в его редакции, куда они были переданы мною — до появления в „В⟨естнике⟩ Е⟨вропы⟩“ Ваших статей о Белинском» (ИРЛИ, ф. 250, № 500). В письме от 28 марта 1875 г. Захарьин сообщает о передаче им тетради стихотворений М. И. Семевскому (там же).

22 марта 1875 г. И. Н. Захарьин (Якунин) *сообщил Пыпину (со слов малоизвестного* писателя Н. А. Чмырева) следующее:

«Несколько времени тому назад одним из московских капиталистов,— г. Мамонтовым, приобретена была от г. Глазунова его книжная фирма. Когда эту фирму переводили в другой дом, то в старых кладовых Глазунова, между прочим книжным и всяким другим хламом, найдены два сундука, запертые на замки, с надписями: „Вещи

Белинского“. Вещи эти, повидимому, сданы были на хранение Глазунову при отъезде Белинского в С.-П<етер>б<ург> в „Отеч<ественные> зап<иски>“. В одном из сундуков оказалось старое платье, белье и пр.; в другом сундуке — книги, тетради и письма». После получения этого письма Пыпин немедленно (28 марта 1875 г.) обратился к Н. И. Мамонтову с просьбой дать ему для «пересмотра» перечисленные выше вещи Белинского (там же). На это последовал 28 марта ответ Мамонтова: «За несколько времени перед продажей мне магазина А. И. Глазунов передал продажу сочинений покойного В. Г. Белинского книгопродавцу Салаеву. Так что я лично не принимал в этом деле никакого участия.

По получении же Вашего письма я немедленно обратился к А. И. Глазунову с просьбой передать мне для доставления к Вам все, какие он имеет, письма и бумаги Белинского, на что получил ответ, что у него хранятся на квартире не принятые Салаевым два ящика, отданные ему Марьей Васильевной Белинской и собственно ей принадлежащих. Присутствия писем в этих ящиках он не предполагает, так как Марья Васильевна, отдавая их, говорила, что там находится маска, снятая с покойного, и разное его платье. Во всяком случае, проверить содержащееся в них невозможно, так как они запечатаны ее именной печатью, и Глазунов вскрывать их не уполномочен. Вообще он просил Вам передать, что во все время знакомства с М. В. Белинской он никогда не видал у ней никаких бумаг покойного, и она ничего не говорила ему о них» (ИРЛИ, ф. 250, № 164).

В тот же день, 28 марта, Захарьин писал Пыпину: «В настоящее время я имею возможность сообщить Вам более обстоятельные сведения о ящиках Белинского, найденных в кладовых бывшей фирмы Глазунова. Вещи эти — маска, портреты, платье и тетради Белинского — сданы были М. В. Белинской А. И. Глазунову при ее отъезде в Корфу. Г. Глазунов, передавая свою фирму Мамонтову, обращался в Корфу, к Марье Васильевне, с просьбою — принять от него эти ящики обратно, но ответа не получил. Он пытался передать вещи Белинского в магазин Салаева, но г. Салаев этих вещей не принял, и, таким образом, они попали в руки г. Мамонтова».

Дальнейшая судьба этих сундуков так и осталась неизвестной.

Среди прочих корреспондентов Пыпина встречаются имена М. А. Веневитинова, А. Д. Галахова, М. П. Драгоманова, П. А. Ефремова и К. Д. Кавелина.

М. А. Веневитинов передал Пыпину переписку «славянофилов и других лиц» со своим отцом А. В. Веневитиновым (письмо без даты <1875 г.> — ГПБ). А. Д. Галахов доставил Пыпину копии трех писем Белинского к П. Н. Кудрявцеву и заметки, полученные им от П. Колосова о сотрудничестве Белинского в «Московском наблюдателе» и «Отечественных записках» в 1839 г. (письмо от 10 июня 1875 г.) (ИРЛИ, ф. 250, № 132). При помощи М. П. Драгоманова Пыпин получил какое-то письмо Белинского (ГПБ).

Из пяти писем К. Д. Кавелина к Пыпину три были опубликованы в 1925 г.[34] Остальные два не представляют особенного интереса. 18 мая 1873 г. Кавелин сообщал о предстоящем получении писем Белинского от А. В. Станкевича через Е. Ф. Корша и о нежелании Н. Х. Кетчера предоставить свой архив. 5 октября 1884 г. он извещал об обеде у Кавелина по поводу 50-летия «Литературных мечтаний». Это предложение испугало А. Д. Галахова, Я. К. Грота и М. И. Сухомлинова. Краевский выразил свое согласие участвовать в нем, а И. А. Гончаров поставил условие, чтобы не был приглашен Д. В. Григорович (там же).

В декабре 1894 г. Пыпин пожертвовал в Радищевский музей в Саратове гипсовую маску Белинского, подаренную ему И. А. Гончаровым «около 1875 г.» со следующим письмом: «Эта маска, относящаяся именно ко времени смерти Белинского, составляет теперь большую редкость, и я полагал, что ее наилучшее помещение не в частных руках, а в общественном учреждении: в Радищевском музее она могла бы найти место наряду с вещами, принадлежавшими другому знаменитому писателю — Тургеневу, который был великим почитателем Белинского и посвятил ему теплые страницы в своих воспоминаниях.

Такие слепки высоко ценятся художниками, так как для скульптурного исполнения бюста они представляют самый существвенный материал <...>». Кроме того, к

письму была приложена визитная карточка Гончарова с надписью: «Ив<ан> А<лександрович> Г<ончаров> поздравляет Александра Николаевича с новым годом и представляет следующую ему по всем правам маску Белинского (Моховая, 3)» (ИРЛИ, ф. 250, № 261).

Уроженец Саратова, Пыпин был большим патриотом своего города. Ему принадлежат две статьи о Саратовском музее[35].

ПРИМЕЧАНИЯ

1 А. Н. Пыпин. Белинский, его жизнь и переписка, т. I, СПб., 1876, стр. VII.

2 См. «Письма», II, 133.

3 Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. III, М., Гослитиздат, 1947, стр. 210.

4 Впервые напечатаны в «Вестнике Европы», 1880, №№ 1—5. Вошли в кн.: П. В. Анненков. Литературные воспоминания, М.— Л., «Academia», 1928.

5 О ней см. «Лит. наследство», т. 56, стр. 257—264.

6 Там же.

7 В мартовской книжке «Вестника Европы» за 1874 г. появилась первая глава труда Пыпина: «Детство и юношеские годы».

8 Речь идет о Михаиле Борисовиче Чистякове. См. о нем «Лит. наследство», т. 56, стр. 436. Пыпин использовал воспоминания П. Прозорова («Белинский и Московский университет в его время»), в которых упоминается имя М. Б. Чистякова (Пыпин, 1876, т. I, стр. 48—51).

9 Воспоминания Н. Н. Тютчева впервые опубликованы в «Письмах» Белинского, СПб., 1914, т. III, стр. 444—451.

10 «Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов», СПб., 1873. Отдельные главы печатались в «Вестнике Европы» за 1872—1873 гг.

11 В июньской книжке «Вестника Европы» появилась третья глава труда Пыпина: «Кружок Станкевича. „Телескоп“».

12 См. «Лит. наследство», т. 56, стр. 194.

13 Пыпин имеет в виду письмо Белинского к Боткину от 4—8 ноября 1847 г. («Письма», III, 266—288).

14 Белинский выступал против «Московского ученого сборника на 1847 год» в статье «Ответ „Москвитянину“» (XI, 1—46). См. также сборник «Белинский. Статьи и материалы», Л., 1949, стр. 11—39.

15 Некрасов так ничего и не предоставил Пыпину из своих бумаг. Письма Белинского к нему не дошли до нас.

16 П. В. Анненков. Н. В. Станкевич, М., 1857.

17 Ср. в настоящем томе, стр. 279—282.

18 См. еще настоящий том, стр. 285—286.

19 Виктор Петрович Соколов — автор воспоминаний о В. М. Гаршине, бывший воспитанник Межевого института (окончил его в 1877 г.). Под влиянием книги Пыпина принялся собирать сведения о деятельности Белинского в Межевом институте. «Юный читатель,— пишет о себе Соколов,— сообщил Пыпину краткое известие о Белинском, со слов одного почтенного человека, бывшего ученика знаменитого критика» («Исторический вестник», 1916, № 4, стр. 154).

Белинский преподавал в Константиновском межевом институте русский язык (в двух старших классах) с 10 марта по 1 ноября 1838 г. (В. Якушкин. Новые материалы для биографии В. Г. Белинского.— «Русская старина», 1900, № 5, стр. 417—422).

20 Павел Дмитриевич Козловский, кн., отставной прапорщик, был инспектором Межевого института с осени 1836 по осень 1838 гг. (см. А. Апухтин. Очерк истории Константиновского Межевого института, СПб., 1879, стр. 44 и 51). Белинский познакомился с ним не позже середины 1837 г. (первое упоминание о нем в письме к Бакунину от 15—21 ноября 1837 г.— «Письма», I, 161). О доброте Козловского и дружбе с ним Белинский постоянно упоминает в своих письмах 1838 г. («Письма», I, 180, 188, 214). Дружеские отношения между ними сохранились надолго. В апреле—июне 1841 г. Козловский гостил у Белинского в Петербурге («Письма», II, 238, 242—243, 253). И. И. Панаев писал в «Литературных воспоминаниях» (М.— Л., «Academia», 1928, стр. 411): «... Белинский привязывал к себе не только людей мыслящих, вполне понимавших его и разумно ему сочувствовавших, но и людей самых не хитрых, не имевших никакого понятия об отвлеченных предметах <...> К нему привязался некто князь К<озловск>ий, человек очень слабый духом, но геркулес по физической силе: он ломал кочерги, свертывал в трубку целковые и тому подобное... Князь Козловский ухаживал за Белинским во время пребывания своего в Петербурге, как нянька за ребенком, и всякий день на столе Белинского появлялись какие-нибудь сюрпризы: то окорок ветчины, то какая-нибудь необыкновенная колбаса, то бутылка бургонского.

Князь Козловский отправился потом в Крым вместе с князем А. Н. Голицыным, который и умер на его руках. Голицын завещал ему кое-какие вещи, и Козловский, возвратившись в Петербург, все их раздарил Белинскому и его друзьям».

Козловскому принадлежал портрет Белинского работы Н. Мартынова, 1838 г. (см. наст. том, стр. 374).

[21] Николай Мартынов. См. о нем в наст. томе, стр. 374. О похищении Мартыновым стихов Красова Белинский сообщал дважды И. И. Панаеву (22 и 25 февраля 1839 г.): «... у меня украдена учеником Межевого института, некиим М., тетрадь стихов Красова и попала в руки Сенковского, который и распоряжается ею, как своею собственностью» («Письма», I, 314 и 315).

[22] Стихотворения Красова были напечатаны О. И. Сенковским в «Библиотеке для чтения» за 1839 г. (т. XXXII, кн. 1 и 2). В первом случае он поставил под ними имя Бернета, незначительного поэта того времени. Во втором — напечатал их как произведения неизвестного автора с примечанием, в котором было сказано, что редакция «получила в прошедшем году тетрадь прекрасных стихотворений без подписи» (кн. 2, стр. 55). На эту тему Белинский выступил даже в печати. В статье «Русские журналы» («Московский наблюдатель», 1839, № 3) он писал: «у нас была тетрадь его ⟨Красова⟩ стихов (единственный экземпляр), и мы были уполномочены поэтом брать из нее что нам угодно ⟨...⟩ Вдруг редакция „Наблюдателя" потеряла эту тетрадь, единственный список стихотворений, писанных в продолжение нескольких лет. Вероятно, тот, кому тетрадь попалась в руки, переслал ее в редакцию „Библиотеки"» (IV, 213—214). А в «Журнальной заметке» («Московский наблюдатель», 1839, № 2) Белинский упоминает об одном стихотворении Красова, напечатанном в № 1 «Библиотеки для чтения», и, отводя подозрения в плагиате от поэта Бернета, добавляет: «Скорее всего, это дело „Библиотеки", которая никогда не стесняла себя законами собственности, когда дело шло о чужих статьях» (IV, 123).

[23] «...оказал отличные способности к преподаванию» («Русская старина», 1900, апрель, стр. 418). См. также «Лит. наследство», т. 56, стр. 115—116.

[24] «Вестник Европы», 1869, апрель, стр. 695—729.

[25] «М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», СПб., 1912, т. III, стр. 39.

[26] Там же, стр. 57.

[27] Прибавления к «Воспоминаниям о Белинском».— И. С. Тургенев. Соч., т. XII, М.— Л., ГИЗ, 1934, стр. 431.

[28] См. в настоящем томе, стр. 322—325 подробности, связанные с выполнением предсмертного желания Тургенева.

[29] Иванов имеет в виду воспоминания И. И. Лажечникова о Белинском, опубликованные в «Московском вестнике», 1859, XVII. В своих «Сообщениях при чтении биографии В. Г. Белинского» (А. Н. Пыпина), датированных ноябрем 1875 г. («Письма», III, 404—420), Иванов возражает Лажечникову по поводу характеристики гимназического периода жизни Белинского.

[30] Письма Белинского к Грановскому до нас не дошли.

[31] В пыпинском собрании писем Белинского, положенном в основу издания писем критика под ред. Е. А. Ляцкого (1914), было всего 65 писем к В. П. Боткину.

[32] Об этой тетради см. в настоящем томе, стр. 285.

[33] «Пятидесятилетний дядюшка, или странная болезнь. Драма в пяти действиях». Впервые была опубликована с пред. А. С. Полякова в 1923 г. (Пг., изд-во «Путь к знанию»).

[34] Письма К. Д. Кавелина к Пыпину от 22 апреля 1873 г., 9 августа 1875 г. и без даты ⟨1875 г.⟩ напечатаны в сб. «Из переписки деятелей Академии Наук», Л., 1925, стр. 73—76.

[35] «„Радищевский музей" А. П. Боголюбова» («Вестник Европы», 1881, I, стр. 411—421) и «Открытие Радищевского музея» («Вестник Европы», 1885, VIII, стр. 836—844). См. также заметку Г. Кожевникова «Портрет, посмертная маска и карандаш В. Г. Белинского» — газ. «Коммунист», Саратов, 1948, № 107 от 30 мая.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О М. В. БЕЛИНСКОЙ

Сообщение Р. Заборовой

Недоброжелательное, а временами и открыто враждебное отношение большинства друзей Белинского к его жене—Марье Васильевне, рожд. Орловой (1812—1890), способствовало тому, что о ней установилось чрезвычайно одностороннее мнение как о женщине ограниченной и якобы недостойной своего мужа. Характерно, что до самой смерти М. В. Белинской в 1890 г. ни один из биографов Белинского не счел нужным обратиться к ней за подробностями о Белинском, хотя она могла значительно обогатить ценнейшими сведениями недостаточно изученную биографию критика.

Публикуемые ниже документы, относящиеся к 1860—1883 гг., создают о М. В. Белинской представление как о натуре незаурядной, женщине глубоко принципиальной, с сильным характером, предельно скромной и всей душой преданной памяти покойного мужа. Оказавшись после смерти Белинского в совершенной нищете, с маленькими детьми на руках, Марья Васильевна поступила кастеляншей в Московский Александровский институт, где она до замужества служила классной дамой, на жалкое жалованье. Жена великого критика, больная сама и с болезненной дочерью, жила впроголодь, в комнате, до того холодной, что вода иногда замерзала в графине[1].

Только в феврале 1860 г., т. е. через 12 лет после смерти критика, ей была назначена пенсия незадолго до того организованным Литературным фондом. В «Журнале заседаний Комитета Литературного фонда» от 15 января 1860 г. имеется следующая запись: «1. Секретарь общества А. Д. Галахов предложил Комитету оказать вспомоществование семейству покойного В. Г. Белинского, которому так много одолжена русская литература тридцатых и сороковых годов. Семейство это состоит из жены, занимающей место кастелянши в Московском Александровском училище и получающей весьма небольшое жалованье, и дочери 13 или 14 лет, имеющей надобность в приличном воспитании.

Комитет поручил г. Галахову собрать точные сведения о получаемом вдовою Белинского содержании от правительства, имеет ли она действительную нужду в пособии и если имеет, то пожелает ли еще принять оное».

На заседании Комитета Фонда от 17 февраля был окончательно решен вопрос о назначении пенсии:

«1) Секретарь общества А. Д. Галахов, которому, по определению Комитета (в заседании его 15-го января 1860-го), поручено было собрать сведения о положении семейства покойного В. Г. Белинского, представил полученные им письма как от самой вдовы Белинского, Марии Васильевны, так и от членов общества, находящихся в Москве: Н. Х. Кетчера, И. Е. Забелина, И. К. Бабста, Е. Ф. Корша и Н. М. Щепкина. В этих письмах значится: а) М. В. Белинская служит кастеляншей в Московском Александровском училище и получает жалованья 145 р. с. в год, которое не может обеспечить даже самых необходимых потребностей жизни; б) при Марье Васильевне находится дочь 14 лет, имеющая нужду в приличном воспитании, достойном имени и памяти отца её; в) здоровье Марьи Васильевны находится в совершенно расстроенном состоянии, что еще более беспокоит ее относительно воспитания и будущей судьбы ее дочери.

Определено: Комитет, принимая во внимание особенные, выходящие из ряда обыкновенных заслуги покойного В. Г. Белинского литературе, на основании § 10 уст<ава>, назначил вдове его, Марье Васильевне Белинской, постоянное пособие, т. е. ежегодную пенсию в шестьсот рублей, которую и положил выдавать за каждую треть года вперед, начиная с 1-го марта 1860 года. При сем определено написать г-же Белинской, что, независимо от этого постоянного пособия, Комитет считает своей обязанностью в случае какой-либо ее нужды всегда поспешить к ней на помощь»[2].

Этой привилегией М. В. Белинская ни разу не воспользовалась, хотя болезненное состояние ее и дочери требовало дорогостоящего лечения за границей. Она продолжала служить кастеляншей до 1866 г.

В архиве Литературного фонда, среди разных официальных бумаг, касающихся вспомоществования Белинской, имеется только одна просьба М. В. Белинской о пересылке ей денег по новому адресу. Адресована она казначею Литературного фонда Борису Исааковичу Утину (1832—1872):

«Милостивый государь Борис Исаакиевич, сделайте одолжение, перешлите следующую мне пенсию от июля до ноября 1864 г. не в Москву, как Вы высылали прежде, а в Гапсаль, Эстляндской губернии, дом Грюнберг, М. В. Белинской; я теперь в отпуску в Гапсале, пользуюсь морскими ваннами, а в следующий раз прошу Вас попрежнему высылать мне пенсию в Москву, в Александровский институт.

Готовая к услугам
Марья Белинская

24 июня 1864 г.»[3]

Предпринятое К. Т. Солдатенковым и Н. М. Щепкиным в 1859—1862 гг. издание сочинений Белинского значительно поправило материальное положение М. В. Белинской. В июле 1865 г., получив предоставленный ей издателями доход с издания, она обратилась в Литературный фонд с заявлением, в котором благородно отказывалась от половины выдаваемой ей пенсии — «для того, чтобы другие неимущие литераторы и их семейства могли пользоваться остальною половиной». Приводим текст ее письма, адресованного на имя председателя Литературного фонда Е. П. Ковалевского (1809—1868):

«Милостивый государь
Егор Петрович.

В 1859 году, когда я находилась в стесненных обстоятельствах, Комитет Общества для пособия литераторам и ученым назначил мне такую ежегодную пенсию, которая превзошла мои ожидания. Она доставила мне возможность поправить свое здоровье и дать приличное воспитание дочери, как того желал ее покойный отец. Теперь средства к существованию моему улучшились, и хотя их нельзя еще назвать цветущими, однакоже я считаю долгом отказаться от половины назначенного мне ежегодного пособия, чтобы другие неимущие литераторы и их семейства могли пользоваться остальною половиной.

Позвольте мне прибавить, что я готова отказаться и от всей пенсии, если это найдет нужным Комитет, к которому я всегда сохраню глубочайшую благодарность за пособие, которым я пользовалась в течение почти шести лет.

Примите, Ваше превосходительство, уверение в совершенном почтении и чувствительной благодарности

Вашей покорнейшей к услугам
Марьи Белинской

1865 г. Июля 30»[4]

Сверху рукой Е. П. Ковалевского написано: «2 августа 1865. Высылать половину пенсии».

Эта резолюция явилась следствием обсуждения письма в Комитете 2 августа 1865 г., в журнале которого значится:

«Слушали:

1. Письмо г-жи Белинской, в котором она сообщает, что положение дел ее улучшилось, что воспитание дочери, на которое в особенности выдавалась пенсия, окончено, благодарит за оказанное ей пособие и просит сократить пенсию на половину, а в случае затруднительного положения фонда и вовсе прекратить выдачу ее.

Определили: принимая в соображение все обстоятельства г-жи Белинской, сократить пенсию, согласно ее желанию, на половину»[5].

М. В. БЕЛИНСКАЯ
Фотография 1860-х гг.
Литературный музей, Москва

В черновике «Отчета о пособиях, оказанных Обществом в течение 1865 г.» сообщение об этом было тщательно выправлено Е. П. Ковалевским. Отчет представлялся министру народного просвещения Д. А. Толстому, который незадолго до того хотел закрыть Литературный фонд за попытку поддержать ссылаемого в Сибирь Н. А. Серно-Соловьевича. Сначала секретарем — С. П. Щепкиным было написано: «Пенсия вдове Белинской по ее просьбе вследствие улучшившегося ее положения сокращена на половину, т. е. на 300 р.». Это не было полным отчетом о просьбе Белинской, предоставлявшей Литературному фонду возможность совершенно лишить ее пенсии. Поправки, сделанные Е. П. Ковалевским, превратили эту фразу с упоминанием опасного

имени в еще более бесцветную, не бросающуюся в глаза канцелярскую формулу о том, что «пенсия вдове Белинской, согласно с ее заявлением об ее улучшившихся обстоятельствах, сокращена на половину, т. е. на 300 руб.»[6]. Эту половинную пенсию М. В. Белинская получала до конца своей жизни, и пометой о пожизненном пользовании ею кончается дело «О выдаче вдове В. Г. Белинского постоянного пособия».

Представляет немалый интерес обращение М. В. Белинской к Н. М. Щепкину (1820—1886) от 17 марта 1862 г., в котором она горячо протестует против намерения воздвигнуть общий памятник Белинскому и Добролюбову, незадолго до того скончавшемуся и похороненному рядом с Белинским:

«Милостивый государь
Николай Михайлович.

Вы говорили, да я и сама читала в журнале, что петербуржцы придумали поставить один памятник Виссариону Григорьевичу с Добролюбовым. Прошу Вас, сделайте одолжение, постарайтесь всеми силами воспротивиться исполнению такой нелепой идеи: неужели Белинский не заслужил даже особенной могилы, чтоб его прятать под один камень с Добролюбовым?

Если мое мнение в этом деле хоть что-нибудь значит, то я нахожу необходимым высказать его откровенно: мне кажется неприлично, даже обидно Белинскому, который жил и умер бедняком, лежать под богатым памятником; идея решетки тоже не совсем удачна: огородить можно не более как аршин в ширину и $2^{1}/_{2}$ ар⟨шина⟩ в длину, так близко со всех сторон подходят другие могилы — что же это будет за клетка? И зачем же после смерти сажать в клетку того человека, которого ум и воля при жизни постоянно были в клетке?

Из 600 руб⟨лей⟩, собранных на памятник Вис⟨сариону⟩ Гр⟨игорьевичу⟩, нельзя иметь такую стипендию, как в память Грановского, но можно в нынешнем мае, когда будут поступать в университет студенты, за троих из них, самых бедных, внести по 50 рублей, а так как курс продолжается четыре года, то на эти 600 рублей они могут в память Белинского получить образование. Неужели это хуже куска мрамора?

Вы часто видаетесь с Кетчером, переговорите, пожалуйста, с ним об этом.

Мой сердечный привет Александре Владимировне и горячий поцелуй Николаю второму ⟨т. е. жене и сыну Н. М. Щепкина⟩.

Если бы Вы, Николай Михайлович, уладили это дело по моему желанию, Вы этим очень бы утешили

душевно уважающую Вас
Марью Белинскую[7].

17 марта 1862».

В 1883 г., после смерти И. С. Тургенева, М. В. Белинской снова пришлось решительно выступить против посягательств на могилу ее мужа.

В. П. Гаевский, Н. С. Таганцев, В. Д. Спасович и М. М. Стасюлевич, члены комиссии по устройству похорон Тургенева, совместно с Б. И. Утиным и П. А. Гайдебуровым, руководствуясь сообщением А. В. Топорова о том, что Тургенев просил «перевезти его, мертвого, в Россию и похоронить на Смоленском ⟨описка: Волковом⟩ кладбище возле Белинского»[8], 10 сентября после панихиды собрались на Волковом кладбище выбрать место для погребения Тургенева. Возле Белинского место было занято могилой Добролюбова, но по распоряжению ранее приехавшего Григоровича памятник Добролюбова был сдвинут, и могила для Тургенева уже вырыта. Несмотря на это, друзья Тургенева, готовившие торжественные похороны с возложением венков и речами, нашли место недостаточно почетным и объявили, что похоронят Тургенева у самой соборной церкви. Для осуществления воли покойного было куплено все свободное пространство — на десять могил за 1500 рублей, причем решено было перенести сюда же прах Белинского и Добролюбова[9].

15 сентября в «Русских ведомостях» появилось сообщение о том, что «могила Тургенева на Волковом кладбище выбрана около соборной церкви. Чтоб исполнить желание покойного, предполагается перенести туда же гроб Белинского»[10]. М. В. Белинская, прочитав это известие, пришла в страшное волнение и немедленно отправила протест

АВТОГРАФ ПИСЬМА М. В. БЕЛИНСКОЙ К В. П. ГАЕВСКОМУ ОТ 22 СЕНТЯБРЯ 1883 г. С ПРОТЕСТОМ ПРОТИВ ПРЕДПОЛАГАВШЕГОСЯ ПЕРЕНЕСЕНИЯ ПРАХА БЕЛИНСКОГО

Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

в Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым[11]. Приводим его полностью:

«15 сентября в „Русских ведомостях“ было напечатано, что предполагают перенести прах В. Г. Белинского на другое место. Что же переносить-то будут?

Другое дело, если б он похоронен был в свинцовом гробе, а от дощатого гроба в продолжение 35 лет и в такой сырой местности, как Волково кладбище, не могло остаться и щепочки.

Общество пособия литераторам и ученым в этом деле имеет голос предпочтительнее перед всеми прочими, поэтому умоляю Вас употребить все зависящие от Вас средства, чтоб воспрепятствовать подобному решению, как святотатству, и неужели же и по смерти не оставят в покое того, кто всю жизнь был мучеником? Неужели же, чтоб чествовать одного, необходимо оскорблять другого?

Если И. С. Тургенев желал быть похороненным возле приятеля своего Белинского, то и пусть исполнят желание его буквально. Тургенев не хотел и не требовал, чтоб тревожили прах его друга. Обыкновенно, когда переносят прах усопшего, то берут во внимание волю и желание близких родственников, и я, как вдова Виссариона Григорьевича, протестую против перенесения его праха: теперь, по крайней мере по памятнику, который я над ним поставила, все почитатели его знают и посещают его могилу, чему доказательством служат постоянные венки на ней*, а тогда место, где был похоронен Белинский, будет забыто и затеряно навсегда.

Если Вы найдете мое заявление неуместным, то значит Вы не хотите понять чувства глубокой скорби, овладевшей мною.

Примите уверение в истинном почтении

Марьи Белинской

Москва, Большая Бронная,
дом Андреева, № 21-й»[12].

Для ответа письмо было передано В. П. Гаевскому, как главному устроителю похорон И. С. Тургенева.

В дневнике, хранящемся в его архиве, под 19 сентября 1883 г. записано: «Получено письмо М. В. Белинской, которая умоляет общество употребить все средства, чтоб воспрепятствовать перенесению его праха», а под 20 сентября — что он «послал Белинской успокоительное письмо и просил ее о доставлении писем Тургенева к ее мужу»[13]. Гаевский, очевидно, убеждал Белинскую согласиться на перенос праха Белинского, ссылаясь на то, что место, где он похоронен, «и бедно и неказисто». Белинская в ответном письме настойчиво и твердо заявляет о своем неизменном желании оставить прах там, где он находился, справедливо возмущаясь бесцеремонными и оскорбительными действиями либеральных друзей Тургенева:

«Милостивый государь
Виктор Павлович,

Желание мое и решение неизменны. Пусть прах Виссариона Григорьевича остается там, где покоился 35 лет, истинные же поклонники его и там сумеют найти его могилу, а что место, где он похоронен, и бедно и неказисто, то это не только не вредит, напротив больше идет к тому, кто не имел удачи ни при жизни, ни по смерти. Если бы в продолжение 35-ти лет воспитали хотя одного бедного ребенка в память Белинского, то этим гораздо больше почтили бы память покойного, и это было бы больше в духе Виссариона Григорьевича, чем все предполагаемые овации и манифестации, а впрочем если есть усердие и желание поставить Белинскому памятник, то пусть делают это где угодно, только не тревожили бы его могилы: для других это вопрос тщеславия, для меня — святыня.

---

* По моему заказу его ставил монументальный мастер Долгин в июне 66-го года, от него я имею и расписку и рисунок памятника, а прежде этого памятника мною же был поставлен простой серый камень; живя в Москве, я все сделала, чтоб могила В⟨иссариона⟩ Г⟨ригорьевича⟩ не была затеряна.

Писем от Ивана Сергеевича Тургенева к Виссариону Григорьевичу было очень немного, потому что все время знакомства они жили в одном месте и часто видались не по одному, а и по два раза в день: с 43-го по 47-й год в Петербурге, а весну и лето 47-го года за границей.

Все письма к Виссариону Григорьевичу от его знакомых и родных и все оставшиеся после смерти его бумаги во время издания его сочинений я передала Николаю Христофоровичу Кетчеру, а он и до сих пор не возвратил мне их, несмотря на мои неоднократные напоминания об этом.

Примите уверение в истинном почтении

Марьи Белинской

Москва,
22 сентября 1883 г.»[14]

Письмо это было получено Гаевским 25 сентября. В тот же день он записывает в своем дневнике: «Белинской я никогда не видал, но, по отзывам знавших ее, она препротивная и отравляла последние годы жизни мужа. По словам М. А. Языкова, он много терпел от нее, но никому этого не показывал». Далее Гаевский приводит грубую эпиграмму на М. В. Белинскую, якобы написанную Тургеневым и полученную Гаевским также от М. А. Языкова[15].

За неприкосновенность могилы Добролюбова, гроб которого устроители похорон Тургенева также вознамерились перенести вместе с гробом Белинского в более «благородную» часть кладбища, вступился М. А. Антонович, в длинном письме от 18 сентября 1883 г. умолявший А. Н. Пыпина воспрепятствовать «чудовищной затее нескольких непризванных господ, самозванных литературных старейшин, которые дерзают нарушать покой дорогого для нас праха и под видом оказания ему любезности оскорбляют и унижают его... делают Добролюбову честь, переводят гроб его из пятого разряда в первый, из плебейской части в аристократическую... в угоду и во уважение к третьему лицу». Выражая мнение демократов-разночинцев и в первую очередь Н. Г. Чернышевского, он, как и М. В. Белинская, возмущался намерением перенести на аристократическую часть кладбища того, кому «место не среди знатного богатства, а среди отверженной бедности...»[16]

Своим энергичным вмешательством М. В. Белинская сумела отстоять от бесцеремонных и оскорбительных посягательств неприкосновенность могилы великого плебея Белинского — могилы, столь дорогой русскому народу.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Е. Семенов. «Беседа с дочерью В. Г. Белинского». — «Новости», 1898, № 108 от 21 апреля/3 мая.

В начале 1849 г. Мария Владимировна Станкевич сообщала из Москвы своим братьям:

«... Жена Белинского здесь с двумя детьми ‹дочерями Ольгой, родившейся в 1845 г., и Верой, родившейся в ноябре 1848 г. и вскоре умершей›. Ей дали в Институте должность кастелянши с 300 р. асс. жалованья в год. Маленькому ребенку только несколько месяцев! Мне очень хочется их видеть. Наталья ‹Беер› говорит, что ее обстоятельства так плохи, что она готова решиться расстаться с детьми!! Это не совсем вероятно, потому что в ее пользу была сделана подписка на ежегодное пожертвование» (Не издано. Автограф. ЛБ. Из бумаг Станкевичей (М. 8421/36). — Сообщено Л. Р. Ланским).

[2] Гос. публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Отдел рукописей. Архив Литературного фонда, № 1, лл. 25—25 об., 39—39 об.

[3] Там же, № 23, л. 23.

[4] Там же, № 15, л. 110—110 об.

[5] Там же, № 3, л. 18.

[6] Там же, № 17, л. 6 об.

[7] Институт русской литературы АН СССР. Архив. Шифр — 3115. IX. С. 138.

[8] Письмо А. В. Топорова к М. М. Стасюлевичу от 18/30 июля 1883 г. — в кн. «М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», т. III, СПб., 1912, стр. 262.

[9] См. об этом публикацию Г. Никольской «Из дневника В. П. Гаевского». — «Красный архив», 1940, № 3, стр. 230.

[10] «Русские ведомости», 1883, № 253.

[11] 16 сентября М. В. Белинской была также отправлена телеграмма на имя петербургского митрополита Исидора, с мольбой о запрещении переноса праха Белинского (Институт русской литературы АН СССР. Архив, ф. 377).

[12] Отдел рукописей ГПБ. Архив В. П. Гаевского, № 24.

[13] «Из дневника В. П. Гаевского». — «Красный архив», 1940, № 3, стр. 231. Гаевский был редактором «Первого собрания писем Тургенева», изданного Литературным фондом в 1884 г.

[14] Отдел рукописей ГПБ. Архив В. П. Гаевского, № 24. Несколько строк из этого письма передала, перефразировав их, А. В. Орлова в письме в редакцию «Русского богатства» («Русское богатство», 1895, № 2, стр. 180) и в своих воспоминаниях (см. «В. Г. Белинский в воспоминаниях современников», М., 1948, стр. 408).

[15] Там же, № 316, л. 4. Ср. «Звенья», I, 1932, стр. 187—194.

[16] Отдел рукописей ГПБ. Архив А. Н. Пыпина, п. «М».

БЕЛИНСКИЙ И РУССКАЯ РЕАЛИСТИЧЕСКАЯ ИЛЛЮСТРАЦИЯ 1840-х ГОДОВ

Статья Д. Чаушанского

Годы литературной деятельности Белинского совпадают с тем замечательным периодом, который ознаменован в истории русской литературы блестящим развитием «натуральной школы» и который в то же время открывает новую страницу и в истории русской книжной иллюстрации. Иллюстрация перестает быть в 1840-х годах только нарядной спутницей текста, его изящным украшением, но превращается в подлинную соратницу писателя, призванную наглядно, верно, остро истолковать читателю литературный текст. Из картинки, часто изготовленной руками зарубежного гравера, как это имело место в 1830-х годах, иллюстрация становится во многих случаях верным отражением русской жизни. Даже самое слово «иллюстрация» в смысле изобразительного комментария к тексту, изобразительного сопровождения текста, впервые получает право гражданства лишь в 1840-х годах. В эти годы книжная иллюстрация впервые становится также участницей и литературной полемики (имевшей, по существу, в тогдашних условиях, политическое значение).

Постоянный большой и принципиальный интерес Белинского к книжной иллюстрации особенно сказывается в его многочисленных отзывах о ней. Белинский придавал большое значение иллюстрации как понятному, доходчивому, убедительному средству эмоционального воздействия на читателя. Поэтому естественно, что борьба Белинского за утверждение критического реализма в литературе распространяется и на иллюстрацию.

Замечательно, что критические отзывы Белинского касаются почти всех сколько-нибудь значительных по художественному качеству иллюстрированных изданий 1840-х годов, отмечая тем самым все фазы развития русской реалистической иллюстрации этого десятилетия, помогая разобраться в сложных взаимоотношениях не только литературных, но и художественных группировок и вместе с тем правильно оценить отдельные крупные явления книжной графики.

Русские книжные и журнальные иллюстрации 1840-х годов представляют собой, как правило, либо оригинальные гравюры на дереве, либо так называемые политипажи (литография применялась лишь изредка). Политипаж — это копия деревянной доски оригинальной гравюры, отлитая из гарта (особого металлического сплава). Подобную копию можно было отлить в любом количестве экземпляров. Оттиск с политипажа чуть грубее оттиска с деревянной доски, но это качественное различие для публики обычно терялось, и словом «политипаж» в 1840-х годах принято было называть также оригинальную гравюру на дереве (и оттиски с нее). В лучших русских изданиях 1840-х годов оригинальные иллюстрации русских художников печатались обычно с подлинных досок; в переводных иллюстрированных книгах и в журналах использовались политипажи.

Чтобы уяснить себе ту коренную перемену, которую внесла гравюра на дереве и ее более дешевый суррогат — политипаж в структуру книги, надо хотя бы бегло ознакомиться с общим обликом русской иллюстрированной книги конца 1830-х годов.

В 1830-е годы наиболее распространенным видом книжной иллюстрации были гравюры на меди и на стали. Гравюры на стали, позволявшие печатать оттиски особенно большим тиражом, изготовлялись за границей. Работы академика К. Я. Афанасьева, впервые начавшего у нас (в 1838 г.) гравировать на стали, были еще единичным явлением.

В «Художественной газете» Н. Кукольника за 1838 год (№№ 19—24) читаем: «Что-то странное случилось в нашей литературе и художественных изданиях. Все мы, издатели, отправились за картинками в Лондон и Париж и едва ли не в накладе».

Мода на гравюру на стали, охватившая всю Европу, заставила наших издателей (преимущественно издателей литературных альманахов) посылать оригиналы иллюстраций для гравирования за-море. Не пугало их то, что стоимость издания удорожалась от дальней пересылки досок — книга печаталась для богатого покупателя из дворянско-помещичьей среды, искавшего в ней прежде всего иноземную новинку. Такой покупатель готов был оплатить и все накладные расходы.

Тематика этих гравюр обычно отражала чужой быт, чужую природу: «Подумать страшно, сколько любопытного каждый день медленно умирает для потомства в обширных пределах империи, а мы перепечатываем в 1 000 001 раз крепость св. Ангела в Риме, церковь Петра, Фингалову пещеру и Везувий», — писала «Художественная газета» в 1837 г. (№ 2).

Наша оригинальная книжная иллюстрация в 1830-х годах слабо отражала окружающую жизнь и находилась под сильным влиянием романтизма. Художники романтики (А. П. Брюллов, С. Ф. Галактионов и др.) иллюстрировали преимущественно Державина, Батюшкова, а из произведений Пушкина отбирали то, с чем легче всего было связать навыки и традиции романтической школы. Первенцы русского реалистического рассказа — «Повести Белкина», «Старосветские помещики», «Коляска», появившиеся в 1830-х годах, не привлекали внимания художников.

Альманах «Сто русских литераторов» — типичное иллюстрированное издание этого времени.

В первом томе, вышедшем в 1839 г. (гравюры на стали для этого тома были по оригиналам русских художников заказаны в Лондоне), из десяти «картин» (так были названы иллюстрации в самом издании) лишь две отдаленно напоминали современную русскую жизнь. То были иллюстрации К. А. Зеленцова к рассказу «Приезд вице-губернатора» и А. П. Сапожникова к рассказу «Маруся»; все остальное — фантастические или далекие от реальной жизни картинки.

Серьезным конкурентом для русской иллюстрированной книги 1830-х и отчасти 1840-х годов была иностранная иллюстрированная книга.

Широко поставленная продажа иностранных книг в Петербурге и Москве (разумеется, книг, разрешенных цензурой) позволяла с очень незначительным запозданием по сравнению с Парижем доставать почти любую иллюстрированную книжную новинку в тех же разновидностях издания и по той же цене, что и в Париже. Французомания же высших кругов общества в те годы была явлением общеизвестным. «Не ищите родных вдохновений в петербургских залах, где танцуют и говорят по-французски»,— писал В. А. Соллогуб в своем «Тарантасе»[1]. «Наша умная и добрая русская публика (т. е. аристократы, помещики, чиновники высоких рангов.— *Д. Ч.*) вовсе перестает читать по-русски <...> занимательное и легкое чтение на даче или в деревне в ясное утро, после прогулки или в пасмурный вечер гораздо лучше вышивания или виста»,— писала «Северная пчела» (№ 130 за 1840 г.) в своем отзыве о первом томе известного издания Кюрмера «Les Français peints par eux-mêmes» (Paris, 1840), только что появившемся в Петербурге.

Но наряду с ввозимой к нам иностранной, главным образом французской, иллюстрированной книгой заметным явлением на русском книжном рынке конца 1830-х — начала 40-х годов становится и переводная книга, изданная на русском языке, но с иностранными политипажами. Эти политипажи, получавшиеся, главным образом, из Парижа, и составляли главную приманку подобных изданий. Сами же издания предназначались, в основном, для более широкой публики, чем та, которую имела в виду булгаринская «Северная пчела» в приведенном выше отзыве.

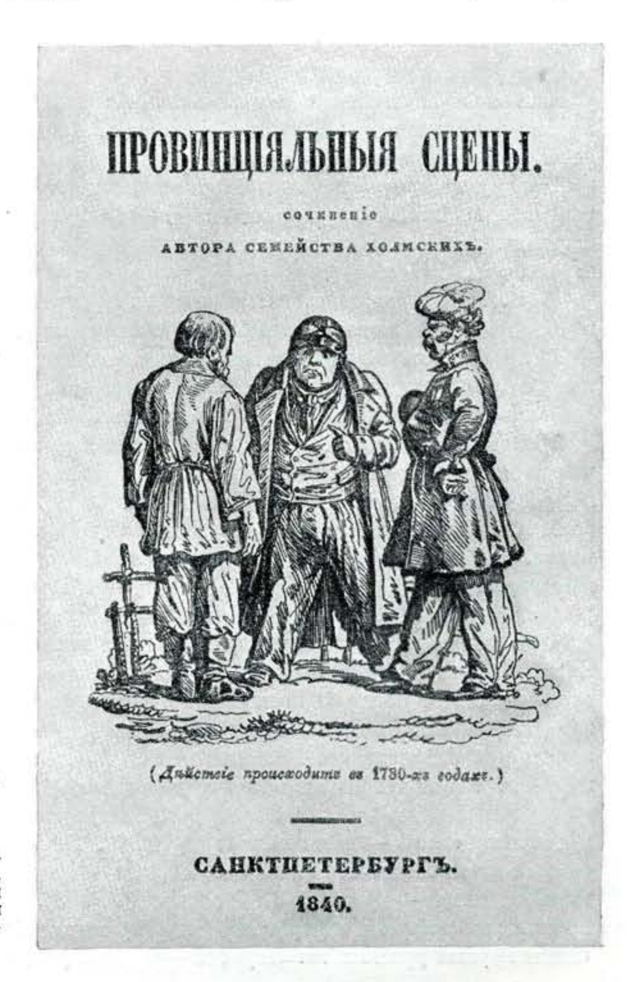
Такой первой по времени книгой с иностранными политипажами был у нас перевод «Дон Кихота» (СПб., 1838). Издание должно было составить четыре тома и выходить в свет — совсем как в Париже — отдельными выпусками. Вышел, однако, лишь первый том.

За «Дон Кихотом» последовало множество аналогичных «политипажных» изданий: «История императора Наполеона». С 500 рисунками Горация Верпета. СПб., 1840; «Жизнь и приключения Робинзона Крузо» Д. Дефо. С илл. Гранвиля. СПб., 1839; «Волшебные сказки для детей». СПб., 1839, ряд «Физиологий» и т. п.

Однако расчеты наших издателей на распространение переводных книг с политипажами в обычной для модной иллюстрированной книги среде в большинстве случаев не оправдались. Читательская знать предпочитала покупать оригинальные французские издания, благо достать их в Петербурге не составляло труда; для читателей же, заинтересованных в переводах литературных новинок, переводные книжки с политипажами были слишком дороги.

Тем не менее значение политипажа как способа живого, наглядного сопровождения текста, повышающего интерес книги или журнала в глазах широкой публики, стало достаточно ясным для наших передовых писательских кругов; в № 6 «Отечественных записок» за 1843 г. был, например, помещен настоящий дифирамб «политипажу»:

«Что бы ни говорили о политипажах и как бы ни изъявляли им своего презрения, называя их деревяшками, но назначение политипажей велико и вполне достойно стремления нашего века — все обобщать и все делать равно доступным всем и каждому, богатому и бедному. Заохочивая к чтению толпу, политипажи превосходно

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ КНИГИ
Д. Н. БЕГИЧЕВА
«ПРОВИНЦИЯЛЬНЫЕ СЦЕНЫ»,
1840 г.

Гравюра на дереве К. К. Клодта

«Издание очень опрятно и украшено... политипажными картинками, прекрасно исполненными. Картинки сделаны г. Клодтом, в изображении есть оригинальность и много жизни» (из рецензии Белинского)

объясняют текст, давая живое, наглядное понятие то о картине великого мастера, то о многоразличных предметах естествознания и истории. Правда, политипажи далеко еще не достигают своей цели, потому что они пока еще чудовищно дороги для того, чтоб все могли пользоваться ими как пособием для чтения, но не должно забывать, что они еще недавнее изобретение, особливо у нас на Руси, и что близко время, когда сотни художников будут заниматься ими, едва успевая удовлетворять антрепренеров-издателей». Характер этого отзыва подтверждает высказанное предположение, что автором его является Белинский [2].

Неудивительно поэтому, что в самые ближайшие годы гравюра на дереве, или «политипаж», из модной новинки, используемой лишь в качестве своего рода приправы в салонной иллюстрированной книге, превратилась в одно из немаловажных средств в борьбе за утверждение нового, реалистического искусства.

Ведущее литературное течение эпохи — «натуральная школа» — не в живописи и не в станковом рисунке, а именно в книжной графике обрела себе существенного союзника.

Первой в России книгой с оригинальными иллюстрациями, резанными на дереве в Петербурге, был сборник бытовых сцен из чиновничьей жизни «Провинцияльные сцены»—весьма посредственного писателя Д.Н. Бегичева с иллюстрациями К. К. Клодта, лучшего для начала 1840-х годов мастера-ксилографа («Провинцияльные сцены». Сочинение автора «Семейства Холмских», СПб., 1840).

В отзыве об этой книге Белинский отмечает относительно правдивое изображение быта и нравов российского чиновничества. — «Это ⟨...⟩ более или менее верная копия с такой действительности, о которой дай бог всякому порядочному человеку совсем не знать, если только это возможно» (V, 268). Иллюстрации, повидимому, острее чем текст отражали чиновничий мир. О них Белинский писал: «Издание очень опрятно и украшено политипажною виньеткою и четырьмя политипажными картинками, прекрасно исполненными. Картинки сделаны г. Клодтом, в изображении есть оригинальность и много жизни» (там же).

Этот отзыв великого критика напоминает нам о книге, незаслуженно забытой книговедами, об иллюстрированной книге, начинающей славное десятилетие боевой, отстаивающей свою самобытность и независимость русской реалистической иллюстрации.

К. К. Клодт, известный как замечательный гравер на дереве, выступает в этой книге и как не менее замечательный график-рисовальщик.

В превосходно нарисованных сценах вы видите Лежебоку — городничего; замерших перед начальством чинуш на приеме у губернатора; взяточника-письмоводителя в волостной избе; веселящихся чиновников на вечере у помещика.

Таким образом уже первая оригинальная русская «политипажная» книга (выражаясь языком того времени, хотя книга вышла с оригинальными гравюрами на дереве) была тепло встречена Белинским.

В том же 1840 году выходит другая, в отличие от первой обильно иллюстрированная книга. То была первая часть «Сенсаций и замечаний г-жи Курдюковой за границею дан л'этранже». Тамбов ⟨СПб.⟩, 1840, — с иллюстрациями, также рисованными русским художником и резанными на дереве не в Париже, а в Петербурге.

«Эта книга принадлежит к числу самых примечательных явлений типографского мира,— писал о ней Белинский,— она заслуживает величайшего внимания и самых лестных похвал по своим политипажным картинкам и виньеткам,— заслуживает даже мимо содержания, которое приложено к ее картинкам и виньеткам, изобретенным и выполненным превосходно. Вообще вся книга издана с типографской роскошью и изяществом, какие у нас редко можно встретить» (V, 173).

Этот похвальный отзыв Белинского следует адресовать, прежде всего, главному художнику книги — двадцатилетнему В. Ф. Тимму[3], которому суждено было в дальнейшем стать одним из самых популярных и плодовитых наших графиков-иллюстраторов, и затем — граверу К. К. Клодту[4], впоследствии маститому генерал-майору артиллерии, впервые изучившему технику торцовой гравюры на дереве и создавшему кадры первых русских ксилографов—из своих учеников. Текст «Сенсаций», о котором

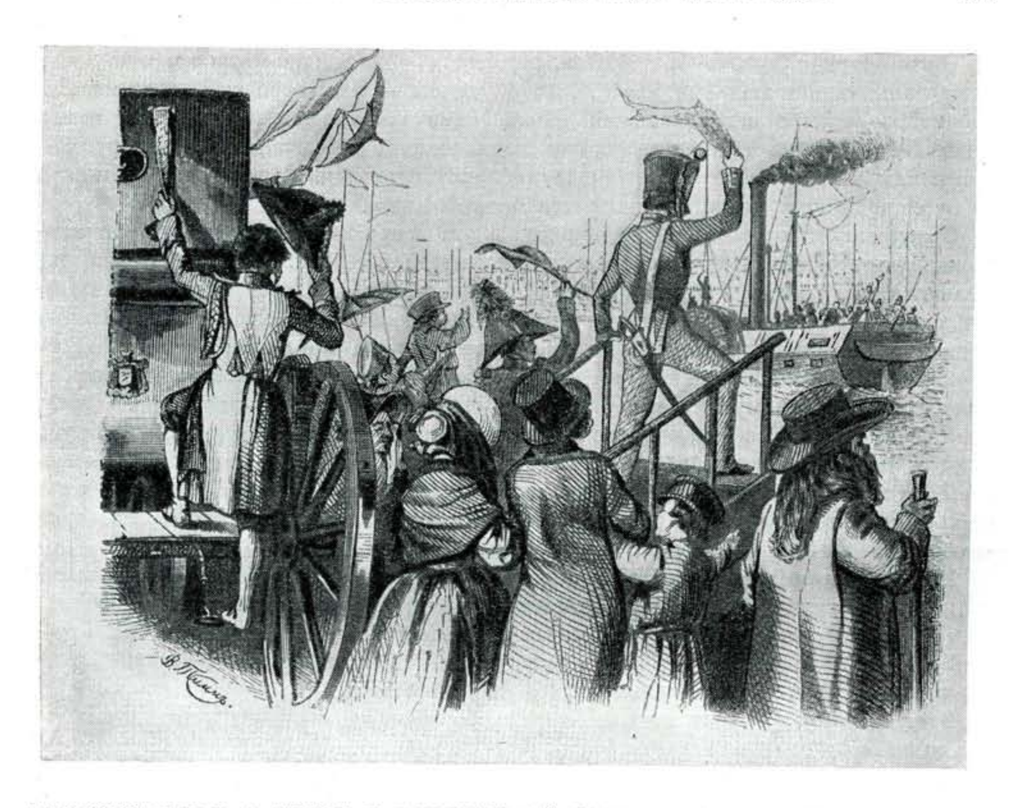

ИЛЛЮСТРАЦИЯ В. Ф. ТИММА К КОМИЧЕСКОЙ ПОЭМЕ И. П. МЯТЛЕВА «СЕНСАЦИИ И ЗАМЕЧАНИЯ Г-ЖИ КУРДЮКОВОЙ ЗА ГРАНИЦЕЮ ДАН Л'ЭТРАНЖЕ», 1840 г.

Гравюра на дереве К. К. Клодта

«Книга... заслуживает величайшего внимания и самых лестных похвал по своим политипажным картинкам и виньеткам... изобретенным и выполненным превосходно» (из рецензии Белинского)

Белинский в рецензии упоминал лишь вскользь, принадлежал перу завсегдатая модных салонов, петербургского острослова, поэта И. П. Мятлева.

Внешность книжки напоминала модные французские политипажные издания, однако на этом сходство и кончалось. При всей «салонности» книжка была русской и, хотя и в безобидной форме, но все же достаточно остроумно высмеивала некоторые стороны помещичьего быта — французоманию, бесцельные скитания «по заграницам». Мелкая, но злободневная тема заставила Тимма в выборе типажа и в изображении бытовых сценок, во множестве рассыпанных в тексте, широко пользоваться натурой. Моделью, кстати сказать, не раз служил сам Мятлев.

Салонная болтовня мадам Курдюковой, конечно, не могла понравиться Белинскому, писавшему в своем первом годовом литературном обзоре «Русская литература в 1840 году»: «для публики — занятие литературою не есть отдохновение от забот жизни, не сладкая дремота в эластических креслах после жирного обеда, за чашкой кофе,— нет, занятие литературою для нас res publica, дело общественное, великое, важное, источник высокого нравственного наслаждения, живых восторгов» (V, 480).

Зато в аристократической среде мятлевская поэма имела по тем временам огромный успех: «Эта комическая поэма ⟨...⟩ вполне заслуживает того блестящего успеха, которым в эту минуту пользуется в петербургских гостиных»,— писала «Библиотека для чтения» (т. 46, 1841. «Литературная летопись»).

Булгарин, со своей стороны, свидетельствовал: «Сочинение это произвело в самом деле большую сенсацию в высшем кругу общества, между литераторами и в постоянном кругу русских читателей ⟨...⟩ книгу эту смело можно назвать лекарством от скуки» («Северная пчела», 1841, № 81, стр. 323).

«Литературная газета» в 1844 г. отметила чрезвычайно интересную для нас деталь: «книга эта, — читаем в № 3 этой газеты, — лежит теперь во всех модных кабинетах рядом с великолепными английскими кипсеками, и мы сами имели несказанное удовольствие слышать, как люди, никогда не заглядывающие в русские книги или заглядывающие очень редко, говорили, перелистывая эту изящную книгу: „в русской литературе иногда являются милые вещи“».

Оригинальная русская «политипажная» книга и оригинальная русская реалистическая иллюстрация 1840-х годов должны были преодолеть, как видим, не только ряд технических трудностей (к числу которых относится создание кадров граверов-ксилографов и печатников иллюстраций), но, кроме того, еще и конкуренцию модной иностранной иллюстрированной книги. В этом преодолении иностранного книжного засилья «Сенсации и замечания г-жи Курдюковой», благодаря превосходному художественному качеству издания, сыграли поистине выдающуюся роль. Книга, во многом обязанная своим успехом талантливым мастерам — Тимму и Клодту, по существу начала собой «политипажное десятилетие», но вместе с тем явилась родоначальницей длинной серии тех «книжек с картинками», в которых текст имел лишь второстепенное значение; книжек, созданных, в сущности, лишь для «любителей легкого и забавного перелистывания».

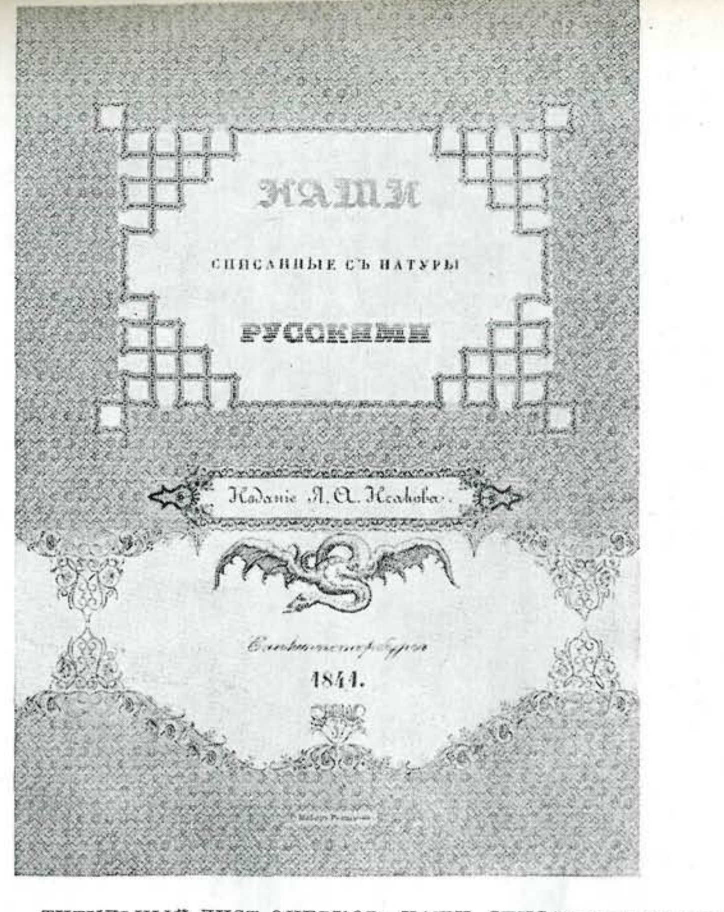
Иной характер носило другое издание с гравюрами на дереве, начавшее выходить в следующем, 1841 г.: «Наши, списанные с натуры русскими». Издателем «Наших» был А. П. Башуцкий (1805—1876), малозначительный писатель и, одновременно, крупный чиновник, инициатор и участник многих замечательных русских изданий, оставивших заметный след в истории нашего книгопечатания.

Башуцкий предполагал вначале перевести с французского и выпустить лишь отдельные очерки из «Les Français...» издания Кюрмера, первый том которых появился в продаже в столичных книжных лавках в 1840 г. Это намерение, однако, было им скоро оставлено. Башуцкий решил иначе использовать счастливо найденную форму французского издания — наполнить ее национальным русским содержанием. Объявляя безденежную подписку на «Наших», Башуцкий писал: «Литературная часть должна представить возможно верные очерки — наших, т. е. русских природных и заемных, но уже усвоенных, прочно укоренившихся нравов, привычек, причуд, странностей; в них должны выразиться мы, с нашим общественным устройством, с нашим бытом, характером, с нашей физиологиею, с нашими качествами и недостатками...» И далее: «Художественной частью ⟨...⟩ ⟨издатели⟩ желают доказать, что ⟨...⟩ русские могут производить прекрасное даже и в том, за что они теперь взялись. Но мы не хотим скрывать, что у нас это соединено с чрезвычайными трудностями»[5].

Основой литературной части «Наших» должен был стать очерк с типизированным изображением представителей разных слоев общества и различных профессий, а сопровождавшие очерки иллюстрации должны были представлять эти же типы, наблюдавшиеся художниками в жизни и с характерным для этих типов бытовым фоном.

Задача была новая и трудная. Русский бытовой злободневный, по тогдашней литературной терминологии—«физиологический», очерк только что зарождался, вскоре, однако, сделавшись одним из важнейших жанров натуральной школы; для иллюстрирования же очерков надо было привлечь ту часть художественной молодежи, которая только что покинула Академию, и по своим художественным установкам была наименее академичной. Тимм, уже зарекомендовавший себя в «Сенсациях» как остроумный и наблюдательный художник, правда, лишь в малой доле коснувшийся русского быта (приключения Курдюковой развертывались за границей), И. С. Щедровский, Т. Г. Шевченко и Е. И. Ковригин[6] были приглашены Башуцким к участию в «Наших, списанных с натуры». Все четверо, как показало дальнейшее, оказались вполне надежными помощниками в таком сложном и нелегком предприятии, как издание «Наших». Гравирование на дереве рисунков Тимма и др. было поручено К. К. Клодту и его ученикам[7].

Белинский дал исчерпывающую характеристику первых выпусков «Наших»: «На обертке „Наших“, — писал Белинский, — недаром сказано: „первое роскошное русское издание“: в самом деле, доселе едва ли кто мог даже мечтать о возможности на

НАШИ,

СПИСАННЫЕ СЪ НАТУРЫ РУССКИМИ.

ъ теченіе непродолжительнаго времени, по двумъ летучимъ извѣстіямъ, помѣщеннымъ въ №№ V и VI *Отеч. Записокъ*, и краткому объявленію, разосланному только въ С. Петербургѣ, это литературно - художественное предпріятіе обратило на себя вниманіе просвѣщенной публики. Всеобщій интересъ, безпрерывные спросы, присылка денегъ изъ Губерній [1]), наконецъ предложенія двухъ извѣстныхъ иностранныхъ литераторовъ переводить выпуски по мѣрѣ появленія, для изданія точно въ такомъ же видѣ во Франціи и въ Германіи, — все свидѣтельствуетъ, что подобной книги не доставало, что намѣренія наши поняты и оцѣнены. — Цѣль предпріятія и способы выполненія.

[1]) Подписка была объявлена *безденежная*, для соображенія, какое число экземп. можетъ разойтись.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ ОЧЕРКОВ «НАШИ, СПИСАННЫЕ С НАТУРЫ РУССКИМИ», ВЫХОДИВШИХ ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. П. БАШУЦКОГО, И ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКЕ НА «ОЧЕРКИ», 1841 г.

«... По изяществу и роскоши „Наши“ не уступают ничьим... „Наши“, как свидетельство наших успехов в деле вкуса и искусства, должны радовать всякое русское сердце» (из рецензии Белинского)

Иллюстрации на объявлении, гравированные К. К. Клодтом с рисунков В. Ф. Тимма, повторяют помещенные в самом издании. Объявление было приложено к первым выпускам «Наших»

Руси подобного издания. Предприимчивый А. П. Башуцкий,— которому принадлежит и первоначальная мысль „Наших" и под редакциею которого теперь идет это издание,— показал на деле, что по части изящно-роскошных изданий мы можем собственными силами и средствами не уступить иногда и самой Европе. В самом деле, „Наши" сколько изящное, столько же и роскошное издание. Рисунки гг. Тима, Щедровского и Шевченко отличаются типической оригинальностью и верностию действительности; резаны они на дереве бароном Клотом, Дерикером[8] и бароном Неттельгорстом[9]: этого слишком достаточно для изящества изданий. Прекрасная бумага (нарочно заказанная на одной из лучших петербургских фабрик), прекрасный шрифт, возможная тщательность в корректуре, в оттисках, отличный вкус, с каким расположены в тексте картинки и виньетки, прелестный, со вкусом сделанный заглавный лист — все это делает издание вполне роскошным. В том и другом отношении по изяществу и роскоши „Наши" не уступают ничьим. Да, „Наши", как свидетельство наших успехов в деле вкуса и искусства, должны радовать всякое русское сердце. И за это честь и слава г. Башуцкому: без его предприимчивости, старательного усердия, практической способности вести всякое дело и сводить для него всевозможных делателей, без его уверенности в возможности на Руси такого издания — мы не увидели бы „Наших" и не могли бы любоваться их изящными политипажами, их роскошным изданием 〈...〉 Что же касается до самого г. Башуцкого,— он хороший литератор, но едва ли типист, живописец с натуры» (XII, 302—303).

В 1-м и 2-м выпусках «Наших» к очерку Башуцкого «Водовоз» были даны иллюстрации Тимма.

В своей рецензии Белинский, уделив основное внимание художественной стороне «Наших», о самом очерке «Водовоз» отозвался как о произведении слабом, в котором отсутствует типическое, и тут же, попутно, в немногих ярких словах сам нарисовал хорошо знакомую всем петербургским жителям фигуру «водовоза».

Отмеченная Белинским на примере очерка «Водовоз» неравноценность литературного текста «Наших» и сопровождавших его иллюстраций составляла характерную особенность этого издания на протяжении почти всех выпусков.

Рисунки с натуры, исполненные для «Наших» Тиммом, Шевченко, Щедровским, Ковригиным, оказывались, как правило, сильнее, правдивее, убедительнее самих очерков, хотя в большинстве случаев были всего лишь непритязательными протокольными зарисовками с натуры, характерными для первой, начальной стадии в развитии нашей реалистической иллюстрации.

Лишь в одном случае Белинский счел восстановленным отсутствовавшее равновесие между рисунком-иллюстрацией и текстом (XII, 371—372). Это касалось очерка В. И. Даля «Уральский казак» (иллюстрированного Тиммом), помещенного в 14-м, последнем выпуске «Наших» (на этом выпуске издание было прервано).

Несмотря на слабый и случайный литературный состав сотрудников «Наших», задача, поставленная Башуцким перед изданием,— быть правдивым отражением общественного устройства и быта, — до некоторой степени сближала его с задачами «натуральной школы». Благодаря включению, хотя и случайному, в издание таких вполне доброкачественных произведений, как очерк В. И. Даля («физиологические очерки» которого не раз вызывали похвалу Белинского), нельзя не признать, что издание Башуцкого все же в какой-то мере явилось предшественником знаменитого некрасовского альманаха «Физиология Петербурга». Очерк Даля, участвовавшего и в некрасовском альманахе, служил как бы связующим звеном между этими двумя изданиями.

Интересен отзыв Булгарина о «Наших». Отмечая отсутствие среди участников издания таких писателей, как Н. Греч, барон Брамбеус (Сенковский), Н. Кукольник, и, конечно, себя самого, Булгарин называет «Наших» — «отражением партии литературной». И, в пику Башуцкому, в противовес его «Водовозу», помещает в «Северной пчеле» своего «Водоноса» (1842, № 11, стр. 43).

«Наши» были первой попыткой издать сборник русских реалистических очерков. Поэтому, несмотря на все литературное несовершенство издания, вопросы его развития и улучшения кровно интересовали Белинского; он пристально следил за «Нашими» и рецензировал выпуск за выпуском.

По 14-му выпуску, содержавшему очерк В. И. Даля «Уральский казак», оцененный Белинским как один из лучших очерков, составляющих содержание «Наших», никак нельзя было предположить близкий крах издания. На обложке этого выпуска издатель сообщал: «издание будет продолжаться в том же виде, полными статьями, при цене, вдвое пониженной 〈...〉 с увеличением числа виньеток и уменьшением прежнего 〈...〉 платежа». Среди перечисляемых статей, находящихся в портфеле редакции, назывались уже отнюдь не легковесные произведения: «Кавказец» Лермонтова, «Русский фельетонист» И. Панаева (опубликованный впоследствии Некрасовым под названием «Петербургский фельетонист» в сборнике «Физиология Петербурга» с замечательными иллюстрациями А. А. Агина) и др. Тем не менее 14-й выпуск был последним.

Белинский, следивший за каждым выпуском «Наших», отозвался и на крах издания. Во «Вступлении» к «Физиологии Петербурга» (ч. 1, СПб., 1845) он писал, что главную причину неуспеха «Наших» следует видеть в «отсутствии верного взгляда на общество, которое все эти издания взялись изображать», иначе говоря, в отсутствии типической верности, составляющей основу физиологического очерка. Но, конечно, были и другие причины. Важной составной частью «Наших» были оригинальные гравюры на дереве. На их дороговизну находим многократные указания в тогдашней печати. «Как ни желали мы,— писал, например, «Русский вестник» в № 2 за 1842 г.,—

ИЛЛЮСТРАЦИЯ ИЗ АЛЬБОМА «ВОТ НАШИ!» И. С. ЩЕДРОВСКОГО

Автолитография, 1845 г.

«Рисунки г. Щедровского во всех отношениях очень хороши; но главное их достоинство в том, что изображенные на них фигуры и лица — действительно русские» (из рецензии Белинского

успеха „Нашим“, но думаем — извините нас, почтенные редактор и издатель „Наших“, — что предприятию вашему не продолжиться: вам дешево продавать нельзя, а публике дорого платить не захочется».

Один из участников «Наших, списанных с натуры» — И. С. Щедровский выпустил в 1845 г. (вторым изданием) свой альбом «„Вот наши!“ С натуры составил и рисовал на камне И. Щедровский». Текста не было. В сравнении с «Нашими» Башуцкого альбом не представлял собой ничего принципиально нового. Он состоял из двадцати прекрасно исполненных, очень верных и правдивых, но критически не заостренных, цветных жанровых иллюстраций, рисованных на камне самим автором. Последнее выгодно отличало альбом от первого издания 1839 г., где рисунки Щедровского, грубовато переведенные на камень литографами Умновым и Белоусовым, были печатаны одним черным цветом. Издание являлось безусловно выдающимся произведением литографского искусства и справедливо привлекло к себе внимание Белинского. Несомненно, что именно Белинскому принадлежит приписываемая ему нижеследующая характерная рецензия:

«„Вот Наши!“ С натуры составил и рисовал на камне И. Щедровский. Печатано в литографии Тюлева. 1845. Портфель первая. Двадцать рисунков.

Под этим заглавием г. Щедровский издал тетрадь с двадцатью рисунками (в полулист), представляющими разные сцены из быта петербургского простонародья. Намерение хорошее, и мы особенно рады тому, что оно и выполнено очень удачно. Рисунки г. Щедровского во всех отношениях очень хороши; но главное их достоинство в том, что изображенные на них фигуры и лица — действительно русские. Печатаны эти рисунки в три тона. К 1847 году г. Щедровский обещает издать и еще такую же тетрадь. Очень рады! Жаль только, что г. Щедровский любит затейливые названия не совсем хорошего тона: первая тетрадь у него названа „Вот Наши“, а вторую он хочет назвать „Знай Наших“. К чему все это? Не лучше ли сказать просто „Картины русской жизни“ или иначе как-нибудь? Пошлый, хвастовской тон, надеемся, не составляет непременного условия русской народности...»[10]

Третье и четвертое издания альбома (1852 и 1855 гг.) вышли с текстом В. Н. Савинова и — что любопытно отметить — под измененным заглавием: «Сцены из русского народного быта. Рисованы с натуры И. С. Щедровским».

Мы отметили первые русские издания с оригинальными гравюрами на дереве русских мастеров, исполненными по рисункам русских же иллюстраторов-рисовальщиков, издания, положившие начало: одно («Сенсации») — модным салонным книжкам, стремившимся походить на иностранные образцы, другое («Наши») — изданиям, которые исходя из назревших общественных потребностей, из «стремления русского общества к самосознанию» (Белинский), ставили целью широко отразить русскую жизнь — изданиям, которые в дальнейшем с трудом будут завоевывать право на существование.

«Сенсации» были иллюстрированы одним В. Ф. Тиммом; в «Наших» ему принадлежит наибольшее количество иллюстраций. Оба издания принесли Тимму блестящий успех, сделав имя его широко известным. В письме к отцу от 29 декабря 1841 г. Тимм рассказывает, как его приветствовали и поздравляли незнакомые ему генералы и аристократическая публика, которую он застал в книжной лавке Юнгмейстера за рассматриванием первых выпусков «Наших»[11]; через три дня он сообщает (отцу же) о получении в подарок от И. П. Мятлева рукописи его шуточной поэмы «Петергофский праздник», которую он, Тимм, вместе с К. К. Клодтом собираются издать, сделав, таким образом, выгодное дело (так как расходы по изданию должны быть невелики)[12]. Следом за Мятлевым сделал «подарок» и Булгарин. Тимм получил от него для издания отдельными книжками с своими иллюстрациями старые, когда-то помещенные в «Северной пчеле», фальшиво-нравоучительные очерки: «Салопницу» и «Корнета». Забытые всеми очерки никак не могли служить подлинным отражением русской жизни, но в тиммовских рисунках к ним, при некоторых отрицательных качествах, подмеченных Белинским, все же впервые была показана, достаточно верно и ярко, петербургская улица. Чтобы изобразить ее со всем ее пестрым населением, художник в поисках типажа для своих картинок должен был выйти на улицу. И Тимм сам рассказывает в письмах к отцу), как для иллюстрирования «Салопницы» «охотился» за нищенками

ИЛЛЮСТРАЦИЯ ИЗ АЛЬБОМА «ВОТ НАШИ!» И. С. ЩЕДРОВСКОГО
Автолитография, 1845 г.

и как трудно оказалось найти в Петербурге настоящую, в отрепьях, «салопницу» (петербургская полиция не терпела их на улицах).

Иллюстрации Тимма к указанным произведениям показали явное превосходство художника над писателем. Этим и объясняется крупный успех серии маленьких тиммовских книжек под названием «Картинки русских нравов».

В 1842 г. вышла первая книжка — «Салопница», следом за ней появился «Корнет», а затем, в течение 1842—1843 гг. вышли еще четыре книжки — все с иллюстрациями В. Тимма, прекрасно гравированными К. Клодтом, Неттельгорстом, Дерикером и др. Вот перечень книжек: 1. «Салопница» Ф. Булгарина. СПб., 1842. 2. «Корнет» его же. СПб., 1842. 3. «Петергофский праздник» И. Мятлева. СПб., 1842. 4. «Невский пароход» Н. Греча. СПб., 1842. 5. «Находчивое поколение» В. Даля. СПб., 1843. 6. «Преферанс» Н. Кукольника. СПб., 1843.

В первой же книжке, в предисловии, было указано: «Я не книга! Литераторы не ломали головы, чтобы составить меня, книгопродавцы не издержались на мое издание, следовательно,— я не книга. Что же я? Издание художественное, предпринятое артистами для опыта, могут ли у нас существовать иллюстрированные издания, и для доказательства, что и у нас можно иллюстрировать (т. е. прилагать к книге политипажи) хорошо и дешево! Сравните это издание с парижскими книжечками в этом же роде, выходящими в свет под заглавием «физиологий» (т. е. очерков нравов) разных лиц, и вы удостоверитесь, что петербургское издание не только не уступает парижским, но во многом их превосходит. С лишком сто картинок, отлично оттиснутых на сатинированной веленевой бумаге — „за один рубль серебром“. Дешевле этого невозможно иметь в целом мире!»[13]

В отзывах тогдашних журналов можно встретить такие определения этих миниатюрных книжек, как «игрушка», «конфетка». Как раз в эти годы при участии Тимма выходили и в буквальном смысле «конфектные книжечки» (так их тогда называли): «Отблески Петербурга в миниатюре», «Райская птичка», даже продававшиеся вместе с конфетами в лучших петербургских кондитерских.

Но в иллюстрациях Тимма к книжкам «Картинок русских нравов» было одно неоспоримое достоинство — правдивое изображение уличной жизни столицы, уличной бедноты, хотя бы и на «сатинированной бумаге», в крошечных изящных книжках.

Белинский встретил появление «Картинок русских нравов» похвальным отзывом. О первых двух книжечках он в 1842 г. писал: «Соревнование — великий движитель промышленности и всякого совершенствования. Успех „Наших“ г. Башуцкого возбудил в г. Булгарине стремление — приобрести успех еще больший. И вот для этого он дал две весьма посредственные статейки свои (из старого, давным-давно напечатанного хламу) — „Салопница“ и „Корнет“, для прекрасных рисунков г. Тима; а г. Тим, в свою очередь, к весьма посредственным статейкам г. Булгарина приложил свои прекрасные рисунки, сделанные им с гораздо бо̀льшим старанием, чем его же рисунки к „Нашим“,— отчего и вышли две маленькие, изящно изданные книжечки. Нечего говорить, что̀ для чего здесь употреблено — текст для картинок или картинки для текста, и соответствует ли одно другому. Разумеется, всякий полюбуется картинками, а читать текста уж верно не будет» (VII, 213).

«Картинки», в которых художник, Тимм, попытался хотя и неглубоко отразить реальную жизнь, оправдали появление книжек. «Для картинок можно покупать „Картинки русских нравов“,—писал Белинский в отзыве на 5 и 6-ю книжки. — Они очень и очень сто̀ят того. О тексте тут не́чего и упоминать» (VIII, 340).

Однако один из самых крупных недостатков Тимма-рисовальщика — постоянная оглядка на французские образцы — не мог не обратить на себя внимание такого острого наблюдателя, как Белинский. «Картинки прекрасны, об этом спору нет,— писал Белинский в отзыве на 3 и 4-ю книжки,— но вот что странно 〈...〉 фигуры и физиономии в них крепко сбиваются на иностранные, за исключением разве будочников, таможенных и извозчиков 〈...〉 Очевидно, что в числе наших талантливых рисовальщиков еще нет ни одного Гоголя, а все гг. Булгарины, Н. Гречи и тому подобные нравоописатели и юмористы...» (VII, 397).

Нечего и говорить, упрек достаточно резкий! Тем не менее Тимм, Клодт и Булгарин, окрыленные успехом, собирались затеять новое издание. На этот раз речь шла о «Картинках русской славы» — о людях, «воодушевленных любовью к престолу и отечеству»[14]. Затея кончилась на первой же книжке — булгаринском «Суворове» («Суворов». Сочинение Фаддея Булгарина. 100 рисунков В. Тимма. СПб., 1843).

Одновременно с книжками-игрушками отечественного издания появляется и множество низкопробных переводных «очерков» или «физиологий» с политипажами иностранного происхождения, например «Физиология театров в Париже» Куайляка, «Физиология вивера» Дж. Руссо, «Физиология женатого человека» Поль-де-Кока. «Число игрушек с более или менее хорошими картинками и более или менее плохими текстами 〈...〉 с каждым днем увеличивается»,— не без иронии писала в 1843 г. «Литературная газета» (№ 11).

Н. А. Некрасов в 1843 г. в фельетоне «Говорун»[15] целую главу посвятил этим расплодившимся пустопорожним политипажным книжкам:

Глава VII

Придет охота страстная
За чтение засесть —
На то у нас прекрасная
Литература есть.
Цепями с модой скованный,
Изменчив человек —
Настал иллюстрированный
В литературе век.

С тех пор как шутка с «Нашими»
Пошла и удалась,
Тьма книг с политипажами
В столице развелась.
Увидишь тут Суворова
(Известный был герой),
Историю которого
Состряпал Полевой.
Одетого как барина,
Во всей его красе,
Увидишь тут Булгарина
В бекеше, в картузе.
Различных тут по званию
Увидишь ты гуляк
И целую компанию
Салопниц и бродяг.
Рисунки чудно слажены,
В них каждый штрих хорош,
Иные и раскрашены:
Ну, нехотя возьмешь!
Изданья тоже славные,—
Бумага так бела,—

ОБЛОЖКА И СТРАНИЦА ШУТОЧНОЙ ПОЭМЫ И. П. МЯТЛЕВА «ПЕТЕРГОФСКИЙ ПРАЗДНИК»

Книжка третья из серии «Картинки русских нравов», издававшейся В. Ф. Тиммом, с его рисунками, гравированными на дереве К. К. Клодтом и др., 1842—1843 гг.

«Картинки прекрасны, об этом спору нет, но <...> фигуры и физиономии в них крепко сбиваются на иностранные» (из рецензии Белинского)

Но часто презабавные
Выходят тут дела.
Чем книга нашпигована,
Постигнуть нет ума:
В ней все иллюминовано,
А в тексте — мрак и тьма!
В рисунках отличаются
Клот, Тимм и Нетельгорст,
Все ими восхищаются...
Художественный перст!

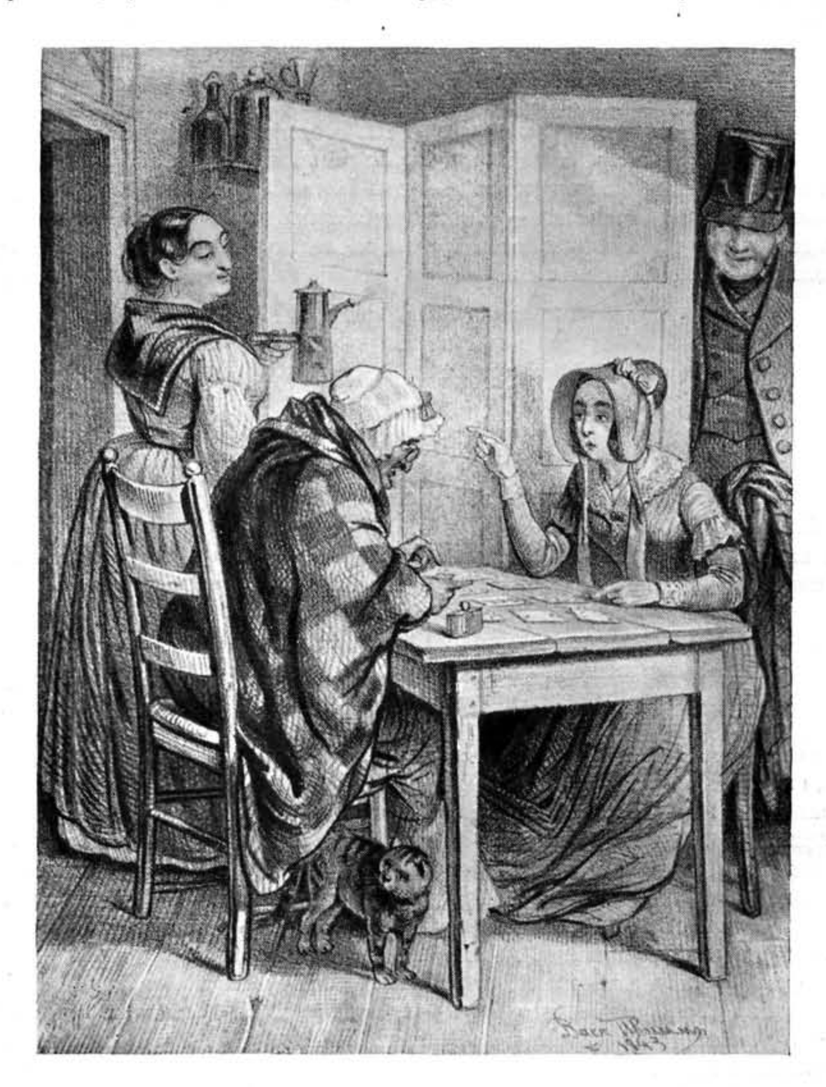
Об этих же модных книжках, преподносимых в подарок, с горечью писал и Белинский: «Мы нисколько не радуемся появлению этих физиологий на русском языке; скажем более: мы видим в них несомненное доказательство той горькой истины, до какого глубокого унижения и упадка дошла современная русская литература! Она держится и существует не мыслью, не творчеством, не умом, не поэзией, выражащимися в слове, а картинками, которые забавляют праздную толпу взрослых и старых детей» (отзыв о «Физиологии театров в Париже»). «Добрая публика!— писал Белинский в том же отзыве,— наконец-то наши ловкие издатели, наши новые книгопродавцы-капиталисты, сменившие Смирдина, который надарил тебя дешевыми и красивыми изданиями Крылова, Карамзина, Державина, Жуковского, Батюшкова, наконец-то догадались они, чем надо им тешить тебя, доброго недоросля!» (VIII, 221—222).

А Булгарин, войдя во вкус издательских предприятий, затеял еще одно издание с рисунками (автолитографиями) Тимма, на этот раз в большом формате, под названием «Очерки русских нравов, или лицевая сторона и изнанка рода человеческого». С картинками, рисованными на камне В. Тиммом. СПб., 1843. «Автору надоели,— пишет Булгарин, имея в виду себя, а не Тимма,— деревянные гравюры в крошечных размерах, и он ⟨...⟩ обратился к литографии. В мелких рисунках и крошечных гравюрах почти невозможно придать лицу характеристики и выразительности»[16].

«Литературная газета» в отзыве о булгаринских «Очерках русских нравов» разоблачила подлинные намерения Булгарина: «Что замечаем мы в этих сочинениях? — писала она.— Их главный герой, их содержание, их начальный и исходный пункты— сам г-н Булгарин» ⟨...⟩ «г-н Булгарин задал себе задачу — разлить настоящий свет на все свои действия и сделать, наконец, даже собственный портрет свой как можно общеизвестнее, народнее»[17].

Портретные зарисовки с Булгарина, данные Тиммом в иллюстрациях к «Очеркам», послужили Некрасову благодарным материалом для язвительных насмешек над Булгариным. По поводу рисунка к очерку «Извозчик-ночник», на котором Булгарин изображен в виде седока, Некрасов в рецензии, помещенной в «Отеч. записках», писал: «На ней изображен господин весьма подозрительной наружности, в бекеше, в картузе, а рядом с ним извозчик: не разберешь — извозчик ли у господина подозрительной наружности просит денег, или господин подозрительной наружности у извозчика. Что за охота рисовать такие отталкивающие физиономии и притом в очерках русских нравов!» Другая иллюстрация явилась для Некрасова поводом к превращению своей рецензии на «Очерки» в злой, уничтожающий памфлет, который привел в восхищение Белинского (см. письмо Белинского к К. Д. Кавелину от 7 декабря 1847 г. — «Письма», III, 306). Некрасов выбрал рисунок с красовавшимся на нем Булгариным—иллюстрацию к очерку «Ворожея», на которой Булгарин был изображен — в лице одного из персонажей очерка — подслушивающим разговор ворожеи с девушкой. Иллюстрация была использована Некрасовым для характеристики Булгарина как доносчика и шпиона: «Удачнейшая из них ⟨иллюстраций⟩ та,— писал Некрасов,— на которой представлена ворожея. Чтоб хорошенько понять картинку, надо несколько ознакомиться с содержанием текста. В „Ворожее“ четыре главные действующие лица: ворожея, дочь ворожеи, влюбленная девушка, приехавшая гадать о своем суженом, и добрый от природы, но одаренный несколько странной слабостью в характере человек, в котором сочинитель пытался,

кажется, олицетворить пагубную страсть к подслушиванию, пересказам и переносам. Лица дочери ворожеи и молодой влюбленной девушки не поражают ничем, кроме глупости и безобразия; лицо ворожеи также не представляет ничего особенного ‹...› *Но лицо человека, обуреваемого означенной страстью переносить и подслушивающего* за ширмами ‹...› — лицо его создано художнически: кажется, читаешь на нем

АВТОЛИТОГРАФИЯ В. Ф. ТИММА К ОЧЕРКУ Ф. БУЛГАРИНА «ВОРОЖЕЯ»

Выглядывающий из-за ширмы мужчина, изображенный на рисунке,— Булгарин

«Очерки русских нравов, или лицевая сторона и изнанка рода человеческого», СПб., 1843 г.

страшный процесс, каким этот несчастный дошел до унизительного ремесла, которое сделалось для него страстью и которым он, м‹ожет› б‹ыть› наперекор собственным чувствам, так ревностно занимается. Вот таких-то резких типических физиономий надо желать побольше в политипажах. Это, по крайней мере, поучительно и предостерегательно для других...»[18]

Политипажная вакханалия распространяется не только на развлекательную литературу. Сочиняются также и исторические «труды», уснащаемые множеством картинок, сделанных на скорую руку. Одну из таких книг — «Историю князя Италийского,

графа Суворова-Рымникского» Н. А. Полевого (СПб., 1843) Белинский называет «политипажной затеей» (VIII, 46—47). Пухлый том легковесной, компилятивной «Истории Петра Великого» М. П. Ламбина (СПб., 1843), *также щедро снабженный* политипажами, вызывает его суровое осуждение. «Для кого это издание? — спрашивает Белинский: — по тексту и картинкам — для простого народа; но кто же из простого народа в состоянии за такую чудовищную цену приобрести такую безобразную книгу? ... Для читателей образованных классов общества?— Но что им с ней делать?— Неужели читать текст г. Ламбина и любоваться картинками г. Янцена?» (XII, 416—417).

В 1844 г., уже после смерти автора, появилась, наконец, третья и последняя часть «Сенсаций и замечаний г-жи Курдюковой». Это обстоятельство вызвало «сочувственную» рецензию Белинского, сочувственную только потому, что на третьей части кончилась, наконец, затянувшаяся салонная шутка Мятлева: «если б прекрасное не могло иметь конца,— писал Белинский,— то и посредственное жило бы вечно, и мы не имели бы вожделенного удовольствия, взглянув на последнюю страницу „Сенсаций", прочесть этих поистине отрадных стихов:

Тем закончится, как раз,
Мой неапольский рассказ.
Чтоб зевающий читатель
Не сказал, *канд финират-эль*?
Чего боже сохрани,
Знайте же, *ке се фини*.

«Сенсации» попрежнему изданы великолепно; картинки при них превосходны...» (VIII, 512).

Мы видим, в соответствии с отзывами Белинского, что в большинстве лучших «политипажных» изданий начала 1840-х годов, включая и третью часть «Сенсаций» иллюстрации и текст — неравноценны. В то же время, превосходя слабый текст, иллюстрации самую жизнь отражают чисто внешне, недостаточно глубоко, как бы по кусочкам, которые никак не складываются в полноценное, живое изображение (что особенно ярко видно на примере Тимма). Мода на красивую книжку, продиктованную аристократическими салонами, этого, впрочем, и не требовала.

Но вот, в том же 1844 г. появились два иллюстрированных издания, а затем, в 1845 г., еще одно, *которые вызвали самые положительные и даже восторженные* отзывы Белинского. Речь идет о «Похождениях Христиана Христиановича Виольдамура и его Аршета» В. Луганского (Даля) «с альбомом картин на пятидесяти трех листах, рисованных известным русским художником» ⟨А. П. Сапожниковым⟩, СПб., 1844[19]; о «Путевых записках зайца» Е. П. Гребенки, с иллюстрациями (фотолитографиями) Е. И. Ковригина (СПб., 1844) и, наконец, о знаменитом «Тарантасе» В. А. Соллогуба (СПб., 1845), с иллюстрациями Г. Г. Гагарина, исполненными еще в 1839—1840 гг., но гравированными на дереве и изданными лишь пять-шесть лет спустя.

Художники-иллюстраторы этих книг — прежде всего Е. И. Ковригин и Г. Г. Гагарин — в тонких реалистических рисунках заявляли о своей принадлежности к «натуральной школе». Сатирический уклон, попытка дать критическую оценку неприглядной российской действительности николаевской эпохи у этих двух мастеров особенно очевидны. Совершенно ясно, что книги с их иллюстрациями не могли не вызвать у Белинского самого сочувственного отклика.

По поводу «Похождений Виольдамура» Белинский писал: «Эта повесть написана г. Луганским, *как текст для объяснения картинок г. Сапожникова*, сделанных заранее и без всяких предварительных соглашений романиста с рисовальщиком. Г. Сапожников рисовал свои, исполненные смысла, жизни и оригинальности картинки по прихоти своей художнической фантазии; г. Луганскому предстоял труд угадать поэтический смысл этих картинок и написать к ним текст, словно либретто к готовой уже опере: следовательно, это была некоторым образом заказная работа. Но г. Луганский более, нежели ловко и удачно, выпутался из затруднительного положения: из его текста к картинкам вышла оригинальная повесть, которая прекрасна и без картинок, хотя при них и еще лучше» (IX, 128).

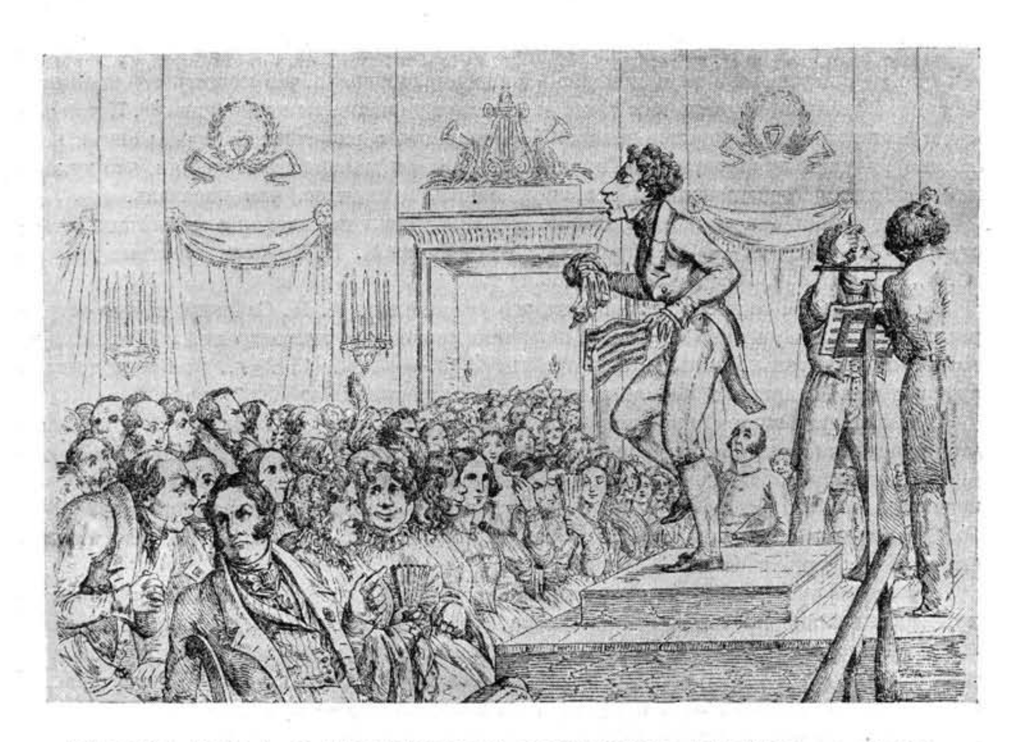

ИЛЛЮСТРАЦИЯ А. П. САПОЖНИКОВА К ПОВЕСТИ В. ЛУГАНСКОГО (ДАЛЯ) «ПОХОЖДЕНИЯ ХРИСТИАНА ХРИСТИАНОВИЧА ВИОЛЬДАМУРА И ЕГО АРШЕТА»

Офорт, 1844 г.

«Эта повесть написана г. Луганским как текст для объяснения картинок г. Сапожникова .. исполненных смысла, жизни и оригинальности» (из рецензии Белинского)

«Путевые записки зайца» Гребенки с иллюстрациями-автолитографиями Е. И. Ковригина (мы встречали уже имя этого художника в качестве одного из иллюстраторов «Наших, списанных с натуры») вызвали еще более горячий отзыв Белинского. «Эта книжка,—писал он,— издана очень мило и украшена шестью прекраснейшими картинками работы молодого и, как видно, очень талантливого художника, г. Ковригина» (VIII, 495). Белинский был прав, высоко оценив Ковригина. Е. И. Ковригин, несмотря на свою очень недолгую работу в области иллюстрации, сумел проявить себя острым художником-реалистом. Рисунки Ковригина были нередко выразительнее текста. Таковы тридцать восемь иллюстраций Ковригина к рассказу «Тертый калач» Н. Кириллова («Типы современных нравов», вып. 1, СПб., 1845). Дав отрицательную оценку текста этой книжки, Белинский не упустил случая, однако, похвалить «политипажи» (IX, 369). В том же 1845 г. мы видим Ковригина деятельно участвующим в некрасовском альманахе «Физиология Петербурга». Касаясь же текста «Путевых записок зайца», Белинский писал: «в нем много хорошего; жаль только, что он растянут. Похвалы старине, которыми г. Гребенка начинает свою книжку, могут показаться немного странными. Но все это не беда, потому что картинки, повторяем, прекрасны» (VIII, 495).

Наконец, в 1845 г. выходит в свет повесть В. А. Соллогуба «Тарантас» с иллюстрациями Г. Г. Гагарина, гравированными на дереве преимущественно Е. Е. Бернардским.

Повесть, давшая широкую картину провинциального быта, содержавшая немало злободневных откликов, вышла с иллюстрациями, в которых читатель впервые смог увидеть не только Россию «салопниц» и «корнетов», но и Россию глубоких захолустий, проселочных дорог, крестьянских изб, постоялых дворов, Россию со всем разнообразием ее населения, и в то же время в ряде иллюстраций полюбоваться картинами родной природы. Повесть эта имела огромный успех.

В. А. Соллогуб в своих воспоминаниях отмечал: «мой „Тарантас“ имел успех, до тех пор не слыханный в книжном деле» и свидетельствовал, что повесть его возникла не самостоятельно, а лишь как текст к путевым зарисовкам художника [20]. И теперь, когда стали известны, помимо гравюр Бернардского с рисунков Гагарина еще и подлинные рисунки художника к «Тарантасу» [21], нет ни малейшего сомнения, что художник изобразил Россию непосредственнее, живее, правдивее, чем писатель.

Выход в свет «Тарантаса» лишь на год предварил появление знаменитых иллюстраций А. А. Агина — «100 рисунков к сочинению Н. В. Гоголя „Мертвые души“» СПб., 1846).

В связи с этим важно отметить, как это установлено А. Н. Савиновым, что острые реалистические зарисовки Гагарина, положенные в основу иллюстраций к «Тарантасу», возникли значительно раньше, еще в конце 1839 — начале 1840 гг., во время долгого путешествия Гагарина в Казань и, далее, в его родное село Карачарово.

В 1840 г. ряд глав «Тарантаса» был напечатан на страницах «Отечественных записок» и там же (в сентябрьском номере) было указано, что текст «Тарантаса» предполагается издать «особою книгою с множеством политипажей, рисованных нарочно для него князем Гагариным 〈...〉 Издание будет великолепное». Однако весной 1840 г. Гагарин выехал на Кавказ, и выход в свет книги стал возможен лишь по возвращении его в Петербург, в 1844—1845 гг.

В иллюстрациях к «Тарантасу» ярко сказалось критическое отношение молодого художника к тогдашней действительности. Для Гагарина тех лет, члена оппозиционно настроенного к николаевской системе «кружка шестнадцати», это было вполне естественно. Достаточно взглянуть на иные маленькие, казалось бы, чисто декоративные гагаринские инициалы, как, например, на инициал «К» — к главе «Станция», чтобы убедиться, что они представляют собою образцы злейшей сатиры; инициал «К», где могучие, мускулистые руки, высунувшиеся из окон нищей избы, поддерживают изящную ампирную колоннаду, заслоняя ею кучи всякого мусора, фактически иллюстрирует не столько повесть Соллогуба, сколько знаменитое определение николаевской России как «фасадной империи» [22]; инициал «Р» начинает главу о губернском городе с изображения свиней. Не постеснялся Гагарин изобразить в ярко карикатурном виде и Булгарина. В фигляре-писателе, пляшущем на подмостках, сооруженных из французских книг, узнать Булгарина, конечно, нетрудно:

«Русский, говорит Соллогуб, никогда не узнает своего родного гения в жалком фигляре, который коверкается и пляшет перед ним в лохмотьях, и, поверьте, на толкучем рынке собирателей чужого ума русский человек не отзовется ни на один голос ему незнакомый и непонятный...». «Какая изумительная верность даже в мельчайших подробностях!..» — писал Некрасов по поводу этой иллюстрации [23].

Сатирическая направленность многих иллюстраций к «Тарантасу» вынудила Гагарина, занимавшего в то время видное служебное положение, выпустить свой труд анонимно. Это повело к крупному недоразумению. Несмотря на ряд прямых свидетельств Соллогуба и др., несмотря на указание Белинского, что автором рисунков к «Тарантасу» является «один известный любитель, скрывший свое имя», рисунки были приписаны А. А. Агину [24]. Высказано было даже такое крайнее мнение, что «рисунки Агина к этому произведению 〈т. е. «Тарантасу»〉 являются действительно наилучшими из всех его работ» [25]. Только находка в недавнее время альбомов с подлинными подготовительными рисунками Гагарина к каждой иллюстрации, к каждой заставке, к каждому инициалу, включая даже макет некоторых страниц издания, позволили отвергнуть, наконец, эту легенду.

Белинский так приветствовал появление «Тарантаса»: «Бумага, печать и вообще возможная в России типографская роскошь, соединенная со вкусом, не оставляют ничего желать, и 〈...〉 в этом отношении едва ли какое-нибудь русское издание может состязаться с „Тарантасом“. Мы не говорим, что картинки (числом до пятидесяти) резаны на дереве мастерами своего дела 〈...〉 все это вещи второстепенные. Обратим лучше все наше внимание на самое сочинение картинок, на рисунок, и скажем, что в отношении к нему „Тарантас“ есть не только изящное, роскошное и великолепное, но еще и р у с с к о е издание. Вглядитесь в эти лица мужиков, баб, купцов, купчих,

помещиков, лакеев, чиновников, татар, цыган — и согласитесь, что рисовавший их (один известный любитель, скрывший свое имя) не только мастер рисовать, но и великий художник и знает Россию. Иностранец не мог бы так рисовать! Почти все наши политипажные картинки или переделываются с французских, или, по крайней мере, сохраняют на себе отпечаток влияния французского типа и похожи на иностранцев, обжившихся в России. Не таковы рисунки „Тарантаса": это чистая неподдельная Русь. Но не одни лица — вглядитесь в картинку на 48-й странице: это не только русская деревня, но и русское небо, свинцовое, тяжелое 〈...〉 Автор этих картинок — художник не по званию, а по призванию 〈...〉 Это книга живая, пестрая, одушевленная, разнообразная, — книга, которая возбуждает в душе читателя вопросы,

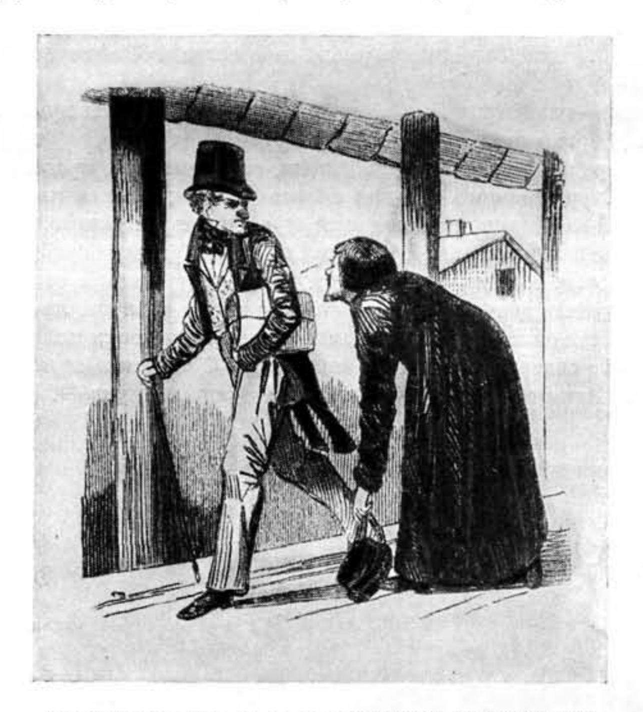

ИЛЛЮСТРАЦИЯ Е. И. КОВРИГИНА К РАССКАЗУ Н. С. КИРИЛЛОВА «ТЕРТЫЙ КАЛАЧ»

Гравюра на дереве О. П. Неттельгорста

«Типы современных нравов». Вып. 1, СПб., 1845 г.

тревожит его убеждения, вызывает его на споры и заставляет его с уважением смотреть даже и на те мысли автора, с которыми он не соглашается» (IX, 279—280).

В своем годовом обзоре «Русская литература в 1845 году» Белинский, упоминая о «Тарантасе», снова пишет: «эта книга вдвойне интересна — и как прекрасное литературное произведение, и как изящное, великолепное издание. В последнем отношении „Тарантас" — решительно первая книга в русской литературе» (X, 107).

Отзыв Белинского с исчерпывающей точностью определяет значение иллюстрационного цикла «Тарантаса», утверждая за Гагариным — художником, который и любит и «знает Россию» (Белинский), право быть признанным одним из основоположников реализма в русской книжной графике 40-х годов [26].

Наряду с этим отзывом появились и другие. «Первой, истинно роскошной русской книгой» называет «Тарантас» «Библиотека для чтения», в большой статье, посвященной этому изданию [27].

Но один из самых интересных отзывов принадлежит, конечно, Некрасову: «такого издания, как „Тарантас", на Руси еще не бывало 〈...〉 Ни в одном из наших присяжных рисовальщиков, которых трудами украшаются наши иллюстрированные издания,

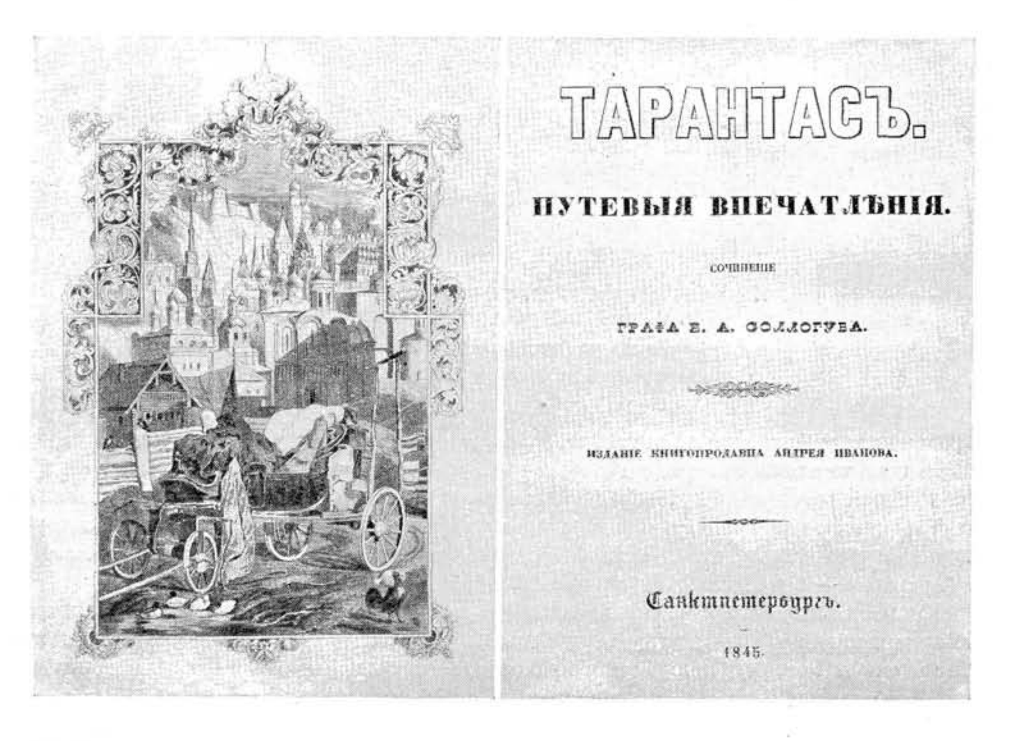
не исключая и г-на Тимма, нельзя и подозревать столько наблюдательности, знания русской действительности и природы и столько художественной меткости карандаша сколько всего этого видно в авторе рисунков, украшающих „Тарантас" 〈...〉 Кто знает, — пишет Некрасов, — как трудно у нас на Руси покамест выполнять успешно такие предприятия...» и, называя «Тарантас» «первым истинно-изящным и великолепным изданием на Руси», воздает должное граверу: «г. Бернардский в настоящее время у нас едва ли не лучший гравер на дереве»[28].

Вслед за «Тарантасом», естественно, было ожидать пробу сил художников-иллюстраторов и на величайшем произведении «натуральной школы» — «Мертвых душах» Гоголя. Во «Взгляде на русскую литературу 1846 г.». Белинский писал: «по нашему крайнему разумению и искреннему горячему убеждению, „Мертвые души" стояли действительно выше всего, что было и есть в русской литературе, ибо в них глубокость живой общественной идеи неразрывно сочетается с бесконечной художественностью образов...»

На этот подвиг—иллюстрировать «Мертвые души»—решились художник А. А. Агин и гравер Е. Е. Бернардский.

Агин и Бернардский, вопреки воле Гоголя, отказавшегося предоставить художникам право иллюстрированного издания «Мертвых душ», со всем пылом принимаются (с ноября 1846 г.) за издание иллюстраций отдельными выпусками, без текста.

На фоне многочисленных «политипажных затей», в разгар борьбы за утверждение «натуральной школы» в момент, когда сам Гоголь отрекается от своего детища — первой части «Мертвых душ» в том понимании, в каком восприняла его вся передовая Россия, Агин со всей силой большого таланта отражает в своих иллюстрациях прежде всего сатирическое содержание гениальной поэмы. С поистине изумительным мастерством воплощает Агин образы основных героев «Мертвых душ» [29].

ФРОНТИСПИС И ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ ПОВЕСТИ В. А. СОЛЛОГУБА «ТАРАНТАС», ИЗДАНИЕ 1845 г.

Гравюра на дереве К. К. Клодта с рисунка Г. Г. Гагарина

«„Тарантас" есть не только изящное, роскошное и великолепное, но еще и р у с с к о е издание... Иностранец не мог бы так рисовать!.. Рисунки „Тарантаса" это *чистая неподдельная Русь...* Автор этих картинок — художник не по званию, а по призванию...» (из рецензии Белинского)

«ЧАЕПИТИЕ»
Иллюстрация Г. Г. Гагарина к повести В. А. Соллогуба «Тарантас», 1845 г.
Рисунок карандашом и акварелью, 1839—1840 гг.
Русский музей, Ленинград

Белинский, как известно, не отозвался на выход «Ста рисунков». Это молчание может быть объяснено тем, что начало выхода в свет агинских иллюстраций (ноябрь 1846 г.) совпало с лихорадочной подготовкой больным Белинским, после возвращения из продолжительной поездки на юг и перехода в редакцию «Современника», очередного годового обзора — «Взгляд на русскую литературу 1846 года». Некрасов в письме к Никитенко от 14 декабря 1846 г. пишет, что Белинский «со своей статьей запоздал и посылает в типографию по страничкам»[30]. К тому же «Современник» в № 1 за 1847 г., где был напечатан литературный обзор Белинского, помещает и статью Тургенева о первых выпусках «Ста рисунков», статью, которая, конечно, ни в какой степени не заменит нам отзыва Белинского. Однако при наличии тургеневской статьи редакция «Современника» и сам Белинский, возможно, не сочли нужным вновь обращаться к рецензированию альбома Агина. Издание «Ста рисунков из сочинения Н. В. Гоголя „Мертвые души“», в которое и Агин и Бернардский вложили так много труда и горячего увлечения, прекратилось (в 1847 г.) на 18-м выпуске и на 72-м листе, с тем чтобы в полном виде появиться в свет лишь в 1892 г. В чем причины такого неуспеха?

Очевидно, причины те же, что так ярко вскрыты в заметке, вероятно А. П. Башуцкого, об альбоме двадцати жанровых автолитографий И. С. Щедровского под названием: «„Вот наши!“ с натуры составил и рис⟨овал⟩ на камне И. Щедровский ⟨СПб.⟩ 1845». В этой заметке речь идет вообще о подписных иллюстрированных изданиях и их покупателях: «О! мы, глубокие ценители, горячие любители, мудрые критиканы, строгие и непогрешимые знатоки, — люди высокого чистейшего вкуса в деле художеств! ⟨...⟩ — писал автор заметки, — давайте нам из Парижа 13 тысяч экземпляров фигур шикаров, преглупейшей и отвратительно нацарапанной истории г. La Jaunisse, мы раскупим их в один день: мы докажем тамошним, что вкус наш не на низшей ступени вкуса парижской массы ⟨...⟩ Мы уложим все эти отвратительные гадости на круглые столы наших золоченых салонов, — под розовые пальчики и еще стыдливые глаза наших девиц. — Давайте нам и два десятка экземпляров истории „Виоль д'Амура и его Аршета“ ⟨...⟩, „Ста рисунков“ к „Мертвым душам“ Гоголя, „Двадцать рисунков альбома Щедровского“, — всех этих прекрасных произведений, всех этих работ добросовестных, художественных — мы подпишемся в столичных роскошных отелях, из милости, на десять экземпляров, в пособие злосчастному художнику, который вспал на странную мысль иметь талант, изучить искусство и на страннейшую еще мысль применить его здесь у себя, дома, в России, на что-нибудь русское...»[31]

Таким образом, судьба замечательных русских иллюстрированных изданий 40-х годов прошлого века — «Наших, списанных с натуры русскими», «Ста рисунков к „Мертвым душам“», и отчасти альбома «Вот наши!» Щедровского—была одна и та же: они не встречали должной поддержки. Для разросшихся кругов читателей, для подлинных ценителей литературы, иллюстрированные издания были дороги, малодоступны, а зажиточная публика, предпочитавшая книжки французского образца, а чаще просто французские книжки, неохотно поддерживала свои отечественные, подчас замечательные издательские начинания.

Однако если Белинский и не высказал своего мнения об агинских иллюстрациях к «Мертвым душам», все же он не обошел вниманием этого крупнейшего представителя демократического направления в русской книжной иллюстрации 1840-х годов. Выдающееся реалистическое дарование Агина было Белинским отмечено, оценено и, что важно, противопоставлено Тимму (в статье о «Петербургском сборнике» Некрасова, 1846 г.).

1845—1846 годы были временем окончательного оформления в литературе «натуральной школы» и, вместе с тем, окончательного самоопределения русской книжной иллюстрации. В эти годы, благодаря деятельности Агина и примыкавших к нему Гагарина, Ковригина и других, иллюстрация становится верным спутником многих произведений «натуральной школы», в особенности же малых ее форм — очерка, рассказа.

К этому времени русская книжная иллюстрация в лице ее лучших представителей успела проделать знаменательный путь — от единичных попыток преодоления иностранщины и лишь примитивной, на первых порах регистрации фактов окружающей жизни к реализму критическому, обобщающему, к объединению своих сил с литературными в знаменитой серии некрасовских альманахов: «Физиология Петербурга» (СПб., 1845), «Петербургский сборник» (СПб., 1846) и запрещенный и не вышедший в свет «Иллюстрированный альманах» (СПб., 1848).

«Физиология Петербурга, составленная из трудов русских литераторов» (чч. I—II) — первый некрасовский литературный сборник, ставший центром притяжения для писателей «натуральной школы». В нем мы встречаем имена Белинского, Григоровича, Даля, Некрасова, Панаева, а из художников — А. А. Агина, иллюстрировавшего «Петербургского фельетониста» Панаева, Е. И. Ковригина, иллюстрировавшего ряд рассказов Григоровича, Гребенки и других, Р. К. Жуковского[32], исполнившего иллюстрации к «Петербургским углам» Некрасова, и, наконец, В. Ф. Тимма. Последний, однако, по существу был случайным участником, так как очерк Даля «Петербургский дворник» с иллюстрациями Тимма был подготовлен, повидимому, еще для «Наших, списанных с натуры», на что есть косвенное указание в рецензии «Северной пчелы» на «Физиологию Петербурга» (№ 235 за 1845 г.).

«Политипаж», как обязательная составная часть альманаха, сопровождает все статьи и, в частности, очерк Белинского «Александрынский театр» (пять гравюр на дереве Бернардского).

Как и в иллюстрациях Гагарина к «Тарантасу» Соллогуба, появившихся в том же 1845 г., мы видим со стороны художников — участников некрасовского альманаха — глубокое проникновение в гущу русской жизни. Художники-иллюстраторы (за исключением Тимма) выступают в этом альманахе уже в роли критиков жизни, умеющих не только наблюдать, но и судить и осуждать. Особенно выделяются в этом отношении иллюстрации А. Агина к «физиологическому очерку» Панаева — «Петербургский фельетонист» (см. вторую часть альманаха). В очерке, этап за этапом, рассказана «повесть жизни» (Панаев), продажного журналиста, «способного на все», готового надругаться «самым площадным образом» над кем и над чем угодно, человека, который «на литературной площади бессменно стоит у дверей балагана своего хозяина и кричит: „к нам, к нам пожалуйте-с!“»[33] Агин в ряде последовательно сменяющихся иллюстраций ярко и выразительно выявляет образ циничного писаки. Созданный художником иллюстрационный цикл отмечен строгим единством замысла и в то же время органически, неразрывно связан с литературным текстом, намного повышая его выразительность и степень воздействия на читателя. Это обстоятельство не укрылось от

Белинского. Положительно отозвавшись об очерке Панаева, Белинский выразил пожелание, что хорошо бы было иллюстрировать и другой подобный же очерк: «Есть у г. Панаева,— писал Белинский,— еще статья „Тля", напечатанная в „Отечественных записках" 1843 г., которая так и просится в „Физиологию Петербурга" — и если б к ней можно было сделать картинки получше, то она произвела бы сильный эффект, хотя и была бы уже не новым произведением» (IX, 474).

Белинский высоко оценил альманах «Физиология Петербурга». Он рассматривает его в своем отзыве как «едва ли не лучший из всех альманахов, которые когда-либо издавались», а об иллюстрациях отзывается так: «картинки к „Физиологии Петербурга" рисованы гг. Тимом, Ковригиным и Жуковским и большей частью замечательно

ИНИЦИАЛ «К» К ГЛАВЕ «СТАНЦИЯ» В ПОВЕСТИ В. А. СОЛЛОГУБА «ТАРАНТАС», ИЗДАНИЕ 1845 г.

Гравюра на дереве Е. Е. Бернардского с рисунка Г. Г. Гагарина

«...великолепный греческий портик, заслоняющий ветхую крестьянскую избу...» (из рецензии Белинского)

хороши» (IX, 369 и 470). Неупоминание имени Агина объясняется, повидимому, тем, что Агин странным образом не был поименован в оглавлении к альманаху, как три упомянутых Белинским рисовальщика. Того, что иллюстрации Агина к «Петербургскому фельетонисту» снабжены подписью-монограммой художника (три «А»), Белинский, очевидно, не заметил.

«Физиология Петербурга» была задумана как издание, продолжающееся в нескольких томах, о чем можно заключить по одной фразе Белинского в его очерке «Петербургская литература», помещенном во второй части альманаха: «Со временем мы представим в нашем издании статью под названием: „Литературщики и книжных дел мастера", в которой будут раскрыты тайны и любопытные явления мелкого петербургского литературного и книгодельного мира...»[34]

Не останавливаясь на небольшом по объему альманахе Некрасова «Первое апреля», выпущенном в 1846 г. с иллюстрациями Агина, гравированными Бернардским, альманахе, которому сам Некрасов не придавал особого значения, остановимся на «Петербургском сборнике», изданном Некрасовым (СПб., 1846). На титульном листе указано: «некоторые статьи иллюстрированы». Писатели — участники сборника: Белинский, Герцен, Достоевский («Бедные люди»), Некрасов (четыре стихотворения, в том числе

знаменитая «Колыбельная»), Тургенев (стихотворная поэма «Помещик»), Панаев, Соллогуб и другие. Единственный иллюстратор сборника — Агин (иллюстрации к «Помещику»). Заграничные политипажи к «Парижским увеселениям» Панаева — неизбежная дань тому читателю, о котором Белинский в письме к Герцену от 19 февраля 1846 г. писал: «Поверь мне, между покупателями „Петербургского сборника“ много-много есть людей, которым только и понравится статья Панаева „О парижских увеселениях“» («Письма», III, 102).

«Петербургский сборник» прочно вошел в историю русской реалистической иллюстрации благодаря замечательным рисункам Агина к поэме молодого Тургенева «Помещик». Тургенев с тонким юмором и легкой иронией живописует в поэме тупое и ограниченное бытие «столбового помещика» в своем наследственном поместье и вместе с тем выразительными штрихами набрасывает общую картину уездной жизни. Агин дает в качестве иллюстраций ряд ярчайших сценок, блестяще изображая уездные типы, самого помещика (несколько усилив сатирическую трактовку) и его ближайшее окружение. «К „Помещику“ приложены прекрасные картинки, рисованные г. Агиным, — писал Белинский.— Мы очень рады случаю отдать должную справедливость таланту этого молодого художника. Г. Тимм — бесспорно лучший рисовальщик в России, но в его карандаше ничего нет русского. Смотря на картинки г. Агина, невольно вспомнишь стих Пушкина: „Здесь русский дух, здесь Русью пахнет“. Его картинки к „Помещику“ загляденье!» (X, 173—174, 224).

Со всей определенностью подчеркнул Белинский в своем отзыве национально-своеобразные черты, присущие творчеству Агина.

Иллюстрациям в «Петербургском сборнике» Некрасов придавал не меньшее значение, чем в других изданных им альманахах, но первоначальный замысел — обильно иллюстрировать «Петербургский сборник» — не был реализован[35].

Как бы то ни было, успех альманаха превзошел ожидания. «Успех „Петербургского сборника“ упредил наше о нем суждение,— писал Белинский в другом своем отзыве на эту книгу.— Дивиться этому успеху нечего: такой альманах — еще небывалое явление в нашей литературе. Выбор статей, их многочисленность, объем книги, внешняя изящность издания,— все это, вместе взятое, есть небывалое явление в этом роде; оттого и успех небывалый...» (X, 233). О необыкновенном успехе альманаха Белинский писал Герцену: «Альманах Некрасова дерет, да и только. Только три книги шли на Руси так страшно: „Мертвые души“, „Тарантас“ и „Петербургский сборник“» (письмо от 6 февраля 1846 г.— «Письма», III, 100).

Успех всех трех изданий, из которых два были иллюстрированы, показателен и для популярности «натуральной школы» и вместе с тем для успехов реалистической иллюстрации. Произведения передовой реалистической литературы начинают проникать, наконец, в самую толщу народа. В статье «Мысли и заметки о русской литературе» Белинский говорит о новом читателе, о людях всех сословий, объединенных любовью к литературе: «...все наши нравственные интересы, вся духовная жизнь наша, сосредотачивались до сих пор и еще долго будут сосредотачиваться исключительно в литературе: она живой источник, из которого просачиваются в общество все человеческие чувства и понятия...» (X, 137).

В 1846 г. «Современник» переходит к Некрасову и Панаеву и с нового, 1847 г. становится средоточием передовой литературной и общественной мысли. Некрасовские альманахи — «Физиология Петербурга» и «Петербургский сборник» — были как бы преддверием к «Современнику», подготовкой к нему; собранные в них литературные и художественные силы перешли в «Современник».

Объявляя о подписке на 1847 г., редакция «Современника» обещала своим читателям иллюстрации в журнале, но по техническим причинам не могла осуществить этого обещания. В объявлении о подписке на 1848 г. читаем: «До сей поры не являлось в „Современнике“ политипажей, которые редакция обещала помещать иногда в „Смеси“. По значительному объему книжек и по краткости расстояния в их выходе,— помещение политипажей в самых книжках журнала оказалось неудобным; по крайней мере политипажи, отпечатанные по необходимости наскоро, выходили бы дурно. Поэтому редакция, не желая остаться в долгу у публики, решилась на следующую меру: вы-

дан будет при „Современнике“ безденежно альманах, составленный из статей гг. Гончарова, Майкова, Искандера, Панаева, Тургенева и др. и иллюстрированный известными художниками 〈...〉 Этот же иллюстрированный альманах получат безденежно и те подписчики „Современника“ на 1848 г., которые не подписывались в 1847 году».

В «Иллюстрированном альманахе» завершается собирание художественных сил. В нем принимают участие А. А. Агин, карикатуристы М. Л. Невахович, издатель известного сатирического журнала «Ералаш», и Н. А. Степанов, впоследствии, в 1850—1860 гг., участник революционно-демократического журнала «Искра», и, наконец,

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ВЫХОДЕ В СВЕТ ПЕРВЫХ ВЫПУСКОВ «СТА РИСУНКОВ» А. А. АГИНА К «МЕРТВЫМ ДУШАМ» ГОГОЛЯ, 1846 г.

Автолитография А. А. Агина

гордость русского реалистического искусства — П. А. Федотов, исполнивший иллюстрации к рассказу Достоевского «Ползунков». Некрасов широко задумал иллюстрированную часть альманаха. Из письма Некрасова к художнику Н. А. Степанову мы узнаем, что часть литературного материала, который предположено было иллюстрировать, из-за невыполнения иллюстраций к сроку пришлось отложить, причем в числе отложенного были стихи Некрасова и повесть Григоровича с рисунками Федотова[36].

«Иллюстрированному альманаху» так и не суждено было выйти в свет. 1848 год — год смерти Белинского и бурного развития революционных событий на Западе — был также годом ожесточеннейшего цензурного натиска. Альманах запретили. В карикатурах, которые должны были быть приложены к альманаху, цензор Крылов увидел не меньшую опасность, чем в текстах: «Они не должны быть допускаемы ни в каком

случае, —писал он.— Пущенные в ход карикатуры не остановятся на одних литераторах и артистах. Любители изданий этого рода захотят потом выводить в них администраторов»[37].

В том же 1848 г. Булгарин в доносе Дубельту припоминал Некрасову «Петербургский сборник»: «Некрасов самый отчаянный коммунист: стоит прочесть стихи его и прозу в С.-Петербургском альманахе, чтобы удостовериться в этом. Он страшно вопиет в пользу революции»[38].

В выпущенном вместо «Иллюстрированного альманаха» «Литературном сборнике» (СПб., 1849) имена художников не упоминаются вовсе, а отдельные превосходные гравюры на дереве, резанные по рисункам Федотова, Агина и Неваховича, перенесены из запрещенного альманаха в новый контрабандным путем. Гравюры, предназначавшиеся для разных статей «Иллюстрированного альманаха», неожиданным образом иллюстрируют в «Литературном сборнике» «Трактат о физиогномике», специально придуманный для того, чтобы вызволить эти иллюстрации из издания, попавшего под запрет.

В дальнейшем цензурные условия не позволили редакции «Современника» объединить, как она это намечала, в журнале писателей и художников.

К сожалению, у нас почти нет специальных работ, посвященных цензуре в области изобразительной печатной графики, но и по тому, что известно (приведенный выше отзыв цензора Крылова о карикатурах «Иллюстрированного альманаха», цензорская правка иллюстраций Агина к «Мертвым душам»), можно сделать вывод, что иллюстрация действительно стала соратницей передовой русской литературы, вместе с ней разделяя цензурный гнет и притеснения. Об этом цензурном гнете, тяготевшем над иллюстрацией, достаточно прозрачно рассказано в фельетоне «Из воспоминаний г-жи Иллюстрации»: «Ты пишешь мне, — обращается Иллюстрация к своей сестре в Полинезии, — будто о чуде о знаменитом вашем табу <...> И это, мой добрый друг, у нас есть тоже, но лучше, роскошнее, в другом, отличном, не таком первобытном фасоне. Я испы-

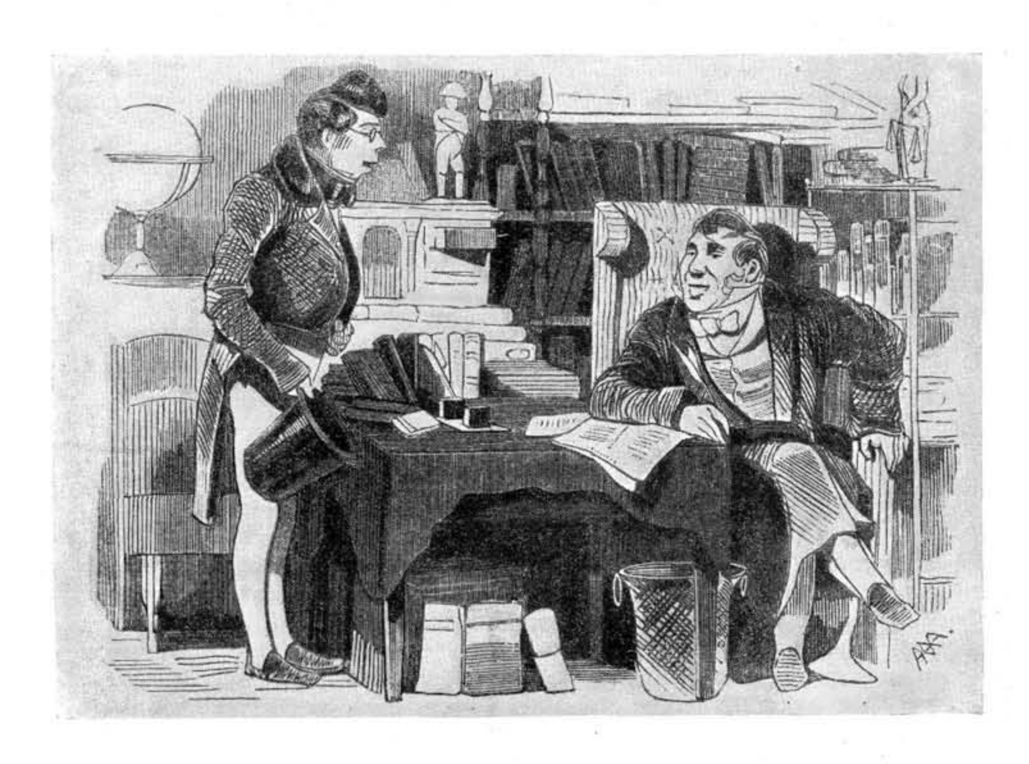

ИЛЛЮСТРАЦИЯ А. А. АГИНА К ОЧЕРКУ И. И. ПАНАЕВА «ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФЕЛЬЕТОНИСТ»
Гравюра на дереве Е. Е. Бернардского
«Физиология Петербурга», ч. II, 1845 г.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ А. А. АГИНА К ОЧЕРКУ И. И. ПАНАЕВА «ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФЕЛЬЕТОНИСТ»

Гравюра на дереве Е. Е. Бернардского

«Физиология Петербурга», ч. II, 1845 г.

тала это. Ты знаешь, как мы от природы нашей неудержно любопытны, бегая здесь и там, хватаясь за все? Я бывало хочу начертить интересный скиц физиономии какого-нибудь круга общества,— схватить все, что вижу в нем любезного, жеманного, смешного,— берусь за работу: мне говорят нельзя (по-вашему табу!) 〈...〉 Уважаю привычки каждой страны и отступаю почтительно» [39].

Под влиянием жестоких репрессий выход в свет иллюстрированных изданий произведений «натуральной школы» после 1848 года, в сущности, прекращается [40].

* * *

Белинский, уделивший в своих гениальных статьях и отзывах большое внимание и иллюстрации, выдвигал и поддерживал таких художников, как Тимм (в лучших его произведениях), Агин, Гагарин, Ковригин, Жуковский. Отзывы Белинского помогают определить основные этапы развития иллюстрации в 1840-х годах.

Первый этап был связан с изданием модных, по образцу французских, салонных *книжек, с иллюстрациями, исполненными на основе натурных зарисовок и оказывающимися*, как правило, лучше текста.

Второй этап—1845—1846 гг.—годы решительного отпора книжной французомании, начавшегося сплочения сил писателей и художников, годы появления «Тарантаса», «Физиологии Петербурга», «Ста рисунков к „Мертвым душам"», «Петербургского сборника», годы, когда русская иллюстрация в лице ее лучших представителей вырабатывает реалистический метод образного истолкования текста.

И, наконец, третий период — 1847—1848 гг., годы сплочения литературно-художественных сил, объединяемых «Современником», и усиления в иллюстрации элементов критического реализма.

Белинский в своем последнем годовом литературном обзоре «Взгляд на русскую литературу 1847 года» так определил ее цели и задачи: «... в лице писателей натуральной школы русская литература пошла по пути истинному и настоящему, обратилась к самобытным источникам вдохновения и идеалов и через это сделалась и современною

и русскою. С этого пути она, кажется, уже не сойдет, потому что это прямой путь к самобытности, к освобождению от всяких чуждых и посторонних влияний» (XI, 107). Русская иллюстрация в 40-х годах, следуя по стопам писателей «натуральной школы», также нашла свой настоящий, прямой путь.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В. А. Соллогуб. Тарантас. Путевые впечатления. СПб., 1845, стр. 113.

[2] «Отеч. записки», 1843, № 6, «Библиографическая хроника», стр. 44—45. Рецензия указана нам Л. Р. Ланским, доказывающим ее принадлежность Белинскому.

[3] Василий Федорович Тимм (1820—1895) — живописец, рисовальщик, литограф. Учился в Академии художеств с 1834 по 1839 г. По окончании Академии (1839) работал, главным образом, как иллюстратор и литограф. В 1844 г. отправлен пенсионером за границу. В 1855 г. получил звание академика батальной живописи. С 1851 по 1862 г. издавал (посредством литографии) иллюстрированный «Русский художественный листок», пользовавшийся огромной известностью. О В. Ф. Тимме см. монографию: В. А. Верещагин. В. Ф. Тимм, СПб., 1911.

[4] Константин Карлович Клодт фон-Юргенсбург (1807—1879) — гравер на дереве, «образователь первых русских ксилографов». С 1837 по 1845 г. преподавал гравирование на дереве в Академии художеств. Участник многих иллюстрированных изданий 1840-х годов — «Тарантаса» (гравировал заглавный лист), «Картинок русских нравов» и др. Будучи гравером, состоял в то же время на военной службе.

[5] См. «Объявление и объяснение» на обложке первого выпуска «Наших, списанных с натуры».

[6] Егор Ильич Ковригин (1819—1853). С 1840 г.— ученик Академии художеств; получил в этом году 2-ю серебряную медаль за рисунок с натуры, в 1842 г.— большую серебряную, за эскиз с натуры. В 1844 г. окончил Академию со званием «свободного художника» и признан «назначенным» за картину «Весталка». В конце 1845 г. уехал в Италию, где пробыл до самой смерти. В Риме пользовался советами А. А. Иванова. Помимо «Путевых записок зайца» Гребенки иллюстрировал издание «Типы современных нравов» Н. Кириллова (СПб., 1845, вып. 1 — повесть «Тертый калач») и ряд повестей и рассказов в альманахе Некрасова «Физиология Петербурга». О Щедровском см. ниже примечание 10. О реалистических иллюстрациях Т. Г. Шевченко в книгах начала 1840-х гг. см. Г. Д. Владимирский и А. Н. Савинов. Т. Г. Шевченко-художник. Л.—М., 1939, стр. 19—20.

[7] С изданием «Наших» связываются первые опыты изготовления клише (политипажей) с помощью гальванопластики, изобретенной в России (академиком Б. С. Якоби). См. «Лит. газету», 1841, № 123.

[8] Г. В. Дерикер — гравер на дереве, ученик К. К. Клодта. Участник ряда иллюстрированных изданий. На выставке в Академии художеств в 1842 г. выставил 24 «политипажа».

[9] Отто Петрович Неттельгорст, барон, — гравер на дереве, ученик К. К. Клодта, преподаватель ксилографии в Технической артиллерийской школе. Участник ряда иллюстрированных изданий. На выставке в Академии художеств в 1842 г. выставил три «политипажа».

[10] «Отеч. записки», 1846, № 2, «Библиографическая хроника», стр. 76. Рецензия не подписана. Авторство Белинского установлено Л. Р. Ланским, который любезно указал нам на эту рецензию. Игнатий Степанович Щедровский (1815—1870) — живописец-жанрист, рисовальщик и литограф. Учился в Академии художеств в качестве вольноприходящего ученика. В 1836 г. получил звание свободного художника. В 1842 г. признан «назначенным» с предложением написать для получения звания академика картину «Русская свадьба». Известен, главным образом, рисунками и литографиями.

[11] «Briefe Wilhelm Timm's an seinen Vater aus Jahren 1841 — 1846». Tartu-Dorpat, 1931, стр. 9.

[12] Там же, стр. 12.

[13] «Картинки русских нравов» имели большой успех. О быстрой распродаже книжек писал Тимм в письме к отцу от 21 апреля 1842 г.: «за 8 дней было распродано 2300 экземпляров» («Briefe W. Timm's...», цит. изд., стр. 28).

[14] «Северная пчела», 1843, № 7, стр. 93.

[15] «Говорун. Записки Петербургского жителя Ф. А. Белопяткина. Глава первая». Напечатан Некрасовым в сборнике «Статейки в стихах...», СПб., 1843.

[16] «Северная пчела», 1843, № 24, стр. 93—94.

[17] «Лит. газета», 1843, № 7, стр. 134—136.

[18] «Отеч. записки», 1843, № 3 и № 5. Рецензии не подписаны. Как некрасовские опубликованы впервые (рецензия на очерк «Извозчик-ночник») в т. IX Полн. собр. соч. Н. А. Некрасова, М., 1950, стр. 77 и сл. и (на очерк «Ворожея») в т. 53—54 «Лит. наследства», стр. 18 и сл.

[19] «Пятьдесят три картины» к «Похождениям Виольдамура» представляют собой собственноручные офорты А. П. Сапожникова. Андрей Петрович Сапожников (1795—1855) — живописец, рисовальщик и гравер-офортист. В молодости посещал в качестве вольноприходящего ученика Академию художеств, затем состоял на службе в Инженерном корпусе (в 1830-х годах—инженер-полковник) и в ведомстве военно-учебных заведений —инспектором черчения и рисования. В 1834 г. издал «Начальный курс рисования» и иллюстрации к басням И. А. Крылова («Басни Ивана Крылова», ч. 1—2, изд. А. Смирдина, СПб., 1834). Видный деятель Общества поощрения художников. Почетный вольный общник Академии художеств. Одна из картин Сапожникова — «Прометей» — хранилась в академическом музее.

[20] В. А. Соллогуб. Воспоминания, СПб., 1887, стр. 188 и 213.

[21] Рисунки Г. Гагарина к «Тарантасу» Соллогуба сохранились в альбомах художника 1839—1840 гг., исследованных А. Н. Савиновым. См. статью А. Н. Савинова «Лермонтов и художник Г. Г. Гагарин» в т. 45—46 «Лит. наследства», стр. 461—466.

[22] См. А. Н. Савинов. Цит. статья, стр. 464. Сатирический смысл инициала прекрасно учел Белинский. В статье «Литературные и журнальные заметки» он, говоря о «пустоте» рецензируемых им статей И. В. Киреевского, печатавшихся под заглавием «Обозрение современного состояния литературы», писал, что статьи эти «показались нам похожими на тот великолепный греческий портик, заслоняющий ветхую крестьянскую избу, который изображен на виньетке „Тарантаса“ графа Соллогуба (стр. 35)» (XIII, 182).

[23] «Лит. газета», 1845, № 14. Заметка Некрасова интересна еще тем, что содержит упоминание об иллюстрированном объявлении (афише), извещавшем о выходе в свет «Тарантаса». «Посмотрите, — писал Некрасов — самое объявление о „Тарантасе“ есть нечто необыкновенное, нечто небывалое на Руси. Какой громадный формат! Какое изящество! На огромном листе вы видите тарантас, запряженный Пегасом, и все это в огромном размере, все это мило, ловко, прекрасно!» Афиша эта не сохранилась.

[24] К. С. Кузьминским в книге «Художник-иллюстратор А. А. Агин, его жизнь и творчество», М., ГИЗ, 1923, и в ряде других статей и книг.

[25] Л. Р. Варшавский. Русская карикатура 40—50 гг. XIX в. М., ОГИЗ — ИЗОГИЗ, 1937, стр. 45.

[26] Григорий Григорьевич Гагарин, князь (1810—1893) — рисовальщик, акварелист, живописец (баталист), архитектор, исследователь древнерусского и византийского искусства; в 1826—1839 гг. состоял на дипломатической службе, с 1841 г. на военной (на Кавказе, где дружил с Лермонтовым), с 1859 по 1872 г.— вице-президент Академии художеств. Ученик К. П. Брюллова. Большинство рисунков и акварелей Гагарина хранится в Гос. Русском музее (Ленинград).

[27] «Библиотека для чтения», 1845, т. 69, стр. 40 («Лит. летопись»).

[28] «Лит. газета», 1845, № 14. Евстафий Ефимович Бернардский (1819— ум., вероятно, в 1860-х гг.) — гравер на дереве. С 1838 г.— вольноприходящий ученик Академии художеств. Ученик К. К. Клодта. При участии Бернардского вышли почти все лучшие иллюстрированные издания 1840-х годов, в том числе некрасовские альманахи. Был близок к кружку петрашевцев, арестован, привлекался к следствию. После освобождения из Петропавловской крепости (в июле 1849 г.) отдан был под секретный надзор (см. сб. «Петрашевцы», т. III, М.—Л., 1928, стр. 346; Л. М. Жемчужников. Мои воспоминания из прошлого, вып. 1. От кадетского корпуса к Академии художеств, М., 1926, стр. 104).

[29] Александр Алексеевич Агин (1817—1875) учился в Академии художеств (с 1834 по 1839 г.). Ученик К. П. Брюллова. В 1839 г. получил звание учителя рисования. В качестве иллюстратора выступил впервые в «Лит. газете» за 1844 г. (иллюстрации к повести Е. П. Гребенки «Злой человек» и др.). По заказу Общества поощрения художников исполнил 82 иллюстрации к «Ветхому завету», гравированные на металле К. Я. Афанасьевым и изданные в виде альбома в 1846 г. Иллюстрации к Гоголю — крупнейшая работа Агина — в полном виде изданы лишь в 1892 г. («Сто четыре рисунка к поэме Н. В. Гоголя „Мертвые души“». Изд. Д. Федорова, СПб., 1892). Свыше 30 подлинных рисунков Агина к «Мертвым душам» хранятся в Гос. Русском музее в Ленинграде, два — в Гос. Историческом музее в Москве (опубликованы в т. 55 «Лит. наследства», стр. 215 и 219). После 1848 г. деятельность Агина-иллюстратора почти прекращается. В середине 1850-х годов Агин поступает на службу в Киевский кадетский корпус учителем рисования, по увольнении из корпуса существует, главным образом, уроками. В последние годы жизни Агин сблизился с семьей киевского театрального деятеля В. Д. Рокотова (см. Ал. Алтаев. Памятные встречи.— М.— Л., 1945, гл. I). Умер в Черниговской губернии, в крайней бедности.

Об Агине см. книжку Т. С. Айзенман. А. Агин, М., 1949 (с 25 илл.), верно освещающую творчество художника.

[30] Н. А. Некрасов. Неизданные стихотворения, варианты и письма, Пг., 1922, стр. 180.

[31] «Иллюстрация», 1847, № 15, стр. 237.

[32] Рудольф Казимирович Жуковский (1814—1886) — живописец, рисовальщик и литограф. С 1833 г.— ученик Академии художеств. В 1839 г. получил звание свободного художника. В начале 1840-х годов приобрел известность обширной серией жанровых литографий под названием «Scènes populaires russes», изданной Дациаро. В 1853 г. признан «назначенным» в академики за «работы по живописи народных сцен». В начале 1860-х годов состоял преподавателем в рисовальной школе Общества поощрения художеств, где одно время, до поступления в Академию, его учеником был И. Е. Репин.

[33] «Физиология Петербурга», СПб., 1845, ч. II, стр. 270.

[34] Там же, стр. 163.

[35] Об этом сохранился рассказ художника Павла Петровича Соколова (1826—1905). Некрасов и Панаев обратились к П. П. Соколову с просьбой принять участие в иллюстрировании «Петербургского сборника». Некрасов сам дал ряд указаний художнику относительно иллюстраций: «Так вот, г. Соколов, мы это так сделаем, как Панаев вам уже говорил, а к моим стихотворениям я вас попрошу нарисовать две или три виньетки. Но главной вещью этого альманаха, самой выдающейся, будет повесть Достоевского „Бедные люди"; уж вы, пожалуйста, постарайтесь передать эти бесподобные типы...».—«По моему совету,— пишет Соколов,— Некрасов решился ограничиться одним заглавным листом; это было бы и дешевле и скорее могло быть выполнено. На большом листе я собрал все цветы поэзии этого альманаха в виде большого букета с группою из повести „Бедные люди"» (П. П. Соколов. Воспоминания, Л., 1930, стр. 111—112).

Нарисованный Соколовым «заглавный лист» получил, повидимому, другое назначение. Он был, надо думать, использован для объявления о выходе «Петербургского сборника», о котором говорится в рецензии «Северной пчелы»: «На Невском проспекте, в многолюдной кондитерской Излера всенародно вывешено великолепное карточное объявление о „Петербургском сборнике". На вершине сего отлично расписанного яркими цветами объявления, по сторонам какого-то бюста, красуются, спиной друг к другу, большие фигуры „Макара Алексеевича Девушкина" и „Варвары Алексеевны Доброселовой", героя и героини повести г. Достоевского „Бедные люди". Один пишет на коленях, другая читает письма, услаждающие их горести» («Северная пчела», 1846, № 48). Объявление это не сохранилось.

[36] Н. А. Некрасов. Собр. соч., т. V, М.— Л., 1930, стр. 109. См. также письмо Некрасова к Степанову от 24 января 1848 г., опубликованное в т. 51—52 «Лит. наследства», стр. 70—71. Там же даны сведения об участии Н. А. Степанова (1805—1877) в «Иллюстрированном альманахе» Некрасова.

[37] В. Евгеньев-Максимов. «„Современник" в 40—50 гг. От Белинского до Чернышевского». Л., 1934, стр. 252.

[38] Там же, стр. 240—241.

[39] «Иллюстрация», 1847, № 42.

[40] Наш обзор развития русской реалистической иллюстрации 1840-х годов будет неполон, если не назвать «Лит. газеты», в которой сотрудничал Некрасов, и журнала «Иллюстрация», редактором которого с 1847 г. был Башуцкий, издатель «Наших, списанных с натуры». Оба издания много содействовали развитию русской реалистической иллюстрации. «Лит. газета» помещала бытовые очерки с иллюстрациями Агина, Ковригина, Р. Жуковского. Отзывы ее об иллюстрированных изданиях, в основном, совпадали с оценками Белинского. «Иллюстрация» ставила своей задачей «отражать русскую жизнь». Сотрудничали в ней те же графики-реалисты, что и в «Лит. газете». «Иллюстрация» по инициативе Башуцкого организовала граверную мастерскую, ставшую центром ксилографского искусства, печатала отзывы об иллюстрированных изданиях, объявления о подписке на них и т. д. Наконец, в отдельных заметках и даже в специальном фельетоне «Иллюстрация» рассказывала о художниках, о граверах, об условиях распространения иллюстрации в России.

К. А. ГОРБУНОВ— ПОРТРЕТИСТ БЕЛИНСКОГО

Статья Натальи Эфрос

Несмотря на громадную популярность, которой пользовался в последние годы своей жизни Белинский, читатели-современники, если они не принадлежали к литературно-журнальным кругам Петербурга 1840-х годов, не знали черт лица знаменитого критика. Первый печатный портрет Белинского появился лишь десять лет спустя после его смерти в журнале «Иллюстрация» 1858 г.[1] Однако это первое печатное изображение Белинского представляло собой такой грубый, искаженный вариант одного из сохранившихся его портретов, что и отдаленно не напоминало его облика.

Публикация портрета вызвала возмущение друзей критика, выступивших с протестом в печати. «В 20 номере „Русской иллюстрации“,— писал в «Современнике» И. И. Панаев,— помещен политипажный портрет (будто бы) Белинского. Считаем долгом объявить, что это не портрет, а неудачная фантазия, не имеющая никакого сходства с покойным, которого мы знали коротко и близко. Мы посоветовали бы редактору быть поосмотрительнее в такого рода случаях»[2]. Редактор «Иллюстрации» В. Р. Зотов не обошел молчанием выпада Панаева. «...Я не знал лично Белинского,— указывал он в своем ответе «Современнику»,— хотя в его время вступил на литературное поприще. Но, храня в душе своей глубокую благодарность за жестокий и справедливый отзыв его о первом моем стихотворном произведении и доброе слово о первой повести, я считаю себя счастливым, что мог познакомить читателей „Иллюстрации“ с чертами лица писателя, которым гордится наша литература. „Современник“ нашел, что портрет не похож и советует быть осторожным. В чем? спросим мы в свою очередь.

При жизни Белинского портрета его не было в продаже; его даже не рисовали в карикатуре, как редакторов „Современника“. По смерти критика еще труднее было достать верное его изображение, и мы получили его совершенно случайно. Думаем, что все искренние почитатели Белинского будут нам, напротив, благодарны за это. Явившись после „Современника“ в журнальном мире, наша газета ставит себе в заслугу то, что она дала читателям портрет Белинского и вид его могилы. Это могло бы придти в голову и журналу, уверяющему в своем уважении к знаменитому критику»[3].

Разумеется, на долю Зотова выпала мало благодарная задача защищать напечатанный в «Иллюстрации» не вполне грамотный и несхожий политипажный рисунок, выдаваемый за портрет Белинского. И все же слова Зотова не лишены истины. Число прижизненных портретов критика было на самом деле крайне ограничено. Не осталось даже дагерротипного снимка с Белинского, хотя в его время дагерротип получил уже довольно широкое распространение. Что касается друзей критика, то они действительно к моменту появления неудачного портрета в «Иллюстрации» еще ничего не сделали для популяризации немногих из существовавших изображений писателя. Лишь год спустя Ф. И. Иордан, по их инициативе, выгравировал портрет Белинского для первого собрания его сочинений, но гравюра, датированная 1859 г., была приложена к XII тому этого собрания, вышедшему в свет только в 1862 г.

Мы не знаем, чем объяснить, что образ знаменитого критика, связанного личным знакомством с рядом художников (в частности, с Карлом Брюлловым), так мало отображен в живописи. Как бы то ни было, известны только три портретиста, делавшие портреты Белинского с натуры: студент Межевого института Н. Мартынов, Е. А. Языкова и К. А. Горбунов. Но поскольку первые два являются не более чем любителями-дилетантами, — Горбунова следует рассматривать как единственного портретиста Белинского.

Горбунов делал портреты Белинского несколько раз. Известны следующие портреты критика, им исполненные:

1. Акварель, 1838 г.
2. Рисунок, 1843 г.
3. Автолитография с этого же рисунка, 1843 г.
4. Портрет маслом, изображающий Белинского на смертном одре, 1848 г.
5. Автолитография 1843 г., дорисованная на другой день после смерти Белинского, 1848 г.
6. Портрет маслом, 1871 г.

Жизнь и творчество К. А. Горбунова очень мало изучены. Серьезное внимание Горбунов начинает привлекать только в советское время. Выходец из народа, человек богато одаренный природой, певец и живописец, создавший целую портретную галлерею замечательных русских людей 1840-х годов, портретист Белинского, Герцена, Кольцова, Тургенева, Лермонтова, Гоголя и ряда других выдающихся современников, со многими из которых, как и с Белинским, его связывала личная дружба, — Горбунов естественно вызывает интерес советских исследователей. Однако появившиеся до сих пор работы о нем[4], как и настоящая статья, освещают лишь отдельные эпизоды из его биографии, и Горбунов — художник и человек еще ждет своего исследователя.

* * *

Кирилл Антонович Горбунов (1822—1893), с 1851 г. академик портретной живописи, был земляком Белинского, крепостным чембарских помещиков Владыкиных, с которыми Белинский находился в отдаленном родстве. Когда и при каких обстоятельствах произошло знакомство Белинского с Горбуновым, не установлено. В легенде, сложившейся на родине художника, рассказывается, будто Белинский увидел Горбунова еще мальчиком в имении Владыкиных, угадал его талант и помог юноше переехать в Петербург, получить «вольную» и поступить в Академию[5]. Рассказ этот мало достоверен. Белинский был в Чембаре последний раз в 1830 г., когда Горбунову исполнилось всего лишь восемь лет. Трудно предположить, что к этому времени способности ребенка, несмотря на действительно очень раннее его развитие, уже настолько обнаружились, чтобы обратить на себя внимание. Более вероятно, что Белинский познакомился с юным художником позднее, в Москве, где с 1836 г. Горбунов находился среди учеников Московского художественного класса[6]. По чьей инициативе был отдан туда Горбунов и имел ли к этому отношение Белинский, мы не знаем. Материалы архива Художественного класса дают лишь очень скудные сведения о пребывании в нем Горбунова. По правилам класса, существовавшего на средства «Общества любителей художеств», за счет каждого члена Общества могли обучаться бесплатно один-два ученика. Указания на то, кто платил за учение Горбунова, в документах класса мы не нашли. В списках членов Общества отсутствует и фамилия Владыкиных — «господ» Горбунова. Между тем судьба его, как крепостного, не могла решаться помимо них.

У помещиков Владыкиных практиковалась посылка дворовых мальчиков в Москву для обучения ремеслам. В письмах к Белинскому брата его Константина Григорьевича есть указание на то, что в октябре 1834 г. в Москву были отправлены из Владыкина 10—12 мальчиков[7]. Не лишено вероятия, что среди них мог быть и Горбунов. Возможно также, что его привезла в Москву его барыня М. А. Владыкина, переехавшая туда со всем семейством в конце того же 1834 г.[8] По свидетельству Буслаева, бывавшего у Владыкиной в 1835—1836 гг., он встречал там Белинского[9]. Вполне правдоподобно, что здесь, в московском доме Владыкиных, Белинский впервые увидел и заинтересовался одаренным подростком.

ТЕПЛИЦЪ.

Представляя портретъ нашего перваго критика, Виссаріона Григорьевича Бѣлинскаго и видъ могилы его на Волковомъ кладбищѣ, отлагаемъ до одного изъ слѣдующихъ нумеровъ «Иллюстраціи» критическій очеркъ объ этомъ писателѣ.

НОВЫЙ САРДИНСКІЙ ПОРТЪ СПЕЦІЯ.

СТАТИСТИКА КАТОЛИЧЕСКАГО ДУХОВЕНСТВА.

ПЕРВОЕ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ В ПЕЧАТИ ПОРТРЕТА БЕЛИНСКОГО И ВИДА ЕГО МОГИЛЫ

«Иллюстрация», 1858 г., № 20 от 22 мая

В литературе о Белинском имя Горбунова появляется не ранее 1838 г. Однако к этому времени мы уже видим «Кирюшу» (так называл Горбунова и сам Белинский и его друзья) среди интимно близких людей критика. К 1838 г. относится первый портрет Белинского, сделанный Горбуновым. Это одна из наиболее ранних работ художника, и самое появление ее служит доказательством существовавшей между ними близости. Шестнадцатилетний ученик Художественного класса, каким был тогда Горбунов, едва ли располагал возможностью делать портреты вне узкого круга лиц, с которым он непосредственно соприкасался. Их близость подтверждается и рядом других фактов. В том же 1838 г. Горбунов рисует Кольцова, с которым, очевидно, познакомился у Белинского. В письмах поэта к Белинскому, начиная с этого времени, имя Горбунова упоминается рядом с именами людей из ближайшего окружения критика[10]. Летом 1838 г., отправляясь к Бакунину в Премухино, Белинский берет с собой Горбунова: «Спешу тебя уведомить, что Белинский, Боткин, Лангер и маленький живописец все отправились в гости в деревню к Бакунину»,— сообщает С. Т. Аксаков сыну Константину 1 июля 1838 г.[11] Не вызывает сомнения, что под «маленьким живописцем» здесь подразумевается Горбунов. О Горбунове, как о человеке очень близком Белинскому, говорят в письмах к критику П. Д. Козловский, В. П. Боткин, А. Я. Кульчицкий, Н. Г. Белинский [12].

Биографы Белинского отмечают дружеские чувства его к Горбунову. Действительно, рассеянные в письмах критика упоминания о художнике проникнуты большой теплотой и симпатией к нему. Несмотря на разницу лет и интеллектуального уровня, в отношении Белинского к Горбунову нет ни тени покровительства или менторства. Он обращается с ним, как заботливый старший брат или старший товарищ. Белинского привлекала в художнике даровитость его натуры. В письме к В. П. Боткину от 11 декабря 1840 г., жалуясь на одиночество среди окружавших его в Петербурге людей, Белинский пишет: «Несмотря на свое еще детство, мне Кирюша ближе, чем они 〈петербуржцы〉—я вижу в нем семя благодати божьей» («Письма», II, 191).

Расположению Белинского к Горбунову немало способствовало, несомненно, и бесправное положение юноши. Известно, как болезненно воспринимал Белинский российскую крепостную действительность и какое сочувствие в особенности возбуждала в нем участь крепостной интеллигенции. В юности критику случалось подолгу гостить в богатом имении Владыкиных — владельцев Горбунова. По словам автора книги о молодом Белинском, он хорошо знал: «быт 〈...〉 этого помещичьего дома, набитого челядью, живущего беззаботной „обломовской“ жизнью рядом с сотнями крепостных рабов»[13]. Будущее крепостного художника «господ Владыкиных» не могло не внушать Белинскому беспокойства. Не менее тревожно было и настоящее Горбунова. Получив доступ к художественному образованию, Горбунов в качестве крепостного человека постоянно находился под угрозой быть лишенным возможности продолжать его. В недавно вышедших работах о художнике, на основе новонайденных архивных документов, исследователи излагают историю его борьбы за освобождение, закончившейся, как известно, получением Горбуновым «вольной». Эту борьбу исследователи связывают с намерением Горбунова перейти для усовершенствования в живописи в Петербургскую Академию художеств, двери которой оказались для него закрытыми, так как Академия не разрешала приема крепостных[14]. Архивные материалы Художественного класса показывают, что борьба началась еще раньше и имела свою московскую предисторию. Руководители класса, организованного, как учреждение полулюбительского типа, добивались превращения его в официальное учебное заведение, в той или иной форме связанное с Академией. И хотя это произошло лишь в 1843 г.— уже в 1837 г. новое положение о классе, применительно к порядкам Академии, предлагает принимать «для образования молодых художников» только лиц «свободных званий»[15]. Таким образом, с первых же лет обучения Горбунов не был уверен в прочности своего положения. Обнаруженное нами в архивных фондах письмо директора класса М. Ф. Орлова к помещице Горбунова М. А. Владыкиной служит яркой иллюстрацией тех условий, в которых находился и сам живописец и другие крепостные ученики художественных учебных заведений.

Приводим полностью этот документ.

Сего 29 мая 1839-го года. Москва

Милостивая государыня
Марфа Андреевна,

Я долго не имел чести отвечать на ваше письмо единственно потому, что ожидал публичной выставки произведений Художественного класса и чтобы вместе уведомить вас, милостивая государыня, о мнении моем на счет Горбунова и о успехах его.

Вся московская публика, удостоившая класс своим посещением, общим приговором единогласно ⟨1 нрзб⟩ и торжественно признала, что Горбунов и Бодри занимают первое место между нашими учениками; но Бодри трудится уже 5 лет и имеет слишком 20 лет от роду, а Горбунов весьма молод и не более 3-х лет ходит к нам в класс.

Следовательно и тут выгода остается на стороне Горбунова. Вслед за публикой я вместе с профессором произношу такой же приговор и сверх того могу еще засвидетельствовать о добром поведении, об усердии и вообще о благородных склонностях Горбунова. Все это побуждает меня, милостивая государыня, просить убедительно вас об освобождении Горбунова. Теперь он начал вместе со своими товарищами ⟨2 нрзб⟩ приготовлять картины ⟨2 нрзб⟩ для Академии Художеств. Другие как вольные ученики получат вероятно медали и похвальные листы, а он, несчастный, будучи крепостным, по положению Академии отстранен будет от всяких награждений и вероятно ⟨в⟩падет в горесть и уныние.

Поверьте мне, милостивая государыня, не вольность испортит его нравственность, но отчаянье, ибо талант столь отменный не может ⟨1 нрзб⟩ существовать в рабстве. Умилостивьтесь к нему и пришлите ему отпускную, которую я буду держать у себя сколько вам будет угодно.

С истинным почтением и с полною надеждою на благодетельное сердце ⟨ваше⟩ имею честь пребывать, милостивая государыня, ваш покорнейший слуга ⟨М. Ф. Орлов⟩[16].

Из письма Орлова явствует, что Владыкина не соглашалась отпустить юношу, мотивируя свой отказ «заботой» об его нравственности («не вольность испортит его нравственность», — пишет Орлов, очевидно парируя такое утверждение помещицы). Аргументы Орлова не имели успеха. В течение двух лет еще (до 31 марта 1841 г.) Владыкина не освобождала Горбунова, отделываясь, по выражению В. П. Боткина, «разными экивоками и притворными шутками» от просьб художника[17].

В эти мучительные для Горбунова годы неизвестности и опасений за свое будущее, он, конечно, находил большую моральную поддержку у Белинского, Достаточно вспомнить замечательные слова критика о «звании человека», сказанные в письме к В. П. Боткину, чтобы представить себе каким живительным должно было быть для юноши общение с Белинским. «Ты знаешь, — пишет в этом письме Белинский, — имеет ли для меня какое-либо значение звание человека — и только скот попрекнет тебя купечеством, Кудрявцева и Красова — семинарством, Кирюшу — лакейством» (Горбунов был сын дворового. «Письма», II, 197). Переехав в конце 1839 г. в Петербург, сам еще не устроенный на новом месте, перегруженный работой, Белинский не забывает о Горбунове. В письмах к В. П. Боткину он постоянно справляется о «Кирюше», интересуется ходом его переговоров с Владыкиной, радуется всему (как, например, знакомству художника с Гоголем), что может быть для него полезным («Письма», II, 45). Он зовет Горбунова в Петербург, а по приезде художника еще больше сближается с ним. Одно время они живут даже в одном доме. Мы уже приводили свидетельство Белинского о том, как дорожил он обществом Горбунова среди чуждых ему петербуржцев. И здесь, как и в Москве, Белинский вводит художника в литературную среду, помогает ему завязать нужные знакомства и связи. Вскоре он уже с удовлетворением сообщает Боткину, что «Кирюша начинает подыматься на ноги, пустился в знать: рисует портрет Всеволожского, познакомился с его женою (через Языкова) и рисует портреты с ее родни; представлялся Одоевскому, Жуковскому, который хочет писать к его барыне» («Письма», II, 193). Такое же желание выразил и В. Ф. Одоевский, о чем свидетельствует сохранившаяся записка к нему художника[18].

Белинский оказывал Горбунову поддержку и в печати. Первое выступление художника с публичным показом своих работ в марте — апреле 1839 г. было встречено

восторженным отзывом «Московского наблюдателя», редактировавшегося Белинским. В отчете о выставке в Московском художественном классе, где экспонировались картины Горбунова, анонимный рецензент журнала писал:

«В последние дни внимание Москвы было обращено на выставку картин в Московском Художественном классе, и мы спешим сказать несколько слов об этом интересном предмете. Художественный класс, учрежденный несколькими любителями изящного и руководствуемый тремя академиками, доказывает своими быстрыми успехами, какая благодарная почва русская душа, с какой изумительной скоростью возрастают и зреют на ней не только посеянные и тщательно развиваемые, но и едва как бы невзначай брошенные семена. Не простых, хотя и искусных в материальной стороне искусства, ремесленников, а талантов, подающих надежды, и не ученические, а мастерские произведения, выставлены в зале „Художественного класса". Из них особенное внимание заслуживают витрины молодого художника г. Горбунова, подающего блестящие надежды в будущем. Пиша с натуры, ученики „Художественного класса" при старании быть верными оригиналу, стараются еще внести в копию и свою мысль, им одним принадлежащую,— и вот с этой-то точки зрения должно смотреть на все их картины, г. Горбунова преимущественно, потому что оригинальная, самобытная и прекрасная мысль ярче чем у других высказывается в его произведениях. Портреты его отличаются удивительным сходством с оригиналами. В них уловляется жизнь, а не только черты лица»[19].

Для каждого начинающего художника такой отзыв был бы чрезвычайно важен, но трудно переоценить все значение его для крепостного художника, для которого общественное признание — успех в работе, очень часто являлся, помимо всего прочего, и путем к свободе[20], и не случайно в приведенном выше письме Орлова просьба об освобождении Горбунова подкрепляется ссылкой на одобрение, которое получили горбуновские картины у публики.

Цитированная статья о выставке в Художественном классе напечатана без подписи. Автор ее не установлен. Но высказанные им взгляды на портретную живопись соответствуют взглядам самого Белинского, также требовавшего от портрета не только внешнего сходства с оригиналом, но и характеристики портретируемого лица. «Уметь списать верно портрет,— писал критик,— есть уже своего рода талант, но этим не оканчивается все. Обыкновенный живописец сделал очень сходно портрет вашего знакомого; сходство не подвергается ни малейшему сомнению в том смысле, что вы не можете не узнать сразу, чей этот портрет, а все как-то недовольны им, вам кажется будто он и похож на свой оригинал и не похож на него. Но пусть с него же снимет портрет Тыранов или Брюлов — и вам покажется, что зеркало далеко не так верно повторяет образ вашего знакомого, как этот портрет, потому что это будет уже не только портрет, но и художественное произведение, в котором схвачено не одно внешнее сходство, но вся душа оригинала» (XI, 98).

Не расходится автор анонимной статьи с Белинским и в оценке Горбунова как художника. Ряд высказываний критика о горбуновских работах разного времени свидетельствуют о весьма положительном отношении его к творчеству молодого живописца. «Сегодня Кирюша, оставшись наедине <...> подал мне твой портрет,— пишет он Боткину,—<...> портрет твой удался, ты на нем как живой — вся душа твоя, твои глаза и грустно-любовно сжатые губы — страх хотелось поцеловать...» («Письма», II, 266). «Портрет Грановского вышел у Горб<унова>[21] чудо из чудес,— говорит он в письме к Герцену,— твой, о Герцен, очень похож, но никому не нравится. Это не ты, — ты должен быть весел <...> Портрет Натальи Александровны; прелесть; я готов был бы украсть его, еслиб представился случай. Как хорош портрет Щепкина! Слеза, братец мой, чуть не прошибла меня, когда я увидел эти старые, но прекрасные с их старостью черты. Мне показалось, будто он, друзьяка, сам вошел ко мне <...>» («Письма», III, 95).

Подготовляя в 1846 г. к печати посмертное издание стихотворений Кольцова, Белинский прилагает к изданию портрет поэта, сделанный Горбуновым, а в своей статье «О жизни и сочинениях Кольцова», предпосланной книге, говорит о «поразительном сходстве этого портрета (снятого в 1838 г.) с оригиналом» (X, 291).

В письмах к Боткину в октябре—декабре 1840 г. он упоминает о «Мадонне» Бронзино, копировавшейся тогда Горбуновым, восхищаясь одновременно и подлинником и копией. «Его ⟨Горбунова⟩ копия с Мадонны Бронзини, — говорит он, — измучила меня наслажденьем» («Письма», II, 177).

Белинский делал Горбунову и дружески «заказы» на портреты. Некоторые из горбуновских работ были исполнены по инициативе критика. Так, тоскуя в Петербурге по московским друзьям, Белинский писал Боткину: «образ свой, образ шли скорее. Садись, сажай Кирюшу и — шли. Да нельзя ли уж и Кудрявцева, Каткова ⟨...⟩ милого Грановского» («Письма», II, 69).

В следующем письме он повторяет эту просьбу: «похлопочи ⟨...⟩ скорее о своей, Каткова и Кудрявцева физиономиях» («Письма», II, 94)[22]. Когда у Краевского умерла жена (апрель 1842 г.), Горбунов, по просьбе Белинского, пишет портрет покойной. «...я, — рассказывает в письме к Боткину Белинский, — написал ⟨...⟩ записку Кирюше. Добрый Кирюша, который давно уже бросил портреты, чтобы отличиться на экзамене, часов в 9 явился к нему ⟨Краевскому⟩ и, когда я пришел, увидел его у стола, подле тела с палитрой и кистью — портрет удался» («Письма», II, 298).

Воспоминания современников рисуют в привлекательных чертах нравственный облик Горбунова. «Это был, — рассказывает мемуарист, — человек честный, чистой души и добрый»[23]. Сохранившаяся переписка Горбунова 1840-х годов показывает его человеком целеустремленным, страстно отдающимся своему призванию: «Искусство всегда питало мою душу, — говорит он в письме к художнику П. А. Захарьину (22 ноября 1844 г.), — но теперь оно согревает еще более ее. Это уже не мечта, а самое дело. В настоящее время я тогда только живу, когда работаю ⟨...⟩ Моя жизнь получила смысл, которого я прежде не видел...»[24]. Занятия живописью Горбунов делит с занятиями музыкой — пением. В одном из писем он приводит список разученных им романсов русских композиторов (Глинки, Варламова, Билибина и др.) с характерными пометами против отдельных вещей — «пою с любовью», «пою с душой»[25]. По свидетельству цитированного мемуариста, «голос его был молодой, звучный, громкий и приятный»[26].

То немногое, что мы в настоящее время знаем о Горбунове, не позволяет со всей конкретностью определить характер и степень влияния Белинского на формирование личности и дарования художника. Вместе с тем невозможно предположить, чтобы длительная и тесная близость с великим критиком не оказала глубокого воздействия на молодого живописца. Вероятно, Белинскому в какой-то мере обязаны горбуновские портреты своей исключительной простотой и реализмом. Художник избегает всякой эффектности, не дает никаких лишних аксессуаров, он стремится выявить лишь внутренний облик, духовный склад портретируемого им человека. И, быть может, не случайно, как отмечают советские исследователи, расцвет творчества Горбунова падает на 1840-е годы — годы близости с Белинским и его кругом[27]. Во всяком случае можно смело сказать, что в судьбе художника дружба с Белинским сыграла решающую роль. Мы видели, что Белинский вводит его в литературную среду; благодаря Белинскому он получает возможность войти в общение с людьми, составлявшими цвет русской культуры эпохи, запечатлеть их образы и выполнить тот труд, который обеспечил ему заслуженное место в истории русского портретного искусства.

* * *

Первый портрет Белинского был сделан Горбуновым, как указано выше, в 1838 г. Это акварель (погрудная, $^3/_4$ вправо, размером 20×24 см), не подписанная и не датированная. Автор и дата определяются на основании пометы на оборотной стороне рисунка, сделанной рукой В. П. Боткина, которому принадлежала акварель[28]. После смерти В. П. Боткина (1869 г.) портрет находился у М. П. Боткина, у которого его видел А. Н. Пыпин, упомянувший это изображение критика в своем труде о нем[29]. В 1877 г. М. П. Боткин передал портрет в Публичную библиотеку (Ленинград), где он хранится и до настоящего времени. В отчете Библиотеки за 1877 г. акварель значится в рубрике художественных приобретений, «заслуживающих особенного упоминания»[30].

Портрет 1838 г. исполнен в мягких тонах. Белинский изображен на нем еще совсем молодым, почти юношей, с неправильными, но приятными чертами лица, высоким лбом, с задумчивыми голубыми глазами, и на всем облике критика лежит печать большого внутреннего изящества (см. воспр. «Лит. наследство», т. 55, вклейка, стр. VIII).

Несмотря на существование приведенных печатных сведений о портрете, он был впервые опубликован А. И. Кондратьевым лишь в 1924 г.[31]

Неизвестен отзыв о портрете ни самого Белинского, ни кого-либо из современников. Сам художник в письме к П. М. Третьякову 1871 г. (см. ниже) отозвался о портрете, как об юношеской, недостаточно зрелой работе, хотя по его словам он и «был набросан ловко и имел сходство». Пыпин оставил поэтому вопрос о сходстве портрета открытым. А. И. Кондратьев решил его положительно, сличив горбуновскую акварель с другим акварельным портретом Белинского, сделанным в том же 1838 г. студентом Межевого института Мартыновым. Эта акварель была опубликована впервые в 1881 г.[32] и оставалась неизвестной Пыпину, книга которого вышла в свет в 1876 г. Сравнивая обе акварели, нельзя не согласиться с А. И. Кондратьевым, что «сходство обоих портретов очевидно. Разница только в том 〈...〉, что портрет работы К. Горбунова сделан не дилетантом-учеником, а настоящим художником-портретистом»[33].

С горбуновского портрета П. А. Брюлловым была снята копия для А. Н. Пыпина. Она хранится в Музее Пушкинского дома в Ленинграде.

Следующим в хронологическом порядке изображением Белинского, сделанным Горбуновым, является портрет 1843 г. Не исключено, впрочем, что в промежутке между 1838 и 1843 гг. художник исполнил еще один портрет Белинского, до нас не дошедший. Из переписки критика с родными мы узнаем, что в 1840 г. он прислал в Чембар Ф. С. Ивановой свой портрет[34]. Едва ли это могла быть одна из двух указанных акварелей 1838 г., принадлежавших: первая — В. П. Боткину, вторая — П. Д. Козловскому. Речь идет, видимо, о каком-то неизвестном нам портрете. Автором его, скорее всего, мог быть Горбунов, в тот период особенно близкий Белинскому.

Горбуновский портрет Белинского 1843 г. — один из самых распространенных портретов писателя. Пыпин называл его «почти единственным известным портретом критика»[35]. И действительно, другие прижизненные его портреты появляются в печати значительно позднее[36].

Портрет исполнен Горбуновым карандашом и в литографии (поясн., $^3/_4$ вправо, разм. 24×19 см; воспр. см.: «Лит. наследство», т. 55, стр. 19 и т. 56, стр. 77). Рисунок подписан и датирован художником. На литографии, очень точно повторяющей рисунок, сохранена только подпись. По указанию Пыпина, литография была сделана в том же 1843 г., что и рисунок, или около того же времени. На листах обозначено, что они отпечатаны в «Литографии Главного управления путей сообщения и публичных зданий (под дирекцией К. Поля)». Горбуновские литографии печатались в ограниченном количестве экземпляров, в продажу не поступали и предназначались лишь для близких и друзей. Количество выпущенных листов с портретом Белинского было также очень невелико. Таким образом, существование литографированного портрета Белинского 1843 г. не опровергает сказанного выше, что до 1858 г. портреты критика не были известны широкому кругу его читателей.

В историю русской литографии Горбунов вошел как выдающийся литограф. Исполненные им листы отличаются большим мастерством. По утверждению исследователя, среди литографий Горбунова портрет Белинского «едва ли не лучшая»[37].

Карандашный оригинал портрета 1843 г. находится теперь в Третьяковской галлерее. Ранее он принадлежал М. А. Языкову. «В настоящее время 〈1880 г.〉,—рассказывает последний,— у меня хранится 〈...〉 портрет Белинского, писанный карандашом юным художником в конце 30-х гг. 〈sic!〉, а ныне почтенным академиком К. А. Горбуновым...»[38]

Горбуновский портрет Белинского 1843 г.—первый из портретов критика, воспроизведенный в печати. С него был сделан упомянутый выше искаженный политипаж в «Иллюстрации» (см. воспр.: наст. том, стр. 359), а затем много копий и подражаний. Из ранних публикаций портрета следует отметить прекрасное

литографированнное повторение его в «Русском Художественном листке» Тимма 1862 г., № 29). В подписи под портретом указано, что это воспроизведение рисунка с натуры, сделанного в 1843 г.

Карандашный оригинал портрета 1843 г., несмотря на то, что он находится в Третьяковской галлерее, в каталогах которой он значился с 1896 г., и на цитированное свидетельство Языкова и указание Тимма, остался неизвестным устроителям выставки в память Белинского (1898 г.). Это явилось источником неверных сведений по иконографии Белинского, проникших в литературу. В предисловии к альбому выставки, изданному К. А. Фишером, издатель указывает, что литография 1843 г. была будто бы исполнена Горбуновым с его же оригинала маслом, хранящегося в Радищевском музее в Саратове[39]. Между тем портрет маслом, о котором идет речь, был написан Горбуновым только в 1871 г. (см. ниже). Не знал о рисунке и Венгеров и почти дословно повторил это неправильное указание в объяснении к литографии при публикации ее в собрании сочинений Белинского. «Портрет, — пишет Венгеров, — первоначально был написан масляными красками (находится в Саратове, в Радищевском музее), и уже с него Горбунов изготовил портрет, исполненный в литографии Главного управления путей сообщения под дирекцией Поля» (III, 552).

На портрете 1843 г., единственном из портретов Белинского, сделанном с натуры, где он изображен в зрелом возрасте, еще здоровым, в период расцвета своей деятельности, художник стремится передать своеобразие облика Белинского. Это очень индивидуальное лицо человека напряженного умственного труда, с тонкими, строгими чертами, но, быть может, несколько холодным взглядом. Суждение Белинского об этом портрете, как и об акварели 1838 г., неизвестно. Не выяснены и обстоятельства, при которых был исполнен портрет.

Мы отмечали, как высоко ценил Белинский умение Горбунова схватывать сходство. Это достоинство художника подчеркивалось и в цитированном отзыве о его работах в «Московском наблюдателе». Высокого мнения о Горбунове как портретисте были Герцен, Анненков, Боткин, Краевский и другие его современники, весьма положительно отзывавшиеся о его работах. Горбуновский портрет Белинского 1843 г. такой положительной оценки современников не получил. По словам Кавелина, «литография художника Горбунова не отличается сходством, а только напоминает Белинского»[40].

Известно очень резкое суждение о портрете И. С. Тургенева: «Портрет Белинского, — пишет он, — дает о нем понятие неверное. Срисовывая его черты, художник почел за долг воспарить духом и украсить природу и потому придал всей голове какое-то повелительно-вдохновенное выражение, какой-то военный чуть не генеральский поворот, неестественную позу, что вовсе не соответствовало действительности и нисколько не согласовывалось с характером и обычаем Белинского»[41]. Тургенев не назвал имени критикуемого художника. Это позволило Венгерову высказать предположение, что писатель имел в виду не подлинный горбуновский портрет, а искаженное его повторение, сделанное Борелем и изданное Мюнстером[42]. На борелевском портрете, который Кавелин назвал «безобразнейшей переделкой»[43], Белинский изображен с усами, но без бороды, как он никогда не носил, с галстуком, франтовато повязанным бантиком поверх высокого, подпирающего подбородок, воротника. — «Нам теперь начинает казаться, — пишет Венгеров, — что замечание Тургенева „о чуть не генеральском повороте" головы Белинского на портретах относится именно к литографии Мюнстера, так как в портрете Горбунова особенного „генеральства" нет» (V, 580). Хотя мнение Тургенева действительно очень субъективно и трудно обнаружить «генеральство» в чертах, которые придал Белинскому Горбунов, все же предположение Венгерова, ничем не обоснованное, мы считаем неубедительным. Нет оснований поэтому сомневаться в правильности утверждения Пыпина, что «портрет, о котором говорит Тургенев ⟨...⟩ сделан был ⟨...⟩ К. А. Горбуновым», тем более, что борелевская литография была известна Пыпину[44].

Таким образом, приходится признать, что портрет, долгое время остававшийся единственным известным портретом Белинского, по утверждению друзей критика, не точно передавал его облик.

Однако суровый приговор, вынесенный Тургеневым и Кавелиным этой работе Горбунова, был вынесен ретроспективно: и Тургенев и Кавелин писали о несходстве портрета много лет спустя после смерти Белинского. При непосредственном сравнении портрета с живым Белинским создавалось иное впечатление. «С Белинским в театре в Харькове сидел я рядом,— писал М. И. Ильенко В. М. Лазаревскому 23 ноября 1846 г.,— не говорил с ним ничего, но наблюдал его: очень похож с портретом, только от дороги загорел и по портрету кажется выше должен быть ростом»[45]. В письме не сказано, о каком именно портрете Белинского идет речь, но это несомненно горбуновский портрет 1843 года — единственное из существовавших в то время изображений Белинского зрелого возраста. В литографском своем варианте оно могло быть известно в провинции.

Помимо двух перечисленных, Горбунов сделал также портрет критика на смертном одре (см. воспр.: «Лит. наследство», т. 56, стр. 189). Этот портрет известен только по фотографии, теперь тоже затерянной, снятой в 1856 г. для П. А. Ефремова с подлинника, находившегося у М. В. Белинской. «Отыскал я, — рассказывает П. А. Ефремов,—⟨...⟩ вдову Белинского. Жила она тогда ⟨1856 г.⟩ кастеляншей в Марьинском ⟨sic!⟩ Институте». М. В., по словам Ефремова, показала ему портрет критика: «А вот, говорит, портрет: „Белинский в гробу". Я знал об этом портрете: К. А. Горбунов написал масляными красками Белинского, уже мертвого. Я попросил позволения снять фотографию с портрета; она разрешила. Потом моя фотография много раз воспроизводилась. Пришлось мне, однако, и ее продать Фельтену со всеми другими гравюрами, эстампами и т. д.»[46]

Впервые фотография была воспроизведена литографически в «Русском художественном листке» Тимма (1862, № 29). С этой же фотографии в 1875 г. художник Л. А. Серяков сделал гравюру для «Русской старины»[47]. Очень хорошее фототипическое воспроизведение снимка дано в каталоге выставки в память В. Г. Белинского. В каталоге указано: «раскрашенная фотография A. Deveria, 1856 г., единственный экземпляр, сделанный для П. А. Ефремова, с оригинала, писанного масляными красками К. А. Горбуновым на другой день кончины Белинского. Оригинал хранится у дочери Белинского О. В. Бензи»[48]. Выставка была открыта к пятидесятилетию со дня мерти Белинского, к этому времени вдовы критика уже не было в живых, а дочь его, к которой после смерти матери перешел портрет, с 1860-х годов жила за границей. Таким образом, это изображение Белинского оказалось за пределами России. Местонахождение портрета в настоящее время неизвестно.

А. Н. Пыпин указывает, что одновременно с портретом Белинского на смертном одре Горбунов сделал еще одно изображение Белинского, представляющее собой несколько измененный вариант портрета 1843 г. Не трогая лица в целом, художник пририсовал к нему усы и бороду, какие Белинский носил в последние годы жизни. Венгеров в пояснениях к публикации портрета в собрании сочинений Белинского пишет: «Горбунов, ⟨...⟩ ничего не изменяя в самом портрете 1843 г., где у Белинского нет ни усов, ни бороды, добавил их на экземпляре литографии. В этом измененном виде портрет был снова (должно быть около 1858г.) налитографирован в литографии Главного управления дирекции путей сообщения (Поля), а затем награвирован Иорданом» (IV, 573). Все наши попытки отыскать указанную Венгеровым литографию 1858 г. оказались безрезультатными. Ни в одном из хранилищ Москвы и Ленинграда мы ее не нашли. Упоминаний о ней нет также ни в труде Пыпина, ни в цитированной выше статье С. П. Виноградова о литографиях Горбунова, ни в «Словаре русских литографированных портретов»[49]. Повидимому, и в данном случае, как и при описании портрета 1843 г., Венгеров не совсем точен, и такой литографии вообще не существовало. Это подтверждает и приведенное Венгеровым название литографии, в которой будто бы были отпечатаны листы: оно полностью совпадает с обозначенным на портрете 1843 г. Между тем на литографских работах Горбунова более поздних лет такое обозначение не встречается[50]. Не принял ли Венгеров лист 1843 г. с внесенными после смерти Белинского карандашными изменениями за новую литографию?

Н. В. Некрасов, много занимавшийся иконографией Белинского, полагает, что Горбунов внес карандашные изменения в один из экземпляров своей литографии

1843 г.[51] С этого экземпляра в 1859 г. Ф. Иордан награвировал портрет для первого собрания сочинений Белинского, приложенный к XII тому этого собрания (см. воспр.: «Лит. наследство», т. 55, стр. 205). Возможно, впрочем, что Горбунов переделал не один, а несколько экземпляров, предназначая переделку для близких покойного.

Грановский в письме к жене из Петербурга писал: «Вчера утром мы похоронили Белинского. Горбунов сделал очень хороший портрет, который я вам привезу»[52]. Едва ли Грановский имел в виду портрет Белинского на смертном одре, сделанный тогда же. Он был написан маслом, и нет указаний на то, что с него была снята копия. Оригинал же, как мы отмечали, принадлежал вдове критика.

Кроме приведенного свидетельства Грановского, других упоминаний современников об этом портрете Белинского мы не знаем. Правда, существует рассказ М. А. Языкова, что горбуновский портрет был выбран для первого собрания сочинений Белинского по желанию П. В. Анненкова, но весь рассказ Языкова относится к рисунку Горбунова 1843 г., и не ясно, что же выбрал Анненков — подлинник или вариант[53]. Венгеров, сопоставляя горбуновский портрет 1848 г. с рисунком Языковой, справедливо указывает, что «такого вида, собственно, Белинский никогда не имел. Тогда, когда он отпустил бороду и усы, болезненное лицо его сравнительно с 1843 г. очень осунулось, черты лица заострились» (IV, 573).

Документальных объяснений, чем была вызвана такая искусственная переделка портрета 1843 г., мы не нашли. Наиболее вероятно, что портрет дорисовывался Горбуновым для печати, и мысль о публикации портрета Белинского возникла, повидимому, тотчас же после смерти критика. Перед художником стояла, таким образом, задача впервые познакомить широкие круги русского общества с обликом умершего писателя. Естественно, что его нужно было показать полным сил, а не изнуренным болезнью, каким он был в последние годы жизни и каким изображен на портрете Языковой. По этим соображениям, вероятно, в основу и был положен горбуновский портрет 1843 г., а чтобы сделать лицо Белинского старше и приблизить изображение к последнему периоду его жизни, и была произведена указанная дорисовка. Но все это, разумеется, только предположения. Цензурные условия того времени не позволили, очевидно, осуществить задуманное издание. Лишь в 1859 г. портрет, как указано, появляется в гравюре Иордана. Местонахождение горбуновского оригинала, с которого гравировал Иордан, неизвестно[54].

В 1879 г. с этой гравюры В. М. Васнецовым был написан маслом портрет Белинского для Дашковского собрания Румянцевского музея в Москве[55]. Местонахождение васнецовского портрета также в настоящее время неизвестно. Равным образом не обнаружен и оригинал, воспроизведенный Венгеровым в собрании сочинений Белинского.

В конце 1870 г., после двадцати двух с лишним лет, Горбунов снова приступает к созданию портрета Белинского. На этот раз он исполняет его в масляных красках (поясн., $^3/_4$ вправо, 70,5 × 58,5 см, овал). Портрет этот до последних лет был сравнительно мало известен. Правда, Пыпин в своем перечне изображений Белинского упомянул его, отметив и более позднее происхождение вещи, чем рисунок и литография 1843 г. Указал Пыпин и место хранения портрета (ко времени появления книги Пыпина он находился в Третьяковской галлерее). Однако, как и в отношении горбуновской акварели 1838 г., свидетельство Пыпина осталось незамеченным позднейшими исследователями, и в литературу по иконографии Белинского портрет вошел с неправильной датировкой, как работа, предшествовавшая литографии 1843 г., для которой она будто бы послужила оригиналом (см. выше). Обнаруженные нами в архиве Третьяковской галлереи и в ИРЛИ письма Горбунова дают возможность точно установить время написания портрета (самим художником он не датирован и не подписан) и историю его возникновения.

Портрет был сделан в 1870—1871 гг. по заказу П. М. Третьякова, одной из задач собирательской деятельности которого было, как известно, создание коллекции изображений выдающихся деятелей русской культуры. Из письма Горбунова от 18 октября 1870 г. следует, что Третьякова связал с ним Н. Н. Ге, незадолго перед тем исполнивший скульптурный бюст Белинского, также приобретенный Третьяковым.

Приводим текст писем Горбунова.

<Петербург, 18 октября 1870 г.>

Милостивый государь
Павел Михайлович!

Профессор Николай Николаевич Ге передал мне Ваше поручение, чтобы я написал портрет для Вашей Галлереи, Виссариона Григорьевича Белинского, которое поручение я и принял, о чем имею честь Вас известить, что портрет начат и с особенным удовольствием им буду заниматься.

С истинным почтением имею честь быть готовый к услугам Вашим

Академик Кирилл Антонович Горбунов

Октября 18-го 1870.

С.-Петербург. Вас. Остр. 7 линия, дом № 48 [56]

В начале 1871 г. Горбунов сообщает Третьякову, что портрет уже значительно подвинулся вперед.

<Петербург, 5 января 1871 г.>

Милостивый государь
Павел Михайлович!

Извините, что я тотчас же не отвечал на Ваше любезное письмо[57], совершенно по не зависящим от меня причинам. Очень и очень сожалею, что Вы в бытность Вашу в Петербурге заехали ко мне так неудачно для меня. Благодарю Вас за Ваше полное ко мне доверие в деле портрета Белинского; это более всего возбуждает всю мою энергию в исполнении самого строгого требования в воспроизведении этой личности. Все праздники я тружусь над портретом Белинского и по мере того он все более и более воскресает в моей памяти. На счет же портрета, рисованного мною еще в детстве с Белинского, т. е. я-то еще тогда был ребенком, хотя он набросан ловко и имел сходство, но далеко не может служить материалом для портрета более серьезного. Во всяком случае я посоветовался об этом с Н. Н. Ге, которому я доверяю в этом деле, как человеку, который с портретом Белинского повозился и изучил его по маске, и, конечно, может быть дельным судьею в этом[58]. И самое дело производимого портрета подтверждает мой выбор; он с того времени, как Вы видели, ушел далеко вперед, и труд, кажется, увенчается полным успехом. Сегодня в первый раз я показал его Ге. Вероятно Н. Н. Ге Вам сообщит. Все личности, которые знали Белинского, я постараюсь созвать и представлю на их суд. Портрет Кольцова, который Вы видели у меня, рисованный акварелью мною с натуры покойного А. В., принадлежит не мне, почему я не имею на него права продать. Так как этот портрет остался единственный, то я хочу с него воспроизвести в натуру масляными красками, что считаю святой обязанностью для себя; так как его хорошо помню и материал для этого очень хорош [59].

С истинным почтением имею честь быть Вашим покорнейшим слугою

К. Горбунов

1871 г. января 5-го СПб.

Мы видим, что Горбунов отнюдь не повторил механически в красках свой карандашный рисунок 1843 г., как это склонен был думать Пыпин, назвавший портрет 1871 г. «новым повторением прежнего». Перед художником стояла почетная, но трудная задача дать впервые настоящий исполненный маслом портрет Белинского, предназначавшийся для национальной русской картинной галлереи, и он подошел к работе с пониманием всей ее ответственности. Он отказывается взять за основу свой портрет Белинского, рисованный с натуры, что, повидимому, советовал ему Третьяков. Этот портрет, сделанный еще в детстве (речь идет очевидно об акварели 1838 г., исполненной Горбуновым в шестнадцатилетнем возрасте), он считает недостаточно зрелым для подлинного или, как он говорит, «портрета более серьезного». Он не доверяет одной своей памяти. Он прислушивается к советам людей, лично знавших

Белинского, к указаниям Ге, изучившего лицо Белинского, работая над его скульптурным портретом.

В феврале 1871 г. в Петербург приезжает Тургенев. Горбунова связывало с писателем давнее и дружеское знакомство. Еще в 1846 г. художник делал его портрет[60]. К 1850-м годам относится «состязание певцов», происходившее на квартире Тургенева между Горбуновым и Л. М. Жемчужниковым, описанное последним[61]. Из письма Горбунова к П. В. Анненкову мы узнаем, что художник спешит воспользоваться присутствием Тургенева, чтобы выслушать его замечания и суждения о портрете.

⟨Петербург, 21 февраля 1871 г.⟩

Милостивый государь
добрейший Павел Васильевич!

Сегодня я дожидался к себе весь день Ивана Сергеевича Тургенева, так как он обещался заехать ко мне в этот день, но не был. Меня крайне огорчает мысль, что он не будет иметь время заехать взглянуть портрет Белинского по краткости его пребывания в Петербурге и так, как уже он был без меня, заметил и мне передали его замечания[62]. После его замечания я внимательно трудился над портретом и теперь судьба зависит от взгляда Ивана Сергеевича, потому именно, что г. Третьяков, который мне заказал портрет, вполне доверяет приговору Ивана Сергеевича. Сверх того мне бы самому лично хотелось утешиться в своем труде и послушать мнение и взгляд человека многоуважаемого. Те характерные черты, которые может припомнить Иван Серегеевич в портрете Белинского, могут вызвать в моей памяти оригинал и дать смелость передать их в портрете. Сам я хорошо помню Белинского, но я его помню во всех его видах жизни. Помню его в спорах, как орла, помню его не в духе, печального от нужды и разных неудовольствий, помню его доброго и кроткого, как ангела, чаще всего он мне является последним, т. е. кротким.

В настоящем виде, как есть теперь портрет, мне кажется похожим, т. е. напоминающим мне Белинского. Но ведь мое мнение только для меня.

Потому я Вас и прошу, добрейший Павел Васильевич, не поймаете ли свободную минуту у Ивана Сергеевича, чтобы затащить ко мне его, так как Вы с ним часто бываете вместе. Чем премного обяжете любящего Вас и преданного

К. Горбунова

Воскресенье 21 февраля 1871 года.

Адрес мой по 7 линии дом № 48-й Силича[63]

По словам художника, Третьяков поставил судьбу портрета в зависимость от «приговора» Тургенева. Мы помним отрицательное суждение Тургенева о горбуновском портрете Белинского 1843 г. Это суждение было высказано в воспоминаниях писателя о Белинском, опубликованных в 1869 г., и должно было быть тогда еще очень свежо в памяти современников. Надо думать, что и Третьяков хорошо знал этот отзыв Тургенева. Знал его, вероятно, и Горбунов. Вот почему ему было особенно важно показать свою работу писателю.

Анненкову удалось, повидимому, исполнить просьбу Горбунова. Тургенев дважды был у него, о чем художник и пишет Третьякову, одновременно извещая его об окончании портрета.

⟨Петербург, 3 марта 1871 г.⟩

Милостивый государь
Павел Михайлович!

Портрет Виссариона Григорьевича Белинского кончен. У меня был два раза Иван Сергеевич Тургенев, первый раз без меня и рассматривал портрет при дочери моей, которая и передала его замечания, на что, конечно, я и обратил все мое внимание, и после чего он был 28 февраля в воскресенье, где и выразил полное удовольствие, найдя портрет похожим; и по его выражению «чем больше смотрю, тем больше похож» и взгляд, сделанный мягче, чем на рисунке с натуры, ему нравится более. Что меня окончательно порадовало, так как я это сам видел и находил. Вероятно, Вы

от самого Ивана Сергеевича услышите отзыв и подтверждение всего, что я пишу Вам.

Вы обещали быть в начале марта в Петербурге, жду Вас с нетерпением.

О портрете Кольцова еще не получил ответа, вероятно, он последует скоро.

Честь имею быть с искренним моим почтением

К. Горбунов

1871 г. марта 3-го

Портрет, как указывает Горбунов, понравился Тургеневу. Он нашел его похожим. Художник пишет также, что свой отзыв Тургенев должен был подтвердить Третьякову. Очевидно, писатель сделал это, будучи в Москве, так как портрет был Третьяковым приобретен и выставлен в Галлерее. Горбунов получил за портрет триста рублей — сумму достаточно высокую по тем временам. Однако в 1889 г. Третьяков передал портрет в Радищевский музей в Саратове, где он хранится до настоящего времени.

На портрете 1871 г. художником особо подчеркнуты простота и благородство облика Белинского. Как и на рисунке 1843 г., критик изображен безбородым. Он глядит несколько моложе, чем на рисунке, но лицо уже окрашено болезненным румянцем. Взгляд серых с голубизной глаз — мягкий, чего так хотелось Тургеневу, но в то же время очень волевой. Память, говорит Горбунов, сохранила ему Белинского в различных видах: «Помню его в спорах, как орла⟨...⟩ Помню доброго и кроткого, как ангела». Портретисту удалось до известной степени передать эту многогранность Белинского и характерное для него сочетание физической хрупкости с «мощной», по выражению Герцена, «гладиаторской натурой бойца»[64].

В приведенных письмах художник отзывается с большой теплотой о великом друге своей юности. Этой теплотой проникнут и портрет Белинского 1871 г.— последний из портретов критика, исполненных Горбуновым.

Среди существующих изображений Белинского горбуновский портрет 1871 г. бесспорно является одним из лучших.

Однако он не завоевал широкого признания и не пользуется такой известностью, как, например, карандашный портрет, сделанный И. А. Астафьевым в 1881 г. (хранится в Третьяковской галлерее; воспроизведение см. «Лит. наследство», т. 55, стр. 5). Рисунок Астафьева обязан своей популярностью весьма положительным отзывам Тургенева, Гончарова и Кавелина, опубликованным в печати вскоре же после его появления[65].

Горбуновский портрет не был отмечен прессой и остался в тени. Приведенные выше документы показывают случайность и необоснованность такой оценки этой работы художника. Если астафьевский портрет был признан Тургеневым самым схожим из всех портретов Белинского, то и горбуновский, как мы видели, был очень сочувственно встречен писателем. Приступая к работе над портретом, Горбунов намеревался (см. письмо к П. М. Третьякову от 5/I 1871 г.) прежде чем выпустить его из мастерской, показать как можно большему числу лиц, знавших Белинского, чтобы выслушать их мнение и воспользоваться их советами. Удалось ли ему, и в какой мере, осуществить это — не выяснено. Художник ограничился в своих письмах ссылкой на одного Тургенева.

Но, хотя оценка портрета другими современниками Белинского неизвестна, все же мы думаем, что портрет 1871 г., выполненный по прямым указаниям Тургенева, получивший его одобрение, принадлежащий кисти живописца, не раз делавшего изображения Белинского с натуры, заслуживает полного доверия и серьезного внимания. Большим преимуществом портрета является и то, что он исполнен в красках.

С портрета была сделана художником автокопия[66], которая хранится теперь в ИРЛИ.

В печати портрет воспроизводился мало. Хорошее одноцветное воспроизведение в гелиогравюре дано в издании Кнебеля[67]. В красках портрет напечатан впервые в «Лит. наследстве», т. 56 (фронтиспис).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Иллюстрация», 1858, № 20, стр. 316.

[2] «Современник», 1858, т. 69, отд. II, «Заметки Нового поэта», стр. 226.

[3] «Иллюстрация», 1858, № 36, стр. 163.

[4] И. С. Зильберштейн. М. Ю. Лермонтов в портретах. М., изд. Гослитмузея, 1941, стр. 35—38, 46. О горбуновских портретах Лермонтова. Автор дает впервые также свод сделанных Горбуновым изображений русских писателей; И. Беккер. К. А. Горбунов и его портрет М. Ю. Лермонтова.— «Лит. наследство», т. 45—46, 1948, стр. 776—781; Е. И. Смирнова. Герцен и художник Кирилл Горбунов.— «А. И. Герцен», сб. Гослитмузея, М., 1946, стр. 107—119.

Н. П. Анциферовым подготовляется в настоящее время к печати для тома «Лит. наследства», посвященного герцено-огаревскому архиву, работа об иконографических материалах этого архива. Среди последних видное место занимают неизвестные акварельные и карандашные портреты Горбунова в альбоме Герцена. Портреты изображают людей ближайшего окружения Герцена: Е. Б. Грановскую, М. Ф. Корш, С. Кетчер, П. А. Захарьина и др. (Архив Октябрьской революции, «Герцено-огаревская коллекция»).

[5] П. Савельев. Талант в цепях. Запись рассказа Марфы Дмитриевны Батюшкиной, 70 лет, с. Владыкино Каменского района.— «Земля родная», кн. 3, Пенза, 1948, стр. 90—91.

[6] ЦГЛА, ф. 680, ед. хр. № 9, лл. 1 об., 3, 5. Экзаменные списки 1837—1840 гг.

[7] См. в настоящем томе публикацию «Переписка Белинского с родными», стр. 185, 189.

[8] Там же, стр. 189.

[9] Ф. И. Буслаев. Мои воспоминания, М., 1897, стр. 46.

[10] А. В. Кольцов. Письма, М., 1901, стр. 17, 46, 52, 59.

[11] См. «Лит. наследство», т. 56, «Белинский в неизданной переписке современников», стр. 112.

[12] «В. Г. Белинский и его корреспонденты», М., 1948, стр. по указателю; «Письма», II, 383—384 и в наст. томе «Переписка Белинского с родными», стр. 228.

[13] В. С. Нечаева. В. Г. Белинский. Начало жизненного пути и литературной деятельности, М., 1949, стр. 80.

[14] См. цит. статьи И. Беккера и Е. И. Смирновой.

[15] А. А. Благовещенский. Училище живописи, ваяния и зодчества в Москве.— «Русский художественный архив», 1894, вып. 1, стр. 9, 10.

[16] ЦГЛА, ф. 680, ед. хр. № 5 «Об увольнении учеников училища живописи и ваяния из крепостного и податного состояния при поступлении в оное», лл. 18—19. Отпуск без подписи. Автор письма определяется по почерку и содержанию письма. М. Ф. Орлов (1788—1842) — директор Художественного класса, генерал, участник войн с Наполеоном, декабрист.

[17] И. Беккер. Цит. статья, стр. 777.

[18] Приводим текст этой записки: «Вашему сиятельству угодно написать об моем состоянии моей госпоже; зовут ее Марфа Андреевна. Живет же она в Пензенской губернии, Чембарского уезда в селе Сергиевском» (ГПБ, Ленинград. Архив В. Ф. Одоевского. «Записка крепостного живописца Кирилла Горбунова»). Сообщено А. Н. Михайловой.

[19] «Московский наблюдатель», 1839, ч. 2, март, отд. VI, «Смесь», стр. 50—52. Положительный отзыв о выставленных Горбуновым работах, но гораздо более сдержанный был помещен также в «Галатее», 1839, ч. 2, № 14, стр. 513—516.

[20] В 1843 г. при реорганизации Московского художественного класса в художественное училище туда был открыт доступ крепостным, но в устав училища было внесено требование: «чтобы помещики и податные общества давали предварительно обязательство: в случае ежели им принадлежащий ученик училища удостоится от Академии назначения к награждению серебряною медалью или к возведению к званию художника, то таковой получит увольнение из состояния, к которому принадлежал дотоле» (А. А. Благовещенский. Цит. соч.— «Русский художественный архив», 1894, вып. II, стр. 74).

[21] Фамилия Горбунова напечатана в «Письмах» с опечаткой — «Борб» (см. статью Ю. Г. Оксмана — «Лит. наследство», т. 56, стр. 216). Таким образом, оставалось невыясненным, что Белинский говорит здесь о горбуновских работах.

[22] Портреты Боткина и Грановского были сделаны Горбуновым; существовали ли горбуновские портреты Каткова и Кудрявцева — нам неизвестно.

[23] Л. М. Жемчужников. Мои воспоминания из прошлого. От кадетского корпуса к Академии художеств (1828—1852), М., 1926, стр. 102.

[24] И. Беккер. Цит. ст., стр. 779—780. Адресат письма П. А. Захарьин автором не назван. Ср. подлинник ИРЛИ, № 9189. LIIб62.

[25] ИРЛИ, № 2431/VIII, л. 23.

[26] Л. М. Жемчужников. Цит. соч., стр. 101.

[27] Ср. Е. И. Смирнова и И. Беккер. Цит. статьи.

[28] Надпись проверена нами de visu. Текст ее следующий: «Портрет Белинского работы Горбунова 1838». Ниже этой надписи, сделанной рукой В. П. Боткина, надпись вероятно В. В. Стасова: «Белинский 1838» и «1877», а выше, над надписью: «1838».

[29] А. Н. Пыпин. Белинский, его жизнь и переписка, изд. 2-е, СПб., 1908, стр. 574.

[30] «Отчет императорской публичной библиотеки за 1877 год». СПб., 1879, стр. 116.

[31] «Венок Белинскому». Сб. под ред. Н. К. Пиксанова. М., 1924, стр. 284.

[32] «Исторический вестник», 1881, № 10. Портрет хранится теперь в ИРЛИ в Музее Пушкина, г. Пушкин. Об авторе этого портрета см. ниже сообщение К. П. Богаевской.

[33] «Венок Белинскому», стр. 284.

[34] См. в настоящем томе «Переписку Белинского с родными», стр. 211.

[35] А. Н. Пыпин. Цит. соч., стр. 573.

[36] Акварельные портреты Белинского 1838 г. были, как указано, впервые напечатаны: мартыновский — в 1881, горбуновский — в 1924 г. Рисунок Е. А. Языковой 1848 г. воспроизведен в печати впервые в 1880 г. с копии Редера в «Живописном обозрении», № 44, 1 ноября. Там же опубликован рассказ М. А. Языкова о том, как был создан портрет: «Помещаемый в этом нумере „Живописного обозрения" портрет Белинского сделан за несколько дней до его смерти. Вот история этого портрета, как любезно сообщил нам ее Михаил Александрович Языков, один из немногих оставшихся в живых современников и друзей Белинского. „Белинский умер 37 лет в чахотке, — пишет М. А. Языков, — и за несколько недель перед смертью по большей части лежал целый день на своей кушетке и в таком положении принимал близких ему людей. В это-то время моя жена, часто навещавшая семейство Белинского, как-то раз оставалась дольше обыкновенного, сидя у больного на той же кушетке, где он лежал, и тихо разговаривая со страдальцем. Положение Белинского произвело на нее сильное впечатление, и жена моя, возвратясь домой, нарисовала карандашом ночью, в один присест портрет Белинского с страдальческим выражением лица, т. е. в том виде, как он ей показался в тот вечер. Портрет вышел поразительного сходства. Некрасов, придя ко мне и увидев портрет, просил мою жену сделать копию, и она под живым впечатлением нарисовала копию так удачно, что невозможно было отличить ее от оригинала. Оригинал портрета хранился у меня до нынешнего лета. В бытность мою в Москве во время пушкинских празднеств я встретился с П. М. Третьяковым, собирателем портретов русских замечательных людей, и уступил ему портрет Белинского. Как мне кажется, Павел Михайлович имел намерение воспроизвести портрет Белинского масляными красками для своей московской галлереи». Рисунок Е. А. Языковой хранится теперь в Третьяковской галлерее. Автокопия, сделанная для Некрасова, — в ИРЛИ. В 1858 г. для Некрасова была сделана с рисунка Языковой еще одна копия художником Редером.

После смерти поэта эта копия находилась у П. А. Ефремова. Теперь она хранится в ИРЛИ, куда передана из Института мировой литературы АН СССР им. Горького. Воспроизведение см. «Лит. наследство», т. 55, стр. 53.

[37] С. П. Виноградов. Люди сороковых годов в литографиях К. Горбунова.— «Старые годы», 1909, февраль, стр. 103. См. также Э. Голлербах. История гравюры и литографии в России, 1923, стр. 95.

[38] М. А. Языков. Цит. воспоминания. Рисунок был передан в Третьяковскую галлерею Е. А. Языковой (см. письмо ее к П. М. Третьякову. Архив Третьяковской галлереи).

[39] «Альбом выставки, устроенной обществом любителей российской словесности в память Виссариона Григорьевича Белинского 8—12 апреля 1898 г.», изд. 2-е, М., 1898, стр. 5.

[40] «Русская мысль», 1882, № 9, стр. 312.

[41] И. С. Тургенев. Воспоминания о Белинском.— «В. Г. Белинский в воспоминаниях современников», М., 1948, стр. 349.

[42] «Портретная галлерея русских литераторов, журналистов, художников и др. знаменитых людей», изд. Мюнстера, 1859.

[43] К. Д. Кавелин. Цит. соч., стр. 312.

[44] А. Н. Пыпин. Цит. соч., стр. 574.

[45] ЦГЛА, ф. В. М. Лазаревского, 277, № 90, л. 5 об. Сообщено Л. Р. Ланским. Михаил Иванович Ильенко — педагог. В то время преподаватель русской словесности в Харьковском институте благородных девиц.

[46] ⟨А. Ловягин⟩ «Из бесед с П. А. Ефремовым».— «Русское библиологическое общество. Доклады и отчеты (новая серия)», вып. 1, СПб., 1908, стр. 2.

[47] «Русская старина», 1876, февраль, стр. 347.

[48] «Каталог выставки, устроенной Обществом любителей российской словесности в память Виссариона Григорьевича Белинского 8—11 апреля 1898 г.», Изд. Общества любителей рос. словесности, М., 1898, стр. 4—5.

[49] В. Я. Адарюков и Н. А. Обольянинов. Словарь русских литографированных портретов, СПб., 1916.

[50] Известно, например, что в 1845 г. Горбунов печатал свои литографские работы в литографии Гойе де Фонтена.— См. «Отеч. записки», 1845, т. XLIII, отд. VI, стр. 42—43.

[51] Н. В. Некрасов. Портреты Белинского.— «Русские ведомости», 1911, № 123 от 23 мая, стр. 2.

[52] «Т. Н. Грановский и его переписка», М., 1897, т. II, стр. 274, подлинник по-французски.

[53] М. А. Языков. Цит. воспоминания.

[54] Сведения о горбуновском портрете Белинского, послужившем оригиналом для гравюры Иордана, вероятно, можно было бы почерпнуть из дневника Иордана, который последний вел в 1856—1876 гг. и где записывал «день за днем все события жизни... занятия» («Записки Ф. И. Иордана», М., 1918, стр. 329). Местонахождение дневника, однако, осталось нам неизвестным.

[55] «Путеводитель по Дашковскому собранию изображений русских деятелей», изд. 4-е, М., 1889, стр. 46.

[56] Публикуемые письма Горбунова к П. М. Третьякову хранятся в архиве Третьяковской галлереи — 1/1252, 1/1253, 1/1254.

[57] Это письмо Третьякова неизвестно.

[58] О работе Н. Н. Ге над бюстом Белинского В. В. Стасов пишет: «... Ге ⟨...⟩ вылепил бюст Белинского, которого всегда так обожал ⟨...⟩ Ге не был достаточно опытен и уверен в себе по части скульптуры и потому охотно слушался для бюста Белинского советов и указаний Антокольского ⟨...⟩ Антокольский посоветовал ему вместо базы или ножки под бюстом вылепить несколько наваленных грудою книг. Ге так и сделал. Бюст Белинского вышел не дурен, благодаря множеству накопленных для Ге портретов, советов и указаний многих знавших Белинского еще лично (Тургенев, Анненков, Некрасов), а также благодаря и помощи Антокольского» («Николай Николаевич Ге, его жизнь и переписка». Составил В. В. Стасов. М., 1904, стр. 242—243). Неопубликованную записку Ге о его работе над бюстом Белинского см. в архиве А. Н. Пыпина. ГПБ (Ленинград).

[59] Речь идет об акварельном портрете Кольцова, сделанном Горбуновым в 1838 г. Находится теперь в Третьяковской галлерее. Автокопия маслом с этой акварели была осуществлена Горбуновым. Находится в ИРЛИ.

[60] Рисунок карандашом хранится в Третьяковской галлерее. Воспроизведение — см. «Лит. наследство», т. 55, 1948, стр. 435.

[61] «Однажды,— пишет Жемчужников,— И. С. Тургенев с П. В. Анненковым позвали меня и Горбунова в квартиру Тургенева и устроили состязание певцов. Горбунов пел русские, а я малороссийские народные песни». Победителем из состязания вышел Горбунов. В описании Жемчужникова Горбунов напоминает поэтический образ «Яшки-турка» из рассказа Тургенева «Певцы» (1850). (Л. М. Жемчужников. Цит. соч., стр. 101).

[62] Тургенев в этот свой приезд в Россию пробыл в Петербурге от 13/25 февраля до 4/16 марта, а затем выехал в Москву. Летопись жизни писателя не отмечает посещений им Горбунова. Ср. М. К. Клеман. Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева, «Academia», 1934.

[63] ИРЛИ. Архив П. В. Анненкова, ф. 7, ед. хр. № 32.

[64] А. И. Герцен. Былое и думы.— Полн. собр. соч. и писем. Под ред. М. К. Лемке. Т. XIII, стр. 24.

[65] «Русская мысль», 1882, № 9, стр. 312 (отзыв К. Д. Кавелина); П. И. Астров. «Христос» художника И. А. Астафьева, М., 1911 (приводится текст письма И. С. Тургенева к П. М. Третьякову от 20 мая 1881 г. с отзывом о портрете Белинского работы Астафьева и отзыв Гончарова о том же портрете). Материалом для портрета Белинского И. А. Астафьеву послужил рисунок К. А. Горбунова 1843 г. и посмертная маска критика. Эту маску он получил от самого Горбунова, который в помощь художнику предварительно покрыл на ней соответствующей раскраской усы, бороду и волосы. См. Н. В. Некрасов. Портреты В. Г. Белинского работы И. А. Астафьева.— «Известия Общества преподавателей графических искусств», 1911, № 5, стр. 188—190.

[66] См. «Каталог выставки И. С. Тургенева», СПб., 1909.

[67] «Портреты русских писателей в гелиогравюрах», изд. Кнебеля. М., ⟨1904⟩.

ОБ АВТОРЕ ПОРТРЕТА БЕЛИНСКОГО 1838 г.

Сообщение К. Богаевской

В «Историческом вестнике» 1881 г., № 10 был опубликован в одноцветной печати акварельный портрет Белинского работы неизвестного художника. Портрет был датирован при публикации 1837—1838 гг. и снабжен заметкой от редакции, в которой говорилось, что портрет доставил П. Г. Моравек, сообщивший, что владельцем портрета являлся его умерший дядя П. Д. Козловский. «Он ⟨дядя⟩ говорил мне, что в конце тридцатых годов Белинский часто бывал у него до самого отъезда своего в Петербург в 1839 году. В это время и был написан, по желанию дяди, портрет с Белинского одним из воспитанников Межевого института, отличавшимся уменьем рисовать с натуры. По словам дяди, портрет был очень похож». Далее было приведено мнение о портрете Краевского: «в нем схвачены черты Белинского гораздо вернее, нежели во всех известных до сего времени портретах и бюстах его» (стр. 456).

Вторично портрет был воспроизведен уже в красках во II томе Полного собрания сочинений Белинского под ред. С. А. Венгерова (СПб.,1900). Там же без всяких комментариев была перепечатана заметка из «Исторического вестника» (стр. 608).

В специальной литературе о Белинском вопрос об авторстве названного портрета никогда не поднимался.

Между тем, если обратиться к «Очерку истории Константиновского Межевого института», составленному А. Апухтиным (СПб., 1879), можно установить, кто из учеников Белинского отличался способностью рисовать портреты. Это был Николай Мартынов 1-й, учившийся в Институте с 15 ноября 1836 г. и окончивший его в 1839 г. со званием младшего помощника землемера (Апухтин, стр. 332). В «Очерке» рассказывается, как наследник, будущий Александр II, посетивший Институт в 1837 г., был поражен своим портретом работы Мартынова и попросил художника отдать ему портрет (стр. 50).

Об отношениях Белинского с Мартыновым в 1838 г.— см. письмо В. П. Соколова к А. Н. Пыпину, публикуемое в настоящем томе (стр. 310—312).

Наше предположение, что автором портрета Белинского был Мартынов, подтвердилось воспоминаниями одного из учеников критика, записанными В. П. Соколовым и приведенными им в сноске к его статье «Гаршины»: «Умевший хорошо рисовать ученик Мартынов написал портрет Белинского» («Исторический вестник», 1916, № 4, стр. 154).

Таким образом, можно считать авторство Мартынова *окончательно установленным*.

После того, как наше сообщение было написано, мы обнаружили в газете «Вечерний Ленинград» 1948 г. (№ 109 от 10 мая) заметку Н. Козлова «Страницы из биографии ⟨Белинского⟩», в которой, без всякой аргументации, сказано: «Мартынов по просьбе своих товарищей нарисовал портрет Белинского». По наведенным редакцией справкам, выяснилось, что проф. Н. Козлов (Ленинград) собирался писать исследование об авторстве Мартынова. Но никаких более подробных сведений об этом труде проф. Н. Козлова нам не удалось узнать.

Воспроизведение портрета Белинского работы Н. Мартынова см. наст. том, стр. 29.

ПАМЯТНЫЕ МЕСТА В МОСКВЕ И ЛЕНИНГРАДЕ, СВЯЗАННЫЕ С БЕЛИНСКИМ*

I. БЕЛИНСКИЙ В МОСКВЕ

Статья Б. Земенкова

Десять лет жизни Белинского (1829—1839) связаны с Москвой. Здесь прошли студенческие годы великого критика и началась его литературная деятельность, здесь закладывались основы его общественно-политического мировоззрения и эстетических взглядов и были установлены дружеские связи и знакомства со многими людьми, сыгравшими роль не только в его идейной и личной биографии, но и в умственной жизни целой эпохи.

Белинский приехал в Москву для поступления в университет в августе 1829 г. Это было его первое знакомство с «первопрестольной» столицей. Город сразу же предстал перед ним великим национально-историческим и патриотическим символом. В статье «Петербург и Москва» Белинский говорит: «Москва гордится своими историческими древностями, памятниками; она сама историческая древность и во внешнем и во внутреннем отношении» (IX, 213)[1].

В письме к своим родственникам А. П. и Е. П. Ивановым он пишет: «...Изо всех российских городов Москва есть истинный русский город, сохранивший свою национальную физиогномию, богатый историческими воспоминаниями, ознаменованный печатью священной древности, и за то нигде сердце русского не бьется так сильно, так радостно, как в Москве ⟨...⟩ Какие сильные, живые, благородные впечатления возбуждает один Кремль! Над его священными стенами, над его высокими башнями пролетело несколько веков ⟨...⟩ Вид их погружает меня в сладкую задумчивость и возбуждает во мне чувство благоговения» («Письма», I, 18). Глядя на монумент Минину и Пожарскому, Белинский думает, что «может быть, время сокрушит эту бронзу, но священные имена их не исчезнут в океане вечности». Он бродит по Красной площади — арене стольких событий русской истории. О Большом театре он пишет родителям, что здание его «...есть прекраснейшее и огромнейшее, одно из единственнейших произведений зодчества и один из первейших театров Европы» («Письма», I, 4). С восторгом рассказывает он родителям: «Я был в музеуме императорского Московского университета ⟨...⟩ Это есть небольшое царство очарований» («Письма» I, 6). И, конечно, он немалое внимание уделяет улице книжных магазинов — Никольской. Он спешит описать своим друзьям Ивановым обстановку одной из лавок Глазунова

---

* В Москве и Ленинграде сохранилось немало памятных мест, связанных с жизнью и деятельностью Белинского. Места эти еще ни разу не были детально обследованы, и даже не все московские и петербургские адреса критика точно установлены.

Задача публикуемых нами статей Б. С. Земенкова и С. А. Рейсера восполнить этот пробел. Собранные и изученные ими материалы позволяют существенно расширить и уточнить соответствующие рубрики в «Летописи жизни и деятельности» Белинского. В этих материалах биограф критика найдет и ряд других полезных сведений, относящихся к характеристике внешних, бытовых условий жизни Белинского в Москве 1830-х и Петербурге 1840-х годов.

Редакция

(«Письма», I, 16). В дальнейшем, как мы увидим, Белинскому не раз придется иметь дело с этим книготорговцем. Никольская (нынешняя улица 25 Октября) в годы появления в Москве Белинского была поистине «улицей просвещения». На ней и на примыкающей к ней Новой площади находилось 26 книжных лавок, тогда как на прочей территории Москвы — всего 5[2].

Насколько велико было значение Москвы для Белинского в эти годы, свидетельствуют следующие строки из его письма к брату от 21 мая 1833 г.: «Москва для меня город незабвенный, родной моему сердцу, и любимейшая мечта моя ⟨...⟩ навсегда основать в ней мое жительство» («Письма», I, 51). И о том же в другом письме от 20 сентября 1833 г.: «О, Москва, Москва! жить и умереть в тебе, белокаменная,— есть верх моих желаний. Признаться, брат, расстаться с Москвою для меня все равно, что расстаться с раем...» («Письма», I, 57).

* * *

Белинский впервые въехал в Москву в 8 час. утра 22 августа 1829 г. через Покровскую (ныне Абельмановскую) заставу.

Путь его лежал через Рогожскую и Таганку в направлении Устинского моста. Он проезжал через наиболее захолустные «патриархальные» кварталы города. «Я протирал глаза,— рассказывает он в письме к Ивановым,— старался увидеть Москву и не видел ее, ибо мы ехали по самой средственной улице. Наконец, приблизились к Москве-реке, запруженной баркасами. Неисчислимое множество народа толпилось по обеим сторонам набережной и на Москворецком мосту. Одна сторона Кремля открылась пред нами. Шумные клики, говор народа, треск экипажей, высокий и частый лес мачт с развевающимися разноцветными флагами, белокаменные стены Кремля, его высокие башни ⟨...⟩ Я почувствовал, что нахожусь в первопрестольном граде — в сердце царства русского».

«... Долго мы стояли на набережной,— пишет далее Белинский,— ибо Петр ⟨слуга⟩ ходил к Владимиру Федоровичу и Надежде Матвеевне для испрошения у них позволения остановиться на время в их доме. Получивши оное ⟨...⟩ мы поворотили направо и через ворота каменной стены, окружающей Китай-город, въехали в Зарядье» («Письма», I, 16). Владимир Федорович Анисимов, родственник попутчика Белинского И. Н. Владыкина[3], служил в Москве частным приставом и, следовательно, имел казенную квартиру при частном доме соответствующей части. Зарядье в те годы входило в Городскую часть, частный дом которой помещался на месте нынешнего владения № 7 в Ипатьевском переулке.

Основное строение в глубине двора сохранилось до наших дней. Вероятно, именно в нем и находилась квартира Анисимова, в которой Белинский провел первые два дня своей московской жизни. В справочном издании 1827 г. дается такое описание частного дома Городской части: «Это прекрасной архитектуры красивое квадратное здание с каланчею наверху для сторожей и с каменными сараями и конюшнями кругом для инструментов и лошадей пожарной команды ⟨...⟩ здесь живет частный майор, частный брантмейстер и устроена прекрасная больница человек на 26...»[4]

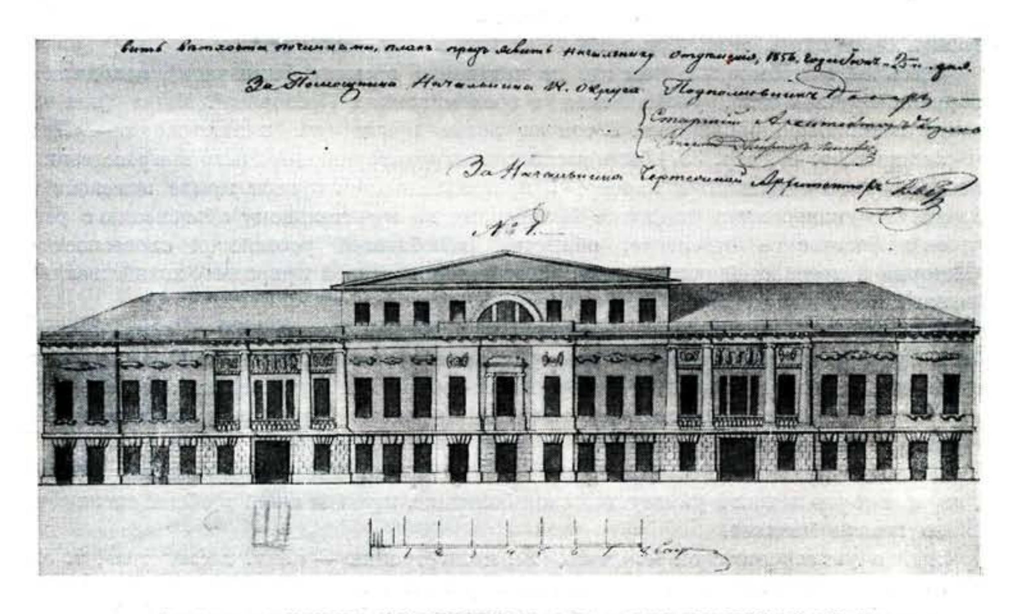
«На третий день к Надежде Матвеевне,— продолжает свой рассказ Белинский,— пришла сестра ее Ольга Матвеевна ⟨Осинская⟩ ⟨...⟩ Так как в доме ее есть маленькая светелка, то она и согласилась принять меня к себе. Светелка мне чрезвычайно понравилась; она довольно просторна для помещения одного человека и имеет большое венецианское окно ⟨...⟩ Тут-то я начал смотреть на Москву, как говорится, в оба глаза» («Письма», I, 17). Адрес этой первой московской квартиры установить не удалось.

Начались хлопоты о поступлении в университет.

Студенческий табель Белинский получил 21 сентября. Одновременно он сообщает родителям свой новый адрес: «В 4 квартале Тверской части на Тверской ул. в доме купца Колесникова, у портного Казакова»[5]. Дом этот находился на углу Тверской и Долгоруковского переулка (теперь улица Белинского), на месте нынешнего дома № 5. Вот почему в том же письме Белинский пишет, что живет «в двух шагах от университета». Владение это Колесниковы приобрели у Д. Н. Шереметева в 1826 г. В 1894—1900 гг. дом, являвшийся в ту пору собственностью Постниковых, подвергся

коренной перестройке. Вся территория владения была занята зданием доходного «Постниковского пассажа»[6].

В Московском городском историческом и научно-техническом архиве (дальше всюду сокращенно: ГИНТА) сохранился план владения Колесниковых от 1835 г. и чертеж фасада дома того же года, воспроизводящий вид его со стороны нынешней улицы Горького. Нарядность отделки, тщательная прорисовка деталей явно свидетельствуют, что здание было построено Шереметевым еще в XVIII в. Едва ли квартира «портного Казакова» помещалась в этой парадной части дома. Но вдоль нынешней улицы Белинского шли каменные двухэтажные жилые корпуса, от которых под прямым углом отходило каменное одноэтажное нежилое строение, рассекая владение на два двора. В каждом дворе находились также небольшие жилые постройки. В одной из них, скорее всего, и находилась скромная квартира студента Белинского.

ФАСАД ДОМА КУПЦА КОЛЕСНИКОВА НА УГЛУ ТВЕРСКОЙ УЛИЦЫ И ДОЛГОРУКОВСКОГО ПЕРЕУЛКА (НЫНЕ УЛИЦА БЕЛИНСКОГО) В МОСКВЕ. В ОДНОМ ИЗ НАДВОРНЫХ ФЛИГЕЛЕЙ ЭТОГО ДОМА ЖИЛ В СЕНТЯБРЕ 1829 г. БЕЛИНСКИЙ

Чертеж 1835 г.

«... Вот мой адрес... Своекоштному студенту... живущему в 4-м квартале Тверской части, на Тверской улице в доме купца Колесникова у портного Казакова» (из письма Белинского к родителям от 26 сентября 1829 г.)

Исторический и научно-технический архив Московского совета

В октябре 1829 г. Белинский был зачислен по его просьбе в «казеннокоштные студенты». Он переселяется в университетское общежитие. Восторженно сообщает он родителям: «Комнаты, занимаемые студентами, называются нумерами, которых 16 <...> Нумера наши, можно сказать, отлично хороши: карнизы стен украшены алебастровыми барельефами, полы крашеные, окна большие, чистота и опрятность необыкновенные» («Письма», I, 20). Правда, вскоре, с приходом нового инспектора Щепкина, условия жизни казенных студентов резко меняются: «Я теперь нахожусь в таких обстоятельствах, что лучше бы согласился быть подьячим в чембарском земском суде, нежели жить на этом каторжном, проклятом казенном коште»,— пишет Белинский родителям 24 сентября 1830 г. («Письма», I, 24).

По воспоминаниям бывших воспитанников Московского университета, общежитие казеннокоштных студентов занимало четвертый этаж старого здания университета[7]. Белинский вместе с другими студентами словесного отделения жил в 11-м номере общежития. Помещение словесников находилось в одном из боковых крыльев здания. Белинский, рассказывая о переменах, внесенных новым инспектором и ухуд-

шивших жизнь казеннокоштных студентов, указывает, что спальни были отделены от комнат для занятий. «У нас прежде,— пишет он родителям,— столы и кровати были вместе <...>, и каждый из нас имел свой особенный уголок. Щепкин уничтожил эти выгоды, перенесши кровати в другую половину этажа, занимаемого нами <...> Часы ударят десять,— жалуется далее Белинский на связанные с этим нововведением неудобства,— должно итти спать через четыре длинных коридора и несколько площадок; *поутру, если забудешь взять с собою полотенце, мыло или что-нибудь подобное*, надобно опять пройти бесконечную цепь коридоров» («Письма», I, 29). Очевидно, речь идет о коридорах, соединяющих боковые крылья старого здания университета, построенного в виде буквы «П». До нововведения Щепкина 11-й номер помещался, повидимому, в левом крыле (окнами на Никитскую, ныне улицу Герцена, на внутренний и внешний двор), так как именно в этой части четвертого этажа на стенах комнат имелись упоминаемые Белинским лепные украшения. Украшения эти сохранялись до наших дней и были сбиты лишь при ремонте здания в 1944—1945 гг.[8]

Здесь же, в левом крыле (там где до недавнего времени были часы), находилась верхняя круглая зала, упоминаемая в воспоминаниях Прозорова[9]. Ниже (под часами) помещалась библиотека. В том же левом крыле (см. иллюстрацию — «Лит. наследство», т. 56, стр. 357) были расположены аудитории словесного и нравственно-политического отделений и карцер. В противоположном правом крыле помещались правление университета (памятное Белинскому по мучительному объяснению с ректором), физическое отделение, общества («Любителей российской словесности», «Истории и древностей российских», «Естествоиспытателей природы»), хозяйственные отделы.

Во время эпидемии холеры, вспыхнувшей в Москве осенью 1830 г., когда лекции были прекращены и казеннокоштным студентам запрещалось выходить за ограду университета, у Белинского в 11-м номере начал собираться студенческий литературный кружок. Здесь же Белинский заканчивает и читает товарищам свою трагедию «Дмитрий Калинин».

В годы студенчества Белинский, не обладавший хорошим здоровьем, часто болел и несколько раз лежал в университетской больнице, проведя в ней в общей сложности около девяти месяцев.

Здание университетской больницы (см. иллюстрацию — «Лит. наследство», т. 56, стр. 395) просуществовало до последних лет XIX в., когда было сломано, чтобы освободить место для постройки университетского Зоологического музея (открыт в 1902 г.). Согласно плану территории университета от марта 1834 г. (ГИНТА), оно стояло по правой стороне нынешней улицы Герцена почти посредине между Моховой и нынешней улицей Белинского, занимая около трети расстояния между этими улицами. По обеим сторонам шли более мелкие по площади строения в один этаж и лишь одно, выступая за красную линию, в три этажа. Само здание больницы было двухэтажным, центральная часть в три этажа. Со стороны двора к нему примыкала галлерея, возле которой находился (в форме овала) университетский сад.

«По рассеянии членов литературного общества в нашем 11-м №,— свидетельствует Прозоров,— образовался литературный кружок у своекоштного студента Станкевича, который жил тогда у профессора Павлова»[10]. «Ученое заведение профессора Павлова» было открыто в 1831 г. и, как явствует из заметки в «Молве», помещалось «в доме Н. Н. Муравьева, на Большой Дмитровке, где прежде находился Английский клуб»[11] (ныне на этом месте стоит новый дом № 9—11 по улице Пушкина). Здесь у Муравьева неоднократно останавливался поэт К. Н. Батюшков. Здесь же помещалось основанное Муравьевым училище для колонновожатых (офицеров генерального штаба). В 1813—1831 гг. в этом доме находился Английский клуб, который посещали Грибоедов и Пушкин. В 1838 г. дом Муравьева стал собственностью проф. М. Г. Павлова и лишь в 1854 г. перешел к другим владельцам. Характер постройки был очень сложный. Помимо основного корпуса и флигеля вдоль улицы, владение включало еще восемь строений, которые рассекали его на три, почти изолированных двора[12].

Белинский, игравший видную роль в кружке Станкевича, был постоянным посетителем его квартиры на Большой Дмитровке.

К описываемому времени относится первое выступление критика в печати. Первый орган, напечатавший Белинского, был, как известно, московский журнал «Листок». Возможно, что в редакции «Листка» произошло знакомство Белинского с Кольцовым, приезжавшим в 1831 г. в Москву и также печатавшимся в «Листке». Где же находилась редакция этого издания? Из публикации в № 8 журнала за 1831 г. мы узнаем, что редакция «перенесена в дом г-жи Эсауловой на Мясницком бульваре близ Чистых прудов». Тот же адрес встречается и в письме редактора издания П. И. Артемова к Белинскому: «Живу я теперь,— сообщает Артемов,— близ Чистых прудов (идучи от Мясницких ворот), в первом переулке, в доме г-жи Есауловой, в приходе Харитония, что в Огородниках, на углу (вход с Гусятниковского переулка)»[13]. Нам удалось обнаружить (ГИНТА) два плана владения Эсауловой (датируемые 1822 и 1836 гг.). Оно занимало площадь нынешних домов № 3а и № 5 по Чистым прудам и № 8 и № 10 по Большевистскому (быв. Гусятникову) переулку. Сохранившиеся чертежи фасадов строений дают возможность воспроизвести вид владения Эсауловой в 1820—1830-х годах (см. иллюстрацию в наст. томе, стр. 253).

В сентябре 1832 г. Белинский был исключен из Московского университета и должен был покинуть общежитие для казеннокоштных студентов.

По цитированным уже воспоминаниям Прозорова, Белинский «во время постигшей его невзгоды ⟨...⟩ приютился на квартире против Сандуновских бань к землякам своим Ивановым, из которых старший брат служил тогда, помнится, в Сенате»[14]. Адрес А. П. Иванова мы обнаружили в старых московских адрес-календарях: «8 департамент Правительствующего Сената. Канцелярские служители; титулярные советники: Иванов Алексей Петрович, близ Сандуновских бань, дом князя Касаткина-Ростовского»[15]. Дом этот был пристанищем мелкого чиновничества, разночинной интеллигенции и мастеровых. Летом 1835 года Белинский вторично поселился здесь. А в начале 1837 г., после закрытия «Телескопа» опять переезжает сюда, на этот раз, как, повидимому, и в 1835 г., уже снимая комнату самостоятельно (см. ниже).

Сохранились два плана этого владения от 1836 и 1857 гг., а также чертежи фасадов отдельных построек. На Петровке, в части, ныне занятой домом № 22, стояло нарядно отделанное двухэтажное каменное строение. Здесь, очевидно, жил сам владелец. Вдоль всего Рахмановского переулка тянулось также каменное двухэтажное здание, у Неглинной переходившее в трехэтажное, но весьма скромного вида. В нем, повидимому, и размещались сдаваемые в наем квартиры.

Сличение планов и чертежей фасадов с натурой не оставляет сомнения, что дом, занимавшийся квартирантами, где некогда жил Белинский, уцелел — ныне это дом № 4 по Рахмановскому переулку (см. иллюстрации в наст. томе, стр. 136, 137). Здание сохранило в основном свой прежний вид. Заделаны лишь декоративные ниши под окнами второго этажа (следы их во многих местах можно определить по трещинам штукатурки), и появились пробитые в 1857 г. двери на улицу. Ранее вход в дом был со двора, что вполне совпадает с описанием жилища Белинского, сделанным Ксенофонтом Полевым. Последний пишет: «Этот огромный дом всегда бывал наполнен множеством жильцов, находивших там самые дешевые квартиры. Вход в квартиру Белинского был изнутри двора. Когда я переступил к нему за порог — то невольно остановился, увидев себя в какой-то обширной комнате, разделенной на каморки и углы...»[16] Вероятно, к этому же дому относится и известное описание домашнего быта Белинского, принадлежащее Лажечникову: «Он ⟨Белинский⟩,— рассказывает Лажечников,— квартировал в бель-этаже (слово это было подчеркнуто в его адресе) в каком-то переулке между Трубой и Петровкой. Красив же был его бельэтаж! Внизу жили и работали кузнецы. Пробираться к нему надо было по грязной лестнице; рядом с его каморкой была прачечная, из которой беспрестанно неслись к нему испарения мокрого белья и вонючего мыла ⟨...⟩ Не говорю о беднейшей обстановке его комнаты, не запертой (хотя я не застал хозяина дома), потому что в ней нечего было украсть ⟨...⟩ Я спешил бежать от смраду испарений, обхвативших меня и пропитавших в несколько минут мое платье; скорей, скорей на чистый воздух, чтобы хоть несколько облегчить грудь от всего, что я видел, что я прочувствовал в этом убогом жилище литератора, заявившего России уже свое имя»[17].

Приведенные воспоминания Кс. Полевого и Лажечникова описывают самостоятельную квартиру Белинского и относятся, следовательно, к позднейшему пребыванию критика в доме Касаткина-Ростовского. Об условиях жизни в этом же доме у Алексея Петровича Иванова рассказывает сам Белинский. Вскоре после переезда к нему он писал брату Константину Григорьевичу: «Посмотрел бы ты, как живет Алексей Петрович в одной комнате с небольшой прихожей, служащею ему вместе и кухнею». А покинув эту квартиру, вспоминал: «Вы не можете представить, чего мне стоило обременять собою Алексея Петровича, который и сам живет с нуждою пополам... Потом же теснота и многолюдство совершенно лишали меня средств заниматься...»[18]

То, что в тяжелую минуту Белинский обратился именно к Иванову, не случайно. Братья Ивановы были его родственниками, учились с ним вместе в гимназии, и дружеские отношения их с критиком продолжались всю его жизнь.

Белинский посещал, разумеется, и Дмитрия Петровича, который в конце 1830-х годов жил на Трубной улице в доме Борисова [19] (на месте теперешнего № 22 — не сохранился), а в начале 1840-х годов там же, в «доме купца Кондратия Григорьевича Смирнова» («Письма», II, 167). Этот дом — ныне № 5 — сохранился. У Дмитрия Петровича одно время жил брат Белинского Никанор, и несомненно, что в свои приезды в Москву в 1840-х годах Белинский бывал и здесь.

Несмотря на суровую нужду, Белинский менее всего склонен к пессимизму. «О себе скажу тебе,— пишет он брату 20 сентября 1833 г.,— что я живу довольно хорошо для своих обстоятельств» («Письма», I, 56). Он бывает в ряде московских домов, завязывает новые знакомства. Все это «заставляет меня, ⟨...⟩ — говорит он,— забывать о моих несчастьях. В семействе Петрова я принят, как родной» («Письма», I, 57). С П. Я. Петровым, в будущем крупным ориенталистом и санскритологом, Белинский подружился еще в 1829 г. в университете. Место проживания Петровых, где Белинский в трудные для него годы неизменно находил дружеское участие и помощь, установить не удалось.

В эти же годы Белинский бывал в доме своего университетского товарища Константина Аксакова, у отца которого, Сергея Тимофеевича, еще с 1827 г. регулярно устраивались по субботам литературные собрания. Их посещали Гоголь, Загоскин, Верстовский, Надеждин, Павлов, Погодин, Щепкин и другие. С 1832 г. Аксаковы «жили в доме Слепцова на Сивцевом Вражке»,[20] ныне № 12 по Большому Афанасьевскому переулку (см. иллюстрацию — «Лит. наследство», т. 56, стр. 97). Возможно, что ряд литературных знакомств Белинского связан именно с этим домом.

В тот же период Белинский являлся посетителем знаменитой «Печкинской кофейни», открытой в 1834 г. (она находилась против Александровского сада на нынешней площади Революции), где ежедневно встречались представители московского литературного и артистического мира[21]. В разные годы существования кофейни здесь бывали Герцен, Грановский, Кетчер, А. Д. Галахов, Островский, Писемский, Фет, Ап. Григорьев, Эдельсон, Салтыков (Щедрин), Садовский, Щепкин, Живокини, Горбунов и другие. Своеобразный литературный быт этой кофейни нашел отражение в ряде художественных произведений. «Кто знает,— вспоминая о своей молодости, говорит Фет,— сколько кофейня разнесла по Руси истинной любви к науке и искусству». Правда, по свидетельству Галахова, «Белинский редко приходил туда»[22].

Бывал Белинский, несомненно, и в широко популярном в студенческой среде трактире «Британия», куда сходились читать новые журналы. Трактир находился на Моховой, против старого здания университета, в снесенном ныне угловом доме, обращенном к манежу. Теперь территория этого владения отошла под площадь.

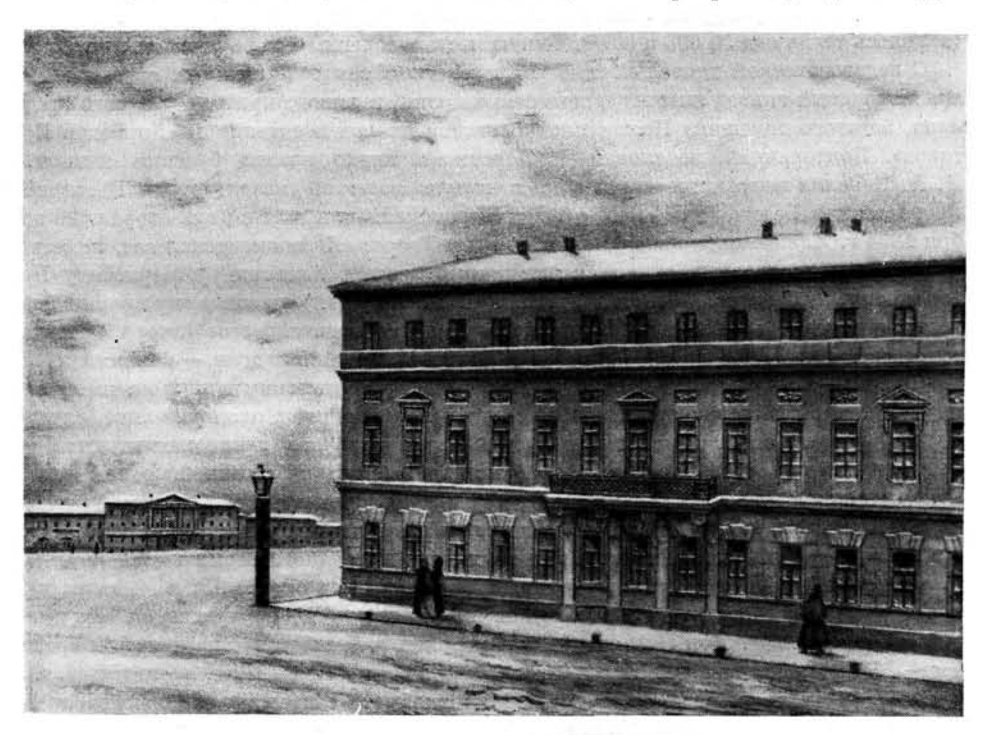
Весной 1833 г. Белинскому удается найти постоянную литературную работу. Он сообщает брату: «Я знаком с Надеждиным: перевожу в Молву и Телескоп» («Письма», I, 52). Материальные условия его жизни несколько улучшаются. Тем не менее только через год обстоятельства позволяют Белинскому уехать от Ивановых и устроиться самостоятельно. «Я вне себя от восхищения,— пишет он матери 25 мая 1834 г.,— что нанял квартиру, где тишина и уединение дают мне совершенную возможность заниматься науками...» («Письма», I, 59). Подробный адрес этой квартиры сообщает сам Белинский: «Живу я теперь на Тверск⟨ой⟩ ул⟨ице⟩ почти против дома генерал-губер-

натора, в мезонине, который составляет собой 3 этаж огромного дома Варьгина»[23]. Дом занимал пространство от нынешней Советской площади до улицы Немировича-Данченко (см. иллюстрацию в наст. томе, стр. 161). Первый этаж его был занят модными магазинами, дорогими портными, кондитерскими. Дом сохранился до наших дней и был снесен лишь при реконструкции улицы Горького в 1940 г.

В доме Варгина Белинский прожил лишь два с небольшим месяца. 17 августа 1834 г. он извещал брата: «Я перебрался к Надеждину и живу у него уже двё недели. Жить мне очень недурно; у меня особенная комната» («Письма», I, 59). В своих воспоминаниях П. Прозоров уточняет это место пребывания Белинского: «...Белинский переселился в квартиру Н. И. Надеждина в доме Самарина».

Дом Самариных был в те годы одним из культурнейших домов Москвы. Самарин-отец, увлекавшийся педагогикой, свыше двадцати пяти лет содержал домашнюю школу «примерную и образцовую». Хотя свидетельство Прозорова, что квартира Надеждина находилась в доме Самариных, не находит подтверждений в других источниках, допустимо, что Надеждин мог быть связан с деятельностью школы и жить несколько месяцев у Самариных, у которых в качестве домашнего учителя Ю. Ф. Самарина он уже жил в конце 1820-х гг. Дом Самариных занимал примыкающую к проезду Художественного театра часть нынешнего дома № 6 по улице Горького и был снесен при реконструкции этой улицы в 1937 г.

Галахов, правда с некоторыми оговорками, указывает иное местожительство Белинского. «Впервые,— вспоминает он,— мы встречались ⟨с Белинским⟩ в 1834 или 1835 году у моего университетского товарища Селивановского, сына известного типографщика. В доме его занимал квартиру Надеждин ⟨...⟩ перед ужином вошел Белинский, помещавшийся, если не ошибаюсь, в квартире Надеждина». Дом

ГОСТИНИЦА КОППА НА УГЛУ ТВЕРСКОЙ УЛИЦЫ И ТВЕРСКОЙ ПЛОЩАДИ — ОДНА ИЗ НАИБОЛЕЕ ПОПУЛЯРНЫХ МОСКОВСКИХ ГОСТИНИЦ 1820—1830-х гг.

Здесь останавливался Пушкин и многие другие писатели, здесь же осенью 1839 г. жил И. И. Панаев и происходили последние сборы Белинского перед отъездом в Петербург

Реконструкция Б. С. Земенкова. Акварель 1948 г.
Собрание художника, Москва

Н. С. Селивановского перестроен (теперь улица Пушкина, № 15). Здесь на литературных вечерах бывали Вельтман, Погодин, Надеждин, Н. Полевой, В. П. Боткин и др.[24]

Однако у Надеждина Белинский остается очень недолго. В цитированном выше письме к брату от 17 августа 1834 г. он пишет: «Надеждин тотчас по возвращении из своего вояжа переедет в дом Сухово-Кобылина, а если к тому времени я не получу казенной квартиры, то и я с ним. Этот дом известен в Москве своею образованностью и мне очень бы хотелось пожить там немножко, чтобы приглядеться на „beau-monde“» («Письма», I, 60). В доме Сухово-Кобылиных, хорошо сохранившемся и по сей день (Страстной бульвар, № 9), собиралось избранное литературное общество. В салоне матери будущего драматурга бывали Погодин, Шевырев, друг Гоголя—Максимович, Раич, преподававший литературу юной Елизавете Васильевне Сухово-Кобылиной (впоследствии писательнице Евгении Тур). Нет никаких указаний на то, что Надеждину удалось поселить вместе с собой у Сухово-Кобылиных и Белинского, но поскольку работа последнего в «Молве» и «Телескопе» попрежнему интенсивно продолжалась, он, конечно, должен был бывать здесь у Надеждина, как и на другой его квартире в доме Римского-Корсакова на Тверском бульваре (ныне № 24-26), где Надеждин жил в конце того же 1834 г. (см. «Моск. вед.», 1834, № 99, объявление «Телескопа»).

В эти годы Белинский усиленно занимается и педагогической деятельностью. Зимой 1834 г. он начинает преподавать русский язык, историю и географию 15-летнему К. Д. Кавелину. Кавелины жили тогда в собственном доме в Большом Толстовском (ныне Карманицком) переулке № 6 (дом перестроен). Одновременно Белинский дает уроки грамматики и риторики С. М. Сухотину [25]. В 1830-х годах Сухотины снимали квартиру на Большой Якиманке в доме майорши Денисовой. Владение числилось тогда под № 606 и 607[26]. Точное местоположение его определить не удалось.

С педагогической деятельностью Белинского в семье Кавелиных связан весьма красноречивый эпизод литературного секретарства великого критика у одного графомана, богатого помещика Полторацкого, писавшего под псевдонимом «Дормедон Прутиков». Полторацкий, по словам Д. Корсакова, плохо владел русским языком, и Д. А. Кавелин поправлял ему ошибки в «штиле», затем он указал, ему на Виссариона Григорьевича Белинского[27]. Но, очевидно, рекомендация шла с двух сторон. 26 ноября 1834 г. Лажечников писал Белинскому из Твери: «Я рекомендовал вас, любезный Виссарион Григорьевич, одному почтенному старичку, Александру Марковичу Полторацкому, 4-го класса, то есть превосходительному ⟨...⟩ вымойте ему почище белье литературное»[28]. Пребывание Белинского у «превосходительного» автора оказалось недолгим. «Он ⟨Белинский⟩ водворен в аристократическом доме,— вспоминал Лажечников,— пользуется не только чистым, даже ароматическим воздухом, имеет прислугу, которая летает по его мановению, имеет хороший стол, отличные вина, слушает музыку разных европейских знаменитостей (одна дочь его превосходительства музыкантша), располагает огромной библиотекой, будто собственной, одним словом ⟨...⟩ катается, словно сыр в масле. Но вскоре заходят тучи над этой блаженной жизнью. Оказывается, что за нее надо подчас жертвовать своими убеждениями ⟨...⟩ И вот, в одно прекрасное утро, Белинский исчезает из дома, начиненного всеми житейскими благами, исчезает с своим добром, завязанным в носовой платок ⟨...⟩ Шаги его направлены к такой же убогой квартирке, в какой он жил прежде ⟨...⟩ Он чувствует, что исполнил долг свой»[29]. Дом Полторацкого находился в Левшинском переулке (сохранился — № 6 по нынешней улице Щукина. См. иллюстрацию — «Лит. наследство», т. 56, стр. 65). Сколько времени оставался Белинский у Полторацкого и куда от него переселился, не выяснено. Упоминание новой квартиры Белинского мы встречаем лишь 31 июля 1835 г. в письме к Белинскому Станкевича: «Я писал к тебе в дом Чудиновой, и письмо мое верно тебя не застало там»[30]. Не зная инициалов домовладелицы и названия улицы, адрес не удалось определить. Не был ли дом Чудиновой в районе Бронных? Д. П. Иванов вспоминает, что, получив в 1835 г. известие о смерти отца Белинского, он «...передал это известие Виссариону, жившему тогда на Козихе» («Письма», III, 443). Возможно, что из дома Чудиновой, в сере-

дине июля 1835 г. Белинский переселился опять в дом Касаткина-Ростовского. В извещении от «Молвы» и «Телескопа», редактором которых был в это время Белинский, вместо уехавшего за границу Надеждина, этот дом указан адресом редакции [31].

В описываемые годы Белинский расширяет свои литературные связи. Он знакомится с Н. А. Полевым. Отношения их приобретают дружеский характер. Полевой жил тогда на 1-й Мещанской в доме, находившемся на месте нынешнего дома № 29. Владение выходило и на 2-ю Мещанскую (ныне № 30 — дома перестроены).

Продолжает бывать Белинский и у Аксаковых. «В 1834 году мы жили на Сенном рынке, в доме Штюрмера»,— вспоминает С. Т. Аксаков (ныне Новая Басманная, № 3 — дом перестроен). Здесь, у Аксаковых, Белинский познакомился с Гоголем[32].

В конце 1834 г. в Москву приезжает из Чембарского уезда М. А. Владыкина с сыном. Буслаев вспоминает: «... перенеситесь в Зубово, к Неопалимой Купине, в деревянный дом с мезонином, в переулке, который с задней стороны этой церкви тянется параллельно Смоленскому бульвару (очевидно, речь идет о 2 или 3-м Неопалимовском пер.). В этом доме поселилась приехавшая в Москву из Чембарского уезда помещица Марфа Андреевна Владыкина со своим сыном ⟨...⟩ Из посетителей, которых мне случалось встречать у Владыкиной, назову вам Белинского...»[33] Уточнить адрес М. А. Владыкиной нам не удалось. Бывал Белинский также в семье юного В. А. Черкасского, мать которого имела собственный дом на Мясницкой, на месте нынешнего дома № 5 по улице Кирова[34].

В этот период достигают особой близости отношения Белинского со Станкевичем. Кроме регулярных субботних «сходбищ» (выражение Станкевича), члены кружка совершают прогулки, вместе посещают театр, проводят праздники. Станкевич в письме к Неверову описал пасхальную ночь 1834 г.: «В половине 12-го мы (с Красовым) вышли во двор и ходили с трубками ⟨...⟩ Вдруг ударили колокола, и вся Москва забалабонила. К нам пришел Белинский и увлек нас в Кремль. Мы подходили к Иверской и услышали пушки: Василий Блаженный вдруг озарится молниею, и удар рассыпается по Кремлю» [35].

К этому времени Станкевич уже покинул дом проф. Павлова на Большой Дмитровке. С января 1835 г. он живет на Никольской в Ремесленной управе у Шидловского (ныне улица 25 Октября, № 23 — дом перестроен). А 13 октября 1835 г. он сообщает Неверову свой новый адрес: «... в Старой Конюшенной в приходе Пятницы Божедомской, в доме г-жи Лаптевой ⟨ныне Большой Афанасьевский, № 8⟩. Хорошая квартира; пять комнат внизу с мебелью, с мезонином, 2 комнаты с кухнею, сараем и прочими ненужными для меня вещами — 1500 рублей в год. Дорого, но нечего делать! Загорелось — другой не мог скоро найти»[36]. Степень сохранности этого дома, ценнейшего памятника литературной Москвы, давно уже вызывает немало сомнений у москвоведов. Обнаруженные нами (ГИНТА) планы владения подтверждают, что дом в основном сохранился и лишь со стороны улицы подвергся существенной перестройке в конце 1880-х гг.

В это же время Белинский знакомится с семейством Беер. Часто, как и другие члены кружка Станкевича, он бывает на их вечерах («Письма», I, 123—124). Бееры, не имея в Москве собственного дома, нередко меняли свое местожительство. 2 декабря 1835 г. Станкевич пишет, что «Беерова приехали и остановились у Красных ворот в доме Штюрмер»[37], где год назад жил С. Т. Аксаков.

Нередко в эти годы бывал Белинский и у М. С. Щепкина, игра которого была одним из первых и ярчайших впечатлений критика от Москвы. Дом Щепкина посещали виднейшие представители литературы и искусства. Приезжая в Москву, здесь бывали Пушкин и Гоголь. Со Щепкиным был особенно близок С. Т. Аксаков. Возможно, что он и познакомил великого артиста с Белинским. Позднее у Щепкина можно было встретить И. С. Тургенева, Герцена и Грановского[38]. Дом, где жил в те годы Щепкин, цел и сейчас (Большой Каретный пер., д. № 16. См. иллюстрацию в наст. томе, стр. 175).

В 1836 г. Белинский переезжает к Надеждину, расставшемуся с домом Сухово-Кобылиных, и снова оказывается на территории Московского университета. Буслаев впоследствии вспоминал: «На университетском дворе, направо, у самых ворот, выходя-

щих в Долгоруковский пер. ⟨теперь улица Белинского⟩, стояло тогда невысокое каменное здание, которое было занято квартирою ректора университета Болдырева ⟨...⟩ он ⟨...⟩ очень любил молодого профессора эстетика Надеждина и дал ему помещение у себя». Надеждин, в свою очередь, в одной из своих комнат поселил Белинского[39]. Как указывает Буслаев, дом этот не сохранился. Но память изменила Буслаеву, писавшему воспоминания в конце своей долгой жизни. Здание существует и поныне. Это старейшее из сохранившихся университетских строений. Оно было куплено университетом в 1804 г. у Н. А. Пушкиной и носило название «Пушкинский корпус»[40]. Этот корпус и больница были единственными университетскими зданиями, уцелевшими во время пожара 1812 г.[41] В 1813 г. дом (второй этаж) был отведен под квартиру ректора и стал называться также «ректорским домиком». В 1873 г. он был переоборудован под физическую лабораторию, а в начале 1900-х годов, когда было построено специальное здание Физического института, вновь отдан под квартиры профессоров и сотрудников университета[42]. В настоящее время домик заселен техническим персоналом университета (см. иллюстрацию в наст. томе, стр. 193).

Личный осмотр подтвердил, что перед нами действительно постройка XVIII в., хотя и реконструированная (остатки белого камня в фундаменте и частью в карнизах явные следы стесанных пилястров на задней стене дома и пр.).

Что описание Буслаева относится именно к данному зданию, не подлежит сомнению. Мы видим его на плане территории университета 1834 г. (ГИНТА), и спутать его с другими невозможно, так как это единственная постройка в указанной Буслаевым части двора. С «ректорским домиком» связано воспоминание об известном деле о запрещении «Телескопа». Здесь у Белинского, в его комнатах на квартире Надеждина, был произведен обыск. Произошло это в отсутствие критика, гостившего у Бакуниных в их тверском имении Премухино. По возвращении в Москву 15 ноября 1836 г. Белинский был задержан на заставе и отсюда доставлен к обер-полицеймейстеру.

Белинский въезжал в Москву через Тверскую заставу. Триумфальные ворота, замыкавшие Тверскую улицу, и заставные кордегардии при них находились против нынешнего дома № 66/1 по улице Горького. Следовательно, именно здесь Белинский и был задержан. Канцелярия московского обер-полицеймейстера, куда был доставлен Белинский для обыска, помещалась в те годы на Тверском бульваре, в доме № 22 (не сохранился). Дом этот был некогда популярен у москвичей по устраивавшимся здесь танцевальным вечерам Иогеля, где, между прочим, Пушкин встретил Н. Н. Гончарову.

Запрещение «Телескопа» лишило Белинского литературного заработка. Он опять оказался в крайне тяжелом положении. С конца 1836 г. он начинает искать работу в петербургских изданиях[43]. Еще ранее П. В. Нащокин пытается связать его с пушкинским «Современником». 3 мая Пушкин приезжает в Москву и останавливается у Нащокина, жившего тогда на Садово-Триумфальной улице в Воротниковском переулке. Дом этот существует и сейчас (№ 12 современной нумерации — см. иллюстрацию в «Лит. наследстве», т. 56, стр. 267), но лишь несколько перестроен — вместо мезонина выведен второй этаж. Белинский здесь часто бывал («Письма», II, 51—52). Во время пребывания Пушкина в Москве в 1836 г. Нащокин намеревался устроить у себя встречу Белинского с поэтом, но встреча эта почему-то не состоялась.

В январе 1837 г. Белинский называет свой новый адрес: «... на Петровке, в Рахмановском переулке, в доме князя Касаткина-Ростовского, № 22» («Письма», I, 67), т. е. в доме, где он уже дважды жил (см. выше). Здесь он заканчивает работу над «Основаниями русской грамматики», рукопись которой представляет попечителю Московского учебного округа С. Г. Строганову в надежде, что его труд будет напечатан на казенный счет. Канцелярия попечителя Московского учебного округа находилась на Большой Дмитровке — ныне улице Пушкина, № 17 (дом перестроен)[44]. Получив отказ Строганова, Белинский издал свою работу на собственный счет (III, 513). На последней странице обложки «Грамматики» адресом издателя (т. е. Белинского) указан дом Касаткина-Ростовского.

Болезнь вынуждает Белинского уехать летом 1837 г. на Кавказ. Однако мысль о неустроенности его московской жизни тяготит его и там. «... Я бы выздоровел и душевно и телесно,—пишет он Бакунину 16 августа 1837 г.,—если бы будущее не стояло передо

мною в грозном виде, если бы приезд мой в Москву был обеспечен ⟨...⟩ Едва родится во мне сознание силы, едва почувствую я теплоту веры, как квартира, а в о ш н а я лавочка, сюртуки, штаны, долги и вся эта мерзость жизни тотчас убивают силу и веру...» («Письма», I, 126).

15 сентября 1837 г. Белинский вернулся в Москву: «... я переменяю на днях мою гадкую квартиру»,— сообщает он по приезде. В одном из последующих писем он называет свой новый адрес: «На Стоженке, в приходе Воскресенья, в Савеловском переулке, в доме полковницы Ефремовой» («Письма», I, 132, 133). В сохранившейся «Книге для записи проживающих, приезжающих и выезжающих» по этому дому помечено, что «Белинский прибыл 1 октября 1837 г.» (см. иллюстрацию в наст. томе, стр. 299). Под 26 февраля 1838 г. указан въехавшим в этот же дом М. А. Бакунин. Нам удалось обнаружить (ГИНТА) план этого владения, датированный 22 марта 1838 г. Оно занимало площадь нынешнего дома № 10 по Савеловскому переулку,

ЛИСТОК С АДРЕСАМИ МОСКОВСКИХ ЗНАКОМЫХ, СОБСТВЕННОРУЧНО ЗАПИСАННЫМИ БЕЛИНСКИМ, 1840-е гг.
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

доходя вглубь до нынешнего дома № 13 по 2-му Обыденскому переулку. Весь участок делился поперек на две почти равные части. Часть, выходившая во 2-й Обыденский переулок, была занята садом. Основное строение было каменное, в два этажа, и выходило в Савеловский переулок. Вход в него был со двора. Вдоль переулка стояло еще одно деревянное одноэтажное жилое строение. Кроме того, во дворе находилось два небольших флигеля и одна хозяйственная нежилая постройка. В целом планировка владения носит типичный для тех лет усадебный характер. В связи с датой столетия со дня рождения великого критика в 1911 г. дом Ефремовой привлек внимание московской общественности. Дом тогда еще существовал, и ему был посвящен ряд газетных заметок.

«Это тот самый дом,—пишет, например, П. Симановский,— но уже не полковницы, а П. А. Ефремова, в котором проживал в Москве этот известный библиограф и редактор изданий многих русских классиков ⟨...⟩ Со времени Белинского дом этот, вероятно, обновлялся, но не переделывался. Думаю, что этот дом существует и до сих пор, но за смертью П. А. Ефремова перешел в другие руки»[45]. Действительно, из архивных материалов (ГИНТА) явствует, что нынешняя застройка владения, при которой старый дом был снесен, была утверждена лишь в июле 1912 г.

В первые же дни по возвращении в Москву Белинский навещает старых друзей. Он посещает больного И. П. Клюшникова, который жил в те годы в Нащокинском переулке в доме Малиновской (на месте нынешнего дома № 12/14)[46].

В октябре на вечере у Селивановского во время чтения Н. Полевым драмы «Граф Уголино» состоялось знакомство Белинского с Мочаловым. В письме от 14 января 1838 г. он сообщает о своем посещении великого трагика. Мочалов жил в доме Елагиной в приходе Знамения на Знаменке[47] — ныне Крестовоздвиженский переулок, № 7 (сохранился. См. иллюстрацию — «Лит. наследство», т. 56, стр. 277).

В сентябре и октябре 1837 г. у Белинского происходит ряд деловых встреч с Кс. Полевым («Письма», I, 131). Полевой жил тогда при своем книжном магазине, помещавшемся в доме Мятлевой на Тверской[48]. Дом этот, так часто посещавшийся Белинским, не сохранился. Он находился на месте нынешнего дома № 12 по улице Горького.

Осень 1837 г.— последние дни дружеских встреч Белинского с Н. Полевым. Последний к этому времени переехал с 1-й Мещанской (см. выше) и «жил до осени ⟨т. е. до отъезда в Петербург⟩ в скромной своей квартирке под Новинским, во флигеле дома Сафонова»[49] (ныне дом № 25 по улице Чайковского). На планах Москвы 1852—1853 гг. (Хотева) показаны два уходящих в глубь двора флигеля, расположенных по бокам главного дома. Один из этих флигелей, сохранившихся до наших дней, и занимал Полевой. В его дневнике под 12 октября 1837 г. стоит лаконическая запись: «Уехал. Брат, Мочалов и Белинский провожали меня до заставы»[50].

Той же осенью 1837 г. покидает Москву и Станкевич. После его отъезда происходит сближение с Белинским Бакунина и Боткина: «они виделись беспрестанно, жили тесным приятельским кружком, центром которому служила теперь квартира Боткина»[51] (дом сохранился — Петроверигский переулок, № 4. См. иллюстрацию — «Лит. наследство», т. 56, стр. 81). Белинский встречает у Боткина новый, 1838 год, часто ночует у него («Письма», I, 139, 180).

Квартира Белинского в доме Ефремова, по своей неблагоустроенности, мало располагала к труду и творческой сосредоточенности. В письме от 1 ноября 1837 г. у него вырывается следующее признание: «Я сажусь за дело, перевожу с немецкого или делаю что-нибудь другое — и что же? я дрожу от холода, руки мои не в состоянии держать перо, животная сторона моя громко дает о себе знать. Я бросаю перо и иду — куда-нибудь, иногда в лавку Глазунова» («Письма», I, 145). Книжная лавка Глазунова, при которой помещалась также библиотека для чтения, находилась на месте нынешнего дома № 19 по улице 25 Октября. Здесь часто встречались московские писатели.

Отсутствие журнальной работы вновь заставляет Белинского искать уроки. В ноябре 1837 г. он знакомится с Е. Г. Левашевой, которая предлагает ему преподавать русскую литературу ее детям. Дом Левашевых был одним из популярных салонов Москвы николаевского времени. Здесь в разные годы бывали И. И. Дмитриев, Е. А. Баратынский, А. Н. Раевский, М. Ф. Орлов, Н. Х. Кетчер, Н. П. Огарев, посвятивший памяти Е. Г. Левашевой стихи. Свыше 26 лет во флигеле левашевского дома прожил и здесь же умер Чаадаев. В письме от 10 сентября 1838 г. Белинский сообщает о знакомстве с ним. Дом Левашевых не сохранился. Он находился на месте нынешнего дома № 20 по Новой Басманной улице.

В названной выше «Книге для записи проживающих, приезжающих и выезжающих» по дому Ефремовой Белинский помечен выбывшим 21 марта 1838 г., в Басманную часть. Еще в 1835 г. С. Т. Аксаков, в семье которого Белинский бывал с университетских лет, был назначен директором Константиновского межевого института, в помещении которого и поселился на казенной квартире. В те годы Институт был размещен в великолепном, ныне несохранившемся, доме Куракина на Старой Басманной (см. иллюстрацию — «Лит. наследство», т. 56, стр. 113), построенном Казаковым (находился на месте нынешнего дома № 21 по улице Карла Маркса). Весной 1838 г. Аксаков устраивает Белинского в Институт преподавателем русского языка. После лишений, испытанных в ефремовском доме, квартира, обеспеченная теплом и светом, особенно радует Белинского. Он сообщает брату: «... инспектор института, князь Козловский, по дружбе своей ко мне, уступил мне лучшую половину своей квартиры, и я пользуюсь и дровами, и свечами казенными...» («Письма», I, 188). Ко времени пребы-

вания Белинского в Институте относится один из самых ранних его портретов, исполненный воспитанником Института Н. Мартыновым[52].

Однако преподавательская деятельность Белинского в Институте продолжалась недолго. 1 ноября того же 1838 г. Белинский прекратил занятия в Институте.

Куда переселился Белинский, оставив казенную квартиру в Институте, установить не удалось. Адрес его до весны 1839 г. (см. ниже) неизвестен.

В том же 1838 г. «... весной издание „Наблюдателя" было, наконец, разрешено московскому типографу Степанову, а редактором журнала (впрочем, не объявленным) сделался Белинский»[53].

По делам «Московского наблюдателя» Белинский неоднократно видится с официальным редактором журнала В. П. Андросовым и с издателем Н. С. Степановым. Андросов жил в те годы в доме Дица в Столовом переулке[54] (дом не сохранился, на его месте теперь дом № 11). Типография Степанова находилась в Трубниковском переулке[55]. Белинскому приходилось также представительствовать «Московский наблюдатель». Цензор Снегирев записывает в своем дневнике под 5 января 1839 г.: «...После обеда был у меня по своим журнальным делам Белинский Виссарион Григорьевич»[56]. Снегирев жил в собственном доме — ныне Троицкая улица, № 19.

В обновленном «Московском наблюдателе» работает близкий в те годы Белинскому П. Н. Кудрявцев, у которого он, по всей вероятности, бывал. Кудрявцев, тогда еще студент, возможно, жил у своего отца, священника Даниловского кладбища.

Подписка на «Наблюдатель» оказалась незначительной. Степанов задерживает Белинскому даже ту скромную плату, которую обязался платить. В связи с этим у Белинского вновь возникает мысль о переезде в Петербург[57].

Еще в конце 1838 г. у него завязывается переписка с Панаевым, а 18 февраля 1839 г. он просит Панаева связать его с Краевским, издающим «Отечественные записки» («Письма», I, 311). 12 апреля 1839 г. Панаев приезжает в Москву и на другой же день посещает Белинского. «Он 〈Белинский〉,— вспоминает Панаев, — жил в каком-то узеньком и глухом переулке, недалеко, кажется, от Никитского бульвара, в деревянном одноэтажном домике, вросшем в землю, окна которого были почти наравне с кирпичным узким тротуаром 〈...〉 С замирающим сердцем,— продолжает Панаев,—я вошел во двор, поросший травой, и робко постучался в низенькую дверь 〈...〉 Из темной, маленькой передней Белинский повел меня в небольшую комнатку, всю заваленную бумагами и книгами. Мебель этой комнатки состояла из небольшого дивана с износившимся чехлом, высокой и неуклюжей конторки, подкрашенной под красное дерево, и двух решетчатых таких же стульев»[58].

Адрес этой, так детально описанной квартиры Белинского, ввиду отсутствия конкретных данных о ее местоположении, не поддается определению.

Панаев и Белинский быстро сближаются. «Мы жили на Арбате 〈...〉,— вспоминает А. Я. Панаева,— Белинский нанял себе комнату от жильцов — против нашего дома во дворе — и пригласил нас на новоселье пить чай. Комната была у него в одно окно, очень плохо меблированная. Я вошла и удивилась, увидя на окне и на полу у письменного стола множество цветов. Белинский, самодовольно улыбаясь, сказал:

— Что-с, хорошо?.. А каковы лилии? Весело будет работать, не буду видеть из окна грязного двора»[59].

На Арбате Панаевы жили в доме Тона[60], который находился на месте нынешнего дома № 10. Адрес же Белинского, поскольку фамилия домовладельца нам не известна, пока не удается расшифровать.

Из дружеских встреч Белинского этих месяцев следует отметить поездку с Панаевым в Химки к Щепкину. «... Мы отправились к нему с Белинским и Кетчером,— вспоминает Панаев.— 〈...〉 Перед нами на холму был старый деревянный, довольно большой помещичий дом, с прудом спереди и с густым садом назади, из-за которого поднималась зеленая глава церкви. Пруд был в цвету 〈...〉 сад, разросшийся на свободе, начинал глохнуть 〈...〉 Место действительно было прекрасное. За садом гладкое, необозримое поле, засеянное хлебом»[61]. Дача в Химках, где жил Щепкин и где Белинский, вероятно, не раз бывал у него, существовала до недавнего времени. Ее территория была затоплена при проведении канала имени Москвы.

Мемуарная литература зарегистрировала немало литературных встреч Белинского в последнем году пребывания его в Москве. К числу друзей Белинского принадлежал в то время и Константин Сергеевич Аксаков. «...Аксаковы жили тогда в большом отдельном деревянном доме, на Смоленской площади ‹...› Дом Аксакова и снаружи и внутри по устройству и расположению совершенно походил на деревенские барские дома; при нем были: обширный двор, людские, сад и даже бани в саду. Константин Аксаков помещался на верху в мезонине»[62]. Дом этот находился на месте нынешнего дома № 27 на Смоленской-Сенной площади.

Белинский, несомненно, часто бывал в эти годы у И. Е. Великопольского (писавшего под псевдонимом Ивельев), нередко помогавшего материально в трудные минуты критику. Знакомство их состоялось у Аксаковых. Великопольский был женат на дочери известного московского врача проф. М. Я. Мудрова; в приданое за ней он получил каменный дом в Афанасьевском переулке (стоял на месте нынешнего дома № 37)[63] и громадное владение с большим деревянным домом, оранжереями и садом на Пресненских прудах, числившееся в 1820-х годах под № 402[64]. Расположенный в то время против этого владения Средний Пресненский пруд давно засыпан. На его месте находится теперь стадион Метростроя. Дом же Великопольского сохранился почти в нетронутом виде (теперь № 11 по Дружинниковской улице. См. иллюстрацию — «Лит. наследство», т. 56, стр. 123). В своем Пресненском доме Великопольский устраивал широкие приемы и пышные празднества. Об одном из них, на котором присутствовал Белинский, вспоминает Панаев: «Часу в девятом я отправился на бал к Великопольскому, вместе с К. С. Аксаковым и Белинским ‹...› Дом Великопольского был набит битком гостями, оркестр гремел, танцы были во всем разгаре ‹...› Толпы любопытных собрались у дома. Сад на Пресненских прудах был также наполнен гуляющими. Белинский, К. Аксаков и я недолго оставались в комнатах ‹...› Мы пошли гулять на Пресненские пруды. Когда стемнело, к изумлению нашему, часть Пресненских прудов была иллюминирована, и импровизировалось народное гуляние»[65].

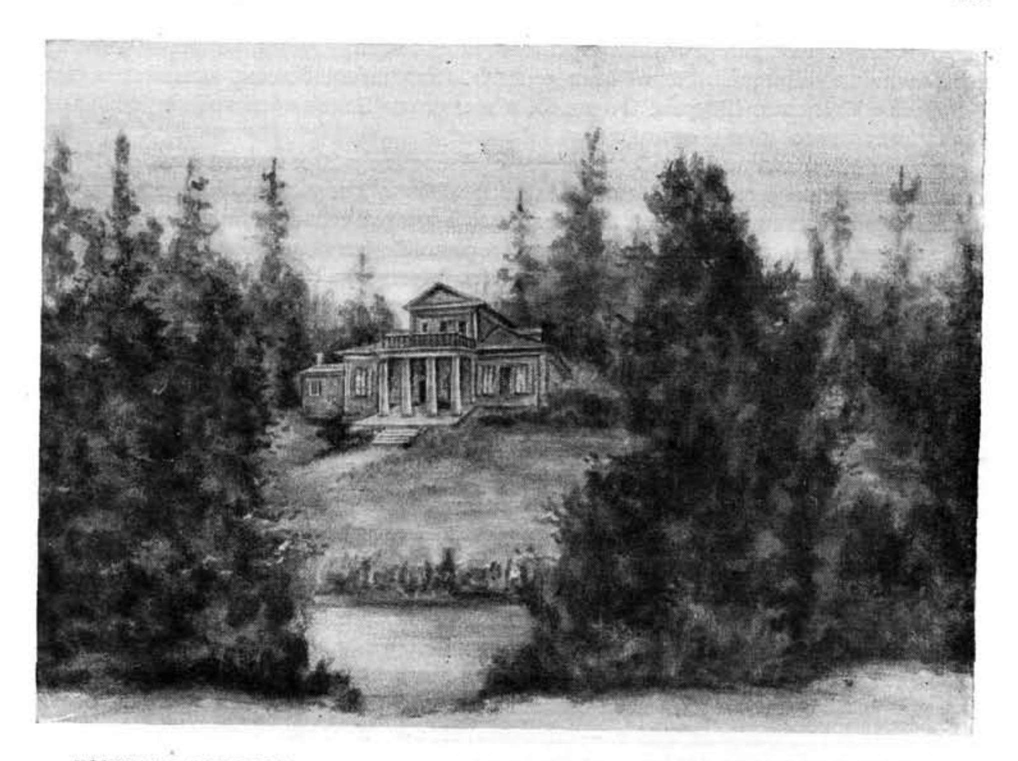
Нередко в эти годы Белинский посещает и московские литературные салоны. Так, И. М. Снегирев отмечает в своем дневнике, что во время чтения им у Н. Ф. и К. К. Павловых «Описания московских древностей» присутствовал Белинский[66]. Дом Павловых находился на Рождественском бульваре (теперь № 14, перестроен).

Н. Ф. Павлов в одном из своих писем к А. А. Краевскому указывает, что Белинский был приглашен посещать литературные понедельники Авд. и Фед. Глинок, где бывали многие московские литераторы[67]. Дом Глинок не сохранился. Он находился на Садовой-Спасской, на месте нынешнего дома № 7.

В сентябре 1839 г. в Москву вернулся из-за границы Грановский, с которым Белинский знакомится и быстро сходится. В письмах к Станкевичу он сообщает о своих посещениях Грановского («Письма», I, 338, 340). Последний жил тогда на казенной квартире, в доме Московского дворянского института, а ранее — Московского благородного пансиона, на Тверской[68]. Этот огромный дом, где учились Жуковский, Ал. Тургенев, Грибоедов, В. Ф. Одоевский, Вельтман, Лермонтов, Салтыков, занимал обширное пространство по нынешней улице Горького (от улицы Белинского до улицы Огарева) и был сломан в 1913—1914 гг. На этом месте стоит ныне здание Центрального телеграфа. Архитектурное описание и краткая история здания Института даны в книге С. А. Макашина о Салтыкове-Щедрине. Там же воспроизведена реконструкция дома, сделанная автором настоящей статьи по чертежам строений этого владения 1820-х гг.[69]

Осенью 1839 г. в Москву ненадолго приезжает Герцен[70]. Очевидно, тогда и состоялось его знакомство с Белинским. Трудно определить место их первой встречи. Герцен, по всей вероятности, останавливался в доме отца (Сивцев Вражек, № 25, сохранился).

Вероятно, тогда же Белинский познакомился и с Огаревым. Огарев получил разрешение жить в Москве еще в мае 1839 г. Вначале он поселился на даче в Петровском парке, а «к зиме была нанята дорогая квартира на Арбате...»[71] Позднее Огарев переселился в дом Несвицких по Кудринской улице (ныне № 17), где у него поселился и Сатин[72]. Характерно, что вечера Огарева посещались людьми, тесно связанными с Белинским, но прямых указаний на то, что Белинский здесь бывал у Огарева, мы не нашли.

БЫВШАЯ ПОДМОСКОВНАЯ УСАДЬБА ГЕРЦЕНА «ПОКРОВСКОЕ-ЗАСЕКИНО»
Акварель Б. С. Земенкова, 1948 г.
Собрание художника, Москва

Среди деловых связей этих лет необходимо отметить встречи Белинского с А. Д. Галаховым, который снабжал его московскими книжными новинками для рецензий, посылавшихся в «Отечественные записки» Краевского. «Два раза в месяц,— рассказывает в своих воспоминаниях Галахов,— отправлялся я 〈в Московский цензурный комитет〉 за литературным фуражем, т. е. забирал все книги, доставленные туда из типографий в течение предыдущих недель. После того я распределял полученное по взаимному соглашению между мною и сотоварищами»[73]. Этими сотоварищами Галахова были Белинский, Кудрявцев и др. Жил Галахов в доме Суханек в Полуэктовом переулке (ныне № 4. См. иллюстрацию — «Лит. наследство», т. 56, стр. 153).

Приближающееся время отъезда в Петербург Белинский ожидает с нелегким сердцем. «Москва погубила меня, в ней нечем жить и нечего делать и нельзя делать, а расстаться с нею — тяжелый опыт»,— пишет он с горечью 2 октября Станкевичу («Письма», I, 377). Безденежье вновь заставляет его переменить квартиру: «... мне надо было нанять какую-нибудь комнатку и жить скромно до отъезда в Питер 〈...〉 Боткин помог, предложил у себя комнату 〈...〉 Живем мы тихо» («Письма», I, 369). Упомянутый уже нами дом Боткина в Петроверигском переулке — последняя квартира Белинского в Москве[74].

Поздней осенью 1839 г. возвращается в Москву Панаев. Он останавливается в гостинице Коппа[75], помещавшейся в доме ген. Черткова на Тверской. Здание это теперь не существует. Оно стояло на месте нынешнего дома № 6 на углу Советской площади и улицы Горького. Это была одна из популярнейших в Москве гостиниц. Живший здесь в 1830 г. А. С. Пушкин упомянул ее в одном из вариантов «Домика в Коломне». До начала 1840-х годов здание по Тверской было трехэтажным, украшено скульптурными фризами, нижний этаж рустован (см. иллюстрацию в наст. томе, стр. 381). Вдоль площади строения были смешанной высоты, от одного до трех этажей. В 1840-х годах владение капитально перестраивается, постройки, выходящие на площадь,

приобретают единое декоративное убранство, и здесь открывается не менее популярная гостиница «Дрезден», где бывал у А. О. Смирновой Гоголь, останавливались Некрасов и Салтыков-Щедрин. Очевидно, в гостинице Коппа происходили последние сборы Белинского перед отъездом из Москвы.

Белинский уехал в Петербург вместе с Панаевым в 20-х числах октября 1839 г. Последний пишет в своих «Воспоминаниях»: «Нас провожали до Черной Грязи»[76]. Черная Грязь была крупнейшей подмосковной почтовой станцией, в ней содержалось 150 лошадей, тогда как многие уездные города Подмосковья имели их не свыше 20—30[77]. Существовала традиция устраивать прощание с отъезжающими в Петербург в Черной Грязи. Эта станция неоднократно упоминается в переписке Белинского. Здесь он останавливался по дороге в имение Бакуниных Премухино, здесь же ему пришлось проститься с московскими друзьями. Великолепное здание станции конца XVIII в. сохранилось до наших дней и лишь в 1941 г. было уничтожено бомбой фашистского самолета. Находилось оно в 3 км от станции Сходня Октябрьской железной дороги и занято было в последние годы больницей.

Панаев оставил нам описание последних минут прощания: «Он ⟨Белинский⟩ был молчалив и грустен. Видно, что отрываться от своего кружка ему было нелегко...»[78]

Образ Москвы, в которой остались друзья, где протекала его писательская юность, властно живет в душе Белинского: «... с какою бы радостию побыл я хоть минутку в милой Москве ⟨...⟩ А если б часок посидеть в твоей комнате...», — пишет он из Петербурга Боткину 9 февраля 1840 г. («Письма», II, 37). Он почти постоянно сравнивает Москву с Петербургом. «Люди в Питере не те, что в Москве ⟨...⟩ Впрочем, везде не без добрых людей, и в Питере есть хорошие люди, которых я называю московскими колонистами, хотя иные из них и в глаза не видали Москвы» (письмо Д. П. Иванову 21 февраля 1840 г. — «Письма», II, 53). Но лишь через два года, в последних числах декабря 1841 г., Белинскому удается вновь побывать в Москве. «Ездил на праздники в Москву и как жил там без заботы и работы, то в две недели поправился в здоровье, даже помолодел», — пишет он И. И. Ханенко по возвращении в Петербург («Письма», II, 277). Эта поездка имела большое значение в жизни Белинского. Именно тогда произошло его сближение с будущей женой, М. В. Орловой, служившей классной дамой в Александровском институте. Институт помещался на Новой Божедомке (ныне это дом № 4 по улице Достоевского). По свидетельству А. В. Орловой, Белинский много раз бывал там у Марии Васильевны[79].

Белинский был очень доволен своим кратковременным посещением Москвы: «...зимняя поездка, — писал он, — меня переродила». Он намерен побывать летом «...в Москве во что бы то ни стало и при том не меньше, как от одного до двух месяцев» («Письма», II, 282). Однако летняя поездка не осуществилась, и Белинский собирается приехать на рождественские дни 1842 г. Наконец, о том же мечтает он весной следующего года, считая поездку «лучше всех лекарств и вод». «Мне нужно приехать в Москву к тебе, — пишет он Боткину 17 апреля 1843 г., — месяца на два с половиною или больше. Я смотрю на эту поездку, как на меру спасения от верной смерти или неизбежной жестокой болезни, от которой надо будет медленно исчахнуть» («Письма», II, 314, 364).

Но денежные затруднения держат Белинского в Петербурге, и лишь помощь друзей дает ему возможность вырваться в Москву. 24 мая он пишет: «Спасибо вам, добрые друзья мои, Боткин и Герцен! Вы сделали поистине доброе дело, одолжив меня. Никогда приятельская услуга не была так кстати ⟨...⟩ Я теперь почти счастлив. Душа плавает в эмпиреях. Иду по улице — и каждому встречному знакомому и незнакомому так и хочется сказать: а я еду в Москву! ⟨...⟩ около 10 июня непременно буду пить чай на Маросейке, в доме Боткина» («Письма», II, 370—371).

Почти немедленно по приезде Белинский посетил Герцена в его усадьбе Покровское-Засекино (5 км от платформы Сушкинская Западной железной дороги — усадебный дом сохранился, см. иллюстрацию в наст. томе, стр. 389). Одно из посещений Белинским Покровского ярко описано Герценом в «Былом и думах»[80].

В Москве Белинский встречается с А. Д. Галаховым. В бумагах Белинского сохранилась записка, где адрес Галахова означен: «На Покровке, в Доброй Слободке, в доме г-жи Кривцовой». Запись эта не имеет датировки; владение Кривцовой

установить не удалось. В письме от 10 декабря 1847 г. Д. П. Иванову Белинский пишет, что Галахову он «адресовал письмо в Добрую Слободку: там ли еще он живет?» («Письма», III, 334). В 1848 г. сам Галахов в письме к Белинскому называет иной свой адрес: «На 4-й Мещанской, в доме Боголюбова, недалеко от будки»[81] (ныне Выползов переулок — продолжение 4-й Мещанской, № 6). Возможно, что Галахов жил здесь и в более ранние годы. Белинский мог посетить его здесь и в дни пребывания в Москве в 1846 г., так как их деловые связи не прерывались. Неоднократно Белинский встречается и с Грановским. В эти годы Грановский жил в «Сретенской части прихода Николы в Драчах, дом Гурьева» (ныне дом № 32 по Трубной улице)[82].

Перед отъездом Белинский несколько раз посещает Е. Ф. Корша, жившего в доме генерала Мосолова на Воздвиженке (здание не сохранилось, занимало участок нынешнего дома № 10 по улице Калинина)[83]. Уехав 26 августа, он описывает М. В. Орловой свое посещение Корша: «... меня спросили: здоров ли мне воздух сосновой рощи и как я нахожу московские окрестности? ⟨...⟩ Им сказала одна знакомая им дама, что я часто бываю в Сокольниках» («Письма», III, 1). Это был намек на встречи Белинского с М. В. Орловой. Последняя, серьезно заболев, была вынуждена оставить службу в Александровском институте. Лето 1843 г. она проводит на даче в Сокольниках у своих родственников. Белинский постоянно навещает ее здесь. Они гуляют в густых — в те годы — Сокольнических рощах, здесь же происходит их решительное объяснение. Память об этих днях не покидает Белинского и в Петербурге: «Чтó-то теперь Сокольники? — пишет он Орловой.— Чтó заветная дорожка, зеленая скамеечка, великолепная аллея? Как грустно вспоминать обо всем этом, и сколько отрады и счастья в грусти этого воспоминания!» («Письма», III, 7).

В 1846 г. уже тяжело больной Белинский в последний раз посетил Москву, направляясь в совместную с Щепкиным поездку на юг. «... Еду не только за здоровьем, но и за жизнью,— пишет он Герцену 6 апреля 1846 г. ⟨...⟩ мы с Некрасовым взяли билет в маль-пост на 26 апреля» («Письма», III, 107, 111).

В эти годы Боткин находился за границей, что лишало Белинского его обычного пристанища в Москве. «Скажи мне,— обращается он к Д. П. Иванову,—могу ли я остановиться у тебя на неделю, много дней на десять ⟨...⟩ такого ли свойства твоя квартира, чтоб я мог возвращаться домой по ночам,— и подумай о том беспокойстве, которое я этим буду тебе и семейству твоему оказывать» («Письма», III, 111—112). В письме к Белинскому от 12 февраля 1848 г. Д. П. Иванов помечает свой адрес: «в 3-й Мещанской, в доме Волчанинова» (не сохранился, ныне № 3) Если Д П. Иванов жил здесь и в 1846 г., то это — последний московский адрес великого критика.

Белинский приехал 28 апреля в 6 час. вечера. Он провел в Москве две с половиной недели, и они были в полном смысле слова его триумфом. «Друзья мои дожидались меня в почтамте с двух часов ⟨...⟩ — пишет он жене.— Что это за добрый, за радушный народ москвичи!» («Письма», III, 112). Почтамт и контора дилижансов находились в те годы на Мясницкой (на месте нынешних домов №№ 26а и 26б по улице Кирова)

Белинский буквально не имел свободного часа. Герцен писал в Петербург Краевскому о «грандиозной встрече», которая была сделана в Москве Белинскому: «огромный обед у Шевалье и дюжина обедов дружеских, потом проводы за 18 верст»[84]. Торжественный обед Белинскому был дан московскими литераторами 4 мая. Популярный в Москве тех лет ресторан Шевалье помещался в нынешнем проезде Художественного театра, против современного здания театра.

А. В. Щепкина вспоминает: «В первый раз пришлось мне видеть Белинского в 1846 году. Остановившись ненадолго в Москве, мы поместились тогда в гостинице „Дрезден“ на Тверской площади. Нас посетили многие из кружка Грановского. Первым посетил нас тогда И. С. Тургенев, почти вслед за ним явился М. С. Щепкин, а затем Кетчер и Белинский...»[85]

Об этих днях Белинский пишет жене (4 мая 1846 г.), что «для отдыха Москва вообще чудный город». 11—12 июня он сообщает ей: «Выехали мы из Москвы 16 мая (в четверг) в 12 часов. Нас провожали до первой деревни, за 13 верст, и провожавших было 16 человек ⟨...⟩ Пили, ели, расстались» («Письма», III, 114, 120). Панаев оставил более детальное описание прощания москвичей с Белинским: «Проводы Белинского были

необыкновенно веселы и шумны. Они начались небольшим завтраком в квартире Щепкина ⟨...⟩ Все московские друзья Белинского присутствовали тут. Обедать мы решились на первой станции — и там уже окончательно проститься с отъезжающими»[86].

Согласно «Расписанию станций» тех лет, эта первая от Москвы остановка по Ново-Калужскому тракту (ныне Калужское шоссе) была в Шерапове[87].

Ровно три месяца спустя, возвращаясь в Петербург, Белинский проезжал через Москву. «...В Москву приедем числа 16 ⟨октября⟩,—пишет он жене,— в Москве я пробуду много, если дней пять» («Письма», III, 146). Этим и ограничиваются наши сведения о последнем свидании Белинского с городом его литературной юности.

Но Москва не перестает манить к себе Белинского. Дружеская среда, климат полезный для его здоровья, дешевизна жизни заставляют его серьезно думать о переселении сюда. «Я решился переехать жить в Москву,— пишет он Боткину 22 апреля 1847 г., — и это может быть, если не встретится особенных препятствий, по последнему снежному пути конца будущей зимы 1848 г. ⟨...⟩ В Москве меня, кроме друзей, ничто не привлекает ⟨...⟩ Но жить в петербургском климате, на понтийских болотах, гнилых и холодных, мне больше нет никакой возможности» («Письма», III, 205).

О том же он сообщает 5 мая Д. П. Иванову. Его письма к жене из-за границы свидетельствуют, что это намерение носило вполне деловой характер. На ее сомнения он приводит доводы, что «в Москве климат лучше», что «важно не для одного меня, но и для Оли ⟨...⟩ Потом, в Москве жить много дешевле» («Письма», III, 223). Однако через полтора месяца, очевидно встречая упорное сопротивление жены, он пишет ей: «Этот вопрос я предоставляю вполне на твое решение: как хочешь, так тому и быть. Пожалуй даже хоть и вовсе не переезжать» («Письма», III, 253).

Но вернувшись в Петербург, он все же не расстается со своим заветным желанием. «Насчет переезда в Москву думать не перестаю,— пишет он Д. П. Иванову 10 декабря 1847 г.,— но смущает мысль, что до открытия железной дороги еще далеко. Посмотрю, как перенесу зиму и весну: коли плохо, то в июне в Москву на переселение» («Письма», III, 334). Белинскому не суждено было пережить весну 1848 г.

Но кто знает, переселись он сюда годом-двумя ранее, не сохранила ли бы ему Москва, выпестовавшая его первые литературные думы, где слагались его «литературные мечтания», еще нескольких лет его пламенной и вдохновенной жизни?

ПРИЛОЖЕНИЕ

МОСКОВСКИЕ АДРЕСА БЕЛИНСКОГО

1829—1839 гг.

1. 22—24 августа 1829 г. У В. Ф. и Н. М. Анисимовых. Частный дом Городской части. Зарядье, ныне Ипатьевский пер., № 7. Дом сохранился.

2. 24 августа — начало сентября 1829 г. У О. М. Осинской —сестры Н. М. Анисимовой. Местонахождение дома неизвестно.

3. Начало сентября 1829 г.— октябрь 1829 г. У портного Казакова в доме купца Колесникова на Тверской (на месте нынешнего дома № 5 по ул. Горького).

4. Октябрь 1829 г.— октябрь 1832 г. Общежитие казеннокоштных студентов Московского университета, Моховая, № 11, 4-й этаж старого здания университета, левое крыло. Теперь занят под аудиторию филологического факультета.

5. Октябрь 1832 г.— май 1834 г. У А. П. Иванова в доме кн. Касаткина-Ростовского, Рахмановский пер., ныне № 4. Дом сохранился.

6. Май — 3 августа 1834 г. Дом Варыгина на Тверской ул. (на месте нынешнего дома № 8 по ул. Горького).

7. 3 августа — сентябрь 1834 г. У Н. И. Надеждина в доме Самариных на Тверской улице (на месте нынешнего дома № 6 по ул. Горького), или в доме Селивановского на месте нынешнего дома № 15 по ул. Пушкина).

8. Конец 1834 г. У А. М. Полторацкого («Дормедона Прутикова») — Левшинский пер. (ныне ул. Щукина, № 6). Дом сохранился.

9. ? — середина июля 1835 г. Дом Чудиновой (Козиха?). Местоположение дома неизвестно.

10. Середина июля 1835 г. — ? 1835 г. Снова в доме Касаткина-Ростовского.

11. 1836 г. (месяц неизвестен) — декабрь 1836 г. у Н. И. Надеждина в «ректорском домике» на территории Московского университета, Моховая, № 11. Дом сохранился.

12. Январь — сентябрь 1837 г. Снова в доме Касаткина-Ростовского.

13. 1 октября 1837 г.— 21 марта 1838 г. В доме полковницы Н. Г. Ефремовой. Остоженка, Савеловский пер. (на месте нынешнего дома № 10).

14. 21 марта—начало ноября 1838 г. Константиновский межевой институт. Старая Басманная, дом Куракина (на месте нынешнего дома № 21 по ул. Карла Маркса).

15. Весна 1839 г. Район Никитского (ныне Суворовского) бульвара. Более точных сведений нет.

16. Лето 1839 г. Арбат, левая сторона, близ Большого Афанасьевского пер. Более точных сведений нет.

17. 14—15 сентября 1839 г.— конец октября 1839 г. У В. П. Боткина. Петроверигский пер., № 4. Дом сохранился.

18. Конец декабря 1841 г.— начало января 1842 г. Во время приезда из Петербурга, вероятно там же, у В. П. Боткина.

19. Июнь — август 1843 г. Во время приезда из Петербурга, там же.

20. 28 апреля—16 мая 1846 г. Проездом на юг России останавливался у Д. П. Иванова, вероятно в доме Волчанинова на 3-й Мещанской ул. (на месте нынешнего № 3).

21. Вторая половина октября 1846 г. Проездом, возвращаясь с юга России в Петербург. Где останавливался в этот последний приезд в Москву, неизвестно.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Ср. сб. «Москва в истории и литературе», М., «Универ. библ.», 1916, стр. 383.

[2] В. Соколов. Указатель жилищ и зданий в Москве, или адресная книга с планом, 1826, стр. 156 и 157.

[3] См. в настоящем томе «Переписку Белинского с родными», стр. 31—32.

[4] «Москва или исторический путеводитель», 1827, ч. 2, стр. 307.

[5] См. в настоящем томе «Переписку Белинского с родными», стр. 37.

[6] Институт истории АН СССР. Архив Н. П. Чулкова, папка 2, тетрадь 16.

[7] М. Назимов. В провинции и в Москве с 1812 по 1828 год.— «Русский вестник», 1876, июнь, стр. 133; Ф. И. Буслаев. Мои воспоминания, 1897, стр. 17 и 100; Я. Костенецкий. Воспоминания из моей студенческой жизни.— «Русский архив», 1887, № 1, стр. 106—107.

[8] Сообщено В. В. Сорокиным, им же даны приводимые нами сведения о размещении университетских учреждений в студенческие годы Белинского.

[9] П. Прозоров. Белинский в Московском университете.—«Библиотека для чтения», 1859, кн. 12, стр. 1. Перепеч.: «В. Г. Белинский в воспоминаниях современников», М., 1948.

[10] П. Прозоров. Цит. соч., стр. 12.

[11] «Молва», 1831, № 40, стр. 221—222.

[12] Институт истории АН СССР. Архив Н. П. Чулкова, папка 7, тетрадь 4, и план владения — ГИНТА.

[13] «В. Г. Белинский и его корреспонденты», М., 1948, стр. 33.

[14] П. Прозоров. Цит. соч., стр. 12.

[15] «Книга адресов столицы Москвы», изд. Метелеркампом и К. Нистремом, 1839, ч. 1, стр. 15.

[16] «Записки Кс. Ал. Полевого», СПб., 1888, стр. 380—381.

[17] И. И. Лажечников. Заметки для биографии Белинского.— Сб. «В. Г. Белинский в воспоминаниях современников», «Academia», 1929, стр. 38.

[18] См. в настоящем томе «Переписку Белинского с родными», стр. 120, 167.

[19] «Книга адресов...», ч. 1, стр. 201.

[20] С. Т. Аксаков. История моего знакомства с Гоголем, М., 1890, стр. 5.

[21] «Литературные салоны и кружки», 1926, стр. 354.

[22] А. Д. Галахов. Сороковые годы.— «Ист. вестник», 1892, январь, стр. 136.

[23] См. в настоящем томе «Переписку Белинского с родными», стр. 166.

[24] П. Прозоров. Цит. соч., стр. 12; А. Д. Галахов. Цит. соч., стр. 135.

[25] С. М. Сухотин послужил впоследствии для Л. Н. Толстого одним из прототипов Каренина. Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., Гослитиздат, т. 20, стр. 640.

[26] В. Соколов. Указатель жилищ и зданий в Москве, 1826, стр. 86.

[27] Д. Корсаков. К. Д. Кавелин.—«Вестник Европы», 1886, кн. 5, стр. 13.

[28] «В. Г. Белинский и его корреспонденты», 1948, стр. 174.

[29] И. И. Лажечников. Цит. соч., стр. 22.
[30] «Переписка Н. В. Станкевича», М., 1914, стр. 411.
[31] «Лит. наследство», т. 55, стр. 298.
[32] С. Т. Аксаков. Цит. соч., стр. 8 и 10.
[33] Ф. И. Буслаев. Мои воспоминания, 1897, стр. 46.
[34] А. А. Мартынов. Московские улицы.—«Русский архив», 1878, т. I, стр. 156.
[35] «Переписка Н. В. Станкевича», стр. 285.
[36] Там же, стр. 308, 327 и 333.
[37] Там же, стр. 341.
[38] А. Д. Галахов. Сороковые годы.— «Ист. вестн.», 1892, январь, стр. 135.
[39] Ф. И. Буслаев. Мои воспоминания, стр. 39.
[40] М. К. Любавский. Московский университет в 1812 году, М., 1913, стр. 10; см. также Отчет Московского университета за 1834—1835 гг., стр. 47; Отчет о состоянии и действиях Московского университета в 1860/61 академич. и 1861 гражд. г., стр. 30.
[41] М. К. Любавский. Цит. соч., стр. 57.
[42] «Ученые записки Московского государственного университета». Юбилейная серия, вып. III, М., 1940, стр. 71—72.
[43] А. Н. Пыпин. Белинский, его жизнь и переписка, СПб., 1908, стр. 173.
[44] «Книга адресов столицы Москвы», ч. 1, стр. 176.
[45] «Русские ведомости», 1911, № 135, стр. 5.
[46] «Переписка Н. В. Станкевича», стр. 589—590.
[47] «Книга адресов столицы Москвы», ч. 1, стр. 190, 285; ч. 2, стр. 114.
[48] Там же, ч. 3, стр. 176.
[49] «Записки Кс. Ал. Полевого», СПб., 1888, стр. 374.
[50] Там же, стр. 377.
[51] А. Н. Пыпин. Белинский, его жизнь и переписка, стр. 114.
[52] См. в настоящем томе сообщ. К. Богаевской стр. 374 и портрет на стр. 29.
[53] А. Н. Пыпин. Белинский, его жизнь и переписка, стр. 204.
[54] «Книга адресов столицы Москвы», ч. 1, стр. 254.
[55] М. Рудольф. Москва с топографическим указанием всей ее местности и окрестностей, 1848, ч. 3, стр. 65.
[56] «Дневник И. М. Снегирева».—«Русский архив», 1902, кн. 12, стр. 462.
[57] И. И. Панаев. Литературные воспоминания и воспоминания о Белинском, СПб., 1876, стр. 246.
[58] Там же, стр. 461—462.
[59] А. Панаева. Воспоминания, М., 1948, стр. 77, 78.
[60] И. И. Панаев. Литературные воспоминания..., стр. 464.
[61] Там же, стр. 272 и 273.
[62] Там же, стр. 198—199.
[63] Институт истории АН СССР. Архив Н. П. Чулкова, папка 7, отдельная запись.
[64] В. Соколов. Указатель жилищ и зданий в Москве..., гл. 2, стр. 189.
[65] И. И. Панаев. Литературные воспоминания..., стр. 249.
[66] «Русский архив», 1902, т. 3, стр. 480.
[67] Там же, 1897, т. 1, стр. 461.
[68] И. И. Панаев. Литературные воспоминания..., стр. 319.
[69] С. Макашин. Салтыков-Щедрин. Биография, I, М., 1949, стр. 86—89.
[70] Т. П. Пассек. Из дальних лет, СПб., т. 2, 1906, стр. 148.
[71] М. Гершензон. Образы прошлого, 1912, стр. 365.
[72] «Воспоминания Н. М. Сатина». «Русск. Пропилеи», т. I, стр. 201.
[73] А. Д. Галахов. Мое сотрудничество в журнале.—«Ист. вестн.», 1886, № 11, стр. 316.
[74] См. «Белинский в неизданной переписке современников» — «Лит. наследство», т. 56, стр. 129.
[75] И. И. Панаев. Литературные воспоминания..., стр. 319.
[76] Там же, стр. 315.
[77] «Почтовый дорожник, или описание всех почтовых дорог Российской империи», СПб., 1824, стр. 2.
[78] И. И. Панаев. Литературные воспоминания..., стр. 315.
[79] А. Н. Пыпин. Белинский, его жизнь и переписка, стр. 651.
[80] А. И. Герцен. Полн. собр. соч., под ред. М. К. Лемке, т. XIII, стр. 91.
[81] «В. Г. Белинский и его корреспонденты», стр. 45; ср. также в наст. томе «Переписку Белинского с родными», стр. 240.
[82] «Моск. справочная книжка», изд. В. Пассеком, М., 1842, стр. 272.
[83] «Книга адресов столицы Москвы», т. I, стр. 180. См. также А. А. Мартынов. Московские улицы.— «Русский архив», 1879, т. 2, стр. 217.
[84] А. И. Герцен. Полн. собр. соч., под ред. М. К. Лемке, т. IV, стр. 413.
[85] «Воспоминания Ал. Вл. Щепкиной», Сергиев Посад, 1915, стр. 127—129.
[86] И. И. Панаев. Литературные воспоминания..., стр. 506—507.
[87] «Моск. справочная книжка», стр. 368.

II. БЕЛИНСКИЙ В ПЕТЕРБУРГЕ

Статья С. Рейсера

План переезда в Петербург впервые возник у Белинского, повидимому, еще в начале 1837 г. под влиянием тяжелого материального положения, в котором он оказался после закрытия «Телескопа» и при отсутствии других перспектив журнальной работы в Москве.

Тогда же начались его переговоры с Краевским и Плюшаром о сотрудничестве в их изданиях. Вопрос о переезде в Петербург в это время несомненно обсуждался. В письме от 19 января 1837 г. Краевский сообщает Белинскому, что Плюшар затрудняется в предоставлении ему «квартиры, особенно теперь; со временем, может быть, представится случай; но это только может быть, и я бы советовал на это не рассчитывать»[1].

Переговоры оборвались, так как, по словам Белинского, «от него требовали невозможного ⟨...⟩ поэтому поездка должна не состояться» («Письма», I, 124)[2]. Огорченный и рассерженный он уехал на Кавказ, откуда 21 июня писал Д. П. Иванову, что Петербург он любит, «как Камчатку» («Письма», I, 75). Впрочем, в тот же день в письме к К. С. Аксакову он писал: «во всяком случае, еду в Петербург, потому что в Москве, кроме голодной смерти и бесчестия, ожидать нечего» («Письма», I, 71). Однако переезд в Петербург попрежнему ему не улыбается, и он согласен при малейшей к тому возможности остаться в Москве. Если бы, например, Кс. Полевому удалось приобрести «Москов. наблюдатель»,— «...тогда бы уже меня не стала мучить мысль о необходимости переехать в Петербург» («Письма», I, 131).

И все же, поскольку размах журнально-издательской деятельности в Петербурге был несравненно шире, мысль о переезде возникала снова и снова. «...Мне нечего делать в Москве,— писал Белинский Бакунину 15 ноября того же 1837 г.,— я хочу существовать и материально и нравственно и почему-то, не знаю сам, думаю, что только в Петербурге могу жить тем и другим образом» («Письма», I, 154). И хотя «в мысли о Петербурге» для него «есть что-то горькое, сжимающее грудь тоскою», все же в этом городе он надеется найти нечто «дающее силу, возбуждающее деятельность и гордость духа» (там же).

В октябре или ноябре 1837 г. Белинский ведет переговоры с переехавшим к тому времени в Петербург Н. А. Полевым о сотрудничестве в его журналах («Письма», I, 177), и это должно было, как думал Белинский, решить его участь. Однако дело затягивалось. Весной 1839 г. Белинский предполагал «если будут средства» побывать в Петербурге, в котором он еще никогда не был («Письма», I, 213). Но средств не было. Надежды, возлагавшиеся на «Московский наблюдатель», который Белинский редактировал с весны 1838 г., не оправдались. А между тем, по словам критика, ему надо было «чем-нибудь жить, чтоб не умереть с голоду», в Москве же «кроме любви, дружбы, добросовестности, нищеты и подобных тому непитательных блюд, ничего не готовится» (И. И. Панаеву, 18 февраля 1839 г.). В состоянии полного отчаяния Белинский обращается к Панаеву с прямой просьбой — «похлопотать об устроении моей судьбы...» («Письма», I, 311—312)[3].

Завязавшиеся переговоры с Краевским о привлечении Белинского к ближайшему сотрудничеству в «Отечественных записках», как видно из переписки, к 5 июля 1839 г. закончились, и вопрос о переезде был, в основном, решен: отъезд намечался на середину октября, но несколько задержался («Письма», I, 368, 375).

Лишь около 24 октября 1839 г. Белинский приезжает в Петербург. Собственной квартиры у него вначале не было, и временно он остановился у И. И. Панаева, вместе с которым приехал из Москвы[4]. С Панаевым Белинский к этому времени близко сошелся; он говорил о нем, что это «...один из тех людей, с которыми, узнавши раз, не захочешь никогда расстаться» («Письма», I, 363).

Панаевы (И. И. Панаев был уже женат на Авдотье Яковлевне Брянской) жили тогда у матери писателя на Грязно́й улице, недалеко от казарм Семеновского полка в доме № 63, принадлежавшем архитектору Е. А. Диммерту. Панаевы занимали

верхний этаж этого двухэтажного с каменным низом и деревянным верхом дома, а Белинскому была отведена одна комната в нижнем этаже, где вместе с ним помещался 15-летний Валерьян Панаев.

«Когда Иван Иванович Панаев пригласил еще в Москве Белинского остановиться у него в доме,— рассказывает В. Панаев,— он рассчитывал, что может дать Белинскому не менее двух комнат внизу. Между тем в его отсутствие мать распорядилась нижними комнатами занимаемого ею дома, поместив там в двух комнатах одну из своих любимых приживалок (другая помещалась вверху), и отвела еще две комнаты для домашнего доктора, приезжавшего два раза в неделю из Павловска в Петербург. Затем оставалась одна свободная комната, в которую поместили меня. Иван Иванович Панаев ужасно рассердился, и в первый же час приезда вышла домашняя сцена, но делать было нечего — Белинского поместили в той комнате, в которой помещался и я»[5].

Грязная улица, впоследствии Николаевская, а теперь улица Марата, сильно изменила с тех пор свой облик: деревянных зданий на ней — одной из центральных улиц города — уже не осталось. Не сохранился и дом Диммерта (№ 63), занимавший участок нынешнего дома № 70б[6].

У Панаевых Белинский прожил недолго. Совместная жизнь с юношей Панаевым, вероятно, стесняла его, а по свидетельству А. Я. Панаевой, «ему очень не нравилась обстановка барского дома матери Панаева и множество крепостной прислуги»[7].

Вероятно, уже в первой половине декабря 1839 г. Белинский покинул Панаевых. А. Я. Панаева, конечно, ошибается, ограничивая время пребывания у них Белинского одной-двумя неделями («Воспоминания», стр. 90).

Возможно, что первое самостоятельное жилище его было: «в Галерной улице насупротив дома, принадлежавшего морскому министерству, на месте которого потом был выстроен дворец вел. кн. Николая Николаевича». Такой адрес сообщает Ю. Арнольд в своих воспоминаниях, добавляя при этом: «Виссарион Григорьевич занимал в 4-м этаже этого дома две плохо меблированные комнатки от жильца, какого-то сенатского протоколиста»[8].

К сожалению, трудно полагаться на очень неточные воспоминания Арнольда. Весь рассказ его о встречах с Белинским явно относится к осени и зиме 1840/41 г. Так, по словам Арнольда, он встретил у Белинского Кольцова, что могло быть в октябре — ноябре 1840 г. Его сообщение о ссоре с Белинским, происшедшей в марте, может относиться лишь к марту 1841 г., ибо из текста воспоминаний мы узнаем, что в январе 1840 г. Арнольд тяжело заболел и оправился от болезни не ранее мая. Следовательно, бывать у Белинского и ссориться с ним в марте 1840 г. он, очевидно, не мог. Из всех этих противоречивых свидетельств Арнольда можно воспользоваться, повидимому, только самым фактом визитов к Белинскому, со столь точным описанием места, дома, комнат и хозяина квартиры, что не поверить его сообщению нельзя. Условно можно считать поэтому Галерную (ныне Красную) улицу вторым местом жительства Белинского в Петербурге. Возможно, что Белинский жил в доме № 23, 25 или 29 нынешней нумерации. Скорее всего это был дом № 25.

Точно так же, предположительно, определяется и следующий адрес Белинского в Петербурге. Квартира на Галерной улице его по каким-то причинам не удовлетворяла, и, прожив в ней очень недолго, Белинский ее оставил и до начала февраля 1840 г. прожил в «небольшой,—по описанию Анненкова,— квартире из двух комнат красивого деревянного домика на Большом проспекте Петербургской стороны»[9]. Однако более точный адрес этой квартиры Белинского неизвестен, и определить местонахождение дома теперь невозможно. Все дома Большого проспекта более позднего происхождения.

Надо ясно представить себе Петербургскую сторону в те отдаленные годы: «немощенные, обросшие травою улицы, непролазно-грязные осенью и весною, пыльные летом и тонущие в глубоких сугробах зимою, с высокими дырявыми мостками вместо тротуаров; приземистые старенькие домишки, с высочайшими, почти отвесными тесовыми и черепичными кровлями, покрытыми мохом и травою, с покосившимися воротами ⟨...⟩ лабиринт глухих, кривых безлюдных переулков и закоулков; масса

садов, огородов и заросших бурьяном пустырей 〈...〉 — все это напоминало именно захолустный заштатный городишко, а не уголок европейской столицы 〈...〉 Это был своеобразный мирок отставных и заштатных чиновников 〈...〉, убогих кумушек-салопниц, горемычных домовладельцев 〈...〉, ежедневно рисковавших быть погребенными под развалинами своих ветхих домишек». Это строки Скабичевского, изображающие картину Петербургской стороны сто с лишним лет назад[10]. Материальное положение Белинского было в это время очень тяжелое, его заработок у Краевского не мог обеспечить сколько-нибудь сносного существования. Анненков пишет о его квартире, что она была сырая и холодная.

Воспоминания Анненкова и Панаева — источники довольно точные, и не верить им нет никаких оснований, особенно если учитывать, что̀ представляла в те годы Петербургская сторона; подобный адрес ни спутать, ни забыть невозможно. Нужно

ДОМ НА ВАСИЛЬЕВСКОМ ОСТРОВЕ В ЛЕНИНГРАДЕ, ПРИНАДЛЕЖАВШИЙ В. П. АЛЕКСЕЕВУ. ЗДЕСЬ В АВГУСТЕ — НОЯБРЕ 1840 г. ЖИЛ БЕЛИНСКИЙ

«Мой адрес: на Васильевском острове, на Малом проспекте, между 5 и 6 линиями в доме Алексеева из ворот направо, во 2 этаже направо...» (Из письма Белинского к В. П. Боткину от 7 октября 1840 г.)

Фотография С. А. Рейсера, 1949 г.

лишь иметь в виду, что последовательность этих двух адресов устанавливается предположительно. Возможно, что Белинский сначала жил на Петербургской стороне, а потом на Галерной улице — более точно определить пока невозможно.

Сырая квартира в далеком и совершенно неблагоустроенном районе не могла прийтись Белинскому по вкусу. Сообщение с центром, где помещалась редакция «Отечественных записок», книжные лавки и где жили товарищи по работе, было плохое — мост (против Летнего сада) был наводной и нередко снимался, совершенно отрезая пути сношения с городом. Только жестокая нужда могла заставить взять эту квартиру.

Примерно в самом начале ноября 1839 г. Белинский через М. А. Бакунина познакомился с братом декабристов Н. Ф. и В. Ф. Заикиных — «чудеснейшим» человеком — Павлом Федоровичем Заикиным. Уже 22 ноября Белинский сообщал Боткину, что он предвидит с Заикиным «скорое и тесное сближение». Так оно и оказалось в действительности. Они видятся по четыре раза в неделю, вместе учатся немецкому языку.

Белинский то и дело остается у Заикина обедать («Письма», II, 2, 6, 28, 72). Условия жизни Белинского были таковы, что полюбивший его Заикин, человек состоятельный[11], вероятно предложил ему переселиться к себе. Белинский принял это предложение и в конце января или в начале февраля 1840 г. переехал к Заикину («Письма», II, 30, 53). Жизнь у Заикина продолжалась недолго — до отъезда Заикина за границу 11 мая 1840 г. В «Прибавлениях к Санкт-Петербургским ведомостям» в №№ 78, 80 и 82 от 6, 9 и 11 апреля 1840 г. в отделе «отъезжающие за границу» мы находим адрес Заикина: «Павел Федорович Заикин, отставной поручик, спрос⟨ить⟩ Лит⟨ейной⟩ части по Моховой улице в доме Горбуновой». При помощи указателей Цылова и Нистрема[12] дом этот без труда определяется: Моховая улица, № 14. Этот деревянный дом до наших дней не сохранился — теперь на его месте № 11.

Возможно, что, живя у Заикина, Белинский не отказывался и от своей старой квартиры и смотрел на свое пребывание у Заикина, как на временное пристанище на зиму: поездка Заикина была предрешена довольно давно, он к ней готовился, изучал немецкий язык. Это соображение находит некоторое подтверждение в следующих словах письма Белинского к П. Н. Кудрявцеву от 24 апреля 1840 г.: «хозяйством я не завожусь, а как уедет Заикин, и я съеду на свою квартиру» («Письма», II, 120) — не исключено, что она уже была готова.

Так или иначе, после отъезда Заикина за границу Белинский переехал в собственную квартиру, но уже в конце августа мы находим его в пятом по счету месте. Он переехал на Васильевский остров, в район, тоже еще не полностью заселенный, но гораздо более благоустроенный, чем Петербургская сторона. Белинский нашел себе квартиру на Малом проспекте (между 5 и 6-й линиями), в доме Алексеева («Письма», II, 161, 167). Указателями[13] Цылова и Нистрема этот адрес устанавливается совершенно точно. Белинский жил в доме купца В. П. Алексеева на углу Малого проспекта и 6-й линии — по тогдашней нумерации № 10/54. Дом этот сохранился — теперь это № 15б/53. По описанию Цылова, дом был четырехэтажным, пятый этаж — типа мансард для художников — надстроен в более поздние годы. Местоположение своей квартиры Белинский в письмах указывает так: «из ворот направо, во втором этаже», или несколько подробнее: «из ворот направо, во 2-м этаже направо»[14]. Однако этих указаний недостаточно, чтобы определить квартиру (она была из двух комнат), в которой жил критик[15].

В доме Алексеева Белинский прожил не более трех месяцев. Здесь у него останавливался в октябре — ноябре 1840 г. Кольцов («Письма», II, 161), бывали Герцен, Панаев и другие писатели и журналисты, здесь был написан критиком ряд статей, в том числе о стихотворениях Лермонтова.

Еще не имея постоянного угла, Белинский писал своему родственнику Д. П. Иванову: «поздравляю тебя с хорошею квартирою. Это, брат, важное, даже первое дело во внешней жизни» («Письма», II, 54). Это «первое дело» Белинскому никак не удавалось устроить. Адреса его менялись в эти годы довольно часто; он и сам настолько не был уверен в их постоянстве, что в течение долгого времени просил адресовать ему всю корреспонденцию в редакцию «Отечественных записок», помещавшуюся сначала на Невском проспекте, в доме голландской церкви (теперь № 20), а потом на Невском же против Гостиного двора, в доме Лукина № 47 тогдашней нумерации (дом не сохранился).

Из дома Алексеева Белинский выехал около 7 ноября 1840 г. Он переселился на 2-ю линию Васильевского острова в находившийся напротив Академии художеств дом губ. секр. Е. Л. Бем (дом № 4, квартира 7). Этот адрес, указанный самим Белинским («Письма», II, 177), уточняется следующей записью, сделанной В. Ф. Одоевским и сохранившейся в его бумагах: «Виссарион Григорьевич против Академии художеств в доме Бем, в отдельном флигеле на дворе»[16]. Ни дом, ни флигель не сохранились. На месте их сейчас находится большой каменный дом № 3. Вместе с Белинским на новую квартиру во флигеле дома Бем переехал, очевидно, и Кольцов, остававшийся в Петербурге до конца ноября. После его отъезда Белинский писал В. П. Боткину (11 декабря 1840 г.): «И вот опять никого со мною, опять я один, — и пуста та комната, где еще так недавно мой милый Алексей Васильевич с утра до ночи

упоевался чаем и меня поил!» («Письма», II, 191). В том же доме жил приехавший из Москвы для поступления в Академию художеств К. А. Горбунов.

Своей новой квартирой Белинский был очень недоволен: «...давлюсь кашлем, исхожу мокротою, ибо и с чаем и со щами ем алебастровую пыль»,— писал он Краевскому в марте 1841 г. («Письма», II, 228). Вскоре он оставляет дом Бем. В июне 1841 г. он уже живет на другой квартире, недалеко от места первого его жительства у Панаевых. Адрес Белинского на этот раз таков: Семеновский полк, Средний проспект, между 1-й линией и Госпитальной улицей, в доме Бутаровой, квартира 22 («Письма», II, 251).

Современному ленинградцу этот адрес ничего решительно не говорит — все четыре названия заменены другими. Семеновским полком назывался довольно обширный

ДОМ НА УГЛУ НЕВСКОГО ПРОСПЕКТА И ФОНТАНКИ В ЛЕНИНГРАДЕ, ПРИНАДЛЕЖАВШИЙ А. Ф. ЛОПАТИНУ. ЗДЕСЬ В НОЯБРЕ 1842 — АПРЕЛЕ 1846 гг. ЖИЛ БЕЛИНСКИЙ

Фотография С. А. Рейсера, 1949 г.

район от нынешней Звенигородской улицы до Международного проспекта[17]. Здесь был расквартирован лейб-гвардии Семеновский полк. Средний проспект теперь носит название Клинского, 1-я линия — ныне Серпуховская улица, Госпитальная улица — Бронницкая. По Нистрему, дом Бутаровой числится под № 17 по Госпитальной улице, на углу Среднего проспекта. По Цылову, этот дом значится под № 19 и принадлежал (в 1848—1849 гг.) купчихе Т. Д. Ивановой[18]. Несомненно, однако, что речь идет об одном и том же доме. Нумерация в те годы была не вполне установившейся, в быту и в письмах адрес указывался описательно, с непременным упоминанием имени домовладельца. Дом Бутаровой, повидимому, соответствует в наши дни дому № 22/18 на углу Клинского проспекта и Бронницкой улицы. Архитектура здания, лестничная клетка, подворотни и другие детали явно свидетельствуют о том, что здание относится к первой четверти XIX в. Позднее (1878 г.) были надстроены еще два этажа, на что указывает линия карниза над вторым этажом[19]. Определить квартиру, в которой жил Белинский, теперь невозможно.

В доме Бутаровой Белинский прожил до осени 1842 г. Этой квартирой он был доволен. «У меня большая квартира и сад, весьма помогающий мне ничего не делать»,—

писал он В. П. Боткину 28 июня 1841 г. («Письма», II, 257). «Квартира у меня теперь прелесть»,—читаем в письме к Д. П. Иванову от 25 августа 1841 г. («Письма», II, 261).

В ноябре 1842 г. адрес Белинского снова меняется и на этот раз сохраняется в течение почти четырех лет, до апреля 1846 г. Это самый длительный срок жизни критика на одной и той же петербургской квартире. Белинский переезжает в самый центр столицы в известный всему Петербургу огромный дом (в нем было до 80 квартир) купца А. Ф. Лопатина, у Аничкова моста на углу Невского проспекта и Фонтанки, против дворца кн. Белосельского-Белозерского (по тогдашней нумерации: Невский, № 71, Фонтанка, № 41—43; теперь Невский, № 68, Фонтанка, № 40). Здание это сохранилось: средняя часть его по Невскому проспекту была во время войны разрушена вражеской бомбой и восстановлена (точнее сказать, реконструирована) в 1947 г.[20]

Дом Лопатина был расположен недалеко от редакции «Отечественных записок», да и сам владелец и редактор журнала — А. А. Краевский жил в том же доме. В нем же на четвертом этаже находилась квартира Панаевых (здесь, видимо, Некрасов и познакомился с А. Я. Панаевой), а на третьем этаже (с 1845 г.)— квартира близкого приятеля Белинского — Н. Н. Тютчева.

Современники называли дом Лопатина «литературным домом». Здесь жил лицейский товарищ Пушкина М. Л. Яковлев, в 1837 г.—воспетая Некрасовым В. Н. Асенкова, в 1867 г.— Писарев и М. А. Маркович (Марко-Вовчок).

В 1905 году в этом доме помещалась редакция большевистской газеты «Новая Жизнь»; здесь 20 или 21 ноября Владимир Ильич Ленин участвовал в расширенном заседании редакции, а 29 ноября здесь же, на заседании ЦК РСДРП с участием В. И. Ленина было принято решение о созыве IV съезда партии. В период ноябрь — декабрь 1905 г. Ленин бывал в этом доме едва ли не ежедневно[21].

Судя по письмам Белинского, он занимал сначала квартиру № 55, однако уже в марте 1843 г. он называет другую квартиру — № 48 («Письма», II, 315, 318 и 355). По словам А. Я. Панаевой, квартира Белинского была во дворе, по черной лестнице и «выходила окнами на конюшни и навозные кучи. Солнце никогда не заглядывало в эти окна»[22]. Н. Н. Тютчев также сообщает о квартире во дворе во втором этаже, над сараями»[23]. Тургенев со своей стороны вспоминает: «Он занимал квартиру в нижнем этаже на Фонтанке, недалеко от Аничкова моста — невеселые, довольно серые комнаты[24].

В мае 1843 г. Краевский выехал из дома Лопатина: здесь недавно умерла его жена Анна Яковлевна, урожд. Брянская (сестра Авдотьи Панаевой), и он не захотел оставаться в квартире, с которой у него связывались отныне тяжелые воспоминания. После некоторых затруднений и проволочек квартира Краевского (№ 47) перешла к Белинскому, и в конце августа он перебрался в нее. Точнее — переезд состоялся в его отсутствие; Белинский приехал из Москвы прямо в новую квартиру («Письма», II, 371; III, 3—4). Это была квартира из двух комнат, светлая, сухая и теплая; она находилась на третьем этаже, два окна одной из комнат выходили во двор.

Видимо, здесь же Белинский остался и после женитьбы на М. В. Орловой[25] в ноябре 1843 г. Только в январе 1846 г. в письмах Белинского появляется номер еще одной квартиры в том же доме Лопатина — № 43 («Письма», III, 92, 112). Вероятно, именно к ней и относится рассказ Анненкова о квартире в пять комнат[26] и Н. Н. Тютчева, вспоминающего четыре комнаты. Показания Тютчева, впрочем, противоречивы: видимо, в старости, когда писались воспоминания, он соединил в своей памяти различные квартиры Белинского в доме Лопатина.

В доме Лопатина Белинский познакомился с Тургеневым. Здесь у него бывали Некрасов, Григорович, Панаев, Анненков, Кронеберг, А. Н. Майков, М. А. Языков, И. И. Маслов, Н. Н. Тютчев и приезжавшие из Москвы Грановский, Кетчер, Боткин. Здесь Гончаров несколько вечеров читал «Обыкновенную историю», здесь же впервые в писательском кругу появился молодой Достоевский, автор повести «Бедные люди». Здесь были созданы статьи Белинского о Гоголе, Державине, В. Ф. Одоевском, Тургеневе, В. А. Соллогубе, Евг. Сю; был начат цикл статей о Пушкине, писались годовые обзоры русской литературы в 1842, 1843, 1844 и 1845 гг.

В этом доме в маленькой квартире Белинского нередко собирался дружеский кружок, горячо обсуждавший вопросы современной литературы и жизни; для многих на всю жизнь запомнились страстные речи их друга и учителя. Памятная доска на доме, установленная в юбилейные дни 1948 г., напоминает о месте, где жил и творил Белинский[27].

Жизнь в доме Лопатина была осложнена какими-то неладами жены Белинского с управляющим домом. В конце апреля 1846 г. Белинский уехал на юг, а семья — в Ревель, и квартира в доме Лопатина была оставлена.

По возвращении (в октябре 1846 г.) Белинский селится на Фонтанке, № 14 (теперь № 17) в доме М. И. Федорова[28] по соседству с И. И. и А. Я. Панаевыми и Некрасовым, жившими тогда на Фонтанке в доме № 16, и остается здесь до отъезда за границу в начале мая 1847 г. В объявлении «С.-Петербургских ведомостей» об отъезжающих за границу (в №№ 78, 80, 82 от 10, 12 и 15 апреля 1847 г.; ср. также «Лит. наследство», т. 55, стр. 55) адрес Белинского указан так: «3-й Адмир‹алтейской› части 1-го квартала, в доме № 3». Этот адрес соответствовал дому № 3 по Караванной улице. Тыловой стороной дом был обращен к тыловой же стороне дома Федорова, оба владения имели общий двор. Этот адрес являлся официальным полицейским адресом для прописки, юридических дел и пр. (типичное для Петербурга явление). С этим домом у Белинского было связано тяжелое воспоминание. Здесь в конце марта или в начале апреля умер маленький сын Белинского Владимир, крестник Тургенева.

Возвратившись из-за границы, Белинский начал искать квартиру; вначале пришлось взять временную и совершенно неподходящую где-то на Знаменской улице[29]. Более детальных сведений об этом местожительстве Белинского мы не нашли.

«...После страшных хлопот и скитаний» («Письма», III, 266), приблизительно в октябре удалось найти новую квартиру: предстоял ремонт и мучительный переезд — часть вещей была на старой квартире, мебель стояла у Языковых, книги были сложены у Тютчевых — «одна укладка книг взяла ‹...› дней пять» (то же письмо)[30].

Новая квартира была найдена на Лиговском канале в доме коллежского советника И. Ф. Галченкова (№ 73 тогдашней нумерации). Дом этот находился против Кузнечного моста и переулка. Во дворе, во втором этаже двухэтажного деревянного флигеля и поселился Белинский (см. иллюстрацию—«Лит. наследство», т. 56, стр. 185). «К счастью, случайно нашли квартиру большую, красивую и дешевую. Кроме кухни и передней — шесть комнат, большие стекла, полы — паркé, обои — цена 1320 р. асс.», — сообщал Белинский о своей квартире Анненкову 20 ноября 1847 г. («Письма», III, 292).

Николаевская железная дорога в это время только прокладывалась, и район Лиговского канала был мало застроен; дома были окружены зеленью. Среди зелени стоял и дом Белинского, который рассчитывал, что это место сможет служить летом и в качестве дачи[31].

В петербургский период Белинский два лета провел за городом. В 1844 г.— на даче в Лесном (тогда под Петербургом, теперь в черте Ленинграда) и в 1845 г.— под Парголовым.

Воспоминания и переписка современников дают представление об условиях дачной жизни Белинского.

В июне 1844 г. Н. Х. Кетчер извещал Герцена: «... Виссарион переехал на дачу, т. е. в лачугу полуразвалившуюся, две стороны которой выходят на двор, третья на огород, а четвертая в так называемый садик, в котором к стене приделан парусиновый навес, три сирени, две паршивых березы, лоза и всякая дрянь и сор, а он очень доволен»[32].

А. В. Орлова, сестра жены Белинского, в свою очередь рассказывает: «Дача у нас была омерзительная, построенная из барачного леса и оклеенная самыми жалкими обоями. Ветер гудел непрестанно под полуотклеившимися обоями; в комнатах было так холодно, что мы все трое ‹т. е. Белинский, его жена и автор воспоминаний› с ногами усаживались на диван и с нами две молодые собачонки, чтобы лучше согреться, и со стола не снимали самовар. Белинский говорил, что на даче благоденствуют только собаки и я».

Из текста воспоминаний Орловой следует, что на дачу они переехали в самом конце мая или начале июня[33]. Не менее мрачное описание этой дачи оставила и А. Я. Панаева: «... На лето он 〈Белинский〉 переехал на дачу около Лесного или куда-то недалеко от города. Что это была за дача: изба, перегороженная не до потолка, в которой с одной стороны была кухня, а с другой — его комната вроде чуланчика, где он и спал. В жаркие дни можно было задохнуться от духоты на этой даче, а в дождливые — продрогнуть до костей от сырости и сквозного ветра, дувшего из щелей пола и стен»[34].

О даче в Парголове А. В. Орлова пишет: «В 1845 году лето мы провели на даче под Парголовым. Белинский купался в озере, спал наверху с открытыми окнами, схватил воспаление и его полуживого перевезли в город...»[35] Об этой же даче упоминает и Н. Н. Тютчев: «По случаю слабости его 〈Белинского〉 груди доктора приказывали ему нанимать дачу где-либо около соснового леса. Помню, как одно лето он провел на крошечной дачке, в самом лесу, около Поклонной горы»[36].

Последние полгода своей жизни Белинский прожил в доме Галченкова. Здесь он и скончался 26 мая 1848 г.

Дом Галченкова не сохранился: он был сломан в 1910 г., и на его месте был выстроен огромный доходный дом (№ 44)[37].

Таков топографический очерк странствий Белинского по неприветливому для него николаевскому Петербургу.

Квартиры в далеких неблагоустроенных районах, сырые и холодные комнаты без солнца, над сараями и конюшнями, вблизи навозных куч, алебастровая пыль и пререкания с управляющими — в таких условиях жил и творил Белинский.

С одной стороны Петербург обманул ожидания Белинского — он не нашел в нем ни спокойствия, ни выхода из суровой материальной нужды. Уезжая в Петербург, он пророчески писал («Письма», I, 375), что едет туда

Горе мыкать, жизнью тешиться,
С злою долей переведаться.

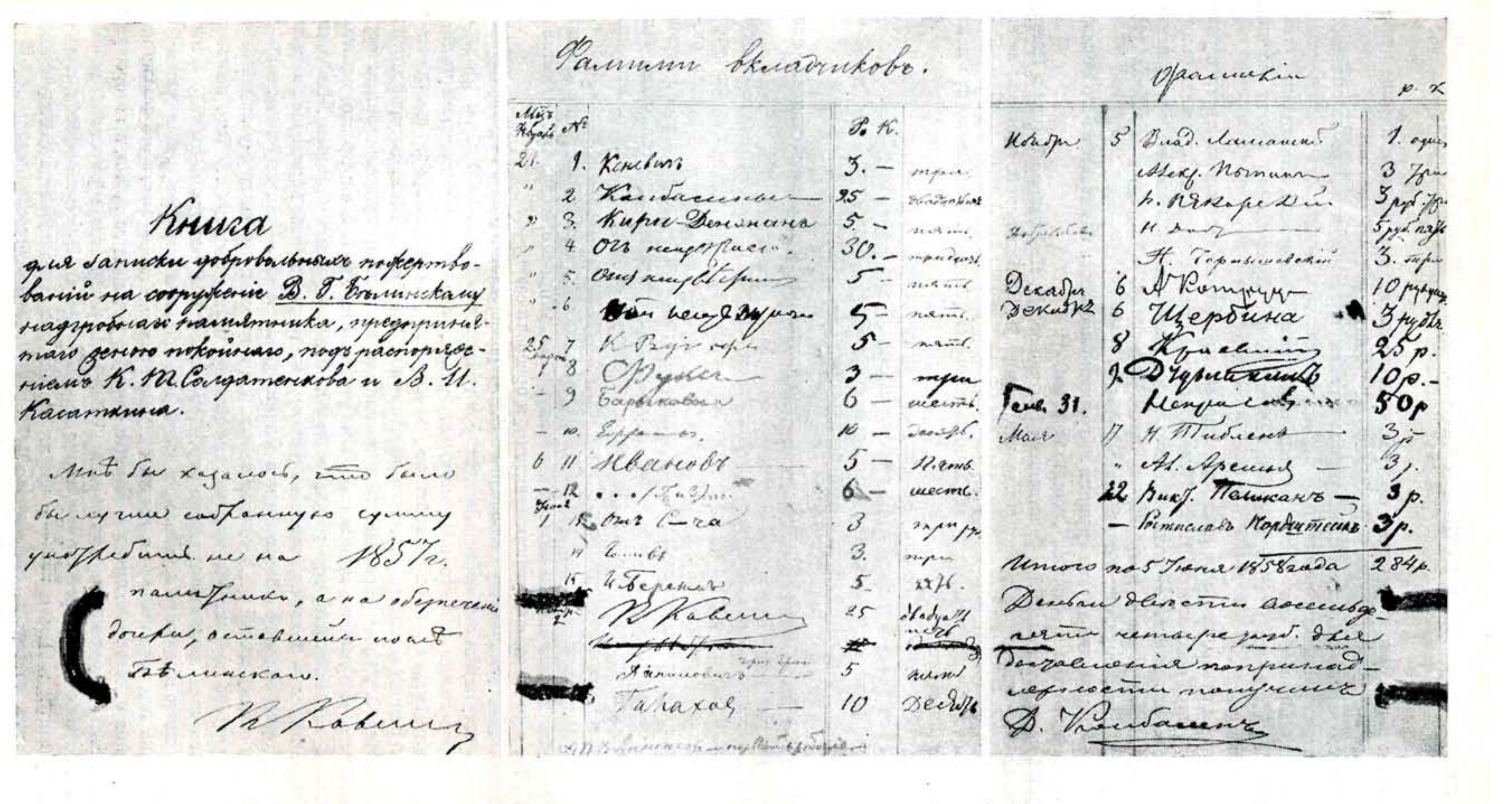
Но, как и предполагал Белинский, в Петербурге начался новый период его творчества. Здесь, вскоре после переезда, он нашел путь к развитию «идеи отрицания», к окончательному оформлению революционно-демократического мировоззрения[38]. Здесь создал он свои лучшие произведения, на которых воспитывались все последующие поколения русской демократии.

Ярким свидетельством примирения с Петербургом является статья 1844 г. «Петербург и Москва». В то время как в Москве «нет никакой литературной деятельности, по крайней мере теперь 〈...〉 Петербург,— по мнению Белинского,—...есть необходимое и вековечное явление, величественный и крепкий дуб, который сосредоточит в себе все жизненные соки России» (IX, 230, 220).

В заключение еще несколько слов о последнем «жилище» Белинского — о его могиле на Волковом кладбище.

Свояченица Белинского А. В. Орлова рассказывает в своих воспоминаниях о вопиющей нужде, в которой умирал Белинский: «денег в доме совсем не было. За квартиру и прислуге несколько месяцев не заплачено; пришлось еще при жизни его продать рубашки, что он привез из-за границы...»[39] Грановский, находившийся в эти дни в Петербурге, писал жене: «он не оставил по себе ни гроша буквально, мы дали свои деньги на погребение»[40].

Волково кладбище, где был похоронен Белинский, основано в середине XVIII в. Оно никогда не считалось ни аристократическим, ни даже просто привилегированным. Здесь хоронили мелких чиновников (вроде описанного Некрасовым в первой части стихотворения «О погоде»), вообще «простолюдинов», людей «низкого звания»; лиц умерших в больницах Мариинской, Обуховской, Калинкинской и в больнице для чернорабочих, а также жертв холерной и иных эпидемий. В начале XIX в. здесь стали хоронить купцов; лишь в середине века кладбище стало «всесословным, хотя большинство

«КНИГА ДЛЯ ЗАПИСКИ ДОБРОВОЛЬНЫХ ПОЖЕРТВОВАНИЙ НА СООРУЖЕНИЕ В. Г. БЕЛИНСКОМУ НАДГРОБНОГО ПАМЯТНИКА». 1857—1858 гг.
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

погребаемых и доселе составляют простолюдины: мещане, крестьяне и низшие воинские чины»,— сообщал историк кладбища Н. Вишняков[41].

На этом-то неблагоустроенном, расположенном в низине и порою затопляемом кладбище, находившемся недалеко от последней квартиры Белинского в полупустынном месте, в левой его части и был похоронен Белинский. Невдалеке была могила скончавшегося в 1845 г. его приятеля А. Я. Кульчицкого (место могилы теперь неизвестно).

Немногие друзья, не более двадцати человек, провожали тело своего друга и учителя. По дороге, рассказывал И. И. Панаев, к процессии неожиданно присоединилось несколько «неизвестных» — полицейских агентов, явившихся наблюдать за происходящим. Никаких речей на кладбище не было. В могилу, в которую начинала уже проступать вода, опустили тело Белинского[42].

Вскоре ближайшие друзья «решили непременно поставить памятник на его могиле, но решение это так и осталось ⟨невыполненным⟩»[43].

Лишь через несколько лет родственник Белинского Д. П. Иванов, будучи в Петербурге, по поручению и на средства вдовы критика, М. В. Белинской, поставил на его могиле простой памятник[44]. Этот памятник в течение ряда лет не обновлялся, надзора за ним на кладбище тоже не было, и постепенно он обветшал настолько, что найти могилу стало нелегко.

И с каждым днем окружена тесней,
Затеряна давно твоя могила,
И память благодарная друзей
Дороги к ней не проторила,—

писал Некрасов в стихотворении «Памяти приятеля»[45] (ср. также стихотворения «Белинский» и «О погоде»).

В 1856 г., располагая лишь скупым указанием («помню только, что влево от церкви») вдовы Белинского, до 1858 г. ни разу не приезжавшей в Петербург после смерти мужа, поисками могилы занялся П. А. Ефремов. «Я нарочно,— рассказывал он,— три воскресенья подряд ходил на кладбище и рассматривал могилы влево от церкви. Наконец, нахожу полуразвалившуюся могилу, покрытую камнем; сбоку она была обложена тоже четырьмя камнями, но один из них успел уже отвалиться. Разглядываю надпись на камне: «Виссарион Григорьевич Белинский. Скончался 28 мая 1848 г.». Я тут же распорядился, чтобы могила была приведена в порядок. После этого, по моим стопам, уже многие пошли навещать могилу. Между прочим, тогда же посетил ее Н. Н. Ге, в то время еще ученик академии, и срисовал ее»[46].

Тогда же посетил могилу Белинского и Н.Г.Чернышевский. На страницах «Современника» во вступительной части «Заметок о журналах» за июль 1856 г. он рассказал о своем посещении некоего кладбища. Он бродил не в аристократической части, а «в краю кладбища пустом и безмолвном». Из состояния задумчивости его вывел «чей-то твердый и полный какой-то торжественности голос: „Вот могила NN, которой хотел ты поклониться“». Далее Чернышевский посвящает несколько проникновенных строк памяти того, кто лежит в этой могиле. «Вы угадываете, кто был он; просто, писатель, не более, как писатель, всю жизнь остававшийся ничтожным бедняком. Он только мыслил и писал,— более он ничего не делал, даже не сделал себе порядочной карьеры, даже не приобрел себе обеспечения в жизни, даже славы — так ему казалось — не приобрел своему имени ⟨...⟩ только небольшой кружок преданных ему людей благоговел перед его светлым умом, перед его благородным сердцем ⟨...⟩ Так, но тысячи людей сделались людьми благодаря ему. Целое поколение воспитано им ⟨...⟩ И когда я перечитываю нынешние журналы, я всегда вспоминаю о нем. Вот ученая статья ⟨...⟩ она писана под влиянием его мысли ⟨...⟩ вот повесть ⟨...⟩ — опять это только плод его учения ⟨...⟩». В заключение Чернышевский вспоминал то время, в которое умер Белинский: «он умер во время страшной болезни, когда каждый трепетал за себя, когда никто не был уверен поутру, что доживет до вечера. В боязни за себя, они ⟨его друзья⟩ могли забыть о нем — о чужих ли могилах думать, когда самому надобно готовиться к ответу за свою жизнь?»[47].

Эту яркую характеристику политической реакции и жандармско-полицейского террора, поразивших «страшной болезнью» русское общество в последнее семилетие царствования Николая I, Чернышевский должен был дать иносказательно. Не мог он прямо назвать и имя Белинского, запрещенное в эти годы в печати[48].

«Мы и след потеряли к этой дорогой для нас могиле. И какие-то совсем посторонние люди, никогда в глаза не видавшие покойного, отыскали ее недавно»,— сообщал Панаев[49].

В конце 1864 г. рядом с могилой Белинского был похоронен Добролюбов; таково было его предсмертное желание. В 1868 г. тут же был похоронен Писарев. Недавно еще безвестное Волково кладбище стало популярным: вокруг могил Белинского и Добролюбова стали хоронить писателей, и вскоре весь этот район кладбища получил название «литераторских мостков»[50].

ДОМ НА ФОНТАНКЕ В ЛЕНИНГРАДЕ, ПРИНАДЛЕЖАВШИЙ М. И. ФЕДОРОВУ.
ЗДЕСЬ В ОКТЯБРЕ 1846 — МАЕ 1847 гг. ЖИЛ БЕЛИНСКИЙ

Фотография С. А. Рейсера, 1949 г.

В 1866 г. был установлен на могиле новый памятник из черного гранита — крест на пьедестале. В архиве Института русской литературы Академии Наук СССР сохранилась «Книга для записки добровольных пожертвований на сооружение В. Г. Белинскому надгробного памятника, предпринятого женою покойного, под распоряжением К. Т. Солдатенкова и В. И. Касаткина». На первых трех страницах 33 подписи: среди них Анненков (30 р.), К. И. Вульф (5 р.), Добролюбов (5 р.), Дудышкин (10 р.), Ефремов (10 р.), Кавелин (25 р.), Краевский (25 р.), Некрасов (50 р.), П. Пекарский (3 р.), Пыпин (3 р.), Тиблен (3 р.), Чернышевский (3 р.), Н. Ф. Щербина (3 р.) и др., всего с февраля 1857 по 5 июня 1858 г. было собрано 284 рубля. Аналогичный сбор производился, повидимому, и среди москвичей.

По свидетельству М. В. Белинской (письмо к Н. М. Щепкину от 17 марта 1862 г.), было собрано 600 рублей. Но возможно, что эти деньги были израсходованы на студенческие стипендии в память Белинского, а надгробный монумент сооружен на личные средства вдовы критика[51].

Цитированный выше историк кладбища Н. Вишняков сообщает, что памятник этот «почти всегда бывает увешен венками почитателей покойного» (стр. 64). Это

свидетельство, относящееся к последней четверти XIX в., наглядно демонстрирует степень популярности Белинского. А в социалистическом городе Ленина советские люди бережно охраняют связанные с Белинским памятные места и в том числе дорогую им могилу великого критика-революционера.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПЕТЕРБУРГСКИЕ АДРЕСА БЕЛИНСКОГО

1839—1848 гг.

1. Около 24 октября — первая половина декабря 1839 г. У И. И. Панаева в доме Е. А. Диммерта на Грязной ул., № 63, на месте нынешнего № 70б по ул. Марата.

2. Первая половина декабря 1839 г. — ? Галерная улица (ныне Красная) в доме № 23, 25 или 29 нынешней нумерации. Более точных сведений нет.

3. ? — начало февраля 1840 г. В деревянном доме на Большом проспекте Петербургской стороны. Более точных сведений нет.

4. Начало февраля — 11 мая 1840 г. У П. Ф. Заикина, в доме П. А. Горбуновой на Моховой улице, № 14; на месте нынешнего № 11.

Последовательность адресов №№ 2—4 не может считаться твердо установленной. Возможно, что адрес № 3 предшествовал № 2. Адрес № 4 также не вполне ясен: возможно, что Белинский жил некоторое время у Заикина, не отказываясь от своей постоянной квартиры.

5. Конец августа—около 7 ноября 1840 г. Дом В. П. Алексеева, Васильевский остров, № 10/45 на углу Малого проспекта и 6-й линии, № 15б/53 нынешней нумерации. Дом сохранился (надстроен).

6. Около 7 ноября 1840 г.—июнь (?) 1841 г. Дом Е. Л. Бем, Васильевский остров, 2-я линия, № 4, кв. 7, в отдельном флигеле, во дворе. На месте нынешнего № 3.

7. Июнь (?) 1841 г.—ноябрь 1842 г. Дом Бутаровой, Семеновский полк. Средний проспект между 1-й линией и Госпитальной ул., № 17 или 19, кв. 22. Ныне угол Бронницкой ул. и Клинского проспекта, № 18/22. Дом сохранился (надстроен).

8. Ноябрь 1842 г.— апрель 1846 г. Дом А. Ф. Лопатина, угол Невского проспекта и Фонтанки, № 71/41-43 старой и 68/40 нынешней нумерации. Сохранился (реконструирован). Белинский занимал разновременно кв. 55, 48, 47 и 43 тогдашней нумерации.

9. Октябрь 1846 г.— начало мая 1847 г. Дом М. И. Федорова, Фонтанка, № 14. Дом сохранился в перестроенном виде, теперь № 17.

10. Сентябрь 1847 г. Знаменская ул. Более точных сведений нет.

11. Октябрь 1847—26 мая 1848 г. Дом И. Ф. Галченкова. Лиговский канал (теперь Лиговка), № 73, на месте нынешнего № 44.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «В. Г. Белинский и его корреспонденты», М., 1948, стр. 92. Разрядка Краевского. Все даты по старому стилю.

[2] Краевский в 1837 и 1839 гг. упорно продолжал приглашать Белинского приехать в Петербург. «В. Г. Белинский и его корреспонденты», стр. 95 и 97. Тем самым приходится подвергнуть сомнению слова, будто бы сказанные Краевским Панаеву: «Покорно Вас благодарю, я не имею никакого желания связываться с этим крикуном-мальчишкой». И. И. Панаев. Литературные воспоминания, Л., 1928, стр. 205.

[3] Впрочем, и в это время Белинский еще колебался. В письме от 25 февраля 1839 г. читаем: «я остаюсь в Москве» («Письма», I, 314).

[4] И. И. Панаев. Литературные воспоминания, стр. 374—375; А. Я. Панаева. Воспоминания, изд. 1948, стр. 90. В феврале 1839 г. Панаев, в то время жених А. Я. Брянской, сообщал, что отец его невесты, Я. Г. Брянский, приглашает Белинского остановиться у него («В. Г. Белинский и его корреспонденты», стр. 204).

[5] «Русская старина», 1893, № 9, стр. 477—478; перепеч.: «В. Г. Белинский в воспоминаниях современников», 1948, ГИХЛ, стр. 118—119. 26 ноября 1839 г. Белинский подарил В. А. Панаеву свою книгу «Основания русской грамматики», изданную в 1837 г. Титульный лист этой книги с дарственной надписью воспроизведен в «Лит.

наследстве», т. 55, стр. 395. Об этом подарке см. в цит. воспоминаниях В. А. Панаева, стр. 478.

[6] Позднее в Петербурге была произведена всеобщая перенумерация домов; четная и нечетная стороны при этом переменились местами.

[7] А. Я. Панаева. Воспоминания, стр. 91.

[8] Ю. Арнольд. Воспоминания, вып. 2, М., 1892, стр. 176, 196, 202, 211 и 213.

[9] П. В. Анненков. «Литературные воспоминания», Л., 1928, стр. 236. То же со ссылкой на «раннюю весну» у И. И. Панаева. Цит. соч., стр. 376.

[10] А. М. Скабичевский. Литературные воспоминания, М., 1928, стр. 24—25.

[11] «Письма», II, 48; ср. впрочем «В. Г. Белинский и его корреспонденты», стр. 56, 58.

[12] Н. Цылов. Атлас тринадцати частей Петербурга, СПб., 1849, стр. 197; К. Нистрем. Адрес-календарь Санктпетербургских жителей, т. I, СПб., 1844, стр. 97.

[13] Н. Цылов. Атлас, стр. 230 и 246; «Алфавитный указатель к атласу», СПб., 1849, стр. 6; Нистрем, т. I, стр. 97.

[14] Такой же подробный адрес указан и в письме В. П. Боткина к Белинскому от 12 октября 1840 г. («В. Г. Белинский и его корреспонденты», стр. 37).

[15] 11 октября 1948 г., после опубликования в «Ленинградской правде» от 5 июня 1948 г. моей заметки на тему настоящей статьи, нынешний житель этого дома т. Корсаков высказал в беседе со мной предположение, что Белинский жил в квартире № 11. Вход был со двора, парадный ход, по его словам, более позднего происхождения.

[16] Рукописный отдел ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Архив В. Ф. Одоевского, папка 91, л. 85.

[17] По другую сторону проспекта были расположены роты Измайловского полка.

[18] К. Нистрем. Адрес-календарь..., т. I, стр. 188; Н. Цылов. Атлас..., стр. 130; Алфавитный указатель..., стр. 95.

[19] Ср. Гос. ист. архив Лен. области, ф. 513, оп. 102, д. 4623.

[20] Точная дата постройки дома неизвестна. К 1824 г. дом занимал уже место по Невскому проспекту и был расположен под прямым углом к Литейному проспекту. Существенные достройки были произведены в 1834 и 1839 гг., когда были возведены корпуса нынешнего второго двора, поперечный корпус, разделивший двор на две части, и часть фасада по Фонтанке. При перестройке дома в 1873 г. сторона, выходившая на Фонтанку (а в этой части дома и жил Белинский), сколько-нибудь существенных изменений не претерпела. Не коснулись ее и разрушения, причиненные дому фашистской бомбой во время Великой Отечественной войны (Гос. ист. архив Лен. обл., ф. 513, оп. 102, д. 4316 — планы назв. дома за 1824—1913 гг.).

[21] Н. Н. Тютчев. Мое знакомство с В. Г. Белинским. «Белинский. Письма», 1914, т. III, стр. 445. Перепеч. «В. Г. Белинский в воспоминаниях современников», 1948, стр. 335. Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым; т. 2, СПб. 1896; сб. «Пушкинский Петербург», Л., 1946, стр. 379; сб. «Ленин в Петербурге», Л., 1939, стр. 52.

[22] А. Я. Панаева. Воспоминания, стр. 96.

[23] Н. Н. Тютчев. Цит. соч., стр. 445.

[24] И. С. Тургенев. Литературные и житейские воспоминания.— Соч., т. XI, Л., 1934, стр. 419.

[25] А. Я. Панаева. Воспоминания, стр. 112. Венчался Белинский в церкви Строительного училища на Обуховском проспекте близ 1-й роты Измайловского полка.

[26] П. В. Анненков. Литературные воспоминания, стр. 352.

[27] Определить сейчас местонахождение квартир, в которых жил Белинский, невозможно. В течение прошедших ста лет нумерация квартир дома изменялась, может быть, не один раз. Здесь же уместно указать, что улица Белинского в современном Ленинграде (б. Симеоновская) никаких исторических прав на это название не имеет.

[28] Н. Н. Тютчев. Цит. соч., стр. 450.

[29] И. И. Панаев. Литературные воспоминания, стр. 510.

[30] По этим строкам можно судить о размерах библиотеки Белинского; в Орловском музее хранится лишь часть ее. Ср. Л. Ланский. Библиотека Белинского.— «Лит. наследство», т. 55, стр. 434.

[31] Н. Н. Тютчев. Цит. соч., стр. 450.

И. К. Айвазовский вспоминает: «С Висс⟨арионом⟩ Гр⟨игорьевичем⟩ Белинским я встречался много раз в литературных кружках Петербурга и был у него по его приглашению один раз на Лиговской улице ⟨...⟩ Более чем скромная, почти граничащая с нуждой обстановка Белинского поразила меня не менее, чем заостренные черты лица его и впавшие щеки, озаренные чахоточными румянами...» — «Мир», 1912, кн. 1. Перепеч.: «В. Г. Белинский в воспоминаниях современников», стр. 451.

[32] См. «Белинский в неизданной переписке современников»—«Лит. наследство», т. 56, стр. 170.

[33] А. В. Орлова. Из воспоминаний о семейной жизни Белинского.— Сб. «В пользу голодающих. Лепта Белинскому», М., 1892, стр. 16. Перепеч.: «В. Г. Белинский в воспоминаниях современников», стр. 399.

[34] А. Я. Панаева. Воспоминания, стр. 113.

[35] А. В. Орлова. Цит. соч., стр. 18.

[36] Н. Н. Тютчев. Цит. соч., стр. 449. Дачу в Парголове Тютчев называет дачей у Поклонной горы, что одно и то же.

[37] 26 мая 1900 г. на доме Галченкова Союзом русских писателей была установлена мемориальная доска: «В этом доме скончался 26-го мая 1848 года Виссарион Григорьевич Белинский (От союза русских писателей 26-го мая 1900 года)». Доска эта впоследствии, при сломке дома, затерялась. К 1900 г. дом уже подвергался переделкам и перестройкам. «Новое время», 1900, 27 мая, № 8709, стр. 3.

[38] А. Лаврецкий. Примечания к статье «Петербург и Москва» в изд. В. Г. Белинский. Избранные сочинения, т. II, М., 1936, стр. 719.

[39] А. В. Орлова. Цит. соч., стр. 23.

[40] «Т. Н. Грановский и его переписка», т. II, М., 1897, стр. 274.

[41] Н. Вишняков. Историко-статистическое описание Волковского православного кладбища, СПб., 1885, стр. 51. Ср. ⟨Е. Аладьин⟩. Православное Волковское кладбище, СПб., 1847, стр. 20 и 41.

[42] И. И. Панаев. Литературные воспоминания, стр. 514.

[43] И. И. Панаев. «Современник», 1860, № 2, стр. 375.

[44] А. В. Орлова. Цит. соч., стр. 23.

[45] Более точное название стихотворения — «Памяти Белинского» — до сих пор не введено в основной текст. Так оно озаглавлено в тексте последнего прижизненного издания, издания «Русской библиотеки», несомненно авторизованного.

[46] ⟨А. Ловягин⟩. Из бесед с П. А. Ефремовым.— «Русское библиологическое общество. Доклады и отчеты», новая серия, вып. 1, СПб., 1908, стр. 2. Эскиз Н. Н. Ге, сделанный масляными красками, датирован 15 августа 1856 г. Воспроизведение его см. в изд. «Альбом выставки, устроенной Обществом любителей российской словесности в память Виссариона Григорьевича Белинского 8—12 апреля 1898 г.», М., 1898, стр. 5. Дата смерти Белинского указана Ефремовым неверно: Белинский скончался 26 мая. Эта дата и значилась на памятнике; см., например, «Иллюстрация», 1858, № 20, стр. 316; «Русский художественный листок» В. Ф. Тимма, 1862, № 29 (на стр. 126 указан путь к этой могиле). Ср. «Лит. наследство», т. 55, стр. 343 и наст. том, стр. 359; ср. Ю. Оксман. Из разысканий в области биографии Белинского. Дата смерти Белинского. Биобиблиографическая справка. — «Ученые записки Сарат. гос. ун-та», т. XX, 1948, стр. 318—320.

[47] «Современник», 1856, № 8, стр. 205—207.

[48] Только в издании 1905 г. М. Н. Чернышевский озаглавил этот отрывок. См. Н. Г. Чернышевский. Соч., т. 2, 1906, стр. 519; в изд. 1947 г., т. 3, стр. 676, заголовок снова отсутствует.

[49] «Современник», 1860, № 2, стр. 375.

[50] Завещал похоронить себя подле Белинского также и Тургенев. См. в настоящем томе сообщение Р. Заборовой, стр. 322.

[51] Там же, стр. 322. Ср. также: А. В. Орлова. Цит. соч., стр. 23.

БИБЛИОГРАФИЯ

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ СОЧИНЕНИЙ БЕЛИНСКОГО И ЛИТЕРАТУРЫ О НЕМ 1899—1950 гг.

Составила К. Богаевская

Полная научная библиография литературы о Белинском до сих пор отсутствует. Все существующие библиографические справочники, общие и специальные, либо охватывают ограниченный хронологический отрезок времени, либо останавливаются на какой-нибудь определенной теме, либо выбирают самые основные работы о Белинском. Наиболее полным указателем является труд С. А. Венгерова «Источники словаря русских писателей» (1900 г.— см. № 1581. Здесь наиболее широко представлена литература о Белинском за 1898 г.— 50-летнюю годовщину со дня смерти критика). Но и названная работа страдает также пропусками, неточностями и отсутствием системы в подаче материала.

В 1948 г., в дни столетия со дня смерти великого критика, было выпущено несколько рекомендательных библиографических указателей литературы о нем. Лучшие из них два: Л. И. Залесской и Р. Н. Крендель (см. № 1619) и Э. Субботиной (см. № 1630). Оба названных указателя рассчитаны на преподавателей, учащихся и широкие круги советской интеллигенции. Литература в них систематизирована и аннотирована. Но они уже и сейчас не могут удовлетворить специалиста-литературоведа. Во-первых, в них отсутствуют публикации новых материалов и работы, вышедшие в 1948 г.; во-вторых, в обоих указателях исключительно скудно и случайно представлена дореволюционная литература о Белинском (забыты все труды по истории русской критики, ряд основных монографий, даже таких, как работа С. А. Венгерова о молодом Белинском, мемуары, полностью отсутствуют публикации документальных данных о Белинском в журналах «Русская старина», «Исторический вестник», «Былое» и др.). Выбор литературы советского периода тоже иногда необоснован. В указатель включены некоторые малозначительные статьи (из журналов «Огонек», «Красный библиотекарь») и пропущены ценные работы советских литературоведов (напр. статья Я. Черняка о письме Белинского к Гоголю и ряд специальных статей о Белинском в Учен. зап. университетов и пед. институтов). Совершенно отброшены составителями юбилейные статьи в газетах 1936 г., среди которых много заслуживающих внимания. В указателе Л. И. Залесской и Р. Н. Крендель (на стр. 62) мы находим несостоятельную попытку дать обзор публикаций письма Белинского к Гоголю. Здесь назван несуществующий в природе «Исторический вестник» 1855 г. (!) и одновременно пропущена первая публикация «письма» в России в 1872 г. и первый критический текст «письма», установленный С. А. Венгеровым в 1913 г. Ни в одном из этих указателей нет данных и о письмах Белинского, опубликованных после издания Е. А. Ляцкого 1914 г.

В недавно вышедшем сборнике Ленинградского гос. университета — «Белинский» (1949 г.) помещен указатель «Юбилейная литература о Белинском» 1948 г., составленный Е. И. Кийко. Работа Е. И. Кийко сделана тщательно (в частности, с большой полнотой учтены все рецензии на сочинения Белинского и книги о нем). Но эта библиография регистрирует, по материалам «Книжной», «Журнальной» и

«Газетной» «летописей», только те книги и статьи, в заголовках которых обозначено имя Белинского, и обходит все работы, в заголовках которых имя Белинского отсутствует. Таким образом, оказались учтенными все популярные газетные заметки и отклики и пропущен ряд ценных исследовательских книг и статей (как, например, книги — Я. Эльсберга «А. И. Герцен», Д. Чеснокова «Мировоззрение Герцена», статьи — Н. Л. Бродского, Н. И. Мордовченко и др. в «Лит. наследстве», «Известиях Акад. Наук СССР», «Ученых записках Гос. пед. института им. Герцена» и «Вестнике Ленингр. университета» о Тургеневе, Островском и Ап. Григорьеве).

Библиографический указатель, составленный нами, представляет собою в хронологическом отношении продолжение труда С. А. Венгерова «Источники словаря русских писателей» и начинается с 1899 г.

Разделы указателя «Письма к Белинскому», «Белинский в мемуарах, дневниках и переписке современников», «Белинский в художественной литературе» и «Библиографические указатели сочинений Белинского и литературы о нем» не ограничены хронологическими рамками 1899—1950 гг. и охватывают литературу по этим темам с момента первых публикаций.

Настоящий указатель является первой библиографией, поставившей своей задачей охватить всю литературу о Белинском за советский период, представляющую интерес для научного работника. Сознательно не включены в указатель учебники, учебные пособия, популярные издания, а также газетные и журнальные статьи, не выходящие из рамок самой примитивной компиляции. Так же нецелесообразным было бы указывать все упоминания о критике Белинского в литературе, посвященной тем писателям, произведения которых разбирались Белинским. Из этого материала выбрано только наиболее существенное.

Научное, конкретно-историческое изучение Белинского немыслимо без учета той напряженной и острой классовой борьбы, которая велась вокруг литературно-критического наследия великого революционного демократа в царской России. В указатель введены поэтому и главнейшие произведения идейных противников Белинского, начиная от представителей современной ему политической и литературной реакции (памфлеты в художественной литературе 1830-х — 40-х гг.) до идеологов контрреволюционного либерализма начала двадцатого века — «веховцев», попытки которых «развенчать» Белинского были разоблачены в известных выступлениях В. И. Ленина и шедших за ним литераторов-большевиков.

Порядок расположения материала внутри отделов — хронологический, а в пределах года — в алфавите авторов и названий анонимных работ. Огромная литература о Белинском, вышедшая в 1948 г., в виде исключения, разбита на два раздела внутри года: «Книги и брошюры» и «Статьи в газетах, журналах и сборниках».

Статьи о Белинском, напечатанные в изданиях его сочинений, отдельно не регистрировались и отмечены лишь в разделе «Издания сочинений Белинского». Книги и статьи о Белинском, повторно опубликованные после 1898 г., учтены под годом вторичной публикации, с указанием в аннотации первого издания.

Произведения классиков (Пушкина, Герцена, Чернышевского, Добролюбова, Салтыкова-Щедрина, Тургенева и др.) даны нами по наиболее полным советским изданиям с указанием только первой публикации, но без учета перепечаток. Все работы о Белинском, вышедшие в свет впервые между 1899 и 1950 гг., даны под годом первой публикации, с указанием в аннотации всех позднейших изданий. Письма к Белинскому — по последним изданиям (в алфавитном порядке корреспондентов).

Аннотации даются нами только в тех случаях, когда заглавие описанного труда не раскрывает его отношение к Белинскому. Раздел «Белинский в мемуарах, дневниках и переписке современников» аннотируется весь, за исключением прижизненных писем современников Белинского. Кроме того, даны без аннотаций 64 названия, вошедшие в библиографию мемуаров о Белинском, составленную М. К. Клеманом с подробными аннотациями («Белинский в воспоминаниях современников». Л., «Academia», 1929).

При составлении настоящего указателя нами использованы все общие библиографические справочники, специальные библиографии на близкие темы и литература

о современниках Белинского. Весь материал описан de visu. Несколько случаев заимствования описания из печатных источников отмечены звездочкой рядом с цифрой порядкового номера.

В редактировании настоящего указателя с библиографической стороны принимал участие Ю. И. Масанов.

КЛАССИКИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА О БЕЛИНСКОМ

В. И. ЛЕНИН

1. Что делать? — Сочинения. Изд. 4-е. Т. V. М., 1946, с. 342.— Впервые: Искра, 1902, № 19, 1 апр.

2. О «Вехах».— Сочинения. Изд. 4-е. Т. XVI. М., 1948, с. 107—08.— Впервые: Новый день, 1909, № 15, 26 (13) дек. (Подп.: В. Ильин).

3. Еще один поход на демократию.—Сочинения. Изд. 4-е. Т. XVIII. М., 1948, с. 286.— Впервые: Невская звезда, 1912, № 24, 15 (2) сент. (Подп.: В. И.).

4. Из прошлого рабочей печати в России.— Сочинения. Изд. 4-е. Т. XX. М., 1948, с. 223—24.— Впервые: Рабочий, 1914, № 1, 5 мая (22 апр.).

5. Как организовать соревнование? — Сочинения. Изд. 3-е. Т. XXII. М., 1935, с. 162.— Впервые: Правда, 1929, № 17, 20 янв. (Написано 7—10 янв. 1918 г.).

6. Карьера.— Сочинения. Изд. 4-е. Т. XVIII. М., 1948, с. 250.— Впервые: Правда, 1912, № 94, 31 (18) авг. (Подп.: В. Ильин).

Характеристика «карьеры» А. С. Суворина от либерала до реакционера.

7. Материалы к 9-му января 1905 г.— В кн.: Ленинский сборник. Вып. V. Изд. 2-е. М.—Л., 1929, с. 91.

Запись по поводу статьи А. Липранди о Белинском в «Моск. вед.», 1905, № 6 и цитата из книги Пыпина.

И. В. СТАЛИН

8. XXIV-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. Доклад председателя Государственного комитета обороны товарища И. В. Сталина на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями г. Москвы 6 ноября 1941 года. — Правда, 1941, № 309, 7 нояб.; Известия, 1941, № 264, 7 нояб.

— Отд. изд.: М., ОГИЗ, 1941, с. 10.

Вошло в кн. авт.: О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., ОГИЗ, 1942, с. 26.

— 2-е изд.: 1942, с. 28.

— 3-е изд.: 1943, с. 22.

— 4-е изд.: 1944, с. 28.

— 5-е изд.: 1946, с. 30.

— То же — 1948, с. 30.

— То же — 1950, с. 30.

РУКОВОДИТЕЛИ ПАРТИИ И ПРАВИТЕЛЬСТВА О БЕЛИНСКОМ

9. Андреев А. А. О детской литературе.— Правда, 1936, № 28, 29 янв.; Известия, 1936, № 25, 29 янв.

Вошло в кн. авт.: О коммунистическом воспитании молодежи. М., 1937, с. 61—62, 72.

— [2-е изд.]: М., 1938, с. 51—52, 61.

— [3-е изд.]: М., 1939, с. 41, 48.

10. Жданов А. А. Доклад тов. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград». Сокращенная и обобщенная стенограмма докладов тов. Жданова на собрании

партийного актива и на собрании писателей в Ленинграде.— Правда, 1946, № 225, 21 сент.; Известия, 1946, № 223, 21 сент.; Лит. газ., 1946, № 39, 21 сент.

— Отд. изд.: М., ОГИЗ — Гос. изд. полит. литературы, 1946, с. 15, 23—24, 26.

11. Калинин М. И. Беседа с низовыми авторами. М., изд. «Крестьянская газета», 1934, с. 10.

12. — Выступление на общегородском предвыборном собрании представителей трудовой интеллигенции Ленинграда 26 ноября 1937 г.— Правда, 1937, № 327, 28 нояб.; Известия, 1937, № 276, 28 нояб.

Вошло в кн. авт.: 1) Выступления на собраниях избирателей Ленинграда. М., 1937, с. 23; 2) О задачах советской интеллигенции. М.—Л., 1939, с. 24.

13.— К шестидесятилетию со дня рождения товарища Сталина. М., Политиздат, 1939, с. 35.

14.— О корреспондентах и корреспонденциях.— Парт. строительство, 1945, № 6, с. 15.

Отд. изд.: М., изд. «Правда», 1945, с. 12.

15.— О моральном облике нашего народа.— Большевик, 1945, № 1, с. 13.

Вошло в кн. авт.: 1) Статьи и речи. М., 1946, с. 9; то же: М., 1947, с. 8; 2) О коммунистическом воспитании. Избр. речи и статьи. Л., 1947, с. 212.

16. — О проекте конституции РСФСР. Доклад на чрезвычайном XVII Всероссийском съезде Советов 15 янв. 1937 г.— Правда, 1937, № 16, 16 янв.; Известия, 1937, № 14, 16 янв.

Отд. изд.: М., Партиздат, 1937, с. 16.

Вошло в кн. авт.: Статьи и речи. 1936—1937. М., 1938, с. 17—18.

17.— Об овладении марксизмом-ленинизмом работниками искусств.— Лит. газ., 1946, № 24, 6 июня.

Вошло в кн. авт.: О задачах советской интеллигенции. М.—Л., 1939, с. 50, 58—59.

18.— Писатель должен быть мастером своего дела.— Лит. газ., 1934, № 62, 18 мая.

Вошло в кн. авт.: Статьи и речи. М., 1935, с. 245.

19.— Славный путь комсомола. М., 1938, с. 5.

Отд. изд.: М., 1946, с. 11; то же: М., 1948, с. 10. Вошло в кн. авт.: О молодежи. М., 1939, с. 195; 2-е доп. изд.: М., 1940, с. 182.

20. Киров С. М. «Великий искатель». К столетию со дня рождения В. Г. Белинского.— Красная новь, 1939, № 10—11, с. 145—47; Лит. газ., 1939, № 66, 1 дек.— Впервые: газ. «Терек», Владикавказ, 1911, № 4032, 29 мая.

21. Ярославский Е. М. Выступление на XVIII съезде ВКП(б). 5-е заседание 12 марта 1939 г.— В кн.: XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б.). 10—21 марта 1939 г. Стенографический отчет. М., 1939, с. 137—38.

ПОЛНЫЕ СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ БЕЛИНСКОГО, ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ И ОТДЕЛЬНЫЕ ИЗДАНИЯ, ИМЕЮЩИЕ НАУЧНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

22. Сочинения. В 4-х т. С портр. и собранием писем автора, гравюрой с картины Наумова и статьей А. М. Скабичевского. Изд. 2-е. Спб., Ф. Павленков, 1900.

Т. I. (1834—1840). 1096 стб.

Т. II. (1840—1842). 988 стб.

Т. III. (1842—1844). 986 стб.

Т. IV. (1844—1848). 900, 452 стб.

— 1-е изд.: 1896.

— 3-е изд.: 1905—1906.

— 4-е изд.: 1910—1911.

23. Полное собрание сочинений. В 12-ти т. Под ред. и с прим. С. А. Венгерова. Спб., М. М. Стасюлевич [с т. VI изд. «Обществ. польза»], 1900—1917.

Т. I. 1900. 542 с.

Т. II. 1900. 608 с.
Т. III. 1901. 552 с.
Т. IV. 1901. 574 с.
Т. V. 1901. 580 с.
Т. VI. 1903. 637 с.
Т. VII. 1904. 643 с.
Т. VIII. 1907. 535 с.
Т. IX. 1910. 521 с.
Т. X. 1914. 522 с.
Т. XI. Пг., 1917. 975 с.
Изд. не окончено. См. еще №№ 29, 36.

Рец.: Бирж. вед., 1900, № 236, 30 авг. (Книголюбец [Д. П. Сильчевский]); 1901, № 36, 6 февр. (Книголюбец [Д. П. Сильчевский]); 1901, № 340, 13 дек. (Дельта [Д. П. Сильчевский]); 1904, № 334, 2 июля (А. Е. Измайлов); Вестник всемирной истории, 1900, № 11, с. 292—94 (Николай Н — нов); Вестник Европы, 1900, № 10, с. [2] обл.; 1901, № 1, с. [2] обл.; 1901, № 6, с. [2] обл.; 1901, № 7, с. 380—86; 1904, № 9, с. 386—89 (Евг. Л. [Е. А. Ляцкий]); Весы, 1904, № 9, с. 62—65 (Б. А. Садовской); *День, 1914, № 117, 2 мая (Н. К. Пиксанов); Журнал для всех, 1902, № 10, стб. 1275—76 (А. Горнфельд); Журнал М-ва нар. просвещения, 1900, № 7, с. 190—91; 1901, № 1, с. 283; № 2, с. 534—35; 1902, № 6, с. 426—27; 1903, № 5, с. 237—38; 1904, № 10, с. 460—61; 1908, № 7, с. 191—92; Ист. вестник, 1900, № 8, с. 684—89 (Д. Корсаков); 1901, № 5, с. 772—73 (А. Никитинский); 1902, № 3, с. 1142 (В.); 1903, № 2, с. 771—72 (П. Щ[еголев]); 1904, № 8, с. 669—70 (П. Щ[еголев]); 1907, № 12, с. 1077—78 (Н. Л[ернер]); 1910, № 9, с. 1085—86 (В. Р — в [Рудаков]); Лит. вестник, 1901, № 5, с. 27—28 (А. Липовский); 1904, № 8, с. 246—47 (А. Ф—н [Фомин]); Минувшие годы, 1908, № 2, с. 319 (Д. П. С[ильчевский]); Мир божий, 1900, № 6, отд. II, с. 9—13 (А. Б[огданович]); 1903, № 3, отд. II, с. 76—78 (С. Ашевский); 1904, № 11, отд. II, с. 121—23 (С. Ашевский); Моск. вед., 1900, № 222, 13 (26) авг. (П. Б.); Науч. слово, 1903, № 5, с. 171—72 (М. О. Гершензон); Наши дни, 1905, № 20, 17 янв. (Сильч. [Д. П. Сильчевский]); Нов. время, 1900, № 8715, 3 июня (Дигамма [В. Ф. Боцяновский]); Новости, 1900, № 123, 4 мая (Северов [П. О. Морозов]); Образование, 1900, № 11, отд. II, с. 59—63 (Ч. Ветринский); 1902, № 3, отд. III, с. 116—18 (С. П.);* Россия, 1900, № 511 (Old-gentleman [А. В. Амфитеатров]); Рус. мысль, 1900, № 6, отд. III, с. 205—06; 1901, № 6, отд. III, с. 173; 1902, № 2, отд. III, с. 48; 1903, № 4, отд. III, с. 135; 1904, № 9, отд. II, с. 281—82; Рус. старина, 1901, № 2, с. [2] обл.; 1907, № 12, с. [2] обл. (Н. Л[ернер]); 1910, № 12, с. [2] обл.; Рус. школа, 1905, № 1, отд. II, с. 17—19 (И. Александров);* Рус. вед., 1900, № 283 (В. Е. Якушкин); Рус. архив, 1900, № 10, с. 313—19 (В. Я. Брюсов); Рус. богатство, 1900, № 6, отд. II, с. 50—52; Спб. вед., 1904, № 187, 11 (24) июля (П. О. Морозов); Совр. мир, 1908, № 6, отд. II, с. 151—52 (С. А.).

24. Сочинения. В 4-х т. С портр. автора со снимка В. Васнецова и избр. письмами Белинского. Со справоч. указателем соч. Белинского. Киев.— Пб.—Харьков, Ф. А. Иогансон, 1901.
Т. I. (1834—1840). 746, IV стб.
Т. II. (1840—1842). 682, IV стб.
Т. III. (1842—1844). 756, II стб.
Т. IV. (1844—1848). 668, IV, X стб.
— 2-е изд.: 1902.
— 3-е изд.: 1907—1908.
— 4-е изд.: 1911.

25. Собрание сочинений. В 3-х т. Юбилейное изд. (1811—1911). Под ред. Иванова-Разумника, с его вступ. заметками к каждой статье Белинского, прим. и ист.-критич. и биогр. очерком. С прил. портр. Белинского и именного алфав. указателя ко всем 3-м т. Спб., М. М. Стасюлевич, 1911. (Б-ка рус. критиков. I).
Т. I. (1834—1840). 1040, CXXIV стб.
Т. II. (1841—1845). 1140 стб.
Т. III. (1846—1848). 1022 стб.

— 2-е изд.: 1913.

— 3-е изд.: Пг., лит.-изд. отд. Наркомпроса, 1919.

Рец.: Вестник Европы, 1911, № 4, с. 335—36; Пед. сборник, 1911, № 5, отд. III, с. 621—22 (Н. Саввин); Современник, 1912, № 1, с. 351—60 (В. Ангарский [В. В. Леонович]).

26. Педагогические сочинения. С вступ. статьей Г. А. Фальборка и очерком жизни и пед. деятельности Белинского, прим. и библиогр. указаниями А. Г. Фомина. Спб., изд. «Школа и жизнь», 1912. XII, 259 с.

Рец.: Голос, 1912, № 270, 17 нояб. (Н. Ог—в); Изв. кн. магаз. т-ва М. О. Вольф, 1912, № 12, с. 186; Речь, 1912, № 262, 24 сент. (Н. Л. [Н. О. Лернер]).

27. Пятидесятилетний дядюшка или странная болезнь. Драма в 5-ти действиях. Неизданный текст с предисл. и прим. А. С. Полякова. Пг., изд. «Путь к знанию», 1923 [обл.: 1924]. 172 с.

Рец.: Книга о книгах, 1924, № 3, с. 51.

28. Социализм Белинского. Статьи и письма. Ред. и коммент. П. Н. Сакулина. М., Гос. изд., 1925. 124 с.

Рец.: Каторга и ссылка, 1925, № 5, с. 325—26 (А. Цинговатов); Красная новь, 1925, № 2, с. 289—90 (Н. К. Пиксанов); Новый мир, 1925, № 9, с. 159—60 (А. Глаголев).

29. Полное собрание сочинений. Предисл., ред. и прим. В. С. Спиридонова. Т. XII. М.—Л., Гос. изд., 1926. XV, 564 с.

Продолжение издания, не законченного С. А. Венгеровым. См. №№ 23, 36.

Рец.: Книга и профсоюзы, 1927, № 3—4, с. 59—60 (П. Будков).

30. Избранные сочинения. В 3-х т. Под общ. ред. Ф. М. Левина. Ред. текста Д. Благого. Коммент. Д. Благого и А. Лаврецкого. М., изд. «Худож. лит-ра», 1934—1941.

Т. I. Вступ. статья Ф. Левина «Путь Белинского». 1934. XXXVIII, 608 с.

Т. II. 1936. 736 с.

Т. III. 1941. 870 с.

Рец.: Книга и пролет. революция, 1935, № 3, с. 91—93 (М. Добрынин); Лит. газ., 1936, № 33, 10 июня (Д. Д. Благой); Лит. Ленинград, 1934, № 62, 14 дек. (Н. И. Мордовченко); Правда, 1934, № 321, 22 нояб. (О. Виноградова); Рус. яз. и литература в сред. школе, 1935, № 1, с. 79—87 (Н. А. Глаголев); Худож. литература, 1934, № 12, с. 34—40 (Н. А. Глаголев); Что читать, 1936, № 1, с. 45—46 (А. Малинкин).

31. Литературно-критические статьи. (Избранные). Вступ. статья Вал. Полянского [П. И. Лебедева]. Коммент. С. Л. Белевицкого. М., изд. «Худож. лит-ра», 1936. 470 с.

То же. 1938. 470 с. (Школьная б-ка).

То же. Минск, Гос. изд. БССР, 1938. 411 с.

Рец.: Лит. обозр., 1936, № 13—14, с. 72—74 (А. Лаврецкий); Правда, 1936, № 160, 12 июня (В. Жданов); Что читать, 1936, № 1, с. 46 (А. Малинкин).

32. Сочинения Александра Пушкина. Ред., предисл. и прим. Н. И. Мордовченко. Л., изд. «Худож. лит-ра», 1937. 707 с.

Рец.: Книга и пролет. революция, 1937, № 12, с. 133 (А. Лаврецкий).

33. М. Ю. Лермонтов. Статьи и рецензии. Ред., вступ. статья и прим. Н. И. Мордовченко. Л., изд. «Худож. лит-ра», 1940. 266 с.

— 2-е изд.: 1941. 264 с.

Рец.: Звезда, 1940, № 12, с. 176—77 (Н. Молчанов); Лит. газ., 1941, № 23, 8 июня (И. Эйгес); Лит. обозр., 1941, № 4, с. 66—68 (Б. М. Эйхенбаум).

34. Избранные философские сочинения. Под общ. ред. и со вступ. статьей М. Т. Иовчука. Ред. текста и коммент. В. С. Спиридонова. М., Госполитиздат, 1941. XXVIII, 562 с.

Рец.: Лит. газ., 1941, № 24, 15 июня (Н. Глаголев); Правда, 1941, № 135, 17 мая (В. Кружков).

35. Избранные сочинения. Вступ. статья и прим. Ф. М. Головенченко. М., ГИХЛ, 1947. XVI, 672 с.

[2-е изд.]: М., 1948. XVII, 672 с.

[3-е изд.]: М., 1949. XXIV, 1095 с.

Рец.: Огонек, 1947, № 29, с. 24 (Н. В. Богословский); Сов. книга, 1947, № 7, с. 90—94 (И. В. Сергиевский); Большевик, 1950, № 15, с. 69—76 (Я. Е. Эльсберг).

36. Полное собрание сочинений. Ред. и прим. В. С. Спиридонова. Т. XIII. Л., Гослитиздат, 1948. 726 с.

Продолжение издания, не законченного С. А. Венгеровым. См. №№ 23, 29.

В том вошли 94 статьи, рецензии и заметки, ранее не известные и не входившие в собр. соч. Белинского, комментарии к VIII—XIII тт. и алфав. указатель имен и заглавий к I—XIII тт. Полн. собр. соч.

Рец.: Огонек, 1948, № 31, с. 24 (Я. Эльсберг); Сов. книга, 1949, № 3, с. 99 — 103 (В. Кулешов); Театр, 1948, № 8, с. 55—56 (М. Загорский).

37. Собрание сочинений в 3-х т. Под общ. ред. Ф. М. Головенченко. М., Гослитиздат, 1948.

Т. I. Статьи и рецензии 1834—1841. Ред. М. Я. Полякова. 799 с.

Т. II. Статьи и рецензии 1841—1845. Ред. С. П. Бычкова. [Подготовка текста и коммент. С. П. Бычкова, А. Н. Дубовикова и С. И. Машинского]. 931 с.

Т. III. Статьи и рецензии 1846—1848. Ред. В. И. Кулешова. [Подготовка текста и коммент. А. Н. Дубовикова и В. И. Кулешова]. 927 с.

38. Избранные педагогические сочинения. Под ред. Е. Н. Медынского. М.—Л., изд. Акад. пед. наук РСФСР, 1948. 280 с. (Акад. пед. наук РСФСР, Ин-т теории и истории педагогики). — Сост. М. Ф. Шабаева.

39. Избранные философские сочинения. Под общ. ред. М. Т. Иовчука и З. В. Смирновой. Ред. текста и прим. В. С. Спиридонова. М., Гослитиздат, 1948. (Акад. Наук СССР, Ин-т философии.— Моск. ордена Ленина гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Кафедра истории рус. философии).

Т. I. Вступ. статья М. Т. Иовчука «Великий русский мыслитель». 642 с.

Т. II. 592 с.

Рец.: Сов. книга, 1948, № 10, с. 90—98 (В. Евграфов).

ШКОЛЬНЫЕ И МАССОВЫЕ ИЗДАНИЯ СОЧИНЕНИЙ БЕЛИНСКОГО

40. Виссарион Григорьевич Белинский об А. С. Пушкине. Сб. статей. М., И. Д. Сытин, 1899. 295 с.

41. Герцен (Искандер). «Кто виноват?» — Гончаров. «Обыкновенная история». Изд. содействовали: Н. Зинченко, тип. И. Гольдберга и писчебум. ф-ка Лингарда. Спб., 1900. 16 с.

41а. Сочинения. Статьи о Жуковском. Харьков, П. М. Лесман, 1900. 85 с.

42. Сочинения. Статьи о Лермонтове. Мелитополь, П. М. Лесман, 1900. 149 с.

43. Полное собрание сочинений. С биографией, характеристикой и портр. В. Белинского в различ. эпохи его жизни. Под ред. Н. Г. Казианова. Одесса, Л. Лившиц, 1901.

Т. I. Вып. 1—4. 303 с.

*Т. II.

*Т. III.

44. Систематическое собрание сочинений В. Г. Белинского. Основания его критики и отзывы о выдающихся произведениях литературы. Изд. 2-е. Спб., Н. Зинченко, 1901.

Вып. I. VIII, 144 с.

Вып. II. 176 с.

*Вып. III.

Вып. IV. 186 с.

— 1-е изд.: 1898.

45. Сочинения. В 5-ти т. С портр. и письмами автора и ист.-лит. очерком Г. В. Александровского. Киев, Б. К. Фукс, 1901.

Т. I. XXIX, 304 с.

Т. II. 314, II с.

Т. III. 295 с.

Т. IV. 382 с.

Т. V. 308, 53, VIII с.

— 2-е изд.: 1901.

— 3-е изд., дополн. и вновь проверен., юбилейное. 1911. В 6-ти т.

46. Афоризмы, парадоксы и избранные мысли русских писателей. Вып. VII. В. Г. Белинский. Собрал М. К. М., 1903. 64 с.

47. Избранные сочинения. В 2-х т. С вступ. статьей Нестора Котляревского. Изд. 2-е. Спб., О. Н. Попова, 1907—1908.

Т. I. 1907. XLVI, 828, V стб.

Т. II. 1908. 908, III стб.

1-е изд.: Спб., 1898.

48. Избранные сочинения. Изд. 2-е. Спб., изд. «Экономия», [1909]. 494 с.

49. Литературные мечтания. Элегия в прозе. Полное изд. с портр. автора и предисл. Киев, [1909]. 142 с. (Б-ка «Гонг». № 1—2).

50. А. С. Пушкин. Спб., А. С. Суворин, 1910. 406 с. (Дешевая б-ка).

51. Избранные сочинения. Классное изд. Под ред. В. Никольского. Спб., [1910]. (Всеобщая б-ка. №№ 91—98).

Вып. I. О поэзии. 82 с. (№ 91).

Вып. II. Русская литература от Ломоносова до Пушкина. 48 с. (№ 92).

Вып. III. А. С. Пушкин. 135 с. (№ 93—94).

Вып. IV. Н. В. Гоголь. 86 с. (№ 95).

Вып. V. М. Ю. Лермонтов. 106 с. (№ 96—97).

Вып. VI. Новая русская литература. Натуральная школа. Герцен. Гончаров. Тургенев. Григорович. 94 с. (№ 98).

— 2-е изд.: [1911—1913].

52. Избранные сочинения о Пушкине, Гоголе, Лермонтове и Кольцове. С портр. и автогр. Белинского. Под ред. и с вступ. статьей В. В. Сиповского. Спб., Я. Башмаков и К°, 1910. 208 с.

Рец.: Начальное обучение, 1911, № 5, с. 155—57 (А. Рождествин).

*53. А. С. Пушкин. Евгений Онегин. Со вступ. статьей и прим. Иванова-Разумника. Спб., М. М. Стасюлевич, 1911. (Ист.-лит. б-ка. Под ред. Иванова-Разумника. № 39).

Рец.: Рус. школа, 1911, № 12, отд. III, с. 13—15 (А. Налимов); Рус. вед., 1911, № 42, 22 февр. (П. Н. Сакулин).

54. Миросозерцание Белинского. Хрестоматия из сочинений Белинского. С вступ. заметками и статьей П. Когана. М., В. И. Знаменский и К°, 1911. XIX, 269 с.

55. Собрание сочинений. Под ред. Н. Д. Носкова. С жизнеописанием писателя, портр., рис., относящимися к его жизни, и с 25 отд. портр. рус. писателей. Спб.— М., т-во М. О. Вольф, 1911. XXXII, 1766, IV стб.

Рец.: Пед. сборник, 1911, № 5, отд. III, с. 619—21 (Н. Саввин).

56. Статьи о Державине. Со вступ. статьей и прим. Иванова-Разумника. Спб., М. М. Стасюлевич, 1911. XV, 123 с. (Ист.-лит. б-ка. Под ред. Иванова-Разумника).

Рец.: Ежемес. лит. и попул.-науч. прил. к «Ниве», 1911, № 7, с. 463; Рус. школа, 1911, № 12, отд. III, с. 13—15 (А. Налимов); Школа и жизнь, 1911, № 23, 6 июня (С. Ш. [С. Штрайх]).

* 57. Статьи о Державине. С прил. биографии Державина, библиогр. указателя литературы о Державине и списка тем для самостоят. работ по его сочинениям. Вильна, Сев.-зап. кн-во, 1911.

*58. Статьи о Жуковском. С прил. биографии Жуковского, библиогр. указателя литературы о Жуковском и списка тем для самостоят. работ по его сочинениям. Вильна, Сев.-зап. кн-во, 1911.

59. Статьи о Кольцове. С прил. библиогр. указателя литературы о Кольцове и списка тем по его сочинениям. Вильна, Сев.-зап. кн-во, 1911. 67 с. (Лит. б-ка. № 4).

60. Статьи о Лермонтове. Со вступ. статьей и прим. Иванова-Разумника. Спб., М. М. Стасюлевич, 1911. XXVIII, 265 с. (Ист.-лит. б-ка. Под ред. Иванова-Разумника. № 76).

Рец.: Ежемес. лит. и попул.-науч. прил. к «Ниве», 1911, № 7, с. 463; Рус. школа, 1911, № 12, отд. III, с. 13—15 (А. Налимов); Рус. вед., 1911, № 42, 22 февр. (П. Н. Сакулин); Школа и жизнь, 1911, № 23, 6 июня (С. Ш. [С. Штрайх]).

61. Статьи о Лермонтове. С прил. биографии Лермонтова, библиогр. указателя литературы о Лермонтове и списка тем для самостоят. работ по его сочинениям. Вильна, Сев.-зап. кн-во, 1911. 168 с.

62. Статьи о Пушкине. Со вступ. статьей и прим. Иванова-Разумника. Спб., М. М. Стасюлевич, 1911. (Ист.-лит. б-ка. Под ред. Иванова-Разумника. № 74—75).

Ч. I. LIV, 330 с. (№ 74).

Ч. II. 469 с. (№ 75).

Рец.: Ежемес. лит. и попул.-науч. прил. к «Ниве», 1911, № 7, с. 463; Рус. школа, 1911, № 12, отд. III, с. 13—15 (А. Налимов); Рус. вед., 1911, № 42, 22 февр. (П. Н. Сакулин); Школа и жизнь, 1911, № 23, 6 июня (С. Ш. [С. Штрайх]).

63. Статьи о Пушкине. I—IV.— От Ломоносова до Пушкина. М., [1911]. 262 с. (Универс. б-ка. № 525—526).

— 2-е изд.: 1913.

— 3-е изд.: [1916].

64. Статьи о Пушкине. V—XI. А. С. Пушкин. С указателем авторов и произведений Пушкина, упоминаемых в статьях I—XI. М., [1911]. 394 с. (Универс. б-ка. № 527—529).

— 2-е изд.: 1914.

— 3-е изд.: [1916].

65. Статьи о русской литературе. Со вступ. статьей и прим. Иванова-Разумника. Спб., М. М. Стасюлевич, 1912. XXVII, 293 с. (Ист.-лит. б-ка. Под ред. Иванова-Разумника. № 72).

66. Статьи о Гоголе. Со вступ. статьей и прим. Иванова-Разумника. Спб., М. М. Стасюлевич, 1913. XXII, 87 с. (Ист.-лит. б-ка. Под ред. Иванова-Разумника. № 77).

67. Избранные сочинения. Ред. А. К. Бороздина. Спб., М. М. Стасюлевич, 1914. (Образовательная б-ка изд. «Огни». Серия I. Русские критики).

Ч. I. XXXI, 212 с.

Ч. II. 190 с.

68. Собрание сочинений. Под ред., с критико-биогр. очерком и прим. В. Г. Голикова. С портр. и рис. Спб., изд. «Вестник знания», 1914.

Т. I. 378 с.

* Т. II.

69. Собрание сочинений. В 6-ти т. С портр. Белинского и вступ. статьей Вяч. Егорьева. М., изд. «Живое слово», 1914. (Б-ка журн. «Живое слово»).

Т. I. Кн. I—III. XLV, 421 с.

Т. II. Кн. IV—VII. 44 с.

Т. III. Кн. VIII—X. 408 с.

70. Общий взгляд на народную поэзию и ее значение. Харьков, изд. «Вольная мысль», 1918. 14 с.

71. Басни Ивана Крылова.— Стихотворения Аполлона Майкова.— Петербургский сборник.— О жизни и сочинениях Кольцова. М.—Пг., Гос. изд., 1923. 176 с. (Классики рус. лит-ры. № 63).

72. «Горе от ума». Вступ. статья И. Н. Кубикова. М.—Пг., Гос. изд., 1923. XXXI, 99 с. (Классики рус. лит-ры. № 64).

73. Критические статьи —«Герой нашего времени».— Стихотворения Лермонтова. М.—Пг., Гос. изд., 1923. 227 с. (Классики рус. лит-ры. № 62).

74. Сочинения Александра Пушкина. Вступ. статья И. Н. Кубикова. М.—Пг. Гос. изд., 1923. (Классики рус. лит-ры. № 66—68).

Вып. I. (Статьи 1-я и 2-я). 184 с. (№ 66).

Вып. II. (Статьи 3-я, 4-я и 5-я). 191 с. (№ 67).

Вып. III. (Статьи от 6-й до 11-й). 317 с. (№ 68).

75. Статьи о Гоголе. М.—Пг., Гос. изд., 1923. 150 с. (Классики рус. лит-ры. № 65).

76. Избранные статьи.— В кн.: Белинский В. Г., Чернышевский Н. Г., Добролюбов Н. А. Избранные литературно-критические статьи. Сталингр., 1939, с. 5—98.

77. Избранное. Подготовка текста и вступ. статья А. С. Мясникова. М., ОГИЗ—ГИХЛ, 1943. 56 с.

78. О Крылове. Сборник статей и высказываний. Сост. К. М. Малышева. М., ГИХЛ, 1944. 71 с.

На с. 3—7: А. Лаврецкий. Крылов в оценке Белинского.

Рец.: Октябрь, 1945, № 1—2, с. 170.

79. Идея искусства.— Письмо Н. В. Гоголю.— Взгляд на русскую литературу 1847 г. М., изд. Высш. парт. школы при ЦК ВКП(б), 1947. 103 с.

80. Избранные произведения. Минск, Гос. изд. БССР, 1947. 310 с.

81. Белинский о драме и театре. Избранные статьи и высказывания. Подгот. книги и вступ. статья Б. А. Островской. Коммент. М. Б. Загорского. Общ. ред. А. М. Лаврецкого. М.—Л., изд. «Искусство», 1948. 540 стр.

Вступ. статья Б. Островской: Белинский — театральный критик, с. 5—14.— М. Загорский: Белинский и театральная критика его эпохи, с. 467—485.

82. Избранное. Ред. И. В. Сергиевский. Молотовгиз, 1948. 396 с.

Вступ. статья И. В. Сергиевского: Виссарион Григорьевич Белинский, с. 3—21.

83. О классиках русской литературы. Сост. А. Н. Дубовиков. М.—Л., Детгиз, 1948. 360 с. (Школьная б-ка).

[2-е изд.]: М.—Л., Детгиз, 1950. 360 с.

Вступ. статья А. Н. Дубовикова: Великий русский критик-демократ, с. 5—30.

84. А. И. Герцен в русской критике. Сборник статей. Вступ. статья и прим. В. Путинцева. М., Гослитиздат, 1949, с. 49—66.

85. В. Г. Белинский о Гоголе. Статьи, рецензии, письма. Ред., вступ. статья и коммент. С. Машинского. М., Гослитиздат, 1949. 512 с.

Вступ. статья С. Машинского: Белинский о Гоголе, с. 3—25.

86. Избранные статьи. Л., Ленингр. газ.-журн., и книж. изд., 1949. 582 с. (Б-ка школьника).

Прим. Г. М. Фридлендера, с. 565—81.

87. Сочинения Александра Пушкина. Пред. В. Щербины. Подготовка текста, прим. и словарь М. Полякова. М.—Л., Детиздат, 1949. (Школьная б-ка). 383 с.

Вступ. статья В. Щербины: Белинский и Пушкин, с. 5—22.

88. А. С. Пушкин в русской критике. Сборник статей. Вступ. статья и прим. В. Дорофеева и Г. Черемина. М., Гослитиздат, 1950, с. 3, 7—26, 47—434, 611—50.

ОТДЕЛЬНЫЕ ИЗДАНИЯ «ПИСЬМА К ГОГОЛЮ»

*88а. Письмо к Н. В. Гоголю. Без места изд., 1899. 14 с.

89. Письмо к Гоголю. С предисл. С. А. Венгерова. Спб., изд. «Светоч», 1905. 22 с. (Избр. произведения полит. лит-ры. № 2).

— 2-е изд.: 1906.

Рец.: Былое, 1906, № 5, с. 294—96 (В. Богучарский); Весы, 1906, № 2, с. 78—79 (А. Бачинский); Мир божий, 1906, № 1, отд. II, с. 106 (М. Л.); Рус. мысль, 1906, № 1, отд. III, с. 11; Рус. вестник, 1906, № 3, с. 254—64 (Н. Я. Стародум).

90. Письмо В. Белинского к Н. Гоголю. Спб., В. Яковенко, 1905. 16 с.

91. Письмо В. Белинского к Н. Гоголю. М., изд. «Идея», 1914. 16 с.

92. Письмо к Гоголю. Предисл. П. С. Когана. М., изд. «Красная новь», 1923. 28 с.

Рец.: Книгоноша, 1923, № 7, с. 7 (В. Ф.).

93. Письмо к Гоголю. Ред., предисл. и прим. Н. Ф. Бельчикова. М., изд. «Худож. лит-ра», 1936. 30 с.

Рец.: Лит. обозр., 1936, № 13—14, с. 72—74 (А. Лаврецкий); Правда, 1936, № 160, 12 июня (В. Жданов); Что читать, 1936, № 1, с. 46 (А. Малинкин).

94. Письмо к Гоголю. Ред., послесловие и прим. Ф. М. Головенченко. М., ОГИЗ — ГИХЛ, 1947. 32 с. (Массовая серия).

НОВЫЕ ТЕКСТЫ БЕЛИНСКОГО *

95. Сакулин П. Н. Неизвестная статья В. Г. Белинского.— Известия Отд. рус. яз. и словесности Акад. Наук, 1911, т. XVI, кн. 3, с. 155—68.

Доказательство принадлежности Белинскому вступления к «Физиологии Петербурга». Ч. 1. Спб. 1845 (с цитатами).

Отд. изд.: Спб., 1912. 14 с.

96. Иванов-Разумник Р. В. Неизвестная статья Белинского.— Рус. вед., 1911, № 122, 29 мая.

Вошло в кн. авт.: 1) Собр. соч. Т. III. Спб., [1912], с. 138—47; 2) Сочинения. Т. V. Пг., 1916, с. 237—45.

Доказательство принадлежности Белинскому статьи «Руководство к всеобщей истории. Сочинение Ф. Лоренца. Ч. I. Спб. 1841».— [Из «Отеч. зап.», 1842, № 4].

97. Лернер Н. О. Неизданные страницы Белинского о России и Петре Великом.— Сев. записки, 1915, № 4, с. 112—29.

Выброшенные цензурой места из статьи Белинского «Деяния Петра Великого... Голикова»—[Из «Отеч. зап.», 1841, № 5].

98. Бродский Н. Л. Неизвестная статья Белинского.— Печать и революция, 1923, № 4, с. 9—25.

Текст статьи:

Иван Андреевич Крылов.—[Из «Отеч. зап.», 1845, № 2].

99. Новые тексты [Белинского].— В кн.: Венок Белинскому. Новые страницы, речи, исследования, материалы. Ред. Н. К. Пиксанова. М., 1924, с. 5—48.

Тексты рецензий на кн.:

Оборона Летописи Русской Нестеровой от навета скептиков. Санктпетербург. 1840. В тип. имп. Российской Академии. В 8-ю д. л. VI, 462 и LXV стр. Публ. В. С. Спиридонова.— [Из «Отеч. зап.», 1840, № 8]. С. 5—10.

Руководство к всеобщей истории. Сочинение Фридриха Лоренца. Ч. I. Санктпетербург. 1841. Публ. Н. К. Пиксанова — [Из «Отеч. зап.», 1842, № 4]. С. 11—24.

История Малороссии. Николая Маркевича. Москва. 1842. Четыре тома. Публ. В. С. Спиридонова.— [Из «Отеч. зап.», 1843, № 5]. С. 27—48.

100. Будков П. Е. Неизвестные строки Белинского.— Современник, 1925, кн. I, янв., с. 151—61.

Текст статей:

Русский театр в Петербурге.— [Из «Отеч. зап.», 1840, № 12 и 1841, № 2].

101. Путинцев А. М. Неизвестные статьи Белинского эпохи «Современника».— Наступление, Смоленск, 1935, № 10, с. 71—86.

Тексты рецензий на кн.:

Еврейские религиозные секты в России. Составлено В. В. Григорьевым. Спб. 1847.— [Из «Современника», 1847, № 4].

Жизнь древних римлян (от основания Рима до Константина Великого). Профессора Гриневича. Одесса, 1846.— [Из «Современника», 1847, № 4].

Шекспир. С английского Н. Кетчера. Выпуск четырнадцатый. «Все хорошо, что хорошо кончилось». Москва. 1846 г. — [Из «Современника», 1847, № 4].

Самоеды в домашнем и общественном быту. Владимира Иславина. Спб. 1847.— [Из «Современника», 1847, № 3].

Рец.: Лит. наследство, т. 57, 1951, с. 545—546 (Л. Ланский).

102. Спиридонов В. С. Неопубликованные рецензии Белинского.— Резец, 1935, № 9, с. 15—16.

---

* №№ 95, 96, 98, 99, 101—107, 109, 119 — вошли в XII и XIII тома Полн. собр. соч. Белинского.

Тексты рецензий на кн.:

Три мушкетера. Роман Александра Дюма. Перевод с французского. Спб. 1846. Восемь частей.— Двадцать лет спустя. Продолжение Трех мушкетеров. Роман Александра Дюма. Спб. 1846—1847. Двенадцать частей.— [Из «Современника», 1847, № 5].

Дон Жуан. Поэма лорда Байрона. Перевод Н. Жандра. Санктпетербург. 1846.

Очерки Рима. Аполлона Майкова. Спб. 1847.

Источники текста при публикации не указаны.

102а.— Белинский о Щепкине. (Неизвестная статья Белинского).— Резец, 1936, № 11, с. 19—20.

Текст статьи:

Александрынский театр. Щепкин на петербургской сцене.— [Из. «Лит. газ.», 1844, № 44, 9 нояб.].

103.— Из неизданного наследия Белинского.— Октябрь, 1936, № 6, с. 171—83.

Тексты рецензий на кн.:

Очерки русской литературы. Сочинение Николая Полевого. 1839. Санктпетербург. В тип. Сахарова. Две части. В 8-ю д. л. В I части — 466; во II — 510 стр.— [Из «Лит. газ.», 1840, № 8].

Герой нашего времени. Сочинение М. Лермонтова. С.-Петербург. В тип. Ильи Глазунова. 1840. В 12-ю д. л. В 2-х частях. В I части — 173, во II — 250 стр.— [Из «Лит. газ.», 1840, № 42].

Краткое руководство к познанию изящных искусств, основанных на рисунке, составленное В. Лангером. Санктпетербург. 1841. В тип. Гинца. В 8-ю д. л. 294 стр.— [Из «Отеч. зап.», 1842, № 2].

Герой нашего времени. Сочинение М. Лермонтова. Издание третье. С.-Петербург. В типографии Глазунова. 1843. В 12-ю д. л.— [Из «Лит. газ.», 1844, № 11].

Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная. Издание шестое, исправленное. Санктпетербург. В тип. имп. Академии Наук. 1844. В 8-ю д. л. 355 и XVI стр.—[Из «Отеч. зап.», 1844, № 8].

Народные славянские рассказы, изданные И. Боричевским. Санктпетербург. В тип. Морского корпуса. 1844. В 12-ю д. л. 244 стр.—Краснобай, или дедушка Тарас рассказать горазд. Русские сказки. Санктпетербург. 1844. В тип. Губернского правления. В 16-ю д. л. 147 стр.—[Из «Отеч. зап.», 1844, № 8].

104.— Неизвестная рецензия В. Г. Белинского.— Рабочий и театр, 1936, № 10, с. 20—22.

Тексты рецензий на кн.:

1. Репертуар русского театра, издаваемый И. Песоцким. Санкт-Петербург. В тип. А. Плюшара. 1840. Книжки 1 и 2, за январь и февраль.— 2. Пантеон русского и всех европейских театров. Части I и II. Издание книгопродавца В. Полякова. Санкт-Петербург. В тип. А. Плюшара.— [Из «Лит. газ.», 1840, № 17].

105.— Неизвестная статья Белинского.— Лит. современник, 1936, № 5, с. 197—216.

Текст статьи:

Современные заметки.— [Из «Современника», 1847, № 5].

106.— Неизвестная статья Белинского.— Лит. газ., 1936, № 33, 10 июня.

Текст рецензии на кн.:

Гамлет. Трагедия В. Шекспира в переводе А. Кронеберга. Харьков. В университетской типографии. 1844. В 8-ю д. л. 220 стр.—[Из «Лит. газ.», 1844, № 32].

107.— Неизвестные статьи и рецензии Белинского.— Красная новь, 1936, № 7, с. 192—216.

Тексты статей и рецензий на кн.:

Речи, произнесенные в торжественном собрании имп. Московского университета 11 июня 1838 г. Москва. 94/4.— [Из «Моск. наблюдателя», 1838, май, кн. 2].

Общая реторика Н. Кошанского. Издание шестое. С.-Петербург. В тип. Минист. внутр. дел. 1839. В 8-ю д. л. 130 стр.—[Из «Лит. прибавлений к Рус. инвалиду», 1839, № 17].

О развитии изящного в искусствах и, особенно, в словесности. Сочинение Михаила Розберга, доктора философии и пр. Дерпт. В тип. наследников Линдфорса. Издание второе. 1839. В 12-ю д. л. XIV и 65 стр.— [Из «Лит. прибавлений к Рус. инвалиду», 1839, № 17].

Очерки из портфеля ученика натурного класса. Тетрадь первая. Мещанин. Посвящено Грыцьку Основьяненку А. Башуцким. Две части. Отд. корп. внутр. стражи. В 12-ю д. л. В I-й части — XV, 273; во II-й — 339 стр.— [Из «Лит. газ.», 1840, № 33].

О Ганнемане и гомеопатии. Прагматическое сочинение Семена Вольского и пр. Три части. С.-Петербург. 1840. В тип. Е. Фишера. В 8-ю д. л. В I-й части — VI, XXVI, 85; во II-й ч.— XIII, 189; в III-й — 136 и 18 стр — [Из «Лит. газ.», 1840, № 33].

Журналистика.— [Из «Лит. газ.», 1840, № 64].

Журналистика.— [Из «Лит. газ.», 1841, № 24].

Литературные и журнальные заметки.— [Из «Отеч. зап.», 1845, № 5].

Басни И. А. Крылова в XI книгах, с биографиею, писанною П. А. Плетневым. Второе полное издание. Спб. 1847.— [Из «Современника», 1847, № 12].

108.— Кто же был автор второй статьи о «Воспоминаниях Фаддея Булгарина»: Белинский или Некрасов? — Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. Покровского. Факультет языка и литературы. Вып. 1. 1938, с. 78—85.

Доказательство принадлежности статьи Белинскому.— [Из «Отеч. зап.», 1846, № 5].

109.— Неизвестная статья В. Г. Белинского.— Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. Покровского. Факультет языка и литературы. Вып. 1. 1938, с. 38—60.

Текст статьи:

Взгляд на главнейшие явления русской литературы в 1843 году. (Статья первая). (Статья вторая и последняя).— [Из «Лит. газ.», 1844, №№ 1 и 2].

Статья первая предварительно опубликована В. С. Спиридоновым в Лит. газ., 1938, № 31, 5 июня.

110. — Неизвестная рецензия Белинского о «Кобзаре».— Лит. газ., 1939, № 13, 5 марта.

Текст рецензии на кн.:

Кобзарь Т. Шевченко. С.-Петербург. 1840. В 12 д. л. 114 стр. (С картинкою).— [Из «Отеч. зап.», 1840, № 5].

111. Серебровская Е. Белинский о национальном театре.— Совет эдебияты, Ашгабат, 1943, № 12, с. 108—13.

Текст заметки:

Московские записки. (Новая комедия Гоголя).— [Из «Молвы», 1836, № 11].

112. Поляков М. Я. Неизвестные статьи молодого Белинского — Лит. газ., 1944, № 6, 9 дек.

Доказательство принадлежности Белинскому статьи о «Библиотеке для чтения».— [Из «Молвы», 1834, № 8 и 10].

113. Спиридонов В. С. Неизвестная статья Белинского.— Звезда, 1944, № 5—6, с. 130—35.

Текст статьи:

Отзывы французских журналов о Гоголе.— [Из «Отеч. зап.», 1846, № 1].

114. Поляков М. Я. Неизвестные рецензии молодого Белинского.— Театр, 1945, № 3—4, с. 74—79.

Тексты статей:

Московские записки.— [Из «Молвы», 1836, ч. XI].

Театральная хроника.— [Из «Молвы», 1836, ч. XI].

Театральная хроника. (Письмо издателю).— [Из «Молвы», 1834, ч. VII].

115. Гин М. М. Новонайденные рецензии Некрасова.— Науч. бюлл. Ленингр. гос. ун-та, 1947, № 16—17, с. 19.

Доказательство принадлежности Некрасову статьи «Музей современной иностранной литературы», ранее приписываемой Белинскому.— [Из «Современника», 1847, № 4].

116. Белинский о книгах для народа. (Неизвестная статья В. Г. Белинского о народной энциклопедии).— Сталинское знамя, Пенза, 1948, № 117, 13 июня.

Текст рецензии на кн.:

Повесть о приключении Английского Милорда Георга и о Бранденбургской маркграфине Фридерике Луизе [...] Москва. В тип. Ив.Смирнова.1840 [...] История о храбром Рыцаре Францыле Венциане и о прекрасной Королеве Ренцывене. Издание второе. Москва. В тип. Ив. Серикова. 1840 [...] Балакирева полное собрание анекдотов шута, бывшего при дворе Петра Великого. Издание 2-е. В пяти частях (!!!). Москва. В тип. Кирилова. 1840 [...] Народный русский песенник. В двух частях. Москва. В тип. И. Смирнова. 1840.— [Из «Лит. газ.», 1840, № 41, 21 мая].

117. Вновь открытые тексты Белинского. Пред. от редакции. Публикации К. Богаевской, В. Жирмунского, Ю. Масанова, С. Машинского, Н. Мордовченко, Э. Найдича, М. Полякова, Н. Соколова и В. Спиридонова.— Лит. наследство, т. 55, 1948, с. 287—406.

Тексты статей и рецензий:

Рассуждение П. Л. Доброе воспитание всего нужнее для молодых людей. Публ. Н. Мордовченко.— (По автографу ИРЛИ). С. 291—97.

Литературные известия (О «Грамматике» г. Калайдовича). Публ. В. Спиридонова.— [Из «Молвы», 1834, ч. VIII, № 46]. С. 297—98.

Извещение от редакции «Телескопа» и «Молвы». Публ. В. Спиридонова.— [Из «Молвы», 1835, ч. IX, № 24—26]. С. 298—99.

Литературная новость. «Живописное обозрение», издаваемое г. Семеном. Публ. В. Спиридонова.— [Из «Молвы», 1835, ч. IX, № 24—26]. С. 300—05.

[Примечание к публикации перевода «Венецианского купца» Шекспира]. Публ. М. Полякова.— [Из «Отеч. зап.», 1839, № 9]. С. 305—07.

Рец.: Лит. наследство, т. 57, 1951, с. 538—40 (Б. Белов).

Пантеон русского и всех европейских театров. Часть II. Редактор Ф. А. Кони. Публ. Ю. Масанова.— [Из «Отеч. зап.», 1840, № 6]. С. 307—11.

Византийские легенды: Иоанн Цимисхий. Быль X века. Соч. Н. Полевого. Москва, 1841. Две части. Публ. Ю. Масанова.— [Из «Лит. газ.», 1841, № 40, 15 апр.]. С. 311—15.

Москве Благотворительной Ф. Глинки. Москва. В тип. Н. Степанова. В 4-ю д. л. 2 стр. Публ. Н. Соколова.— [Из «Отеч. зап.», 1841, № 7]. С. 315—21.

Журналистика. [О журнале «Библиотека для чтения»]. Публ. Ю. Масанова.— [Из «Лит. газ.», 1841, № 77, 12 июля]. С. 321—29.

История Петра Великого. С 500 оригинальными рисунками, гравированными в Лондоне. Издание Ф. И. Эльснера. Санктпетербург, 1841. В тип. Карла Крайя. В 8-ю д. л. Выпуск I. 32 стр.; выпуск II. 33—64 стр.; вып. III. 32 стр.; вып. IV. Публ. Ю. Масанова.— [Из «Отеч. зап.», 1841, № 12; 1842, №№ 1, 3 и 4]. С. 329—37.

Библиографические и журнальные известия. Публ. Ю. Масанова.— [Из «Отеч. зап.», 1842, № 2]. С. 337—42.

Сочинения Гете. Выпуск I. Санктпетербург. В тип. Ильи Глазунова и К°. 1842; выпуск II. Публ. В. Жирмунского.— [Из «Отеч. зап.», 1842, №№ 3 и 6]. С. 342—50.

Жизнь и приключения Робинсона Крузо, описанные им самим, соч. Д. Дефо. Новый перевод с английского П. А. Корсакова. Издание, украшенное 200 рисунками Гранвиля. Санктпетербург. В тип. Фишера. 1842. 160 стр. В 8-ю д. л. Выпуск первый; выпуск второй. 161—320 стр. Публ. С. Машинского.— [Из «Отеч. зап.», 1842, №№ 8 и 9]. С. 351.

Литературные и журнальные заметки. [О «Робинзоне Крузо» Д. Дефо]. Публ. С. Машинского.— [Из «Отеч. зап.», 1842, № 12]. С. 352—59.

История Государства Российского. Сочинение Н. М. Карамзина. Издание пятое[...]. Санктпетербург. В тип. Э. Праца. 1842. Публ. Ю. Масанова.— [Из «Отеч. зап.», 1842, № 12]. С. 359—61.

Герман и Доротея. Поэма в IX песнях великого германского писателя Гете. Перевел Ф. Арефьев. Москва. В тип. С. Селивановского. 1842. В 12-ю д. л. 155 стр. Публ. В. Жирмунского.— [Из «Отеч. зап.», 1843, № 1]. С. 361—63.

[Примечание к первой публикации «Измаил-бея» Лермонтова]. Публ. Э. Найдича.— [Из «Отеч. зап.», 1843, № 3]. С. 363—64.

Библиографические и журнальные известия. Публ. В. Спиридонова.— [Из «Отеч. зап.», 1843, № 8]. С. 364—66.

Учебная книга русской словесности или избранные места из русских писателей в прозе и стихах. С присовокуплением правил риторики и пиитики и обозрение (?) истории русской литературы, изданная Н. Гречем. Издание третье исправленное и дополненное. Четыре части. Санктпетербург. В типографии К. Жернакова. 1844. В 8-ю д. л. 360, 316, 387 и 334 стр. Публ. В. Спиридонова.— [Из «Лит. газ.», 1844, № 49, 14 дек. и № 50, 21 дек.]. С. 367—84.

Ответ на Ответ г-на Д., помещенный в 3-м № «Москвитянина» 1846 года. Публ. К. Богаевской.— [Из «Отеч. зап.», 1846, № 5]. С. 385—406.

Рец.: Лит. наследство, т. 57, 1951, с. 543—44 (В. С. Спиридонов); Уч. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. Герцена. Кафедра рус. литературы, т. 87, 1949, с. 83—84 (Б. Папковский).

118. Мануйлов В. А. Лермонтов и Краевский.— Лит. наследство, т. 45—46, 1948, с. 377—79.

Предположение о принадлежности Белинскому рецензии — «Стихотворения М. Лермонтова. Санктпетербург. В типографии Глазунова и К°. 1843, в 12. Три части. С портретом автора».— [Из «Лит. газ.», 1843, № 9, 28 февр. С приведением почти всего текста].

119. Мордовченко Н. И. Неизвестная заметка В. Г. Белинского «Великолепное издание „Дон Кихота“». [Из «Моск. наблюдателя», 1838, апр., кн. 2].— В сб.: Сервантес. Статьи и материалы. Л., 1948, с. 39—43.

120. О некоторых текстах, входящих в собрание сочинений Белинского. 1. Мнимые рецензии Белинского в «Современнике».— Сообщение В. И. Кулешова. [О принадлежности А. В. Никитенке рецензий на «Полное собрание сочинений И. Крылова» и кн. «Жизнь и сочинения И. А. Крылова. Соч. академика Михаила Лобанова». 1847 г.]. 2. По поводу трех рецензий Белинского в «Отечественных записках».— Сообщение Леонида Ланского. [Опровержение принадлежности Белинскому рецензий на кн.: «Способ к распространению шелководства» Я. Юдицкого, «Собрание рецептов парижских больниц... Соч. Ф. С. Ратье» (вторая половина) и отзыв о переводе на франц. яз. «Чернеца» Козлова 1839 г.].— Лит. наследство, т. 55, 1948, с. 407—12.

121. Кийко Е. И. Неизвестная статья В. Г. Белинского.— В сб.: Белинский. Статьи и материалы. Л., 1949, с. 11—39.

Текст статьи:

Московский литературный и ученый сборник на 1847 год. Москва. 1847.— [Из «Современника», 1847, № 6].

Рец.: Лит. наследство, т. 57, 1951, с. 546—48 (В. Кулешов).

121а. Неизвестные страницы Белинского. I. Рецензии в «Отечественных записках» и «Литературной газете». Публ. Л. Ланского.— II. Рецензии в «Современнике». Публ. Е. Кийко.— Лит. наследство, т. 56, 1950, с. 3—50.

Тексты заметок и рецензий на кн.:

Полина. Соч. Александра Дюма. Пер. с франц. Александр Шубяков. Москва. В тип. Н. Степанова. 1839.— [Из «Отеч. зап.», 1839, № 8]. С. 6—14.

Несчастная. Роман из начала (?!...) царствования имп. Екатерины Алексеевны II. XVIII века. В двух частях [...] Бородинское поле, или смерть за честь. Исторический роман [...] Ротмистр Чернокнижник или Москва в 1812 году. Роман из походных записок артиллерийского полковника. Москва. В тип. Н. Степанова. 1839. Три части.—[Из «Отеч. зап.», 1839, № 8]. С. 15—18.

Лекарство от задумчивости и бессонницы, или собрание настоящих русских сказок. Москва. В тип. И. Смирнова. 1839. В 12-ю д. л.—[Из «Лит. газ.», 1840, № 4, 13 янв.]. С. 18—19.

Недоросль. Комедия в пяти действиях. Изд. А. Кузнецова. Москва. В тип. И. Смирнова. 1839.— [Из «Лит. газ.», 1840, № 4, 13 янв.]. С. 19—20.

Epître en vers au prince de Varsovie comte Paskewitch d'Erivan. 1826—1831. Par le prince Nicolas Galitzin. St. Pétersbourg [...] 1839. В 8-ю д. л. 13 стр.— [Из «Отеч. зап.», 1840, № 1]. С. 20.

Borodino. Inspiration au pied de monument élévé en mémoire de la bataille du 26 août 1812. Par un vétéran de l'année 1812. St. Pétersbourg [...] 1839.— [Из «Отеч. зап.», 1840, № 1]. С. 21—22.

Тоска по родине. Повесть. Соч. М. Н. Загоскина. Две части. Москва. В тип. Н. Степанова. В 12-ю д. л.— [Из «Лит. газ.», 1840, № 5, 17 янв.]. С. 22—23.

Песнь об ополчении Игоря, сына Святославова, внука Олегова. Переложение Михаила Де Ла Рю. Одесса [...] 1839.— [Из «Лит. газ.», 1840, № 7, 24 янв.]. С. 23 — 24.

Поправка. — [Из «Лит. газ.», 1840, № 13, 14 февр.]. С. 24.

Прекрасный, (запятая!) молодой человек. Роман Поль-де-Кока. С портретом автора. Санкт-Петербург. 1840. В тип. К. Вингебера и Сычева. В четырех частях.— [Из «Лит. газ.», 1840, № 16, 24 февр.]. С. 24—26.

[От редакции].— [Из «Лит. газ.», 1840, № 24, 23 марта]. С. 26—27.

Повести Марьи Жуковой. Суд сердца. Самопожертвование. Падающая звезда. Мои курские знакомцы. С.-Петербург. В Гутенберговой тип. 1840. Две части.— [Из «Лит. газ.», 1840, № 26, 30 марта]. С. 27—30.

Три песни патриота. С.-Петербург. В тип. III-го Отделения Депар. Минист. Госуд. Имущ. 1840.— [Из «Лит. газ.», 1840, № 32, 20 апр.]. С. 30.

Молодая сибирячка. Истинное происшествие. Пер. с франц. А. Попова. С.-Петербург. В тип. К. Крайя. 1840.— [Из «Лит. газ.», 1840, № 35, 1 мая]. С. 30—32.

Жизнь Виллльяма Шекспира, английского поэта и актера [...] Москва. В тип. Н. Степанова. 1840.— [Из «Лит. газ.», 1840, № 51, 26 июня]. С. 32—34.

Сочинения в стихах и прозе Дениса Давыдова, в трех частях. Второе изд., исправл. и доп. [Спб. 1840].— [Из «Лит. газ»., 1840, № 69, 28 авг.] С. 34—36.

Сицкий, капитан Фрегата. Соч. князя Н. Мышицкого. Три части. Спб. 1840. — [Из «Лит. газ.», 1840, № 93, 20 ноября]. С. 37—38.

Тридцать лет (,) или жизнь игрока. Драма в трех действиях. Соч. Виктора Дю-Ганжа и Дино. Пер. с франц. Изд. второе. Санкт-Петербург. В тип. И. Глазунова и К°. 1840.— [Из «Отеч. зап.», 1841, № 2]. С. 38.

Журнальные и литературные заметки.— [Из «Отеч. зап.», 1842, № 8]. С. 38—42.

Твардовский. Повесть, взятая из польских народных преданий. Иосифа-Игнатия Крашевского. Три части. Изд. второе. Спб. 1847.— [Из «Современника», 1847, № 11]. С. 43—47.

Путешествие вокруг света, изд. О. Студитским. Южная Америка и Антильские острова [...] Спб. 1848.— Григорий Александрович Потемкин. Историческая повесть для детей. Соч. П. Фурмана. В двух частях [...] Спб. 1848.— [Из «Современника», 1848, № 1]. С. 48.

Александр Васильевич Суворов-Рымникский. Историческая повесть для детей. Соч. П. Фурмана. Две части. Спб. 1848.— Саардамский плотник. Повесть для детей. Соч. П. Фурмана. Две части. Спб. 1847.— [Из «Современника», 1848, № 3]. С. 49—50.

В предисловии к публикации «Неизвестные страницы Белинского» Л. Ланским приписываются Белинскому след. рецензии:

1. «Прогулки по 12 губерниям» П. Сумарокова («Отеч. зап.», 1839, № 12); 2. «Месяцеслов на високосный 1840 г.» («Лит. газ.», 1840, № 1 от 3 янв.); 3. «Памятная книжка на 1840 г.» («Лит. газ.», 1840, № 3 от 10 янв.); 4. «Вдовец и его сын» В. Писчикова («Лит. газ.», 1840, № 4 от 13 янв.); 5. «Подарок на новый год. Две сказки Гофмана для больших и маленьких детей» («Лит. газ.», 1840, № 5 от 17 янв.); 6. «Детская библиотека, соч. девицы Тремадюр» («Лит. газ.», 1840, № 5 от 17 янв.); 7. «Разговоры Эмилии о нравственных предметах» («Лит. газ.», 1840, № 5 от 17 янв.); 8. «Миниатюрный альбом для детей» («Лит. газ.», 1840, № 5 от 17 янв.); 9. «Сцены в Москве в 1812 году» («Лит. газ.», 1840, № 6 от 20 янв.); 10. «Призвание женщины» («Лит. газ.», 1840, № 6 от 20 янв.); 11. «Михайловский театр» («Лит. газ.», 1840, № 10 от 3 февр.); 12. «Подарок нашим детям» А. и С. Грен («Лит. газ.», 1840, № 14 от 17 февр.); 13. «Песни народные» М. Суханова («Отеч. зап.», 1841, № 1); 14. «Правосудие божие». И. Анца («Отеч. зап.», 1841, № 2);

15. «Переписка и рассказы русского инвалида», 2-е изд. («Отеч. зап.», 1841, № 2); 16. «Виолетта или феины сказки» («Отеч. зап.», 1841, № 2); 17. «История крестовых походов» Мишо («Отеч. зап.», 1842, № 1); 18. «Замоский, воевода Сандомирский» Г. («Отеч. зап.», 1842, № 2); 19. «Учебная книга всеобщей истории» И. Кайданова («Отеч. зап.», 1842, № 4); 20. «Опыт теории изящной словесности» М. Чистякова («Отеч. зап.», 1842, № 12); 21. «Всемирная история» К. Ф. Беккера («Отеч. зап.», 1844, № 1); 22. «Бернард Мопрат» Жорж Занда («Отеч. зап.», 1844, № 9); 23. «Литературные и журнальные заметки: Открытие памятника Карамзину» («Отеч. зап.», 1845, № 10); 24. «Новейшая грамматика» Я. Пожарского («Отеч. зап.», 1846, № 1).

121б. Ланский Л. Р. Программа «Московского наблюдателя». Неизвестный текст Белинского.— Лит. наследство, т. 57, 1951, с. 257—60.

121в. Трибуна. О некоторых рецензиях, приписанных Белинскому. Сообщения Б. Белова, К. Богаевской, Е. Кийко, В. Кулешова, Л. Ланского, Ю. Оксмана и В. Спиридонова.— Там же с. 537—68.

См. также №№ 1034, 1050.

ПЕРЕПИСКА БЕЛИНСКОГО

1. ПИСЬМА БЕЛИНСКОГО

122. Письма. 3 т. Ред. и прим. Е. А. Ляцкого. Спб., изд. «Огни», 1914.

Т. I. (1829—1839). VIII, 427 с.

Т. II. (1839—1843). 439 с.

Т. III. (1843—1848). 477 с.

Рец.: Голос минувшего, 1914, № 2, с. 264—65 (Н. Л. Бродский); Ежегодник имп. театров, 1915, с. 151—60 (Н. Н. Долгов); Заветы, 1913, № 12, отд. II, с. 184—86 (Р. В. Иванов-Разумник); Книга и революция, 1921, № 8—9, с. 120 (М. Л[емке]); Рус. мысль, 1914, № 6, отд. III, с. 18—20 (А. А. Корнилов); Рус. филолог. вестник, 1914, № 2, с. 611—12 (Н. П. Кашин); София, 1914, № 4, с. 89—92 (Б. А. Грифцов).

123. Три письма В. Г. Белинского к Н. М. Щепкину. (С неизд. портр. Белинского). М., изд. Л. Э. Бухгейма, 1914. 9 с.

Тексты писем: 1) 30 июля 1846 г.; 2) 9 сент. 1846 г.; 3) 5 марта 1847 г. Предисл. Л. Э. Бухгейма.

124. Письмо к М. А. Бакунину 14—15 авг. 1838 г. [Конец письма, не вошедший в «Письма» Белинского, под ред. Е. А. Ляцкого].— В кн.: Корнилов А. А. Молодые годы Михаила Бакунина. (Из истории рус. романтизма). М., 1915, с. 693—96.

125. Письмо к Ф. М. Достоевскому без даты [июнь 1845 г.] («Достоевский, душа моя (бессмертная) жаждет...»).— Голос минувшего, 1915, № 11, с. 21—22.

126. Письмо к Н. М. Сатину 1837 г. (Отрывок) («Отчаянный развратник и даже злодей...»).— В кн.: Герцен А. И. Полн. собр. соч. и писем. Под ред. М. К. Лемке. Т. VI. Пг., 1917, с. 166.

Из дела III Отд-ния о Н. М. Сатине 1849 г.

Вторичная публ.: Я. З. Черняк.— Красная новь, 1936, № 7, с. 231 (по подлиннику).

127. Письмо к В. П. Боткину 12 авг. 1838 г.— В кн.: Венок Белинскому. М., 1924, с. 51—55. — Прим. И. Л. Поливанова.

128. Письмо к В. П. Боткину 28 июня 1841 г.— Там же, с. 58—59.

Выброшенные цензурой места из текста опубл. в изд. под ред. Е. А. Ляцкого.— Прим. Н. К. Пиксанова.

129. Письмо к сестрам Бакуниным без даты [начало дек. 1837 г., коллективное с М. А. Бакуниным].— В кн.: Бакунин М. А. Собр. соч. и писем. Т. II. М., 1934, с. 76—77.

130. Письма к К. С. Аксакову без даты [14 июня и 23 авг. 1840 г.]. Подгот. к печати Р. П. Маторина.— В кн.: В. Г. Белинский и его корреспонденты. Под ред. Н. Л. Бродского. М., 1948, с. 23—25.

Первая полная публикация без цензурных пропусков.

131. Письмо к М. Н. Каткову без даты [янв. 1840 г.]. Подгот. к печати Н. Л. Бродский.— Там же, с. 27.

132. Письмо к П. Н. Кудрявцеву 26 марта 1846 г. Публ. В. Сорокина.— Лит. наследство, т. 55, 1948, с. 427—28.

133. Письмо к М. С. Куторге 30 дек. 1840 г. Публ. Н. И. Мордовченко.— Там же, с. 424.

134. Письмо к К. С. Аксакову в стихах без даты [весна — лето 1839 г.] («О Константин вероломный, коварный друзей забыватель!..»). Публ. Н. Г. Розенблюма.— Лит. наследство, т. 56, 1950, с. 84—86.

134а. Письмо к М. Н. Каткову и А. П. Ефремову 6 апр. 1842 г. Публ. К. Н. Григорьяна и Н. И. Мордовченко. — Там же, с. 75—80.

134б. Переписка Белинского с родными. 41 письмо Белинского 1829—1835 гг. и 127 писем к Белинскому 1829—1848 гг. Публ. А. В. Аскарянц, Л. Р. Ланского и Н. И. Мордовченко. Пред. и прим. Н. И. Мордовченко.— Лит. наследство, т. 57, 1951, с. 27—240.

Исправления текста писем Белинского и дополнения к ним.— См. в кн.: Рукописи и переписка В. Г. Белинского. Каталог. Сост. Р. П. Маторина. Под ред. Н. Л. Бродского. М., 1948, с. 11—20.

См. также № 1042.

2. ПИСЬМА К БЕЛИНСКОМУ

135. Аксаков К. С. Письма: без даты [авг.— окт. 1838 г.] («Нравится мне Германия...»); [начало 1840 г.] («Я давно уж получил письмо твое...»).— В кн.: А. С. Пушкин. А. Н. Островский. Западники и славянофилы. (Всесоюз. б-ка имени В. И. Ленина. Труды. Сб. IV). М., 1939, с. 202—07. Предисл. и прим. Е. Н. Коншиной.

136. Бакунин М. А. Проект письма 2 авг. 1836 г.; отрывок письма без даты [2-я половина авг. 1838 г.] («Любезный Виссарион, сейчас получил твое письмо...»); письмо без даты [сент. 1838 г.] («Живая, существующая женщина...»).— В кн.: Бакунин М. А. Собр. соч. и писем. М., 1934. Т. I, с. 332—33; т. II, с. 198, 203—04.

В т. II текст писем скомпонован на основании ответных писем Белинского.

137. Бакунина А. А. Письмо 11 сент. 1838 г.— В кн.: Корнилов А. А. Молодые годы Михаила Бакунина. М., 1915, с. 466—68.

138. Беер А. А. Письмо 3 янв. 1838 г.— Там же, с. 363—64.

138а. Боткин В. П. Письма: без даты [начало 1838? г.] («Нельзя ли тебе с Мишелем...»); 2 авг. 1838 г. Публ. Н. Г. Розенблюма.— Лит. наследство, т. 56, 1950, с. 82—84.

139. Боткин В. П. Письма: без даты [начало марта 1840 г.] («Не хотелось бы мне тебя огорчать...»), 31 окт. 1840 г. (с припиской В. И. Красова); 10 февр. (с припиской В. И. Красова), 31 марта, без даты [конец июня — начало июля] («Виссарион! О „Ричарде 2-м"...»), 18 июля 1841 г.; 27 марта, 18 апр., без даты [конец апр.] («Сим честь имею уведомить Вас...»), 17 сент. 1842 г.; без даты [конец марта 1843 г.] («Что делать, Виссарион, не успел...»); 6 июня, 6 авг., 20 сент. 1844 г.; 25 янв., 6 июля 1845 г.; 4 февр., 27 марта, 29 апр. 1847 г.— Лит. мысль. Альманах. II. Пг., 1923, с. 173—91. С прим. Н. В. Измайлова.

140. Боткин В. П. Письмо 22 апр. 1842 г.— В кн.: В пользу голодающих («Лепта Белинского»). М., 1892, с. 32—34.

141. Боткин В. П. Письмо 19 июля 1847 г.— В кн.: П. В. Анненков и его друзья. Лит. воспоминания и переписка 1835—1885 гг. Спб., 1892, с. 541—45.

142. Герцен А. И. Письмо 26 нояб. 1841 г.— В кн.: Герцен А. И. Полн. собр. соч. и писем. Под ред. М. К. Лемке. Т. II. Пг., 1915, с. 469—70.

142а. Герцен А. И. Письмо без даты [май 1842 г.] («Господь ведает откуда отрыл Шепелявый...»). Публ. Л. Р. Каплана.— Лит. наследство, т. 56, 1950, с. 80—82.

143. Гоголь Н. В. Письма: без даты [около 20 июня 1847 г.] («Я прочел с прискорбием статью Вашу...»), без даты [около 10 авг. 1847 г.] («С чего начать мой

ответ на Ваше письмо...»), 10 авг. 1847 г.— В кн.: Гоголь Н. В. Письма. Ред. В. И. Шенрока. Спб., [1902]. Т. III, с. 491—93; т. IV, с. 32—41, 44—46.

Письмо от 10 авг. 1847 г. по другому автографу—см.: Красный архив, 1923, т. III, с. 309—12 (с прим. Р. Кантора и факсимиле письма).

144. Грановский Т. Н. Письмо без даты [начало 1840-х гг. («Боткин прочел мне твое письмо...»).— В кн.: Т. Н. Грановский и его переписка. Т. II. М., 1897, с. 439—40.

145. Грановский Т. Н. Письмо без даты [май 1841 г.] («Эту записку доставит тебе, любезный Виссарион...»). Публ. М. Ю. Барановской.— Лит. наследство, т. 55, 1948, с. 425—26.

146. Грановский Т. Н. и Станкевич Н. В. Письмо 20 окт./1 нояб. 1838 г. Публ. М. Ю. Барановской.— Там же, с. 420—21.

147. Ефремов А. П. Письма: без даты [1837 г.] («Белинский! Когда ты будешь у Бееровых...»); без даты [1838—1839 гг.] («Белинский! Посылаю тебе Б. д. Ч...»); без даты [1838—1839 гг.] («Не можешь ли ты, любезнейший Виссарион...») — В кн.: Памяти В. Г. Белинского. Лит. сборник, сост. из трудов рус. литераторов. М., 1899, с. 113—15.

148. Кольцов А. В. Письма: 3 марта, 21 марта, 11 сент., 20 нояб. 1836 г.; [2 февр.], [14 февр.], 21 февр., 7 марта, 14 марта, 15 июня, 27 июля, 7 окт., 28 окт. 1838 г.; без даты [начало 1839 г.] («Милый Виссарион Григорьевич! Здесь вот он — я...»); без даты [май] («Милый, любезный Виссарион Григорьевич! Я так забылся перед вами...»), 28 сент., 12 окт., без даты [ноябрь] 1839 г. («Милый, любезный Виссарион Григорьевич! Теперь я начинаю понимать...»); 20 февр., 28 апр., 15 авг., 15 дек., без даты [декабрь 1840 г.] («Грусть девушки...»); 10 янв., 27 янв., 1 марта, 25 марта, 22 июля, 23 окт., 18 дек. 1841 г.; 27 февр., без даты [май] 1842 г. («Любезнейшие, добрые мои Виссарион Григорьевич, Василий Петрович! У меня нет сил писать к вам...») — В кн.: Кольцов А. В. Полн. собр. соч. Под ред. и с прим. А. И. Лященка. (Акад. б-ка рус. писателей. Вып. I.) Изд. 3-е. Спб., 1911, с. 157—58, 163—64, 172—83, 186—95, 197—204, 206—07, 209—11, 213—24, 226, 230—31, 234—48, 252—63, 265—73, 279—82.

Клюшников И. П.— См. № 307.

Надеждин Н. И.— См. № 307.

149. Некрасов Н. А. Письма: без даты [конец окт. 1846 г.] («Здравствуйте, Белинский! Я, было, на днях...»); 24 июня, 25 июня 1847 г. (приписка в письме к И. С. Тургеневу).— В кн.: Некрасов Н. А. Собр. соч. Т. V. Письма. М.— Л., 1930, с. 68—72, 83—87, 89.

150. Полонский Я. П. Письмо 11 мая 1842 г.— В кн.: Венок Белинскому. М., 1924, с. 236.— На с. 240 факсимиле письма.— Публ. И. Л. Поливанова.

151. Станкевич Н. В. Письма: 30 окт. 1834 г.; 17 июля, 31 июля 1835 г.; 30 мая, 11 авг., 3 нояб. 1836 г. (приписка в письме к М. А. Бакунину); 12 авг., 25 дек. 1837 г. (6 янв. 1838 г.); 20 окт. (1 нояб.) 1838 г.; без даты [1838 г.] («Висяша! Распорядись переслать...»); без даты [1838 г.] («Знает-ли все Варвара Александр...»).— В кн.: Переписка Н. В. Станкевича. М., 1914, с. 408—18, 622—23, 643—46.

152. Станкевич Н. В. Письмо без даты [середина апр. 1837 г.] («Любезный Белинский! Я хотел писать к Мише...»). Публ. Н. Д. Эфрос.— Лит. наследство, т. 55, 1948, с. 418.

152а. Тургенев И. С. Письмо 17 (5) апр. 1847 г.— В кн.: В пользу голодающих («Лепта Белинского»). М., 1892, с. 31.

153. В. Г. Белинский и его корреспонденты. Под ред. Н. Л. Бродского. М., 1948. 314 с. (Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. Отд. рукописей). В составлении сборника принимали участие А. В. Аскарянц, Т. Н. Каменева, Е. Н. Коншина, Р. П. Маторина, Е. Н. Ошанина, А. А. Ромодановская, В. М. Федорова, Н. К. Швабе.

127 писем 1829—1848 гг.: П. И. Артемова, А. И. Баландина, В. П. Боткина, И. И. Введенского, В. Ф. Востокова, А. Д. Галахова, А. С. Голубинского и М. С. Меридианова, А. П. Ефремова, П. Ф. Заикина, А. Иванисова, И. П. Клюшникова, П. П. Клюшникова, П. Д. Козловского, В. А. Косиковского, А. А. Краевского, В. И. Красова, А. И. Кронеберга, П. Н. Кудрявцева, А. Я. Кульчицкого,

И. И. Лажечникова, А. Ф. Максимова, И. И. Панаева, А. Я. Панаевой, П. Я. Петрова, А. М. Петровой, Н. Я. Петровой, К. А. Полевого, Н. А. Полевого, А. М. Полторацкого, М. М. Попова, В. К. Ржевского, Н. М. Сатина, А. И. Соколова, Н. Г. Соколова, П. П. Сумарокова, Н. Н. Тютчева, И. И. Ханенко, Н. М. Щепкиной, Н. Н. Щетининой, неустановленных лиц.

Рец.: Вестник Акад. Наук СССР, 1948, № 6, с. 122—23 (К. Е.); Лит. наследство, т. 56, 1950, стр. 236—40, 254 (Ю. Г. Оксман); Театр, 1948, № 8, с. 56—57 (М. Загорский).

См. также № 134б.

КРИТИКО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА О БЕЛИНСКОМ (1899—1950)

1899

154. Архангельский А. С. Об утверждении В. Г. Белинского в дворянском достоинстве.— Рус. старина, 1899, № 4, с. 199—204.

155. Богучарский В. Я. Загадочные строки о В. Г. Белинском.— Жизнь, 1899, № 4, с. 329—31.

Достоевский о Белинском (по воспоминаниям В. С. Соловьева. См. № 1136).

156. Венгеров С. А. Основные черты истории новейшей русской литературы. Спб., 1899, с. 28—30.

— 2-е изд.: Спб., 1909.

Впервые: Вестник Европы, 1898, № 3.

Вошло в кн. авт.: 1) Очерки по истории русской литературы. Спб., 1907, с. 19—21; 2) Собр. соч. Т. I, Спб., 1911, с. 54—56.

157. Весин С. П. Былое. Из русской жизни и литературы 40—60-х годов. Житомир, 1899, с. 78—85, 89—93.

158. Ветринский Ч. [Чешихин В. Е.] Белинский о театре.— В кн. авт.: В сороковых годах. Историко-лит. очерки и характеристики. М., 1899, с. 331—57.— Впервые: Артист, 1893, № 27, с. 37—50.

159. — Памяти В. Г. Белинского. Очерк жизни и деятельности. — Там же, с. 24—61.

* Отд. изд.: Спб., изд. «Знание», 1899.

— 2-е изд.: Спб., изд. «Прометей», [1911]. 88 с.

* 160. [Горький М.] Библиографическая заметка. (Подп.: А. П.).— Нижегородский листок, 1899, № 43, 13 февр.

Характеристика книги Ветринского «В сороковых годах». См. № 158.

161. Дашкевич Н. П. А. С. Пушкин в ряду великих поэтов нового времени.— В кн.: Памяти Пушкина. Науч.-лит. сборник... Киев, 1899, с. 93—99, 101, 103, 135, 214.— Впервые в сокращ. виде: Киев. универс. известия, 1899, № 5.

Вошло в кн.: Сборник Отд. рус. яз. и словесности Акад. Наук, 1914, т. XCII, с. 140—47, 149—50, 152, 189, 195, 280; то же в кн. авт.: Статьи по новой русской литературе. Пг., 1914.

162. Жданов И. Н. Памяти В. Г. Белинского. Реферат, читанный в Неофилолог. о-ве при Спб. ун-те 18 дек. 1898 г. Спб., 1899. 66 с.

Вошло в кн. авт.: Сочинения. Т. II. Спб., 1907, с. 193—267.

163. Кавелин К. Д. Белинский и последующее движение нашей критики. (Письмо А. Н. Пыпину).— В кн.: Собр. соч. автора. Т. III. Спб., [1899], стб. 1099—114. — Впервые— Неделя, 1875, № 40, 5 окт., стб. 1297—305.

164. [Козловский П. С.] Несколько слов о Белинском. (Подп.: П. К.) — Филолог. зап., 1899, вып. I—II, отд. VI, с. 1—12.

Отд. изд.: Воронеж, 1899. 12 с.

165. Памяти В. Г. Белинского. Лит. сборник, сост. из трудов рус. литераторов. М., изд. Пенз. обществ. б-ки им. Лермонтова, 1899. II, 568 с.

Содержание: Предисловие. 26 мая 1898 г.— Отд. I: Н. И. Стороженко. Памяти Белинского.— И. И. Иванов. Белинский как русский культурно-исторический тип.— В. Е. Якушкин. Белинский, его друзья и враги.— А. Н. Веселовский. Orlando furioso.— Г. А. Джаншиев. Белинский и эпоха реформ.— В. П. Острогорский. Белинский, как педагог.— Н. К. Михайловский. Белинский — драматург.— Д. Н. Овсянико-Куликовский. Отличительная особенность критики Белинского.— М. М. Филиппов. Гегель и Белинский об искусстве.— А. Н. Пыпин. Пребывание [Белинского] в Московском университете. —А. И. Южин-Сумбатов. П. С. Мочалов в жизни и на сцене. (Вошло в кн. авт.: Воспоминания. Записи. Статьи. Письма. М.—Л., 1941, с. 351—57).

Рец.: Вестник Европы, 1899, № 5, с. 376—80 (А. П. [А. Н. Пыпин]); Мир божий, 1899, № 6, отд. II, с. 77—79; Рус. мысль, 1899, № 4, с. 117—21; Рус. школа, 1899, № 10, с. 318—21 (И. Ж.); Рус. вед., 1898, № 268, 28 нояб.; Рус. богатство, 1899, № 5, отд. II, с. 98—101.

166. Плеханов Г. В. Белинский. (Речь, произнесенная весною 1898 г. по случаю 50-летия со дня смерти Белинского на русских собраниях в Женеве, Цюрихе и Берне). Женева, изд. РСДРП, 1899. 40 с.

— То же. В России: [Спб.]. О. Н. Рутенберг, [1906]. 40 с. (Б-ка для всех).

— Пг., изд. Союза коммун Сев. обл., 1919. 40 с.

Вошло в кн. авт.: 1) В. Г. Белинский. Сборник статей. М.—Пг., 1923, с. 56—92; 2) Сочинения. Т. X. М.—Л., 1925, с. 317—49.

167. Покровский В. И. В. Г. Белинский как критик и создатель истории новой русской литературы. М., 1899. 106 с.

Рец.: Вестник Европы, 1901, № 7, с. 386—89; Журнал М-ва нар. просвещения, 1901, № 2, отд. II, с. 29—31; Рус. мысль, 1899, № 9, с. 322.

168. Сумцов Н. Ф. В. Г. Белинский о любви и ревности.— Журнал для всех, 1899, № 4, стб. 427—28.

1900

169. Ашевский С. Григорович и Белинский.—Образование, 1900, № 4, отд. I, с. 54—60.

170.— Реформа средней школы и Белинский.— Образование, 1900, № 7—8, с. 13—21.

171. Бобров Е. А. Отзыв о рукописном сочинении [И. И. Ягодинского] «Философский элемент в сочинениях В. Г. Белинского». Казань, 1900. 20 с.

Вошло в кн. авт.: Дела и люди. Сборник статей. Юрьев, 1907, с. 120—32.

— 2-е изд.: Юрьев, 1910.

172. Бороздин А. К. Русская литература в XIX веке. (Сто лет литературного развития). Спб., 1900, с. 35, 49—54, 71—72, 97.

— 2-е изд. доп.: Спб., [1911].

173. Будде Е. Ф. Личность В. Г. Белинского как литературного деятеля.— Вестник Европы, 1900, № 10, с. 527—55.

174. Быстров М. Ф. Педагогические взгляды В. Г. Белинского. Воронеж, 1900. 16 с.

175. Гутьяр Н. М. И. С. Тургенев и В. Г. Белинский.—Вестник Европы, 1900, № 10, с. 525—47.

176. Иванов И. И. История русской критики. Ч. III—IV. Спб., изд. журн. «Мир божий», 1900. О Белинском см. по указателю.— Впервые: Мир божий, 1898, №№ 1—12.

177. Каллаш В. В. Опыт пересмотра некоторых спорных вопросов о Белинском. I. Условия личного развития Белинского и общие результаты его деятельности. (По поводу книги В. П. Острогорского «В. Г. Белинский как критик и педагог». Спб., 1898). М., 1900. 60 с.

178. Николаев Н. И. В. Г. Белинский как театральный критик.—В кн.: Иллюстрированный сборник Киевского литературно-артистического общества. [Киев], 1900, с. 56—79.— Впервые: Киев. слово, 1898, № 3732, 2 июня и № 3734, 4 июня.

179. Полевой П. Н. История русской словесности с древнейших времен до наших дней. Т. III. Спб., 1900, с. 424—34.

180. Свиязев И. [Примечание к воспоминаниям Я. И. Костенецкого об А. А. Бестужеве-Марлинском].— Рус. старина, 1900, № 11, с. 449.

О взаимоотношениях Белинского с Марлинским.

181. Щепкин Д. Профессор П. С. Щепкин и В. Г. Белинский.— Рус. архив, 1900, № 4, с. 652—54.

182. Якушкин В. Е. Новые материалы для биографии В. Г. Белинского.— Рус. старина, 1900, № 5, с. 415—23.

Дело о преподавании Белинского в Константиновском межевом ин-те.

1901

183. Александровский Г. В. Валериан Майков и его литературная деятельность.— В кн.: Майков В. Н. Сочинения. Изд. 2-е. Т. I. Киев, 1901, с. V—VII, XIV—XVI, XXVII—XXIX, XXXII—XXXIV. — См. № 315.

184. Ашевский С. Белинский и Грановский.— Образование, 1901, № 7—8, отд. I, с. 10—23.

185.— Тургенев и Белинский.— Образование, 1901, № 3, отд. I, с. 1—20; № 4, отд. I, с. 10—21.

186. Воскресенский Е. Литературные чтения. Пушкин, Гоголь, Белинский. М., 1901, с. 103—28.

187. Грот Я. К. Белинский и его мнимые последователи. — В кн.: Труды Я. К. Грота. Т. III. Спб., 1901, с. 354—62.— Впервые: Спб. вед., 1861, № 109, 18 мая.

188. Линниченко И. А. Белинский в борьбе славянофилов с западниками. Лекция в публичном собрании Одес. ист.-филолог. о-ва, посвящ. памяти В. Г. Белинского, 11 окт. 1898 г. Одесса, 1901. 18 с.

189. Майков В. Н. А. В. Кольцов.—В кн. авт.: Сочинения. В 2-х т. Т. I. Киев, 1901, с. 95—97.—Впервые: Отеч. зап., 1846, № 12, отд. V, с. 67—68. — См. № 315.

190. Милюков П. Н. Надеждин и первые критические статьи Белинского. По поводу нового издания сочинений Белинского под ред. С. А. Венгерова.—В кн.: На славном посту. (1860—1900). Лит. сборник, посвящ. Н. К. Михайловскому. Спб., [1901], отд. II, с. 409—30.

Вошло в кн. авт.: История русской интеллигенции. Сборник статей и этюдов. Спб., 1902, с. 188—211.

1902

191. Александровский Г. В. Гоголь и Белинский.— Чтения в Ист. о-ве Нестора Летописца, 1902, кн. XVI, вып. 1—3, отд. IV, с. 3—51 (доп. и поправки—[отд. VI], с. 13—14).

— Отд. изд.: Киев, 1902. 51 с.

192. Ашевский С. Гоголь и Белинский.— Образование, 1902, № 2, отд. I, с. 87—106; № 3, отд. I, с. 77—91; № 4, отд. I, с. 47—62.

193. Венгеров С. А. Писатель-гражданин. (Письма Н. В. Гоголя. Ред. В. И. Шенрока. Изд. А. Ф. Маркса. 4 т. Спб., 1901).— Рус. богатство, 1902, № 2, с. 127, 129, 132—33; № 3, с. 240—42; № 4, с. 246—51, 254.

Вошло в кн. авт.: 1) Очерки по истории русской литературы. Спб., 1907, с. 170, 172, 175—76, 200, 204, 208—09, 223—26, 229—33, 361; 2) Собр. соч. Т. II. Спб., 1913, с. 11, 16—17, 56, 93—94, 98, 103.

194. Волков Н. Виссарион Григорьевич Белинский как преподаватель Межевого института.—В кн.: Памятная книжка Константиновского межевого института за 1901—1902 гг. М., 1902, с. 117—22. С факсимиле письма Белинского к С. Т. Аксакову 10 марта 1838 г.

— Отд. изд.: М., 1902. 8 с.

195. Гриневич П. Ф. [Якубович П. Ф.]. Муза мести и печали. (1877—1902).— Рус. богатство, 1902, № 11, отд. II, с. 3—5, 25—27, 31—37.

Влияние Белинского на Некрасова.

196. Кирпичников А. И. Н. В. Гоголь и В. Г. Белинский летом 1847 года.— В кн.: Под знаменем науки. Юбилейный сборник в честь Н. И. Стороженка, изд. его учениками и почитателями. М., 1902, с. 417—33.

197. Милюков П. Н. Любовь у идеалистов тридцатых годов.— В кн. авт. Из истории русской интеллигенции. Спб., 1902, с. 81—116.— Впервые: Рус. вед., 1895, № 312, 11 нояб.; № 317, 16 нояб.; № 323, 22 нояб.

198. Модзалевский Б. Л. И. Е. Великопольский. (1797—1868).— В кн.: Памяти Леонида Николаевича Майкова. Спб., 1902, с. 387.

О несохранившихся письмах Белинского к Великопольскому.

199. Морозов П. О. Русская литература в XIX в.— В кн. авт.: Минувший век. Лит. очерки. Спб., 1902, с. 155—60, 165, 168, 173.

200. Мякотин В. А. К. Д. Кавелин и его взгляды на русскую историю.— В кн. авт.: Из истории русского общества. Этюды и очерки. Спб., 1902, с. 375—76.

201.— Профессор сороковых годов (Т. Н. Грановский).— Там же, с. 334, 352—55, 360—63, 371.

202. Розанов В. В. 50 лет влияния. (Памяти В. Г. Белинского).—В кн. авт.: Литературные очерки. Изд. 2-е. Спб., 1902, с. 170—78.— Впервые: Рус. обозрение, 1898, № 5, с. 273—82.

203.— Три момента в развитии русской критики.— Там же, с. 92—93, 102.

204. Соловьев (Андреевич) Е. Очерки по истории русской литературы XIX века. Спб., 1902, с. IV, VIII—X, 112—15, 119—30.

— 2-е изд.: Спб., 1903.

— 3-е изд.: Спб., 1907.

— 4-е изд., испр.: М., 1923.

205. Стороженко Н. И. Шекспир и Белинский.—В кн. авт.: Опыты изучения Шекспира. М., 1902, с. 254—74.— Впервые: Мир божий, 1897, № 3, отд. I, с. 126—40.

206.— Эволюция критических идей Белинского.—В кн. авт.: Из области литературы. Статьи, лекции, речи, рецензии. Изд. учеников и почитателей. М., 1902, с. 385—91.

Читано в торжественном заседании О-ва любит. рос. словесности, посвящ. чествованию памяти Белинского.

207. Шенрок В. И. Гоголь и Белинский.— Мир божий, 1902, № 5, отд. I, с. 1—13.

208. Энгельгардт Н. А. История русской литературы XIX столетия. Т. I. 1800—1850. (Критика, роман, поэзия и драма). С прилож. синхронистической таблицы, хронол. указателя писателей и полной библиографии. Спб., 1902, с. 421—33, 528—32, 548—52.

1903

209. Замотин И. И. Романтизм двадцатых годов XIX столетия в русской литературе. Т. I. Варшава, 1903.

О Белинском см. по указателю.

— 2-е изд.: Спб.— М., 1911.

210. Козмин Н. К. Очерки из истории русского романтизма. Н. А. Полевой, как выразитель литературных направлений современной ему эпохи. Спб., 1903.

О Белинском см. по указателю.

211. Коробка Н. И. Белинский и Лермонтов в Московском университете.— Лит. вестник, 1903, № 4, с. 451—56.

212. Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1902 год, представленный директором музеев г. министру народного просвещения. М., 1903, с. 24—25.

Сообщение о приобретении у М. В. и С. В. Сабашниковых рукописей Белинского из собрания Н. Х. Кетчера.

213. Пыпин А. Н. История русской литературы. Изд. 2-е, пересмотр. и доп. Т. I—IV. Спб., изд. М. М. Стасюлевича, 1903.

О Белинском см. по указателю.

— 1-е изд.: Спб., 1898.

— 3-е изд.: Спб., 1907.

— 4-е изд.: Спб., 1911—1913.

214. Скабичевский А. М. Сорок лет русской критики. 1820—1860.— В кн. авт.: Сочинения. Изд. 3-е. Спб., 1903. Т. I, стб. 280—82, 295—386, 422, 438, 450—53.— Впервые: Отеч. зап., 1871, № 1—3 (Под загл.: Очерки умственного развития нашего общества).

— 1-е изд.: Спб., 1890.

— 2-е изд.: Спб., 1895.

Рец.: Мир божий, 1904, № 2, отд. II, с. 101—05 (С. Ашевский).

1904

215. Ашевский С. Достоевский и Белинский.— Мир божий, 1904, № 1, отд. I, с. 197—239.

216. Энгельгардт Н. А. Очерк истории русской цензуры в связи с развитием печати. (1703—1903). Спб., 1904, с. 105, 107—11, 115, 121—25, 130, 133, 161—68, 171.

1905

217. Бороздин А. К. Белинский и последующее развитие русской критики.— В кн. авт.: Литературные характеристики. Т. II. Вып. I. Спб., 1905, с. 1—73.

218. Венгеров С. А. Эпоха Белинского. (Общий очерк). Публичная лекция. Спб., изд. «Светоч», 1905. 47 с.

— 2-е изд.: 1915.

— 3-е изд.: 1919.

Рец.: Книга, 1906, № 6, с. 11 (С. А.); Рус. мысль, 1906, № 1, отд. III, с. 11.

219. Ветринский Ч. [Чешихин В. Е.] Т. Н. Грановский и его время. Ист. очерк. Изд. 2-е. Спб., 1905, с. 19—22, 25, 39, 49, 72—79, 82, 123—24, 178, 182—88, 197—99, 217—19, 225, 246, 251, 271—72, 281—82, 298, 317, 330—31, 360, 381.

— 1-е изд.: М., 1897.

220. Козмин Н. К. Надеждин и его отношения к Белинскому. (Новые материалы).—Известия Отд. рус. яз. и словесности Акад. Наук, 1905, т. X, кн. 4, с. 303—11.

221. Плеханов Г. В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. Изд. II, с 2 прилож. Спб., 1905.

Прилож.: Еще раз г. Михайловский, еще раз «триада», с. 248—49.

— 1-е изд.: Спб., 1895, с. 286—87.

— [Последнее изд.]: Минск, 1941, с. 219.

222. — Судьбы русской критики.— I. А. Л. Волынский. «Русские критики. Литературные очерки».— II. Белинский и разумная действительность.— III. Литературные взгляды В. Г. Белинского. — IV. Эстетическая теория Н. Г. Чернышевского.— В кн.: Бельтов [Плеханов Г. В.]. За двадцать лет. Спб., 1905, с. 134—36, 144—45, 166—266, 305, 308.

— 2-е изд.: Спб., 1906, с. 133—37, 142—44, 164—265, 298, 300.

— 3-е изд.: Спб., 1908.

Статьи I—III вошли в кн. авт.: В. Г. Белинский. Сборник статей. М.—Пг., 1923, с. 93—213 и в кн. авт.: Сочинения. Т. X. М.— Л., 1925, с. 166, 169—70, 175, 199—304. Статья III — в кн. авт.: Искусство и литература. Ред. и коммент. Н. Ф. Бельчикова. М., 1948, с. 367 — 411. (Рец.: Большевик, 1949, № 3, с. 68 — 70. А. Мясников). Статья IV — Сочинения. Т. VI. М.— Л., [1924], с. 245—46, 249, 285, 288.— Впервые: Новое слово, 1897, № 4, отд. II, с. 63—65, 67, 73—74; № 7, отд. II, с. 1—28; № 8, отд. II, с. 1—22; № 10, отд. II, с. 1—24; № 11, отд. II, с. 1—25.

1906

223. Брюкнер А. Русская литература в ее историческом развитии. В 2-х ч. Пер. с нем. А. Г. Саввинского, под ред. В. В. Битнера. Ч. II. Спб., 1906, с. 23—35.

224. Веселовский А. Н. Западное влияние в новой русской литературе. 3-е перераб. изд. М., 1906.

О Белинском см. по указателю.

— 1-е изд.: М., 1883.

— 2-е изд.: М., 1896.

— 4-е изд.: М., 1910.

— 5-е, доп. изд.: М., 1916.

225. Кремлев А. Ученый комитет и Белинский.— Былое, 1906, № 11, с. 160—61.

О запрещении сочинений Белинского в 1894 г.

226. Нелидов Ф. Ф. Очерки по истории новейшей русской литературы. Ч. 1-я. М., 1906, с. IX—XI, 89, 94—97, 117, 172, 177—80, 207, 209, 216—22, 229—30, 233. 382, 384.

— 2-е изд.: М., 1907.

227. «О безъименном письме, с возмутительными предсказаниями на счет будущего в России». Архив III Отд. собств. е. и. в. канцелярии. 1848 г.— Всемир. вестник, 1906, № 12, прил., с. 1—18.

Текст дела. См. еще № 232.

228. Овсянико-Куликовский Д. Н. История русской интеллигенции. Итоги рус. худож. литературы XIX в. Ч. I. М., 1906, с. 60—83.

Гл. III. «Горе от ума» в критике Белинского.

Вошло в кн. авт.: Собр. соч. Т. VII. Спб., 1910.

— 2-е изд.: 1914.

— 6-е изд.: М., 1924.

229. Плеханов Г. В. Примечания.— В кн.: Энгельс Ф. Людвиг Фейербах. Пер. с предисл. и примеч. Г. В. Плеханова. Спб., 1906, с. 95, 99, 103. (Всеобщ. б-ка Г. Ф. Львовича).

1-е изд.: Женева, 1892, с. 74, 78, 93.

3-е изд.: М.— Л., 1928, с. 86, 90, 107.

Вошло в кн. авт.: Сочинения. Т. VIII. М., [1925], с. 361, 364, 379.

230. Пыпин А. Н. Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов. Ист. очерки. Изд. 3-е, доп. Спб., изд. «Колос», 1906.

О Белинском см. по указателю.

Впервые: Вестник Европы, 1873, №№ 4, 5, 7.

— 1-е изд.: Спб., 1873.

— 2-е изд.: Спб., 1890.

— 4-е изд.: Спб., 1909.

231. Сементковский Р. И. Очерки по русской литературе. IV. Пушкин и Белинский. (Заметки к случаю).—В кн. авт.: Сочинения. Т. I. Спб., [1906], с. 111—27.

232. [Щеголев П. Е.] Эпизод из жизни В. Г. Белинского. (По неизданным данным). (Подп.: П. Щ.).— Былое, 1906, № 10, с. 280—87.

Подозрение III Отделения Белинского в авторстве анонимного письма с «возмутительными» предсказаниями о будущем России (1848 г.) — См. № 227.

1907

233. Венгеров С. А. Великое сердце. (Виссарион Григорьевич Белинский).— В кн. авт.: Очерки по истории русской литературы. Спб., 1907, с. 241—373.—Впервые: Рус. богатство, 1898, № 3, с. 151—85; № 4, с. 125—60; № 5, с. 204—27.

Рец.: Науч. обозрение, 1898, № 8, с. 1452—54.

234. Ветринский Ч. [Чешихин В. Е.] Учитель русского общества. (В. Г. Белинский). М., изд. И. Д. Сытина, 1907. 87 с. (Соврем. б-ка).

Рец.: Книга, 1906, № 6, с. 11 (А).

235. Иванов-Разумник Р. В. История русской общественной мысли. Индивидуализм и мещанство в рус. литературе и жизни XIX в. Спб., изд. М. М. Стасюлевича, 1907.

Т. I. Гл. V. Тридцатые и сороковые годы.— Белинский. С. 209—54.

Т. II. С. 3, 58, 69—70, 93.

— 2-е изд.: Спб., 1908.

— 3-е изд.: Спб., 1911.

— 4-е изд.: Спб., 1914.

— 5-е изд., перераб. Вып. I—VIII. Пг., 1918. (О Белинском см. по указателю).

236. Котляревский Н. А. Памяти Белинского.—В кн. авт.: Старинные портреты. Спб., 1907, с. 156—256.

Рец.: Вестник Европы, 1907, № 9, с. 365—70 (М. О. Гершензон).

237. Кропоткин П. А. Идеалы и действительность в русской литературе. С англ. пер. В. Батуринского под ред. автора. Спб., изд. «Знание», 1907, с. 3, 178, 197, 242, 293, 296, 312, 315—18, 321, 323—25, 327.

238. Петрашевцы. М., 1907, с. 39, 62—66, 72, 75—76, 84, 89—90.

239. Погодин Н. В. Г. Белинский. Общий очерк его лит. деятельности. Спб., изд. «Лит. мир», 1907. 16 с.

1908

240. Ашевский С. Некрасов и Белинский. (По поводу 30-летия смерти Некрасова).—Современный мир, 1908, № 2, с. 41—64.

241. Берлин П. Социальное миросозерцание В. Г. Белинского. (К 60-летию со дня его смерти).—Образование, 1908, № 5, отд. II, с. 1—20.

242. Богданович А. И. Памяти В. Г. Белинского.—В кн. авт.: Годы перелома. 1895—1906. Сборник критич. статей. Со вступ. статьями Короленко, Куприна и Неведомского. Спб., 1908, с. 158—73.— Впервые: Мир божий, 1898, № 5, отд. II, с. 1—11.

243. Ветринский Ч. [Чешихин В. Е.]. Герцен. Спб., 1908, с. 30, 33, 67, 79—93, 99—100, 106—07, 110, 114, 118, 122—27, 132, 134, 148—56, 367, 407, 459—60, 465. (Б-ка «Светоча». Под ред. С. А. Венгерова. № 101—112).

244. Воровский В. В. Памяти «Неистового Виссариона». (Подп.: П. Орловский).— Одес. обозрение, 1908, № 147, 7 мая.

Вошло в кн. авт.: Сочинения. Т. II. Л., 1931, с. 111—15.

245. Иванов-Разумник Р. В. О смысле жизни. Федор Сологуб, Леонид Андреев, Лев Шестов. Спб., 1908, с. 260—65.

246. Коган П. С. Очерки по истории новейшей русской литературы. Т. I. Вып. 1. М., 1908, с. 64—183.

— 2-е изд.: М., 1910.

— 3-е изд.: М., 1911.

— 5-е изд.: М.— Л., 1926.

— 6-е изд.: М.— Л., 1928.

— 7-е изд.: М.— Л., 1929.

247. Лемке М. К. Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг. По подлинным делам Третьего отделения с. е. и. в. канцелярии. Спб., изд. С. В. Бунина, 1908, с. 33, 87, 118, 174—77, 182—91, 231, 286—87, 300—15, 336, 341, 398, 401.

— 2-е изд.: Спб., 1909.

248. Лернер Н. О. Белинский, Виссарион Григорьевич.— Рус. биогр. словарь. Бетанкур — Бякстер. Спб., 1908, с. 591—648.

— Отд. изд.: М., 1910. 168 с.

— 2-е изд.: Берлин — Петербург, З. И. Гржебин, 1921. 220 с.

Рец.: Рус. старина, 1911, № 1, обл., с. 1—2.

249.—Эпизод из жизни Белинского.—Рус. старина, 1908, № 4, с. 197—210.

Отношение Белинского к брошюре М. Т. Кульчицкого о преферансе.

250. Максимов В. Литературные дебюты Н. А. Некрасова. Вып. 1. Спб., 1908, с. 8, 36—40.

251. Пыпин А. Н. Белинский. Его жизнь и переписка. Изд. 2-е, с доп. и прим. [Е. А. Ляцкого]. Спб., изд. «Колос», 1908. XVI, 662 с.— Впервые: Вестник Европы, 1874, №№ 3—4, 6, 10—12; 1875, №№ 2, 4—6.

— 1-е отд. изд.: Спб., изд. журн. «Вестник Европы», 1876.

Рец.: Ист. вестник, 1908, № 1, с. 325 (Л. [Н. О. Лернер]); Минувшие годы, 1908, № 1, с. 298—300 (Н. Л. [Н. О. Лернер]); Образование, 1908, № 4, отд. III, с. 92—94 (П. Б.); Рус. старина, 1876, № 8, обл., с. 1—2 (Р.); Рус. вестник, 1874, № 8, с. 873—96 и 1875, № 1, с. 393—418 (В. Г. Авсеенко).

252. Сакулин П. Н. Русская литература во второй четверти века.— В кн.: История России в XIX веке. Т. II. Спб., [1908], с. 454—60, 481, 485, 490—92, 499, 505.

253. Янчук Н. А. Литературные заметки.—Известия Отд. рус. яз. и словесности имп. Акад. Наук, т. XII, кн. 4, 1908, с. 226—28, 239.

Отд. изд.: Спб., 1908, с. 28—29, 40.

1909

254. Венгеров С. А. В каком году родился Белинский? — Речь, 1909, № 107, 21 апр. (4 мая).

255. Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. Изд. 3-е. М., 1909, с. 56, 82, 163.

256. Виноградов С. П. Люди сороковых годов в литографиях К. Горбунова.— Старые годы, 1909, февраль, с. 103, 105.

257. Воровский В. В. Алексей Васильевич Кольцов. 1809—1909. (Подп.: П. Орловский).—Одес. обозрение, 1909, № 538, 4 окт.

Вошло в кн. авт.: Сочинения. Т. II. Л., 1931, с. 145—47.

258. Гершензон М. О. Завещание Гоголя.— Рус. мысль, 1909, № 5, отд. II, с. 159—60, 162—65.

Полнее в кн. авт.: Исторические записки. М., 1910, с. 87—88, 93—94, 118—26, 139. (Гл. XVII—XXIV).

2-е изд.: Берлин, изд. «Геликон», 1923, с. 164, 169—72, 193—96, 200, 213.

Об отношении Белинского к «Выбранным местам из переписки с друзьями».

259. Год рождения Белинского.— Спб. вед., 1909, № 218, 30 сент. (13 окт.).

260. Демков М. И. История русской педагогии. Ч. III. М., 1909, с. 159, 161, 163, 169—74, 208.

261. К 100-летию рождения В. Г. Белинского.— Спб. вед., 1909, № 214, 25 сент.

262. Корнилов А. А. Пятидесятилетие литературного фонда.—В кн.: Юбилейный сборник лит. фонда. 1859—1909. Спб., 1909, с. 17.

О пенсии семье Белинского.

263. Лященко А. И. А. В. Кольцов. (Биографический очерк).—В кн.: Кольцов А. В. Полн. собр. соч. Под ред. и с прим. А. И. Лященко. Спб., 1909, с. XIX, XXII, XXIV—XXXII.

264.— Обзор литературы о Кольцове.— Там же, с. 386—96.

265.— Рукописи Кольцова.— Там же, с. 309—12, 315, 320—30.

266.— Хронологическая канва для биографии А. В. Кольцова.— Там же, с. 421 — 31.

3-е изд.: Спб., 1911.

267. Михайловский Н. К. Прудон и Белинский.— В кн. авт.: Полн. собр. соч. Т. III. Спб., 1909, стб. 639—85.— Впервые: Отеч. зап., 1875, № 11, отд. II, с. 157—98.

268. Плеханов Г. В. Н. Г. Чернышевский. (К 20-летию со дня кончины).— Современный мир, 1909, № 11, с. 153.

Вошло в кн. авт.: Сочинения. Т. VI. М.—Л., 1925, с. 338.

269. — О так называемых религиозных исканиях в России. Статья вторая.— Современный мир, 1909, № 10, с. 188, 199. Статья третья — там же, № 12, с. 191.

Вошло в кн.: 1) Литературное наследие Г. В. Плеханова. Сб. VII. Под ред. П. Ф. Юдина, М. Т. Иовчука и Р. М. Плехановой. М., 1939, с. 88, 98; 2) Сочинения авт. Т. XVII. М.— Л., [1925], с. 258, 271, 297.

270. Русанов Н. С. Из идейной истории русского социализма 40-х годов. I. Нравственно-публицистический социализм Белинского.— II. Критически-гуманитарное направление В. А. Милютина.— III. Русский фурьеризм: петрашевцы, влияние Фурье на молодого Салтыкова-Щедрина.— Рус. богатство, 1909, № 1, с. 36—54.

271. Спиро С. Л. Толстой о Гоголе.— Рус. слово, 1909, № 68, 24 марта.

Вошло в кн. авт.: Беседы с Л. Н. Толстым (1909 и 1910 гг.). М., 1911, с. 13.

1910

272. Александров И. В. Г. Белинский и А. В. Кольцов.—Ист. вестник, 1910, № 6, с. 961—71.

273. Венгеров С. А. Юбилей Белинского не в нынешнем году, а в будущем.— Речь, *1910*, № *96*, *8* (*21*) *апр*.

274. Веселовский Ю. Шиллер как вдохновитель русских писателей.— В кн. авт.: Литературные очерки. Т. II. М., 1910, с. 9—12, 18.

О «Дмитрии Калинине».

275. Гершензон М. О. Поэмы И. С. Тургенева.— Рус. мысль, 1910, № 9, отд. II, с. 89, 93—97.

Вошло в кн. авт.: Образы прошлого. М., 1912, с. 150, 154—60.

276. Данилов В. В. Юношеская драма В. Г. Белинского «Дмитрий Калинин». (Очерк из истории народничества в рус. литературе).— Рус. филолог. вестник, 1910, № 1, с. 46—94.

277. Золотарев С. А. Очерки по истории педагогики на Западе и в России. Спб., 1910, с. 121—23.

— 2-е изд.: Вологда, [1922], с. 107—08.

278. Ляцкий Е. А. Н. Г. Чернышевский и учителя его мысли. (Гегель, Белинский, Фейербах). (Из биогр. очерков по неизданным материалам).—Современный мир, 1910, № 10, с. 138—43, 156—63; № 11, с. 135—44.

279. Нелидов Ф. Ф. Западники 40-х годов: Н. В. Станкевич, В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Т. Н. Грановский и др. М., 1910, с. XI—XVI, XXII, XXV—XXVI, XXIX, XXXI, XXXVI, LIV, LVIII, 106—93.

280. Никольский С. День рождения В. Г. Белинского.— Новое время, 1910, № 12395, 14 (27) сент.

Возражение Рудакову (см. № 284) на основании письма Лагоды в Пенз. архиве.

281. П. И. В. А. [!] Белинский и религиозные вопросы. Спб., 1910. 38 с.

282. Плеханов Г. В. Н. Г. Чернышевский. Спб., изд. «Шиповник», 1910, с. 231—40.

Вошло в кн. авт.: Сочинения. Т. V. М., [1924], с. 326—34.

283.— О Белинском.— Современный мир, 1910, № 5, с. 182—208; № 6, с. 123—47.

Вошло в кн. авт.: 1) В. Г. Белинский. Сборник статей. М.—Пг., 1923, с. 214—78; 2) Сочинения. Т. XXIII. М.— Л., 1926, с. 168—222.

284. Рудаков В. Е. Новые данные о времени рождения В. Г. Белинского.— Новое время, 1910, № 12364, 14 (27) авг.

По документам из архива департамента герольдии.

1911

285. Астров П. И. «Христос» художника И. А. Астафьева. М., 1911, с. 3—9

О портрете Белинского работы Астафьева, 1870—1880-х гг. Приведены отзывы Гончарова и Тургенева.

286. Ашевский П. На родине В. Г. Белинского.— Рус. слово, 1911, № 221, 29 мая (11 июня).

Чембар в 1911 г.

287. Ашевский С. Белинский в оценке его современников. Спб., изд. М. М. Стасюлевича, 1911. VII, 328 с.

Рец.: Библиотекарь, 1911, вып. III, с. 59; вып. IV, с. 110; Вестник воспитания, 1911, № 8, отд. критика и библиография, с. 1—4 (П. Н. Сакулин); Вестник Европы, 1911, № 8, с. 403—04 (Ч. В—ский [В. Е. Чешихин]); Ежемес. лит.-научн. прилож. к Ниве, 1911, № 7, с. 463; Нов. журнал для всех, 1911, № 32, с. 132; Рус. мысль,

1913, № 3, отд. III, с. 91—92 (Н. К. Пиксанов); Рус. школа, 1911, № 5—6, отд. III, с. 27—28 (А. Налимов); Рус. вед. 1911, № 239, 18 окт.; Рус. богатство, 1911, № 5, отд. II, с. 168—69; Современный мир, 1911, № 5, с. 346—49 (Г. В. Плеханов. — Вошло в кн. авт.: 1) В. Г. Белинский. Сборник статей. М.—Пг., 1923, с. 324—30; 2) Сочинения. Т. XXIII. М.— Л., 1926, с. 261—66).

288. Батуринский В. П. Западники 40-х годов о крепостном праве. — В кн.: Великая реформа. Рус. общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Т. III. М., 1911, с. 194—99.

289. Венгеров С. А. Единство литературной деятельности Белинского.— Рус. вед., 1911, № 122, 29 мая.

290. Веселовский Ал. Н. Перед памятником Белинского.— Там же.

291. Веселовский Ю. А. Белинский и Пушкин.— Вестник воспитания, 1911, № 6, с. 27—62.

Вошло в кн. авт.: Этюды по русской и иностранной литературе. Т. I. М., [1913], с. 52—93.

292.— Белинский и французская трагедия.— Ежегодник имп. театров, 1911, вып. IV, с. 16—38.

Вошло в кн. авт.: Этюды по русской и иностранной литературе. Т. I. М., [1913], с. 94—125.

293. Вилинский С. Г. Личность В. Г. Белинского. (Речь). Одесса, изд. «Техник», 1911. 15 с.

294. Войтоловский Л. Общественные и литературные взгляды Белинского. — Киев. мысль, 1911, № 147, 29 мая.

295. Воровский В. В. В. Г. Белинский. (Подп.: П. Орлов).—Черноморский портовый вестник, Одесса, 1911, № 88, 5 июня.

Вошло в кн. авт.: 1) Сочинения. Т. II. Л., 1931, с. 115—18; 2) Литературно-критические статьи. Ред. И. В. Сергиевского. М., 1948, с. 19—22.

296. Гладкий А. Эстетические воззрения В. Г. Белинского. (К 100-летию со дня рождения этого писателя). Харьков, изд. «Мирный труд», 1911. 28 с.

297. Грузинский А. Е. В. Г. Белинский. (1811—1848).— Вестник воспитания, 1911, № 4, с. 1—14.

298. [Дементьев И. Н.] В. Г. Белинский. 30 мая 1811—1911 г.—(Подп.: Квадрат).— Новое печатное дело, 1911, № 1, с. 3—8.

299. Джонсон И. Белинский и театр.— Киев. мысль, 1911, № 147, 29 мая.

300. Доброхотов Д. Гоголь и Белинский.— Рус. вед., 1911, № 123, 31 мая.

301. Дьяченко М. Н. Эволюция литературных и общественных взглядов Белинского.— Рус. старина, 1911, № 5, с. 291—328.

Отд. изд.: Спб., 1911. 40 с.

302. Иванов-Разумник Р. В. Белинский и Бакунин в 1840 году.— Рус. вед., 1911, № 24, 1 июня.

Вошло в кн. авт.: 1) Собр. соч. Т. III. Спб., [1912], с. 124—32; 2) Сочинения. Т. V. Пг., 1916, с. 227—36.

303.— Дома Белинского в Москве и Петербурге.— Рус. вед., 1911, № 122, 29 мая.

Вошло в кн. авт.: Собр. соч. Т. III. Спб., [1912], с. 148—56.

304. История русской литературы XIX века. Под ред. Д. Н. Овсянико-Куликовского. Т. II. М., изд. «Мир», 1911.

— 2-е изд.: М., [1924].

Ветринский Ч. (Чешихин В. Е.) Сороковые годы XIX в. С. 87—100, 107—13, 119, 123—59.— Замотин И. И. Литературные течения и литературная критика 30-х гг. и их отражение в литературе. С. 278, 297—300, 306—08, 324—25.— Замотин И. И. Очерк истории журналистики за первую половину XIX века. С. 393, 396.— Иванов-Разумник Р. В. Общественные и умственные течения 30-х гг. и их отражение в литературе. С. 247—76.— Плеханов Г. В. Виссарион Григорьевич Белинский. (1810 [!]— 1848). С. 227—69. (Отд. изд.: Иваново-Вознесенск, изд. «Основа», 1923.—Вошло в кн. авт.: 1) В. Г. Белинский. Сборник статей. М.— Пг., 1923, с. 1—55; 2) Сочинения. Т. XXIII. М.— Л., 1926, с. 119—67).

305. Киреевский И. В. Обозрение современного состояния литературы.— В кн. авт.: Полн. собр. соч. В 2-х т. Под ред. М. Гершензона. Т. I. М., 1911, с. 165—69.— Впервые: Москвитянин, 1845, № 3, отд. V, с. 21—25.

306. Коган П. С. Белинский и его время. Эпоха, обществ.-лит. направления, жизнь, лит. деятельность и миросозерцание Белинского. М., изд. «Заря», 1911. 151 с. — [2-е изд.]: М., изд. журн. «Красная новь», 1923. 52 с.

307. Корнилов А. А. К биографии Белинского. (Новые данные).— Рус. мысль, 1911, № 6, отд. II, с. 18—45.

Из переписки Белинского с Н. В. Станкевичем, Н. И. Надеждиным и И. П. Клюшниковым.

308. Круковский А. Белинский и его оценка в русской литературе. (К столетию рождения критика).— Филолог. зап., 1911, вып. 1, с. 34—58.

309. [Лернер Н. О.?]. Дата рождения Белинского.— (Подп.: Л).— Рус. старина, 1911, № 5, с. 254—57.

Доказательство, что день рождения Белинского 30 мая 1811 г.

310. Мочульский В. Н. Эволюция критико-литературных взглядов В. Г. Белинского. Одесса, изд. «Техник», 1911. 13 с.

311. Неведомский М. П. [Миклашевский М. П.]. Пролагатель путей. (К 100-летней годовщине В. Г. Белинского).— Новая жизнь, 1911, № 6, с. 110—45.

Вошло в кн. авт.: Зачинатели и продолжатели. Пг., 1919, с. 1—29.

312. Некрасов Н. В. Портреты Белинского.— Рус. вед., 1911, № 123, 31 мая.

312а.— Портреты В. Г. Белинского работы И. А. Астафьева.— Известия Общества преподавателей графических искусств, 1911, № 5, с. 188—90.

313. О—в М. А. Эпизод из биографии В. Г. Белинского.—Ист. вестник, 1911, № 10, с. 226—31.

Дело об определении Белинского на службу в худож. заведения управления путей сообщения (1841 г.).

314. Парадиев В. Развитие миросозерцания Виссариона Григорьевича Белинского. 1811—1911 гг. (К 100-летнему юбилею великого учителя). Казань, 1911. 70 с.

315. Плеханов Г. В. Виссарион Белинский и Валериан Майков.— Современный мир, 1911, № 5, с. 169—202.

Вошло в кн. авт.: 1) В. Г. Белинский. Сборник статей. М.—Пг., 1923, с. 279—323; 2) Сочинения. Т. XXIII. М.— Л., 1926, с. 223—60.

316.—М. П. Погодин и борьба классов.— Современный мир, 1911, № 2, с. 205—08; № 4, с. 189—90.

Вошло в кн. авт.: Сочинения. Т. XXIII. М.— Л., 1926, с. 64—66, 68, 97—98.

317.— Столетие со дня рождения В. Г. Белинского.— Наш путь, 1911, № 18.

Перепечатано: Лит. наследство, т. 1, 1931, с. 108—15. (С прил. 2-х писем из ред. «Наш путь» к Плеханову).

318. Рудаков В. Е. Архивные розыски о рождении Белинского и о происхождении его матери.— Ист. вестник, 1911, № 5, с. 594—602.

Публикация документов из архива департамента герольдии правительствующего сената и метрической записи о рождении Белинского.

319.— Великий русский критик В. Г. Белинский. Научно-популярный биографический очерк. Спб., А. С. Суворин, [1911]. 104 с. (Деш. б-ка, № 369).

320. Семенов Е. С семьею В. Г. Белинского. (Из записной книжки журналиста).— Рус. слово, 1911, № 122, 29 мая (11 июня).

Воспоминания О. В. Белинской о жизни с матерью в Москве.

321. Соколов Л. А. Белинский в роли педагога. К столетию со дня рождения великого критика. (1811 г.— 30 мая — 1911 г.) — Зап.-рус. начальная школа, Киев, 1911, № 1, с. 2—13; № 2, с. 4—17; № 3, с. 15—26; № 4, с. 54—58.

322.— Дон-Кихот русской жизни. (Памяти В. Г. Белинского). 1811 г.— 30 мая— 1911 г. Киев, 1911. 72 с.

323. Успехи и поведение Белинского-гимназиста.— Рус. слово, 1911, № 122, 29 мая (11 июня).

Документы из архива 1-й пенз. муж. гимназии.

Федоров Ив. Опыт хронологической канвы к биографии В. Г. Белинского, с приложением библиографического указателя.—См. № 1641.

324. Фомин А. Г. Белинский как педагог-практик.— Школа и жизнь, 1911, № 22, 30 мая.

325.— Педагогические идеи Белинского.— Воспитание и обучение, 1911, № 8, стб. 225—34; № 9, стб. 257—66.

326.— Пушкин и журнальный триумвират 30-х годов.— В кн.: Пушкин. Б-ка великих писателей под ред. С. А. Венгерова. Т. V. Спб., 1911, с. 480—82.

327. Щеглов В. Б. В. Г. Белинский как националист.— Мирный труд, Харьков, 1911, № 6—7, с. 141—63.

328. [Якушкин В. Е.]. Памяти Белинского. (Подп.: В. Я.).— Рус. старина, 1911, № 5, с. 242—53.

1912

329. Бродский Н. Л. Поэты кружка Станкевича [И. П. Клюшников и В. И. Красов].— Известия Отд. рус. яз. и словесности Акад. Наук, 1912, т. XVII, кн. 4, с. 1—15, 21, 27—33, 35—36, 53—55, 58, 61, 66, 68—69.

330. Вишневский П. И. Н. В. Гоголь и В. Г. Белинский. Н.-Новгород, изд. газ. «Волгарь», 1912. 141, II с.

Гл. I — III — впервые: Волгарь, 1909, № 67, 20 марта; № 83, 10 апр.; № 99, 29 апр.

331. Воровский В. В. Н. А. Добролюбов. (1911—17-ое ноября — 1861). (Подп.: П. Орловский).— Просвещение, 1912, № 2, с. 4—5.

Вошло в кн. авт.: Сочинения. Т. II. Л., 1931, с. 120—21.

332. Гусев Н. Белинский и Кольцов. (Отношения и влияния).— Филолог. записки, 1912, вып. V—VI, с. 714—34.

333. Евлахов А. М. Введение в философию художественного творчества. Опыт ист.-лит. методологии. Т. II. Методы ненаучные. Варшава, 1912, с. 264—68, 270—73, 281.

334.— Принципы эстетики Белинского.— Варшав. унив. известия, 1912, № 7, с. 1—16; № 8, с. 17—32; № 9, с. 33—38.

— Отд. изд.: Варшава, 1912. 38 с.

335. Иванов-Разумник Р. В. Белинский.— Новый энциклопед. словарь Брокгауза. Т. VIII. Спб., [1912], стб. 871—94.

336.— Собрание сочинений. Т. III. Великие искания. Спб., изд. «Прометей», [1912]. 168 с.

Великие искания. Виссарион Григорьевич Белинский. С. 3—123.—Прил.: Белинский и Бакунин в 1840 году. (Неизданные письма Белинского). С. 127—37.— Неизвестная статья Белинского [о «Руководстве к всеобщей истории» Лоренца, 1841 г.]. С. 138—47.— Дома Белинского в Москве и Петербурге. С. 148—56.— Примечания. С. 159—67.

Рец.: Рус. мысль, 1913, № 9, отд. II, с. 331—32 (А. А. Корнилов).

«Великие искания» вышли отд. изд. под загл.: В. Г. Белинский. Пг., изд. «Сотрудничество», 1918. 114 с.

— 3-е изд., доп. заметками из Собр. соч. Белинского 1911 г., под загл.: Книга о Белинском. Пг., изд. «Мысль», 1923. 274 с.

337. Козмин Н. К. Николай Иванович Надеждин. Жизнь и научн.-лит. деятельность. 1804—1836. Спб., 1912, с. 118—19, 223, 244, 251, 352—58, 364, 369, 380—85, 393, 396—400, 405—09, 416, 436, 467, 482—83, 487—90, 495, 526, 544. (Зап. ист.-филолог. фак-та Спб. ун-та. Ч. CXI).

338. Колтоновская Е. А. Критик-идеалист. (Памяти Белинского). — В кн. авт.: Критические этюды. Спб., 1912, с. 109—28.

339. Корнилов А. А. Семейство Бакуниных.—Рус. мысль, 1912, № 5, отд. II, с. 54, 73; № 9, отд. II, с. 26—39, 42—45, 49, 54—73; № 10, отд. II, с. 72, 83—85, 87, 90; № 12, отд. II, с. 70—73, 86, 100—03, 107; 1913, № 3, отд. II, с. 1—2, 9—13,

19, 25—26, 31—32; № 4, отд. II, с. 55—88; № 8, отд. II, с. 21—30; № 10, отд. II, с. 59—73; № 12, отд. II, с. 14—31, 35, 42.

Вошло в кн. авт.: Молодые годы Михаила Бакунина. Из истории русского романтизма. М., 1915.

Рец.: Голос минувшего, 1916, № 3, с. 259—63 (Н. К. Пиксанов).

340. Ляскоронский В. Г. Философские и эстетические воззрения В. Г. Белинского. — Филолог. зап., 1912, вып. V—VI, с. 770—83.

341. Овсянико-Куликовский Д. Н. Памяти В. Г. Белинского. (К 100-летию со дня рождения).— В кн. авт.: Собр. соч. Спб., 1912, с. 36—43.

— 5-е изд.: М., [1924], с. 33—38.

342. Петербургский Некрополь. Т. I. Спб., 1912, с. 346.

343. Плеханов Г. В. Искусство и общественная жизнь.— Современник, 1912, № 11, с. 292—93.

— Отд. изд.: М., 1922, с. 8—9.

344. Спекторский Е. В. Белинский и западничество.— Зап. О-ва истории, филологии и права при Варшавск. ун-те, вып. 6, 1912, с. 32—64.

— Отд. изд.: Варшава, 1912. 33 с.

Рец.: Рус. богатство, 1912, № 7, отд. II, с. 138—40.

345. Трубицын Н. Н. О народной поэзии в общественном и литературном обиходе первой трети XIX века. (Очерки). Спб., 1912.

О Белинском см. по указателю.

1913

346. Айхенвальд Ю. И. Силуэты русских писателей. Вып. III. Изд. 2-е, значит. доп. М., 1913, с. 1—14.

— 3-е испр. изд.: М., изд. «Мир», 1917, с. 1—15.

Рец.: Вестник воспитания, 1914, № 1, с. 106—39 (Н. Л. Бродский); Вестник Европы, 1913, № 12, с. 402—07 (Ч. В—ий [В. Е. Чешихин]); Заветы, 1913, № 12, отд. II, с. 75—84 (Р. В. Иванов-Разумник); Рус. школа, 1915, № 7—8, отд. III, с. 27—32 (С. Золотарев); Рус. вед., 1913, № 228, 4 окт. (П. Н. Сакулин); Рус. богатство, 1914, № 2, с. 348—53 (А. Б. Дерман); Сборник Отд. рус. яз. и слов. Акад. Наук, 1912, № 6, с. 66—70 (Н. П. Кондаков); Современник, 1914, № 1, с. 111—18 (Е. А. Ляцкий).

347. Берсенев Н. И. В. Г. Белинский. Юбилейные поминки. Н.-Новгород, 1913. 16 с.

348. Венгеров С. А. Письмо Белинского к Гоголю.—В кн. авт.: Собр. соч. Т. II. Спб., 1913, с. 165—238.

349. Замотин И. И. Ф. М. Достоевский в русской критике. Ч. I. 1846—1881. Варшава, 1913.

О Белинском см. по указателю.

350. Комарницкий В. Г. Заслуга В. Г. Белинского в развитии русской педагогической мысли.— В кн.: Сборник речей, произнесенных в дни юбилея Белинского, Добролюбова и Ломоносова. Варшава, 1913, с. 27—39.

— Отд. изд.: Варшава, 1913. 13 с.

Корнилов А. А. Семейство Бакуниных.— См. № 339.

351. Кутузов А. В. Школьная тетрадка В. Г. Белинского. (Новые материалы для его биографии).— Пенз. вед., 1913, № 196, 28 июля.

— Отд. изд. [с небольшими изменениями]: Пенза, 1913. 8 с.

Текст тетрадки Белинского 1828 г. с копиями стихотворений, хранившейся в Пензенской б-ке им. Лермонтова.

352. Пиксанов Н. К. Оценка «Горя от ума» в литературной критике.—В кн.: Полн. собр. соч. А. С. Грибоедова. Т. II. Под ред. и с прим. Н. К. Пиксанова, Спб., 1913, с. 315—20.

353. Семевский В. И. Материалы по истории цензуры в России.— Голос минувшего, 1913, № 3, с. 218—19; № 4, с. 207—14.

Рапорт цензора А. Крылова о статье Белинского о «Воспоминаниях» Ф. В. Булгарина.— Записка Булгарина о цензуре и коммунизме в России.—Журнал Комитета

учрежденного для рассмотрения действий цензуры периодических изданий 29 марта 1848 г.— Записка Булгарина к А. Ф. Орлову об «Отечественных записках» и «Современнике» 6 марта 1848 г.

354. Щеглов Б. К вопросу о влиянии Белинского на Никитина.— Филолог. зап., 1913, вып. III, с. 362—86.

1914

355. Айхенвальд Ю. И. Спор о Белинском. Ответ критикам. М., изд. «Мысль», 1914. 100 с.

Ответ на рецензии на кн.: Силуэты русских писателей. См. № 346.

Рец.: Рус. вед., 1914, № 129, 6 июля (П. Н. Сакулин); Рус. филолог. вестник, 1915, № 1, отд. II, с. 68—69 (В. А. Истомин).

356. Астров В. Белинский.— В кн. авт.: Не нашли пути. Из истории религиозного кризиса. Спб., 1914, с. 46—59.

357. Бродский Н. Л. Развенчан ли Белинский? — Вестник воспитания, 1914, № 1, с. 106—39.

О книге Ю. И. Айхенвальда. См. № 346.

358. Веселовский Ал. Н. История новой русской литературы 19 в. (с 30 по 60 г.). Лекции, читанные на Высших женских курсах в 1913/14 учеб. году. М., 1914, с. 59—98, 106—21.

Лекция XIII. Московские кружки 30-х годов.— «Литературные мечтания» и др. статьи Белинского.— Белинский о Кольцове.— Белинский и разумная действительность.— Статьи Белинского о Бородинской годовщине и о Менцеле.— Начало зрелого и общественно-важного периода деятельности Белинского.— Замечательное десятилетие (1838—1848).

359. Дашкевич Н. П. В. И. Красов, полузабытый лирик и словесник 30-х и 40-х годов.— Сборник Отд. рус. яз. и словесности Акад. Наук, т. XCII, 1914, с. 624, 626—27, 630, 633, 635, 640, 642, 645, 651.

Вошло в кн. авт.: Статьи по новой русской литературе. Пг., 1914.

360. Михайловский Н. К. Письма Белинского к невесте.—В кн. авт.: Полн. собр. соч. Т. VIII. Спб., 1914, с. 259—62.

Впервые: Рус. богатство, 1895, № 12, отд. II, с. 10—13.

361. Савченко С. В. Русская народная сказка. (История собирания и изучения). Киев, 1914, с. 258, 270—72, 316.

Интерес Белинского к фольклору.

362. Сакулин П. Н. Психология Белинского.— Голос минувшего, 1914, № 4, с. 85—121.

363. Сперанский М. Н. История русской литературы XIX века. Записки слушателей, редактированные профессором. М., О-во взаимопомощи студ. фил[ологов] при М[оск.] у[н-те], 1914, с. 233—65.

364. Чуковский К. И. Забытое и новое о Достоевском.— Речь, 1914, № 94, 6 апр.

О взаимоотношениях Достоевского с Белинским.

1915

365. Герцен А. И. Полное собрание сочинений и писем. Под ред. М. К. Лемке. Т. III. Пг., 1915.

Москва и Петербург. С. 13.— Впервые: Колокол, 1857, № 2.

366. Григорьев А. А. Собрание сочинений. Под ред. В. Ф. Саводника. М.— Пг.— Казань, 1915.

Вып. 2. Критический взгляд на основы, значение и приемы современной критики искусства. С. 73, 95—96.— Впервые: Б-ка для чтения, 1858, № 1, отд. V, с. 5, 26—27.— Несколько слов о законах и терминах органической критики. С. 120.— Впервые: Рус. слово, 1859, № 5, отд. II, с. 8—9.— Парадоксы органической критики. (Письма к Ф. М. Достоевскому). С. 138—43, 146, 163.— Впервые: Эпоха, 1864, № 5, с. 261—66, 269; № 6, с. 276.

Вып. 3. Развитие идеи народности в нашей литературе со смерти Пушкина. С. 8—9, 16, 24—25, 39, 45—46, 51—52, 69—109.— Впервые: Время, 1861, № 2, отд. II, с. 90, 96, 103—04; № 3, отд. II, с. 6, 11—12, 17—18, 33—34; № 4, отд. II, с. 182—218.

Вып. 6. Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина. С. 1—5, 17, 28—29, 42—43, 46—49, 59—71, 76—80.— Впервые: Рус. слово, 1859, № 2, отд. II, с. 1—6, 18, 43, 59; № 3, отд. II, с. 1—4, 15—21, 25, 28, 34—39.

Вып. 10. И. С. Тургенев и его деятельность. По поводу романа «Дворянское гнездо». С. 2, 8, 27, 65—67, 100, 110, 129.— Впервые: Рус. слово, 1859, № 4, отд. II, с. 2, 9, 30; № 6, отд. II, с. 16—18; № 8, отд. II, с. 4—17, 34.

367. Каптерев П. Ф. История русской педагогии. Изд. 2-е, пересмотр. и доп. Пг., 1915, с. 356—72, 376.

368. Ковалевский М. Шеллингианство и гегельянство в России. — Вестник Европы, 1915, № 11, с. 136—37, 140—51.

369. Лонгинов М. Н. О первом издании собрания сочинений Белинского.— В кн. авт.: Сочинения. Т. I. М., 1915, с. 539—44.—Впервые: Моск. вестник, 1859, № 44, с. 557—58.

Рец.: Отеч. зап. 1862, № 7, отд. III, с. 124—28.

370. Мережковский Д. С. Завет Белинского. Религиозность и общественность русской интеллигенции. Пг., изд. «Прометей», [1915]. 43 с.

Рец.: Вестник знания, 1915, № 9, с. 626—38 (В. Г. Голиков).

371. Подъячев М. В. Г. Белинский и романтизм. (Кое-что к психологии романтизма).— Рус. филолог. вестник, 1915, № 1, с. 86—100.

372. Семевский В. И. Петрашевцы С. Ф. Дуров, А. И. Пальм, Ф. М. Достоевский и А. Н. Плещеев.— Голос минувшего, 1915, № 11, с. 8, 20—23, 30—33.

1916

373. Блок А. А. Судьба Аполлона Григорьева.— В кн.: А. Григорьев. Стихотворения. Собрал и прим. снабдил А. Блок. М., 1916, с. II—V, XX.

Вошло в кн. авт.: Собр. соч. Т. XI. Л., [1934], с. 166, 168, 179.

Рец.: Голос минувшего, 1916, № 5, с. 430—32 (И. Н. Розанов); сб. «Огни», Пг., 1916, с. 264—70 (З. Н. Гиппиус).

374. [Евгеньев-Максимов В. Е.]. Из истории некрасовского «Современника». (К пятидесятилетию его закрытия). (Подп.: В. Евгеньев).— Ежемесячный журнал, 1916, № 6, стб. 137—39, 144, 147.

375.— Н. А. Некрасов и люди 40-х годов.— Голос минувшего, 1916, № 4, с. 127—31; № 5, с. 41—42, 44—51.

376. Иванов-Разумник Р. В. Сочинения. Т. V. Пушкин и Белинский. Пг., 1916. 371 с.

Пушкин и Белинский. С. 1—2.— Поэзия душевного единства. (Белинский о Пушкине). С. 114—50.— Поэзия душевного раздвоения. (Белинский о Лермонтове). С. 151—65.—Поэзия безграничного и трагического. (Белинский о Майкове и Баратынском). С. 166—76.— Поэзия земледельческого быта. (Белинский о Кольцове). С. 177—88.— Белинский в тридцатых годах. (От Шеллинга через Фихте к Гегелю). С. 189—226.— Белинский и Бакунин в 1840 г. С. 227—36.— Начало социализма. (Неизвестная статья Белинского) [о «Руководстве к всеобщей истории» Лоренца. 1841 г.] С. 237—45. — Белинский и Гоголь. С. 247—69. — Война со славянофилами. С. 270—95.—Годовые обзоры литературы. С. 296—371.

Рец.: Голос минувшего, 1916, № 4, с. 261 (В. Фишер); Родной яз. в школе, 1916, № 6, с. 285—86 (Н. К. Пиксанов).

377. [Лернер Н. О.] Белинский — цитатор.— (Подп.: Дед-Книговед). — Журнал журналов, 1916, № 31, с. 13.

1917

378. Атаир-Руднева С. Загадка вечности. Новый взгляд на Гамлета. Пг., 1917.

Предисловие к статье Белинского о Гамлете. С. 7—14.— Взгляд Белинского на Гамлета в связи с развитием философского миросозерцания критика. С. 15—62.

379. Г е р ц е н А. И. Полное собрание сочинений и писем. Под ред. М. К. Лемке. Т. VII. Пг., 1917.

В редакцию «Польского демократа» 20 мая 1853 г. С. 231—32.— Впервые: «Demokrata Polska», 1853, 25 мая.

380. — То же. Т. VIII. Пг., 1917.

Полярная звезда. Третное обозрение нарождающейся Руси. С. 172. [О переписке Белинского с Гоголем].— [Примечание к переписке Белинского с Гоголем 1847 г.]. С. 205—06.— Впервые: Полярная звезда на 1855 год. Кн. I. Лондон, 1855, с. 62—64.

381. Г о р ь к и й М. Еще о «карамазовщине».— В кн. авт.: Статьи. 1905—1916 гг. Пг., изд. «Парус», [1917], с. 165.

— 2-е изд.: Пг., 1918, с. 155.

Вошло в кн. авт.: Литературно-критические статьи. М., 1937, с. 149.

382. К о м а р о в и ч В. Л. Достоевский и шестидесятники. Ист.-лит. материалы.— Современный мир, 1917, № 1, с. 129—38.

383. Н а у м е н к о В. К истории возникновения «Московского наблюдателя».— Голос минувшего, 1917, № 1, с. 273—77.

Об отношениях Белинского с В. П. Андросовым.

384. С е м е в с к и й В. И. Из истории общественных идей в России в конце 1840-х годов. Пг., изд. «Задруга», 1917, с. 10, 20, 26.

О роли письма Белинского к Гоголю в деле петрашевцев.

385. Ч у к о в с к и й К. И. Драгоценная находка. Неизданная повесть Н. А. Некрасова о Белинском, Достоевском и Тургеневе.— Нива, 1917, № 34—37, с. 554—60.

Вошло в кн.: 1) Неизданные произведения Н. А. Некрасова. С объяснит. статьями и прим. К. И. Чуковского. Спб., 1918, с. 5—22; 2) Некрасов Н. А. Каменное сердце. Пг., 1922, с. 3—38 (под загл.: Достоевский и кружок Белинского по новонайденным «Запискам» Некрасова); 3) Чуковский К. Некрасов. Статьи и материалы. Л., 1926, с. 326—49 (под загл.: Достоевский и плеяда Белинского); 4) Некрасов Н. Тонкий человек и другие неизданные произведения. Собрал и пояснил К. Чуковский. М., 1928, с. 189—230 (под загл.: Плеяда Белинского и Достоевский).

Рец.: см. № 1546.

1918

386. Л ь в о в - Р о г а ч е в с к и й В. Л. Учитель. (Памяти В. Г. Белинского).— Объединение, 1918, № 11, с. 4—9.

387. П о с т а н о в л е н и е Совета Народных Комиссаров о постановке памятников «великим деятелям социализма, революции и пр.» [в том числе и Белинскому] от 30 июля 1918 г.— Известия, 1918, № 163, 2 авг.

1919

388. Б л о к А. А. Что надо запомнить об Аполлоне Григорьеве.— Жизнь искусства, 1919, № 217.

Вошло в кн. авт.: Собр. соч. Т. XI. Л., [1934], с. 197—98.

389. Б о г у ч а р с к и й В. Я. Три западника сороковых годов. (П. Я. Чаадаев, В. Г. Белинский и А. И. Герцен). (Историко-литературные очерки). Ч. II. В. Г. Белинский. Пб., изд. «Атеней», 1919. 54 с.

390. Г е р ц е н А. И. Полное собрание сочинений и писем. Под ред. М. К. Лемке. Т. IX. Пг., 1919.

Ответ на письмо из Польши. С. 517.— Впервые: Колокол, 1859, л. 37.

391.— То же. Т. X. Пг., 1919.

Very dangerous!!! [Очень опасно!!!]. С. 14.— Впервые: Колокол, 1859, л. 44.— Русские немцы и немецкие русские. Отрывок второй. Доктринерствующие немцы. С. 97.— Впервые: Колокол, 1859, л. 58—59.— Лишние люди и желчевики. С. 421.— Впервые: Колокол, 1860, л. 83.

392.— То же. Т. XI. Пг., 1919.

Предисловие [ко 2-й кн.: Исторический сборник вольной русской типографии в Лондоне. 1861 г.] С. 16.— Провинциальные университеты. С. 23.— Впервые: Колокол, 1861, л. 91.

1920

393. Герцен А. И. Полное собрание сочинений и писем. Под ред. М. К Лемке. Т. XV. Пг., Гос. изд., 1920.

Ученая Москва. С. 69.— Впервые: Колокол, 1862, л. 125.— Сенаторам и тайным советникам журнализма. С. 114.— Впервые: Колокол, 1862, л. 130.— Москва нам не сочувствует. С. 184—85.— Впервые: Колокол, 1862, л. 135.— Концы и начала. Письмо восьмое. С. 301.— Впервые: Колокол, 1863, л. 56.

394.— То же. Т. XVI. Пг., 1920.

MDCCCLXIII [1863]. С. 4.— Впервые: Колокол, 1863, л. 153.—1831—1863. С. 180, 185—86, 188.— Впервые: Колокол, 1863, лл. 161 и 163.

1921

395. Достоевский Ф. М. Речь о Пушкине. 1880 г. Черновой набросок.— Вестник литературы, 1921, № 2 (26), с. 6. Публ. В. Б. Враской.

То же — В кн.: Радуга. Альманах Пушкинского Дома. Пб., 1922, с. 267—70.

396. Оксман Ю. Г. Секретное следствие 1852 г. о «Записках охотника».— В кн. авт.: И. С. Тургенев. Исследования и материалы. Вып. I. Одесса. 1921, с. 5—7.

Влияние Белинского на идейную направленность «Записок охотника».

1922

397. Герцен А. И. Полное собрание сочинений и писем. Под ред. М. К. Лемке. Т. XVII. Пг., Гос. изд., 1922.

Ответ Гарибальди. С. 38.— Впервые: Колокол, 1864, л. 178.—«Le Nord» или le Tzar за Землю и Волю. С. 115.— Впервые: Колокол, 1864, л. 180—81.— Nouvelle phase de la littérature russe. [Новая фаза русской литературы]. С. 192—94, 200—01, 214—15; перевод: с. 233—34, 241—42, 256—57.— Впервые: La Cloche, 1864, л. 44—45.— VII лет. С. 299.— Впервые: Колокол, 1864, л. 187.— Письма к противнику. Письмо второе. С. 378.— Впервые: Колокол, 1864, л. 193.

398.— То же. Т. XVIII. Пг., 1922.

Письма к путешественнику. Письмо четвертое. С. 126.— Впервые: Колокол, 1865, л. 201.— К концу года. С. 273.— Впервые: Колокол, 1865, л. 210.— Из Петербурга. С. 411.— Впервые: Колокол, 1866, л. 221.

399.— То же. Т. XIX. Пг., 1922.

Катков и государь. С. 32.— Впервые: Колокол, 1866, л. 225.

400. Машкин А. Фейербах в истории русской критики.— В кн.: Памяти Людвига Фейербаха. 1872—13 сент.— 1922. Сборник статей С. Семковского, Г. Рохкина, В. Рожицына, А. Машкина и А. Гуревича. Харьков, 1922, с. 149, 158—65, 168—69, 172—74.

401. Полонский В. Михаил Александрович Бакунин. Жизнь, деятельность, мышление. Т. I. Бакунин-романтик. М., Гиз, 1922, с. 63—77.

Белинский и Бакунин.

402. Сакулин П. Н. Русская литература и социализм. Ч. I. Ранний русский социализм. М., Гос. изд., 1922.

— 2-е перераб. изд.: М., Гос. изд., 1924.

О Белинском см. по указателю.

1923

403. Герцен А. И. Полное собрание сочинений и писем. Под ред. М. К. Лемке. Т. XXI. Пг., Гос. изд., 1923.

A nos ennemis. [Нашим врагам]. С. 191; перевод: с. 199—200.— Впервые: Колокол, 1868, л. 14—15.

404. Коган П. С. Белинский. (1848—1923).— Известия, 1923, № 125, 8 июня.

405. О Белинском. К 75-летней годовщине со дня смерти. Составлено Библиогр. комиссией Петрогубполитпросвета. Под ред. В. Фейдер. М.— Пг., Гос. изд., 1923. 40 с.

Содержание: В. Фейдер. Вместо предисловия.— В. С. Габо. В. Г. Белинский. Биогр. заметка.— В. С. Габо. Главнейшие этапы жизни Белинского.— Мысли Белинского.— О. Э. Вольценбург. Указатель собраний сочинений В. Г. Белинского.— Указатель марксистской литературы о Белинском.— А. М. Белов. Указатель воспоминаний и материалов о Белинском.

Рец.: Бюллетень книги, 1923, № 9—10, стб. 102.

406. Правдухин В. Виссарион Белинский — основоположник социальной эстетики. К 75-летию со дня смерти.— 26 мая 1848 г.— 26 мая ст. стиля 1923 г.— Сибирские огни, 1923, № 3, с. 179—202.

Отд. изд.: Новониколаевск, изд. журн. «Сибирские огни», 1923. 24 с.

407. Фомин А. Г. Белинский-педагог. С прил. библиогр. указателя. К 75-летию со дня его смерти. (1848—1923). Пг., изд. «Начатки знаний», 1923. 56 с.

1924

408. Архангельский К. П. Из истории кружка Н. В. Станкевича.— Воронежский краеведческий сборник. Вып. I. 1924, с. 29—33, 37, 41—42.

Бельчиков Н. Ф., Будков П. Е. и Оксман Ю. Г. Летопись жизни Белинского.— См. № 1643.

409. Венок Белинскому. Новые страницы Белинского, речи, исследования, материалы. Ред. Н. К. Пиксанова. М., изд. «Новая Москва», 1924. 285 с. (Рос. Акад. художеств. наук. Ком-т по чествованию памяти В. Г. Белинского).

Содержание: От редактора.— I. Новые тексты: В. С. Спиридонов. Неизвестный Белинский. Вступ. заметка.— [Тексты Белинского]: Оборона летописи русской. — Руководство к всеобщей истории. — История Малороссии. — Письма к В. П. Боткину.— II. Речи в заседании 13 июня 1923 г.: А. В. Луначарский.— Вступительное слово.— П. С. Коган. От идеализма к материализму.— П. Н. Сакулин. Проблема искусства в критике Белинского.— А. И. Южин-Сумбатов. Белинский и театр.— III. Исследования, характеристики, материалы: Л. Л. Сабанеев. Белинский и музыка.— А. В. Бакушинский. Встреча Белинского с Сикстинской мадонной.— Н. Л. Бродский. Белинский и Тургенев.— И. Р. Эйгес. Мышление в образах. (Белинский, Гончаров, Тургенев).— М. К. Клеман. Белинский в неизданных письмах А. Д. Галахова к А. А. Краевскому.— М. П. Алексеев. Белинский и Диккенс. (К истории английского влияния в русской литературе).— Р. И. Шор. К источникам «Дмитрия Калинина». (Драма Раупаха «Крепостные»).— А. Я. Цинговатов. Белинский в сознании Блока.— И. Л. Поливанов. Я. П. Полонский о Белинском. (По поводу неизданного письма).— В. Л. Комарович. Идеи французских социальных утопий в мировоззрении Белинского.— П. Е. Будков. Белинский и Некрасов о воспоминаниях Булгарина.— Н. Ф. Бельчиков. Белинский и Макс Штирнер.— Ред. К иллюстрациям.

Рец.: Красная новь, 1925, № 1, с. 322—24 (Н. Н. Фатов); Новый мир, 1925, № 7, с. 155 (Л. Г.); Печать и революция, 1925, № 5—6, с. 502—03 (А. Глаголев).

410. Комарович В. Л. Юность Достоевского.— Былое, 1924, № 23, с. 3—4, 11—26, 30, 33, 38.

411. Кубиков И. Н. В. Г. Белинский. Жизнь и литературная деятельность. М., Гос. изд., 1924. 128 с. (Критико-биогр. серия. Под ред. П. И. Лебедева-Полянского).

Рец.: Печать и революция, 1925, № 3, с. 267—68 (П. С. Коган).

412. Пушкинский Дом при Российской Академии Наук. Ист. очерк и путеводитель. Л., 1924, с. 68—70, 140.

413. Томашевский Б. В. Белинский — редактор Кольцова.— Жизнь искусства, 1924, № 6, с. 20—21.

1925

414. Герцен А. И. Полное собрание сочинений и писем. Под ред. М. К. Лемке. Т. XXII. Л., Гос. изд., 1925.

La conspiration russe de 1825. [Русский заговор 1825 г.]. С. 89; перевод: с. 109.— Впервые: Bulletin de l'Association Internationale, 1858.

415. Кубиков И. Н. Великие писатели России. [Харьков], изд. «Пролетарий», 1925, с. 19—25.

416. Львов-Рогачевский В. Л. Введение в изучение литературы дореформенной России. М.— Л., Гос. изд., 1925, с. 117, 129, 132, 140, 145, 152, 154, 158—65, 168, 175—79, 183, 189—93, 198—99, 206—07, 210—12, 220—21, 225. (Критико-биогр. серия).

1926

417. Орлов А. С. Русский язык в литературном отношении.— Родной яз. в школе, 1926, № 9, с. 36—37.

1927

418. Гинзбург Л. Я. Из литературной истории Бенедиктова. (Белинский и Бенедиктов).— В кн.: Поэтика. Сборник статей. Л., изд. «Academia», 1927, с. 83—103.

419. Евгеньев-Максимов В. Е. Очерки по истории социалистической журналистики в России XIX века. М.— Л., Гос. изд., 1927, с. 10—18, 23, 31—37 40, 43, 45—48, 51, 55—61.

420. Луначарский А. В. Историческое значение Белинского. — Большая сов. энциклопедия. Т. V. М., 1927, с. 301—06.

Вошло в кн. авт.: Критика и критики. М., 1938, с. 138—45.

421. Пиксанов Н. К. Белинский.— Там же, стб. 295—301.

422. Словохотов Л. А. О классиках русской литературы. Саратов, 1927, с. 32—34.

1928

423. Буш В. В. Заметки об «Очерках гоголевского периода русской литературы».— В кн.: Н. Г. Чернышевский. 1828—1928. Неизданные тексты, материалы и статьи. Саратов, 1928, с. 198—206, 208—09.

Об оценке Белинского Чернышевским.

424. Вороницын И. П. В. Г. Белинский и религия. М., изд. «Атеист», [1928]. 37 с.

— 2-е испр. и доп. изд.: М., изд. «Атеист», 1930. 42 с.

425. Евгеньев-Максимов В. Е. Некрасов как человек, журналист и поэт. М.— Л., Гос. изд., 1928, с. 51—55, 73, 86—92, 97, 99, 103, 146—47, 151, 178, 250.

426. Петрашевцы. Сборник материалов. Ред. П. Е. Щеголева. Т. III. М.— Л., Гос. изд., 1928, с. 10, 76, 82, 88—89, 94, 128, 132, 139, 142—43, 155, 174—75, 179, 182—85, 188—89, 194, 199—207, 211—13, 217, 303, 311—12, 326—30, 335—36.

О чтении письма Белинского к Гоголю.

427. Чулков Г. И. Последнее слово Достоевского о Белинском.— Достоевский. Труды Гос. Акад. худож. наук, Лит. секция, 1928, № 3, с. 61—81.

1929

428. Аронсон М. и Рейсер С. Литературные кружки и салоны. Ред. и предисл. Б. М. Эйхенбаума. Л., изд. «Прибой», 1929, с. 11, 66, 68, 73, 74, 133—42, 178, 216, 217, 226, 235—37, 271—74, 295, 304.

429. В. Г. Белинский. М., изд. «Никитинские субботники», 1929. 532 с. (Б-ка писателей для школы и юношества. Под ред. Е. Ф. Никитиной. IV серия. Рус. критики в марксистском освещении).

Содержание: I. Хронологическая таблица жизни и критической деятельности В. Г. Белинского.— Г. В. Плеханов. В. Г. Белинский.— Его же. Литературные взгляды В. Г. Белинского.— Е. Соловьев (Андреевич). В. Г. Белинский.— II. В. Г. Белинский. 1. О Пушкине.—2. О Лермонтове.— 3. О Гоголе.— III. Библиография марксистских статей о критической деятельности Белинского.

430. Виноградов В. В. Школа сентиментального натурализма. Роман Достоевского «Бедные люди» на фоне литературной эволюции 40-х годов.— В кн. авт.: Эволюция русского натурализма. Гоголь и Достоевский. Л., 1929, с. 296—98, 325—26, 328—29, 365.

431. Виссарион Григорьевич Белинский в воспоминаниях современников. Собрал и коммент. М. К. Клеман. Предисл. и ред. Н. К. Пиксанова. С 30 илл. Л., изд. «Academia», 1929. 432 с.

Н. К. Пиксанов. От редактора.— Д. П. Иванов. Детство Белинского.— И. И. Лажечников. Заметки для биографии Белинского.— Н. А. Аргилландер. В. Г. Белинский.— П. Прозоров. Белинский и Московский университет в его время.— К. Д. Кавелин. Воспоминания о В. Г. Белинском.— Н. М. Сатин. Отрывки из воспоминаний.— А. И. Герцен. Из «Былого и дум».— В. А. Панаев. Воспоминания.— Н. Н. Тютчев. Мое знакомство с В. Г. Белинским.— И. С. Тургенев. Встреча моя с Белинским.— И. С. Тургенев. Воспоминания о Белинском.— Ф. М. Достоевский. Из «Дневника писателя».— И. А. Гончаров. Заметки о личности Белинского.— И. Шмаков. Белинский в Симферополе.— А. В. Орлова. Из воспоминаний о семейной жизни Белинского.— М. К. Клеман. Библиография воспоминаний о Белинском. Тематический указатель воспоминаний.

Рец.: Каторга и ссылка, 1930, № 6, с. 191—92 (Ю. Г. Оксман); Книга и революция, 1929, № 11, с. 57 (Ипполит [И. К. Ситковский]); На лит. посту, 1929, № 8, с. 70—71 (В. Ц.).

432. Достоевский Ф. М. Полное собрание художественных произведений. Ред. Б. Томашевского и К. Халабаева. Т. XI. М.— Л., Гос. изд., 1929.

Дневник писателя. 1876 г. Март. Гл. I. «Обособление». С. 222.— Июнь. Гл. I. Несколько слов о Жорж Занде. С. 310.— Гл. II. Мой парадокс. Вывод из парадокса. С. 319—22.— Впервые: Отд. изд., Спб., 1876, с. 71, 151—52, 159—62.

433. Коган П. С. Н. И. Надеждин.— В кн.: Очерки по истории русской критики. Под ред. А. Луначарского и В. Полянского. Т. I. М.— Л., 1929, с. 173—77, 181—84, 187.

434.— Н. А. Полевой.— Там же, с. 152, 157, 162, 165, 168.

435. Короленко В. Г. Памяти Белинского.— В кн. авт.: Сочинения. Под ред. Н. К. Пиксанова. М.— Л., 1929, с. 575—77.— Впервые: Рус. богатство, 1898, № 5, отд. II, с. 163—66.

Вошло в кн. авт.: Избранные произведения. М., 1947, с. 471—73.

436. Крестова Л. В. Зрители первых представлений «Ревизора».— Научн. труды Индустр.-пед. ин-та им. Либкнехта. Серия соц.-эконом., вып. 8, 1929, с. 12—14, 18—23.

О принадлежности Белинскому статьи в «Молве», 1836 г., № 9, за подписью А. Б. В.— См. № 114.

437. [Лебедев-Полянский П. И.] Белинский Виссарион Григорьевич.— Лит. энциклопедия. Т. I. М., 1929, с. 394—406. (Подп.: Валерьян Полянский).

Отд. изд.: Лебедев-Полянский П. И. В. Г. Белинский. Н. А. Добролюбов. М., изд. Ком. академии, 1931, с. 3—37 (Ком. академия. Б-ка лит. энциклопедии).

438. Лебедев-Полянский П. И. В. Г. Белинский.— В кн.: Очерки по истории русской критики. Под ред. А. Луначарского и В. Полянского. Т. I. М.—Л., 1929, с. 188—222.

439. Рожков Н. А. Тридцатые — сороковые годы.— Там же, с. 108, 114, 120—24, 133—35, 140, 148, 150.

440. Чулков Г. И. Достоевский и утопический социализм.— Каторга и ссылка, 1929, № 2 (51), с. 12, 23—26, 33; № 3 (52), с. 134, 139—41.

441. Щукин С. Е. В. Г. Белинский и социализм. М., изд. Ком. академии, 1929. 173 с. (Ком. академия. Секция литературы, искусств и языка).

Рец.: Печать и революция, 1929, № 11, с. 96—98 (Г. Федосеев).

1930

442. Архангельский К. П. Н. В. Станкевич. (Из истории умственной жизни тридцатых годов).— Изв. Сев.-Кавказ. гос. ун-та, 1930, т. I (XIV), Ростов-на-Дону, с. 93, 98—99, 107—111, 116, 139—41, 144, 153.

443. Григорьев А. А. Плачевные размышления о деспотизме и вольном рабстве мысли.— В кн. авт.: Воспоминания. Ред. и коммент. Р. В. Иванова-Разумника. М.— Л., 1930, с. 359, 362, 365, 373.— Впервые: Якорь, 1863, № 3, с. 44—45.

444. Достоевский Ф. М. Полное собрание художественных произведений. Т. XIII. Л., Гос. изд., 1930.

Ряд статей о рус. литературе: I. Введение. II. г. —бов [Добролюбов] и вопрос об искусстве. С. 49, 62—63.— Впервые: Время, 1861, № 1, отд. II, с. 20; № 2, отд. II, с. 165—66.— «Свисток» и «Русский вестник». С. 190—91.— Впервые: Время, 1861, № 3, отд. V, с. 75—76.— [Примечание к «Письму с Васильевского острова» в редакцию «Времени» Л. К.]. С. 199.— Впервые: Время, 1861, № 4, отд. VI, с. 152.— Ответ «Русскому вестнику». С. 202, 206.— Впервые: Время, 1861, № 5, отд. V, с. 18, 22—23.— Щекотливый вопрос. С. 262.— Впервые: Время, 1862, № 1, отд. II, с. 146.— Господин Щедрин или раскол в нигилистах. С. 322.— Впервые: Эпоха, 1864, № 5, с. 274.— Две заметки редактора. С. 449—50.— Впервые: Гражданин, 1873, № 27, 2 июля, с. 763.— Из текущей жизни. С. 452.— Впервые: Гражданин, 1873, № 28, 9 июля, с. 791.—[Объявление о выходе журнала «Время» в 1862 г.]. С. 505.— Впервые: Время, 1861, № 9.— [Приписка к статье Н. Н. Страхова «Нечто о Шиллере»]. С. 525.— Впервые: Время, 1861, № 2, отд. II, с. 114.

445. Евгеньев-Максимов В. Е. Некрасов и Белинский.— В кн. авт.: Н. А. Некрасов и его современники. Очерки. М., 1930, с. 44—98.

446. Измайлов Н. В. Тургенев и круг «Современника».— В кн.: Тургенев и круг «Современника». Неизд. материалы 1847—1861. М.— Л., 1930.

О Белинском см. по указателю.

447. Казанский Б. В. Примечания к статье Белинского «И мое мнение об игре г. Каратыгина».— В кн.: П. А. Каратыгин. Записки. Л., изд. «Academia», 1930. Т. II, с. 366—84.

448. Литературные салоны и кружки. Первая половина XIX в. Ред., вступ. статья и прим. Н. Л. Бродского. М.— Л., изд. «Academia», 1930, с. 202, 301—15, 323, 356, 431, 453, 458—86, 503—05, 530, 539—41, 548.

1931

449. Григоров Г. Гегельянство В. Г. Белинского. (К 100-летию со дня смерти Гегеля).— Новый мир, 1931, № 11, с. 128—40.

450. Губер П. К. Граф В. А. Соллогуб и его мемуары.— В кн.: Соллогуб В. А. Воспоминания. М.— Л., 1931, с. 9, 22, 39, 53—57, 60, 63, 67, 82—85, 107, 109, 111, 114, 120.

451. Оксман Ю. Г. Белинский Виссарион Григорьевич.— В кн.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 6-ти т. Т. VI. Путеводитель по Пушкину. М.— Л., 1931, с. 54—55.

452. Чуковский К. И. Тросников-Некрасов. (Черты автобиографии в найденных произведениях Некрасова).— В кн.: Жизнь и похождения Тихона Тросникова. Новонайденная рукопись Некрасова. Под ред. В. Евгеньева-Максимова и К. Чуковского. М.— Л., 1931, с. 37—40, 44.— См. № 1549.

1932

453. Базилевская Е. В. Мнимая эпиграмма Некрасова. (К вопросу об отношениях Некрасова и Тургенева).— Звенья, I, 1932, с. 187—94.

О принадлежности Тургеневу эпиграммы на М. В. Белинскую.

454. Глаголев Н. А. За ленинскую критику взглядов Плеханова на Белинского.— Марксистско-ленинское искусствознание, 1932, № 2, с. 3—33.

455. Жирмунский В. М. Гете в русской поэзии.— Лит. наследство, т. 4—6, 1932, с. 577, 582—87.

456. Сергиевский И. В. Гете в русской критике. — Там же, с. 732—42.

1933

457. Андреев П. Белинский и крестьянство.— Наступление, 1933, № 9, с. 95—101.

458. Полянский В. (П. И. Лебедев). Н. А. Добролюбов. Мировоззрение и лит.-критич. деятельность. М.— Л., изд. «Academia», 1933.

— 2-е изд.: М., изд. «Academia», 1935.

О Белинском см. по указателю.

459. Прохоров Г. Судьба литературного наследства Г. Е. Благосветлова.— Лит. наследство, т. 7—8, 1933, с. 314—16.

О цензурной истории статьи Благосветлова о Белинском в «Русском слове» 1860 г.

460. Тургенев И. С. Сочинения. Ред. К. Халабаева и Б. Эйхенбаума. Т. XII. М.— Л., Гос. изд., 1933.

[Речь, читанная в публичном заседании О-ва любителей российской словесности по поводу открытия памятника А. С. Пушкину в Москве]. С. 233.— Впервые: Вестник Европы, 1880, № 7, с. X—XI.— Письмо к редактору «С.-Петербургских ведомостей». С. 386.— Впервые: Спб. вед., 1870, № 8, 8 (20) янв.

1934

461. Блок А. А. Собрание сочинений. Т. XI. История литературы. 1903—1921. Л., Изд. писателей в Ленинграде, 1934.

Очерк литературы о Грибоедове. С. 93, 95, 98, 101, 106—07, 118—25.— О списке русских авторов. С. 210.— Синхронистические таблицы XIX века. С. 442, 444—48.— Общественно-литературные параллели XIX века (схема по десятилетиям). С. 466—67.

462. Бонди С. М. Историко-литературные опыты Пушкина.— Лит. наследство, т. 16—18, 1934, с. 441.

О «Литературных мечтаниях».

463. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII — XIX вв. Пособие для высш. пед. учеб. заведений. М., Учпедгиз, 1934, с. 230—31.

Гл. VII, § 12. Развитие научно-философской и журнально-публицистической речи. Значение Белинского в истории русского журнально-публицистического языка.

— 2-е изд., перер. и доп.: М., Учпедгиз, 1938, с. 4, 334—340.

464. Горький М. Доклад на съезде советских писателей 17 августа 1934 г.— Правда, 1934, № 228, 19 авг.; Известия, 1934, № 193, 19 авг.; Лит. газ., 1934, № 106, 20 авг.

— Отд. изд. под загл.: Советская литература. М., 1934, с. 21.

Вошло в кн. авт.: О литературе. М., 1935, с. 377.— 3-е изд.: М., 1937, с. 458.

465. — Письмо к А. Лапшеву 30 янв. 1912 г.— В кн.: М. Горький. Материалы и исследования. I. Под ред. В. А. Десницкого. Л., 1934, с. 284.

Совет читать Белинского.

466. Гутман Л. Искусствоведческие взгляды Белинского.— Искусство, 1934, № 3, с. 179—98.

467. Добролюбов Н. А. Полное собрание сочинений. В 6-ти т. Под общ. ред. П. И. Лебедева-Полянского. Т. I. Ред. Ю. Г. Оксмана. М., изд. «Худож. лит-ра», 1934.

Александр Сергеевич Пушкин. С. 117.— Впервые: Рус. иллюстр. альманах. Спб., 1858, с. 12.— А. В. Кольцов. С. 138, 141—42.— Впервые в кн.: А. В. Кольцов. Его жизнь и сочинения. Чтение для юношества. М., 1858.— О степени участия народности в развитии русской литературы. С. 203—04.— Впервые: Современник, 1858, № 2, отд. II, с. 113—14.— Стихотворения А. Полежаева, с портретом автора и статьею о его сочинениях, писанною В. Белинским [...] М., 1857. С. 277—78.— Впервые:

Современник, 1857, № 9, отд. IV, с. 3.— Сочинения Пушкина. Седьмой дополнительный том, изд. Анненковым. Спб., 1857. С. 313.— Впервые: Современник, 1858, № 1, отд. II, с. 29.— Новые стихотворения В. Бенедиктова. М., 1857. С. 327.— Впервые: Современник, 1858, № 1, отд. II, с. 56—57.— Стихотворения Языкова [...] Спб., 1858. С. 349.—Впервые: Современник, 1858, № 3, отд. II, с. 43.— Народные русские сказки. Издал А. Афанасьев. Вып. III и IV. М., 1858. С. 433.— Впервые: Современник, 1858, № 9, отд. III, с. 76.— Поденщина, сатирический журнал В. Тузова [...] Кошелек, сатирический журнал Н. И. Новикова [...] М., 1858. С. 482.— Впервые: Современник, 1859, № 12, отд. IV, с. 236.

468. Евгеньев-Максимов В. Е. «Современник» в 40—50 гг. От Белинского до Чернышевского. С прил. статьи Д. Максимова: «Современник» Пушкина (1836—1837 гг.). Л., Изд. писателей в Ленинграде, 1934, с. 10, 12, 41—127, 136, 146—250, 279, 284, 291, 295—308, 342—45, 350—51, 365—66, 380—83, 392, 403, 408—09, 414—17.

469. Зайцев В. А. Белинский и Добролюбов.— В кн. авт.: Избр. соч. В 2-х т. Т. I. М., 1934, с. 159—212 (прим. Б. П. Козьмина, с. 479—88).— Впервые: Рус. слово, 1864, № 1, отд. II, с. 1—68.

Рец.: Рус. слово, 1865, № 9, отд. II, с. 5, 15, 25, 77 (Д. И. Писарев).— Вошло в Избр. соч. Писарева. Т. II. М., 1935, с. 333, 339—40, 346, 381.

470.— Последний философ-идеалист.— Там же, с. 300.— Впервые: Рус. слово, 1864, № 12, отд. II, с. 193.

471. Луначарский А. В. Пушкин-критик.— Лит. наследство, т. 16—18, 1934, с. 38—39, 43—44, 48.

Вошло в кн. авт.: Русская литература. Избр. статьи. Ред. и коммент. Н. Ф. Бельчикова. М., 1947, с. 29, 31, 34—36, 39.

472. Мордовченко Н. И. Проблема Белинского.— Лит. Ленинград, 1934, № 62, 14 дек.

473. Писарев Д. И. Избранные сочинения. В 2-х т. Общ. ред. и вступ. статья В. Я. Кирпотина. Т. I. М., ГИХЛ, 1934.

Схоластика XIX века. С. 43, 45, 63, 71.— Впервые: Рус. слово, 1861, № 5, отд. II, с. 55, 58; № 9, с. 2, 12.— Писемский, Тургенев и Гончаров. С. 126.— Впервые: Рус. слово, 1861, № 11, отд. II, с. 19.— Московские мыслители. Критический отдел «Русского вестника» за 1861 г. С. 204, 221—22.— Впервые: Рус. слово, 1862, № 1, отд. II, с. 30; № 2, отд. II, с. 25—26.— Генрих Гейне. С. 278.— Впервые: Соч. Писарева. Ч. IV. Пб., 1867, с. 69.— Наша университетская наука. С. 395.— Впервые: Рус. слово, 1863, № 8, с. 30.— Цветы невинного юмора. С. 505, 522.— Впервые: Рус. слово, 1864, № 2, отд. II, с. 10, 33.— Мотивы русской драмы. С. 536, 551.— Впервые: Рус. слово, 1864, № 3, отд. II, с. 14, 35.

474. Плеханов Г. В. Литературное наследие. Сб. I. Под ред. А. В. Луначарского, Ф. Д. Кречетова и Р. М. Плехановой. М., Соцэкгиз, 1934.

Н. Г. Чернышевский. С. 98, 102, 104, 121, 125, 133—35, 137—38.— Конспект речи в день похорон П. Л. Лаврова. С. 149.— Письма к Л. И. Аксельрод: без даты [15—16 июля 1898 г.] и 21 апр. 1903 г. С. 288, 372.

475. Сергиевский И. В. Наследие Белинского.— Лит. газ., 1934, № 130, 28 сент.

476. Чернышевский Н. Г. Стихотворения Кольцова. С портретом автора, его факсимиле и статьею о его жизни и сочинениях, писанною В. Белинским. Москва 1856.— Звенья, III—IV, 1934, с. 571, 576.

Как статья Чернышевского опубликована А. П. Скафтымовым (прим. его, с. 565—570). — Впервые: Современник, 1856, № 5, отд. библиография, с. 3—8.

Вошло в Полн. собр. соч. Т. III. М., 1947, с. 510—14.

1935

477. Глаголев Н. А. Классики критики.— Рус. яз. и литература в сред. школе, 1935, № 1, с. 79—87.

478. Горький М. Литературные забавы.— Правда, 1935, № 23, 24 янв.; Известия, 1935, № 20, 24 янв.; Лит. газ., 1935, № 5, 24 янв.

Вошло в кн. авт.: О литературе. М., 1935, с. 357.

— 3-е изд.: М., 1937, с. 378.

479. Добролюбов Н. А. Полное собрание сочинений. В 6-ти т. Под общ. ред. П. И. Лебедева-Полянского. Т. II. Ред. Ю. Г. Оксмана. М., изд. «Худож. лит-ра», 1935.

Темное царство. Гл. III. С. 84.— Впервые: Современник, 1859, № 9, отд. III, с. 57.—Когда же придет настоящий день? С. 210.— Впервые: Современник, 1860, № 3, отд. III, с. 36. [Под загл.: Новая повесть г. Тургенева (Накануне). (Русский вестник, 1860, № 1—2)].— Луч света в темном царстве. С. 315.— Впервые: Современник, 1860, № 10, отд. III, с. 239.— Забитые люди. Сочинения Ф. М. Достоевского. Два тома. М., 1860. С. 367—68.— Впервые: Современник, 1861, № 9, отд. III, с. 99—100.— Утро. Литературный сборник. М., 1859. С. 422.— Впервые: Современник, 1859, № 1, отд. III, с. 48.— История русской словесности. Лекция С. Шевырева [...] М., 1858. С. 446.— Впервые: Современник, 1859, № 2, отд. III, с. 252.— Разные сочинения С. Аксакова. М., 1858. С. 459.— Впервые: Современник, 1859, № 2, отд. III, с. 249.— Сочинения В. Белинского. С. 470—71. (Примечания Ю. Г. Оксмана. С. 708).— Впервые: Современник, 1859, № 4, отд. III, с. 215—16.— Литературные деятели прежнего времени. Е. Колбасина. Спб., 1859. С. 539—40.— Впервые: Современник, 1860, № 1, отд. II, с. 113.— Сочинения А. И. Подолинского. Два тома. Спб., 1860. С. 588.— Впервые: Современник, 1860, № 4, отд. II, с. 393.— Руководство к изучению словесности и к практическому упражнению в сочинениях. Составил [...] Михаил Архангельский. Спб., 1857. С. 615.— Впервые: Современник, 1858, № 1, отд. II, с. 46.

480. Долинин А. С. К истории создания «Братьев Карамазовых».— В кн.: Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования. Под ред. А. С. Долинина. Л., 1935, с. 25—31.

Об эволюции отношения Достоевского к Белинскому.

481. Киселев Г. Л. Переписка Балакирева и Стасова как музыкально-исторический материал.— В кн.: Переписка М. А. Балакирева с В. В. Стасовым. М., 1935, с. XIV—XV, XVII, XXVI—XXVII.

О значении идей Белинского для творчества Балакирева и Стасова.

481а. Лаврецкий А. Историко-литературная концепция Белинского.— Лит. критик, 1935, № 7, с. 47—73.

Вошло в кн. авт.— См. № 657.

482. Македонов А. Реализм и романтизм в эстетике Белинского.—Лит. критик, 1935, № 10, с. 3—33.

483. Малаховский В. Значение В. Г. Белинского в истории русского литературного языка.— Рус. яз. и литература в сред. школе, 1935, № 1, с. 12—22.

484. Писарев Д. И. Избранные сочинения. В 2-х т. Общ. ред. и вступ. статья В. Я. Кирпотина. Т. II. М., ГИХЛ, 1935.

Реалисты. С. 29, 52—53, 63, 91, 107.— Впервые: Рус. слово, 1864, № 9, отд. II, с. 36—37; № 10, отд. II, с. 27, 29; № 11, отд. II, с. 52 (под загл.: Нерешенный вопрос).— Сердитое бессилие. С. 184, 192, 205.— Впервые: Рус. слово, 1865, № 2, отд. II, с. 2, 14, 32.— Пушкин и Белинский. С. 211—306.— Впервые: Рус. слово, 1865, № 4, отд. II, с. 1—68; № 6, отд. II, с. 1—60.— Посмотрим! С. 333, 339—40, 346, 381.— Впервые: Рус. слово, 1865, № 9, отд. II, с. 5, 15, 25, 77.

485. Путинцев А. М. Библиотека В. Г. Белинского. [В Тургеневском музее в Орле].— Лит. наследство, т. 19—21, 1935, с. 603—16.

486. Салтыков-Щедрин М. Е. Полное собрание сочинений. Под ред. В. Я. Кирпотина, П. И. Лебедева-Полянского, П. Н. Лепешинского, Н. Л. Мещерякова, М. М. Эссен. Т. VII, Л., ГИХЛ, 1935.

Признаки времени. С. 78.— Впервые: Отеч. зап., 1868, № 8, отд. Современное обозрение, с. 191.

1936

487. Белинский. [Передовая].— Лит. Ленинград, 1936, № 27, 12 июня.

488. Белинский и художники.— Сов. искусство, 1936, № 27, 11 июня.

О картине А. А. Наумова «Белинский перед смертью».

489. Бельчиков Н. Ф. Достоевский в процессе петрашевцев. М. — Л., 1936. (Акад. Наук СССР. Ин-т рус. литературы).

О Белинском см. по указателю.

490.— Письмо Белинского к Гоголю. Ист. справка.— Лит. газ., 1936, № 33, 10 июня.

491. Берлинер Г. О. Чернышевский и Гоголь.— В кн.: Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. Под ред. В. В. Гиппиуса. Т. II. М.— Л., 1936, с. 472—80, 488—510, 518—20.

492. Бровман Г. А. Виссарион Белинский и некоторые вопросы литературной современности.— Знамя, 1936, № 7, с. 226—45.

493.— О Белинском и Пушкине.— Молодая гвардия, 1936, № 6, с. 143—54.

494. Великий русский критик. [Передовая].— Правда, 1936, № 162, 14 июня.

495. Виссарион Белинский. [Передовая].— Лит. газ., 1936, № 33, 10 июня.

496. Виссарион Григорьевич Белинский.— Лит. критик, 1936, № 6, с. 17—25.

497. Витенсон М. Эстетика Белинского.— Лит. Ленинград, 1936, № 27, 12 июня.

498. Гиппиус В. В. Проблематика и композиция «Ревизора».— В кн.: Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. Под ред. В. В. Гиппиуса. Т. II. М.— Л., 1936, с. 152—54, 161, 181—82, 194—97.

499. Глаголев Н. А. Критик-борец.— Лит. газ., 1936, № 33, 10 июня.

500.— Эстетическое наследие В. Г. Белинского.— Литература в школе, 1936, № 4, с. 37—57; Новый мир, 1936, № 6, с. 206—24.

501. Гуревич С. А. и Гречишникова А. Д. Белинский в школе.— Лит. газ., 1936, № 33, 10 июня.

502. Данилов С. С. Гоголь и театр. Л., ГИХЛ, 1936, с. 7—13.

О принадлежности Белинскому статьи о «Ревизоре» («Молва», 1836, № 9).—См. № 114.

503. Добролюбов Н. А. Полное собрание сочинений. В 6-ти т. Под общ. ред. П. И. Лебедева-Полянского. Т. III. Ред. Ю. Г. Оксмана. М., изд. «Худож. лит-ра», 1936.

Николай Владимирович Станкевич. (Переписка его и биография, написанная П. В. Анненковым. М. 1858 г.). С. 62, 66, 72—77.— Впервые: Современник, 1858, № 4, отд. II, с. 145, 156—57, 161—65.—Русская цивилизация, сочиненная г. Жеребцовым. С. 262.— Впервые: Современник, 1858, № 11, отд. II, с. 21—22.

504. Долинин А. С. Достоевский среди петрашевцев.— Звенья, VI, 1936, с. 512—14, 518, 520, 524, 526—30, 539—42.

505. Евгеньев-Максимов В. Е. «Современник» при Чернышевском и Добролюбове. Л., изд. «Худож. лит-ра», 1936, с. 36—40, 96—97, 110—16, 123.

506.— Учитель поэта. [Некрасов и Белинский].— Лит. Ленинград, 1936, № 27, 12 июня.

507. Запрещенный юбилей. [1898 г.] — Известия, 1936, № 137, 14 июня.

508. Заславский Д. Великий плебей.— Правда, 1936, № 162, 14 июня.

509. Имена, живущие в веках. [Передовая].— Сов. искусство, 1936, № 27, 11 июня.

510. Интересный документ.— Комсомольская правда, 1936, № 134, 11 июня.

О книге «для записи добровольных пожертвований на сооружение В. Г. Белинскому надгробного памятника, предпринятое женою покойного» (1858 г.).

511. Карабан С. И. В. Г. Белинский. Его философские, эстетические и критические взгляды. Минск, 1936. 196 с. (Белорус. Акад. Наук. Ин-т философии и права).

Рец.: Лит. критик, 1937, № 2, с. 215—23 (А. Македонов).

512. Кирпотин В. Я. Неистовый Виссарион.— Правда, 1936, № 162, 14 июня.

513. Лаврецкий А. Белинский в борьбе за реалистическое искусство.— Лит. критик, 1936, № 6, с. 137—63.

Вошло в кн. авт.— См. № 657.

514.— Белинский-мастер.— Лит. газ., 1936, № 33, 10 июня.

515.— В. Г. Белинский. (К 125-летию со дня рождения).— Книга и пролетарская революция, 1936, № 5, с. 19—31.

516.— Критик-трибун.— Правда, 1936, № 162, 14 июня.

517.— Реализм Белинского.— Октябрь, 1936, № 6, с. 198—209.

Вошло в кн. авт.— См. № 657.

518. [Лаврецкий А. и Полянский В.]. В. Г. Белинский. 1811—1848. Статьи А. Лаврецкого и В. Полянского. М., ГИХЛ, 1936. 110 с.

Содержание: А. Лаврецкий. Очерк жизни и деятельности Виссариона Григорьевича Белинского. С. 5—66.—Валериан Полянский. Виссарион Григорьевич Белинский. (1811—1848). С. 67—110.

Рец.: Правда, 1936, № 160, 10 июня (В. Жданов).

519. Лебедев-Полянский П. И. В. Г. Белинский.— Лит. газ., 1936, № 33, 10 июня.

520.— Виссарион Григорьевич Белинский (1811—1848 гг.) — Большевик, 1936, № 12, с. 101—13.

521. [Лебедев-Полянский П. И.]. Н. А. Добролюбов — историк русской литературы. (Подп.: Валериан Полянский).—Лит. наследство, т. 25—26, 1936, с. 19—31.

522. Левин Л. Белинский и наша критика.— Лит. Ленинград, 1936, № 28, 18 июня.

523. Левин Ф. Белинский и народность.— Лит. газ., 1936, № 48, 15 июня.

524.— Великий критик.— Большевистская печать, 1936, № 8, с. 29—31.

525. Лоя Я. В. Лингвистические взгляды В. Г. Белинского.— Русский язык в школе, 1936, № 5, с. 25—29.

526. Македонов А. Белинский и революционно-демократический реализм.— Лит. учеба, 1936, № 6, с. 5—29.

527.— Проблема героя в эстетике Белинского.— Лит. критик, 1936, № 6, с. 101—36.

528. Марголина А. Идеолог натуральной школы.— Звезда, 1936, № 6, с. 249—64.

529. Медынский Е. Н. История русской педагогики с древнейших времен до Великой пролетарской революции. М., Учпедгиз, 1936, с. 138, 140, 144—54.

Гл. VI. Педагогика 40-х гг. XIX в. Западники и славянофилы.

— 2-е изд., испр. и доп.: М., Учпедгиз, 1938, с. 149—51, 156—65, 170.

— [3-е изд.]: М., Учпедгиз, 1947, с. 360, 362—69.

530. Молебнов М. П. Новые странички из биографии В. Г. Белинского.— Рабочая Пенза, 1936, № 132, 12 июня.

Сведения об отношениях Белинского с крепостным гимназистом Е. Калининым в 1825—1829 гг. (по ведомости Пензенской гимназии).

531. Мордовченко Н. И. Белинский и Пушкин.— Лит. современник, 1936, № 7, с. 238—48.

532.— Гоголь и журналистика 1835—1836 гг.— В кн.: Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. Под ред. В. В. Гиппиуса. Т. II. М.— Л., 1936, с. 107—11, 118—22, 126—27, 134, 139, 142—50.

533. Нечкина М. В. Гоголь у Ленина. С прил. составленного М. Н. Чернович указателя упоминаний Гоголя и героев Гоголя в сочинениях В. И. Ленина. М.— Л., 1936, с. 5—7, 40.

О высказываниях Ленина о «Письме Белинского к Гоголю».

534. Нович И. Белинский и Герцен.— Лит. газ., 1936, № 44, 5 авг.

535. Об увековечении памяти В. Г. Белинского. Постановление Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР 11 июня 1936 г.— Известия, 1936, № 137, 14 июня.

О сооружении памятников Белинскому в Москве и Ленинграде.

536. Первый юбилей. (Как «чествовали» память Белинского в старой Пензе). (Подп.: Б. Ш.).— Рабочая Пенза, 1936, № 132, 12 июня.

537. Петров С. М. В. Г. Белинский о детской литературе.—Дет. литература, 1936, № 8, с. 31—35.

538. Пиксанов Н. К. Творчество Кольцова. Опыт характеристики.—В кн.: А. В. Кольцов. Избранные сочинения. Ред., вступ. статья и прим. Л. А. Плоткина. Воронеж, 1936, с. 5—6, 14—19, 24—26.

539. Плеханов Г. В. Литературное наследие. Сб. III. Под ред. П. Ф. Юдина, И. Д. Удальцева и Р. М. Плехановой. М., Соцэкгиз, 1936.

Письма без адреса. Варианты. С. 61.— Конспекты лекций по искусству. С. 85, 87.— Искусство или жизнь. Конспект реферата. С. 202—03, 206.

540. Плоткин Л. А. Белинский и Писарев.— Лит. газ., 1936, № 33, 10 июня.

541. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. В 9-ти т. Под общ. ред. Ю. Г. Оксмана и М. А. Цявловского. Т. VIII. М., изд. «Academia», 1936.

Письмо к издателю. С. 297.— Впервые: Современник, 1836, т. III, с. 327—28.

542. Сильман Т. Белинский и Шиллер.— Лит. Ленинград, 1936, № 27, 12 июня.

543. Скафтымов А. Белинский и устное народное творчество.— Лит. критик, 1936, № 7, с. 134—54.

544. Спасский Ю. Эстетические взгляды Белинского. (К 125-летию со дня рождения).— Сов. театр, 1936, № 7, с. 7—11.

545. Спиридонов В. С. Белинский и царская цензура.— Труд, 1936, № 135, 14 июня.

546.— История первого полного собрания сочинений Белинского.— Книжные новости, 1936, № 3, с. 4—6.

547. Старчаков А. Белинский победил.— Известия, 1936, № 137, 14 июня; Лит. Ленинград, 1936, № 27, 12 июня.

548. Толстой Л. Н. О Гоголе.— В кн. авт.: Полн. собр. соч. Под общ. ред. В. Г. Черткова. Т. 26. М., 1936, с. 650—51.—Варианты, с. 877.

О письме Белинского к Гоголю.

549. Тонин В. Тиражи Белинского. — Лит. газ., 1936, № 33, 10 июня.

550. Успенский И. Н. Аристократы и плебеи.— Лит. газ., 1936, № 33, 10 июня.

551. Цензура и Белинский.— Известия, 1936, № 137, 14 июня.

Об издании «Письма к Гоголю» Иогансоном в 1901 г.

552. Чернышевский Н. Г. Неизданные варианты пятой главы «Очерков гоголевского периода русской литературы». — Лит. наследство, т. 25—26, 1936, с. 139—40.—Публ. и пред. Г. Берлинера.

553. Черняк Я. З. Письмо Белинского к Гоголю.— Красная новь, 1936, № 7, с. 228—34.

554. Шапиро И. На родине великого критика. (От спец. корр. «Известий»).— Известия, 1936, № 137, 14 июня.

555. [Шапошников Б. В.]. Выставка памяти Белинского. (Подп.: Б. Ш.).— Вестник Акад. Наук СССР, 1936, № 10, с. 45—47.

556. Щербина В. Белинский и Пушкин.— Октябрь, 1936, № 12, с. 235—59.

557.— В. Г. Белинский и театр.— Сов. искусство, 1936, № 27, 11 июня.

558.— Историко-литературные взгляды В. Г. Белинского.— Лит. газ., 1936, № 33, 10 июня.

559.—Понятие народности у Белинского.— Лит. критик, 1936, № 6, с. 164—87.

560. Юков К. В. Г. Белинский — первый борец за óбразное искусство.— Искусство кино, 1936, № 7, с. 22—24.

1937

561. Андреев С. А. Ответ Лермонтову. (Эпизод литературной борьбы сороковых годов).— Книжные новости, 1937, № 21, с. 51—52.

О повести С. О. Бурачка «Герои нашего времени» («Маяк», 1845, тт. XIX и XX), в которой, по мнению Андреева, под именем «доктора философии и всяких наук» Медведки изображен Белинский.

562. Бровман Г. А. Великий поэт и его критики.— Знамя, 1937, № 2, с. 255—70.

Оценка Пушкина Белинским.

563. Дело петрашевцев. Т. I. Ред. В. А. Десницкий. М.— Л., изд. Акад. Наук СССР, 1937, с. 230, 274, 332, 344, 425. (Памятники обществен. мысли, изд. Ин-том истории. Вып. I).

О роли письма Белинского в деле петрашевцев. Показания подсудимых.

564. Добролюбов Н. А. Полное собрание сочинений. В 6-ти т. Под общ. ред. П. И. Лебедева-Полянского. Т. IV. Ред. Б. П. Козьмина. М., ГИХЛ, 1937.

Литературные мелочи прошлого года. С. 50—51, 55—58, 68—69.— Впервые: Современник, 1859, № 1, отд. III, с. 13—14, 19, 21, 24—25.

565. Жирмунский В. М. Гете в русской литературе. Л., ГИХЛ, 1937, с. 33, 35, 165, 184—85, 216, 227, 234, 238—40, 252—73, 301—32, 430, 434, 437, 455—60, 474, 476, 478, 480, 483—84, 487, 493—97, 511—15, 627, 646—47, 650—51.

566. Ковалев В. А. «Записки охотника» И. С. Тургенева и «западническая» публицистика 1846—1848 гг.— Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. Т. VII. Кафедра русской литературы, 1937, с. 127—28, 131—35, 137—39, 142, 146, 148, 153—65.

О влиянии Белинского на Тургенева.

567. Лаврецкий А. Белинский о Пушкине.— Лит. обозрение, 1937, № 1, с. 65—69.

568.— Пушкин в оценке Белинского.— Лит. критик, 1937, № 1, с. 195—206.

Вошло в кн. авт.— См. № 657.

569. Луначарский А. В. А. И. Герцен и люди сороковых годов.— Лит. критик, 1937, № 4, с. 52—53, 63—64.

Вошло в кн. авт.: Русская литература. Избранные статьи. М., 1947, с. 41—43, 53—54, 56—57.

570. Петров С. М. Великие русские критики о детской литературе.— Молодая гвардия, 1937, № 9, с. 149—60.

571. Плеханов Г. В. Литературное наследие. Сб. IV. Ред. П. Ф. Юдина, И. Д. Удальцева и Р. М. Плехановой. М., Соцэкгиз, 1937.

Об экономическом факторе. С. 110—11, 145.

572. Салтыков-Щедрин М. Е. Полное собрание сочинений. Под ред. В. Я. Кирпотина, П. И. Лебедева-Полянского, П. Н. Лепешинского, Н. Л. Мещерякова, М. М. Эссен. Т. V. Л., ГИХЛ, 1937.

Алексей Васильевич Кольцов. С. 21, 23, 33.— Впервые: Рус. вестник, 1856, № 11, с. 147—49.— Немного лет назад. Роман в 4-х частях. Соч. И. Лажечникова. С. 529—60.— Впервые: Современник, 1863, № 1, отд. II, с. 113.— Воля. Два романа из быта беглых. А. Скавронского [...] Спб. 1864. С. 355.— Впервые: Современник, 1863, № 12, отд. II, с. 244—45.

— То же. Т. VIII. М., ГИХЛ, 1937.

Напрасные опасения. (По поводу современной беллетристики). С. 52.— Впервые: Отеч. зап., 1868, № 10, отд. II, с. 177.— Уличная философия. (По поводу 6-й главы 5-й части романа «Обрыв»). С. 120—21.— Впервые: Отеч. зап., 1862, № 6, отд. II, с. 132—33.— В разброд. Роман в двух частях А. Михайлова. Спб. 1870. С. 391.— Впервые: Отеч. зап., 1870, № 2, с. 268.— Записки Е. А. Хвостовой. 1812—1841, Материалы для биографии М. Ю. Лермонтова. С. 415, 417.— Впервые: Отеч. зап., 1871, № 1, отд. II, с. 50, 53.— Снопы. Стихи и проза Я. П. Полонского. Спб. 1871. С. 422.— Впервые: Отеч. зап., 1871, № 2, отд. II, с. 199—200.

1938

573. Автухов И. Г. Педагогические взгляды В. Г. Белинского. (К 90-летию со дня смерти Белинского).— Сов. педагогика, 1938, № 6, с. 100—07.

574. Азадовский М. К. Литература и фольклор. Очерки и этюды. Л., ГИХЛ, 1938, с. 126—32.

575. Айзеншток И. Шевченко-писатель.— Лит. учеба, 1938, № 12, с. 5.

Оценка «Парижских тайн» Э. Сю Белинским и Шевченко.

576. Антонович М. А. Избранные статьи. Философия. Критика. Полемика. Под ред. В. Евгеньева-Максимова. Л., изд. «Худож. лит-ра», 1938.

Мистико-аскетический роман. С. 289, 291.— Впервые: Науч. обозрение, 1881, № 3, с. 232—33.— Причины неудовлетворительного состояния нашей литературы. С. 316, 324, 327.— Впервые: Слово, 1878, № 2, отд. II, с. 77—84, 86—88.— Стрижам. (Послание обер-стрижу, господину Достоевскому). С. 385.— Впервые: Современник, 1864, № 7, отд. II, с. 41.

577. Б. К. В. Г. Белинский. (90 лет со дня смерти) — Лит. обозрение, 1938, № 10, с. 71—73.

578. Белинский. [Передовая].— Сов. искусство, 1938, № 74, 8 июня.

579. Бровман Г. А. Великий критик. К 90-летию со дня смерти В. Г. Белинского.— Новый мир, 1938, № 6, с. 260—69.

580. Гончаров И. А. Мильон терзаний.— В кн. авт.: Литературно-критические статьи и письма. Ред., вступ. статья и прим. А. П. Рыбасова. Л., 1938, с. 79—80.— Впервые: Вестник Европы, 1872, № 3, с. 450.

581. Десницкий А. В. А. В. Кольцов.—Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. Т. XIV. Кафедра рус. лит-ры. 1938, с. 147, 158—59, 162—71, 175.

582. Евгеньев-Максимов В. Е. Некрасов в критике. (Краткий обзор).— В кн.: Н. А. Некрасов. 1878—1938. Сборник статей и материалов под ред. В. Е. Евгеньева-Максимова. Л., 1938, с. 254—59, 261.

583.— Николай Алексеевич Некрасов. Очерк жизни и деятельности.— Там же, с. 175—84, 190, 192.

584. Жданов В. и Лаврецкий А. Революционные демократы и поэзия Некрасова.— Лит. критик, 1938, № 2, с. 74—80, 90, 93.

585. Жданов Н. К вопросу о народности в литературе.— Звезда, 1938, № 2, с. 200—06.

586. Иовчук М. Философские и социально-политические взгляды В. Г. Белинского.— Фронт науки и техники, 1938, № 1, с. 73—96.

587. Коган Л. О формировании мировоззрения Добролюбова.— Лит. критик, 1938, № 9—10, с. 273, 279—81, 290, 292.

О влиянии Белинского на Добролюбова.

588. Лаврецкий А. Гоголь в оценке Белинского и Чернышевского.— Лит. критик, 1938, № 4, с. 89—113.

589. Лебедев-Полянский П. И. Три великих русских демократа. М., ГИХЛ, 1938, с. 1—105, 193, 212, 231, 236—37, 243, 276.

Рец.: Лит. критик, 1939, № 5—6, с. 261—66 (С. Машинский); Под знаменем марксизма, 1939, № 6, с. 199—206 (Д. Чесноков).

590. Мейерович Е. Белинский об актерах.— Сов. искусство, 1938, № 74, 8 июня.

591. Мордовченко Н. И. Белинский в работе над текстами Пушкина.— В кн.: Литературный архив. Материалы по истории лит-ры и обществ. движения. I. М.— Л., 1938, с. 297—301. (Акад. Наук СССР. Ин-т лит-ры — Пушкинский Дом).

592. Плеханов Г. В. Литературное наследие. Сб. V. Под ред. П. Ф. Юдина, М. Т. Иовчука и Р. М. Плехановой. М., Соцэкгиз, 1938.

Борьба с бернштейнианством. Гром не из тучи. С. 174—75.

— То же. Сб. VI. М., 1938.

[Работы о Герцене]. С. 30, 33, 40, 57—59, 61, 64, 67—70, 75, 84, 96—97, 101.— [Работы о Белинском]. С. 108—78.— [Работы о Чернышевском]. С. 185—86, 197—99.— [Работы о Добролюбове]. С. 209, 217.

593. Сватиков Ф. Ф. Педагогические взгляды В. Г. Белинского.— Дошкол. воспитание, 1938, № 10, с. 54—63.

594. Сердюченко Г. П. Из истории перевода в России.— Учен. зап. Ростов. на Дону гос. пед. ин-та. Фак-т языка и литературы. Т. I. 1938, с. 125—31.

О взглядах Белинского на значение переводов.

595. Шкловский В. Б. Белинский и «Записки охотника».— Лит. критик, 1938, № 11, с. 101—16.

596. Щ е р б и н а В. В борьбе за реализм.— Сов. искусство, 1938, № 74, 8 июня.

597.— Проблемы реализма в эстетике В. Г. Белинского.— Театр, 1938, № 12, с. 13—36.

597а. Э й г е с И. Р. «Месяц в деревне» И. С. Тургенева.— Лит. учеба, 1938, № 12, с. 67—71.

О влиянии личности Белинского на создание образа Беляева.

1939

598. Б а р е р И. Западники и славянофилы в России в 40-х годах XIX века. — Ист. журнал, 1939, № 2, с. 72—81.

599. Б л а г о й Д. Д. Поэт и критик. [Лермонтов и Белинский].— Лит. газ., 1939, № 57, 15 окт.

600. В е р х о в с к и й Н. П. Шекспир в европейских литературах.— В сб.: Шекспир. 1564—1939. Л.— М., 1939, с. 87—88. (Гос. науч.-иссл. ин-т театра и музыки).

О статье Белинского о «Гамлете».

601. Г о р ь к и й М. История русской литературы. М., ГИХЛ, 1939. (Акад. Наук СССР. Ин-т мировой лит-ры им. Горького. Архив А. М. Горького. Т. I).

О Белинском см. по указателю.

Гл. «Романтизм» впервые: Лит. критик, 1937, № 6, с. 110.— Гл. «О разночинце в русской литературе 40-х гг.» впервые: Лит. критик, 1938, № 3, с. 12—15, 24—26.

602. Д е м е н т ь е в А. Г. Борьба Шевырева с Белинским по вопросам истории русской литературы.— Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та. Серия филол. наук, вып. 4, 1939, с. 159—97.

603.— Грановский и Шевырев.— Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та. Серия филол. наук, вып. 3, 1939, с. 327, 329, 332, 337—40, 342—44, 348, 352.

Борьба Белинского со славянофилами.

604. Д о б р о л ю б о в Н. А. Полное собрание сочинений. В 6-ти т. Под общ. ред. П. И. Лебедева-Полянского. Т. VI. М., «Худож. лит-ра», 1939.

Атенейные стихотворения. С. 207.— Впервые: Искра, 1859, № 6, 6 февр., с. 59.

605. З д о б н о в Н. В. Конспект курса «История русской библиографии. Ч. I и II. От древнего периода до Великой Октябрьской социалистической революции». М., Всесоюз. кн. палата, 1939, с. 15.— См. № 680.

606. И в а н о в С. Лермонтов и Белинский.— Лит. учеба, 1939, № 12, с. 33—57.

607. И н о з е м ц е в В. В. Г. Белинский о детском чтении.— Красный библиотекарь, 1939, № 5—6, с. 41—45.

608. И о в ч у к М. Т. Белинский. Его философские и социально-политические взгляды. М., Соцэкгиз, 1939. 192 с. (Акад. Наук СССР. Ин-т философии).

Гл. «Патриотизм Белинского» впервые: Ист. журнал, 1939, № 11, с. 129—38. — Гл. «Революционный демократизм В. Г. Белинского» впервые: Под знаменем марксизма, 1939, № 7, с. 104—23.

Рец.: Книга и пролетарская революция, 1940, № 2, с. 46—48 (П. Вышинский); Новый мир, 1940, № 10, с. 252—54 (С. Машинский).

609. К и р п о т и н В. Я. В московском университете.— Огонек, 1939, № 25—26, с. 4—5.

О «Дмитрии Калинине» и «Странном человеке» М. Ю. Лермонтова.

610. К о р н и л о в В. В. Г. Белинский в Пензе.— Сталинское знамя, Пенза, 1939, № 143, 15 авг.

611.— Страничка из прошлого.— Сталинское знамя, Пенза, 1939, № 33, 3 апр.

О местах в Пензе, связанных с Белинским.

612. М о р д о в ч е н к о Н. И. Белинский и Пушкин.— Лит. учеба, 1939, № 7, с. 32—59.

613.— Гоголь в работе над «Портретом».— Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та. Серия филол. наук, вып. 4, 1939, с. 106, 109—12, 118—24.

Об отношении Белинского к Гоголю.

614. Плоткин Л. А. А. В. Кольцов.— В кн.: А. В. Кольцов. Полн. собр. стихотворений. Вступ. статья, ред. и прим. Л. Плоткина. Л., изд. «Сов. писатель», 1939, с. VII—XII, XIV—XVI, XVIII—XIX, XXII, XXIX—XXXIV. (Б-ка поэта. Большая серия).

615. Реуэль А. Л. «Капитал» Карла Маркса в России 1870-х гг. Под ред. К. В. Островитянова. М., 1939, с. 42.

Рец.: Ист. журнал, 1940, № 4—5, с. 61—62 (В. Шульгин).

616. [Салтыков-Щедрин М. Е.] И. С. Тургенев. [Некролог].— Лит. газ., 1939, № 5, 26 янв.

Впервые: Отеч. зап., 1883, № 9, с. 1. Без подп.

Вошло в Полн. собр. соч. авт. Т. XV. М., ГИХЛ, 1940, с. 611.

617. Сибирский И. В. Г. Белинский, его отношение к религии.— Антирелигиозник, 1939, № 9, с. 28—32.

618. Сто лет драмы Белинского.— Лит. учеба, 1939, № 2, с. 108—12.

О «Пятидесятилетнем дядюшке».

619. Стражев В. И. Белинский в школе. (Письмо словеснику).— Литература в школе, 1939, № 4, с. 21—27.

620. Храбровицкий А. На родине Белинского.— Сталинское знамя, Пенза, 1939, № 160, 4 сент.

О доме в Чембаре.

621. Чесноков Д. И. Герцен и философские споры западников и славянофилов в начале 40-х годов XIX века.— Учен. зап. Свердловск. гос. пед. ин-та, вып. 2, 1939, с. 197—202, 220.

622. Чефранов А. М. Из моих бесед с учащимися о Белинском.— Литература в школе, 1939, № 4, с. 27—36.

1940

623. Белкин А. Н. Изучение классиков русской литературной критики в средней школе (В. Г. Белинский).— В кн.: В помощь учителю литературы. Метод. сборник. Под ред. В. Н. Акатова, П. М. Макарова и Н. А. Любимовой. Иваново, 1940, с. 5—52.

624. Бушуев С. Русская история в освещении революционных демократов. (В. Белинский, Н. Чернышевский, Н. Добролюбов).— Историк-марксист, 1940, № 8, с. 87—98.

625. Горячева О. К. Философские взгляды В. Г. Белинского. Тезисы к диссертации на соискание учен. степени кандидата философских наук. Л., [1940]. 5 с. (Ленингр. гос. ун-т).

626. Гуревнин С. Т. Методика ознакомления с литературными произведениями в работах Белинского.— В кн.: Очерки по методике преподавания литературы в средней школе. Сборник статей под ред. О. А. Моденской и Л. С. Троицкого. Л., 1940, с. 196—212.

627. Долинин А. С. В. Г. Белинский о М. Ю. Лермонтове.— Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. Покровского, т. IV. Фак-т яз. и лит-ры, вып. 2, 1940, с. 120—63.

628. Дурылин С. Н. Актер и образ. (О работе над монографией об актере).— О театре. Сб. статей. Под общ. ред. С. С. Данилова и С. С. Мокульского. Л.— М., 1940, с. 89, 97—98, 103—04.

Евгеньев-Максимов В. Е. Новонайденное стихотворение А. А. Фета. [Ответ на стихи М. Дмитриева «Безъимянному критику»].— Ленинград, 1940, № 21—22, с. 34. — См. № 1555.

629. Збандуто С. Ф. В. Г. Белинский — основоположник революционно-демократической педагогики в России.— Науч. зап. Одес. гос. пед. ин-та, т. IV, 1940, с. 7—30.

630. Иовчук М. Т. Развитие материалистической философии в России в XVIII—XIX веках. Стенограмма лекций, прочитанных 26, 29 и 31 декабря 1939 г. М., 1940,

с. 4, 7, 33—36, 51—67, 73, 85, 87, 97—99. (Высш. парт. школа при ЦК ВКП(б). Курс диалектич. и ист. материализма).— На правах рукописи.

631. Кандиев Б. И. Лермонтов в оценке Белинского.— Учен. зап. Сев.-осетин. гос. пед. ин-та им. Хетагурова, т. II (XV), вып. 1, Орджоникидзе, 1940, с. 108—33.

632. Лаврецкий А. Лермонтов в оценке революционных демократов.— Лит. критик, 1940, № 2, с. 9—31.

633. Михайлов П. М. Литературно-эстетические взгляды И. А. Гончарова.— Известия Крымского пед. ин-та им. М. В. Фрунзе, т. X. Русская литература. 1940, с. 78—80, 86, 90—94, 96, 98, 125—26.

О Гончарове как последователе Белинского.

Рец.: Лит. обозрение, 1941, № 10, с. 62 (М. Поляков).

634. Некрасов Н. А. Реестр бумагам, оставшимся после Белинского, адресованный Н. Х. Кетчеру. [1848 г.].— Счет «Современника» с г. Белинским. (5 мая 1848г.) С прим. В. С. Нечаевой.— Зап. отд. рукописей (Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина), вып. IX, 1940, с. 7—8, 10—11.

635. Нечаева В. С. «Дмитрий Калинин». Юношеская драма В. Г. Белинского.— Огонек, 1940, № 4, с. 16.

О цензурном экземпляре драмы, хранящемся в Гос. библиотеке СССР им. В. И. Ленина.

636. Петрова Е. Н. Белинский по вопросу о преподавании русского языка в школе.— Рус. яз. в школе, 1940, № 6, с. 81—84.

637. Прохоров Г. Демонстрация на могиле Добролюбова в 10-летнюю годовщину его смерти.— В кн.: Шестидесятые годы. Материалы по истории лит-ры и обществ. движения. М.— Л., 1940, с. 126.

Донесение агента от 16 нояб. 1871 г. о надписи «Белинская аллея» на Волковом кладбище.

638. Цейтлин А. Г. Русская литература первой половины XIX века. Учебник для высш. учеб. заведений. М., Учпедгиз, 1940, с. 347, 351—52, 355, 358—88, 393—94, 399—400.

639. Чефранов А. М. Изучение В. Г. Белинского в средней школе. Харьков, 1940. 68 с. (Харьк. ОблОНО. Обл. ин-т усовершенствования учителей. Обмен пед. опытом).

640. Шульгин В. О знакомстве Белинского с работами Маркса и Энгельса.— Историк-марксист, 1940, № 7, с. 82—92.

1941

641. Азадовский М. К. Фольклоризм Лермонтова.— Лит. наследство, т. 43—44, 1941, с. 252—54, 257—59.

642. Александров Р. П. Гоголь и Белинский. Тезисы к диссертации на соискание учен. степени кандидата филол. наук. Л., 1941. 4 с. (Ленингр. гос. ун-т).

643. Белинский Виссарион Григорьевич.— В кн.: Философский словарь. Под ред. М. Розенталя и П. Юдина. Изд. 2-е, доп. Л., 1941, с. 21—22.

644. Благой Д. Д. Пушкин и русская литература XVIII века.— В кн.: Пушкин — родоначальник новой русской литературы. Сборник научно-исследовательских работ. Под ред. Д. Д. Благого и В. Я. Кирпотина. М.— Л., 1941, с. 115, 134—38.

645. Бровман Г. А. Драмы Белинского.— Театр, 1941, № 1, с. 86—99.

646. Гершензон Д. Я. Лермонтов в русской критике.— В кн.: Жизнь и творчество Лермонтова. Сборник. Исследования и материалы. Под ред. Н. Л. Бродского, В. Я. Кирпотина, Е. Н. Михайловой, А. Н. Толстого. М., 1941, с. 589—90, 593—97, 612, 616.

647. Дело петрашевцев. Т. II. Ред. В. А. Десницкий. М.— Л., изд. Акад. Наук СССР, 1941, с. 100, 118, 163, 203, 213, 226, 236, 261, 265, 275. (Памятники обществен. мысли, изд. Ин-том истории. Вып. I).

О роли письма Белинского к Гоголю в деле петрашевцев. Показания подсудимых.

648. Добролюбов Н. А. Полное собрание сочинений. В 6-ти т. Под общ. ред. П. И. Лебедева-Полянского. Т. V. М., ГИХЛ, 1941.

Московский университетский благородный пансион [...] Н. В. Сушкова [...] М. 1858. С. 298.— Впервые: Современник, 1858, № 5, отд. II, с. 43.

649. Дрягин К. Борьба Пушкина за реалистическую эстетику.— В кн.: Пушкин — родоначальник новой русской литературы. Сборник научно-исследовательских работ. Под ред. Д. Д. Благого и В. Я. Кирпотина. М.— Л., 1941, с. 471, 474—79, 489—91.

650. Евстратов А. Виссарион Григорьевич Белинский. К 130-летию со дня рождения.— Безбожник, 1941, № 23, 8 июня.

651.— Философские работы Белинского.— Подп.: А. Е.— Там же.

652. Еголин А. М. Некрасов. Краткий биографический очерк. М., ОГИЗ — ГИХЛ, 1941, с. 34—53, 184—91, 208.

653. Журавлев П. Белинский в Премухине.— В кн.: Писатели в Тверской губернии. Сборник статей. [Вып. 1]. Калинин, 1941, с. 7—17, 131.

654. Зандукели М. Очерки по истории грузинской литературы XIX века. Тбилиси, изд. Тбилис. гос. ун-та им. Сталина, 1941, с. 65, 181.

О влиянии Белинского на грузинских писателей.

655. Иванов П. Просветитель и революционный демократ. (К 130-летию со дня рождения В. Г. Белинского).— За коммунистическое просвещение, 1941, № 6, с. 23—44.

656. Клеман М. К. Программы «Записок охотника».— Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та. Серия филол. наук. Вып. 11, 1941, с. 88—89, 91—92, 96—97, 100, 104, 121, 126.

О взаимоотношениях Тургенева с Белинским во время создания «Записок охотника».

657. Лаврецкий А. Белинский, Чернышевский, Добролюбов в борьбе за реализм. М., изд. «Худож. лит-ра», 1941, с. 3—200, 235—39, 244, 247—48, 251, 259—63, 273, 279, 284, 316, 333, 353, 363, 366—67.

Рец.: Лит. обозрение, 1941, № 10, с. 55—59 (С. Белевицкий); Литература в школе, 1941, № 4, с. 109—14 (Н. Глаголев).

658. Мордовченко Н. И. Лермонтов и русская критика 40-х годов.— Лит. наследство, т. 43—44, 1941, с. 744—96.

659. [О приобретении 86-ти писем к Белинскому и цензурного экземпляра «Дмитрия Калинина»].— Зап. Отд. рукописей (Гос. б-ка СССР им. Ленина), вып. VIII, 1941, с. 109; вып. X, 1941, с. 98.

660. Пиксанов Н. К. Белинский в борьбе за Гончарова.— Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та. Серия филол. наук. Вып. 11, 1941, с. 57—87.

661. Трунев Н. Вопросы грамматики в освещении Белинского.— Учен. зап. Омского гос. пед. ин-та им. Горького. Филол. серия. Вып. 1, 1941, с. 121—50.

662. Эльсберг Я. Е. Революционные демократы о Лермонтове.— Лит. наследство, т. 43—44, 1941, с. 797—826.

1942

663. Васецкий Г. и Иовчук М. Очерки по истории русского материализма XVIII и XIX вв. М., Госполитиздат, 1942, с. 7—8, 11, 13—14, 48—50, 266—69, 271, 274. Гл. IV. В. Г. Белинский. С. 98—125.

664. Еголин А. М. Величие русской литературы.— Большевик, 1942, № 22, с. 19—22.

665. Замошкин Н. И. Белинский-патриот.— Красная новь, 1942, № 1—2, с. 88—92.

666. Кикодзе Г. Грузинские классики. Т. II. Тбилиси, 1942, с. 32, 34.

Влияние Белинского на грузинских писателей.

667. Мясников А. С. В. Г. Белинский. 1811—1848. М., ГИХЛ, 1942. 45 с. (Великие русские патриоты).

Рец.: Большевик, 1943, № 19—20, с. 92—96 (Л. И. Тимофеев); Известия, 1943, № 194, 18 авг. (М. Добрынин); Новый мир, 1943, № 12, с. 139 (М. Добрынин).

668. Роткович Я. А. Основные этапы изучения творчества А. В. Кольцова.— Учен. зап. Куйбышев. гос. пед. и учит. ин-та им. В. В. Куйбышева, вып. 6. Кафедра литературы, 1942, с. 66—93, 103—05.

669. Щербина В. Великий патриот.— Новый мир, 1942, № 3—4, с. 219—35.

1943

670. Асмус В. Основные черты классической русской эстетики.— Под знаменем марксизма, 1943, № 9—10, с. 63, 67, 69—71, 75.

671. Бочкарев В. Патриотизм великих русских демократов.— Волга. Лит.-худож. альманах Куйбыш. отд. Союза сов. писателей, I, 1943, с. 71—76.

672. Еголин А. М. Величие русской литературы. М., изд. «Сов. писатель», 1943, с. 7, 9, 15—17, 20, 53, 60—63, 72, 99—100.

Рец.: Труд, 1943, № 202, 27 авг. (М. Я. Поляков).

673. Иванов В. Д. В. Г. Белинский о нравственном воспитании.— Учен. зап. Куйбыш. гос. пед. и учит. ин-та им. В. В. Куйбышева, вып, 7, 1943, с. 198—207.

674. Кружков В. и Федосеев П. Основные черты русской классической философии XIX века.— Большевик, 1943, № 6, с. 25—34.

675. Нечаева В. С. Виссарион Григорьевич Белинский. Пенза, изд. газ. «Сталинское знамя», 1943. 16 с. (Б-чка агитатора и пропагандиста. Вып. 158. Серия «Замечательные люди нашего края». Кн. 1).

676. Храбровицкий А. Замечательные места Пензенской области. (Суворово. Чембар. Тарханы. Верхнее Аблязово. Дубровка и Кромщина). Пенза, изд. газ. «Сталинское знамя», 1943.

С. 12—18. Чембар.— Впервые: Сталинское знамя, Пенза, 1943, № 118, 6 июня.

1944

677. Водовозов Н. Виссарион Григорьевич Белинский. М., изд. «Молодая гвардия», 1944. 110 с. (Великие русские люди).

678. Гудзий Н. К. Французская буржуазная революция и русская литература. М., изд. МГУ, 1944, с. 74—84.

679. Еголин А. М. Литературная борьба вокруг Некрасова.— В кн. авт.: Некрасов в русской критике. М., 1944, с. 13—17, 23.

680. Здобнов Н. В. История русской библиографии. От древнего периода до начала XIX в. Т. I. XI в.— первая половина XIX в. Под ред. Н. Л. Рубинштейна. М., 1944. (Всесоюз. кн. палата).

С. 161—69: В. Г. Белинский и библиография.

681. Иовчук М. Классики русской философии XIX века. (Белинский, Герцен, Чернышевский, Добролюбов). [Сокращ. стенограмма лекции, прочитанной 30 июня 1944 г. в Колонном зале Дома Союзов в Москве].— Большевик, 1944, № 12, с. 16—24. — Отд. изд.: М., 1944.

682. Кружков В. Основные черты классической русской философии.— Октябрь, 1944, № 10, с. 100—11.

683. Нечаева В. С. Виссарион Григорьевич Белинский. Пенза, изд. газ. «Сталинское знамя», 1944. 52 с. (Замечательные люди Пензенского края).

Рец.: Новый мир, 1945, № 11—12, с. 314—16 (Б. Анибал); Октябрь, 1944, № 9, с. 126—28 (М. Розенталь); Пропагандист, 1944, № 14, с. 46—48 (З. Смирнова).

684. Новые автографы П. А. Вяземского. [Пометки на VIII и IX тт. Соч. Белинского. 1860 г.] — Лит. газ., 1944, № 6, 9 дек.

685. Трунев Н. Проблема перевода в освещении Белинского.— Учен. зап. Омского вечерн. пед. ин-та, филол. серия, вып. II, 1944, с. 32—48.

1945

686. Бродский Н. Л. М. Ю. Лермонтов. Биография. Т. I. 1814—1832. М., Гослитиздат, 1945, с. 238, 241, 243, 247, 253, 270—76, 287—88, 295—96, 299, 304—11, 316, 320—21.

Белинский в московском университете.

687. Иовчук М. Т. Ленинизм и передовая русская культура XIX века.— Большевик, 1945, № 21, с. 38—49.

Отд. изд.: М., 1946.

Рец.: Вопросы философии, 1947, № 2, с. 220—43 (З. Каменский).

688.— Основные черты русской классической философии XIX века. М., Госполитиздат, 1945, с. 1—4, 8—31.

689. Кружков В. С. О русской классической философии XIX века. М., Госполитиздат, 1945, с. 3—5, 22—33, 38, 43—45, 48, 53—55 (Акад. Наук СССР. Ин-т философии).

Рец.: Сов. книга, 1946, № 2, с. 52—57 (И. Щипанов).

690. Лебедев-Полянский П. И. В. Г. Белинский. Литературно-критическая деятельность. М.— Л., 1945. 384 с. (Акад. Наук СССР).

Рец.: Большевик, 1946, № 1, с. 55—64 (М. Иовчук и И. Щипанов); Вопросы истории, 1946, № 8—9, с. 106—09 (Л. Крестова); Пропагандист, 1945, № 23, с. 55—61 (З. Смирнова).

691. Мордовченко Н. И. Иван Грозный в оценках Белинского.— Звезда, 1945, № 10—11, с. 183—91.

692. Плоткин Л. А. Писарев и литературно-общественное движение шестидесятых годов. Л.— М., 1945, с. 9, 151, 339—48, 368. (Акад. Наук СССР. Ин-т литературы — Пушкинский Дом).

693. Смирнова З. В. Классики русской философии Белинский и Герцен. Стенограмма лекции кандидата философских наук З. В. Смирновой, прочитанной в Высшей школе парт. организаторов при ЦК ВКП(б) 22 июля 1944 г. М., 1945, с. 1—16. (Высш. школа парт. организаторов при ЦК ВКП(б)).— На правах рукописи.

694. Шабаева М. Ф. В. Г. Белинский, как создатель революционно-демократической педагогической теории 40-х годов XIX в.— Сов. педагогика, 1945, № 1—2, с. 28—36.

694а. Щипанов И. Философские и общественно-политические воззрения Белинского.— Большевик, 1945, № 9, с. 39—51.

695. Ямпольский И. Г. Первая биография В. Г. Белинского.— Науч. бюллетень Ленингр. гос. ун-та, 1945, № 3, с. 35—38.

О биографии Д. Свияжского [Д. Д. Минаева] 1861 г.

1946

695а. Асмус В. «Горе от ума» как эстетическая проблема.— Лит. наследство, т. 47—48, 1946, с. 189, 193—94, 197, 199—212.

Анализ высказываний Белинского о «Горе от ума».

696. Бельчиков Н. Ф. Николай Гаврилович Чернышевский. (Критико-биогр. очерк). М., Гослитиздат, 1946, с. 6—7, 10, 16, 19, 73, 91, 93—94, 120—122.

Рец.: Литература в школе, 1947, № 3, с. 67—68 (М. П. Старенков); Сов. книга, 1946, № 10—11, с. 114—115 (С. М. Петров).

697. Бродский Н. Л. В. Г. Белинский. М., ГИХЛ, 1946. 144 с.

Рец.: Вопросы истории, 1947, № 8, с. 118—21 (Л. Коган); Лит-ра в школе, 1946, № 1, с. 70—71 (М. Добрынин); Сов. книга, 1946, № 10—11, с. 46—48 (Г. Фурманов).

698.— В. Г. Белинский. К 135-летию со дня рождения.— Известия, 1946, № 138, 13 июня.

699. Бушля А. К. Основы нравственного воспитания в педагогической теории русской революционной демократии.— Сов. педагогика, 1946, № 4—5, с. 66—74.

700. Евгеньев-Максимов В. Е. Некрасов в школе. Пособие для учителей сред. школы. М.— Л., Учпедгиз, 1946, с. 28—35, 108—09, 161, 168.

Рец.: Литература в школе, 1947, № 3, с. 71—72 (М. Н. Рякин).

701.— Некрасов-журналист.— Лит. наследство, т. 49—50, 1946, с. 92, 94, 96—99, 105—06, 110, 115, 121.

702. Еголин А. М. Освободительные и патриотические идеи русской литературы XIX века. М., изд. «Сов. писатель», 1946, с. 11—12, 20, 23—24, 28—31, 47, 51,

55—56, 58, 65—66, 75—76, 79, 85—87, 92, 97—98, 103, 105, 121—24, 135, 179, 181—82, 187, 205, 210, 215, 220, 229, 232.

Рец.: Литература в школе, 1947, № 4, с. 71—72 (Н. А. Глаголев).

703. Ивашева В. В. Диккенс в русской критике XIX в.— Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина. Т. XXXII. Кафедра классической филологии и всеобщей лит-ры, вып. VI, 1946, с. 72—81, 84.

Рец.: Новый мир, 1947, № 10, с. 275—78 (Е. Домбровская).

704. Иовчук М. Т. Основные этапы и особенности развития русской философии.—Вестник Акад. Наук СССР, 1946, № 10, с. 31—37, 40—43, 46—47.

Рец.: Вопросы философии, 1947, № 2, с. 220—43 (З. Каменский).

Отд. изд.: М., 1946, с. 4—8, 11, 13, 15, 20, 22—26, 32—34, 38, 40.

705. Кирпотин В. Я. «Бедные люди» — первый роман Ф. М. Достоевского. К 100-летию со дня выхода в свет (1846 — январь —1946).— Октябрь, 1946, № 1—2, с. 160—62, 167, 169.

О влиянии Белинского на Достоевского.

706. Козьмин Б. П. Великий поэт революции.— Лит. наследство, т. 49—50, 1946, с. XXXVIII—XL, XLIII, XLVI, XLVIII.

Белинский и Некрасов.

707. Кружков В. С. Великие русские мыслители и революционные демократы — Белинский, Герцен, Чернышевский, Добролюбов. М., Воен. изд., 1946, с. 3—30, 47, 57—58, 74, 77, 94—95. (В помощь преподавателю дивизионн. школы парт. актива. История СССР).

708. Лаврецкий А. Литературно-эстетические взгляды Некрасова.— Лит. наследство, т. 49—50, 1946, с. 47—51, 63, 68, 72, 74—75, 78, 83, 90.

709. Максимович А. Я. [Примечания к «Заметке о мысли в поэзии» Некрасова].— Там же, с. 224.

710. Мордовченко Н. И. Белинский о сербских народных песнях. (К вопросу о «фольклоризме» Белинского в 30-е гг.).—Научн. бюлл. Ленингр. гос. ун-та, 1946, № 11—12, с. 47—50.

711. Мушин Б. З. В. Г. Белинский о диалектике «отрицания» в истории.— Учен. зап. Удмурт. гос. пед. ин-та, вып. 1, Ижевск, 1946, с. 32—45.

712. Познанский Н. Ф. В. Г. Белинский о детском чтении.— Сов. педагогика, 1946, № 8—9, с. 43—51.

713. Поляков М. Я. Молодой Белинский. К биографии Белинского.— Учен. зап. Моск. гос. ун-та им. Ломоносова. Вып. 118. Труды кафедры рус. лит-ры, кн. 2, 1946, с. 139—53.

Рец.: Вопросы истории, 1948, № 5, с. 112—14 (А. Трофимов); Сов. книга, 1948, № 2, с. 104 (Н. М. Онуфриев).

714. — Н. А. Некрасов — театральный критик. К 60-летию со дня смерти.— Театр, 1946, № 11—12, с. 37—41.

715. Серебровская Е. Белинский в борьбе с реакцией.— Ленингр. правда, 1946, № 238, 10 окт.

716. Храбровицкий А. Русские писатели в Пензенской области. Под ред. и с пред. Д. Д. Благого. Пенза, изд. газ. «Сталинское знамя», 1946.

С. 24—33 (прим. с. 120—21): Белинский.

717. Чуковский К. И. Белинский в поэме «Несчастные» [Некрасова].— Лит. газ., 1946, № 47, 23 нояб.

718.— Григорий Толстой и Некрасов.— Лит. наследство, т. 49—50, 1946, с. 3, 369, 374.

О кружке Белинского.

719. Шабаева М. Ф. Педагогическая теория В. Г. Белинского.— Известия Акад. пед. наук РСФСР. Отд. педагогики, 1946, № 5, с. 65—80.

720. Щербина В. Эстетика Чернышевского — Добролюбова.— В кн.: Театральный альманах. ВТО. Кн. 1 (3). М., 1946, с. 135—36, 138, 143—46, 149.

721. Щипанов И. Гениальный русский критик.— Лит. газ., 1946, № 25, 15 июня.

1947

722. Бычков С. П. Толстой и проблема народа. (Пятидесятые и шестидесятые годы).— В кн.: Историко-литературный сборник. Под ред. С. П. Бычкова, Ф. М. Головенченко, С. М. Петрова. М., 1947, с. 396—402.

723. Василевская Е. А. Язык и стиль письма Белинского к Гоголю.— Рус. яз. в школе, 1947, № 4, с. 1—8.

724. Векслер И. Традиции русской критики 40—60-х годов в борьбе с теорией «чистого искусства».— Звезда, 1947, № 2, с. 150—61.

Вошло в кн.: Против безидейности в литературе. Сб. статей журнала «Звезда». Л., 1947.— См. № 746.

725. Горячева О. Был ли Белинский утопическим социалистом?— Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та. Серия философских наук, вып. I. 1947, с. 242—63.

Рец.: Лит. газ., 1948, № 23, 20 марта (Я. Е. Эльсберг).

726. Державин Н. С. А. И. Герцен. Литературно-художественное наследие. М.— Л., 1947, с. 16, 24. 28, 30—34, 41, 48—50, 66—72, 130.

727. Дискуссия по книге Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии» 16—25 июня 1947 г. Стенографический отчет.— Вопросы философии, 1947, № 1, с. 54, 111—13, 136, 147, 218, 302, 343, 389—90, 398, 423, 434—35, 496—98.

728. Долинин А. С. В творческой лаборатории Достоевского. (История создания романа «Подросток»). Л., изд. «Сов. писатель», 1947, с. 26—27, 38, 71, 78—80, 141, 146, 149, 151—52, 159.

Рец.: Культура и жизнь, 1947, № 35, 20 дек. (Д. О. Заславский); Лит. газ., 1947, № 66, 24 дек. (В. В. Ермилов).

729. Евгеньев-Максимов В. Е. Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова. М.— Л., ГИХЛ, 1947, с. 194, 196, 305—53, 361, 363, 370—71, 374, 400—01, 411.

730.— Н. А. Некрасов в оценке классиков русской критики. (К 125-летию со дня рождения поэта).— Вестник Акад. Наук СССР, 1947, № 1, с. 127—36; № 2, с. 63—64.

731.— Некрасов и Петербург. Л., Лениздат, 1947, с. 18, 28, 31—32, 43—54, 56—58, 63—66, 81—87, 109—12, 117, 174—75, 182, 239—42, 246.

Рец.: Пропаганда и агитация, 1947, № 14, с. 53—55 (Б. Папковский); Сов. книга, 1947, № 5, с. 100—05 (Н. П. Анциферов).

732. Евгеньев-Максимов В. Е. и Березина В. Г. Николай Алексеевич Полевой. Очерк жизни и деятельности. 1846—1946. Иркутск, Иркутск. обл. изд., 1947, с. 4, 44—45, 55, 65, 95, 103—13.

Рец.: Сов. книга, 1947, № 4, с. 96—100 (Ф. И. Евнин).

733. Загорский М. Великие традиции.— Советский театр и современность. Сборник материалов и статей. М., 1947, с. 139—43.

734. Занчевский А. И. Тезисы к диссертации «В. Г. Белинский и русская литература XVIII в.». Л., 1947. [4 с.] (Ленингр. гос. ун-т).

735. Иовчук М. Т. О некоторых проблемах научного исследования истории русской материалистической философии.— Известия Акад. Наук СССР, серия истории и философии, 1947, № 4, с. 305, 310—23.

736. Кирпотин В. Я. Молодой Достоевский. М., Гослитиздат, 1947, с. 41—43, 51, 54—55, 59—61, 63, 65—68, 70—71, 80—88, 90—95, 102—03, 105, 110, 114—18, 126—64, 170, 172, 174, 183, 197, 199—203, 214—15, 219—22, 228—29, 233—35, 260, 276, 290, 294—97, 302—04, 306, 310—13, 319, 333, 359, 361, 368—69, 375 (Акад. Наук СССР. Ин-т мировой лит-ры им. Горького).

Рец.: Культура и жизнь, 1947, № 35, 20 дек. (Д. О. Заславский); Лит. газ., 1947, № 36, 30 авг. (К. Н. Полонская); № 58, 26 нояб. (В. Уралов); № 66, 24 дек. (В. В. Ермилов).

737.— Об отношении русской литературы и русской критики к капиталистическому Западу.— Октябрь, 1947, № 9, с. 161—62, 164—66, 168, 172—73, 175—80.

738.— Ф. М. Достоевский. М., изд. «Сов. писатель», 1947, с. 10—13, 15, 19, 35, 46—47, 56—57, 60—62, 78.

Рец.: Культура и жизнь, 1947, № 35, 20 дек. (Д. О. Заславский); Лит. газ., 1947, № 66, 24 дек. (В. В. Ермилов); Новый мир, 1947, № 10, с. 262—64 (Ф. И. Евнин).

739. Максимов А. А. Очерки по истории борьбы за материализм в русском естествознании. М., Госполитиздат, 1947, с. 160—64. (Акад. Наук СССР. Ин-т философии).

740. О столетии со дня смерти В. Г. Белинского. [Учреждение Всесоюз. ком-та по проведению юбилея].— Правда, 1947, № 336, 17 дек.; Известия, 1947, № 296, 17 дек.: Лит. газ., 1947, № 65, 20 дек.

741. Орлов М. М. Тезисы к диссертации «Лексика „Литературных мечтаний" В. Г. Белинского». Л., 1947. [4 с.] (Ленингр. гос. ун-т).

742. Пиксанов Н. К. Тридцать лет борьбы и достижений, итоги изучения русской литературы за 1917—1947 гг.— Вестник Московского ун-та, 1947, № 11, с. 70, 73, 78, 86—88, 92.

743. Плоткин Л. А. Советское литературоведение за 30 лет.— Известия Акад. Наук СССР, Отд. лит-ры и языка, т. VI, вып. 5, 1947, с. 368—69, 375, 377, 379.

744. Поляков М. Я. Белинский в Московском университете. («Литературное общество 11 нумера»). М., 1947. 60 с. (Моск. гос. ун-т им. Ломоносова. Труды науч. студенческого о-ва. Вып. II).

745. — Белинский-драматург.— Театр, 1947, № 4, с. 39—46.

746. Против безидейности в литературе. Сборник статей журнала «Звезда». Л., изд. «Сов. писатель», 1947.

А. М. Еголин. За высокую идейность советской литературы. С. 7, 9—10, 13, 23—24.— Б. С. Мейлах. Борьба Ленина с идеологией «Вех». С. 108—12, 116—17, 119—20. (Вошло в кн. авт.: Ленин и проблемы русской литературы конца XIX — начала XX в. М., ОГИЗ — ГИХЛ, 1947 (Акад. Наук СССР. Ин-т лит-ры), с. 253, 255, 257, 260—61, 263—64).—И. Векслер. Традиции русской критики 40—60-х годов в борьбе с теорией «чистого искусства». С. 131—55, 159—60.— В. Е. Евгеньев-Максимов. Н. А. Некрасов в борьбе с теорией «чистого искусства». С. 164—66, 168, 170, 172.

747. Пруцков Н. И. В. П. Боткин и литературно-общественное движение 40—60-х гг. XIX ст.— Учен. зап. Грозн. гос. пед. ин-та, филол. серия, 1947, № 3, с. 49—61, 64—66, 68—73, 77—92, 113—14, 116—18, 120.

748. — Проблемы художественного метода передовой русской литературы 40—50-х годов XIX ст. Ист.-лит. очерки под ред. А. Г. Цейтлина. Грозный, 1947, с. 7—11, 15—23, 31, 36—39, 42, 46, 50—55, 59, 62, 66—77, 83, 88, 93, 100—01, 109 (Грозн. гос пед. ин-т. Кафедра лит-ры).

748а. Ракушева Л. Ф. Великие русские просветители о естественно-научной пропаганде. Л., газ.-журн. и книжн. изд., 1947, с. 25, 37—41.

749. Рыскин Е. В. Г. Белинский о чтении художественной литературы.— Библиотекарь, 1947, № 2, с. 6—13.

750. Рюриков Б. Об отношении к литературному наследию прошлого. (Критический обзор).— Большевик, 1947, № 10, с. 55—56, 61.

751. Трунев Н. В. Белинский о преподавании русского языка.— Рус. яз. в школе, 1947, № 1, с. 57—73.

752. Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений. В 15-ти т. Под общ. ред. В. Я. Кирпотина, Б. П. Козьмина, П. И. Лебедева-Полянского, Н. Л. Мещерякова, И. Д. Удальцева, Н. М. Чернышевской. Т. III. Под ред. В. Я. Кирпотина. М., изд. «Худож. лит-ра», 1947.

Очерки гоголевского периода русской литературы. (См. по указателю; варианты, с. 762, 765—70).— Впервые: Современник, 1855, № 12, отд. III, с. 24—25, 31, 33—34, 38—41, 43—45, 47—48, 50; 1856, № 2, отд. III, с. 90, 113, 121, 125, 131; № 4, отд. III, с. 27—29, 32—33, 60—62; № 7, отд. III, с. 7—24; № 9, отд. III, с. 1—32; № 10, отд. III, с. 33—80; № 11, отд. III, с. 1—24; № 12, отд. III, с. 25—52.

753. Шкловский В. Б. Белинский и Гоголь. К 100-летию письма Белинского Гоголю.— Лит. газ., 1947, № 31, 26 июля.

754. Эльсберг Я. Е. Русская литература 40-х годов XIX века и проблемы развития национальной культуры. — В кн.: Историко-литературный сборник.

Под ред. С. П. Бычкова, Ф. М. Головенченко, С. М. Петрова. М., 1947, с. 345, 349, 351—52, 356—82.

Рец.: Сов. книга, 1948, № 4, с. 112 (Н. М. Онуфриев).

1948

Книги и брошюры

755. Баскаков В. Г. Социологические воззрения В. Г. Белинского. Под ред. Г. С. Васецкого. М., изд. «Моск. рабочий», 1948. 156 с.

Рец.: Сов. книга, 1948, № 10, с. 90—98 (В. Евграфов).

756. Белинский в воспоминаниях современников. Ред. Ф. М. Головенченко. М., Гослитиздат, 1948. 480 с.

Содержание: От редакции.— Д. П. Иванов. Несколько мелочных данных для биографии Белинского.—И. И. Лажечников. Заметки для биографии Белинского.— Н. Иванисов 2-й. Воспоминание о Белинском.— Д. П. Иванов. Сообщения при чтении биографии В. Г. Белинского А. Н. Пыпина.— Н. А. Аргилландер. В. Г. Белинский. (Из моей студенческой с ним жизни).— П. Прозоров. Белинский и московский университет в его время.— К. Д. Кавелин. Воспоминания о Белинском.— Н. М. Сатин. Отрывки из «Воспоминаний».— А. И. Герцен. Из книги «О развитии революционных идей в России». — А. И. Герцен. Из «Былого и дум».— В. А. Панаев. Из «Воспоминаний».— И. И. Панаев. Из «Литературных воспоминаний».— А. Я. Панаева. Из «Воспоминаний».—П. В. Анненков. Из «Замечательного десятилетия (1838—1848)».— Н. Н. Тютчев. Мое знакомство с В. Г. Белинским.— И. С. Тургенев. Встреча моя с Белинским.— И. С. Тургенев. Воспоминания о Белинском.— И. А. Гончаров. Заметки о личности Белинского.— И. Шмаков. Белинский в Симферополе.— А. В. Орлова. Из воспоминаний о семейной жизни В. Г. Белинского.— И. И. Панаев. Воспоминание о Белинском.— Приложения.— Комментарии В. И. Кулешова.

Рец.: Вечерняя Москва, 1948, № 134, 8 июня (С. Иванов); Комсомольская правда, 1948, № 133, 6 июня (Н. М. Онуфриев); Культура и жизнь, 1949, 11 окт., № 28 (Б. Рюриков). Театр, 1948, № 8, с. 58 (М. Загорский).

757. Белинский в жизни. Рис. Б. И. Лебедева. Тексты подобраны В. А. Гебель. Л., ГИХЛ, 1948. 53 рис. [110 лл.].

758 Бельчиков Н. Ф. В. Г. Белинский. (Популярный очерк). М., изд. «Правда», 1948. 24 с. (Всесоюз. о-во по распространению полит. и науч. знаний).

759.— Великий русский критик и революционный демократ В. Г. Белинский. Стенограмма публичной лекции, прочит. 20 апр. 1948 г. в Центр. лектории О-ва в Москве. М., изд. «Правда», 1948. 24 с. (Всесоюз. о-во по распространению полит. и науч. знаний).

760. Бетяев Я. Д. В. Г. Белинский. (К 100-летию со дня смерти). Научно-популярный очерк. Саранск, Мордов. гос. изд., 1948. 92 с. (Мордов. гос. пед. ин-т им. А. И. Полежаева).

761. В. Г. Белинский. (Доклады, прочитанные на заседании совета Таджик. филиала Акад. Наук СССР, посвящ. 100-летию со дня смерти В. Г. Белинского). Сталинабад, 1948. 46 с. (Акад. Наук СССР. Таджик. филиал).

Содержание: Н. Г. Хижняк. Эпоха Белинского.— А. М. Богоутдинов. Великий русский философ В. Г. Белинский.—А. Ш. Рорер. О социологических взглядах Белинского.— С. Б. Морочник. Эстетические взгляды Белинского.— Э. М. Беккер. Белинский и русская литература.

762. В. Г. Белинский. (К 100-летию со дня смерти). Ижевск, Удмурт. гос. изд., 1948. 56 с. (Упр. по делам культ.-просвет. учреждений при Совете министров Удмурт. АССР).

Содержание: Ф. М. Головенченко. К столетию со дня смерти В. Г. Белинского.— Методическое письмо центрального научно-методического кабинета культурно-просветительной работы.— Как организовать выставку и провести литературно-музыкальный вечер, посвященный В. Г. Белинскому.— Примерная тематика лекций,

докладов и бесед, посвященных В. Г. Белинскому.— Как знакомить читателей с произведениями В. Г. Белинского.

763. В. Г. Белинский. Сборник статей и документов к биографии великого критика. Под ред. Н. Л. Бродского. Пенза, Пенз. обл. изд., 1948. 257 с.

Содержание: Ф. Двоянов. «Неистовый Виссарион».— Б. Поляков. Проблема «природы» человека в социологии В. Г. Белинского.— О. Войтинская. В. Г. Белинский — великий новатор теории искусства.— М. Молебнов [В. С. Нечаева]. В. Г. Белинский и Пензенский край.— Документы к биографии: I. Сведения о городе Чембаре и Чембарском уезде.— II. Материалы о семье Белинских.— III. Ведомости Чембарского уездного училища и Пензенской гимназии.— IV. Личные документы В. Г. Белинского.— V. Документы о проведении 50-летия со дня смерти В. Г. Белинского в Пензе.

Об авторстве статьи «В. Г. Белинский и Пензенский край» и примечаний к документам В. С. Нечаевой — см. письмо нач. обл. гос. архива И. Федорова и дир. обл. изд-ва М. Родионова в редакцию газ. «Сталинское знамя».— Сталинское знамя, Пенза, 1948, № 166, 21 авг.

Рец.: Сталинское знамя, Пенза, 1948, № 151, 31 июля (А. Красноусов).

764. В. Г. Белинский в жизни. Альбом-выставка. Серия рис. Б. И. Лебедева. Под ред., с пред. и коммент. Н. Л. Бродского. Пенза, Пенз. обл. изд., 1948. 17 с., 55 лл. [53 рис.]

765. Васецкий Г. С. Белинский — великий мыслитель и революционный демократ. М., изд. «Моск. рабочий», 1948. 119 с.

Рец.: Сов. книга, 1948, № 10, с. 90—98 (В. Евграфов).

766. Великий русский мыслитель В. Г. Белинский. Сборник статей. Под ред. З. В. Смирновой. М., Госполитиздат, 1948. 203 с. (Акад. Наук СССР, Ин-т философии. — Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Кафедра истории русской философии).

Содержание: М. Иовчук. В. Г. Белинский — великий русский мыслитель.— З. Смирнова. Развитие философских взглядов В. Г. Белинского в 30-х годах.— И. Щипанов. Материалистические воззрения В. Г. Белинского.— З. Смирнова. Проблема реализма в эстетике В. Г. Белинского. — М. Каммари. В. Г. Белинский о роли личности в истории.

767. Гинзбург Л. Я. В. Г. Белинский. (Жизнь и деятельность). К 100-летию со дня смерти (1848—1948 г.) В. Г. Белинского. Публичная лекция, прочит. в актовом зале Гос. ун-та 12 мая 1948 г. Петрозаводск, Гос. изд. Карело-Фин. ССР, 1948. 28 с. (Республ. о-во по распространению полит. и науч. знаний Карело-Фин. ССР).

768. Гиреев Д. А. Белинский и Лермонтов. Пятигорск, изд. Гос. музея «Домик Лермонтова», 1948. 126 с.

769. Головенченко Ф. М. В. Г. Белинский. Критико-биогр. очерк. М., Гослитиздат, 1948. 72 с.

770.— В. Г. Белинский. (К 100-летию со дня смерти). Архангельск, 1948. 43 с. (Обл. отд. культ.-просвет. работы Арханг. облисполкома. В помощь лектору).— На правах рукописи.

То же.— Красноярск, изд. «Красноярский рабочий», 1948. 47 с. (Упр. лекционной пропаганды Ком-та по делам культ.-просвет. учреждений при Совете министров РСФСР. Вып. 32. В помощь лектору).

771. Дацюк Б. Д. Русская журналистика 40-х годов XIX века. Журнально-публицистическая деятельность В. Г. Белинского. Стенограммы лекций, прочитанных в Высш. парт. школе при ЦК ВКП(б). М., 1948. 36 с. (Высш. парт. школа при ЦК ВКП(б). Курс журналистики).

772. Зелинский К. Л. Виссарион Григорьевич Белинский. (К 100-летию со дня смерти). Рига, Латв. гос. изд., 1948. 54 с. (О-во по распространению полит. и науч. знаний Латв. ССР).

Рец.: Культура и жизнь, 1948, № 17, 20 июня.

773. Козырев А. В. В. Г. Белинский. Ставрополь, Краев. кн-во, 1948. 112 с.

774. Красавин В. С. В. Г. Белинский, великий патриот. Сталинград, Обл. кн-во, 1948. 36 с.

775. Лаврецкий А. В. Г. Белинский. К 100-летию со дня смерти. 1848—1948. Научная ред. Н. Л. Бродского. М., 1948. 155 с. (Русские писатели. Научно-популярная серия Гос. Лит. музея. Под общ. ред. В. Бонч-Бруевича).

776. Медынский Е. Н. Педагогические идеи В. Г. Белинского. Стенограмма публичной лекции, прочит. 15 апр. 1948 г. в Центр. лектории О-ва в Москве. М., изд. «Правда», 1948. 20 с. (Всесоюз. о-во по распространению полит. и науч. знаний).

777. Михайлов В. Н. Великий мыслитель и революционный демократ В. Г. Белинский. (К 100-летию со дня смерти). Саратов, 1948. 33 с. (Саратов. обл. лекцион. бюро при обл. отд. культ.-просвет. работы. В помощь лектору).

778. Мордовченко Н. И. В. Г. Белинский. 1811—1848. Очерк лит.-критич. деятельности. Л., Ленингр. газ.-журн. и книж. изд., 1948. 140 с.

779. Нахатович Б. Т. Философско-социологические взгляды В. Г. Белинского. Тезисы диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Л., 1948. [3 с.] (Ленингр. гос. ун-т).

780. Нечаева В. С. Юность Белинского. Пенза, Пенз. обл. изд., 1948. 138 с.

Рец.: Огонек, 1948, № 29, с. 25 (А. Храбровицкий); Сов. книга, 1948, № 7, с. 87—90 (И. Сергиевский); Сталинское знамя, Пенза, 1948, № 127, 27 июня.

Глава из кн.: Белинский в гимназии. — «Земля родная». Кн. III. Пенза, 1948.

781. Поляков М. Я. Белинский в Москве. 1829—1839. Под ред. Н. Л. Бродского. М., изд. «Моск. рабочий», 1948. 314 с.

Рец.: Звезда, 1948, № 6, с. 162—65 (А. Экмекчи); Земля родная, кн. III, Пенза, 1948, с. 113 — 23 (М. Шкерин); Казах. правда, Алма-Ата, 1948, № 107, 30 мая (Е. Ландау); Ленингр. правда, 1948, № 129, 2 июня (Е. Серебровская); Сов. книга, 1948, № 5, с. 98—105 (Н. И. Мордовченко); Театр, 1948, № 8, с. 57—58 (М. Загорский); В. С. Нечаева. В. Г. Белинский. Начало жизненного пути и лит. деятельности. М., 1949, с. 337—38, 359—360, 432—39. См. также № 811.

782. Смирнова З. В. Мировоззрение В. Г. Белинского. Стенограмма публичной лекции, прочит. 2 апр. 1948 г. в Центр. лектории О-ва в Москве. М., изд. «Правда», 1948. 32 с. (Всесоюз. о-во по распространению полит. и науч. знаний).

Рец.: Сов. книга, 1948, № 10, с. 90—98 (В. Евграфов).

783. Степанов Н. Л. Белинский о народности литературы. Стенограмма публичной лекции, прочит. 1 июня 1948 г. в Центр. лектории О-ва в Москве. М., изд. «Правда», 1948. 31 с. (Всесоюз. о-во по распространению полит. и науч. знаний).

784. Тонков В. А. Белинский — великий русский критик-патриот. К 100-летию со дня смерти. (Стенограмма лекции, прочит. для студентов пединститута 27 III 1948 г.). Воронеж, 1948. 28 с. (Воронеж. обл. лекцион. бюро Обл. отд. культ.-просвет. работы. В помощь лектору).

785.— В. Г. Белинский и А. В. Кольцов. Стенограмма лекции, прочит. в Воронеж. Гос. пед. ин-те. Воронеж, изд. «Коммуна», 1948. 21 с. (Всесоюз. о-во по распространению полит. и науч. знаний. Воронежск. отд.).

786. Чагин Б. А. Общественно-политические и философские взгляды В. Г. Белинского. (К 100-летию со дня смерти). Стенограмма публичной лекции, прочит. в 1948 г. в ленингр. Доме ученых. Л., 1948. 55 с. (Всесоюз. о-во по распространению полит. и науч. знаний. Ленингр. отд.).

Рец.: Сов. книга, 1948, № 10, с. 90—98 (В. Евграфов).

787. Шабаева М. Ф. Педагогическая деятельность и педагогические взгляды В. Г. Белинского. Стенограмма лекции, прочит. в лектории Мин. просвещения РСФСР 24 июня 1948 г. М.— Л., 1948. 36 с. (Акад. пед. наук РСФСР. Отд. пропаганды науч.-пед. знаний).

Статьи в газетах, журналах и сборниках

788. А. С. Научная сессия к столетию со дня смерти В. Г. Белинского [в Ин-те философии АН СССР].— Вопросы философии, 1948, № 2, с. 373—75.

789. Азадовский М. К. Белинский и русская народная поэзия.— Лит. наследство, т. 55, 1948, с. 117—50.

790. Алеев И. В. В. Г. Белинский о физическом воспитании. (К 100-летию со дня смерти).— Теория и практика физической культуры, 1948, т. XI, вып. 6, с. 245—47.

791. Александров Г. Мыслитель и революционер.— Известия, 1948, № 133, 6 июня.

792. Алперс Б. Вдохновитель русского театра.— Сов. искусство, 1948, № 23, 5 июня.

793. Альтман И. Патриотизм Белинского.— Знамя, 1948, № 6, с. 141—62.

Рец.: Лит. газ., 1948, № 64, 11 авг. (Б. Яковлев).

794. Андроников И. Из творческой истории «Странного человека».— В кн. авт.: Лермонтов. Новые разыскания. М., 1948, с. 53—54.

«Дмитрий Калинин» и «Странный человек».

795. Анисимова А. Белинский в народном творчестве. [г. Чембар].—Сталинское знамя, Пенза, 1948, № 11, 16 янв.

796. Анциферов Н. П. Москва 30—40-х годов XIX века.— В кн.: Литературные экскурсии по Москве. М., 1948, с. 108.

О домах, в которых жил Белинский.

797. Арямов И. А. В. Г. Белинский о семейном воспитании. К 100-летию со дня смерти.— Семья и школа, 1948, № 5, с. 8—12.

798. Бабушкина А. П. История русской детской литературы. М., Учпедгиз, 1948, с. 203—29.

799. Балтушис Ю. Великий учитель.— Сов. Литва, Вильнюс, 1948, № 133, 6 июня.

800. Баскаков В. Г. Великий русский революционный демократ и материалист. (К 100-летию со дня смерти В. Г. Белинского).— Наука и жизнь, 1948, № 6, с. 2—11.

801. Бекхожин Х. Белинский и казахская литература.— Казах. правда, Алма-Ата, 1948, № 112, 6 июня.

802. Белинский. [Передовая].— Лит. газ., 1948, № 45, 5 июня.

803. Белинский и современность. [Передовая].— Новый мир, 1948, № 6, с. 5—13.

804. Бельчиков Н. Ф. Белинский и русская литература.— Вестник Акад. Наук СССР, 1948, № 6, с. 12—20.

805.— Великий русский критик. К 100-летию со дня смерти В. Г. Белинского.— Учит. газ., 1948, № 22, 20 мая.

806.— Наш Белинский.— Смена, 1948, № 10, с. 2.

807.— Неистовый Виссарион.— Красная звезда, 1948, № 133, 6 июня.

808. Берков П. Н. Белинский и классицизм.— Лит. наследство, т. 55, 1948, с. 151—76.

809. Благой Д. Д. Белинский и Пушкин.— Сталинское знамя, Пенза, 1948, № 61, 26 марта.

810.— Неистовый Виссарион.— Правда, 1948, № 159, 7 июня.

Рец.: Культура и жизнь, 1948, № 17, 20 июня.

811. Бровман Г. А. В. Г. Белинский. (К 100-летию со дня смерти).— Сибирские огни, Новосибирск, 1948, № 3, с. 95—104.

812.— Вечно живые строки.— Моск. комсомолец, 1948, № 70, 8 июня.

813.— Во имя прав человеческих.— Сов. искусство, 1948, № 23, 5 июня.

814. Бродский Н. Л. Лермонтов и Белинский на Кавказе в 1837 году.— Лит. наследство, т. 45—46, 1948, с. 730—40.

815. Булаховский Л. Слово критика-бойца.—Правда Украины, Киев, 1948, № 133, 6 июня.

816. Бурсов Б. Плеханов и Белинский.— Лит. наследство, т. 55, 1948, с. 87—116.

817. В родных местах. [О Чембарском музее].—Сталинское знамя, Пенза, 1948, № 112, 6 июня.

818. Васецкий Г. Белинский — великий русский мыслитель и революционный демократ.— Сов. Латвия, Рига, 1948, № 128, 1 июня.

819.— Мировоззрение В. Г. Белинского. К 100-летию со дня смерти великого русского критика и революционного демократа.— Моск. большевик, 1948, № 131, 4 июня.

820. Великий русский революционер-демократ Виссарион Григорьевич Белинский.— Лит. газ., 1948, № 43, 29 мая.

821. Великий советский народ. [Передовая].— Труд, 1948, № 133, 6 июня.

822. Великий сын русского народа. [Передовая].— Красная звезда, 1948, № 133, 6 июня.

823. Виссарион Белинский. [Передовая].— Правда, 1948, № 159, 7 июня.

824. Виссарион Григорьевич Белинский. [Передовая].— Известия, 1948, № 133, 6 июня.

825. Владимиров Г. В. Г. Белинский — великий революционный критик-демократ. (К 100-летию со дня смерти).— Звезда Востока, Ташкент, 1948, № 6, с. 103—17.

826. Войтинская О. Великий новатор теории искусства.— Сов. искусство, 1948, № 23, 5 июня.

827. Волгин В. П. Страна готовится достойно отметить 100-летие со дня смерти В. Г. Белинского. Беседа с зам. пред. Всесоюз. ком-та по проведению 100-летней годовщины со дня смерти В. Г. Белинского академиком В. П. Волгиным.— Ленингр. правда, 1948, № 132, 5 июня.

828. Выставка, посвященная 100-летию со дня смерти великого критика.— Красная звезда, 1948, № 132, 5 июня.

Москва. Политехн. музей.

829. Выявление новых архивных материалов о Белинском [в Пенз. обл. гос. архиве].— Сталинское знамя, Пенза, 1948, № 14, 20 янв.

830. Гинзбург Л. Я. Белинский в борьбе с романтическим идеализмом.— Лит. наследство, т. 55, 1948, с. 185—202.

831. Головенченко Ф. М. Белинский и Запад.— Смена, 1948, № 10, с. 10.

832. Гордость и слава русского народа. [Передовая].— Сталинское знамя, Пенза, 1948, № 112, 6 июня.

833. Гордость и слава русской культуры. [Передовая].— Сов. искусство, 1948, № 23, 5 июня.

834. Гречишникова А. Д. Белинский в советской школе.— Литература в школе, 1948, № 3, с. 23—35.

835. Гроссман Л. П. Революционер, демократ, патриот.— Мед. работник, 1948, № 24, 2 июня.

836. Гурьянов В. П. «Неистовый Виссарион» в Московском университете.— Моск. университет. Орган парткома, профкома, ком-та ВЛКСМ и ректората МГУ им. М. В. Ломоносова, 1948, № 22, 4 июня.

По архивным данным. Дата поступления в Ценз. ком-т «Дмитрия Калинина» — 23 янв. 1831 г. и дата увольнения Белинского из ун-та — 27 сент. 1832 г.

837. Гус М. Белинский и Россия.— Театр, 1948, № 6, с. 7—14.

838.— Искусство и коммунизм. К 100-летию «Манифеста Коммунистической партии».— Театр, 1948, № 2, с. 32—36.

О материалистической эстетике Белинского.

839. Гутман Л. Белинский о портрете. — Искусство, 1948, № 5, с. 51—54.

840. «Дмитрий Калинин». Цензурный экземпляр. Публ. Н. Л. Бродского.— В кн.: В. Г. Белинский и его корреспонденты. Под ред. Н. Л. Бродского. М., 1948, с. 9—20.

841. Дубовиков А. Н. Белинский и его роль в развитии натуральной школы.— Литература в школе, 1948, № 1, с. 21—30.

842. Дурылин С. Н. Белинский и русская драма.— Театр, 1948, № 6, с. 15—22.

843. Евгеньев-Максимов В. Е. В. Г. Белинский — патриот и демократ.— Ленингр. правда, 1948, № 131, 4 июня.

844. Евграфов В. Великий мыслитель.— Правда, 1948, № 159, 7 июня.

845. Еголин А. М. Белинский и русская культура.— Известия Акад. Наук СССР, Отд. литературы и языка, т. VII, вып. 5, 1948, с. 367—82.

846.— Величие Белинского.— Известия, 1948, № 133, 6 июня.

847.— Итоги философской дискуссии и задачи литературоведения. Стенограмма публ. лекции, прочит. в Центр. лектории О-ва в Москве. М., 1948, с. 4, 7, 12, 14, 21.

848. Ефимов А. И. В. Г. Белинский о языке и стиле художественных произведений.— Рус. язык в школе, 1948, № 3, с. 1—10.

849. Ефремов А. П. Иноязычная лексика в языке Н. Г. Чернышевского и ее обработка.— Учен. зап. Саратов. гос. ун-та им. Н. Г. Чернышевского. Т. XIX. 1948, с. 102, 105, 115, 121, 125.

О языке Белинского.

850. Жданов В. Воинствующий патриот.— Сов. искусство, 1948, № 23, 5 июня.

850а.— Гордость русской литературы.— Комсом. правда, 1948, № 123, 26 мая.

851.— Провозвестник талантов.— Огонек, 1948, № 23, с. 4.

852. Загорский М. Белинский и театр.— Вечерняя Москва, 1948, № 131, 4 июня.

853.— В борьбе за народную драму.— Сов. искусство, 1948, № 23, 5 июня.

854.— Поборник русского театра.— Смена, 1948, № 10, с. 14.

855. Заславский Д. О. К вопросу о политическом завещании Белинского.— Лит. наследство, т. 55, 1948, с. 51—86.

856.— Пламенный трибун.— Правда, 1948, № 159, 7 июня.

857.— Трибуна пламенного публициста.— Сталинское знамя, Пенза, 1948, № 112, 6 июня.

858. Захидов В. Гениальный русский мыслитель.— Звезда Востока, Ташкент, 1948, № 7, с. 98—111.

859. Земенков Б. С. Памятные места. [Москва]. — Смена, 1948, № 10, с. 11.

860. Иванов С. Из новых материалов о Белинском и Лермонтове.— Огонек, 1948, № 10, с. 25.

Дело М. Я. Давыдовой 1828 г. о зверском обращении с крепостными, отразившееся в «Дмитрии Калинине». (Сообщено А. В. Храбровицким).

861. Иващенко А. Ф. Социальный роман Э. Сю в оценке Маркса и Белинского.— Вестник Акад. Наук СССР, 1948, № 6, с. 31—50.

862. Иллерицкий В. Исторические взгляды В. Г. Белинского.— Вопросы истории, 1948, № 7, с. 3—26.

863. Иовчук М. Т. В. Г. Белинский — великий русский мыслитель и революционный демократ.— Сов. Белоруссия, Минск, 1948, № 113, 8 июня.

864.— В. Г. Белинский — классик русской философии.— Известия Акад. Наук СССР, серия истории и философии, 1948, т. V, № 4, с. 305—21.

865.— Мировоззрение В. Г. Белинского (К 100-летию со дня смерти).— Большевик, 1948, № 10, с. 25—41.

866. Иофанов Д. Он близок и дорог всем советским народам.— Правда Украины, Киев, 1948, № 133, 6 июня.

867. Кантор П. «Дмитрий Калинин». [К постановке пьесы в Обл. драм. театре им. А. В. Луначарского].— Сталинское знамя, Пенза, 1948, № 7, 10 янв.

868. Карабан С. Эстетические взгляды В. Г. Белинского. (К 100-летию со дня смерти).— Сов. Белоруссия, Минск, 1948, № 111, 5 июня.

869. Караваева А. Наша гордость.— Сталинский сокол, Пенза, 1948, № 133, 6 июня.

870. Карменян Г. С. Литературно-художественная выставка, посвященная 100-летию со дня смерти В. Г. Белинского. [В Пенз. обл. б-ке им. М. Ю. Лермонтова].— Библиотекарь, 1948, № 5, с. 25—26.

871. Кертман Л. Борец против космополитизма и низкопоклонства перед буржуазным Западом.— Правда Украины, Киев, 1948, № 129, 2 июня.

872. Кирпотин В. Я. Виссарион Григорьевич Белинский. (К 100-летию со дня смерти).— Октябрь, 1948, № 6, с. 163—83.

873. Кленов А. Личная библиотека великого критика.— Орловская правда, 1948, № 77, 17 апр.

Статья основана на неверных сведениях.

874. Ковалев В. А. Национальное своеобразие «Записок охотника» И. С. Тургенева.— Известия Акад. Наук СССР. Отд. литературы и языка, 1948, т. VII, вып. 4, с. 345—49.

Об отношении Белинского к «Запискам охотника».

875. Кожевников Г. Портрет, посмертная маска и карандаш В. Г. Белинского.— Коммунист, Саратов, 1948, № 107, 30 мая.

О материалах Саратовского гос. художественного музея им. А. Н. Радищева.

876. Козлов Н. Страницы из биографии. [Белинский — преподаватель Межевого института].— Веч. Ленинград, 1948, № 109, 10 мая.

877. Корнейчук А. Е. Украина готовится к 100-летию со дня смерти В. Г. Белинского. Беседа с пред. Респ. Ком-та по ознаменованию 100-летия со дня смерти Белинского акад. А. Е. Корнейчуком.—Правда Украины, Киев, 1948, № 113, 14 мая.

878. Красноусов А. М. В. Г. Белинский о литературе для детей.— Земля родная. Лит.-худож. альманах. Кн. III. Пенза, 1948, с. 65—80.

879.— В мире — борец. Белинский о буржуазной культуре Запада.— Сталинское знамя, Пенза, 1948, № 112, 6 июня.

880. Крендель Р. Н. Виссарион Григорьевич Белинский.— Библиотекарь, 1948, № 3, с. 9—16.

881. Кругляк М. Ш. Революционные демократы 40—60-х годов XIX в. о преподавании истории. (К истории методической мысли).— Преподавание истории в школе, 1948, № 1, с. 70—73.

882. Кружков В. С. Мировоззрение В. Г. Белинского — Октябрь, 1948, № 7, с. 162—76.

883. Кунгуров Г. Белинский о писателях-сибиряках.— Новая Сибирь, кн. 20, 1948, с. 226—34.

884. Куриленков В. Наш предшественник. — Известия, 1948, № 133, 6 июня.

885. Л. Ш. Научная сессия, посвященная столетию со дня смерти В. Г. Белинского [в Ленингр. ун-те. 1—5 июня].— Вестник Ленингр. ун-та, 1948, № 6, с. 146—49.

886. Лавренев Б. А. Осуществление мечты.— Сталинский сокол, 1948, № 133, 6 июня.

887. Лаврецкий А. Белинский о буржуазном Западе.— Новый мир, 1948, № 6, с. 230—40.

888.— О мировом значении критики Белинского.— Лит. наследство, т. 55, 1948, с. 17—50.

889. Ланский Л. Р. Библиотека Белинского.— Лит. наследство, т. 55, 1948, с. 431—571.

Научное описание сохранившихся книг Белинского и история его библиотеки.

890.— Классики драматургии в библиотеке Белинского.— Сов. искусство, 1948, № 23, 5 июня.

891. Лебедев-Полянский П. И. В. Г. Белинский.— Лит. наследство, т. 55, 1948, с. 585—610.

892. Левин Ш. М. К вопросу об исторических особенностях русского утопического социализма. — Ист. записки, 1948, № 26, с. 236, 256.

893. Лемберг Р. Г. Педагогические взгляды Белинского.— Вестник Акад. наук Казах. ССР, Алма-Ата, 1948, № 8, с. 54—60.

894. Ленин о наследии Белинского. (Краткий обзор высказываний).— Новый мир, 1948, № 6, с. 210—27.

895. Лисецкий С. «Белинский в жизни». Выставка рисунков художника Б. Лебедева в Москве.— Сталинское знамя, Пенза, 1948, № 2, 3 янв.

896.— В Чембарском музее.— Сталинское знамя, Пенза, 1948, № 65, 31 марта.

897.— Здесь жил Белинский.— Учит. газ., 1948, № 22, 20 мая.

О Чембарском музее.

898.— Музей В. Г. Белинского [Чембар].— Огонек, 1948, № 23, с. 6.

899.— На родине В. Г. Белинского.— Вокруг света, 1948, № 6, с. 41—43.

900. Лотман Л. М. А. Н. Островский и революционные демократы в 40—50-х годах.— Вестник Ленингр. ун-та, 1948, № 6, с. 70—80, 88.

901. Львов К. И. В. Г. Белинский о воспитании женщины.— Сов. педагогика, 1948, № 5, с. 76—83.

902. Малинковский В. К вопросу о формировании эстетических взглядов В. Г. Белинского.— Вестник Акад. наук Казах. ССР, Алма-Ата, 1948, № 6, с. 31—40.

903. Мануйлов В. А. Белинский и Лермонтов.— Сталинское знамя, Пенза, 1948, № 93, 11 мая.

904.— Лермонтов и Краевский.— Лит. наследство, т. 45—46. М. Ю. Лермонтов. II. 1948, с. 369—71, 373—74, 376—78, 381.

Об отношениях Белинского с Лермонтовым. Замечания Краевского на статью А. Н. Пыпина о Лермонтове.

Рец.: Сов. книга, 1948, № 4, с. 110 (В. В. Жданов).

905. Маслин Н. Великий революционный демократ. (К 100-летию со дня смерти В. Г. Белинского).— Правда, 1948, № 145, 24 мая.

906. Мацуев Н. И. Последний год жизни Белинского. (События и люди).— Знамя, 1948, № 6, с. 174—75.

907. Машинский С. «Я в мире боец...» — Лит. газ., 1948, № 34, 28 апр.

908. Медынский Е. Н. Основоположник педагогики русской революционной демократии XIX в.— Вестник высшей школы, 1948, № 6, с. 1—5.

909. Мейлах Б. С. Белинский о Пушкине.— Лит. наследство, т. 55, 1948, с. 176—84.

910. Мишке В. Великий революционный демократ В. Г. Белинский.— Большевик советской Латвии, Рига, 1948, № 11, с. 9—14.

Сокращ. стенограмма доклада, прочит. 8 июня на совместном заседании Акад. наук Латв. ССР, Латв. гос. ун-та и Союза сов. писателей Латв. ССР.

911. Молебнов М. П. Белинский и Пензенский крепостной театр.— Сталинское знамя, Пенза, 1948, № 29, 10 февр.

912. Мордовченко Н. И. Белинский в борьбе за натуральную школу.— Лит. наследство, т. 55, 1948, с. 203—58.

913.— Белинский и русская литература.— Звезда, 1948, № 6, с. 153—61.

914.— Белинский и русская литература.— Ленингр. правда, 1948, № 133, 6 июня.

915.— Белинский — теоретик и организатор реалистического направления.— Знамя, 1948, № 6, с. 163—73.

Рец.: Лит. газ., 1948, № 64, 11 авг. (Б. Яковлев).

916.— Бессмертный гений.— Вечерний Ленинград, 1948, № 133, 7 июня.

917.— «Дон Кихот» в оценке Белинского. [С прилож. неизвестной заметки Белинского].—В сб.: Сервантес. Статьи и материалы. Ред. М. П. Алексеев. Л.,1948, с. 32—39.

918.— Неизвестная рецензия Ап. Григорьева на «Петербургский сборник» Некрасова (1846).— Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. Кафедра рус. литературы, т. 67, 1948, с. 114—19.

Из «Ведомостей С. П.-бургской городской полиции», 1846, № 33, 9 февр. В статье — отзыв о «Мыслях и заметках о русской литературе» Белинского.

919.— Основные проблемы историко-литературного изучения Белинского.— Вестник Ленингр. ун-та, 1948, № 6, стр. 95—108.

920.— Строитель нашей литературы.— Смена, Ленинград, 1948, № 132, 6 июня.

921. Муканов С. Влияние эстетических взглядов Белинского на Абая. — Вестник Акад. наук Казах. ССР, Алма-Ата, 1948, № 6, с. 15—25.— На казах. яз. Резюме на рус. яз.

922. Научная сессия 1948 г. Ленингр. гос. ун-та. Тезисы докладов по секции филол. наук. Л., 1948.

К. А. Копержинский. Значение Белинского в формировании болгарской литературной критики. С. 17—20.— С. С. Деркач. В. Г. Белинский и литературные взгляды петрашевцев. С. 21—24.

923. «Неистовый Виссарион».—Вестник Акад. Наук СССР, 1948, № 6, с. 3—11.

924. Нечаев М. и Грачев Н. В Музее В. Г. Белинского.— Земля родная. Лит.-худож. альманах. Кн. III. Пенза, 1948, с. 105—12.

925. Нечаева В. С. Чембар в прошлом.— Сталинское знамя, Пенза, 1948, № 100, 21 мая.

926.— Юные годы [Белинского].— Смена, 1948, № 10, с. 3—4.

927. Нечкина М. В. Неистовый Виссарион и его эпоха.— Лит. газ., 1948, № 45, 5 июня.

928. Нович И. С. Русская литература и революция 1848 года. Стенограмма публичной лекции, прочит. в Центр. лектории О-ва в Москве. М., изд. «Правда», 1948, с. 5—7, 9—13, 19. (Всесоюз. о-во по распространению полит. и науч. знаний).

929. О В. Г. Белинском.— Культура и жизнь, 1948, № 17, 20 июня.

930. Овнан Гурген. Степан Шаумян о Белинском.— Коммунист, Ереван, 1948, № 132, 5 июня.

931. Оганесян Русет. Белинский и армянская литературно-критическая мысль.— Коммунист, Ереван, 1948, № 133, 6 июня.

932. Оксман Ю. Г. А. В. Кольцов и тайное «Общество независимых». — Учен. зап. Сарат. гос. ун-та им. Н. Г. Чернышевского, т. XX, вып. филол., 1948, с. 91.

Об идейной близости Белинского с Кольцовым в 1831 г.

933.— Из разысканий в области биографии Белинского. 1. Легенда о переводе «Монфермельской молочницы». 2. Письмо Белинского к К. С. Аксакову от 16—20 ноября 1837 г. 3. Записка Белинского к Бакунину от 3 января 1838 г. 4. Дата смерти Белинского. Био-библиографическая справка.— Там же, с. 310—21.

934. Плоткин Л. А. А. В. Кольцов.— В кн.: А. В. Кольцов. Стихотворения. Статья, ред. и прим. Л. А. Плоткина. Л., 1948, с. 8—34 (Б-ка поэта. Малая серия).

935.— Мировое значение эстетики Белинского.— Лит. газ., 1948, № 45, 5 июня.

935а. Поляков М. Я. Гордость и слава русской литературы Виссарион Григорьевич Белинский.— Молодой колхозник, 1948, № 6, с. 2—3.

936.— Политическое завещание Белинского. — Вестник Акад. Наук СССР, 1948, № 6, с. 21—30.

937. Пранскус Б. Белинский и литовская литература.— Сов. Литва, Вильнюс, 1948, № 133, 6 июня.

938.— Литовский народ глубоко чтит память великого русского мыслителя.— Сов. Литва, Вильнюс, 1948, № 112, 13 мая.

Влияние Белинского на литовскую культуру.

939. Просвирнин В. 50 лет назад. Отношение царского правительства к памяти Белинского. [1898 г. в Пензе].— Сталинское знамя, Пенза, 1948, № 76, 16 апр.

940. Ритман-Фетисов М. И. Белинский и казахская тема в русской литературе. — Казахстан, Алма-Ата, 1948, № 10, с. 102—13.

941. Розенталь М. Философские взгляды Н. Г. Чернышевского. М., Госполитиздат, 1948, с. 25—30, 110, 116, 163, 281, 286, 295, 297—300, 303—304, 309—310.

Влияние Белинского на Чернышевского.

942. Роткович Я. А. В. Г. Белинский о детском и юношеском чтении.— Литература в школе, 1948, № 3, с. 36—42.

943.— Значение В. Г. Белинского в истории школьного преподавания литературы. — Учен. зап. факультета языка и лит-ры Куйбышевск. гос. пед. и учител. ин-та им. В. В. Куйбышева, 1948, вып. 9, с. 3—51.

944. Савельев П. В. Г. Белинский в народном творчестве. Сказки солдата Шиври.— Белинский и владыкинские крестьяне.— Заступник народный.— Талант в цепях.— Поп Лутошка.— История села Владыкино.— Ястребок.— Про купеческого сына.— Русские не для денег живут.— «Письмо к Гоголю».— Земля родная. Лит.-худож. альманах. Кн. III. Пенза, 1948, с. 81—97.

— Впервые: Казаков А., Савельев П. и Салтыков Н. Владыкинские предания. [Район ст. Белинской].— Огонек, 1948, № 23, с. 7; Память о нем живет в народе. Белинский в устном творчестве пензенских крестьян. [Записали Н. Химченко и П. Савельев].— Сталинское знамя, Пенза, 1948, № 107, 30 мая.

945. Сергиевский И. В. Борьба за наследие Белинского.— Лит. наследство, т. 55, 1948, с. 3—16.

Впервые: Лит. газ., 1948, № 40, 19 мая (сокращ. текст).

946.— Великий русский критик.— Правда, 1948, № 158, 6 июня.

947.— Великий трибун революционной демократии.— Огонек, 1948, № 23, с. 2—3.

948. Сессия памяти В. Г. Белинского [Ин-та мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР и филол. фак-та Моск. гос. ун-та им. М. В. Ломоносова. 24—26 мая 1948 г.].— Вестник Акад. Наук СССР, 1948, № 7, с. 92—94.

949. Сильченко М. С. Созвучие просветительских идей Белинского и Абая.— Вестник Акад. наук Казах. ССР, Алма-Ата, 1948, № 6, с. 26—30.

950. Смирнова З. В. Великий русский мыслитель.— Лит. газ., 1948, № 44, 2 июня.

951.— Проблема реализма в эстетике Белинского.— Вопросы философии, 1948, № 2, с. 195—212.

952. Соколов Н. А. Надеждин и Белинский. Тезисы к диссертации. Л., 1948. [3 с.] (Ленингр. гос. ун-т).

953. Сорокин В. В. Книги студента В. Г. Белинского.— Сталинское знамя, Пенза, 1948, № 112, 6 июня.

В библиотеке проф. П. Я. Петрова (ныне — МГУ).

954. Сорокин Ю. С. Белинский и русский литературный язык.— Известия Акад. Наук СССР, Отд. литературы и языка, т. VII, вып. 5, 1948, с. 383—400.

955. Тавзишвили Г. Белинский и грузинская общественная мысль XIX века.— Заря Востока, Тбилиси, 1948, № 113, 6 июня.

956. Теплов Б. М. Психологические взгляды В. Г. Белинского.— Сов. педагогика, 1948, № 5, с. 38—60.

957. Толстой В. Образ борца и мыслителя.— Сов. искусство, 1948, № 23, 5 июня.

Белинский в рисунках Б. И. Лебедева.

958. Трунев Н. Белинский как историк русского языка.— Рус. язык в школе, 1948, № 3, с. 11—20.

959. Фадеев А. А. Белинский и наша современность. [Сокращенная стенограмма доклада в Большом театре 7 июня 1948 г. на торжеств. заседании, посвящ. памяти Белинского].— Правда, 1948, № 160, 8 июня; Лит. газ., 1948, № 46, 9 июня.

Полностью: Октябрь, 1948, № 7, с. 151—61.

Отд. изд.: Магадан, изд. «Сов. Колыма», 1948. 31 с.

960. Федоров И. С. и Кузнецов С. Г. Дом, в котором жил В. Г. Белинский в Пензе. К 100-летию со дня смерти В. Г. Белинского.— Сталинское знамя, Пенза, 1948, № 46, 5 марта.

Дом Я. А. Петрова, в котором жил Белинский в 1825—1828 гг. С фотогр.

961. Фридлендер Г. Белинский как теоретик литературы.— Лит. наследство, т. 55, 1948, с. 259—84.

962. Холодов Е. Белинский пишет о театре.— Театр, 1948, № 6, с. 23—33.

963. Храбровицкий А. В. Белинский и Пенза. (По несобранным материалам).— Сталинское знамя, Пенза, 1948, № 82, 24 апр.

964.— Белинский и роман итальянского революционера.— Огонек, 1948, № 31, с. 24; Сталинское знамя, Пенза, 1948, № 117, 13 июня.

Об участии Белинского в переводе «Избранных писем Якова Ортиса» Уго Фосколо в 1831 г.

965.— Десятилетие музея В. Г. Белинского [г. Белинский].— Лит. газ., 1948, № 67, 21 авг.

966.— О дате смерти Белинского.— Сталинское знамя, Пенза, 1948, № 90, 7 мая. Указание ошибки в «Летописи жизни Белинского» 1924 г.

967. Цейтлин А. Г. Основоположник русской критики.— Смена, 1948, № 10, с. 6.

968. Чесноков Д. И. Мировоззрение Герцена. М., Госполитиздат, 1948, с. 5, 22, 25—26, 29, 31—33, 61, 64—67, 74, 83, 90, 98, 132—38, 247—49, 282, 297, 329, 332, 335, 342, 359, 361. (Акад. Наук СССР. Ин-т философии).

Белинский и Герцен.

Рец.: *Сов. книга, 1948, № 6, с. 66—72 (В. Г. Баскаков).*

969. Чувашев И. В. В. Г. Белинский о первоначальном семейном воспитании и обучении детей. (К 100-летию со дня смерти).— Дошкольное воспитание, 1948, № 2, с. 24—34.

970. Шабаева М. Ф. Борьба В. Г. Белинского в 30—40-е годы XIX в. со школой «муштры и зубрежки».— Сов. педагогика, 1948, № 5, с. 61—76.

971.— В. Г. Белинский о первоначальном воспитании и обучении детей.— Начальная школа, 1948, № 7, с. 5—8.

972.— Педагогические взгляды революционного демократа.— Учит. газ., 1948, № 24, 3 июня.

973. Шалабаев Б. В. Г. Белинский — великий русский критик.— Вестник Акад. наук Казах. ССР, Алма-Ата, 1948, № 6, с. 3—14.— Резюме на рус. яз.

О влиянии Белинского на казахскую литературу.

974. Шимбирев П. Н. Замечательный воспитатель молодежи.— Вестник высшей школы, 1948, № 6, с. 6—8.

975. Щербина В. Р. Великие традиции В. Г. Белинского.— Культура и жизнь, 1948, № 14, 21 мая.

976.— Великий деятель русской литературы.— Известия, 1948, № 131, 4 июня.

977.— Великий русский мыслитель В. Г. Белинский.— Вопросы философии, 1948, № 2, с. 171—94.

978. Щипанов И. Выдающийся русский философ и революционный демократ.— Известия, 1948, № 129, 2 июня.

979. Эгле К. Белинский в латышской литературе. — Сов. Латвия, Рига, 1948, № 133, 6 июня.

980.— В. Г. Белинский на латышском языке. — Известия Акад. наук Латв. ССР, № 5 (10), Рига, 1948, с. 36.— На латыш. яз. Резюме на рус. яз.

981. Эльсберг Я. Е. А. И. Герцен. Жизнь и творчество. М., Гослитиздат, 1948, с. 77—92, 96—98, 103, 110, 115—16, 118—22, 133, 137, 143—44, 147, 151—53, 195—98, 291—92, 294—95, 346.

Белинский и Герцен.

Рец.: *Лит. газ., 1949, № 93, 19 нояб. (М. Я. Поляков).*

982.— Белинский в борьбе с космополитизмом.— Лит. газ., 1948, № 31, 17 апр.

983.— Национальная гордость великих русских революционных демократов.— Литература в школе, 1948, № 4, с. 9—20.

984.— Наши ближайшие предшественники. О наследии революционно-демократической литературы.— В кн.: Проблемы социалистического реализма. Сборник статей. М., изд. «Сов. писатель», 1948, с. 309—13, 316—17, 320, 324, 326—27, 331—32, 334, 341—42.

985.— Традиции революционно-демократической эстетики и советская литература.— Литература в школе, 1948, № 1, с. 11, 20.

985а. Юбилейная хроника.— Правда, 1948, № 159, 7 июня; № 160, 8 июня; Известия, 1948, № 133, 6 июня; № 134, 8 июня; Культура и жизнь, 1948, № 15, 30 мая; № 16, 11 июня; Лит. газ., 1948, № 44, 2 июня; № 45, 5 июня; № 46, 9 июня; Сов. искусство, 1948, № 22, 29 мая; № 23, 5 июня; № 24, 12 июня; Комсомольская правда, 1948, № 133, 6 июня; № 134, 8 июня; Красная звезда, 1948, № 132, 5 июня; № 133, 6 июня; Ленингр. правда, 1948, № 131, 4 июня; № 132, 5 июня; № 133, 6 июня; Сталинское знамя, Пенза, 1948, № 112, 6 июня; № 113, 8 июня; № 118, 15 июня; № 119, 16 июня.

986. Яснопольская А. А. Опыт изучения В. Г. Белинского в школе.— Литература в школе, 1948, № 1, с. 42—46.

1949

987. Ауэзов М. Традиции русского реализма и казахская литература. [О влиянии Белинского на Чокана и Абая].— Дружба народов, 1949, № 2, с. 125—26.

988. Ашукин Н. С. Библиотека Некрасова.— Лит. наследство, т. 53—54, Н. А. Некрасов. III, 1949, с. 362, 367, 369, 392, 398, 403, 408, 422.

989. Белинский — историк и теоретик литературы. Сборник статей. М.— Л., изд. Акад. Наук СССР, 1949. 448 с. (Акад. Наук СССР. Ин-т мировой лит-ры им. А. М. Горького).

Содержание: Н. Бродский. От редактора.— А. Мясников. В. И. Ленин о Белинском.— А. Мясников. Борьба Плеханова за Белинского с реакционной критикой.— А. Лаврецкий. Историко-литературная концепция Белинского, ее предшественники, последователи и критики.—А. Цейтлин. Белинский — мастер русской литературной критики.— В. Нечаева. Белинский и проблема русского исторического романа.— М. Кургинян. Понятие трагического у Белинского.— Д. Благой. Белинский и Пушкин.— Н. Степанов. Белинский и Гоголь.— Н. Бродский. Белинский и Тургенев.— И. Успенский. Письмо Белинского к Гоголю и Л. Н. Толстой. — А. Иващенко. Белинский о французском социально-утопическом романе.— Р. Самарин. Творчество Дж. Мильтона в оценке Белинского.— В. Неустроев. Скандинавские заметки В. Г. Белинского.

Рец.: Нов. мир, 1950, № 12, с. 256—61 (Н. М. Онуфриев); Сов. книга, 1951, № 1, с. 95—99 (А. А. Белкин).

990. Белинский. Статьи и материалы. [Ред. Н. И. Мордовченко]. Л., 1949. 291 с. (Ленингр. гос. университет им. А. А. Жданова. Филол. ин-т).

Содержание: Предисловие.— Неизвестная статья В. Г. Белинского «Московский литературный и ученый сборник на 1847 год». Публ. Е. Кийко.— Статьи и доклады: Б. И. Бурсов. Теория реализма в эстетике Белинского.— Н. И. Мордовченко. Белинский в борьбе за Гоголя в 40-е годы.— Р. Б. Заборова. Белинский и сборник народных песен, собранных Кольцовым.— Г. М. Фридлендер. Белинский и Шекспир.— И. М. Тойбин. Белинский в «Очерках гоголевского периода русской литературы» Н. Г. Чернышевского.— П. Н. Берков. Белинский в литературе народов СССР.— Сообщения: С. И. Эткина. Малоизвестные воспоминания о Белинском. [А. М. Берх. Из знакомства с Белинским].— К. Н. Григорьян. Стихотворения Пушкина, переписанные Белинским в альбом Л. А. Бакуниной.— Ф. Я. Прийма. Белинский во французской литературе. (Критические заметки).— Библиография: Е. И. Кийко. Юбилейная литература о Белинском [1948 г.].— Хроника.

Рец.: Сов. книга, 1951, № 1, с. 100—04 (В. Кулешов).

991. Бельчиков Н. Ф. Революционеры-демократы о Пушкине.— Лит. газ., 1949, № 41, 21 мая.

992. Берлинер Г. Некрасов в борьбе с Полевым и Булгариным. Три неизвестных рецензии Некрасова 1842—1845 гг.— Лит. наследство, т. 53—54, Н. А. Некрасов. III, 1949, с. 3—4, 6—10, 12, 26.

Публикации рецензий Некрасова, связанных с Белинским: «Драматические сочинения и переводы Н. А. Полевого. Две части. С. П. бург, 1842» [Из «Лит. газ.», 1842, № 43]; «Физиология Петербурга, составленная из трудов русских литераторов. Под ред. Н. Некрасова. [...] Часть первая» [Из «Лит. газ.», 1845, № 13].

993. Богомолов Б. И. Борьба В. Г. Белинского за научное собирание и издание народной поэзии.— Сов. этнография, 1949, № 1, с. 133—48.

994. Богуцкий И. С. Философский материализм В. Г. Белинского.— Учен. зап. Акад. общественных наук при ЦК ВКП(б), в. V, 1949, с. 69—96.

995. Бушуев С. История России в произведениях В. Г. Белинского. (Из истории революционно-демократической и просветительной историографии России XIX в.).— Преподавание истории в школе, 1949, № 5, с. 27—43.

996. Ганелин Ш. И. В. Г. Белинский — один из основоположников революционно-демократической педагогики в России.— Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. Кафедра педагогики, т. 84, 1949, с. 127—40.

997. Десницкий В. А. В. Г. Белинский и его эпоха.— Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. Кафедра рус. литературы, т. 81, 1949, с. 3—20.

998. Зайченко П. А. Педагогические идеи В. Г. Белинского. Томск, 1949. 28 с. (Всесоюз. о-во по распространению полит. и науч. знаний. Томск. обл. отд.).

999. Из истории русской философии. Сборник статей. М., Госполитиздат, 1949.

М. Т. Иовчук. Об исторических особенностях и основных этапах развития русской философии, с. 8—18, 23—27, 33—40, 45—58, 65—69. — И. Я. Щипанов. В. Г. Белинский — великий мыслитель и революционный демократ, с. 287—364.— В. Е. Евграфов. Философские взгляды Н. Г. Чернышевского, с. 372—75, 385—88, 398, 401, 413, 425, 437, 448, 455—56, 461—62.—М. Т. Иовчук. Ленинизм и русская материалистическая философия, с. 776—82, 784—98, 821.

999а. Кремер Э. Л. Стилистические функции однородных членов предложения в языке Белинского.— Труды Тбилисск. гос. пед. ин-та им. А. С. Пушкина, т. VI, 1949, с. 21—29.

1000. Кружков В. С. Эстетика и литературная критика Н. А. Добролюбова.— Знамя, 1949, № 9, с. 161, 163—65, 168, 171—72, 176, 178—80.

Добролюбов, как продолжатель идей Белинского.

1001. Макашин С. А. Салтыков-Щедрин. Биография. I. М., Гослитиздат, 1949. (Ин-т рус. лит-ры Акад. Наук СССР).

О Белинском см. по указателю.

О влиянии идей Белинского на Салтыкова.

Рец.: Вестник Акад. Наук СССР, 1950, № 2, с. 121—25 (М. Эссен); Вестник Ленингр. ун-та, 1950, № 1, с. 129 (Н. И. Мордовченко); Известия, 1950, № 78, 1 апр. (В. Жданов); Литература в школе, 1950, № 5, с. 66 — 67 (Я. Эльсберг); Лит. газ., 1949, № 101, 17 дек. (Д. Заславский); Огонек, 1950, № 9, с. 23 (В. Жданов); Сов. книга, 1950, № 3, с. 95—102 (Б. Папковский).

1002. Нечаева В. С. В. Г. Белинский. Начало жизненного пути и литературной деятельности. 1811—1830. М., изд. Акад. Наук СССР, 1949. 446 с. (Акад. Наук СССР. Ин-т мировой лит-ры им. А. М. Горького).

Рец.: Вестник Ленингр. ун-та, 1950, № 2, с. 142—45 (С. Б. Окунь); Сов. книга, 1950, № 1, с. 103—06 (И. Сергиевский).

1003. Нифонтов А. С. Россия в 1848 г. М., Учпедгиз, 1949, с. 5, 15—16, 148, 162—63, 165—66, 169, 285, 312—13.

1004. Онуфриев Н. Борьба за наследие Пушкина.— Знамя, 1949, № 6, с. 163—65.

Оценка Белинским Пушкина.

1005. Орлов В. Н. Радищев и русская литература. М., Гослитиздат, 1949, с. 97—100, 104.

О влиянии идей Радищева на Белинского.

1006. Папковский Б. В. М. Е. Салтыков-Щедрин и журналистика конца 30-х — начала 40-х годов. (К вопросу об усвоении идей Белинского).— Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. Герцена. Кафедра рус. литературы, т. 87, 1949, с. 45—74.

1007.— Натуральная школа Белинского и Салтыков.— Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. Кафедра русской литературы, т. 81, 1949, с. 21—81.

1008. — Пушкин и Белинский.— Звезда, 1949, № 6, с. 158—67.

1009. Познанский Н. Ф. В. Г. Белинский о воспитании. М., Учпедгиз, 1949. 128 с.

1010. Райхин Д. Я. Белинский в школе. Пособие для учителей сред. школы. Под ред. Н. Л. Бродского. М., Учпедгиз, 1949. 127 с.

1011. Сергиевский И. В. А. С. Пушкин. Науч.-попул. очерк. Под общ. ред. В. Бонч-Бруевича. М., Госкультпросветиздат, 1949, с. 103—06, 118—20, 125—26.

Об отношениях Белинского и Пушкина. Оценка Белинским творчества Пушкина.

1012. Спиридонов В. С. Первое издание сочинений В. Г. Белинского.— Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. Кафедра рус. литературы, т. 81, 1949, с. 83—94.

1013. Степанов Н. Л. И. А. Крылов. Жизнь и творчество. М., Гослитиздат, 1949, с. 165—69.

Оценка Белинским басен Крылова.

1014. Титова В. Г. Белинский о французской буржуазно-апологетической литературе 40-х годов XIX века.— Учен. зап. Новосиб. гос. пед. ин-та, вып. 7, серия ист.-филол., 1948, с. 29—57.

1015. Трунев Н. Борьба Белинского за литературную речь.— Учен. зап. Омск гос. пед. ин-та им. А. М. Горького, вып. 4, ист.-филол. серия, 1949, с. 3—74.

1016. Ученые записки Моск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина, т. LXII, вып. 3, 1949. 114 с.

Содержание: Н. Ф. Бельчиков. В. Г. Белинский о самостоятельности русской литературы. — А. С. Мясников. Белинский-журналист. — Л. М. Вольпе. Белинский в борьбе против космополитизма Валериана Майкова.— В. В. Голубков. В. Г. Белинский — учитель учителей-словесников.— И. В. Устинов. В. Г. Белинский как теоретик и историк русского языка.— М. Ф. Шабаева. В. Г. Белинский как педагог.

1017. Фадеев А. А. За высокое качество художественной литературы и принципиальную критику.— Лит. газ., 1949, № 64, 10 авг.

1018. Шмелева Л. Д. Научные сессии филологического факультета, посвященные В. Г. Белинскому. (К 100-летию со дня смерти).— Доклады и сообщения филологического ин-та Ленингр. гос. ун-та, вып. 1, 1949, с. 220—25.

1019. Щербина В. Пушкин и Белинский.— Театр, 1949, № 6, с. 23—31.

1020. Янушевич Е. К. К вопросу о философской эволюции В. Г. Белинского. Автореферат к диссертации. Тбилиси, 1949. 11 с.

1950

1021. Алексеев М. П. Белинский и славянский литератор Я.-П. Иордан. *К вопросу об известности Белинского на Западе и у славян в 40-е годы XIX в.* — Лит. наследство, т. 56, 1950, с. 437—70.

1022. Бабинцев С. М. Из истории борьбы самодержавия с Белинским. Запрос Цензурного Комитета о Белинском 1848 г.— Лит. наследство, т. 57, 1951*, с. 273—74.

1023. Богаевская К. П. Запрещенная статья 1876 г. о Белинском. [История статьи С. С. Шашкова в журн. «Дело»].—Там же, с. 275—78.

1024.— Об авторе портрета Белинского 1838 г.— Там же, с. 358.

1025.— Письмо Белинского к Гоголю. [История создания, распространения, источники и критика текста].— Лит. наследство, т. 56, 1950, с. 513—81.

Комментарий к тексту «Письма» Я. З. Черняка, с. 582—605.

1026. Брейтбург С. М. Л. Н. Толстой о «Письме Белинского к Гоголю». Маргинальные заметки и запись в дневнике.— Лит. наследство, т. 57, 1951, с. 273—80.

1026а. Владимиров В. Белинский и «Листок». К истории журнального дебюта Белинского.— Там же, с. 251—54.

1027. Гин М. М. Некрасов — литературный критик. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филол. наук. Л., 1950, с. 6—12 (Ленингр. гос. ун-т).

1028. Григорьян К. Н. Рукописи В. Г. Белинского в Институте русской литературы (Пушкинском Доме) Академии Наук СССР.— Бюллетени Рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинского Дома). II. М.—Л., 1950, с. 23—29.

1029. Гурьянов В. П. [1]. Эпизод из биографии Белинского. О попытке Белинского занять должность корректора в типографии Московского университета.—[2.] Неизвестные переводы Белинского. [1833—1834 гг.].— Лит. наследство, т. 57, 1951, с. 248—50, 255—56.

* По техническим причинам 57-й том «Лит. наследства» вышел в свет в начале 1951 г.

1029а. Дацюк Б. Д. Основные направления в русском общественно-политическом движении 30—40-х годов XIX века. Великий революционный демократ В. Г. Белинский. Стенограмма публичной лекции, прочит. в Центр. лектории О-ва в Москве. М., 1950. 32 с. (Всесоюз. о-во по распространению полит. и науч. знаний).

1030. Дубовиков А. Н. Новое о статье Белинского «Парижские тайны». (По материалам зарубежной печати 1840-х гг.).— Лит. наследство, т. 56, 1950, с. 471—96.

1031. Заборова Р. Б. Новые материалы о М. В. Белинской [1860—1880-х гг.].— Лит. наследство, т. 57, 1951, с. 319—26.

1031а.— Об описаниях рукописей Белинского.— Там же, с. 285—88.

1032. Земенков Б. С. Белинский в Москве.— Там же, с. 375—94.

1033. Иванова Т. А. Москва в жизни и творчестве М. Ю. Лермонтова. 1827—1832. М., изд. «Моск. рабочий», 1950, с. 144—46, 150, 158, 160, 162—63, 188.

Белинский-студент.

1034. Каплан Л. Р. О рецензии на «Одесский альманах». [«Отеч. зап.», 1840, № 3].— Лит. наследство, т. 56, 1950, с. 69—72.

1035. Карлина Р. Г. Белинский и японская литература.— Там же, с. 501—12.

1035а. Козьмин Б. П. «Воскресший Белинский». Из неизданного лит. наследия Н. А. Добролюбова.—Лит. наследство, т. 57, 1951, с. 5—24.

О влиянии революционных идей Белинского на Добролюбова.

1036. Лаврецкий А. Эстетика революционных демократов.—Сб. Вопросы теории литературы. М., Учпедгиз, 1950, с. 98—114, 121, 123, 135—38.

1037. Ланский Л. Р. К критике первопечатных текстов сочинений Белинского.— Лит. наследство, т. 57, 1951, с. 281—84.

1038.— Отзывы о Белинском в «La revue indépendante» [1847 г.].— Лит. наследство, т. 56, 1950, с. 497—500.

1039. Машинский С. И. Семинарий по Белинскому. Для заочников пед. институтов.М., Учпедгиз, 1950. 224 с. (Глав. упр. высш. учеб. завед. Мин. просв. РСФСР).

1040. Михайлова А. Н. Белинский — редактор Лермонтова. Из истории первопечатной публикации «Демона» в «Отеч. записках» 1842 г.— Лит. наследство, т. 57, 1951, с. 261—72.

1041. Мордовченко Н. И. Белинский и русская литература его времени. М.—Л., Гослитиздат, 1950. 284 с.

Введение.— Гл. I. Общественно-литературная и эстетическая позиция Белинского в середине 30-х гг.— Гл. II. Белинский и начало гоголевского периода русской литературы.— Гл. III. Белинский и Лермонтов.— Гл. IV. Белинский в борьбе за Гоголя.— Гл. V. Историко-литературные взгляды Белинского. Статьи о Пушкине.— Гл. VI. Белинский — теоретик и организатор натуральной школы.

1041а. О диссертациях аспирантов и курсантов кафедры теории и истории литературы.—Учен. зап. Акад. общественных наук при ЦК ВКП(б), кафедра теории и истории литературы, вып. VII, 1950, с. 177—79.

О диссертациях Г. С. Тихомирова («Белинский в борьбе за идейность литературы в 30-е гг.») и Б. И. Богомолова («В. Г. Белинский и вопросы народного творчества»).

1042. Оксман Ю. Г. Переписка Белинского. Критико-библиографический обзор.— Лит. наследство, т. 56, 1950, с. 201—54.

1043. Очерки по истории русской журналистики и критики. Т. I. XVIII в. и первая половина XIX в. Л., ЛГУ им. А. А. Жданова, филол. ин-т, 1950.

Ч. III, гл. IX, с. 241—42, 245, 249—55; гл. XI, с. 323; гл. XIV, с. 352—53, 358—65; гл. XV, с. 370—75, 381—82 (Н. И. Мордовченко); ч. IV, гл. XIX, с. 437—62, 473, 475—79, 482—85; гл. XX, с. 495—98, 501—02; гл. XXI, с. 521—49 (А. Г. Дементьев); гл. XXII. В. Г. Белинский, с. 552—604 (Н. И. Мордовченко).

1044. Поляков М. Я. Студенческие годы Белинского.— Лит. наследство, т. 56, 1950, с. 303—416.

Прилож. I: Список студентов словесного отделения Московского университета за 1832 г. Сост. К. Петрова. С. 417—21.— Прилож. II: Биографический словарь университетских товарищей Белинского. Сост. В. Гурьянов и В. Сорокин. С. 422—36.

1045. Рейсер С. А. Белинский в Петербурге.— Лит. наследство, т. 57, 1951, с. 395—408.

1046. Розенблюм Н. Г. Материалы о Белинском из архива «Русской старины».— Там же, с. 289—302.

1046а. Степанищев С. С. Общественно-политическая позиция Н. А. Полевого 1825—1834 гг.— Вестник Ленингр. ун-та, 1950, № 2, с. 91—94, 97, 107, 109.

1047. Ухмылова Т. Л. Материалы о Белинском из архива А. Н. Пыпина. — Лит. наследство, т. 57, 1951, с. 303—18.

1048. Храбровицкий А. В. Дело помещицы Давыдовой. К истории юношеских драм Белинского и Лермонтова.— Там же, с. 243—47.

Предварительная информация — Сталинское знамя, Пенза, 1948, № 9, 13 янв.

1049. Чаушанский Д. П. Белинский и русская реалистическая иллюстрация 1840-х годов.— Там же, с. 327—56.

1050. Черемин Г. С. К истории текста четырех статей Белинского о народной поэзии.— Лит. наследство, т. 56, 1950, с. 51—68.

1050а. Шульгин В. И. Отклик на смерть Энгельса в России 90-х годов.— Звенья, VIII, 1950, с. 629.

Об общности идей Энгельса и Белинского.

1051. Эльсберг Я. Е. Идейная и литературная борьба 40-х годов XIX века.— Литература в школе, 1950, № 3, с. 10—21.

1052. Эфрос Н. Д. К. А. Горбунов — портретист Белинского.—Лит. наследство, т. 57, 1951, с. 357—73.

1053. Ямпольский И. Г. Литературная деятельность И. И. Панаева.—В кн.: И. И. Панаев. Литературные воспоминания, Л., 1950, с. V, VIII—XIV, XVII, XIX—XXI, XXXI, XXXIII, XXXVII, XLVIII—LVI.

БЕЛИНСКИЙ В МЕМУАРАХ, ДНЕВНИКАХ И ПЕРЕПИСКЕ СОВРЕМЕННИКОВ

1851

1054. Герцен А. И. Du développement des idées révolutionnaires en Russie [О развитии революционных идей в России]. Paris, 1851, с. 87, 105—06, 129—37.

Вошло в кн. авт.: Полн. собр. соч. и писем. Под ред. М. К. Лемке. Т. VI. Пг., 1917, с. 253, 262, 274—78 (перевод: с. 359, 369, 383—87).

1855

1055. Герцен А. И. Былое и думы. Ч. III, гл. VIII.— Полярная звезда на 1855 г. Кн. I. Лондон, 1855, с. 81—83, 88—89, 94—101.

Дополнено в отд. изд.: Былое и думы. Т. II. Лондон, 1861, с. 159—60.

Вошло в кн. авт.: Полн. собр. соч. и писем. Под ред. М. К. Лемке. Т. XIII. Пг., 1919, с. 3, 10—11, 15—16, 20—28, 32, 35—36.

1856

1056. Чернышевский Н. Г. Заметки о журналах. 1856. Июль.— Современник, 1856, № 8, отд. V, с. 205—08.

Вошло в кн. авт.: Полн. собр. соч. Т. III. М., 1947, с. 676—78.

Воспоминания о Белинском на его могиле.

1857

1057. Анненков П. В. Воспоминания о Гоголе. Рим, летом 1841 г.— Б-ка для чтения, 1857, № 2, отд. III, с. 143; № 11, отд. III, с. 30, 34—36.

Вошло в кн. авт.: Литературные воспоминания. Л., 1928, с. 68, 133—36.

1058.— Николай Владимирович Станкевич. Биогр. очерк.— Рус. вестник, 1857, № 3, с. 463, 477—79, 482—83; № 4, с. 705, 718—21.

Вошло в кн. авт.: Литературные воспоминания. Спб., 1909, с. 383—84, 395—400, 411—12, 421—24.

1059. Станкевич Н. В. Письма: к Т. Н. Грановскому 14 апр. и 12 мая 1838 г.; к В. И. Красову 5 мая 1836 г.; к Я. М. Неверову 24 апр., 11 мая 1834 г.; 5 февр., 9 марта, 1 июня, 14 июня, 28 сент., 13 окт., 2 дек. и 8 дек. 1835 г.; 14 июня, 21 сент. и 19 окт. 1836 г.; к Н. Г. Фролову 19 марта [1840 г.].— В кн.: Н. В. Станкевич. Переписка его и биография, написанная П. В. Анненковым. М., 1857, с. 241, 248, 171, 90, 93, 124, 128, 135, 147, 149, 159, 162, 183, 189, 200.

Вошло в кн.: Переписка Николая Владимировича Станкевича. 1830—1840. М., 1914, с. 451, 459, 406, 284—85, 287, 325, 331, 333, 342, 344, 360, 362—63, 690.

1858

1060. Вигель Ф. Ф. Письмо к Н. В. Гоголю без даты [1847—1848 гг.] («Сочинитель этих писем так же высоко стоит...»).— В кн.: Н. В. Сушков. Московский университетский благородный пансион и воспитанники Московского университета, гимназии его, унив. благ. пансиона и дружеского общества. М., 1858, прил., с. 22—25.

1061. Галахов А. Д. Воспоминания о Петре Николаевиче Кудрявцеве.— Рус. вестник, 1858, т. XIII, кн. 2, с. 638—39.

Отношение Белинского к Кудрявцеву.

1062. Герцен А. И. Былое и думы. Ч. III, гл. II и III.— Полярная звезда на 1858 г. Кн. IV. Лондон, 1858, с. 112—13, 115, 133—37.

— Дополнено в отд. изд.: Былое и думы. Т. II. Лондон, 1861, с. 321, 333, 343—44.

Вошло в кн. авт.: Полн. собр. соч. и писем. Под ред. М. К. Лемке. Т. XIII. Пг., 1919, с. 109, 111, 139, 147, 149—52, 154, 184—85, 188.

1063.— Критику «Колокола».— Колокол, 1858, л. 8.

Вошло в кн. авт.: Полн. собр. соч. и писем. Под ред. М. К. Лемке. Т. IX. Пг., 1919, с. 119.

Высказывания Белинского об обидчивости и терпении.

1859

1064. [Герцен А. И.] Кто виноват? Роман в 2-х ч. Искандера. Лондон, 1859.

Посвящение. С. VIII.

Вошло в кн. авт.: Полн. собр. соч. и писем. Под ред. М. К. Лемке. Т. IV. Пг., 1915, с. 197.

Об оценке романа Белинским.

1065. Гоголь Н. В. Письма к Н. Я. Прокоповичу: без даты [февр. 1842 г.], 11 мая, 15 мая, 15/27 июля и 10/22 окт. [1842 г.]; 16/28 марта [1843 г.].— Рус. слово, 1859, № 1, с. 111, 117—18, 123, 125.

Вошло в кн.: Письма Гоголя. Ред. В. И. Шенрока. Т. II. Спб., [1902], с. 145, 170—71, 197, 220, 284.

1066. Грановский Т. Н. Письмо к А. И. Герцену и Н. П. Огареву [июнь 1849 г.] («X. берется доставить Вам эти письма...»).— В кн.: Полярная звезда на 1859 г. Кн. V. Лондон, 1859, с. 216.

О смерти Белинского.

1067. [Дружинин А. В.] Критика гоголевского периода русской литературы и наши к ней отношения.— Б-ка для чтения, 1859, № 12, отд. IV, с. 49.

Вошло в кн. авт.: Собр. соч. Т. VII. Спб., 1865, с. 228—30.

1068. Лажечников И. И. Заметки для биографии Белинского. — Моск. вестник, 1859, № 17, с. 203—12.

Вошло в кн. авт.: Полн. собр. соч. Т. XII. Спб., 1900, с. 228—60.

1069. Пекарский П. П. Студенческие воспоминания о Дмитрие Ивановиче Мейере, профессоре Казанского университета.— В кн.: Братчина. Ч. I. Спб., 1859, с. 215—16.

Пропаганда Мейером идей Белинского.

1070. Прозоров П. Белинский и Московский университет в его время. (Из студенческих воспоминаний).— Б-ка для чтения, 1859, № 12, с. 1—14.

1860

1071. Д р у ж и н и н А. В. Сочинения Белинского, томы 1, 2 и 3. Москва, 1859 г., изд. Солдатенкова и Щепкина.— Б-ка для чтения, 1860, № 1, отд. V, с. 11—14.

Вошло в кн. авт.: Собр. соч. Т. VII. Спб., 1865, с. 611—13.

1072. П а н а е в И. И. Воспоминание о Белинском.— Современник, 1860, № 1, с. 333—76.

Вошло в кн. авт.: Литературные воспоминания. Л., 1928, с. 447—514; то же: Л., Гослитиздат, с. 275—315.

1073. Т у р г е н е в И. С. Встреча моя с Белинским.— Моск. вестник, 1860, № 3, 23 янв., с. 40—42.

Вошло в кн. авт.: Сочинения. Т. XII. М.— Л., 1933, с. 248—53.

1861

1074. [Г е р ц е н А. И.] Былое и думы Искандера. Лондон, 1861—1866. Ч. I. Лондон, 1861. Посвящение, с. VI; гл. VI, с. 156; ч. II, гл. XVI, с. 388; ч. IV. Лондон, 1866; гл. XXVIII, с. 249; ч. V. Русские тени, с. 337, 344—45, 349, 375.

Вошло в кн. авт.: Полн. собр. соч. и писем. Под ред. М. К. Лемке. Т. XII. Пг., 1919, с. 6, 114, 305; т. XIII. Пг., 1919, с. 575, 579—80, 583, 599.

1075.— Письмо к И. С. Тургеневу 1 марта 1861 г.— Колокол, 1861, л. 193.

Вошло в кн. авт.: Полн. собр. соч. и писем. Под ред. М. К. Лемке, Т. XI. Пг., 1919, с. 42.

Об идеализме Белинского.

1076. И в а н и с о в 2-й Н. Воспоминание о Белинском.— Моск. вед., 1861, № 135, 21 июня.

Рец.: Спб. вед., 1861, № 150, 8 июля (С. Дружинов).

1077. П а н а е в И. И. Литературные воспоминания.— Современник, 1861, № 1, с. 155; № 9, с. 5—15, 23—28, 33—34, 38—48; № 10, с. 452—55, 459—62, 465; № 11, с. 43—47, 51—70, 73.

— Отд. изд.: 1) Под ред. Р. В. Иванова-Разумника. Л., изд. «Academia», 1928; 2) Под ред. И. Г. Ямпольского. Л., Гослитиздат, 1950 (см. по указателю).

1078. П л е щ е е в А. Н. Письмо к С. Ф. Дурову 26 марта 1849 г.— Полярная звезда на 1862 г. Кн. VII, вып. 1. Лондон, 1861, с. 71.

Вошло в кн.: Петрашевцы. М., 1907, с. 39.

О распространении письма Белинского к Гоголю.

1862

1079. А к с а к о в К. С. Воспоминание студентства 1832—1835 годов.— День, 1862, № 39, 29 сент.; № 40, 6 окт.

— Отд. изд. Спб., изд. «Огни», 1911, с. 17—20, 28.

* 1080. Б р ы л к и н а Е. Из знакомства с Белинским. (С рассказа г-на Б.).— Кронштадт. вестник, 1862, № 47.

Имя мемуариста — А. М. Берх — раскрыто С. И. Эткиной в сб.: Белинский. Статьи и материалы. Л., 1949, стр. 233—41. (Там же текст мемуаров).— См. № 1024.

1081. [Г е р ц е н А. И.] Записки одного молодого человека.— В кн.: Былое и думы Искандера. Т. III. Лондон, 1862, с. 12, 43.

Вошло в кн. авт.: Полн. собр. соч. и писем. Под ред. М. К. Лемке. Т. II. Пг., 1915, с. 382, 402.

О передаче рукописи этой повести Белинскому в конце 1840 г.

1082. Г е р ц е н А. И. «Лициний» и «Вильям Пен». Сценарио двух драматических опытов.— В кн.: Былое и думы Искандера. Т. III. Лондон, 1862, с. 99.

Вошло в кн. авт.: Полн. собр. соч. и писем. Под ред. М. К. Лемке. Т. II. Пг., 1915, с. 205—06.

Отношение Белинского к этим драматическим опытам в 1838 г.

1083. Г р и г о р ь е в А. А. Мои литературные и нравственные скитальчества. Гл. I.— Время, 1862, № 11, с. 61.

Вошло в кн. авт.: 1) Полн. собр. соч. и писем. Под ред. В. С. Спиридонова. Т. I. Пг., 1918, с. 2; 2) Воспоминания. М.— Л., изд. «Academia», 1930, с. 5.— См. № 1091.

О влиянии «Литературных мечтаний».

1863

1084. Герцен А. И. Из заведения А. А. Краевского.— Колокол, 1863, л. 170.

Вошло в кн. авт.: Полн. собр. соч. и писем. Под ред. М. К. Лемке. Т. XVI. Пг., 1920, с. 481.

Отношение Краевского к Белинскому.

1085.— Михаил Семенович Щепкин.— Колокол, 1863, л. 171.

Вошло в кн. авт.: Полн. собр. соч. и писем. Под ред. М. К. Лемке. Т. XVI. Пг., 1920, с. 506.

Разговор о письме Белинского к Гоголю в 1853 г.

1086. [Головачев Г.] Университетские воспоминания. (Подп.: Г. Г.).— День, 1863, № 42, 19 окт.

1087. Достоевский Ф. М. Зимние заметки о летних впечатлениях. Гл. II.— Время, 1863, № 2, с. 295.

Вошло в кн. авт.: Полн. собр. худож. произведений. Т. IV. М.—Л., 1926, с. 55—56.

Патриотизм Белинского.

1864

1088. Герцен А. И. Былое и думы. Ч. VI, гл. VI.— Колокол, 1864, л. 188.

Вошло в кн. авт.: Полн. собр. соч. и писем. Под ред. М. К. Лемке. Т. XIV. Пг., 1920, с. 542.

1089. Гоголь Н. В. Письмо к В. Ф. Одоевскому без даты [начало янв. 1842 г.] («Принимаюсь за перо, писать к тебе...»).— Рус. архив, 1864, № 7—8, с. 839.

Вошло в кн.: Письма Гоголя. Ред. В. И. Шенрока. Т. II. Спб., [1902], с. 135.

1090. Григорьев А. А. Краткий послужной список на память моим старым и новым друзьям.— Эпоха, 1864, № 9, отд. VIII, с. 45.

Напечатано по рукописи в кн.: Аполлон Александрович Григорьев. Материалы для биографии. Под ред. В. Княжнина. Пг., 1917, с. 305, 307.

Вошло в кн. авт.: Воспоминания. М.— Л., изд. «Academia», 1930, с. 383.

Влияние Белинского на Ап. Григорьева.

1091.— Мои литературные и нравственные скитальчества. Гл. V.— Эпоха, 1864, № 3, с. 139, 141, 151, 154.

Вошло в кн. авт.: 1) Полн. собр. соч. и писем. Под ред. В. С. Спиридонова. Т. I. Пг., 1918, с. 56, 65, 68. 2) Воспоминания. М.—Л., изд. «Academia», 1930, с. 96, 99, 120.— См. № 1083.

1865

1092. Герцен А. И. Былое и думы. Ч. VI, гл. XVII.— Колокол, 1865, л. 205.

Вошло в кн. авт.: Полн. собр. соч. и писем. Под ред. М. К. Лемке. Т. XIV. Пг., 1920, с. 276.

1867

1093. Лажечников И. И. [Предисловие к трагедии «Опричник»].— В кн. авт.: Опричник. Трагедия в 5-ти действиях, в стихах. (Памяти В. Г. Белинского). М., 1867, с. I—II.

Отношение Белинского к трагедии.

1868

1094. Герцен А. И. Былое и думы. Ч. VII, гл. III.— Полярная звезда на 1869 г. Кн. VIII. Женева, 1868, с. 80.

Вошло в кн. авт.: Полн. собр. соч. и писем. Под ред. М. К. Лемке. Т. XIV. Пг., 1920, с. 751.

1095.— Еще раз Базаров. Письмо второе.— Там же, с. 158—59.

Вошло в кн. авт.: Полн. собр. соч. и писем. Под ред. М. К. Лемке. Т. XXI. Пг., 1923, с. 236—37.

Белинский в Моск. ун-те и в 1840-х годах.

1096. [Щетинина Н. Н.] [Воспоминания о Белинском. В «Дорожных записках 1868 года» М. П. Погодина].— Русский, 1868, № 15, 18 июля.

1869

1097. Анненков П. В. В. П. Боткин. [Некролог].— Спб. вед., 1869, № 282, 13 (25) окт.

Вошло в кн.: П. В. Анненков и его друзья. Лит. воспоминания и переписка 1835—1885 гг. Спб., 1892, с. 578.

1098. Антонович М. А. Литературное объяснение с Н. А. Некрасовым.— В кн.: Материалы для характеристики современной русской литературы. Пб., 1869, с. 17—23, 32—33, 83, 105.

Об отношениях Белинского с А. А. Краевским и Некрасовым.

* 1099.— Новые материалы для биографии и характеристики Белинского. (Воспоминания о Белинском Тургенева. Вестник Европы, 1869, кн. 4).— Космос, 1869, 2-е полугодие, № 1, прил. с. 84—102.— См. № 1105.

Вошло в кн. авт.: Избранные статьи. Философия. Критика. Полемика. Л., 1938, с. 298—312 (прим. В. Е. Евгеньева-Максимова, с. 544—48).

1100. Боткин В. П. Письмо к редактору С.-Петербургских ведомостей 29 июля (10 авг.) [1869 г.].— Спб. вед., 1869, № 214, 6 (18) авг.

О письме Белинского к Боткину от 4—8 нояб. 1847 г. по поводу отношений с Краевским, опубл. в Спб. вед., 1869, №№ 187 и 188.

1101. [Краевский А. А.] Библиография и журналистика. («Воспоминания о Белинском» и литературные сплетни И. С. Тургенева).— Голос, 1869, № 100, 10 апр.

Ответ Тургеневу по поводу своих отношений с Белинским.— См. № 1105.

1102. [Краевский А. А.] Кто прав? Кто виноват? Заметки для петербургских недругов Белинского.— Голос, 1869, № 204, 26 июля (7 авг.).

Ответ на публикацию письма Белинского к В. П. Боткину от 4—8 нояб. 1847 г. об отношениях с Краевским. (Спб. вед., 1869, №№ 187 и 188).

1103. Погодин М. П. Воспоминание о Степане Петровиче Шевыреве.— Журнал М-ва нар. просвещ., 1869, № 2, с. 418.

Отношение Белинского к славянофилам.

1104.— Замечания.— Рус. архив, 1869, № 12, стб. 2093—94.

Влияние Белинского на учащуюся молодежь.

1105. Тургенев И. С. Воспоминания о Белинском.— Вестник Европы, 1869, № 4, с. 695—729.

Вошло в кн. авт.: Сочинения. Т. XI. Л., 1933, с. 396—431 (прим. М. К. Клемана, с. 661—65). — См. №№ 1099, 1101.

1106.— Литературный вечер у П. А. Плетнева.— Рус. архив, 1869, № 10, стб. 1670.

Вошло в кн. авт.: Сочинения. Т. XI. Л., 1933, с. 392.

1107.— По поводу «Отцов и детей».— В кн. авт.: Сочинения. Ч. I. М., 1869, с. С.

Вошло в кн. авт.: Сочинения. Т. XI. Л., 1933, с. 467—68.

1870

1108. Герцен А. И. Былое и думы. Ч. II. Н. Х. Кетчер. Ч. IV. Эпизод из 1844 года. Ч. VI, гл. XIII.— В кн.: Сборник посмертных статей Александра Ивановича Герцена. Женева, 1870, с. 3, 10, 45—47, 186.

Вошло в кн. авт.: Полн. собр. соч. и писем. Под ред. М. К. Лемке. Т. XIII. Пг., 1919. с. 237—40; т. XIV. Пг., 1920, с. 204, 209, 428.

1872

1109. Нащокин П. В. Письмо к А. С. Пушкину без даты [конец окт. 1836 г.] — В кн.: Девятнадцатый век. Кн. I. М., 1872, с. 404.

Вошло в кн.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Изд. Акад. Наук СССР. Т. XVI. М. — Л., 1949, с. 181.

1110. Пушкин А. С. Письмо к П. В. Нащокину 27 мая 1836 г.— Там же, с. 401.

Вошло в кн. авт.: Полн. собр. соч. Изд. Акад. Наук СССР. Т. XVI. М. — Л., 1949, с. 121.

1873

1111. Достоевский Ф. М. Дневник писателя. 1873 г. I. Вступление. II. Старые люди. XVI. Одна из современных фальшей.— Гражданин, 1873, № 1, 1 янв., с. 14—17; № 50, 10 дек., с 1351.

Вошло в кн. авт.: Полн. собр. худож. произведений. Т. XI. М.— Л., 1929, с. 6, 8—11, 135.

1874

1112. Одоевский В. Ф. [Заметки].— Рус. архив, 1874, кн. I, стб. 339—42. Характеристика Белинского.

1113. Струговщиков А. Н. Михаил Иванович Глинка. Воспоминания. 1839—1841.— Рус. старина, 1874, № 4, с. 701—02, 709—11.

О встречах Белинского с М. И. Глинкой в 1841 г. Записка Белинского к Струговщикову.

1875

1114. Герцен А. И. Дневник. Записи 14 нояб., 23 нояб. 1842 г.; 15 февр., 15 апр., 15 мая, 30 июня, 26 нояб., 6 дек. 1843 г.; 17 мая, 30 мая, 14 авг., 4 сент. 1844 г.— В кн. авт.: Сочинения. Т. I. Женева, 1875, с. 55, 82, 96—97, 103—04, 114—15, 150, 152, 199—201, 224, 232—33.

Вошло в кн. авт.: Полн. собр. соч. и писем. Под ред. М. К. Лемке. Т. III. Пг., 1915, с. 55, 57—58, 96, 106—07, 111—12, 118—19, 144—45, 327—29, 344—45, 351.

1115. Гоголь Н. В. Письма к С. П. Шевыреву 1 сент. 1843 г. и 25 мая [1847 г.]— Рус. старина, 1875, № 10, с. 302—03.

Вошло в кн.: Письма Гоголя. Ред. В. И. Шенрока. Т. II. Спб., [1902], с. 333; т. III, с. 471.

1876

1116. Достоевский Ф. М. Дневник писателя. 1876 год. Спб., 1876, с. 48, 91.

Вошло в кн. авт.: Полн. собр. худож. произведений. Т. XI. М.— Л., 1929, с. 196, 245.

1117. Тургенев И. С. [Автобиография].— В кн.: Русская библиотека. VI. Иван Сергеевич Тургенев. Спб., 1876, с. XV.

Вошло в кн. авт.: Сочинения. Т. XII. Л., 1933, с. 6.

О знакомстве с Белинским.

1118. Шмаков И. Белинский в Симферополе.— Древняя и новая Россия, 1876, № 2, с. 197—98.

1877

1119. Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1877 год. Спб., 1877, с. 21—24, 72, 183, 267—68.

Вошло в кн. авт.: Полн. собр. худож. произведений. Т. XII. М.— Л., 1929, с. 30—32, 81, 203, 297—98.

1120. Суворин А. С. Недельные очерки и картинки.— Новое время, 1877, № 380, 3 марта; 1878, № 662, 1 янв.

Перепечатано в Лит. наследстве, т. 49—50, 1946, с. 202 и 204.

Об отношениях Некрасова с Белинским.

1878

1121. Антонович М. А. Несколько слов о Николае Алексеевиче Некрасове.— Слово, 1878, № 2, отд. II, с. 120—21.

Вошло в кн. авт.: Избранные статьи. Л., 1938, с. 348—50.

Белинский в «Современнике».

1122. Некрасов Н. А. Дневник. Записи 16 июня и 23 авг. 1877 г.

[Запись] 16 июня.— Отеч. зап., 1878, № 6, с. 403.

[Запись] 23 авг.— В кн.: Некрасов Н. А. Собр. соч. Т. II. М.— Л., 1930, с. 595 (в прим. К. И. Чуковского к поэме «Белинский»).

По автографу: Лит. наследство, т. 49—50, 1946, с. 169—70.

О любимом Белинским стих. Пушкина «Три ключа». О своей поэме «Белинский».

1123. Некрасов Н. А. Письмо к М. Е. Салтыкову-Щедрину. (4 варианта). Без даты [конец апреля — начало мая 1869 г.] — Отеч. зап., 1878, № 6, с. 385—87.

Дополнено в кн.: 1) Стихотворения Н. А. Некрасова. Т. I. Спб., 1879, с. LV—LVI; 2) Евгеньев-Максимов В. Е. Некрасов и его современники. М., 1930, с. 77—80; 3) Базилевская Е. В. Мнимая эпиграмма Некрасова.— Звенья, I, 1932, с. 182—88.

По автографу: Лит. наследство, т. 49—50, 1946, с. 154—57.

Отклик на воспоминания Тургенева. О своих отношениях с Белинским.

1879

1124. Кольцов А. В. Письмо к А. А. Краевскому 15 июня 1838 г.— Древняя и новая Россия, 1879, № 3, с. 244.

Вошло в кн. авт.: Полн. собр. соч. Спб., 1911, с. 162.

1125. Пассек Т. П. Из дальних лет. Воспоминания. Гл. XXIX, XL, XLI. Т. II. Спб., 1879, с. 69—70, 313—14, 331. Т. III. Спб., 1889, с. 261, 263—69, 326—27.

Гл. XXIX, XL (под другой нумерацией — XXVIII и XXXVIII) вошли в изд. «Academia». М.— Л., 1931, с. 225—27, 328.

1880

1126. Анненков П. В. Замечательное десятилетие. 1838—1848.— Вестник Европы, 1880, № 1, с. 216—43; № 2, с. 461—92, 507—10; № 3, с. 5—18, 24—37, 39, 44, 47—49; № 4, с. 458, 461—64, 467, 469—92; № 5, с. 26—28, 32, 36—67.

Вошло в кн. авт.: Литературные воспоминания. Л., 1928.

О Белинском см. по указателю.

1127. Аргиллaндер Н. А. Виссарион Григорьевич Белинский. (Из моей студенческой с ним жизни).— Рус. старина, 1880, № 5, с. 140—43.

1128. Гончаров И. А. Письмо к Л. А. Полонскому без даты [5—6 июня 1880 г.].— В кн.: Венок на памятник Пушкину. Спб., 1880, с. 80—81.

Значение критики Белинского на сочинения Пушкина.

1129. Самарин Ю. Ф. Письмо к К. С. Аксакову 10 сент. 1844 г.—В кн. авт.: Сочинения. Т. V. М., 1880, с. LXXXVII.

Вошло в кн. авт.: Сочинения. Т. XII. М., 1911, с. 143.

1130. Тургенев И. С. Предисловие.—В кн. авт.: Сочинения. Т. III. М., 1880, с. XIII.

Вошло в кн. авт.: Сочинения. Т. XII. М.—Л., 1933, с. 300.

Любимые слова Белинского.

1130а. [Языков М. А.] [Воспоминания о последних днях Белинского].— Живописное обозрение, 1880, № 44, с. 350.

1881

1131. Аксаков И. С. Письма В. Г. Белинского к К. С. Аксакову.— Русь, 1881, № 8, 3 янв.

Вошло в кн. авт.: Сочинения. Т. VII. М., 1887, с. 579— 83.

1132. Гончаров И. А. Заметки о личности Белинского.— В кн. авт.: Четыре очерка. Спб., 1881, с. 183—217.

Вошло в кн. авт.: Литературно-критические статьи и письма. Л., 1938, с. 196—219.

1133. Данилов А. Из воспоминаний старика. I. Белинский и Щепкин.— Современные известия, 1881, № 293, 28 нояб.

1134. Портрет Белинского. [Заметка]. (Подп.: Ред.).— Ист. вестник, 1881, № 10, с. 456.

О портрете 1837—1838 г., его история и оценка А. А. Краевским. Белинский и П. Д. Козловский.

1135. Рыбкин Н. Материалы к биографии Белинского и Лермонтова.— Ист. вестник, 1881, № 10, с. 365—71.

Рец.: Рус. старина, 1887, № 8, с. 454 (П. Устимович); Рус. архив, 1881, № 12, с. 456 (А. Корсаков).

1136. Соловьев В. С. Большой человек. (Из моих воспоминаний).— Ист. вестник, 1881, № 3, с. 607—08; № 4, с. 843.

Вошло в кн. авт.: Сочинения. Т. VI. Спб., 1887, с. 52—53, 69.

Достоевский о Белинском.

1137. Стасов В. В. Автобиография. Училище правоведения сорок лет тому назад. 1836—1842 гг. Гл. VII.— Рус. старина, 1881, № 6, с. 274.

Вошло в кн. авт.: Собр. соч. Т. III. Спб., 1894, стб. 1681.

О влиянии статей Белинского на учащихся.

1882

1138. Кавелин К. Д. Новый портрет В. Г. Белинского.— Рус. мысль, 1882, № 9, с. 312.

Вошло в кн. авт.: Собр. соч. Т. III. Спб., [1899], стб. 1114.

О портрете работы И. А. Астафьева.

1883

1139. Анненков П. В. Идеалисты тридцатых годов. Биогр. этюд.— Вестник Европы, 1883, № 3, с. 141; № 4, с. 514, 519—20, 525—26.

Вошло в кн. авт.: Литературные воспоминания. Спб., 1909, с. 87, 123, 127, 132—33.

1140. Достоевский Ф. М. Письма: к М. М. Достоевскому 8 окт., 16 нояб. 1845 г.; 1 апр., 16 мая, 5 сент., 17 сент., 7 окт., 17 окт., 26 нояб., 17 дек. 1846 г.; без даты [янв.— февр. 1847 г.]; к А. Н. Майкову 15 сент. 1867 г.; к Н. Н. Страхову 26 февр., 18 марта 1869 г.; 23 апр. и 18 мая 1871 г.— В кн. авт.: Полн. собр. соч. Т. I, отд. II. Спб., 1883, с. 38—39, 41—43, 46—50, 53—54, 58, 60, 62, 179, 264, 266—67, 272, 310—12.

Вошли в кн.: Письма Достоевского. Под ред. и с прим. А. С. Долинина. Т. I. М.—Л., 1928, с. 82, 84—85, 88—90, 93, 95, 97, 99, 103—04, 108; т. II. М.— Л., 1930, с. 36—37, 166, 168, 170, 182, 357, 363—65.

1141. Миллер О. Ф. Материалы для жизнеописания Ф. М. Достоевского.— В кн.: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. I. Спб., 1883, с. 93—94.

Чтение Достоевским письма Белинского среди петрашевцев.

1142. Погодин М. П. Письма к С. П. Шевыреву 6 дек. 1860 г. и 4 мая 1861 г.— Рус. архив, 1883, № 1, с. 117, 120.

Слухи о памятнике Белинскому. О своей статье в «Северной пчеле» о Белинском.

1143. Самарин Ю. Ф. Письмо к А. И. Герцену 9 мая 1858 г.— Вольное слово, 1883, № 59.

О значении Белинского.

1144. Иван Сергеевич Тургенев на вечерней беседе в С.-Петербурге 4-го марта 1880 г.— Рус. старина, 1883, № 10, с. 206.

О знакомстве с Белинским. Со слов Тургенева.

1145. Тургенев И. С. Письмо к А. В. Топорову 26 нояб./8 дек. 1882 г.— Там же, с. 252.

О посвящении «Отцов и детей» Белинскому в изд. сочинений Тургенева 1883 г.

1884

1146. Анненков П. В. Молодость И. С. Тургенева. 1840—1856 гг.— Вестник Европы, 1884, № 2, с. 452, 455, 466—67.

Вошло в кн. авт.: Литературные воспоминания. Л., 1928, с. 611, 617, 636—39.

1147. Боткин В. П. Письма к А. В. Дружинину [5?] и 8 марта 1857 г.—В кн.: XXV лет. 1859—1884. Сборник, изд. комитетом О-ва для пособия нуждающимся литераторам и ученым. Спб., 1884, с. 499—500.

О своем отношении к Белинскому.

1148. Тургенев И. С. Письма: к А. В. Дружинину 5 дек. 1856 г. и 13 янв. 1857 г.; к Е. Я. Колбасину 14 дек. 1856 г.; к А. Н. Майкову 18 марта 1862 г.; к И. И. Маслову 18 июня 1867 г.; к Н. А. Милютину 26 февр. 1869 г.; к Я. П. Полонскому 27 февр., 16 апр., 20 апр., 24 дек. 1869 г.; к К. К. Случевскому 14 апр. 1862 г.; к Л. Н. Толстому 8 дек. 1856 г.; к А. В. Топорову 26 нояб. 1882 г.—В кн.: Первое собрание писем И. С. Тургенева. Спб., 1884, с. 30, 33, 37, 43 102, 105, 152, 155, 157, 159, 167, 296, 519.

1885

1149. Вагин В. И. Сороковые года в Иркутске. (Из воспоминаний).— Литературный сборник. Спб., изд. ред. «Восточного обозрения», 1885, с. 265.

О проникновении в Иркутск идей Белинского.

1150. Вяземский П. А. Письма к С. П. Шевыреву 22 сент. 1841 г. и 4 янв. 1857 г.— Рус. архив, 1885, № 6, с. 307, 317—18.

В письме 1857 г. отзыв о Белинском как о «бунтовщике».

1151. Галахов А. Д. Петр Николаевич Кудрявцев в 1842—1845 гг.— Рус. старина, 1885, № 1, с. 68.

Отношения Кудрявцева с Белинским.

1152. Плетнев П. А. Письмо к В. А. Жуковскому 28 марта 1850 г.— В кн. авт.: Сочинения и переписка. Т. III. Спб., 1885, с. 655.

О критике Белинского.

1153. Толстой Л. Н. Письмо к М. А. Энгельгардту без даты [20? дек. 1882 г.— 20? янв. 1883 г.] — В кн.: Письмо к NN гр. Л. Н. Толстого. Женева, без года [1885—1889?], с. 14.

Вошло в кн. авт.: Полн. собр. соч. Т. 63. М., 1934, с. 122.

О влиянии идей Белинского.

1154. Яновский С. Д. Воспоминания о Достоевском.— Рус. вестник, 1885, № 4, с. 817.

Об отношении Достоевского к критике Белинского.

1886

1155. Вяземский П. А. Старая записная книжка. Письмо к М. П. Погодину 23 апр. 1869 г.— В кн. авт.: Полн. собр. соч. Т. X. Спб., 1886, с. 265—66.

Выпад против «поклонников» Белинского.

1156. Галахов А. Д. Мое сотрудничество в журналах. (Отрывок из записок).— Ист. вестник, 1886, № 11, с. 313, 315—21, 326, 329, 331, 334.

Знакомство с Белинским у Н. С. Селивановского в 1835—1836 гг. О сотрудничестве в «Отечественных записках».

1157. Жадовская Ю. В. Письмо к И. Н. Шиллю 14 июля 1858 г.— В кн. авт.: Сочинения. Стихотворения и переписка. Спб., 1886, с. 61.

О Белинском-критике.

1158. Кавелин К. Д. Запись в дневнике 17 (29) авг. 1857 г.—Вестник Европы, 1886, № 8, с. 556.

О Белинском как «наставнике и друге».

1159. Старчевский А. В. Один из забытых журналистов. (Из воспоминаний старого литератора).— Ист. вестник, 1886, № 2, с. 380—82.

Переход Белинского из «Отечественных записок» в «Современник».

1887

1160. Гончаров И. А. Из университетских воспоминаний.— Вестник Европы, 1887, № 4, с. 498.

Вошло в кн. авт.: Полн. собр. соч. Т. XII. Спб., 1899, с. 17.

1161. Григорьев В. В. Письмо к Я. М. Неверову 23 июня 1837 г.—В кн.: Веселовский Н. И. Василий Васильевич Григорьев по его письмам и трудам. 1816—1881. Спб., 1887, с. 25.

1162. Полевой К. А. Записки. Ч. III, гл. II, III, V.— Ист. вестник, 1887, № 8, с. 286—88, 292—97; № 9, с. 519; № 10, с. 58—60.

Вошло в кн.: Николай Полевой. Материалы по истории рус. литературы и журналистики тридцатых годов. Ред., вступ. статья и коммент. Вл. Орлова. Л., 1934, с. 290, 293, 340, 343, 347—51.

1163. Станкевич А. В. Н. Х. Кетчер. Воспоминания. — Рус. архив, 1887, № 3, с. 359, 361.

1888

1164. Аксаков И. С. Письма: к К. С. Аксакову 21 мая 1846 г.; к Аксаковым 19 марта, 20 мая 1844 г.; 21 мая, 26 мая, 1 июня 1846 г.—В кн.: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Ч. I. Учебные и служебные годы. Т. I. М., 1888, с. 100, 136, 328—29, 331—33, 337—39.

1165. Ковалевский П. М. Встречи на жизненном пути. I. Егор Петрович Ковалевский.— Ист. вестник, 1888, № 2, с. 385.

О чтении письма Белинского к Гоголю.— См. еще № 1319.

1166. Крамской И. Н. Письма: к И. Е. Репину 23 февр. 1874 г. и 16 мая 1875 г.; к В. В. Стасову 30 апр. 1884 г. и 16 июля 1886 г.; к А. С. Суворину 3 янв. 1886 г.; к П. М. Третьякову 9 ноября 1874 г.—В кн.: Иван Николаевич Крамской. Его жизнь, переписка и худож.-критич. статьи. 1837—1887. Спб., 1888, с. 204, 239, 254, 487, 554, 563.

Письма к Репину вошли в кн.: И. Е. Репин и И. Н. Крамской. Переписка. М.—Л., 1949, с. 68, 102.

О критической деятельности Белинского.

1167. Майков А. Н. Письмо к П. А. В[исковатову] без даты; Белинский о «чистом искусстве» на вечере у М. А. Языкова].— В кн.: Златковский М. Л. Аполлон Николаевич Майков. Биогр. очерк... Спб., 1888, с. 28—29, 39—40.

— 2-е изд.: Спб., 1898, с. 44—45.

1168. Огарев Н. П. Письма к А. И. Герцену: без даты [1839 г.] («Опять только несколько слов...»), («Наташа больна! Вот что прежде всего...»), («Чорт знает, Герцен, что такое со мною...»).— Рус. мысль, 1888, № 11, с. 4, 8—9.

1169. Панаев И. И. По поводу похорон Н. А. Добролюбова.— В кн.: Первое полное собрание сочинений И. И. Панаева. Т. VI. Спб., 1888, с. 317—25.

Вошло в кн. авт.: Литературные воспоминания. Под ред. И. Г. Ямпольского. Л., 1950, с. 317—24, 326.

1170. Старчевский А. В. Воспоминания старого литератора.— Ист. вестник, 1888, № 10, с. 133.

Белинский в «Отечественных записках».

1171. Ядринцев Н. М. Воспоминания о Томской гимназии.— Сибирский сборник, Иркутск, 1888, кн. 1, с. 18—20.

О влиянии идей Белинского.

1889

1172. Кетчер Н. Х. Письмо к А. И. Герцену без даты [1840 г.] («Обо мне ни слуху, ни вести...»).— Рус. мысль, 1889, № 1, с. 11.

1173. Максимов. [А. Ф.?] [Воспоминания].— В кн.: Зеленецкий П. П. Исторический очерк Пензенской 1-ой гимназии с 1804 по 1871 г. Пенза, 1889, с. 45.

1174. Огарев Н. П. Письма к А. И. Герцену: без даты [1840 г.] («Почтенный барон уже побранил тебя...»), 24 авг. [1840 г.], 16/28 марта 1843 г.— Рус. мысль, 1889, № 1, с. 2, 12—13, 16; № 12, с. 11.

1175. Панаева (Головачева) А. Я. Воспоминания. Гл. III—XI, XIV—XV, XVIII.— Ист. вестник, 1889, № 2, с. 300—01, 309, 311—12, 315—16, 319—29; № 3, с. 543, 545—51, 555, 557—58, 567—76; № 4, с. 35—44, 47—48, 51—55; № 5, с. 276, 287, 295—96; № 6, с. 531, 535; № 7, с. 35, 48—49; № 8, с. 256, 262, 270; № 11, с. 267—68, 272—73.

— [Отд. последнее изд.]. Под ред. и с прим. К. Чуковского. М.— Л., Гослитиздат, 1948.— О Белинском см. по указателю.

Пассек Т. П. Из дальних лет.— См. № 1125.

1176. Писемский А. Ф. Письмо к Ф. И. Буслаеву 4 нояб. 1877 г.— Пантеон литературы, 1889, № 2, отд. Соврем. летопись, с. 4.

Вошло в кн. авт.: Письма. М.— Л., 1936, с. 367.

Отзыв о Белинском как критике.

1177. Прокопович Н. Я. Письмо к Н. В. Гоголю 27 июня 1847 г.— Рус. старина, 1889, № 1, с 145—46.

1178. Тучкова-Огарева Н. А. Иван Сергеевич Тургенев.— Рус. старина, 1889, № 2, с. 348.

Вошло в кн. авт.: Воспоминания, Л., 1929, с. 480.

Отношения Тургенева с Белинским.

1179. Щепкин М. С. Письмо к Н. В. Гоголю 24 окт. 1842 г.— Рус. архив, 1889, № 3, с. 556.

1180. Щепкина А. В. Михаил Семенович Щепкин. В семье и на сцене. Воспоминания.— Рус. архив, 1889, № 4, с. 549.

Встречи Пушкина с Белинским у Щепкина в 1836 (?) г.

1890

1181. Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем.— Рус. архив, 1890, № 8, с. 10, 54, 87—88, 107.

Часть вошла в кн. авт.: Полн. собр. соч. Т. II. Спб., 1909, с. 248.

Чтение Гоголем «Женитьбы».— Посылка с Белинским в Петербург I-й части «Мертвых душ» (1841 г.).— Письмо К. С. Аксакова к Гоголю об ответе Белинского на его отзыв о «Мертвых душах».— Свидание Гоголя с Белинским в 1843 г.

1182. Боткин В. П. Письмо к А. А. Фету 6 марта 1860 г.— В кн.: Фет А. Мои воспоминания. 1848—1889. Ч. I. М., 1890, с. 319.

Отклик на воспоминания И. И. Панаева.

1183. Буслаев Ф. И. Мои воспоминания. Гл. II, IV, XXII, XXVII.— Вестник Европы, 1890, № 10, с. 662—63; № 11, с. 9; 1891, № 10, с. 639, 643; 1892, № 2, с. 586.

— Отд. изд.: М., 1897, с. 19, 46—47, 295, 299, 347.

1184. Милюков А. П. Федор Михайлович Достоевский.— В кн. авт.: Литературные встречи и знакомства. Спб., 1890, с. 183—84.

О чтении Достоевским письма Белинского к Гоголю среди петрашевцев.

1185. Смирнова А. О. Письмо к Н. В. Гоголю 18 февр. 1847 г.— Рус. старина, 1890, № 8, с. 285.

1186. Тучкова-Огарева Н. А. Воспоминания. Гл. V.— Рус. старина, 1890, № 10, с. 54—55.

Вошло в кн. авт.: Воспоминания. Л., 1929, с. 98—99.

Рассказ К. Д. Кавелина о своих отношениях с Белинским.

1891

1187. Аксаков И. С. Письмо о московских праздниках по поводу открытия памятника Пушкину 14 июня 1880 г.— Рус. архив, 1891, № 5, с. 96—97.

Достоевский и Тургенев о Белинском.

1188. Гоголь Н. В. Письмо к А. П. Толстому без даты [авг. 1847 г.] («Я несколько замедлил отвечать...»).— В кн.: В память С. А. Юрьева. Сборник, изд. друзьями покойного. М., 1891, с. 263—64.

Вошло в кн.: Письма Гоголя. Ред. В. И. Шенрока. Т. IV. Спб., [1902], с. 74—75.

1189. [Д ж а н ш и е в Г.] В семье Белинского. (Подп.: Г. Д—в).— Рус. вед., 1891, № 9, 10 янв.

Воспоминания А. В. Орловой.

1190. К о ш е л е в А. И. Письмо к С. А. Юрьеву 8 июля 1877 г.— В кн.: В память С. А. Юрьева. Сборник, изд. друзьями покойного. М., 1891, с. 293—94.

Переоценка личности Белинского на основании чтения его писем в книге Пыпина.

1191. М а й к о в В. Н. Письмо к И. С. Тургеневу без даты [середина ноября 1846 г.].— В кн. авт.: Критические опыты. (1845—1847). Спб., 1891, с. XXXVIII—XL.

1192. М а к с и м о в и ч М. А. Письмо к Н. П. Барсукову 11 мая 1870 г.— В кн.: Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. IV. Спб., 1891, с. 306.

Воспоминания о Белинском в 1834—1836 гг.

1193. О р л о в а А. В. Из воспоминаний о В. Г. Белинском.— Рус. вед., 1891, № 145, 29 мая.

Вошло в сб.: В пользу голодающих. «Лепта Белинского». М., 1892, с. 16—30.

1194. П о г о д и н М. П. Дневник. Запись конца 1835 г.— В кн.: Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. IV. Спб., 1891, с. 354.

1892

1195. А к с а к о в И. С. Письма: к К. С. Аксакову 17 сент. 1856 г.; к родным 9 окт. 1856 г.— В кн.: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Ч. I. Учебные и служебные годы. Т. III. М., 1892, с. 281, 290—91.

Влияние Белинского на молодое поколение.

1196. А р н о л ь д Ю. К. Воспоминания. Вып. II. М., 1892, с. 176—78, 202, 207, 210—14.

1197. Б а к у н и н М. А. Письмо к А. И. Герцену 11 (23) окт. 1840 г.— Рус. мысль, 1892, № 7, с. 94.

Вошло в кн. авт.: Собр. соч. и писем. Т. III. М., 1935, с. 34.

1198. Б о т к и н В. П. Письма к П. В. Анненкову: 20 нояб., 26 нояб. 1846 г.; 28 февр., 29 марта, 14 мая, 24—25 авг., 12 окт. 1847 г.; 17 февр. 1848 г.— В кн.: П. В. Анненков и его друзья. Лит. воспоминания и переписка 1835—1885 гг. Спб., 1892, с. 520—24, 527, 529, 531, 536, 540, 545—49, 553—55.

1199.— Письмо к Н. А. Герцен 6 авг. [1844 г.].— Рус. мысль, 1892, № 8, с. 5.

1200. В я з е м с к и й П. А. Письмо к А. В. Никитенко 20 дек. 1874 г.— Рус. старина, 1892, № 12, с. 674—75.

О популярности Белинского.

1201. Г а л а х о в А. Д. Сороковые годы. (Воспоминания).— Ист. вестник, 1892, № 1, с. 128, 133, 135—37, 144, 149; № 2, с. 409.

Об отношениях с Белинским.

1202. Г е р ц е н А. И. Письмо к Н. А. Некрасову 10 июля 1857 г.— В кн.: Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену. С объяснит. прим. М. Драгоманова. Женева, 1892, с. 112.

Вошло в кн. авт.: Полн. собр. соч. и писем. Под ред. М. К. Лемке. Т. VIII. Пг., 1919, с. 549.

О деньгах, данных Белинскому через Некрасова.

1203. Г о г о л ь Н. В. Письма к П. В. Анненкову 12 авг. и 7 сент. [1847 г.] — В кн.: П. В. Анненков и его друзья. Лит. воспоминания и переписка 1835—1885 гг. Спб., 1892, с. 500—03, 508.

Вошло в кн.: Письма Гоголя. Ред. В. И. Шенрока. Т. IV. Спб., [1902], с. 46—50, 83.

1204.— Письмо к Н. Я. Прокоповичу 20 июня [1847 г.] — Там же, с. 512—14.

Вошло в кн.: Письма Гоголя. Ред. В. И. Шенрока. Т. III. Спб., [1902], с. 495—96.

1205. Д м и т р и е в М. А. Письмо к М. П. Погодину [1842 г.]—В кн.: Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. VI. Спб., 1892, с. 311.

1206. К о л ь ц о в А. В. Письмо к А. В. Никитенко 27 июля 1838 г.— Рус. старина, 1892, № 12, с. 684.

Вошло в кн. авт.: Полн. собр. соч. Спб., 1911, с. 189.

1207. Кудрявцев П. Н. Письмо к П. В. Анненкову без даты [сент. 1847 г.].— В кн.: П. В. Анненков и его друзья. Лит. воспоминания и переписка 1835—1885 гг. Спб., 1892, с. 620.

1208. Орлова А. В. Воспоминания о Марье Васильевне Белинской.— В кн.: Помощь голодающим. Науч.-лит. сборник. М., 1892, с. 447—49.

1209. Панаев И. И. Письмо к А. И. Герцену и Н. П. Огареву 24 нояб. 1843 г.— Рус. мысль, 1892, № 7, с. 97.

1893

1210. Боткин В. П. Письма к А. А. Краевскому: 27 июня 1841 г.; 19 янв., 14 марта, 16 марта, без даты [март], без даты [нояб.— дек.], 24 дек. 1842 г.; 5 марта, 27 марта, 17 мая 1843 г.; 3 апр. 1847 г.— В кн.: Отчет [Спб.] Публичной библиотеки за 1889 г. Спб., 1893, прил., с. 34, 37, 42—46, 48—49, 52, 62, 66, 68, 79.

1211. Герцен А. И. Письма к А. А. Краевскому: 3 февр. 1842 г.; 17 мая 1843 г.; 19 янв., 29 мая, 12 июня, 23 июня, без даты [авг.] («„Пятое письмо" совершенно готово...»), без даты [конец окт.] («Извините меня, что я беспокою...»), 11 дек. 1845 г.; 25 февр., 10 апр., 20 мая 1846 г.— В кн.: Отчет [Спб.] Публичной библиотеки за 1890 г. Спб., 1893, с. 40—41, 43, 48, 50—52, 58, 61, 65, 68.

Вошло в кн. авт.: Полн. собр. соч. и писем. Под ред. М. К. Лемке. Т. III. Пг., 1915, с. 6—7, 242, 454; т. IV, с. 186, 188, 190, 193, 387, 410, 413.

1212. Григорович Д. В. Литературные воспоминания.— Рус. мысль, 1893, № 1, с. 8, 9, 11—13, 20—22, 33—34, 40—41.

— Отд. изд. С прил. полного текста воспоминаний П. М. Ковалевского. Л., 1928, с. 97, 126, 133—38, 142—45, 161—65, 188—90, 203—04.

1213. Елисеев Г. З. Некрасов и Салтыков.— Рус. богатство, 1893, № 9, с. 59.

Вошло в кн.: Шестидесятые годы. М.— Л., 1933, с. 392.

1214. Кольцов А. В. Письмо к А. В. Кольцовой 10 янв. 1841 г.— Нива, 1893, № 38, с. 838—39.

Вошло в кн. авт.: Полн. собр. соч. Спб., 1911, с. 293.

1215. Панаев В. А. Воспоминания.— Рус. старина, 1893, № 9, с. 472—83.

1216. Победоносцев К. П. Письмо к М. П. Погодину без даты [1843 г.] — В кн.: Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. VII. Спб., 1893, с. 80.

1217. Салтыков-Щедрин М. Е. Письмо к С. А. Венгерову 28 апр. [1887 г.].— В кн.: «Путь-дорога». Науч.-лит. сборник в пользу О-ва для вспомоществования нуждающимся переселенцам. Спб., 1893, с. 589—90 (с факсимиле). — Впервые: Рус. вед., 1893, № 208, 31 июля.

Вошло в кн. авт.: Полн. собр. соч. Т. XX. М., 1937, с. 293.

О влиянии Белинского на Салтыкова-Щедрина.

1894

1218. Достоевский Ф. М. Письмо к М. В. Белинской 5 янв. 1863 г.— Рус. вед., 1894, № 241, 1 сент.

Вошло в кн.: Письма Достоевского. Под ред. и с прим. А. С. Долинина. Т. I. М.— Л., 1928, с. 313—14.

О своем отношении к Белинскому.

1219. Инсарский В. А. Записки. Гл. I.— Рус. старина, 1894, № 1, с. 10—11.

— Отд. изд.: Спб., 1894, с. 10—11.

1220. Погодин М. П. Автобиографические записки; письмо к С. П. Шевыреву [1846 г.]; дневник. Записи 23 и 24 мая 1846 г.— В кн.: Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. VIII. Спб., 1894, с. 217, 381. 490.

1221. Сухотин С. М. Автобиографическая записка.— Рус. архив, 1894, № 9, с. 73—75.

1222. Тургенев И. С. Письма к П. В. Анненкову: 5 янв. 1868 г. (24 дек. 1867 г.), 21 (9) февр., 8 марта (24 февр.), 9 мая (27 апр.), 6 нояб. (25 окт.) 1869 г.— Рус. обозрение, 1894, № 2, с. 499; № 3, с. 21—23, 29.

О своих воспоминаниях о Белинском.

1223. Тургенев И. С. Письмо в редакцию «С.-Петербургских ведомостей» 2 (14) мая 1869 г.— Рус. обозрение, 1894, № 3, с. 24—25.

Вошло в кн. авт.: Сочинения. Т. XII. М.— Л., 1933, с. 383—84.

Ответ А. А. Краевскому на его фельетон.— См. № 1101.

1895

1224. Гоголь Н. В. Письмо к С. П. Шевыреву 11 февр. [1847 г.].— Отчет [Спб.] Публичной библиотеки за 1892 г. Спб., 1895, прил., с. 163.

Вошло в кн.: Письма Гоголя. Ред. В. И. Шенрока. Т. III. Спб., [1902], с. 357.

1225. Кольцов А. В. Письмо к В. П. Боткину 27 февр. 1842 г.— В кн. авт.: Стихотворения и письма. Вновь испр. и значительно доп. изд. под ред. А. И. Введенского. Спб., 1895, с. 305, 309—10.

Вошло в кн. авт.: Полн. собр. соч. Спб., 1911, с. 274, 277—79.

1226. Кузмин П. А. Из записок генерал-лейтенанта Павла Алексеевича Кузмина.— Рус. старина, 1895, № 3, с. 78, 83.

О чтении письма Белинского к Гоголю на собрании петрашевцев.

1227. Норов А. С. Всеподданнейшее письмо к Александру II 2 июля 1866 г.— Рус. архив, 1895, № 11, с. 368.

Отклонение упреков в том, что Белинский был учителем Норова.

1228. Павлов Н. Ф. Письмо к А. А. Краевскому 28 дек. 1839 г.— В кн.: Отчет [Спб.] Публичной библиотеки за 1892 г. Спб., 1895, прил., с. 111—12.

1229.— Письма к С. П. Шевыреву 24 дек. 1839 г. и 22 марта 1840 г.— Там же, с. 124, 129—30.

1230. Сатин Н. М. Отрывки из воспоминаний.— В кн.: Почин. Сборник О-ва любителей рос. словесности на 1895 г. М., 1895, с. 237—38.

1231. Шевырев С. П. Письмо к М. П. Погодину без даты [1847 г.].— В кн.: Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. IX. Спб., 1895, с. 3.

1896

1232. Грот Я. К. Письма к П. А. Плетневу: 25 окт., 4 дек. 1840 г.; 3 (15) февр., 2 нояб. 1842 г.; 24 февр., 9 марта, 7 апр., 21 апр., 13 окт., 30 нояб. 1843 г.; 1 окт., 8 нояб. 1844 г.; 21 окт. 1845 г.; 27 апр. 1846 г.; 4 нояб. 1847 г.; 12 июля, 14 нояб. 1849 г.— В кн.: Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. Спб., 1896. Т. I, с. 109, 159, 480, 632, 745; т. II, с. 21, 29, 50, 61, 129, 161, 324, 352, 591; т. III, с. 142, 455, 489.

1233. Плетнев П. А. Письма к Я. К. Гроту: 3 нояб., 13 нояб., 19 нояб., 10 дек., 21 дек. 1840 г.; 24 янв., 31 янв., 4 февр., 8 февр., 15 авг., 5 сент., 6 дек., 19 дек. 1841 г.; 3 марта, 10 марта, 2 нояб., 5 дек. 1842 г.; 3 февр., 6 февр., 3 марта, 6 марта, 17 марта, 20 марта, 14 апр., 28 апр., 12 мая, 2 окт., 20 окт. 1843 г.; 2 февр., 9 февр., 4 марта, 15 апр., 15 июля, 1 авг., 22 нояб. 1844 г.; 23 мая, 2 июня 1845 г.; 30 янв., 13 марта, 10 апр., 24 апр., 1 мая, 4 мая 1846 г.; 22 февр., 29 окт. 1847 г.; 24 марта 1848 г.; 27 авг. 1849 г.— Там же. Т. I, с. 120, 138, 140, 163, 180, 215, 224, 228, 232, 376, 389, 450, 462, 498, 501, 634, 656; т. II, с. 7, 11, 27—28, 37—38, 56, 66—67, 79, 125, 134, 177, 182, 198, 231, 285, 297, 361, 478, 485, 663, 702, 728, 742, 752, 756; т. III, с. 20, 140, 208, 466.

1234. Шевырев С. П. Письмо к Н. В. Гоголю 22 марта 1847 г.— В кн.: Отчет [Спб.] Публичной библиотеки за 1893 г. Спб., 1896, с. 47.

1897

1235. Аксаков И. С. Письма к Н. С. Соханской (Кохановской) 20 июля и 5 авг. 1859 г.— Рус. обозрение, 1897, № 2, с. 588—92.

Оценка значения Белинского со славянофильских позиций.

1236. Грановский Т. Н. Письма: к Е. Б. Грановской 28 и 29 мая 1848 г.; к Н. Х. Кетчеру 15 нояб., 14 дек. 1843 г.; 14 янв., 23 марта 1844 г.; начало марта 1845 г.; к Н. В. Станкевичу 20 мая 1838 г.; 16 июля, 25 нояб., 26 нояб., 2 дек. 1839 г.; 12 (24) февр., 15 февр., 18 февр. 1840 г.; к Н. Г. и Е. П. Фроловым 4 (16) янв. 1840 г.,

17 окт. 1845 г.; 1 авг. 1848 г.— В кн.: Т. Н. Грановский и его переписка. Т. II. М., 1897, с. 273—74, 459—60, 463—64, 403, 341, 362, 364—65, 367, 374—75, 378, 380—81, 383, 415, 420, 425.

1237. Дмитриев М. А. Письмо к М. П. Погодину без даты [1851 г.].— В кн.: Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. XI. Спб., 1897, с. 355.

Выпад против демократизма Белинского.

1238. Мельников-Печерский П. И. [Заметки].— В кн. авт.: Сочинения. Т. I. Спб., изд. М. О. Вольфа, [1897], с. 72—73.

Мнение педагогов эпохи Мельникова о Белинском.

1239. Языков Н. М. Письмо к брату без даты [1844 ? г.].— Вестник Европы, 1897, № 12, с. 649.

1898

1240. Алмазов Б. Н. Письмо к М. П. Погодину без даты [5—7 февр. 1852 г.].— В кн.: Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. XII. Спб., 1898, с. 213.

Об отношении А. А. Краевского к Белинскому.

1241. Антонович М. А. Воспоминания по поводу чествования памяти В. Г. Белинского.— Рус. мысль, 1898, № 12, отд. II, с. 1—12.

1242. Дмитриев И. И. Письма к П. А. Вяземскому 4 окт. 1835 г. и 3 марта 1836 г.— Старина и новизна, 1898, кн. II, с. 182, 185.

1243. Достоевский Ф. М. Показание по делу о петрашевцах 1849 г.— Космополис, 1898, № 9, с. 196, 203—05.

Вошло в кн.: Петрашевцы. М., 1907, с. 89—90.

О чтении Достоевским письма Белинского к Гоголю на собраниях петрашевцев.

1244. Захарьин (Якунин) И. Н. Белинский и Лермонтов в Чембаре. (Из моих записок и воспоминаний).— Ист. вестник, 1898, № 3, с. 905—06, 918—29.

Вошло в кн. авт.: Встречи и воспоминания. Спб., 1903, с. 1—2, 19—35.

1245. Тургенев И. С. Письмо к П. В. Анненкову 23 апр. (5 мая) 1871 г.— Рус. обозрение, 1898, № 3, с. 14.

О подписке на бюст Белинского.

1246. Чембарец. Белинский в Чембаре.— Сын отечества, 1898, № 140, 26 мая (7 июня).

1247. Чембарский пензяк. Детство, отрочество и юность Белинского.— Жизнь, 1898, № 17, с. 168—89.

1248. Шугаев П. К. Из колыбели замечательных людей.— Живописное обозрение, 1898, № 21, с. 422—26; № 22, с. 438—43.

1899

1249. Кавелин К. Д. Воспоминания о В. Г. Белинском.— В кн. авт.: Собр. соч. Т. III. Спб., [1899], стб. 1081—98.

1250. Тургенев А. И. Письма к П. А. Вяземскому 11 нояб. 1836 г. и 11 окт. [1845 г.].— В кн.: Остафьевский архив князей Вяземских. Спб., 1899. Т. III, с. 357; т. IV, с. 328.

1251. Тургенев И. С. [Воспоминания о Н. В. Станкевиче].— Вестник Европы, 1899, № 1, с. 12.

Вошло в кн. авт.: Сочинения. Т. XII. Л., 1933, с. 248.

1252. Штакеншнейдер Е. А. Из воспоминаний. 1854 год.— Рус. вестник, 1899, № 10, с. 558.

Полнее по рукописи в кн. авт.: Дневник и записки. М.— Л., 1934, с. 46, 49.

О развенчании Белинским Бенедиктова.

1900

1253. Бестужев-Рюмин К. Н. Воспоминания (до 1860 года).— Сборник Отд. рус. яз. и слов. имп. Акад. Наук. Т. LXVII. 1900, № 4, с. 25.

О получении А. Н. Плещеевым письма Белинского к Гоголю от С. В. Ешевского.

1254. Булгарин Ф. В. Письма к А. В. Никитенке 28 и 29 нояб. 1845 г.— Рус. старина, 1900, № 1, с. 181.

1255. Пятковский А. П. Две встречи с А. И. Герценом. (Из моих воспоминаний).— Наблюдатель, 1900, № 2, с. 304.

Мнение Герцена о Белинском.

1256. Растопчина Е. П. Письмо к М. П. Погодину без даты [1856—1857 г.].— В кн.: Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. XIV. Спб., 1900, с. 384.

Об отношении к ней Белинского.

1257. Хомяков А. С. Письмо к С. П. Шевыреву без даты [1846 г.] («Аксакову досталось от О. З. ...»).— В кн. авт.: Полн. собр. соч. Т. VIII. Письма. М., 1900, с. 437—38.

Белинский по имени не назван.

1258. Щепкин М. А. Воспоминания о М. С. Щепкине.— Ист. вестник, 1900, № 8, с. 455.

1901

1259. Ахшарумов Д. Д. Из моих воспоминаний конца 40-х годов. Гл. II.— Вестник Европы, 1901, № 11, с. 164.

Вошло в кн. авт.: Записки петрашевца. М.— Л., 1930, с. 27.

Чтение Достоевским письма Белинского к Гоголю на собрании петрашевцев.

1260. Григорьев А. А. Письмо к М. П. Погодину 26 янв. 1858 г.— В кн.: Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. XV. Спб., 1901, с. 358.

Вошло в кн.: Аполлон Александрович Григорьев. Материалы для биографии. Под ред. В. Княжнина. Пг., 1917, с. 222.

Упоминаются «Литературные мечтания».

1261—62. Панаев В. А. Воспоминания. Гл. XXIII.— Рус. старина, 1901, № 9, с. 481—91, 494, 502—04.

Белинский в кружке И. И. Панаева в 1842—1844 гг. Белинский в «Отечественных записках». Последние дни Белинского.

1263. Погодин М. П. Письма к П. А. Вяземскому: 15 нояб. 1842 г.; 25 июня [1848 г.]; без даты [1860 г.] («Не получая так долго ответа...»); 8 мая [1861 г.], 16 авг. [1861 г.]; 7 апр., 3 мая, 4 нояб. [1869 г.]; 20 апр. и 13 мая [1874 г.].— В кн.: Письма М. П. Погодина, С. П. Шевырева и М. А. Максимовича к кн. П. А. Вяземскому 1825—1874 гг. Изд. с предисл. и прим. Н. П. Барсукова. Спб., 1901, с. 38, 42, 69, 73, 75, 94—95, 107.

Впервые: Старина и новизна, 1901, кн. 4.

О Белинском как критике В 1869 г.— о своей статье о Белинском.

1264. Шевырев С. П. Письма к П. А. Вяземскому: 4 янв. 1843 г., 9 дек. 1857 г. и 14 апр. 1860 г.— Там же, с. 142, 167, 170.

О Белинском как критике.

1265. Штакеншнейдер Е. А. Из записок. 10 янв. 1860 г.— Рус. вестник, 1901, № 7, с. 120.

Вошло в кн. авт.: Дневник и записки. М.— Л., 1934, с. 246.

О развенчании Белинским Бенедиктова.

1902

1266. Алмазов Б. Н. Письмо к М. П. Погодину [конец 1858 г.].— В кн.: Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. XVI. Спб., 1902, с. 372.

О своем желании писать о Белинском.

1267. Антонович М. А. Из воспоминаний о Николае Александровиче Добролюбове.— Журнал для всех, 1902, № 1, с. 86—87.

Вошло в кн.: Шестидесятые годы. М.— Л., 1933, с. 138, 163—65, 174.

Отношение Добролюбова к Белинскому. Обеды в память Белинского. Стихи Добролюбова, посвященные Белинскому.

1268. Веселовский А. Н. Письмо к М. В. Авдееву без даты [июль 1872 г.].— Рус. старина, 1902, № 9 с. 504.

О статье Е. Маркова в «Беседе» о Белинском.

1269. Герцен А. И. Письмо к Н. А. Герцен без даты [5 окт. 1846 г.].— Рус. мысль, 1902, № 11, с. 154.

В исправл. виде в кн. авт.: Полн. собр. соч. и писем. Под ред. М. К. Лемке. Т. IV. Пг., 1915, с. 423.

1270. Гоголь Н. В. Письмо к П. А. Плетневу 8 дек. [1846 г.].— В кн.: Письма Гоголя. Ред. В. И. Шенрока. Т. III. Спб., [1902], с. 266.

1271. Давыдов И. И. Письмо к М. П. Погодину без даты [1858 г.].— В кн.: Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. XVI. Спб., 1902, с. 178.

О популярности Белинского.

1272. Иванчин-Писарев Н. Д. Письмо к И. М. Снегиреву без даты [конец марта 1840 г.].— Известия Отд. рус. яз. и словесности Акад. Наук, 1902, т. VII, кн. 4, с. 88.

1273. Снегирев И. М. Запись в дневнике 21 окт. 1839 г.— Рус. архив, 1902, № 12, с. 480.

1274. Хин Р. М. Глава из неизданных записок.— В кн.: Под знаменем науки. Юбил. сборник в честь Н. И. Стороженка, изд. его учениками и почитателями. М., 1902, с. 373.

Мнение Тургенева о Белинском.

1903

1275. Антонович М. А. *Из воспоминаний о Николае Алексеевиче Некрасове*.— Журнал для всех, 1903, № 2, с. 200.

Вошло в кн.: Шестидесятые годы. [Воспоминания М. А. Антоновича и Г. З. Елисеева]. М.— Л., 1933, с. 187, 189.

Отношение Некрасова к Белинскому.

1276. Кавелин К. Д. Письмо к А. И. Герцену 21 авг. 1859 г.— Всемирный вестник, 1903, № 8, с. 37.

Роль Белинского в жизни Кавелина.

1277. Литературные новости.— Книжный вестник, 1903, № 3, стб. 87.

Мнение Л. Н. Толстого о Белинском.

1278. Мордвинов А. Н. Письмо к С. С. Уварову 28 авг. 1841 г.— Рус. старина, 1903, № 4, с. 171—72.

* 1279. Панов Н. А. Некрасов, его время, жизнь и деятельность.— Уральская жизнь, Екатеринбург, 1903, № 57.

Вошло в кн.: Н. А. Некрасов в воспоминаниях и документах. Сост. Е. М. Иссерлин и Т. Ю. Хмельницкая. Под ред. Ю. Г. Оксмана. Л., 1930, с. 307.

Об отношении Некрасова к памяти Белинского.

1904

1280. Павлов Н. Ф. Письмо к В. Ф. Одоевскому 29 янв. 1840 г.— Рус. старина, 1904, № 4, с. 198—201.

1281. Растопчина Л. А. Правда о моей бабушке. (Отрывок из воспоминаний). — Ист. вестник, 1904, № 3, с. 868—69.

Об отношениях Е. П. Растопчиной с Белинским.

1905

1282. Загоскин М. Н. Письмо к Ф. В. Булгарину 6 окт. 1843 г.— Рус. старина, 1905, № 4, с. 205.

1283. Иванчин-Писарев Н. Д. Письмо к И. М. Снегиреву без даты [1840 г.] («Вам понравился очерк причудливого характера...»).— Старина и новизна, 1905, кн. X, с. 529.

1284. Некрасов Н. А. Письма к И. С. Тургеневу: без даты [15 февр.], 28 окт., 11 дек. 1847 г.; 12 сент. 1848 г.; 18 (30) дек. 1856 г.; 26 мая (7 июня), 20 июля, 27 июля и 10 сент. 1857 г.— В кн.: Пыпин А. Н. Н. А. Некрасов. Спб., 1905, с. 86—88, 90, 92, 94, 156, 170, 176, 188.

Вошло в кн. авт.: Собр. соч. Т. V. М.— Л., 1930, с. 77—78, 96, 105, 122, 273, 298, 306, 313, 318.

О помощи семье Белинского. Значение Белинского. «Приветствие» Белинским стихов Некрасова. Влияние Белинского на читателя.

1285. Никитенко А. В. Записи в дневнике 20 нояб. 1840 г., 5 мая 1843 г. и 8 марта 1845 г.— В кн. авт.: Моя повесть о самом себе и о том, «чему свидетель в жизни был». Записки и дневник. (1804—1877 гг.). Изд. 2-е, испр. и доп. по рукописи под ред., с прим. и алфавитным указателем М. К. Лемке. Т. I. Спб., 1905, с. 307, 341, 360, прим.— с. 301, 324, 368—69.

1286. Пантелеев Л. Ф. Из воспоминаний прошлого. [Т. I]. Спб., 1905, с. 2, 150

— [2-е изд.]: Под ред. С. А. Рейсера. М.— Л., 1934, с. 41, 156.

Гл. I и XIV. Об увлечении молодежи статьями Белинского. — О роли Белинского в «Современнике» и отношении к нему Некрасова.

1287. Погодин М. П. [Общие замечания «о явлениях, кои казались мне наиболее важными»].— В кн.: Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. XIX. Спб., 1905, с. 370.

О Белинском как критике.

1288. Пыпин А. Н. Несколько воспоминаний.— В кн. авт.: Н. А. Некрасов. Спб., 1905, с. 4—5, 10, 32—33, 36—37.

Об отношении кружка «Современника» к Белинскому.

1289. Чернышевский Н. Г. [Заметки о Некрасове].— В кн.: Пыпин А. Н. Н. А. Некрасов. Спб., 1905, с. 251—52.

Пропущенное место: Соврем. мир, 1911, № 10, с. 166. Публ. Е. А. Ляцкого.

Вошло в кн. авт.: Полн. собр. соч. Т. I. М., 1939, с. 746—49.

Отказ Белинского от идей, выраженных в статьях «Менцель — критик Гете» и «Бородинская годовщина».

1906

1290. Бакунин М. А. Письмо к Н. П. Огареву 23 нояб. [1869 г.] — В кн.: Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву. Спб., 1906, с. 350.

Характеристика Белинского как «неумытого реалиста».

1291. Тургенев И. С. Письмо к неизвестной 5 (17) окт. 1875 г.— В кн.: Щукинский сборник. Вып. V. М., 1906, с. 475.

Гнев М. Е. Салтыкова-Щедрина на комедию В. А. Соллогуба, напомнивший Тургеневу гнев Белинского.

1907

1292. Аксаков И. С. Письмо к К. П. Победоносцеву 25 февр. 1885 г.— Рус. архив, 1907, № 10, с. 178—79.

Насмешка над празднованием 50-летнего юбилея с начала литературной деятельности Белинского.

1293. Герцен А. И. Былое и думы. Ч. VI. Гл. IX.— Былое, 1907, № 5 (17), с. 8.

Вошло в кн. авт.: Полн. собр. соч. и писем. Под ред. М. К. Лемке. Т. XIV. Пг., 1920, с. 354—55.

1294. Григорьев А. А. Письмо к Н. В. Гоголю без даты [после 14 окт. 1848 г.]. («Простите меня, что я поднимаю вопрос...»).— Рус. архив, 1907, № 10, с. 281.

Вошло в кн.: Аполлон Александрович Григорьев. Материалы для биографии. Под ред. В. Княжнина. Пг., 1917, с. 110.

О письме Белинского к Гоголю.

1908

1295. Аксакова В. С. Запись в дневнике 25 янв. 1855 г.— Минувшие годы, 1908, № 8, с. 134.

По рукописи — в кн. авт.: Дневник. Ред. и прим. Н. В. Голицына и П. Е. Щеголева. Спб., 1913, с. 42.

Об отношении Тургенева к Белинскому.

1296. Антонович М. А. Материалы для биографии Николая Гавриловича Чернышевского.— Минувшие годы, 1908, № 5—6, с. 328—29.

Вошло в кн.: Шестидесятые годы. [Воспоминания М. А. Антоновича и Г. З. Елисеева]. М.— Л., 1933, с. 100.

1297. Гончаров А. Н. Воспоминания об И. А. Гончарове.— Вестник Европы, 1908, № 11, с. 38.

Мнение И. А. Гончарова о Белинском.

1298. [Ефремов П. А.] Из бесед с П. А. Ефремовым. (Доложено в собрании Р[ус.] Б[иблиолог. о-ва] 4 янв. 1908 г.) — В кн.: Русское библиологическое общество. Доклады и отчеты. (Новая серия). Вып. I. Спб., 1908, с. 1—2, 4—5.

Вошло в кн.: Н. А. Некрасов в воспоминаниях и документах. Сост. Е. М. Иссерлин и Т. Ю. Хмельницкая. Под ред. Ю. Г. Оксмана. Л., 1930, с. 549.

О могиле Белинского. Об отношении к умирающему Белинскому III Отделения. (Со слов Н. А. Некрасова).

1299. Ковалевский М. М. Воспоминания об И. С. Тургеневе.— Минувшие годы, 1908, № 8, с. 10.

Тургенев о Белинском.

1909

1300. Кольцов А. В. Письмо к Ф. А. Кони 1 марта 1841 г.— Рус. архив, 1909, № 11, с. 241.

Вошло в кн. авт.: Полн. собр. соч. Спб., 1911, с. 250.

1301. Короленко В. Г. История моего современника. I. Раннее детство и годы учения. Спб., изд. журн. «Рус. богатство», 1909, с. 452.

Гл. XXXIII. Вошло в изд. «Academia». Т. I. М.— Л., 1930, с. 498.

О влиянии идей Белинского на Короленко.

1302. Кохановская (Соханская) Н. С. Письмо к А. В. Дружинину 17 февр. 1858 г.— В кн.: Платонова Н. Н. Кохановская (Н. С. Соханская). 1823—1884. Биогр. очерк. Спб., 1909, с. 84.

Белинский о Пушкине.

1303. Плетнев П. А. Письмо к Н. М. Коншину 11 янв. 1845 г.— Рус. старина, 1909, № 1, с. 185—86. (С прим. Н. О. Лернера).

1910

1304. Добролюбов Н. А. Дневник. Записи 7, 13 и 17 янв. 1857 г.— В кн.: Юбилейный сборник Литературного фонда. 1859—1909. Спб., 1910, с. 292, 307, 313.

Вошло в кн. авт.: Полн. собр. соч. Под общ. ред. П. И. Лебедева-Полянского. Т. VI. М., 1939, с. 438, 451, 456.

Рассказ И. И. Срезневского об отношении А. А. Краевского к Белинскому. О чтении письма Белинского к Гоголю.

1305. Златовратский Н. Н. Из воспоминаний о Н. А. Добролюбове.— Там же, с. 469.

О чтении юным Добролюбовым сочинений Белинского.

1306. Ковалевский П. М. Встречи на жизненном пути. Николай Алексеевич Некрасов.— Рус. старина, 1910, № 1, с. 26.— См. № 1319.

1307. Короленко В. Г. История моего современника. Т. II. Студенческие годы. IV.— Рус. богатство, 1910, № 1, с. 221.

Отд. изд.: Одесса, 1919, с. 40.

Вошло в изд. «Academia». Т. II. М.— Л., 1931, стр. 66.

О влиянии идей Белинского на Короленко.

1308. Янжул И. И. Воспоминания о пережитом и виденном. (1864—1909 гг.). Гл. IV.— Рус. старина, 1910, № 3, с. 486.

Разговор с Влад. С. Соловьевым о Белинском в 1875 г.

1911

1309. Лазурский В. Воспоминания о Л. Н. Толстом. М., 1911, с. 37—39. Мнение Толстого о Белинском.

1912

1310. Айвазовский И. К. Письмо к Н. Н. Кузьмину 29 июня 1889 г.— Мир, 1912, № 1, с. 71.

1311. Аксаков С. Т. Письма к Н. И. Надеждину: 18, 26 и 28 марта 1835 г.— В кн.: Козмин Н. К. Николай Иванович Надеждин. Спб., 1912, с. 482—83, 487—88, 490.

1312. Анненков П. В. Письма к М. М. Стасюлевичу: 12/24 сент., 14 окт. н. с. 1874 г.; 3 февр. н. с., 24 апр. 1875 г.; 13/25 марта, 16 авг. 1876 г.; 8/20 февр. 1878 г.; 3/15 марта 1880 г. — В кн.: М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Под ред. М. К. Лемке. Т. III. Спб., 1912, с. 307—08, 311, 314, 321, 327, 352, 380—81.

Белинский как оратор. О биографии А. Н. Пыпина. О своих воспоминаниях. Отношение Белинского к Некрасову.

1313. Бакунин Ал. А. Письмо к сестрам Бакуниным 5 окт. 1836 г.— Рус. мысль, 1912, № 9, отд. II, с. 44.

Вошло в кн.: Корнилов А. А. Молодые годы Михаила Бакунина. М , 1915, с. 256.

1314. Бакунина Т. А. Письма к братьям Бакуниным: без даты [окт.] и 30 окт. 1836 г.— Рус. мысль, 1912, № 9, отд. II, с. 35—38, 46.

Вошло в кн.: Корнилов А. А. Молодые годы Михаила Бакунина. М., 1915, с. 245, 258—59.

1315. Гаук. Письмо к Мишле 21 нояб. 1851 г.— В кн.: Гершензон М. Образы прошлого. М., 1912, с. 237.

О чтении Белинским Герцену письма к Гоголю.

1316. Герцен А. И. Письмо к Т. Н. Грановскому и Е. Ф. и М. Ф. Коршам 6 сент. 1848 г.— Современник, 1912, № 4, с. 198.

Вошло в кн. авт.: Полн. собр. соч. и писем. Под ред. М. К. Лемке. Т. V. Пг., 1915, с. 236.

О Белинском как историке.

1317. Гончаров И. А. Письма к М. М. Стасюлевичу: 12 (24) июня 1868 г.; 5 нояб. 1869 г.; 24 февр. 1870 г.; 27 нояб. 1887 г.— В кн.: М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. IV. Спб., 1912, с. 21, 86—87, 97—98, 195.

Воспоминания Тургенева о Белинском. О критике Белинского. О неизданной статье Е. И. Утина о Белинском.

1318. Дельвиг А. И. Мои воспоминания. Т. I. М., изд. Моск. Публ. и Румянц. музея, [1912], с. 248.

Вошло в кн. авт.: Полвека русской жизни. Воспоминания. Т. I. М.— Л., 1930, с. 262.

О преподавании Белинским истории русской литературы в семье Левашевых в 1838 г.

1319. Ковалевский П. М. Встречи на жизненном пути. Егор Петрович Ковалевский. Михаил Иванович Глинка. Николай Алексеевич Некрасов.— В кн. авт.: Стихи и воспоминания. Спб., 1912, с. 201, 222, 271.— См. № 1165, 1306.

Вошло в кн.: Григорович Д. В. Литературные воспоминания. С прил. полного текста воспоминаний П. М. Ковалевского. Л., 1928, с. 319, 349, 416.

О чтении у петрашевцев письма Белинского к Гоголю. О выходках Кукольника против Белинского. О Некрасове как критике, соперничавшем с Белинским в «Отечественных записках».

1320. Корсаков Д. А. Письма к М. М. Стасюлевичу: 27 дек. 1898 г. и 13 сент. 1906 г.— В кн.: М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. II. Спб., 1912, с. 236, 251.

Запрещение празднования 50-летнего юбилея Белинского в Московском университете. О Белинском и К. Д. Кавелине.

1321. Надеждин Н. И. Из писем и дневника, февраль — март 1835 г. — В кн.: Козмин Н. К. Николай Иванович Надеждин. Спб., 1912, с. 467, 483.

1322. Огарев Н. П. Письмо к М. Л. Огаревой 10 янв. [1842 г.] — В кн.: Гершензон М. Образы прошлого. М., 1912, с. 462.

1323. Середа Н. А. Письмо к М. М. Стасюлевичу 18 сент. 1868 г.— В кн.: М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. II. Спб., 1912, с. 447.

Отношение Белинского к провинции.

1324. Станкевич Н. В. Письмо к М. А. Бакунину 21 сент. 1836 г.— Рус. мысль, 1912, № 9, отд. II, с. 32.

Вошло в кн.: Переписка Н. В. Станкевича. М., 1914, с. 614.

1325. Стасов В. В. Письмо к М. М. Стасюлевичу 29 сент. 1887 г.— В кн.: М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. II. Спб., 1912, с. 106.

Сравнение критики И. Н. Крамского с произведениями Белинского.

1326. Стасюлевич М. М. Письмо к К. Д. Кавелину 10 апр. 1890 г.— Там же, с. 149.

О воспоминаниях И. И. Панаева о Белинском.

1327.— Письмо к Д. А. Корсакову 10 янв. 1899 г.— Там же, с. 237.

Чествование памяти Белинского.

1328. Топоров А. В. Письмо к М. М. Стасюлевичу 18 (30) июля 1883 г.— Там же. Т. III. Спб., 1912, с. 262.

О желании Тургенева, чтобы его похоронили рядом с Белинским.

1329. Тургенев И. С. Письма к М. М. Стасюлевичу: 12 (24) нояб. 1867 г.; 30 июля (11 авг.), 17 (29) сент. 1868 г.; 24 февр. (8 марта), 17 (29) марта, 8 (20) апр., 23 июня (5 июля), 17 (29) июля 1869 г.; 21 дек. 1869 г. (2 янв. 1870 г.); 6 (18) марта, 4 (16) апр. 1874 г.; 8 (20) июля 1875 г.; 17 февр. (1 марта) 1877 г.; 12 мая 1880 г.— Там же, с. 2—7, 39, 41, 57, 117, 183.

О воспоминаниях Тургенева о Белинском. Похвала биографии Пыпина. О дне смерти Белинского.

1913

1330. Бакунин М. А. Письма: к братьям и сестрам Бакуниным 11 окт. 1838 г.; к Н. В. Станкевичу 13 мая 1839 г.— Рус. мысль, 1913, № 8, отд. II, с. 11—12; № 10, отд. II, с. 62—69.

Вошло в кн. авт.: Собр. соч. и писем. Т. II. М., 1934, с. 212—13, 239—45.

1331. Бакунина А. А. Письмо к А. А. Беер 27 дек. 1838 г.— Рус. мысль, 1913, № 8, отд. II, с. 12—13.

Вошло в кн.: Корнилов А. Молодые годы Михаила Бакунина. М., 1915, с. 469.

1332. Бакунина Т. А. Письмо к Н. А. Бакунину 7 окт. 1838 г.— Рус. мысль, 1913, № 8, отд. II, с. 15.

Вошло в кн.: Корнилов А. Молодые годы Михаила Бакунина. М., 1915, с. 470.

1333. Боткин В. П. Письма: к М. А. Бакунину 15 окт., без даты [дек. 1838 г.], 29 дек. 1838 г.; 3 янв., 9 и 13 мая 1839 г.; к А. А. Бакуниной 13 и 15 сент. 1839 г.— Рус. мысль, 1913, № 12, отд. II, с. 18, 20, 23, 30—31.

Вошло в кн.: Корнилов А. Молодые годы Михаила Бакунина. М., 1915, с. 516—26, 532—33.

1334. Галахов А. Д. Письмо к П. А. Ефремову 9 февр. 1888 г.— Рус. библиофил, 1913, № 3, с. 95—96.

О знакомстве Белинского с Полежаевым.

1335. Герцен А. И. Письма к Н. П. Огареву 22 апр. (3 мая) 1843 г. и 3 авг. 1847 г.— Голос минувшего, 1913, № 7, с. 190—91, 194.

По рукописи — в кн. авт.: Полн. собр. соч. и писем. Под ред. М. К. Лемке. Т. III. Пг., 1915, с. 238; т. V, с. 48.

1336.— Письма к И. С. Тургеневу 11 янв. 1857 г. и 23 марта 1869 г.— Современник, 1913, № 6, с. 15; № 9, с. 23.

По рукописи — в кн. авт.: Полн. собр. соч. и писем. Под ред. М. К. Лемке. Т. VIII. Пг., 1917, с. 389; т. XXI. М.— Пг., 1923, с. 332.

О статье А. В. Дружинина о Белинском. О воспоминаниях Тургенева о Белинском.

1337. Некрасов Н. А. Письмо к В. Н. Бекетову 29 марта [1856 г.] — Современник, 1913, № 1, с. 233—34.

Вошло в кн. авт.: Собр. соч. Т. V. М.— Л., 1930, с. 240—41.

О запрете хвалить Белинского.

1338. Пономарев С. И. Письмо к М. М. Стасюлевичу 15 марта 1879 г.— В кн.: М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. V. Спб., 1913, с. 87.

Отклик на воспоминания Некрасова.

1339. Пыпин А. Н. О Н. А. Некрасове. Из записной книжки. 9 марта 1876 г.— Современник, 1913, № 1, с. 233.

Запись о Тургеневе и Белинском со слов Некрасова.

1340. Тимковский Н. Душа Л. Н. Толстого. М., кн-во писателей, 1913, с. 154.

О нежелании Толстого в статье 1909 г. о «Переписке с друзьями» Гоголя полемизировать с Белинским.

1341. Толстой Л. Н. Письмо к Н. А. Некрасову 2 июля [1856 г.] — Современник, 1913, № 1, с. 239—40.

Вошло в кн. авт.: Полн. собр. соч. Под общ. ред. В. Г. Черткова. Т. 60. М., 1949, с. 75.

Отзыв о критике Белинского.

1342. Фридрихс Е. Мое знакомство с семьей Виссариона Григорьевича Белинского.— Рус. старина, 1913, № 1, с. 159—61.

1914

1343. Вяземский П. А. Письмо к М. П. Погодину без даты [1861 г.] — В кн.: Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. XVIII. Спб., 1914, с. 369.

Недовольство авторитетом Белинского среди молодого поколения.

1344. Григорьев А. А. Письмо к М. П. Погодину 16 сент. 1861 г. — Там же, с. 451.

Вошло в кн.: Аполлон Александрович Григорьев. Материалы для биографии. Пг., 1917, с. 279.

1345. Иванов Д. П. Несколько мелочных данных для биографии В. Г. Белинского [А. Н. Пыпина].— Пребывание Белинского в гимназии.— В кн.: Белинский. Письма. Т. III. Спб., 1914, с. 399—403.

1346. Некрасов Н. А. Автобиографические наброски, воспоминания и заметки.— В кн.: Евгеньев[-Максимов] В. Николай Алексеевич Некрасов. Сборник статей и материалов. М., 1914, с. 91.

Дополнено в кн.: Евгеньев-Максимов В. Н. А. Некрасов и его современники. Очерки. М., 1930, с. 49, 57, 59.

Полностью (по автографу): Лит. наследство, т. 49—50, 1946, с. 148, 150 (с факсимиле).

1347.— Письмо к Н. Х. Кетчеру 4 нояб. 1847 г.— В кн.: Белинский. Письма. Т. III. Спб., 1914, с. 380—82.

Вошло в кн. авт.: Собр. соч. М.— Л., 1930. Т. V, с. 97.

1348. Панаев И. И. Письмо к Н. Х. Кетчеру 1 окт. 1846 г.— Там же, с. 362—63.

1349. Станкевич Н. В. Письма: к Л. А. Бакуниной 17 янв., 24 янв., 6 февр., 6 мая, 2 июня, 28 июля, 23 дек. 1837 г.; к М. А. Бакунину 22 апр., 2, 4, 12, 16, 17, 25 нояб. 1835 г.; 21 апр., 11 авг., 22 окт., 3 нояб. 1836 г.; 31 мая, 25 авг., 2 нояб., 7 нояб. 1837 г.; без даты [янв.], 9 (21) янв., 9 (21) февр., 6 (18) марта, 24 марта (5 апр.) 1838 г.; к К. А. Бееру 22 июня 1835 г.; к В. П. Боткину 25 янв. (6 февр.) 1839 г.; к Т. Н. Грановскому 27—30 авг. 1838 г.; к А. П. Ефремову без даты [11 (23) нояб.], 28 нояб. 1837 г.; 8 июля, 24 июля 1839 г.; к В. И. Красову 21 авг., 16 окт. 1834 г.; к Я. М. Неверову 25 янв., 11 февр. [1837 г.]; к братьям и сестрам Станкевичам 24 апр. 1836 г. и 17 (29) окт. 1837 г.— В кн.: Переписка Н. В. Станкевича. 1830—1840. М., 1914, с. 504, 509—11, 528, 531, 533, 550, 572, 576, 578, 580, 585, 589, 591, 596, 606, 614, 616, 619, 621—23, 625, 629, 638, 647, 650, 656, 658, 666, 441, 493—94, 471—72, 426, 428, 431, 433, 401, 403—04, 406, 368—69, 371, 157, 158, 162.

1350. Тютчев Н. Н. Мое знакомство с В. Г. Белинским.— В кн.: Белинский. Письма. Т. III. Спб., 1914, с. 444—51.

1351. Филиппов Т. И. Письмо к М. П. Погодину без даты [февр. 1861 г.] — В кн.: Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. XVIII. Спб., 1914, с. 215.

О значении Белинского.

1915

1352. Аксаков К. С. Письма к С. Т. и Н. Г. Аксаковым 12, 15 и 20 июня 1838 г.— Богословский вестник, 1915, № 9, с. 21, 26, 36—37. См. № 1358.

1353. Герцен А. И. Письма: к В. П. Боткину без даты [лето 1843 г.]; к Т. Н. Грановскому 9 июля [1844 г.] — В кн. авт.: Полн. собр. соч. и писем. Под ред. М. К. Лемке. Т. III. Пг., 1915, с. 243, 410.

1354.— Письмо к Т. Н. Грановскому, Е. Ф. и М. Ф. Коршам, Н. Х. Кетчеру и Н. М. Сатину 5 нояб. 1848 г.— Там же. Т. V. Пг., 1915, с. 244.

Об извещении в «Современнике» о смерти Белинского.

1355.— Письма: к Н. Х. Кетчеру 1 марта и 26 мая 1841 г.; без даты [июль] («1-е. Из записки Петра Ал...»), 10 нояб., 18 нояб., 2—3 дек., 8 дек. 1843 г.; 3 янв., 17 янв., 7 февр., 1 марта, 15 марта, 23 марта, 10 апр., 27 апр., 19 июня, 6 июля, 10 окт., 16 нояб. 1844 г.; 1 янв., 26 янв., 17 февр., 3 марта 1845 г.; к Н. П. Огареву 11 февр., 2—3 марта 1841 г.— Там же. Т. II. Пг., 1915, с. 415, 422, 432—33, 426—27; т. III, с. 244, 277—78, 284, 286, 292, 380, 382, 385—86, 388, 390, 393—94, 396—97, 409, 414, 421, 433, 455, 458.

1356. Неверов Я. М. Автобиография.— Вестник воспитания, 1915, № 6, с. 114. Публ. Н. Л. Бродского.

О «Дмитрии Калинине» и исключении из-за него Белинского из университета.

1357. Щепкина А. В. Воспоминания. Сергиев-Посад, 1915, с. 77, 80, 127—29.

1916

1358. Аксаков К. С. Письмо к С. Т. и Н. Г. Аксаковым 12 (24) июля 1838 г.— Богословский вестник, 1916, № 5, с. 124.— См. № 1352.

1359. Белинская М. В. Письмо к Н. А. Некрасову 12 окт. 1857 г.— В кн.: Архив села Карабихи. Письма Н. А. Некрасова и к Некрасову. М., 1916, с. 82—83.

О помощи Некрасова семье Белинского.

1360. Некрасов Н. А. Письмо к Н. М. Щепкину 26 окт. 1846 г. — В сб.: Огни. Ред. Е. А. Ляцкого, Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса. Кн. I. Пг., 1916, с. 285—86.

Вошло в кн. авт.: Собр. соч. Т. V. М.— Л., 1930, с. 74.

1361. Островская Н. А. Воспоминания о Тургеневе.— В кн.: Тургеневский сборник. М., изд. «Огни», [1916], с. 90—91. (Тургеневский кружок под руководством Н. К. Пиксанова).

Воспоминания Тургенева о встречах с Белинским.

1362. Римский-Корсаков Н. А. Письмо к М. А. Балакиреву 28 сент. 1863 г.— Муз. современник, 1916, № 6, с. 71.

Отзыв о статьях Белинского.

1363. Соколов В. П. Гаршины.— Ист. вестник, 1916, № 4, с. 154.

Белинский в Межевом институте.

1917

1364. Балакирев М. А. Письмо к В. В. Стасову 20 июня 1861 г.— В кн.: Переписка М. А. Балакирева с В. В. Стасовым. Предисл. и прим. В. Каренина. Вып. 1. Пг., 1917, с. 105.

То же: М., Музгиз, 1935, с. 114.

Сравнение критической деятельности Стасова с деятельностью Белинского.

1365. Белинская М. В. Письмо к И. А. Астафьеву 24 дек. 1873 г.— Былое, 1917, № 4 (26), с. 179—82 (С предисл. С. А. Венгерова).

О последних днях Белинского.

1366. Герцен А. И. Письма: к М. Мейзенбург 8 сент. 1856 г.; к М. К. Рейхель 8 июня, 7 нояб., 13 дек. 1855 г.; 14 янв., 30 апр., 30 нояб. 1856 г.; 27 нояб. 1859 г.—

В кн. авт.: Полн. собр. соч. и писем. Под ред. М. К. Лемке. Т. VIII. Пг., 1917, с. 330 (пер. с. 331), 186, 237, 248, 257, 279, 359; т. X, с. 160.

О тосте в память Белинского. План «Былого и дум». О портрете Белинского. Об «Очерках гоголевского периода» Чернышевского. О значении Белинского.

1367. Григорьев А. А. Письма: к М. П. Погодину 10 марта 1858 г.; к Е. С. Протопоповой 26 янв. 1859 г.; к Н. Н. Страхову 12 авг., 12 дек. и 15 дек. 1861 г.— В кн.: Аполлон Александрович Григорьев. Материалы для его биографии. Под ред. В. В. Княжнина. Пг., 1917, с. 227, 239, 272, 286, 288.

1368. Семенов-Тян-Шанский П. П. Мемуары. Т. I. Детство и юность (1827—1855 гг.). Пг., 1917, с. 194—95, 201, 206.

Знакомство Н. Я. Данилевского с Белинским в зиму 1845/46 г. О близости Белинского к кружку Петрашевского.

1369. Стасов В. В. Письма к М. А. Балакиреву без даты [1859 г.] («Милий, какая досада, что я Вас не застал...») и 29 июля 1859 г. — В кн.: Переписка М. А. Балакирева с В. В. Стасовым. Предисл. и прим. В. Каренина. Вып. 1. Пг., 1917, с. 43, 46.

То же: М., Музгиз, 1935, с. 49, 53.

О воспитательной роли Белинского.

1918

1370. Павленков Л. Н. Письмо к М. Ф. Де-Пуле 14 марта 1879 г.— Литературно-библиолог. сборник. Под ред. Л. К. Ильинского. Пг., 1918, с. 28 (Рус. библиолог. о-во).

Публ. А. Г. Фомина.

Об отношении Белинского к А. В. Кольцову (со слов И. С. Тургенева).

1371. Тургенев И. С. Письмо к М. Ф. Де-Пуле 19/7 февр. 1877 г.— Там же, с. 21.

Об отношении Белинского к Кольцову.

1919

1372. Короленко В. Г. История моего современника. Т. II. Студенческие годы и ссыльные скитания. Одесса, изд. т-ва «Рус. богатство», 1919, с. 8, 133, 134 (2-й паг.).

Ч. II. Студенческие годы. Вологда, Кронштадт, Петербург. VIII.

Вошло в изд. «Academia». Т. II. М.— Л., 1931, с. 123, 302—03, 305.

О влиянии идей Белинского на молодого Короленко.

1920

1373. Герцен А. И. Письмо к А. А. Герцену 28 дек. 1863 г.— В кн. авт.: Полн. собр. соч. и писем. Под ред. М. К. Лемке. Т. XVI. Пб., 1920, с. 566.

Оценка Белинским творчества Герцена в 1839 г.

1921

1374. Феоктистов Е. М. Воспоминания. Гл. I.— В кн.: Тургеневский сборник. Под ред. А. Ф. Кони. Пг., 1921, с. 171.

Публ. Б. Л. Модзалевского.

Вошло в отд. изд.: Ред. и прим. Ю. Г. Оксмана. Л., 1929, с. 8—9.

Об отношении В. П. Боткина к Белинскому.

1922

1375. Анненков П. В. Две зимы в провинции и деревне. С генваря 1849 по август 1851 г.— Былое, 1922, № 18, с. 6, 7, 13.

Публ. Н. О. Лернера.

О письме Белинского к Гоголю в деле петрашевцев. Отношение Бутурлина к сочинениям Белинского.

1376. Герцен А. И. Письмо к Н. А. Огаревой 20 мая [1867 г.].— В кн. авт.: Полн. собр. соч. и писем. Под ред. М. К. Лемке. Т. XIX. Пг., 1922, с. 325.

Белинский о Пьере Леру.

1377.— Письмо к Н. П. и Н. А. Огаревым без даты [23—29 сент. 1865 г.].— Там же. Т. XVIII. Пг., 1922, с. 232.

Мнение Белинского о характере Герцена.

1378. Гольденвейзер А. Б. Вблизи Толстого. (Записи за пятнадцать лет). Т. I. М., 1922, с. 293.

Запись слов Толстого о «зле, произведенном Белинским» (14 авг. 1909 г.).

1379. Маковицкий Д. П. Яснополянские записки. 1904—1910 гг. Ред. Н. Н. Гусев. Вып. I. М., изд. «Задруга», 1922, с. 61.

Об отношении Толстого к Белинскому.

1380. Некрасов Н. А. Письма к А. В. Никитенке: 7 июня 1845 г.; 14 дек. 1846 г.; 22 янв., 26 окт. 1847 г.; 22 янв. и 10 февр. 1848 г.— В кн.: Некрасов по неизданным материалам Пушкинского Дома. Пг., 1922, с. 173—75, 179—80, 183, 197, 212, 218.

Публ. Б. Л. Модзалевского.

Вошло в кн. авт.: Собр. соч. Т. V. М.—Л., 1930, с. 63, 74—76, 94, 113, 116.

1381. Никитин И. С. Письмо к А. Н. Майкову 3 марта 1858 г.—В кн.: Радуга. Альманах Пушкинского Дома. Пб., 1922, с. 159.

Публ. В. И. Чернышева.

О Белинском как критике.

1923

1382. Герцен А. И. Письма к Н. П. Огареву 8 янв. [1868 г.]; 4 марта, 2 мая и 15 авг. 1869 г.— В кн. авт.: Полн. собр. соч. и писем. Под ред. М. К. Лемке. Т. XX. М.— Пг., 1923, с. 130; т. XXI, с. 314, 374, 423.

О статье Д. И. Писарева «Пушкин и Белинский». Значение Белинского. О статье А. А. Краевского «Кто прав? Кто виноват?» — См. № 484.

1383.— Письмо к И. С. Тургеневу 5 марта 1869 г.— Там же. Т. XXI. М.— Пг., 1923, с. 315.

О воспоминаниях Тургенева. — См. № 1105.

1384. Панаев И. И. Письма к Н. П. Огареву 6 окт. [1847 г.]; 6 февр. и 2 июня 1848 г.— В кн.: Новые пропилеи. Под ред. М. О. Гершензона. Т. I. М.— Пг., 1923, с. 18—19.

1385. Тургенев И. С. Письмо к А. Д. Галахову 21 сент. 1869 г. — В кн.: И. С. Тургенев. М.— Пг., Гиз, 1923, с. 58.

Публ. Н. Л. Бродского.

О замечаниях Галахова на его воспоминания о Белинском.

1924

1386. Галахов А. Д. Письма к А. А. Краевскому: без даты [1841 г.]; 24 июня, 18 сент. 1846 г.; 30 мая 1847 г.; 27 янв. 1849 г.— В кн.: Венок Белинскому. Сборник под ред. Н. К. Пиксанова. М., 1924, с. 142—51.

Публ. М. К. Клемана.

1387. Гончаров И. А. Необыкновенная история. (Истинные события).— В кн.: Сборник Российской публичной библиотеки. Материалы и исследования. Т. II. Вып. I. Пг., 1924, с. 7—11, 24—25, 69, 124.

Публ. Д. И. Абрамовича.

1388. Полонский Я. П. Письмо в правление Пензенской общественной библиотеки 18 окт. 1898 г.— В кн.: Венок Белинскому. Сборник под ред. Н. К. Пиксанова. М., 1924, с. 241 (с факсимиле).

Публ. И. Л. Поливанова.

О влиянии на автора критики Белинского.

1389. Тургенев И. С. Письмо к А. Ф. Онегину 8 янв. 1870 г.— Лит.-худож. сб. «Недра». Кн. IV. М., 1924, с. 285—86.

Публ. Н. Л. Бродского.

О характере Белинского.

1390. — Письмо к В. Ральстону 19 окт. 1866 г. — Лит.-худож. сб. «Недра». Кн. III. М., 1924, с. 179.

Публ. Н. Л. Бродского.

О значении Белинского.

1925

1391. Бакунин Ал. А. Запись в «журнале» 8 нояб. 1856 г.— В кн.: Корнилов А. А. Годы странствий Михаила Бакунина. М.— Л., 1925, с. 557.

Об отказе А. В. Дружинина и Л. Н. Толстого от «поклонения» Белинскому.

1392. Беер К. А. Письмо к Бакуниным 18 июня 1843 г.— Там же, с. 267.

1393. Герцен А. И. Письмо к И. С. Аксакову 8 нояб. 1858 г.— В кн. авт.: Полн. собр. соч. и писем. Под ред. М. К. Лемке. Т. XXII. Л., 1925, с. 121.

Упоминание Белинского рядом с декабристами.

1394. Достоевская А. Г. Воспоминания. Под ред. Л. П. Гроссмана. М.—Л., ГИЗ, 1925, с. 108—09.

О пропавшей статье Ф. М. Достоевского о Белинском.

1395. Зеленый А. С. Письмо к Н. А. Добролюбову 6 дек. 1858 г.—В кн.: Переписка Чернышевского с Некрасовым, Добролюбовым и А. С. Зеленым. 1855—1862. Введение, прим. и ред. Н. К. Пиксанова. М.— Л., 1925, с. 134.

Восхищение защитой Добролюбовым Белинского в статье «Русская цивилизация, сочиненная г. Жеребцовым».

1396. Кавелин К. Д. Письма к А. Н. Пыпину 22 апр. 1873 г., 1 мая и 9 авг. 1875 г. — В кн.: Из переписки деятелей Академии Наук. Пригот. к печати Д. И. Абрамович. Л., 1925, с. 73—76.

О письмах Белинского к К. С. Аксакову. О патриотизме Белинского. Отзыв о книге А. Н. Пыпина.

1397. Некрасов Н. А. Автобиография. (Записана 7 июня 1872 г.) — Красная газ., вечер. вып., 1925, № 26, 31 янв. (публ. А. Кондратьева); Новый мир, 1925, № 1, с. 85 (публ. С. М. Шпицера).

То же: Лит. наследство, т. 49—50, 1946, с. 164.

Сближение Некрасова с Белинским в 1844 г. Отношение Белинского к стихотворению Некрасова «Родина».

1398. Стасов В. В. Письмо к А. Н. Пыпину 16 сент. 1881 г.—В кн.: Из переписки деятелей Академии Наук. Пригот. к печати Д. И. Абрамович. Л., 1925, с. 105.

Отзыв о книге А. Н. Пыпина.

1399. Тихонравов Н. С. Письмо к А. Н. Пыпину 23 апр. 1891 г.— Там же, с. 110.

Отзыв о «Дмитрии Калинине».

1400. Тургенев И. С. Письмо к П. В. Анненкову 1 окт. 1854 г.—Былое, 1925, № 1, с. 83.

Публ. А. Белоглазова.

О библиотеке Белинского.

1401. Чернышевский Н. Г. Письма: к А. С. Зеленому 26 сент. 1856 г. и без даты [июнь 1857 г.]; к Н. А. Некрасову 24 сент. и 5 нояб. 1856 г.— В кн.: Переписка Чернышевского с Некрасовым, Добролюбовым и А. С. Зеленым. 1855—1862. Введение, прим. и ред. Н. К. Пиксанова. М.—Л., 1925, с. 21, 33, 120—22, 127.

Характеристика Белинского и биографические сведения о нем.

1926

1402. Ясинский И. И. Роман моей жизни. Книга воспоминаний. М.—Л., Гиз, 1926, с. 145, 153.

Рассказ И. А. Гончарова Наумову о квартире Белинского.

1927

1403. Герцен А. И. Письма: к В. П. Боткину 31 дек. 1847 г.; к М. Ф. Корш 22 июля 1858 г.—В кн.: А. И. Герцен. Новые материалы. Подгот. к печати Н. М. Мендельсон. М., 1927, с. 41, 83 (Труды Публ. б-ки СССР имени В. И. Ленина).

О письмах Белинского.

1404. Герцен Н. А. Письма к Н. Х. Кетчеру: 18 ноября 1843 г., 20 дек. [1843 г.]; 4 окт. и 16 нояб. 1844 г. — Там же, с. 94—96, 105.

1405. Салтыков-Щедрин М. Е. Письмо к Н. А. Некрасову 5 апр. [1869 г.]— Печать и революция, 1927, № 4, с. 57.

Публ. В. Е. Евгеньева-Максимова.

Вошло в кн. авт.: Полн. собр. соч. Т. XVIII. М., 1937, с. 212.

О воспоминаниях Тургенева о Белинском. — См. № 1105.

1406. Толстой Л. Н. Дневник. Запись 4 янв. 1857 г.— В кн.: Гусев Н. Н. Толстой в молодости. М., 1927, с. 273—74.

Вошло в кн. авт.: Полн. собр. соч. Под общ. ред. В. Г. Черткова. Т. 47. М., 1937, с. 108.

О чтении статьи Белинского о Пушкине.

1407. Тургенев И. С. Письмо к П. В. Анненкову 24 (12) нояб. 1871 г.— Новый мир, 1927, № 9, с. 163.

Публ. П. Е. Щеголева.

О посылке Ге Тургеневу бюста Белинского.

1928

1408. Достоевский Ф. М. Письмо к А. Н. Майкову 16 (28) авг. 1867 г.— В кн.: Ф. М. Достоевский и И. С. Тургенев. Переписка. Под ред., с введением и прим. Н. С. Зильберштейна. Л., 1928, с. 165—66.

Выпад против последователей Белинского.

1409. Тургенев И. С. Письма к Л. Н. Толстому: 16/28 нояб., 16/28 дек. 1856 г.; 23 дек. 1856/4 янв. 1857 г.— В кн.: Толстой и Тургенев. Переписка. Ред. и прим. А. Е. Грузинского и М. А. Цявловского. М., 1928, с. 21, 27—29.

О критической деятельности Белинского.

1410. Чернышевский Н. Г. Воспоминания об отношениях Тургенева к Добролюбову и о разрыве дружбы между Тургеневым и Некрасовым.—Литература и марксизм, 1928, № 4, с. 39—40.

Публ. Н. Б[ельчикова].

Вошло в кн. авт.: Полн. собр. соч. Т. I. М., 1939, с. 732.

Отношение Белинского к М. А. Языкову.

1411.— Дневник. Записи от 4 сент. и 2 нояб. 1848 г., 17 февр. 1849 г. и 19 авг. 1850 г.— В кн.: Н. Г. Чернышевский. Литературное наследие. Т. I. М.—Л., 1928, с. 262, 313, 389, 528.

Вошло в кн. авт.: Полн. собр. соч. Т. I. М., 1939, с. 106, 161, 242, 390.

Оценка статей Белинского. Рассказы К. А. Коссовича о Белинском.

1412.— Из автобиографии. Гл. I.— Там же, с. 33.

Вошло в кн. авт.: Полн. собр. соч. Т. I. М., 1939, с. 597.

О чтении Белинского в детские годы.

1929

1413. Кюхельбекер В. К. Записи в дневнике 5 февр. и 5 марта 1841 г.— В кн.: Дневник В. К. Кюхельбекера. Ред., введение и прим. В. Н. Орлова и С. И. Хмельницкого. Л., 1929, с. 271, 275.

Отзыв о статьях Белинского: «Герой нашего времени» и «Менцель—критик Гете».

1414. Тургенев И. С. Письмо к П. В. Анненкову 13 (1) окт. 1880 г.— Красный архив, 1929, № 1 (32), с. 194.

Публ. Н. Ф. Бельчикова.

О Белинском в Зальцбрунне.

1930

1415. Греч Н. И. Записки о моей жизни. Под ред. и с коммент. Р. В. Иванова-Разумника и Д. М. Пинеса. М.— Л., изд. «Academia», 1930, с. 153.

Выпад против «антиправительственного» направления Белинского.

1416. Дружинин А. В. Письмо к И. С. Тургеневу 26 дек. [1856 г.].—В кн.: Тургенев и круг «Современника». Неизд. материалы. 1847—1861. М.— Л., 1930, с. 202.

Публ. Н. А. Пыпина.

Об отношении Л. Н. Толстого к Белинскому.

1417. Колбасин Е. Я. Письма к И. С. Тургеневу 31 авг., 29 сент., 18 окт. 1856 г.; 15 янв. 1857 г.— Там же, с. 261, 274, 284, 291, 311.

Публ. Е. П. Населенко и М. Н. Мотовиловой.

Об отношении А. В. Дружинина, С. С. Дудышкина и Л. Н. Толстого к Белинскому.

Некрасов Н. А. Дневник. Запись 23 авг. 1877 г.— См. № 1122.

1418. Некрасов Н. А. Письмо к В. П. Боткину 11 апр. [1847 г.].— В кн. авт.: Собр. соч. Т. V. Письма. М.— Л., 1930, с. 81—82.

1419. Панаев И. И. Письмо к И. С. Тургеневу 10 февр. 1847 г.— В кн.: Тургенев и круг «Современника». М.— Л., 1930, с. 12.

Публ. С. А. Коплан-Шахматовой и П. И. Зиссермана.

1419а. Тургенев И. С. Письмо к А. В. Топорову 18/6 июля 1875 г.— Новый мир, 1930, № 2, с. 216.

Публ. Л. С. Утевского.

О статье А. Н. Пыпина.

1932

1420. Благосветлов Г. Е. Письмо к Я. П. Полонскому 1 мая 1859 г.— Звенья, 1932, I, с. 330—31.

Публ. Г. В. Прохорова.

Взаимоотношения Белинского с А. А. Краевским.

1421. Огарев Н. П. Письма к Т. Н. Грановскому: без даты [1841 г.] («Вот и я вПбге, Грановский...»), 25 апр. [1847 г.].— Там же, с. 101, 130—31. — Впервые: Новый мир, 1931, № 5, с. 174, 189—90.

Публ. Н. М. Мендельсона.

1422. Салтыков-Щедрин М. Е. Письмо к А. А. Винницкой-Будзианик 22 мая [1881 г.].—В кн.: Салтыков-Щедрин М. Е. Неизданные письма. (1844—1889). Ред. Н. В. Яковлева. М.— Л., 1932, с. 86.

Вошло в кн. авт.: Полн. собр. соч. Т. XIX. М., 1939, с. 200.

Совет читать Белинского.

1423. Тургенев И. С. Письмо к А. Н. Островскому 7/19 ноября 1856 г.— В кн.: Неизданные письма Л. Н. Толстого, И. А. Гончарова, Н. А. Некрасова, Ф. М. Достоевского, А. Ф. Писемского и др. Из архива А. Н. Островского. По материалам Гос. театр. музея им. А. А. Бахрушина. Пригот. к печати М. Д. Прыгунов, Ю. А. Бахрушин и Н. Л. Бродский. М.— Л., 1932, с. 587.

О благоговейном отношении Тургенева к памяти Белинского.

1933

1424. Антонович М. А. Поездка Н. Г. Чернышевского в Лондон.— В кн.: Шестидесятые годы. Под ред. В. Е. Евгеньева-Максимова и Г. Ф. Тизенгаузена. М.— Л., 1933, с. 51—54, 72, 78.

Разрешение издания сочинений Белинского в 1859 г. О воспоминаниях Тургенева. О «страстности» Белинского при отстаивании своих убеждений.

1425. Елисеев Г. З. О литературной богеме шестидесятых годов.— Там же, с. 469.

О «светлой плеяде Волкова кладбища».

1934

1426. Анненков П. В. Письма к И. С. Тургеневу 7 нояб. 1856 г., 9 июля 1859 г., 14 сент. и 29 дек. 1860 г.— В кн.: Труды Публичной б-ки СССР имени В. И. Ленина. Вып. III. М., 1934, с. 59, 81—82, 94.

Публ. Н. М. Мендельсона.

Об образе Белинского и книге Ф. Д. Штрауса «Ульрих фон Гуттен». Сравнение Белинского с современными деятелями.

1427. Бакунин М. А. Письма: к А. М. Бакунину 15 дек. 1837 г.; к П. А. Бакунину 24 дек. 1839 г.; 29 янв. (10 февр.) 1843 г.; к А. М. и В. А. Бакуниным 2 марта 1837 г.; 8 (20) нояб. 1842 г.; к братьям Бакуниным без даты [конец мая 1840 г.]; к сестрам Бакуниным 8 дек. 1836 г.; 15 марта, без даты [начало мая], 6 и 13 мая, 24 июня, 7 дек. 1837 г.; без даты [конец февр.], без даты [начало марта], 13 марта, 4 апр., 19 сент., без даты [середина окт.], без даты [середина дек.] 1838 г.; без даты [2-я половина янв. 1839 г.]; 9 мая, 29 июня 1840 г.; без даты [начало дек. 1841 г.]; к Бакуниным: без даты [июль 1840 г.]; без даты [начало дек. 1841 г.]; 20 нояб. 1842 г.; без даты [май 1843 г.]; 17 (29) июня 1845 г.; к А. А. Беер без даты [конец февр.— начало марта] и 15 марта 1840 г.; к К. А. Беер 19 июля 1837 г. и 13—15 июля 1840 г.; к сестрам Беер 7 мая 1836 г.; к А. И. Герцену 8 дек. 1860 г.; к А. П. Ефремову: без даты [середина июня], 9 июля и 11 окт. 1838 г.; к Я. М. Неверову 4 нояб. 1836 г.— В кн.: Бакунин М. А. Собр. соч. и писем. 1828—1876. М., 1934, Т. I, с. 301, 357—58, 361, 413, 415, 429, 431, 434; т. II, с. 10, 24, 42, 79—80, 100, 118, 142, 151, 154, 163, 189, 193, 206, 207—08, 212—13, 215, 226, 228—29, 266, 280, 295, 423, 426, 436, 306, 387; т. III, с. 6, 83, 167, 184, 363—64.

Все письма — о взаимоотношениях с Белинским.

1428. Гаршин В. М. Письмо Н. М. Золотиловой 3 авг. 1882 г.—В кн.: В. М. Гаршин. Полн. собр. соч. в трех томах. Ред., статьи и прим. Ю. Г. Оксмана. Т. III. М.—Л., 1934, с. 272.

О библиотеке Белинского.

1429. Герцен А. И. Письмо к М. Н. Похвисневу 6 апр. 1840 г. — Звенья, III—IV, 1934, с. 364.

Публ. В. Ф. Покровского.

1430. Полевой Н. А. Письмо к В. П. Боткину 20 марта 1838 г.— Там же, с. 881—82.

Пред. и прим. Н. М. Мендельсона, с. 879—81, 883—84.

1431. Штакеншнейдер Е. А. Дневник. Запись 25 апр. 1856 г. и 31 янв. 1863 г.—В кн.: Штакеншнейдер Е. А. Дневник и записки. (1854—1886). Ред. статья и коммент. И. Н. Розанова. М.— Л., 1934, с. 128, 311—12.

О преждевременной смерти Белинского. Возражение Белинскому по вопросу о женщинах-писательницах.

1935

1432. Достоевский Ф. М. Записные тетради. Подготовка к печати Е. Н. Коншиной. М.— Л., изд. «Academia», 1935, с. 109—10, 116—17, 119, 124—25, 131, 151, 154, 192—93, 218, 226, 344—46, 390.

Белинский упоминается в планах «Жития великого грешника» и «Бесов». О характере Белинского. О Белинском как идейном руководителе своего поколения.

1433. Елисеев Г. З. Письмо к М. Е. Салтыкову-Щедрину 28 дек. 1884 г./9 янв. 1885 г.— В кн.: Письма Г. З. Елисеева к М. Е. Салтыкову-Щедрину. Ред. И. Р. Эйгеса. М., 1935, с. 164.

Мнение Достоевского о Белинском как о «социалисте и богоотступнике».

1434. Некрасов Н. А. Письмо к Н. А. Добролюбову без даты [3 апр. 1861 г.] («Я Ваше письмо и статью получил...»).— Звенья, V, 1935, с. 489.

Публ. В. И. Срезневского.

О репутации Белинского.

1435.— Письмо к И. И. Срезневскому 30 дек. 1847 г.— Там же, с. 498.

1436. Плещеев А. Н. Письмо к Ф. М. Достоевскому 30 мая [1858 г.].— В кн. Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования. Под ред. А. С. Долинина. Л., 1935, с. 441.

О Белинском, выведенном в романе Писемского «Тысяча душ» в образе Зыкова (прим., с. 479).

1437. Толстой Л. Н. Запись в дневнике 8 марта 1902 г.— В кн. авт.: Полн. собр. соч. Под общ. ред. В. Г. Черткова. Т. 54. М., 1935, с. 125.

Об атеизме Белинского.

1936

1438. Аксаков С. Т. Письмо к И. С. Аксакову 8 февр. 1847 г.— В кн.: Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. Под ред. В. В. Гиппиуса. Т. I. М.— Л., 1936, с. 179.

Публ. А. Г. Дементьева.

1439. Аксакова В. С. Письмо к И. С. Аксакову без даты [11 янв. 1847 г.].— Там же, с. 176.

1440. Гоголь Н. В. Письмо к А. О. Россету 11 февр. [1847 г.].— Там же, с. 172.

1441. Грановский Т. Н. Письмо к А. И. Герцену [1851 г.] («С тяжелым чувством берусь я за перо...»).— Звенья, VI, 1936, с. 357.

Публ. Я. З. Черняка.

По поводу брошюры Герцена «О развитии революционных идей в России».

1442. Достоевский Ф. М. Письма к М. П. Погодину 21 и 26 февр. 1873 г.— Там же, с. 443, 447.

Публ. Л. Е. Барсуковой.

О статье Погодина о Белинском в «Гражданине» 1873 г., № 9. О своем знакомстве с Белинским.

1443. Плетнев П. А. Письма к С. П. Шевыреву: 9 авг., 21 нояб. 1846 г.; без даты [24 марта 1847 г.].—В кн.: Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. Под ред. В. В. Гиппиуса. Т. I. М.— Л., 1936, с. 163, 171, 181.

1444. Погодин М. П. Письмо к Ф. М. Достоевскому 23 февр. [1873 г.].— Звенья, VI, 1936, с. 444—45.

Ответ на письмо Достоевского. — См. № 1442.

1445. Хвощинская Н. Д. Письмо к А. Н. Плещееву 18 июня 1880 г.—В кн.: Писемский А. Ф. Письма. М.— Л., 1936, с. 800.

О желании студентов воздвигнуть памятник Белинскому.

1937

1446. Толстой Л. Н. Записи в дневнике 6 янв. 1857 г. и 6 марта 1905 г.— В кн. авт.: Полн. собр. соч. Под общ. ред. В. Г. Черткова. Т. 47. М., 1937, с. 109; т. 55, с. 126.

О статье Белинского о Пушкине. Об изучении Белинского в школах.

1447.— Запись в записной книжке 17 окт. 1856 г.— Там же. Т. 47. М., 1937, с. 198.

Социальные взгляды Белинского.

1939

1448. Лазурский В. Ф. Дневник.— Лит. наследство, т. 37—38, 1939, с. 453, 484—86.

Публ. К. С. Шохор-Троцкого.

Записи (от 27 июня, 26 и 29 дек. 1894 г.) слов Л. Н. Толстого о письме Белинского к Гоголю и о поклонении молодежи Белинскому.

1449. Панаев И. И. Письма к К. С. Аксакову 8 дек. 1839 г. и 2 марта 1840 г.— В кн.: А. С. Пушкин. А. Н. Островский. Западники и славянофилы. (Всесоюз. б-ка им. В. И. Ленина. Труды. Сб. IV). М., 1939, с. 211—12.

1940

1450. Кульчицкий А. Я. Письмо к Н. А. Некрасову 24 мая 1844 г.— Записки Отд. рукописей (Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина), 1940, вып. IX, с. 16—17.

Публ. Р. П. Маториной.

1451. Некрасов Н. А. Письма к М. В. Белинской 26 апр. 1854 г., 27 сент. и 27 окт. 1857 г.— Там же, с. 13—15.

Об издании сборника в пользу семьи Белинского.

1452.— Письма к Н. Х. Кетчеру 10 окт. и 2 дек. 1845 г.— Там же, с. 5—6.

1453. Плещеев А. Н. Письмо Е. И. Барановскому 20 окт. 1859 г.— В кн.: Шестидесятые годы. Материалы по истории литературы и общественному движению. Под ред. Н. К. Пиксанова и О. В. Цехновицера. М.—Л., 1940, с. 453.

Публ. М. А. Панченко.

О статье И. И. Лажечникова о Белинском.

1454. Страхов Н. Н. Письма к Ф. М. Достоевскому без даты [середина марта 1868 г.], 29 янв. 1869 г., 4 мая 1871 г.— Там же, с. 258, 261, 272.

Публ. А. С. Долинина.

Статья о Белинском в журнале «Заря». Защита Белинского от нападок Достоевского.

1455. Тургенев И. С. Записка к М. Ф. Корш без даты [авг. 1847 г.] («Посылаю Вам через комиссионера...»).—В кн.: И. С. Тургенев. Сборник. Под ред. Н. Л. Бродского. М., 1940, с. 83.

1945

1456. Ковалевская С. В. К рассказу о Достоевском. Дополнения.— В кн. авт.: Воспоминания детства и автобиографические очерки. Ред. и прим. С. Я. Штрайха. М., 1945, с. 111—13.

Рассказ Достоевского о его знакомстве с Белинским. Успех «Бедных людей».

1946

1457. Буткевич А. А. Дневник. Запись 23 авг. 1877 г.— Лит. наследство, т. 49—50, 1946, с. 173.

Публ. В. Е. Евгеньева-Максимова и С. А. Рейсера.

О поэме Некрасова «В. Г. Белинский».

1458.— Наброски биографии Некрасова.— Там же, с. 182—83.

О критике Белинским сборника «Мечты и звуки».

1459. Григорьев-Безобразов П. В. Воспоминания. — Там же, с. XXV.

Некрасов о своей характеристике Белинского.

1460. Кривенко С. Н. Из рассказов Некрасова.— Там же, с. 209—10.

Знакомство Некрасова с Белинским.

1461. Некрасов Н. А. О моих стихах.— Там же, с. 153.

Влияние Белинского на Некрасова.

1949

1462. Антонович А. Письмо к Н. А. Некрасову без даты [1875—1877 гг.] («М. г. Николай Алексеевич! Я имел счастие быть...») — Лит. наследство, т. 51—52, 1949, с. 104.

Публ. Л. Ланского.

Упоминается Белинский.

1463. Боткин В. П. Письмо к Н. А. Некрасову 22 авг. 1847 г.— Там же, с. 167.

Публ. В. Е. Евгеньева-Максимова.

1464. Буткевич А. А. Письмо к С. И. Пономареву 12 июля [1878 г.] — Лит. наследство, т. 53—54, 1949, с. 180—81.

Публ. М. Панченко.

О поэме Некрасова «В. Г. Белинский» и отзыв о книге А. Н. Пыпина «В. Г. Белинский».

1465. Мордовцев Д. Л. Письма к Н. А. Некрасову 29 апр. и 3 июля 1868 г.— Лит. наследство, т. 51—52, 1949, с. 402—03.

Публ. В. Е. Евгеньева-Максимова.

О замысле драмы с изображением Белинского.

1466. Некрасов Н. А. Письмо к В. П. Боткину 8 окт. 1855 г.— Там же, с. 9—10.

Публ. А. Иващенко.

О смерти Белинского.

1467. Пожалостин И. П. Письма к А. П. Ефремову 25 февр., 27 февр., 19 апр. и 28 апр. 1878 г.— Лит. наследство, т. 53—54, 1949, с. 194—95.

Публ. Ю. А. Красовского.

О гравюрном портрете Белинского работы Пожалостина. (Воспроизведен на с. 193).

1467а. Полонский Я. П. Письмо к А. И. Стронину 10 янв. 1878 г.— Там же, с. 161.

Публ. В. Е. Евгеньева-Максимова.

Об общности идей Белинского и Некрасова.

1467б. Чехов А. П. Письмо к Я. С. Мерперту 29 окт. 1898 г.— В кн. авт.: Полн. собр. соч. и писем. Под общ. ред. А. М. Еголина и Н. С. Тихонова. Т. XVII. М., 1949, с. 346.

О значении Белинского.

1950

1468. Белинский в неизданной переписке современников (1834—1848). Публ. и коммент. М. Ю. Барановской, Н. Л. Бродского, Ю. А. Красовского, Л. Р. Ланского, Н. Г. Розенблюма, Н. А. Соколова, В. С. Спиридонова, Я. З. Черняка и Н. Д. Эфрос. Пред. и ред. А. Осокина.— Лит. наследство, т. 56, 1950, с. 87—200.

Выдержки из писем: Аксаковых, В. П. Андросова, Н. Г. Белинского, В. П. Боткина, И. П. Галахова, А. И. Герцена, Т. Н. Грановского, М. А. Дмитриева, А. П. Ефремова, К. Д. Кавелина, М. Н. Каткова, И. П. Клюшникова, А. А. Краевского, П. Н. Кудрявцева, И. И. Лажечникова, Н. П. Огарева, И. И. Панаева, П. А. Плетнева, М. П. Погодина, Н. А. Полевого, Н. М. Сатина, Станкевичей, Н. Г. Фролова, Щепкиных, М. А. Языкова, Н. М. Языкова и др.

1468а. Белинский и Кольцов в переписке А. В. Станкевича и Я. М. Неверова с М. Ф. Де-Пуле. Публ. М. Ю. Барановской и Е. М. Хмелевской. Пред. и прим. Б. С. Белова.— Лит. наследство, т. 56, 1950, с. 280—300.

1469. Из воспоминаний Н. В. Беклемишева о Мочалове и Белинском. Публ. М. Ю. Барановской.— Там же, с. 273—79.

1469а. Из воспоминаний И. А. Гончарова о Белинском. Письма Гончарова к К. Д. Кавелину и А. Н. Пыпину [25 марта и 10 мая 1874 г.] Публ. М. И. Маловой.— Там же, с. 257—69.

1469б. Из воспоминаний Н. Х. Кетчера о Белинском. Страницы из дневника И. К. Бабста. Публ. Н. Л. Бродского.— Там же, с. 270—72.

1469в. Погодин М. П. Пушкин и Белинский. (По неизданным материалам).— Огонек, 1950, № 6, с. 24.

Публ. М. Я. Полякова.

Отрывок из воспоминаний 1869 г.

1469г. Тургенев И. С. Письмо к Я. П. Полонскому 20 апр./2 мая 1869 г.— Звенья, VIII, 1950, с. 162—63.

Публ. Г. П. Миролюбова.

О воспоминаниях Тургенева о Белинском.

БЕЛИНСКИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

(Изображения, характеристики, посвящения, упоминания, памфлеты)

1470. П[етров] П. Я. Отрывок из «Потерянного рая». (Посвящено В. Г. Б[елинскому]).—Галатея, 1830, № 22, с. 41—43.

1471. Ушаков В. Пиюша. (Карикатура).— Б-ка для чтения, 1835, № 7, отд. I, с. 38—52.

Белинский изображен под именем Виссариона Кривошеина.

1472. Навроцкий С. Н. Новый недоросль. (Комедия).— Маяк совр. просвещения и образованности, 1840, ч. VI, с. 64.

Белинский изображен под именем «нового Кутейкина».

1473. Каратыгин П. А. Авось! или сцены в книжной лавке. Шутка-водевиль в одном действии.— Репертуар русского театра на 1841 год. Кн. I, с. 17—20.

Белинский изображен под именем журналиста Крапивина.

1474. Кольцов А. В. Расчет с жизнию. (Посвящено В. Г. Б[елинскому]). («Жизнь! Зачем ты собой...»).— Отеч. зап., 1841, т. XV, отд. III, с. 50.

Вошло в кн. авт.: Полн. собр. стихотворений. Л., 1939, с. 139—40.

1475. Федоров Б. М. Комар. (Басня).— В кн.: Русская беседа. Собр. соч. рус. литераторов, изд. в пользу А. Ф. Смирдина. Т. I. Спб., 1841, с. 204.

Белинский изображен под именем Пигмейкина.

1476. Дмитриев М. А. К безъименному критику. («Нет! Твой подвиг непохвален!..»).— Москвитянин, 1842, № 10, с. 281—84.

Вошло в кн. авт.: Стихотворения. Ч. I. М., 1865, с. 34—38. — См. № 1555.

1477. Крысы. (Басня).— Маяк, 1842, т. VI, кн. 12, отд. V, с. 50—51.

То же.— Москвитянин, 1842, № 12, отд. II, с. 111—12.

1478. [Брант Л. В.] Жизнь, как она есть. Записки неизвестного, изд. Л. Брантом. Ч. III. Спб., 1843, с. 118—24.

Белинский изображен под именем издателя энциклопедии.

*1479. [Невский В.] Демон стихотворства. 1843.

Белинский изображен под именем журналиста Туманина.

1480. [Загоскин М. Н.] Москва и москвичи. Записки Богдана Ильича Бельского, изд. М. Н. Загоскиным. Выход II. М., 1844, с. 183—85, 206, 208, 211, 228—61.

Вошло в кн. авт.: Полн. собр. соч. Т. VII. Спб.— М., 1898, с. 188—89, 203—12.

Белинский изображен под именем В. Н. Наянова.

1481. Баратынский Е. А. На ***. («В руках у этого педанта...»).— Современник, 1854, № 10, с. 160.

Вошло в кн. авт.: Полн. собр. стихотворений. Т. I. Л., 1936, с. 320. Аргументацию о том, что эпиграмма написана на Белинского — см. в прим. Е. Н. Куприяновой — там же, т. II, с. 296—97.

1482. Некрасов Н. А. Памяти приятеля.— Современник, 1855, № 3, с. 86.

Вошло в кн. авт.: 1) Сочинения. Ред., биогр. очерк и прим. К. Чуковского. Л., 1937, с. 26; 2) Полн. собр. соч. и писем. Под общ. ред. В. Е. Евгеньева-Максимова и К. И. Чуковского. Т. I. М., 1948, с. 89 (прим. с. 544—45).

1483.— Русскому писателю.— Современник, 1855, № 6, с. 215.

Вошло в кн. авт.: 1) Сочинения. Л., 1937, с. 43; 2) Полн. собр. соч. и писем. Под общ. ред. В. Е. Евгеньева-Максимова и К. И. Чуковского. Т. I. М., 1948, с. 401.

Отрывок из первонач. редакции стих. «В. Г. Белинский».— См. № 1490.

1484. Тургенев И. С. Месяц в деревне. Комедия в пяти действиях.— Современник, 1855, № 1, с. 29—170.

Исправленная редакция.— Сочинения. Ч. VII. М., 1869, с. 379—530.

Вошло в кн. авт.: Сочинения. Т. IV. М.— Л., 1929, с. 34—137.

В образе Беляева отражены некоторые черты Белинского.

1485. Некрасов Н. А. Поэт и гражданин.— В кн. авт.: Стихотворения. М., 1856, с. V—XVI.

Вошло в кн. авт.: 1) Сочинения. Л., 1937, с. 49—51; 2) Полн. собр. соч. и писем. Т. II. М., 1948, с. 10—11 (прим. с. 624).

1486. Тургенев И. С. Рудин. (Повесть).— Современник, 1856, № 1, с. 61—64.

Вошло в кн. авт.: Сочинения. Т. V. М.— Л., 1930, с. 59—62.

В образе Покорского отражены некоторые черты Белинского.

1487. Воейков А. Ф. Дом сумасшедших. (Сатира). Берлин, 1858, с. 26.

Вошло в кн.: Эпиграмма и сатира. Т. I. М.— Л., 1931, с. 537.

1488. Некрасов Н. А. Эпилог из ненаписанной поэмы [«Несчастные»].— Современник, 1858, № 2, с. 253—66.

Вошло в кн. авт.: Сочинения. Л., 1937, с. 59—61.

Белинский изображен под именем Крота.

1489. Писемский А. Ф. Тысяча душ. Роман в 4-х частях. Ч. I, гл. V; ч. III, гл. III и IX.— Отеч. зап., 1858, № 1, с. 47; № 4, с. 487—93; № 5, с. 18—19.

Вошло в кн. авт.: Полн. собр. соч. Т. II. 3-е изд. Спб.— М., [1911], с. 250, 433—40, 490—91.

В I-й части Белинский упоминается как критик. В III-й — изображен под именем журналиста Зыкова.

1490. Некрасов Н. А. В. Г. Белинский. («В одном из переулков дальних...»).— Полярная звезда на 1859 г. Кн. V. Лондон, 1859, с. 48—52.

То же.— Отеч. зап., 1878, № 5, с. 107 (8 стихов); Древняя и новая Россия, 1881, № 2, с. 412—16 (полный текст).

Неизданные отрывки по автографу: Вечерняя Москва, 1928, № 24, 28 янв. (Публ. Н. С. Ашукина).

Полный текст по автографу в кн.: К 50-летию со дня смерти Н. А. Некрасова. М., изд. Рус. о-ва друзей книги, 1928, с. 22—32.— Неизданные варианты: Лит. наследство, т. 49—50, 1946, с. 221—22 (Публ. К. И. Чуковского).

Вошло в кн. авт.: Полн. собр. соч. и писем. Т. I. М., 1948, с. 141—45 (варианты с. 483—88; прим. с. 564—67).

1491. — О погоде.— Современник, 1859, № 2, с. 309—10.

Вошло в кн. авт.: 1) Сочинения. Л., 1937, с. 68; 2) Полн. собр. соч. и писем. Под общ. ред. В. Е. Евгеньева-Максимова и К. И. Чуковского. Т. I. М., 1948, с. 63—64.

О могиле Белинского.

1492. Достоевский Ф. М. Униженные и оскорбленные. Ч. I, гл. V, VI, XI.— Время, 1861, № 1, с. 28, 37, 61—62.

Вошло в кн. авт.: Полн. собр. худож. произведений. Т. III. М.— Л., 1926, с. 23, 28, 51.

Белинский изображен под именем критика Б.

1493. Салтыков-Щедрин М. Е. Литераторы-обыватели. (Сатиры в прозе).— Современник, 1861, № 2, с. 394—95.

Вошло в кн. авт.: Полн. собр. соч. Т. III. М., 1934, с. 210.

Упоминание Белинского как критика.

1494. Вяземский П. А. «Когда Карамзина не стало...»; De mortuis aut nihil, aut bene («Смешон и жалок не Белинский...»).— В кн. авт.: В дороге и дома. Собр. стихотворений. М., 1862, с. 326—27, 320—23.

Вошло в кн. авт.: Избр. стихотворения. М.— Л., изд. «Academia», 1935, с. 451—55.

1495. Тургенев И. С. Отцы и дети. (Посвящается памяти Виссариона Григорьевича Белинского).

Первое изд. романа: М., 1862.— Вошло в кн. авт.: Сочинения. Т. VI. М.—Л., 1930.

1496. Клюшников В. П. Марево. Роман. Ч. II, гл. IX.— Рус. вестник, 1864, № 2, с. 694.

Отд. изд.: М., 1865. Т. I, с. 324—25.

Вымышленное письмо Белинского к Н. Т. Горобцу.

1497. Лесков Н. С. Некуда. Роман. Кн. I, гл. XIII, XIX. — Б-ка для чтения, 1864, № 2, с. 17, 51, 54.

Вошло в кн. авт.: Полн. собр. соч. Спб., 1902. Т. VIII, с. 78, 116, 119.

Упоминание Белинского как критика.

1498. Дмитриев М. А. К ним («Меня винят за суд свободный...»).— В кн. авт.: Стихотворения. Ч. I. М., 1865, с. 39—41.

1499. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. Ч. II, гл. XI.— Рус. вестник, 1866, № 7, с. 302.

Вошло в кн. авт.: Полн. собр. худож. произведений. Т. V. Л., 1926, с. 300. (Нумерация частей изменена — см. ч. V, гл. I).

Белинский упоминается как революционер.

1500. Лесков Н. С. Обойденные. Роман. Ч. I, гл. VIII. — Отеч. зап., 1866, сентябрь, кн. 2, с. 375.

Вошло в кн. авт.: Полн. собр. соч. Спб., 1902. Т. VI, с. 87.

Упоминание Белинского как критика.

1501. Лажечников И. И. Опричник, трагедия в 5-ти действиях, в стихах. (Памяти В. Г. Белинского). М., 1867. V, 147 с.

1502. Некрасов Н. А. Медвежья охота.— Отеч. зап., 1868, № 9, с. 13—14.

Вошло в кн. авт.: 1) Сочинения. Л., 1937, с. 140—41; 2) Полн. собр. соч. и писем. Под общ. ред. В. Е. Евгеньева-Максимова и К. И. Чуковского. Т. II. М., 1948, с. 279.

1503.— Кому на Руси жить хорошо. Гл. II.— Отеч. зап., 1869, № 2, с. 575.

Вошло в кн. авт.: 1) Сочинения. Л., 1937, с. 242; 2) Полн. собр. соч. и писем. Под общ. ред. В. Е. Евгеньева-Максимова и К. И. Чуковского. Т. III. М., 1949, с. 185—86.

1504. Писемский А. Ф. Люди сороковых годов. Ч. III, гл. XIV.— Заря, 1869, № 5, с. 125.

Вошло в кн. авт.: Полн. собр. соч. Т. V. 3-е изд. Спб.—М., [1911], с. 387.

Упоминание Белинского как критика.

1505. Достоевский Ф. М. Бесы. Ч. I, гл. I; ч. II, гл. VII.— Рус. вестник, 1871, № 1, с. 6—7, 36—37; № 11, с. 271, 277—78.

Вошло в кн. авт.: Полн. собр. худож. произведений. Т. VII. М.— Л., 1926, с. 8, 32—33, 326, 331—32.

Упоминание Белинского как критика.

1506. Альминский П. [Пальм А. И.]. Алексей Свободин. Семейная история. Ч. III, гл. V; ч. IV, гл. IV, VII.— Вестник Европы, 1872, № 12, с. 466; 1873, № 2, с. 501, 530.

В отд. изд.: Л., изд. «Молодая гвардия», 1931, с. 203, 295, 316.

Упоминание Белинского как критика.

1507. Часовые. Посвящ[ается] В. Г. Б[елинскому] («„Слушай! слушай!“ гремит над сонною землею...»). Дата: 19 авг. 1856 г.—В кн.: Лютня II. Потаенная литература XIX столетия. Третие изд. Лейпциг, [1874], с. 368—70.

1508. Достоевский Ф. М. Подросток. Ч. II, гл. II.— Отеч. зап., 1875, № 4, с. 443, 449.

Вошло в кн. авт.: Полн. собр. худож. произведений. Т. VIII. М.— Л., 1927, с. 190, 195.

Упоминание сочинений Белинского.

1509. Авдеев М. В. В сороковых годах. (Повесть). Гл. I и IX.— Вестник Европы, 1876, № 9, с. 59, 117—21.

Белинский изображен под именем Семиреченского.

1510. Плещеев А. Н. «Я тихо шел по улице безлюдной...».— Отеч. зап., 1877, № 11, с. 165—66.

Доказательство, что стихотворение посвящено Белинскому, см.: Сталинское знамя, Пенза, 1948, № 112, 6 июня. [Публ. А. В. Храбровицкого].

1511. Добролюбов Н. А. На тост в память Белинского, 6 июня 1858 г. («И мертвый жив он между нами...»).— Слово, 1878, № 2, отд. II, с. 82—83.

Вошло в кн. авт.: Полн. собр. соч. Т. VI. М., 1939, с. 255.

1512. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. Ч. III, кн. X, гл. VI; кн. XI, гл. IX.— Рус. вестник, 1880, № 4, с. 614; № 8, с. 744.

Вошло в кн. авт.: Полн. собр. худож. произведений. Т. X. М.— Л., 1927, с. 222, 312.

Упоминание Белинского как критика.

1513. Салтыков-Щедрин М. Е. За рубежом. IV.—Отеч. зап., 1881, № 1, с. 229.

Вошло в кн. авт.: Полн. собр. соч. Т. XIV. М., 1936, с. 161.

Упоминание Белинского как критика.

1514. Лесков Н. С. Рассказы кстати. Совместители. Гл. XII—XIV. — Новь, 1884, № 4, с. 626—28.

Вошло в кн. авт.: Полн. собр. соч. Спб., 1902. Т. XIX, с. 133, 134, 137.

Упоминание Белинского как критика.

1515. Дмитриев М. А. Новая Светлана. (Пародия на баллады Жуковского, примененная к Н. А. Полевому [1840 г.]); Надпись к портрету Белинского («Не говори, что ты плебей...»).— Рус. архив, 1885, № 4, с. 654.

Вошло в кн.: Эпиграмма и сатира. Т. I. М.— Л., 1931, с. 271—72 и 400.

1516. Вяземский П. А. «Меня „за ненависть к журналам“ судят строго...» — В кн. авт.: Полн. собр. соч. Т. XI. Спб., 1887, с. 370—71.

Вошло в кн. авт.: Избр. стихотворения. М.— Л., изд. «Academia», 1935, с. 447—48.

1517. Плещеев А. Н. 27-го сентября 1883 г. (Памяти Тургенева). («Своей мы гордостью и славой...»).— Отеч. зап., 1888, № 10, с. 564—65.

Вошло в кн. авт.: Стихотворения. Л., 1937, с. 191—92.

1518. Салтыков-Щедрин М. Е. Пошехонская старина. Гл. XXIX.— Вестник Европы, 1889, № 2, с. 497.

Вошло в кн. авт.: Полн. собр. соч. Т. XVII. Л., 1934, с. 413—14.

Упоминание Белинского как критика.

1519. Некрасов Н. А. Послание Белинскому и Достоевскому («Витязь горестной фигуры...»). — В кн.: Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену. С объяснит. прим. М. Драгоманова. Женева, 1892, с. 207—08.

Вошло в кн. авт.: 1) Полн. собр. стихотворений. Ред. и прим. К. И. Чуковского. Т. I. М.— Л., 1934, с. 501—02 (прим. с. 628—29); 2) Полн. собр. соч. и писем. Т. I. М., 1948, с. 423—24 (варианты с. 507; прим. с. 625—27).

1520. Кольцов А. В. Послание Белинскому. («Будь человек, терпи...»).— В кн. авт.: Стихотворения и письма, изд. под ред. Лященка. Спб., 1893, с. 98—99.

Вошло в кн. авт.: Полн. собр. стихотворений. Л., 1939, с. 125—26.

1521. Вяземский П. А. Заметки. 15. «Своим пером тупым и бурным...»; 19. «Башибузук литературный...». — В кн. авт.: Полн. собр. соч. Т. XII. Спб., 1896, с. 166—68.

№ 15 вошел в кн. авт.: Избр. стихотворения. М.— Л., изд. «Academia», 1935, с. 460.

1522. А. П. [Пономарев А. Ф.?] Памяти Белинского. («Угасло великое сердце любви...»).— Сарат. листок, 1898, № 108, 24 мая.

1523. А. Т. Памяти В. Г. Белинского. («Нет! не беспечны мы: учитель не забыт!..»).— Новое обозрение, Тифлис, 1898, № 4947, 31 мая.

1524. Буланина Е. Памяти Белинского. («Я помню осенью дождливой и ненастной...»). — Самар. газ., 1898, № 108, 24 мая.

1525. В.....я Е. Памяти В. Г. Белинского. («Вся жизнь твоя была полна борьбы, страданий...»).— Сев. Кавказ, Ставрополь-Кавказский, 1898, № 62, 28 мая.

1526. Дубровина Е. О. Он вечно будет жить! (Памяти Белинского).— Всемир. иллюстрация, 1898, № 22, с. 489.

1527. Иванов Василий. Памяти В. Г. Белинского. («Нет! То не жизнь была, то подвиг был великий...»).— Приднепр. край, Екатеринослав, 1898, № 141, 27 мая (8 июня).

1528. Кремлев А. Памяти В. Г. Белинского. («В наши дни обнищанья великих идей...»).— Бирж. вед., 1898, № 143, 28 мая; Сарат. дневник, 1898, № 119, 7 июня.

1529. Ладыженский В. Н. Памяти В. Г. Белинского. («Ребенком видел я случайно твой портрет...»).— Сарат. дневник, 1898, № 119, 7 июня.

Вошло в кн.: Памяти В. Г. Белинского. Лит. сборник, сост. из трудов рус. литераторов. М., 1899, с. 190.

1530. Lolo [Мунштейн Л. Г.] Страничка из письма. DV. («... Белинский! В дни тоски, сомнений...»).— Новости дня, 1898, № 5382, 26 мая (7 июня).

1531. Медведев Л. М. 1848—1898 г. 26 мая. (Памяти В. Г. Белинского). («Великий человек, твой гений исполинский...»).— Новости дня, 1898, № 5382, 26 мая (7 июня).

1532. Петров С. Памяти Белинского. («Учитель, перед памятью твоей...»).— Самар. газ., 1898, № 113, 31 мая; Сын отечества, 1898, № 149, 4 (16) июня.

1533. Полтавский М. [Дубинский М. И.] В белую ночь.— Бирж. вед., 1898, № 141, 26 мая (7 июня).

Фантастический рассказ. Появление Белинского в юбилейный год.

1534. Роланд. Памяти В. Г. Белинского. («В истории людей не мало славных дел...»).— Волгарь, Н.-Новгород, 1898, № 141, 26 мая.

1535. Скиталец [Петров С. Г.] Самарские строфы. XXVIII. («Почтила матушка-Самара...»).— Самар. газ., 1898, № 119, 7 июня.

1536. Скитальцев И. Работникам печати. («Собратья по перу! Сегодня перед нами...»).— Сиб. жизнь, Омск, 1898, № 107, 24 мая, прил.

1537. Ф—ов Виталий. Памяти В. Г. Белинского. («Пятьдесят годовщин миновало...»).— Там же.

1538. Чюмина О. Памяти Белинского. 1. «Могучий дух в больном и слабом теле!..». 2. «Ты был борцом и истинным героем...».— Новости и бирж. газета, 1898, № 142, 26 мая.

1539. Лукьянов А. А. Памяти В. Г. Белинского. Прочитано в Саратове на чествовании В. Г. Белинского 26 мая 1898 г. («Белинский был далек житейской суеты...»).— В кн.: Памяти В. Г. Белинского. Лит. сборник, сост. из трудов рус. литераторов. М., 1899, с. 278.

1540. Порфиров П. Перечитывая Белинского. («Смотри, бледнеет ночь. Яснее очертанья...»).— Россия, 1899, № 118, 24 авг. (5 сент.).

1541. Чернобаев Е. Памяти В. Г. Белинского. («Была пора: кипели чувства...»).— Там же, с. 240.

1542. Чешихин В. Е. Памяти Белинского. («Эстетик-публицист, познал он мир и битву...»).— В кн. авт.: Пять стихотворений «на случай». (1897—1898 гг.). Рига, 1899, с. 3—7.— Впервые: Прибалт. листок, 1898, № 112, 26 мая (7 июня).

1543. Лободовский В. П. Бытовые очерки.— Рус. старина, 1904, № 2, с. 404.

Белинский упоминается как общественный деятель.

1544. Огарев Н. П. Новая полурыбица в русской литературе. («Жил на свете рыцарь модный...»).— В кн.: Стихотворения Н. П. Огарева. Под ред. М. О. Гершензона. Т. I. М., 1904, с. 386.

Вошло в кн. авт.: Избранные стихотворения и поэмы. Под ред. Я. З. Черняка. М., 1938, с. 186.

1545. Тургенев И. С. Толпа. (Посвящено В. Г. Белинскому). («Среди людей, мне близких... и чужих...»).— Былое, 1906, № 3 с. 146—47.— Впервые (с цензур. искажениями и без посвящения Белинскому): Отеч. зап., 1844, № 1, с. 46.

Вошло в кн. авт.: Сочинения. Т. XI. Л., 1934, с. 206—07 (по автографу).

1545а. Никто-Не. Суд истории. (Юбилейная фантазия).— Уральский край, Екатеринбург, 1911, № 115, 1 июня.

О «суде» над Белинским и М. О. Меньшиковым.

1545б. Ч — н В [Чешихин В. Е. ?]. Памяти «святого, горячего сердца» («Эх, родная страна!..»).— Там же.

1546. Некрасов Н. А. Каменное сердце. (Повесть). — Нива, 1917, № 34—37, с. 560—69. Публ., предисл. и прим. К. И. Чуковского.

Вошло в кн.: 1) Неизданные произведения Н. А. Некрасова. С объяснит. статьями и прим. К. И. Чуковского. Спб., 1918, с. 23—42; 2) Чуковский К. Некрасов. Статьи и материалы. Л., 1926, с. 350—67; 3) Некрасов Н. А. Тонкий человек и др. неизд. произведения. Собрал и пояснил К. Чуковский. М., 1928, с. 231—68.

Отд. изд.: Под ред. и со вступ. статьей К. И. Чуковского. Пг., 1922. 65 с.

Белинский изображен под именем критика Мерцалова.

Рец.: Книга и революция, 1920, № 1, с. 34—36 (М. Маврин [М. К. Лемке]); см. заметку С. П. Шестерикова: Ненайденная повесть Некрасова «Как я велик!» — Лит.

наследство, т. 49—50, 1946, с. 611—13; также — «Письмо в редакцию» А. Шарца.— Лит. наследство, т. 53—54, 1949, с. 587.

1547. Дубровский К. Вечная память («Вечная память родному учителю...»). — Объединение, 1918, № 11, с. 9.

1548. Дмитриев М. А. Петербуржская Людмила. Баллада. — В кн.: Эпиграмма и сатира. Из истории лит. борьбы XIX-го в. Т. I. 1800—1840. Сост. В. Орлов. М. — Л., изд. «Academia», 1931, с. 327—28, 332—38.

1549. Некрасов Н. А. Жизнь и похождения Тихона Тросникова. Ч. 2-я. Похождения русского Жиль-Блаза. Гл. III. — В кн.: Жизнь и похождения Тихона Тросникова. Новонайденная рукопись Некрасова. Под ред. В. Евгеньева-Максимова и К. Чуковского. М. — Л., 1931, с. 155—58. (С прил. статьи К. Чуковского: Тросников-Некрасов, с. 37—40, 44).

Белинский по имени не назван. Изображение истории критики им первого сборника стихотворений Некрасова.

1550. Тургенев И. С. «Отец твой поп — бездельник...» — Звенья, I, 1932, с. 188.

Эпиграмма на М. В. Белинскую. Публ. Е. В. Базилевской.

1551. Лернер Н. Н. Гоголь над бездною. Пьеса в 5 действиях и 10 картинах С предисл. Р. Пельше. М., Всекдрам, 1934, с. 11, 14, 32, 46, 51—54, 83, 88, 92, 94.

1552. Горький М. Жизнь Клима Самгина. (Сорок лет). Повесть. Т. IV. М., 1937, с. 124.

Упоминание Белинского как критика.

1553. Марич М. Клятва. (Рассказ). — Огонек, 1937, № 27, с. 12—13.

Знакомство Белинского с Тургеневым.

1554. Евстафьев П. Ордонанс-гауз. — Красноармеец, 1939, № 19, с. 26—28; Лит. современник, 1939, № 10—11, с. 193—98.

Белинский у Лермонтова на гауптвахте.

1555. Фет А. А. [Ответ на стихи Дмитриева «Безъименному критику»] «Как тебе не стало духу...» — Ленинград, 1940, № 21—22, с. 34.

1556. Паустовский К. Поручик Лермонтов. (Сцены из жизни Лермонтова). Пьеса в 4-х действ., 12-ти картинах. М. — Л., изд. «Искусство», 1941, с. 44—48, 70.

Встреча Белинского с Лермонтовым на гауптвахте.

Рец.: Лит. обозрение, 1941, № 9, с. 32—34 (С. Павлов).

1557. Акаев К. В. Г. Белинскому («Ты тьму мракобесья, как боец, рассекал...»). Пер. с киргиз. К. Кулиев. — Сов. Киргизия, Фрунзе, 1948, № 112, 6 июня.

1558. Александров В. «Неистовый Виссарион». Поэма. — Земля родная. Лит.-худож. альманах. Кн. III. Пенза, 1948, с. 3—11.

1559. Гатов А. Белинский («С Балтики ветер и въедливый, липкий . . .»). — Соц. земледелие, 1948, № 133, 6 июня.

1560. Давыдов С. Кровью сердца. (Из цикла стихов о Белинском) («Дождя монотонные струны...»). — Сталинское знамя, Пенза, 1948, № 117, 13 июня.

1561. Дворянов Ф. Большой тракт. — Земля родная. Кн. III. Пенза, 1948, с. 12—34.

Очерк о детстве Белинского.

1562. Дмитерко Л. Наш друг («Снег падает на синий невский лед...»). Пер. с укр. В. Звягинцевой. — Лит. газ., 1948, № 46, 9 июня.

1563. Жаров А. Слово о Белинском, произнесенное при закладке памятника ему в городе Пензе 13 июня 1948 года («Когда огнем разящих молний . . .»). — Новый мир, 1948, № 7, с. 124.

1564. Козаков М. «Неистовый Виссарион». Пьеса. М., изд. «Искусство», 1948. 112 с.

Рец.: Лит. газ., 1948, № 66, 18 авг. (Н. Буров); Лит. газ., 1949, № 98, 7 дек. (В. Жданов).

1564а. Львов М. Он с нами («Он был рожден для боя...»).—Молодой колхозник, 1948, № 6, с. 4.

1565. Марич М. Аннибалова клятва. Отрывок из романа. — Сов. Латвия, Рига, 1948, № 133, 6 июня.

1566. Новоградов П. «Ты был в отечестве пророком...» — Сталинское знамя, Пенза, 1948, № 117, 13 июня.

1567. Пагирев Г. Неистовый, живой... («Мы с ним друзьями стали в годы детства...»). — Смена, 1948, № 10, с. 6.

1568. Садовский В. Начало битвы. (Отрывок из повести). — Сталинское знамя, Пенза, 1948, № 117, 13 июня.

1569. — Пагубный дух. Рассказ. — Сталинское знамя, Пенза, 1948, № 73, 11 апр.

1570. — Ястребок. [Рассказ]. — Смена, 1948, № 10, с. 5; Сталинское знамя, Пенза, 1948, № 30, 11 февр.

1571. Светлов М. «Ты не жалел для правды ничего...» — Огонек, 1948, № 23, с. 6.

1572. Спиров М. Борец за правду. («Санкт-Петербург. Ряды хибарок...»). — Сталинский сокол, Пенза, 1948, № 133, 6 июня.

1573. Урин В. Неистовый Виссарион. («В общежитьи студенческом тесно...»). — Моск. комсомолец, 1948, № 70, 8 июня.

1574. Рокпелнис Ф. и Крепс В. Райнис. Киносценарий. Вступ. статья В. Лациса. Рига, Латв. гос. изд., 1949, с. 35.

Белинский упоминается в разговоре Райниса с Аспазией. Райнис читает перевод стих. Некрасова «В. Г. Белинский».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ УКАЗАТЕЛИ СОЧИНЕНИЙ БЕЛИНСКОГО И ЛИТЕРАТУРЫ О НЕМ

1575. Геннади Григорий. Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX ст., и список русских книг с 1725 по 1825 г. Т. I. Берлин, 1876, с. 124—25.

Список отд. изд. соч. Белинского 1837—1870 гг. и литературы о нем за 1848—1874 гг.

1576. Пыпин А. Н. Белинский. Его жизнь и переписка. Т. I. Спб., изд. журн. «Вестник Европы», 1876, с. IX—XIII.

Литература о Белинском за период 1848—1876 гг.

— 2-е изд. с доп. и прим. [Е. А. Ляцкого]. Спб., изд. «Колос», 1908, с. IX—XVI.

Литература о Белинском за период 1848—1907 гг.

1577. Глинский Б. Б. В. Г. Белинский и чествование его памяти. — Ист. вестник, 1898, № 6, с. 936—77; № 7, с. 224—70.

— Отд. изд.: Спб., 1898. 115 с.

Критико-библиогр. обзор опубл. в 1897—1898 гг. собр. соч. Белинского и литературы о нем.

Рец.: Вестник Европы, 1898, № 9, с. 408—09 (Д. [А. Н. Пыпин]); Ист. вестник, 1898, № 9, с. 1096 (Б. А.); Книжный вестник, 1898, № 10, с. 858—59; Мир божий, 1898, № 9, отд. II, с. 66—68; Новости, 1898, № 236, 28 авг. (В. Михневич).

1578. [Языков Д. Д.] Белинский в русской литературе. (Подп.: Д. Я—в). — Ист. вестник, 1898, № 5, с. 563—66.

Хронол. указатель писем Белинского и литературы о нем, напеч. в 1877—1898 гг. Отмечены портр. Белинского и илл. к его биографии. Работа продолжает указатель в кн. А. Н. Пыпина (см. № 1576).

Дополнения: Ист. вестник, 1898, № 12, с. 1247—48 (Н. Н. Бахтин).

1579. Якушкин В. Е. Новые издания сочинений Белинского. — Рус. вед., 1898, № 156, 8 авг.; № 189, 10 сент.

Критико-библиогр. обзор 10-ти собр. соч. Белинского 1898 г.

1580. Венгеров С. А. Русские книги. С биогр. данными об авторах и переводчиках. Т. III. Спб., 1899, с. 400—17.

Указаны отд. изд. соч. Белинского и собр. его соч. 1833—1898 гг. Приведено содержание отд. томов многотомных изданий.

1581. — Источники словаря русских писателей. Т. I. Спб., 1900, с. 422—43.

Литература о Белинском за 1836—1898 гг. Указаны: I. Словари и биогр. сборники;

II. Статьи, написанные при жизни Белинского; III. Статьи и исследования, появившиеся после смерти Белинского; IV. Юбилейная литература о Белинском (1898 г.).

1582. Мезьер А. В. Указатель литературы о В. Г. Белинском. 1848—1900 гг.— В кн.: Белинский В. Г. Сочинения. В 4-х т. 2-е изд. Т. IV. Спб., изд. Ф. Павленкова, 1900, стб. 1395—1406.

Хронол. указатель напеч. в 1848—1900 гг. собр. соч. Белинского, его писем и литературы о нем.— Повторено в Соч. В. Г. Белинского. Изд. 3-е: Спб., 1907; изд. 4-е: Спб., 1911.

Вошло в кн.: Мезьер А. В. Русская словесность с XI по XIX ст. включительно. Ч. II. Спб., 1900, стб. 570—75.

1583. Малинин Д. И. Что читать по русской литературе XIX века. Опыт лит.-критич. указателя к произведениям рус. литературы XIX в. Юрьев, 1906, с. 6—7.

— 2-е изд., испр. и доп.: М., 1911, с. 12.

1584. Рубакин Н. А. Среди книг. Опыт справочного пособия для самообразования [...] Спб., 1906, с. 67.

— 2-е изд., доп. и перер. Т. I. М., 1911, с. 258.

1585. Лернер Н. Белинский Виссарион Григорьевич.— Рус. биогр. словарь, Бетанкур—Бякстер. Спб., 1908, с. 647—48.

Избр. библиография соч. Белинского и литературы о нем за период 1859—1908 гг.

1586. Владиславлев И. В. [Гульбинский И. В.] Русские писатели от Гоголя до наших дней. Опыт библиогр. пособия по новейшей литературе. Бердянск, 1909, с. 60—61.

— 2-е изд.: Русские писатели XIX—XX ст. 2-е перер. и доп. изд. М., 1913, с. 164—67.

— 3-е изд.: М., 1918, с. 204—08.

— 4-е перер. и значит. доп. изд.: М.— Л., 1924, с. 230—35.

Указаны изд. соч. Белинского и литература о нем 1880—1923 гг.

1587. История русской литературы XIX века. Под ред. Д. Н. Овсянико-Куликовского. Т. II. М., изд. т-ва «Мир», 1911, с. 414—15.

1588. Федоров Ив. Библиографический указатель литературы о Белинском.— В кн. авт.: Опыт хронологической канвы к биографии В. Г. Белинского, с прил. библиогр. указателя. 1811—1911. Смоленск, 1911, с. 39—45.

Хронол. указатель напеч. в 1872—1911 гг. собр. соч. Белинского, его писем и литературы о нем.— См. еще № 1641.

1589. Белинский В. Г. Педагогические сочинения. [Под ред. А. Г. Фомина]. С вступ. статьей Г. А. Фальборка и очерком жизни и пед. деятельности Белинского, прим. и библиогр. указаниями А. Г. Фомина. Спб., изд. «Школа и жизнь», 1912, с. 250—52.

Системат. указатель опубл. в 1859—1912 гг. собр. соч. Белинского, литературы о нем и работ о Белинском как педагоге.—См. № 1599.

1590. Пиксанов Н. К. Три эпохи. Екатерининская. Александровская. Николаевская. Темы и библиография. Спб., 1912, с. 38—40.

— 2-е изд., перераб.: Спб., 1913, с. 48—53.

1591. Список книг о Белинском.— Рус. школа, 1912, № 2, отд. III, с. 109—11.

Системат. указатель собр. соч. Белинского и литературы о нем, напеч. в 1876—1912 гг.

1592. Шляпкин И. А. История русской словесности. (Программа университетского курса с подробной библиографией). Спб., 1913, с. 60.

— 2-е изд.: Пг., 1915, с. 63.

Избранная библиография.

1593. Поляков А. С. Труды профессора С. А. Венгерова. Библиогр. перечень. М., 1916, с. 15—19, 40—43, 45—47, 49, 52, 56, 58, 60, 63—64, 68.

Работы Венгерова о Белинском с указанием рецензий.

1594. Иванов-Разумник Р. В. История русской общественной мысли. Ч. VIII. Изд. 5-е перераб. Пг., 1918, с. 28—29.

Избранная библиография.

1595. Белов А. М. Указатель воспоминаний и материалов о Белинском. — В кн.: О Белинском. К 75-летней годовщине его смерти. М.— Пг., Гос. изд., 1923, с. 37—39.

Сист. указатель книг и статей, напеч. в 1881—1919 гг.

1596. Вольценбург О. Э. Указатель собраний сочинений В. Г. Белинского.— Там же, с. 23—30.

Хронол. аннот. указатель собр. соч. Белинского, опубл. в 1859—1919 гг.

1597. Пиксанов Н. К. Два века русской литературы. М.— Пг., 1923, с. 110—17.

— 2-е изд., перераб.: М., Гос. изд., [1924], с. 117—20.

Списки литературы о Белинском и ссылки на его соч. по отд. темам.

1598. Указатель литературы о Белинском.— В кн.: О Белинском. К 75-летней годовщине его смерти. М.— Пг., Гос. изд., 1923, с. 31—36.

Алф. аннот. указатель литературы за 1898—1923 гг.

1599. Фомин А. Г. Белинский-педагог. С прил. библиогр. указателя. К 75-летию со дня его смерти. (1848—1923). Пг., изд. «Начатки знаний», 1923, с. 51—55.

Системат. указатель собр. соч. и писем Белинского, библиографий и литературы о Белинском как педагоге, напеч. в 1859—1923 гг.— Перепечатка с изм. и доп. ранее опубл. работы А. Г. Фомина. (См. № 1589.)

Бельчиков Н. Ф., Будков П. Е. и Оксман Ю. Г. Летопись жизни Белинского.— См. № 1643.

1600. Поляков А. С. [Примечания].— В кн.: Белинский В. Г. Пятидесятилетний дядюшка. Пг., 1924, с. 163—64.

Список основной литературы о Белинском за период 1900—1923 гг.

1601. Розанов И. Н. Путеводитель по русской литературе XIX века. М., изд. «Работник просвещения», 1927, с. 143—47.

Избранная библиография за период 1873—1924 гг.

1602. Библиография статей о критической деятельности В.Г. Белинского.— В кн.: В. Г. Белинский. М., «Никитинские субботники», 1929, с. 529—32.

Избранная литература за период 1897—1927 гг.

1603. Клеман М. К. Библиография воспоминаний о Белинском.— В кн.: Виссарион Григорьевич Белинский в воспоминаниях современников. Собрал и коммент. М. К. Клеман. Л., изд. «Academia», 1929, с. 381—431.

Алфав. указатель воспоминаний, напеч. в 1851—1928 гг. Подробные аннотации. В прил. указатель имен и изданий и тематич. указатель.

1604. Мацуев Н. И. В. Г. Белинский. (Краткая библиогр. справка).— Книжные новости, 1936, № 16, с. 4—5.

1605.—Пореволюционная литература о Белинском.—Лит.критик, 1936, №6, с.278—80.

Системат. список соч. Белинского и литературы о нем.

1606.— Юбилейная литература о Белинском.— Там же, 1936, № 11, с. 261—62.

Системат. список литературы, напеч. в 1936 г.

1607. Спиридонов В. С. Библиография о Белинском.— Лит. обозрение, 1936, № 12, 25 июня, с. 52—58.

Системат. указатель собр. соч. и писем Белинского и важнейших его статей, с указанием, в каком томе Полн. собр. соч. под ред. Венгерова они помещены, а также наиболее ценных работ о Белинском за 1856—1936 гг. Частью аннотирован.

1608. Иовчук М. Белинский. Его философские и социально-политические взгляды. М., Соцэкгиз, 1939, с. 189—92.

Краткий рекоменд., системат. библиогр. указатель соч. и писем Белинского и литературы о нем за период 1900—1938 гг.

1609. Мацуев Н. Художественная литература русская и переводная в оценке критики. 1933—1937 гг. Библиогр. указатель. М., 1940, с. 287—89.

Указаны соч. Белинского, опубл. в 1933—1937 гг., рец. на них, а также литература о Белинском.

1610. Рейсер С. А. Патриотические идеи в русской литературе. Указатель литературы. Иваново, 1943, с. 21 (Ивановский гос. пед. ин-т).

[2-е, доп. изд.]: Л., 1945, с. 24, 62—63 (Гос. публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина).

1611. Рыскин Е. И. Основные издания сочинений русских писателей XIX в. М., 1946, с. 43—45 (Моск. гос. библиотеч. ин-т им. Молотова. Заоч. отд.).

1612. Быстров К. И. В. Г. Белинский. (1848—1948). Материалы в помощь массовой работе библиотек. Куйбышев, 1948. 22 с. (Куйбыш. обл. ком-т ВЛКСМ. Обл. б-ка).

1613. В. Г. Белинский. 1811—1848. (Краткий рекоменд. список литературы). Тбилиси, 1948. 16 с. (Ком-т по делам культ.-просвет. учреждений при Совете министров Груз. ССР. Респ. науч.-метод. кабинет библиотековедения и рекоменд. библиографии).— На груз. яз.; с. 13—16 на рус. яз.

1614. Виссарион Григорьевич Белинский. К 100-летию со дня смерти. Инструктивно-методические указания. Омск, 1948. 8 с. (Омск. обл. б-ка им. А. С. Пушкина. Метод. кабинет).

1615. Виссарион Григорьевич Белинский. 1848—1948. Памятка читателю б-ки автозавода им. И. В. Сталина. Сост. науч. б-кой им. А. М. Горького Моск. гос. ун-та им. Ломоносова. Ред. А. П. Полюсук. [М., 1948. 6 с.].

1616. Вортман С. Я. Виссарион Григорьевич Белинский. К 100-летию со дня смерти. Краткий указатель литературы. Одесса, 1948. 19 с. (Ком-т по делам культ.-просвет. учреждений УССР. Одес. науч. б-ка им. А. М. Горького).

1617. Гомельская С. Виссарион Григорьевич Белинский. 1811—1848. (Памятка). Свердловск, 1948. 11 с. (Гос. публ. б-ка им. В. Г. Белинского).

Краткая аннот. библиография.

1618.— Виссарион Григорьевич Белинский. (1811—1848). Указатель литературы. Свердловск, 1948. 16 с. (Гос. публ. б-ка им. В. Г. Белинского).

1619. Залесская Л. И. и Крендель Р. Н. В. Г. Белинский. К 100-летию со дня смерти. Рекоменд. указатель литературы. Под общ. ред. Н. Л. Бродского. М., 1948. 189 с. (Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. Великие рус. писатели. Вып. 8).

Системат. аннот. указатель соч. и писем Белинского и литературы о нем за период 1859—1948 гг.

Рец.: Литература в школе, 1948, № 5, с. 74—75 (А. Н. Дубовиков); Лит. газ., 1948, № 45, 5 июня (Н. Мацуев); Сов. библиография, вып. VI, 1948, с. 80—81 (М. Николаев); Сов. книга, 1948, № 6, с. 84—88 (Н. Замошкин).

1620. Карменян Г. С. и Цветков А. Г. В. Г. Белинский. К 100-летию со дня смерти. Материалы в помощь пропагандисту, агитатору и культпросветработнику. Пенза, обл. изд., 1948. 54 с. (Обл. б-ка им. М. Ю. Лермонтова).

Книга получила резко отрицательную оценку.

Рец.: Библиотекарь, 1949, № 10, с. 15—16 (Р. Крендель); Лит. газ., 1948, № 40, 19 мая (П. Зинченко); Сов. библиография, вып. VI, 1948, с. 78—79 (М. Николаев); Сов. книга, 1948, № 6, с. 88 (Н. Замошкин); Сталинское знамя, Пенза, 1948, № 62, 27 марта (А. В. Храбровицкий); № 120, 18 июня (Ю. Калашников).

1621. Крендель Р. Н. Виссарион Григорьевич Белинский. 1811—1848. М., 1948. 32 с. (Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. Памятка читателю).

Рец.: Сов. книга, 1948, № 6, с. 84—88 (Н. Замошкин).

1622. Лебедев А. Из библиографии о В. Г. Белинском. К 100-летию со дня смерти. (1848—1948).— Литература в школе, 1948, № 3, с. 68—69.

1623. Маркова Ф. В. Г. Белинский. К 100-летию со дня смерти. Биобиблиогр. памятка. Калуга, 1948. 8 с. (Калуж. обл. б-ка. Библиогр. отд.).

1624. Масанов Ю. И. Белинский, книга и библиография.— Сов. библиография, вып. VI, 1948, с. 3—18.

1625. Маторина Р. П. Рукописи и переписка В. Г. Белинского. Каталог. Под ред. Н. Л. Бродского. М., 1948. 42 с. (Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. Отд. рукоп.).

Рец.: Лит. наследство, т. 56, 1950, стр. 206 (Ю. Г. Оксман).

1626. Мацуев Н. И. В. Г. Белинский. 1938—1948 гг.— Сов. книга, 1948, № 6, с. 117—21.

Краткий рекоменд. указатель литературы за 1938—1948 гг.

1627. Найдич Э. Э. В. Г. Белинский. (1811—1848). Памятка читателя. № 4. Л., 1948. 7 с. (Гос. публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Серия библиографическая).

1628. Николаев М. Новые библиографические указатели о Белинском. — Сов. библиография, вып. VI, 1948, с. 76—81.

1629. Руманова Д. И. В. Г. Белинский. Библиографич. памятка. Ред. В. А. Закруткин. Ростов-Дон, 1948. 22 с. (Ростов. отд. Всесоюз. о-ва по распространению полит. и науч. знаний. Ростов. гос. науч. б-ка им. К. Маркса).

1630. Субботина Э. Виссарион Григорьевич Белинский. (1848—1948). Указатель литературы. Под общ. ред. В. И. Борщукова. М., Госкультпросветиздат, 1948. 80 с.

Системат. указатель соч. Белинского (1900—1947) и литературы о нем (1930—1948 гг.).

Рец.: Сов. библиография, вып. VI, 1948, с. 80—81 (М. Николаев); Сов. книга, 1948, № 6, с. 84—88 (Н. Замошкин).

1631. Терентьева М. К 100-летию со дня смерти В. Г. Белинского. (Материалы в помощь работе библиотек). Ставрополь, 1948. 19 с. (Ставроп. краев. б-ка. Метод. кабинет).

1632. Трамбицкая В. Г., Акулова О. Г., Ройтман М. Я. Великий русский критик, революционный демократ Виссарион Григорьевич Белинский. К 100-летию со дня смерти. Краткий указатель рекоменд. литературы. Ред. П. С. Сафронов. Харьков, изд. Книж. палаты УССР, 1948. 41 с. (Ком-т по делам культ.-просвет. учреждений УССР. Гос. науч. б-ка им. В. Г. Короленко).

Рец.: Сов. библиография, вып. VI, 1948, с. 79 (М. Николаев).

1633. Хрусталева В. А. Виссарион Григорьевич Белинский. Краткий библиогр. указатель для учителей и работников народного образования. М.—Л., 1948. 20 с. (Акад. пед. наук РСФСР. Гос. б-ка по нар. образованию им. К. Д. Ушинского).

1634. Шаляпина Т. И. Виссарион Григорьевич Белинский. (К 100-летию со дня смерти). Библиогр. памятка. Ставрополь, Краев. б-ка, 1948. 8 с.

1635. Кийко Е. И. Юбилейная литература о Белинском. (На русском языке) [1948 г.].— В сб.: Белинский. Статьи и материалы. Л., 1949, с. 259—84.

1636. Боград В. Э. В. Г. Белинский. Рекомендательный указатель литературы Л., 1950. 127 с. (Гос. публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина).

1636а. Кауфман И. М. Русские биографические и биобиблиографические словари. Аннот. указатель. Под ред. Т. И. Райнова. М., 1950, с. 17, 29, 130, 149, 224, 251, 252, 265 (Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина).

СПРАВОЧНИКИ. ХРОНОЛОГИЯ

1637. [Петров К. П.] Систематический указатель к сочинениям Белинского. Спб., 1861. IV, 60 с.

Рец.: Отеч. зап., 1862, т. CXL, кн. I, отд. I, с. 358.

1638. К. П. [Петров К. П.] Систематический указатель к сочинениям Белинского. Дополнение (томы XI и XII). [Спб., 1862]. 15 с.

1639.— Систематический указатель к сочинениям Белинского с присоединением соответствующих указаний на сочинения Добролюбова. Пособие при изучении теории и истории словесности. Спб., 1879. [2], IV, 65 с.

Системат. указатель к «Сочинениям» Белинского, ч. I—XII, М., 1859—1862, со ссылками на «Сочинения» Добролюбова, т. I—IV, Спб., 1862.— В наст. изд. слиты тексты «Систематического указателя» изд. 1861 г. (см. № 1637) и дополнения к нему, изд. 1862 г. (см. № 1638).

1640. Каталог выставки, устроенной Обществом любителей российской словесности в память Виссариона Григорьевича Белинского 8—11 апреля 1898 г. С 12 фототипиями. М., изд. О-ва любителей рос. словесности, 1898. 32 с.

Описаны находившиеся на выставке рукописи Белинского, издания его соч., литература о нем, портр. Белинского, его родственников и связанных с ним лиц, а также илл. к биографии Белинского.

Рец.: Курск. газ., 1898, № 147 (Б. И.); Моск. вед., 1898, № 122, 5 мая (Книгочий [Д. Д. Языков]).

1641. Федоров Ив. Опыт хронологической канвы к биографии В. Г. Белинского, с приложением библиографического указателя. 1811—1911. Смоленск, 1911. 45 с.

Хронол. канва жизни и деятельности Белинского и хронол. указатель, напеч. в 1872—1911 гг. собр. соч. Белинского, его писем и литературы о нем.

Рец.: Библиотекарь, 1911, вып. IV, с. 117; Рус. старина, 1912, № 5, обл., с. 2; Рус. вед., 1911, № 215, 20 сент. (П. Сакулин); Рус. филол. вест., 1911, № 3—4, пед. отд., с. 43—44; Современник, 1912, № 6, с. 389 (Н. Л. [Н. О. Лернер]).

1642. Габо В. С. Главнейшие этапы в жизни В. Г. Белинского.—В кн.: О Белинском. К 75-летней годовщине его смерти. М.— Пг., Гос. изд., 1923, с. 15—17.

1643. Бельчиков Н. Ф., Будков П. Е. и Оксман Ю. Г. Летопись жизни Белинского. Ред. Н. К. Пиксанова. М., Гос. изд., 1924. XIV, 283 с. (Рос. акад. худож. наук. Лит. секция).

Указано более 1500 дат жизни и деятельности Белинского и около 1000 назв. его работ. На основании не известных ранее архивных документов уточнены многие даты. Самая крупная работа по хронологии жизни Белинского.

Рец.: Книга о книгах, 1924, № 3, с. 48; Новый мир, 1925, № 2, с. 158—59 (А. Цинговатов).

1644. Розанов И. Н. Хронологическая канва жизни В. Г. Белинского.— В кн. авт.: Путеводитель по русской литературе XIX в. М., 1927, с. 139—42.

1645. Спиридонов В. С. Главнейшие даты жизни и творчества В. Г. Белинского.— В кн.: Белинский В. Г. Избранные философские сочинения. Под общ. ред. и со вступ. статьей М. Т. Иовчука. М., 1941, с. 475—83.

1646. Даты жизни и творчества [Белинского].— В кн.: Залесская Л. И. и Крендель Р. Н. В. Г. Белинский. К 100-летию со дня смерти. Рекоменд. указатель лит-ры. Под общ. ред. Н. Л. Бродского. М., 1948, с. 14—39.

УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ И РЕДАКТОРОВ К БИБЛИОГРАФИИ ЛИТЕРАТУРЫ О БЕЛИНСКОМ

ТРИБУНА

О НЕКОТОРЫХ РЕЦЕНЗИЯХ, ПРИПИСАННЫХ БЕЛИНСКОМУ

Сообщения Б. Белова, К. Богаевской, Е. Кийко, В. Кулешова, Л. Ланского, Ю. Оксмана, В. Потявина и В. Спиридонова

В томах 55-м и 56-м «Литературного наследства», в разделах «Из литературного наследия Белинского» и «Неизвестные страницы Белинского» напечатано 48 ранее не известных статей, рецензий и заметок критика. За исключением лишь одного произведения, опубликованного по автографической рукописи, тексты всех остальных извлечены исследователями из повременных изданий, где эти тексты были напечатаны анонимно.

В предисловии к первому из названных разделов «Литературное наследство» писало: «Принадлежность Белинскому публикуемых статей и рецензий из „Молвы", „Литературной газеты" и „Отечественных записок" устанавливается как при помощи вновь открытых документально-архивных свидетельств, так и методом обычного в таких случаях текстологического анализа и изучения атрибутируемых текстов по существу. Отсутствие прямых объективных доказательств авторства того или иного писателя прошлого в отношении приписываемых ему позднейшими исследователями текстов неизбежно оставляет известную и, так сказать, принципиальную долю сомнения в бесспорности таких атрибуций. Все же редакция „Литературного наследства" считает, что представляемые ниже атрибуции являются в достаточной мере обоснованными и потому убедительными. Публикуя результаты отдельных исследовательских разысканий в области установления анонимных статей Белинского, редакция „Литературного наследства" дает тем самым возможность широкого научного обсуждения этих результатов. Исследователи творчества Белинского получают возможность рассмотреть убедительность представленных доказательств, быть может, дополнить или, наоборот, оспорить их кое в чем. Предварительная публикация вновь открытых 25 статей, рецензий и заметок Белинского — необходимый этап, предшествующий ответственному акту окончательного включения этих текстов в академическое, т. е. самое полное и наиболее авторитетное, собрание сочинений критика».

Ниже мы печатаем тринадцать поступивших в редакцию сообщений по вопросу о принадлежности Белинскому некоторых приписанных ему статей, рецензий и заметок. Лишь четыре сообщения относятся к материалам, помещенным в «Литературном наследстве». В них идет спор о принадлежности Белинскому: 1) примечания к публикации перевода «Венецианского купца» Шекспира (сообщение Б. Белова), 2) рецензии на книгу «Песнь об ополчении Игоря, сына Святославова 〈...〉 Переложение Михаила Де Ла Рю» (сообщение от редакции по поводу поступивших замечаний В. Потявина) и 3) статьи «Ответ на Ответ г-на Д...» (сообщение В. Спиридонова и ответ ему К. Богаевской). Остальные девять сообщений посвящены текстам Белинского, вошедшим в Полное собрание его сочинений, атрибуции 1945 г. в журнале «Театр» (№ 3-4, стр. 79) и одной новейшей публикации в недавно вышедшем сборнике Ленинградского университета. Предметом полемики в этих сообщениях (Е. Кийко, В. Кулешова, Л. Ланского и Ю. Оксмана) являются десять рецензий Белинского.

Таким образом, организованная «Литературным наследством» научная дискуссия вышла за рамки обсуждения вопроса о новых текстах Белинского, напечатанных в нашем издании.

Что касается результатов дискуссии, то для «Литературного наследства» они заключаются, прежде всего, в том, что из 48 текстов, опубликованных в томах 55-м и 56-м нашего издания, возражения, в смысле принадлежности их Белинскому, вызвали лишь три, причем автор одной атрибуции (К. Богаевская), приняв во внимание новые документальные данные, сообщенные ее оппонентом (В. Спиридоновым), все же сохраняет, хотя и в несколько измененном виде, свою точку зрения. Подводить же окончательные исследовательские итоги дискуссии по каждому объекту спора еще преждевременно. Последнее слово здесь может быть сказано лишь в процессе завершения работы по новому изучению и проверке всех текстов Белинского, которая осуществляется сейчас в связи с изданием Полного академического собрания сочинений критика.

Редакция

I

ПРИМЕЧАНИЕ К ПУБЛИКАЦИИ ПЕРЕВОДА «ВЕНЕЦИАНСКОГО КУПЦА» ШЕКСПИРА

(«Отеч. записки», 1839, кн. 9)

В томе 55-м «Литературного наследства» (стр. 305—307) М. Поляков приписал Белинскому анонимное примечание к прозаическому переводу «Венецианского купца» Н. Ф. Павлова из «Отечественных записок», 1839, № 9, отд. III, стр. 257—259. Доводы М. Полякова в защиту принадлежности этой заметки перу Белинского представляются нам совершенно неубедительными.

Основной факт, на который опирается М. Поляков,— подстрочная сноска к статье Белинского «Горе от ума», в которой автор сноски говорит о том, что примечание к переводу Павлова написано им (V, 37). Однако достаточно проанализировать текст сноски, чтобы убедиться в том, что ее автор — не Белинский. Действительно, смысл сноски и той фразы в статье, к которой она относится, взаимно исключают друг друга. В статье Белинского:

«...Лирические ⟨...⟩ излияния в монологах ⟨...⟩ непременно должны быть писаны стихами, и переданные в переводе прозою теряют свой поэтический букет и переходят в надутую прозу, чему доказательством могут служить лучшие места шекспировых драм, переведенных прозою» (разрядка наша.— *Б. Б.*).

В подстрочной сноске:

«Да не покажется читателю противоречием этой мысли то, что сказали мы, помещая в „Отеч. записках" перевод „Венецианского купца". Мы убеждены в том, что для совершеннейшего перевода шекспировых драм стихами надобно и переводчику быть Шекспиром; иначе перевод его будет хоть сколько-нибудь неверен — неверен по идее, или форме, и всегда будет более или менее субъективен. Шекспир для чтения может и должен быть переводим прозою...»

Несомненно, Белинский не мог одновременно в одном и том же месте высказать два взаимно исключающих друг друга суждения о том, что переведенные прозой даже лучшие места шекспировых драм ⟨...⟩ теряют свой поэтический букет» и что «Шекспир ⟨...⟩ может и должен быть переводим прозою». Утверждение же автора подстрочной сноски о том, что для «совершеннейшего перевода шекспировых драм стихами нужно и переводчику быть Шекспиром» звучит крайне наивно, совсем в духе Краевского но никак не Белинского!

Заметим, что мысль о методе перевода Шекспира, высказанная в основном тексте статьи о «Горе от ума», является повторением того, что говорил Белинский еще в 1837 г. в статье о «Гамлете» в переводе Полевого:

«Близость к подлиннику состоит в передании не буквы, а духа создания. Каждый язык имеет свои, одному ему принадлежащие средства, особенности и свойства, до такой степени, что для того, чтобы передать верно иной образ или фразу, в переводе их иногда должно совершенно изменить... Надо, чтобы внутренняя жизнь переводного выражения соответствовала внутренней жизни оригинального. Кажется, что бы могло быть ближе прозаического перевода, в котором переводчик нисколько не связан, а между тем прозаический перевод есть самый отдаленный, самый неверный и неточный при всей своей близости, верности и точности» (III, 341—342. Разрядка наша — *Б. Б.*).

Ясно, что подстрочная сноска в статье о «Горе от ума» написана не Белинским, а кем-то другим. Автор ее является и автором примечания к «Венецианскому купцу».

Следует заметить, что текст опубликованного М. Поляковым примечания вовсе не является новостью. О его существовании знал еще С. А. Венгеров (V, 544). Однако он не внес заметку о «Венецианском купце» в собрание сочинений Белинского и оговорил в примечаниях к статье о «Горе от ума», что подстрочная сноска к ней написана не Белинским. Странно, что М. Поляков обходит молчанием это обстоятельство.

Прочие соображения М. Полякова в пользу авторства Белинского не выдерживают критики в еще большей степени. Он пишет:

«Собиранием материалов для „Отечественных записок" в Москве занимался Белинский. Естественно, что Белинский, близко знавший Павлова, находившийся с ним в деловых и дружеских ⟨?!⟩ отношениях, мог быть посредником между ним и Краевским — и естественно, было бы ⟨?⟩, чтобы именно Белинский сопроводил примечаниями перевод Павлова» («Лит. наследство», т. 55, стр. 306).

Что подразумевает М. Поляков под «деловыми и дружескими отношениями» Белинского и Павлова? Очевидно то, что Павлов раз или два «одалживал» его деньгами. Но ведь общеизвестно отрицательное и даже резко враждебное отношение Белинского к Н. Ф. Павлову, находившемуся в лагере прямых врагов критика (см. «Письма», I, 118; С. Ашевский. Белинский в оценке его современников, Спб., 1911, стр. 123—125 и др.). С другой стороны, Павлов был довольно близок с самим Краевским и не нуждался в посредничестве Белинского при отправлении своего перевода в «Отечественные записки». Очевидно, что Белинский не мог написать рекомендательное примечание к переводу своего идейного и личного врага да еще заявлять при этом, в целях рекламы перевода, что «проза — единственная форма, в которой Шекспир должен быть передаваем русским читателям», противореча своим прежним высказываниям. Наивно-восторженное отношение к творчеству Павлова было характерно для Краевского и рельефно выразилось в его статье о «Трех повестях» («Отеч. записки», 1839, № 11).

Замечание Белинского о невозможности передачи духа шекспировских трагедий прозаическим переводом в статье о «Горе от ума», помещенной в «Отечественных записках», 1840, № 8, явилось прямым ударом, направленным против прозаического перевода «Венецианского купца», сделанного Н. Павловым и помещенного в пятой книжке этого же журнала. Именно так и нужно расценивать это выступление.

Что же касается «теоретического», по словам М. Полякова, характера примечания к «Венецианскому купцу», то это, несомненно, одна из неудачных попыток «теоретизировать» Краевского, бывшего, по выражению Белинского, «человеком дела, а не мысли» («Письма», II, 191). Подстрочной сноской к статье Белинского о «Горе от ума», в которой он ссылался на свое апологетическое, в отношении перевода Павлова, примечание к «Венецианскому купцу», Краевский стремился ослабить силу удара, нанесенного критиком павловскому прозаическому переводу. На принадлежность примечания редактору некоторым образом указывает и подпись «Ред.».

Опубликовав эту заметку, М. Поляков в сущности приписал Белинскому мнение, ему не свойственное и абсолютно неверное, ибо в дальнейшем преимущества стихотворных переводов Шекспира сделались совершенно очевидными. К сожалению, ошибка, допущенная М. Поляковым, не осталась в пределах публикации в «Литературном

наследстве». Она повторена в примечаниях к редактированному им первому тому массового издания избранных сочинений Белинского (М., 1948, т. I, стр. 784).

Выводы:

1. Примечание к «Венецианскому купцу» в переводе Н. Ф. Павлова, приписанное М. Поляковым Белинскому, в действительности последнему не принадлежит.

2. Подстрочная сноска к статье о «Горе от ума» также написана не Белинским, на что и нужно указывать при печатании этой статьи.

3. И сноска в «Горе от ума» и примечания к «Венецианскому купцу» принадлежат, вернее всего, Краевскому.

Б. Белов

II

«УТРЕННЯЯ ЗАРЯ, АЛЬМАНАХ НА 1840 ГОД, ИЗДАННЫЙ В. ВЛАДИСЛАВЛЕВЫМ. ВТОРОЙ ГОД»

(«Отеч. записки», 1839, кн. 12) *

В отделе «Современная библиографическая хроника» 12-го (декабрьского) № «Отечественных записок» за 1839 г. помещена анонимная рецензия на альманах «Утренняя заря» на 1840 г., изданный В. Владиславлевым (стр. 3—15). Есть, на наш взгляд, веские основания приписать эту рецензию Белинскому, главному сотруднику библиографической хроники в «Отечественных записках», начиная с осени 1839 г.

Бросается в глаза уже то обстоятельство, что в этом отделе 12 № журнала, согласно данным Полн. собр. соч. Белинского под ред. С. А. Венгерова, за критиком числится всего лишь одна рецензия — на сочинение Каменского «Искатель сильных ощущений». Вряд ли Белинский, главный критик журнала, мог ограничиться столь скромной лептой в 12 № журнала. В предыдущем номере у него было двенадцать рецензий, а в последующем, то есть в 1 № за 1840 г., — одиннадцать рецензий. Это несоответствие тем более бросается в глаза, что и в отделе «Критики» 12 № помещена только одна статья Белинского «Очерки Бородинского сражения», а в «Литературных прибавлениях», в которых Белинский также сотрудничал, количество его рецензий было ничуть не больше обыкновенной нормы. Отметим и то обстоятельство, что вслед за устанавливаемой нами рецензией на «Утреннюю зарю» в 12 № «Отеч. записок» следует уже называвшаяся рецензия Белинского на сочинение Каменского (стр. 15—23). Принадлежность Белинскому этой последней подтверждается письмом критика к В. П. Боткину от 3 февраля 1840 г., и она твердо вошла в Полн. собр. соч. под ред. С. А. Венгерова.

Перейдем теперь к главным аргументам.

Альманах «Утренняя заря» издавался в 1839—1843 гг. (5 книжек). Белинский неизменно положительно отзывался об альманахе Владиславлева, и в венгеровском издании имеются четыре его рецензии на альманах на 1839, 1841, 1842 и 1843 гг. (IV, 80—89; V, 502—512; VII, 63—65 и 495—499).

Странный «пробел» — отсутствие у Белинского рецензии на «Утреннюю зарю» на 1840 г. впервые привлек внимание В. С. Спиридонова, который в редактированный им XIII том Белинского включил как принадлежащую критику анонимную рецензию на этот альманах, появившуюся в «Лит. газете» 1840 г. в № 1 ** (см. т. XIII, стр. 32—34 и стр. 427). В примечаниях Спиридонов привел вполне убедительную аргументацию в пользу авторства Белинского, — соответствующие параллели из других рецензий критика на тот же альманах. Спиридонов отметил и тот факт, что Белинский собирался лично участвовать в «Утренней заре» на 1840 г., о чем

* Считая аргументацию В. Кулешова о принадлежности Белинскому рецензии на «Утреннюю зарю» в некоторых отношениях спорной, редакция помещает ее здесь в порядке обсуждения.

** С начала 1840 г. «Литературные прибавления» были преобразованы Краевским в «Литературную газету».

он сообщал 19 августа 1839 г. в письмах к Краевскому и Панаеву. «После этого, — пишет Спиридонов, — ничего не сказать ему об „Утренней заре“ — это значило бы совсем разобидеть В. А. Владиславлева» (т. XIII, стр. 424). Насколько Белинский был нацелен так сказать на «Утреннюю зарю» на 1840 г., свидетельствует и следующая выразительная концовка в его рецензии на тот же альманах, вышедший на 1839 г.: «Желаем от всей души, — писал Белинский, — чтоб г. Владиславлев к тому году ⟨1840 — *В. К.*⟩ выпустил еще такой альманах» (IV, стр. 89). Таким образом, при всех вышеизложенных обстоятельствах Белинский-рецензент никак не мог «пропустить» этот альманах. Но мы считаем, что ответом Белинского была не только маленькая, открытая Спиридоновым рецензия в «Лит. газете», но и устанавливаемая нами большая рецензия в «Отеч. записках», появившаяся кстати на полмесяца раньше первой. Рецензия «Лит. газеты» в той части, в которой говорится непосредственно об альманахе, является как бы конспективной перифразой рецензии «Отеч. записок». Отметим кстати, что все рецензии Белинского на «Утреннюю зарю» появились именно в «Отеч. записках» за исключением первой, появившейся еще в «Московском наблюдателе» в начале 1839 г. Устанавливаемая нами рецензия во всех основных своих положениях перекликается и с открытой Спиридоновым рецензией и с ранее известными рецензиями критика на «Утреннюю зарю».

В настоящей рецензии читаем: «г. Владиславлев заказывал свои гравюры с картин, достойных названия истинно художественных произведений, так что если он будет продолжать дарить публику подобными гравюрами, то со временем из альманахов его можно будет извлечь коллекцию картин, которая в малом виде составит превосходнейшую гравюрную галлерею» (стр. 3).

В рецензии, установленной Спиридоновым, говорится то же самое: «картинки его ⟨*альманаха — В. К.*⟩ суть превосходнейшие копии с превосходнейших оригиналов наших отечественных художников; в течение нескольких лет альманах г. Владиславлева может представить прекрасную галлерею русских художественных произведений» (XIII, 34).

В настоящей рецензии говорится: «Что же касается до внутреннего достоинства статей, составляющих в нынешнем году альманах г. Владиславлева, то в этом отношении он далеко превзойдет не только английские кипсеки, но и немецкие альманахи, которые, никогда не отличаясь красотой изданий, всегда имели на своей стороне перевес по своему „внутреннему достоинству“» (стр. 5).

В рецензии, установленной Спиридоновым, читаем: «Отличаясь всеми достоинствами альманахов европейских ⟨...⟩ он имеет еще то достоинство перед ними, что картинки его суть превосходнейшие копии с превосходнейших оригиналов» и т. д. и затем: «Но, кроме превосходных картин, „Утренняя заря“ 1840 года богата прекрасными статьями в прозе и стихах» (XIII, 34). Конечно, может возникнуть еще сомнение, что автором обеих рецензий было другое лицо, а не Белинский. Например, в «Отеч. записках» 1839 г. в № 2 (отд. VII, стр. 1—12) был помещен чей-то превосходный разбор «Утренней зари» на 1839 г. Но, во-первых, сотрудничая в «Отеч. записках», Белинский уже сам писал все последующие рецензии на «Утреннюю зарю», во-вторых, у настоящей рецензии много совпадений с известными рецензиями Белинского на этот альманах. Например, в рецензии на «Утреннюю зарю» на 1841 г. говорится то же, что в предыдущих: «по внешнему изяществу и роскоши альманах г. Владиславлева — европейский в полном значении этого слова, а по содержанию, вероятно, далеко превзойдет игрушки этого рода, издаваемые в Европе только для картинок» (V, 512).

Самый же главный аргумент: в устанавливаемой рецензии есть прямая ссылка автора на одну из предыдущих рецензий Белинского. Автор говорит, что Загоскин в рассказе «Нескучное», напечатанном в альманахе, «проводит ⟨...⟩ главную, характеристическую черту всех своих сочинений, черту, на которую мы указали при разборе его „Тоски по родине“ в XI-й книжке нашего журнала...» Указанная рецензия в XI книжке принадлежит именно Белинскому, она вошла в венгеровское издание сочинений критика, и авторство свое Белинский сам подтверждает в письме к Боткину от 22 ноября 1839 г. («Письма», II, 9).

В совокупности с другими данными, приводимыми нами, это отсылочное выражение «мы указали», обычно не являющееся решающим аргументом, в данном случае, приобретает, мы думаем, всю силу категорического утверждения авторства Белинского в настоящей рецензии.

В рецензии имеются и дополнительные внутренние признаки, свидетельствующие об авторстве Белинского. Автор одобрительно отзывается о В. Одоевском, Основьяненке, Вяземском, Д. В. Давыдове, М. Жуковой, Владиславлеве. Все это соответствует аналогичным высказываниям Белинского об этих писателях в других статьях и рецензиях этого же периода: см., напр., рецензии: на «Утреннюю зарю» за 1841 г. (т. V), «Детские сказки дедушки Иринея» (т. V), «Повести Марьи Жуковой» (т. V). Белинский неоднократно цитировал понравившиеся ему из «Современной песни» Давыдова стихи:

А глядишь наш Мирабо...
и т. д.,

которые целиком перепечатаны в настоящей рецензии из «Утренней зари». Об Основьяненке, в особенности как авторе «Пана Халявского» (повесть напечатана в «Отеч. записках» в том же 1839 г.), Белинский неоднократно высказывался положительно в статьях и переписке. О Вяземском, как поэте, Белинский положительно отзывается и в двух других рецензиях на «Утреннюю зарю» (на 1841 и 1842 гг.) и других статьях, что связано, конечно, с временным примирением Белинского с «расейской» действительностью.

Неизменно с иронической издевкой писал Белинский о Кукольнике и Загоскине. Все эти же приемы мы находим и в настоящей рецензии — отметим и такую характерную деталь: «Последняя прозаическая статья в „Утренней заре" доставлена г-м Кукольником, — пишет автор настоящей рецензии, — называется она „Антонио" и составлена, повидимому, для объяснения прелестного рисунка К. П. Брюллова „Семейство Корреджио"» (стр. 11). На эту же «манеру» творчества Кукольника указывает и Белинский в рецензии на «Утреннюю зарю» 1841 г.: «К „Психее" — рассказу г. Кукольника, — писал Белинский, — нельзя быть строгим, потому что этот рассказ написан к двум картинкам Брюллова, а эти две картинки стóят двух повестей, ознаменованных великим талантом» (V, 511).

В известной уже нам рецензии на роман «Тоска по родине» Белинский зло высмеял «квасной» патриотизм Загоскина. В настоящей рецензии также говорится о насмешках Загоскина «... над всем иностранным и похвалах всему русскому». «Такая похвальная привязанность к своему у автора, — отмечает рецензент, — доходит до того, что он, говоря о просвещении низших классов, уверяет, что просвещение для крестьянина „c'est du luxe", и утверждает, что „лучше хлопотать поменее о просвещении простого народа, а поболее заботиться о его счастьи", убежденный, что счастье весьма возможно без просвещения». В этой отповеди реакционеру Загоскину чувствуется пафос Белинского, всегда боровшегося за просвещение народа.

В настоящей рецензии мы узнаем Белинского в характеристике хищной американской буржуазии. Пересказывая фантастический роман Одоевского «4338 год», автор подчеркивает: «А между тем, одичавшие американцы, за недостатком других спекуляций, продают свои города с публичного торга, и приходят в Китай грабить: против одних только американцев и существует теперь войско...» (стр. 9).

Белинский неоднократно выступал против растленной буржуазной «американской цивилизации».

В итоге автор рецензии подчеркивает: «Главная мысль романа, основанная на таком твердом веровании в совершенствование человечества и в грядущую мирообъемлющую судьбу России, мысль истинная и высокая, вполне достойна таланта истинного» (стр. 10—11). Но пророческую веру в «грядущую мирообъемлющую» судьбу России, в это же время со всей силой выразил Белинский в рецензии на «Месяцеслов на (високосный) 1840 год»: «Завидуем внукам и правнукам нашим, которым суждено видеть Россию в 1940 году, стоящую во главе образованного

мира, дающего законы и науке и искусству и принимающего благоговейную дань уважения от всего просвещенного человечества».

Думается, все сказанное бесспорно свидетельствует, что автором рецензии на альманах «Утренняя заря» на 1840 г. в 12 № «Отеч. записок» за 1839 г. был не кто иной, как Белинский.

В. Кулешов

III

«ОТВЕТ НА ОТВЕТ Г-НА Д.»

(«Отеч. записки», 1846, кн. 5)

1

В «Литературном наследстве» (т. 55, стр. 385—406) была помещена статья «Ответ на Ответ г-на Д.» с довольно пространными соображениями К. Богаевской о принадлежности этой статьи Белинскому и с подробным анализом последней, целью которого было показать, какое важное место эта статья занимает в литературном наследии критика.

К. Богаевская пишет: «По устному сообщению В. С. Спиридонова редакции „Литературного наследства“, он видел списки Галахова и помнит, что статья „Ответ на Ответ г-на Д.“ была помечена там как принадлежащая ему, Галахову. Следует, таким образом, рассмотреть, что̀ же представляют собой так называемые галаховские „реестры“».

Далее К. Богаевская «рассмотрела» эти «так называемые реестры» и сделала правильный вывод, что последние — ненадежный источник для определения авторов анонимных статей и рецензий в «Отечественных записках» и «Литературной газете», издававшихся Краевским. Свой вывод она подкрепила ссылкой на С. А. Венгерова, который отнесся с осторожностью к этим «реестрам», и на В. С. Спиридонова, который сам же одобрил эту осторожность покойного профессора.

Все это правильно. Жаль только, что К. Богаевская уверенно рассуждает о галаховских «реестрах», не видавши их. Она говорит о них со слов С. А. Венгерова, который также не знал в с е х галаховских «реестров». Дело в том, что в «реестрах», о которых говорит С. А. Венгеров, идет речь о п р е д в а р и т е л ь н о м распределении книг для рецензирования между москвичами — сотрудниками изданий Краевского: Катковым, Кудрявцевым, Галаховым и др. Нас же, в данном случае, интересует не та или иная рецензия, написанная тем или иным сотрудником, а самостоятельная статья полемического характера, статейный же материал А. Д. Галахов не отмечал в тех «реестрах», которые были в руках С. А. Венгерова и которые имеет в виду К. Богаевская. Следовательно, я не мог «видеть» в этих «реестрах» и «помнить, что статья „Ответ на Ответ г-на Д.“ была помечена там как принадлежащая Галахову».

Но у меня хранятся тетради Галахова; совсем другого рода. В них он помечал с в о и уже написанные и отправленные Краевскому статьи и рецензии с точным указанием времени их отправки. Эти тетради не были известны С. А. Венгерову. Я же использовал их при установлении принадлежности Белинскому анонимных статей и рецензий, уже внесенных мной в XII и XIII тома Полного собрания его сочинений*. Вот в одной из этих тетрадей и помечена статья «Ответ на Ответ г-на Д.», причем указано, что она отправлена Краевскому в два приема — 20 и 22 апреля 1846 г. Отправка статьи по частям явно говорит о том, что Галахов очень спешил с написанием последней, чтобы не опоздать поместить ее в майской книжке «Отечественных записок», где она и была напечатана.

* Эти тетради, на которые ссылался сам Галахов в своих известных воспоминаниях, являются ценным источником для изучения русской журналистики 1830—40-х годов. Они будут мною опубликованы полностью в одном из ближайших томов «Лит. наследства».— *В. С.*

В конце некоторых тетрадей Галахов вел гонорарные расчеты с Краевским. Здесь, между прочим, он точно определял размер своих статей и рецензий, помещенных в изданиях Краевского. В пятой тетради, против статьи «Ответ на Ответ г-на Д.», помечено: «13 столбцов и 10 строк». В «Отечественных записках» эта статья занимает 14 столбцов и 10 строк. Но в ней имеется несколько довольно больших цитат, которые, в общей сложности, составляют один столбец. А известно, что Краевский за большие цитаты гонорара не платил. Следовательно, если из статьи «Ответ на Ответ г-на Д.» исключить цитаты, то в ней останется ровно 13 столбцов и 10 строк, как это и помечено в тетради Галахова.

Полагаю, что приведенные документы достаточно говорят в пользу авторства не Белинского, а Галахова.

В. Спиридонов

2

В своем письме в редакцию «Литературного наследства» В. С. Спиридонов сообщает о существовании находящегося в его распоряжении документа, свидетельствующего о том, что автором статьи «Ответ на Ответ г-на Д.», опубликованной нами в качестве нового текста Белинского, являлся, в действительности, Галахов.

Конечно, не известная нам раньше запись Галахова — документ существенный. Она должна быть принята во внимание при решении вопроса об авторе анонимной статьи, о которой идет речь. Однако так легко и просто отводить авторство Белинского, опираясь лишь на чисто внешний момент, как это делает В. С. Спиридонов, никак нельзя.

Мы знаем, что, уйдя из «Отечественных записок» и окончательно порвав с Краевским, Белинский через Некрасова дал в майский номер журнала за 1846 г. (т. е. в тот же номер, в котором помещен и «Ответ на Ответ г-на Д.») свою рецензию на «Воспоминания» Булгарина. Гонорар за эту рецензию получил также Некрасов, в чем сохранилась его расписка. Казалось бы, при наличии этого документа, «подтверждающего» авторство Некрасова, и речи быть не могло о принадлежности данной рецензии Белинскому. Однако это не помешало В. С. Спиридонову на основании одних внутренних данных приписать рецензию Белинскому. Найденный позже документ — запись Некрасова о передаче гонорара Белинскому — подтвердил основательность предположения В. С. Спиридонова (см. В. Спиридонов «Кто же был автор второй статьи о „Воспоминаниях Фаддея Булгарина“: Белинский или Некрасов?» — Уч. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. Покровского, факультет языка и литературы, вып. 1, 1938, стр. 78—85).

Точно так же опубликованные недавно гонорарные ведомости «Современника» и «Отечественных записок» («Лит. наследство», т. 53—54) показывают, что и официальные бухгалтерские документы больших журналов далеко не во всех случаях позволяют установить авторов некоторых статей. Не всякая статья, гонорар за которую был получен Добролюбовым или Чернышевским, принадлежит Добролюбову или Чернышевскому. Бывали случаи, когда имена авторов скрывались в целях конспирации. Добролюбов часто получал гонорар за начинающих неопытных авторов, своих товарищей по Педагогическому институту, статьи которых он редактировал, и рассчитывался с ними неофициально.

Таким образом, методологически недопустимо механически опираться при определении авторства анонимных произведений только на те или иные документы, не анализируя как эти «документы», так и самые произведения по существу.

Мы считаем излишним приводить здесь вторично все наши доводы о принадлежности названной статьи Белинскому (см. «Лит. наследство», т. 55, стр. 396—400) и повторяем только суть их: «Такой детальный и точный ответ на все пункты обвинений, выдвинутых Голохвастовым, построенный на строго последовательном развитии и утверждении положений предыдущих статей, написанных Белинским, мог дать только автор последних». Отводя авторство Белинского от статьи «Ответ на Ответ г-на Д.», логически следовало бы отводить его и от первых двух статей этой полемики.

Почему же В. С. Спиридонов обходит полным молчанием все наши доводы по существу и не касается даже вопроса о взаимоотношении первых двух статей с третьей и связи этой третьей статьи с Белинским? С нашей же точки зрения, участие Белинского в статье «Ответ на Ответ г-на Д.» является бесспорным.

Прочтя крайне резкий ответ Голохвастова в мартовской книжке «Москвитянина» за 1846 г. (попавшей в Петербург в первых числах апреля), Белинский, по удачному определению С. А. Венгерова, «самый страстный полемист в русской литературе», лично задетый Голохвастовым, не мог, конечно, обойти его статью молчанием. Естественно, что он как-то должен был на нее реагировать. Чувствуя себя совершенно больным, собираясь ехать лечиться на юг, а главное не желая, да и не имея возможности вступать от своего имени в какие-либо переговоры с Краевским (с которым он только что порвал отношения), Белинский прежде всего должен был обратиться за содействием в этом деле именно к Галахову, присяжному критику «Отеч. записок», специально занимавшемуся вопросами русского языка и грамматики, и передать ему для окончательного оформления и те страницы «Ответа», которые могли быть написаны только им самим. К сожалению, переписка Белинского с Галаховым за это время не дошла до нас, и мы не можем документально подтвердить наше предположение. Но наше твердое убеждение, основанное на детальном изучении статьи «Ответ на Ответ г-на Д.», что она написана Галаховым при самом близком участии Белинского.

К. Богаевская

IV

«ЕВРЕЙСКИЕ СЕКТЫ В РОССИИ» В. В. ГРИГОРЬЕВА И «САМОЕДЫ В ДОМАШНЕМ И ОБЩЕСТВЕННОМ БЫТУ» В. ИСЛАВИНА

(«Современник», 1847, кн. 3 и 4)

В тринадцатый том Полного собрания сочинений Белинского под ред. В. С. Спиридонова введены рецензии на книги: В. Иславина «Самоеды в домашнем и общественном быту» из «Современника», 1847, № 3 (XIII, 196—202) и В. В. Григорьева «Еврейские секты в России» из «Современника», 1847, № 4 (XIII, 204—205). Пользуемся случаем, чтобы выразить сомнение в том, что автором этих рецензий является Белинский.

Обе рецензии приписаны Белинскому А. М. Путинцевым и опубликованы им с весьма легковесной аргументацией в смоленском журнале «Наступление», 1935, № 10. Свои доказательства принадлежности Белинскому рецензии о книге В. В. Григорьева исследователь подытоживает следующим образом: 1) «Сильный интерес к этой книге у Белинского может быть объяснен из его рецензентской обязанности» (?!); 2) «Общее рассуждение о религии типично для Белинского»; 3) «Мысли, выраженные в рецензии, несмотря на цензурные искажения, мысли именно Белинского» (цит. изд., стр. 83). Оставив в стороне не стоящий опровержения причудливый первый довод, заметим только, что никаких мыслей, «типичных именно для Белинского», рецензия в себе не заключает. Единственная фраза, на которую ссылается Путинцев,— из письма Белинского к Герцену от 26 января 1845 г.: «в словах бог и религия вижу тьму, мрак, цепи и кнут, и люблю теперь эти два слова, как следующие за ними четыре»,— не имеет ничего общего с основной мыслью рецензии: «История религии разрешает довольно очевидно вопрос о том, в каких положениях выражена истинная, не подлежащая критике или, лучше сказать, выдерживающая всякую критику, религия...»

Вообще же вся рецензия является не чем иным, как беглым, полуконспективным изложением основных положений разбираемой книги и написана в манере, совершенно не присущей Белинскому. Скованность, беспомощное следование за автором, вместо критического анализа, употребление слов и выражений, чуждых лексикону Белинского,— все это с очевидностью обнаруживает, что рецензия приписана ему ошибочно.

То же следует сказать и о рецензии на книгу В. Иславина «Самоеды в домашнем и общественном быту». На этот раз «аргументация» Путинцева еще более несерьезна. Рецензия эта, утверждает автор публикации, принадлежит Белинскому потому, что разбираемая книга — географическая, а Белинский «очень любил географию»; сочувствие самоедам «могло быть высказано с такою силою убеждения чувства только Белинским из числа всех лиц, помещавших в то время свои статьи по критике и библиографии»; типично для Белинского то, что в рецензии «не оставлены без внимания политипажи и карты» (в рецензии — простое упоминание об иллюстративных материалах).

Однако изучение текста рецензии не обнаруживает в ней ни одной черты, в какой-либо отношении характерной для Белинского. Не свойственная поздним статьям Белинского фельетонная манера, частое употребление прилагательных после существительных («вы человек любознательный и читатель неутомимый», «страсти бурные, неукротимые», «нужды самые страшные, притеснения самые произвольные» и т. д.) — все это, наоборот, убеждает, что Белинский не мог быть автором этого отзыва.

Обе названные нами рецензии, ошибочно приписанные Белинскому, показывают, насколько ложен прием атрибутирования вновь обнаруживаемых статей путем одних «логических» или эмоционально-вкусовых доводов, без углубленного анализа самого публикуемого текста, его смысловых и стилистических особенностей. Именно подобное абстрагирование от текста и дает совершенно ошибочные и построенные на одних натяжках атрибуции.

Л. Ланский

V

«МОСКОВСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И УЧЕНЫЙ СБОРНИК НА 1847 ГОД»

(«Современник», 1847, кн. 6)

1

В сборнике «Белинский» Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова (Л., 1949) опубликована приписываемая критику новая статья, представляющая собою развернутую рецензию на «Московский литературный и ученый сборник на 1847 год». Публикация сопровождена пояснительной заметкой Е. Кийко, в которой доказывается, что рецензия принадлежит именно Белинскому.

Несмотря на ряд удачных текстовых параллелей, аргументация и выводы Е. Кийко все же не представляются нам вполне убедительными. Мы обратили внимание на эту рецензию еще в 1948 г. в своей кандидатской диссертации «В. Г. Белинский в „Современнике“ 1847—1848 гг.» (экземпляр которой хранится в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина) и, не отрицая известного участия Белинского, считали, что рецензия написана критиком в соавторстве с Некрасовым. Во всяком случае последнему принадлежит, видимо, окончательная ее обработка. Только этим можно объяснить тот факт, что ни в письмах самого Белинского, ни в переписке и позднейших воспоминаниях его друзей, сотрудников и других современников, ни, наконец, в редакторской работе Н. Х. Кетчера над первым собранием сочинений критика, не сохранилось никаких свидетельств об авторстве Белинского в отношении этого текста, представляющего собой не мелкую рядовую рецензию, а большое, принципиальное выступление по ряду актуальных общественно-исторических и литературных вопросов.

Статья напечатана в июньском номере «Современника» за 1847 г., вышедшем в свет в начале июня (дата цензурного разрешения — 31 мая). Но известно, что Белинский с 5 мая по конец сентября этого года лечился за границей. Е. Кийко пытается обойти категорическое указание Белинского в письме к В. П. Боткину от 4—8 ноября 1847 г.: «пока я был за границею, в 5 №№ 〈«Современника».— *В. К.*〉 уже буквально не было никакого с моей стороны участия» («Письма» III, 270). Эти пять номеров: и ю н ь с к и й,

июльский, августовский, сентябрьский и октябрьский. Приехав в Петербург в конце сентября, Белинский для участия в октябрьском номере уже опоздал. В майском и ноябрьском номерах Белинский участвовал. Совершенно произвольно Е. Кийко толкует приведенную цитату в том смысле, что Белинский говорит в ней якобы о своем неучастии только в «редакционной работе», в «подборе материала», а не о неучастии в качестве автора. Но такое толкование не более чем домысел и совершенно неосновательный. Откуда это все берет Е. Кийко? В письме Белинский заявляет: «буквально не было никакого с моей стороны участия». Как же еще яснее выразиться? Кроме того, из контекста письма совершенно ясно, что Белинский говорит о своем неучастии также и в качестве автора. Выделим разрядкой слова, замененные в цитации Е. Кийко точками: «Я помог „Современнику“,— писал Белинский,— только моим именем, а действительного моего участия в нем мало заметно было и до моего отъезда за границу (умирая, мудрено писать хорошо, и даже так, как я писал, умирая, только я мог писать по моей привычке к делу, обратившейся у меня в натуру); пока я был за границею, в 5 №№ уже буквально не было никакого с моей стороны участия».

Забывает Е. Кийко и о том, что сообщал Белинский Д. П. Иванову в день своего отъезда за границу 5 мая 1847 г.: «Сам я писать не могу, ибо в последнее время даже для журнала не мог работать, ни записки написать» («Письма», III, 210. Разрядка наша.— *В. К.*). Е. Кийко приводит другое, более раннее заявление Белинского в письме к Боткину от 22 апреля 1847 г.: «работы пропасть,— и если я пишу к тебе, то по особенному обстоятельству» («Письма», III, 200). Е. Кийко полагает, что слова эти относятся к подготовке материалов июньского номера, так как майская книжка будто бы была в это время уже готова. Судя по письмам Некрасова к Никитенко, указывает Е. Кийко, майский номер мог выйти во-время только в том случае, если к 20—22 апреля все материалы были бы просмотрены редактором, т. е. Никитенко, и отосланы в типографию.

Но прежде всего в этих письмах речь идет о предполагаемых сроках сдачи последних материалов майской книжки в типографию и возможно, как это чаще всего и случалось, что сроки эти в действительности отодвинулись на несколько дней. Затем, и это главное, даже оставаясь в пределах названных Некрасовым сроков, день 22 апреля был последним, когда редакция сдавала номер. В этот день и ближайшие к нему у нее было действительно «работы пропасть», и эти слова Белинского, написанные как раз 22 апреля, вряд ли могут означать, что он, еще не успев завершить сдачу майской книжки, тут же и с таким же напряжением взялся за работу над июньской книжкой.

Гораздо естественнее предположить, что 22 апреля майский номер не был еще готов, ибо больной Белинский запаздывал со своими статьями, а отсюда и «работы пропасть». Известно, что иногда статьи Белинского доставлялись в типографию в последний момент и «по листочку». Известно также, что интервал между сдачей редакцией «Современника» последних материалов в набор и датой цензурного разрешения на соответствующую книжку составлял иногда всего 2—3 дня. Таким образом дата цензурного разрешения — 30 апреля, стоящая на майской книжке, еще не свидетельствует сама по себе, что к 22 апреля вся редакционная работа над этой книжкой была полностью завершена.

Перед отъездом за границу Белинский, видимо, успел лишь набросать общие контуры статьи, оставил «материалы», «инструкции». Отсюда многие совпадения с его прежними статьями. Но поскольку в целом статья еще должна была быть существенно доработана, Белинский и не считал ее своей.

Игнорируя прямое и категорическое указание Белинского, что он не участвовал ни в одном из пяти номеров «Современника», вышедших за время его пребывания за границей, а значит, и в июньском номере, Е. Кийко в то же время проходит мимо другого заявления, сделанного Некрасовым в автобиографии: «Рецензий моих много в „Литературной газете“, в „Отеч. зап.“ (до 1846 года) и в „Современнике“ (начиная с 1847 года). В последнем, может быть, найду способ указать некоторые, если мне будут

делать запросы. Когда Белинский уехал заграницу, я писал много рецензий (1847—1848)» («Лит. наследство», т. 49—50, 1946, стр. 153. Разрядка наша.— *В. К.*).

Некрасов идейно был самым близким к Белинскому сотрудником «Современника», Между их статьями много общего. Из текста рецензии ясно, что писал ее один из редакторов журнала. Никитенко и Панаев отпадают. Ни с тем, ни с другим именем решительно невозможно связать ни содержание, ни пафос, ни направление, ни стиль статьи.

Белинский, по приведенным соображениям, может считаться лишь соавтором или вдохновителем рецензии. Непосредственным автором-исполнителем ее, всего вероятнее, был Некрасов.

В настоящей рецензии имеется пародия «Нового поэта» на стихотворение кн. Вяземского. Во всех других статьях Белинского нет ни разу обращения к «Новому поэту». И наоборот, в известных теперь статьях Некрасова в «Современнике» эти обращения — обычное явление (см., например, рецензию на поэму Сушкова «Москва».— № 4, 1847; «Современные заметки».— № 7, 1847).

Сам Белинский пародий не писал. Под псевдонимом «Нового поэта» выступал И. Панаев, но иногда и Некрасов. Характерно, что пародия на стихотворение кн. Вяземского не вошла в «Собрание стихотворений Нового поэта» 1856 г., в которых преимущественно помещены стихотворения Панаева. Издание это вышло при жизни Панаева (ум. в 1861 г.). Это обстоятельство наводит на мысль, что автором пародии на стихотворение кн. Вяземского был не Панаев, а Некрасов. Но если бы все же нашлись материалы, подтверждающие авторство Панаева в отношении пародии, это не могло бы снять наш главный аргумент: включение в текст критических статей и рецензий пародийных стихов «Нового поэта» — прием Некрасова, а не Белинского. Отметим кстати, что автор рецензии заканчивает ее сообщением о том, что «Новый поэт» обещал «Современнику» «особенную статейку» о стихотворных посланиях Языкова, «с выписками, цитатами, вариантами и образчиками посланий во всех родах...» Этот неосуществившийся пародийно-сатирический замысел логичнее всего связать также с Некрасовым— автором двух замечательных пародий на «Послание к соседу» (1844) и «Послание к другу из-за границы» (1845) Языкова.

Говоря о напечатанных в «Московском сборнике» письмах Карамзина, автор рецензии пишет: «они подтверждают справедливость горькой истины, что есть что-то роковое в судьбе русских писателей...». Е. Кийко приводит по этому поводу ряд близких по мысли высказываний Белинского, отнюдь не являющихся, однако, текстовыми и тем более фразеологическими параллелями к цитируемому месту. Но как не вспомнить в этой связи известные некрасовские строки:

Братья писатели! в нашей судьбе
Что-то лежит роковое...

Строки эти из стихотворения 1855 г. «В больнице», следует, нам думается, рассматривать в качестве поэтической автоцитаты или, точнее, автореминисценции из текста рецензии, что тоже является аргументом в пользу авторства Некрасова.

Что касается отрицательного отзыва автора рецензии о «Двойнике» Достоевского, то отзыв этот характерен равно и для Белинского и для Некрасова. Известно, что Некрасов правил рукопись статьи Белинского «Взгляд на русскую литературу 1846 года» и своей правкой усилил резкость критических замечаний Белинского по адресу Достоевского, в особенности в том месте статьи, где Белинский дает советы писателю — сократить «Двойник» на одну треть, от чего повесть значительно выиграла бы. Там же Некрасов делает резкие замечания по поводу искусственности и манерности слога Достоевского.

В итоге всего сказанного мы считаем, что рецензия на «Московский литературный и ученый сборник» написана Некрасовым, вероятно, при значительном участии Белинского.

В. Кулешов

2

Формальным поводом для того, чтобы отрицать принадлежность Белинскому рецензии на «Московский литературный и ученый сборник на 1847 год», является, по мнению В. Кулешова, письмо, написанное критиком после возвращения из-за границы, где он лечился в течение пяти месяцев — с мая по сентябрь 1847 г.

Для избежания произвольных толкований, процитируем полностью соответствующее место из письма Белинского к Боткину от 4—8 ноября 1847 г.:

«Я помог «Современнику» только моим именем,— писал Белинский,— а действительного моего участия в нем мало заметно было и до моего отъезда за границу (умирая, мудрено писать хорошо, и даже так, как я писал, умирая, только я мог писать по моей привычке к делу, обратившейся у меня в натуру); пока я был за границею, в 5 №№ уже буквально не было никакого с моей стороны участия. От этого произошли те важные недостатки «Современника», в которых ты его очень основательно обвиняешь. Это был сборник статей, весьма замечательный, можно сказать, превосходный; но журнал плохой, вовсе не журнал» («Письма», III, 269—270).

В цитированном письме Белинский подчеркивал, во-первых, не столько то, что он мало писал для «Современника», сколько то, что он мало его редактировал, и именно поэтому — *«Современник» был скорее сборник статей, чем журнал*; во-вторых, Белинский делал ударение на том, что п о к а о н б ы л з а г р а н и ц е й, с его стороны не было «буквально никакого участия» в журнале, т. е. и как редактора и как сотрудника критического отдела.

Действительно, в настоящее время можно считать установленным, что Белинский, находясь за границей, не присылал для журнала своих рецензий, но это не значит, однако, что д о о т ъ е з д а за границу он не мог оставить материал, который не вошел в майский номер и был помещен в следующем, июньском.

Это утверждение не противоречит и указанию Некрасова, которое привлекает В. Кулешов, на то, что, когда Белинский у е х а л з а г р а н и ц у, он писал много рецензий для «Современника» («Лит. наследство», т. 49—50, 1946, стр. 153).

В. Кулешов в своем истолковании письма Белинского к Боткину вырывает из общего контекста указание: «в 5 №№ уже буквально не было никакого с моей стороны участия» — и таким образом придает ему форму категорического утверждения. В. Кулешов не учитывает, что в частном письме Белинский мог и не оговорить того, что его «неучастие» в журнале относится к июньскому номеру, т. е. к тому, где была напечатана рецензия, не в полной мере. Это тем более вероятно, что, как уже указывалось выше, Белинский в первую очередь подчеркивает недостатки «Современника» к а к ж у р н а л а и свою вину в этом. Ведь пишет же он, что «действительного моего участия в нем <в журнале.— *Е. К.*> мало заметно было и до моего отъезда за границу», хотя в первых трех книжках «Современника» за 1847 г. было напечатано значительное число рецензий Белинского и такая принципиально важная статья, как «Взгляд на русскую литературу в 1846 году».

Ссылка В. Кулешова на письмо Белинского к Д. П. Иванову от 5 мая 1847 г. также представляется неубедительной. В. Кулешов не учитывает, что Белинский пишет родственнику, перед которым извиняется, что не написал другим родным: «Обо всем этом уведомь наших родных,— писал он Д. П. Иванову,— и передай им мой родственный и дружественный поклон и привет, и желание всяких им благ. Сам я писать не могу, ибо в последнее время даже для журнала не мог работать..:» («Письма», III, 210).

Совершенно очевидно, что Белинский здесь преувеличивал свое болезненное состояние, чтобы оправдаться перед родственниками, ибо в письме к Боткину, которое написано в о д и н д е н ь с э т и м п и с ь м о м, т. е. тоже 5 мая, он писал: «хотел бы обо многом писать к тебе, да некогда, не до того» («Письма», III, 209). Как видим, в письме к Боткину Белинский мотивировал краткость письма не нездоровьем, а отсутствием времени.

Характерно также то, что в письме к Боткину от 22 апреля 1847 г. Белинский сообщает, что его здоровье «лучше теперь против прежнего» и что «работы пропасть». И в другом месте этого же письма: «хотелось бы обо многом поговорить с тобою, особенно

насчет „Хоря и Калиныча“ ⟨...⟩ но писать некогда, времени немного, а работы бездна, благо я могу теперь хоть через силу работать» («Письма», III, 200, 207).

Итак, Белинский в этом письме *дважды* подчеркивает, что «работы бездна», «работы пропасть» и что ему теперь лучше и он может работать.

Это письмо к Боткину свидетельствует не только о том, что Белинский в состоянии был писать, но что его здоровье позволяло ему даже заниматься разбором внутриредакционных недоразумений.

Таким образом, тот факт, что Белинский перед отъездом за границу много работал для журнала, можно считать несомненным. А если это так, то странно, что в № 5 «Современника» Белинский напечатал только один отрывок из «Современных заметок» (XIII, 210). Кроме того, нам кажется неправдоподобным, что Белинский, тратя силы и время на обсуждение редакционных дел второстепенной важности в огромном письме к Боткину, оставил, уехав за границу, в неоконченном виде принципиально важную рецензию на «Московский сборник». Очевидно, Белинский не успел закончить к выходу № 5 «Современника» тот материал, над которым он работал до отъезда за границу.

Этот факт признает и В. Кулешов. Имея в виду рецензию на «Московский сборник», он пишет: «Перед отъездом за границу Белинский, видимо, успел лишь набросать общие контуры статьи, оставил „материалы“, „инструкции“. Отсюда многие совпадения с его прежними статьями».

Следовательно, В. Кулешов признает, что до отъезда за границу Белинский работал над рецензией.

При этом В. Кулешов считает, что Белинский был «вдохновителем рецензии», а Некрасов — «автором-исполнителем».

Но что такое «автор-исполнитель»? Какова конкретно была его функция?

В. Кулешов не приводит *ни одного* сколько-нибудь основательного аргумента в пользу авторства Некрасова.

В самом деле, В. Кулешов пишет о том, что в рецензии имеется пародия «Нового поэта» на кн. Вяземского, в то время, как сам Белинский пародий не писал. Следовательно, делает вывод Кулешов, эта рецензия написана Некрасовым.

Однако, основываясь на этом аргументе, с тем же основанием эту рецензию можно было бы приписать и Панаеву, так как именно Панаев чаще всего выступал под псевдонимом «Нового поэта». Поэтому В. Кулешову нужно еще прежде доказать, что пародия на кн. Вяземского действительно написана Некрасовым. Предполагать же принадлежность этой пародии Некрасову только на основании того, что она не вошла в Собрание сочинений «Нового поэта» в 1856 г., мы не имеем оснований, так как известно, что в этот сборник не вошли некоторые пародии самого Панаева, и с другой стороны, в нем напечатано несколько пародий Некрасова.

Учитывая подобное возражение, В. Кулешов пишет: «Но если бы все же нашлись материалы, подтверждающие авторство Панаева в отношении пародии, это не могло бы снять наш главный аргумент: включение в текст критических статей и рецензий пародийных стихов «Нового поэта» — прием Некрасова, а не Белинского».

Однако и этот аргумент оказывается несостоятельным. Включить пародию «Нового поэта» *в текст Белинского* мог и Некрасов (независимо от того, кто ее написал, Панаев или он сам) как *редактор*, который готовил статью Белинского к печати в № 6 «Современника».

Вместе с тем нельзя столь категорически, как это делает В. Кулешов, утверждать, что прием включения в текст рецензий пародийных стихов был чужд Белинскому.

Доказательство того — «Современные заметки», написанные Белинским примерно в то же время, что и рецензия на «Московский сборник», для № 5 «Современника».

Там мы читаем:

«Чудесные стихи! Но за что ж такая честь одному Лежару, отчего ж не почтить и Гверру хоть такими стихами:

Цырколюбец, плачь без меры:
Уезжает труппа Гверры.
После хладного апреля
Не пройдет одна неделя,

Как от нас он свой народ
И лошадок уведет...
Нет!.. не плачьте, цырколюбцы —
Это ведь карманогубцы.

Наше подражание слабо, и только последнее слово достойно г. фельетониста, чем мы и гордимся... Надо было слишком много условий, чтоб возвыситься до него» (XIII, 220).

Мы не пытаемся решить вопрос, кем написана эта пародия. Важно то, что в свой текст Белинский включил пародийные стихи. Следовательно, этот прием не может считаться характерным только для Некрасова.

Кроме того, включение в текст рецензии пародийных стихов на кн. Вяземского имело прямое отношение к той общественно-политической и литературной борьбе за Гоголя, которую в это время вел Белинский.

Как раз в те дни, когда Белинский работал над рецензией, в «СПб. ведомостях» (№№ 90—91 от 24 и 25 апреля 1847 г.) появилась статья П. А. Вяземского «Языков — Гоголь», на которую ответить в печати прямо Белинский не мог по цензурным причинам, но которую встретил с негодованием, определив ее, в зальцбруннском письме к Гоголю, как «чистый донос» на литературу, а самого автора статьи как «холопа в литературе». Несомненно, что этим фактом и объясняется то, что для пародирования, по указанию Белинского, были взяты стихи именно Вяземского, а не Языкова, например.

Не имея возможности отвечать на статью Вяземского прямо, Белинский воспользовался его пустыми и, в сущности, не достойными какого бы то ни было внимания стихами, чтобы высмеять его и ответить хоть в этой форме на реакционную статью о Гоголе, подчеркнуть, что идеалы официальной народности, которые отстаивал Вяземский, не имеют ничего общего с истинной народностью русской литературы.

«Какая неудачная — изысканная и приторная — подделка под народность...,— писал в рецензии Белинский.— Найдется ли здесь хоть стих, в котором отозвалась бы живая народная русская речь?.. Как болезненно-неприятно звучат в ухе эти слова, подслушанные у народа, так мастерски, так свободно владеющего ими,— а здесь так неудачно поставленные, угловато и дико выглядывающие из несвободно-льющегося галантерейно-обточенного, примазанного и прилизанного стиха...»

Отклик на эти же стихи Вяземского мы находим и в «Ответе „Москвитянину“», где Белинский опять высказывает суждение, совершенно аналогичное тому, которое имеется в опубликованной нами рецензии: «Они <славянофилы>... то напечатают повесть, которой никто, кроме их читать не может и не хочет, то стихотворение вроде „Светика-луны“, в народном тоне которого виден барин, неловко костюмировавшийся крестьянином» (XI, 36).

Очевидно, что эта характеристика стихов Вяземского находится в прямой связи с определением деятельности Вяземского как «холопа в литературе», которое дал ему Белинский в письме к Гоголю.

В. Кулешов считает также, что аргументом в пользу авторства Некрасова могут служить строчки из его стихотворения 1855 г. «В больнице»:

Братья писатели! в нашей судьбе,
Что-то лежит роковое...

В. Кулешов рассматривает эти строчки как поэтическую автоцитату или автореминисценцию из текста настоящей рецензии.

И этот аргумент представляется нам несостоятельным. Напомним, что стихотворение написано Некрасовым спустя восемь лет после рецензии. Напомним также, что в 1851 г. Герцен написал свою брошюру «О развитии революционных идей в России», в которой были строки:

«Ужасная, черная судьба выпадает у нас на долю всякого, кто осмелится поднять голову выше уровня, начертанного императорским скипетром: поэта, гражданина, мыслителя неумолимый рок толкает в могилу.

История нашей литературы или мартиролог, или регистр каторги.

Даже те, которых правительство пощадило, погибают едва распустившись, спеша оставить жизнь» (А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, т. VI, Пг., 1917, стр. 359).

Таким образом, о «роковой судьбе» русских писателей вслед за Белинским писал и Герцен. Не исключена возможность, что стихотворение Некрасова — это отклик именно на «мартиролог» Герцена.

Этими двумя доводами— включением пародийных стихов на стихи кн. Вяземского и сопоставлением строчек о «роковой судьбе» писателей — ограничиваются все аргументы в пользу авторства Некрасова, которые приводит В. Кулешов.

Сопоставим эти аргументы с теми фактами, которые свидетельствуют, что рецензия написана Белинским.

После появления первого тома «Мертвых душ» Гоголя борьба со славянофилами стала одной из центральных задач Белинского. Он не оставлял без детального критического разбора ни одного из выступлений в печати славянофилов. Поэтому неверно было бы предположить, что выход в свет нового славянофильского сборника не вызвал с его стороны ответной статьи.

Так, когда в 1846 г. Белинский путешествовал по югу России и ему в руки попался вышедший «Московский литературный и ученый сборник на 1846 г.», он тут же сообщил Герцену (4 июля):

«В Харькове я прочел „Московский сборник“: луплю и наяриваю об нем. Статья Самарина умна и зла, даже дельна, несмотря на то, что автор отправляется от неблагопристойного принципа кротости и смирения <...> За то Хомяков — я ж его, ракалию! Дам я ему зацеплять меня, узнает он мои крючки! Ну, уж статья! Вот бесталанный-то... ерник! Потешусь, чувствую, что потешусь» («Письма», III, 137).

Рецензия Белинского на «Московский сборник» 1846 г., очевидно, не была им закончена и не появилась в печати. Поэтому естественно предположить, что он откликнулся развернутой рецензией на «Московский сборник» 1847 г., в которой и выполнил свое обещание «потешиться» над Хомяковым. Кроме того, в программной статье Белинского 1847 г. «Взгляд на русскую литературу в 1846 г.» прозвучали новые ноты в его отзывах о славянофилах. В этой статье Белинский писал, что он считает появление славянофильства важным симптомом для русской жизни, что «так называемое славянофильство касается самых жизненных, самых важных вопросов нашей общественности», что в той критике, с которой славянофилы обращаются к современному русскому обществу, есть «много дельного».

Однако все это справедливо до известной степени,— писал далее Белинский,— и указывал затем: «... нельзя остановиться на признании справедливости какого бы то ни было факта, а должно исследовать его причины, в надежде в самом зле найти и средство к выходу из него. Этого славянофилы не делали и не сделали» (X, 398).

Белинский как бы призывал славянофилов в принципиальном, лишенном личных выпадов споре выяснить истину:

«Журнал славянофилов объявил „противоположному направлению“ непримиримую вражду. Мы отстаиваем свои убеждения, но мы хотели бы защищать наши мнения с достоинством, а противоположным — противоборствовать с твердостью и спокойствием, без всякой вражды» (X, 402).

Появившийся в конце марта 1847 г. «Московский сборник» не оправдал надежд Белинского. Статья Хомякова в этом сборнике «О возможности русской художественной школы» была направлена, главным образом, против Белинского и, в частности, против его программной статьи 1847 г. В своей статье Хомяков развивал излюбленные мысли о том, что реформы Петра I направили русское общество по ложному пути, что русское общество утратило народность и пр.

Хомяков отвергал всякую возможность общения русской и западной культуры и образование, которое возникло после реформы Петра I, считал ложным, не признавал его органическим, выросшим из национальных потребностей самой русской жизни. Вернуть утраченную народность русское общество, по мнению Хомякова, может только путем «нравственного совершенствования» представителей общества, которые должны забыть свою культуру и «опуститься до народа».

Для Хомякова, которому «язва духовного пролетариатства была ужаснее язвы пролетариатства вещественного», проблема взаимоотношений общества и народа не существовала как проблема исторически сложившихся классовых отношений; разрешение ее он отрывал от общественной борьбы и переводил в план морального совершенствования личности. Хомяков в своей статье писал: «Жизнь наша цела и крепка. Она сохранена как неприкосновенный залог тою много страдавшею Русью, которая не приняла еще в себя нашего скудного полупросвещения. Эту жизнь мы можем восстановить в себе: стоит только ее полюбить искреннею любовью, а чтобы любовь была искреннею, она должна быть смиренною» («Московский литературный и ученый сборник на 1847 г.», М., 1847, стр. 345).

Естественно, что для Белинского, который стоял на революционно-демократических позициях и боролся за освобождение народа, исходя из насущных потребностей народной жизни, все эти рассуждения Хомякова были сугубо враждебными.

Этим объясняется тот резкий тон, в котором написана его статья. Статья начинается сожалением о том, что славянофилы, имея добрые побуждения, строят ложные, не соотносящиеся с потребностями действительности теории и что, хоть славянофилы и искренни в своих заблуждениях, но здравомыслящему человеку ничего не остается делать другого с этими теориями, как только смеяться над ними. (Ср. это рассуждение с аналогичными рассуждениями Белинского в статье «Взгляд на русскую литературу в 1846 г.» — X, 402 — и в статье, написанной после публикуемой рецензии — «Ответ „Москвитянину“» — XI, 11).

С подобной резкой полемической статьей против славянофилов из сотрудников «Современника» мог выступить только Белинский.

Помимо всех высказанных соображений, об авторстве Белинского свидетельствует также и то, что в настоящей рецензии имеется целый ряд суждений, которые типичны именно для Белинского:

В опубликованной статье мы находим оценку «Истории государства российского» Карамзина, которая полностью совпадает с оценкой ее Белинским в десятой статье о Пушкине.

В опубликованной статье мы находим оценку Ивана Грозного, которая не только совпадает с прежними суждениями Белинского о нем *, но и является дальнейшим развитием понимания Белинским исторической роли Ивана Грозного. Белинский считал, что «борьба гения с народом не есть борьба человеческого с национальным, а просто-напросто нового со старым, идеи с эмпиризмом, разума с предрассудками... Противодействие массы гению необходимо: это с ее стороны экзамен гению: если он возьмет свое, ни на что несмотря, значит он точно гений, т. е. в самом себе носит свое право действовать на судьбы своего отечества» (X, 411).

Еще в статье «Взгляд на русскую литературу в 1846 году» Белинский, наряду с положительной оценкой «Бедных людей» Достоевского отрицательно отзывался о «Двойнике». В публикуемой статье повторено это противопоставление.

В. Кулешов указывает в своем сообщении, что отрицательное отношение к «Двойнику» Достоевского было свойственно и Некрасову.

Это справедливо, но характер этого отрицательного отношения к «Двойнику» у Белинского и Некрасова иной.

Так, Некрасов на полях рукописи статьи Белинского «Взгляд на русскую литературу в 1846 году» указывал на длинноты «Двойника», Белинский же в своей рецензии говорит об «искусственности и манерности слога», т. е. повторяет прежние свои суждения. Например, еще в рецензии на «Петербургский сборник» Белинский подчеркивал в стилистике «Двойника» ненужные повторения одних и тех же фраз.

Там он писал: «Если что можно счесть в «Двойнике» растянутостью, так это частое и, местами, вовсе ненужное повторение одних и тех же строк, как например: «Дожил я до беды, дожил я вот таким-то образом до беды... Эка беда ведь какая... Эка ведь беда одолела какая!. .“» (X, 217. Подчерк-

* Об этом см. Н. И. Мордовченко. «Иван Грозный в оценках Белинского». — «Звезда», 1945, № 10—11, стр. 183—191.

нуто Белинским.— *Е. К.*). Ср. это с пародией К. Аксакова на Достоевского, которую Белинский сочувственно цитировал в опубликованной рецензии:

«Приемы эти схватить не трудно; приемы-то эти вовсе не трудно схватить; оно вовсе не трудно и не затруднительно схватить приемы-то эти» и т. д. (см. сб. «Белинский», ЛГУ, 1949, стр. 29).

Одним из доводов, который приводит В. Кулешов против принадлежности Белинскому настоящей рецензии, является также то, что Белинский нигде не указывал на то́, что он ее автор. (Отметим, кстати, что и Некрасов нигде не претендовал на ее авторство, хотя на принадлежность столь принципиально важной рецензии ему он мог бы указать в своей автобиографии). Это не совсем справедливо. Прямых указаний, действительно нет, но в статье «Ответ „Москвитянину"», написанной после рецензии на «Московский сборник», Белинский почти дословно повторяет то, что им было сказано о противоречиях критики К. Аксакова в опубликованной рецензии (сопоставление см. «Белинский», ЛГУ, 1949, стр. 30).

Естественно, если бы Белинский повторял чужие слова и мнения, т. е. пользовался уже опубликованным чужим материалом, он это обязательно оговорил бы.

Помимо всех этих фактов, свидетельствующих об авторстве Белинского, мы можем привести еще целый ряд параллелей и сопоставлений настоящей рецензии со статьями Белинского, которые не были учтены при ее публикации.

В настоящей рецензии Белинский возражал против славянофильского стремления Хомякова доказать пагубность воздействия просвещения на народ и против того, что «Хомякову хочется, во что бы то ни стало, общество нагнуть к народу, а не народ поднять до общества». Белинский указывал далее, что «Разрыв общества с народом у нас больше внешний, кажущийся, нежели внутренний, существенный» (см. «Белинский», ЛГУ, 1949, стр. 24).

Эти мысли о необходимости просвещения народа, о необходимости «внесения в его жизнь сознательного элемента» и о той роли, которую в этом процессе играло разделение «народной жизни на народ и общество», подробно были развиты Белинским несколько позже, в его рецензии на IV кн. «Сельского чтения». Там мы читаем:

«Народ для них <славянофилов.— *Е. К.*>, стало быть, высшее откровение всякой истины, касающейся до сущности и формы нашей государственной жизни. Сто́ит только делать всем то̀, что̀ делает народ, не отставать от него ни в чем — и все пойдет хорошо, больше не о чем будет и заботиться.

Само собою разумеется, что всякая попытка на распространение просвещения и образования в народе, в их глазах, есть ни больше, ни меньше, как святотатственное посягательство на здоровье и честь народной жизни... Мы не знаем доселе ни одного народа, которого развитие и ход вперед не были бы основаны на разделении народной жизни на народ и общество...

Это разделение народа на классы было необходимо для развития человечества. Личность вне народа есть призрак, но и народ вне личности есть тоже призрак. Одно условливается другим. Народ — почва, хранящая жизненные соки всякого развития; личность — цвет и плод этой почвы» (XI, 161—162).

Точно так же мы усматриваем несомненное фразеологическое и смысловое совпадение между рассуждениями Белинского в опубликованной рецензии о двух «сортах бороды» (см. «Белинский», ЛГУ, 1949, стр. 28) с суждениями его на этот счет в статье о книге Голикова «Деяния Петра Великого» (XII, 282—283).

Та часть рецензии, где говорится о том, что русский везде русский (см. «Белинский», ЛГУ, 1949, стр. 24) повторяет известные суждения Белинского по этому вопросу в его восьмой статье о Пушкине (ср. XI, 78, 79). В настоящей рецензии Белинский писал о том, что о литераторе следует судить «по его сочинениям» (см. «Белинский», ЛГУ, 1949, стр. 23). Эта же мысль повторена и в статье «Ответ „Москвитянину"».

В опубликованной рецензии Белинский писал, что «по части глубокомыслия, соединенного еще с остроумием, русский фельетон может равняться только с русским водевилем» (см. «Белинский», ЛГУ, 1949, стр. 15).

Это же суждение повторено Белинским позже в статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года»:

«Фельетонисты наши очень не взлюбили слово «прогресс» и преследуют его с тем остроумием, которого неоспоримую и блестящую славу они делят только с нашими же водевилистами» (XI, 76).

Таким образом, идейное содержание рецензии, то, что в ней не просто повторены мысли Белинского, а дается их дальнейшее развитие, то, что в ней как бы перекидывается мостик от статей, написанных ранее, к статьям и письмам последующего периода и, в частности, к таким принципиально важным, как «Письмо к Гоголю», «Ответ „Москвитянину“», «Сельское чтение», наконец, многочисленные фразеологические параллели и сопоставления со статьями Белинского — все это заставляет нас еще раз повторить свое утверждение, что опубликованная рецензия могла быть написана только Белинским.

Е. Кийко

VI

«БАСНИ И. А. КРЫЛОВА. В XI КНИГАХ. С БИОГРАФИЕЙ, ПИСАННОЮ П. А. ПЛЕТНЕВЫМ, ИЗД. ВТОРОЕ»

(«Современник», 1847, кн. 12)

1

В. Кулешов в своем сообщении «Мнимые рецензии Белинского в „Современнике“», напечатанном в 55-м томе «Литературного наследства», приводит данные, свидетельствующие, что сводная рецензия на книги: «Полное собрание сочинений И. Крылова. С биографиею его, писанною П. А. Плетневым» и «Жизнь и сочинения И. А. Крылова. Сочинение академика Михаила Лобанова» («Современник», 1847, № 2, отд. III, стр. 124—134), которая прежде включалась в собрание сочинений Белинского, в действительности ему не принадлежит и написана А. В. Никитенко. Факты, сообщаемые В. Кулешовым, убедительны, и сомнений в том, что настоящая рецензия должна быть изъята из собрания сочинений Белинского, не возникает.

Далее В. Кулешов пишет: «Но если рецензия принадлежит Никитенко,— а мы это считаем доказанным,— то под удар попадает и другая, приписываемая Белинскому анонимная рецензия, напечатанная в № 12 „Современника“ за 1847 г. (отд. III, стр. 233—234): „Басни И. А. Крылова. В XI книгах. С биографией, писанною П. А. Плетневым, изд. второе“. Эту рецензию приписал критику В. С. Спиридонов, включив ее с соответствующей аргументацией в свою публикацию „Неизвестные статьи и рецензии Белинского“ в № 7 „Красной нови“ за 1936 г.* Но вся аргументация В. С. Спиридонова строится на сопоставлении и сходстве изученного им текста с предыдущей рецензией. Очевидно, что теперь мы должны переключить всю эту аргументацию на Никитенко. И действительно, рецензия эта, так же как и предыдущая, принадлежит ему» («Лит. наследство», т. 55, стр. 408). Однако проверка всех данных показала, что заключение В. Кулешова, который повторил при сопоставлении текста этих двух рецензий аргументацию В. С. Спиридонова, лишено какого бы то ни было основания. Связь этих двух рецензий В. С. Спиридонов доказывает следующим образом:

«Настоящую рецензию автор начал так: „О баснях Крылова все сказано, и нового сказать нечего. Их достоинство определено и критикою и обществом... Вопрос о Крылове теперь всеми решен единодушно и одинаково, и по его поводу невозможны споры“. И в рецензии Белинского ⟨которая действительно написана А. Никитенко.— *Е. К.*⟩ о „Полном собрании сочинений И. Крылова“, напечатанной за десять месяцев перед тем, было сказано: „Говорить о баснях Крылова нет никакой нужды, потому что почти невозможно сказать о них что-нибудь новое. Общее мнение давно уже выговорилось о Крылове, как баснописце. Наши литераторы и критики, обыкновенно столь

* Рецензия эта вошла также в XIII том Полн. собр. соч. Белинского, под ред. и с прим. В. С. Спиридонова, Л., 1948. — Ред.

несогласные между собою в суждениях о русских писателях, о Крылове говорят все одно и то же" (т. X, стр. 462).

Автор настоящей рецензии говорит: „В начале нынешнего года они <Юнгмейстер и Веймар> издали великолепно все сочинения Крылова в трех частях, присовокупив к ним умную, мастерски написанную г. Плетневым биографию незабвенного баснописца. Теперь они выпустили в свет отдельное издание одних его басен, приложив к нему биографию Крылова", составленную „искусно и умно", опять Плетневым. И Белинский в своей рецензии писал: „Одним из лучших украшений издания сочинений Крылова нельзя не признать приложенной к ним статьи: „Жизнь и сочинения Ивана Андреевича Крылова", мастерски написанной г. Плетневым. Это — критика-биография, в которой с большим искусством Крылов охарактеризован как баснописец и человек" (т. X, стр. 456—457)» (XIII, 470).

Нам кажется, что этих сопоставлений совершенно недостаточно, чтобы приписывать обе рецензии одному автору.

Изучение текста обеих рецензий свидетельствует о том, что они не имеют между собой ничего общего и что вторую рецензию на «Басни Крылова» из 12 № мог написать только Белинский. Приведем аргументы в пользу нашего утверждения.

1. В рецензии, написанной Никитенко, ничего не сказано о том, что творчество Крылова когда-то оценивалось различными литературными партиями по-разному. Белинский начинает свою рецензию с того, что определяет историческое место басен Крылова, называя его характерным для Белинского термином: «художник-баснописец». Имея в виду кн. П. А. Вяземского, Белинский писал: «Было время, когда некоторые, из партии знаменитых друзей, силились доказать превосходство басен Дмитриева над баснями Крылова; чуть ли не по этому случаю Иван Андреевич написал свою превосходную басню „Прихожанин"*. Но это время, слава богу, уже далеко от нас; сами з н а м е н и т ы е, давно уже уволенные общественным мнением в чистую отставку из знаменитых, вероятно, неохотно вспоминают о своих забавных усилиях талантливого беллетриста-баснописца поставить выше великого художника-баснописца» (XIII, 229).

В рецензии Никитенко подобного определения нет и не могло быть, поскольку речь шла о Вяземском.

2. Никитенко никогда не употреблял термин «натуральность» для определения положительных сторон современной литературы. Наоборот, он считал, что «естественность художественная имеет свои ограничения» («Современник», № 1, отд. II, стр. 68). В рецензии Белинского читаем: «Даже люди, в старину находившие важным недостатком в баснях Крылова излишнюю н а т у р а л ь н о с т ь (напр. в басне „Свинья") и не прощающие натуральности новым писателям,— насчет натурализма Крылова хранят теперь благоразумное молчание» (XIII, 229). Известно, что именно Белинский в числе предшественников натуральной школы вслед за Кантемиром называл Крылова.

3. Белинский всегда особенно отмечал дешевизну книг. В настоящей рецензии этому вопросу посвящен целый абзац, причем обращается особое внимание на то, смогут ли купить это издание «небогатые люди». В рецензии Никитенко подобного рассуждения нет.

4. Рецензия на «Басни Крылова» в 12 № «Современника» была напечатана перед рецензией на «Сочинения Фонвизина», которая начиналась следующим образом:

«Конечно, ни один из русских писателей, старых и новых, не может равняться с Крыловым в числе изданий своих сочинений. Но, кажется, из старых писателей Фонвизин в этом отношении ближе всех других к Крылову» (XI, 56).

Смысловая связь этих двух рецензий очевидна и была отмечена еще В. С. Спиридоновым в его публикации, но В. Кулешов оставляет этот аргумент в стороне.

---

* Под некоторыми из партии «знаменитых друзей» подразумевался П. А. Вяземский, который стремился доказать превосходство басен Дмитриева над баснями Крылова в своем стихотворении «И. И. Дмитриеву» (в день его именин) («Сын отечества», 1821, № 48, стр. 82) и в статье «Известие о жизни и стихотворениях И. И. Дмитриева», которая являлась предисловием к изданию его стихотворений в 1823 г.

В. С. Спиридонов пишет: «В журнале вслед за устанавливаемой рецензией помещена рецензия Белинского о „Сочинениях Фонвизина", начало которой является как бы продолжением настоящей рецензии» (XIII, 470—471). Следует добавить, что рецензия на второе издание Сочинений Фонвизина, на которую ссылается В. С. Спиридонов, была кратким изложением рецензии Белинского на первое издание сочинений Фонвизина, напечатанной в 1 № «Современника» за 1847 г., рукопись которой была известна, когда печаталось первое собрание сочинений Белинского (см. XIII, 355, прим. 716). Следовательно, сомнений в том, что обе рецензии о сочинениях Фонвизина написаны Белинским, быть не может; а раз так, то очевидно, что и рецензия на «Басни Крылова», которая связана композиционно с одной из этих рецензий, также принадлежит Белинскому.

Таким образом, как свидетельствуют факты, рецензия на книгу «Басни И. А. Крылова. В XI книгах. С биографией, писанною П. А. Плетневым, изд. второе» принадлежит действительно Белинскому, и приписывать ее Никитенко нет никаких оснований.

Е. Кийко

2

Мы остаемся при своем прежнем мнении, что рецензия на «Басни И. А. Крылова» в «Современнике», 1847, № 12 написана не Белинским, а Никитенко.

Е. Кийко считает доказанным, что сводная рецензия на два издания о Крылове, напечатанная в «Современнике», 1847, № 2, принадлежит, действительно, Никитенко, а не Белинскому, как считалось до сих пор. «Факты, сообщаемые В. Кулешовым,— пишет Е. Кийко,— убедительны, и сомнений в том, что настоящая рецензия должна быть изъята из собрания сочинений Белинского, не возникает».

Однако, признавая это, Е. Кийко совершенно отрицает сходство этой рецензии с новой рецензией в «Современнике», 1847, № 12, открытой В. С. Спиридоновым. «Изучение текста обеих рецензий,— пишет Е. Кийко,— свидетельствует о том, что они не имеют между собой ничего общего».

Но так ли это на самом деле?

Повторим еще раз параллели, установленные В. С. Спиридоновым.

В сводной рецензии Никитенко сказано: «Говорить о баснях Крылова нет никакой нужды, потому что почти невозможно сказать о них что-нибудь новое. Общее мнение давно уже выговорилось о Крылове, как баснописце. Наши литераторы и критики, обыкновенно столь несогласные между собою в суждениях о русских писателях, о Крылове говорят все одно и то же» («Современник», 1847, № 2, отд. III, стр. 133).

Разве не то же самое и не в тех же выражениях говорится о баснях Крылова во второй, спорной, рецензии: «О баснях Крылова все сказано, и нового сказать нечего. Их достоинство определено и критикою и обществом... Вопрос о Крылове теперь всеми решен единодушно и одинаково, и по его поводу невозможны споры» («Современник», 1847, № 12, отд. III, стр. 233).

Или обратим внимание, в каких выражениях Никитенко в сводной рецензии хвалит Плетнева, автора биографии Крылова: «Одним из лучших украшений издания сочинений Крылова нельзя не признать приложенной к ним статьи: „Жизнь и сочинения Ивана Андреевича Крылова", мастерски написанной г. Плетневым. Это — критика-биография, в которой с большим искусством Крылов охарактеризован как баснописец и человек,— в последнем отношении еще, может быть, лучше, нежели в первом. Взгляд автора статьи на Крылова отличается оригинальностью и глубокомыслием» (там же, № 2, стр. 126. Разрядка наша.— *В. К.*).

В спорной рецензии повторяется в тех же выражениях прежний отзыв о статье Плетнева и затем дается точно такая же высокая оценка новой статьи Плетнева о Крылове: «В начале нынешнего года они ⟨т. е. Юнгмейстер и Веймар⟩ издали великолепно все сочинения Крылова в трех частях, присовокупив к ним умную, мастерски написанную г. Плетневым биографию незабвенного баснописца. Теперь они выпустили в свет отдельное издание одних его басен, приложив к нему биографию Крылова, написанную опять г. Плетневым. Это отчасти извлечение из первой

биографии, отчасти совершенная ее переделка... Биография эта составлена им искусно и умно» (там же, № 12, стр. 233—234. Разрядка наша.— *В. К.*).

Эти сопоставления, на наш взгляд, достаточно убедительны.

Между рецензиями имеется не только стилистическое сходство, но и внутренняя преемственность. На страницах одного и того же журнала, в пределах одного года, дважды говорится об изданиях Крылова, снабженных в том и в другом случае биографиями баснописца, составленными Плетневым. Автор второй рецензии держит в поле своего зрения оба издания и одинаково положительно и в тех же выражениях отзывается о статьях Плетнева, подмечая опытным глазом, что вторая биография является «отчасти извлечением из первой биографии, отчасти совершенной ее переделкой».

Не естественно ли заключить отсюда, что автором обеих рецензий является одно лицо — именно Никитенко, «официальный» редактор «Современника», принадлежность которому первой рецензии считает доказанной и Е. Кийко.

Е. Кийко в своих замечаниях заявляет, что во второй рецензии встречаются высказывания, которых нет в первой и которые могут принадлежать только Белинскому. Но можно указать и в первой рецензии такие места, которых нет во второй. И вообще, как можно серьезно становиться на путь подобных сравнений, если рецензии несоизмеримы по своему объему (первая в восемь раз больше второй)?

Обратимся к высказываниям, которые мог сделать, по мнению Е. Кийко, только Белинский. Например: «натуральность» в положительном смысле или «художник-баснописец», «беллетрист-баснописец». Нам кажется, что сама категоричность подобных утверждений Е. Кийко не вполне оправдана. Если бы мы по терминологии могли безошибочно определять авторство Белинского, то вопрос об атрибуции текстов разрешался бы очень просто. Ведь и первую рецензию, начиная с 1860-х годов, приписывали Белинскому, хотя она принадлежит Никитенко. Известно также, как похожи статьи молодого Некрасова на статьи Белинского. Влияние Белинского на современную ему критику было столь огромным, что «под Белинского» писали многие.

Е. Кийко говорит: «В рецензии, написанной А. Никитенко, ничего не сказано о том, что творчество Крылова когда-то оценивалось различными литературными партиями по-разному». А Белинский-де как раз пишет об этом в приписываемой ему рецензии и даже делает выпад против Вяземского.

Что же из этого следует? В первой рецензии говорится о полном собрании сочинений Крылова и лишь мимоходом о баснях, как о вопросе, решенном и публикой и критикой. А во второй рецензии специально о баснях, и то автор не входит в подробности, также ссылаясь на то, что вопрос этот всеми решен положительно. Различные оценки (собственно речь идет только о статье Вяземского 1823 г. ⟨!⟩, в которой он поставил Дмитриева выше Крылова) критики вызывало как раз не все творчество Крылова, а лишь его басни. Поэтому естественно некоторое углубление этого вопроса во второй рецензии. Самое важное то, что в обеих рецензиях одинаковый вывод. В первой: «Общее мнение давно уже выговорилось о Крылове, как баснописце». Во второй: «Вопрос о Крылове теперь всеми решен единодушно и одинаково, и по его поводу невозможны споры» («споры», поистине, были четверть века назад). Почему Е. Кийко полагает, что Никитенко не мог в анонимной рецензии слегка «пощипать» Вяземского? Не будучи полемистом, он, однако, остро начинает свою первую рецензию, заявляя, что издание сочинений Крылова изобличает «крикунов и полуталантливых рифмачей, которые утверждают, будто теперь на Руси журнал убил книгу, и книги уже не покупаются публикою». Ведь это совершенно мысль Белинского, не раз высмеивавшего подобные мнения. Посмотрим, как определяет Никитенко общий характер басен Крылова: «Как истинно гениальный человек, он, подобно другим, не ограничился в басне баснею, но придал ей жгучий характер сатиры и памфлета» («Современник», 1847, № 2, отд. III, стр. 133). И хотя Никитенко здесь не договорил, что не всем нравились «жгучая сатира» и «памфлеты» Крылова, видно, что понимал он этот вопрос правильно, можно сказать, совсем «по Белинскому». Не стоит спорить о словах. По существу вопроса между первой и второй рецензиями нет расхождений.

Е. Кийко пишет: «Никитенко никогда не употреблял термин „натуральность“ для определения положительных сторон современной литературы. Наоборот, он счи-

тал, что „...естественность художественная имеет свои ограничения"» («Современник», 1847, № 1, отд. II, стр. 68). Опять спор о словах. Известно, что Никитенко участвовал своими статьями во всех начинаниях «натуральной школы» («Физиология Петербурга», «Петербургский сборник», «Современник»). Он в свое время написал одобрительную рецензию на «Физиологию Петербурга» («Библиотека для чтения», 1846, т. LXXV, отд. V, стр. 13—54). В «Ответе „Москвитянину"» Белинский считал нужным «вступиться» за Никитенко против Ю. Самарина. Наконец, что значит выражение «естественность художественная имеет свои ограничения»? Разве это намек на теорию «чистого искусства»? Ничуть не бывало. Никитенко выступает здесь против плоского копирования, за создание художественных типов. Приведем цитату полностью: «Итак, естественность художественная имеет свои ограничения. Они, однакож, не состоят ни в исключении из сферы искусства известного рода предметов, ни в умышленной их порче для видов так называемого приличия. Классификации предметов, подлежащих или не подлежащих художественной обработке, нет...» Или: «Известно, что одно из важнейших требований искусства есть подлинность, естественность созданий, какие творческая фантазия вносит в его мир» (стр. 66. Разрядка наша — *В. К.*). Разве здесь не сказано по существу то же самое, что выражает слово «натуральность»? Е. Кийко, так же как и В. С. Спиридонов, считает веским аргументом то обстоятельство, что в «Современнике» 1847, № 12, вслед за спорной рецензией о Крылове, помещена маленькая рецензия Белинского на «Сочинения Фонвизина», начало которой «...является как бы продолжением настоящей рецензии» (XIII, 470—471).

Рецензия на «Сочинения Фонвизина» начинается словами: «Конечно, ни один из русских писателей, старых и новых, не может равняться с Крыловым в числе изданий своих сочинений» (отд. III, стр. 234). Неужели эта простая композиционная увязка с предыдущей рецензией свидетельствует, что и ту и другую рецензию писало одно лицо, в данном случае Белинский? Белинский знал, конечно, что рядом с его рецензией идет однотипная рецензия Никитенко и мог связать с ней свою рецензию переходной фразой. Не только такие переходные фразы, «связки», совершенно естественные при общей редактуре отдела в журнале, заботившемся о «единстве направления», но и прямые отсылки к предыдущей статье не являются еще свидетельством, что и статью и отсылочную заметку (или статью, в которой имеется отсылка) писало одно лицо. Все эти формулы «мы писали», «мы говорили», часто встречающиеся в журналах, выражают не всегда персонально чье-либо мнение, но часто мнение редакции в целом. В «Современнике» и после смерти Белинского еще встречаются отсылки к его статьям с формулировкой: «Мы уже имели случай говорить...» (см. «Советская книга», 1949, № 3, стр. 101—102). Что касается довода будто только Белинский обращал внимание на дешевизну изданий, то мы могли бы привести десятки примеров, как на то же самое обращали внимание многие другие критики и рецензенты. Этот «довод» по меньшей мере несерьезен.

Теперь перейдем к самому важному, на наш взгляд, аргументу, который решительно заставляет приписать спорную рецензию именно Никитенко.

Е. Кийко проходит мимо того факта, что для Белинского были бы не только странными, но даже противоестественными похвалы Плетневу, которые расточаются в обеих рецензиях. Плетнев был идейным противником Белинского. В его переписке с Гротом встречаются злобные выпады против Белинского. И Белинский, конечно, никогда не заблуждался на этот счет. Кто такой Плетнев для Белинского?—Представитель «аристократической» партии, содравший с Некрасова втридорога за «Современник». Белинскому ли восхищаться «искусностью», «умом» и «глубокомыслием» писаний Плетнева!

Совершенно другое отношение к Плетневу было у Никитенко. Плетнев — ректор Петербургского университета. Никитенко — профессор этого же университета, лицо, подчиненное Плетневу, и частый гость в его доме. Воззрения «либерального» цензора не слишком противоречили воззрениям Плетнева. Во всяком случае он иногда даже жаловался ему на своих новых «друзей» по «Современнику» — Белинского и Некрасова,

Мы теперь знаем, из письма Плетнева к Гроту от 22 февраля 1847 г., что рецензия с похвалами Плетневу в № 2 «Современника» принадлежит Никитенко. А вот что сообщается дальше в том же письме: «Б е л и н с к и й и Некрасов так были этим раздосадованы... что чуть не разошлась эта компания по углам. По крайней мере так это передал мне Н⟨икитенк⟩о» («Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым», СПб., 1886, т. III, стр. 20. Разрядка наша.— *В. К.*).

Итак, Белинский был п р о т и в похвал Плетневу в указанной рецензии Никитенко. В таком случае как же он мог, если бы вторая рецензия, действительно, принадлежала ему, п о в т о р и т ь в ней все прежние похвалы Никитенко Плетневу да еще прибавить от себя комплименты по поводу новой статьи Плетнева? Не свидетельствует ли это с полной очевидностью, что и вторая рецензия, появившаяся в двенадцатой книжке 1847 г., написана не Белинским, а Никитенко? Мы считаем, что это именно так.

В. К у л е ш о в

VII

«БЛАГОВОСПИТАННОЕ ДИТЯ, ИЛИ КАК ДОЛЖНО СЕБЯ ВЕСТИ. СОЧ. ЖОЗЕФИНЫ ЛЕБАССЮ»

(«Современник», 1848, кн. 2)

1

В наиболее полных собраниях сочинений Белинского — изд. Солдатенкова и Щепкина (т. XI) и под редакцией Венгерова (т. XI) помещены рецензии: «Благовоспитанное дитя, или как должно себя вести. Соч. Жозефины Лебассю». Принадлежность ее Белинскому до сих пор ни у кого не вызывала сомнений. Однако обратим внимание на характерное указание автора в самом начале этой рецензии, которое приводит в конечном счете к сомнению: «„Благовоспитанное дитя, или как должно себя вести“,— пишет автор,— удивительная, несравненная книжка и к тому же еще с т а р а я н а ш а з н а к о м а я! Она была издана впервые, если не ошибаемся, д е с я т ь лет н а з а д тому, и тогда мы радостно п р и в е т с т в о в а л и ее в одном, уже теперь, увы! н е с у щ е с т в у ю щ е м журнале».

Цитируемая рецензия напечатана впервые в «Современнике», 1848, № 2, отд. III, стр. 137—141, без подписи.

Столь категорическое сообщение автора о том, что он лет десять назад высказывался о книжке Лебассю в одном из журналов, заставило нас поискать эту «новую» рецензию. Известно, что Белинский участвовал в следующих изданиях: «Телескоп», «Молва», «Московский наблюдатель», «Литературные прибавления к Русскому инвалиду», «Отечественные записки» и «Современник».

Книжка Лебассю первым изданием вышла в 1838 г. (дата цензурного разрешения 5 октября 1838 г.) с несколько иным названием «Благовоспитанное дитя, или как должно жить в свете». Следовательно, «Телескоп» и «Молва» сразу отпадают: они были закрыты еще в 1836 г. «Отечественные записки» и «Современник» также отпадают, потому что Белинский говорит о теперь уже «несуществующем журнале», а в 1848 г. оба эти журнала существовали.

Искать рецензию нужно было в «Московском наблюдателе» и «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду». Оба издания прекратили свое существование в 1839 г., т. е. как раз около десяти лет назад. («Литерат. прибавл.» были с 1840 г. преобразованы в «Литературную газету», просуществовавшую до 1849 г.) Внимательнейший просмотр «Московского наблюдателя», начиная с октября 1838 г. и за весь 1839 г., ничего не дал. В нем не нашлось даже простого упоминания о книжке Лебассю. Но зато в «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду» удалось обнаружить маленькую анонимную рецензию на интересующую нас книжку. Она напечатана в № 4 от 28 января 1839 г.

Очень возможно, что это тот самый отзыв, о котором упоминается в рецензии 1848 г., приписываемой Белинскому. Вновь «открытая» рецензия заставляет, однако, сомневаться в том, что она написана Белинским. В самом деле, рецензия появилась 28 января 1839 г. в петербургском издании «Литературные прибавления к Русскому инвалиду». Белинский, живя в Москве в это время, конечно, мог ее написать. У него для этого было время с октября по январь. Но вот вопрос. Известно, что в «Литературных прибавлениях» по договору с их издателем Белинский начал сотрудничать с лета 1839 г. и в особенности с осени этого года, когда он переехал в Петербург. Все время с 1838 по осень 1839 г. Белинский всецело был поглощен делами туго расходившегося журнала «Московский наблюдатель».

Невозможно, чтобы Белинскому, тогда уже широко известному критику, была поручена рецензия (даже не рецензия, а маленькая заметка) на такую третьестепенную книжку, как «Благовоспитанное дитя» Лебассю. Это ли дебют Белинского в петербургском издании? Рецензия эта стоит особняком. Ее отделяет полгода от первых известных нам выступлений Белинского в «Литературных прибавлениях». Получается, что она — единственная за все первое полугодие 1839 г. в этом издании.

Все изложенное заставляет сильно сомневаться в том, что и рецензия 1848 г. на второе издание книжки Лебассю, связанная с первой рецензией, принадлежит Белинскому.

Полагаем, что они обе принадлежат А. Никитенко. Он был цензором книжки Лебассю при ее первом издании. Имя его значится под датой цензурного разрешения, и, всего вероятнее, он был и анонимным ее рецензентом в обоих изданиях 1838 и 1847 гг.

В. Кулешов

2

В. Кулешов в своем сообщении высказывает сомнение в принадлежности Белинскому рецензии на второе издание книги «Благовоспитанное дитя, или как должно себя вести», соч. Ж. Лебассю (XI т.) и предполагает, что она могла быть написана А. Никитенко.

Доводы В. Кулешова представляются нам совершенно не убедительными на основании следующих соображений:

1. Рецензия на второе издание книги «Благовоспитанное дитя...» написана основным сотрудником «Современника», о чем свидетельствует сводная рецензия на две других детских книжки: «Подарок детям на праздник» и «Первоначальный учитель», напечатанная в следующем номере журнала после того, в котором появилась рецензия на «Благовоспитанное дитя...».

Автор этой рецензии писал:

«В прошлой книжке журнала нашего мы заметили по поводу второго издания „Благовоспитанного дитяти“, что наша детская литература не делает ни шагу вперед.

Подтверждением слов наших могут служить еще две детских книжки, заглавия которых мы выписали выше» («Современник», 1848, № 3, отд. III, стр. 105. Разрядка моя. — *Е. К.*).

Подчеркнутые слова свидетельствуют, что автором этих двух рецензий было одно и то же лицо и что этот автор был основным сотрудником «Современника».

Основными сотрудниками критического отдела были: Белинский, Кавелин, Некрасов, Панаев, Никитенко.

Кавелин, Некрасов и Панаев не могли быть авторами рецензии на второе издание книги «Благовоспитанное дитя...», так как они не писали рецензий на детские книги, и, кроме того, автор этой рецензии говорит о том, что еще в 1836—1837 гг. он был уже литературным критиком, что не может быть отнесено ни к Кавелину, ни к Панаеву, ни к Некрасову. Однако автором ее не мог быть и Никитенко, как предполагает В. Кулешов, так как по своему идейному содержанию рецензия противоречила взглядам

Никитенко на детскую литературу. В рецензии говорится: «Умеренность и аккуратность... В этих двух словах заключается вся нравственная цель этой милой книжечки, которая, кажется, хлопочет о том, чтобы расплодить на Руси род Молчалиных... Прекрасная, похвальная цель! ...Но для воспитания детей в этом духе недостаточно одной этой милой книжечки. Всем известно, до какой степени сильно влияние матери на воспитание детей, и потому один наш знакомый намерен издать в непродолжительном времени в pendant к благовоспитанному дитяти книжечку под заглавием: Благовоспитанная жена и мать... Мы прочли эту превосходную книжечку и, не боясь оскорбить скромности автора, сообщим из нее нашим читателям один отрывок, который понравился нам в особенности:

„Благовоспитанная жена обязана во всем беспрекословно повиноваться воле своего мужа, или, лучше, вовсе не иметь собственной воли, собственного образа мыслей, собственного взгляда, а смотреть на все глазами своего мужа“» (XI, 171—172).

О том, что у Никитенко был противоположный взгляд на воспитание, свидетельствует то недоразумение, которое возникло между Никитенко и редакцией «Современника» в начале 1847 г., когда Никитенко взял под свою защиту А. О. Ишимову, издательницу детского журнала «Звездочка», и написал об этом издании положительную рецензию, вопреки желанию остальных сотрудников «Современника», т. е. вопреки желанию Белинского и Некрасова. (Об этом подробнее см. «Лит. наследство», т. 55. В. Кулешов. «Мнимые рецензии Белинского в „Современнике“», стр. 407—408.)

Детский журнал Ишимовой «Звездочка» отличался «умеренностью и аккуратностью», т. е. воспитывал «благовоспитанное, благонамеренное дитя». Автор же рецензии на «Благовоспитанное дитя...» выступает именно против такого воспитания.

Итак, идейное содержание этой рецензии свидетельствует о том, что она не могла быть написана Никитенко. Тогда остается единственный возможный автор из всех сотрудников «Современника» — Белинский.

2. В рецензии на книгу «Благовоспитанное дитя» мы читаем: «... сколько событий совершилось в продолжении этих десяти лет ...сколько замечательных событий ...Чудное, право, это время, в которое живем мы. Наши деды и прадеды во 100 лет не переживали того, что мы переживаем теперь в 10 лет. Для того, чтоб убедиться в этом, пробегите мысленно хоть историю открытий в науке в последние 10 лет... Даже и литература... и русская литература сделала исполинские шаги в последние 10 лет» (XI, 169).

Эта мысль неоднократно развивалась в последние годы Белинским. Ср., например: «Но как бы мы ни были нетерпеливы, и как бы ни казалось нам все медленно идущим, а ведь оно идет страшно быстро. Екатерининская эпоха представляется нам уже в мифической перспективе, не стариною, а почти древностью. Помните ли вы то время, когда я, не зная истории, посвящал вас в тайны этой науки? Сравните-ка то, что мы тогда с вами толковали, с тем, о чем мы теперь толкуем. И придется воскликнуть: свежо предание, а верится с трудом!» (письмо к Кавелину от 22 ноября 1847 г. — «Письма», III, 300). Или в другом месте: «Альманачные обозрения, о которых мы сейчас говорили, имеют теперь для нас весь интерес старины, несмотря на то, что начались всего 24 года назад тому! Так быстро идет вперед наша литература!» (XI, 79).

3. Нет никаких оснований утверждать, что автором рецензий на первое издание книги Лебассю «Благовоспитанное дитя...», напечатанной в «Литературных прибавлениях к „Русскому инвалиду“», и на ее второе издание, напечатанной в «Современнике», было одно и то же лицо.

Кто бы ни был автором рецензии на эту книгу в «Современнике», у него не было никакого повода с таким сожалением вспоминать о «Литературных прибавлениях...»: «уже теперь, увы! несуществующий журнал!!!»

Кроме того, «Литературные прибавления...» — газета, а не журнал, автор же рецензии определенно говорит о «несуществующем журнале».

Таким образом, остается предположить, что автор этой рецензии имел в виду журнал «Московский наблюдатель», который прекратил свое существование в 1839 г.

Из сотрудников «Современника» с таким сожалением вспоминать о «Московском наблюдателе» мог только Белинский, который был его вдохновителем, редактором и почти единственным сотрудником критического отдела.

Однако при просмотре «Московского наблюдателя» обнаружено, что рецензии на первое издание книги Ж. Лебассю в журнале нет.

Отсутствие рецензии на книгу «Благовоспитанное дитя...» в «Московском наблюдателе», очевидно, следует объяснить следующим образом:

«Московский наблюдатель» выходил под редакцией Белинского в 1838 г., начиная с марта по август включительно, и в 1839 г. с января по апрель.

Первое издание книги «Благовоспитанное дитя...» вышло в октябре 1838 г. (цензурное разрешение 5 октября), т. е. в те месяцы, когда соответствующие номера журнала из-за редакционных неполадок так и не были выпущены. Очевидно, Белинский написал рецензию на эту книгу, но она или была затеряна в редакции, или не была напечатана в 1839 г. (когда снова стал выходить журнал) как рецензия, потерявшая свою актуальность.

Выше было отмечено, что автором рецензии на второе издание книги «Благовоспитанное дитя...» и сводной рецензии на две других детских книжки: «Подарок детям...» и «Первоначальный учитель» в следующем номере «Современника» было одно и то же лицо. В рецензии же на книгу «Подарок детям...» содержится указание на то, что автором ее был именно Белинский.

Автор этой рецензии писал:

«Детские книжки наводят нас всегда на печальные размышления о нашем воспитании. Надобно сознаться, что у нас еще до сих пор не одни составители и издатели этих книжек, но многие родители и наставники (люди впрочем очень почтенные и умные) имеют немного странные понятия о воспитании.

Не угодно ли, например, познакомиться с их идеалом х о р о ш о в о с п и т а н н о г о, м и л о г о д и т я т и? Этот идеал очень удачно очерчен г. Тургеневым в его рассказе: „Татьяна Борисовна и ее племянник".

Признаемся, у нас никогда не лежало сердце к этим Андрюшам, к этим благовоспитанным детям, за которыми не водится никаких шалостей, которые льстиво смотрят вам в глаза, рисуются перед вами и кокетничают своим благонравием... Но еще более не лежит у нас сердце к детским книжечкам, которые хлопочут, сознательно или в простоте души, о размножении Андрюшей — к книжечкам, в которых правила лицемерия и лести, обсахаренные самою приторною моралью, выдаются за чистейшую нравственность.

„Подарок детям на праздник с 8-ю (очень плохими) картинками" принадлежит к такого рода книжечкам. Для неизвестного автора „Подарка детям..." Андрюша г. Тургенева — тип благовоспитанного и милого дитяти,— только у него Андрюша называется Лукашей».

Этот резкий неодобрительный отзыв об Андрюше из рассказа Тургенева «Татьяна Борисовна и ее племянник» полностью совпадает с тем, что писал об этом же рассказе Белинский П. В. Анненкову 15 февраля 1848 г., т. е. примерно в одно время с рецензией на книгу «Подарок детям...» (Рецензия на эту книгу напечатана в «Современнике» 1848, № 3, ценз. разр. 29 февраля).

«Богатая вещь — фигура Татьяны Борисовны, недурна старая девица; но племянник мне крайне не понравился, как список с Андрюши и Кирюши, на них непохожий. Да воздержите этого милого младенца от звукоподражательной поэзии...» («Письма», III, 337).

Таким образом, на основании всего сказанного мы считаем, во-первых, что нет никаких оснований сомневаться в принадлежности Белинскому рецензии на 2-е издание книги Ж. Лебассю «Благовоспитанное дитя...»; во-вторых, что сводная рецензия на книгу «Подарок детям...» и «Первоначальный учитель» также написана Белинским и должна быть включена в собрание его сочинений.

Е. Кийко

VIII

МНИМЫЕ СТАТЬИ МОЛОДОГО БЕЛИНСКОГО

(«Молва», 1834, №№ 19, 24 и 27)

1

Как литературный критик и журналист Белинский формировался в 1833—1834 гг. в редакции «Телескопа» и «Молвы».

Полтора года Надеждин держал Белинского на черной работе поставщика переводного материала — рассказов, статей и заметок из «Revue etrangère», «Revue de Paris», «Courier du beau monde», «Miroire». Никакого выхода в критику и публицистику из этого тупика, как будто бы, не намечалось. Не случайно и поиски исследователей направлены были в течение многих лет на обнаружение звена, связующего Белинского — журнального чернорабочего и Белинского — автора «Литературных мечтаний».

Рукописи Белинского эпохи 1833—1834 гг. не сохранились. Работа биографов и текстологов была переключена поэтому на материал, сосредоточенный в журналах Надеждина.

Пионером в области разысканий неизвестных публикаций Белинского среди анонимных статей и заметок «Телескопа» и «Молвы» явился С. А. Венгеров, в издании которого впервые перепечатан был целый ряд ранних оригинальных и переводных произведений великого критика (I, 156—307)*. Но наряду с вещами, бесспорно принадлежавшими Белинскому, в первый том нового полного собрания его сочинений, выпущенный С. А. Венгеровым в 1900 г., попали произведения, включение которых в литературное наследство Белинского приходится признать явно ошибочным. Беда была бы не так велика, если бы речь шла о публикациях, ничего существенного, принципиально нового, в литературный формуляр критика не вносящих. Но поскольку некоторые из этих «открытий» оказались опорными пунктами для новых ошибок, поскольку их материал стал заполнять белые пятна биографии Белинского, постольку и пересмотр всех оснований включения в корпус сочинений Белинского тех или иных анонимных произведений из «Телескопа» и «Молвы» должен стать одной из первоочередных задач исследователя начальных этапов работы великого критика.

2

Как статьи, предшествующие «Литературным мечтаниям», С. А. Венгеров включил в полное собрание сочинений Белинского полемическую заметку «Литературная новость» и две рецензии — на роман Н. Лутковского «Любовь моего соседа» и на рассказ «Дедушкины посиделки».

Если принять эту гипотезу, Белинский как критик и публицист дебютировал заметкой «Литературная новость» в «Молве» от 15 июня 1834 г. (№ 24, стр. 366—370).

Ни с какой стороны эта статья, однако, не похожа ни на литературный дебют вообще, ни на первый критический опыт Белинского в частности. Более чем странен для начинающего автора, для человека не искушенного в журнальной борьбе, был бы самый повод, вызвавший «Литературную новость» к жизни. Это отклик на роман

---

* В письме Белинского к брату Константину от 21 мая 1833 г. сохранилось упоминание о принадлежности Белинскому еще одного перевода, а именно статьи «Английские нравы. Граф и Альдерман» («Телескоп», 1833, № 14. Ср. «Письма», I, 52). На том основании, что этот перевод снабжен ссылкой на «New Montly Magazine», а «по-английски Белинский не знал», С. А. Венгеров неправильно отверг, как это установлено М. П. Алексеевым («Белинский и Диккенс» — «Венок Белинскому». М., 1924, стр. 170), авторство Белинского. Однако ссылку на английский первоисточник в данном случае надо понимать, конечно, как обозначение источника не Белинского, а того французского издания, из которого Белинский эту статью извлек. Английский материал в русских журналах 1820—30-х гг. обычно восходил не к первоисточнику, а к французским переводам.

Н. И. Греча «Черная женщина», но отклик, вызванный не самым романом, которого автор заметки еще не прочел, ибо книжка Греча не успела дойти до Москвы, а яростная атака на информацию о «Черной женщине» в «Северной пчеле», протест против рекламного характера этой информации в статье самого Греча и в первой рецензии на роман, написанной «В. В. В.» (В. М. Строевым).

То обстоятельство, что В. М. Строев, недавний сотрудник журналов Надеждина, столь резко обнаруживал в «Северной пчеле» свою близость к Н. И. Гречу и его окружению, в какой-то мере оправдывало интерес лишь самого редактора «Молвы» к этому малозначительному литературно-бытовому эпизоду. Заметка «Литературная новость» явно указывала на принадлежность ее автора к аппарату журналов Надеждина, изобличая в нем давнего антагониста «Северной пчелы», исконного врага Н. И. Греча, хорошо осведомленного в журнальных отношениях профессионала. Это позиции, конечно, самого Надеждина, а никак не Белинского той поры.

Заметка «Литературная новость» претенциозна и мелочна, ее пафос фальшив, юмор грубоват и натянут, в ней нет и следа той высокой идейности, того лиризма, свежести и непосредственности, которые так характерны для молодого Белинского. Фразеологии Белинского органически чужды такие красоты семинарской элоквенции, как: роман г. Греча «совершил, наконец, торжественное вшествие в печальную юдоль книжного света» или наивное щегольство цитатной латынью (эпиграф «Amicitia cara et valde rara»; неожиданная ссылка на девиз голландского червонца: «Concordia res parvae crescunt»). Это — стиль самого Надеждина, хорошо всем памятный стиль полемических статей Никодима Надоумко в «Вестнике Европы» и в «Телескопе» 1829—1831 гг.

Мы попытались не только мотивировать свои сомнения в принадлежности Белинскому полемической заметки «Литературная новость», но и определить ее настоящего автора.

Какова же была, однако, аргументация С. А. Венгерова, перепечатавшего эту статью в полном собрании сочинений Белинского? Как это ни покажется сейчас странным, но большой аргументации С. А. Венгеров и не развертывал. С присущей ему эмоциональностью он в своих примечаниях даже откровенно признал, что «тон статейки мало напоминает манеру Белинского», а как единственный и якобы решающий довод в пользу авторства последнего привел подпись, которой была скреплена «Литературная новость» в «Молве»,— «—нский» (I, 250).

Эта справка могла быть рассчитана, однако, только на формальный эффект, а по существу не выдерживала, конечно, никакой критики. Нам не известно ни одного случая, когда бы Белинский, пользовавшийся разными способами замены своей фамилии в печати («В. Б.», «Б.», «—он —инский»), воспользовался бы концовкой «нский». В числе сотрудников «Телескопа» и «Молвы» были, к тому же, литераторы, фамилии которых имели такое же окончание (напр. О. М. Бодянский). Наконец, никто бы не мог возбранить Надеждину как редактору «Молвы», намеренно отвести подозрение от себя как автора подписью, напоминающею фамилию того или иного из его сотрудников.

3

Рецензии на «Любовь моего соседа» и на «Дедушкины посиделки», помещенные в «Молве» от 6 июля 1834 г. (№ 27, стр. 10—11) за подписью «W», ни тематически, ни лексически, ни формально-конструктивно не связаны с общеизвестными писаниями молодого Белинского. Правда, в них нет ничего, что и резко противостояло бы последним.

«Подпись „W.“,— писал С. А. Венгеров,— дает известное основание приписать эти две небольшие рецензии Белинскому. Правда, буквой „W“ мог бы подписаться и В. Межевич, деятельный сотрудник библиографического отдела „Молвы“. Но, так как непосредственно за этими двумя статейками идет рецензия, подписанная псевдонимом Межевича—Ч и т а т е л ь e x o f f i c i o, то становится вероятным, что буква W поставлена для того, чтобы отделить двух авторов. Слог как будто бы Белинского. С этими оговорками считаем не лишним перепечатать статейки» (I, 254).

Аргументация С. А. Венгерова сама по себе очень осторожна и никак не мотивирует его же — для нас совершенно неожиданного — заключения. Последнее могло бы иметь некоторое оправдание лишь в одном случае — если бы удалось установить хоть какие-нибудь признаки, роднящие статьи за подписью «W» с подлинными статьями Белинского до «Дедушкиных посиделок» или после них. Таких признаков, однако, установить не удалось, а потому и заключение С. А. Венгерова должно отпасть, как формально порочное и беспредельно расширяющее возможности заполнения собрания сочинений того или иного автора анонимной продукцией любого из его товарищей по журнальной работе.

Прошло около полувека со времени включения в полное собрание сочинений Белинского случайных рецензий неизвестного автора за подписью «W». Заметки о «Любви моего соседа» и о «Дедушкиных посиделках» утвердились за Белинским, уже как бы по праву давности.

Больше того, нейтрально-равнодушное отношение буржуазно-народнической историографии к засорению собрания сочинений Белинского вещами, ему не принадлежащими, не встретило надлежащего отпора и со стороны советских исследователей. В 1945 г. М. Я. Поляков, изучая первые литературные шаги Белинского, установил наличие в одном из номеров «Молвы» еще одной заметки за подписью «W». Эта рецензия оказалась в «Театральной хронике» и была оформлена в виде «Письма к издателю» о постановке в Москве пьесы А. А. Шаховского «Смольяне» («Молва», 1834, № 19, стр. 295—297).

Несмотря на то, что «Письмо» это обнаруживало в его авторе черты квалифицированного театрального рецензента, каким Белинский в эту пору еще быть не мог, несмотря на то, что оно никак не увязывалось с известными нам суждениями Белинского о репертуаре русских театров 1830-х годов и о Шаховском, как драматурге, М. Я. Поляков, основываясь на самой подписи «W», пришел к выводу о принадлежности «Письма» Белинскому.

«Еще С. А. Венгеров вполне обоснованно установил <?!>, что подпись принадлежит Белинскому,— указывал М. Я. Поляков.— Две заметки из № 27 „Молвы“ за 1834 г., подписанные этой буквой, он ввел в собрание сочинений критика. Третью о которой идет речь, он, по странному недосмотру, не заметил» («Театр», 1945, № 3-4, стр. 79).

Мы нарочно привели выше полностью выписку из комментария С. А. Венгерова, чтобы показать, что даже он сам никогда не считал «установленным» тожество «W» с Белинским. «По странному недосмотру» он действительно упустил заметку о «Смольянах». Но если бы этого недосмотра не случилось, то С. А. Венгеров, вероятно, сам поспешил бы от своей осторожной гипотезы отказаться. Он должен был знать, что автором статей и заметок о новых театральных постановках в московских журналах 1830-х годов был страстный театрал и профессиональный театральный рецензент В. С. Межевич, который еще до Белинского и вместе с ним деятельно сотрудничал и в «Телескопе» и в «Молве».

4

Изъятие из литературного формуляра молодого Белинского полемических статей и заметок за подписями «—нский» и «W», как вещей, ему не принадлежащих, обязывает исследователя еще к одному выводу био-библиографического порядка.

Активное сотрудничество Белинского в журналах Надеждина, начавшееся весною 1833 г. и имевшее постоянный характер (его переводы печатались из месяца в месяц, почти без перебоев), к началу следующего года не сокращается, а вовсе обрывается. За время с января до середины июля 1834 г. вся работа Белинского в «Телескопе» и «Молве» исчерпывается публикацией переводного очерка из истории раннего средневековья «Испытание кипящею водою». Но и этот очерк залежался, видимо, в портфеле редакции с предыдущего года, ибо, несмотря на свою цензурную дату (6 февраля 1834 г.) он был напечатан в одном из дополнительных номеров «Телескопа», недоданных подписчикам за 1833 г. («Телескоп», 1833, № 21, стр. 62—79. Ср. «Летопись жизни Белинского», М., 1924, стр. 24—28). Лишь с конца лета Белинский возобновляет свое

сотрудничество в «Телескопе» и «Молве», работа его опять получает регулярный характер, причем с 3 августа Белинский переселяется в квартиру Надеждина и даже заменяет его в течение полутора месяцев в журнале на правах заведующего редакцией.

Чем же объяснить установленный нами полугодовой перерыв сотрудничества Белинского в «Телескопе», его временный, но явный отход от Надеждина? Как известно, из Москвы он никуда в течение этого времени не отлучался, материальное положение его к лучшему не изменялось, никакой другой работы, кроме случайных уроков, у него не было.

Мы полагаем, что этот перебой в литературно-деловых взаимоотношениях Белинского с Надеждиным мог быть вызван только какими-то осложнениями принципиального или тактического характера. Эти осложнения мы склонны связать, разумеется гипотетически, с судьбой той первой оригинальной статьи, которая написана была Белинским для «Телескопа» в конце 1833 г., но света так и не увидела. Об этой статье, точнее о предстоящем появлении ее в «Телескопе», Белинский уведомлял брата Константина в письме из Москвы от 8 ноября 1833 г. Свою новую работу, в отличие от всех предыдущих, Белинский характеризовал как «оригинальную статью» и отмечал даже ее название: «Тоска» (см. в наст. томе, стр. 158). Ни в одном из номеров «Телескопа» и «Молвы» статьи этой, однако, не оказалось. Она не сохранилась и в рукописи *.

Можно, однако, предполагать, что статья была литературно-критической, писанной в эмоциональных тонах «Литературных мечтаний». К этому заключению уполномачивает нас и тематическая близость ее названия («Тоска») знаменитому подзаголовку «Литературных мечтаний» («элегии в прозе»), этому не противоречит и самая интонация начальных страниц «элегий» («Помните ли вы то блаженное время, когда в нашей литературе пробудилось было какое-то дыхание жизни?⟨...⟩ Увы! где ты, о bon vieux temps, где вы, мечты отрадные, где ты, надежда-обольститель! Какое ужасное, раздирающее душу разочарование, после столь сильного, столь сладкого обольщения» и пр.).

Если рассматривать «Тоску» как начальный вариант «Литературных мечтаний», как первый подход Белинского к проблематике его литературного и критического шедевра 1834 г., то и вопрос о переходе Белинского — журнального чернорабочего на амплуа Белинского — ведущего критика утратит в значительной степени свою остроту **, перестанет ассоциироваться со скачком, биографически не мотивированным, литературно не подготовленным.

Белинский переходной поры, Белинский кануна «Литературных мечтаний» это вовсе не аноним, какой-то «—нский» или «W», автор бесцветных заметок, затерянных на страницах «Молвы». Нет, это автор «Тоски», изъятой из «Телескопа» еще осенью 1833 г., это автор, вероятно, и других литературно-критических этюдов, не попавших в печать, и статей, не дошедших до читателя, но в процессе создания которых и определилась в 1833—1834 гг. база для выхода Белинского в большую литературу.

Ю. Оксман

---

* Первые сведения об этой статье Белинского появились в печати еще в 1859 г. на основании отмеченного нами выше письма великого критика к брату от 8 ноября 1833 г., но без точной даты этого свидетельства и с ложной ссылкой на то, что «Тоска» опубликована была в «Телескопе» 1833 г. («Моск. ведомости», 1859, № 25). С. А. Венгеров, перепечатав полностью эту заметку, снабдил ее разъяснением: «Такой статьи ни в „Телескопе", ни в „Молве", ни за 1833, ни за позднейшие годы, ни оригинальной, ни переводной не появлялось. Тут какое-нибудь недоразумение или ошибка» (I, 249). Без всякой аргументации А. А. Корнилов выдвинул совершенно несостоятельную гипотезу о том, что статьею «Тоска» следует считать отрывок из анонимного романа «Две жизни» в «Телескопе» 1834 г. («Рус. мысль», 1911, № 6, стр. 32).

** «В биографии Белинского есть один невыясненный вопрос,— отмечается даже в популярных обзорах жизненного пути великого критика,— каким образом Надеждин, зная Белинского только как переводчика, приступает к печатанию статьи „Литературные мечтания", имея только ее начало и совершенно не зная критических сил Белинского?» (И. Кубиков. «В. Г. Белинский. Жизнь и литературная деятельность». М., 1924, стр. 11).

IX

«ПЕСНЬ ОБ ОПОЛЧЕНИИ ИГОРЯ, СЫНА СВЯТОСЛАВОВА, ВНУКА ОЛЕГОВА. ПЕРЕЛОЖЕНИЕ МИХАИЛА ДЕ ЛА РЮ»

(«Лит. газета», 1840, № 7)

Среди других, ранее неизвестных статей и критических заметок Белинского, напечатанных в предыдущем 56-м томе «Литературного наследства» (стр. 23—24), редакция поместила и названную в заголовке анонимную рецензию из «Литературной газеты» за 1840 г. Автор публикации Л. Ланский приписал рецензию Белинскому главным образом на основании близости ее (и формальной и по существу) к другому отзыву на ту же книгу, появившемуся в первом номере «Отеч. записок» за 1840 г. и вошедшему в «Полное собрание сочинений» критика (V, 90—91).

По поводу этой публикации редакция «Литературного наследства» получила замечания аспиранта Саратовского государственного университета В. М. Потявина. В них оспаривается убедительность доказательств Л. Ланского.

«Известно,— пишет В. М. Потявин, — что Белинский не сомневался в подлинности „Слова о полку Игореве“ и решительно отвергал досужие домыслы на этот счет скептиков. Так, в III-й статье о „Древних российских стихотворениях...“ Белинский, полемизируя со скептиками, прямо говорит, что «это произведение явно современное воспетому в нем событию“ (VI, 361). „Слово, — писал критик,— прекрасный, благоухающий цветок славянской народной поэзии, достойный внимания, памяти и уважения. Что же касается до того, точно ли „Слово“ принадлежит XII или XIII веку, и не поддельно ли оно: на это сама поэма лучше всего отвечает, если только об ней судить на основании самой ее, а не по разным внешним соображениям“ (VI, 362). Кроме того, Белинский всегда относил „Слово о полку Игореве“ к „древнейшим памятникам русской народной поэзии“, но не к письменной художественной литературе (VI, 64, 361, 362 и др.). Иные взгляды по этим вопросам были у Каткова, сотрудничавшего вместе с Белинским именно в эту пору, в изданиях Краевского. Катков никогда решительно не отрицал мнений скептиков о „Слове“. Правда, он иногда высказывал сожаление, что скептики лишают его удовольствия наслаждаться поэтическою стороною „Слова“, но тут же отмечал и весомость для себя их аргументации. Явное сочувствие аргументации скептиков выражено было Катковым в рецензии на книгу М. Максимовича „История древней русской словесности“ („О. З.“, 1840, кн. 4, стр. 71). Эта рецензия послужила поводом для ответной статьи М. Максимовича «Отзыв на критику истории древней русской словесности М. Максимовича, помещенную в „Отечественных записках“» („Сев. пчела“, 1840, № 125, 6 июня), в которой автор делает выпад не только против „выспренных идей“ статьи, помещенной в „О. З.“, но и по поводу сомнений рецензента в подлинности „Слова о полку Игореве“. Кроме того, Катков всегда относил „Слово“ не к народной поэзии, а к памятникам письменной художественной литературы. В статье „Песни русского народа“ Катков писал, что Сахаров в своем предисловии „излагает доводы признающих подлинность этого произведения и сомнения отрицающих ее“. „Сам г. Сахаров,— продолжает Катков,— присоединяется к первым и старается отвергнуть все сомнения и утвердить подлинность. Его старания однако ж особенно утвердить подлинность „Слова“ довольно не удачны. Мы сами за себя не будем касаться теперь этого вопроса, скажем только, *что во всяком случае „Слово о полку Игореве“ может быть только памятником,* положим и прекрасным, нашей письменности; на него должно смотреть с другой точки, нежели на народную поэзию, это произведение отдельного человека, перешедшее прямо из головы на бумагу, а не произведение целого народа, образовавшееся и живущее в устах“ („Отеч. зап.“, 1839, т. IV, отд. VI, стр. 91). Остается нерешенным вопрос о подлинности „Слова“ и для автора публикуемой Л. Ланским рецензии. „Много было споров между нашими учеными, и дело по сию пору не решено, и может быть долго еще не решится“ („Лит. наследство“, т. 56, стр. 23). Далее автор рецензии указывает,

что „Слово“ „представляется вам полным художественным произведением, и в душе вашей возникает невольная досада против скептической критики, которая хочет отнять у вас это прекрасное произведение и иногда представляет такие аргументы, что поневоле призадумаешься“. Белинский, конечно, никак не мог в такой осторожной форме реагировать на клеветнические измышления скептиков. Таким образом, рецензия в „Литературной газете“ на книжку Михаила Де Ла Рю „Песнь об ополчении Игоря“ скорее может принадлежать Каткову, чем Белинскому».

Полемические замечания В. М. Потявина заставили редакцию «Литературного наследства» подвергнуть специальному обследованию предмет возникшего научного спора. В результате обследования редакция пришла к заключению о полной обоснованности негативного вывода В. М. Потявина — вывода, требующего даже более решительной категорической формулировки: напечатанная в седьмом номере «Литературной газеты» за 1840 г. рецензия на книгу «Песнь об ополчении Игоря<...> Переложение Михаила Де Ла Рю» безусловно написана не Белинским.

Вместе с тем произведенное обследование заставляет исключить из списка рецензий критика и тот упомянутый выше отзыв на ту же книгу Де Ла Рю, напечатанный в первом номере «Отеч. записок» за 1840 г., который был включен Венгеровым в Полное собрание сочинений Белинского (V, 90—91).

Ошибка Венгерова, послужившая опорным пунктом для новой ошибки в публикации Ланского, становится совершенно очевидной в свете следующих фактов.

Автор анонимных рецензий как в «Отеч. записках», так и в «Литературной газете» вполне сочувственно относится к самому замыслу Де Ла Рю дать стихотворное переложение «Слова», высоко оценивает конкретные результаты осуществленного им труда и вместе с тем обнаруживает колеблющуюся, неопределенную позицию по вопросу о подлинности «Слова»: «Г. Де Ла Рю,— читаем в рецензии «Отеч. записок»,— имел самое благое намерение, не входя в ученые разыскания и исследования о достоверности известного „Слова о пълку Игореве Игоря сына Святъславля“, переложить его в нынешние звучные, гладкие гекзаметры, чтоб сделать доступным для всех читателей, которым недоступен язык этого древнего памятника. Таким образом, никто не имеет права спрашивать почтенного переводчика, почему он так утвердительно говорит о „Слове“, как о памятнике русской письменности XII века<...> г. Де Ла Рю действовал тут как поэт, не как критик-археолог,— и, как поэт, исполнил свое дело с совершенным успехом: его гекзаметры <...> истинный подарок для читателей; их с удовольствием прочтет всякий — и верующий и неверующий в древность и великорусское происхождение этой поэмы» (V, 90—91).

Совершенно те же по существу высказывания находим и в отзыве «Литературной газеты». Заявляя, что по вопросу о подлинности «Слова» «много было споров между нашими учеными, и дело по сию пору не решено, и может быть долго еще не решится», автор отзыва пишет далее: «а между тем нельзя не поблагодарить от души наших поэтов, которые с такой любовью занимаются этим драгоценным памятником старины. Их поэтическое чувство иногда может уяснить дело более, нежели холодная критика ученого, чему доказательством служит настоящее переложение г. Де Ла Рю...» («Лит. наследство», т. 56, стр. 23).

В. М. Потявин в своих замечаниях не учел этого сходства рецензий на книгу Де Ла Рю в «Отеч. записках» и в «Литературной газете». Между тем сходство это очевидно. Именно оно-то и послужило причиной ошибочной атрибуции и оно же заставляет исключить из литературного наследства Белинского не только рецензию «Литературной газеты» на книгу Де Ла Рю, но и рецензию на ту же книгу в «Отеч. записках».

Суждения автора или авторов этих рецензий находятся в решительном противоречии с известными взглядами Белинского по вопросу о подлинности «Слова», о чем речь была выше, и с прочно устоявшимся отрицательным отношением критика к принципу «поэтических переделок» знаменитого памятника. В обзоре «Русская литература в 1846 году» Белинский писал по поводу стихотворного переложения «Слова» Минаевым: «что до нас собственно касается, нам так нравится „Слово о полку Игоревом“ в его настоящем виде, что мы не можем без неприятного чувства смотреть на его

переделки. Нам кажется, что его вовсе не нужно ни изменять, ни переводить, ни перелагать, но довольно заменить в нем слишком обветшалые и непонятные слова более новыми и понятными, хотя и взятыми же из народного языка» (X, 413; ср. также XII, 514).

А в более раннем и наиболее развернутом отзыве о «Слове», содержащемся в III-й статье о «Древних российских стихотворениях» 1841 г., Белинский писал: «„Слово о Пълку Игоревом" несколько раз было переводимо прозою, и были, кажется, две попытки (гг. Вельтмана и Деларю) перевести его стихами или мерною, ритмическою прозою. Но попытки последнего рода должны считаться совершенно излишними: „Слово" может быть прекрасно только в его первобытном и наивном виде без всяких других изменений и поправок, кроме подновления слишком устаревших слов и оборотов» (VI, 377—378).

В результате всего сказанного следует вывод: обе рецензии на книгу Де Ла Рю — в «Отеч. записках» и «Литературной газете» — должны быть изъяты из списка сочинений Белинского как ему не принадлежащие.

Редакция

P. S. В момент подписания к печати последних листов настоящего тома редакцией были получены дополнительные замечания В. М. Потявина. В них он приводит ряд соображений, доказывающих необходимость исключения из Полного собрания сочинений Белинского (VI, 202—206) еще одной рецензии, напечатанной в «Отеч. записках» 1841 г., кн. 6, на книгу И. П. Сахарова «Сказания русского народа». Эта рецензия, несомненно, принадлежит перу того же автора, что и упоминаемая выше рецензия на книжку Де Ла Рю в «Отеч. записках». В. М. Потявин считает, что она также написана Катковым.

По техническим причинам редакция уже не имеет возможности дать место для обсуждения вновь возникшего вопроса.

ПАМЯТИ
Н. И. МОРДОВЧЕНКО

Н. И. МОРДОВЧЕНКО

НЕКРОЛОГ

13 января 1951 г. в Ленинграде скончался, после продолжительной, тяжелой болезни, Николай Иванович Мордовченко, выдающийся советский литературовед, автор и редактор многих научных трудов по истории русской литературы и критики.

Н. И. Мордовченко родился в Рязани в 1904 г., окончил здесь в 1921 г. среднюю школу и затем в течение двух лет учился на историческом отделении Рязанского института народного образования. В Рязани же в 1923 г. Н. И. Мордовченко начал выступать в печати, первоначально со статьями и заметками на краеведческие темы (в «Вестнике рязанских краеведов» за 1923—1925 гг.).

С 1925 по 1929 г. Н. И. Мордовченко занимался на словесном отделении Высших государственных курсов искусствоведения при Ленинградском государственном институте истории искусств.

Еще на школьной скамье Н. И. Мордовченко начал свою трудовую деятельность в качестве библиотечного работника, сперва в Рязани (1919—1925), затем в Ленинграде (1925—1934). В 1927 г. вышел в свет выпуск VIII «Трудов Общества исследователей Рязанского края», представлявший первую крупную работу Н. И. Мордовченко «*К библиографии С. А. Есенина*» (Рязань, 1927. 63 стр.). *К работе библиографа* Н. И. Мордовченко нередко возвращался и позднее, когда уже целиком отдался занятиям литературоведением. Его перу принадлежит одна из наиболее серьезных библиографических работ обзорного характера по Пушкину — «Пушкинская библиография» («А. С. Пушкин. 1837—1937. Памятка». Л., 1937, стр. 271—322), а также монументальная «Пушкинская библиография советского периода. 1917—1936», составленная им совместно с Л. М. Добровольским (находится в настоящее время в печати).

В 1934 г. Н. И. Мордовченко был приглашен в Институт русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом), где работал старшим научным сотрудником до конца своей жизни. Вскоре после поступления в Институт началась и педагогическая деятельность Н. И. Мордовченко, сначала в Ленинградском институте философии, истории, лингвистики и литературы (ЛИФЛИ), а затем в Ленинградском гос. университете. В Ленинградском же университете Н. И. Мордовченко защитил обе свои диссертации (кандидатскую — «Очерки по истории русской журналистики 30-х годов XIX в.», 1938, и докторскую «Русская критика первой четверти XIX в.», 1948). В 1949 г. он был утвержден в ученом звании профессора; в течение ряда лет, до самой смерти, Н. И. Мордовченко заведывал кафедрой русской литературы в Ленинградском университете.

В 1940 г. Н. И. Мордовченко был принят в члены Союза советских писателей.

Литературоведческая деятельность Н. И. Мордовченко была сосредоточена, в основном, на изучении русской литературы первой половины XIX в. В центре его научных интересов стояли Белинский, Пушкин, Гоголь, Лермонтов, декабристы. Наиболее углубленно изучал Н. И. Мордовченко критическую и журнальную деятельность Белинского. Начиная со статьи «Проблема Белинского», напечатаной в «Литературном Ленинграде» в 1934 г. (14 декабря, № 62) и кончая книгой «Белинский и современная ему русская литература», вышедшей в свет за несколько дней до смерти автора, Н. И. Мордовченко разносторонне исследовал литературную и общественную деятельность великого критика. Среди многочисленных работ Н. И. Мордовченко по Белинскому (общее число их доходит до 30) находятся и публикации новых текстов, и

освещение отдельных, ранее не затрагивавшихся в науке сторон деятельности Белинского (отношение его к сербским народным песням, оценка роли Ивана Грозного в общей концепции русской истории у Белинского и т. д.), и характеристика идейного развития великого критика, и научно-популярные издания статей Белинского о Пушкине и Лермонтове, и рецензии на работы о Белинском, и статьи программного характера («Основные проблемы историко-литературного изучения Белинского». — «Вестник ЛГУ», 1948, № 6), и обобщающие книги (1948 и 1950 гг.).

Наряду с Белинским, много внимания уделял Н. И. Мордовченко также изучению жизни и творчества Пушкина. В 1935 г. он участвовал в девятитомном Полном собрании сочинений Пушкина изд. «Academia», позднее— в издании, вышедшем в большой серии «Библиотеки поэта». Одна из наиболее ярких статей Н. И. Мордовченко посвящена «Евгению Онегину» (опубликована в пушкинские юбилейные дни 1949 г. в ряде изданий).

Перу Н. И. Мордовченко принадлежит также ряд работ, посвященных Глебу Успенскому и писателям — революционным демократам: Добролюбову, Некрасову и Салтыкову-Щедрину.

Изучая русскую литературу XIX в., Н. И. Мордовченко строил свои исследования на огромном фактическом материале и, в первую очередь, на материале журналистики. Обе его диссертации посвящены истории русской журналистики первой половины XIX в. В этой области литературной науки Н. И. Мордовченко являлся одним из самых серьезных и основательно осведомленных исследователей.

Н. И. Мордовченко был прекрасным педагогом. Обширные знания, глубокая принципиальность, строгая методологическая выдержанность, ясность и простота лекторской манеры, доброжелательная требовательность к студентам привлекали на общие и специальные курсы, читавшиеся им, много слушателей, а в его семинары большое число участников.

Редакция «Литературного наследства» потеряла в лице Н. И. Мордовченко не только сотрудника, но и искреннего друга. Н. И. Мордовченко внес, в частности, ценный вклад в разработку плана последних трех томов «Литературного наследства», посвященных Белинскому, и принял в них непосредственное участие как автор.

Жизнерадостный, доброжелательный, очень скромный и простой человек, Н. И. Мордовченко сочетал эти качества с высокой идейной принципиальностью и большой нравственной требовательностью. Это был прекрасный советский человек, подлинный ученый-исследователь, верный товарищ, настоящий советский патриот.

Редакция «Литературного наследства»

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ СПИСОК ВАЖНЕЙШИХ ПЕЧАТНЫХ РАБОТ Н. И. МОРДОВЧЕНКО

I. КНИГИ

1. В. Г. Белинский. 1811—1848. Очерк литературно-критической деятельности. Л., Лениздат, 1948. 139 стр.
2. Белинский и русская литература его времени. Л., Гослитиздат, 1950. 283 стр.

II. СТАТЬИ

3. Гоголь и журналистика 1835—36 гг.— Сб. «Н. В. Гоголь. Материалы и исследования», под ред. В. В. Гиппиуса, т. II, Л., 1936, стр. 106—150.
4. Добролюбов в борьбе с Тургеневым.— Лит. критик, 1936, № 2, стр. 122—128.
5. Добролюбов в борьбе с либерально-дворянской литературой.— Известия Академии Наук СССР, отд-ние обществ. наук, 1936, № 1-2, стр. 237—254.
6. Рец.: Пушкин по документам архива М. П. Погодина. Публикация М. А. Цявловского. Пушкин по документам архива С. А. Соболевского. Публикация М. Свет-

ловой («Лит. наследство», т. 16—18, 1934, стр. 725—770). — Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. I, М.— Л., изд. Акад. Наук СССР, 1936, стр. 335—339.

7. Пушкинская библиография. (Критический обзор важнейшей литературы о Пушкине).— Сб. «А. Пушкин. 1837—1937. Памятка», Л., Гос. изд. «Художеств. литература», 1937, стр. 271—323.

8. В. Г. Белинский в работе над текстами Пушкина.— Вестник Академии Наук СССР, 1937, № 2-3, стр. 236—244; Литературный архив, т. I, Л., изд. Акад. Наук СССР, 1938, стр. 297—301.

9. Пушкин в русской критике XIX века.— Резец, 1937, № 1, стр. 39—41.

Н. И. МОРДОВЧЕНКО
Фотография

10. Салтыков-Щедрин — редактор Гл. Успенского.— Сб. «Гл. Успенский. Материалы и исследования», Л., 1938, стр. 395—427.

11. Гоголь в Петербургском университете. (Неизданные письма Гоголя и документы о нем).— Ученые записки Ленингр. гос. университета, серия филол. наук, вып. 3, 1939, стр. 355—359.

12. Гоголь в работе над «Портретом».— Там же, вып. 4, 1939, стр. 97—124.

13. Белинский и Пушкин.— Лит. учеба, 1939, № 7, стр. 32—59.

14. Журналистика начала XIX века. — История русской литературы, т. V, М.—Л., изд. Акад. Наук СССР, 1941, стр. 42—52.

15. Лермонтов и русская критика 40-х гг. — Лит. наследство, т. 43-44, 1944, стр. 745—796.

16. Первая редакция «Театрального разъезда» Гоголя.— Научный бюллетень Ленингр. гос. университета, 1945, № 5, стр. 27—29.

17. Иван Грозный в оценках Белинского.— Звезда, 1945, № 10-11, стр. 183—191.

18. Белинский о сербских народных песнях. (К вопросу о «фольклоризме» Белинского в 30-е годы). — Научный бюллетень Ленингр. гос. университета, 1946, № 11-12, стр. 47—50.

19. Рец.: 1) Литературное наследство, т. 47-48, А. С. Грибоедов. 2) А. С. Грибоедов. Сб. статей под ред. И. Клабуновского и А. Слонимского.— Вестник Ленингр. университета, 1947, № 3, стр. 162—165.

20. Работы проф. В. В. Гиппиуса по Гоголю.— Научный бюллетень Ленингр. гос. университета, 1947, № 8, стр. 38—43.

21. Белинский в борьбе за натуральную школу.— Лит. наследство, т. 55, 1948, стр. 203—258.

22. Неизданная рукопись студенческого сочинения Белинского. Неизданное письмо Белинского к М. С. Куторге.—Там же, стр. 291—296 и 424—425 (публикация и комментарии).

23. Основные проблемы историко-литературного изучения Белинского. — Вестник Ленингр. университета, 1948, № 6, стр. 95—108.

24. Белинский и русская литература.— Звезда, 1948, № 6, стр. 153—161.

25. Белинский — теоретик и организатор реалистического направления.— Знамя, 1948, № 6, стр. 163—173.

26. «Дон-Кихот» в оценке Белинского. (С приложением неизвестной заметки Белинского о «Дон-Кихоте»).— Сб. «Сервантес. Статьи и материалы», Л., изд. ЛГУ, 1948, стр. 32—43.

27. Рец.: М. Поляков. Белинский в Москве. М. 1948.— Советская книга, 1948, № 5, стр. 98—105.

28. В. К. Кюхельбекер как литературный критик.— Ученые записки Ленингр. гос. университета, серия филол. наук, вып. 13, 1948, стр. 60—100.

29. Неизвестная рецензия Ап. Григорьева на «Петербургский сборник» Некрасова.— Ученые записки, т. 67, кафедра русской литературы Ленингр. гос. пед. института им. А. И. Герцена, 1948, стр. 114—119.

30. Национальное значение Пушкина. — Вестник Ленингр. университета, 1949, № 6, стр. 14—33.

31. «Евгений Онегин» — энциклопедия русской жизни.— Пресс-бюро ТАСС, 1949, № 59.

32. Белинский в борьбе за Гоголя.— Сб. «Белинский. Статьи и материалы», Л., изд. ЛГУ, 1949, стр. 89—125.

33. Очерки по истории русской журналистики и критики. Т. I, Л., изд. ЛГУ, 1950.

Гл. IX. Журналистика и критика 1826—1840 гг., стр. 239—255.

34. Гл. XIV. Н. И. Надеждин. «Телескоп» и «Молва».— Там же, стр. 342—369.

35. Гл. XV. «Московский наблюдатель» (1835—1837).— Там же, стр. 370—382.

36. Гл. XXII. В. Г. Белинский.— Там же, стр. 552—604.

37. Рец.: В. С. Нечаева. В. Г. Белинский. Начало жизненного пути и литературной деятельности. 1811—1830. М., изд. Академии Наук, 1949.— Вестник Академии Наук СССР, 1950, № 5, стр. 119—122.

38. Неизданное письмо Белинского к М. Н. Каткову и А. П. Ефремову 6 апр. 1842 г. Публикация и комментарии К. Н. Григорьяна и Н. И. Мордовченко.—Лит. наследство, т. 56, 1950, стр. 75—80.

39. Переписка Белинского с родными. Публикация А. В. Аскарянц, Л. Р. Ланского и Н. И. Мордовченко. Предисл. и прим. Н. И. Мордовченко.— Лит. наследство, т. 57, 1951, стр. 27—240.

III. РЕДАКТОРСКИЕ И КОММЕНТАТОРСКИЕ РАБОТЫ

40. Н. А. Добролюбов. Полное собрание сочинений под ред. П. И. Лебедева-Полянского. Вводные очерки и прим. к статьям «Что такое обломовщина», «Луч света в темном царстве» и др., тт. I—III, М., 1934—1936.

41. В. Г. Белинский. Сочинения Александра Пушкина. Ред., пред. и прим. Л., Гос. изд. «Художеств. литература», 1937.

42. К. Ф. Рылеев. Стихотворения. Вступ. статья, ред. и прим. Л., Малая серия «Библиотеки поэта», 1938.

То же: 2-е изд., 1947.

43. Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений. Изд. Акад. Наук СССР. Ред. текста и коммент. к «Портрету» (т. III, 1938), к письмам Гоголя (т. X, 1940), к драматическим произведениям (т. V).

44. В. Г. Белинский. М. Ю. Лермонтов. Статьи и рецензии. Ред., вступ. статья и прим. Л., Гос. изд. «Художеств. литература», 1940.

То же: 2-е изд., 1941.

45. А. А. Бестужев-Марлинский. Собрание стихотворений. Ред., вступ. статья и прим. Л., Большая серия «Библиотеки поэта», 1948.

46. Белинский. Статьи и материалы, Л., изд. ЛГУ, 1949.

47. Очерки по истории русской журналистики и критики. Т. I. XVIII в. и первая половина XIX в. Л., изд. ЛГУ, 1950 (совместно с проф. В. Е. Евгеньевым-Максимовым и доц. И. Г. Ямпольским).

41. В. Г. Белинский. Сочинения Александра Пушкина. Ред., пред. и прим. Л., Гос. изд. «Художеств. литература», 1937.

42. К. Ф. Рылеев. Стихотворения. Вступ. статья, ред. и прим. Л., Малая серия «Библиотеки поэта», 1938.

То же: 2-е изд., 1947.

43. Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений. Изд. Акад. Наук СССР. Ред. текста и коммент. к «Портрету» (т. III, 1938), к *письмам Гоголя* (т. X, 1940), к драматическим произведениям (т. V).

44. В. Г. Белинский. М. Ю. Лермонтов. Статьи и рецензии. Ред., вступ. статья и прим. Л., Гос. изд. «Художеств. литература», 1940.

То же: 2-е изд., 1941.

45. А. А. Бестужев-Марлинский. Собрание стихотворений. Ред., вступ. статья и прим. Л., Большая серия «Библиотеки поэта», 1948.

46. Белинский. Статьи и материалы, Л., изд. ЛГУ, 1949.

47. Очерки по истории русской журналистики и критики. Т. I. XVIII в. и первая половина XIX в. Л., изд. ЛГУ, 1950 (совместно с проф. В. Е. Евгеньевым-Максимовым и доц. И. Г. Ямпольским).

УКАЗАТЕЛЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ К ТРЕМ ТОМАМ «ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДСТВА», ПОСВЯЩЕННЫМ БЕЛИНСКОМУ *

Составила Наталья Эфрос

I. ПОРТРЕТЫ БЕЛИНСКОГО

а) Оригинальные портреты (масло, акварель, карандаш), скульптура и картины, изображающие Белинского

Белинский. Акварель К. А. Горбунова, 1838 г. ГПБ.— I, вкладка между с. VIII—1 (в цвете).

Белинский. Акварель воспитанника Межевого института Н. Мартынова, 1838 г. ИРЛИ (Музей Пушкина, г. Пушкин).—III, 29.

Белинский. Рис. К. А. Горбунова, 1843 г. ТГ.—I, 19.

Белинский и Некрасов. Рис. (шарж) Н. А. Степанова, 1848 г., предназначавшийся для «Иллюстрированного альманаха» Некрасова, но отвергнутый им и не попавший в книгу. ИРЛИ.— I, 457.

Белинский. Рис. Е. А. Языковой, 1848 г. ТГ.—II, 89.

Белинский на смертном одре. Раскрашенная фотография, 1856 г., с картины маслом К. А. Горбунова, писанной 27 мая 1848 г. Местонахождение картины и фотографии неизвестно; печатается по воспроизведению в «Каталоге Выставки памяти Белинского». М., 1898.—II, 189.

Посмертная маска Белинского. Гипс работы Гринмана, 1848 г. ГИМ.—I, 289.

Белинский. Рис. А. Редера, 1858 г., копия с оригинала Е. А. Языковой, 1848 г.; была сделана для Н. А. Некрасова, о чем свидетельствует надпись на рисунке П. А. Ефремова, ИРЛИ. Ранее в Институте мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР, Москва.— I, 53.

Белинский. Бюст работы Н. Н. Ге, 1871 г., бронза. ТГ.—I, 153.

Белинский. Портрет маслом К. А. Горбунова, 1871 г. Музей им. А. Н. Радищева, Саратов.—II, фронтиспис (в цвете).

Белинский. Эскиз маслом И. А. Астафьева, 1879 г. ГЛМ.—I, 89.

Белинский. Пастель П. М. Боклевского, 1870-е гг. ГЛМ.—I, 385.

Белинский. Рис. И. А. Астафьева, 1881 г. ТГ.—I, 5.

Белинский. Бюст работы М. Каплана, гипс, 1890-е гг. Местонахождение оригинала неизвестно; воспроизводится по фотографии. ГЛМ.—II, 505.

«В 1830-е годы». Акварель А. Ф. Максимова, 1902 г. Изображает Белинского в кругу московских друзей. ИРЛИ. Ранее в Институте мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР, Москва.—III, 127.

Белинский. Барельеф работы Н. А. Андреева, 1920 г. ТГ.—II, 53.

---

* Список условных сокращений

Государственная ордена Ленина библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва — ЛБ.
Государственная ордена Трудового Красного Знамени публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград — ГПБ.
Государственная Третьяковская галлерея, Москва — ТГ.
Государственный Исторический музей, Москва — ГИМ.
Государственный Литературный музей, Москва — ГЛМ.
Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва — МИИ.
Государственный музей И. С. Тургенева, Орел — МТ.
Государственный Русский музей, Ленинград — РМ.
Институт Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б), Москва — ИМЭЛ.
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград — ИРЛИ.
Московский государственный ордена Ленина университет им. М. В. Ломоносова — МГУ.
Музей истории и развития Ленинграда — МИРЛ.
Центральный Военно-морской музей, Ленинград — ВММ.
Центральный Государственный Исторический архив, Москва — ЦГИАМ.
Центральный Государственный Литературный архив, Москва — ЦГЛА.

Белинский читает университетским товарищам свою драму «Дмитрий Калинин». Акварель В. А. Милашевского, 1938 г. ИРЛИ. Ранее в Институте мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР, Москва.—I, 189.

Белинский. Бюст работы В. Н. Домогацкого, гипс, 1939 г. Музей изобразительных искусств, Ашхабад.—I, 261.

Белинский. Рис. Б. И. Лебедева, 1946 г. Собр. худ., Пенза.—II, 259.

Белинский — студент. Рис. Б. И. Лебедева, 1946 г. Собр. худ., Пенза.—II, 305.

Белинский и Гоголь. Рис. Б. И. Лебедева, 1946 г. Собр. худ., Пенза.—II, 515.

Белинский. Рис. Б. И. Лебедева, 1947 г. Собр. худ., Пенза.—I, 119.

Белинский и Мочалов.— Мочалов читает Белинскому монолог Гамлета. Изображены: Белинский, Мочалов, Щепкин и др. Рис. Б. И. Лебедева, 1947 г. Собр. худ., Пенза.—II, 276.

Белинский. Рис. Б. И. Лебедева, 1947 г. Собр. худ., Пенза.—III, 157.

Белинский. Рис. Н. Н. Жукова, 1948 г. ГЛМ.—II, 7.

Белинский. Бюст работы Л. Д. Бутович, гипс, 1948 г. Дом-музей Белинского, г. Белинский.—II, 441.

Белинский. Бюст работы Е. Ф. Кочуашвили, 1948 г. Установлен в Пензенском городском парке культуры и отдыха им. Белинского.—III, 237.

Белинский. Бюст работы П. Ф. Мовчуна (Киев), мрамор. Художественная выставка 1950 г. ТГ.—III, фронтиспис.

Белинский, Некрасов и Панаевы. Картина маслом А. С. Лепилина, 1950 г. Художественный институт им. В. И. Сурикова, Москва.—III, 245.

б) Литографии и гравюры с изображением Белинского

Белинский. Автолитогр. К. А. Горбунова, 1843 г. МИИ.—II, 77.

Белинский. Первое печатное воспроизведение портрета Белинского. Искаженное повторение горбуновского портрета 1843 г. в журнале «Иллюстрация», 1858 г., № 20 от 22 мая.—III, 359.

Белинский. Гравюра Ф. И. Иордана, 1859 г. ЛБ.—I, 205.

Белинский и Краевский. Карикатура, изображающая Краевского и тень Белинского. Литогр. А. М. Хлещенко (Хохол-карикатурист). «Очерки замечательных литературных деятелей по секрету для публики с натуры», СПб. 1860 г.—II, 137.

Белинский. Гравюра И. П. Пожалостина, 1878 г. МИИ.—I, 433.

Белинский. Автолитогр. И. А. Астафьева, 1881 г. ГИМ.—I, 295.

Белинский. Автолитогр. Н. Авакумова, 1941 г. ГЛМ.—I, 369.

II. АВТОГРАФЫ БЕЛИНСКОГО

1828 г.

Надпись Белинского на обложке его записной книжки. ГПБ.— III, 114.

Лист записной книжки Белинского с его выписками из латинских и русских поэтов. ГПБ.—III, 115.

1829 г.

Прошение Белинского от 12 сентября 1829 г. о приеме его в число студентов Московского университета. ЦГЛА.—II, 313.

«Поручительство» от 20 сентября 1829 г., представленное Белинским при поступлении в университет. Написано его рукой, поручителю принадлежит только подпись. ЦГЛА.—II, 329.

Письмо Белинского к родителям, не ранее 26 сентября 1829 г. ИРЛИ.—III, 39.

Листы рукописи студенческого сочинения Белинского «Рассуждение» ⟨о воспитании⟩ с датой «12 декабря 1829 г.» ИРЛИ.—I, 293.

1830 г.

Расписка Белинского в получении казенного студенческого обмундирования. Архив МГУ.—II, 377.

Письмо Белинского к матери от конца июня 1830 г. ИРЛИ.—III, 57.

1831 г.

Титульный лист и шмуцтитул цензурного экземпляра рукописи «драматической повести» Белинского «Дмитрий Калинин». ЛБ.—II, 369.

1832 г.

Письмо Белинского к брату К. Г. Белинскому от 10 февраля 1832 г. Написано рукой Д. П. Иванова. Белинскому принадлежит только подпись. ИРЛИ.—III, 99.

1833 г.

Обложка и первый лист списка конспекта лекций М. П. Погодина по русской истории, сделанного Белинским. ГИМ.—II, 343.

1839 г.

Шуточное стихотворное послание Белинского К. С. Аксакову, весна-лето 1839 г. Центр. ист. архив, Ленинград (в подписи под рисунком ошибочно ИРЛИ).—II, 85.

1839—1840 гг.

Первый лист списка народной песни о «Ваньке-ключнике», сделанного Белинским по тексту, записанному А. В. Кольцовым. Песня предназначалась для печати, но не была пропущена цензурой и перечеркнута цензором. ГПБ.—II, 283.

1840 г.

Письмо Белинского к брату К. Г. Белинскому от 9 апреля 1840 г. ИРЛИ.—III, 209.

Письмо Белинского к М. С. Куторге от 30 декабря 1840 г. ИРЛИ.—I, 423.

1841 г.

Листы рукописи четвертой статьи Белинского о древних российских стихотворениях с авторской правкой и правкой А. А. Краевского. ЛБ.—I, 137, 141; II, 57, 61.

Первый лист рукописи второй статьи Белинского «Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России...» ГПБ.—II, 71.

1842 г.

Письмо Белинского к М. Н. Каткову и А. П. Ефремову от 6 апреля 1842 г. ИРЛИ — II, 79.

Переплет и первый лист списка поэмы Лермонтова «Демон», собственноручно сделанного Белинским для своей невесты М. В. Орловой. ЛБ.—I, 195.

1843 г.

Надписи Белинского на полях книги Ксенофонта Полевого «Михаил Васильевич Ломоносов». М., 1836. МТ.—I, 489, 491.

1845 г.

Начало повести А. И. Герцена «Кто виноват?», собственноручно вписанное Белинским в принадлежавший ему экземпляр XLIII тома «Отеч. зап.» 1845 г. взамен отсутствовавших страниц. МТ.—I, 523, 524.

1846 г.

Листы рукописи статьи Белинского «Взгляд на русскую литературу 1846 г.» с отзывами о «Двойнике» и «Господине Прохарчине» Достоевского. На полях и в тексте вставки и исправления рукой Некрасова. ЛБ.—I, 231, 232.

Письмо Белинского к П. Н. Кудрявцеву от 26 марта 1846 г. Библиотека МГУ.—I, 417.

Титульный лист наборного экземпляра рукописи «Стихотворений» А. В. Кольцова, заполнен рукой Белинского. ЛБ.—II, 295.

1847 г.

Письма Белинского к жене от 16/28 июня и 25 июня/7 июля 1847 г., написанные на почтовой бумаге с видами Зальцбрунна. ЛБ.—I, 67, 69; II, 521, 522.

1840-е гг.

Листы рукописи статьи Белинского «Общий взгляд на народную поэзию и ее значение. Русская народная поэзия». ЛБ.—I, 127, 128.

Листок с записью Белинским адресов московских друзей и знакомых. ЛБ.—III, 385.

III. ДОКУМЕНТЫ, СВЯЗАННЫЕ С БЕЛИНСКИМ

Объявление Московского университета о приеме студентов в 1829/30 учебном году, напечатанное в газете «Московские Ведомости» № 56 от 13 июля 1829 г.—II, 307.

Свидетельство о рождении Белинского, выданное 10 августа 1829 г. Обл. архив, Пенза.—III, 47.

Обложка дела о приеме Белинского в университет, 1829 г. ЦГЛА.—II, 311.

Выписка из постановления Правления Московского университета от 12 сентября 1829 г. о допущении Белинского к вступительным испытаниям. ЦГЛА.— II, 317.

Донесение профессоров Московского университета, экзаменовавших Белинского, о сдаче им 19 сентября 1829 г. вступительных испытаний. ЦГЛА.—II, 319.

Постановление Правления Московского университета от 30 сентября 1829 г. о приеме Белинского в число студентов. Архив МГУ.— II, 325, 326.

Ведомость успеваемости студентов Московского университета по кафедре российской словесности в 1829/30 учебном году, с оценкой успехов Белинского. Архив МГУ.— II, 337.

Отпуск отношения ректора университета попечителю учебного округа от 26 октября 1831 г. с ходатайством о назначении Белинского «канцелярским служителем». Архив МГУ.—II, 349.

Обложка и листы списка казеннокоштных студентов словесного отделения Московского университета со сведениями об успеваемости Белинского и пометой об его исключении из университета, 1832 г. Архив МГУ.— II, 351, 353.

Постановление Правления Московского университета от 27 сентября 1832 г. об исключении Белинского из университета. Архив МГУ.— II, 403.

Обложка дела III Отделения «о песне возмутительного содержания...» и лист того же дела с упоминанием о Белинском в показаниях Тадеуша-Лада Заблоцкого, 1833 г., ЦГИАМ.—II, 381.

Лист из дела «Об определении в университетскую типографию корректором бывшего студента... Белинского». 1834 г. Архив МГУ.—III, 249.

Афиша представления трагедии Шиллера «Разбойники» на сцене московского Большого театра, 16 февраля 1835 г., с участием П. С. Мочалова. ЛБ.—III, 153.

Обложка дела III Отделения о запрещении журнала «Телескоп», 1836 г. ИРЛИ.— I, 529.

Письмо министра С. С. Уварова к Бенкендорфу от 27 октября 1836 г. о журнале «Телескоп». Уваров обращает внимание шефа жандармов на Белинского как на ближайшего сотрудника Надеждина по редакции журнала. На письме помета рукой Бенкендорфа о распоряжении царя произвести обыск у Белинского. ИРЛИ.— I, 533.

Отпуск отношения Бенкендорфа московскому военному генерал-губернатору Голицыну от 31 октября 1836 г. о производстве «по высочайшему повелению» обыска у Белинского. ИРЛИ.— I, 537.

Афиша представления «Горя от ума» на сцене московского Большого театра 3 ноября 1836 г. с участием М. С. Щепкина. ЛБ.—III, 183.

Отношение московского военного генерал-губернатора Голицына Бенкендорфу от 10 ноября 1836 г. с извещением об исполнении «высочайшего повеления» о производстве у Белинского обыска. ИРЛИ.—I, 541.

Объявление о выходе в свет и поступлении в продажу книги Белинского «Основания русской грамматики», помещенное в «Прибавлениях» к газете «Московские Ведомости» № 46 от 9 июня 1837 г.—III, 197.

Титульный лист и страницы книги для регистрации жильцов дома Н. Г. Ефремовой в Савеловском переулке в Москве, с отметками о въезде и выезде Белинского, жившего в этом доме с 1 октября 1837 г. по 21 марта 1838 г. ЦГЛА.—III, 297, 299.

Объявление о предстоящем отъезде Белинского за границу, помещенное в газете «Санктпетербургские Ведомости» № 78 от 10 апреля 1847 г.—I, 55.

Обложка и листы книги «Всеподданнейших докладов III Отделения» за 1848 г., включающей доклад шефа жандармов А. Ф. Орлова от 23 февраля 1848 г. о журналах «Современник» и «Отеч. записки». Воспроизведенные листы содержат характеристику «натуральной школы», предложение подвергнуть наистрожайшему предварительному просмотру все журнальные статьи, в особенности же статьи Белинского, и резолюцию царя об учреждении особого надзора за цензурой и печатью. ЦГИАМ.—I, 241, 245, 246, 251, 252.

Извещение о смерти Белинского, помещенное в газете «Санктпетербургские Ведомости» № 119 от 29 мая 1848 г.—II, 197.

Обложка дела III Отделения о петрашевцах и лист того же дела с выдержками из «весьма преступного содержания» письма Белинского к Гоголю, 1849 г. ЦГИАМ.— II, 531.

Титульный лист первого тома донесений Липранди по делу петрашевцев и лист того же дела с сообщением агента Антонелли о чтении Достоевским 15 апреля 1849 г. на собрании петрашевцев письма Белинского к Гоголю. ЦГИАМ.—II, 533.

Протокол следственного допроса К. К. Павловой от 26 января 1853 г. по поводу найденного у ее мужа Н. Ф. Павлова списка письма Белинского к Гоголю. ЦГИАМ.— II, 537.

«Книга для записки добровольных пожертвований на сооружение В. Г. Белинскому надгробного памятника», 1857—1858 гг. ИРЛИ.—III, 403.

Ноты не разрешенной к исполнению «Приветственной песни В. Г. Белинскому», сочиненной ко дню 50-летия со дня смерти критика. ИРЛИ.—III, 293.

Объявление о реферате Ленина «Идеология контр-революционного либерализма

(успех «Вех» и его общественное значение)», прочитанном 26 ноября 1909 г. в Париже. Раздел второй реферата озаглавлен: «Белинский и Чернышевский, уничтоженные „Вехами“». ИМЭЛ.—I, 11.

IV. «ОСНОВАНИЯ РУССКОЙ ГРАММАТИКИ» БЕЛИНСКОГО С ЕГО ДАРСТВЕННЫМИ НАДПИСЯМИ

М. В. Орловой (будущей жене критика), б. д. Музей МГУ.—III, 201.

В. А. Панаеву, с дарств. надписью от 26 ноября 1839 г. Собрание И. С. Зильберштейна. Москва.—I, 395.

А. В. Станкевичу, б. д. ГЛМ.—II, 105.

V. СПИСКИ «ПИСЬМА БЕЛИНСКОГО К ГОГОЛЮ»

Обложка и лист одного из наиболее ранних списков. Сохранился в бумагах декабриста Е. П. Оболенского. На обложке дата «19 декабря 1848 г.». ГИМ.—II, 527.

Листы списка, предположительно принадлежавшего Н. Х. Кетчеру. Текст этого списка наиболее близок к утраченному оригиналу, 1848—1849 гг. ЛБ.—II, 573, 574.

Листы списка, принадлежавшего петрашевцу Н. А. Момбелли, 1849 г. Центр. военно-истор. архив, Ленинград.— II, 553, 554.

Лист из списка, принадлежавшего Н. Ф. Павлову, с текстом, до последнего времени печатавшимся с искажениями, 1853 г. ЦГИАМ.—II, 549.

VI. ИЗДАНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ БЕЛИНСКОГО; ЖУРНАЛЫ И ГАЗЕТЫ, В КОТОРЫХ ОН СОТРУДНИЧАЛ; ИЗДАНИЯ, ИМ РЕДАКТИРОВАВШИЕСЯ; ПЕЧАТНЫЕ ОТЗЫВЫ О БЕЛИНСКОМ И ДРУГАЯ ЛИТЕРАТУРА, СВЯЗАННАЯ С БЕЛИНСКИМ

Титульный лист и страница журнала «Галатея» (ч. XV, № 22, 1830 г.), в котором был напечатан отрывок из поэмы Мильтона «Потерянный рай» в переводе П. Я. Петрова, посвященном Белинскому.—II, 331.

№ 40-41 журнала «Листок» от 27 мая 1831 г., в котором было опубликовано первое появившееся в печати произведение Белинского — стихотворение «Русская быль». ЛБ.—III, 71.

Польская грамматика И. А. Савинича, изданная им на русском языке, 1833 г. Библиотека МГУ.—II, 389.

№ 33 газеты «Молва» от 18 марта 1833 г. С этого номера, переводом «Лейпцигской битвы», началось сотрудничество Белинского в газете.—III, 133.

Титульный лист русского издания романа Поль де Кока «Магдалина» в переводе Белинского 1833 г. ГПБ.— III, 145.

№ 46 газеты «Молва» за 1834 г., в котором была напечатана не известная ранее заметка Белинского о «Грамматике» И. Ф. Калайдовича.—I, 299.

Последняя страница верстки статьи «Испытание кипящей водой», переведенной Белинским для журнала «Телескоп» № 21 1834 г. Библиотека МГУ.—III, 171.

Титульный лист издания «Стихотворений» А. В. Кольцова, 1835 г., вышедшего в свет при ближайшем участии Белинского.—II, 287.

Страницы верстки рецензий Белинского на драму «Уголино» Н. А. Полевого и его перевод «Гамлета» Шекспира («Московский наблюдатель», 1838 г., ч. XVII). ЛБ.—II, 111.

№ 77 «Литературной газеты» за 1841 г., в котором была напечатана ранее не известная рецензия Белинского на журнал «Библиотека для чтения».—I, 323.

Форзац и обложка книги М. Б. Чистякова «Очерк теории изящной словесности» с дарств. надписью автора П. Я. Петрову, изд. 1842 г. Историческая библиотека, Москва.— II, 391.

Титульный лист XXVII тома «Отеч. зап.» и страница журнала с примечанием Белинского к первой публикации «Измаила-Бея» Лермонтова, 1843 г.— I, 365.

Страница XXX тома «Отеч. зап.» с текстом второй статьи Белинского «Сочинения Александра Пушкина» и корректурной правкой критика, 1843 г. МТ.— I, 519.

Титульный лист и страница «Летописей славянской литературы, искусства и науки», издававшихся Я.-П. Иорданом на немецком языке в Лейпциге. В этом издании в 1843—1844 гг. был напечатан перевод первых двух статей Белинского о Пушкине.—II, 453.

Страница немецкой «Газеты для элегантного мира» № 32 от 7 августа 1844 г., в которой был напечатан перевод статьи Белинского о романе Эж. Сю «Парижские тайны».—II, 483.

Страница «Аугсбургской всеобщей газеты» № 239 от 26 августа 1844 г., в которой был напечатан в немецком переводе отрывок из статьи Белинского о романе Эж. Сю «Парижские тайны»—II, 475.

Титульный лист книги стихотворений Тадеуша-Лада Заблоцкого, изд. на польском языке в Петербурге, 1845 г.— ГПБ.—II, 387.

Титульный лист и страница первая «Истории русской литературы» Я.-П. Иордана (изд. в 1846 г.), представляющей собою перевод на немецкий язык первых четырех статей Белинского о Пушкине.—II, 459.

Титульный лист книги Белинского «Николай Алексеевич Полевой», 1846 г.—II, 167.

Фронтиспис и титульный лист «Стихотворений» А. В. Кольцова (изд. 1846 г.), вышедших в свет при ближайшем участии Белинского и с его вступительной статьей.—II, 297.

Объявление о выходе в свет первых выпусков «Ста рисунков» А. А. Агина к „Мертвым душам“», 1846 г. —III, 351.

Два рисунка А. А. Агина к «Мертвым душам» Гоголя с цензорскими пометками и вычерками, 1847 г. ГИМ.—I, 215, 219.

Титульный лист первого тома журнала «Современник» издания Н. А. Некрасова и И. И. Панаева, 1847 г.—II, 45.

Немецкая газета «Das Ausland» (№ 196 от 6 августа 1851 г.), в которой появилась первая печатная информация о письме Белинского к Гоголю и отрывок письма.—II, 541.

Первая книжка «Полярной звезды» на 1855 г., в которой было впервые полностью напечатано письмо Белинского к Гоголю.—II, 517.

Титульный лист издания «Речи» Г. В. Плеханова о Белинском, произнесенной по случаю 50-летия со дня смерти критика, Женева, 1899 г.—I, 97.

Титульный лист и страница экземпляра «Письма Белинского к Гоголю» из библиотеки Л. Н. Толстого с собственноручными пометами писателя, 1909 г. Музей-усадьба «Ясная Поляна».— III, 275.

Первая и вторая страницы профессионального журнала металлистов «Наш путь». № 18 от 17 июня 1911 г., посвященный столетию со дня рождения Белинского.—I, 13.

Первая страница статьи Белинского «Идея искусства» в переводе на японский язык Фтабатэя Симэй. Собр. соч. Фтабатэя Симэй, т. 5. Токио, 1938 г.—II, 509.

VII. ИЗДАНИЯ, КОТОРЫМ ПОСВЯЩЕНЫ ОПУБЛИКОВАННЫЕ в тт. 55 и 56 «ЛИТ. НАСЛЕДСТВА» НЕ ИЗВЕСТНЫЕ РАНЕЕ РЕЦЕНЗИИ БЕЛИНСКОГО

Обложка книги В. А. Васильева «Грамматические разыскания», 1845 г.—I, 389.

Титульный лист поэмы Гете «Герман и Доротея» в переводе Ф. Арефьева, 1842 г.—I, 363.

Листовка «Москве благотворительной» Ф. Н. Глинки, 1841 г. ЛБ.—I, 317.

Титульный лист и шмуцтитул отдельного оттиска статьи Д. П. Голохвастова — «Голос в защиту русского языка», 1845 г. ЛБ.—I, 393.

Титульный лист первой части «Учебной книги русской словесности» Н. И. Греча, 1844 г.—I, 373.

Фронтиспис и титульный лист 2-го изд. «Сочинений» Дениса Давыдова, 1840 г.—II, 39.

Фронтиспис и титульный лист романа Д. Дефо «Робинзон Крузо» в переводе П. А. Корсакова, 1842 г.—I, 353.

Титульный лист журнала «Живописное обозрение» на 1835 г.—I, 303.

Титульный лист части первой «Повестей» Марьи Жуковой, 1840 г.—II, 29.

Титульный лист повести М. Н. Загоскина «Тоска по родине», 1834 г.—II, 21.

Титульный лист «Грамматики русского языка» И. Ф. Калайдовича, 1834 г.—I, 301.

Фронтиспис и титульный лист русского перевода сочинения И. Г. Кампе «Робинзон Крузо» (переработка романа для детей), 1842 г.—I, 355.

Фронтиспис и титульный лист «Истории государства российского» Н. М. Карамзина, изд. И. Эйнерлинга, 1842 г.—I, 337.

Обложка и первая страница первого выпуска «Истории Петра Великого» Н. П. Ламбина, изд. Ф. И. Эльснера, 1841 г.—I, 329.

Титульный лист издания «Слова о полку Игореве» в переложении М. де Ла-Рю, 1840 г.—II, 25.

Титульный лист издания повести Ксавье де Местра «Молодая сибирячка» в переводе А. Попова, 1840 г.—II, 31.

Обложка IV книжки журнала «Пантеон русского и всех европейских театров», 1840 г.—I, 307.

Титульный лист книги Н. А. Полевого «Византийские легенды» 1841 г.—I, 313.

Титульный лист журнала «Репертуар русского и пантеон всех европейских театров», 1842 г.—I, 339.

Титульный лист книги А. Славина «Жизнь Вильяма Шекспира», 1840 г.—II, 35.

Титульный лист комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль». Издание А. Кузнецова 1839 г.— II, 15.

VIII. ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ ИЗДАНИЯ 1840-х гг., УПОМИНАЕМЫЕ В СТАТЬЯХ И РЕЦЕНЗИЯХ БЕЛИНСКОГО

Титульный лист очерков «Наши, списанные с натуры русскими», выходивших под ред. А. П. Башуцкого, и объявление о подписке на издание. Гравюры К. К. Клодта с рис. В. Ф. Тимма, 1841 г.—III, 333.

Титульный лист книги Д. Н. Бегичева «Провинцияльные сцены» с гравюрой К. К. Клодта, 1840 г.—III, 329.

Автолитогр. В. Ф. Тимма к очерку Ф. В. Булгарина «Ворожея» в изд. «Очерки русских нравов или лицевая сторона и изнанка рода человеческого». СПб., 1843 г.—III, 341.

Иллюстрация Е. И. Ковригина к рассказу Н. С. Кириллова «Тертый калач». Гравюра О. П. Неттельгорста, 1845 г.—III, 345.

Иллюстрация А. П. Сапожникова к повести В. Луганского (Даля) «Похождения Христиана Христиановича Виольдамура и его Аршета». Офорт, 1844 г.—III, 343.

Иллюстрация В. Ф. Тимма к комической поэме И. П. Мятлева «Сенсации г-жи Курдюковой за границей, дан л'этранже», 1840 г. Гравюра К. К. Клодта.—III, 331.

Обложка и страница шуточной поэмы И. П. Мятлева «Петергофский праздник». Книжка из серии «Картинки русских нравов», издававшейся В. Ф. Тиммом, с его рис., гравированными К. К. Клодтом, 1842—1843 гг.—III, 339.

Кремль Московский. Гравюра Гоберта из «Памятной книжки» на 1840 г. СПб., 1839 г.—II, 19.

Иллюстрации А. А. Агина к очерку И. И. Панаева «Петербургский фельетонист». Сб. «Физиология Петербурга», часть II, 1845 г. Гравюры Е. Е. Бернардского.—III, 352, 353.

Фронтиспис и титульный лист повести В. А. Соллогуба «Тарантас». Гравюра К. К. Клодта с рис. Г. Г. Гагарина, изд. 1845 г.—III, 346.

«Чаепитие» — иллюстрация Г. Г. Гагарина к повести В. А Соллогуба «Тарантас». Рис. 1839—1840 гг. РМ.—III, 347.

Инициал «К» к главе «Станция» в повести В. А. Соллогуба «Тарантас». Гравюра Е. Е. Бернардского с рис. Г. Г. Гагарина, изд. 1845 г.—III, 349.

Титульный лист и страница «Петербургского сборника» с иллюстрацией А. А. Агина к рассказу в стихах И. С. Тургенева «Помещик», 1846 г.—I, 223.

Автолитогр. И. С. Щедровского «Вот наши!», 1845 г.—III, 335, 337.

IX. КНИГИ ИЗ БИБЛИОТЕКИ БЕЛИНСКОГО

⟨Бюффон⟩ Титульный лист второго тома сочинения Бюффона «Естественная история птиц». Франц. изд. 1771—1777 гг. МТ.—I, 549.

⟨Герц К. К.⟩ Шмуцтитул и обложка «Исторического сборника» К. К. Герца, изд. 1847 г., с дарств. надписью составителя Белинскому. МТ.—I, 449.

⟨Гиббон⟩ Титульный лист книги Гиббона «История упадка и разрушения Римской империи», с автогр. подписью Белинского, изд. на рус. яз., 1824 г., МТ.—I, 453.

⟨Гоголь Н. В.⟩ Титульный лист франц. изд. повестей Гоголя в переводе Луи-Виардо, 1845 г. МТ.—I, 269.

⟨Голиков И. И.⟩ Титульный лист книги И. И. Голикова «Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России», ч. I, 1788 г. МТ.—I, 333.

⟨Гомер⟩ Страницы корректурного экземпляра «Илиады» Гомера в переводе Н. И. Гнедича, с правкой и пометами Гнедича и надписью Белинского. Изд. 1829 г. ГПБ.—I, 157, 161.

⟨Гораций⟩ Титульный лист и шмуцтитул сочинений Горация на латинском языке, изд. 1828 г., с автогр. подписью Белинского. Библиотека МГУ.—I, 165.

⟨Кантемир А. Д.⟩ Титульный лист «Сатир» А. Д. Кантемира, изд. 1762 г. МТ.—I, 465.

⟨Кронеберг И. Я.⟩ Титульный лист «Брошюрки» № 1 Ивана Кронеберга, 1836 г. МТ.—I, 469.

⟨Купер Дж. Ф.⟩ Титульный лист русского перевода романа Ф. Купера «Путеводитель в пустыне» с автогр. подписью Белинского, изд. 1841 г. Библиотека им М. Ю. Лермонтова, Пенза.—I, 473.

⟨Майков Ап. Н.⟩ Шмуцтитул и страница «Стихотворений» Ап. Майкова, с автогр. подписью и пометами Белинского, изд. 1842 г. МТ.—I, 477.

⟨Мерзляков А. Ф.⟩ Титульный лист книги А. Ф. Мерзлякова «Краткое начертание теории изящной словесности», изд. 1822 г. МТ.—II, 323.

⟨«Немецко-французские ежегодники»⟩ Титульный лист «Немецко-французских ежегодников», изд. К. Маркса и А. Руге (на нем. яз.), и страница книги с пометами Белинского. 1844 г., МТ.—I, 77.

⟨Озеров В. А.⟩ Титульный лист «Сочинений» В. А. Озерова, изд. 1828 г., с автогр. подписью Белинского. МТ.—I, 481.

X. ПОРТРЕТЫ СОВРЕМЕННИКОВ БЕЛИНСКОГО

Куторга, М. С. Фото 1860-х гг. ГЛМ.—I, 424.

Лажечников, И. И. Портрет маслом А. В. Тыранова, 1837 г. ТГ.—II, 143.

Лопатина, Е. П. (рожд. Иванова). Фото 1860-х гг. Собр. М. С. Куликовской, Москва.—III, 149.

Майков, В. Н. Литогр. 1840-х гг. ИРЛИ.—I, 227.

Мерзляков, А. Ф. Гравюра К. Я. Афанасьева, 1820-е гг. ГИМ.—II, 321.

Морошкин, Ф. Л. Портрет маслом неизв. художника, 1840-е гг. Музей МГУ.—III, 179.

Мочалов, П. С. Миниатюра неизв. художника, 1830-е гг. Мочалов изображен в роли Чацкого. Гос. Музей ТАССР, Казань.—II, 275. См. также Белинский и Мочалов.

Надеждин, Н. И. Литогр. П. Бореля 1859 г. с гравюры 1841 г. ГИМ.—II, 345.

Неверов, Я. М. Фото 1863 г. ГИМ.—II, 291.

Орлова, А. В. С фото, воспроизвед. в «Прибавлениях» к № 276 газеты «Московский Листок» от 9 октября 1901 г.—III, 315.

Погодин, М. П. Рис. Э. А. Дмитриева-Мамонова, 1848 г. ТГ.—II, 341.

Сатин, Н. М. Фото 1850-х гг. ГИМ.—II, 151.

Селивановский, Н. С. Литогр. А. Скино 1850-х гг. с хранящегося ныне в ГИМ портрета маслом В. А. Тропинина, 1843 г. ИРЛИ.—II, 365.

Снегирев, И. М. Рис. Н. А. Шохина, 1840-е гг. ГИМ.—II, 399.

Станкевич, Н. В. Рис. неизв. художника, 1837 г. ГИМ.—I, 419.

Тургенев, И. С. 1) Рис. К. А. Горбунова, 1846 г. ТГ.—I, 435; 2) Рис. А. А. Бакунина, 1841 г. ИРЛИ. Музей А. С. Пушкина, г. Пушкин.—II, 525.

Тютчев, Н. Н. Фото 1860-х гг. Собрание Ю. Г. Оксмана, Саратов.—III, 305.

Фролов, Н. Г. Фото 1850-х гг. ГИМ.—II, 159.

Шевырев, С. П. «На лекции Шевырева». Рис. студента Н. И. Тихомирова, 1844 г. ГЛМ.—II, 131.

Щепкин, М. С. Акварель А. С. Добровольского, 1839 г. ГИМ (ранее в Театральном музее им. Бахрушина).—II, 133 См. также Белинский и Мочалов.

Языков, М. А. Акварель К. А. Горбунова, 1848 г. ТГ.—II, 155.

Групповые портреты

О. С. Аксакова с сыном К. С. Аксаковым. Рис. Э. А. Дмитриева-Мамонова, 1840-е гг. ИРЛИ.—II, 117.

Белинский, Некрасов и Панаевы. См. портреты Белинского.

Белинский и Мочалов. См. портреты Белинского.

Станкевичи, А. В. и Е. К. Дагерротип 1840-х гг. Собр. М. Ю. Барановской, Москва.—II, 281.

«Чернышевский и Добролюбов в редакции журнала „Современник"». Картина маслом А. С. Гугеля (Минск). Художественная выставка 1950 г. ТГ.—III, 13.

Щепкины Е. Д. и Н. М. Раскрашенное фото, 1850-е гг. ГИМ.—II, 177.

XI. АВТОГРАФЫ СОВРЕМЕННИКОВ БЕЛИНСКОГО И АВТОРОВ ТРУДОВ О КРИТИКЕ

Белинская, М. В. Письмо к В. П. Гаевскому от 22 сент. 1883 г. ГПБ.—III, 323.

Белинская, М. И. Письмо к Белинскому от 6 сент. 1831 г., написанное совместно с А. Г. и К. Г. Белинскими. ЛБ.—III, 83, 84.

Белинский Г. Н. Письмо к Белинскому от 20 сентября 1829 г. ЛБ.—III, 35.

Белинский, К. Г. Заголовок принадлежавшей Белинскому записной книжки, с выписанными из журнала стихотворениями, и надпись в той же книжке от 2 февраля 1831 г., свидетельствующая, что книга была получена в подарок от Белинского. ИРЛИ. — III, 119.

Белинский, Н. Г. Письмо к Белинскому от 2 апреля 1844 г. ЛБ.—III, 233.

Герцен, А. И. Письмо к Белинскому от мая 1842 г. Написано между строк письма Т. Н. Грановского. ГИМ.—II, 83.

Герцен, А. И. Письмо к Н. М. Щепкину от 10—12 марта 1846 г. с упоминанием о Белинском. ГИМ.—II, 175.

Гоголь, Н. В. Письмо к Белинскому, написанное около 8/20 июня 1847 г. ЦГЛА.—II, 587, 588.

Гоголь, Н. В. Черновик неотосланного ответа на письмо Белинского, конец июля — начало августа 1847 г. ЛБ.—II, 595.

Гоголь, Н. В. Письмо к Белинскому от 10 августа 1847 г. ЦГИАМ.—II, 557, 558.

Грановский, Т. Н. Письмо к Белинскому от мая 1841 г. ГИМ.—I, 425.

Добролюбов, Н. А. Стихотворение «На тост в память Белинского», 6 июня 1858 г. ИРЛИ.—I, 7.

Добролюбов, Н. А. Письмо к Н. И. Гречу, от 21 февраля 1855 г., подписанное «Анастасий Белинский». Написано неизвестной рукой. ЦГИАМ.—III, 9.

Добролюбов, Н. А. Листы рукописной газеты Добролюбова «Слухи» (№ 8 от 12 октября 1855 г.) со статьей «Николай I», в которой Добролюбов цитирует письмо «Анастасия Белинского» к Гречу. Автограф неизвестной руки. ИРЛИ.—III, 19.

Иванов, Д. П. Письмо к Белинскому от 14 августа 1831 г., с приписками Е. П. и А. Е. Ивановых. ЛБ.—III, 75.

Кавелин, К. Д. Дарственная надпись Белинскому на книге «Основные начала русского судоустройства». МТ.—I, 461.

Кольцов, А. В. Стихотворение «Жалоба» <«Расчет с жизнью»>, посвященное Белинскому, 1840 г. ИРЛИ.—I, 145.

Костенецкий, Я. И. Письмо к московским друзьям, посланное с дороги в ссылку на Кавказ 10 мая 1833 г. Письмо свидетельствует о близости членов тайного студенческого общества Сунгурова к кругу Белинского. ЦГИАМ.—II, 361.

Краевский, А. А. Вставки и правка корректуры поэмы Лермонтова «Демон», сделанные по тексту, отредактированному Белинским. ИРЛИ.—III, 265.

Михайлов, М. Л. Письмо к В. Р. Зотову от 11 июля 1848 г. с сообщением о смерти Белинского. ИРЛИ.—II, 199.

Надеждин, Н. И. Листы рукописи краткого изложения лекций по эстетике и истории искусств, читанных Надеждиным в Московском университете в 1831/32 учебном году. Эти лекции слушал Белинский. Архив МГУ.—II, 347.

Некрасов, Н. А. и Панаева, А. Я. Стихотворение «Белинский», написанное рукою А. Я. Панаевой и помеченное Некрасовым: «Не для печати», 1855 г. ЛБ.—II, 93.

Плеханов, Г. В. Набросок речи о Белинском, 1898 г. Музей Г. В. Плеханова, Ленинград.—I, 93.

Плеханов, Г. В. Письмо к Л. И. Аксельрод (Ортодокс) от 21 апреля 1903 г. о философских взглядах Белинского. Музей Г. В. Плеханова, Ленинград.—I, 101.

Плеханов, Г. В. Пометы на книге А. Н. Пыпина «Белинский, его жизнь и переписка», изд. 1876 г., т. II. Музей Г. В. Плеханова, Ленинград.—I, 105.

Плеханов, Г. В. Пометы на книге сочинений Белинского, т. XI, изд. 3, 1884 г. Музей Г. В. Плеханова, Ленинград.—I, 109.

Станкевич, Н. В. Записка к Белинскому от средины апреля 1837 г. ГИМ.—I, 418.

Толстой, Л. Н. Страницы дневника от 2, 3, 4 января 1857 г. с записями о Белинском. Музей Л. Н. Толстого, Москва.—III, 279.

Тургенев, И. С. Письмо к П. В. Анненкову от 15 октября 1857 г. с упоминанием о библиотеке Белинского. ЦГЛА.—I, 439.

Щепкин, М. С. Письмо к Н. М. Щепкину от 15 июня 1848 г. с сообщением о смерти Белинского. ГИМ.—II, 195.

Щепкин, М. С. Подпись на книге П. В. Анненкова «Николай Владимирович Станкевич», 1857 г. Библиотека Саратовского университета им. Н. Г. Чернышевского.—II, 141.

XII. МЕСТА, СВЯЗАННЫЕ С БЕЛИНСКИМ

Москва

Дом № 12 в Б. Афанасьевском переулке (бывший дом Слепцова), в котором в 1832—1833 гг. жили Аксаковы и где у них бывали Белинский, Гоголь и многие другие писатели. Фото А. А. Сергеева, 1949 г.—II, 97.

Александровский сад. Литогр. неизв. художника, 1830-е гг. ГИМ.—II, 339.

Большой театр. Литогр. Арну-отца с рис. Вивьена, 1840-е гг. ЛБ.—I, 39.

Дом в Петроверигском переулке, принадлежавший Боткиным, где Белинский постоянно бывал у В. П. Боткина и где он жил в сентябре—октябре 1839 г. Фасад. Фото 1945 г. Собр. М. Ю. Барановской. Вид со двора. Акварель Б. С. Земенкова, 1948 г. Собр. худ., Москва.—II, 81.

Дом Варгина на углу Тверской площади и Тверской улицы, в котором жил в 1834 г. Белинский. Литогр. Арну-отца, 1840-е гг. ГИМ.—I, 319.

Дом Варгина на Тверской улице, где жил в 1834 г. Белинский. Реконструкция Б. С. Земенкова, акварель. Собр. худ., Москва.—III, 161.

Дом № 11 по Дружинниковской улице (ранее Малая Пресня, близ Пресненских прудов), принадлежавший И. Е. Великопольскому, где в 1830 г. бывал Белинский. Фото А. А. Сергеева, 1950 г.—II, 123.

Дом Суханек в Полуэктовом переулке, в котором жил в 1830-х гг. А. Д. Галахов и где у него часто бывал Белинский. Реконструкция Б. С. Земенкова. Акварель, 1948 г. Собр. худ., Москва.—II, 153.

Бывшая подмосковная усадьба А. И. Герцена «Покровское-Засекино», где у него бывал Белинский. Акварель Б. С. Земенкова; 1948 г. Собр. худ., Москва.—III, 389.

Ивановская площадь в Кремле. Литогр. Бишбуа с рис. О. Монферрана, 1836 г. ЛБ.—I, 327.

Дом № 4 в Рахмановском переулке, принадлежавший кн. Касаткину-Ростовскому, где в 1832—1834, 1835 и 1837 гг. жил Белинский. Фото А. А. Сергеева, вид с Рахмановского переулка и со двора, 1949 г. III, 136, 137.

Дом Н. Х. Кетчера у Покровского моста. Рис. неизв. художника, 1840-е гг. ГИМ.—II, 147.

Дом купца Колесникова на углу Тверской улицы и Долгоруковского переулка (теперь ул. Белинского); в одном из надворных флигелей этого дома жил в 1829 г. Белинский. Чертеж фасада 1835 г. Научно-технический архив Московского Совета.—III, 377.

Гостиница Коппа на углу Тверской улицы и Тверской площади, одна из наиболее популярных московских гостиниц 1820—1830-х годов. Осенью 1839 г. здесь жил И. И. Панаев и происходили последние сборы Белинского перед отъездом в Петербург. Реконструкция Б. С. Земенкова. Акварель, 1948 г. Собр. худ., Москва,—III, 381.

Красная площадь с видом на собор Василия Блаженного. Литогр. Энгельмана с рис. А. Кадоля, 1825 г. ГИМ.—I, 27.

Красная площадь, вид от собора Василия Блаженного. Акварель А. Кадоля, 1825 г. ГИМ.—I, 35.

Кремль. Общий вид. Литогр. Леметра с рис. А. Кадоля, 1825 г. ЛБ.—I, 23.

Кремль со стороны Большого Каменного моста. Картина маслом неизв. художника, 1830-е гг. ГИМ.—I, 43.

Вид на Кремль. Литогр. К. Брауна, 1825 г. ГИМ.—II, 355.

Площадь в Кремле с видом на Замоскворечье. Рис. М. Н. Воробьева, конец 1810-х гг. Местонахождение оригинала неизвестно. Фототека ТГ.—III, 53.

Кремль. Литогр. с рис. А. Дюрана 1830-е гг. ГИМ.—III, 283.

Кузнецкий мост. Литогр. Энгельмана с рис. А. Кадоля 1820-х гг. ГИМ.—I, 47.

Дом Есауловой на Чистых Прудах, где помещалась редакция журнала «Листок», на страницах которого Белинский впервые выступил в печати. Реконструкция Б. С. Земенкова. Акварель, 1949 г. Собр. худ., Москва.—III, 253.

Здание манежа (экзерциргауза). Литогр. 1830-х гг. ЛБ.—I, 399.

Здание Константиновского Межевого института, где в 1838 г. преподавал и жил Белинский. Реконструкция Б. С. Земенкова. Акварель, 1949 г. Собр. худ., Москва.—II, 113.

Дом (№ 7) в Крестовоздвиженском переулке, где в 1830-х гг. жил П. С. Мочалов и где у него бывал Белинский. Фото А. А. Сергеева, 1950 г.—II, 277.

«Москва после пожара». Картина маслом М. Н. Воробьева, 1818 г. Центр. хранилище музейных фондов ленинградских пригородных дворцов-музеев, г. Пушкин.—II, 11.

Вид на набережную, Москворецкий мост и Воспитательный дом. Литогр. Дюпрессуара с рис. А. Кадоля, 1825 г. ЛБ.—I, 31.

Дом в Воротниковском переулке, где жил П. В. Нащокин и где у него часто бывал Белинский, а в 1836 г. останавливался Пушкин. Фото А. А. Сергеева, 1949 г.—II, 267.

Никольская улица, на которой в 1820—1840-х гг. помещались известные книжные лавки Глазунова, Базунова и др. Литогр. Дица, 1840-е гг. ЛБ.—I, 445.

Окраины Москвы. Акварель Софи Эверин, 1848 г. Музей истории и реконструкции Москвы.—III, 123.

Дом в Левшинском переулке (теперь улица Щукина, № 6), где в конце 1834 г. у А. М. Полторацкого жил Белинский. Фото А. А. Сергеева, 1949 г.—II, 65.

«Уличная сцена во время дождя». Акварель П. А. Федотова. 1837 г. ТГ.—III, 205.

Университет, старое здание. Фото 1884 г. Музей МГУ.—II, 309.

Левое крыло старого здания университета. Здесь на 4-м этаже находился «11 нумер» общежития казеннокоштных студентов, в котором жил Белинский. Фото А. А. Сергеева, 1950 г.—II, 357.

Университетская больница на Большой Никитской (теперь улица Герцена). В годы студенчества Белинский несколько раз лежал в этой больнице. Фото 1890-х гг. Музей МГУ, —II, 395.

Бывший «Ректорский домик» во дворе старого здания Московского университета. Здесь в 1836 г. жил (у Н. И. Надеждина) Белинский. Фото А. А. Сергеева, 1950 г.—III, 193.

Дом М. С. Щепкина в Каретном ряду в Москве, где у него в 1830-х гг. бывали Белинский, Пушкин, Гоголь и многие другие писатели. Акварель Б. С. Земенкова, 1948 г. Собр. худ., Москва.—III, 175.

Пенза и бывшая Пензенская губерния

Село Белынь, где жил дед и родился отец Белинского. От названия села происходит фамилия Белинских. Рис. Б. И. Лебедева, 1947 г. Собр. худ., Пенза.—I, 123.

Дом в бывшем имении помещиков Владыкиных, где в детские и юношеские годы бывал Белинский. Фото Н. Н. Павлова, 1946 г. Пенза.—III, 141.

Здание бывшей пензенской гимназии, в которой учился Белинский. Рис. Б. И. Лебедева, 1947 г. Собр. худ., Пенза.—I, 133.

В старой Пензе. Рис. Б. И. Лебедева, 1947 г. Собр. худ., Пенза.—I, 403.

Пенза. Литогр. Шультца с рис. И. Веркмейстера, 1850-е гг. РМ.—III, 93.

Дом, принадлежавший Я. А. Петрову на Верхней Пешей улице (теперь Куйбышевская, № 16) в Пензе, где в гимназические годы жил Белинский. Фото П. П. Вершигоры, 1948 г. ГЛМ.—III, 89.

Здание бывшей пензенской гимназии, в которой учился Белинский. Фото Н. Н. Павлова, 1945 г. Пенза.— III, 111.

Пенза. Акварель неизв. художника, 1840-е гг. ГИМ.—III, 229.

Дом родителей Белинского в Чембаре — ныне дом-музей. Фото Н. Н. Павлова, 1946 г. Пенза.—III, 43.

Чембар (теперь город Белинский). Фото Н. Н. Павлова, 1946 г. Пенза.—III, 61.

Здание бывшего чембарского уездного училища. Рис. Б. И. Лебедева, 1947 г. Собр. художника, Пенза — I, 123.

Музей В. Г. Белинского в здании бывшего чембарского уездного училища. Фото Н. Н. Павлова, 1946 г. Пенза.—III, 67.

Петербург

Александринский театр. Литогр. с рис. В. С. Садовникова, 1830-е гг. ИРЛИ.— I, 169.

Дом на Васильевском острове, принадлежавший В. П. Алексееву, где в августе — ноябре 1840 г. жил Белинский. Фото С. А. Рейсера, 1949 г.—III, 397.

Большой театр. Литогр. Нури с рис. Дица, 1840-е гг. ГИМ.—I, 273.

Флигель дома И. Ф. Галченкова на Лиговском канале. Последняя квартира Белинского. Здесь он жил (с октября 1847 г.) и здесь же умер. С фото, воспроизведенного в «Солнце России» № 28, 1910 г.—II, 185.

Дворцовая набережная. Литогр. И. Перро, 1840-е гг. ИРЛИ.—III, 221.

Дом Лопатина на углу Невского проспекта, у Аничкова моста, где в 1842—1846 гг. жил Белинский. Литогр. Шмидта с рисунка Конради, конец 1840-х — начало 1850-х гг. ЛБ.—I, 265.

Дом на углу Невского проспекта и Фонтанки, принадлежавший А. Ф. Лопатину, где в 1842—1846 гг. жил Белинский. Фото С. А. Рейсера, 1949 г.—III, 399.

Могила Белинского. Первое появившееся в печати изображение могилы критика. «Иллюстрация», 1858 г. № 20 от 22 мая.— III, 359.

Могила Белинского. Автолитогр. В. Ф. Тимма, «Русский художественный листок» 1862 г. № 29.—I, 343.

Могилы Белинского и Добролюбова на Волковом кладбище. Рис. И. Первухина, 1870-е гг. ГЛМ.—III, 311.

Нева у здания Биржи. Литогр. И. Перро, 1840-е гг. ИРЛИ.—I, 173.

Нева у Академии художеств. Литогр. И. Перро, 1840-е гг. ИРЛИ.—I, 199.

Угол Невского и набережной Фонтанки. Рис. неизв. художника, 1840-е гг. ГИМ.—I, 183.

Книжные и художественные магазины на углу Невского и Адмиралтейской площади. Литогр. Жакотте и Регамэ с рис. И. Шарлеманя, конец 1840-х— начало 1850-х гг. ГИМ.—I, 545.

Здание голландской церкви на Невском проспекте, где в 1839 г. помещалась редакция «Отеч. записок». Литогр. Шютца, 1830-е гг. МИРЛ.—I, 347.

На Петербургской стороне. Литогр. И. Перро, 1840-е гг. ИРЛИ.—II, 47.

«Петербургская улица в дождь». Акварель К. И. Кольмана, 1840 г. РМ.—II, 47.

Петербургские уличные зарисовки. Акварель и перо В. С. Садовникова, 1840-е гг. МИРЛ.—I, вкладка между с. 208—209.

Петербургские уличные зарисовки. Литогр. с рис. В. Ф. Тимма, изд. Дациаро, 1844 г. ГИМ.— I, 377.

Дом на Фонтанке, принадлежавший М. И. Федорову, где в октябре 1846 — мае 1847 гг. жил Белинский. Фото С. А. Рейсера, 1949 г. — III, 405.

Петропавловская крепость. Литогр. И. Перро, 1840-е гг. ИРЛИ.—III, 217.

Сенная площадь. Литогр. И. Перро, 1840-е гг. ИРЛИ.—I, 349.

Сенной рынок. Акварель В. И. Штернберга, 1837 г. Собр. И. С. Зильберштейна, Москва.—I, 411.

Уличные зарисовки: «Благородный нищий» и водонос. Рис. В. Ф. Тимма, 1840-е гг. Собр. Н. В. Власова, Москва. —III, 225.

Дом Шиля на Малой Морской улице, где на собрании петрашевцев 15 апреля 1849 г. Достоевский читал письмо Белинского к Гоголю. Акварель Ф. Ф. Баганца, 1851—1852 гг. МИРЛ.—II, 529.

Разные места

Бреславль. Рабочие волнения в Бреславле 22 марта 1847 г. Гравюра в лейпцигском еженедельнике «Illustrirte Zeitung», № 197 от 10 апреля 1847 г.—I, 63.

Брюссельский собор. Фото, ИРЛИ.—I, 65.

Дрезденская картинная галлерея. Литогр. 1840-х гг. ИРЛИ.—I, 73.

Зальцбрунн — см. «Автографы Белинского», 1847 г.

Кельн. Гравюра Ф. Фольтца, конец 1840-х — начало 1850-х гг. ИРЛИ.—I, 79.

XIII. РОССИЯ ЭПОХИ БЕЛИНСКОГО

XIV. КАРИКАТУРЫ

* * *

При помещенных в томах некрологах П. И. Лебедева-Полянского и Н. И. Мордовченко воспроизведены:

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ*

Составил Ю. Масанов

* В указатель не вошли имена, упомянутые в «Библиографическом указателе сочинений Белинского и литературы о нем» и в списке иллюстраций к трем томам «Лит. наследства», посвященным Белинскому.

СОДЕРЖАНИЕ

ТРИБУНА

ПАМЯТИ Н. И. МОРДОВЧЕНКО

В ТОМЕ 124 ИЛЛЮСТРАЦИИ И ОДНА ВКЛЕЙКА

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР

*

Редактор издательства *А. Т. Лифшиц*
Технический редактор *Г. Н. Шевченко*
Корректор *В. Г. Богословский*

*

РИСО АН СССР № 4690. Т-00010. Издат. № 172.
Тип. заказ 778. Подп. к печ. 18/I 1951 г.
Формат бум. 70×108. Бум. л. 19,125. Печ. л. 52,4.
Уч.-изд. л. 57,25. Тираж 8000. Цена в пер. 50 руб.

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР
Москва, Шубинский пер., д. 10